ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

1.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ этому выпуску Русскаго Архива прилагается фотографическій портретъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи въ годъ ея восшествія на престолъ, работы академика Е. П. Чемесова.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

1866.

РУСКІЙ АРХИВЪ

1864 ГОДА.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ВЫПУСКАМИ

ПРИ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

БИБЛІОТЕКАРЕМЪ

Петромъ Бартеневымъ

И

ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

ИЗУЧЕНІЮ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА

ВЪ XVIII И XIX СТОЛѢТІЯХЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

҂аѡѯѕ

О ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ ВЪ 1865 ГОДУ.

Библіотека, собранная покойнымъ предсѣдателемъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей и предводителемъ Московскаго дворянства *Александромъ Дмитріевичемъ Чертковымъ* и приспособленная къ общественному пользованію нынѣшнимъ ея владѣльцемъ, сыномъ собирателя, *Григоріемъ Александровичемъ*, была и въ прошломъ году открыта для общаго безплатнаго чтенія ежедневно отъ 10 до 3 часовъ утра, кромѣ двухъ съ половиною мѣсяцевъ въ теченіи лѣта и дней праздничныхъ. Число читателей въ 1865 году, въ общемъ счетѣ, не превышало 12 человѣкъ въ день. Эта скромная цифра отчасти объясняется тѣмъ, что Чертковская библіотета содержитъ въ себѣ исключительно книги, касающіяся одной Россіи, тогда какъ главный спросъ въ настоящее время на сочиненія юридическія и по наукамъ естественнымъ. Кромѣ того наше книгохранилище, хотя и всѣмъ доступное, остается учрежденіемъ частнымъ и менѣе извѣстнымъ даже и по недавнему времени своего открытія.

Между тѣмъ мы все таки можемъ порадоваться, что не умаляется ни число посѣтителей, ни количество новыхъ пріобрѣтеній. Въ 1865 году въ библіотеку прибыло 1948 сочиненій въ 2005-ти частяхъ, такъ что къ 1-му январю 1866 года считается всѣхъ книгъ и рукописей 11452 сочиненія въ 19, 274 частяхъ. Подробные каталоги имѣются въ наличности, и въ настоящее время 3792 сочиненія уже вошли въ печатный каталогъ, коего третье отдѣленіе будетъ выпущено въ свѣтъ по отпечатаніи. Для скорѣйшаго полученія книгъ изъ нижнихъ комнатъ, устроенъ свѣсъ, посредствомъ котораго можно справиться разомъ въ значительномъ количествѣ сочиненій, что особенно удобно по отношенію къ старымъ журналамъ.

Въ 1865 году, какъ и въ два первые года открытаго существованія Чертковской библіотеки, въ нее поступали приношенія отъ ревнителей отечественнаго знанія, коимъ и заявляется здѣсь признательность. Такъ *Ю. В. Толстой* препроводилъ къ намъ слишкомъ 200 сочиненій разнаго содержанія, баронъ *О. Д. Шеппингъ* принесъ въ даръ грудной портретъ извѣстнаго генерала *гр. П. II. Палена*, работы знаменитаго Доу; *П. И. Савостьяновъ* умножилъ наше собраніе эстамповъ слѣдующими листами:

1. Екатерина II, путешествующая въ своемъ государствѣ въ 1787 году. Гравир. Аврилемъ въ Парижѣ въ 1790 году.
2. Освобожденіе Европы. Грав. Бергеромъ въ Берлинѣ въ 1815 г.
3. Портрет. Павла I. Грав. Валькеромъ въ 1797 г.

4. Портреты Вел. Князей Алекс. и Конст. Павл., гр. Валькеромъ 1797.

5 Современный портретъ адмирала Головина съ изображеніемъ морскихъ аттрибутовъ, гр. Алексѣя Зубова.

Кромѣ того поступили:

Отъ *гр. Б. А. Перовскаго* 6 подлинныхъ писемъ царевенъ Екатерины и Прасковьи Ивановнъ.

Отъ *импер. Археологическаго Общества* его изданія, у насъ недостававшія.

Отъ *М. П. Полуденскаго* нѣсколько рѣдкихъ брошюръ.

Отъ *Александра Константиновича Булгакова* письма кн. Н. В. Репнина къ И. А. Алексѣеву, и гр. И. Г. Чернышева къ *А. Я. Булгакову.*

Отъ *А. И. Штукенберга* 7 томовъ сочиненій его отца на нѣмецкомъ языкѣ и старинный атласъ.

Отъ *П. К. Щебальскаго* автографы замѣчательныхъ людей и нѣсколько рѣдкихъ книгъ.

Отъ Редакціи Ж. Мин. Просвѣщенія годы 1856, 1857, 1861 этого изданія.

Отъ *В. Межова* его изданія.

Большое собраніе гравированныхъ и литографированныхъ портретовъ Русскихъ людей, принадлежащее Г. Н. Геннадію, поступило въ Чертковскую библіотеку во временное пользованіе.

Наконецъ библіотека украсилась портретами Русскихъ людей, масляными красками. Для посѣтителей библіотеки мы помѣщаемъ здѣсь списокъ этихъ портретовъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ читальныхъ комнатъ.

СПИСОКЪ ПОРТРЕТОВЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

Комната Г.

1. Н. Н. Бантышъ-Каменскій управляющій Московскимъ Главнымъ Архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.
2. Наполеонъ I.
3. Пугачевъ (современный портретъ).
4. Волынскій, бояринъ временъ царя Θеодора Алексѣевича.
5. Неизвѣстное лицо.
6. Ковылинъ, основатель Преображенскаго старообрядческаго кладбища въ Москвѣ.
7. Евреиновъ, Русскій консулъ въ Испаніи при Петрѣ I-мъ.
8. Микулинъ, посолъ нашъ въ Англіи.
9. А. П. Ермоловъ, офицеромъ.
10. Неизвѣстное лицо.
11. Н. И. Новиковъ.
12. Д. И. Фонъ-Визинъ.
13. Кн. И. М. Долгорукій, писатель (въ молодости).
14. Кн. А. Д. Кантемиръ.

Комната Д.

У оконъ.

1. Царь Борисъ Годуновъ.
2. Царь Θеодоръ Алексѣевичъ.
3. Гетманъ Мазепа.
4. Неизвѣстное лицо.

Надъ шкапами I и II:

1. Царица Евдокія Лукьяновна.
2. Царица Наталья Кириловна.
3. Императрица Анна Ивановна.
4. Фельдмаршалъ Долгорукій.
5. Петръ Великій въ молодости.
6. Царица Евдокія Θеодоровна.

7. Императрица Елизавета Петровна.

8. Канцлеръ гр. А. И. Остерманъ.

Надъ шкапомъ III:

1. Ѳ. А. Головинъ, начальникъ посольскаго приказа при Петрѣ I-мъ.
2. Кн. И. А. Долгорукій, наперсникъ Петра II-го.
3. Княг. Н. Б. Долгорукая.
4. Баронъ Шафировъ, подканцлеръ при Петрѣ I-мъ.
5. Князь Менщиковъ въ ссылкѣ.
6. Неизвѣстное лицо

Надъ шкапами IV и V:

1. Екатерина II-я.
2. Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ
3. Онъ же, въ ссылкѣ.
4. В. Князь Павелъ Петровичъ.
5. Кн. М. А. Черкасскій.
6. Гр. М. И. Воронцовъ.
7. Гр. З. Г. Чернышевъ.
8. Кн. В. Л. Долгорукій.
9. Гр. Н. И. Панинъ.
10. Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій.

Надъ шкапами VI и VII:

1. Кн. А. М. Голицынъ.
2. Гр. П. В. Завадовскій.
3. Д. П. Трощинскій.
4. П. А. Ермоловъ, отецъ извѣстнаго генерала.
5. Кн. А. А. Безбородко.
6. Кн. Н. В. Репнинъ.
7. А. Д. Ланской.
8. Кн. П. А. Зубовъ.
9. Гр. А. И. Марковъ.
10. А. В. Олсуфьевъ.
11. Гр. Р. Л. Воронцовъ.
12. Гр. В. А. Зубовъ.

Надъ шкапами VIII и IX:

1. Кн. Александръ Куракинъ.
2. Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ.
3. Гр. В. К. Нессельроде.
4. Графъ Петръ Петровичь Паленъ, работы Доу.
5. Кн. В. П. Кочубей.
6. Гр. А. А. Аракчеевъ.
7. Гр. М. И. Платовъ.
8. Гр. А. И. Остерманъ-Толстой.
9. И. И. Дмитріевъ.

Комната Е.

1. Императоръ Петръ II.
2. А. С. Матвѣевъ.
3. А. П. Ермоловъ во весь ростъ, работы Доу.
4. Богданъ-Хмѣльницкій.
5. Ордынъ-Нащокинъ.
6. Кн. В. В. Голицынъ.
7. А. П. Ермоловъ, въ старости.
8. Гр. А. И. Румянцевъ.
9. М. В. Ломоносовъ.

Это портретное собраніе принадлежитъ *Н. П. Ермолову.*

Подробныя свѣдѣнія о Чертковской библіотекѣ помѣщены въ первыхъ статьяхъ нашего изданія за 1863, 1864 и 1865 годы.

Петръ Бартеневъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ.

1730—1740.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Изъ Исторіи Русскаго Государства, сочиненія Германа, тома 4-го. (*)

Едва скончался Петръ II ([1]), какъ утромъ, въ пять часовъ, уже собрались чины, то есть верховный совѣтъ, генералитетъ и сановники, для совѣщанія относительно престолонаслѣдія. О завѣщаніи императрицы Екатерины, въ силу котораго ея дочери и ихъ потомство должны были вступить на престолъ по смерти Петра II, не было и помину. Противъ избранія герцогини Мекленбургской ([2]) замѣчали, что трудно было бы, возведши ее на престолъ, устранить вліяніе ея своенравнаго супруга, хотя она уже въ теченіи девяти лѣтъ жила съ нимъ въ рознь. Но, въ сущности, главное обстоятельство, говорившее не въ пользу ея избранія, состояло въ томъ, что въ герцогинѣ предполагали болѣе силы и рѣшительности, чѣмъ было нужно знатнымъ лицамъ, желавшимъ для своихъ выгодъ ввести аристократическій образъ правленія. Такъ какъ во всякомъ случаѣ наименѣе можно было ждать добра, еслибы получила перевѣсъ партія княжны Екатерины Долгорукой, то Остерманъ, для воспрепятствованія

([1]) Ночью на 19 Генваря 1730 г. въ Москвѣ въ Лефортовскомъ дворцѣ. *П. Б.*

(*) Въ *Русскомъ Архивѣ* печатаются отдѣльныя, частныя, не рѣдко мелочныя бумаги прошедшихъ временъ, и для людей, мало знакомыхъ съ общимъ ходомъ тогдашнихъ событій, цѣлыя страницы нашего изданія, по своей отрывочности, утрачиваютъ надлежащее значеніе. Объяснительными примѣчаніями лишь отчасти устраняется это неудобство. Дабы частный случай явился въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, необходима общая картина. Поэтому мы надѣемся угодить нашимъ читателямъ, представляя имъ здѣсь связный разсказъ изъ исторіи XVIII столѣтія, хотя, къ сожалѣнію, переводный, но тѣмъ не менѣе значительно достовѣрный: изъ иностранныхъ сочиненій о Россіи, книга профессора Іенскаго университета Ернста Германа (Geschichte des Russischen Staats, Hamburg, 1849. 8⁰.) представляетъ рѣдкое исключеніе, по основательности, и, главное, по сравнительному безпристрастію изложенія. Царствованіе Анны Іоанновны выбрано на первый разъ потому, что оно менѣе у насъ разработано, въ полномъ его объемѣ, хотя нѣкоторые эпизоды изложены довольно подробно, какъ напр. самое вступленіе на престолъ въ статьѣ *П. К. Щебальскаго* (Русскій Вѣстникъ 1859, т. XIX); а для другихъ имѣются богатые отечественные матеріалы, каковы Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта (въ Чтеніяхъ Общ. исторіи и древн. 1858 кн. 3), Дѣло Бирона (тамъ же 1862, кн. 2), Дѣло Волынскаго (т. же 1858, кн. 2) и пр. Предлагаемая исторія вся написана по источникамъ иностраннымъ. *П. Б.*

([2]) Екатерины Іоанновны, жившей въ Россіи, розно съ мужемъ. *П. Б.*

этому, еще за день до собранія чиновъ, постарался удостовѣриться, что Голицыны, равно какъ и фельдмаршалъ Долгорукій, будутъ противъ избранія княжны. Тотъ-же самый Остерманъ, едва заболѣлъ покойный императоръ, съумѣлъ разстроить бракъ послѣдняго съ княжною, не смотря на то, что кн. Алексѣй Долгорукій хотѣлъ во что бы то ни стало довершить этотъ союзъ ([3]). Теперь Остерманъ, подъ предлогомъ болѣзни, не принималъ участія ни въ какихъ рѣшеніяхъ. Когда въ шумномъ и горячемъ совѣщаніи чиновъ князь Алексѣй Долгорукій предложилъ возложить императорскую корону на свою дочь, какъ на обрученную невѣсту покойнаго императора, то фельдмаршалъ Долгорукій объявилъ, что, пока есть въ живыхъ хоть одинъ членъ императорской фамиліи, онъ никогда не допуститъ, чтобы кто либо изъ Долгорукихъ изъявлялъ притязанія на престолонаслѣдіе. Тутъ князь Дмитрій Голицынъ предложилъ герцогиню Курляндскую, Анну Іоанновну ([4]). Она была единодушно избрана, но съ условіями чрезвычайно ограничительными. Генералитетъ немедленно получилъ приказаніе издать прокламацію къ войскамъ. Подъ вечеръ отправились въ Митаву выборные отъ чиновъ, чтобы объявить герцогинѣ объ ея избраніи. Отъ Верховнаго Совѣта посланъ для того государственный министръ князь Василій Долгорукій; отъ сената—сенаторъ и тайный совѣтникъ князь Дмитрій Михайловичь Голицинъ; отъ генералитета — генералъ-майоръ Леонтьевъ.

Условія, на которыхъ герцогиня должна была принять императорскую корону, состояли въ слѣдующемъ:

1) Не вступать въ бракъ и не назначать себѣ преемника.

2) Верховный Совѣтъ долженъ состоять только изъ 8 лицъ.

3) Не начинать войны и не заключать мира.

4) Не назначать ни въ какую должность выше полковника, безъ предварительнаго совѣщанія. Тоже самое должно относиться и къ придворнымъ должностямъ, будутъ ли они поручаемы Русскимъ или иностранцамъ.

5) Не жаловать никого землями и не брать денегъ изъ государственной казны.

6) Гвардія и армія должны состоять въ вѣдѣніи Верховнаго Совѣта.

7) Дворянство не можетъ быть, безъ предварительнаго суда, ни лишено своихъ имѣній, ни оскорблено въ своей чести.

8) Народъ не долженъ быть обременяемъ новыми налогами, и государыня должна соизволять на все, что̀ относится къ благу народа. «И если я не буду поступать по вышеписаннымъ пунктамъ,» такъ говорилось въ концѣ, «то лишаюсь россійскаго престола.» ([5])

Многіе сомнѣвались, чтобы герцогиня приняла эти условія, которыя предоставляли ей только тѣнь власти. Люди болѣе дальновидные полагали, «что она согласится на все и потомъ будетъ поступать какъ захочетъ.» «Сдѣлавшись императрицей и овладѣвъ престоломъ,» пишетъ Лефортъ, «герцогиня скоро приметъ совершенно иной образъ дѣйствій, ибо она имѣетъ на своей сторонѣ мелкое дворянство, которое не хочетъ никакихъ измѣненій и уже начинаетъ роптать на форму правленія, устраиваемую знатью для себя. Знать переступила нужную мѣру: ибо сколько бы ни оправдывали попытку отмѣнить нѣко-

([3]) Донесеніе Саксонскаго посланника Лефорта, съ давнихъ лѣтъ жившаго въ Россіи, отъ 2 февр. 1730.

([4]) Лефортъ отъ 31 января 1730.

([5]) Лефортъ 2 Марта 1730.

торыя злоупотребленія, но все таки мелкое дворянство имѣетъ основаніе не довѣрять тому, чтò затѣваетъ знать. Знать, такъ говорятъ дворяне, дѣйствуетъ подъ предлогомъ желанія искоренить неограниченную власть, которую она хочетъ держать въ границахъ посредствомъ совѣта, избраннаго изъ своей среды; но кто поручится, что знать сама не овладѣетъ мало по малу браздами правленія? Кто можетъ поручиться, что мы вмѣсто одного самодержца не получимъ столько-же тирановъ, сколько въ совѣтѣ членовъ, и что мы не очутимся въ сто разъ тягчайшемъ рабствѣ отъ ихъ притѣсненій? Мы не имѣемъ твердыхъ законовъ, которыми былъ бы ограниченъ этотъ Верховный Совѣтъ; если они сами будутъ создавать законы, то могутъ также ежеминутно нарушать ихъ, и Россія сдѣлается вертепомъ разбойниковъ» ([6]).

У герцогини Курляндской не было недостатка въ совѣтникахъ, если она только нуждалась въ нихъ. Она безусловно подписала предложенные ей пункты. Ягужинскій, бывшій прежде оберъ-шталмейстеромъ и занимавшій въ настоящее время мѣсто капитана-лейтенанта кавалергардовъ, немедленно по смерти императора, отправилъ къ ней письмо съ дворяниномъ Сумароковымъ, который нѣкогда находился при дворѣ герцогини Голшинской въ Килѣ. Въ этомъ письмѣ Ягужинскій совѣтовалъ герцогинѣ настаивать на самодержавной власти, ибо она можетъ разсчитывать на сильную партію. Сумароковъ, не имѣя паспорта, поѣхалъ вмѣстѣ съ курьеромъ, котораго Лефортъ посылалъ въ Польшу. Но Сумароковъ прибылъ въ Митаву тремя часами позже депутатовъ, и Анна уже подписала условія.

([6]) Лефортъ отъ 6 и 9 февр. 1730.

По возвращеніи въ Москву, 2 (13 февраля), Леонтьева, чины немедленно собрались, и Ягужинскій потребованъ въ это собраніе. Ему предложили восемь пунктовъ и спросили, имѣетъ-ли онъ что нибудь замѣтить противъ этого новаго устройства? Онъ смутился и молчалъ. Тогда ему показали письмо, которое онъ написалъ императрицѣ, и онъ не могъ отказаться отъ него. Фельдмаршалъ Долгорукій потребовалъ отъ него шпагу и ордена; онъ былъ арестованъ и лишенъ занимаемыхъ имъ должностей. Но если императрица добровольно передала депутатамъ письмо Ягужинскаго, то тѣмъ вѣрнѣе могла она, послѣ этого знака откровенности, преслѣдовать свою тайную цѣль. Когда Сумароковъ возвратился, ему погрозили кнутомъ, а онъ назвалъ столь великое число единомышленниковъ Ягужинскаго, что нашлись вынужденными закрыть глаза на это дѣло, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно могло бы обратить на себя слишкомъ большое вниманіе и вызвать слишкомъ много затрудненій. Вельможи сами чувствовали неудобоисполнимость своего предпріятія, и каждый изъ нихъ былъ готовъ продать своихъ товарищей цѣною измѣны.

«Меня преслѣдуетъ мысль» пишетъ Лефортъ, «что фельдмаршалъ Долгорукій и Остерманъ, который оказывалъ императрицѣ большія услуги въ ея Курляндскихъ дѣлахъ, дѣйствуютъ за одно не въ пользу знати, хотя первый только и кричитъ что о свободѣ. Но если захотѣли бы оставаться лишь съ людьми непреклонными, то пришлось бы устранить многихъ Долгорукихъ, многихъ Голицыныхъ, Головкиныхъ, Салтыкова, Ромодановскаго, Барятинскаго, Черкасскаго, все мелкое дворянство и духовенство: всѣ они чрезвычайно оскорблены тѣмъ, что ихъ не пригласили къ участію ни въ одномъ изъ совѣща-

ній [7]). Къ Остерману я имѣю большое довѣріе: великая русская государственная машина главнымъ образомъ держится имъ, и онъ единственный человѣкъ, котораго нельзя подкупить [8]).

Между тѣмъ Верховный Совѣтъ, высшіе военные и гражданскіе сановники и дворянство продолжали свои совѣщанія чтобы выработать государственное устройство на основаніи пунктовъ, подписанныхъ императрицею. Было составлено нѣсколько проэктовъ, которые всѣ клонились къ тому, чтобы соединить власть въ рукахъ старыхъ родовъ и устранить отъ оной всѣ остальныя сословія и все многочисленное мелкое дворянство. Одинъ изъ такихъ проэктовъ шелъ отъ партіи князя Черкасскаго, другой былъ представленъ генераломъ Матюшкинымъ, третій — Долгорукими. Для ближайшаго разсмотрѣнія, мы вполнѣ сообщаемъ одинъ изъ послѣднихъ двухъ проэктовъ [9]).

1. Въ верховномъ совѣтѣ будетъ не менѣе 15 членовъ, считая въ томъ числѣ и теперешнихъ.

2. Дабы не обременять оный чрезмѣрно, дѣла будутъ по законамъ вершиться въ сенатѣ, состоящемъ изъ 11 человѣкъ.

3. Въ верховномъ совѣтѣ и сенатѣ, считая теперешнихъ членовъ, не должно быть болѣе одного человѣка изъ одной и той же фамиліи.

4. Новопоступающіе члены верховнаго совѣта и сената, а равно президенты коллегій и губернаторы въ провинціяхъ, выбираются генералитетомъ и дворянствомъ по большинству голосовъ; на каждое мѣсто должно быть выбрано по три кандидата, которые и представляются верховному совѣту.

5. Лица, занимающіяся общественными дѣлами, не могутъ имѣть болѣе одного мѣста, дабы дѣла отъ того не замедлялись.

6. Собраніе, избирающее кандидатовъ или устанавливающее какой либо законъ, должно состоять по крайней мѣрѣ изъ 80 человѣкъ, не болѣе двухъ изъ одной фамиліи, а кандидатами не могутъ быть два лица одной и той же фамиліи.

7. Верховный совѣтъ, сенатъ, генералитетъ и дворянство будутъ дѣйствовать съ единодушнаго согласія во всемъ, что будетъ относиться къ изданію или улучшенію законовъ, къ управленію государствомъ, къ какимъ либо важнымъ обстоятельствамъ во благо отечества и на пользу общую.

8. Такъ какъ дворянство въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ призываемо въ Москву, то надлежитъ установить различіе между старымъ и новымъ дворянствомъ, что и сдѣлано въ другихъ свободныхъ странахъ. Примутся мѣры къ тому, чтобы побудить дворянство къ службѣ, назначатся извѣстные сроки для службы, какъ сухопутной, такъ и морской, и дворяне не будутъ употребляемы ни въ какую черную работу.

9. Духовенство, купечество и прочія сословія будутъ удовольствованы по мѣрѣ возможности, такъ какъ отъ того зависитъ благосостояніе и доброе правленіе государства. Крестьяне получатъ льготы въ податяхъ, сколько будетъ возможно.

10. Примутся наиболѣе справедливыя мѣры къ служебному повышенію офицеровъ и солдатъ, а равно и къ точной уплатѣ имъ жалованья.

11. Издадутся правила относительно наслѣдованія недвижимыхъ и выморочныхъ имѣній.

Верховный Совѣтъ даже не сообщилъ мелкому дворянству вышеназванныхъ восьми пунктовъ. Когда онъ наконецъ потребовалъ отъ дворянъ согласія на новый образъ правленія, то дворянство вмѣсто отвѣта представило свой собственный проэктъ. Древніе роды поняли, что затѣяли рискованную игру. Верховный Совѣтъ старался какъ нибудь поправить дѣло и дважды предлагалъ Ягужинскому возвратить ему его должности и чины; но тотъ, опираясь па многочисленную партію, уклонялся до прибытія императрицы. Онъ утверждалъ, что не имѣли права касаться его личности, пока

---

7) Лефортъ отъ 16 февр. 1730.

8) Лефортъ отъ 6 февр. 1730.

9) Проэктъ 2/13 февраля.

онъ не дѣйствовалъ противъ своей присяги и своего отечества. Онъ прямо объявилъ Верховному Совѣту: «вы замарали меня и никогда не будете въ состоянiи снова меня очистить.» [10])

Таково было положенiе дѣлъ, когда императрица прибыла 21 февраля въ подмосковное селенiе Всесвятское. На слѣдующiй день къ ней были присланы на караулъ батальонъ преображенской гвардiи и отрядъ роты кавалергардовъ. Обратившись къ нимъ съ увѣщанiемъ оставаться вѣрными, она объявила себя полковникомъ преображенской гвардiи и капитаномъ кавалергардовъ. Симъ послѣднимъ она открыла доступъ въ свои комнаты и потомъ собственноручно поднесла каждому по стакану вина. Верховный Совѣтъ и Сенатъ также явились къ ней (25 февраля) съ изъявленiемъ благодарности за льготы, дарованныя ею государству. Князь Дмитрiй Голицынъ говорилъ отъ имени престарѣлаго канцлера Головкина; но никто и не подумалъ о томъ, что самовольное назначенiе себя въ полковники гвардiи уже было со стороны императрицы нарушенiемъ избирательныхъ условiй [11]).

Дѣйствительный тайный совѣтникъ кн. Василiй Лукичь Долгорукiй, по порученiю Верховнаго Совѣта, испросивъ у императрицы вторичнаго подтвержденiя восьми пунктовъ, не захотѣлъ подписать на нихъ своего имени, мало обращалъ вниманiя на своихъ товарищей и уже считалъ себя главнымъ дѣятелемъ. Но черезъ нѣсколько дней оказалось, какъ непрочна была почва, на которой стояли всѣ эти господа. Когда фельдмаршалъ Василiй Владимiровичь Долгорукiй хотѣлъ взять съ преображенской гвардiи присягу въ вѣрности императрицѣ и въ тоже время Верховному Совѣту, гвардiя прямо объявила, что она переломаетъ ему ноги, если онъ будетъ настаивать на своемъ требованiи, и онъ долженъ былъ измѣнить форму присяги [12]).

Впрочемъ императрицѣ также было не легко расторгнуть свои оковы, ибо (дѣйств.) тайный совѣтникъ Долгорукiй взялъ на себя должность оберъ-гофмейстера и допускалъ къ ней лишь кого ему было угодно. Тѣмъ не менѣе Остерманъ и Ягужинскiй нашли средства и пути для доставленiя императрицѣ нужныхъ совѣтовъ, именно черезъ князя Черкасскаго, того самаго, отъ котораго шелъ одинъ изъ упомянутыхъ выше проэктовъ государственнаго устройства. Черкасскiй изъявилъ готовность вести тайные переговоры черезъ посредство своей жены и жены генерала Матюшкина [13]). Наиболѣе влiятельныя лица между духовенствомъ также не пропускали случая возбуждать мелкое дворянство противъ Верховнаго Совѣта.

Во вторникъ, 7 марта, напряженiе партiй достигло крайнихъ предѣловъ. Императрица нѣсколько разъ получала приглашенiе отправиться въ Верховный Совѣтъ, чтобы подтвердить новое государственное устройство. Она колебалась послѣдовать этимъ приглашенiямъ. Но ее сторожили со всѣхъ сторонъ; она была отдѣлена отъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ, не могла ни съ кѣмъ говорить; даже изъ ея родственниковъ никто не имѣлъ къ ней доступа, за исключенiемъ ея сестры, герцогини Мекленбургской, передъ которой она изливала свое сердце, вздыхая и плача о своей печальной судьбѣ. Князь Черкасскiй едва избѣжалъ ареста, а князю Барятинскому, зятю великаго канцлера, фельдмаршалъ Долго-

---

[10]) Лефортъ отъ 20 февр. 1730.

[11]) Лефортъ отъ 27 февр. 1730.

[12]) Лефортъ отъ 6 марта 1730.

[13]) Донесенiе французскаго посланника Маньяна отъ 9 марта 1730, въ сочиненiи Тургенева: La Russie et les Russes, Paris, 1846, III, стр. 398.

рукій приказалъ сказать, что если онъ не хочетъ быть съ ними за одно, то судъ съ нимъ будетъ коротокъ, и его сбросятъ съ моста въ Москву-рѣку. Барятинскій отвѣчалъ, «что дѣла еще не зашли такъ далеко и что онъ всегда будетъ считать себѣ честью пасть за правое дѣло». Убѣдившись, что императрица не хочетъ явиться въ залу совѣта, что съ другой стороны все громче и громче выражается негодованіе на продолжительное заключеніе Ягужинскаго, и что всѣ противныя имъ партіи начали соединяться, верховники сочли нужнымъ сдѣлать уступку. Они рѣшились предложить императрицѣ самодержавіе и въ полномъ составѣ объявили ей объ этомъ. Императрица возразила, «что по ея мнѣнію еще не много значитъ, если она будетъ объявлена самодержавною отъ восьми лицъ» [14]). Въ тотъ же день она сказала подполковнику гвардіи Салтыкову, своему двоюродному брату, что, чувствуя себя слишкомъ разстроенною, поручаетъ ему принять вмѣсто себя донесеніе преображенскаго гвардейскаго полка. Капитану, который содержалъ караулъ, она отдала приказъ повиноваться одному Салтыкову. Такимъ образомъ уничтожилось значеніе и могущество, которыя присвоилъ себѣ при дворѣ князь Василій Долгорукій.

На слѣдующій день (8 марта) дѣло пришло къ развязкѣ. Утромъ генералитетъ и дворянство просили императрицу принять ихъ и выслушать. Въ числѣ 800 человѣкъ они собрались вокругъ Кремля, и человѣкъ 150 отправились во дворецъ, имѣя въ главѣ фельдмаршала Трубецкаго. Черезъ князя Василія Долгорукаго императрица велѣла также пригласить къ себѣ Верховный Совѣтъ. Послали и за княземъ Черкасскимъ, который до этой минуты руководилъ движеніемъ([15]). Когда всѣ собрались и императрица заняла свое мѣсто на тронѣ, генералъ-лейтенантъ Юсуповъ обратился къ ней съ рѣчью, отъ имени генералитета и дворянства: «Намъ оказали честь, сказалъ онъ, позволивъ выразить наше мнѣніе относительно новой формы правленія; я осмѣливаюсь передать вашему величеству прошеніе, содержащее наши единодушныя желанія». Послѣ этого императрица приказала князю Черкасскому вслухъ прочитать прошеніе. Генералитетъ и дворянство жаловались, «что письменно выраженныя ими сомнѣнія относительно восьми пунктовъ оставлены были Верховнымъ Совѣтомъ безъ всякаго вниманія, хотя большая часть народа опасается, что черезъ принятіе этихъ пунктовъ государство подвергнется раздорамъ и опасностямъ всякаго рода. Поэтому они просятъ ея величество повелѣть, чтобы на основаніи прежде поданнаго ими Верховному совѣту мнѣнія, снова былъ собранъ совѣтъ, въ которомъ бы приняли участіе, весь генералитетъ, офицеры и дворянство, дабы затѣмъ предложить на утвержденіе императрицы принятыя большинствомъ рѣшенія». Когда князь Черкасскій хотѣлъ вслѣдъ за этимъ высказать свое мнѣніе, Василій Долгорукій приказалъ ему молчать и спросилъ его, по какому праву онъ дѣлаетъ изъ себя законодателя? Черкасскій отвѣчалъ: «я поступаю такъ потому, что вы обманули ея величество, увѣривъ ее, будто она поступаетъ по единодушному желанію всѣхъ чиновъ государства, подписавъ пункты, принятые ею въ Митавѣ. А между тѣмъ вы составили эти пункты безъ нашего участія и вѣдома.» Послѣ этаго Долгорукій предложилъ императрицѣ удалиться, чтобы зрѣло обсудить

[14]) Лефортъ отъ 13 марта 1730: Elle repondit, que c'etoit trop peu de chose pour elle d'être déclarée souveraine par 8 personnes.

([15]) Собранія и совѣщанія происходили въ его домѣ, что на Никольской улицѣ, нынѣ графа Шереметева. *П. Б.*

въ своемъ кабинетѣ поднесенное ей прошеніе. Тогда герцогиня Мекленбургская, которая принесла перо и чернила, сказала императрицѣ: «тутъ нѣтъ надобности долго думать: вамъ, сестрица, нужно только подписать; я беру на себя отвѣтственность за послѣдствія. Если дѣло дойдетъ до нашей жизни, я буду первою жертвою»,—и императрица подписала. Дворянство и генералитетъ немедленно отправились въ другую палату, чтобы посовѣтоваться касательно способа выразить императрицѣ ихъ признательность. Они единогласно приняли рѣшеніе, что нужно объявить ее самодержавною государынею. Возвратившись въ прежнюю палату, они въ присутствіи Верховнаго Совѣта передали императрицѣ объясненіе, въ которомъ «нижайше умоляли ее всемилостивѣйше принять самодержавіе, какое принадлежало ея достославнымъ предкамъ, и уничтожить пункты, собственноручно подписанные ея императорскимъ величествомъ». Въ то же время они просили императрицу вмѣсто Верховнаго Совѣта и Верховнаго Сената снова возстановить «Правительствующій Сенатъ», изъ 21 члена, какъ онъ былъ при Петрѣ I. Повидимому они имѣли намѣреніе не только низвергнуть высшую аристократію, но еще спасти для себя нѣкоторыя льготы [16]).

Но въ этой надеждѣ они весьма обманулись. Императрица съ удовольствіемъ приняла власть и поступала за тѣмъ такъ, какъ ей было угодно. Она поручила канцлеру Головкину принести грамоту, которую она подписала въ Митавѣ, взяла ее и разорвала въ присутствіи всего собранія. Потомъ она приказала подполковнику Чернышеву призвать генерала Ягужинскаго, и фельдмаршалъ Долгорукій долженъ былъ возвратить ему шпагу и ордена. Съ облегченнымъ сердцемъ императрица почтила собраніе приглашеніемъ къ обѣденному столу. Вооруженные солдаты и чиновное дворянство доставили ей побѣду надъ гордою знатью. Императрица была готова на крайнія мѣры, и войскамъ уже были розданы патроны, чтобы стрѣлять въ непокорныхъ [17]).

Между тѣмъ 18 февраля (1 марта) въ церквахъ начинали приводить подданныхъ къ присягѣ «быть вѣрными императрицѣ и государству, способствовать благосостоянію ея и отечества» и т. д. Теперь (28 февр. 11 марта) должны были давать новую присягу и цѣловать крестъ и евангеліе въ вѣрности императрицѣ какъ «самодержавной государынѣ» [18]). Верховный Совѣтъ былъ упраздненъ, «Правительствующій Сенатъ» снова возстановленъ въ старой формѣ, [19]) но дѣятельность его была

---

[16]) Вотъ заключеніе этого прошенія, въ довольно впрочемъ неловкомъ (французскомъ?) переводѣ, приложенное къ донесенію Лефорта отъ 13 марта 1730: «И мы просимъ вполнѣ замѣстить таковой (Сенатъ) 21 особами, а также повелѣть, чтобы теперь и на будущее время, въ случаѣ порожнихъ мѣстъ въ этомъ Правительствующемъ Сенатѣ, а также таковыхъ на должности губернаторовъ и президентовъ, оныя замѣщались по выборамъ отъ дворянства по большинству голосовъ, какъ это было повелѣно его и. в. Петромъ I, дядею вашего императорскаго величества. При семъ мы всеподданнѣйше просимъ, чтобы на основаніи вашей всемилостивѣйшей подписи, теперь же была установлена форма правленія, какъ она должна быть на будущее время. Въ заключеніе, мы, вашего императорскаго величества нижайшіе рабы, уповаемъ, что по врожденному вашего императорскаго величества милосердію, мы не будемъ презрѣны въ управленіи государствомъ и въ облегченіи налоговъ, но возможемъ тихо и безъ заботъ проводить нашу жизнь во всякомъ благоденствіи и удовольствіи».

[17]) Лефортъ отъ 9 марта 1730.

[18]) Шмидтъ, Materialien, T. II, стр. 401—404.

[19]) Указомъ отъ 4/15 марта 1730. Шмидтъ Materialien, T. II, стр. 405.

такъ ограничена, что на него тогда смотрѣли, какъ на старую кладовую для помѣщенія тѣхъ высоко поставленныхъ лицъ, которыхъ хотѣли устранить, а въ случаѣ надобности совершенно удалить изъ государственной службы [20]). Члены Сената, числомъ 21, были слѣдующіе: великій канцлеръ графъ Гаврила Ивановичь Головкинъ, фельдмаршалы и князья Михаилъ Михайловичь Голицынъ, Василій Владиміровичь Долгорукій и Иванъ Юрьевичь Трубецкой, тайные совѣтники князь Иванъ Өеодоровичь Ромодановскій, князь Василій Лукичь Долгорукій, князь Дмитрій Михайловичь Голицынъ, баронъ Андрей Ивановичь Остерманъ, князь Алексѣй Михайловичь Черкасскій, генералъ Ягужинскій, генералъ-лейтенантъ Григорій Петровичь Чернышевъ, Иванъ Ильичь Мамоновъ, князь Григорій Дмитріевичь Юсуповъ, Семенъ Андреевичь Салтыковъ, Андрей Ивановичь Ушаковъ, князь Юрій Юрьевичь Трубецкой, генералъ майоры или состоявшіе въ одинаковомъ съ ними рангѣ: князь Иванъ Өеодоровичь Барятинскій, Семенъ Ивановичь Сукинъ, Василій Яковлевъ Новосильцевъ, князь Григорій Алексѣевичь Урусовъ, графъ Михаилъ Гавриловичь Головкинъ.

Остерманъ, хотя все держался еще на заднемъ планѣ, но въ тайнѣ былъ совѣтчикомъ императрицы и руководилъ всѣмъ. Посредниками были братъ его, Мекленбургскій посланникъ и сама герцогиня Мекленбургская [21]).

[20]) Лефортъ отъ 20 марта 1730: il est facile d'entrevoir que la nomination des membres du Senat n'est qu'un pro forma pour le temps, d'expulser les pieces de rebut.

[21]) Лефортъ отъ 20 Марта 1730.— Любопытно замѣтить, что этотъ братъ Остермана, Мекленбургскій посланникъ, нѣкогда, еще въ предыдущемъ столѣтіи, былъ домашнимъ учителемъ Анны Іоанновны и ея сестеръ. Его приставилъ къ нимъ Петръ Великій. П. Б.

Теперь императрица Анна почувствовала себѣ внѣ опасности. Доступъ къ ея покоямъ не былъ воспрещенъ, и ее можно было видѣть ежедневно, когда она ходила въ церковь. Она объявила, что не хочетъ держаться устарѣлаго обычая ея предковъ жить въ заперти, и что каждый можетъ обращаться къ ней. Придворнымъ своимъ она напротивъ дала понять, чтобы никто изъ нихъ не забиралъ себѣ въ голову доискиваться роли фаворита, ибо она не потерпитъ такихъ людей. Впрочемъ выборъ ея былъ уже давно сдѣланъ. Ея камергеръ Іоганъ Биронъ, сынъ одного конюшаго, безотлучно находился при ней уже съ 1724, когда она ѣздила въ Москву на коронацію императрицы Екатерины. Скоро онъ занялъ первое мѣсто при ея дворѣ, который пока составленъ былъ изъ слѣдующихъ лицъ: Семенъ Андреевичь Салтыковъ былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ, графъ Левенвольде обермаршаломъ двора; камергерами были: Балкъ, Лопухинъ, князь Куракинъ, прежде состоявшій посланникомъ въ Парижѣ, Салтыковъ, сынъ оберъ-гофмейстера, князь Голицынъ, сынъ фельдмаршала, и Биронъ, которому императрица въ тоже время пожаловала орденъ Александра Невскаго. Камеръюнкерами были: князь Юсуповъ, сынъ генералъ-лейтенанта, Курляндцы Корфъ и Бринкенъ, и Стрешневъ, братъ жены Остермана. Дядю своего, Василья Өедоровича Салтыкова, императрица назначила Московскимъ генералъ-губернаторомъ [22]).

Немедленно нарядили слѣдствіе надъ составителями восьми пунктовъ. Тяжеле другихъ досталось Долгорукимъ. Алексѣй и Иванъ совершенно обобрали сокровища дворца, драгоцѣнные камни, серебряную посуду, украшенія всякаго ро-

[22]) Лефортъ 27 Марта 1730.

да, наличныя деньги, дорогую мебель; даже экипажи и охотничьи принадлежности уцѣлѣли въ весьма небольшомъ количествѣ [23]). Списокъ этотъ простирался на сумму полутора миліона. Они не пощадили и церковнаго имущества. Такъ, наприм., Иванъ Долгорукій приказалъ вынуть драгоцѣнные камни, которыми были украшены нѣкоторые предметы, принадлежавшіе главному храму: евангеліе, скипертъ и священническое облаченіе [24]) Манифестомъ отъ $^{14}/_{25}$ апрѣля 1730 былъ объявленъ приговоръ надъ Долгорукими съ поименованіемъ ихъ преступленій. Многимъ изъ Долгорукихъ приказано было удалиться въ ихъ имѣнія, другіе были назначены воеводами въ отдаленные города; наиболѣе виновные лишены имущества и сосланы въ Сибирь. Алексѣя отправили въ Якутскъ; все его семейство, равно какъ и дочь его Екатерину, бывшую невѣсту Петра II, которая только что сдѣлась матерью, въ Березовъ. Василій Лукичь Долгорукій за то что онъ «дерзнулъ вымышленными и отъ себя томко составными дѣлами безбожно оболгать императрицу,» былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, близь Архангельска [25]). Напротивъ тѣ лица, при посредствѣ которыхъ императрица достигла полновластія, получали отличія одно за другимъ. Большое вліяніе имѣли Салтыковъ, Черкасскій и Ягужинскій. При короновaніи императрицы, 9 мая, вице-канцлеръ Остерманъ получилъ графскій титулъ и имѣніе въ Лифляндіи, стоившее 100,000 рублей. Биронъ былъ пожалованъ оберъ-камергеромъ и вскорѣ за тѣмъ получилъ въ подарокъ нѣсколько имѣній въ округѣ Лифляндскаго города Вендена [26]). Иностранные дворы стали оказывать ему вниманіе. Императоръ Карлъ VI сдѣлалъ его графомъ Германской имперіи и пожаловалъ ему свой портретъ, богато осыпанный бриллiантами, который стоилъ 30,000 гульденовъ. [27]) Рядомъ съ оберъ-гофмаршаломъ Левенвольдомъ въ скоромъ времени высоко поднялся и его младшій братъ, лифляндскій ландратъ. Императрица назначила его генералъ-адьютантомъ, а потомъ оберъ-шталмейстеромъ. У самой императрицы не было недостатка въ искателяхъ ея руки, которые изъявляли желаніе раздѣлить съ ней свое счастіе, какъ скоро власть ея нѣсколько упрочилась; но она обнаруживала рѣшительное отвращеніе къ вторичному вступленію въ бракъ (*). Такъ какъ графъ Морицъ Саксонскій снова желалъ сблизиться съ нею, то Польскому министру дали замѣтить, чтобы онъ болѣе не хлопоталъ за графа, ибо слухи, которые соединялись съ преднамѣреваемымъ его путешествіемъ въ Москву, противны достоинству императрицы. Еще болѣе рѣшительныя, по столько же тщетныя, надежды питалъ инфантъ Португальскій, донъ Эммануилъ, который въ августѣ 1730 прибылъ въ Москву. Съ трудомъ могли отдѣлаться отъ него; ибо когда императрица, послѣ трехнедѣльнаго пребыванія его въ Москвѣ, дала ему прощальную аудіенцію, онъ все еще мечталъ, что ему по крайней мѣрѣ не откажутъ въ рукѣ императрициной племянницы, юной герцогини Мекленбургской. Для Португальскаго принца казалось столь труднымъ покинуть границы государства, въ которомъ онъ искалъ своего счастія, что на своемъ обратномъ пути онъ еще около

23) Донесеніе отъ 6 марта 1730

24) Лефортъ отъ 20 и 23 марта 1730

25) Лефортъ отъ 1 мая 1730.

26) Лефортъ отъ 26 іюня 1730.

27) Лефортъ отъ 22 іюня 1730.

(*) Императрицѣ тогда было уже 37 лѣтъ: она родилась 28 января 1693 года. Превосходная біографія ея, сочиненная П. П. Пекарскимъ, помѣщена въ новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ. Спб. 1862. *П. Б.*

двухъ мѣсяцевъ тяготилъ собою городъ Ригу. Въ этомъ же году царевна Прасковья Ивановна лишилась тайно обвѣнчаннаго съ нею супруга, генерала Мамонова (4 іюня); болѣзненная и подавленная горемъ, она пережила его немногимъ болѣе года.

Отвлекаясь отъ подобнаго рода событій, касающихся поверхности дѣлъ, мы можемъ лишь въ довольно краткихъ словахъ изложить исторію первыхъ годовъ этого царствованія. Безконечныя интриги партій могутъ привлекать наше вниманіе только тамъ, гдѣ ихъ столкновеніемъ обусловливается измѣненіе общихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній государства.

Во главѣ управленія Анна поставила, немедленно послѣ своего коронованія, великаго канцлера Головкина, вице-канцлера Остермана и князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго. Вмѣсто уничтоженнаго Верховнаго Совѣта эти три лица составляли, подъ предсѣдательствомъ императрицы, высшее правительственное мѣсто, которому она въ началѣ ноября 1731 дала названіе Тайнаго Кабинета «Черезъ этотъ совѣтъ», пишетъ Лефортъ, система двора получаетъ новый видъ. Между тремя членами его въ сущности все будетъ зависѣть только отъ Остермана, который дѣйствуетъ за одно съ Бирономъ. Головкинъ и Черкасскій засѣдаютъ въ Кабинетѣ только ради своего имени, въ угоду народа. Сенатъ, могущество и значеніе котораго совершенно ослабли, долженъ представлять императрицѣ доклады, а она кладетъ свои рѣшенія только при посредствѣ Кабинета» [28]). Исполнительная власть правительства совершенно перешла въ руки нѣмцевъ. Генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Минихъ, котораго императрица въ началѣ этого года сдѣлала предсѣдателемъ комиссіи для преобразованія войска, также принялъ участіе въ засѣданіяхъ Кабинета [29]). Русскіе, правда, косо глядѣли на такое предпочтенье, оказанное иностранцамъ, но чѣмъ болѣе они злобились, тѣмъ хуже приходилось имъ самимъ. По тайнымъ доносамъ генерала Ягужинскаго, который въ октябрѣ 1730 снова получилъ свое прежнее мѣсто генералъ-прокурора Правительствующаго Сената, было сдѣлано нѣсколько арестовъ. Теперь также впалъ въ немилость и фельдмаршалъ Василій Владиміровичь Долгорукій, котораго почему то еще щадили до сихъ поръ. Его лишили чиновъ и имѣній и отправили въ Шлиссельбурскую крѣпость, а капитана гвардіи Юрія Долгорукаго, поручика князя Алексѣя Барятинскаго и Егора Столѣтова (Stoletew) осудили на пожизненную каторжную работу и на ссылку въ Кузнецкъ, Охотскъ и Нерчинскъ (*). Въ манифестѣ, изданномъ по этому случаю, всѣмъ имъ въ общихъ словахъ вмѣнялось въ вину, «что они совершили тяжкія преступленія противъ особы императрицы и благосостоянія государства.» Но и поведеніе Ягужинскаго было такъ несносно, онъ въ своей горячности и властолюбіи позволялъ себѣ увлекаться до такихъ необдуманныхъ порицаній относительно своихъ начальниковъ и самой императрицы, что могъ благословлять судьбу, когда, вмѣстѣ съ увольненіемъ отъ должности генералъ-прокурора, получилъ въ замѣнъ другое, еще очень сносное назначеніе. Въ декабрѣ 1731 его отправили посланникомъ въ Берлинъ, и онъ былъ

([28]) Лефортъ отъ 5 и 19 ноября 1731: le Cabinet dirige tout, et le pouvoir du Senat est beaucoup diminué de meme que celuy de Jagouzinski.

[29]) Лефортъ отъ 19 ноября 1731

(*) Позднѣе, въ 1736 г, по поводу новыхъ извѣтовъ, импер. Анна приказала отрубить голову Столѣтову (См. Чтенія въ общ. ист. 1864, кн. 1) *П. Б.*

обязанъ только случаю или благоразумной поспѣшности, что путешествіе его не приняло противоположнаго направленія, ибо вслѣдъ за нимъ былъ дѣйствительно посланъ приказъ, по которому онъ ссылался въ Сибирь [30]). Русскіе, казалось, были осуждены на то, чтобы терпѣть жестокое съ собою обращеніе; но все таки между теперешнимъ правленіемъ и двумя предшествовавшими существовала та разница, что императрица Анна, хотя сама по себѣ слабая женщина, опиралась на людей, способныхъ преслѣдовать великую цѣль въ духѣ Петра Великаго. Уже въ первые мѣсяцы ея правленія Остерманъ настаивалъ, чтобы правительство снова переселилось въ Петербургъ. Такъ было и сдѣлано въ началѣ 1732 года [31]). Тутъ снова почувствовали себя въ атмосферѣ, болѣе удобной для житья. «Здѣсь нельзя громко ворчать противъ воли императрицы,» пишетъ Лефортъ отъ 19 февраля 1732 изъ Петербурга,» и неблагонамѣренныхъ людей такъ хорошо съумѣли удалить, что едва можно найти слѣды Русскихъ, дурныя намѣренія коихъ могли бы внушить опасенія. Императрица принимаетъ совѣты только отъ иностранцевъ, отъ Остермана, Бирона, Миниха и Левенвольда (старшаго) и имѣетъ право быть ими довольна: ибо Русскіе, которымъ нельзя отказать въ способностяхъ, все таки держатъ въ головѣ только свои старо-русскія начала, уничтожаемыя временемъ [32]).

Желая и на будущее время обезпечить своей партіи побѣду, Остерманъ и Левенвольдъ заботились въ особенности о томъ, чтобы побудить Анну заблаговременно опредѣлить престолонаслѣдіе. Въ этомъ отношеніи рѣчь могла быть только о племянницѣ ея, принцессѣ Елизаветѣ-Екатеринѣ-Христинѣ Мекленбурской и объ ожидаемомъ отъ нея потомствѣ; ибо, хотя еще и существовала тайная партія, которая была за царевну Елизавету Петровну, но о ней какъ будто не хотѣли и думать, такъ какъ она была дальнею родственницею. Еще въ прошломъ году (1731) генералъ адъютантъ Левенвольдъ получилъ порученіе отправиться за границу, чтобы между принцами Германской имперіи выбрать супруга для Мекленбурской принцессы. Между прочими были предложены маркграфъ Карлъ Бранденбургскій и герцогъ Адольфъ Саксенъ-Вейсенфельскій. Правительствующіе дома радовались случаю доставить себѣ такимъ легкимъ способомъ постоянное вліяніе на Русскую великую державу. По предложенію вѣнскаго двора между соискателями было оказано предпочтеніе принцу Антону - Ульриху Брауншвейгъ-Бевернскому, который находился въ родствѣ съ этимъ дворомъ. Въ началѣ 1733 г. принцъ пріѣхалъ въ Россію, былъ сдѣланъ полковникомъ кирасирскаго полка и получилъ пенсію, которая, вмѣстѣ съ расходами на его содержаніе, составляла ежегодно сумму въ 24.000 рублей [33]). Но пока императрица на этомъ и остановилась: бракосочетаніе было отложено еще на нѣсколько лѣтъ.

Рядомъ съ Остерманомъ быстро получилъ значительное вліяніе графъ Минихъ; ибо если на Остерманѣ лежали какъ внутреннее управленіе государствомъ, такъ и веденіе иностранныхъ дѣлъ, то Минихъ сдѣлался необходимъ своими обширными свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ, съ

---

30) Лефортъ отъ 31 декабря 1731

31) Такимъ образомъ дворъ прожилъ въ Москвѣ безвыѣздно около трехъ лѣтъ. П. Б.

32) Тоже самое говорится въ донесеніи отъ 26 января 1732: au reste, sire, j'ose dire à V. Maj., qu'il n'est plus question du parti des vieux Russes. Les chefs sont ecartés, et personne n'oseroit souffler contre les dispositions présentes.

33) Лефортъ отъ 16 февр. и 3 марта 1733 Шмидтъ Materialien T. II, стр. 82.

которыми онъ соединялъ столь нужную въ военной службѣ твердость характера. Ему были обязаны Русскіе офицеры тѣмъ, что при новомъ регламентѣ для арміи, жалованье ихъ было сравнено съ жалованьемъ иностранныхъ офицеровъ [34]). Въ началѣ 1732 онъ былъ назначенъ президентомъ военной коллегіи на мѣсто фельдмаршала Долгорукаго, и черезъ два мѣсяца послѣ этого былъ пожалованъ фельдмаршаломъ [35]). Но своимъ безмѣрнымъ честолюбіемъ и властолюбіемъ Минихъ скоро сдѣлался непріятенъ всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ съ нимъ дѣло. «Съ тѣхъ поръ какъ Минихъ поднялся,» пишетъ Лефортъ, «его нельзя узнать. Снисходительность его замѣнилась гордымъ обращеніемъ; утверждаютъ также, что онъ хорошо умѣетъ заботиться о своихъ выгодахъ [36]), хотя и не такимъ грязнымъ образомъ, какъ его жена [37]). Съ офицерами онъ обращается сурово: онъ сажаетъ ихъ подъ арестъ за самыя ничтожныя мелочи. Все это подаетъ поводъ къ разнымъ толкамъ и недовольству. Хотя Минихъ еще раболѣпствуетъ передъ оберъ-камергеромъ Бирономъ, но сей послѣдній очень хорошо знаетъ, какъ опасно согрѣвать змѣю за пазухой, и недавно выразился, что весьма сожалѣетъ о всемъ, что̀ онъ сдѣлалъ для этого хамелеона, который вмѣсто преданности обнаруживаетъ лишь лукавство. Принцъ Гомбурскій считаетъ предосудительнымъ для своей чести служить подъ начальствомъ Миниха, а графъ Левенвольдъ также хочетъ отказаться отъ своей должности генералъ-лейтенанта [38]) и удержать за собою только гвардейскій полкъ.» Императрица кромѣ того назначила графа Миниха генералъ-губернаторомъ Петербурга. Въ этомъ послѣднемъ званіи онъ подалъ поводъ, особенно купечеству, жаловаться на произволъ его дѣйствій. Не увѣдомивъ предварительно комерцъ-коллегію, онъ послалъ (въ началѣ мая 1732) нѣсколько ротъ съ офицерами въ дома значительнѣйшихъ купцовъ, чтобы обыскать товары, которые могли быть хранимы въ домахъ и освидѣтельствовать, наложены ли на эти товары таможенныя клейма. Одинъ купецъ изъ Кенигсберга, Баро (Barau), у котораго отобрали все, что̀ онъ имѣлъ, поспѣшилъ къ фельдмаршалу съ просьбою о пощадѣ; но безъ дальнѣйшаго суда былъ взятъ подъ арестъ, причемъ запретили всякій доступъ къ нему. По предложенію Англійскихъ и Голландскихъ купцовъ, иностранные негоціанты рѣшили, чтобы каждая нація представила за себя памятную записку своему посланнику и протестовала бы противъ такихъ мѣръ, грубо нарушавшихъ свободу торговли, и въ особенности противъ указа, изданнаго 5 мая, на который опирались эти мѣры. Вслѣдствіе этого рѣшенія Саксонскіе и Польскіе купцы подали чрезвычайному посланнику Лефорту записку, въ которой они доказывали совершенную несообразность упомянутаго указа. Они говорили въ этой запискѣ: «Комерцъ-коллегія сама разрѣшила намъ класть въ наши собственные погреба различные товары, которые конечно бы испортились въ казенныхъ магазинахъ,

[34]) Донесеніе Лефорта отъ 3 декабря 1731.

[35]) Донесеніе Лефорта отъ 11 марта 1732.

[36]) Ср. Донесеніе Лефорта отъ 3 іюня 1732: on compte 60 mille roubles, qu'il a tiré depuis l'espace d'une année, 30 du canal, 16 de sa maison et 10 de son equipage, sans les gages, qui vont haut. L'artillerie et les ingenieurs seuls se montoient à 11 mille.—La nation, les trouppes, marchands, bourgeois tous crient crucifie.

[37]) Донесеніе Лефорта отъ 13 мая 1732: on appelle sa femme dame venale, aussy à ce que l'on pretend, ne fait elle que gripper et mettre à contribution.

[38]) Лефортъ отъ 8 апрѣля и 13 мая 1732.

въ сыромъ и непровѣтриваемомъ помѣщеніи. Еслибы теперь было отдано приказаніе отбирать, съ взысканіемъ денежнаго штрафа, не очищенные въ таможнѣ или тайно провезенные контрабандою товары, то этому распоряженію слѣдовало бы подчиниться безъ всякаго противорѣчія. Но отъ насъ требуютъ объясненія, невозможнаго во многихъ случаяхъ, какимъ образомъ и откуда получены неочищенные въ таможнѣ товары; намъ угрожаютъ съ варварствомъ, неслыханнымъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ; намъ грозятъ смертію за ослушаніе, тѣлеснымъ наказаніемъ за малѣйшее умолчаніе или ошибочное показаніе. Мы должны сдѣлаться фискалами нашихъ товарищей по торговлѣ, а нашу прислугу обязываютъ доносить на насъ, какъ на преступниковъ. Но нельзя обыскать ни одного дома безъ того, чтобы не найти отрѣзанные куски сукна, полотенъ, пряжи, лентъ и другихъ хозяйственныхъ потребностей, черезъ что постоянно будутъ имѣть въ рукахъ средства доносить на насъ, какъ на виновныхъ, слѣдовательно лишать насъ имущества и жизни. Злостному слугѣ стоитъ только, если у него найдутъ предметы контрабанды, свалить вину на своего господина, чтобы на вѣкъ погубить послѣдняго. И подъ этимъ указомъ, который уничтожаетъ всякое общественное довѣріе, хотятъ заставить насъ подписаться, что мы въ точности будемъ соблюдать его, не обращая ни малѣйшаго вниманія на очевидную невозможность его выполненія» [39]). Мы охотно вѣримъ, что контрабанда имѣла значительные размѣры, но капральская палка навѣрное была наименѣе годнымъ способомъ для устраненія неудобствъ, которыя проистекали отъ ограниченія свободы торговли. Минихъ подалъ поводъ къ большому неудовольствію въ народѣ также и тѣмъ, что по его побужденію снова была потребована уплата нѣкоторыхъ недоимокъ, прощенныхъ Екатериною I и Петромъ II-мъ [40]). Словомъ, вельможи, не желавшіе терпѣть подлѣ себя Миниха, не имѣли недостатка въ предлогахъ удалить его. Къ счастію Миниха скоро представился случай отвести для его дѣятельности такое поприще, какого фельдмаршалъ лучше не могъ желать.

1 февраля 1733 скончался король Польскій Августъ II. Сынъ его, курфюрстъ Саксонскій, искавшій Польской короны, склонилъ на свою сторону Германскаго императора Карла VI, тѣмъ что подписалъ прагматическую санкцію. Русскій дворъ онъ расположилъ въ свою пользу обѣщаніемъ, что не будетъ противиться намѣреніямъ русскаго правительства относительно Курляндіи. Посланники обѣихъ великихъ державъ прямо объявили примасу Польской націи (Потоцкому,) что они не признáютъ королемъ никого кромѣ курфюрста Саксонскаго, и что Русская императрица намѣрена поддерживать всѣми силами этого принца, если республика не согласится выбрать его добровольно. Франція, напротивъ, покровительствовала домогательствамъ бывшаго соперника Августа II, Станислава Лещинскаго, тестя Людовику XV, и онъ-то, изъ ненависти къ Русскому владычеству, единодушно былъ выбранъ вторично Польскимъ дворянствомъ 12 сентября 1733. Генералъ-фельдцейгмейстеръ графъ Лассій выступилъ во главѣ 20000-наго русскаго войска къ Варшавѣ, но опоздалъ воспрепятствовать избранію, и лишь 30 сентября встрѣтилъ около Праги толпу подкупленныхъ, недовольныхъ или расположенныхъ къ Саксоніи дворянъ, которые подъ русскими штыками провозгласили 5 октября королемъ

[39]) Лефортъ отъ 13 и 20 мая 1732.

[40]) Лефортъ отъ 23 сентября 1732.

курфюрста Саксонскаго, между тѣмъ какъ Станиславъ отправился изъ Варшавы въ Данцигъ, чтобы обезпечить себѣ тамъ иностранную помощь (*).

Партія Лещинскаго, уступая превосходству, очистила столицу и разсѣялась по провинціямъ для возбужденія націи къ возстанію. Скоро въ Польшѣ уже было 50000 русскихъ войскъ, долженствовавшихъ потушить это возстаніе. Съ цѣлію подавить главу противной партіи, Лассій въ февр. 1734 пошелъ съ 12000 къ Данцигу. Но его войско было слишкомъ недостаточно противъ этого богатаго города, мужественные граждане коего приготовили ему, за своими стѣнами, энергическое сопротивленіе [41]). 9 марта фельдмаршалъ Минихъ принялъ главное начальство, которое Биронъ поручилъ ему только въ томъ предположеніи, что будетъ не легко пожать лавры при долговременной осадѣ этой сильной крѣпости. Почти можно думать, что Минихъ прикрывалъ недостаточность своего войска смѣлостію тона, который онъ принялъ противъ осажденныхъ. 18 марта онъ послалъ имъ манифестъ, исполненный неслыханныхъ, ужасныхъ угрозъ, такъ что вся Европа пришла въ изумленіе отъ этого варварскаго языка. Но всѣ нападенія Миниха были отражены. Когда 9 мая онъ велѣлъ штурмовать Габельсбергъ, ему пришлось потерять 2000 человѣкъ, не выигравъ рѣшительно ничего. Счастье улыбнулось ему, когда онъ получилъ подкрѣпленіе въ Саксонскомъ воспомогательномъ войскѣ. Онъ принудилъ только что высадившихся Французовъ положить оружіе, а какъ скоро Русскій флотъ подвезъ ему осадныя орудія, то Вейхсельминде долженъ былъ сдаться (24 мая), и граждане Данцига предложили капитуляцію. Переодѣтый крестьяниномъ, король Станиславъ, посреди тысячи опасностей, счастливо пробрался за Прусскую границу, въ Маріенвердеръ. Данцигъ долженъ былъ при своемъ покореніи (30 іюня) поплатиться 2 милл. талеровъ за вѣрность, которую онъ съ такою непоколебимостію оказывалъ своему королю. Но когда совѣтъ города отправилъ въ Петербургъ посольство съ изъявленіемъ покорности, императрица Анна простила половину этой суммы; а изъ другой половины Биронъ получилъ 180,000 талеровъ, на которые онъ купилъ себѣ имѣніе Вартенбергъ въ Силезіи. За исключеніемъ французскаго посланника маркиза де Монти, графа Понятовскаго и примаса, которыхъ Минихъ отослалъ плѣнными въ Торнъ, всѣмъ остальнымъ Польскимъ вельможамъ была дарована свобода [42]).

Теперь русскому войску, оставшемуся въ Польшѣ, легко было заставить все дворянство признать навязаннаго короля, и русское золото не щадили, чтобы наградить или купить преданность «благонамѣренныхъ.»

Между тѣмъ графъ Остерманъ такъ утвердился въ Петербургскомъ кабинетѣ, что въ сущности ни одинъ министръ не смѣлъ ничего сказать противъ него. Но онъ былъ достаточно остороженъ и постоянно дѣйствовалъ въ согласіи съ оберъ-камергеромъ, которому предварительно сообщалъ всѣ важнѣйшія дѣла. Съ цѣлію оставаться необходимымъ, онъ чрезвычайно заботился, чтобы никто кромѣ него не былъ въ состояніи знать и обозрѣвать полную связь внѣшнихъ и внутреннихъ событій государства; поэтому, а также для соблюденія тайны, онъ писалъ, шифровалъ и работалъ въ

(*) Эти событія и Русское въ нихъ участіе подробно изложены въ книгѣ профессора Герье: „Борьба за Польскій престолъ въ 1733 г.“ М. 1862.

41) Бартольдъ въ Hist. Taschenbuch Раумера за 1836 г.. стр. 290. Шмидтъ Materialien, II, стр. 89.

42) Магазинъ Бюшинга, III, 414, Шмидтъ II, стр. 122.

своемъ кабинетѣ и чуть не заработался до смерти [43]).

Теперь вниманіе Русскаго правительства обратилось къ тому, чтобы воспользоваться новопріобрѣтеннымъ перевѣсомъ въ Польшѣ для дальнѣйшаго усиленія своего могущества. Какъ зрѣло обдуманъ и хорошо расположенъ былъ планъ привести Польскую націю въ совершенную зависимость съ помощію короля, который полагался единственно на Русскую защиту,—это съ особенною ясностію видно изъ подробнаго письменнаго предложенія, переданнаго 17 дек. 1734 Русскимъ министерствомъ Саксонскому посланнику графу Линару. Предложеніе это, которое было результатомъ совѣщанія по Польскимъ дѣламъ, происходившаго у оберъ-шталмейстера Левенвольда, въ присутствіи Остермана, Черкасскаго, обоихъ министровъ Римско-германской имперіи и графа Линара, въ сущности состояло въ слѣдующемъ: общій интересъ Россіи и Австріи, равно какъ и Польскаго короля, безспорно состоитъ въ томъ, чтобы прекратить Польскія смуты сообразно съ общими ихъ намѣреніями; для этого нужно какъ можно скорѣе изыскать способы отнять у Турокъ охоту къ войнѣ. Русская императрица, не щадя чрезвычайно обременительныхъ издержекъ, серьезно и постоянно стремилась до сихъ поръ успокоить Поляковъ; но однимъ оружіемъ эта цѣль не можетъ быть достигнута въ этомъ обширномъ и вольномъ королевствѣ. Король Августъ III, безъ котораго ничего не можетъ быть сдѣлано при генеральномъ замиреніи, долженъ будетъ съ своей стороны содѣйствовать этой цѣли, при чемъ оба двора позволяютъ себѣ предложить королю слѣдующія мѣры:

1) «Король благоволитъ рѣшиться на избраніе Польши своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ, по крайней мѣрѣ до заключенія генеральнаго замиренія.

2) Онъ постарается, по своему врожденному великодушію, и впредь привлекать къ себѣ свободные умы милостію, добротою и снисходительностію.

3) Онъ постарается *надлежащимъ образомъ щадить* (т. е. стараться склонить на свою сторону посредствомъ подкупа) *и употреблять* Польскихъ магнатовъ, снова отпавшихъ отъ Станислава Лещинскаго послѣ взятія Данцига, и въ особенности тѣхъ, которые могли бы всего болѣе способствовать генеральному замиренію; такъ какъ въ противномъ случаѣ остальные магнаты могутъ быть еще болѣе отчуждены и устрашены. Графъ Понятовскій, фамилія Чарторижскихъ и епископъ Плоцкій передъ всѣми прочими заслуживаютъ со стороны короля особеннаго вниманія и снисхожденія; ибо они, какъ извѣстно, болѣе нежели всѣ другіе, были бы въ состояніи содѣйствовать генеральному замиренію своими способностями, совѣтами и вліяніемъ. Поэтому король не долженъ лишать никого изъ нихъ должностей; въ особенности-же слѣдуетъ оставить Русскому палатину (воеводѣ) главное начальство надъ королевскою арміею, причемъ, впрочемъ, со стороны Петербургскаго двора не пренебрегутъ ничѣмъ, чтобы постоянно удерживать его на сторонѣ короля.

4) Король немедленно, и со всею заботливостію, постарается расположить къ себѣ и склонить на свою сторону королевскую и литовскую арміи всѣми относящимися сюда средствами и путями. (При обсужденіи этого пункта былъ сообщенъ докладъ, присланный генераломъ графомъ Вейсбахомъ, въ которомъ объяснялось, какимъ образомъ весьма легко можно бы было склонить королевскую армію на свою сторону, если только бу-

[43]) Лефортъ отъ 3 іюня 1732 и 16 марта 1734.

дутъ употреблены надлежащія денежныя средства).

5) Не менѣе того нужно постараться объ успокоеніи остальнаго непокорнаго дворянства посредствомъ денегъ и ублаженій. Ибо какъ скоро удалось бы привлечь къ себѣ тѣхъ, которые имѣютъ въ воеводствахъ наиболѣе вліянія и приверженцевъ, и которыхъ намѣренія и связи не могутъ остаться неизвѣстными для націи,то съ остальными будетъ уже легче справиться.

6) Относительно сейма, который имѣетъ быть собранъ, слѣдуетъ немедленно рѣшить, будетъ ли онъ происходить подъ именемъ генеральной конфедераціи, генеральной рады, или какъ обыкновенный сеймъ. Первое, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ предпочтенія, ибо сеймъ можетъ быть разорванъ, тогда какъ при генеральной конфедераціи или генеральной радѣ, на которой присутствуютъ также и сенаторы, министры и воеводы, имѣетъ значеніе большинство голосовъ.

7) 8) 9). Для споспѣшествованія этому генеральному замиренію и чтобы доказать Польской націи неосновательность всѣхъ несправедливыхъ подозрѣній относительно Петербургскаго кабинета, императрица уже повелѣла издать новый манифестъ. Дабы придать себѣ болѣе вѣса, король самъ будетъ держать въ Польшѣ на готовѣ достаточное количество войска и при этомъ строжайше наблюдать, чтобы со стороны его Саксонскихъ солдатъ не было совершаемо никакого рода безчинствъ. Такъ какъ Русскія войска, по случаю предстоящей войны съ Турками, должны будутъ и безъ того стягиваться мало по малу къ своимъ сборнымъ пунктамъ, то на пути они еще могли бы привести къ повиновенію тѣхъ, которые не согласились бы на добровольное подчиненіе, не смотря на вышеупоминаемыя милостивыя мѣры.

10) 11) Всѣ эти мѣры должны быть немедленно обсуждены въ Варшавѣ и приведены въ исполненіе, причемъ къ этому обсужденію слѣдуетъ допустить знатнѣйшихъ изъ прежнихъ приверженцевъ Станислава. И такъ какъ, по слухамъ, воевода Кіевскій уже сдѣлалъ черезъ короннаго маршала Мнишка нѣкоторыя предложенія касательно своей покорности, то его королевское величество самъ можетъ лучше всего обсудить, на сколько ему можно разсчитывать на этого воеводу, какъ на будущаго полководца, и полагаться на его вѣрность. Во всякомъ случаѣ, для ускоренія генеральнаго замиренія, было-бы чрезвычайно важно расположить къ себѣ этого воеводу и черезъ него, слѣдовательно, и его семейство. Быть можетъ, что достиженіе этой цѣли возможно будетъ лишь подъ условіемъ предложенія ему начальства надъ войскомъ. Но его королевское величество вѣроятно припомнитъ, что министры всѣхъ трехъ дворовъ уже прежде письменно и самымъ положительнымъ образомъ обѣщали это главное начальство надъ войсками воеводѣ Краковскому, который оказалъ такія услуги общему дѣлу; поэтому нужно будетъ постараться вознаградить Краковскаго воеводу какимъ либо другимъ образомъ и побудить его къ добровольному отказу отъ предоставленнаго ему права на полученіе этого мѣста. И если бы можно было побудить его къ такому отказу посредствомъ значительной пожизненной пенсіи, то оба императорскіе двора охотно бы взяли на себя, совмѣстно съ королемъ, расходы по этой пенсіи.

12) Что касается, далѣе, до войны, которою угрожаютъ Турки, то нужно обсудить, не слѣдуетъ ли также и республикѣ Польской принять участіе въ этой войнѣ, ибо республикѣ надлежитъ быть заодно съ королемъ. Польша, кромѣ того, обязана трактатами дѣйствовать сово-

купно противъ Турокъ, и хотя помощь ея, при настоящихъ обстоятельствахъ, и не можетъ быть цѣнима слишкомъ высоко, но тѣмъ не менѣе коронная и литовская арміи, какъ скоро они будутъ склонены на сторону короля, могли бы съ большою пользою быть употреблены въ самой Польшѣ для подавленія оставшихся еще неблагонамѣренныхъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ Турокъ. Вторженіе Турокъ и Татаръ въ Польшу должно быть большимъ бѣдствіемъ для населенія этого королевства. Поэтому было бы весьма важно, если бы король и республика въ настоящемъ свѣтѣ представили націи возможныя слѣдствія войны, для того чтобы нація прокляла Станислава и его приверженцевъ, всею массою вооружилась противъ него и быстрымъ возстановленіемъ спокойствія постаралась бы еще во время отклонить грозящее несчастіе. Необходимо, чтобы король и республика сдѣлали Портѣ декларацію въ томъ смыслѣ, что они при всякомъ безъ исключенія случаѣ будутъ, сообразно съ трактатами, дѣйствовать заодно съ обоими императорскими дворами; декларація эта произведетъ тѣмъ бо̀льшее впечатлѣніе, что она будетъ служить доказательствомъ нераздѣльности короля и республики. Какъ этотъ послѣдній пунктъ, такъ и различныя другія соображенія, которыя могли бы оказаться выгодными, должны быть подробно взвѣшены на генеральномъ собраніи въ Варшавѣ; въ тоже время слѣдуетъ прежде всего принять въ соображеніе то, какимъ образомъ, въ случаѣ нарушенія мира со стороны Турокъ, нужно поступать съ оставшимися еще въ Польшѣ неблагонамѣренными людьми».

Политика Августа III, какъ видно изъ этого акта, была также безчестна, какъ и политика его предшественниковъ; но по нашему мнѣнію еще постыднѣе то, что Польскіе вельможи въ дѣлѣ измѣны собственному отечеству сами шли на встрѣчу своему безсильному королю и только помогали ему въ этомъ случаѣ. Почти можно сказать, что уже въ то время мѣстопребываніе Польскаго правительства находилось болѣе въ Петербургѣ, чѣмъ въ Варшавѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ вышеупомянутой конференціи (21 дек.) графъ Левенвольдъ приказалъ позвать къ себѣ графа Линара, чтобы еще разъ настоятельно попросить черезъ него короля Августа о милостивомъ пріемѣ и отличеніи въ особенности графа Понятовскаго, епископа Плоцкаго и воеводы Русскаго.

Русскій оберъ-шталмейстеръ домогался выгодъ для сановниковъ Польской республики! «Я заваленъ письмами отовсѣхъ, которые стояли за Станислава Лещинскаго, говорилъ Левенвольдъ Линару; ихъ внушенія, а равно и постоянные запросы, *какъ имъ слѣдуетъ держать себя, чтобы угодить королю и здѣшнему (Петербургскому) двору*, убѣдили меня, что намѣренія ихъ искренни, и что эти люди будутъ болѣе полезны нежели тѣ, въ пользу которыхъ можно только сказать, что они съ самаго начала объявили себя въ числѣ *благонамѣренныхъ*.»

Изъ воеводства Витебскаго прибыли въ Петербургъ трое депутатовъ: Кройеръ (Croier), Бойодичь (Boeodicz) и Воецкій (Woetski) съ извѣстіемъ, что тамошнее дворянство заключило федерацію въ пользу короля Августа III и проситъ о дальнѣйшемъ заступничествѣ императрицы. Настоящею причиною ихъ пріѣзда была просьба о денежномъ подаркѣ [44]). Знатнѣйшимъ изъ этихъ депутатовъ (Кройеру и Бойодичу) Анна приказала выдать, каждому, по 1100 руб. на нихъ и на ихъ свиту. По поводу раздѣленія этой суммы между своими това-

[44]) Линаръ, отъ 16 окт. 1734.

рищами, тотъ и другой[45]) затѣяли между собою такую постыдную ссору, что въ рѣшеніи ея долженъ былъ принять участіе не только Польскій посланникъ, графъ Завиша (Zawisza), но и Русскій вицеканцлеръ! Впрочемъ графъ Завиша тоже принадлежалъ къ *благонамѣреннымъ*, которые пользовались русскою защитою: такъ ему, между прочимъ, подарили 10.000 рублей по поводу предстоявшаго отъѣзда его. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ удержаться, чтобы при случаѣ громко не заявить своихъ замѣчаній относительно свойствъ русской дружбы. Въ обществѣ у графа Линара онъ «послѣ того, какъ было довольно выпито», затѣялъ жестокій споръ съ Остерманомъ, причемъ упрекалъ его, «что хотя при русскомъ дворѣ обѣщаютъ благонамѣреннымъ всяческую защиту, но что между тѣмъ Русскіе почти также въ конецъ раззоряютъ имѣнія этихъ благонамѣренныхъ, какъ и имѣнія другихъ». Не смотря на это, Поляки продолжали сами продавать себя своему врагу.

[45]) Линаръ отъ 30 Ноября 1734: «Первый имѣлъ одного товарища, второй — шестерыхъ, и каждому изъ нихъ отдалъ только по тридцати рублей. Они отправились къ Кройеру жаловаться на эту раздачу, которая казалась имъ несправедливою, послѣ чего Кройеръ обратился за совѣтомъ къ графу Завишѣ, и когда тотъ положилъ рѣшеніе, что у Бойодича слѣдуетъ отнять столько денегъ, сколько будетъ достаточно для удовлетворенія этихъ людей, то Кройеръ исполнилъ это рѣшеніе такимъ образомъ, что въ отсутствіе Бойодича унесъ у него шкатулку со всѣми его деньгами. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, не затруднился донести полиціи о такомъ поступкѣ, какъ объ обыкновенномъ воровствѣ, и черезъ это все дѣло, вмѣстѣ съ многими другими доносами на Кройера, не только было представлено графу Остерману, но и доложено имъ самимъ ея величеству императрицѣ на куртагѣ (bey öffentlicher Hofstatt), при чемъ онъ прибавилъ, что противъ Кройера не можетъ быть затѣянъ настоящій процесъ, такъ какъ онъ ссылается на приказаніе Польскаго посланника».

Такимъ образомъ правительство въ короткое время успѣло развязать себѣ руки для дальнѣйшихъ предпріятій. Минихъ, въ окт. 1734 возвратившійся въ Петербургъ, скоро устранилъ обвиненія, взведенныя на него, съ помощію враговъ, его собственными офицерами. Генералъ Любрасъ, который во время Польскаго похода два раза отказывалъ ему въ повиновеніи, былъ, правда, помилованъ, навѣрно противъ воли фельдмаршала, но послѣднему нельзя было все таки отказать въ признаніи, что единственно онъ такой человѣкъ, какого было нужно. Часто повторявшіяся жалобы на медленность и нерѣшительность генерала Лассія, который остался въ главѣ Русскихъ войскъ въ Польшѣ, побудили императрицу Анну въ февр. 1735 обратно послать фельдмаршала Миниха въ Польшу для скорѣйшаго заключенія мира съ этимъ королевствомъ[46]). Исполнивъ данныя ему порученія къ королю Августу III, который пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла, Минихъ уѣхалъ къ Русской арміи въ Украйну, чтобы сдѣлать нужныя приготовленія къ предстоявшей Турецкой войнѣ.

Миръ, заключенный наконецъ на сеймѣ въ Варшавѣ между чинами республики и королемъ Августомъ III, заключалъ слѣдующія опредѣленія:

«Вмѣстѣ съ католическою религіею должно быть поддерживаемо свободное избраніе короля, особенно по конституціямъ 1670 и 1699 годовъ. Саксонскія войска должны въ теченіи 40 дней удалиться изъ королевства; въ противномъ случаѣ всемъ палатинатствамъ и дистриктамъ позволяется сѣсть на коней и выгнать это войско, какъ враговъ отечества. Королю, въ силу конституціи 1717 г., должно быть позволено держать для себя Саксонскую гвардію изъ

[46]) Донесенія Линара отъ 2 и 16 окт. 1734 и отъ 23 февр. 1735.

1200 человѣкъ. Король даетъ республикѣ увѣреніе, что толпы Русскихъ (Russische Völker) также удалятся въ теченіи того же времени, какъ и Саксонскія и никогда не должны болѣе возвращаться въ Польшу. Въ силу прежнихъ конфедерацій, въ особенности же конституціи 1717 г., диссидентамъ должны быть потверждены миръ и безопасность относительно ихъ имѣній и равенства лицъ, но такъ, чтобы они не имѣли никакого участія въ палатѣ земскихъ депутатовъ, въ трибуналахъ и комиссіяхъ, не имѣли бы сана палатиновъ и старостъ и не искали-бы защиты у чужестранныхъ государствъ [47]).

Этотъ миръ не исцѣлилъ ни одного изъ прежнихъ недуговъ. Австрія въ своей близорукости отдала Польшу подъ безусловное вліяніе Россіи. А императоръ Карлъ VI думалъ, что уже много выигралъ, когда въ настоящую минуту могъ быть увѣренъ въ помощи этой великой державы противъ Франціи. Императрица Анна и оберъ – камергеръ Биронъ были очень склонны открыть новое поприще славы для Русскихъ войскъ, хорошо организованныхъ благодаря заслугамъ Миниха, и Русскіе генералы горѣли желаніемъ показать въ этомъ походѣ, что ихъ солдаты могутъ помѣряться въ дисциплинѣ, порядкѣ и ловкости съ лучшими войсками цивилизованныхъ государствъ. Достойный старый генералъ Ласcій, и получившій въ послѣдствіи извѣстность генералъ Яковъ Кейтъ повели весною 1735 г. десять тысячь войска изъ Польши черезъ Богемію и Оберъ-Пфальцъ къ Рейну; но дѣло не дошло до сраженія, хотя появленіе этого вспомогательнаго корпуса содѣйствовало тому, чтобы ускорить открытіе мирныхъ переговоровъ между Франціей и римско-императорскимъ дворомъ въ Вѣнѣ. Самый миръ, въ которомъ императоръ пожертвовалъ Лотарингіей, приносилъ, впрочемъ, такъ мало чести, что могъбы быть купленъ за эту цѣну и безъ помощи союзника, передъ которымъ, по естественному положенію его дѣлъ, лежала ближайшая и обширнѣйшая цѣль, не позволявшая ему обращать болѣе продолжительное вниманіе на чужія дѣла и принимать въ нихъ участіе. Этою цѣлью было возобновленіе плановъ Петра Великаго относительно Оттоманской Порты.

[47]) Schmauss, Einleitung zu der Staatswissenschaft, Leipzig, 1747, II, стр. 602

(*Продолженіе впредь*).

ИЗЪ ЖИЗНИ ГОСУДАРЫНИ-НЕВѢСТЫ КНЯЖНЫ Е. А. ДОЛГОРУКОВОЙ.

Вслѣдъ за исторіею царствованія Анны Іоанновны (которое началось побѣдою надъ олигархическими замыслами князей Долгоруковыхъ, и въ концѣ котораго Россія вновь ужаснулась отъ страшныхъ казней, постигнувшихъ это семейство въ Новѣгородѣ) считаемъ удобнымъ представить нѣкоторыя черты изъ жизни знаменитой княжны Екатерины Алексѣевны, невѣсты императора Петра втораго. Правду говорятъ, что наша исторія въ XVIII вѣкѣ носитъ по преимуществу характеръ біографическій, что все въ этомъ вѣкѣ зависѣло главнѣйше отъ личностей. И дѣйствительно, никогда судьбы отдѣльныхъ лицъ не имѣли такого важнаго вліянія на общій ходъ государственной жизни и не подвергались такимъ разнообразнымъ превратностямъ. Княжна Долгорукова воспиталась въ Варшавѣ въ домѣ дѣда своего, славнаго посла при Польскомъ дворѣ, князя Григорія Ѳедоровича Долгорукова. Она конечно уже вовсе не похожа была на полузатворницъ XVII вѣка. Преданіе сохранило память не только объ ея обольстительной красотѣ,

но и объ умѣніи пользоваться ею и о гордости, съ которою она себя держала. Это нѣчто въ родѣ Марины Мнишекъ. Она дѣйствуетъ изъ побужденій честолюбія. Недавніе примѣры царевны Софіи и (еще болѣе) императрицы Екатерины I-й конечно у нея въ памяти. Она любитъ другаго, но соглашается на блистательную роль, предложенную ей ея родственниками. 17 лѣтъ отъ роду она невѣста императора, имя „ея высочества государыни-невѣсты" уже возносится въ церквахъ на всемъ пространствѣ Россіи. И вдругъ, въ тотъ самый день, кода назначена свадьба, женихъ-императоръ умираетъ (19 Генв. 1730), и въ слѣдъ за тѣмъ Березовская ссылка, казни родныхъ, тѣсная монастырская жизнь. Даже и послѣ прощенія, въ царствованіе имп. Елизаветы, опять жестокая игра случая: Долгорукова умираетъ, только что вышедши за мужъ за графа Брюса, всего 33 лѣтъ отъ роду.

Нижеслѣдующая замѣтка перепечатывается изъ № 246-го Московскихъ Вѣдомостей 1862 года, по желанію автора.

П. Б.

Послѣ Новгородскихъ казней 1739 года, княжна Екатерина Алексѣевна была уже на Бѣлѣ-Озерѣ, въ Воскресенскомъ Горицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ Новогородской губерніи, Кириловскаго уѣзда, принадлежавшемъ тогда къ Вологодской епархіи. Горицкій монастырь былъ суровою пустыню, окруженною тогда дремучими лѣсами и по гористому мѣстоположенію получившею настоящее названіе Горицъ, и не разъ служилъ мѣстомъ заключенія. Все прошедшее этого монастыря заключается въ воспоминаніяхъ именъ страдальческихъ.... Горицкій монастырь въ XVI вѣкѣ построила мать князя Владиміра Андреевича Старицкаго, княгиня Евфронисья. Грозный отравилъ ея сына, а самоё ее постригъ и заточилъ въ Горицкомъ монастырѣ. Сынъ и жертва Грознаго, царевичь Иванъ, постригъ и сослалъ сюда жену свою Прасковью Михайловну Соловую; въ 1606 году прислана сюда насильно постриженная Ксенія Годунова. Въ 1741 году строительница Горицкаго монастыря, монахиня Маремьяна, подавала 12-го іюля доношеніе преосвященному Вологодскому и Бѣлоезерскому съ описью монастырскаго имущества, сколько было въ немъ хлѣбныхъ и другихъ запасовъ, сколько монашествующихъ и находящихся на послушаніи, и сообщала, что въ монастырѣ содержатся колодницы отъ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, по ордеру генерала и кавалера Андрея Ивановича Ушакова. Имена колодницъ не объявлялись по большей части въ ордерахъ; но Долгорукову, бывшую государыню-невѣсту, хорошо знали Горицкія монахини, и о ней остались преданія. Въ началѣ, 1820 годовъ, братъ извѣстной въ свое время писательницы, О. П. Шишкиной (написавшей романы" Скопинъ-Шуйскій и пр.,) Петръ Петровичь Шишкинъ, собиралъ по Новгородской губерніи памятники древностей и записывалъ тщательно преданія о княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Въ его время были еще въ Горицкомъ монастырѣ старушки-монахини, слыхавшія эти преданія отъ самихъ очевидцевъ; самъ г. Шишкинъ былъ уроженецъ окрестностей Горицъ и имѣлъ имѣніе на Бѣломъ Озерѣ. П. П. Шишкинъ постригся потомъ подъ именемъ Платона въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, гдѣ скончался и схороненъ при тамошней соборной церкви св. Георгія; его книги и собранія рукописей поступили въ монастырскую библіотеку. Копія съ вышеупомянутаго доношенія Горицкой строительницы Маремьяны подарена мнѣ въ 1852 году самимъ г. Шишкинымъ.

Въ Горицкомъ монастырѣ, у выхода на такъ-называемый черный дворъ, гдѣ были конюшня, хлѣва и коровникъ, стоялъ небольшой деревянный домикъ съ

малыми отверстіями вмѣсто оконъ; наружная дверь, окованная желѣзомъ, день и ночь была заперта внутреннимъ, да еще висячимъ замкомъ. Здѣсь содержались секретныя колодницы, ни кѣмъ не видимыя кромѣ настоятельницъ и приставницъ; только развѣ, которая изъ колодницъ опасно занемогала, тогда призывался для совершенія требъ монастырскій священникъ. Говорятъ, что когда привезли Долгорукову, то настоятельница монастыря до того испугалась, что долго нехотѣла впускать въ монастырь стороннихъ лицъ, даже въ церковь, богомольцевъ: страшно опасно было имя Долгоруковыхъ; боязнь за небрежное смотрѣніе или, чего Боже сохрани, что нибудь похожее на снисхожденіе къ заключеннымъ колодницамъ.... Въ тѣ времена въ монастыряхъ съ колодниками не церемонились: для усмиренія ихъ и для острастки были колодки, кандалы, стулья съ цѣпями, палки, плети, *шелепа*, т. е, холщевые мѣшечки, набитые мокрымъ пескомъ. Въ 1765 году уничтоженный Новгородскій Саввинъ Вишерскій (въ послѣдствіи возобновленный) монастырь, въ числѣ разнаго имущества, передалъ Спасо-Хутыню монастырю желѣзные ножные и ручные кандалы, для *смиренія*.... [1]) Однажды приставница за что-то хотѣла дать острастку колодницѣ Екатеринѣ Долгоруковой, замахнувшись на нее огромными четками изъ деревянныхъ бусъ: четки иногда замѣняли плетку. «Уважь свѣтъ и во тьмѣ: я княжна, а ты холопка», сказала Долгорукова и гордо посмотрѣла на приставницу. Приставница смутилась и тотчасъ вышла, забывъ даже запереть тюрьму: она была дѣйствительно изъ крѣпостныхъ. Княжна, какъ видно, не забыла прежняго величія, несчастіе только ожесточило ее... Другой разъ пріѣхалъ какой-то генералъ изъ Петербурга, едвали не членъ тайной канцеляріи и даже не самъ глава ея, Андрей Ивановичъ Ушаковъ: все засуетилось, забѣгало въ Горицкомъ монастырѣ. Игуменья угощала гостя въ своихъ кельяхъ, подносила подарки, образа, вышиванья и т. д. Генералъ велѣлъ показать тюрьму и колодницъ; показали ему и княжну Долгорукову. Княжна оказала *грубость*: не встала и отвернулась отъ посѣтителя. Генералъ погрозилъ на колодницу батогами и сей часъ же вышелъ изъ тюрьмы, строго приказавъ игуменьѣ смотрѣть за колодницею. Въ монастырѣ не знали, какъ еще строже смотрѣть; думали, думали и надумались заколотить единственное окошечко въ чуланчикѣ, гдѣ содержалась бывшая государыня-невѣста: съ тѣхъ поръ даже близко къ тюрьмѣ боялись подпускать кого нибудь. Двѣ дѣвочки изъ живущихъ въ монастырѣ вздумали посмотрѣть въ скважину внутренняго замка наружной двери—ихъ за это больно высѣкли.

Такъ провела княжна Долгорукова почти три года въ Горицкомъ монастырѣ.

Вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны отворило темницу Долгоруковой; въ монастырь прискакалъ курьеръ, съ повелѣніемъ освободить княжну Долгорукову, пожалованную во фрейлины (этого повелѣнія нѣтъ въ монастырскихъ бумагахъ). За княжною присланы вскорѣ изъ Петербурга экипажи и прислуга, не то ея родственниками, не то самою государынею.... Княжна тотчасъ забыла прошлое, любезно простилась съ игуменьею и монахинями, на этотъ разъ конечно подобострастными, и обѣщала впредь не оставлять обители посильными приношеніями... Екатерина Алексѣевна сдержала свое обѣщаніе, и по временамъ приходили отъ нея Горицкимъ отшельницамъ денежная милостыня и вклады разными вещами. Въ 1744 году княжна подарила Горицкому монастырю, вѣроятно въ числѣ прочаго, книгу *Прологъ*, содержащую

[1]) *Новгород. Губерн. Вѣд.* 1849 г, № 37.

житіе святыхъ и подписала собственноручно по листамъ: «Лѣта 744-го марта «въ 10-й день сію книгу *Прологъ*, содер«жащую житіе святыхъ угодникъ дала «вдаръ въ обитель Воскресенія Христова, «Горицкій дѣвичь монастырь, на Бѣло«Озерѣ, впамять своего прибыванія княж«на Екатерина Алексѣевна Долгорукая».

Въ Петербургѣ, при дворѣ, княжна Долгорукова встрѣтилась съ сестрою Еленою, Натальею Борисовною, съ братьями Николаемъ, Алексѣемъ и Александромъ, Василіемъ и Михайломъ Владиміровичами: всѣ они, возвращенные изъ ссылки, осыпаны милостями государыни; братья Екатерины Алексѣевны были на службѣ при дворѣ и въ гвардіи, а Василій Владиміровичъ снова фельдмаршаломъ и президентомъ Военной Коллегіи.

Императрица Елизавета хлопотала пристроить обѣихъ княженъ Долгоруковыхъ за достойныхъ людей; эги люди отыскались, и въ 1745 году, обѣ княжны вышли за мужъ. Елена Алексѣевна — за однофамильца своего генералъ-майора князя Юрія Юрьевича Долгорукова, а Екатерина Алексѣевна за генералъ-лейтенанта графа Александра Романовича Брюса (роднаго племянника сподвижнику Петра Великаго, фельдмаршалу, знаменитому колдуну на Сухаревой башнѣ, астроному *Брюсова-планетника*).

Вскорѣ послѣ замужства и незадолго до своей кончины, послѣдовавшей въ томъ же 1745 году, бывшая государыня-невѣста, нынѣ графиня Брюсъ, была въ Новгородѣ. Тамъ въ Рождественскомъ монастырѣ, что на поляхъ, «на убогихъ домахъ» зарыты были тѣла казненныхъ въ 1739 году брата и дядей ея. Екатерина Алексѣевна заложила на могилѣ ихъ церковь во имя свят. Николая чудотворца, которую однакоже построилъ много лѣтъ спустя сынъ казненнаго и погребеннаго здѣсь Ивана Алексѣевича—Михаилъ Ивановичъ, отецъ поэта князя Ивана Михайловича Долгорукова, автора книги: *Бытіе сердца моего*. Екатерина Алексѣевна при заложеніи ею церкви пожертвовала Рождественскому монастырю на убогихъ домахъ новый иконостасъ для будущей церкви и *драгоцѣнный алмазъ*. Въ 1764 году при изданіи духовныхъ штатовъ Новгородскій Рождественскій монастырь *на поляхъ, на убогихъ домахъ* былъ уничтоженъ «какъ не имѣвшій за собою крестьянъ», а бывшая монастырская церковь Рождества Христова, основанная въ XIV вѣкѣ, приписана къ Новгородской приходской церкви свят. Георгія, на Торговой сторонѣ: туда въ это время передали разную церковную утварь, и между тѣмъ дары и вклады графини Брюсъ. Въ послѣдствіи церковь Рождества Христова сдѣлали самостоятельною, учредили при ней кладбище и теперь она называется «кладбищенскою»; но дары и вклады графини Брюсъ оставались все еще въ Георгіевской церкви. Послѣдняя потерпѣла отъ пожара въ 1809 году: въ это время сгорѣлъ иконостасъ и утерянъ драгоцѣнный алмазъ [2]). Во время пожара, въ Новгородѣ былъ викарнымъ епископомъ авторъ *Исторіи Россійской Іерархіи*, Амвросій Орнадскій. Имѣя въ виду нѣкоторые документы, тоже въ это время истребленные пожаромъ, онъ внесъ въ свою исторію, что церковь св. Николая, на могилахъ Долгоруковыхъ, построена княжною Екатериною Алексѣевною, бывшею невѣстою императора Петра II-го;

---

[2]) Записано мною въ Новгородѣ въ 1852 году, со словъ священника от. Матѳея Подберезскаго, слишкомъ 30 лѣтъ служившаго при Рождественскомъ кладбищѣ. Въ церкви св. Георгія, на Торговой сторонѣ, отъ бывшаго имущества Рождественскаго монастыря остался небольшой ковшичекъ въ видѣ лодки съ небольшою ручкою, на немъ чеканная надпись: „Ігумена Іосифа, пити во здравіе....»

между тѣмъ вновь составленный такъ называемый формуляръ церкви называетъ своимъ онователемъ въ 1767 г. князя Михайла Ивановича Долгорукова. При церкви св. Николая чудотворца на Новгородскомъ Рожественскомъ кладбищѣ хранятся вклады этого храмоздателя Михаила Ивановича Долгорукова, данные въ вѣчный поминъ отца его Ивана Алексѣевича, именно евангеліе, пелена, блюдо серебряное, кадило, подсвѣчникъ, икона свят. Николая чудотворца, говорятъ, бывшая съ Иваномъ Алексѣевичемъ въ Березовѣ, куда при Биронѣ были сосланы кн. Долгорукіе. При церкви свят. Николая есть придѣлъ въ честь его ангела, во имя св. Іоанна Златоуста; въ церковномъ диптикѣ (помянникѣ) вписанъ родъ князей Долгоруковыхъ, но, кажется уже въ концѣ XVIII вѣка тамъ вписаны, уже умершими. Екатерина Алексѣевна и Наталья Борисовна, подъ именемъ монахини Нектаріи, а Наталья Борисовна по словамъ *Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ*, умерла въ 1771 г. [3]).

Графиня Екатерина Алексѣевна Брюсъ скончалась вскорѣ послѣ основанія ею церкви св. Николая и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ замужества. Находясь на смертномъ одрѣ, по словамъ того же *Сказанія*, графиня, или бывшая государыня-невѣста, при себѣ велѣла сжечь всѣ свои платья, чтобъ послѣ нея никто не могъ носить ея одежды. Эта предсмертная выходка, если она справедлива, вполнѣ подтверждаетъ преданія Горицкаго монастыря о характерѣ княжны Долгоруковой. Государыня-невѣста была, да и не могло быть иначе, вполнѣ Русская женщина, *боярыня* того вѣка, надменная родомъ *и собственнымъ я*, суровая, самовластная, но по буквѣ религіозная.....

Мы не знаемъ ни мѣста кончины, ни мѣста погребенія бывшей невѣсты Петра II-го; родовыми кладбищами князей Долгоруковыхъ были петербургская Александро-Невская Лавра и московскіе Донской и Богоявленскій монастыри; здѣсь гдѣ нибудь изъ этихъ монастырей нужно искать могилы графини Екатерины Алесѣевны Брюсъ, урожденной княжны Долгоруковой. Въ Александро - Невской Лаврѣ, говорятъ, нѣтъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній; не найдутся ли они, что впрочемъ также сомнительно, въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ или Донскомъ монастыряхъ? *Р. Игнатьевъ.*

[3]) *Новгор. Губерн. Вѣд.* 1852 г. № 23-й статьи Церковь *Рождества Христова на кладбищѣ, въ Новгородѣ*; журн. *Русск. Міръ* 1861 года № 13-й ст. *Путевыя Замѣтки*. Въ эту статью вкралась грубая ошибка, будто бы Екатерина Алексѣевна, вмѣсто Брюса, вышла за бригадира Соймонова.

ДОНЕСЕНІЕ МОСКОВСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА гр. С. А. САЛТЫКОВА ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ.

(1732)

Всемилостивѣйшая государыня!

Вашему императорскому величеству всемилостивѣйшей государынѣ сего апрѣля 17 дня всенижайше рабски доносилъ, что для отбиранія у князя Алексѣя Долгорукова съ дѣтьми алмазныхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, и у *разрушенной* блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петра втораго патрета ([1]), посланъ былъ лейбъ гвардіи преображенскаго полка сержантъ Иванъ Рагозинъ, и съ нимъ два человѣка солдатъ. А сего апрѣля 18 дня оной сержантъ Рагозинъ изъ оной посылки въ Москву пріѣхалъ, и сколько

([1]) Вездѣ патретъ вмѣсто портретъ: точно такъ и теперь произноситъ это слово наше простонародье. *П. Б.*

у оныхъ князь Алексѣя Долгорукова съ дѣтьми алмазныхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей отобралъ, оныя привезъ въ Москву и подалъ онымъ опись. А о патретѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества Петра втораго оной сержантъ донесъ, что князь Алексѣй Долгоруковъ и дочь его сказали: оной патретъ былъ написанъ на бумажкѣ за стекломъ, который носился на рукѣ, и по ссылкѣ ихъ при отъѣздѣ въ Москвѣ надъ тѣмъ патретомъ стекло разбилось, а бумажка та, на которой патретъ написанъ былъ, утратилась, а куда не вѣдаютъ. Онъ же Рагозинъ объявилъ, что изъ оныхъ вещей въ городѣ Березовѣ въ церкви у образа Пресвятыя Богородицы Деогитріи ([2]) привѣсилъ онъ князь Алексѣй Долгоруковъ звѣску въ серебрѣ подъ золотомъ, а въ ней искръ яхонтовыхъ девять, алмазныхъ восемь. И оныя вещи онъ Рагозинъ взять не посмѣлъ для того, что оныя привѣшаны къ образу, а вышеозначенныя отобранныя у князь Алексѣя Долгорукова съ дѣтьми алмазныя золотыя и серебреныя вещи послалъ къ вашему императорскому величеству всемилостивѣйшей государынѣ съ онымъ же сержантомъ Рагозинымъ, а что какихъ вещей имянно, о томъ всенижайше вашему императорскому величеству всемилостивѣйшей моей государынѣ прилагаю при семъ вѣдомость ([3]).

Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни нижайшій рабъ *Семенъ Салтыковъ*.

въ Москвѣ Апрѣля 18 дня
1732 года.

Этотъ актъ, за сообщеніе котораго, (равно какъ и слѣдующаго за нимъ) мы обязаны *В. И. Ламанскому*, находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ указовъ и распоряженій, напечатанныхъ въ „Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ“ (Спб. 1840, стр. 237—256) и клонившихся къ угнетенію недавно столь сильной, энергической семьи. Справедливо замѣчаютъ, что Голицыны, тоже бывшіе верховники, не подверглись такимъ преслѣдованіямъ, главнѣйше потому, что они не были такъ талантливы, и у нихъ не было счетовъ съ Бирономъ, какъ у дѣятельнѣйшаго изъ Долгорукихъ, кн. Василія Лукича Долгорукова, который нѣкогда еще въ Митавѣ пользовался большимъ вліяніемъ на Анну Іоанновну.

Сначала Долгоруковы были только удалены въ деревни, а иные изъ нихъ получили воеводскія должности. Мелочное преслѣдованіе начинается въ концѣ 1730 года; мы объясняемъ себѣ это между прочимъ тѣмъ, что въ это время Долгоруковы лишились заступника въ лицѣ графа Василія Ѳедоровича Салтыкова, роднаго дяди императрицы, женатаго на кн. Александрѣ Григорьевнѣ Долгоруковой, родной теткѣ государыны-невѣсты и скончавшагося 5 Окт.. 1730 г.

П. А.

([2]) Т. е. Одигитріи. *П. Б.*

([3]) Этой вѣдомости у насъ не имѣется. *П. Б.*

ДОКЛАДЪ ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ПОДПОЛКОВНИКА КОННОЙ ГВАРДІИ КН. ШАХОВСКАГО (*)

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, самодержицѣ Всероссійской, всеподданнѣйшій докладъ.

Понеже въ полку вашего императорскаго величества конной гвардіи не имѣется нынѣ въ табельномъ комплектѣ дву подпоручиковъ, изъ которыхъ отъ одной ваканціи получаетъ подпоручицкой трак-

(*) Князя Алексѣя Ивановича, бывшаго правителемъ Малороссіи. Бумага эта любопытна, какъ обращикъ тогдашняго предпочтенія иностранцевъ. *П. Б.*

таментъ (по силѣ именнаго вашего императорскаго величества указу) обрѣтающійся сверхъ комплекту поручикъ Глазенапъ, а на другую порожнюю ваканцію, по разсмотрѣніи той конной гвардіи, восемь штабъ-офицеровъ атестованы нынѣ по старшинству и достоинству по всемилостивѣйшей вашего императорскаго величества конфирмаціи: а именно въ подпоручики изъ корнетовъ Игнатій Языковъ, а на его мѣсто въ корнеты изъ вахмистровъ Петръ Сабуровъ, ибо они тѣми рангами быть достойны и въ конной гвардіи содержать себя въ парадныхъ всякихъ приборахъ и лошадяхъ могутъ. А хотя въ томъ же полку конной гвардіи вахмистры жъ иноземцы Яганъ Волтерсъ, Яганъ Фридрихъ Бинкъ, Михаль Гилберъ Бокъ да Кашперъ Мастеръ по вступленіи въ тѣ ранги и старше онаго Сабурова числятся, но точію всѣ они не шляхтичи, но изъ мѣщанъ и въ конную гвардію опредѣлены, кромѣ Волтерса, вахмистрами изъ полевыхъ полковъ Прусскаго войска изъ молодшихъ ундерофицеровъ, и къ тому жъ изъ нихъ Бокъ и Мастеръ лѣтами стары, и Мастеръ же и грамоты не знаетъ: чего для и сами они желаютъ съ повышеніемъ ранговъ въ гварнизонные полки, а Волтерсъ обрѣтался въ Польшѣ въ командѣ и взятъ тамъ въ полонъ. Всѣ жъ полковые штабъ-офицеры всеподданнѣйше вашему императорскому величеству доносятъ, что онымъ изъ мѣщанъ вахмистрамъ-иноземцамъ, для вышепредставленныхъ резоновъ, въ конной гвардіи корнетами быть неприлично: ибо по именнымъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшимъ указомъ опредѣляются въ тоѣ гвардію оберъ-офицеры, все шляхетство; то ихъ изъ мѣщанъ вахмистровъ же иноземцовъ не соизволите ли всемилостивѣйше указать отпустить въ оберъ-офицеры, какъ и изъ прочихъ пѣхотной гвардіи полковъ бываетъ обыкновенно, въ другіе полки.

О семъ всеподданнѣйше вашего императорскаго величества прошу всемилостивѣйшаго указу.

Подполковникъ Шаховской.

Августа 5 дня.
1734 года.

Конфирмація императрицы Анны.

Понеже наше всемилостивѣйшее соизволеніе всѣхъ чинами жаловать по состоянію каждаго службы и достоинству, не взирая на природу, но токмо на ихъ вѣрность и помянутую службу, такъ какъ и при предкахъ нашихъ бывало, о чемъ и наши указы (чтобъ производить никого не обходя) имѣются, того ради впредь къ докладамъ оного, кто какой природы есть, болѣе не разсуждать, но прописывать ихъ одно старшинство и достоинство и подавать намъ для конфирмаціи. А нынѣ на порозжее подпоручицкое мѣсто жалуемъ корнета Тоуба въ подпоручики, а вахмистра Волтерса въ корнеты, и о томъ повелѣваемъ учинить по сему.

ДВА ПИСЬМА АРСЕНІЯ МАЦѢЕВИЧА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИЗАВЕТѢ.

I.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисавета Петровна, самодержица Всероссійская, государыня и мати Всемилостивѣйшая.

Яко всегдашній и вѣрный рабъ и богомолецъ вашего императорскаго величества, по премногу радуяся о благополучномъ монаршемъ вашемъ прибытіи въ царствующій градъ Москву, и вседушно бы радъ всенижайшій и всеподданнѣйшій мой поклонъ вашему величеству

отдати, ежели бъ мнѣ моя болѣзнь и слабость здравія не препятствовала. Того ради возъимѣлъ смѣлость письменно таковый мой долгъ исполнити и при всенижайшемъ моемъ поклоненіи всеусердное мое богомольческое усердіе поздравленіемъ теченія постнаго святыя четыредесятницы изъявити, желая вашему императорскому величеству послѣ богоугоднаго и душеспасительнаго постнаго препровожденія пресвѣтлымъ днемъ Воскресенія Христова возрадоватися и отъ воскресшаго Христа, Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, миръ, здравіе, долгоденствіе, Божіе благословеніе и вся благая получити.

При семъ всепокорнѣйше доношу, что трудами моими двѣ книги сочинены: одна Обличеніе на книгу раскольническую Олонецкую, а другая возраженіе на пашквиль лютеранскій, на книгу Камень Вѣры сочиненный, которыя книги не представить вашему императорскому величеству совѣсть моя мнѣ воспрещаетъ. Того ради и книги и меня самого особенному вашего императорскаго величества всемилостивѣйшему разсмотрѣнію вручаю и пребываю вашего императорскаго величества государыни и матери всемилостивѣйшія всегдашній рабъ и богомолецъ смиренный Арсеній, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

(Ростовъ)
марта 8 дня
1753 году.

II.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня, императрица Елисавета Петровна, самодержица Всероссійская, государыня и мати всемилостивѣйшая.

За превысочайшее и всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества пожалованіе меня, всеподданнѣйшаго раба и богомольца, виномъ Венгерскимъ, которое я чрезъ преосвященнаго Платона архіепископа Московскаго (*) получилъ, всепокорнѣйшее рабское мое приношу вашему императорскому величеству при всенижайшемъ моемъ поклоненіи благодареніе, и по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества приказу началъ я оное вино себѣ употреблять по совѣту лекаря съ салволятилемъ и, чувствуя пользу, сосновую воду пить оставилъ. Тое жъ вино на приношеніе безкровныя жертвы о дражайшемъ вашего императорскаго величества здравіи и спасеніи при моемъ служеніи будетъ употребляться, котораго здравія и спасенія при благословеніи Божіемъ всегда вашему императорскому величеству, яко всемилостивѣйшей матери, всеусердно и богомолческо (sic) желая, пребываю вашего императорскаго величества, государыни и матери всемилостивѣйшія, всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ смиренный Арсеній, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

іюля 1 дня
1753 году
Ростовъ.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ.

O temps évanouis! o splendeurs éclipsées!
O soleils descendus derrière l'horizon!
V. Hugo.

I.

Чѣмъ минувшій вѣкъ такъ славенъ?
Что гордится старина?
А Суворовъ!... а Державинъ!...
А великая жена!...

А побѣдъ и лиры звуки!
А скрижали нашихъ правъ!

(*) Это былъ архіепископъ Платонъ Малиновскій, ум. въ 1754 г.

Вы забыли дѣдовъ, внуки,
Межь хлопотъ и межь забавъ!

Дѣти! вѣкъ Екатерины
Вѣкъ величья и чудесъ!
Люди были—исполины!
Взоръ орлиный, силы львины,
А полетъ ихъ—до небесъ!

Какъ Синай въ день грозной славы,
Величавый зрѣлся тронъ!
Громъ гремѣлъ на міръ неправый,
А съ него—сходилъ законъ!

Придутъ дни—благословляя
Память силы и добра,
Скажетъ Русь: она вторая
Послѣ перваго Петра!

II.

И не даромъ такъ трепещетъ
Сердце дѣдовъ стариной:
Много, много взору блещетъ
Сквозь туманъ ея сѣдой!

Много были баснословной
Память старая хранитъ!
Чѣмъ же вѣкъ нашъ хладнокровный,
Въ слабой памяти виновный,
Время старое почтитъ?

Что̀ съ любовію въ скрижали
Впишетъ нѣкогда народъ?
Что̀ временъ на мутной дали
Ясной радугой блеснетъ?

III.

Нѣтъ, не праздники Армиды
Царскосельскихъ свѣтлыхъ дней,
Гдѣ роскошный князь Тавриды,
Предъ Владычицей своей,
Въ нѣгѣ славы и покоя,
Кубокъ счастья допивалъ,
И забывши лавръ героя,
Бриліантами сверкалъ!

Не Аѳинскія бесѣды
Эрмитажныхъ вечеровъ,
Гдѣ блистали наши дѣды,
Остротой ума и словъ;

Гдѣ, забывъ суровость воинъ;
Осторожность, дипломатъ,
Былъ Великой удостоенъ
Дружбы сладостныхъ наградъ!

Не свободный храмъ науки,
Гдѣ, средь царственныхъ трудовъ,
Къ ней хвалы влетали звуки
Отъ тогдашнихъ мудрецовъ;
Гдѣ пріютъ послѣдній славы
Вѣкъ отжившій находилъ
И подъ сѣнію державы,
Философствуя, шутилъ!

IV.

Нѣтъ, не то временъ сквозь ночи,
Какъ чудесный метеоръ,
Ослѣпитъ немудрыхъ очи
И утѣшитъ мудрыхъ взоръ!

Нѣтъ, не то, какъ вѣтръ шумящій,
Или гулъ далекихъ водъ,
Сквозь юдоль временъ летящій,
Слухъ потомка потрясетъ!

Ни разгромъ и плѣнъ Варшавы,
Ни пожаръ Чесменскихъ волнъ —
Нѣтъ въ нихъ вѣку прочной славы!
Нашъ ли славою не полнъ?

Мы привыкнули измлада
Къ громамъ славы, къ бурямъ сѣчь!
Отъ Парижа до Царьграда
Съ той поры гулялъ нашъ мечь!

V.

Всѣ минувшія преданья,
Вся поэзія тѣхъ дней,
Какъ восточныя сказанья,
Блещутъ въ памяти людей;

Но померкнутъ—и забвенья
Покрываетъ ихъ волна,
Развѣ вихрь воображенья
Ихъ порой всплеснетъ со дна!

Каждый вѣкъ другому равенъ;
Сила благъ и бѣдъ равна!
Чѣмъ же вѣкъ минувшій славенъ?
Что гордится старина?

VI.

Твердый быть, ума свобода,
Жизнь безъ завтрашнихъ заботъ:
Вотъ что въ памяти народа
Незабытое живетъ!

Вотъ чѣмъ вѣкъ минувшій славенъ,
Что Русь старая горда;
Отъ чего могъ льстить Державинъ
Безъ укора и стыда!

Отъ того еще и нынѣ,
Какъ полвѣка протекло,
Мыслью въ дань Екатеринѣ
Свѣтитъ старости чело!

И на вѣки сохраняя
Память силы и добра,
Помни, Русь: она вторая
Послѣ перваго Петра!

Мих. Дмитріевъ.

ПИСЬМА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ, ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ МЫСЛЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й.

Все нижеслѣдующее писано собственноручно. Письмо XXI-е взято нами, съ позволенія его высокопревосходительства *А. М. Офросимова*, изъ сборника писемъ и рескриптовъ къ Московскимъ главнокомандующимъ; IV и IX получены отъ *И. С. Аксакова;* VI, XVII—XX отъ *В. И. Ламанскаго;* остальныя письма и замѣтки выписаны нами изъ драгоцѣнныхъ бумагъ А. В. Храповицкаго, принадлежащихъ родному его племяннику, нашему извѣстному писателю *Н. В. Сушкову*. Дѣятельный статсъ-секретарь оставилъ послѣ себя не только *Записки*, но и большое количество собственноручныхъ бумагъ Екатерины, и при томъ не только за время своего непосредственнаго служенія при ней (съ 1782), но и такихъ, которыя относятся къ первымъ годамъ ея царствованія. Эти бумаги тѣмъ дороже, что на каждой изъ нихъ помѣчены Храповицкимъ годъ и число. Приносимъ нашу благодарность просвѣщенному и обязательному владѣльцу, приведшему ихъ въ порядокъ и тѣмъ облегчившему пользованіе ими. *П. Б.*

I.

Къ митрополиту Новгородскому Дмитрію Сѣченову.

22 Маія 1767

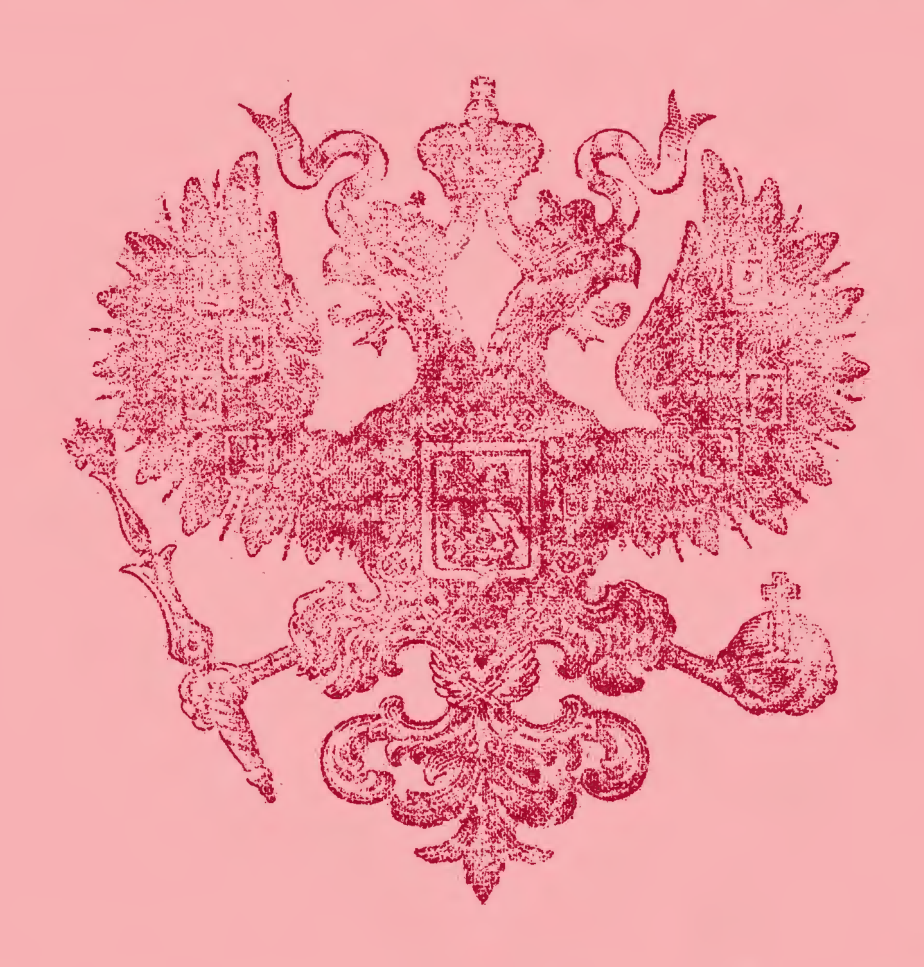
Изъ Нижняго Новагорода. Секретно.

Преосвященный Дмитрій. Все что̀ нынѣ писать буду къ вашему преосвященству, о томъ прошу не иное сдѣлать употребленіе, какъ когда ко времени и къ стати придетъ. Однако я за долгъ почла ваше преосвященство о томъ увѣдомить, дабы Синодъ иногда могъ о томъ имѣть достовѣрныя извѣстія. Здѣшной преосвященной, кажется, человѣкъ слабой, но по старости еще бодръ; но видно, что онъ выбираетъ также людей слабыхъ и такихъ, кои или сами весьма вольны, или такіе опять, кои мало его слушаютъ, а по большой части всѣ простяки ([1]). При томъ во всемъ здѣшнемъ духовенствѣ примѣчается духъ гоненія. Сія же епархія, кажется, весьма достойна особливаго примѣчанія: ибо число правовѣрныхъ, думаю, меньше, нежели число иновѣрныхъ и раскольниковъ. И такъ, кажется, нужнѣе всего здѣсь имѣть священство просвѣщенное ученіемъ право кроткаго и добраго житія, кои бы тихостью, проповѣдью и безпорочностью добронравнаго ученія подкрѣпляли бы во вся-

---

([1]) Изъ Исторіи Россійской іерархіи (I, 168) видно, что тогда епископомъ Нижегородскимъ былъ *Ѳеофанъ Чарнуцкій.* Лишь въ 1773 г. онъ былъ уволенъ на покой въ Кіевопеч. лавру съ пенсіею, гдѣ и умъ въ 1780 г. Преемникомъ его въ Нижнемъ былъ *Антоній Зибелинъ.* *П. Б.*

Русскій 1866 г. Архивъ.

Русская фотографія

Москва.

Русская Фотографія   № du Négatif 22167.   въ Москвѣ.

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ

въ траурномъ одѣяніи по императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

комъ случаѣ Евангельское слово. Противное сему поведеніе примѣтно было, и здѣсь для примѣру опишу дворцовое село Городецъ, гдѣ мнѣ случилось быть на освященіи церкви ([2]) вблизи того села находящагося Ѳедоровскаго монастыря: умолчая о томъ что игуменъ такъ старъ, что на-силу служить можетъ и что монахи такъ мало его почитаютъ, что громко съ бранію наставляли какъ ему служить, что̀ дѣйствительно худо зналъ,—приходскіе Городецкіе священники подали мнѣ челобитную всѣми подписанную, въ коей просили, чтобъ сдѣлано было разсмотрѣніе о ихъ пропитаніи, ибо лишилися всѣхъ прихожанъ за запискою оныхъ въ расколъ. Пріѣхавши сюда, требовала справки, много ли прибыло по ревизіи сихъ, и нашла, что дѣйствительно много. Потомъ пришли ([3]) къ Елагину того села раскольники и говорили ему, что священники съ ними обходятся какъ съ бусурманами: если у кого родится младенецъ и пошлютъ по священника, то сей, гнушаясь ихъ, не хочетъ ни молитвы давать, ни крестить младенца, о чемъ Елагинъ здѣшнему преосвященному донесъ, дабы послали приказаніи къ священникамъ о молитвѣ и крещеніи младенцовъ. Изъ сего, кажется, заключить можно, сколь много огорченія въ духахъ другъ противъ друга, что̀ не поспѣшествуетъ тому спокойствію между гражданами, кое благоразуміе старается вездѣ установить. Вашему преосвященству же извѣстно, сколько кротость пастыря все сіе прекратить можетъ, ибо въ вашей эпархіи и въ Тверской ([4]) очевидные примѣры сему. И такъ прошу ваше преосвященство впредь имѣть бдѣніе, дабы въ сей Нижегородской эпархіи, при случаѣ ваканціи, было весьма осторожно поступлено въ выборѣ персоны: ибо одинъ человѣкъ слабостію и несмотрѣніемъ иногда то испортитъ, что̀ на силу въ двадцать лѣтъ поправить можно. Все сіе пишу въ крайней откровенности и довѣренности къ вашему преосвященству, желая все видѣть къ благу устроеннымъ, наипаче сію важную часть.

([2]) Городецъ—богатое село на Волгѣ, Балахнинскаго у., Нижегород. г. Теперь въ немъ слишкомъ 4 т. душъ; 6 правосл. церквей, одна единовѣрческая и заштатный мужской монастырь, съ 3 церквами, извѣстный подъименемъ Ѳедоровскаго или Радиловскаго. (См. Геогр. Словарь Росс. имп. П. Семенова, Спб. 1863 т. 1, стр. 668). *П. Б.*

([3]) Сначала было написано: „призваны были“. Старообрядцы дворцоваго села явились къ сопровождавшему государыню Ивану Перфильевичу Елагину, потому что онъ былъ ихъ начальникомъ въ качествѣ члена дворцовой канцеляріи. Потомъ онъ былъ охотникъ до богословскихъ тонкостей, по своему масонству. *П. Б.*

II.

Еще разсказъ о первыхъ годахъ своего царствованія ([5]).

Au moi de juillet de l'année 1762 la Russie sortait d'une guerre onereuse. La paix ne lui donna d'autre avantage que le repos. Les finances etaient epuisés à un tel point, qu'il y avoit tous les ans un manquement de 7.000.000 roubles, sans compter ce que l'état devait pour des livraisons etc. ce qui pouvait monter jusqu'à 13 millions. L'armée n'étoit point payé depuis 3 mois. Le commerce était abattu par quantité de monopoles ruineux, pour les branches de ce commerce, sur les quels ils s'etendoient. Le discredit de la couronne etoit grand. Il y avoit jusqu'à cinq valeurs differentes de rouble et quatre d'argent, de cuivre: le caprice decidait de cette valeur. Il n'y avoit pas de systeme reglé; la liste civile n'avait point d'état

([4]) Епископомъ Тверскимъ былъ тогда славный впослѣдствіи митрополитъ Гавріилъ. *П. Б.*

([5]) См. два другіе разсказа въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 г. стр. 469—480 и 882—886.

fixé. L'état de guerre était surchargé, la marine se soulevait à peine et était très negligée. On avait oté aux ecclesiastiques leurs terres sans leur faire un état. Il y avait près de deux cent mille paysans tant de ceux qui travaillaient aux forges que des sujets appartenant aux couvents, qui s'étaient revoltés; et cette contagion s'était repandu jusqu'aux sujets des gentilhommes, qui commencaient dans plusieurs districts à ne plus obeir ni payer leurs charges à leurs maitres. La justice était vendu aux plus offrant, et on ne se servait des loix que là où elles pouvaient être utiles au plus fort. Toutes les places judiciaires de l'empire étaient sorties de leurs lisieres. D'autres avaient perdu leur activité, d'autres étaient oppressées; il y en avait qui ne ressemblaient plus à leur institut. Les particuliers qui s'étaient emparé ou par emprunt ou d'autre maniere de l'argent, des mines et des terres de la couronne, croyaient que l'on leur faisait injustice quand on leur redemandait ce qu'ils avaient dissipé depuis longtems. Ceçi montait à près de quatre millions en argent comptant et à plus de sept en fond de terres et mines.

En 1765 il se trouvait de reste 5.500.000 roubles; les dettes des regnes de Pierre I, de l'imperatrice Anne et trois quart de celui de l'imperatrice Elisabeth sont payés. Le commerce se rechauffe, les monopoles sont abolis, le credit de la couronne venait jusque là que les marchands confient leur argent aux comptoirs de l'état dans un coin de l'empire pour le reçevoir dans le terme qu'ils marquent, à l'autre. La valeur de l'argent et du cuivre dans la monnaie est etablie fixe une fois pour toute. La liste civile est reglée, l'état de guerre de même, la marine se releve, les ecclesiastiques ont leurs pensions payées à point nommé; les revoltés sont soumis, travaillent et payent; la justice ne se vend plus, les loix sont respectées et suivies; toutes les places judiciaires sont rentré dans leurs devoirs; les particuliers payent ce qu'ils doivent sans se ruiner. Des nouvelles fondations il y a une maison des enfans trouvés, une ecole de l'academie des beaux arts ajoutée à cette academie qui était deja fondée, une ecole des filles nobles, une autre de roturieres, les invalides et des pensions, pour tous ceux, qui ne sont plus en état de servir et qui n'ont pas de quoi vivre; une banque à Astracan. On va faire une caisse de veuve et un lombard ici, et l'on travaille au grand ouvrage de la reformation des loix pour tout l'empire, et pour ne point serrer trop d'argent on batit beaucoup ce qui fera une liste à part.

Переводъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1762 года Россія закончила обременительную войну [6]. Миромъ она не пріобрѣла себѣ никакой выгоды кромѣ спокойствія. Финансы истощены были до такой степени, что ежегодно оказывался недочетъ въ 7.000.000 рублей, не считая уплатъ по государственнымъ долгамъ, что̀ простиралось до 13 милліоновъ. Армія не получала жалованья за 3 мѣсяца. Торговля находилась въ упадкѣ, ибо многія отрасли ея были отданы въ разорительную для государства монополію. Казнѣ мало вѣрили. Золотой рубль принимался въ пять разныхъ цѣнъ, серебренный и мѣдный въ четыре, и эти цѣны зависѣли отъ случайности произвола. Не было правильной системы; государственная роспись не имѣла въ себѣ ничего опредѣлительнаго. Военное вѣдомство погружено въ долги, морское едва держалось, находясь въ крайнемъ пренебреженіи. У духовенства отняли земли, не опре-

[6] Собственно говоря, миръ съ Пруссіею заключенъ былъ еще въ маѣ этого года; но Екатерина полагаетъ конецъ войны въ іюлѣ, такъ какъ войска наши до того находились еще въ военныхъ приготовленіяхъ противъ Даніи.

дѣливъ чѣмъ ему жить. Бунтовало около 200 тысячъ крестьянъ, какъ приписанныхъ къ горнымъ заводамъ, такъ и монастырскихъ; и эта зараза распространялась на крестьянъ помѣщичьихъ, которые во многихъ мѣстахъ уже начинали отказывать господамъ своимъ въ повиновеніи и въ уплатѣ повинностей. Правосудіе продавалось съ торгу, и законами руководились только въ тѣхъ случахъ, когда они благопріятствовали лицу сильному. Всѣ судебныя мѣста имперіи выступили изъ надлежащей колеи своей. Одни вовсе ничего не дѣлали, другія находились въ уничиженіи; нѣкоторыя совсѣмъ не соотвѣтствовали своему первоначальному учрежденію. Частныя лица, къ которымъ подъ видомъ займа или какъ нибудь иначе перешли деньги, рудокопни и земли правительства, считали себя обиженными, когда отъ нихъ потребовали назадъ то что̀ они расточали съ давнихъ лѣтъ. Все это достигало суммы около четыре милліоновъ чистыми деньгами, и слишкомъ семи милліоновъ считая цѣнность земель и рудъ.

Въ 1765 году оказалось сбереженіе въ 5.500.000 рублей. Уплачены были долги, сдѣланные въ царствованіе Петра I-го, императрицы Анны, и три четверти долговъ императрицы Елизаветы. Торговля оживляется, монополіи уничтожены, довѣріе къ казнѣ возрасло до такой степени, что купцы отдаютъ свои деньги государственнымъ конторамъ въ одномъ углу имперіи, дабы получить ихъ обратно въ другомъ, въ опредѣленные ими сроки. Установилась цѣнность серебренной и мѣдной монеты, прочно и единообразно. Государственная роспись приведена въ порядокъ, также и военное вѣдомство; морскія силы подымаются. Духовенство получаетъ жалованіе въ опредѣленные сроки; бунтовщики усмирены, работаютъ и платятъ; правосудіе болѣе не продается, законы дѣйствуютъ и уважаются, всѣ судебныя мѣста возвращены къ своимъ обязанностямъ; частныя лица выплачиваютъ что они должны, не разоряясь. Изъ новыхъ учрежденій явился Воспитательный Домъ, Академія Художествъ, присоединенная къ прежде основанной академіи, школа для дѣвицъ благородныхъ и другая для дѣвицъ мѣщанскаго происхожденія, пріютъ для инвалидовъ и пенсіоны всѣмъ, кто болѣе не въ состояніи служить государству и кому не чѣмъ жить; банкъ въ Астрахани. Учреждаютъ Вдовью кассу и Ломбардъ, и занимаются великимъ дѣломъ преобразованія законовъ для всей имперіи; а чтобы не слишкомъ прятать деньги, приступлено ко многимъ постройкамъ, что̀ составляетъ особую статью.

III.

21 Окт. 1767. Москва.

Къ И. Ѳ. Глѣбову.

Что молодой графъ Минихъ извѣстилъ меня вчерась о крайней болѣзни отца его; но какъ сыну туда ѣхать никакъ не можно, ибо онъ самъ боленъ, то (7) прикажите, въ случаѣ смерти фельдмаршала, вдовѣ сказать, что вы имѣете уже повелѣніе отъ меня, чтобъ при погребеніи его ему приличныя почести отданы были военныя. При семъ прилагается то что̀ о томъ учреждено было при похоронахъ гр. Бутурлина. NB. Преображенской полкъ похоронилъ своего подполковника, а не фельдмаршала. При томъ велите фельдмаршальшу спросить, не на-

---

(7) Сначала было написано: „просилъ мнѣ вдовѣ сказать.“ Этому молодому графу Миниху, сочинителю извѣстныхъ Записокъ, было въ то время 59 лѣтъ. Онъ былъ молодъ въ сравненіи съ 84-хъ лѣтнимъ отцомъ своимъ, знаменитымъ фельдмаршаломъ, скончавшимся въ Петербургѣ 16 Окт. 1767 г.: императрица еще не знала тогда объ его кончинѣ. Фельдмаршалъ и подполковникъ Преображ. полка гр. А. Б. Бутурлинъ, о которомъ здѣсь говоритъ Екатерина, умеръ 31 Августа этого года. Иванъ Ѳедоровичъ Глѣбовъ былъ въ то время главнокомандующимъ въ Петербургѣ. П. Б.

добно ли ей кого для отправленія печальныхъ учрежденій, и придайте ей кого вы изберете, ибо пасынокъ ея боится, что она не будетъ имѣть на кого положиться.

IV.

Къ князю Вяземскому.

Князь Александръ Алексѣевичь! Писала ко мнѣ невѣстка моя родная княгиня Ангальтъ-Цербская, прося, чтобъ я помогла Цербскимъ подданнымъ, кои голодъ терпятъ, какъ и прочіе нѣмецкаго края обитатели. Вейнахтъ, ея коммиссіонеръ, къ тому прибавилъ, что тысячь до тридцати рублей великая имъ помочь будетъ; но сіе я не дамъ, ибо, естьли деньгами дамъ, то братецъ мой оныхъ себѣ возметъ въ Швейцарію, гдѣ живетъ, а обыватели его земли останутся въ нуждѣ, чему, чаю, не мало онъ и самъ причиною; но мое мнѣніе есть приказать отселѣ, а еще лутче изъ Остъ-зейскихъ городовъ, купить тысячь на двадцать или тридцать рублей хлѣба и оной чрезъ купца Фридрихса, мимо Вейнахта, послать въ Гамбургъ, гдѣ по Елбѣ рѣкѣ дойдетъ до Цербскихъ областей, адресовавъ оной къ Цербскому правительству: An der fürstlichen Anhalts-Zerbstischen Regierung. Князь Алек. Мих. Голицынъ вице-канцлеръ, который съ ними переписывается, имъ о семъ дастъ знать тогда, когда оной хлѣбъ отправится, о чемъ вы ему дадите извѣстіе; деньги же на сіе изъ моего кабинета взять можете въ свое время, а чаю еще не поздно. Впрочемъ остаюсь, какъ всегда, къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Мая 13. 1772 г.

Изъ современныхъ мѣсяцослововъ видно, что единственный родной братъ Екатерины, князь Ангальтъ-Цербскій, Фридерикъ Августъ, римско-императорскій генералъ-фельдмаршалъ, былъ пятью годами моложе нашей государыни. Супруга его—Фридерика Августа Софья, урожденная принцесса Ангальтъ-Бернбургская. *П. Б.*

V.

Вотчинному правленію Села Царскаго. Сего іюня 23 дня дерзнули подать намъ въ собственныя руки вѣдомства Села Царскаго три крестьянина ложное прошеніе, якобы именемъ всѣхъ приписныхъ къ Селу Царскому крестьянъ, отважась въ ономъ прошеніи охуждать не токмо повелѣнное нами размежеваніе крестьянамъ земель, толкуя оное во вредъ, хотя мы напротивъ того, предвидя ихъ же собственную изъ того пользу, оное размежеваніе учредить повелѣли; но еще сверхъ того, несправедливымъ образомъ, поставляя себѣ за отягощеніе узаконенный отъ насъ платежъ почтовыхъ, которой вся Ингерманландія платитъ, починку внутри дачь Царскосельскихъ дорогъ, кои съ найма чинятся, и слѣдовательно имъ крестьянамъ отнюдь отягощенія быть не можетъ, и даже до рытья карантинныхъ рвовъ и содержанія рогатокъ, кои изъ попеченія отъ насъ для безопасности сихъ же селеній отъ заразительной болѣзни учреждены,—осмѣлились упомянуть яко отяготительное для нихъ дѣло, принося еще сверхъ того многія подобныя недѣльныя жалобы. Чего ради повелѣваемъ, сыскавъ помянутыхъ трехъ мужиковъ, такожъ и тѣхъ, кто имъ прошеніе писалъ и руку прикладывалъ, при собраніи всѣхъ крестьянъ наказать тѣлесно и сослать ихъ на поселеніе, дабы они, а на нихъ смотря и другіе, не отваживались впредь утруждать насъ такими непозволенными, дерзкими и недѣльными прошеніями, а тѣмъ меньше толковать вовредъ чинимыя по нашимъ повелѣніямъ учрежденія, коимъ повиноваться должны. И о семъ во всѣхъ вѣдомства Села Царскаго селеніяхъ публиковать.

25 Іюня 1772.

Село Царское.

Читатели помнятъ, что за 10 мѣсяцевъ передъ симъ возмутилась Московская чернь изъ

за мѣръ противъ заразительной болѣзни, почему строгость императрицы вполнѣ понятна. *П. Б.*

VI.

(Къ гр. Ивану Григорьевичу Орлову).

Видя вашу ко мнѣ довѣренность и что вы сами меня просите, чтобъ я вамъ сказала свои мысли, я сему соотвѣтствую со всякой искренностью и для того написала, какъ я вамъ обѣщала, нижеслѣдующее.

Когда люди, кои имѣютъ духа бодраго, въ трудномъ положеніи, тогда ищутъ они онаго облегчить; я чистосердечно скажу, что ничего для меня труднѣе нѣту, какъ видѣть людей, кои страждутъ отъ печали. Я повадилась входить въ состояніе людей; наипаче я за долгъ почитаю входить въ состояніе таковыхъ людей, коимъ много имѣю благодарности, и для того со всей искренностію я здѣсь скажу, что̀ я думаю, дабы вывести по состоянью дѣло обоюдныхъ участвующихъ изъ душевнаго безпокойства и возвратить имъ состоянье споснѣйшее. И для того предлагаю я нижеписанные способы, въ коихъ искала я сохранить все въ разсужденіи особъ и публики, что̀ только сохранить могла.

1) Все прошедшее предать совершенному забвенію.

2) Неуспѣхъ конгреса я отнюдь не приписываю ничему иному, какъ Турецкаго двора повелѣнію разорвать онаго.

3) Графъ Захаръ Чернышевъ мнѣ сказывалъ, что графа Григорія Григорьевича Орлова желанье и просьба есть, чтобъ экспликаціи избѣгнуть, и вы мнѣ оное подтвердили. Я на сіе совершенно соглашаюсь.

4) И къ сему присовокупляю, что я почитаю смотрѣть на настоящія обстоятельства за трудное и за излишнее, ибо за движеніями, происходящими отъ непріятныхъ обстоятельствъ, окружающихъ человѣка дома, ежечасно, ручаться нельзя, и для того способъ предлагаю:

5) Какъ графъ Гри. Гри. Орловъ нынѣ боленъ, чтобъ онъ подъ симъ видомъ назадъ взялъ чрезъ письмо увольненье ѣхать или къ Москвѣ[8]) или въ деревняхъ своихъ или куда онъ самъ изберетъ за сходственное съ его состояніемъ.

6) Полтораста тысячь, кои я ему жаловала ежегодно, я ему впредь оныхъ въ ежегодной пенсіи производить велю изъ кабинета.

7) На заведеніе дома я ему жалую однажды нынѣ сто тысячь рублей.

8) Всѣ дворцы около Москвы или индѣ, гдѣ они есть, я ему дозволяю въ оныхъ жить, пока своего дома имѣть не будетъ.

9) Людей моихъ и экипажи, какъ онъ ихъ нынѣ имѣетъ, при немъ останутся, пока онъ своихъ заведетъ; когда же онъ оныхъ отпустить за благо разсудитъ, тогда обѣщаю ихъ наградить по мѣрѣ ему сдѣланныхъ отъ нихъ услугъ.

10) Я къ тѣмъ четыремъ тысячамъ душамъ, кои еще графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ за Чесменскую баталью не взялъ, присовокупляю еще шесть тысячь душъ для графа Григорья Григорьевича Орлова съ тѣмъ, чтобъ онъ оныхъ выбралъ или изъ моихъ Псковскихъ или же изъ тѣхъ, кои у меня на Волгѣ или въ которыхъ уѣздахъ самъ за благо разсудитъ, всего десять тысячь душъ.

11) Сервизъ серебренной французской выписной, которой въ кабинетѣ хранится, ему же графу Гри. Гр. жалую совокупно съ тѣмъ, которой купленъ для ежедневнаго употребленья у Датскаго посланника.

12) Какъ домъ у Троицкой пристани готовъ будетъ, то убравъ его, какъ я намѣрена была, ему же графу Гри: Гри: Орлову отдамъ вѣчно и потомственно.

13) Всѣ тѣ вещи, кои хранятся въ каморѣ цалмейстерской и у камердине-

[8]) Зачеркнуто «къ водамъ».

ровъ подъ именованьемъ его графскихъ и о коихъ самъ графъ Гри. Гри. Орловъ о многихъ не знаетъ, ему же велю отпустить.

14) По прошествіи перваго года лутче самъ графъ Гри: Гри: Орловъ въ состояньи найдется располагать какъ за благо разсудитъ и сходственнѣе съ его къ отечеству и къ службѣ моей всегдашнему усердію; съ моей же стороны я никогда не позабуду, сколько я всему роду вашему обязана и качествы тѣ, коими вы украшены и поелику отечеству полезны быть могутъ; и я надѣюсь, что сіе не есть послѣдній знакъ той честности, кою и вы во мнѣ почитаете. Я же въ семъ иного не ищу, какъ обоюдное спокойствіе, кое я совершенно сохранить намѣрена.

VII.

По повелѣнію благоч. самод. вел. г. і. Всеросс. Е. II, въ седьмое лѣто благополучнаго царствованія ея, сей домъ заложенъ мѣсяца числа года въ знаки для потомства памятованія великихъ заслугъ, оказанныхъ ей великой государынѣ и отечеству Всероссійскому спасеніемъ обоихъ отъ предстоящей имъ въ 1762 г. погибели, твердостью, храбростью, разумомъ, мужествомъ и великодушіемъ генералъ-фельдцейгмейстера, директора фортификаціи, обоихъ Россійскихъ орденовъ святаго Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго, также Голштинскаго святыя Анны кавалера, ея имп. велич. генералъ-адъютанта, конной гвардіи подполковника, кавалергардскаго корпуса шефа, канцеляріи опекунства иностраныхъ президента, Санктпетербургск. губерніи Копорскаго уѣзда отъ дворянъ и комиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія депутата, Всероссійской имперіи графа, Гр. Гр. Орлова, ему и потомству его въ вѣчныя времена сей домъ да пребудетъ на память незабвенныхъ дѣлъ.

Помѣщаемъ эти строки здѣсь, какъ приложеніе къ письму VI-му, хотя они относятся къ 1769 году и вѣроятно означаютъ примѣрную надпись на доскѣ при закладкѣ вышеупомянутаго дома у Троицкой пристани. *П Б.*

VIII.

Указъ нашему сенату.

По причинѣ многаго добра, учиненнаго Прокофьемъ Демидовымъ сиропитательному дому, дѣло его въ битьѣ юстицъ-коллегіи секретаря повелѣваемъ предать забвенію, и естьли сенатъ найдетъ, что юстицъ-коллегія, въ противность именнаго нашего указа, дѣло сіе столь долго волочила, то повелѣваемъ вычесть изъ жалованья членовъ того департамента по законамъ и отдать оныя на школу солдатскихъ дѣтей.

27 Апрѣля 1775
Москва

IX.

Къ князю Вяземскому

Князь Александръ Алексѣевичь! Всуе будетъ всякое доброе учрежденіе, ежели не падетъ жребій исполненія онаго на людей, совершенно къ тому способныхъ. На семъ основаніи возвращаю я докладъ отъ сената, чрезъ васъ мнѣ поднесенный, о чинахъ, помѣщаемыхъ въ палаты судныя Тверскаго и Смоленскаго намѣстничествъ. Я не могла оный утвердить, потому что не вижу тутъ людей, искусившихся въ дѣлахъ сихъ родовъ, къ коимъ они опредѣляются, да и большею частію сопосаждаемы суть мѣстъ доселѣ не имущіе.

Не сіе было намѣреніе мое, что я предоставила разсмотрѣнію сената избирать предсѣдателей палатъ. Я чаяла, что выборъ оныхъ соотвѣтствовать будетъ

лучшей моей надеждѣ, и что къ симъ мѣстамъ взыщутся искуснѣйшіе изъ членовъ юстицъ и вотчинной коллегій, о коихъ сенатъ лучше знать можетъ. И ради сего еще разъ я хощу повторить вамъ мое желаніе, которое бы и господамъ сенаторамъ вы предложили, чтобы изъ сихъ обоихъ мѣстъ въ предсѣдатели палатъ и верхняго земскаго суда избраны были достойные люди, и хотя и изъ другихъ, но конечно такіе, что уже на дѣлѣ въ своихъ способностяхъ испытаны; ибо какъ сіи обѣ губерніи, приводимыя въ новый порядокъ, должны быть въ примѣръ другимъ, то и должно въ оныя ко исполненію частныхъ должностей избирать умѣющихъ, а не людей что въ дѣлахъ новы и упражнялись во всю жизнь въ иныхъ званіяхъ. Я пребываю впрочемъ вамъ благожелательна.

Екатерина.

Ноября 25
1775 года
въ Москвѣ.

(На спискѣ чиновъ, представленныхъ въ новыя должности, собственноручно написано):

«Противу сего ничего сказать не могу, ибо ни единаго не знаю, а желательно, чтобъ старые воеводы были достойны быть умѣщаемы, и ихъ товарищи, ибо нельзя, чтобъ нѣкоторые знаніе не пріобрѣли.»

X.

Съ крайнимъ удивленіемъ услышала я, вышедши изо стола, что вы положили съ М. Н. Кречетниковымъ сегодня еще быть комедіи. Подобное положеніе, не доложась мнѣ, не подобаетъ дѣлать, понеже о томъ, что́ мнѣ угодно или не угодно, никто знать не можетъ; а я въ опекунствѣ ни чьемъ быть не желаю.

20 Іюня 1787.

XI.

Къ Храповицкому.

Александръ Васильевичь. Скажете батюшкѣ духовнику, что Александръ Матвѣевичь у меня проситъ мощей въ золотой крестъ, которой онъ посылаетъ къ своей матери. Мнѣ помнится, что у меня въ церкви есть образа многіе съ мощьми, и чтобъ онъ отобралъ нѣсколько частицъ для того.

7 Февраля 1788.

XII.

Stenvild пишетъ къ Александру Матвѣевичу, что къ нему изъ дворца кто-то, когда онъ не былъ дома, приходилъ съ тѣмъ, чтобъ онъ сего вечера былъ въ эрмитажѣ, прося знать дать, когда ему пріѣхать. Я думаю, что галиматью подобную составляютъ отъ ослышки слугъ, и для того васъ о семъ извѣщаю, чтобъ вы отнюдь не сегодня и не въ такой часъ когда я дома, но во время бытности моей у обѣдни, водили его посмотрѣть днемъ эрмитажа и антресолей, какъ я вамъ сего утра приказывала при графѣ Брюсѣ.

29 Февраля 1788.

XIII.

Je ne sais pas qui est cet honnete home. Sa harangue au corps des cadets est bien ecrite en allemand. Il faut lui faire un present pour l'envoye de son livre. Pour la place qu'il me demande d'apprendre l'histoire à mes petits fils, je ne saurois la lui donner parcequ'elle est occupée par mr. de la Harpe qui s'en acquite parfaitement bien.

Ce 15 décembre 1788.

Переводъ. Я не знаю, кто этотъ честный человѣкъ. Его рѣчь въ кадетскомъ корпусѣ написана хорошимъ нѣмецкимъ языкомъ. Нужно его чѣмъ нибудь по-

дарить за присылку книги. Что касается до его просьбы преподавать исторію моимъ внукамъ, то я не могу ее исполнить, потому что этимъ занимается г. Лагарпъ и исполняетъ свою должность отлично.

XIV.

Былъ докторъ Тейльсъ, котораго дѣти и внуки у насъ и нынѣ. Сей, бывъ въ Царьградѣ въ 1716 г. и до того у Голандскаго посла, велъ негоціаціи Петра I, когда Шафировъ и Толстой сидѣли въ семи башняхъ. Послѣ того сей Тейльсъ обнародовалъ на французскомъ языкѣ въ малой книжкѣ свои негоціаціи. Сія книжка въ моей вивліофикѣ была, но не знаю, не отдала ли я ее графу Безбородку. Прошу ее отыскать. Буде отъищите, отдайте ее на прочтеніе графу Сегюру.

6 Генваря 1789.

XV.

Къ Мамонову-отцу.

Матвѣй Васильевичь. Увѣдомясь сегодня изъ письма вашего къ Александру Юрьевичу Нелединскому о вашей потерѣ, сердечное мое о семъ сожалѣніе вамъ и Аннѣ Ивановнѣ чрезъ сіе изъявляю. Чувствительность сына вашего хотя соразмѣрна случаю, но всевозможное стараніе прилагается, чтобъ его здоровье охранить невредимо, въ чемъ на Бога надѣюсь. Остаюсь къ вамъ непремѣнно доброжелательна.

28 Февр. 1789.

XVI.

Вы можете отвѣтствовать свя:, что менѣе всего ожидать надлежало благотворительной рукѣ отъ святительской особы, осыпанной, отличенной и возведенной щедростью и щедротами, безразсудной толкъ извѣстной переписки, которой одно злобою наполненное сердце лишь можетъ дать кривое толкованіе; понеже сама собою та переписка весьма невинна, въ такое время, когда тотъ осмидесятилѣтній старикъ старался своими во всей Европѣ жадно читаемыми сочиненіями прославить Россію, унизить враговъ ея и удержать дѣятельную вражду своихъ соотчичей, кои тогда старались распространить повсюду язвительную злобу противу дѣлъ нашего отечества, въ чемъ и предуспѣлъ. Въ такомъ виду и намѣреніи письмы, писанныя къ безбожнику, кажется, не нанесли вреда ни церкви ни отечеству.

17 Сентября 1789.

Очевидно относится къ перепискѣ Екатерины съ Вольтеромъ, собраніе сочиненій котораго передъ тѣмъ вышло (1788) въ извѣстномъ изданіи Бомарше. Гдѣ подлинники? Увѣряютъ, будто письма Екатерины напечатаны не вполнѣ. Кто была упоминаемая святительская особа, мы не могли доискаться. Не митрополитъ ли Платонъ, коему не совсѣмъ благопріятствуетъ императрица въ своихъ отзывахъ Храповицкому? *П. Б.*

XVII.

Сказать господамъ обершталмейстерамъ, что я имъ накрѣпко запрещаю всякой сбродъ набирать въ рейтъ-пажи, комиссары и иныхъ должностей, какъ то поповскихъ дѣтей и приказныхъ служительскихъ, ибо дворянъ довольно; а буде бы и тѣхъ не было, то имѣютъ изъ старыхъ при дворѣ служащихъ довольное число людей, кои во всякихъ должностей употребить могутъ. Нынѣ еще найденъ комиссаръ конюшенной, который за взятки возмущаетъ помѣщичіи крестьяне.

XVIII.

Georgii (9) послать медаль и сказать ему, что съ прекрайнимъ удовольствіемъ

(9) Т. е. извѣстному путешественнику Георги.

читала Россiйской переводъ его описанiя всѣхъ въ Россiйскомъ государствѣ обитающихъ народовъ.

XIX.

Ваша опера очень хороша, но въ первомъ явленiи няни и мамы одѣты, какъ подлой народъ; у насъ въ старину барыни не такъ дурно одѣвались. Прикажите ихъ одѣть инако, у меня есть въ казенной ([10]) кички да и портреты есть какъ ихъ одѣть. Рукава должны быть наборные, да сверхъ тѣлогрѣй на плечахъ ферези, а фаты на мамахъ кисейныя, а не иныя подлыя, а то на большомъ ѳеатрѣ не уйдете отъ критики.

XX.

Напишите благодарительной манифестъ всему войску и государству за ревнительное мнѣ оказанное усердiе отъ всѣхъ чиновъ въ сей Шведской войнѣ, особенно Петербургской губернiи жителямъ и слободамъ тѣмъ, кои рекрутъ прислали добровольно и возили цѣлое лѣто подвижной магазеинъ. Дайте имъ грамоту или листъ на память ихъ усердiя.

(1790).

XXI.

Къ Московскому главнокомандующему князю Прозоровскому.

Секретно.

Князь Александръ Александровичь. Недавно появилась въ продажѣ книга, церковными литерами напечатанная, содержащая разныя собранныя статьи изъ повѣствованiй раскольническихъ, какъ-то мнимую исторiю о страдальцахъ Соловецкихъ, списокъ съ челобитной Соловецкаго монастыря, посланной къ Москвѣ въ 106 году ([11]), посланiе и прѣнiе о сложенiи крестныхъ перстовъ, повѣсть о протопопѣ Аввакумѣ и прочiя тому подобныя, наполненныя небывалыми происшествiями, ложными чудесами, а притомъ израженiями во многихъ мѣстахъ дерзкими и какъ благочестивой нашей церкви противными, такъ государственному правленiю поносительными. Сiя книга пущена въ продажу съ выдранiемъ заглавнаго листа, такъ что нельзя видѣть, гдѣ она напечатана; да вѣроятно, что и при сохраненiи того листа въ цѣлости не могло быть на ономъ справедливо показано мѣсто ея тисненiя, тѣмъ паче, что на другихъ подобныхъ, церковною же печатiю изданныхъ, книгахъ означено, будто бы они съ преложенiя Россiйскаго перепечатаны въ королевской Гродненской типографiи; но сему по разнымъ соображенiямъ быть неуповательно, а есть вѣроятность, что подобныя книги издаются въ Москвѣ, въ партикулярныхъ типографiяхъ, наипаче же имѣемъ причину подозрѣвать въ семъ дѣлѣ извѣстнаго вамъ Николая Новикова, который, какъ слышно, сверхъ типографiи, имѣющейся у него въ Москвѣ, завелъ таковую и въ подмосковной его деревнѣ. Вслѣдствiе чего повелѣваемъ вамъ, выбравъ одного изъ совѣтниковъ уголовной или другой какой палаты и одного или двухъ изъ засѣдателей верхняго земскаго суда, людей вѣрныхъ, надежныхъ и исправныхъ, послать ихъ нечаянно къ помянутому Новикову какъ въ Московскiй его домъ, такъ и въ деревню, и въ обѣихъ сихъ мѣстахъ приказать имъ прилежно обыскать, не найдется ли у него таковая книга, либо другiя ей подобныя, или же по крайней мѣрѣ литеры церковныя. И то и другое будетъ служить достаточнымъ обличенiемъ, что изданiе помянутой книги есть его дѣло, и въ такомъ случаѣ не только лишается онъ права содержать типографiи, какъ преступившiй изданныя отъ

([10]) Т. е. кладовой или палатѣ. *П. Б.*

([11]) Вѣроятно описка вмѣсто 206 году, т. е. 7206-мъ или 1698-мъ. *П. Б.*

насъ повелѣнія, коими предоставлено изданіе церковныхъ книгъ единственно духовнымъ типографіямъ, подъ наблюденіемъ Синода нашего заведеннымъ, но подвергается конфискаціи всѣхъ таковыхъ книгъ и литеръ, а сверхъ того и должному по законамъ отвѣту и взысканію. Чего ради и надлежитъ самаго его взять подъ присмотръ и допросить о причинѣ таковаго запрещеннаго поступка. При воспослѣдованіи сего не оставьте также безъ вниманія и нужнаго изслѣдованія и сего обстоятельства, что какъ помянутой Новиковъ, по общему объ немъ свѣдѣнію, есть человѣкъ, не стяжавшій никакого имѣнія, ни по рожденію его, ни по наслѣдству, ниже другими извѣстными и законными средствами, а нынѣ почитается въ числѣ весьма достаточныхъ людей, наипаче же знатными зданіями и заведеніями, то откуда онъ и какимъ образомъ все то пріобрѣлъ, и можетъ ли оправдать безкорыстное его въ семъ случаѣ поведеніе. О чемъ всемъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, не оставьте донести намъ обстоятельно и немедленно. Пребываемъ и пр. *Екатерина.*

Въ С. Петербургѣ
Апрѣля 13 1792 года.

Ф. Ц. ЛАГАРПЪ ВЪ РОССІИ.

(*Изъ его Записокъ*).

Въ позапрошломъ году въ Женевѣ напечатана была въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Mémoires de Frédéric-César Laharpe concernant sa conduite comme directeur de la République helvetique, adressés pas lui même à Zschokke, précédés de «Iohannes Müllers Freundschaftsbund mit Karl Victor von Bonstetten» et suivis de «Staatsanwalt David Ulrich von Zürich», par Jacques Vogel, professeur aggrégé d'histoire à l'université de Berne. Paris et Genève. 1864. (1) Въ главной части этого сборника интересныхъ матеріаловъ для новѣйшей исторіи Швейцаріи, Запискахъ Лагарпа, писанныхъ послѣ того, какъ завершилась главная его политическая дѣятельность (2), встрѣтилось нѣсколько страницъ о пребываніи его въ Россіи въ качествѣ наставника великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Извѣстія эти, какъ сознается самъ Лагарпъ, могли бы быть интереснѣе, еслибъ были подробнѣе; но и въ своемъ настоящемъ видѣ они должны быть приняты къ свѣдѣнію тѣми, кто интересуется ходомъ русскихъ событій въ концѣ прошлаго вѣка. Съ этою цѣлью предлагаемъ здѣсь разсказы Лагарпа о его пребываніи въ Россіи въ полномъ переводѣ, который могъ бы совершенно замѣнить собою малораспространенный французскій подлинникъ. Для ясности предпослано нѣсколько замѣтокъ о жизни Лагарпа до его пріѣзда въ Россію, по большой части тоже подлинными словами его Записокъ.

Я родился въ Роллѣ, большомъ мѣстечкѣ Леманскаго кантона, отъ родителей небогатыхъ, но пользовавшихся общимъ уваженіемъ (3). Мой отецъ, отставной военный

(1) Т. е. Записки Фридриха-Цесаря Лагарпа о его поведеніи какъ директора Гельветической республики, писанныя имъ самимъ для Цшокке, съ приложеніемъ статей Якова Фогеля, адъюнктпрофессора Бернскаго университета, о дружбѣ Іоганна Мюллера съ Карломъ-Викторомъ Бонштеттскимъ, и о правленіи Давида Ульриха изъ Цюриха.

(2) Посвященіе Записокъ помѣчено 2 флореалемъ XII года (1804).

(3) Лагарпъ род. въ 1754 г.; въ 1783 г., въ одинъ годъ съ своимъ начальникомъ Н. И. Салтыковымъ поступилъ въ наставники къ вел. князю Александру Павловичу, слѣд. 29 лѣтъ отъ роду (см. ниже). Умеръ онъ въ Лозаннѣ въ 1838 году. Его полная біографія помѣщена въ Nouvelle biographie générale (Paris 1859), тамъ между прочимъ говорится, что Лагарпъ, сдѣлавшись членомъ Гельветической директоріи, проводилъ свои

человѣкъ, довольно образованный и въ особенности очень умный и любезный, былъ первымъ моимъ наставникомъ и лучшимъ другомъ. Его отецъ и дѣдъ такъ были извѣстны по своей честности и добродѣтели, что память о нихъ была еще свѣжа въ мое дѣтство. Въ эту пору первыхъ впечатлѣній, ихъ примѣръ не разъ былъ мнѣ указываемъ людьми изъ народа (которымъ были любезны мои предки), вмѣстѣ съ убѣжденіями идти по ихъ слѣдамъ. Одно изъ первыхъ моихъ воспоминаній составляютъ горячія слезы, пролитыя мною при созерцаніи портрета моего прадѣда, предъ которымъ я поклялся подобно ему любить справедливость и народъ. И такъ, я потомокъ добродѣтельныхъ людей, сперво-начала другъ народнаго дѣла. Послѣ этого я могъ бы и не прибавлять, что мой родъ принадлежалъ къ тому, что называлось дворянствомъ Ваадтланда, еслибъ это обстоятельство не служило къ объясненію ненависти, обнаруженной ко мнѣ этимъ сословіемъ, въ глазахъ котораго я слыву измѣнникомъ.

Несправедливость, претерпѣнная мною въ дѣтствѣ, и со времени которой идутъ мои воспоминанія, быть можетъ, увеличила во мнѣ то неодолимое отвращеніе, которое я постоянно чувствовалъ ко всѣмъ, кто считаетъ себя въ правѣ быть несправедливымъ.

Я началъ мое ученіе въРолльскомъ коллегіумѣ, тогда плохо устроенномъ. Къ счастью, одинъ изъ братьевъ моего отца, принадлежавшій къ духовному званію и столь же почтенный по своимъ добродѣтелямъ, сколько ласковый, открылъ мнѣ доступъ въ свою библіотеку. Здѣсь то я пожиралъ *Древнюю Исторію* (¹) и получилъ къ людямъ древности и къ республикамъ то восторженное уваженіе, которое имѣло такое вліяніе на всю мою послѣдующую жизнь.

Исторія Англіи, Голландцевъ и Швейцарцевъ, давая мнѣ еще болѣе понять цѣну свободы, еще сильнѣе укрѣпила во мнѣ республиканскія наклонности. Вы легко поймете, что, сравнивая это съ тѣмъ, что я видѣлъ вокругъ себя, я приходилъ въ смущеніе. Подобно этому, когда я, въ первый день моего пребыванія въ Римѣ, забылся въ мечтаніяхъ среди развалинъ *Campo Vaccino*, я былъ внезапно самымъ непріятнымъ образомъ пробужденъ отъ нихъ отвратительными нищими, которыхъ грубыя и подлыя выраженія мгновенно заставили меня перенестись назадъ черезъ восемнадцать вѣковъ.

Кто не воображалъ себя блуждающимъ въ Аѳинахъ, Лакедемонѣ и Римѣ? Чтобы не быть развлекаемымъ въ этомъ наслажденіи, я избѣгалъ своихъ товарищей и искалъ уединенія; иногда же я приходилъ къ моему дорогому отцу, въ чувствительномъ и благородномъ сердцѣ коего были струны, отвѣчавшія моимъ рѣчамъ, и одной прогулкой съ нимъ я наслаждался болѣе, чѣмъ если бы онъ былъ моимъ товарищемъ. Въ это время я и не воображалъ, что увижу со временемъ возрожденіе Римской республики, и что самъ, поставленный у кормила новой республики въ моемъ отечествѣ, буду находиться, по моимъ обязанностямъ, въ офиціальныхъ сношеніяхъ съ римскими консулами.

Въ это время Лагарпъ сблизился съ однимъ пейзажистомъ, который посѣтилъ его родной городъ, и далъ ему нѣсколько указаній для занятій живописью, и съ своимъ двоюроднымъ братомъ, Амедеемъ Лагарпомъ, въ послѣдствіи генераломъ Французской республики.

Когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, меня послали въ Гальденштейнскую семинарію, гдѣ я пробылъ 30 мѣсяцевъ. Было бы излишнимъ говорить объ этомъ заведеніи,

---

идеи сурово и насильственно. Общая участь крайнихъ вольнолюбцевъ! *П. Б.*

(¹) Безъ сомнѣнія — Ролленя.

которое вамъ знакомо. Его республиканское устройство столь соотвѣтствовало моимъ наклонностямъ, что могло только укрѣпить ихъ еще болѣе. Въ прекрасномъ Гальденштейнскомъ саду, гуляя по тамошнимъ живописнымъ дорожкамъ и мѣстностямъ, я набросалъ первый очеркъ проэкта Гельветической республики, который и въ моихъ собственныхъ глазахъ былъ не болѣе, какъ воздушнымъ замкомъ. Кромѣ того надобно замѣтить, что изъ этой семинаріи вышли многіе люди, игравшіе роль во время нашей революціи, въ этой или другой партіи.

Въ Гальденштейнѣ Лагарпъ занимался преимущественно математикой, которую особенно любилъ. Тѣ же занятія продолжалъ онъ потомъ и въ Женевѣ. Но вотъ для него наступила пора выбрать себѣ какое-нибудь спеціальное занятіе. По совѣту почтеннаго юриста доктора Фавра, изъ Ролля, ему назначено было поприще адвоката, и Лагарпъ отправился въ Тюбингенъ, чтобы готовиться къ оному. Двадцати лѣтъ, онъ получилъ уже степень доктора правъ, вернулся на родину и, продолжая заниматься при пособіи библіотеки доктора Фавра, очень сошелся съ нимъ. Въ послѣдствіи, живя въ Россіи, онъ велъ съ нимъ довольно дѣятельную переписку. Выигравъ одно дѣло, Лагарпъ получилъ патентъ на званіе адвоката въ высшейРолльской апелляціонной камерѣ и принужденъ былъ, по своимъ обязанностямъ, жить всякую зиму въ Бернѣ. Здѣсь, каждый природный житель города съ презрѣніемъ смотрѣлъ на Ваадтландца, даже дворянина, и это было невыносимо Лагарпу, какъ поклоннику идей равенства. Послѣ непріятнаго столкновенія съ однимъ изъ членовъ высшаго трибунала, онъ рѣшился оставить адвокатуру и Бернъ.

Уже взоры мои обращались къ Сѣверной Америкѣ, въ которой шла борьба за независимость, когда меня познакомили съ братомъ одного очень значительнаго Русскаго вельможи, предлагая мнѣ сопровождать его въ путешествіи по Италіи. Посѣтить прекрасную Италію, предметъ моихъ желаній, было для меня истинной находкой. Я принялъ предложеніе. Наше путешествіе продолжалось годъ, въ теченіе котораго мы посѣтили также Мальту и Сицилію (5).

Въ Римѣ я получилъ приглашеніе отъ барона Гримма ѣхать въ Петербургъ, гдѣ императрица хотѣла дать мнѣ занятія. Я прибылъ туда въ 1782 году. Военный чинъ, который я имѣлъ въ нашихъ національныхъ войскахъ, былъ утвержденъ за мною, и я вступилъ въ службу. Годъ спустя, меня сдѣлали кавалеромъ при нынѣшнемъ императорѣ (6), и я сталъ наставникомъ его и его брата.

Обзоръ моихъ занятій съ 1783 по 1795 г. сюда не относится; можетъ быть, я займусь имъ когда нибудъ при пособіи матеріаловъ, мною сохраненныхъ. Нѣсколько данныхъ о воспитаніи такого человѣка, какъ Александръ I, могутъ интересовать искреннихъ друзей бѣднаго человѣчества (7).

Провидѣніе, повидимому, возъимѣло сожалѣніе о милліонахъ людей, обитающихъ въ Россіи (8); но лишь Екатерина II могла

(5) Кто былъ этотъ вельможа? *П. Б.*

(6) Александру Павловичу было тогда 6 лѣтъ отъ роду. *П. Б.*

(7) Въ 1787 г. я сообщилъ г. Бриделю, пастору въ Базелѣ, нѣкоторые отрывки изъ моихъ лекцій великимъ князьямъ; онъ ихъ читалъ по моему желанію членамъ Гельветическаго общества, собравшимся въ 1788 г. въ Ольтенѣ; по его же распоряженію мнѣ передано было ихъ мнѣніе, и Гельветическіе журналы въ свое время благосклонно отзывались о моемъ трудѣ. *Прим. Лагарпа.*

(8) Стоитъ замѣтить эту черту крайняго самолюбія и забавной (объясняемой отчасти орографическими условіями) тѣсноты и узости взгляда въ славномъ Швейцарцѣ, которому суждено было имѣть такое вліяніе на государя обширнѣйшей въ свѣтѣ державы. *П. Б.*

пожелать, чтобы ея внуки были воспитаны, какъ люди. И таково было желаніе не одной этой необыкновенной женщины, а также и ея преемника Павла I и его августѣйшей и столь почтенной супруги.

Иностранецъ, безъ протекціи, — какъ могъ я не встрѣтить противорѣчія и неудачь? И дѣйствительно, порядочное количество всего этого выпало мнѣ на долю, и еслибы Небо не послало мнѣ такъ много стойкости и до фанатизма доведеннаго желанія добра, я часто впадалъ бы въ уныніе. Занятія, постоянный трудъ, уединеніе и несокрушимая рѣшимость жертвовать для моей цѣли всѣми расчетами личнаго интереса поддержали меня. Въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда я соблазнялся мыслью просить увольненія, я запирался у себя дома и, открывши древнихъ, преимущественно же добряка Плутарха, скоро находилъ въ немъ утѣшеніе. Катонъ, Аратъ, Филопоменъ, Ю. М. Брутъ, Демосѳенъ, Цицеронъ и другіе, которымъ отличные таланты, великія заслуги и высокія добродѣтели давали столько права на счастіе, были непризнаны, угнетаемы и тѣмъ не менѣе не переставали идти по начертанному ими пути; а меня мелкія противорѣчія, незначущія обиды и тому подобныя неудачи могли заставить отказаться отъ моей задачи, между тѣмъ какъ, благодаря постоянству, можно было способствовать сохраненію лучшаго будущаго для сорока милліоновъ людей! Никогда это цѣлительное средство не оставалось безплодно, и когда я видалъ въ отчаянномъ положеніи людей, достойныхъ имени человѣка, я имъ говорилъ: «Загляните въ древнихъ, посовѣтуйтесь съ Тацитомъ и съ добрымъ Плутархомъ».

Со всѣмъ тѣмъ, милостивый государь, вспоминая, что я былъ преисполненъ республиканскими правилами, воспитанъ въ одиночествѣ, совершенно отчужденъ отъ міра, жилъ болѣе съ книгами и созданіями фантазіи, чѣмъ съ настоящими людьми, я не могу не удивляться, что долженъ былъ провести двѣнадцать лѣтъ при дворѣ, безъ руководителей и добрыхъ совѣтовъ и не сдѣлался предметомъ еще бо́льшихъ гоненій. Всюду, кромѣ Россіи, я подвергся бы имъ, и изъ этого я заключаю, что каста придворныхъ въ этой странѣ наименѣе недоброжелательна. Правда, первые годы моего пребыванія въ Россіи были тяжелы. Противоположность моихъ привычекъ съ привычками тѣхъ людей, въ обществѣ которыхъ я находился, подала поводъ предполагать во мнѣ гордость, которая казалась тѣмъ сильнѣе, что я не искалъ никакихъ повышеній или наградъ; но лишь только убѣдились, что эта гордость не была способна поставлять препятствія другимъ, стали желать мнѣ добра, и благорасположеніе ко мнѣ сдѣлалось до того общимъ, что я пріобрѣлъ много друзей въ этой чужой сторонѣ, которая съ тѣхъ поръ стала для меня вторымъ отечествомъ и по моимъ связямъ, и по моей женитьбѣ на одной Петербургской уроженкѣ.

Я счастливо избѣгнулъ гибели, когда вспыхнула Французская революція. Мои принципы были такъ хорошо извѣстны, что меня сейчасъ же могли включить въ число людей, которыхъ называли тогда *демократами*. Не смотря на то, меня нисколько не потревожили, и я, съ своей стороны, старался избѣгнуть всякихъ непріятностей, заключившись совершенно въ кругѣ моихъ обязанностей, которыя я продолжалъ ревностно исполнять (9).

(9) Сличи отзывъ Екатерины о Лагарпѣ, помѣщенный выше на стр. 70-й и также въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., стр. 952, 953 и 958. Государыня писала Н. И. Салтыкову: „Присланную роспись ученія великихъ князей, сочиненную Лагарпомъ, а показать велѣла Фицгерберту (англійскому послу), и онъ такъ какъ и я находитъ, что лучше выдумать нельзя, и о успѣхахъ не сомнѣваюсь. Скажите Лагарпу мое удовольствіе.“

Однако, такое положеніе было затруднительно, потому что событія революціи, сдѣлавшись предметомъ ежедневныхъ разговоровъ, приводили къ очень оживленнымъ спорамъ о принципахъ и ихъ приложеніи, спорамъ, въ которыхъ нельзя было не принимать участія. Когда приходилъ мой чередъ, я откровенно высказывалъ мое мнѣніе, и если разговоръ происходилъ въ присутствіи великихъ князей, я старался оправдать принципы и приводилъ такіе примѣры изъ древней и новой исторіи, которые лучше всего могли бы подѣйствовать на ихъ чистый здравый смыслъ и молодыя сердца. Вмѣсто того, чтобы предлагать имъ обыкновенный курсъ естественнаго и человѣческаго права, я предположилъ себѣ подробно и вполнѣ свободно изложить великій вопросъ о происхожденіи обществъ.

Это произведеніе было набросано, но нападки, направленныя противъ меня, помѣшали мнѣ продолжать его, ибо нѣкоторое время оно слыло даже за *якобинское*. Пришлось пріостановиться, что́ я и сдѣлалъ, принявшись читать съ моими учениками сочиненія, въ которыхъ вопросъ о свободѣ человѣчества былъ энергически защищаемъ людьми замѣчательными и притомъ умершими прежде революціи. Это удалось, и благодаря рѣчамъ Демосѳена, Плутарху, Тациту, исторіи Стуартовъ, Локку, Сиднею, Мабли, Руссо, Гиббону, посмертнымъ Запискамъ Дюкло, я могъ исполнить мою задачу, какъ человѣкъ, сознававшій свои обязательства передъ великимъ народомъ ([10]).

Мнѣ казалось, что Французская революція должна повлечь за собою освобожденіе илотовъ Швейцаріи ([11]), но сперва я жестоко обманулся въ моей надеждѣ. Говоря словами моей записки, поданной Законодательному Совѣту 14 января 1800 года, я не зналъ, что *три вѣка рабства унизили души*. Мучимый этой апатіей, я не могъ наслаждаться отдыхомъ и думалъ, что теряю выгодную минуту; ибо — признаюсь откровенно — мало довѣряя въ то время прочности новыхъ Французскихъ учрежденій, я желалъ, чтобы поторопились ([12]) прежде, чѣмъ состоится контрреволюція, которая казалась мнѣ крайне вѣроятною.

Это тревожное состояніе стало для меня сносно только послѣ того, какъ я облегчилъ свою душу, написавъ записку, въ которой изложилъ всѣ требованія илотовъ и умолялъ ихъ принять рѣшительныя мѣры къ разрушенію ихъ цѣпей. За этой запиской послѣдовало шестьдесятъ другихъ, изъ которыхъ многія, будучи переведены на языки нѣмецкій, италіанскій и англійскій, въ различномъ видѣ появились въ газетахъ и были печатаемы, читаемы и распространяемы людьми, не знавшими, кто ихъ авторъ. Мнѣ даже присылали ихъ, какъ предметъ любопытства. Чрезвычайные расходы, въ которые вовлекло меня это, истощили наконецъ мои небольшія средства, а излишекъ труда и душевныя огорченія повредили моему здоровью. Чтобы не тратить времени, которое посвящено было моимъ обязательнымъ занятіямъ, я долженъ былъ отнимать у отдыха цѣлые часы, которые отдавалъ нуждамъ моего отечества.

Узнавъ наконецъ, что патриціи успѣли подавить первое движеніе своихъ илотовъ и старались обмануть ихъ частными и незначительными уступками, къ которымъ присоединялись коварныя обѣщанія удовлетворить ихъ требованіямъ въ *бо-*

([10]) Передъ какимъ же именно? *П. Б.*

([11]) Старинное устройство Швейцарской республики было аристократическое; подъ названіемъ илотовъ, Лагарпъ разумѣетъ Швейцарцевъ, не принадлежавшихъ къ Бернской аристократіи; членовъ послѣдней онъ называетъ Бернскими господами (Messieurs de Berne) или патриціями.

([12]) Т. е. переворотомъ въ Швейцаріи.

лье покойное время, я понялъ, что слѣдовало, не медля, повести дѣло офиціальнымъ путемъ. Въ такомъ смыслѣ я написалъ прошеніе, которое имѣло быть подано Бернскимъ господамъ, и въ которомъ, исчисливъ нужды моей страны съ благородной откровенностью, но почтительно, я требовалъ созванія чиновъ для устраненія злоупотребленій. Я подписалъ проэктъ этого прошенія и послалъ три экземпляра его—одинъ къ генералу Лагарпу, другой къ гражданину Полье, въ послѣдствіи префекту Лемана, и третій къ одному чиновнику, моему пріятелю. Мое твердо высказанное намѣреніе состояло въ томъ, чтобы общины и отдѣльныя лица собрались и подписали прошеніе, это ли самое или подобное ему, такъ какъ я своей запискѣ далъ форму прошенія только для лучшаго выраженія моей мысли. Принимаемыя мѣры, по моему мнѣнію, должны были быть тверды, но всегда почтительны для того, чтобы избѣжать несвоевременныхъ взрывовъ со стороны народа и въ особенности, чтобы принудить Бернскихъ господъ вступить въ соглашеніе съ нашими уполномоченными.

Поэтому, я съ живѣйшимъ сожалѣніемъ узналъ о шумныхъ происшествіяхъ, случившихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ 14 и 15 іюля 1791 года. Я выразилъ мое неудовольствіе по этому поводу и предсказалъ ихъ послѣдствія; но месть, которою отвѣчали на нихъ Бернскіе господа, и извѣстіе о которой тоже дошло ко мнѣ на разстояніи 700 лье, окончательно поселили во мнѣ отвращеніе къ ихъ правленію.

Между тѣмъ вышеупомянутое прошеніе было перехвачено и послужило однимъ изъ предлоговъ, на которыхъ Двухсотенный Бернскій совѣтъ основалъ жестокій приговоръ объ отсѣченіи головы генералу Лагарпу. Еслибы у Бернскихъ господъ хватило въ ту пору благоразумія, которое приписывали имъ по невѣдѣнію, эта записка могла бы послужить для нихъ свѣтильникомъ; но ихъ оскорбленная спѣсь видѣла въ ней только дерзость возмутившагося подданнаго, осмѣливающагося требовать отчета у своихъ владыкъ. Моя погибель была рѣшена, и ихъ высокомѣріе дошло до того, что они повсюду говорили о ссылкѣ моей въ Сибирь.

Между тѣмъ какъ ихъ государственные инквизиторы, окруженные военной стражей, вторгались въ Ваадтландъ, похищали все, что имъ казалось подозрительнымъ, и съ утонченной наглостью присуждали городскихъ представителей публично принести повинную, ядовитые доносы на меня проникли въ Россію.

Слѣдователь Мулиненъ-отецъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы Монбеліарскій судъ представилъ жалобу его вѣрителей. Другія жалобы поступили черезъ Русскаго посланника, прибывшаго въ Кобленцъ. Наконецъ, графъ Эстергази, посланникъ принцевъ ([13]), принцъ Нассау-Зигенъ и другіе знатные эмигранты обѣщали свое содѣйствіе противъ человѣка, который могъ быть опасенъ, потому что осмѣливался расходиться съ ними во мнѣніяхъ.

Меня предупредили объ этихъ козняхъ. Русскіе, даже мало знавшіе, но уважавшіе меня, выразили большое участіе ко мнѣ. Неловкость Бернскихъ господъ еще болѣе послужила мнѣ въ пользу. Если-бы эти господа принесли свои жалобы Екатеринѣ II съ почтительною умѣренностью, то вѣроятно, что въ ту минуту въ особенности, когда приходилось высказываться противъ всего, носившаго на себѣ печать современныхъ принциповъ, она бы обратила на нихъ свое вниманіе. Но и тогда ея великая душа оцѣнила бы мои услуги и пощадила бы человѣка, пожертвовать которымъ требовалось по обстоятельствамъ настоящей минуты. Вмѣсто того, Бернскіе господа обнаружили низ-

([13]) Бурбонскихъ принцевъ, оставившихъ Францію по случаю революціи.

кія чувства правителей мелкихъ городовъ. Они обвинили меня въ сообщничествѣ съ генераломъ Лагарпомъ, который бѣжалъ подъ защиту Французскихъ якобинцевъ и съ которымъ я дѣйствительно переписывался, и забылись до того, что, неувѣренные еще въ ожидаемомъ удовлетвореніи, приговорили къ заочной казни мое изображеніе.

Екатерина II, оскорбленная подобнымъ образомъ дѣйствія, скоро поняла, что были за люди, позволявшіе его себѣ, и ограничилась тѣмъ, что, приславъ ко мнѣ бумаги, до меня касавшіяся, приказала потребовать отъ меня объясненій. Въ числѣ этихъ бумагъ, изъ которыхъ (замѣчу въ скобкахъ) только двѣ были писаны мною, находился и проэктъ прошенія, что̀ было новою неловкостью: ибо, хотя языкъ его и показался Екатеринѣ II нѣсколько горячимъ, однако содержаніе его она нашла дѣльнымъ и вполнѣ согласнымъ съ тѣми принципами, которыхъ, какъ она знала и полагала, я держался и имѣлъ право держаться.

Наконецъ, эта великая государыня не подумала, чтобы Гельветіецъ былъ достоинъ названія заговорщика за то, что вызвалъ тѣни древнихъ освободителей и героевъ своего отечества, и этотъ доводъ, на который особенно расчитывали Бернскіе господа, потерялъ всякое значеніе въ мнѣніи самодержавной Русской государыни.

По этому случаю я имѣлъ честь написать къ Екатеринѣ II два письма, первое отъ 15 ноября 1791 года, для нея самой, и второе, отъ 20 ноября того же года, — для препровожденія Бернскимъ господамъ. И въ томъ, и въ другомъ я высказывалъ ей, отъ имени моихъ соотечественниковъ, желаніе, чтобы она была единственнымъ судьею нашихъ раздоровъ. Бернскіе господа имѣли осторожность не упоминать объ этомъ. Я не удивлюсь даже, если узнаю, что Екатерина II заслужила ихъ немилость за столь *якобинское* предложеніе!

Вполнѣ удовлетворенная моимъ объясненіемъ, императрица выразила свое неудовольствіе тѣмъ, кто вмѣшался въ эту интригу, и потребовала отъ меня только того, чтобы я оставался чуждъ Швейцарскимъ дѣламъ, пока нахожусь въ ея службѣ. Эмигранты и прочіе не хотѣли видѣть въ этомъ своего пораженія, и нѣкоторыя газеты упорно продолжали впутывать мое имя въ политическія дѣла, коварство тѣмъ болѣе разсчитанное, что Французы начинали впадать уже въ тотъ странный образъ дѣйствія, который сдѣлалъ столько несчастныхъ и такъ повредилъ ихъ дѣлу.

Даже члены дипломатическаго корпуса не уважили того, что я осудилъ себя отстраниться отъ политики. Для интригановъ очень страшенъ тотъ независимый человѣкъ, который всегда съ храбростью высказываетъ истину, если къ нему обращаются. Впрочемъ, ихъ нерасположеніе оставалось безсильно до прибытія графа Артуа въ С. Петербургъ. Тогдашнія обстоятельства благопріятствовали врагамъ принциповъ.

Баронъ фонъ Ролль, Золотурнскій патрицій, сопровождавшій принца, воспользовался этимъ, и я снова оказался человѣкомъ подозрительнымъ. Бракосочетаніе нынѣшняго императора было назначено срокомъ для моего удаленія. Одинъ изъ всѣхъ служившихъ при немъ я не стоялъ въ спискѣ награжденныхъ по этому случаю. Хотя и сильно поразило меня это оскорбленіе, но я продолжалъ трудиться еще съ бо̀льшимъ усердіемъ: я рѣшился не покидать моего труда — если только не буду удаленъ — прежде, чѣмъ не кончу его. Интриганы, видя, что обманулись, добились наконецъ, что императрица отправила ко мнѣ посланнаго, объяснившаго мнѣ ея желаніе, чтобы я оставилъ свою должность, взявъ за то вознагражденіе по собственному моему

назначенію. Такое сообщеніе ея воли, которую могъ бы передать мнѣ только воспитатель великихъ князей, мой начальникъ, убѣдило меня, что интриганы ожидаютъ какого нибудь неумѣстнаго поступка съ моей стороны; я не доставилъ имъ этого удовольствія. Отдавъ моему начальнику отчетъ во всемъ случившемся и, письмомъ отъ 24 іюня 1793 года, напомнивъ ему мои услуги и безупречное поведеніе, я просилъ его объявить императрицѣ что: 1) по ея желанію, я подаю въ отставку, 2) не могу принять того почетнаго порученія, которое мнѣ предложено для прикрытія моего удаленія (?), 3) испрашиваю ея позволенія остаться еще нѣсколько мѣсяцевъ для устройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, и 4) ничего не желаю въ вознагражденіе. «Я прибылъ бѣднякомъ, ко двору, писалъ я въ этомъ письмѣ; благодаря благодѣяніямъ ея величества, я жилъ въ достаткѣ. Если я долженъ покинуть дворъ бѣднякомъ, то дѣлаю это безъ сожалѣнія и угрызеній совѣсти, съ душою столь же честною, но съ сердцемъ болѣе разбитымъ, чѣмъ во время пріѣзда. Что же касается предположенія, что необходимость заставитъ меня въ другомъ мѣстѣ начать новую карьеру, предположенія, отъ котораго я отказываюсь, — то слава, что я былъ наставникомъ Русскихъ великихъ князей, и воспоминаніе о лестной довѣренности ея величества на долго будутъ для меня достаточнымъ вознагражденіемъ, которое поможетъ мнѣ мужественно переносить самыя тяжкія лишенія. ... Да будутъ только мои труды плодотворны для славы ея царствованія, да падетъ на мою долю невыразимое удовольствіе узнать, что ихъ императорскія высочества удовлетворяютъ благотворнымъ намѣреніямъ ея величества относительно ихъ. Каково бы ни было рѣшеніе ея императорскаго величества, оно не можетъ быть недостойно ея великой души, и я всегда буду счастливъ, что уплатилъ мой долгъ человѣчеству.„

Мое письмо было доставлено Екатеринѣ II согласно моему желанію. 30-го іюня 1793 года она меня потребовала къ себѣ, и въ теченіе болѣе, чѣмъ двухчасовой аудіенціи, разговоръ шелъ объ интереснѣйшихъ предметахъ, съ искренностью и живостью, память о которыхъ никогда для меня не исчезнетъ. События Французской революціи не были забыты. Екатерина II хотѣла знать мое мнѣніе. Съ своей стороны, она полагала, что Франція погибла; я осмѣлился ей возражать. Мало того, полагая, что долгъ мой, какъ человѣка, воспользоваться столь выгодной минутой, чтобы послужить великому дѣлу, — я весь отдался этому побужденію и защищалъ мою мысль такъ горячо и такими доводами, что императрица, очень пораженная, выразила мнѣ свое одобреніе самымъ лестнымъ образомъ. Столько безсовѣстныхъ людей хвалятся своими дѣлами, что честному человѣку, долго бывшему жертвой клеветы, извинительно чувствовать желаніе доказать, что въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ онъ никогда не забывалъ ни принциповъ, ни своихъ обязанностей относительно истины и себѣ подобныхъ.

Слѣдствія этой продолжительной аудіенціи ожидались во дворцѣ многими лицами различно. Хотя она превзошла мои надежды, мнѣ неприлично было говорить о томъ. Замѣтили только, что она была благосклонна для меня; но нѣсколько дней спустя, аудіенція сдѣлалась предметомъ разговоровъ въ городѣ, и должно быть, Екатерина II очень опредѣленно высказалась въ мою пользу, такъ какъ стали говорить, что въ слѣдствіе нашего разговора отмѣнено было уже сдѣланное распоряженіе о выступленіи (на помощь коалиціи) арміи, собранной въ Польшѣ. Этотъ слухъ надѣлалъ мнѣ враговъ между кре-

атурами и агентами коализированныхъ державъ([14]).

Какъ бы то ни было, этотъ кризисъ не доставилъ мнѣ продолжительнаго покоя. Повидимому, прибѣгли къ новымъ доносамъ, и утомленная Екатерина II рѣшилась удалить меня, какъ камень соблазна. Извѣщеніе о томъ сдѣлано было мнѣ деликатно, и при томъ мнѣ дали отсрочку въ нѣсколько мѣсяцевъ, для окончанія занятій.

Вѣроятно, отъ меня зависило бы повернуть дѣло иначе, испросивъ себѣ новую аудіенцію; но, измученный усталостью, чувствуя необходимость пожить въ климатѣ болѣе благорастворенномъ и увлекаемый желаніемъ обнять моихъ стариковъ-родителей, я не сдѣлалъ никакой попытки. Другія причины, о которыхъ говорить здѣсь не у мѣста, побуждали меня желать измѣненія моего мѣстопребыванія.

Полученное мною вознагражденіе было менѣе, чѣмъ посредственное: богатый купецъ далъ бы больше; но я пріобрѣталъ независимость и кромѣ того сознаніе, что исполнилъ великое дѣло по человѣчески.

Екатерина II простилась со мною почти что съ сожалѣніемъ. Она была неправа передо мною и вспомнила о томъ. Въ эту минуту я вполнѣ увѣренъ, что сохранилъ за собою ея уваженіе. Павелъ I, который всегда оказывалъ мнѣ вниманіе, въ то время былъ такъ предубѣжденъ противъ меня, что всѣми мѣрами старались не допустить меня къ нему. Сильный своей правотой, я заранѣе объявилъ, что не уѣду, не откланявшись ему; онъ пригласилъ меня въ свое загородное жилище Гатчину, принялъ меня и обошелся со мною не только учтиво, но крайне дружественно. Я воспользовался этимъ, чтобы высказаться откровенно, и заявить ему нѣсколько мнѣній, которыя онъ оцѣнилъ и за которыя благодарилъ съ чувствомъ, глубоко подѣйствовавшимъ на мое сердце. Я съ сожалѣніемъ разстался съ этимъ государемъ, который имѣлъ столь высокія достоинства. Кто бы мнѣ сказалъ тогда, что онъ лишитъ меня моего скромнаго пенсіона и предоставитъ всѣмъ ужасамъ нужды? И тѣмъ не менѣе, повторяю, этотъ человѣкъ, котораго строго будетъ судить безпристрастное потомство, обладалъ благодушіемъ и источникомъ всѣхъ добродѣтелей.

Тяжела была мнѣ разлука съ моими учениками, въ особенности со старшимъ, который преимущественно привязался ко мнѣ. Въ ту минуту, когда я пишу, глаза мои орошаются слезами при воспоминаніи 9 мая 1795 и 8 мая 1802 годовъ[15])

Болѣе, чѣмъ за годъ до моего отъѣзда я навѣдывался у Бернскихъ господъ, будутъ ли они противиться моему возвращенію. Такъ какъ съ ихъ стороны не было принято никакихъ мѣръ юридическихъ, ничто не препятствовало имъ быть снисходительными, въ особенности въ отношеніи къ человѣку, который въ чужой странѣ съ честью носилъ имя Гельветійца.

Я предлагалъ, что буду о томъ просить, и даже, что готовъ пользоваться ихъ позволеніемъ только по временамъ, для свиданій съ моими родными и друзьями и для посѣщенія мѣстъ, гдѣ прошло мое дѣтство. Съ этой цѣлью я поселился въ Женевской области, чтобы быть поближе къ нимъ. И что же! эти правители, которыхъ глубокая мудрость и отеческая доброта была столь превозносимы, не только грубо отказали мнѣ, но даже приказали задержать меня, если бы я ступилъ на ихъ землю. „Не попадайтесь въ руки этимъ бѣшенымъ людямъ,“ сказала мнѣ однажды императрица. Конечно, подо-

([14]) Опять забавная самоувѣренность! *П. Б.*

([15]) Лагарпъ разумѣетъ дни разлукъ своихъ съ императоромъ Александромъ въ первый и во второй свой пріѣздъ въ Россію (см. ниже).

бное злоупотребленіе власти и притомъ въ такихъ обстоятельствахъ, не допускало никакихъ оправданій, и я откровенно сознаюсь, что оно много содѣйствовало тому, что, два года спустя, я объявилъ этимъ тиранамъ открытую вражду, которая имѣла слѣдствіемъ паденіе ихъ господства.

*

Въ дальнѣйшемъ ходу своихъ Записокъ Лагарпъ разсказываетъ событія Швейцарской революціи, слѣдствіемъ которой было устройство Гельветической республики. Лагарпъ сталъ директоромъ ея; но управленіе его было непродолжительно, и новый переворотъ заставилъ его опять покинуть политическое поприще. Это было уже по вступленіи на Русскій престолъ старшаго его питомца. Къ этому времени относится еще одинъ отрывокъ ихъ Записокъ знаменитаго Швейцарца, который долженъ быть нами приведенъ, хотя онъ не сообщаетъ никакихъ значительныхъ свѣдѣній.

Въ 1801 году я поѣхалъ въ Россію и возвратился оттуда только въ іюлѣ 1802. Естественно, что мнѣ хотѣлось видѣть на тронѣ человѣка, на которомъ почили послѣднія мои надежды. Тѣ, кто не зналъ меня, предполагали, что я хотѣлъ взять дань съ его дружбы, довѣрія и богатства, словомъ сыграть роль вельможи. Эти люди ошиблись. Я всегда старался дѣйствовать согласно тому, чего требовало отъ меня мое положеніе. Республиканцемъ прожилъ я двѣнадцать лѣтъ при дворѣ; республиканцемъ появился въ немъ снова, не смутивъ никого. Если я носилъ тамъ одежду директора, то потому, что всякій долженъ носить одежду, соотвѣтствующую своему положенію. Я никогда не признавалъ властей мимолетныхъ, смѣняющихъ одна другую и одинаково незаконныхъ. Я поступилъ согласно тому, что̀ предписали мнѣ представители Гельветическаго народа 28 іюня 1798 года, когда они сами дѣйствовали конституціонно. За что выбрали они человѣка, въ которомъ предполагали твердость и независимость принциповъ? Я не домогался ихъ избранія.....

Мои сношенія съ Россіею или, лучше сказать, съ ея государемъ чужды этихъ Записокъ. Послѣ смерти лицъ, причастныхъ этому дѣлу, публика его обсудитъ, съ документами въ рукахъ, если оно того достойно. Я не боюсь ея суда.

ЗАМѢТКИ ОДНОГО ИЗЪ РУССКИХЪ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА (*).

Въ 1789 году великіе князья обѣдали въ Александровъ день за кавалерскимъ столомъ въ первый разъ ихъ жизни (1).

Того же года, въ день рожденія Александра Павловича (2), также обѣдали за большимъ столомъ, и потомъ во всѣ торжественные дни начали за онымъ обѣдать, а по воскресеньямъ и праздникамъ ходить къ обѣдни въ большую церковь. Въ концѣ же сего года начали учиться у г-на Крафта экспериментальной физикѣ. Александръ Павловичъ ростомъ 2 арш. 6 вершковъ, въ сей годъ выросъ 2 вершка 3/4, а въ прочіе только по одному вершку.

(*) Подлинная рукопись, изъ которой мы извлекаемъ эти замѣтки, обязательно сообщена намъ академикомъ *М. П. Погодинымъ*, а имъ пріобрѣтена отъ покойнаго *Н. С. Всеволожскаго*. Авторъ намъ рѣшительно не извѣстенъ; во всякомъ случаѣ не Михаилъ Никитичь Муравьевъ, какъ можно было бы подумать по извѣстному участію его въ воспитаніи императора Александра Павловича. Тутъ не его слогъ, и въ подлинной рукописи (если только она не списокъ) не его почеркъ. *П. Б.*

(1) Александру Павловичу шелъ тогда 12-й, а Константину Павловичу 10-й годъ отъ роду.

(2) 12 Декабря.

Въ 1791 году начали учиться у господина Палласа натуральной исторіи въ эрмитажѣ ея величества.

Октябрь (1791). Сквозь слабости Александра Павловича, примѣчается великая честность. Онъ обѣщалъ великой княгинѣ писать, когда мы имъ недовольны, во время бытія ея высочества за городомъ; за нѣкоторыя его поступки журилъ я его, но какъ, признавшись въ своихъ слабостяхъ, обѣщался исправиться, то я его и простилъ. Не взирая на то, онъ писалъ къ великой княгинѣ о томъ съ извиненіемъ начиная, почитая то за долгъ и честь, хотя уже и прощенъ, и *что неисправности его весьма крушатъ* — точныя его слова.

Благодареніе Богу. Есть, кажется, семена добродѣтели.

1791. Мѣсяцъ *Ноябрь.* Нечаянно зашла рѣчь, что во Франціи нынѣ позволено каждому имѣть свободное отправленіе своей вѣры, перемѣнять оную по произволу, и нѣкоторыя церкви католицкаго закона превращены въ храмы другихъ христіянскихъ исповѣданіевъ. Однимъ словомъ первенствующаго закона (dominante) нѣтъ, а каждая вѣра равную свободу имѣетъ, и ни одна надъ другими не преимуществуетъ.

Я говорилъ, что надлежитъ имѣть терпѣніе вѣръ, но чтобъ начальствующій или первенствующій законъ имѣлъ всегда преимущество, какъ во всѣхъ почти государствахъ существуетъ; что вѣрность подданныхъ къ государю и правительству подкрѣплена общественною вѣрою; что междусобныя брани произошли въ Европѣ или отъ угнетѣнія или отъ излишняго попущенія разныхъ исповѣданіевъ христіанскаго закона, но что при общемъ терпѣніи всѣхъ исповѣданій неотмѣнно должно одному быть передъ всѣми прочими преимущественнѣе, разумѣется, имѣть такія права, которыхъ прочія не имѣютъ. Представлялъ также въ примѣръ раскольниковъ, кои многихъ несмысленныхъ изъ нашего закона въ свои бредни отвратили, чѣмъ отводятъ отъ правилъ повиновенія и вѣрности къ государству, и тѣмъ дѣлаютъ въ одномъ государствѣ другое государство, т. е. особливое умствованіе, несогласное съ общимъ умонаклоненіемъ: понеже имѣть терпѣніе вѣръ (tolerance) или, какъ во Франціи, сдѣлать всѣ равными, двѣ суть вещи совершенно между собою несходныя, и послѣднее я не иначе разумѣю, какъ имѣть совершенное равнодушіе ко всѣмъ законамъ, т. е. не имѣть никакого.

Сіе сдѣлало нѣкоторое прѣніе, въ которомъ Александръ Павловичь меня спрашивалъ, какія у насъ имѣетъ преимущества первенствующій законъ (Грекороссійской). Я отвѣтствовалъ, что здѣсь есть Синодъ, предводимой государемъ, который глава нашей церкви (особа государская разумѣется). Синодъ первенствуетъ передъ первымъ мѣстомъ въ государствѣ, Сенатомъ, что всѣ духовныя дѣла, не ходя по свѣтскимъ мѣстамъ, а по духовнымъ, идутъ на послѣднее рѣшеніе въ Синодъ; а вмѣсто того дѣла по духовной матеріи, разводы и тому подобное, въ лютеранскомъ законѣ, переносились на послѣднее рѣшеніе въ юстицъ-коллегію Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ, а нынѣ въ другія свѣтскія правительства. Наконецъ, оставляя меньшей важности доводы, приведу только, что никто изъ вѣры Грекороссійской другой, не только языческой или магометанской, но ниже прочихъ исповѣданіевъ христіанской, принять не можетъ, или по крайней мѣрѣ не смѣетъ; а если и были прежде сего таковые образцы, то оные всегда же были строго наказаны отъ правительства. Такожъ браки съ иновѣрцами христіанскими вѣнчаются въ нашей церкви по нашему обряду, и дѣти по большей части, а паче мущины, слѣдуютъ нашей вѣрѣ.

Сія матерія по важности своей заслужила вниманіе начальника ([3]), которой съ своей стороны сдѣлалъ его высочеству нужныя по сей части поправленія.

Въ тоже почти время Александръ Павловичь, разговаривая о Французскихъ дѣлахъ, по случаю чтенія публичныхъ вѣдомостей, говорилъ, что равенство между людьми хорошо, и что Французскіе дворяне напрасно безпокоятся лишеніемъ сего достоинства, понеже де оно въ одномъ названіи состоитъ, не принося впрочемъ никакой за собою ощутительной пользы ([4])

Я за долгъ и честь почелъ доказать его высочеству несправедливость его по сей матеріи мыслей, видя, что оныя ему вложены человѣкомъ, любящимъ народное правленіе, хотя впрочемъ съ честнѣйшими намѣреніями. Я опровергалъ сіе умствованіе тѣмъ, что форма всякаго монархическаго правленія неотмѣнно требуетъ въ преимуществахъ разности, и что гдѣ нѣтъ дворянства, тутъ и государя быть не можетъ: поелику права дворянина по собственной пользѣ обязываютъ быть предану болѣе другихъ къ государю, и многія другія сильныя доказательства; что во Франціи уничтоженіе духовной и дворянской властей всѣ безпорядки навлекло, и что власть духовная, основанная не на суевѣріи, но на просвѣщеніи, можетъ служить хорошимъ вождемъ государю, при надеждѣ его на корпусъ дворянской; что въ Россіи благородное дворянство еще болѣе уваженія достойно, по причинѣ: 1-е, что есть многія фамиліи, отъ государей Россійскихъ произшедшія; 2-е, что государи вступали часто въ союзъ посредствомъ браковъ со многими дворянскими родами; 3-е, что многіе роды изъ выѣзжихъ равномѣрно отъ владѣтельныхъ особъ начало свое ведутъ; и что по выѣздѣ заслугами знаменитыми заслужили къ себѣ уваженіе и проч.; а наконецъ что нынѣ владѣющее въ Россіи колѣно государей происходитъ отъ одной дворянской фамиліи. Повершилъ тѣмъ, что во всѣ времена смутныя, и даже въ послѣднее Пугачевское, дворянство приверженность свою къ престолу запечатлѣло кровію, и что великая Екатерина въ правахъ, благородному дворянству пожалованныхъ, сіе засвидѣтельствовала ([5]).

1791 года *Декабрь.* Алексанръ Павловичь вступилъ въ 14 лѣтъ своего возраста, ростомъ 2-хъ арш. 7 вершковъ. Благодареніе Богу! При ощутительномъ созрѣваніи разума, украшается добродѣтельными свойствами: честность, справедливость и кротость въ немъ утверждаются; отвсюду слышу похвалы объ учтивости, привѣтливости и снисхожденіи. Но съ другой стороны по моему замѣчанію шпынство ([6]), лѣнь, странные поклоны и дурныя привычки, а паче наклоняться, портятъ его, первыя отдаляя отъ добродѣтели, а послѣдняя обезображивая прелестную фигуру.

Александръ Павловичь около сего времени, по долгомъ терпѣніи зубной боли, рѣшился выдернуть зубъ, что съ позволенія ея императорскаго величества и родителей, тогда же и совершилось благополучно зубнымъ врачемъ. Его высочество перенесъ сіе дѣйствіе, не произнеся ни малой жалобы, съ довольною по лѣтамъ его твердостію духа, хотя и чувствовалъ общую боль, въ разсужденіи что зубъ былъ коренной.

Нынѣшній 1792-й годъ въ первые мѣсяцы произвелъ въ Александрѣ Павловичѣ нѣкоторыя полезныя перемѣны, но и открылъ при томъ, что дурныя привычки не истребляются.

([3]) Т. е. графа (послѣ князя) Н. И. Салтыкова.

([4]) Очевидные слѣды наставленій Лагарпа.

([5]) Права были даны лишь 6 лѣтъ тому назадъ.

([6]) Т. е поддразниваніе.

Апрѣль. Замѣчается въ его высочествѣ лишнее самолюбіе, а отъ того упорство во мнѣніяхъ своихъ, и что онъ во всемъ будто увѣритъ и переувѣритъ человѣка, какъ захочетъ. Изъ сего открывается нѣкоторая хитрость, ибо въ затмѣваніи истины и въ желаніи быть всегда правымъ, неминуемо нужно приступать къ подлогамъ.

Сентябрь. А. Павловичь, не взирая на частыя свои прошибки, пріобрѣтаетъ многія пользы; и хотя излишнее самолюбіе и упорство въ мелочахъ въ немъ сильны, однакожъ дурныя привычки проходятъ, лучшее же, что онъ начинаетъ имѣть ко мнѣ довѣренность и къ совѣтамъ моимъ уваженіе. Лишнее прилѣпленіе къ мелочамъ и къ модамъ отводитъ его отъ упражненіевъ, приличныхъ его отродію.

Замѣчанія мои о его поведеніи показаться могутъ противорѣчущими, еслибъ я не былъ увѣренъ, что всѣ дѣти въ теченіи ихъ возраста частымъ подвержены перемѣнамъ.

Октябрь. Его высочество, услышавъ отъ меня, что одинъ престарѣлой иностранецъ, находясь прежде при нашей академіи, претерпѣваетъ съ женою крайнюю бѣдность, при подробномъ о семъ разговорѣ, крайне тронулся, и, выхвативъ изъ своего бюро 25 р., отдалъ мнѣ для поданія тому старику. Я, желая испытать его, спрашивалъ, не будетъ ли у него недостатка въ деньгахъ; на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что больше имѣетъ, нежели надобно, хотя у него, въ разсужденіи другихъ издержекъ, и не много было.

Оное мнѣ весьма понравилось, видѣвъ, что онъ помочь бѣдному не жалѣетъ; хотя я впрочемъ по опытамъ вижу, что онъ отъ природы не очень чливова нрава.

Я самъ эти деньги отвезъ нещастному семейству. Благодареніе Источнику всѣхъ благъ! А. Павловичь начинаетъ помогать людямъ, просить за нихъ, разсматривать и входить въ нужды; наконецъ, разсуждать о вещахъ безпристрастно и съ точностію. Нынѣ же, разговаривая о королѣ Шведскомъ (7), что онъ имѣетъ минуты забвенія, такъ изъяснялся:

„Сколько ни хвалили воспитаніе нынѣшняго короля Шведскаго и умъ его, а паче то, что онъ въ самыхъ младенческихъ лѣтахъ не игралъ дѣтскими игрушками, а упражнялся какъ совершенной человѣкъ, но видно, что скоропостижность эта, прежде времени думать о важныхъ вещахъ, повредила его голову: потому что важное обращеніе въ этикетѣ, пріемы съ большими обрядами, хотя коконечно необходимы, но не только ребенку, но даже и взрослому человѣку скучны; мнѣ кажется, надобно оставить дѣтямъ приличныя ихъ лѣтамъ забавы, пока онѣ имъ наскучатъ.“

Вотъ разсужденія не только зрѣлаго, но и умнаго человѣка!

По матеріи о скорыхъ переломахъ въ Шведскомъ правительствѣ, покойнымъ Шведскимъ королемъ учиненныхъ, и что возведеніе мѣщанъ въ большія достоинства сдѣланы имъ для увеличиванія его собственной власти, и что предпріятая имъ война приключила крайнее истощеніе государству, отъ котораго на долгое время поправиться не можетъ, Александръ Павловичъ говорилъ: „Онъ слишкомъ былъ великъ для толь малаго государства. Мое мнѣніе: не надлежитъ нигдѣ, а паче въ большомъ государствѣ стараться о разширеніи границъ, но жить мирно, и не дѣлать во внутренности перемѣнъ; потому что всякая перемѣна не скоро утвердится, а прежній порядокъ вещей потеряетъ свое теченіе, и все остановится».

Смерть П. А. Салтыкова, случившаяся 30-го Октября, была весьма чувствительна А. Павловичу; онъ плакалъ неутѣшно; вотъ свойство нѣжной души! (8)

(7) Густавъ IV, который потомъ лишился престола вслѣдствіе умопомѣшательства.

(8) По Российск. Род. Книгѣ мы не могли дои-

31-го *Октября*. Воскресенье, въ препровожденіи тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Стрекалова и штатсъ-дамы графини Шуваловой прибыли сюда Бадъ-Дурлахскія двѣ принцессы, Луиза Августа и Фридерика Доротея.

Ея величество изволила ожидать ихъ свѣтлостей въ Шепелевскомъ домѣ, нарочно для нихъ приготовленномъ и, побывъ съ ними съ полчаса, изволила къ себѣ возвратиться Пріѣздъ сей былъ въ 9-мъ часу вечера (9).

Ноябрь. 1-е число по утру ея величество изволила къ нимъ приттить и застать ихъ въ простомъ утреннемъ платьѣ, при чемъ пожаловала имъ орденъ св. великом. Екатерины. При нихъ были каммеръгеръ и два каммеръ-юнкера безсмѣнные, да два камммеръ-пажа. Сверхъ того велѣно государыниным фрейлинамъ у нихъ дежурить по очереди.

2 числа, передъ обѣдомъ, прибыли изъ Гатчины ихъ императорскія высочества великій князь и великая княгиня.

Въ вечеру великіе князья и великія княжны были у родителей, куда пришли новопріѣзжія принцессы, гдѣ и было первое свиданіе.

Потомъ великіе князья были въ *сосіете* (10) у государыни, гдѣ и принцессъ нашли.

3. Въ среду, былъ большой эрмитажъ и театральное представленіе *Ѣзда на охоту Генриха IV*, при чемъ и принцессы были. Тутъ, въ первой большое общество ихъ увидѣло.

4-е. Представлялись къ нимъ первой знати дамы и члены совѣта, и онѣ въ тотъ день не выходили изъ своихъ покоевъ.

5-е. Ихъ высочества великій князь и великая княгиня въ 9-мъ часу утра отправились въ Гатчину. Въ оной день былъ концертъ въ эрмитажѣ въ маленькомъ обществѣ, при чемъ и принцессы находились; допущена была также и Польская делегація. Въ продолженіе онаго в. князь А. Павловичь обходился съ принцессою старшею весьма стыдливо, но примѣтна была въ немъ великая тревога, и съ того дни, полагаю я, начались первыя его къ ней чувства.

6-е. Въ вечеру, въ эрмитажѣ были малыя игры въ веревочку, въ фанты и тому подобное. А. Павловичь обращался съ старшею принцессою повольнѣе. Возвратясь въ свои комнаты, говорилъ мнѣ, что она хороша и тому подобное. Примѣтивъ же, что я въ первые дни много ее хвалилъ, въ чемъ я только отдавалъ ей справедливость, говорилъ мнѣ, будто я въ нее влюбленъ, и если паче чаянія онъ въ нее влюбится, то во мнѣ боится найтить соперника. Я отвѣчалъ ему по пристойности.

7-е. Была комедія въ эрмитажѣ, гдѣ и принцессы были. А. Павловичь довольно робко обходился со старшею, но не переставалъ на нее глядѣть, и отмѣнное имѣть къ ней замѣчаніе.

Въ вечеру долго про ея достоинства со мною разговаривалъ.

8-е. Были в. князья у обѣдни съ государынею въ антресоляхъ, оттуда ходили съ ея величествомъ въ эрмитажъ и къ принцессамъ, гдѣ пробыли близь двухъ часовъ. По возвратѣ въ наши комнаты, А. Павловичь разсказывалъ мнѣ, какъ принцесса любезна и описывалъ подробно ея достоинства. Изъ всѣхъ его движеніевъ примѣтилъ я, что онъ начинаетъ въ нее влюбляться.

Въ вечеру были въ эрмитажѣ, гдѣ были обыкновенные игры и танцы. Возвра-

---

скаться этого Салтыкова, конечно родственника главному воспитателю.

(9) Принцессъ привезли за долго до рѣшенія ихъ участи. Свадьба импер. Александра Павловича произошла въ сентябрѣ слѣдующаго 1793 года.

(10) Т. е. société, въ обществѣ.

тясь домой, А. Павловичь много со мною говорилъ о принцессѣ. Въ тотъ вечеръ обхожденіе его съ нею было посмѣлѣе и пріятно. Въ слѣдующіе дни продолжались веселья комнатныя, и въ эрмитажѣ были балы, игры и представленія театральныя. А. Павловичь сталъ болѣе знакомиться съ принцессою, и тѣмъ открылись ему ея достоинства

15 числа онъ мнѣ откровенно говорилъ, сколько принцесса для него пріятна; что онъ уже бывалъ въ нашихъ женщинъ влюбленъ, но чувства его къ нимъ наполнены были огнемъ и нѣкоторымъ неизвѣстнымъ желаніемъ; великая нетерпѣливость видиться и крайнее безпокойство безъ всякаго точнаго намѣренія, какъ только едино утѣшаться зрѣніемъ и разговорами; а напротивъ онъ ощущаетъ къ принцессѣ нѣчто особое, преисполненное почтенія, нѣжной дружбы и несказаннаго удовольствія обращаться съ нею; нѣчто удовольственнѣе, спокойнѣе, но гораздо или несравненно пріятнѣе прежнихъ его движеній; наконецъ, что она въ глазахъ его любви достойнѣе всѣхъ здѣшнихъ дѣвицъ.

Изъ сихъ разговоровъ внималъ я, что онъ прямыя чувства нѣжности начинаетъ имѣть къ принцессѣ, а прежнія были не любовь, а стремленія физическія молодаго человѣка ко всякой хорошей женщинѣ, въ которыхъ сердце не имѣло участія. Посему разположась, и говорилъ я его высочеству о разности сихъ чувствъ, и что прямая любовь, основанная на законѣ, соединена обыкновенно съ большимъ почтеніемъ, имѣя нѣчто въ себѣ божественное; поелику она, бывъ преисполнена нѣжности, прилѣпляется болѣе къ душевнымъ свойствамъ, нежели къ тѣлеснымъ, а посему самому и не имѣетъ тѣхъ восторговъ, кои рождаются отъ сладострастія; что сія любовь бываетъ вѣчная, и что чѣмъ она медлительнѣе возрастаетъ, тѣмъ прочнѣе на будущія времена будетъ.

Здѣсь можно описать принцессу:

Черты лица ея очень хороши и соразмѣрны ея лѣтамъ, ибо въ будущемъ генварѣ ей минетъ только 14 лѣтъ. Физіономія прещастливая; она имѣетъ выразительную пріятность, ростъ большой; всѣ ея движенія и привычки имѣютъ нѣчто особо привлекательное; она не только ходитъ, но и бѣгаетъ (какъ я при играхъ примѣтилъ) весьма пріятно; въ ней виденъ разумъ, скромность и пристойность во всемъ ея поведеніи. Доброта души ея написана на глазахъ, равно и честность. Всѣ ея движенія доказываютъ великую осторожность благонравія; она столько умна, что нашлась со всѣми, ибо всѣхъ женщинъ, которыя ей представлялись, умѣла обласкать, или лучше сказать, всѣхъ обоего пола людей, ее видѣвшихъ, къ себѣ привлекала. Я не ошибусь напередъ предузнать, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда черты ея лица придутъ въ совершенство, она будетъ красавица. Ея свѣтлость имѣетъ въ нравѣ много сходства съ А. Павловичемъ. Онъ, говоря со мною, о семъ разсказывалъ, что по нѣкоторымъ матеріямъ съ нею онъ находитъ изъ ея разговоровъ много сходства съ его мыслями. Я къ этому не оставилъ ему сказать, что когда ея умоположеніе сходственно съ его, то и не можетъ ничего быть щастливѣе. Въ слѣдствіе чего и совѣтовалъ, чтобъ онъ, видя таковую божескую къ себѣ благодать, безъ всякихъ его заслугъ, питалъ душевную къ Провидѣнію всевышнему благодарность за избраніе ему такой жены, которая вѣкъ его сдѣлаетъ благополучнѣйшимъ.

Слезы мои и ласки послѣдовали симъ моимъ словамъ, которыя и теперь изъ глазъ моихъ стремятся.

Всемогущій Богъ мнѣ свидѣтель, какимъ удовольствіемъ и живою радостью наполняется душа моя въ сіи минуты, и сколько по неизреченной Его ко мнѣ благости заплаченъ я за всѣ мои въ теченіи воспитанія великаго князя безпокойства

и разныя тревоги: вижу и собираю плоды моихъ трудовъ и попеченій! Мой воспитанникъ честной человѣкъ, прямой христіянинъ, добротѣ души его нѣтъ конца; тѣлесныя его доброты всѣмъ извѣстны. Невѣста, ему избранная, какъ нарочно для него создана. Если А. П. имѣетъ нѣкоторыя слабости, яко то: праздность, медленность и лѣнь, имѣю надежду, что хорошія его качества переработаютъ отчасти его недостатки. Прошу Бога, чтобы онъ утверждался въ добродѣтели, которой столь хорошія сѣмена въ немъ посѣяны, и если впередъ при немъ будетъ хорошій человѣкъ, не сомнѣваюсь ни мало, чтобы онъ еще лучше не сдѣлался; ибо его нравъ столь кротокъ, что послѣ частыхъ моихъ досадъ отъ поученіевъ, строгихъ выговоровъ и непрестанныхъ докукъ, онъ, чувствуя оныхъ справедливость, не только оными огорчается, но принимая съ повиновеніемъ, оказываетъ мнѣ послѣ больше снисхожденія и дружбы.

Можно ли же быть благополучнѣе того состоянія, въ которомъ я теперь нахожуся!

Декабря 12. Рожденія день А. П. Его высочеству минуло отъ роду 15 лѣтъ. Благодареніе Всемогущему, вступилъ изъ отрочества въ юношество!

Передъ симъ временемъ позволено ему отъ ея величества носить обыкновенный галстукъ.

Ничего отмѣннова не произошло въ теченіи сего времени.

1793 годъ. Съ *Генваря* мѣсяца началъ ходить великій князь А. П. каждый день ужинать къ принцессамъ и обходиться съ старшею похоже какъ съ невѣстою; ибо въ сіе время получено уже согласіе отъ ея родителей на бракъ.

Принцесса начала учиться нашему закону и языку.

12 *Марта* прибылъ въ Петербургъ графъ д' Артоа ([11]); встрѣченъ былъ въ Ригѣ графомъ Румянцевымъ и принятъ былъ съ отмѣнною ласкою. Онъ былъ, послѣ аудіенціи у государыни, у великаго князя, у нашихъ великихъ князей, которые вышли къ нему на встрѣчу въ другую комнату у дверей и проводили также.

Въ тотъ же день в. князь родитель и дѣти были у него порознь. Во все время его здѣсь пребыванія онъ приглашенъ былъ въ эрмитажъ и въ приватную ежедневную бесѣду къ ея величеству.

Апрѣля 15 отправился въ Ревель въ провожденіи жъ графа Румянцова и лейбъ-гвардіи маіора Корсакова, которой съ нимъ и на фрегатѣ поѣхалъ, а графъ Румянцевъ возвратился въ Петербургъ.

Мая 9 числа, въ день праздника св. чудотворца Николая, было въ большой придворной церкви міропомазаніе старшей принцессы Баденской и наречена Елизаветою Алексѣевною.

Мая 10 было послѣ обѣдни во вторникъ, въ день апостола Симона, обрученіе новопросвѣщенной великой княжны съ в. княземъ Александромъ Павловичемъ. Его высочество, мой любезный воспитанникъ, во весь божественной обрядъ, сохранилъ всю должную къ сему произшествію благопристойность, при особливомъ душевномъ удовольствіи, сопровожденномъ кротостію и смиренномудріемъ.

14 числа, черезъ два дни послѣ отбытія государыни, прибыли обрученные въ Царское Село.

Во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ, къ сожалѣнію моему, А. П. отсталъ нечувствительно отъ всякого рода упражненія; пребываніе его у невѣсты и забавы отвлекли его высочество отъ всякаго прочнаго умствованія, — положеніе безполезное для будущаго времени, но извинительное по его лѣтамъ и обстоятельствамъ. Семена добродѣтели, въ немъ посѣянныя, при благодати Божіей являютъ однакожъ иногда плоды свои, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ.

([11]) Будущій король французскій Карлъ X.

При починкѣ въ обмазываніи алебастромъ Царскосельскаго дворца, одинъ работникъ упалъ съ вышины и переломилъ члены. Неизвѣстно, почему, когда уже его вынесли изъ саду, дошло сіе до моего воспитанника: отослать онаго въ больницу, послать къ нему своего лейбъ-медика, приказать хирургу пользовать его, дать на все сіе деньги, къ самому послать же нѣкоторую сумму, постелю, кожи, свои простыни, была для него одна минута. Но что еще болѣе, справляться всякой день про него, заниматься этимъ, а всего драгоцѣннѣе не только другимъ, но и мнѣ о томъ не сказалъ, почитая сіе долгомъ человѣчества, къ чему всякій непремѣнно обязанъ.

Теперь пришло то время, въ которое нужно было, по самому высочайшему наставленію([12]), открыть моему воспитаннику *свѣтъ каковъ есть, и каковъ быть долженъ*, порядокъ обществъ, связь и намѣренія, ощутительную разницу между добродѣтели и порока. Приступилъ я къ сему нескоропостижно; ибо, чтобы вывести гнусность пороковъ, необходимо было трогать людей; но, къ совершенному моему оскорбленію, окружающіе его и тѣ, съ которыми онъ ежедневно обращался, подавали такіе дурные примѣры, что мнѣ только оставалось показать его высочеству противныя тому свойства, чтобъ доказать, сколь ненавистны пороки, а драгоцѣнна добродѣтель. Не знаю, надолго ли я сохранилъ непорочность его нравовъ.

Въ теченіи сего же времени имѣлъ я удовольствіе часто слышать отъ людей честныхъ и безпристрастныхъ похвалы Александру Павловичу за его ласку, учтивость и снисхожденіе.

5-е Августа принцесса Фридерика Баденская([13]), сестра в. княжны, отправилась въ свое отечество, въ провожаніи г-на Стрекалова.

Наканунѣ ея величество изволила посѣтить ее и весьма была тронута принцессиною чувствительностію при прощаньѣ. Сей день отъѣзда принцессы провожденъ былъ в. княжною въ большемъ огорченіи. Обѣ сестры очень плакали, и А. П. оказалъ свою чувствительность многими слезами, при чемъ и мы всѣ тутъ бывшіе не могли удержаться отъ слезъ: столь сіе зрѣлище было горестно.

Провожали ея свѣтлость сестра и оба в. князья съ дворомъ нашимъ черезъ садъ до кареты.

8-е число, по волѣ ея величества в. князья и в. княжна съ дворомъ ѣздили въ Петергофъ, гдѣ, отобѣдавъ и погулявъ во всѣхъ мѣстахъ, въ тотъ же день возвратились въ Царское Село.

На другой день отбытія ея велич. въ городъ, 17 августа прибыли в. князья, а за ними въ слѣдъ и обрученная невѣста въ Таврическій дворецъ.

30, день тезоименитства А. П. Наканунѣ изъ Таврическаго дворца ея величество и ихъ высочества и обрученная невѣста ѣздили въ Невскій монастырь ко всенощной, откуда проѣхали въ Зимній дворецъ, гдѣ были у родителей, которые прибыли въ тотъ вечеръ изъ Павловска. Потомъ в. князья возвратились въ Таврическій дворецъ.

Въ день имянинъ А. Павловича былъ обѣдъ для кавалеровъ ордена св. Александра и балъ.

Невѣста подарила его высочество портретомъ своимъ миніатюрнымъ въ записной книжкѣ.

31 *Августа*. В. князья и обрученная ѣздили обѣдать къ графинѣ Шуваловой въ Парголово, откуда возвратились въ

([12]) Это наставленіе или наказъ Екатерины о воспитаніи дѣтей напечатанъ въ I т. ея сочиненій, изд. Смирдина.

([13]) Впослѣдствіи королева Шведская, супруга Густава IV. Адольфа.

тотъ же день въ Таврическій дворецъ, гдѣ уже и ея величество изволила нахо диться.

Въ теченіи сего времени великая княжна начала показывать примѣтнымъ образомъ свою привязанность къ А. П. и ласкать его отмѣнно. Я однажды въ слухъ ей назвалъ его *Сашинька*, и тотчасъ опомнясь, что проговорился, сталъ было извиняться, какъ она сказала, что ей это слово пріятно, и она сама его такъ называть будетъ; сіе выговорила она съ пріятною невинностію.

2 Сентября въ Зимнемъ дворцѣ было торжество міра съ Портою, которое продолжалось по 13 сентября, въ которой день былъ фейерверкъ на Царицыномъ лугу.

Въ теченіи сего времени А. Павловичь, при кроткомъ своемъ поведеніи, по молодости и праздности, выходилъ однакоже иногда изъ своего обыкновеннаго положенія и, подражая молодымъ съ нимъ обращающимся людямъ, называлъ иногда своихъ кавалеровъ по фамиліямъ. Какъ же сіе на русскомъ языкѣ необыкновенно и показываетъ родъ величавости, то я почелъ за долгъ сіе исправить. Его высочество принялъ сіе безъ огорченія.

Однажды за обѣдомъ у в. княжны говорилъ про одного человѣка Альтести([14]), что онъ не убираясь обстриженъ въ кружокъ и безъ пудры во дворцѣ въ большихъ собраніяхъ бываетъ, почему и можно бъ де его вывесть. На сіе я ему представилъ, что это конечно странность, но не ему оную показывать, а еще меньше, не будучи въ силахъ, и говорить не пристойно. Онъ, хотя и оскорбился моимъ выговоромъ, но принялъ однакоже съ молчаніемъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда пришелъ въ комнату ко мнѣ съ извиненіемъ своей проступки. Я сіе отъ его высочества принялъ съ восхищеніемъ, сказавъ, что если онъ продолжитъ таковой поступокъ, то сіе прямо докажетъ, что добродѣтель въ немъ водворяется. И подлинно, въ то время, когда онъ почитаетъ окончаніемъ воспитанія и разлуки со мною, быть толь послушливу, и бояться моего неудовольствія, есть прямое доказательство честной его души и совершенной ко мнѣ довѣренности, а потому и долженъ я однимъ этимъ за всѣ мои труды и безпокойства быть уже заплаченъ.

19 Сентября, по высочайшей волѣ в. князь А. Павловичь перешелъ со мною жить въ эрмитажъ а покои его высочества занялъ в. князь Константинъ Павловичь.

28. Совершилось бракосочетаніе въ большой придворной церкви, и ихъ императорскія высочества новобрачные заняли ихъ новые покои. Въ теченіи Октября и Ноября мѣсяцовъ, поведеніе А. П. не соотвѣтствовало моему ожиданію....

Въ началѣ сего 1794 года до Марта мѣсяца не было дальней перемѣны въ умоположеніи его высочества, хотя и начались упражненія съ Делагарпомъ и прочими, но о Россійскомъ ученіи совсѣмъ забыто.

23. В. князь показывалъ нѣкотораго рода представленіе куклами и машинками, а именно: Балетъ Дидоны, при игрѣ на скрипкѣ г. Дица, гдѣ были меньшой братъ, в. княгиня супруга, гр. Ш. и я.

Апрѣля 1-е переѣхали въ Таврическій дворецъ.

2-е. Ихъ высочества прибыли въ зимній дворецъ изъ Гатчины и скоро потомъ по обыкновенію возвратились.

Въ теченіи сего времени ѣздили къ графу Н. Ивановичу ([15]) на загородный дворъ, на биржу, на форфоровую и стеклянную фабрики, въ Рыбачью и проч.

Тогда же была на Таврическомъ театрѣ представлена комедія Русская *Лебе-*

([14]) Извѣстный клевретъ Зубова и Маркова.

([15]) Т. е. Салтыкову.

дянская Ярманка, сочин. г. Копьева, гдѣ осмѣяны странныя моды молодыхъ жемановъ, толстые на шеѣ платки, короткія трости и низкіе башмаки, кои ежеминутно съ ногъ спадывали. Государынѣ и всѣмъ тутъ присутствовавшимъ оная очень понравилась, кромѣ молодыхъ в. князей, которые нѣкоторымъ образомъ себя тутъ видѣли.

Скоро послѣ пожалована ея в. сочинителю золотая табакерка съ алмазами.

12 *Мая* послѣ обѣда государыня изволила отбыть въ Царское Село.

13. Великіе князья и вся фамилія пріѣхали къ обѣду туда же. Молодые супруги расположились жить въ прежнемъ деревянномъ домѣ въ саду, а мнѣ отведены комнаты Бецкова, недалеко отъ государыниныхъ покоевъ.

Въ теченіи этого времени прилѣплялся в. князь къ музыкѣ, на что я его высочеству представлялъ, что это искусство человѣку въ его состояніи вредно, если слишкомъ къ нему привяжется; что ему долженствуетъ оное служить отдохновеніемъ, а надлежитъ учиться своему ремеслу и стараться сдѣлаться достойнымъ своего званія. Музыка, моды и прочія бездѣлушки отнимутъ все время, которое бы надобно употребить на дѣла и тому подобное.

12 *Августа* ихъ высочества пріѣхали въ Таврическій дворецъ, а государыня изволила прибыть на канунѣ.....

УЧЕБНАЯ ТЕТРАДЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Михаилъ Іларіоновичь Бибиковъ владѣетъ двумя любопытными рукописными тетрадями, изъ которыхъ на одной вытиснено «учебная тетрадь в. к. А. П.», а на другой «учебная тетрадь в. к. К. П.». Это тетради покойнаго государя императора Александра Павловича и брата его, великаго князя Константина. Онѣ достались г-ну Бибикову вмѣстѣ съ бумагами извѣстнаго литератора Михаила Никитича Муравьева, на родной внукѣ котораго Бибиковъ женатъ. Извѣстно, что Муравьевъ состоялъ однимъ изъ наставниковъ при старшихъ внукахъ Екатерины II-й, и что у него учились они Русскому языку. Можно предполагать, что Муравьевъ не былъ учителемъ настойчивымъ, но въ то же время несомнѣнно, что благодаря своему высокому образованію, душевной чистотѣ и приверженности ко всему родному, онъ принесъ много пользы своимъ августѣйшимъ ученикамъ и поселилъ въ нихъ уваженіе къ нашей словесности, выразившееся впослѣдствіи державнымъ вниманіемъ къ Карамзину и приглашеніемъ Жуковскаго къ высочайшему двору.

Мы обратимъ вниманіе на первую тетрадь. Она относится къ 1787—1789 годамъ, когда Александру Павловичу было 10—12 лѣтъ. Современники повѣствуютъ, какое это было необыкновенно кроткое и привлекательное дитя, какъ любила, какія надежды возлагала на него Екатерина. Идиллическіе отрывки изъ извѣстнаго сочиненія М. Н. Муравьева «Обитатель предмѣстья» были первыми его упражненіями въ Русскомъ правописаніи и граматикѣ. Тетрадь открывается статьею «о счастливыхъ селянахъ». Далѣе статья о Славянахъ и началѣ Россіи. За тѣмъ встрѣчаемъ отрывокъ: «О свойствѣ трехъ правленій. Есть три рода правленій: *общественный*, *единоначальственный* и *господственный*. Правленіе общественное есть то, въ которомъ народъ въ обществѣ или только одна часть онаго имѣетъ верховную власть; единоначальственное то, въ которомъ одинъ правитъ, но законами по-

стоянными и установленными (*), вмѣсто того, что въ господственномъ одинъ безъ законовъ и безъ правила увлекаетъ все своею волею и прихотьми». Исчислимъ еще нѣсколько статей: Начало единовластія въ Россіи, Похититель вольности, Письмо Плинія къ Тациту, Причина и дѣйствіе, Исторія Годунова въ довольно подробномъ изложеніи, Переводы изъ Эмиля соч. Руссо, изъ Гибона, изъ Монтескьё (о вольности гражданской), Записки касательно Россійской статистики, разные афоризмы (напр. „Мы не живемъ только сами для себя, но каждый изъ насъ есть часть цѣлаго; неизвѣстныя добродѣтели частнаго человѣка распространяютъ благополучіе на малый округъ сосѣдей и знакомыхъ его"), Воззрѣніе на предѣлы Россіи и пр. и пр.

Къ концу тетради (довольно толстой) великій князь пишетъ уже совершенно складно, и правописаніе его, насколько оно вообще установилось тогда у насъ, довольно твердо. *П. Б.*

(*) Это поправка Муравьева: у великаго князя было „неподвижными и принятыми".

ГРАФЪ ЕГОРЪ ФРАНЦОВИЧЪ КАНКРИНЪ.

Очеркъ его жизнеописанія.

Сообщаемыя свѣдѣнія о гр. Канкринѣ заимствованы, съ немногими дополненіями, изъ появившейся въ 1865 г. въ Брауншвейгѣ книги: Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin (Дорожные дневники гр. Канкрина) мал. 8°. 2 ч.: I, 4 нен., 118 и 288; II, 261 стр., съ портретомъ. Дневникамъ предпосланы жизнеописаніе Канкрина, формулярный его списокъ и большой отчетъ о Русскихъ финансахъ за 20 лѣтъ (1823—1843), представленный Канкринымъ императору Николаю Павловичу. Отчетъ этотъ безъ сомнѣнія былъ поданъ на языкѣ Русскомъ, такъ какъ, по достовѣрному преданію, объ этомъ шла рѣчь при самомъ первомъ докладѣ Канкрина императору Николаю по вступленіи его на престолъ: разсказываютъ, что Канкринъ написалъ свой докладъ по французски, но государь (впрочемъ превосходно знавшій этотъ языкъ) не захотѣлъ слушать, объявивъ, что доклады Русскому царю должны быть на языкѣ Русскомъ. Разительная противоположность съ предъидущимъ царствованіемъ, когда, говорятъ, цѣлыя вѣдомства (морское при маркизѣ Траверзе, строительное при Бетанкурѣ и пр.) вели всю переписку на двухъ языкахъ. Намъ неизвѣстно, появился ли помѣщенный въ Нѣмецкой книгѣ докладъ въ своемъ Русскомъ подлинникѣ. Книга издана зятемъ покойнаго министра, графомъ Александромъ Кейзерлингомъ.

*

Вигель въ Запискахъ своихъ (Р. Вѣстн. 1865, августъ, стр. 560) объясняетъ несвойственную Нѣмцамъ живость гр. Канкрина его будто бы жидовскимъ происхожденіемъ и утверждаетъ, что дѣдъ его Канкринусъ былъ ученымъ равиномъ. Наши изслѣдователи вѣроятно уже давно замѣтили, что Записки Вигеля принадлежатъ скорѣе къ мастерскимъ словеснымъ произведеніямъ, а не къ исторіографіи. Историческія показанія желчнаго автора безпрестанно оказываются невѣрными. Предки Канкрина принадлежали къ нѣмецкому дворянству, служили въ военной службѣ, были пасторами. Отецъ нашего министра, *Францъ Людвигъ Канкринъ*, чиновникъ и писатель по соляной, строительной и также монетной части, въ Гессенскомъ курфиршествѣ, былъ приглашенъ къ намъ на службу, въ декабрѣ 1783 года, съ жалованіемъ въ 2000 р. и съ выдачею 3000 р. на пріѣздъ въ Россію, — условія, по тому времени, блистательныя.

Его опредѣлили директоромъ Старорусскихъ соляныхъ варницъ, на мѣсто умершаго генерала Бауера. Канкринъ-отецъ скончался въ 1816 году членомъ совѣта по горной части, не оставивъ своему семейству обезпеченнаго состоянія, такъ что сынъ его, въ молодости, даже терпѣлъ нужду. Однако труды и ученыя свѣдѣнія Канкрина-отца были хорошо извѣстны тогдашнему правительству. Такъ гр. Безбородко писалъ о немъ его начальнику, Новгородскому намѣстнику Архарову: „чтобъ мнѣнія и представленія его, какъ человѣка, исполненнаго обширныхъ по соляной части знаній, уважаемы были". (см. Р. Архивъ 1864 г. стр. 918).

Графъ *Егоръ Францовичъ Канкринъ* родился 16 ноября 1774 г., слѣд. когда родители его еще жили въ Германіи. Тамъ они и оставили его учиться. Образованіе онъ получилъ классическое, и до конца жизни не забывалъ латинскаго языка. Въ Марбургѣ онъ много занимался также юридическими и политико-экономическими науками. Будучи студентомъ въ городѣ Гессенѣ, онъ учреждалъ „идеальное дружеское общество", потомъ написалъ и издалъ романъ подъ названіемъ Дагоберъ, занимался поэзіею и философіею. Такимъ образомъ и Канкринъ служитъ подтвержденіемъ великой истины, что вполнѣ успѣшная дѣятельность на всякомъ частномъ поприщѣ зависитъ почти всегда отъ *общей* широкой подготовки.

23 лѣтъ отъ роду, уже въ царствованіе Павла, онъ пріѣхалъ въ первый разъ къ своему отцу въ Россію, и Петербургъ произвелъ на него самое тяжелое впечатлѣніе. Впослѣдствіи онъ говаривалъ про себя, что Нѣмецъ похожъ на капусту: чтобы она вышла хороша, непремѣнно нужно ее пересадить. Въ Русскую службу онъ поступилъ прямо надворнымъ совѣтникомъ, и это отличіе доставили ему служебныя связи его отца. Дѣло въ томъ, что Канкринъ-отецъ переселился изъ Германіи вмѣстѣ съ другомъ своимъ барономъ Пирхомъ, артиллеристомъ и наставникомъ Аракчеева. Сей послѣдній всегда оказывалъ покровительство молодому Канкрину и не мало содѣйствовалъ его позднѣйшему возвышенію. Разсказываютъ, что однажды Аракчеевъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, чтобы тотъ далъ ему чиновника, свѣдущаго въ лѣсной части и умѣющаго разводить парки. Козодавлевъ прислалъ Канкрина, но Аракчеевъ сталъ ему говорить *ты*. Тотъ обидился и раскланялся. Тогда Аракчеевъ перевелъ его уже офиціально къ себѣ на службу. „Смотри же, сказалъ ему Аракчеевъ, ты теперь злишься, но мы напередъ пообѣдаемъ вмѣстѣ, а потомъ поѣдемъ прямо въ деревню (вѣроятно Грузино) работать". Твердость Канкрина понравилась всевластному графу, и съ тѣхъ поръ онъ отличалъ его своимъ довѣріемъ.

Нѣсколько времени, будучи уже надворнымъ совѣтникомъ, Канкринъ никакъ не могъ получить окладнаго мѣста. Большаго ему не давали, такъ какъ онъ не зналъ по русски, а принять незначительное значило уронить чинъ. Но ему хотѣлось дѣятельности, и сохранились письма его къ академику Николаю Фуссу, съ убѣдительными просьбами о мѣстѣ учителя въ гимназіи. До такой степени скрыта отъ человѣка его будущность! Мѣсто было нужно: молодой Канкринъ самъ чинилъ себѣ сапоги и платье, и долженъ былъ отказаться отъ куренья табаку. Отсюда его привычки къ лишеніямъ, и въ позднѣйшіе годы крайняя простота и умѣренность въ образѣ жизни. Уже министромъ видали его дома почти постоянно въ солдатской шинели, съ сигарой Россійскаго производства. Онъ даже не держалъ стакана въ кабинетѣ, а пилъ воду какъ попало. Старомодные серебряные часы свои онъ цѣнилъ выше всякихъ другихъ и даже завѣщалъ ихъ, какъ драгоцѣнность, пастору Муральту. Конверты бумагъ и пи-

семъ, къ нему приходившихъ, всегда распечатывались тщательно и сберегались. „Они на что нибудь пригодятся, говаривалъ Канкринъ. Бѣдность пріучила меня съ неохотою выдавать деньги, и потому теперь я нарочно не записываю своихъ расходовъ, чтобы не раздражаться ихъ обширностью. Въ государственномъ, какъ и въ частномъ быту необходимо помнить, что разориться можно не столько отъ капитальныхъ расходовъ, какъ отъ ежедневныхъ мелочныхъ издержекъ. Первые дѣлаются не вдругъ, по зрѣломъ размышленіи, а на послѣдніе не обращаешь вниманіе, между тѣмъ копѣйки растутъ въ рубли и т. д.“

При всемъ этомъ нельзя было назвать Канкрина скупцомъ Когда домашніе просили у него денегъ на настоящія нужды, онъ выдавалъ щедро и безъ малѣйшей воркотни. Однажды великій князь Михаилъ Павловичь увѣдомилъ его, что государь по его прошенію не только дозволилъ двумъ его старшимъ сыновьямъ ѣздить на уроки въ Пажескій корпусъ, но и приказалъ выдавать по 1000 рублей пенсіи профессору Шульгину, подъ надзоромъ котораго они состояли. Благодаря за монаршую милость, гр. Канкринъ прибавилъ: „По милости государя я въ состояніи самъ расходоваться на дѣтей моихъ, и потому всеподданнѣйше прошу обратить назначаемую сумму въ пользу кого либо, болѣе нуждающагося“. Но мы зашли слишкомъ далеко впередъ.

Въ январѣ 1800 г. Канкринъ наконецъ опредѣлился къ мѣсту. Его назначили помощникомъ къ отцу по управленію Старорусскими варницами, съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Дѣло устроилъ вицеканцлеръ гр. И. А. Остерманъ, какъ свидѣтельствуетъ И. И. Лажечниковъ (Русскій Вѣст. 1864, іюнь). Остерманъ обратилъ на него вниманіе по поводу поданнаго имъ проэкта объ овцеводствѣ. Въ 1803 г. Канкринъ поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ экспедицію государственныхъ имуществъ. По соляной и лѣсной частямъ давались ему разныя порученія, для исполненія коихъ онъ объѣздилъ многія губерніи, и тутъ-то имѣлъ случай на мѣстѣ узнать и полюбить Русскую землю и Русскій народъ. Онъ сталъ совершенно свободно, хотя иногда и съ ошибками, писать по русски. Его русскія бумаги, точно также какъ и нѣмецкія, отличались краткостью и точностью изложенія, а въ разговорахъ онъ любилъ употреблять русскія пословицы, и говорить отрывисто и рѣзко. Замѣчательна эта скорость, съ которою русѣли и русѣютъ талантливые иностранцы, поступающіе въ нашу службу: великая народность быстро охватываетъ собою чужеземныя начала и претворяетъ ихъ себѣ на пользу.

Въ августѣ 1809 г. видимъ Канкрина инспекторомъ нѣмецкихъ колоній С.Петербургской губерніи, уже въ чинѣ статскаго совѣтника. Въ этой должности прожилъ онъ полтора года подъ Петербургомъ, близь Стрѣльны, и называлъ то время счастливѣйшимъ въ своей жизни. Обезпеченный и удовлетворенный, онъ много писалъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и даже сочинялъ разборы театральныхъ представленій, постоянно скрывая свое сочинительство, и не выставляя своего имени въ печати. Но и до конца жизни Канкринъ не покидалъ занятій литературныхъ. Такъ, уже на верху своей славы, почти потерявъ зрѣніе отъ тяжкихъ занятій дѣлами финансовыми, онъ еще писалъ и печаталъ въ Германіи свои повѣсти, подъ общимъ названіемъ: „Фантастическіе образы слѣпца“ (Phantasienbilder eines Blinden). Онъ занимался также всю жизнь и музыкой. Однажды въ Петербургъ пріѣхали два мальчика-музыканта. Канкринъ такъ плѣнился ихъ игрою, что, возвратившись домой, всю ночь на пролетъ проигралъ на скрипкѣ. Канкринъ зналъ

также и архитектуру, написалъ книжку „О прекрасномъ въ зодчествѣ“, но на дѣлѣ не былъ удачливъ. Между прочимъ онъ издалъ въ 1809 г. въ Петербургѣ въ тип. Лѣсновскаго: „Отрывки о военномъ искусствѣ“. Извѣстный генералъ Пфуль, преподававшій въ то время императору Александру уроки тактики, обратилъ на Канкрина вниманіе государя, и предложилъ его въ будущіе генералъ-интенданты. Государь приказалъ Вольцогену навести справки объ Канкринѣ. Отзывъ гласилъ такъ: „Многознающій, дѣльный человѣкъ, но немного жестокъ *(un peu dur)*“.

28 февраля 1811 г. Канкринъ опредѣленъ помощникомъ генералъ-провіантмейстера съ чиномъ д. ст. совѣтника. Въ слѣдующемъ году онъ уже генералъ-интендантъ Западной арміи, а въ апрѣлѣ 1813 г. всѣхъ дѣйствующихъ армій. Въ эти-то годы Канкрина поразили бѣдствія и одичаніе людей. Такъ, ѣдучи изъ Ошмянъ въ Вильну въ 1812 году, онъ встрѣчалъ мертвыхъ почти на каждомъ шагу, а въ Вильнѣ трупы навалены были подъ самыми окнами домовъ. Онъ видѣлъ несчастныхъ мужиковъ, въ полоуміи бродившихъ по лѣсамъ. Бѣдствія войны, говаривалъ онъ, не вѣроятны, и никто лучше меня не чувствовалъ, какъ ужасны и оскорбительны для человѣчества тѣ мѣры, которыя я самъ долженъ былъ предлагать для ея веденія.

Въ Парижѣ, 17 марта 1815, Канкринъ, за чрезвычайныя заслуги свои, пожалованъ былъ общимъ генеральскимъ мундиромъ, на который и перемѣнилъ съ тѣхъ поръ свой штатскій сертукъ, что было ему очень пріятно, такъ какъ до того онъ по всему вѣроятію чувствовалъ себя неловко посреди множества генераловъ, съ коими ему приходилось имѣть дѣло. Въ томъ же году Канкринъ подалъ фельдмаршалу Барклаю де Толли общій отчетъ о ходѣ возложеннаго на него дѣла, получилъ отъ государя благодарственный рескриптъ (15 мая), а черезъ три мѣсяца произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты. Упомянутый отчетъ появился въ печати не прежде 1857 г. и произвелъ тогда большое впечатлѣніе въ Петербургѣ, по противорѣчію между образомъ дѣйствій въ Крымскую войну и предначертаніями Канкрина.

Мысли свои о веденіи войны Канкринъ изложилъ въ особомъ большомъ сочиненіи, появившемся въ Петербургѣ въ 1820—1823 годахъ, въ трехъ томахъ, въ большую четверку съ таблицами, подъ заглавіемъ: Ueber die Militär-Oekonomie im Frieden und Kriege, und ihr Wechselverhältniss zu den Operationen.“, безъ имени сочинителя.

Послѣ дѣятельности 1811—1815 годовъ, въ теченіи которыхъ на Канкринѣ лежали всѣ заботы о продовольствіи побѣдоносныхъ войскъ, и своими трудами онъ обезпечивалъ ихъ успѣхи, ему пришлось долго жить въ Могилевской губерніи, въ бѣдномъ жидовскомъ мѣстечкѣ Шкловѣ. Изъ тѣхъ мѣстъ, 18 фев. 1818 г. препроводилъ онъ къ гр. Нессельроду для представленія государю записку свою объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, напечатанную на стр. 1360—1373 Р. Архива за 1865 г. Авторъ нѣмецкой его біографіи не зналъ объ этой запискѣ. Главная квартира Барклая находилась тогда въ Могилевѣ, и въ домѣ фельдмаршала жила молодая дама изъ знатной, но не богатой фамиліи Муравьевыхъ (*). Она отличалась пылкостью нрава и привлекательною живостью въ обращеніи. Канкринъ женился на ней въ 1816 году и былъ съ нею счастливъ.

Генералъ-интенданство въ мирное время было довольно тяжело для Канкрина, и при преемникѣ Барклая, графѣ Остенъ-

(*) Екатерина Захаровна Канкрина, родная племянница извѣстнаго И. М. Муравьева-Апостола. Она приходилась также родственницею женѣ Барклая де Толли, по матери своей—нѣмкѣ.

Сакенѣ, онъ подалъ въ отставку. 14 апрѣля 1820 онъ былъ уволенъ съ уговоромъ, чтобы вполнѣ ввелъ въ дѣла поступившаго на его мѣсто графа Санти. Австрійское правительство не замедлило предложить ему высокое мѣсто; но онъ не хотѣлъ промѣнять Россію ни на какую другую страну. Что касается до его честности, то нужно замѣтить, что онъ никогда не позволялъ себѣ покупать акцій и биржевыхъ бумагъ, а на свои сбереженія пріобрѣталъ обыкновенною покупкою деревни, либо клалъ деньги въ банкъ. Позднѣйшее богатство свое онъ пріобрѣлъ исключительно отъ щедротъ императора Николая.

Не долгое время отставки снова посвящено было трудамъ умственнымъ. Кромѣ вышеназваннаго большаго сочиненія, въ Мюнхенѣ, въ 1821г, появилась тоже безыменно книжка его: «Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirtschaft» (Всемірное богатство, народное богатство и государственное хозяйство). Начала, изложенныя въ этомъ небольшомъ сочиненіи, легли въ основу русской финансовой системы. Благосостояніе людей, каждаго въ частности, а не умноженіе общаго государственнаго дохода, должно быть непреложною задачею управленія. Умѣренный, по возможности, одинаковый достатокъ всего народа, а не огромный итогъ доходовъ, при которомъ половина народонаселенія иногда нищенствуетъ— вотъ идеалъ Канкрина. Богатство въ частной жизни пріобрѣтается не иначе какъ на счетъ другихъ; тоже самое происходитъ и въ иностранной торговлѣ. Народы владѣютъ извѣстными долями всемірнаго богатства по мѣрѣ хитрости и насилія, посредствомъ коихъ они обогащаются на счетъ своихъ сосѣдей. Отсюда опасливость Канкрина относительно большихъ торговыхъ государствъ, и особливо Англіи, а также и его приверженность къ тарифамъ и покровительственной системѣ. „Независимое, обезпеченное существованіе есть главная цѣль народа, и этой цѣли должно служить и народное богатство“.

Въ самый годъ выхода этого сочиненія, въ Іюнѣ Канкринъ былъ приглашенъ на конгрессъ въ Лайбахъ по случаю предполагавшейся тогда войны въ Италіи, а въ Ноябрѣ назначенъ членомъ въ хозяйственный департаментъ государственнаго совѣта. За тѣмъ, въ 1823 г., когда гр. Гурьевъ оставилъ министерство финансовъ, находившихся въ весьма плачевномъ состояніи, должность эта поручена генералу Канкрину, какъ говорятъ, по указанію графа Аракчеева (*). Публика ахнула отъ удивленія, увидавъ на самомъ значительномъ мѣстѣ человѣка, мало извѣстнаго въ высшемъ обществѣ, мало обтертаго, въ обращеніи рѣзкаго. На мѣсто обязательнаго, гостепріимнаго старца гр. Д. А. Гурьева, жившаго открытымъ домомъ и по супругѣ своей графинѣ Салтыковой, связаннаго съ высшимъ Петербурскимъ обществомъ,—раздавателемъ денегъ очутился какой то чудакъ, весь углубленный въ свое дѣло. Поэтому недоброжелательно встрѣтили энергическое преобразованіе финансовъ, къ коему тотчасъ же приступилъ новый министръ. Немедленно покинута система обращенія всей массы ассигнацій въ процентный долгъ для насильственнаго погашенія государственныхъ долговъ и приняты мѣры къ образованію запасныхъ капиталовъ. Рѣдкое знаніе всѣхъ отраслей военнаго хозяйства дало Канкрину возможность указать

(*) Не оправдывая общаго направленія въ дѣятельности знаменитаго временщика, можно, кажется, безошибочно сказать, что природная жесткость и грубость гр. Аракчеева развились въ силу противоположности съ чрезмѣрною идеальностью и расплывчивостью многихъ другихъ современныхъ ему дѣятелей; Канкрина же онъ не могъ не уважать уже за одну его до педантства доходившую точность и желѣзное трудолюбіе. П. Б.

и провести значительныя сокращенія въ издержкахъ военнаго министерства и тѣмъ восполнить предстоявшій на 1823 г. недочетъ. Издержки другихъ министерствъ также были значительно ограничены. Напротивъ доходы не замедлили умножиться вслѣдствіе отмѣны злоупотребленій и улучшеній въ дѣлѣ откупа и таможенныхъ сборовъ. Уже въ 1824 г. недочету не существовало, кредитъ государства значительно поднялся, а вскорѣ закипѣло производство и оживилась торговля внутри страны. Тѣмъ не менѣе преобразованія совершались неиначе какъ съ бережливою пощадою того что завелось изстари. Канкринъ говаривалъ, что возбуждая и усовершенствуя внутреннюю производительность, надо дѣйствовать гомеопатическими пріемами. Въ 1840 году онъ утверждалъ, что въ Россіи будутъ непремѣнно и желѣзныя дороги, и свободная торговля, и крестьяне освободятся, только общее состояніе страны не представляетъ къ тому еще достаточной зрѣлости. По свидѣтельству его Русскаго біографа, А. П. Шипова, въ Библіотекѣ для чтенія 1865, № 4—6, онъ уже въ первые четыре года своего управленія скопилъ слишкомъ 160 милліоновъ рублей ассигн. и, не прибѣгая къ иностраннымъ займамъ, до такой степени поправилъ растроенные до него финансы имперіи, что ни значительныя войны (съ Персіею, Турціею, въ Польшѣ и на Кавказѣ) ни Польскій бунтъ, ни холера и наводненіе, ни другія бѣдствія не могли поколебать высокой стоимости Русскаго рубля на Европейскихъ биржахъ (*).

21 годъ прослужилъ Канкринъ министромъ финансовъ. Опредѣлить въ точности его заслуги государству чрезвычайно трудно. По его собственному выраженію, заслуги состояли не въ томъ, что сдѣлано, а въ томъ чего онъ не допустилъ. Памятныхъ записокъ онъ не велъ, хотя ему часто о томъ говорили. „Я слишкомъ люблю правду и слишкомъ правдивъ для того, чтобы услаждаться чувствомъ ея" — бывало его отвѣтомъ.

Въ 1829 г. Канкринъ возведенъ въ графское достоинство, въ 1832 г. ему пожалованъ Андреевскій орденъ. Въ 1838 г. онъ преподавалъ финансовыя науки нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, еженедѣльно по два раза. Лекціи свои онъ записывалъ, и онѣ хранятся въ архивѣ министерства финансовъ. Съ 1839 г. здоровье стало ему измѣнять, и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣвала и его дѣятельность. Въ 1840 г. государь дозволилъ ему ѣхать за границу для леченія, и приказалъ предоставить въ его распоряженіе особый пароходъ. Въ его отсутствіе министерствомъ правилъ по оставленной имъ инструкціи старшій имъ указанный чиновникъ Вронченко, познѣе заступившій его мѣсто. Точно также онъ ѣздилъ за границу въ 1841 и 1843 г. Въ началѣ 1844 г. съ нимъ сдѣлалось нѣчто въ родѣ апоплексическаго удара, отъ котораго онъ скоро оправился. Государь два дни сряду навѣщалъ больнаго министра, который воспользовался этою милостью, чтобы испросить себѣ полную отставку, сохранивъ лишь званіе члена государственнаго совѣта. Онъ съѣздилъ еще разъ въ чужіе края, и скончался 9 Сентября 1845 г. въ Павловскѣ, окруженный общимъ уваженіемъ. Главнѣйшее сочиненіе его о финансахъ есть „Экономія человѣческихъ обществъ", изданная въ Штутгартѣ въ 1845 г. на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ привести помѣщенное въ вышеупомянутой статьѣ А. П. Шипова письмо императора Николая Павловича къ г. Канкрину. Письмо было написано по тому случаю, что

(*) Желающихъ ближе ознакомиться съ подробностями финансоваго управленія при графѣ Канкринѣ, отсылаемъ къ статьѣ А. П. Шипова.

больнаго Канкрина однажды потревожили ночью для незначительной справки, будто бы по высочайшему повелѣнію. Читатели увидятъ, какъ уважалъ покойный государь этого рѣдкаго человѣка.

„Сегодня только узналъ я, любезный Егоръ Францовичь, что не хотя я былъ причиною однаго обстоятельства, которое справедливымъ образомъ должно было васъ огорчить. Не видавъ васъ столь долго, лишенъ я былъ возможности условиться съ вами о намѣреніи моемъ ближе узнать порядокъ дѣлъ департамента государственныхъ имуществъ, для чего полагалъ начало года самымъ удобнымъ временемъ. Приказавъ С. С. Танѣеву увѣдомить васъ о семъ намѣреніи, мнѣ и въ мысль не приходило, чтобы для сообщенія сего стали васъ тревожить безъ всякой нужды *среди ночи*! тогда какъ ничто не мѣшало исполнить сіе въ обыкновенное время; но такъ какъ начальникъ отвѣчать долженъ за своихъ подчиненныхъ, то я охотно принимаю грѣхъ на себя и винюсь искренно предъ вами въ невольной винѣ. Но не менѣе того вы должны были принять сіе странное объявленіе моей воли, какъ нѣкій знакъ неудовольства моего, и это всего бы мнѣ было прискорбнѣе. Вы, надѣюсь, знаете съ давнихъ временъ мое къ вамъ уваженіе; одинадцать лѣтъ нашихъ личныхъ сношеній обратили оное, могу сказать по истинѣ, въ искреннюю къ вамъ дружбу и благодарность, — и въ этомъ ли расположеніи къ вамъ могъ бы я рѣшиться нанести вамъ какую либо непріятность? Надѣюсь, что вы меня довольно хорошо знаете, чтобъ къ моимъ слабостямъ и недостаткамъ не причитать гнуснѣйшаго изъ всѣхъ пороковъ—неблагодарности. Надѣюсь, что послѣ сего чистосердечнаго объясненія удалось мнѣ разсѣять въ васъ и тѣнь сомнѣнія, въ тѣхъ искреннихъ чувствахъ дружбы и признательности, съ которыми навсегда пребуду къ вамъ искренно доброжелательный Н. 1837 г. 5 Января“.

ЗАМѢТКА.

Мы получили вполнѣ вѣрное извѣстіе, что напечатанная на стр. 1360—1373 Русскаго Архива 1865 г. „Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости“, дѣйствительно принадлежитъ покойному министру финансовъ гр. Е. Ф. Канкрину. Онъ препроводилъ ее 24 февраля 1818 г. изъ Орши къ гр. Нессельроду, которому писалъ между прочимъ: „Прилагаемое странное (singulier) разсужденіе я хотѣлъ подать государю, но не имѣлъ къ тому случая по кратковременности его пребыванія здѣсь (*). Принимаю смѣлость просить ваше сіятельство о представленіи онаго его величеству; въ противномъ случаѣ благоволите возвратить. Признаюсь, этотъ предметъ съ давнихъ поръ лежалъ у меня на сердцѣ; а увидавъ въ Москвѣ, какъ вся публика недовольна намѣреніемъ императора освободить крестьянъ, я почерпнулъ въ этомъ новое побужденіе изложить мои мысли.“

Подлинная записка озаглавлена такъ: Recherches sur l'origine et l'abolition du vasselage ou de la féodalité des cultivateurs, surtout en Russie“. т. е. «Разысканіе о происхожденіи и отмѣнѣ крѣпостнаго права или зависимости земледѣльцевъ, въ особенности въ Россіи“.

Вслѣдъ за заглавіемъ въ подлинной рукописи помѣщено еще нѣсколько соображеній о ходѣ рабства и освобожденія отъ него вообще въ исторіи; это мѣсто опущено въ томъ спискѣ, съ котораго мы печатали Записку; но оно собственно не представляетъ ничего новаго и особеннаго. *П. Б.*

(*) Императоръ Александръ Павловичь отправлялся въ то время въ Варшаву для открытія Польскаго сейма. *П. Б.*

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА

19 октября 1865.

Въ день основанія Царскосельскаго Лицея, 19 октября, и въ прошломъ 1865 году, по прежнему, собирались на обѣдъ воспитанники 5-го, 6-го и 7-го курсовъ его, а къ нимъ присоединилось и нѣсколько питомцевъ Лицейскаго Пансіона, бывшихъ въ этомъ заведеніи около того же времени. Къ украшенію праздника на этотъ разъ много содѣйствовала счастливая мысль пригласить въ собраніе пѣвчихъ Измайловскаго полка, которые пропѣли прекрасную пѣснь лицеистовъ (слова барона Дельвига, музыка Теппера): «Шесть лѣтъ промчалось какъ мечтаніе». Трогательные звуки ея, имѣющіе магическую силу для каждаго Царскосельскаго лицеиста, раздались въ сосѣдней залѣ послѣ тоста въ честь Лицея. По старой памяти и привычкѣ, почти всѣ собравшіеся приняли сами участіе въ хорѣ. Когда онъ умолкъ, одинъ изъ лицеистовъ 6-го курса обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами: «Пѣніе прощальной нашей пѣсни доставило намъ не эстетическое удовольствіе только, но высокое сердечное наслажденіе. Конечно, съ одной стороны въ этой минутѣ было много грустнаго: нашу прощальную пѣснь пропѣли намъ люди чужіе, самою одеждою своею напоминающіе намъ, что они ничего общаго съ Лицеемъ не имѣютъ; слушая ихъ, мы не могли забыть, что уже давно нѣтъ ни автора этой пѣсни, ни самого первобытнаго Лицея, во имя котораго мы собираемся. Но съ другой стороны мы имѣли передъ собой отрадное доказательство, что прекрасная идея не умираетъ: болѣе полувѣка прошло съ основанія Лицея, перемѣнились люди, обстоятельства, взгляды; но нашъ сердечный союзъ, вызванный плодотворною идеей Александра I, живетъ: незабыта пѣснь, которою этотъ союзъ выражался, которую мы любили въ юности; и на перекоръ годамъ мы и теперь еще слушаемъ ее съ тѣмъ же умиленіемъ, въ какое она тогда приводила насъ».

Затѣмъ прочитаны были тѣмъ-же лицеистомъ (Я. К. Гротомъ), написанные къ этому дню стихи:

Былъ день суровый октября,
Но солнце ласково сіяло:
Въ чертогахъ кроткаго Царя
Благое дѣло возникало.
Въ тотъ свѣтлый, незабвенный день
(Его узнаютъ наши внуки!)
Царь открывалъ радушно сѣнь
Для скромныхъ подвиговъ науки.
И на могущественный зовъ
Вкусить ея струи живыя,
Со всѣхъ отечества концовъ
Стеклися силы молодыя.
И тамъ, гдѣ всталъ ея алтарь,-
Средь изумленнаго чертога,-
Питомцевъ юныхъ встрѣтилъ Царь
Съ благословеньемъ у порога;
И въ рощахъ Царскаго Села,
Въ сѣни счастливаго покоя,
Жизнь мысли бодро потекла
Безъ треволненій и застоя.

*

Друзья! мы—дѣти жизни той...
Давно уже въ мѣстахъ родимыхъ
Она погибла подъ грозой
Судебъ земли неотвратимыхъ;
Но мы, какъ тотъ знакомый цвѣтъ,
Который ликъ свой неустанно
Вращаетъ въ край, откуда свѣтъ,
Мы—будемъ такъ-же постоянно
Взоръ устремлять въ тотъ милый край,
Гдѣ въ дружбѣ и трудѣ когда-то
Цвѣлъ нашей молодости рай!
Да, будемъ, братья, помнить свято
Завѣтъ, намъ данный жизнью той:
Какъ нѣкогда въ стѣнахъ лицейскихъ,
Пусть будетъ умственный застой
Намъ чуждъ на всѣхъ путяхъ житейскихъ!

По желанью всѣхъ присутствовавшихъ пѣснь была пропѣта вторично, и за нею стихи прочитаны еще разъ.

Послѣ того, лицеистъ 6-го курса Ѳ. Н. Анненскій произнесъ слѣдующее:

Друзья-товарищи! Сегодняшнее празднованіе лицейской годовщины имѣетъ для насъ особое значеніе. Мы вышли изъ Лицея, одни ранѣе, другіе позже, но всѣ въ началѣ 30-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ съ чѣмъ-то, а это, по теоріи статистики, есть вѣкъ поколѣнія. Стало-быть, съ того времени, какъ мы начали жить самостоятельною гражданскою жизнью, вымерло цѣлое поколѣніе — не вымерли люди, но взамѣнъ устарѣлыхъ, отжившихъ понятій, возникли новые обычаи, нравы, вкусы, новыя начала государственнаго, общественнаго и семейнаго быта. Въ исторіи цивилизованнаго міра, и въ особенности, въ исторіи Россіи, этотъ періодъ времени ознаменованъ громадными переворотами. Сколько новыхъ истинъ и тайнъ природы открыто изслѣдованіями науки; сколько поднято, разработано и приложено къ жизни соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ; какія важныя совершены и задуманы государственныя реформы, измѣняющія въ самомъ основаніи условія народной жизни! Но, что же дѣлали мы среди этого общаго движенія впередъ, этого стремленія къ пересозданію общественной жизни на другихъ, болѣе раціональныхъ, болѣе гуманныхъ началахъ? Содѣйствовали-ли мы, живымъ и дѣятельнымъ участіемъ, осуществленію благихъ начинаній, или оставались одними пассивными наблюдателями совершавшихся событій, съ закоснѣлымъ предубѣжденіемъ противъ новизны, съ слѣпымъ пристрастіемъ къ старому порядку вещей?—Нѣтъ! на пути просвѣщенія и истинно полезнаго развитія, лицеисты всегда стояли и будутъ стоять въ передовыхъ рядахъ. Каждый изъ насъ, провѣривъ свою частную и общественную жизнь, можетъ смѣло сказать, что она прошла не безплодно для общей пользы. Кто на поприщѣ дѣятельности государственной, кто въ тиши кабинета ученаго, кто какъ организаторъ общественныхъ учрежденій, кто наконецъ какъ простой, скромный гражданинъ,—каждый честно и совѣстливо выполнилъ свою долю труда въ служеніи современнымъ интересамъ.

Но, дѣйствуя въ духѣ вѣка, мы однакожъ не увлекались безсознательно всѣми его проявленіями. Заслуга нашей эпохи передъ обществомъ, въ возвышеніи его уровня и матеріальнаго благосостоянія, неоцѣнима. Но, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ новыми научными истинами и новыми элементами гражданскаго и экономическаго быта, отразившимися благотворно на государственной и народной жизни, вторгались въ нее и нѣкоторыя прискорбныя заблужденія, неизбѣжныя впрочемъ при всякомъ быстромъ движеніи впередъ. Могли-ли мы, чтя преданія роднаго Лицея, сочувствовать подобнымъ крайностямъ? Нѣтъ, товарищи! оставаясь всегда ревностными приверженцами прогресса, подвигающаго впередъ науку, законодательство, развитіе государственныхъ и народныхъ силъ,—останемся навсегда, какъ были до сихъ поръ, упорными, непреклонными старовѣрами въ религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденіяхъ, и еслибы намъ суждено было пережить еще одно поколѣніе, будемъ и тогда, по завѣту праотцевъ Лицея, хранить неизмѣнно:

„Ту жъ дружбу съ тою же душой,
„То жъ къ правдѣ пылкое стремленье,
„Ту жъ юную ко славѣ кровь,
„Въ несчастьи гордое терпѣнье,
„А въ счастьи всѣмъ равно любовь! (*)

Эти слова были приняты съ общимъ сочувствіемъ, выразившимся единодушными рукоплесканіями.

Долго послѣ стола длилась дружеская бесѣда старыхъ товарищей. Было особенное поэтическое наслажденіе въ томъ чувствѣ, въ тѣхъ воспоминаніяхъ, которыя въ эти рѣдко возвращающіяся минуты сливали людей, раздѣленныхъ жиз-

(*) Изъ прощальной пѣсни барона Дельвига.

нію и обстоятельствами, но вѣрныхъ юношескому союзу во имя прекрасной идеи.

ВОСПОМИНАНІЕ ЛИЦЕИСТА.

Въ 12-й книжкѣ „Русскаго Архива" за 1865-й годъ есть любопытная замѣтка г. Юрія Толстаго о судьбахъ брата Робеспьера, бѣжавшаго изъ Франціи въ Россію; но въ началѣ этой статейки, тамъ гдѣ говорится о братѣ другаго революціонера, Марата, вкралась маленькая неточность. Тутъ сказано, что братъ этого Марата, подъ именемъ Будри, былъ *гувернеромъ* въ Царскосельскомъ Лицеѣ въ то время какъ воспитывался въ немъ Пушкинъ. Братъ Марата дѣйствительно бѣжалъ въ Россію и принялъ здѣсь фамилію де-Будри (de Boudry), по имени своей родины въ тогдашнемъ княжествѣ Нёшательскомъ; но онъ былъ въ Лицеѣ не гувернеромъ, а профессоромъ французскаго языка, который преподавалъ и въ разныхъ другихъ заведеніяхъ. Это былъ бодрый, хотя и довольно безобразный старичокъ, съ желѣзною волею и такимъ же усердіемъ, съ чрезвычайно логическимъ умомъ и съ многосторонними свѣдѣніями. Въ то время, какъ теорія логики читалась намъ, другимъ профессоромъ, въ самыхъ сухихъ и схоластическихъ формахъ, де-Будри училъ насъ ей на практикѣ, развивая въ молодыхъ своихъ слушателяхъ способность правильнаго мышленія и складнаго, отчетливаго изложенія мыслей. Мы не жаловали его за строгость, насмѣхались, какъ дѣти, надъ его кривымъ брюшкомъ и насаленнымъ, сѣдымъ парикомъ, дразнили разными школьными продѣлками, но внутренно всѣ его уважали, а теперь всѣ пережившіе семь ветерановъ перваго Лицейскаго выпуска (1817) вѣрно вмѣстѣ со мною отдадутъ справедливость тому доброму вліянію, которое именно де-Будри имѣлъ на наше образованіе.

Лицейскій товарищъ Пушкина.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОРТРЕТѢ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й ВЪ ТРАУРНОМЪ ОДѢЯНІИ.

Считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о прилагаемомъ портретѣ императрицѣ Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи. Подлинникъ нарисованъ на бумагѣ знаменитымъ граверомъ и рисовальщикомъ XVIII вѣка академикомъ *Е. П. Чемесовымъ* (ум. 1765), какъ означено на самомъ рисункѣ: „Р(исовалъ) Чемесовъ", и принадлежитъ нынѣ извѣстному профессору ваянія Н. А. Рамазанову, который получилъ его лѣтъ десять тому назадъ отъ *Матвѣя Павловича Бибикова* (талантливаго, рано умершаго писателя) и со словъ сего послѣдняго тогда же записалъ нѣкоторыя подробности о происхожденіи портрета. Онъ достался М. П. Бибикову отъ его дѣда *Петра Васильевича Чичерина*, который получилъ его въ даръ отъ князя Потемкина-Таврическаго. П. В. Чичеринъ разсказывалъ, что императрица не согласилась на просьбу Потемкина имѣть ея портретъ масляными красками, во весь ростъ, въ томъ одѣяніи, въ которомъ она ходила передъ вступленіемъ своимъ на престолъ и потомъ первые мѣсяцы царствованія (вѣроятно до коронованія, въ сентябрѣ 1762); но, снисходя на желаніе Потемкина, дозволила привезти во дворецъ славнаго Чемесова, который и снялъ нашъ портретъ свинцовымъ карандашемъ. Преданіе добавляетъ, что рисунокъ понравился государынѣ, и это могло состоять въ связи съ переходомъ Чемесова на службу при кабинетѣ ея величества (см. его біографію, соч. П. Петрова въ Библіотекѣ для чтенія 1860, № 4, стр. 20).

Мы знаемъ, что Потемкинъ съ перваго дня царствованія Екатерины былъ лично ей извѣстенъ. Что она рано оцѣнила его необыкновенныя дарованія и сильную душу, что онъ уже тогда бывалъ удостоенъ личныхъ бесѣдъ и принадлежалъ къ тѣсному кружку друзей императрицы, это

доказывается назначеніемъ его, молодаго камеръ-юнкера, въ сентябрѣ 1763 года, присутствовать въ святѣйшемъ Синодѣ. Отличное знаніе уставовъ и обрядовъ церковныхъ, а также и близкія связи Потемкина съ духовенствомъ давали ему право на такую должность, столь важную, особливо во время борьбы съ Арсеніемъ Маціевичемъ и отобранія церковныхъ деревень. Инструкція ему, подписанная Екатериною, въ сентябрѣ 1763 г., напечатана П. С. Лебедевымъ въ его книжкѣ: Графы Панины, стр. 105 — 107. Потемкинъ оставался за оберъ-прокурорскимъ столомъ св. Синода и въ 1765 г., какъ видно изъ мѣсяцослова съ росписью на этотъ годъ. Упоминаемъ объ этомъ въ отвѣтъ лицамъ, которыя, когда мы показывали имъ этотъ портретъ, сомнѣвались въ достовѣрности вышеизложеннаго преданія, утверждая, что Потемкинъ сдѣлался извѣстенъ въ качествѣ ближпяго человѣка лишь въ 1774 году. Другіе находятъ, что черты лица государыни на этомъ портретѣ болѣе напоминаютъ позднѣйшее время, когда она тоже могла носить траyръ по комъ либо изъ Европейскихъ владѣтельныхъ особъ. Въ отвѣтъ на это мы можемъ замѣтить, что Чемесовъ умеръ въ 1765 г., а также сослаться на раскрашенный старинный рисунокъ, находящійся въ Москвѣ, у М. М. Евреинова и изображающій Екатерину въ ту минуту, какъ она надѣваетъ Андреевскій орденъ на возвращеннаго изъ ссылки гр. Бестужева-Рюмина (въ Іюлѣ 1762 г): тутъ государыня представлена тоже въ траурномъ одѣяніи.

Екатерина носила трауръ во все шестимѣсячное царствованіе Петра III-го, по теткѣ и благодѣтельницѣ своей имп. Елизаветѣ Петровнѣ, память которой она высоко чтила: такъ извѣстно, что она безпрестанно бывала у ея тѣла до дня погребенія 5 февраля 1762 (см. Спб. Вѣд. того года, № 12), не пропускала панихидъ и строго слѣдовала ея примѣру въ соблюденіи благочестивыхъ обычаевъ Русской жизни, что̀ отчасти и помогло ей расположить въ свою пользу сердца тогдашнихъ людей. Она продолжала носить трауръ и по восшествіи своемъ на престолъ, какъ видно изъ тогдашнихъ камерфурьерскихъ журналовъ: 6 и 30 августа 1762 г, по случаю праздниковъ, трауръ снимался. И очень понятно, что Потемкину хотѣлось сохранить черты государыни именно въ тѣ великіе и для него присно-памятные дни.

Императрицѣ шелъ тогда 34 годъ отъ роду. Она изображена въ *глубокомъ* траурѣ, въ оригинальномъ на глаза наши, но подходящемъ къ народному одѣянію нарядѣ, съ плерёзами или обшивками. Головной уборъ государыни съ такъ называемымъ *шнипомъ* и оборками изъ тюля. На груди андреевская звѣзда. Говорятъ, что этотъ портретъ весьма напоминаетъ собою колоссальную гипсовую статую Екатерины, изваянную въ нынѣшнемъ столѣтіи художникомъ Гальбергомъ и находящуюся въ конференцъ-залѣ императорской Академіи Художествъ. Когда Гальбергъ работалъ эту статую, то для руководства ему покойнымъ президентомъ Академіи А. Н. Оленинымъ собраны были лучшіе и подлиннѣйшіе портреты государыни.

Подлинный рисунокъ отъ времени нѣсколько стерся и не могъ быть удовлетворительно снятъ въ фотографіи. Поэтому мы обратились къ извѣстному здѣшнему профессору живописи В. В. Пукиреву съ просьбою перерисовать его, и съ этого подновленнаго рисунка изготовленъ прилагаемый портретъ въ „Русской Фотографіи“, обширнѣйшемъ и замѣчательнѣйшемъ въ Москвѣ заведеніи этого рода. *П. Б.*

ВЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАГО АРХИВА

ЗА ГОДЪ ПЕРВЫЙ (1863).

(ЦѢНА 4 Р., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 5 Р.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ НЕМЪ:

А. Д. Чертковъ и его библіотека.
Путешествіе въ святую землю священника *Іоанна Лукьянова.*
Письма Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву, числомъ 167.
Старинная пѣсня, съ нотами и замѣткой кн. *В. Ѳ. Одоевскаго.*
Стихотворенія *И. И. Дмитріева, Гартмана* и *Державина.*
Планъ романа изъ жизни Мировича, *Г. Ѳ. Квитки (Основьяненка).*
Матеріалы для исторіи Дружескаго общества 1782 г.
3 стихотворенія *А. С. Хомякова.*
9 писемъ *М. Ю. Лермонтова,* съ 3 новыми стихотвореніями.
Письмо *Ѳеофана Прокоповича* къ имп. Аннѣ, въ защиту православныхъ Славянъ.
Письмо архим. *Фотія* къ Д. А. Державиной объ А. И. Тургеневѣ.
Замѣчательный портретъ патріарха Филарета.
Записки *В. В. Пассека,* сочиненныя въ Спб. градской тюрьмѣ.
Городъ Кишеневъ, стих—іе *А. С. Пушкина.*
Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ, *П. И. Бартенева.*
Разсказъ *А. С. Пушкина* о посѣщеніи Ермолова.
Свѣдѣнія о И. С. Никитинѣ, *М. Ѳ. де-Пуле.*
7 писемъ *имп. Александра Павловича* къ Державину.
Изъ розыскнаго дѣла о трагедіи Вадимъ.
7 писемъ *А. А. Петрова* къ Н. М. Карамзину.
О книгѣ Сабатье де-Кабра: Catherine II. *П. И. Бартенева.*
Двѣ замѣтки Екатерины II (о предсмертныхъ мысляхъ имп. Елизаветы и о женитьбѣ в. к. Константина Павловича).
Пункты о Петергофѣ, *Петра Великаго.*
Разсказъ Петра великаго о Никонѣ, съ примѣч. *П. Алексѣева.*
Письмо *В. А. Жуковскаго* объ его крѣпостныхъ людяхъ.
Письма гр. *М. П. Бестужева-Рюмина* къ И. И. Шувалову.
Письмо *В. С. Ланскаго* къ имп. Александру I о Польшѣ.
О зачатіи и зданіи Петербурга.
Письмо *Адама Чарторижскаго* объ его отношеніяхъ къ имп. Александру I.
Письма гр. *Ѳ. В. Ростопчина* къ Д. И. Киселеву.
Объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ его дядѣ, *М. Н. Лонгинова.*
Письмо *И. Н. Инзова* о Пушкинѣ.
Письмо *принца Августа* съ замѣчаніями *Бестужева* и имп. *Елизаветы.*
Описаніе Москов. бунта 1771 г. *П. Алексѣева.*
Разсказъ *Н. В. Шеншина* о поѣздкахъ его на Аландскіе острова.
Сонъ въ Грузинѣ и письмо къ гр. Аракчееву *М. Л. Магницкаго.*
Нравственные идеалы Екатерины II.
Филологическія занятія Екатерины II.

б) Письмо *гр. Орлова* къ Спиридову, в) Письмо *Спиридова* къ Екатеринѣ II.

Черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой (письма ея и къ ней, ея хозяйственныя распоряженія, ссылка и пр.)

О видахъ добра. (Замѣтки *Екатерины II* и *гр. А. С. Строгонова*).

Записка *Екатерины II* къ ея духовнику И. И. Панфилову о графиняхъ Ефимовскихъ.

Письмо *Екатерины II* къ кн. Потемкину о кн. Зубовѣ. 1789.

Письмо *Александра 1-го* къ Г. П. Милорадовичу о сектѣ Татариновой.

Дополненія къ разсказу Н. В. Шеншина о поѣздкахъ его на Аландскіе острова 1854. *В. В. Романова.*

Свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860, 1861 и 1862 г., собралъ *Г. Н. Геннади.*

Описаніе трехъ панагій изъ Чертковскаго собранія. *Гр. А. С. Уварова.*

Отвѣтная замѣтка В. И. Собольщикову.

Посланія *протопопа Аввакума* къ боярынѣ Θеодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Урусовой и Маріи Даниловой.

Подлинные черты и случаи изъ исторіи раскола (1792—1807): бумаги кн. Прозоровскаго, Архарова и гр. И. П. Салтыкова.

Письма *Н. И. Новикова* къ Я. И. Булгакову. 1779—1780.

Изъ бумагъ князя *В. Θ. Одоевскаго.* Письма: *Д. М. Веланскаго, кн. А. А. Шаховскаго, А. С. Грибоѣдова, кн. В. Θ. Одоевскаго* къ А. С. Пушкину, *А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, А. Θ. Воейкова, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, М. И. Глинки, В. А. Каратыгина, гр. Е. П. Ростопчиной.*

Сленина лавка, стихи.

О нападеніяхъ Петербурскихъ журналовъ на Пушкина, статья *кн. В. Θ. Одоевскаго.*

Анекдоты А. Л. Нарышкина.

Изъ бумагъ Николая Петровича Архарова. (1775—1812.) 105 писемъ къ нему *Екатерины II-й, Павла, Александра Павловича, кнк. А. А. Вяземскаго, М. Н. Волхонскаго, И. П. Елагина, гр. А. А. Безбородки и И. А. Остермана,* съ біографическимъ предисловіемъ и примѣчаніями.

Письма (104) имп. *Екатерины II* къ кн. Н. И. Салтыкову (1763—1796), въ томъ числѣ инструкція, какъ обращаться съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и письмо къ сему послѣднему по вступленіи его въ совершеннолѣтіе, съ предисловіемъ и примѣчаніями.

Безпечальный монастырь (Легенда о Петрѣ великомъ) *А. Раменскаго.*

О вновь найденныхъ въ Воронежѣ стихотвореніяхъ А. В. Кольцова. *М. Θ. де Пуле.*

24 Долбинскихъ стихотворенія *В. А. Жуковскаго* (1814—1815).

Извлеченія изъ писемъ *А. Д. Илличевскаго* къ П. Н. Фуссу (1812—1816).

Стихотворенія *барона А. А. Дельвига.*

Два письма Пушкина къ Н. И. Кривцову.

Два письма *Пушкина* къ кн. Н. Г. Репнину, и письмо къ Пушкину *кн. Н. Г. Репнина.*

Изъ воспоминаній молодости *С. М. С-на.*

Два неизданныя стихотворенія *Лермонтова.*

Письмо *Лермонтова* съ неизданными стихами.

Для исторіи народнаго театра. „Аника-воинъ и Смерть", представленіе, разыгрываемое фабричными работниками, съ предисловіемъ *А. А. Котляревскаго.*

Къ исторіи Семилѣтней войны. Записки Прусскаго пастора *Теге.*

Письма митрополитовъ *Гавріила и Платона* къ пресв. Арсенію.

Три старообрядческія стихотворенія.

Письмо гр. Аракчеева къ А. П. М-ой.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1866 года.

(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ)

принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7. Въ С. Петербургѣ исключительно у А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Цѣна Русскому Архиву за годовое изданіе состоящее изъ 12 выпусковъ въ Москвѣ и Петербургѣ **ПЯТЬ** рублей.

Съ пересылкою и доставкою на домъ **ШЕСТЬ** р.

Заграничные обращаются въ Берлинскій почтамтъ.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ за 1863 г. вышедшій отдѣльною книгою вторымъ изданіемъ 4 р. съ пересылкою 5 р. безъ пересылки.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Дозволено цензурой. Москва, 2 Декабря 1865 года.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ домъ Милякова.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

2. ПРИ 1866.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

1866.

Въ Москвѣ, въ Чертковской библіотекѣ и въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Ольхиной, у книгопродавца А. Ѳ. Базунова принимается подписка на

ВТОРЫЯ ИЗДАНІЯ РУССКАГО АРХИВА

1864 и **1865** годовъ.

Оба года выдутъ книгами. Цѣна Русскому Архиву 1864 г. — **ЧЕТЫРЕ** р., съ перес. **ПЯТЬ** р.; Русскому Архиву 1865 г. — **ПЯТЬ** р., съ перес. **ШЕСТЬ** р.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ РУССКАГО АРХИВА

1863 года (**4** р., съ пер. **5** р.)

Въ Чертковской библіотекѣ можно получать слѣдующія книги:

Сочиненія А. Д. Черткова:

1. *Воспоминанія о Сициліи.* М. 1836—1837. 8°. 2 части, съ большимъ атласомъ, содержащимъ въ себѣ рисунки къ этому археологическому путешествію. Ц. 2. р.
2. *О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай и къ намъ на Русь.* М. 1851. 8°. Цѣна 50 к.
3. *Ѳракійскія племена, жившія въ Малой Азіи.* М. 1852. 8°. Цѣна 50 к.
4. *Пелазго-Ѳракійскія племена, населявшія Италію.* М. 1853. 8°. Цѣна 50 к.

Путешествіе въ св. землю священника *Лукьянова* при Петрѣ великомъ. М. 1864 г. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

Стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго. М. 1862. б. 8°. Цѣна 1 р. 50 к.

Разсказы изъ исторіи христіанской церкви. М. 1863. мал. 8°. 3 ч.: I, IV и 215 (первый вѣкъ); II, 264 (до начала IV вѣка); III (до X вѣка) 393 стр. Цѣна за три части 1 р. 60. к.

ЦАРСТВОВАНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ (*)

Война съ Портою.

Вслѣдствіе пораженія при Прутѣ Петръ I-й возвратилъ Туркамъ Азовъ, этотъ ключь къ Черному морю, и долженъ былъ уничтожить гавань Таганрогскую, равно какъ и срыть крѣпости Каменный Затонъ и Самару. Черезъ это Крымскіе Татары получили возможность свободно распространяться между Дономъ и Днѣпромъ, а восточные сосѣди ихъ, отъ Кубани, снова начали двигаться далѣе на сѣверъ. Такъ орда Ногайскихъ Татаръ, главное племя которыхъ подъ Крымскою защитою кочевало между Чернымъ и Каспійскимъ морями, въ количествѣ 40,000 кибитокъ или войлочныхъ шатровъ уклонилась изъ подъ Русскаго владычества, будучи недовольна дурнымъ обращеніемъ Астраханскаго губернатора, и заняла пространство между Дономъ и Днѣпромъ, возвращенное Русскими Туркамъ. Отсюда они предпринимали безпрерывные разбойничьи набѣги на ближайшія Русскія области, въ особенности же на округъ города Бахмута, богатый своими соляными промыслами и принадлежавшій къ Воронежской губерніи. Отмстить за эти разбои и снова пріобрѣсти утраченныя земли было твердымъ намѣреніемъ еще Петра I. Смерть ему помѣшала исполнить это. Въ царствованія Екатерины I и Петра II не было сдѣлано ничего для споспѣшествованія истиннымъ выгодамъ государства. Послѣ паденія Меншикова, Долгорукіе, въ февр. 1729 г., заключили, правда, миръ съ Персидскимъ шахомъ Эшрефомъ въ Рештши (Räschtschi) въ Джиланѣ, и этотъ миръ распространялъ Русскія границы за рѣку Куръ [48]); но затѣявъ войну, Долгорукіе не имѣли другой цѣли какъ только поддерживать войско на военной ногѣ, чтобы при случаѣ употребить его противъ тѣхъ, которые могли бы воспротивиться ихъ властолюбивымъ планамъ. Они заходили такъ далеко въ своей ревности къ старо-русскому быту и нерасположеніи къ дѣламъ, предпринятымъ Петромъ, что были даже склонны отказаться отъ завоеваній, сдѣланныхъ у Шведовъ. Только Анна, обязанная престоломъ единственно побѣдѣ надъ старымъ Русскимъ порядкомъ, если не по убѣжденію, то по счастливому принужденію обстоятельствъ, снова вступила на дорогу, покинутую со смерти ея дяди([49]). Она была вынуждена «болѣе опираться на честность и способности иностранцевъ, особенно же Нѣмцевъ, чѣмъ на природныхъ Русскихъ», и одна изъ первыхъ цѣлей, которую поставили себѣ ея наиболѣе довѣренные совѣтники, состояла въ томъ, что необходимо дать арміи и всей націи какое-нибудь дѣло за предѣлами государства, чтобы достигнуть спокойствія внутри. Въ этомъ смыслѣ Остерманъ взялся за веденіе иностранныхъ дѣлъ.

На избраніе Польскаго короля онъ смотрѣлъ лишь какъ на неизбѣжное, но временное и промежуточное дѣло, участію же въ Австрійскихъ дѣлахъ онъ лично рѣшительно противился. Главною цѣлью его былъ Востокъ, то есть Порта: ибо на завоеванія, сдѣланныя въ Персіи, можно было только смотрѣть «болѣе какъ на кладбище многихъ храбрыхъ офицеровъ и солдатъ, чѣмъ какъ на полезное расширеніе государства»; въ сущности, ждали только приличнаго случая, чтобы избавиться отъ этихъ завоеваній, не доставивъ выгоды Туркамъ. Шахъ Та-

(*) См. выше, стр. 1—38.

[48]) Rousset, Supplement au Corps diplom. II, стр. 250.

([49]) Авторъ-нѣмецъ проговорился, но съ забавною неосторожностью: и такъ Бироновщина была плодомъ западно-европейскаго просвѣщенія и покровительства честнымъ Нѣмцамъ! Не такъ думалъ и дѣйствовалъ Петръ Великій. *П. Б.*

масипъ (Tahmasip) снова далъ болѣе твердое положеніе своимъ владѣніямъ, потрясеннымъ продолжительными войнами, и чтобы пріобрѣсть его дружбу, Русское правительство добровольно отказалось, по миру, заключенному въ Ретшѣ 21 янв. стараго стиля 1732 года, отъ большей части завоеваній, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ [50]). Въ одномъ изъ засѣданій Тайнаго Кабинета, на которомъ присутствовала сама императрица, было напротивъ положено снова отнять у Турокъ Азовъ съ границами, утвержденными въ 1701, наказать Крымскихъ Татаръ и возвратить ихъ въ надлежащіе предѣлы. Назначено было начать войну въ 1734 году.

Обстоятельства сложились еще выгоднѣе для Россіи, когда Тамаскулиханъ, главный полководецъ Тамасипа, провозгласилъ себя правителемъ Персіи и объявилъ Портѣ войну въ тоже самое время, когда и Россія готовилась воевать съ нею. Тамаскулиханъ потребовалъ отъ Порты возвращенія земель и областей, оторванныхъ отъ Персіи какъ въ прежнія времена, такъ и въ послѣдніе годы; Россіи онъ предложилъ черезъ большое посольство, отправленное имъ въ Петербургъ, не только поддержаніе мира, заключеннаго въ Ретшѣ, но и оборонительно-наступательный союзъ противъ Порты.

Россія была принуждена Польскими событіями медлить объявленіемъ Портѣ разрыва; Русское правительство побуждало между тѣмъ Тамаскулихана не робѣя выдерживать войну. Онъ имѣлъ счастіе два раза разбить Турокъ на голову, а принцъ Гессенъ-Гомбургскій прогналъ стараго татарскаго хана Каплана-Гирея, когда послѣдній хотѣлъ пробиться черезъ Дагестанъ и напасть на Персіянъ съ тылу (11 іюня 1733) [51]).

Такимъ образомъ Порта имѣла основательныя причины избѣгать войны въ Европѣ. Тѣмъ не менѣе французскій посланникъ въ Константинополѣ, Вильнёвъ не переставалъ употреблять всевозможныя мѣры, чтобы побудить Диванъ къ объявленію войны или Россіи или Германскому императору. Бывшій его соотечественникъ, ренегатъ графъ Бонневаль, паша Ахметъ Боснійскій, служилъ ему отличнымъ орудіемъ въ этихъ интригахъ. Но слѣдствія кровавыхъ пораженій подъ Петерварденномъ и Бѣлградомъ въ 1716 и 1717 годахъ, все еще тяжкимъ гнетомъ лежали на Портѣ. Всѣ сокровищницы прежнихъ султановъ опустѣли, казна Солимана была растрачена до половины. Неудовольствіе народа на перемѣну правительства, совершенную нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще не прекратилось. Народъ не хотѣлъ забыть красавца султана Ахмета, лишеннаго престола и еще менѣе былъ склоненъ обратить свое расположеніе къ его двоюродному брату, новому султану Магмету, маленькому ростомъ, некрасивому и слабому. Члены Дивана все еще должны были собираться подъ особымъ воинскимъ прикрытіемъ. Война, которую уже болѣе двадцати лѣтъ вели съ Персіею, частыя возстанія черни въ Константинополѣ и безпощадныя мѣры правительства для истребленія непокорнаго духа янычаровъ, поглотили лучшія силы населенія, а предпріятія Тамаскулихана принимали такіе опасные размѣры, что нельзя было расчитывать на скорый миръ съ Персіею безъ весьма

[50]) Rousset, T. II, Ч. II, стр. 326.

[51]) Подъ 21 іюнемъ 1733 Лефортъ доноситъ изъ Петербурга: „На прошедшихъ дняхъ прибылъ курьеръ изъ Персіи, который привезъ извѣстіе, что принцъ Гомбургскій, главнокомандующій войсками въ Персіи, имѣлъ случай напасть на корпусъ, состоявшій изъ 6000 Крымскихъ Татаръ; они хотѣли пробиться, но онъ съ 800 человѣкъ, которые присоединились къ генералъ-майору Еропкину, нанесъ Татарамъ уронъ въ тысячу человѣкъ.

чувствительныхъ потерь. Всѣ эти соображенія принимались Портою въ разсчетъ до тѣхъ поръ, пока осторожный великій визирь Али-паша не потерялъ довѣрія вслѣдствіе нашептываній со стороны приверженцевъ Франціи, и его мѣсто не занялъ Измаилъ-паша, человѣкъ опрометчивый и неопытный (14 іюля 1735). Такая смѣна первыхъ, придворныхъ и государственныхъ сановниковъ имѣла какъ всегда, такъ и теперь тѣмъ больше значенія для Порты, что новому лицу, становившемуся во главѣ управленія, не доставало нужнаго знакомства со всею связью событій, особливо-же Европейскихъ, которыми Турки вообще не занимались почти совсѣмъ, изъ гордости и презрѣнія къ христіанамъ. Презрѣніе это доходило до того, что они даже препятствовали возвышенію лицъ, обращавшихъ вниманіе на Европейскую политику и бранили ихъ гяурами или невѣрными. Но открыто порвать съ Россіею все еще не хотѣли, даже и теперь. Тѣмъ не менѣе Диванъ, въ надеждѣ принудить Персіянъ къ миру, считалъ неопаснымъ, пока Россія не начала войны, еще разъ послать татарскаго хана въ Персію, хотя послѣдній, если бы онъ захотѣлъ исполнить это приказаніе, не могъ миновать прохода черезъ Русскія владѣнія въ Малой Кабардѣ и въ Дагестанѣ. Въ іюлѣ 1735 старикъ Капланъ-Гирей, страдавшій подагрою и хирагрою и до того слабый, что не могъ ни ходить, ни сидѣть на конѣ, выступилъ въ походъ съ 53,000 войска. Бѣлогородская орда должна была оставаться на Бугѣ, а Малые Ногаи передъ Крымомъ, дабы слѣдить за движеніями Запорожскихъ казаковъ и прикрывать страну отъ внезапнаго нападенія. На время своего отсутствія ханъ передалъ правленіе, не безъ страха относительно вторженія Русскихъ войскъ, своему племяннику-калгѣ, или верховному полководцу, а также и каймакану въ Оръ-Капи (Or-Capi). Какъ Русскій посланникъ Неплюевъ, такъ и остальные посланники въ Константинополѣ, расположенные къ Петербургскому кабинету, даже римско-императорскій, считали весьма нужнымъ, чтобы Россія воспользовалась теперь благопріятною минутою и предупредила бы Турокъ, пока они еще заняты персидскою войною. Россія не могла также оставить безнаказаннымъ презрѣніе сдѣланной ею уже прежде деклараціи, что она будетъ считать походъ хана за разрывъ мира. Вслѣдствіе этого Петербургское министерство (члены коего подкапывались другъ противъ друга), совѣтовало императрицѣ начать войну, какъ дѣло совершенно необходимое; но въ тоже время министры, какъ всѣ вмѣстѣ, такъ и одинъ по отношенію къ другому, старались поставить себя такимъ образомъ, чтобы въ случаѣ несчастнаго исхода войны, вина могла-бы быть приписана не имъ, а только полководцу. Смѣлость, усердіе и обычное счастіе фельдмаршала Миниха, казалось, указывали въ немъ главнокомандующаго. Но такъ какъ никто не хотѣлъ предоставить ему эту честь въ полномъ ея объемѣ, то графъ Остерманъ успѣлъ провести мнѣніе, что начальство надъ войскомъ слѣдуетъ раздѣлить, и довѣрить генералу Вейсбаху экспедицію въ Крымъ отдѣльно и независимо отъ фельдмаршала Миниха; а ему поручить лишь осаду Азова. Ничто не могло быть непріятнѣе для Миниха, ибо именно съ Вейсбахомъ онъ давно уже жилъ въ страшной непріязни, которая особенно рѣзко обнаружилась въ послѣднее время, въ Польшѣ. Но къ счастію Миниха, и какъ бы для устраненія неудобствъ такой вражды, судьба захотѣла, чтобы генералъ Вейсбахъ умеръ еще осенью этого года, въ Полтавѣ. Фельдмаршалу Миниху собственноручнымъ письмомъ императрицы

было передано главное начальство надъ всѣми войсками, на Дону и Днѣпрѣ, равно какъ и надъ тѣми, коими прикрывались южныя границы государства.

Въ званіи президента военной коллегіи, Минихъ уже нѣсколько лѣтъ заботился о военныхъ запасахъ, провіантѣ и пр. Склады всего этого находились въ Украйнѣ. Миниху хотѣлось показать свое искусство и отличиться взятіемъ Азова, и въ тоже время снова поставить армію въ состояніе вести правильную осаду. Тѣмъ не менѣе, во время его отлучекъ въ Польшу, данныя имъ приказанія во многихъ случаяхъ исполнялись лишь на половину, или кое какъ. Вотъ почему онъ былъ вынужденъ отложить осаду Азова до ближайшей весны (1736). Напротивъ ничто не препятствовало ему немедленно идти въ Крымъ, ибо крымская армія была уже совершенно готова, и все, казалось, благопріятствовало ея скорому выступленію. Осень и зима, обыкновенно весьма сносныя въ этихъ странахъ дальняго юга, представляли болѣе удобствъ относительно здоровья русскихъ солдатъ, чѣмъ весна и лѣто, часто приносящія съ собою болѣзни и другія затрудненія. Калмыцкій князь Дондукъ-Омбо, который за четыре года передъ тѣмъ отдался подъ турецкую защиту по ту сторону Кубани, теперь, благодаря стараніямъ донскаго старшины Данилы Ефремова, снова возвратился въ подданство императрицы съ своею ордою, состоявшею изъ 40,000 кибитокъ или семействъ и 70,000 воинственныхъ людей. Въ окрестностяхъ Астрахани перешелъ онъ на Русскую землю.

Новая турецкая армія, посланная на Персіянъ, недавно совершенно разбита Тамасханомъ подъ Эриванью; и такимъ образомъ никто не могъ знать, когда кончится эта несчастная война. Позднее время года лишило Турокъ возможности поспѣшить на помощь Крыму: мѣшали бури, господствующія осенью и зимою на Черномъ морѣ. Татарскій ханъ, котораго сторожилѣ генералъ Левашевъ за Кавказомъ, преграждая ему дорогу, не могъ скоро возвратиться для спасенія собственнаго края. Жители Крыма, разсчитывая на позднее время года, жили совершенно спокойно, и такъ какъ жатва только что была собрана, то Русскіе, съ своей стороны, не могли сомнѣваться ни въ хорошей добычѣ, ни въ нужномъ продовольствіи. Армія, подъ начальствомъ генерала Леонтьева, изъ 40,000 регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, съ 50,000 верховыхъ, артиллерійскихъ и багажныхъ лошадей, должна была выступить въ походъ 1 (12) окт. 1735, какъ скоро пришло извѣстіе о задержаніи крымскихъ и турецкихъ купцовъ, находившихся въ Украйнѣ. Внизъ по Днѣпру она приблизилась къ Крыму на нѣсколько дневныхъ переходовъ, имѣла по дорогѣ кое какія неважныя стычки, какъ вдругъ наступили жестокіе холода, принудившіе обратиться назадъ и отказаться на этотъ годъ отъ похода. Съ своей стороны Татарскій ханъ, получивъ извѣстіе о приближеніи Русскихъ, также пошелъ назадъ, несмотря на строжайшія приказанія Порты; вслѣдствіе внезапно наступившихъ холодовъ и недостатка въ съѣстныхъ припасахъ онъ потерпѣлъ уронъ, доходившій, по словамъ всѣхъ плѣнныхъ, до 10,000 людей и 50,000 лошадей. Лишь въ декабрѣ прибылъ онъ назадъ въ Крымъ.

Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ, какъ предпріятіемъ хана, такъ и походомъ русской арміи, миръ былъ нарушенъ еще до формальнаго объявленія войны [52]). На слѣдующій годъ фельдмаршалъ Минихъ намѣревался открыть

---

[52]) Съ русской стороны это объявленіе послѣдовало только 12/23 Апрѣля 1736. Suppl. au Corps diplom. II, ч. II, стр. 569.

походъ какъ можно ранѣе, чтобы напасть на непріятеля въ расплохъ и не дать ему хорошенько образумиться. За тѣмъ онъ хотѣлъ самъ начать и направить осаду Азова и потомъ возвратиться къ арміи на Днѣпрѣ (долженствовавшей собраться къ 1 апрѣлю около мѣстечка Царицынки) чтобы вести ее въ Крымъ.

По мнѣнію Остермана, которое было прислано на обсужденіе къ Миниху, слѣдовало, напротивъ, ограничиться на первое время осадой Азова, а тѣмъ временемъ начать съ Портою переговоры о мирѣ, при посредствѣ иностранныхъ державъ, Голландцевъ, Англичанъ и Германскаго императора. Ради трудностей въ завоеваніи Крыма, Остерманъ предлагалъ имѣть въ виду лишь совершенное опустошеніе и раззореніе этого полуострова.

На это Минихъ отправилъ возраженіе, обстоятельно изложивъ настоящее положеніе дѣлъ. „Степи не пустыни; достаточное продовольствіе арміи можетъ быть достигнуто надлежащими мѣрами; опасеніе, что Турки, еще до прибытія Русскихъ въ Крымъ, могутъ утвердиться за линіей Перекопа, лишено всякихъ основаній. Дожидаться благопріятнѣйшаго случая для похода было бы неблагоразумно: Россія готовилась къ войнѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, Порта — только въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Русская армія пришла съ Рейна съ увѣренностію въ побѣдѣ; съ остальными державами миръ; Порта ведетъ войну съ Персіей и находится въ величайшемъ затрудненіи; она недовольна крымскимъ ханомъ, а онъ ею. Вмѣсто опустошенія Крыма слѣдуетъ хорошимъ обращеніемъ побудить Татаръ къ добровольному подчиненію, а, въ случаѣ завоеванія, вооруженною рукою колонизовать новопріобрѣтенную страну, подъ руководствомъ безкорыстнаго человѣка, съ умомъ и сердцемъ, и обезпечить ея границы укрѣпленіемъ Еникаля, Керчи, Кафы, Балаклавы и Козлова. Для выполненія всего этого нужно только благословеніе Божіе и за тѣмъ настойчивость и рѣшительность; поэтому нѣтъ причины поручать благосостояніе Россіи интересамъ иностранныхъ державъ, какъ посредницъ“.

Затѣмъ Минихъ отправился, въ исходѣ февр. 1736, изъ Исума (гдѣ въ теченіи одиннадцати недѣль стоялъ на зимнихъ квартирахъ) въ ново-заложенную пограничную крѣпость св. Анны. Нападеніе на двѣ Турецкія крѣпостцы или каланчи, расположенныя также на Дону, выше Азова, онъ довѣрилъ генералъ-маіору артиллеріи Шпаррейтеру. Онѣ были счастливо взяты въ присутствіи Миниха, а вскорѣ сдалася также и крѣпостца Лyттикъ. Черезъ это достигалось свободное сообщеніе съ моремъ по двумъ рукавамъ рѣки. Фельдмаршалъ позаботился, чтобы непріятель не могъ подвозить подкрѣпленій по третьему рукаву, на которомъ лежитъ Азовъ. Въ Азовѣ господствовало величайшее замѣшательство. Минихъ самъ приступилъ къ осадѣ этой важной крѣпости и, до ожидаемаго прибытія фельдмаршала Ласси, передалъ генералу Левашеву продолженіе этой осады по оставленному начертанію. Но Левашевъ, не желая предоставлять другому плоды своихъ усилій, оказывалъ мало усердія, и такъ какъ Ласси, не имѣвшій достаточныхъ познаній въ инженерномъ дѣлѣ, по совѣту генералъ-квартирмейстера Де-Бриньи отклонился отъ Минихова начертанія, то взятіе Азова значительно замедлилось, и весь ходъ военныхъ дѣйствій, разсчитанныхъ для этого похода, совершенно извратился.

Между тѣмъ Минихъ, послѣ общаго смотра войскъ при Царицынкѣ, отдалъ приказъ выступать къ Перекопу. Походъ этотъ до малѣйшихъ подробностей, за

которыми мы здѣсь не можемъ далѣе слѣдовать, наглядно изложенъ въ рукописныхъ замѣткахъ, хранящихся въ Дрезденскомъ государственномъ архивѣ и нѣсколько лѣтъ назадъ нами изданныхъ подъ заглавіемъ: „Дневникъ фельдмаршала графа Миниха“ ([53]); настоящаго автора этихъ записокъ мы только теперь въ состояніи были открыть. Это камеръ-ратъ профессоръ Юнкеръ, родомъ изъ Саксоніи, бывшій довѣреннымъ лицемъ Миниха и присутствовавшій при всѣхъ этихъ событіяхъ, какъ очевидецъ и участникъ. Оставляя въ сторонѣ менѣе важныя событія, мы должны однако подробно изложить, по выше названному дневнику, главное дѣло Русской арміи, именно завоеваніе Перекопа.

Вечеромъ 15 мая фельдмаршалъ расположился станомъ, въ видѣ правильнаго четырехугольника, подъ Перекопомъ; 16 числа былъ роздыхъ, 17 войско двинулось впередъ, такъ что палатка Миниха стала внѣ четыреугольника, противъ самыхъ крѣпостныхъ воротъ Перекопа. Татары, отважившіеся было сдѣлать вылазку, прогнаны назадъ полковникомъ Донскихъ казаковъ Иваномъ Васильевичемъ Фроловымъ, который съ казаками былъ отряженъ впередъ, для прикрытія квартирмейстеровъ и фурьеровъ. Послѣ этого фельдмаршалъ произвелъ рекогносцировку Перекопа и крѣпости Оръ-Капи, и нашелъ, что укрѣпленія сильнѣе, нежели онъ думалъ. Названіемъ „Перекопъ“ обозначается собственно только поперечный ровъ или линія, находящаяся на узкомъ перешейкѣ, который соединяетъ Крымскій полуостровъ съ материкомъ. Линія эта идетъ отъ залива Чернаго моря съ запада до залива Азовскаго или гнилаго моря на востокъ, и не въ прямомъ направленіи, а образуя уголъ изъ двухъ неровныхъ сторонъ. Общее протяженіе линіи Перекопа составляетъ десять Русскихъ верстъ, или почти полторы нѣмецкія мили, причемъ лѣвая сторона угла имѣетъ почти три версты въ длину. Въ углѣ, образуемомъ соединеніемъ обѣихъ сторонъ линіи, стоятъ ворота, построенные изъ камня и уставленные пушками; ворота эти представляютъ единственный входъ въ полуостровъ. Рядомъ съ ними лежитъ крѣпость Оръ-Капи, а по направленію къ западу находятся на длинной сторонѣ линіи пять небольшихъ крѣпостей и башень, построенныхъ изъ камня и вооруженныхъ пушками; на короткой сторонѣ, по направленію къ востоку, такихъ крѣпостей только двѣ. Линія состоитъ ни изъ чего болѣе, какъ изъ сухаго, отвѣсно вырытаго рва, имѣющаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ двѣнадцать, въ другихъ пятнадцать сажень глубины; земля, выкинутая изо рва, возвышаетъ окружающую почву, какъ по направленію къ материку, такъ и къ полуострову. Крѣпость Оръ-Капи есть продолговатый четыреугольникъ, валы котораго построены изъ каменныхъ плитъ, равно какъ и четыре узкіе бастіона, возвышающіеся по два одни надъ другими. По старому Итальянскому характеру постройки, по нѣсколькимъ башнямъ и находящимся въ нихъ замкамъ видно, что строителями были Генуезцы. Крѣпость имѣетъ одни ворота на южной сторонѣ, около 600 жалкихъ домишекъ, и такія узкія улицы, что въ нихъ съ трудомъ можно проѣхать въ повозкѣ. Какъ во всѣхъ крѣпостяхъ Крыма, гарнизонъ въ Оръ-Капи состоитъ не изъ Татаръ, по назначенію хана, но изъ Турокъ, отряжаемыхъ Портою. Когда Русская армія подступила къ Перекопу, въ крѣпости и въ башняхъ линіи было съ небольшимъ 4000 янычаръ и спагіевъ, но за линіей находилась вся Татарская орда.

[53]) Herrmans Beiträge zur Geschichte des russischen Reichs, Leipzig 1843, стр. 117—244

Получивъ извѣстіе о приближеніи Русскихъ войскъ, ханъ въ торопяхъ велѣлъ согнать невольниковъ и бо̀льшую часть живущихъ на острову христіанъ и жидовъ, для исправленія линіи и сооруженія бруствера; имъ пришлось продолжать работу уже въ виду Русской арміи. Самъ ханъ ѣхалъ въ Константинополь, куда его призывали на военный совѣтъ, собравшійся по случаю осады Азова; онъ уже достигнулъ портоваго города Балаклавы, но нашелся вынужденнымъ вернуться назадъ для защиты угрожаемой страны, равно какъ оставить безъ исполненія положительныя приказанія, полученныя отъ султана вмѣстѣ съ присланными почетными подарками, собольей шубой и турбаномъ, богато украшеннымъ драгоцѣнными каменьями: ему приказывали переправить свою орду на Кубань и по возвращеніи съ военнаго совѣта поспѣшать съ нею на выручку Азова.

Расположившись станомъ передъ линіею, Русскіе немедленно начали устраивать ретраншаментъ и къ правой сторонѣ линіи длинную траншею, передъ которою соорудили редутъ и нѣсколько мортирныхъ кесселей и батарей, такъ что на разсвѣтѣ 18 мая можно было обстрѣливать ворота линіи и самую крѣпость. Эти работы цѣлую ночь держали въ тревогѣ непріятеля, производившаго неумолкаемую, но безуспѣшную канонаду. Повидимому, Турки заключали изъ приготовленій фельдмаршала, что онъ предприметъ правильную осаду на этой короткой сторонѣ линіи, вслѣдствіе чего они и перевели сюда свои главныя силы. Но намѣреніе фельдмаршала состояло напротивъ въ томъ, чтобы обмануть врага этимъ притворнымъ нападеніемъ. Къ тому-же по разнымъ обстоятельствамъ казалось невозможнымъ и неблагоразумнымъ долго задерживаться правильною осадою, частію потому, что не было достаточнаго количества артиллеріи, частію-же потому, что трава для лошадей была плоха, а вода солона и напитана квасцами, даже тамъ, гдѣ выкопали колодцы.

Русскіе генералы сначала также не угадывали намѣреній фельдмаршала. Когда 19 мая онъ созвалъ послѣ обѣда военный совѣтъ и разъяснилъ причины, по которымъ считалъ правильную осаду невозможною, а напротивъ намѣренъ былъ предпринять генеральный штурмъ на длинную лѣвую сторону линіи, наименѣе укрѣпленную, всѣ согласились съ нимъ; ибо, дѣйствительно, только этимъ путемъ можно было исполнить повелѣніе императрицы — проникнуть съ арміей въ Крымъ. За тѣмъ Минихъ приказалъ командовавшему подъ нимъ генералъ-аншефу принцу Гессенъ-Гомбургскому немедленно привести армію въ готовность перейти ночью на другую сторону и съ наступленіемъ дня занять передъ линіей извѣстное мѣсто. Какъ принцъ, такъ и остальные генералы требовали еще одного дня для этихъ приготовленій, но фельдмаршалъ отказалъ имъ слѣдующими словами: „Ни ваша свѣтлость, ни ваши превосходительства, ни я не можемъ дать непріятелю даже этого времени, ибо переметчику стоитъ пробѣжать только одну версту отъ нашего стана до линіи, чтобы выдать наше предпріятіе". Фельдмаршалъ немедленно послалъ генералъ-маіора Штоффеля, на возможно-близкомъ разстояніи рекогносцировать линію отъ Чернаго моря до самыхъ воротъ Перекопа и выбрать удобнѣйшее для нападенія мѣсто. Послѣдній взялъ съ собою только флигель-адъютанта генералъ-фельдмаршала капитана Юнгера и 50 человѣкъ отборныхъ казаковъ, выдержалъ по порядку всѣ выстрѣлы непріятеля и возвратился послѣ шести часовъ вечера съ докладомъ, не потерявъ ни одного человѣка. Фельдмаршалъ толь-

ко теперь узналъ отъ него о необыкновенной глубинѣ рва, и когда зашла рѣчь о недостаткѣ лѣстницъ и другихъ снарядовъ необходимыхъ для штурма, Минихъ не долго думалъ и сказалъ: „Богъ да смѣлость нашихъ храбрыхъ солдатъ и умѣнье ихъ побѣждать всѣ затрудненія, помогутъ намъ взобраться на верхъ; ведите насъ только такъ, господинъ генералъ-маіоръ, чтобы мы ночью не миновали выбраннаго вами мѣста".

Послѣ 8 часовъ, когда стемнѣло, вся армія выступила къ правой сторонѣ лагеря. Для прикрытія послѣдняго, равно какъ и оставленныхъ въ немъ драгунскихъ лошадей и всего багажа, генералъ-маіору князю Репнину-младшему было дано 4000 регулярной милиціи и казаковъ. Сообразно съ полученными приказаніями, Репнинъ между 9 и 10 часами производилъ болѣе часу фальшивую тревогу противъ праваго непріятельскаго фланга — пушечною и ружейною пальбою и бросаніемъ гранатъ. Подъ громомъ выстрѣловъ вся армія тремя колоннами маршировала цѣлую ночь въ величайшей тишинѣ, такъ что 20 числа около 3 часовъ утра, когда только что начинало разсвѣтать, она уже стояла на выбранномъ мѣстѣ на гласисѣ линіи, между тѣмъ какъ непріятель не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія объ этомъ.

Фельдмаршалъ расположилъ армію такимъ образомъ, что всѣ три колонны стояли одна за другою, а полевая артиллерія находилась на обоихъ переднихъ флангахъ и въ центрѣ. Сигналомъ для нападенія послужилъ генеральный залпъ, послѣ чего взводы переднихъ рядовъ немедленно открыли огонь, отдѣлились и бросились въ ровъ, что продолжалось и слѣдующими взводами при непрерывающейся канонадѣ; послѣдніе взводы взяли съ собою также и полевыя орудія. Такъ какъ фельдмаршалъ увидалъ, что солдаты первыхъ взводовъ въ нѣсколько минутъ стояли уже на вершинѣ вала, то приказалъ остальнымъ, даже не стрѣляя, бросаться въ ровъ и въ тоже время направилъ фланговыя орудія противъ башень города, съ которыхъ, равно какъ и изъ крѣпости, непріятель открылъ пальбу.

Татары спали глубокимъ сномъ, а самъ ханъ совершалъ свою первую утреннюю молитву, когда начался приступъ; поэтому у нихъ произошла величайшая сумятица, и большинство думало болѣе о бѣгствѣ, нежели о защитѣ линіи. Тѣ, которые стали за нею въ оборонительное положеніе, были изрублены первыми полками. Русскія войска, по мѣрѣ того какъ взлѣзали на брустверъ, немедленно строились въ боевой порядокъ и преслѣдовали сколько могли непріятеля, частію убивая, частію забирая въ плѣнъ тѣхъ, которые попадались имъ въ руки. Когда, такимъ образомъ, дорога была уже разъ проложена, слѣдующимъ полкамъ становилось все легче и удобнѣе взбираться вверхъ, и менѣе чѣмъ въ часъ вся армія, до послѣдняго человѣка, равно какъ и весь генералитетъ, была уже въ крѣпости. Первое знамя водрузилъ на брустверѣ одинъ поручикъ изъ Нѣмцевъ, по имени Рехенбергъ; а одинъ полковой священникъ, также изъ первыхъ очутившійся на валу съ крестомъ въ рукахъ, постоянно кричалъ солдатамъ, „чтобы они не боялись и что они сражаются за Бога и Государыню".

Если принять въ соображеніе глубину рва и высоту вала, то кажется почти невѣроятнымъ, какъ солдаты могли перебраться черезъ него безъ всякихъ штурмовыхъ снарядовъ, и при томъ въ такое короткое время. Но средства, которыми они пользовались для этого, были столь же необыкновенны, какъ и разнообразны. Солдаты выбивали въ землѣ ступени прикладами и топорами и дѣлали себѣ такимъ образомъ что-то въ

родѣ лѣстницы, либо втыкали въ валъ колья отъ рогатокъ и по нимъ взбирались на верхъ. Многіе клали цѣлыя рогатки вмѣсто лѣстницъ. Большинство просовывали головы между ногами тѣхъ, которые шли впереди и помогали имъ влѣзать, въ свою очередь получая такую-же помощь со стороны слѣдовавшихъ за ними, при чемъ всего удивительнѣе было то, что всѣ пѣхотные полки также втащили съ собою на валъ каждый свои двѣ пушки. Донскіе казаки появились съ своими лошадьми на линіи вмѣстѣ съ первою колонною арміи. Но еще удивительнѣе, хотя неоспоримо вѣрно то, что въ этомъ чрезвычайномъ дѣлѣ съ Русской стороны оказалось не болѣе 7 убитыхъ и около 170 раненыхъ. Цифра вышла бы и меньше, если бы нѣкоторые не лишились жизни по слѣдующему случаю. Въ одной крѣпостцѣ засѣло 40 или 50 Турокъ и нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ Татаръ. Они не хотѣли сдаться, и не смотря на то, что армія была уже на линіи, безпрестанно стрѣляли изъ пушекъ и ружей. Поэтому фельдмаршалъ закричалъ ближайшему полку, чтобы кто нибудь изъ офицеровъ съ нѣсколькими солдатами взошли на лѣстницу, выбили бы дверь и ворвались бы въ башню. На это вызвался капитанъ Манштейнъ съ 20 гренадерами. Турки стрѣляли черезъ дверь и ранили нѣсколькихъ. Но когда дверь была выбита, они упали передъ капитаномъ на колѣна и просили о пощадѣ. Послѣдній дружескими словами удержалъ своихъ солдатъ отъ дальнѣйшаго кровопролитія и уже началъ отбирать оружіе у плѣнныхъ. Но пока онъ занимался этимъ, вошелъ драгунскій гренадеръ съ штыкомъ на ружьѣ и въ бѣшенствѣ сказалъ ему: „господинъ капитанъ, что вы тутъ дѣлаете? мы должны еще будемъ сторожить этихъ каналій, если они взяты будутъ въ плѣнъ; они должны умереть, чтобы не обращать насъ болѣе въ невольниковъ“. Съ этими словами онъ пронзилъ штыкомъ ближайшаго плѣнника такъ, что тотъ упалъ на землю. Турки снова схватились за оружіе. Капитану отрубили косу вплоть у головы; онъ получилъ ударъ въ грудь и еще два другихъ въ лѣвую руку. Тѣмъ не менѣе онъ такъ успѣлъ воодушевить своихъ солдатъ, что ни одинъ изъ Турокъ не остался въ живыхъ. Когда начали собирать добычу, внизу, въ погребѣ, взорвало порохъ; но по счастію ударъ былъ не снизу вверхъ, а принялъ боковое направленіе, такъ что погибло только двое, и капитанъ еще во время могъ спастись съ остальными, прежде чѣмъ потрясенныя стѣны успѣли рухнуть.

Старикъ ханъ ночевалъ въ этой самой башнѣ, и думалъ, что, съ окончаніемъ ложной атаки на другой сторонѣ, дѣло на этотъ день прекратилось. Его приближенные едва имѣли время посадить его на лошадь, и если бы Донскіе казаки не опоздали на нѣсколько минутъ, то захватили бы его во время бѣгства, въ продолженіи котораго онъ два раза падалъ съ лошади, не будучи въ состояніи владѣть ни руками, ни ногами. Онъ оставилъ побѣдителямъ свою кибитку и все что имѣлъ съ собою; въ томъ числѣ находились нѣсколько мѣшковъ съ дукатами и длинная англійская подзорная труба, которую подарилъ ему еще Петръ I: фельдмаршалъ самъ пользовался ею во все остальное время этого похода.

Счастливой переправѣ черезъ валъ, кромѣ неописаннаго замѣшательства, въ которое приведенъ былъ непріятель неожиданнымъ нападеніемъ, много способствовало также и то обстоятельство, что линія недостаточно была фланкирована башнями и крѣпостцами, и что амбразуры были слишкомъ узки, такъ что пушки могли стрѣлять здѣсь только въ

одномъ направленіи и ихъ нельзя было направить внизъ, чтобы обстрѣливать ровъ, между тѣмъ какъ крѣпостныя пушки были слишкомъ удалены отъ мѣста приступа. Стрѣлы и незначительное количество мелкаго оружія не могли причинить большаго вреда, и вообще было вовсе не дѣло Татаръ защищаться за валомъ. Они не запасли ни камней, ни бревенъ, ни другихъ подобнаго рода снарядовъ, необходимыхъ для отраженія приступа. Лучшее средство, которое еще оставалось осажденнымъ, состояло въ томъ, чтобы съ саблею въ рукѣ удерживать нападавшихъ. Но какъ скоро самъ ханъ обратился въ бѣгство, то некому было распоряжаться въ общей сумятицѣ, а сильная канонада Русскихъ орудій, равно какъ и ружейная пальба арміи съ самаго же начала очистили валъ. Новый брустверъ, который осажденные наметали изнутри на старый, развалившійся валъ, также былъ сдѣланъ только въ половину и земля его была рыхла, такъ что легко разметывалась, а обходъ передъ брустверомъ сдѣлали такой широкій, что на немъ очень удобно можно было остановиться. Съ своей стороны генералъ-маіоръ Штоффель чрезвычайно удачно выбралъ мѣсто для аттаки: вся линія была здѣсь всего менѣе защищена вслѣдствіе длинныхъ куртинъ между башнями, а противоположная стѣна рва не во всѣхъ мѣстахъ одинаково эскарпирована, такъ что при слабомъ огнѣ непріятеля нѣкоторые полки, разъ спустившись въ ровъ, могли взобраться на валъ съ меньшимъ трудомъ. Къ тому же главная часть Татаръ находилась на другой сторонѣ, ближе къ гнилому морю. Вмѣсто того, чтобы поспѣшить на помощь къ своимъ товарищамъ, они при началѣ тревоги обратились въ бѣгство во внутрь полуострова, покинувъ свой лагерь и угоняя съ собою все христіанское, еврейское, татарское и турецкое населеніе той части города, которая лежала за валомъ и состояла приблизительно изъ 300 домовъ. Когда фельдмаршалъ въ тотъ же самый день, еще предъ обѣдомъ, перешелъ съ арміей на другую сторону, онъ нашелъ тамъ все покинутымъ, за исключеніемъ послѣдней крѣпостцы на гниломъ морѣ, въ которой еще хотѣли держаться засѣвшіе янычары. Но и они немедленно же обратились въ бѣгство, какъ скоро подступила артиллерія и нѣсколько полковъ и казачьихъ отрядовъ. Въ крѣпостцѣ были оставлены ими четыре металлическія пушки и довольно большой запасъ военныхъ снарядовъ. Послѣ этого армія разбила лагерь въ этой мѣстности, въ виду крѣпости, и когда разставили форпосты, какъ со стороны крѣпости, такъ и со стороны полуострова, фельдмаршалъ отдалъ городъ на разграбленіе солдатамъ. Какъ ни жалокъ былъ видъ домовъ снаружи, въ нихъ однако-же нашли неописанное множество товаровъ, особенно въ двухъ длинныхъ улицахъ, состоявшихъ исключительно изъ лавокъ; ибо здѣсь находились склады товаровъ, идущихъ изъ Турціи въ Крымъ и Украйну и обратно.

Между тѣмъ фельдмаршалъ приказалъ барабанщику и командированному съ нимъ толмачу потребовать сдачи гарнизона въ крѣпости, и хотя посланнымъ было сначала отказано, и караульные закричали имъ, что откроютъ огонь, если они не удалятся, но на слѣдующій день ага янычаровъ Ибрагимъ (старый, простоватый человѣкъ) и самый гарнизонъ не захотѣли доводить дѣло до крайности. Они выслали двухъ янычарскихъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ очень хорошо говорилъ по русски. Посланные эти предложили капитуляцію и въ тоже время объявили фельдмаршалу, что за исключеніемъ свободнаго выхода съ оружіемъ изъ крѣпости, который они

выговаривали себѣ напередъ, онъ можетъ предписывать имъ что хочетъ, такъ какъ они увѣрены, что онъ, какъ Нѣмецъ, поступитъ съ ними благоразумнѣе. Утромъ слѣдующаго дня, 21 мая, капитуляція была подписана съ обѣихъ сторонъ, и притомъ со стороны Турокъ въ самыхъ сильныхъ клятвенныхъ выраженіяхъ, а именно: чтобы дѣти ихъ сдѣлались сиротами, а жены и дочери были опозорены, если предписанныя условія не будутъ исполнены. Въ силу этихъ условій: 1) Ворота крѣпости должны были быть отворены немедленно и заняты 800 гренадерами Русской арміи, причемъ, кромѣ коменданта, съ Русской стороны въ крѣпости долженъ оставаться весь день и слѣдующую ночь генералъ-майоръ. Турки просили назначить для этого генералъ-майора Карла Магнуса фонъ Бирона, съ которымъ начальникъ ихъ артиллеріи когда-то познакомился въ Бѣлградѣ; знакомство это снова было возобновлено теперь. 2) Гарнизонъ долженъ былъ на слѣдующій день, 22 мая, выдти изъ крѣпости со своимъ имуществомъ и оружіемъ; оружіе должно было быть положено, какъ скоро прибудутъ фельдмаршалъ и генералитетъ, но потомъ снова взято и удержано Турками. 3) Всѣ находящіеся въ крѣпости христіане, какъ невольники, такъ и свободные, а равнымъ образомъ и Русскіе, принявшіе мусульманскій законъ должны быть выданы и т. д.

22 мая гарнизонъ, состоявшій изъ 2554 янычаровъ и спагіевъ, очистилъ крѣпость. Тѣмъ не менѣе фельдмаршалъ затруднялся отпустить ихъ, такъ какъ онъ до начала этой кампаніи освободилъ Крымскихъ купцовъ, задержанныхъ въ Украйнѣ, а ханъ все еще удерживалъ Русскихъ, бывшихъ въ Крыму; поэтому онъ велѣлъ погрозить хану, что до тѣхъ поръ будетъ содержать гарнизонъ надъ арестомъ при своей арміи, пока не будутъ освобождены Русскіе купцы. Когда-же ханъ объявилъ поступокъ фельдмаршала нарушеніемъ капитуляціи, Турки были объявлены военноплѣнными.

Фельдмаршалъ со всею арміею пошелъ за тѣмъ глубже въ Крымъ, не встрѣчая значительнаго сопротивленія. Онъ взялъ Козловъ 16 (27) іюня, Бахчисарай резиденцію хана (28 іюня) Ахмечеть или Султанъ-Сарай и многія другія мѣста, вдоль и поперекъ опустошилъ страну, и однимъ присутствіемъ своихъ войскъ мѣшалъ запуганнымъ Татарамъ собирать жатву съ ихъ плодоносныхъ полей Цѣлью его было приготовить для непріятеля продолжительную нужду и бѣдствіе, хотя бы онъ и самъ, вслѣдствіе опустошенія страны, не могъ въ ней держаться. Но недостатокъ въ водѣ и кормѣ для лошадей принудилъ Миниха уже къ концу августа оставить Крымскій полуостровъ. При выступленіи Русской арміи, онъ велѣлъ взорвать стѣны Перекопа (28 августа). На походѣ, къ арміи снова присоединился генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ (2 сентября), который между тѣмъ овладѣлъ Кинбурномъ. На смотру войскъ у Самары (27 сентября) ни въ одномъ полку, изъ которыхъ каждый въ началѣ похода состоялъ изъ 1500 человѣкъ, не оказалось даже и 600 годныхъ къ службѣ людей. Весь уронъ простирался до 30,000 человѣкъ. Такъ разрушительно дѣйствовали болѣзни, вызванныя непривычнымъ климатомъ, ибо неболѣе 2000 было убито или взято въ плѣнъ непріятелемъ.

Между тѣмъ фельдмаршалъ Ласси счастливо достигъ цѣли и выполнилъ задачу кампаніи этого года. Уже 1 іюля Азовъ долженъ былъ сдаться на капитуляцію. Ласси немедленно приказалъ снова укрѣпить городъ, превращенный въ груду камней, и оставилъ въ немъ

гарнизонъ изъ 4000 человѣкъ; за тѣмъ онъ расположилъ свое войско на зимнія квартиры на восточномъ концѣ украинской линіи, не далеко отъ Донца.

Еще 1 декабря 1736 г. Калмыцкій князь Дондукъ-Омбо, въ соединеніи съ казачьими полковниками Краснощековымъ и Ефремовымъ, предпринялъ опустошительный походъ противъ Татаръ на Кубани. Они прошли всю страну вдоль Кубани до Азовскаго моря, пріобрѣли несчетную добычу скотомъ и захватили въ плѣнъ болѣе 10000 женщинъ и дѣтей. [54]) Въ тоже время, и въ продолженіи всей зимы, Русская армія въ Украйнѣ должна была держаться на сторожѣ противъ смѣлыхъ и отважныхъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ.

Фельдмаршалъ Минихъ уѣхалъ въ Петербургъ, защищаться отъ обвиненій, взведенныхъ на него врагами. Еще въ продолженіи Крымскаго похода принцъ Гессенъ-Гомбургскій пытался возстановить нѣсколькихъ офицеровъ противъ дальнѣйшаго поступательнаго движенія фельдмаршала и даже предлагалъ имъ арестовать и низвергнуть его, въ случаѣ, еслибы онъ не внялъ ихъ представленіямъ. Такъ какъ его предложеніе не имѣло успѣха, то онъ обратился къ оберъ-камергеру съ тайными жалобами. Но послѣдній, радуясь взаимной враждѣ опасныхъ ему людей, увѣдомилъ объ этомъ фельдмаршала. Высокое происхожденіе защитило принца отъ наказанія за клевету; невинность Миниха должна была подтвердиться военнымъ судомъ. Предсѣдателемъ этого суда сдѣлали фельдмаршала Ласси. Другой ожесточенный врагъ Миниха, оберъ-гофъ-штальмейстеръ ([55]) къ счастію обвиненнаго, умеръ въ концѣ прошлаго года. Ласси же былъ человѣкъ благороднаго образа мыслей. Онъ доказалъ неосновательность подозрѣній, взведенныхъ на Миниха. Послѣдній получилъ въ подарокъ отъ императрицы значительныя земли въ Украйнѣ и возвратился въ Кіевъ, чтобы на слѣдующую весну возобновить войну.

—

1737. Если въ прежнемъ походѣ главнымъ образомъ имѣлись въ виду Татары, то походъ этого года былъ направленъ противъ непосредственныхъ владѣній Порты. Съ 70,000 войска Минихъ перешелъ въ маѣ черезъ Днѣпръ, въ іюнѣ черезъ Бугъ Подвигаясь громадными карреями, въ серединѣ которыхъ находились тысячи повозокъ и верблюдовъ, онъ достигъ 10 іюля сильной крѣпости Очакова. Между тѣмъ князь Трубецкой, который шелъ водою внизъ по Днѣпру, и на своей флотиліи везъ для арміи жизненные припасы и тяжелую артиллерію, заставилъ ждать себя вопреки предначертанному плану. Дальнѣйшее замедленіе могло быть гибельно, и Минихъ рѣшился на штурмъ (13 іюля) съ тѣми средствами, какими могъ располагать. Но страшныя пожертвованія не увѣнчались успѣхомъ; двое лучшихъ генераловъ—Кейтъ, возвратившійся прошлою осенью съ вспомогательными Русскими войсками съ Рейна, и Левендаль, были ранены. Минихъ считалъ уже все погибшимъ. „Не теряйте только мужества, иначе вся армія упадетъ духомъ“, уговаривалъ его принцъ Антонъ-Ульрихъ, настоявшій на томъ, чтобы ему участвовать въ этомъ походѣ. Случайность поправила дѣло. Огонь охватилъ большой пороховой погребъ, который похоронилъ подъ своими развалинами 6000 Турокъ. Осажденные подняли бѣлый флагъ, — и Русскіе сдѣлались обладателями важной крѣпости.

([54]) Manstein, Memoires historiques et militaires sur la Russie depuis l'année1727—1744, Leipzig, 1771. стр, 171—173.

([55]) Графъ Левенвольдъ.

Затѣмъ Минихъ отправился въ Украйну, оставивъ въ Очаковѣ, который едва могъ держаться, генералъ-майора фонъ-Штоффеля. Тѣмъ не менѣе последнему удалось, благодаря своей осмотрительности, упорною защитою отбить яростное нападеніе, на которое Турки отважились было еще тою же позднею осенью (2 октября). Фельдмаршалъ Ласси также сталъ на прошлогоднія зимнія квартиры, предпринявъ лѣтомъ, по слѣдамъ Миниха, опустошительный походъ въ Крымъ.

Между тѣмъ и римско-императорскій дворъ, въ силу договора, заключеннаго еще при Екатеринѣ I и недавно возобновленнаго, также началъ войну съ Турками на венгерскихъ границахъ; но война эта, вслѣдствіе недостатка хорошихъ полководцевъ и неправильнаго управленія финансами, велась такъ вяло, что этотъ союзникъ былъ скорѣе помѣхою нежели подкрѣпленіемъ. Графъ фонъ-Остейнъ, за одно съ чрезвычайнымъ посломъ, маркизомъ де-Ботта, употреблялъ въ Петербургѣ всѣ старанія, чтобы получить отъ императрицы особый воспомогательный корпусъ, который бы вмѣстѣ съ Австрійскимъ войскомъ предпринялъ нападенія по Дунаю; но Минихъ, вообще не ладившій никогда съ Вѣнскимъ кабинетомъ, немедленно поспѣшилъ изъ Полтавы, гдѣ находилась его главная квартира, въ Петербургъ, и безъ большаго труда побѣдоносно доказалъ несообразность предложеній, сдѣланныхъ Австріей.

Въ то время какъ на прибрежьяхъ Чернаго моря полководцы Русскихъ армій силою оружія давали чувствовать нѣкогда грозному сосѣду перевѣсъ сѣвернаго могущества, въ остзейскихъ краяхъ достаточно было одного страха передъ этимъ могуществомъ, чтобы доставить Россіи новыя пріобрѣтенія. Уже съ 1711 г. можно было по справедливости назвать Курляндію скорѣе Русскою областью, нежели независимымъ герцогствомъ, состоящимъ подъ Польскою защитою. Съ кончиною герцога Фердинанда, послѣдовавшею въ Данцигѣ 4 мая 1737 года, угасла мужеская линія Кеттлеровскаго дома. Курляндское дворянство начало иначе обращаться съ камеръ-юнкеромъ герцогини Анны (выносившимъ прежде столько насмѣшекъ и презрѣнія), съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался оберъ-камергеромъ императрицы. Уже въ 1730 году оно приняло его въ свои члены, вмѣстѣ съ братьями Карломъ и Густавомъ фонъ Биронъ, дабы черезъ его посредство обезпечить себѣ защиту Россіи противъ притязаній Польскихъ чиновъ, которые имѣли цѣлью уничтожить избирательное право и самостоятельность герцогства, непосредственно подчинить такимъ образомъ Курляндію Польскому владычеству и разложить ее на Польскія воеводства. Напротивъ оба короля изъ саксонскаго дома, Августъ II и Августъ III, сообразно съ своими частными выгодами, уже нѣсколько разъ въ тихомолку предлагали Бирону этотъ ленъ въ случаѣ вакансіи, и уже купили огромными суммами наиболѣе вліятельные голоса. Теперь, въ рѣшительную минуту, императрица не замедлила ввести въ Курляндію войска, находившіяся подъ начальствомъ генерала фонъ-Бисмарка, зятя Биронова и коменданта Риги, чтобы подкрѣпить избраніе новаго герцога, и 13 іюня дворянство, въ главной церкви Митавы, обставленной нѣсколькими эскадронами конницы, единодушно избрало за себя и за своихъ мужескихъ потомковъ оберъ-камергера императрицы герцогомъ Курляндскимъ. Утвердительный дипломъ короля послѣдовалъ 1 іюля изъ Фрауштада, равно какъ (въ мартѣ 1739) и торжественное пожалованіе леннымъ владѣніемъ ([56]).

([56]) Шмидтъ Materialien стр. 197—199. Бартольдъ стр. 308.

Рабскимъ образомъ мыслей, содѣлавшимъ Курляндское дворянство недостойнымъ важнѣйшаго принадлежавшаго ему права, оно само привлекло на себя кровавый карательный бичь. Герцогъ Биронъ съ безпощадною строгостію управлялъ изъ Петербурга своими подданными узкосердечными деспотами-дворянами, не заботясь о подтвержденномъ имъ мѣстномъ правѣ. Предаваясь корыстолюбію, онъ умножалъ свои доходы. Никто не смѣлъ произнести свободное слово безъ того, чтобы не подвергнуться ссылкѣ въ Сибирь. Кто навлекалъ на себя подозрѣніе, къ тому внезапно являлись переодѣтые слуги тирана и схватывали и отвозили въ отдаленнѣйшія области Русскаго государства. Такъ, напримѣръ, нѣкто господинъ фонъ-Сакенъ стоялъ однажды вечеромъ передъ своимъ сельскимъ домомъ, какъ вдругъ его схватили неизвѣстные люди, бросили въ закрытую повозку и таскали почти въ теченіи двухъ лѣтъ изъ одной провинціи въ другую, при чемъ онъ не могъ узнать лица своихъ провожатыхъ. Въ одну ночь лошадей выпрягаютъ и оставляютъ плѣнника въ его повозкѣ. Послѣдній, думая, что безконечное странствованіе скоро опять начнется, терпѣливо дожидается утра. Но его провожатые не появляются. Начиная прислушиваться, онъ слышитъ звуки латышской рѣчи, отворяетъ свою кибитку и видитъ себя у двери собственнаго дома. О причинахъ этого страннаго обхожденія не было дано никакихъ объясненій. Герцогъ отослалъ жалобу Сакена къ королю, а отъ него былъ полученъ отвѣтъ, что будетъ поступлено съ величайшею строгостію, если онъ откроетъ виновниковъ его похищенія. [57])

([57]) Manstein, Memoires стр. 255. Бартольдъ стр. 310.

Походъ 1738 и 1739 годовъ. Бѣлградскій миръ.

Въ февралѣ 1738 Татары, въ числѣ 40,000 человѣкъ, предводимые ханомъ, предприняли набѣгъ на Русскія владѣнія. Не будучи въ состояніи прорваться чрезъ границы Украйны, они разсѣялись по Донцу и по равнинамъ Исума, но скоро были прогнаны Русскими войсками. Въ свою очередь лѣтомъ Русская армія, подъ предводительствомъ фельдмаршала Ласси, снова ворвалась въ Крымъ черезъ линію Перекопа; но такъ какъ страна была до того опустошена, что войска не могли найти себѣ продовольствія, то и принуждены были въ октябрѣ снова удалиться въ Украйну, не достигнувъ Кафы, настоящей цѣли всего предпріятія, ибо флотъ, который подъ командою вице-адмирала Бредаля доженъ былъ подвезти изъ Азова необходимые жизненные припасы, былъ разсѣянъ бурею и частію уничтоженъ. И Минихъ съ 55,000 арміи не много сдѣлалъ въ кампанію этого года. Лишь въ августѣ достигъ онъ Днѣстра, за которымъ находилось 60,000 Турокъ, въ лагерѣ, обнесенномъ шанцами. Не отважась на осаду Хотина и Бендеръ, онъ уже въ сентябрѣ снова повелъ войска назадъ въ Украйну, частію по Польскимъ землямъ. Однако убыль людей, причиненная главнымъ образомъ болѣзнями, равно какъ нападеніями безустальныхъ Татаръ, была не менѣе прошлогодней и простиралась до 11,000 регулярныхъ войскъ, 5000 казаковъ и почти вдвое бо̀льшаго числа служителей и крестьянъ. Но едва армія достигла Буга, какъ полученъ былъ приказъ отъ двора, „чтобы Минихъ снова возвратился назадъ черезъ Днѣстръ и шелъ бы на Бендеры или Хотинъ“. Жалобы Вѣнскаго кабинета, что фельдмаршалъ не слѣдовалъ плану, на счетъ котора-

го условились при началѣ кампаніи, снова нашли себѣ доступъ въ Петербургѣ. Минихъ собралъ военный совѣтъ и успокоилъ императрицу единодушнымъ мнѣніемъ своихъ генераловъ, „что исполнить полученное приказаніе невозможно, если бы даже пришлось пожертвовать всѣмъ войскомъ". Личное появленіе Миниха въ Петербургѣ послужило къ окончательному оправданію фельдмаршала.

Въ апрѣлѣ слѣдующаго года армія Миниха, изъ 60-65.000 человѣкъ, начала становиться кругомъ Кіева, назначеннаго общимъ сборнымъ мѣстомъ. Такъ какъ нѣкоторымъ полкамъ приходилось пройти болѣе 100 нѣмецкихъ миль, чтобы добраться до Кіева, то вся армія собралась по ту сторону Днѣпра не прежде 4 іюня. На этотъ разъ Минихъ повелъ ее всю по Польскимъ владѣніямъ черезъ Бугъ на Днѣстръ. Обманывая Турокъ постоянно измѣнявшимся направленіемъ своего марша, онъ въ началѣ августа стоялъ уже за Днѣстромъ. Сераскиръ Вели-паша, непростительнымъ образомъ позабывшій занять важный проходъ Прекопа, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, съ 90,000 войска расположился лагеремъ недалеко отъ Русскихъ, при деревнѣ Ставучаны. Лагерь этотъ былъ сильно укрѣпленъ какъ природою, такъ и искусствомъ. Русскіе, со всѣхъ сторонъ окруженные Турками и Татарами, находились почти въ столь же опасномъ положеніи, въ какомъ Петръ I на Прутѣ; только блестящая побѣда могла ихъ спасти. 28 августа Минихъ приказалъ штурмовать турецкій лагерь, и, предусмотрительно распредѣливъ своихъ воодушевленныхъ солдатъ, увидалъ подъ вечеръ, какъ непріятель въ величайшемъ смятеніи покидалъ пробитые окопы. Взятіе Хотина, черезъ два дня послѣ битвы, было непосредственнымъ слѣдствіемъ побѣды. Русскіе безпрепятственно проникли за Прутъ; Яссы отворили свои ворота, и Молдавскіе бояре съ покорностію явились на встрѣчу Русскимъ войскамъ. Легкая кавалерія Миниха уже проникала до Браилова на Дунаѣ; фельдмаршалъ собирался уже двинуться въ землю Буджацкихъ Татаръ, чтобы взять Бендеры и на слѣдующій годъ проникнуть въ самое сердце султанскихъ владѣній, когда его побѣдоносное шествіе было остановлено постыднымъ миромъ, подписаннымъ Нейпергомъ въ Бѣлградѣ. Напрасно фельдмаршалъ безъ обиняковъ излилъ свой гнѣвъ въ письмѣ къ князю Лобковичу, отъ 25 сентября 1739; въ Петербургѣ хотѣли этого мира.

Не только зависть герцога оберъ-камергера къ возрастающей славѣ фельдмаршала, но и довольно основательныя опасенія правительства относительно происковъ старой Русской партіи, которая снова начинала поднимать голову, дѣлали весьма желательнымъ скорый миръ съ внѣшнимъ врагомъ.

При началѣ похода 1738 г. Минихъ получилъ неограниченное полномочіе заключать или нѣтъ миръ. Но теперь императрица Анна, по побужденію Бирона и вопреки представленіямъ Остермана, захотѣла принять за одно съ Вѣнскимъ кабинетомъ, посредничество Франціи и поручила французскому посланнику въ Константинополѣ, Вильнёву, начать переговоры при содѣйствіи канцеляріи совѣтника Каньони, состоявшаго въ русской службѣ. Для французскаго посланника, который подъ выгодами Порты разумѣлъ только свои собственныя, легко было побудить Австрійскаго фельдмаршала отступить отъ Бѣлграда, который въ это время осадили Турки, такъ какъ Нейпергъ зналъ, что супругъ Маріи Терезіи, герцогъ Францъ Лотарингскій, мало заботясь о славѣ Австріи, какою бы то ни было

цѣною хотѣлъ мира. Безъ зазрѣнія совѣсти онъ пожертвовалъ тяжело добытыми плодами прежнихъ побѣдъ, подписавъ 18 сентября 1739 Бѣлградскій миръ. Если мы не ошибаемся, Франція не хотѣла ничего болѣе. Она надѣялась, напротивъ, привести въ затруднительное положеніе также и Россію, если Порта стала бы продолжать войну съ нею одною. Послѣдуя указаніямъ Бирона, Русскій уполномоченный не спорилъ. Фельдмаршалъ Минихъ получилъ въ концѣ октября приказаніе прекратить военныя дѣйствія; вслѣдъ за тѣмъ онъ возвратился съ арміею въ Украйну.

Россія потеряла въ прошлогодней войнѣ 100,000 человѣкъ. За такія утраты непосредственный выигрышъ ея былъ, кажется, не важенъ. Миръ, заключеный между Россіею и Портою также 18 сентября 1739, содержитъ слѣдующія опредѣленія: «Границы обоихъ государствъ остаются какъ онѣ были; Русскіе удерживаютъ Азовъ, но укрѣпленія его совершенно уничтожаются, а земля около этого мѣста остается, въ границахъ опредѣленныхъ въ 1700 году, незанятою и служитъ раздѣльнымъ мѣстомъ для обоихъ государствъ. Россія можетъ выстроить новую крѣпость вблизи своей старой границы на островѣ Черкасскѣ, находящемся на Дону, а Портѣ предоставляется заложить крѣпость на Кубани, противъ Азова. Уничтоженная крѣпость Таганрогъ не должна быть возобновляема. Россія не можетъ содержать флота или кораблей ни на Черномъ, ни на Сивашскомъ моряхъ, и Русскіе должны производить торговлю на Черномъ морѣ только посредствомъ Турецкихъ кораблей. Большая и Малая Кабарда остаются свободными и служатъ для разграниченія обоихъ государствъ. Но Россія, по старому обыкновенію, будетъ брать заложниковъ изъ той и другой Кабарды, съ единственною цѣлью охраненія спокойствія; Порта можетъ дѣлать тоже самое и также съ этою цѣлью. Если Кабардинскіе народы подадутъ той или другой изъ договаривающихся сторонъ поводъ къ жалобамъ, то какъ Россія, такъ и Турція имѣютъ право наказать и усмирить ихъ."

Эти условія, разумѣется, не соотвѣтствовали смѣлымъ ожиданіямъ побѣдоноснаго полководца. Если принять въ соображеніе, что Россія имѣла дѣло съ государствомъ, которое, правда, давно уже клонилось къ упадку, но тѣмъ не менѣе все еще располагало неистощимыми средствами, то можемъ сказать, что именно эти-то ограниченія, на которыя она согласилась среди своихъ побѣдъ, принесли ей въ будущности величайшія выгоды. Весь Русскій народъ сохранилъ увѣренность въ возможности побѣды надъ Турками. Напротивъ Татары въ Крыму, послѣ походовъ Миниха и Ласси, навсегда лишились той смѣлости, которую даетъ самостоятельность.

Минихъ, конечно, былъ менѣе всѣхъ доволенъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ прекращеніемъ войны пресѣклось поприще для его ненасытнаго славолюбія. Письмо его къ герцогу Курляндскому заканчивалось слѣдующими словами: „Турки благодарятъ за этотъ миръ Магомета, Нейперга и Вильнёва; Богъ да проститъ Вѣнскому кабинету, что онъ ради такого жалкаго результата растратилъ такія огромныя суммы.„ [58]) Минихъ имѣлъ совершенно иныя надежды. Ему льстило, что солдаты называли его «соколомъ», что русская армія считала его «столпомъ русскаго государства», что Карлъ VI сказалъ: «еслибы я имѣлъ во главѣ своего войска такого фельдмаршала какъ Мимихъ, я сталъ бы продолжать войну», и что даже сами

[58]) Донесеніе Сума отъ 10 ноября 1739.

Турки признавались, «что если бы имѣли такого сераскира какъ Минихъ, то уступили-бы ему половину Османскаго царства.» Онъ думалъ, что его мечь даетъ ему право достигнуть такой-же высоты, на какую поднялся Биронъ чрезъ расположеніе къ нему императрицы. Такъ какъ при его вступленіи въ Молдавію господарь Георгій Гика обратился въ бѣгство, то онъ надѣялся, подъ Русскою защитою, получить для себя это княжество. Когда, по заключеніи мира, Молдавія была отдана назадъ, онъ думалъ, что по крайней мѣрѣ можетъ требовать себѣ титулъ герцога Украйнскаго въ придачу къ пожалованнымъ ему тамошнимъ землямъ. Но императрица отложила въ сторону его странную просьбу, которую передалъ ей герцогъ Курляндскій, и примолвила: «Я думала, что господинъ фонъ-Минихъ попроситъ меня объявить его Русскимъ великимъ княземъ». Наканунѣ блестящаго торжества по случаю мира, Минихъ вечеромъ прибылъ въ Петербургъ 13 (24) февраля 1740. Какъ до сихъ поръ онъ былъ первымъ на полѣ битвы, такъ хотѣлъ теперь занять первое мѣсто въ кабинетѣ.

*

Еще въ теченіи Турецкой войны, и даже прежде, Русское оружіе находило себѣ дѣло также и на юговосточной границѣ государства, въ верхней области рѣки Яика или Урала, въ землѣ Башкировъ. Россія вовсе не желала этой войны, но сама навлекла ее на себя. Русскіе губернаторы такъ жестоко обходились съ Башкирами, что послѣдніе вынуждены были къ возстанію. Когда въ апрѣлѣ 1740 года тайный совѣтникъ Татищевъ былъ заключенъ въ Петербургскую крѣпость, саксонскій тайный совѣтникъ фонъ-Сумъ доносилъ въ Дрезденъ: «По случаю наряженнаго надъ Татищевымъ слѣдствія, которое, впрочемъ не имѣетъ общаго съ дѣломъ кабинетсъ-министра Волынскаго, отъявленные враги Татищева будутъ возобновлять тысячи жалобъ противъ него, поднятыхъ еще въ то время, когда онъ былъ губернаторомъ Оренбурга, этого города, заложеннаго имъ въ области Башкировъ. Своимъ тиранскимъ обхожденіемъ онъ до такой степени раздражилъ и оскорбилъ вовсе не враждебныхъ Россіи туземцевъ, что они отважились на попытку избавиться отъ Русскаго господства и ига„. Между тѣмъ удалось возстановить спокойствіе уже въ первой половинѣ 1739 года. „Такъ какъ Башкиры теперь совершенно покорились, пишетъ Сумъ отъ 30 іюня изъ Петербурга, „то сюда вызваны обратно восемь полковъ, употребленныхъ къ погашенію возстанія, и они даже пополнены Башкирами. Послѣдніе ничѣмъ не отличаются отъ Европейцевъ, хотя имѣютъ почти коричневый цвѣтъ лица. Въ нихъ не замѣтно сходства ни съ Калмыками, ни съ Татарами. Башкировъ уже давно брали въ Русскіе полки, и очень много ихъ находится въ Ингерманландскомъ полку, изъ котораго наряжаются караулы къ русскимъ министрамъ, равно какъ къ посланникамъ и другимъ высокимъ особамъ. Полагаютъ, что число рекрутъ изъ этого народа можетъ быть безъ труда доведено до 12—15,000, и такъ какъ они очень крѣпкаго тѣлосложенія, то отъ нихъ можно ожидать много услугъ. Средства къ продовольствію почти ничего не стоятъ въ землѣ Башкировъ, и такъ нѣтъ повода къ большимъ расходамъ. Поэтому кабинетъ не хотѣлъ давать князю Урусову, только что произведенному въ генералъ-лейтенанты и назначенному губернаторомъ Башкировъ, болѣе 3000 рублей въ годъ и 1000 рублей для чрезвычайныхъ расходовъ. Но императрица по собственному побужденію возвысила его жалованье до 6000 рублей, а сумму, назначенную для чрезвычайныхъ расходовъ,— до 3000, съ тѣмъ,

чтобы уничтожить всякій поводъ притѣснять этотъ народъ и черезъ то снова возбудить въ немъ неудовольствіе [58]).

(*Окончаніе будетъ*).

ЕЩЕ ПИСЬМО МИНИХА ИЗЪ СИБИРИ.

Читатели оцѣнятъ важность этого письма, имѣющаго все значеніе автобіографической записки и сохранившагося въ современномъ переводѣ Демидова. Объяснительныя подробности касательно самаго Миниха они найдутъ въ 12 вып. Русск. Архива 1865 г., гдѣ помѣщены бумаги славнаго фельдмаршала къ импер. Елизаветѣ Петровнѣ, писанныя два года послѣ этого письма. Извѣстно, что Бестужевъ, не задолго передъ тѣмъ клевретъ Бирона, былъ вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ арестованъ въ ночь на 8-е ноября 1740 года, сидѣлъ въ заточеніи, и потомъ быстрою перемѣною правительства, въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ, очутился главнымъ дѣльцомъ при импер. Елизаветѣ Петровнѣ. Арестовалъ Бестужева Минихъ, теперь ожидающій отъ него пощады и позволенія покинуть снѣжныя пустыни Сибири.

П. Б.

Переводъ съ письма къ государственному канцлеру гр. Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину отъ бывшаго фельдмаршала гр. Миниха изъ Пелыма отъ 4-го іюня 1744 года, которое отдано, по имянному ея императорскаго величества, словесному повелѣнію, его жъ сіятельству государственному канцлеру чрезъ ст. сов. Демидова въ 24-е іюня 1744 года.

Сіятельный, высокородный графъ и кавалеръ, высочайше почитаемый господинъ, вице-канцлеръ и статскій министръ.

Ваше высокографское сіятельство, искусився сами, по воли Божіей, что̀ есть печаль и прискорбіе, утѣшеніе и радость, позволите, чтобъ, яко покоренный поражающею Всевышняго рукою, къ прославленію Его, 62-хъ лѣтній старикъ, вашему высокографскому сіятельству всѣми отъ ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей императрицы, пожалованными вамъ знатнѣйшими награжденіями, искренно и усердно поздравилъ; и притомъ дѣйствительнымъ и вседушнымъ покаяніемъ того, въ чемъ я противъ вашего высокографскаго сіятельства погрѣшилъ, удостовѣрить случай пріемлю.

Богъ есть Богъ правды, милость и правда есть предъ лицемъ Его, и отъ человѣкъ требуетъ правды. Сего святаго Бога, предъ Его же страшнымъ судомъ мы всѣ явиться и за всякое непотребное слово и дѣло отвѣтствовать должны въ тотъ день (который при са-

---

[58]) Въ книгѣ: «Geschichte und Thaten der jungst verstorbenen Kayserinn Anna mit unpartheyischer Feder entworfen und hin und wieder mit nützlichen Anmerkungen erläutert, Petersb., 1741„ говорится на стр. 108:„ Въ минувшихъ 1735 и 1736 годахъ нѣкоторые мятежные Башкиры побудили, правда, простой народъ къ возстанію, но это волненіе весьма скоро было прекращено посланною туда комиссіей, и непокорные снова дали присягу въ вѣрности ея имп. вел. и поклялись, подъ страхомъ смертной казни за малѣйшее ослушаніе, быть вѣрными во всѣхъ отношеніяхъ, послѣ того какъ были захвачены предводители мятежа, казнено нѣсколько недовольныхъ, а другіе частію отосланы въ Казань, частію же отправлены на службу въ Остзейскіе края и на галеры въ Рогервикъ, а нѣсколько тысячь женщинъ и дѣтей распредѣлены по разнымъ Русскимъ городамъ; такимъ образомъ отнята у мятежниковъ возможность собрать прошлогоднюю жатву и вновь посѣять хлѣбъ. Чтобы лучше держать въ повиновеніи этотъ дикій и грубый народъ, въ каждую часть страны назначены такъ называемые старшины и сотники, а въ каждую деревню особые смотрители, и притомъ всѣ изъ Русскихъ; при этомъ случаѣ приведены въ дѣйствіе также многія нововведенія, какъ въ укрѣпленіи города Уфы и другихъ мѣстъ, такъ и въ устройствѣ нѣсколькихъ новыхъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ и фабрикъ и наконецъ въ торговлѣ съ Кайсацкими и Ташкентскими ордами черезъ Оренбургъ.»

мой смерти каждаго человѣка случается, и почти только на одинъ часъ спанія отъ кончины нашего временнаго житія разнствуетъ, и мнѣ потому слава Богу! зѣло близокъ), я свидѣтелемъ призываю, что то, еже я къ вашему высокографскому сіятельству писать чрезъ сіе смѣлость воспріемлю, правда есть, а имянно:

I. Какъ я бывшаго герцога курляндскаго Бирона, съ приказа принцессы Анны Мекленбургской, и во исполненіе того повелѣнія, которое отъ нея о томъ словесно караульному гвардіи офицеру дано, арестовалъ, то я бы ваше сіятельство подъ арестъ взять не велѣлъ, и ваше сіятельство, такъ какъ графъ Остерманъ и князь Черкасскій, при вашей порученной въ кабинетѣ должности безпрепятственно остались бы, ежелибъ въ самое тожъ время, когда я съ арестованнымъ герцогомъ во дворъ императорскихъ палатъ пришелъ, и предъ карауломъ стоялъ, мой сынъ, отъ помянутой принцессы сошедъ, мнѣ ваше высокографское сіятельство арестовать приказу не принесъ. О сей правдѣ, что то арестованіе персоны вашего сіятельства не отъ меня произошло, можетъ мой сынъ, когда еще въ живыхъ имѣется, ежели ея императорское величество всемилостивѣйше аппробовать изволитъ, вопрошенъ быть. Оное жъ никогда мною присовѣтовано не было, еже такая правда есть, яко да поможетъ мнѣ Богъ и Его святое слово.

II. Отъ того жъ часу, когда ваше высокографское сіятельство, помянутымъ образомъ, по повелѣнію реченной принцессы, подъ караулъ взяты были, и я изъ того призналъ, что она къ вашему сіятельству не милостива была, то я, по слабости человѣческой, какъ въ свѣтѣ водится, ваше сіятельство (хотя впрочемъ мнѣ ничего противнаго не оказывали), не пощадилъ; и какъ я предъ Богомъ и предъ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ признаться долженъ, инакаго истиннаго сожалѣнія объ васъ не имѣлъ, изъ чего и все происходило, еже при арестованіи и воспослѣдованномъ о томъ изслѣдованіи, колико я, получа потомъ свое увольненіе, участіе въ томъ имѣлъ, вашему сіятельству грубаго и обиднаго приключилось.

III. При чемъ однакожъ и сіе правда есть, что другіе во время изслѣдованія неизчисленные пункты проэктовали было, дабы дѣло пространнѣе и тяжелѣе учинить, еже я препятствовалъ, и помянутые пункты вымаралъ, о которой правдѣ тогдашній рекетмейстеръ Фенинъ, чрезъ котораго тѣ пункты ко мнѣ присланы были, могъ бы вопрошенъ быть.

IV. Да соизволите же ваше сіятельство и то за правду воспріять, съ которою я предъ Христомъ на страшномъ судѣ стоять буду, что елико я ваше сіятельство обидѣлъ, то между наивящихъ моихъ грѣховъ (которыхъ когда я содѣялъ, считаю, и объ ономъ душевно каюсь) а напротивъ того, ежелибъ я вашему высокографскому сіятельству въ моей жизни моею кровію служить могъ, дабы о семъ моемъ преступленіи нѣкоторымъ образомъ покаяться, то оную охотно и съ радостію пролилъ бы, и вашему сіятельству съ вѣрнымъ сердцемъ обязаннымъ быть усердно желаю.

V. А наименьше еще ваше высокографское сіятельство въ сей правдѣ сомнѣваться изволите, если бы я несчастливый ея величества, нашей нынѣ славнѣйше владѣющей императрицы, привлеченную на себя негодность и немилость съ наигорчайшими слезами не оплакалъ, и Бога непрестанно за всевысочайшее ея величества благополучіе молить преминулъ.

VI. Однакожъ и сія правда самому всевѣдущему Богу извѣстна есть, что учиненное мною отъ ея величества императрицы Анны (славы достойнѣйшей памяти) при самомъ началѣ воспріятія владѣнія (ибо ея величество нашу нынѣ уже владѣющую всемилостивѣйшую императрицу, яко опасаемую сродницу, къ престолу признавала) мнѣ повелѣно было, понеже я тогда въ С.-Петербургѣ команду имѣлъ, дабы я какъ къ ея тог-

дашнему императорскому высочеству, такъ и къ ея высочеству покойной герцогинѣ Мекленбургской ([1]), приходящихъ примѣчать велѣлъ, и понедѣльно о томъ ея величеству покойной императрицѣ репортовалъ.

VII. Но какъ я къ такой коммиссіи не способенъ, да и сверхъ того положенною на меня должностію весьма отягощенъ былъ; то правда есть, что я въ томъ такимъ образомъ поступалъ, что ея величество императрица, славы достойнѣйшія памяти, меня отъ того освободила, и сколько мнѣ извѣстно, маіору Албрехту поручила, при чемъ я Бога въ свидѣтели призываю, что я никогда ни единаго слова, кое бы ея величеству, нашей нынѣшней славы достойнѣйшей императрицѣ, чѣмъ либо малѣйшимъ предосудительно быть могло (къ чему я ни малѣйшаго случая не имѣлъ), не доносилъ; но паче тогда ея величество, яко великую императорскую принцессу, съ дражайшею девоціею почиталъ, и всепокорнѣйше респектовать отнюдь не пренебрегалъ, какъ то ея величество при всѣхъ случаяхъ чаятельно сама милостиво примѣтить изволила.

VIII. Какъ высочайше помянутое ея величество императрица Анна изъ Курляндіи къ воспріятію престола призвана была и въ Москву пріѣхала, а мнѣ въ Петербургѣ, гдѣ я команду имѣлъ, коммиссія поручена была каждому человѣку присягать велѣть; то я ни Россіянина, ниже кого инаго видалъ и не слыхалъ, который бы хотя одно слово въ пользу ея величества, нынѣ благополучно государствующей императрицы, молвилъ, кромѣ одного покойнаго адмирала Сиверса, который публично сказалъ: корона де ея императорскому высочеству цесаревнѣ Елисаветѣ принадлежитъ ([2]). Но какъ я о томъ по должности моей донесть принужденъ былъ, и помянутый адмиралъ Сиверсъ послѣ того, хотя годъ спустя, отставленъ и въ его деревни посланъ былъ, можетъ быть, что оное въ разсужденіи ея императорскаго величества учинилось, и вышереченное мое доношеніе поводъ къ тому подало. И потому, ежели ея величество, наша великодушнѣйшая императрица соизволила бъ Сиверсовымъ дѣтямъ нѣкоторыя дѣйствительныя милости щедрѣйше явить, то оное бы и къ успокоенію моей совѣсти служило.

IX. Нынѣ я съ моей стороны основаніемъ правды поставляю, что яко въ ея императорскомъ величествѣ, такъ и въ вашемъ высокографскомъ сіятельствѣ великодушныя и христіанскія души обитаютъ, и что я Бога и ея императорское величество, такожъ и ваше сіятельство, чистосердечно и съ сущимъ поканіемъ, о прощеніи всего того, въ чемъ я вѣденіемъ или невѣденіемъ погрѣшилъ, и по указу или своевольно васъ озлобилъ, съ глубочайшею покорностію и усердно прошу. Тако и я надѣюсь Божія долготерпѣнія и ея императорскаго величества великодушнаго помилованія, а женерознаго вашего сіятельства прощенія ко мнѣ кающемуся и соболѣзнующему грѣшнику; за что Богъ ваше сіятельство и вашъ высокографскій домъ небеснымъ благословеніемъ душевно и тѣлесно со изобиліемъ одарить благоволитъ.

X. Въ семъ же надѣяніи адресуюсь я къ вашему высокографскому сіятельству, яко высокоповѣренному ея императорскаго величества вице-канцлеру и статскому министру, который всемѣрно о высокомъ ея императорскомъ величествѣ и ея государства интересѣ ревностнѣйше старается, и паче всякой партикулярной дружбы, по имѣющемуся вашему незлобію и истинности, предпочитаетъ, и потому я прошу ваше сіятельство наиприлежнѣйше меня вашей протекціи и многомогущаго представительства у ея императорскаго величе-

([1]) Старшая сестра императрицы Анны, женщина съ энергическимъ нравомъ, много видавшая горя на вѣку своемъ. См. о ней между прочимъ выше стр. 13. *П. Б.*

([2]) Этимъ объясняются милости, коими пользовались Сиверсы при Елизаветѣ Петровнѣ. *П. Б.*

ства, къ знатному поспѣшествованію ея величества службы, удостоить.

XI. Признанная отъ Петра Великаго, славы достойнѣйшія памяти, правда есть, что большой Ладожскій каналъ безъ тѣхъ способовъ, кои я предъявилъ, не былъ бы готовымъ. Никто не зналъ рѣкъ Назью, Кобону и Шелдиху чрезъ каналъ провести, чтобъ они песку въ оный каналъ не наносили, и оный же повсягодно не засаривали, и неудобнымъ не чинили. Ибо до 1723 года цѣлый милліонъ денегъ на строеніе того канала употреблено, имѣя въ помощь цѣлыя жъ арміи, дабы тѣмъ только первыя 12 верстъ, считая отъ Новой Ладоги, и на которой дистанціи никакой рѣки въ каналъ не впадаетъ, въ совершенство привесть, а прочее все и зачато не было, или же и начатое по всевысочайшему указу его императорскаго величества, который то дѣло самъ со многимъ терпѣніемъ и прискорбіемъ осматривалъ, отмѣнить, всю воду вылить и глубже сдѣлать принуждены были. Каналъ же на болото, именуемое Бѣлое Озерко, веденъ былъ, гдѣ никакой земли ни плотины не нашлось. Начали же реченный каналъ пятью футами свыше водянаго горизонта поднимать, а лѣтомъ воду такъ высоко поднимать всѣ рѣки недостаточествуютъ; отъ чего бъ каналъ или во всѣ лѣтнія времена высыхалъ, или же бъ вся земля, на южной сторонѣ канала, болотомъ сдѣлалась, а канальная плотина въ водѣ лежала бъ, еже прочно быть не могло. Начали же каналъ чрезъ гору, на разстояніи четырехъ верстъ вести, гдѣ 13 аршинъ глубиною, и тако глубже Кронштадскаго канала, копать, а землю и каменья, будучи та гора почти вся въ каменьяхъ, вывозить надлежало бъ. А понеже при Кронштадскомъ каналѣ около 30 лѣтъ работано было, то и при сихъ четырехъ верстахъ Ладожскаго канала, по меньшей мѣрѣ, отъ 30 до 40 лѣтъ работать, и два милліона денегъ, а на весь каналъ по пропорціи первыхъ 12 верстъ, по меньшей мѣрѣ 10 милліоновъ рублей на строеніе употребить должно было бы, дабы такой каналъ совершить, который бы проченъ быть не могъ. Но какъ я въ 1723 году другіе и возможные способы показалъ, и въ 1724 году въ октябрѣ мѣсяцѣ его императорское величество мою первую работу и первый шлюзъ увидѣлъ, какимъ образомъ песокъ изъ рѣкъ удерживается, такъ что оный въ каналъ не наносится, то его императорское величество тому такъ радъ былъ, что онъ мнѣ генералъ-фельдцейгмейстерскій чинъ и генеральную дирекцію надо всѣми императорскими строеніями во всемъ государствѣ всемилостивѣйше предложить повелѣлъ. А по прошествіи двухъ мѣсяцевъ Богъ сего великаго монарха изъ свѣта отозвалъ. Сія же канальная работа на меня злобу и ненависть кн. Меньшикова крайнѣйшею мѣрою привлекла: всѣ къ работѣ назначенные полки противнымъ ордеромъ остановлены были, и я непрестанною докукою, трудомъ и досадою, единственно только съ Божіею помощію, сію опасную, а государству весьма полезную работу въ состояніе привелъ. Нынѣ каналомъ, безъ задержанія и безъ всякой опасности, по поданнымъ репортамъ цѣною на полчетверти ([3]) милліона товарами Россійскихъ купцовъ, матеріалами, мостами и дубомъ для адмиралтейства, такожъ и съѣстными припасами для жителей въ Петербургѣ и Кронштатѣ ежегодно отправляется; а прежде сего третья доля товаровъ и провіанта на Ладожскомъ озерѣ, которое камнями и мелями наполнено, утрачивалась; адмиралтейскій лѣсъ въ Ладогѣ пролеживалъ и гнилъ, а ради транспорта онаго въ Ладогѣ безпрерывно команду, состоящую въ 500 человѣкахъ, содержать и за каждый грузъ галліота отъ 120 до 180 рублей перевоза наличными деньгами платить принуждены находились, еже адмиралтейскія книги доказать имѣютъ. Однимъ словомъ сказать, каналъ, ради вышеизображенныхъ обстоятельствъ, безъ меня

([3]) Т. е. на три съ половиною—старинный и нынѣшній простонародный счетъ. П. Б.

работою вовсе остановился бъ. И понеже его императорское величество, славы достойнѣйшія памяти, довольно предусматривалъ, что флотъ, коммерція въ Петербургѣ, да и самый городъ Петербургъ, со временемъ безъ сего канала состоять не возмогутъ (якоже я самъ по шести рублей съ половиною за маленькій возъ сѣна въ Петербургѣ платилъ) то между другими господинъ лейбъ-медикусъ Блументростъ, будучи безотлучно у государя, о той радости, которую сей монархъ возчувствовалъ, когда онъ надежду получилъ, что Ладожскій каналъ мною въ состояніе приведенъ будетъ, свидѣтельство подать можетъ. Онъ такую радость и удовольствіе до своей кончины всякому человѣку засвидѣтельствовалъ, и меня бъ, не токмо изъ Пелыма отъ ссылки, но и изъ Китая, ежели бъ я тамо былъ, для его службы къ себѣ привесть велѣлъ. Ахъ! когда бъ ея величество наша всемилостивѣйшая императрица, о сей правдѣ разсудить изволила, и ради Петра Великаго о мнѣ умилостивилась. Онъ отъ гроба вопіетъ: освободи сего невольника, ибо онъ еще къ славѣ твоего и моего имени полезнымъ быть можетъ! А ежели сначала, когда проходъ каналомъ отверстымъ быть сталъ, ежегодно по три милліона и болѣе цѣною считается, что̀ каналомъ безъ повреждснія и убытка прошло; и оное на 50 милліоновъ распространяется: то ваше высокографское сіятельство склонно разсудить изволите, какую знатную прибыль я чрезъ то казнѣ ея императорскаго величества и ея вѣрнымъ подданнымъ въ коммерціи доставилъ; ибо все, что̀ желѣзомъ сюда изъ Сибири и матеріалами для адмиралтейства Волгою въ Петербургъ приходитъ, и прежде сего два года въ дорогѣ находилось, то нынѣ въ одинъ годъ доходитъ. Не прибыль ли то есть въ разсужденіи одного года, которымъ она пріобрѣтается, и тѣхъ многихъ людей, которыхъ при таковыхъ транспортахъ содержать надобно? Вездѣ обычай есть, что при всякихъ наказаніяхъ разсуждается о прежнихъ поступкахъ и показанныхъ заслугахъ, преступника; извѣстно же, что такого труда, который я при каналѣ понесъ, никто на себя не пріиметъ; ибо я почти никакого сна не имѣлъ. Прошу ваше сіятельство да извольте себѣ честь и удовольствіе изъ того учинить, за такого вѣрнаго работника у ея императорскаго величества предстательствовать: Богу то угодно будетъ, Который всякую правду откроетъ, изъ которыхъ непослѣднѣйшая есть, что понеже толь премудрый монархъ, какъ ея императорскаго величества государь-родитель, славы достойнѣйшія памяти, который свой и своего государства интересъ зналъ и объ ономъ усердствовалъ, единственно только ради сего канала меня недостойнаго, я смѣю сказать, сердцеотечески любилъ, то я толь наипаче уповаю, что ея величество (потому что я, по двадцатилѣтней службѣ и ревности, о внутреннихъ обстоятельствахъ государства, особливо же о крѣпостяхъ, линіяхъ и границахъ свѣдомъ, да и гораздо болѣе ея императорскому величеству полезную службу равномѣрно жъ, какъ и въ то время, когда я новымъ пришлецомъ былъ, показать и предъявить въ состояніи нахожусь) мнѣ мои частію наваленные или по человѣческой слабости учиненные грѣхи отпустить и ради своего высокаго имяни ко мнѣ умилостивиться соизволитъ. Всѣ христіане Бога молятъ, чтобъ Онъ вмѣсто правосудія милость явить благоволилъ; и понеже я все потерялъ что̀ я во время двадцатилѣтней службы въ Россіи, да столько жъ и въ другой службѣ, и тако въ сорокъ лѣтъ съ великимъ трудомъ и опасностію живота пріобрѣлъ, и нынѣ полтрети года въ толь жестокомъ арестѣ содержусь, что я и въ рѣкѣ, коя здѣсь подъ воротами течетъ, къ моему увеселенію, ни одной рыбы поймать, наименьше же продавецъ яицъ или рѣпы къ воротамъ для продажи принести смѣетъ; то я чаю, что правосудію ея императорскаго величества тѣмъ удовольствіе учинится, и о моемъ нынѣшнемъ мизерномъ состояніи предстательствомъ вашего сія-

тельства какое либо облегченіе покажется, къ чему я разные градусы въ моемъ къ ея императорскому величеству отправленномъ покорнѣйшемъ письмѣ ([4]) ея величеству представилъ.

XII. И понеже я въ прошломъ году два всеподданнѣйшія важныя представленія чинилъ: первое о безопасности Турецкихъ и Татарскихъ границъ, второе о начавшемся при Петрѣ Великомъ на Невскихъ порогахъ, близъ Тосны, весьма полезномъ каналѣ, ея и-му в-ву къ стопамъ положилъ, а нынѣ третье, а имянно, какимъ образомъ отъ болѣзней при напольныхъ полкахъ и гарнизонахъ отчасти предостерегаться, а отчасти и больнымъ облегчительные способы изыскивать; однакожъ каждому имѣющемуся дѣлу, какъ вашему высокографскому сіятельству наилучше извѣстно, доброе и худое толкованіе дать можно; того ради да соизволите ваше сіятельство сіи отъ добраго сердца происшедшіе три проэкта еще съ аттестаціею разсмотрѣть, и о пользѣ оныхъ, такъ какъ ваше высокографское сіятельство благоусмотрѣть изволите, у ея и-го в-ва въ дѣйствіе произвесть, со всеподданнѣйшимъ обнадеживаніемъ, что въ исполненіи каждаго проэкта весьма полезнѣйшее учрежденіе, нежели на бумагѣ показаться можетъ, и токмо способъ дальнѣйшему и ближайшему намѣренію пишется. А понеже въ предписанномъ краткомъ трехъ дней терминѣ не токмо о важныхъ дѣлахъ писать, но и ничего обстоятельно сочинить не можно, того ради да соблаговолите ваше высокографское сіятельство иногда въ томъ, еже къ поданію ея и-му в-ву принадлежитъ, и въ находящейся конфузіи, такъ же и во всемъ, непорядочно, безъ концепта, со всякимъ поспѣшеніемъ сочиненномъ меня высокосклонно извинить, и того офицера, который въ немалой опасности находится, что терминъ минулъ, потому жъ защищать.

XIII. Ваше высокографское сіятельство я при семъ обнадежить могу, что ни одна изъ всѣхъ Россійскихъ крѣпостей не достроена, ниже въ настоящемъ оборонительномъ состояніи находится. Въ оныхъ 10 годахъ, въ которыхъ я дирекцію надъ оными имѣлъ, непрестанное принужденіе чинено, какъ изъ всѣхъ отъ военной коллегіи, инженерской конторы и собственной моей канцеляріи непрестанно изъ посланныхъ о томъ указовъ, диспозицій и инструкцій видно. Токмо война немалую тому остановку причинила, ибо гарнизонные полки весьма малымъ числомъ людей, а напольные и ничего работать не могли. И тако надобно начать отъ С. Петербургской крѣпости, которая снаружи красиво кажется, и я всѣ наружныя укрѣпленія строилъ; но ежели бъ ваше высокографское сіятельство трудъ себѣ принять изволили — походить по валу той крѣпости, хотя не много, то вы сами свидѣтелемъ быть можете, что ничего въ оборонительномъ состояніи не находится.

Брешъ, который при Нарвской крѣпости обвалился, какъ оная крѣпость въ 1703 году его величествомъ императоромъ у Шведовъ взята, еще и въ 1732 г. былъ открытъ, и тако чрезъ 29 лѣтъ та крѣпость отверста находилась. Я сей брешъ ([5]) въ 1733 году и 34 г. задѣлалъ. Рижская, Перновская, Ревельская, Выборгская, Кексгольмская и другія пограничныя крѣпости никогда достроены не бывали, а по старому маперу къ оборонѣ весьма недостаточны. Кронштадтъ еще весь въ открытіи находится; такожъ и другія крѣпости, внутри государства, совсѣмъ обвалились, которыя по возможности непрестанно починивались. Когда мнѣ главная дирекція надъ крѣпостями поручена была, то не можно было никакой крѣпости черте-

([4]) Письмо это, равно и къ великому князю Петру Θеодоровичу, сохранившіяся тоже въ современныхъ переводахъ г-на Демидова, не представляютъ въ себѣ ничего особенно новаго въ сравненіи съ тѣми письмами, которыя уже помѣщены въ 12 вып. Р. Архива за 1865 г., а потому мы ихъ здѣсь не печатаемъ. *П. Б.*

([5]) Т. е. трещина, провалъ. П. Б.

жа получить. Петербургская крѣпость тайная быть имѣетъ, и никто чертежа оной, кромѣ Трезина, не имѣетъ, который оную построилъ и такъ испортилъ, какъ она нынѣ есть. И понеже ни при какой крѣпости въ свѣтѣ столько неравныхъ бастіоновъ не дѣлано, какъ при сей малой крѣпости, гдѣ ни одинъ бастіонъ другому равенъ не кажется; покойный генералъ-лейтенантъ Кулонъ, яко старшій инженеръ, объявилъ, что онъ всегда тѣ чертежи, какіе ему даваны были, жегъ; и заподлинно никакихъ у него не было, а можетъ быть, что онъ ихъ и не имѣлъ. Наконецъ по трехгодовой прилежной корреспонденціи, и когда я во всѣ крѣпости инженеровъ и кондукторовъ, для святія съ тѣхъ крѣпостей потребныхъ чертежей разослалъ, то я изъ оныхъ изрядную книгу сочиня, съ надписью: *Сила Россійской имперіи*, которая и нынѣ при ея и-го в-ва кабинетѣ, военной коллегіи и инженерной конторѣ и проч. находится, привелъ въ состояніе; оная жъ книга, хотя сама собою весьма изрядна, и по моему введенному порядку весьма внятно нарисована, однакожъ оная еще полна погрѣшностей. И понеже есть сущая правда, чтобъ никого не озлобить, то въ службѣ ея и-го в-ва такого не обрѣтается, который бы въ томъ, колико до фортификаціи канальныхъ работъ касается, ея императорскому величеству такую услугу учинилъ, какую я недостойный еще могу показать и выдумать. Я всѣхъ господъ инженеровъ знаю, и между ними искусные люди находятся, токмо во всѣхъ частяхъ совершеннаго основанія и порядка не имѣютъ.

XIV. И яко ея и-е в-во градусы моего уповаемаго помилованія по размѣру ея в-ва великодушія и удовольствованія ея правосудія, мнѣ всемилостивѣйше показать соизволитъ, тако я, ежели мнѣ Богъ животъ и здравіе подастъ, въ глубочайшей благоговѣйности готовымъ себя представляю къ слѣдующему:

1) Ежели ея и-е в-во меня всемилостивѣйше удостоитъ изволитъ высочайшею свободою, чтобъ я ея высочайшей и священнѣйшей персонѣ служилъ, съ чиномъ, или хотя и безъ чина и характера, чтобъ никому не воспрепятствовать (ибо мнѣ ни въ какой временной чести въ свѣтѣ, ниже въ рангѣ уже болѣе нѣтъ нужды) то или канальное строеніе отъ Петербурга до Петергофа, или же главный госпиталь подъ именемъ: *Госпиталь святыя Елисаветы*, или оба тѣ строенія вмѣстѣ (понеже ея и-е в-во обо мнѣ всемилостивѣйше разсуждать изволитъ, что я въ строеніяхъ искусенъ), подъ моимъ надзираніемъ, съ крайнимъ береженіемъ и авантажемъ строить приказать соизволено было бъ; а притомъ бы одинъ изъ пріятнѣйшихъ Петра Великаго проэктовъ, о которомъ я за краткостію времени здѣсь упомянуть и припамятовать не могу, къ ея и-го в-ва высочайшему удовольствію и славѣ въ дѣйство произвести позволено было.

2) Ежели я того великаго счастія сподобиться не возмогу, но ея и-е в-во всемилостивѣйше заблагоразсудитъ, чтобъ я ея в-ву отдаленъ отъ высочайшей ея священной особы служилъ, то представляю себѣ линію на границахъ наибезопаснѣйше построить.

3) Ежели же я и сей милости не получу, и только бъ всемилостивѣйше мнѣ дозволено было жизнь свою у моихъ дѣтей, или въ графствѣ Ольденбургскомъ на моихъ тамошнихъ малыхъ маятностяхъ окончить, то я обязуюсь въ славу ея и. в. новую систему фортификаціи сочинить, съ которой концептъ чаятельно между моими книгами въ цѣлый листъ, на французскомъ языкѣ моею собственною рукою писанный, найденъ, который однакожъ весьма недостаточенъ.

4) Всѣ тѣ способы и военныя правила описывать, по которымъ съ Божескимъ вспоможеніемъ Турки и Татары Россійскою славною арміею всегда побиты быть могутъ (чего римско-императорская армія уповать не можетъ, ибо оная еще недавно отъ Турокъ побита). При томъ же и изображено, что въ трудныхъ маршахъ въ степяхъ наблюдать потребно, безъ чего легко армію поте-

рять можно, на то я всеусердно готовъ, въ семъ Богу угодномъ предпріятіи. Я еще со слезами и съ воздыханіемъ къ стопамъ ея и-го в-ва, нашей всемилостивѣйшей государыни-монархини, припадаю. Препоруча себя и мою престарѣлую жену, и единаго сына, съ дѣтьми и внучатами вашего сіятельства милости, и рекомендуя насъ покорнѣйше вашей супругѣ, я во всю жизнь свою себя счастливымъ признавать буду, съ вѣрноусерднѣйшею и истиннѣйшею преданностію пребывая

вашего высокографскаго сіятельства всепокорнѣйшій рабъ
Минихъ.

Изъ Пелыма. 4 го іюня, 1744 года.

(*Сообщено С. Н. Шубинскимъ*).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ.

Разсказъ первый.

А. В. Марковъ.

II (*)

Мы видѣли, что послѣ страшнаго Петербургскаго наводненія 1777 года, А. В. Марковъ, причтенный къ числу виновниковъ этого событія по поводу небрежнаго смотрѣнія за подземными трубами, былъ отставленъ отъ службы и высланъ изъ столицы въ 24 часа, но безъ назначенія ему мѣста жительства. Онъ пустился въ Москву, куда вскорѣ прибыло и все его семейство, т. е. жена и три дочери, но сынъ оставался въ кадетскомъ корпусѣ.

Дальнѣйшаго преслѣдованія надъ Марковымъ не происходило вѣроятно потому, что вскорѣ, а именно 12 декабря 1777-же года, государыня, а вмѣстѣ съ ней и вся Россія чрезвычайно были обрадованы рожденіемъ царственнаго первенца, великаго князя Александра Павловича (*).

Здѣсь въ Москвѣ Алексѣй Васильевичь разсудилъ основать постоянное мѣсто своего пребыванія.

Купивъ пустопорожнюю обширную землю, недалеко отъ церкви св. Іоанна Предтечи, что̀ за Прѣсней, онъ выстроилъ себѣ помѣстительный деревянный домъ, со всѣми необходимыми принадлежностями, даже баню, развелъ фруктовый садъ съ ягодниками и зажилъ бариномъ, мало, кажется, тоскуя о случившейся съ нимъ невзгодѣ.

За тѣмъ Алексѣй Васильевичь сталъ обдумывать куда бы или на что употребить свой, по тогдашнему, огромный капиталъ, не приносившій ему никакой пользы, такъ какъ во всю свою жизнь Алексѣй Васильевичь никому и никогда не давалъ денегъ въ займы, и даже не ввѣрялъ ломбарду, сомнѣваясь и въ его состоятельности.

И вотъ Алексѣй Васильевичь началъ съ того, что скупилъ почти все сельцо Скугорово, гдѣ у него нѣкогда было только 9 душъ. Вскорѣ онъ купилъ еще небольшое имѣньице, по сосѣдству, такъ что у него составилось душъ 100. Потомъ онъ очень дешево (за 12.000 руб.), пріобрѣлъ имѣніе отъ г. Желябужскаго, Смоленской губерніи Гжатскаго уѣзда сельцо Панино, душъ 200, съ большимъ количествомъ земли и лѣсу. Этой покупкѣ онъ очень радовался и попѣвалъ: „дуракъ-то продалъ, не зная что продалъ.“ Наконецъ, Алексѣй Васильевичь купилъ богатѣйшее имѣніе у князей Куракиныхъ, Слободско-Украинской (нынѣ Харьковской) губерніи Старобѣльскаго уѣзда слободу Александровку съ хуторами, 1700 душъ и слишкомъ 28 тысячь десятинъ земли, чернозему. Такимъ об-

(*) Первая половина этого разсказа напечатана въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., стр. 1293—1305.

(*) Любопытная игра случая: и рожденію и кончинѣ этого государя предшествовали наводненія, самыя страшныя, какимъ подвергался С.-Петербургъ. *П. Б.*

разомъ, Марковъ сдѣлался обладателемъ 2000 душъ крестьянъ м. пола, и огромнаго количества земли.

Исключая сельца Скугорова, прочее имѣніе все состояло на оброкѣ. Оброкъ былъ хотя и патріархальный (по 5 руб. съ ревизской души); но при скромной и экономической жизни, при дешевизнѣ тогдашней, у Алексѣя Васильевича много оставалось и отъ этихъ доходовъ.

Между тѣмъ три дочери Алексѣя Васильевича подросли; всѣ были очень хороши собой, въ особенности одна изъ нихъ, средняя, Александра. Уже стали и женихи посватываться. Алексѣй Васильевичъ объявлялъ, что онъ дастъ за каждой дочерью въ приданое: наличными деньгами по 30.000 рублей и по 150 душъ крестьянъ.

Но какъ скоро дѣло подходило къ концу, то женихи отказывались, вѣроятно потому, что Алексѣй Васильевичъ поставлялъ непремѣннымъ условіемъ— получить назначенное приданое не прежде, какъ по его кончинѣ, до тѣхъ же поръ довольствоваться съ имѣнія доходами, а съ капитала процентами, и то въ размѣрѣ ломбардныхъ.

Время шло. Дочери Алексѣя Васильевича достигли уже и зрѣлаго возраста. Отецъ наблюдалъ за ихъ поведеніемъ по-своему. Нерѣдко бывало, когда онѣ послѣ ужина простятся, уйдутъ на свою половину и лягутъ спать, онъ пойдетъ къ нимъ и начинаетъ потихоньку стучаться. На вопросъ: кто тамъ? Алексѣй Васильевичъ молчалъ, продолжалъ стучать и до тѣхъ поръ не отзывался, пока дочери не скажутъ: „какой тамъ чортъ стучится?": тогда Алексѣй Васильевичъ захохочетъ, и его впустятъ. Немного посидя и побалагуря, онъ уже окончательно съ ними прощался и направлялъ стопы свои въ объятія Морфея, или, лучше сказать, въ объятія дебелой, великолѣпной своей супруги, грустившей только о томъ, что Богъ не даетъ имъ дѣтей, но ожидавшей ихъ съ нетерпѣніемъ до позднихъ дней своихъ.

Алексѣй Васильевичъ, хотя не славился хлѣбосольствомъ, но въ посѣтителяхъ недостатка не ощущалъ. Къ нему ѣздили и графы и князья и вся тогдашняя московская аристократія. Старикъ былъ острякъ, говорунъ, анекдотистъ, много видѣлъ, зналъ и испыталъ на своемъ вѣку, однимъ словомъ—старикъ-усладъ или живая энциклопедія и любопытнѣйшая секретная книга.

Изъ образчиковъ его остроты до меня дошелъ только одинъ. Кто-то изъ его пріятелей купилъ себѣ въ Петербургѣ домъ. Алексѣй Васильевичъ чрезъ письмо, съ нарочнымъ, поздравляетъ его съ новосельемъ и говоритъ, что посылаетъ ему на новое хозяйство *кошку* и *питуха*. Не обративъ вниманія на то, какъ написано послѣднее слово, пріятель Маркова спрашиваетъ: гдѣ же кошка и пѣтухъ? Посланный показываетъ ему, такъ называемую, полицейскую кошку, которыми тогда сѣкли преступниковъ, а вмѣсто пѣтуха рекомендуетъ себя, какъ *питуха*, готоваго выпить всегда и за десятерыхъ!

Иногда мать моя бывала свидѣтельницей шутокъ Алексѣя Васильевича съ какою-то старушкой-барынькой, къ которой онъ обыкновенно обращался такъ: «Ну разскажи ка, мать моя, какъ ты женила на себѣ насильно сына такого-то генерала?»

И при отнѣкиваніи этой барыньки, Алексѣй Васильевичъ самъ разсказывалъ объ ней слѣдующую исторію. Она жила въ своемъ помѣстьи, и ей было лѣтъ уже подъ 30-ть. Въ эту пору ея жизни, въ сосѣдственное имѣніе пріѣзжаетъ молодой офицеръ, лѣтъ 20-ти, сынъ богатаго и извѣстнаго генерала, знакомится съ сосѣдкой и не рѣдко ее посѣщаетъ. Въ одинъ изъ такихъ визитовъ, послѣ обѣда, хозяйка предлагаетъ гостю прогуляться по ея селу, и когда, гуляя они вошли въ церковь, то застали священника предъ налоемъ съ крестомъ и евангеліемъ. На вопросъ гостя, что это значитъ, хозяйка отвѣчала, что это значитъ то, что они сей часъ же должны вѣнчаться. Разумѣется, молодой человѣкъ и руками и ногами сталъ было от-

биваться отъ неожиданнаго марьяжа, но тогда импровизованная невѣста указала на стоявшихъ сзади людей своихъ съ свирѣпыми лицами и съ плетями въ рукахъ, предлагая или вѣнчаться, или быть высѣченнымъ. Невольный женихъ такъ растерялся, что, недолго думавши, согласился лучше принять тяжкія узы супружества. Эту исторію отецъ новобрачнаго довелъ до свѣденія государыни императрицы Екатерины II и просилъ о расторженіи насильственнаго брака. Однакожъ, императрица не исполнила просьбы отца, бракъ оставила въ своей силѣ и изволила такъ отозваться: что ей странно слышать, какимъ образомъ офицеръ, при шпагѣ, и дозволилъ обвѣнчать себя насильно. Но гнѣвъ отца и нелюбимая супруга скоро свели новобрачнаго въ могилу. По смерти его, вдова тотчасъ объявила себя беременною. Свекоръ, человѣкъ знатный, подозрѣвая здѣсь хитрость, въ предупрежденіе подлога, опять безпокоилъ императрицу. Вслѣдствіе чего, вдову вызвали въ Петербургъ и цѣлые девять мѣсяцевъ содержали въ особыхъ комнатахъ, во дворцѣ, подъ надзоромъ. Оказалось, что она не была беременна. Но о наказаніи выдумщицы преданій нѣтъ.

Алексѣй Васильевичь еще разсказывалъ, что около сельца Скугорова, въ своемъ помѣстьи, лѣтнимъ временемъ, живала какая-то молодая вдова красавица княгиня Голицына; что эту Голицыну не рѣдко посѣщалъ государь императоръ Петръ 1-й; что у этой Голицыной находилась въ родѣ экономки какая-то Захарьевна, промышлявшая корчемствомъ; что государь узналъ объ этомъ и, бывало, всякій разъ, когда пріѣзжалъ къ Голицыной, грозился корчемницѣ, говоря: „Смотри, Захарьевна, чтобы досмотрщикъ не узналъ о твоихъ проказахъ, бѣда тебѣ будетъ“. Объ этомъ разсказывала Алексѣю Васильевичу сама Захарьевна, будучи уже дряхлой старухой, и показывала ему тѣ липки, подъ которыми государь любилъ прохлаждаться съ княгиней Голицыной.

Гордости въ Алексѣѣ Васильевичѣ замѣтно не было, по крайней мѣрѣ въ разсужденіи его генеалогіи. Онъ самъ про себя въ шутку говаривалъ, что происходитъ отъ навозной лопаты, т. е. изъ дворцоваго конюшеннаго вѣдомства. Такъ и родная сестра его, Анна Васильевна, была за мужемъ за дворцовымъ конюхомъ, въ послѣдствіи коммисаромъ, НикитоюПетровичемъ Козловскимъ, сынъ которыхъ, Александръ, бывши уже ротмистромъ, въ 1796 году 12 марта (день замѣчательный для Алексѣя Васильевича, какъ увидимъ ниже), продалъ Алексѣю Васильевичу за 500 руб. свою частичку имѣнія въ сельцѣ Скугоровѣ, доставшагося ему отъ его родителей. Но по актамъ видно, что Никита Петровичь Козловскій пріобрѣлъ эту частичку у Алексѣя же Васильевича, по купчей въ 1743 г. 17 марта; а Алексѣю Васильевичу эта же самая частичка досталась, за 15 руб., по закладной, въ 1736 году 6 февраля, отъ внучатнаго его дѣда, дворянина Ивана Дмитріевича Маркова. Эти акты, кажется, доказываютъ, что закладная была не иное что какъ подарокъ отъ дѣда внуку, а купчая отъ А. В. Маркова Козловскому — приданое за сестрой. Но по этимъ актамъ трудно съ точностію опредѣлить лѣта Алексѣя Васильевича. Видно только то, что въ 1736 г. онъ уже пріобрѣталъ имѣніе, а ежели при выдачѣ Козловскому, въ 1743 г., купчей онъ имѣлъ только узаконенныя лѣта, то въ 1810 году, когда мы гостили у него, ему было уже 88 лѣтъ. Но, быть можетъ, купчая совершена и отъ малолѣтняго — по незначительности имѣнія и для устройства въ замужство дѣвицы.

Пересыпая изъ пустаго въ порожнее и пребывая зиму въ Москвѣ, а лѣтомъ въ подмосковномъ своемъ сельцѣ Скугоровѣ, Алексѣй Васильевичь, по видимому, наслаждался жизнію и всѣми ея благами. Такъ протекли почти двѣнадцать лѣтъ въ мирѣ и тишинѣ для Алексѣя Васильевича, по пріѣздѣ его изъ Петербурга. Домъ у него былъ, что называется, какъ полная чаша, украшенный дорогой мебелью, которую ему удалось

очень дешево купить послѣ одного посланника, высланнаго за что то изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію въ 24 часа. Однимъ словомъ: Алексѣй Васильевичь казался счастливъ и постоянно веселъ, какъ бы не раздѣляя печали своей второбрачной супруги, Авдотьи Михайловны, въ отношеніи ихъ бездѣтства, въ чемъ, однакожъ, по какимъ-то основаніямъ, она подозрѣвала виновницами своихъ падчерицъ.

Но вотъ, неожиданно, вдругъ надъ головой Алексѣя Васильевича загремѣлъ небесный громъ и разразилась страшная буря.

Въ одно прекрасное утро, 1789 года, Алексѣй Васильевичь узнаётъ, что средняя дочка его, красавица Александра, бѣжала; куда, съ кѣмъ—оставалось въ неизвѣстности. Даже не могли ума приложить: кто бы могъ быть ея похитителемъ? Всѣ посѣщавшіе домъ ихъ, казалось, были люди почтенные, солидные и женатые.

Эта скандалезная исторія скоро распространилась по Москвѣ. Всѣ знакомые и друзья спѣшили навѣстить Алексѣя Васильевича и изъявляли живѣйшее участіе въ его горѣ, толкуя и гадая о томъ, кто бы могъ быть виновникомъ? И никакъ не могли отгадать. Прибѣгали и къ Московскимъ пиѳіямъ, но тоже безъ успѣха. Въ числѣ другихъ не замедлилъ посѣтить Алексѣя Васильевича и графъ Алексѣй Сергѣевичь Ш. * принимавшій, казалось, болѣе всѣхъ участія въ справедливомъ огорченіи отца. Этотъ графъ былъ человѣкъ женатый и семейный. И что же? къ ужасу всѣхъ, онъ-то и оказался соблазнителемъ дочери Алексѣя Васильевича! (*)

Отецъ проклялъ дочь и сіятельнаго похитителя, но оставилъ ихъ безъ преслѣдованія; за то это горе содѣлало Алексѣя Васильевича страшнымъ тираномъ для остальныхъ его дочерей, старшей Анны и младшей Александры же. Сваливая преимущественно всю вину на нихъ, Алексѣй Васильевичь грызъ ихъ и день и ночь. Кончилось тѣмъ, что не далѣе какъ въ теченіе шести недѣль послѣ сказаннаго происшествія, ни той, ни другой изъ этихъ красавицъ уже не существовало на бѣломъ свѣтѣ! Онѣ скончались одна послѣ другой черезъ недѣлю и одной болѣзней—чахоткой, несмотря на то, что до побѣга сестры онѣ обѣ наслаждались полнымъ здоровьемъ!

Безъ всякаго сомнѣнія жарко было и дворнѣ, которой въ Москвѣ и въ подмосковной насчитывалось душъ до 80-ти обоего пола. У Алексѣя Васильевича, какъ мы уже сказали, всякая вина была виновата. Послѣ того, можно судить какъ думалъ онъ объ этой винѣ и какъ расправился съ своими домочадцами! И кнутья и кошки тогда еще были въ полномъ ходу. Алексѣй Васильевичь славился какъ хорошій экзекуторъ еще въ то время, когда служилъ въ Петербургской полиціи. Такъ, второбрачная супруга его разсказывала, что какой-то юродивый пророчилъ ей, что она выйдетъ за-мужъ, и будетъ жить у Калинкина Моста, тамъ, гдѣ больно сѣкутъ. Но мы, кажется, не согрѣшимъ, если подумаемъ, что этотъ юродивый (которые тоже состояли въ командѣ у Маркова) подосланъ впередъ своимъ начальникомъ къ богатой невѣстѣ-красавицѣ, для увѣренія, что онъ женихъ предопредѣленный ей свыше.

Однакожъ, срамъ, нанесенный бѣглянкой, и скоропостижная кончина двухъ послѣднихъ дочерей страшно подѣйствовали и на сильную натуру Алексѣя Васильевича. Изъ балагура и веселаго ста-

(*) Мы часто видимъ согрѣшающихъ, но и видимъ кающихся. Такъ и этотъ графъ, вкусивъ дозволенныхъ и запрещенныхъ сладостей отъ міра, наконецъ собственнымъ опытомъ познакъ, что въ немъ *суета суетствій*, *всяческая суета* (Екклез. I. 2.) и тихо окончилъ дни свои въ монастырѣ (1815 г.). Портретъ его, монахомъ, въ медальонѣ, носила на груди, подъ платьемъ, похищенная имъ красавица уже въ позднюю пору ея жизни. Плодомъ грѣха ихъ была только одна дочка, превосходнѣйшая въ послѣдствіи женщина душевными качествами.

рика онъ сдѣлался молчаливымъ и угрюмымъ. Вся его надежда оставалась на сына Θедора, который воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ, и по выпускѣ оттуда служилъ тогда въ арміи, сначала въ Апшеронскомъ, а потомъ въ Козловскомъ пѣхотныхъ полкахъ.

Еще протекли грустныхъ для Алексѣя Васильевича пять лѣтъ. Въ 1794 году сынъ его Θедоръ вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ и пріѣхалъ къ отцу. Въ головѣ старика тотчасъ начали роиться планы насчетъ его женитьбы (Тутъ приданаго не требовалось!) А вмѣстѣ съ тѣмъ этой мѣрой Алексѣй Васильевичь надѣялся сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка, такъ какъ онъ оставался недоволенъ и его поведеніемъ. Это былъ какой то чудакъ, проказникъ, такой оригинальный типъ, какихъ не встрѣчается у нашихъ нравоописателей.

Но планы и надежды старика и тутъ не осуществились. Въ 1796 году марта 12-го и сынъ изъ родительскаго дома бѣжалъ неизвѣстно куда!

Вотъ тогда-то Алексѣй Васильевичь, кажется, почувствовалъ надъ собой кару Божію, вспомнилъ страшный свой грѣхъ и, во всеуслышаніе каясь, или, лучше сказать, признаваясь, какими средствами онъ пріобрѣлъ золотой мѣшокъ, проклиналъ и дѣтей и все свое богатство, говоря, что чортъ далъ ему имѣнье, что чортъ де его и возметъ!

Не менѣе того, жажда пріобрѣтенія не оставляла Алексѣя Васильевича ни при какихъ обстоятельствахъ его жизни, хотя послѣднія покупки клонились уже только къ округленію любимаго имъ сельца Скугорова. Такъ, мы видѣли, что даже въ день побѣга сына, онъ скупилъ часть имѣнія въ с. Скугоровѣ у племянника своего, ротмистра Козловскаго, а черезъ годъ, 20 марта 1797 г., онъ купилъ еще у кол. ас. Беклемишева, въ томъ же сельцѣ Скугоровѣ, 5 душъ крестьянъ съ землей за 2000 рублей. Замѣчательно, что Беклемишевъ самъ купилъ эту часть имѣнія только въ 1796 году у штыкъ-юнкерши Анны Васильевны Марковой, родственницы Алексѣя Васильевича; видно, или она не хотѣла продать своего имѣнія ему прямо, или онъ самъ не желалъ имѣть съ ней дѣла, бывъ во враждѣ съ ея мужемъ, а его двоюроднымъ братомъ, Львомъ Васильевичемъ Марковымъ, который, нѣкогда, имѣлъ съ Алексѣемъ Васильевичемъ страшную ссору за чрезполосицу въ с. Скугоровѣ, и разъ какъ-то, съ помощью своего роднаго брата, Льва же, онъ прибилъ Алексѣя Васильевича до того, что его замертво принесли домой съ поля сраженія. Кажется, безошибочно можно полагать, что покупка Беклемишева у Марковой была не иное что какъ мистификація: имѣніе чрезъ него купилъ самъ Алексѣй Васильевичь, а Беклемишеву, какъ сосѣду, за хлопоты, Алексѣй Васильевичь уступилъ находившееся въ этомъ имѣніи деревянное всякого рода строеніе, кирпичь и известку, которыя, по той же купчей, и предоставлялось Беклемишеву перевезти въ его вотчину, въ сельцо Бѣлиново.

Между тѣмъ Алексѣй Васильевичь Марковъ рѣшился совсѣмъ покончить съ остальными своими дѣтьми, и вслѣдствіе того, въ мартѣ мѣсяцѣ 1796 года, подалъ въ Московское Губернское Правленіе прошеніе слѣдующаго содержанія. Имѣетъ онъ Марковъ двухъ дѣтей, дочь дѣвицу Александру и сына Θедора Алексѣевыхъ, изъ коихъ первая, забывъ благородное свое происхожденіе и, не взирая на полъ свой и лѣта, предалась разнымъ распутствамъ, а наконецъ, какъ видно, наскуча чинимыми имъ по долгу его увѣщаніями и воздержаніями, въ 1789 году, изъ дому его неизвѣстно куда самовольно отлучилась и гдѣ нынѣ находится, онъ также неизвѣстенъ; а второй до 1794 году находился въ службѣ ея императорскаго величества въ заграничной арміи въ Козловскомъ пѣхотномъ полку капитаномъ, а въ томъ году отъ службы впредь до надлежащаго повелѣнія уволенъ, съ даннымъ изъ онаго полку абшидомъ, потомъ въ теченіи того жъ года произведенъ секундъ-маіоромъ, жительство имѣлъ у него, но во все сіе время его у него

жительства, удаляясь поступокъ, приличныхъ чину его и воспитанію, находился всегда въ разныхъ неблагопристойностяхъ и мотовствѣ и забывъ должное ему и виновнику его бытія почтеніе, дѣлалъ разныя непослушаніемъ его и грубымъ обхожденіемъ ему оскорбленія; но, неудовольствуясь и симъ, сего марта 12 числа, слѣдуя примѣру сестры своей, не истребуя отъ него позволенія, отлучился и гдѣ теперь жительствуетъ онъ свѣденія не имѣетъ. А потому онъ Марковъ, раздраженъ будучи сими ихъ безчестными поступками, съ крайнимъ его прискорбіемъ изъявя оныя правительству, за нужное находитъ объявить и то, что какъ оныя его дѣти, жительствуя при немъ неотдѣленными, на всемъ содержаніи, собственнаго своего имѣнія и доходу не имѣли, слѣдовательно нынѣ, будучи лишены всякаго отъ него вспомоществованія, должны снискивать себѣ пропитаніе не инаковымъ образомъ, какъ находя случай брать деньги и другія къ жительству потребныя вещи подъ вексельныя и тому подобныя обязательства, просилъ:—во всѣ здѣшней губерніи судебныя мѣста, равно и въ прочія намѣстничества, дать знать о томъ, что, буде оныя его дѣти станутъ давать какія крѣпости, закладныя и другія обязательства, то онымъ не вѣрить и считать ихъ ложными: поелику, какъ уже выше имъ объявлено, что они отъ него еще не отдѣлены и собственнаго своего имѣнія ничего не имѣютъ; а такъ же благоволено бъ было о томъ отнестись и для припечатанія въ здѣшнихъ публичныхъ вѣдомостяхъ, дабы всякой, видя, что у нихъ собственнаго имѣнія ничего не имѣется, отъ дачи подъ векселя и росписки денегъ воздержался; ибо онъ за нихъ никому платежа чинить не будетъ, и за вышеявствующія безпорядочныя поведенія оныхъ его дѣтей отъ всякаго законнаго послѣ его наслѣдства отрѣшаетъ, съ тѣмъ однакожъ, что если сынъ Ѳедоръ, восчувствовавъ содѣянныя имъ погрѣшности, истинно въ томъ раскается и придетъ къ нему въ повиновеніе, въ такомъ случаѣ оставляетъ оное до особаго имъ разсмотрѣнія“.

Вслѣдствіе опредѣленія Губернскаго Правленія, съ прописаніемъ того прошенія, представлено было должнымъ порядкомъ г-ну Московскому главнокомандующему на благоразсмотрѣніе.

На это представленіе г. главнокомандующій (*) предложеніемъ предписалъ: „По просьбѣ г-на Маркова сдѣлать исполненіе, какое законы повелѣваютъ по просьбамъ родителей на дѣтей“.

Послѣ того Московское Губернское Правленіе сдѣлало слѣдующее опредѣленіе: „Какъ высочайшаго учрежденія по 84 статьѣ прекращеніе роскоши зависитъ отъ главнокомандующаго, то его высокопревосходительство поручаетъ сіе Правленію и для того съ прописаніемъ означенныхъ прошенія и предложенія, къ свѣдѣнію о показанныхъ дѣтяхъ просителя и къ должному опредѣленію, во всѣ здѣшней губерніи мѣста послать указы, а въ губернскія и намѣстническія правленія сообщить».

Это опредѣленіе исполнено 8 іюля 1796 года. Указы и сообщенія посланы печатные.

А на другой день, 9 іюля 1796 г., въ № 55 въ разныхъ извѣстіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ, стран. 1065, было помѣщено такое объявленіе:

„Отъ Московскаго Губернскаго Правленія чрезъ сіе объявляется, что г-нъ коллежскій совѣтникъ Алексѣй Васильевъ сынъ Марковъ, объявя о состоящихъ отъ него не въ отдѣлѣ и не имѣющихъ собственнаго своего никакого имѣнія сынѣ секундъ маіорѣ Ѳедорѣ, да дочери дѣвицѣ Александрѣ, проситъ во всѣ здѣшней губерніи судебныя мѣста, равно и въ прочія намѣстничества дать знать, съ тѣмъ, буде оныя дѣти его станутъ давать какія крѣпости, закладныя и другія обязательства: то онымъ не вѣрить и считать ихъ ложными; а о томъ припечатать и въ публичныхъ вѣдомостяхъ, дабы всякой, видя, отъ дачи

(*) Главнокомандующимъ тогда въ Москвѣ былъ генералъ М. М. Измайловъ.

имъ подъ векселя и росписки давать денегъ воздержался: ибо онъ за нихъ никому платежа чинить не будетъ. Того ради, по поводу даннаго отъ его высокопревосходительства г. здѣшняго главнокомандующаго предложенія и по сходствію опредѣленія, объ оныхъ дѣтяхъ коллежскаго совѣтника Маркова отъ Губернскаго Правленія и публикуется".

Эта публикація повторена еще два раза, того-же іюля 16 и 19, въ №№ 57 и 58.

Удивительно, что въ вѣдомостяхъ ничего не сказано объ отрѣшеніи отъ наслѣдства. Утверждали, что такъ нарочно было сдѣлано—по протекціи нѣкоторыхъ благодѣтелей, и что только въ одномъ экземплярѣ, для отца, будто вполнѣ выражена его воля, и что онъ всѣмъ пріѣзжавшимъ къ нему показывалъ этотъ нумеръ вѣдомостей. Впрочемъ, не показывалъ ли Алексѣй Васильевичъ печатнаго экземпляра указа, или сообщенія Губернскаго Правленія?

Какъ бы то ни было, но до кончины своей Алексѣй Васильевичъ не принималъ на глаза отрѣшенныхъ дѣтей, да они не смѣли и напоминать ему о себѣ, хотя, впослѣдствіи, сынъ, набродившись по бѣлу свѣту, жилъ секретнымъ образомъ въ старой банѣ отцовскаго Московскаго дома, когда Алексѣй Васильевичъ совсѣмъ уже уѣхалъ на постоянное житье въ деревню. И отецъ зналъ о пребываніи сына въ его домѣ, но не показывалъ о томъ и виду.

А какъ нѣтъ ни радости вѣчной, ни печали безконечной, то время, все изцѣляющее, взяло свое, и Алексѣй Васильевичъ какъ бы сбросилъ съ себя кручину и сталъ выѣзжать даже на публичныя зрѣлища. Такъ, въ мартѣ 1797 г., онъ не отказался быть съ своей женой и компаніонками на парадномъ въѣздѣ въ Москву государя императора Павла Петровича. Открытыя мѣста Алексѣя Васильевича находились на Тверской-Ямской; на Алексѣѣ Васильевичѣ была шуба соболья, крытая малиновымъ бархатомъ. Долго дожидались появленія государя и придворнаго кортежа. Погода стояла довольно свѣжая. Но верховые скакали и приказывали снимать шапки и *перчатки*. Изъ придворныхъ и бывшихъ въ кортежѣ, ѣхавшихъ еще въ Петровскій дворецъ, многіе подъѣзжали къ Алексѣю Васильевичу и свидѣтельствовали ему свое глубочайшее почтеніе, спрашивали о драгоцѣнномъ его здоровьи и т. п. И лишь только привѣтствовавшій удалялся, какъ Алексѣй Васильевичъ начиналъ надъ нимъ же глумиться, говоря своимъ, но такъ чтобъ и другіе слышали: „что, дуры, вы думаете, что вотъ-де господинъ такъ господинъ: весь-де въ золотѣ, съ головы до ногъ, а не знаете, что и кафтанъ-то на немъ и конь-то подъ нимъ — все въ кредитъ, а долгу-то какъ шолку?" Другихъ честилъ и того хуже. Умный Алексѣй Васильевичъ не разсудилъ, что лучше кредитоваться — съ возможностью заплатить, чѣмъ жить на капиталъ, добытый преступленіемъ...

Въ началѣ царствованія императора Александра I-го, Алексѣй Васильевичъ совсѣмъ оставилъ Москву и поселился на постоянное жительство въ родовомъ и любимомъ своемъ сельцѣ Скугоровѣ, котораго, съ послѣдней покупкой у Беклемишева, онъ содѣлался уже единственнымъ обладателемъ. Имѣньице не большое, но очень хорошенькое. Въ немъ числилось душъ 60, и на половину дворовыхъ, за то земли принадлежало слишкомъ 500 десятинъ, съ значительнымъ количествомъ строеваго лѣса, и оно славилось заливными лугами, на которые зарился одинъ сосѣдъ, богатый помѣщикъ и коннозаводчикъ Ѳ. С. Мосоловъ. Поэтому, онъ, какъ-то разъ, вздумалъ спросить Алексѣя Васильевича, что не продастъ ли онъ с. Скугорово, и какая будетъ цѣна? Старикъ такъ разсердился на это скромное предложеніе, что съ запальчивостію отвѣчалъ: „продаю, а цѣна—лобъ, да глаза, да шкура съ тебя". И что же? С. Скугорово, хотя разгромленное, куплено этимъ самымъ сосѣдомъ, и за дешевую цѣну, но спустя много лѣтъ, даже по смерти Алексѣя Васильевича.

Здѣсь, въ сельцѣ Скугоровѣ, проводилъ остальные дни свои Алексѣй Васильевичь съ единственнымъ другомъ, женой Авдотьей Михайловной, не жаловавшейся, впрочемъ, на свою участь. Проказы старыя забылись, и жизнь между супругами текла мирно и тихо, если и не весело. Ни компаніоновъ, ни приживалокъ у нихъ уже не было; ни сами никуда въ гости не ѣздили, ни къ себѣ гостей часто не принимали, если не считать мѣлкихъ помѣщиковъ, являвшихся изрѣдка поздравить съ праздникомъ или тезоименитствами; развѣ, когда заѣдетъ, и то большею частію по какому нибудь дѣлу, капитанъ-исправникъ, или засѣдатель земскаго суда, да придутъ священники въ извѣстные дни, со святыней. Барыня, по воскресеньямъ и двунадесятымъ праздникамъ, выѣзжала къ обѣднѣ въ церковь села Головкова, принадлежащаго Ѳ. С. Мосолову, и всегда въ большой каретѣ, четверней, съ двумя доморощенными и уже посѣдѣвшими гайдуками, въ коричневыхъ съ басанами ливреяхъ и трех-уголкахъ; за кучера былъ молодой малый, а форейторомъ сидѣлъ пожилой человѣкъ, небольшаго роста и бритый. Занятія стариковъ состояли вопервыхъ каждаго по своему хозяйству: жена завѣдывала скотнымъ и птичнымъ дворами, ткачами и кружевницами, а мужъ занимался полеводствомъ, такъ какъ с. Скугорово находилось на издѣліи. Другія имѣнія его не обременяли: оброки доставлялись всегда лично старостами и всенепремѣнно въ урочное время; о недоимкахъ и слуху не было. Въ свободные часы, мужъ читывалъ единственно Московскія Вѣдомости, выходившія тогда два раза въ недѣлю, по средамъ и суботамъ, а жена довольствовалась Минеей-Четьей. Но плохо старикамъ приходилось зимой. Ветхій домъ никакъ не могли натопить, несмотря на свои дрова; поэтому, въ зимнее время, супруги почивали, какъ и всегда впрочемъ на одной постелѣ, подъ пуховикомъ, а въ головахъ, подъ подушками, находилось изголовье или скрыня, гдѣ у нихъ хранился весь капиталъ, простиравшійся наконецъ до полумилліона рублей наличными деньгами, частію въ золотой и серебряной монетѣ, но большею частію, тысячь до 400,000 р., въ ассигнаціяхъ. Ни ломбардныхъ билетовъ, на другихъ представителей денегъ, старикъ не любилъ и капиталъ усиливалъ не процентами съ него, а доходами съ имѣній, зная финансовую часть отлично. Какъ только ассигнаціи стали падать, онъ, по мѣрѣ того, сей часъ началъ возвышать оброки, и слѣдовательно, ничего не терялъ. Странныя мысли иногда приходили старику въ голову. Помня очень хорошо все царствованіе государыни императрицы Екатерины II, и читая во времена государя императора Павла Петровича о пожалованіи вотчинъ заслуженнымъ людямъ, Алексѣй Васильевичь говаривалъ, что не худо бы раздать и всѣхъ казенныхъ крестьянъ помѣщикамъ, увѣряя, что лучшаго управленія желать нельзя, и что чрезъ это государство избавилось бы отъ огромныхъ хлопотъ и расходовъ. Взглядъ слишкомъ односторонній: какъ будто выгоды и удобства можно равнять съ правами человѣка? Впрочемъ онъ считалъ при этомъ за необходимое сдѣлать нѣкоторыя ограниченія и новые порядки, разсказывать о которыхъ теперь ни къ селу, ни къ городу.

Незамѣтно для нашихъ старичковъ наступилъ и 1812 годъ, *священный памятью* патріотическихъ чувствъ и жертвъ всего Русскаго народа. Но къ сожалѣнію, кромѣ рядовыхъ, общихъ, необходимыхъ пожертвованій нашъ старичекъ Алексѣй Васильевичь, обладая такимъ огромнымъ состояніемъ, ничего особеннаго не принесъ на алтарь отечества! Его скрыня, подобно могилѣ, только поглощала въ себя сокровища, съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не выпускать ихъ. Читая внимательно тогдашнія газетныя извѣстія о военныхъ дѣлахъ нашихъ съ Французами, Алексѣй Васильевичь не предвидѣлъ, какъ и многіе другіе, той грозы, которая разразилась надъ любезнымъ нашимъ отечествомъ. Ругая на чемъ свѣтъ стоитъ Бонапарта, онъ со-

жалѣлъ отъ всего сердца, что нѣтъ въ живыхъ любимаго его героя, Суворова. Когда же военныя извѣстія становились часъ отъ часу тревожнѣе и тревожнѣе, когда стали поговаривать, что въ опасности Москва, старикъ выходилъ изъ себя, не хотѣлъ этому вѣрить и—не двигался съ мѣста, не смотря на то, что жилъ вблизи военнаго пути. По взятіи Французами Смоленска, Авдотья Михайловна стала поговаривать мужу, что надо убираться изъ с. Скугорова куда-нибудь подальше. Старикъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. На представленіе супруги, что и тотъ, дескать, и другой сосѣди уже уѣхали, онъ отвѣчалъ, что если бы дѣйствительно придвидѣлась опасность, то объявили бы въ газетахъ, и въ такомъ случаѣ за нимъ пріѣхалъ бы другъ его, Яковъ Антоновичь Сумбулъ (дѣдъ мой по матери), не знавъ, что тотъ самъ отъ души вѣрилъ успокоительнымъ афишкамъ графа Растопчина и не думалъ ѣхать къ Алексѣю Васильевичу, а ожидалъ его къ себѣ въ Москву, для совмѣстнаго путешествія въ случаѣ надобности, и въ этомъ пріятномъ ожиданіи захваченъ въ расплохъ Французами дóма, со всѣмъ своимъ семействомъ (*). Между тѣмъ, ежедневныя напоминанія и слезныя просьбы Авдотьи Михайловны выводили вспыльчиваго отъ природы Алексѣя Васильевича изъ всякого терпѣнія. За нѣсколько дней до Бородинскаго сраженія, старикъ призываетъ жену и говоритъ, что онъ никуда не поѣдетъ, но ее не удерживаетъ; отворяетъ свою скрыню, вручаетъ супругѣ приданыя ея деньги, 25,000 руб., и столько же процентовъ, все золотомъ; разумѣется, прибавляетъ еще достаточную сумму на дальній вояжъ и приказываетъ ей ѣхать въ Москву прямо къ моему дѣду, а въ случаѣ опасности, взявъ съ собой все его семейство, отправиться въ Старобѣльскія ихъ вотчины; самаго же дѣда моего немедленно прислать къ нему, для совмѣстнаго слѣдованія туда же. Но Авдотья Михайловна не заблагоразсудила почему-то заѣзжать къ моему дѣду, и, хотя конечно чрезъ Москву, но проѣхала прямо въ Старобѣльскія свои деревни, гдѣ и прожила преблагополучно всю военную грозу 1812 года.

И такъ старикъ остался въ с. Скугоровѣ, одинъ одинехонекъ, съ дворовой челядью! Лучшіе люди уѣхали съ барыней. Сначала все шло хорошо. Страхъ, внушенный Алексѣемъ Васильевичемъ, продолжался и держалъ всѣхъ въ порядкѣ. Съ жадностію читалъ старикъ газеты, ждалъ тщетно моего дѣда, или вѣстей изъ Москвы, и не успѣлъ еще хорошенько обдумать своего отчаяннаго положенія, какъ вдругъ, послѣ Бородинскаго сраженія, непріятели нагрянули въ его имѣнье. Само собою разумѣется, они стали распоряжаться какъ у себя дома. Горячій старикъ не вытерпѣлъ, сталъ имъ говорить, что такъ поступаютъ не воины, а разбойники, и за то, не смотря на преклонныя его лѣта, получилъ побои. Перерывъ въ домѣ все, непріятели добрались наконецъ и до завѣтной скрыни. Выбравъ и взявъ себѣ золото и серебро, они, къ удивленію, не тронули ассигнацій, слишкомъ на 400,000 рублей, но вынесли ихъ изъ дома и разбросали по двору, который весь буквально былъ заваленъ этими представителями звонкой монеты. Забравъ скотъ, хлѣбъ и все что можно, непріятели удалились. Тогда дворня и нѣкоторые крестьяне съ жадностію бросились на ассигнаціи (*). Старикъ все это видѣлъ, но молчалъ, вѣроятно думая расправиться съ ними послѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но пословица не даромъ говоритъ: мужикъ сѣръ да умъ у него не чортъ съѣлъ, а потому-то Скугоровскіе люди скоро опомнились, сами испугались своего поступка, догадываясь, что

(*) Объ этомъ я говорилъ въ Воспоминаніяхъ моихъ о пребываніи непріятеля въ Москвѣ въ 1812 году. Москва. 1858—1859 г.

(*) Разсказывали, что одна женщина набрала 40,000 р. и отдала ихъ, до поры до времени, своему куму-цѣловальнику. Но при требованіи въ свое время поклажи, тотъ отрекся отъ принятія ея.

смиреніе барина—есть не иное что, какъ притворство, и не знали что имъ дѣлать. Нѣкоторые предлагали собрать деньги и отнести къ барину, но большинство этому воспротивилось, и рѣшили морить его голодомъ, на смерть! Мы видѣли, что старикъ не имѣлъ большаго аппетита, но жить воздухомъ все же не могъ; а потому, на другой день, когда онъ спросилъ себѣ кушать, ему объявили, что Французы увезли все, и хлѣбъ, и скотъ, и птицу, что они и сами голодаютъ, не зная гдѣ достать пищи, но разумѣется обѣщали объ этомъ постараться. Такъ проходятъ и день, и другой, и третій. Старикъ отощалъ, лишился сна и наконецъ понялъ, что его морятъ голодомъ. Объ этомъ ужасномъ положеніи барина узнаетъ одна изъ его крестьянокъ, молодая женщина, по имени Аксинья, и успѣваетъ, тихонько отъ другихъ, принести ему печеное яблочко. Какъ онъ обрадовался этому яблочку, обѣщалъ всѣ блага за него своей благодѣтельницѣ и вѣчную благодарность! Но за полученіемъ пищи Аксинья проситъ приходить его вечеркомъ въ одинъ овражекъ; такими способами старикъ питается нѣсколько дней и начинаетъ оживать. Но варвары не дремали, догадались, что не манной же онъ питается: стали подмѣчать и скоро открыли секретъ. Къ условленному времени, одинъ изъ злодѣевъ уже находился у овражка, въ засадѣ. Лишь только старикъ и женщина сошлись, какъ оба получаютъ смертельные удары дубиной. Несчастную участь ихъ раздѣлилъ и грудной младенецъ Аксиньи.

Вотъ какимъ образомъ окончилъ долгіе дни свои Алексѣй Васильевичъ. Смерть его послѣдовала 14 сентября 1812 года. Чужіе люди закрыли глаза ему, и ни одна слеза не канула на одинокую его могилу.

П. Кичеевъ.

ПСЕВДО-ПЕРЕВОДЫ СЪ РУССКАГО.

По матеріаламъ Императорской Публичной Библіотеки (*).

Изъ ежегодныхъ отчетовъ Императорской Публичной Библіотеки мы знаемъ, что въ ней съ 1850-го года образовано особое отдѣленіе такъ называемыхъ Rossica, или книгъ на иностранныхъ языкахъ, отъ первоначальныхъ произведеній книгопечатанія до настоящаго времени, которыя, по своему содержанію или по заглавію, имѣютъ отношеніе къ Россіи. Отдѣленіе это, постоянно увеличивающееся новыми пріобрѣтеніями, разрослось нынѣ до такихъ размѣровъ, которыхъ невозможно было предусмотрѣть a priori при его образованіи, и, содержа въ себѣ уже слишкомъ 30,000 томовъ, обилуетъ множествомъ величайшихъ библіографическихъ рѣдкостей. Въ составъ его введены, между прочимъ, и всѣ переводы русскихъ сочиненій, а въ ихъ числѣ также *псевдо-переводы*, т. е. такія книги, которыя, хотя и выдавались за переведенныя съ русскаго языка, но никогда на немъ не существовали. Эта литература подложныхъ переводовъ не лишена своего рода интереса, и вотъ, для образца, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ или давно забытыхъ книгахъ этого разряда.

I. La bergere russiene (sic) ou avantures de la Princesse Dengudeski. Traduite du Moscovit (sic), par Monsieur M***. Tome premier. A Liege, chez Guillaume-Ignace Broncart. M.DCC. XXXVII (12°). 174 стр.

Пустой романъ, мѣсто дѣйствія котораго будто бы въ Россіи („Permaveliki, capitale de la province de Permski") хотя, по обстановкѣ его, точно также могло бы быть перенесено и во Францію, и въ Англію, и даже въ Китай. Собствен-

(*) За сообщеніе этой статьи мы обязаны глубокою признательностью одному изъ заслуженнѣйшихъ знатоковъ библіографическаго дѣла, какъ русскаго, такъ и заграничнаго. П. Б.

но русскаго тутъ только фамилія князя Куракина, хорошо извѣстная и въ то время Французамъ, потому что одинъ изъ этихъ князей (Борисъ Ивановичь) былъ посланникомъ при Версальскомъ дворѣ; прочія же фамиліи Doriski, Dafleski, Radoski и пр. окончаніемъ своимъ напоминають польскія.

Книжка эта, незначущаяся ни у одного изъ извѣстныхъ библіографовъ, теперь очень рѣдка; что же касается 2-го ея тома, то онъ едва ли когда выходилъ: по крайней мѣрѣ въ концѣ книжки напечатано: „Fin".

II. Le faux Pierre III ou la vie et les avantures du rebelle Jemeljan Pugatschew. D'apres l'original russe de Mr. F. S. G. W. D. B. Avec le portrait de l'Imposteur et des Notes Historiques et Politiques. A Londres, chez C. H. Seyffert, En Angel Court, Westminster M. DCC. LXXV (8°). XVI и 296 стр.

III. Тоже самое заглавіе. Turin 1831 De l'Imprimerie Cassone, Marzorati et Vergellotti, Giorgio Franz in Monaco. Tome premier 125 и Tome second 224 стр.

IV. Leben und Abentheuer des berüchtigten Rebellen Jemeljan Pugatschew, welcher sich in dem südlichen Russland für Peter III ausgab. Nach dem Russischen Original des Hrn. F. S. G. W. D. R. in das Französische und aus diesem in das Deutsche übersetzt. London 1776 (8°) XVI и 392 стр.

Во французскомъ предисловіи мнимый переводчикъ, скрывшій свою фамилію, говоритъ, что это сочиненіе, написанное по русски и для русскихъ, показалось ему, по нѣкоторымъ подробностямъ, особенно же по характеристикѣ Пугачева, изображаемаго тутъ какимъ-то героемъ, великимъ ораторомъ и пр., скорѣе романомъ, нежели правдивою исторіею; но одинъ „просвѣщенный другъ" доказалъ ему ошибочность такого взгляда; вслѣдствіе чего онъ рѣшился перевести эту книгу, не принимая впрочемъ на себя отвѣтственности за достовѣрность излагаемыхъ въ ней фактовъ. Изъ очень длиннаго предисловія, находившагося въ оригиналѣ, псевдо-переводчикъ извлекъ, какъ онъ говоритъ, только исторію молодости Пугачева, перенеся ее въ текстъ; все же прочее, совершенно лишнее для французскихъ читателей, онъ выкинулъ, а въ остальномъ содержаніе книги передалъ безъ всякихъ перемѣнъ, съ прибавкою только отъ себя нѣкоторыхъ примѣчаній и съ означеніемъ разныхъ фамильныхъ именъ (напечатанныхъ въ подлинникѣ цѣликомъ), изъ осторожности, однѣми начальными буквами. Наконецъ, говоря о тѣхъ измѣненіяхъ, которыхъ потребовало различіе въ духѣ обоихъ языковъ, онъ заключаетъ свое предисловіе такъ: „On sait que c'est là une liberté de traducteurs, qui même s'en donnent quelquefois de plus grandes. Ce sera à ceux qui entendent les deux langues, s'ils peuvent se procurer l'original et le lire, à juger jusqu'à quelque point on est en droit de me faire ce dernier reproche".

Все это — лишь одна выдумка, и русскаго оригинала настоящей книги никогда не существовало. Доказательства тому: 1, совершенно французскій ея складъ; 2, незнаніе этой книги, которой на русскомъ языкѣ надлежало бы появиться ранѣе 1775-го года (т. е. года мнимаго перевода), ни Сопиковымъ, ни составителемъ Смирдинскаго каталога Анастасевичемъ, а также несуществованіе ея въ Публичной Библіотекѣ, столь богатой произведеніями отечественной печати; наконецъ 3, появленіе ея на нашемъ языкѣ уже только черезъ *тридцать четыре года* послѣ перваго французскаго изданія, т. е. въ 1809-мъ г., въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: „Ложный Петръ III, *или* жизнь, характеръ и злодѣянія бунтовщика Емельяна Пугачева". Хотя здѣсь и не означено, что книга переведена, но это тотчасъ чувствуется при ея чтеніи. Сличая французское изданіе съ этимъ русскимъ переводомъ, мы замѣтили въ послѣднемъ только слѣдующія измѣненія: текстъ раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ передъ каждою помѣщенъ русскій эпиграфъ въ стихахъ; въ концѣ прибавленъ реестръ всѣхъ убійствъ и грабежей, совершен-

ныхъ Пугачевымъ, и наконецъ передѣлано предисловіе. У Сопикова въ означеніи этого изданія (III, 355) мы находимъ три невѣрности: во 1-хъ, къ заглавію прибавлены несуществующія въ немъ слова „переводъ съ Нѣмецкаго“; во 2-хъ, форматъ показанъ въ 12-ую д. л., тогда какъ онъ въ 8-ую; и въ 3-хъ, сдѣлано примѣчаніе „французскій подлинникъ сего сочиненія напечатанъ въ Амстердамѣ, 1776-го года“, тогда какъ мы, напротивъ, сей часъ видѣли, что онъ появился въ Лондонѣ и въ 1775-мъ году. Должно впрочемъ замѣтить, что и въ Göttingische Gelehrte Anzeigen за 1776-й годъ (Zugabe, стр. XLVI) высказано предположеніе, что это изданіе (хотя оно и показано, соотвѣтственно заглавію, вышедшимъ въ Лондонѣ 1775-го года) напечатано въ Амстердамѣ („Zu Amsterdam eigentlich“).

Въ заключеніе выпишемъ приговоръ, произнесенный надъ этою книгою, послѣ появленія ея въ русскомъ переводѣ, тогдашнею нашею журналистикою. Вотъ какъ отозвался о ней „Цвѣтникъ“ 1809 го года, ч. I. стр. 377 (*): „Заглавіе и предисловіе автора обѣщаютъ истинную исторію Пугачева, и вмѣсто того читаешь преглупой и несвязной—*романъ*, въ которомъ неизвѣстный авторъ старается всячески сдѣлать поступки извѣстнаго злодѣя извинительными; оправдываетъ его во многихъ случаяхъ; придаетъ характеру изверга нѣчто геройское; разсказываетъ объ немъ небылицы, бранитъ духовенство и правленіе и лжетъ самымъ наглымъ и безстыднымъ образомъ, отъ первой страницы до послѣдней. Къ довершенію же его несчастія переведены сіи двѣ, довольно толстыя книги, весьма плохо. Г. переводчикъ, хотя и не разсудилъ за благо увѣдомить, съ какого языка переводилъ онъ, однако же можно, кажется, догадаться, что этою сказкою обязаны мы какому нибудь французу. Удивительно, что подобныя нелѣпости по сію пору находятъ и переводчиковъ и читателей“.

(*) И здѣсь у Сопикова ошибка: вмѣсто I-й части „Цвѣтника“ онъ цитируетъ III-ю.

Туринское изданіе 1831-го года представляетъ, кромѣ только раздѣленія текста на два тома, простую перепечатку Лондонскаго; даже находящееся при послѣднемъ предисловіе повторено слово въ слово; при чемъ однако издатель нигдѣ не счелъ нужнымъ упомянуть, что книга уже прежде была напечатана. Замѣчательно, что это изданіе сочиненія на *французскомъ* языкѣ нашло себѣ мѣсто въ *итальянскомъ* сборникѣ, выходившемъ подъ заглавіемъ: “Biblioteca istruttiva e piacevole„.

Наконецъ нѣмецкое изданіе 1776-го года есть буквальный переводъ французскаго подлинника, съ тѣмъ же самымъ предисловіемъ. Веллеръ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „Die falschen und fingirten Druckorte“ (Leipzig 1864) говоритъ, что это изданіе, хотя на немъ и выставленъ мѣстомъ печати Лондонъ, дѣйствительно вышло въ Лейпцигѣ, у Гейнзіуса.

V. L'uomo d'un altro mondo osia Memorie d'un Solitario senza nome, scritte da lui medesimo in due linguaggi, Chinese e Russiano, e pubblicate nella nostra lingua dall' Abatte Pietro Chiari. In Venezia. M.DCC. LXVIII. Apresso Domenico Battifoco (8°) 256 стр. изъ которыхъ 241—256 заняты оглавленіемъ, каталогомъ книгъ, продающихся у того же книгопродавца, и цензурнымъ разрѣшеніемъ.

Фантастическое путешествіе или романъ, котораго, разумѣется, ни одной строки не было написано по русски, не смотря на заглавіе и на то, что въ числѣ странъ и городовъ, посѣщенныхъ вымышленнымъ путешественникомъ, являются также Петербургъ и Москва.

Тотъ же аббатъ Кіари въ томъ же самомъ 1768-мъ году издалъ еще другую книгу въ подобномъ же родѣ, подъ заглавіемъ: „L'uomo d'un altro mondo osia Memorie d'un Solitario senza nome, scritte da lui in lingua Portoghese.“

VI. Théatre du Prince Clénerzow, Russe, traduit en Français par le Baron de Blening, Saxon. A Paris. Chez Sébastien Jorry, rue de la Comédie Françaisе. Le Jay, rue St. Jacques près celle des Mathurins. M.DCC. LXXI (8°). 1-er volume: 234 и 2 ненумеров. стр. Tome second: 351 и 2 ненумеров. стр.

Книга начинается письмомъ барона Бленинга, отъ 20-го Января 1769-го года, изъ Петербурга, къ кавалеру Б. (Chevalier de la B ***), французскому резиденту при разныхъ германскихъ дворахъ. Восхваляя свойственную Русскому народу вообще любознательность, баронъ говоритъ, что князь Кленерцовъ прожилъ три года въ Парижѣ и сверхъ того провелъ по нѣскольку времени въ разныхъ другихъ городахъ Франціи, собственно для изученія края, вслѣдствіе чего узналъ его лучше, нежели многіе Французы. Ознакомясь при этомъ въ особенности съ французскою драматическою и лирическою сценою и со всѣми ея недостатками, онъ написалъ, на своемъ отечественномъ языкѣ, нѣсколько комедій, въ которыхъ старался избѣжать этихъ недостатковъ и высказать свой взглядъ на драматическое искусство. Баронъ, переведя его комедіи, присылаетъ ихъ кавалеру Б., какъ доказательство образа мыслей Русскаго и его націи.

За тѣмъ слѣдуетъ предувѣдомленіе издателя, въ которомъ онъ расказываетъ о смерти кавалера Б., послѣдовавшей съ годъ тому назадъ, и о томъ, что онъ рѣшился напечатать найденныя между его бумагами упомянутыя комедіи, которыя особенно рекомендуетъ для домашнихъ спектаклей.

Всѣхъ комедій здѣсь восемь: пять въ I-мъ, три во II мъ томѣ. Онѣ—въ прозѣ и, по нашему мнѣнію, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ піэсъ тогдашняго французскаго репертуара.

Едва ли нужно прибавлять, что приписанныхъ князю Кленерцову комедій на русскомъ языкѣ никогда не существовало, точно также какъ не существовало ни его самаго, ни барона Бленинга. По увѣренію Керара (Quérard, Supercheries littéraires, подъ словомъ: „Clénerzow") авторомъ этихъ комедій, явившихся подъ такимъ двойнымъ псевдонимомъ, былъ французскій писатель Кармонтель (N. Carmontelle), пользовавшійся въ то время нѣкоторою извѣстностію.

VII. Jarmark siedm Muz, powieść moralna snow Krygiera. Z Rossyiskiego na Polski język przełożona. W Warszawie, w Drukarni Nadvornej. J. K. Mei. 1782 (8°)12 стр.

Буквально заглавіе значитъ: Ярмарка семи Музъ, нравственная повѣсть сновъ Кригера.

Въ нашей литературѣ никакой книги съ такимъ или подобнымъ тому заглавіемъ никогда не существовало.

VIII. Polusia, corka kołodzieja, czyli wolność oswobodzona. Opera tragiczna w dwoch aktach z Rossyiskiego na Polski język przetłumaczona. s. l. Rocu 1789 (8°) 4 ненумеров. и 109 стр.

Піэса, изданная въ свѣтъ, незадолго до Польской революціи 1791-го года, съ политическою цѣлью и посвященная мнимымъ переводчикомъ Литовскому Великому Гетману Огинскому, по двумъ, какъ онъ говоритъ, причинамъ: во 1-хъ, какъ мужу, которому Польскій народъ многимъ обязанъ, и во 2-хъ, въ огражденіе піэсы знаменитымъ его именемъ отъ нападеній критиковъ, если бы имъ удалось открыть самый подлинникъ. Въ предисловіи мнимый переводчикъ сознается, что во многихъ мѣстахъ его труда читатели найдутъ большіе промахи, происшедшіе отъ недостаточнаго знанія имъ русскаго языка, и что нѣкоторыя явленія вышли слишкомъ длинными, потому что онъ не считалъ себя въ правѣ отступать отъ подлинника; третье же дѣйствіе, наполненное многими непонятными аллегорическими мѣстами, предпочелъ совсѣмъ выпустить, въ ожиданіи, что въ непродолжительномъ, можетъ

быть, времени откроется возможность довершить эту драму на отечественномъ языкѣ, не прибѣгая къ чужеземному; покамѣстъ же—такъ заключаетъ онъ— повторю слова автора Мочомахіи (Красицкаго): «Читай и не мѣшай читать другимъ и пр.»

Подъ лицами, дѣйствующими въ трагической оперѣ „Полузія", которая, безъ всякаго сомнѣнія, была оригинальнымъ польскимъ сочиненіемъ, скрываются, по нашимъ соображеніямъ, слѣдующія дѣйствительныя:

Swobodzki, состоящій подъ опекою помѣщикъ имѣнія, называемаго *Свобода*—король Польскій Станиславъ Августъ (Понятовскій).

Przemocka, опекунша имѣнія *Свобода*—Екатерина II.

Polusia, дочь крестьянина этого имѣнія, находящаяся въ услуженіи у его опекунши и сдѣлавшаяся, впослѣдствіи, возлюбленной своего помѣщика—Польша.

Poteznicki, пріятель опекунши—князь Потемкинъ.

Litosnicki, сосѣдъ, родственникъ и другъ помѣщика—король Прусскій.

Dokumentowicz, законовѣдъ, служащій у опекунши—Русскій посланникъ въ Польшѣ Сиверсъ.

Ciemieznicki, подданный опекунши и ея пріятеля, любовникъ Полузіи—графъ Францъ Ксаверій Браницкій, женатый на Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, родной племянницѣ князя Потемкина.

Дѣйствіе происходитъ во время поѣздки Екатерины II въ Крымъ и свиданія ея, при этомъ случаѣ, съ Понятовскимъ.

IX. Radsivil, a Romance. Translated from the Russ of the celebrated M. Wocklow. London. Prinded for W. Lane, Leadenhall Street. M.DCC.XC. (8°) Vol. 1: VIII и 208, Vol. II: 200 и Vol. III: 178 стр.

Этому псевдо-переводу съ русскаго предшествуютъ два предисловія: одно будто бы русскаго автора а другое—англійскаго издателя (?). Въ первомъ, съ помѣтою: „Petersburg, 1789," говорится, что настоящій романъ написанъ въ подражаніе множеству сочиненій подобнаго рода, существующихъ въ литературахъ французской и англійской. Во второмъ издатель утверждаетъ, что г. Wocklow, какъ онъ пишется по русски, или Wockloff, какъ выговариваютъ эту фамилію, пользуется въ Россіи большою славою за свои драмы; поэтому нельзя не удивляться, что писатель, пріобрѣтшій такую знаменитость въ своемъ отечествѣ, остается еще неизвѣстнымъ англійской публикѣ,—обстоятельство, которое слѣдуетъ приписать единственно малому знакомству въ Англіи съ русскимъ языкомъ. Далѣе говорится, будто бы издатель получилъ этотъ переводъ отъ одного молодаго Англичанина, проживавшаго нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ по коммерческимъ дѣламъ и выучившагося тамъ по русски въ такой степени, что онъ могъ успѣшно совершить настоящій трудъ; издатель же съ своей стороны только просмотрѣлъ его переводъ и раздѣлилъ его на главы, какъ привыкли къ тому Англичане.

Между тѣмъ у насъ, сколько извѣстно, никогда не бывало ни литератора, носившаго фамилію „Воклонъ", ни романа подъ заглавіемъ „Радзивилъ". А какъ и вся фактура настоящаго романа вполнѣ англійская, то нѣтъ сомнѣнія, что исторія о русскомъ его происхожденіи принадлежитъ воображенію англійскаго издателя, имѣвшаго цѣлью посредствомъ этой выдумки возбудить бóльшее любопытство публики и скорѣе распродать свою книгу. Должно думать, что онъ какъ нибудь узналъ о Волковѣ (Александрѣ Андреевичѣ, ум. 1788), котораго комедіи давались въ то время на придворномъ театрѣ, и, чтобы придать своей выдумкѣ нѣкоторую правдоподобность, прямо приписалъ свой романъ этому сочинителю, не умѣвъ между тѣмъ хорошенько назвать его фамилію.

X. Belauschte Reverien des Wasili Timofewiz, Popen zu Kiew. Aus dem Russischen übersetzt. Rom 1790 (8°) 77 стр.

Полумистическая и полусатирическая брошюра о философіи, о вѣрѣ въ исторіи, о чудесахъ, началѣ міра, безсмертіи души и т. п., въ которой нѣтъ ничего русскаго, ни даже и намекающаго на что-нибудь русское, кромѣ развѣ воззваній къ святителю Николаю. „Переводъ съ русскаго" есть здѣсь такая же фикція, какъ и означеніе мѣстомъ изданія «Рима». По удостовѣренію нѣмецкихъ библіографовъ, эта брошюра была напечатана въ Офенбахѣ, близь Франкфурта на Майнѣ.

XI. Russische Feldpredigt, welche an Schlesiens Grenze unter freyem Himmel von einem Popen oder russischen Feldpriester gehalten wurde. Nebst den dabey abgesungenen Liedern. s. l. 1807 (8°) 16 стр.

Дѣйствительно ли было произнесено это слово и существуетъ ли оно въ печати на русскомъ языкѣ, рѣшить трудно. Складомъ своимъ оно, конечно, довольно близко подходитъ къ обыкновенному строю нашихъ проповѣдей; но съ другой стороны въ немъ встрѣчаются и мѣста въ родѣ слѣдующаго: „А вы, любопытные Нѣмцы, пришедшіе послушать мое слово, что̀ вы о насъ думаете? Не воображаете ли, что мы язычники, потому что насъ называютъ старовѣрами (?) ? Нѣтъ, мы такіе же христіане, какъ и вы, и притомъ самые старинные, ведущіе свое начало отъ первобытной Христовой церкви и Апостоловъ. Нашъ языкъ есть греческій (?), тотъ, на которомъ написанъ Новый Завѣтъ. У насъ существуетъ и св. Крещеніе и св. Причащеніе, и разница только въ томъ, что дѣтей нашихъ погружаютъ въ воду. Итакъ считайте насъ за истинныхъ христіанъ и пр." Даже и предположивъ, что такъ могъ говорить православный священникъ, все же остается наразрѣшеннымъ: если онъ произнесъ свое слово по русски, то что̀ могли понять изъ приведенныхъ фразъ нѣмецкіе слушатели, а если по нѣмецки, то что̀ могли разумѣть русскіе солдаты, къ которымъ было обращено остальное содержаніе слова?

XII. Publicola. A sketch of the times and prevailing opinions from the Revolution in 1800 to the present year 1810. Adressed to the people of England, and now first translated from the Russian copy. London s. a. (1810). Printed for J. Wright, № 169, opposite Old Bond-Street, Picadilly (8°) 152 стр.

Чисто англійскій памфлетъ противъ тогдашняго министерства Аддингтона, выведеннаго здѣсь на сцену, будто бы въ сонномъ видѣніи, подъ именемъ „Публиколы". Мнимый переводчикъ говоритъ, будто бы авторъ книги родомъ Русскій, получилъ воспитаніе въ Англіи, потомъ десять лѣтъ (1792—1802) служилъ въ Россіи и наконецъ, услышавъ, въ бытность свою по службѣ, на берегахъ Волги, о происшедшемъ въ Англіи большомъ политическомъ переворотѣ, поспѣшилъ туда отправиться. За тѣмъ вся книга трактуетъ исключительно объ Англіи, и какъ ея тонъ, такъ и все содержаніе несомнѣнно обличаютъ, что она родилась не на русской почвѣ.

XIII. Des avantages attachés à la clôture des femmes et des inconvénients inséparables de leur liberté; ouvrage traduit du Chinois en Russe, par le Prince Karikof, et du Russe en Français, par A. D... Paris chez A. Lanoe, rue de la Harpe, № 78 Et chez Crochard, libraire, rue de l'Ecole de Médécine, № 3. 1816 (12°) XXXII и 177 стр.

Во время перваго занятія Парижа союзными войсками, посѣтилъ меня (говоритъ сочинитель предувѣдомленія, подъ которымъ онъ впрочемъ не подписалъ своей фамиліи) одинъ русскій офицеръ высшаго чина и, заявивъ себя членомъ извѣстнаго германскаго *тугендбунда*, предложилъ мнѣ перевести, какъ можно скорѣе, принесенную имъ русскую рукопись — сдѣланный отцомъ его переводъ одного назидательнаго китайскаго сочиненія о женщинахъ. Основываясь на его увѣреніи, что отъ распростране-

нія на Западѣ великихъ истинъ, заключающихся въ этомъ сочиненіи, нельзя не ожидать особенной пользы и для моего отечества и для Европы вообще, и что переложеніе его отца свѣрено съ подлинникомъ оріенталистами Московскаго университета, я обѣщалъ ему сдѣлать просимый переводъ и теперь исполняю данное мною слово; а чтобы отклонить всякое подозрѣніе въ томъ, что я укрываюсь здѣсь подъ чужою личиною, изъявляю полную готовность показать всякому желающему рукопись, служившую мнѣ оригиналомъ.

За этимъ предувѣдомленіемъ, котораго мы передали только сущность, и за оправдательнымъ письмомъ мнимаго переводчика къ Европейкамъ («aux Européennes») слѣдуетъ письмо князя Карикова, «ancien kan Tartare», написанное будто бы изъ Иркутска 22-го мая 1811-го года, при которомъ онъ доставилъ свой русскій переводъ въ Москву, къ графу Красилину, и въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о происхожденіи переведенной рукописи и другія о ней подробности. Наконецъ въ самомъ текстѣ книги, написанномъ на тему, означенную въ ея заглавіи, т. е. въ доказательство, что женщинъ должно держать въ заперти, отнюдь не допуская до сообщенія съ мужчинами, всего замѣчательнѣе то, что *Китайскій* ученый безпрестанно приводитъ и опровергаетъ разныхъ французскихъ писателей, выказывая при томъ полнѣйшее знаніе *французской* литературы.

По свидѣтельству Барбье (№ 1409) авторомъ этой мистификаціи, не представляющей впрочемъ ничего особенно замысловатаго, былъ малоизвѣстный французскій писатель Дельпла (Delpla).

XIV. Observations on the dangerous tendency of establishino secret Charity Societies, as the may affect the hapiness of Society at large, and the wellbeing of the State. In a latter adressed to the Churchwardens of the foreign Churches, and to the Patrons of all the private charitable Societies in St. Petersburg. By General Dobrodaytel. Translated from the Russian Language. London. Printed for Thomas and George Underwood, Fleet - Street (London. Printed by J. Moyes, Greville-Street). 1822 (8°) 16 стр.

Брошюра, разумѣется, никогда не появлявшаяся на русскомъ языкѣ; фамилія ея автора «Dobrodaytel», повторенная снова въ концѣ брошюры, съ означеніемъ и мѣста написанія: «St Petersburg, Nov. 1821», есть не иное что, какъ (неоткрытый нами) псевдонимъ.

Содержаніе брошюры состоитъ въ предостереженіи Англичанъ (безъ всякаго отношенія къ Россіи) отъ пожертвованій на такія мнимоблаготворительныя общества, которыя не даютъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и суммахъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА.

Доставленіемъ нижеслѣдующихъ драгоцѣнныхъ бумагъ почтилъ наше изданіе *князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.* Печатаемъ ихъ съ чувствомъ историческаго благоговѣнія, подобающаго той вѣчно-славной эпохѣ, къ которой большая часть этихъ бумагъ относится. Нечего, кажется, указывать на важность такихъ наглядныхъ изображеній великаго 1812 года, коимъ доставитель своимъ введеніемъ и примѣчаніями сообщилъ значеніе подлинной исторической картины. *Остафьево* — подмосковное село князя П. А. Вяземскаго, памятное пребываніемъ Карамзина, трудившагося тамъ надъ своею Исторіею. Оно описано въ задушевныхъ стихахъ самаго владѣльца (см. „Въ дорогѣ и дóма, собраніе стихотвореній кн. Вяземскаго“, стр. 264).

I. ПИСЬМА 1812 ГОДА.

Предлагаемыя здѣсь письма не сообщаютъ новыхъ, неизвѣстныхъ свѣдѣній, не пополняютъ, не поясняютъ событій новыми указаніями и подробностями; но не менѣе того они, кажется, не лишены нѣкоторой занимательности. Во первыхъ, они писаны лицами болѣе или менѣе извѣстными. Во вторыхъ, въ нихъ, хотя мелькомъ и слегка, а проглядываютъ воззрѣнія и впечатлѣнія современниковъ, и можно въ нихъ прислушаться къ говору и общему мнѣнію тогдашней эпохи. Минувшее сохранило въ нихъ всю свѣжесть и живость дня и минуты, въ которые эти письма были написаны. Настроеніе духа и чувствъ— общее и единодушное; но каждая личность является съ своими оттѣнками и характеромъ, ей свойственными.

Впрочемъ принадлежитъ исторіи одна строка изъ писемъ Карамзина, передающая намъ готовность его идти съ Нижегородскимъ ополченіемъ на освобожденіе Москвы. Видно, что историкъ не только помнилъ въ Нижнемъ о Мининѣ и Пожарскомъ, не только способенъ былъ описать ихъ подвигъ, но и на дѣлѣ сродниться съ нимъ.

Въ числѣ другихъ, особенно замѣчательно письмо А. И. Тургенева отъ 27 октября 1812 года. Въ немъ есть что-то и пророческое, и зрѣло обдуманное. Вѣроятно, не многіе изъ политическихъ и государственныхъ людей того времени такъ спокойно и такъ вѣрно смотрѣли на совершающіяся событія, такъ здраво оцѣнивали послѣдствія и плоды, которые Россія могла бы извлечь изъ нагрянувшаго на нее бѣдствія, и такъ мѣтко указывали на развязку этой потрясающей и кровавой драмы. Остолоповъ, которому въ Вологдѣ показывалъ я это письмо, присвоилъ себѣ и переложилъ на стихи одну строку изъ сего письма. Въ одномъ изъ стихотвореній своихъ сказалъ онъ:

Но что еще предвижу?
Намъ зарево Москвы освѣтитъ путь къ Парижу.

Дѣло въ томъ, что не онъ это предвидѣлъ; и вѣроятно никто, за исключеніемъ Тургенева, въ то время того не предвидѣлъ, и во всякомъ случаѣ, не имѣлъ сознательной смѣлости это высказать.

Мнѣ особенно пріятно огласить это письмо съ тѣмъ, чтобы настоящаго Тургенева, того, котораго любили и уважали Карамзинъ и Жуковскій, противопоставить вымышленному Тургеневу, который такъ недоброжелательно и невѣрно выведенъ Вигелемъ въ извѣстныхъ его Запискахъ. Какъ современникъ и зритель многихъ событій, имъ описанныхъ, и коротко знавшій многія лица, имъ изображенныя, почитаю не лишнимъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы, въ

предостереженіе читателямъ, высказать здѣсь мое мнѣніе объ этихъ Запискахъ. По скудости нашей въ подобныхъ твореніяхъ, Записки Вигеля любопытное и драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей народной и общежитейской литературы. Онѣ писаны умно и мѣстами довольно художественно. Есть живость и увлекательность въ разсказѣ, въ картинахъ и портретахъ, нерѣдко бойкою кистью схваченныхъ. Вотъ хорошая, лицевая сторона этихъ Записокъ. Но есть въ нихъ и важный недостатокъ; должно читать ихъ, слѣдуетъ довѣрять имъ съ большою осторожностью. Вигель самъ не принадлежалъ къ числу дѣятелей эпохи, имъ описываемой; за нѣкоторыми исключеніями не былъ онъ съ ними ни въ связи, ни въ сношеніи. Однимъ словомъ, былъ онъ внѣ дѣйствующей и вліятельной среды. Многое разсказано имъ по городскимъ слухамъ, сплетнямъ, кривымъ толкамъ судей, не призванныхъ и мало свѣдущихъ. Ничего у него не провѣрено, не изслѣдовано критически. Авторъ имѣлъ замѣчательный, природный и даже довольно образованный умъ. Скажу болѣе, я убѣжденъ, что онъ имѣлъ даже и мягкое, доброе сердце; но раздражительный, щекотливый нравъ его портилъ въ немъ дары природы. Во многихъ отношеніяхъ узкость понятій, мелкое чиновничество, доводившее самолюбіе его до малодушія, затмѣвали свѣтлый умъ его. Способный любить и уважать достойныхъ людей, онъ былъ злопамятенъ въ бездѣлицахъ и за бездѣлицы. Онъ не прощалъ, если не отплатятъ ему тотъ часъ же визита его, если нарушатъ въ немъ права мѣстничества, то есть посадятъ его за столомъ, не на мѣсто, которое онъ считалъ подобающимъ чину его, если при посѣщеніи продолжаешь курить сигарку, которой не переносили его слабые и причудливые нервы. Все это вносилось имъ въ книгу расчетовъ и обязательствъ, по которымъ онъ рано или поздно производилъ свои взысканія и накладывалъ пени на провинившихся предъ нимъ. Въ теченіи жизни, онъ неоднократно ссорился не только съ отдѣльными лицами, но съ цѣлыми семействами, съ городами, областями и народами. Не претерпѣвшій никогда особеннаго несчастія, онъ былъ несчастливъ самъ по себѣ и самъ отъ себя. Можно сказать, что, при обстоятельствахъ довольно благопріятныхъ, онъ болѣзненно прошелъ жизнь свою, безпрестанно уязвляемый иглистыми терніями и булавками, которыми онъ самъ осыпалъ дорогу свою. Все это отражается въ Запискахъ его и лишаетъ ихъ того здраваго и внушающаго довѣренность характера, который составляетъ прямое и главное достоинство историческихъ и личныхъ Записокъ. *К. В.* (1)

---

(1) Вигель самъ уже принадлежитъ исторіи. Можно бы привести множество анекдотовъ, доказывающихъ его чрезвычайную впечатлительность и порою несносную раздражительность. Въ 1853 г. одинъ молодой человѣкъ имѣлъ случай съ нимъ познакомиться, и не только выслушать всѣ семь томовъ его Записокъ, но даже получать ихъ на домъ для выписокъ и извлеченій. Но это благоволеніе продолжалось только мѣсяцъ. Вигель вызвался привести своего новаго знакомца на вечеръ въ одно почтенное, знатное семейство, гдѣ собирались многіе лучшіе люди Московскаго общества; условлено было, что Вигель за нимъ заѣдетъ. Но передъ тѣмъ юному знакомцу случилось быть у него и какъ-то нечаянно выразиться, что торжество Наполеона III-го во Франціи не можетъ быть причислено къ отраднымъ явленіямъ Европейской исторіи; между тѣмъ какъ Вигель радовался отъ души подавленію республики. Въ условленный вечеръ Вигель не заѣзжаетъ; мало того, черезъ нѣсколько дней профессоръ С. П. Шевыревъ счелъ нужнымъ предостеречь молодаго человѣка, что на томъ самомъ вечерѣ, куда ему не удалось попасть, Вигель въ многочисленномъ обществѣ изображалъ его крайне опаснымъ юношей, зараженнымъ идеями французской революціи. — Увѣряютъ, что самыя Записки имѣются въ двухъ экземплярахъ: въ одномъ отдѣланы, въ другомъ пощажены извѣстныя лица, и авторъ бралъ ихъ читать, смотря по тому, куда ѣхалъ. Тѣмъ не менѣе хозяевамъ иногда приходилось

1. (Графа) М. А. Милорадовича.

Mon prince! Je me trouve très flatté de l'honneur que vous voulez me faire de servir avec moi, et je m'empresse d'en écrire au comte Rostopchine pour en avoir son agrément. Vous aurez la bonté de vous rendre à l'armée par Mojaisk et Wiasma, pour entrer dans les fonctions de mon adjudant. J'ai l'honneur d'être avec respect et une considération très distinguée, mon prince, votre très humble et obéissant serviteur

Miloradovitch.

Kalouga
14 août 1812.

Переводъ. Князь! Для меня очень лестно, что вы желаете оказать мнѣ честь— служить вмѣстѣ со мною, и я тотчасъ же пишу о томъ къ графу Ростопчину, чтобы испросить его согласія. Сдѣлайте милость, поѣзжайте въ армію, черезъ Можайскъ и Вязьму, и тамъ вступите въ должность моего адъютанта. Съ отличнымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою *Милорадовичъ.* Калуга, 14 августа 1812.

бывать въ самомъ неловкомъ положеніи. Послѣ одного изъ такихъ чтеній сочинены были стихи, въ которыхъ между прочимъ сказано:

И въ Москвѣ, въ Нерчинскѣ-ль, въ Ригѣ-ль,
Нѣтъ нигдѣ тебѣ житья!
О Филиппъ Филиппычъ Вигель,
Не красна судьба твоя!

Конецъ этого (во всякомъ случаѣ чрезвычайно даровитаго и замѣчательнаго между прочимъ по честности въ службѣ) человѣка, былъ горестенъ. Онъ умеръ всѣми оставленный, на рукахъ наемной прислуги, 20 марта 1856 г. (См. нашъ Некрологъ его въ Москов. Вѣдом. 1856 г.).

П. Б.

2. К. Н. Батюшкова.

(Москва, Августъ 1812 г.).

Я пріѣхалъ нѣсколько часовъ послѣ твоего отъѣзда въ армію. Представь себѣ мое огорченіе; и ты, мой другъ, мнѣ не оставилъ ниже записки! Сію минуту я поскакалъ бы въ армію, и умеръ съ тобою подъ знаменами отечества, еслибъ Муравьева([2]) не имѣла во мнѣ нужды. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ я ее оставить не могу: повѣрь, мнѣ легче спать на бивакахъ, нежели тащиться во Владиміръ на протяжныхъ. Изъ Володиміра я прилечу въ армію, если будетъ возможность. Дай Богъ, чтобъ ты былъ живъ, мой милый другъ! Дай Богъ, чтобъ мы еще увидѣлись! Теперь, когда ты подъ пулями, я чувствую вполнѣ, сколько тебя люблю. Не забывай меня. Гдѣ Жуковскій?

Батюшковъ.

*

(Изъ Нижняго).

Я обрадовался твоему письму, какъ самому тебѣ. Отъ Карамзиныхъ узналъ, что ты поѣхалъ въ Вологду и не могъ тому надивиться. Зачѣмъ не въ Нижній? Впрочемъ все равно! Нѣтъ ни одняго города, ни одняго угла, гдѣ бы можно было найти спокойствіе. Такъ, мой милый, любезный другъ: я жалѣю о тебѣ отъ всей души; жалѣю о княгинѣ, принужденной тащиться изъ Москвы до Ярославля, до Вологды, чтобы родить въ какой нибудь лачугѣ; радуюсь тому, что добрый геній тебя возвратилъ ей,

---

([2]) Екатерина Ѳедоровна Муравьева, вдова извѣстнаго писателя, по мужу дальняя родственница Батюшкова, и заступавшая ему мѣсто матери. Въ Русскомъ Архивѣ будутъ помѣщены письма Батюшкова къ этой достопамятной въ исторіи нашего просвѣщенія женщинѣ. *П. Б.*

конечно на радость. При всякомъ несчастіи, съ тобой случившемся, я тебя болѣе и болѣе любилъ. Сѣверинъ тому свидѣтель. Но дѣло не о томъ. Ты меня зовешь въ Вологду, и я конечно пріѣхалъ бы не замедля минутой, еслибъ была возможность, хотя Вологда и ссылка для меня одно и тоже. Я въ этомъ городѣ бывалъ на короткое время, и всегда съ новыми огорченіями возвращался. Но теперь увидиться съ тобою и съ родными (*) для меня будетъ пріятно, если судьбы на это согласятся; въ противномъ случаѣ я рѣшился — и твердо рѣшился — отправиться въ армію, куда и долгъ призываетъ, и разсудокъ, и сердце, сердце, лишенное покоя ужасными происшествіями нашего времени. Военная жизнь и биваки меня вылѣчатъ отъ грусти. Москвы нѣтъ! Потери невозвратныя! Гибель друзей, святыня, мирное убѣжище наукъ, все оскверненно шайкою варваровъ! Вотъ плоды просвѣщенія или, лучше сказать, разврата остроумнѣйшаго народа, который гордился именами Генриха и Фенелона. Сколько зла! Когда будетъ ему конецъ? На чемъ основать надежды? Чѣмъ наслаждаться? А жизнь безъ надежды, безъ наслажденій—не жизнь, а мученіе. Вотъ что меня влечетъ въ армію, гдѣ я буду жить физически, и забуду на время собственныя горести и горести моихъ друзей (³).

(*) Сестрами. *К. В.*

(³) Какъ напоминаются этими строками и подтверждаются въ своей искренности извѣстные стихи Батюшкова къ Д. В. Дашкову.

Мой другъ! я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары:
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ:
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.....
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой,
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!

Батюшковъ (и прежде храбрый воинъ) вскорѣ потомъ поступилъ вновь на службу адъютантомъ къ генералу Бахметеву, и участвовалъ въ славныхъ бояхъ 1813 и 1814 годовъ. *П. Б.*

Здѣсь я нашелъ всю Москву. Карамзина, которая тебя любитъ и любитъ и уважаетъ княгиню, жалѣетъ, что ты не здѣсь. Мужъ ея поѣхалъ на время въ Арзамасъ. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ плачетъ неутѣшно: онъ все потерялъ кромѣ жены и дѣтей. Василій Пушкинъ забылъ въ Москвѣ книги и сына: книги сожжены, а сына вынесъ на рукахъ его слуга. Отъ печали Пушкинъ лишился памяти и насилу вчера могъ прочитать Архаровымъ басню о соловьѣ. Вотъ до чего онъ и мы дожили! У Архаровыхъ сбирается вся Москва или, лучше сказать, всѣ бѣдняки: кто безъ дома, кто безъ деревни, кто безъ куска хлѣба, и я хожу къ нимъ учиться физіономіямъ и терпѣнію. Вездѣ слышу вздохи, вижу слезы — и вездѣ глупость. Всѣ жалуются и бранятъ Французовъ по французски, а патріотизмъ заключается въ словахъ: *point de paix!* Истинно много, слишкомъ много зла подъ луною; я въ этомъ всегда былъ увѣренъ, а нынѣ сдѣлалъ новое замѣчаніе. Человѣкъ такъ сотворенъ, что ничего вполнѣ чувствовать не въ силахъ, даже самаго

зла: потерю Москвы немногіе постигаютъ. Она, какъ солнце, ослѣпляетъ. Мы всѣ въ чаду. Какъ бы то ни было, мой милый, любезный другъ, такъ было угодно Провидѣнію!

Тебѣ же, какъ супругу и отцу семейства, потребна рѣшительность и великодушіе. Ты не все потерялъ, а научился многому: Одиссея твоя почти кончилась. Умъ былъ, а разсудокъ пришелъ. Не унывай и наслаждайся пока дружбою людей добрыхъ, въ числѣ которыхъ и я: ибо любить умѣю моихъ друзей, и въ горѣ они мнѣ дороже. Кстати о друзьяхъ: Жуковскій, иные говорятъ въ арміи, другіе въ Тулѣ. Дай Богъ, чтобы онъ былъ въ Тулѣ, и поберегъ себя для счастливѣйшихъ временъ ([4]). Я еще надѣюсь читать его стихи; надѣюсь, что не все потеряно въ нашемъ отечествѣ, и дай Богъ умереть съ этой надеждою. Если же ты меня переживешь, то возьми у Блудова мои сочиненія, дѣлай съ ними что хочешь; вотъ все что могу оставить тебѣ. Можетъ быть, мы никогда не увидимся! Можетъ быть, штыкъ или пуля лишитъ тебя товарища веселыхъ дней юности.... Но я пишу письмо, а не элегію; надѣюсь на Бога и вручаю себя Провидѣнію. Не забывай меня и люби какъ прежде. Княгинѣ усердно кланяюсь и желаю ей счастливо родить сына, а не дочь.

Константинъ Батюшковъ.

3 Октября.

Познакомься съ моимъ зятемъ, и полюби его: онъ добрый человѣкъ и меня любитъ, какъ брата. Засвидѣтельствуй мое почитаніе Юрію Александровичу ([5]); мы думали здѣсь, что онъ поѣхалъ въ Казань. Пиши въ Нижній Новгородъ и не пропусти почты, иначе письмо твое меня не застанетъ. Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ къ должности, или въ армію, тотчасъ по полученіи денегъ. Я не пишу о подробностяхъ взятія Москвы варварами: слухи не всѣ вѣрны, да и къ чему растравлять ужасныя раны?

Зять Батюшковъ Шипиловъ бывшій, въ послѣдствіи директоромъ одной изъ Петербургскихъ гимназій, а потомъ директоромъ Гатчинскаго института. Разумѣется, мы вскорѣ познакомились и сблизились съ нимъ и сестрами Батюшкова.

*

Возвратившись въ Москву изъ арміи послѣ Бородинской битвы, выѣхалъ я изъ города въ Ярославль вмѣстѣ съ Н. М. Карамзинымъ, на канунѣ занятія нашей бѣлокаменной Французами ([6]). Жены наши находились уже въ Ярославлѣ. Оставаться въ немъ нечего было и думать: незваныхъ гостей ждали и въ Ярославлѣ, и въ слѣдъ за великою княгинею Екатериною Павловною поспѣшно выѣхали и многіе жители и пріѣзжіе. Карамзины рѣшились ѣхать въ Нижній Новгородъ, чтобы находиться въ близости помѣстья своего въ Арзамаскомъ уѣздѣ. Моя деревня была подъ Костромою. Я заѣхалъ въ свое село Красное, чтобы запастись по возможности деньгами, а оттуда отправился въ Вологду. Выборъ мой палъ на этотъ городъ потому, что въ Вологду ѣхалъ нашъ знакомый, зна-

([4]) В. А. Жуковскій (бывшій издатель Вѣстника Европы, тогдашній ополченецъ и участникъ Бородинскаго боя) въ это время дѣйствительно нашелъ случай побывать на короткое время въ своей родной семьѣ подъ Орломъ. Скоро онъ возвратился къ арміи. Его Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ былъ тогда у всѣхъ на устахъ и разошелся въ трехъ изданіяхъ. *П. Б.*

([5]) Нелединскому, который, съ супругою и дочерью, находился тогда въ Вологдѣ. Нелединскій завѣдывалъ училищами Воспитательнаго дома, поѣхавшими въ Казань: вотъ почему Батюшковъ думалъ, что онъ тамъ. Но въ Казань повезъ воспитанниковъ и воспитанницъ товарищъ Нелединскаго по этой службѣ, А. М. Лунинъ. *П. Б.*

([6]) Т. е. 1-го сентября, въ воскресенье.

менитый московскій врачь и акушеръ Рихтеръ. Жена моя была беременна первымъ своимъ ребенкомъ и вскорѣ должна была родить. Въ ожиданіи родовъ ея, Рихтеръ просиживалъ у насъ цѣлые часы и въ комнатѣ предъ спальнею ея писалъ извѣстное свое сочиненіе о медицинѣ въ Россіи (7).

3. Юнкера, бывшаго адъютантомъ при Милорадовичѣ.

Vilna, 7 décembre 1812.

Ayant ignoré votre séjour, mon prince, je n'ai pu avoir l'honneur de vous écrire pour vous donner de nos nouvelles et vous annoncer votre nomination de chevalier de l'ordre de St. Vladimir dont la 4-ème classe vous a été décernée pour la journée de Borodino. Je vous en félicite de tout mon coeur et je regrette sincérement, mon prince, que l'état de votre santé ne vous ait pas permis de faire toute cette campagne si brillante pour les armes de Russie. Les affaires où notre général [8]) a commandé en chef, près de Tatarkino, de Tchirikovo, de Gremiatch, de Wiasma, de Dorogobouch, de Crasnoe, où 17 mille hommes ont mis bas les armes, vous auraient donné l'occasion de vous distinguer et de cuellir des lauriers. Il n'y a plus d'ennemis sur le territoite de Russie; une partie de notre avant-garde a deja passé les frontières. L'armée de Napoléon est entièrement détruite, mais détruite à la lettre. Il s'est sauvé avec les maréchaux et une partie de la garde, sans artillerie qu'il a dû abandonner dans le duché de Varsovie où on le poursuit. Les cosaques espèrent le prendre luimême. La quartier-général du maréchal prince Koutousoff est ici. Nous ignorons si c'est pour longtemps et s'il n'ira pas plus loin, ce que nous croyons cependant. Le corps des gardes impériales est dans la ville, les autres corps de l'armée sont cantonnés dans les environs; mais on craint que c'est pour bien peu de temps et que toute l'armée avancera. Je me ferai un plaisir, mon prince, de vous donner de nos nouvelles, dès qu'il y aura quelque chose de nouveau concernant les mouvements de l'armée. Le papier, que le général vous envoye, vous autorise à rester chez vous, tant qu'il vous plait, et doit vous tranquilliser entièrement. J'espère avoir l'honneur de vous voir, mon prince, après la campagne. Nous nous arrangerons alors pour le cheval que vous m'avez laissé et qui s'est ressenti des fatigues de la guerre. Il existe toujours, mais il n'est plus ce qu'il a été. Il est peureux et m'a joué souvent de mauvais tours.

J'ai l'honneur d'être, mon prince, avec une estime particulière et une considération distinguée

votre très humble et très obéissant serviteur

Charles de Junker.

Переводъ. Вильна 7 декабря 1812 г. Князь! Я не зналъ гдѣ вы, и потому не могъ имѣть честь писать вамъ, дабы сообщить наши новости и увѣдомить васъ, что вы кавалеръ ордена св. Владиміра 4-й степени, который вамъ назначенъ за Бородинскій день. Поздравляю васъ отъ всего сердца и искренно сожалѣю, что слабое здоровье не дозволило вамъ участвовать во всей этой кампаніи, столь славной для Россійскаго оружія. Дѣла, въ которыхъ генералъ нашъ былъ главнымъ начальникомъ, при Татаркинѣ, Чириковѣ, Гремячевѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ, Красномъ, гдѣ 17 тыс. человѣкъ положили оружіе, представили бы вамъ случай отличиться и пожать лавры. Больше нѣтъ враговъ на землѣ Русской; часть нашего авангарда уже

(7) Исторія медицины въ Россіи, соч. Вильгельмомъ Рихтеромъ М. 1814—1820. 8°, 3 ч.

(8) Милорадовичь.

выступила за границу. Наполеонова армія уничтожена, въ буквальномъ смыслѣ уничтожена. Съ маршалами и остаткомъ гвардіи (безъ артиллеріи, по неволѣ брошенной) онъ спасся въ Варшавское герцогство, гдѣ его преслѣдуютъ. Казаки надѣятся захватить его самаго.

Главная квартира фельдмаршала кн. Кутузова здѣсь; не знаемъ, на долго ли, и пойдетъ ли онъ дальше, а полагаемъ, что такъ. Гвардія стоитъ въ городѣ, армейскіе полки расположены въ окрестностяхъ; но, кажется, что въ самомъ скоромъ времени вся армія выступитъ впередъ. Мнѣ будетъ очень пріятно сообщать вамъ извѣстія, какъ скоро произойдетъ что нибудь новое относительно движенія арміи. Бумага, посылаемая вамъ отъ генерала, дозволяетъ вамъ оставаться дома, сколько вамъ угодно; слѣдовательно безпокоиться вамъ нечего.

Надѣюсь, князь, что мы увидимся по окончаніи кампаніи, и тогда поговоримъ на счетъ лошади, которую вы мнѣ оставили и которой война дала себя почувствовать. Лошадь жива, но уже не та что прежде. Она пуглива, и мнѣ приходилось имѣть съ нею много возни. Съ отличнымъ уваженіемъ и пр.

Карлъ Юнкеръ.

Г. Юнкеръ былъ адъютантомъ генерала Милорадовича. Двѣ лошади, погибшія подо мною въ Бородинскомъ дѣлѣ, не мнѣ принадлежали; а моя не поспѣла къ дѣлу изъ Москвы и по отъѣздѣ моемъ изъ арміи была оставлена мною на попеченіе и въ распоряженіе Юнкера. *К. В.*

4. Н. М. Карамзина.

Нижній, 16 октября 1812 года.

Любезнѣйшіе князь и княгиня! Отъ глубины сердца радуюсь и поздравляю васъ съ рожденіемъ любезнаго сына. Вы узнали теперь новое чувство, какихъ немного въ человѣческомъ сердцѣ, и которое въ силѣ уступаетъ единственно любви супружеской. Вотъ новый источникъ сладчайшихъ удовольствій въ здѣшней жизни! Рожденіе вашего Андрюши останется на всегда памятнымъ. Мы, изгнанники Московскіе, какъ магометане, будемъ считать годы *Эгирою.* Дай Богъ, чтобы родильница и рожденный были совершенно здоровы, и чтобы Вологда въ послѣдствіи времени не напоминала вамъ ничего, кромѣ пріятнаго! Съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ извѣстій отъ васъ, любезные друзья.

Поздравляю и съ освобожденіемъ Москвы: вчера узнали мы, что Наполеонъ вышелъ изъ нея, заслуживъ проклятія вѣковъ. Что-то будетъ! Теперь работа мечу, а тамъ-работа уму.

Я ѣздилъ въ деревню, гдѣ слышалъ и видѣлъ только печальное. Думаемъ остаться здѣсь, чтобы имѣть хотя насущной хлѣбъ отъ крестьянъ. Вѣроятно, что въ Нижнемъ скоро будетъ просторнѣе. Я собирался было итти отсюда съ ополченіемъ къ Москвѣ, чтобы участвовать въ ея предполагаемомъ освобожденіи, но дѣло обошлось и безъ меча исторіографскаго.

Простите, милые. Нѣжно обнимаю васъ *трехъ.* Можемъ искренно пожелать, чтобы внукъ былъ достоинъ незабвеннаго дѣда (⁹) благородствомъ душевнымъ. Богъ съ вами. Искренно преданный вамъ *Н. Карамзинъ.*

*

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Поздравляю кавалера съ бантомъ и радуюсь, что онъ имѣетъ этотъ знакъ въ память Бородинскаго сраженія, которое предвѣстило Наполеону гибель его ар-

(⁹) Князя Андрея Ивановича Вяземскаго (1750—1807). Очеркъ его жизни и общественнаго положенія можно найти въ Россійскомъ Родословномъ Сборникѣ кн. П. Долгорукова, Спб. 1841. кн. 2, стр. 13—15. *П. Б.*

міи. Однакожъ, любезный другъ, я не совѣтовалъ бы вамъ прежде весны ѣхать въ Польшу,—совсѣмъ не Италію. Что вы сдѣлаете съ княгинею? Гдѣ она будетъ съ маленькимъ? Нетерпѣливо желаемъ узнать о томъ. Мы остаемся при старомъ планѣ: жить здѣсь до мая, а въ маѣ ѣхать въ ваше Остафьево, а изъ Остафьева въ Петербургъ, если не найдемъ въ Москвѣ удобнаго жилища. Впрочемъ для сего надобно, чтобы крестьяне заплатили намъ оброкъ; иначе трудно будетъ выѣхать отсюда. Благодарю преосвященнаго, васъ и княгиню за такъ называемый Бояновъ гимнъ ([10]). Пожалуйста, спросите и меня увѣдомьте, кто имѣетъ оригиналъ, на пергаментѣ писанный, какъ сказано? Гдѣ это найдено, и давно ли извѣстно? кто переводилъ? Ваше, любезный другъ, описаніе Москвы не даетъ охоты видѣть ее. Ужасно слышать и воображать! Не перестаю жалѣть о своей библіотекѣ; радуюсь, что ваша цѣла, равно какъ и мои Остафьевскія книги. Когда увидимся? Когда будемъ жить вмѣстѣ? Простите; мысленно и нѣжно обнимаю васъ всѣхъ трехъ Вяземскихъ. Батюшковъ намъ разсказывалъ о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Благодарю любезную княгиню за гостинецъ. Богъ съ вами. *Карамзинъ.*

Болѣзнь, захватившая меня весною 1813 года въ Ярославлѣ, помѣшала мнѣ ѣхать обратно въ армію. Впрочемъ, я никогда не готовился къ военной службѣ, отъ которой отвлекало меня и слабое здоровіе мое. Осенью 1811 года, въ слѣдствіе сильной простуды, было у меня воспаленіе въ легкихъ, и показывались первые признаки чахотки. Лѣтомъ 1812 года былъ я еще обложенъ пластырями, пользовался исляндскимъ мохомъ и пилъ кобылье молоко. Когда устроилось Московское ополченіе, я все это бросилъ, надѣлъ казацкій чекмень полка гр. Мамонова, случайно познакомился у зятя моего князя Четвертинскаго съ пріятелемъ его генераломъ Милорадовичемъ и такимъ образомъ, можно сказать, также случайно попалъ въ Бородинское дѣло, въ которомъ случайно пали подо мною двѣ лошади, и то еще чужія. Москвичь родомъ и душою, вступилъ я въ военную службу, на защиту матушки-Москвы, не имѣя вовсе въ виду посвятить себя военному поприщу. Съ паденіемъ Москвы, послѣ не совсѣмъ удавшейся попытки отстоять ее на Бородинскомъ полѣ, мнѣ, непризванному воину, казалось и дѣлать болѣе нечего подъ воинскими знаменами.

Весною хотѣлъ я однакоже явиться къ своему генералу и поблагодарить его за Бородинскій гостинецъ, которымъ онъ меня заочно помянулъ. Но прошлогодніе припадки грудной болѣзни моей стали сильно показываться. Я нѣсколько мѣсяцевъ прохворалъ въ Ярославлѣ. Мамоновскій полкъ стоялъ тогда въ Ярославской губерніи. За неимѣніемъ Французовъ подъ рукою, графъ Мамоновъ воевалъ офиціальными бумагами съ Ярославскимъ губернаторомъ княземъ Голицынымъ([11]). Мы всѣ однополчане стояли за начальника своего, и я такимъ образомъ какъ будто состоялъ еще на дѣйствительной службѣ и находился при

([10]) Извѣстный археологическій подлогъ купца Бардина, торговавшаго старинными рукописями. Но многіе, въ томъ числѣ и Державинъ, повѣрили было подлинности этого Боянова гимна, будто бы древнѣйшаго произведенія нашей словесности. *П. Б.*

([11]) Тайн. сов. кн. Михаилъ Николаевичъ Голицынъ (1756—1827). Разсказываютъ, что Мамоновское ополченіе славилось своею неурядицею, что этихъ ополченцевъ называли не Мамоновцами, а Мамаевцами, и что самъ (недавно умершій) гр Матвѣй Александр. Мамоновъ, до того времени служившій въ Сенатѣ, повредился въ умѣ отчасти вслѣдствіе неудачи своего ополченія, которое за границею сожгло цѣлую деревню и тѣмъ навлекло гр. Мамонову строжайшій выговоръ государя. *П. Б.*

дѣйствующемъ отрядѣ. Время длилось, событія поспѣшно слѣдовали одно за другимъ. Не только уже не было въ виду побоища за Москву, но не было и за Россію. Она стряхнула съ себя, разсѣяла, поглотила полчища и племена, на нее нахлынувшія. Мнѣ, стало быть, случайно Московскому ратнику, можно было спокойно и безупречно вложить въ ножны свой казацкой булатъ. Такимъ образомъ военное поприще мое началось и кончилось Бородинской битвой.

Вологодскій преосвященный былъ тогда Евгеній, знаменитый дѣятель нашъ по части Русской исторіи и Русской словесности. По нѣскольку вечеровъ въ недѣлю просиживалъ я у него, иногда вмѣстѣ съ Юрьемъ Александровичемъ Нелединскимъ. Умная и радушная бесѣда любезнаго и гостепріимнаго архипастыря была для насъ неоцѣненнымъ развлеченіемъ въ нашей Вологодской ссылкѣ. *К. В.*

*

Нижній, 14 ноября 1812 г.

Любезнѣйшіе друзья! Прискорбно слышать намъ, что вы не получаете нашихъ писемъ: слѣдственно они пропадаютъ. Мы не забываемъ и не лѣнимся писать къ вамъ, и сами безпокоились, долго не имѣвъ извѣстія о здоровьи родильницы и новорожденнаго. Слава Богу, что мать и сынъ ведутъ себя наилучшимъ образомъ. Непрестанно жалѣемъ, что судьба разлучаетъ насъ въ изгнаніи. Нижній заступаетъ пока мѣсто Москвы: видимъ людей, которыхъ тамъ видали; однакожъ многаго не достаетъ, и все грустно. Думаю приняться за свое дѣло; раскладываю бумаги и книги; однакожъ успѣхъ сомнителенъ: не имѣю и половины нужныхъ матеріаловъ. Московская библіотека моя обратилась въ пепелъ: еще не знаю, что̀ сдѣлалось съ книгами, отправленными мною въ Остафьево. Хорошо, если бы хотя онѣ уцѣлѣли. Наши военныя обстоятельства перемѣнились: наконецъ гонимъ Французовъ. Дай Богъ, чтобы Россія скорѣе очистилась отъ этихъ новыхъ Монголовъ. Нѣсколько глубокихъ язвъ останется! Доживемъ ли до временъ спокойныхъ? Еще не имѣемъ понятія о нашей будущей судьбѣ. Гдѣ будемъ жить? И какъ? Располагаемся однакожъ провести здѣсь всю зиму. Мы рады, что вы не совсѣмъ одни въ Вологдѣ, что Нелединскіе и Кашкины съ вами. Скажите имъ нашъ дружеской поклонъ. Скажите также отъ меня ласковое слово епископу Евгенію; я искренно уважаю его, и буду ему благодаренъ, когда онъ пришлетъ мнѣ вѣрную копію съ гимна Боянова, дѣйствительнаго или мнимаго. Простите, любезнѣйшіе друзья. Обнимаю васъ *трехъ*. Извѣстите насъ о судьбѣ Остафьева. Богъ съ вами. Будьте здоровы, веселитесь Андрюшею и любите насъ. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

*

Нижній, 12 декабря 1812 г.

Любезнѣйшіе друзья! Къ сердечному нашему удовольствію мы получили отъ васъ два письма и знаемъ, что вы, слава Богу! здоровы всѣ *трое*. Жаль, если наши письма пропадаютъ или долго остаются въ дорогѣ. Мы около трехъ недѣль не имѣли объ васъ никакого извѣстія послѣ родинъ княгини: тогда мы очень безпокоились. Теперь переписка наша идетъ регулярно. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ вѣсти, съ которою долженъ возвратиться Демидъ изъ арміи. Вѣсти Остафьевскія насъ крайне огорчили. Любезный Батонди скончался, какъ всегда желалъ, ударомъ. Бѣдный! Онъ не имѣлъ утѣшенія разсказать намъ о своихъ приключеніяхъ. Я плакалъ объ немъ искренно. Миръ его праху! Надѣюсь побывать у него въ гостяхъ на

могилѣ. Бурмистръ Александръ Трифоновъ и другіе ваши люди въ Остафьевѣ горюютъ о томъ, что не получаютъ отъ васъ никакихъ приказаній. Совѣтую вамъ, любезный другъ, написать къ нимъ скорѣе. Есть ли у нихъ хлѣбъ? Дали ли вы повелѣніе доставить его имъ изъ Матова? Вамъ необходимо надобно быть въ Москвѣ, въ Остафьевѣ и въ Тверской или Кашинской деревнѣ, чтобы взять мѣры для возобновленія фабрикъ и заключить контракты съ купцами; охотники, думаю, найдутся. Я съ нѣкотораго времени не здоровъ. Часто грустимъ. Куда поѣдемъ и когда? Извѣстно одному Богу. Доходовъ почти не имѣемъ, а проживаемъ не мало. О Жуковскомъ ничего не знаю. Вѣроятно, что онъ въ штатѣ фельдмаршала. Батюшковъ долженъ быть у васъ. Простите. Богъ съ вами.

Вы конечно не заплатили процентовъ въ банкѣ Петербургскомъ или 25-ти лѣтнемъ, которые должно было послать въ сентябрѣ. Совѣтую вамъ написать въ банкъ съ объясненіемъ нынѣшнихъ обстоятельствъ и съ просьбою, чтобы онъ взялъ терпѣніе; а то я боюсь, чтобы не описали вашего Кашинскаго имѣнія.

Это письмо въ нѣкоторомъ отношеніи живой отпечатокъ характера и чувствъ Карамзина. Съ какою нѣжною и дѣятельною заботливостью печется онъ о дѣлахъ и хозяйственныхъ распоряженіяхъ людей близкихъ сердцу его! И еще въ какое время, когда рѣшалась судьба отечества, и душа Карамзина была еще взволнована грозными событіями, которыя только что начинали утихать и проясняться! Онъ за другихъ озабоченъ дѣлами ихъ, и подсказываетъ имъ, что̀ должны они дѣлать. Признаюсь, въ тогдашнемъ расположеніи духа, удрученный тѣмъ, что̀ было и мало надѣясь на то, что̀ будетъ, я готовъ былъ отказаться отъ всякой дѣятельности и не думалъ о дѣлахъ своихъ. Но пробужденный совѣтами его, въ которыхъ слышался и упрекъ, въ концѣ декабря отправился я въ Москву. Въѣхалъ я въ нее ночью и пораженъ былъ освѣщеніемъ улицъ. Каменьщики и плотники и всякіе мастеровые, при огняхъ, работали и залѣчивали раны, понесенныя Москвою. — Батонди, о которомъ въ письмѣ упоминается, былъ старикъ итальянецъ, чудакъ и существо неразгаданное. Онъ еще отцемъ моимъ былъ принятъ въ домъ нашъ и перешелъ къ намъ по наслѣдству. Никто изъ насъ не могъ провѣдать о происхожденіи и прежней жизни его. Во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ онъ жилъ у меня въ селѣ Остафьевѣ и вѣроятно содѣйствовалъ сохраненію дома и почти всего, что̀ въ немъ было.

Изъ Вологды посылалъ я служителя своего Демида Ѳедорова въ армію съ письмомъ къ генералу Милорадовичу.
К. В.

5. Француза Жуфруа.

Vologda ce 29 Novembre 1812.

Monsieur Jouffroy de St. Germain, chevalier de l'Empire (*sic*) chef d'escadron au neuvième régiment des cuirassiers, à son altesse le prince Wiasemski.

Mon prince,

N'ayant reçu votre lettre qu'hier soir, vers les dix heures, je m'étais figuré que l'invitation dont vous avez bien voulu m'honorer de me faire était pour aujourdhui. Veuillez donc m'excuser si je n'ai pu me rendre à votre maison, ayant pris des engagements qui me retenaient ailleurs. J'ose espérer, mon prince, que je ne démériterai nullement de vous, vous assurant que je suis,

avec le plus profond respect
de votre altesse
le très humble et très obeissant serviteur
M. Jouffroy.

Переводъ. Вологда, 29 ноября 1812. Господинъ Жуфруа де Сенъ-Жерменъ, кавалеръ имперіи, начальникъ эскадро-

на въ 9-мъ кирасирскомъ полку, — его сіятельству князю Вяземскому. Князь! Получивъ ваше письмо только вчера, около 10 часовъ вечера, я вообразилъ, что приглашеніе, коимъ вамъ угодно было почтить меня, относится къ сегодняшнему дню. Извините меня въ томъ, что я не могъ явиться къ вамъ въ домъ, будучи отозванъ въ другое мѣсто. Смѣю надѣяться, что ваше сіятельство не отнесете этого въ дурную сторону и примите увѣреніе и пр. *Жуфруа*.

Въ прогулкахъ моихъ по Вологдѣ, встрѣчалъ я часто плѣнныхъ Французовъ въ самомъ жалкомъ и бѣдственномъ видѣ. Зима была жестокая, а одежда и обувь ихъ были совершенно лѣтнія. Сострадая къ ихъ положенію, я открылъ подписку для сбора нѣкоторой суммы денегъ, на покупку имъ тулуповъ, теплыхъ рукавицъ, валенокъ и проч. Я очень былъ радъ тому, что русскіе штыки, русскія пушки и русскіе морозы истребляютъ на русской землѣ вооруженныхъ Французовъ. Но слѣдуя русской пословицѣ, такъ хорошо выражающей русское чувство: „лежачаго не бьютъ", я не видѣлъ патріотической потребности и обязанности добивать и домаривать обезоруженныхъ Французовъ, находившихся въ плѣну подъ крѣпкимъ карауломъ. Несчастнымъ оказана была посильная помощь. Въ слѣдствіе того и познакомился я съ нѣкоторыми французскими офицерами, приходившими ко мнѣ съ выраженіемъ своей признательности. *К. В.*

6. Д. П. Сѣверина.

7 Октября.

Любезнѣйшій другъ, я получилъ письмо твое изъ Вологды. Оно обрадовало и огорчило меня. Не имѣя о тебѣ никакихъ извѣстій, я чрезвычайно безпокоился, тѣмъ болѣе, что здѣсь кто-то на досугѣ распустилъ слухъ, что ты раненъ. Положеніе твое въ отношеніи къ семейнымъ твоимъ обстоятельствамъ не завидно; надѣюсь однакожъ, что теперь ты отецъ, что княгиня здорова и что ты столько счастливъ, сколько можно быть въ Вологдѣ. Ты не можешь сомнѣваться, чтобы я не раздѣлялъ грусти твоей о участи Москвы; но признаюсь, я не согласенъ съ тобою, чтобы всему былъ конецъ и пр. и пр. Я еще до сихъ поръ надѣюсь и буду надѣяться, если мы не потеряемъ твердости и особенно, если потщимся подражать безсмертнымъ Испанцамъ. Кстати о Испаніи: скажу тебѣ новость, которая должна опечалить и обрадовать тебя. Мой другъ, это послѣднее письмо, которое ты отъ меня получилъ изъ Петербурга. Лишенъ будучи способовъ служить отечеству въ нѣдрахъ его, я съ удовольствіемъ согласился ѣхать въ Испанію съ миссіей. Дружба Россіи съ симъ государствомъ можетъ ускорить рѣшеніе трагедіи въ нашу пользу, и въ этомъ увѣреніи я рѣшился ѣхать въ Испанію, не смотря на то, что *дружба не благословитъ пути моего:* но дружба будетъ несправедлива. Ты не можешь думать, чтобы я покидалъ отечество хладнокровно. Нѣтъ, отъѣздъ мой мнѣ много будетъ стоить, и сердце мое обливается кровію, когда я думаю о томъ что̀ я покидаю. Черезъ недѣлю я долженъ ѣхать вслѣдъ за посланникомъ моимъ, Дмитріемъ Павловичемъ Татищевымъ, человѣкомъ умнымъ и благороднымъ([12]). Возьми карту и слѣдуй за мною въ Або, Стокгольмъ, Готенбургъ, Лондонъ, Фальмутъ, Лиссабонъ и остановися въ Кадиксѣ, гдѣ будетъ мѣсто нашего пребыванія при Юнтѣ. Въ другое время съ какою пріятностію я сдѣлалъ бы тоже самое путешествіе; но теперь, признаюсь, самъ не знаю, какъ его вынесу.

([12]) Д. П. Татищевъ принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ Русскимъ людямъ. Въ послѣдствіи онъ съ честію служилъ посланникомъ въ Вѣнѣ. *П. Б.*

Блудовъ ѣдетъ сегодня въ Стокгольмъ совѣтникомъ посольства и препоручилъ мнѣ увѣрить тебя въ его дружбѣ. Обнимаю тебя. Когда я прощался съ тобою въ Остафьевѣ, думалъ ли тебя такъ долго не видать!

Д. Сѣверинъ.

7. Петра Васильевича Мятлева.

Получа письмо ваше, м. г. кн. Петръ Андреевичъ, почувствовалъ въ первый разъ силу огорченія отъ недостатка, видя себя не въ состояніи ѣхать въ Вологду по дороговизнѣ жизни въ семъ городѣ. Быть съ вами столь бы мнѣ пріятно было, что я предпочелъ бы проводить у васъ зиму всякому другому мѣсту. Домъ мой, библіотека, картины и всѣ мебели, эстампы, рисунки, бронзы сожжены и разграблены. Мы здѣсь имѣемъ вѣрныя извѣстія о всемъ чрезъ выходцевъ изъ Москвы. Многіе выходили оттуда 28 числа сентября и сказывали, что большая часть Москвы выгорѣла. Домъ Николая Евгеніевича Кашкина цѣлъ. Въ ономъ живетъ полковникъ и нѣсколько офицеровъ. Лубянка цѣла. Большая Никитская, Малая, Тверская, обѣ Дмитровки, Петровка, Старая и Новая Басманная, Нѣмецкая Слобода большею частью сгорѣли. Дома Апраксина, Маркова, Университетъ сгорѣли. Но окончивъ сіе печальное увѣдомленіе, скажу еще, что Дм. Александр. Л. со всѣмъ своимъ имѣніемъ сохранился. Онъ сдѣланъ городскимъ головою, ходитъ укращенъ бѣлою лентою черезъ плечо и кокардомъ бѣлымъ на рукѣ, и всѣ солдаты предъ нимъ снимаютъ шляпу. Если увидите *длинную косу*, прошу сказать ей, что по письму ея превосходительства, увѣдомляющему меня, что я въ Вологдѣ помѣщеніе имѣть не могу, я взялъ тотчасъ другія мѣры, коихъ теперь по недостатку перемѣнить не могу.

П. Мятлевъ.

Кострома
(Октябрь 1812.)

Петръ Васильевичъ Мятлевъ былъ уже извѣстенъ въ царствованіе импер. Екатерины II. Онъ былъ женатъ на Прасковьи Ивановнѣ, дочери фельдмаршала гр. Ивана Петровича Салтыкова. Съ европейскою или, если хотите, французскою, образованностію соединялъ онъ русскій острый и веселый умъ. Онъ былъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Дмитріевымъ и Карамзинымъ. О немъ упоминается въ жизнеописаніи Фонъ-Визина. Подъ *длинною косою* вѣроятно подразумѣвался Ю. А. Нелединскій, который носилъ старомодную косу и находился тогда въ Вологдѣ. *К. В.*

8. Н. Ѳ. Граматина.

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ! Вы не повѣрите, какое удовольствіе доставило мнѣ ваше письмо отъ 9 октября; сверхъ того, что я узналъ изъ его, гдѣ вы находитесь, мнѣ пріятнѣе всего то, что вы обо мнѣ помните. Описывая Вологду, вы описываете Кострому: здѣсь такая же грязь, какъ и у васъ, и точно такая же дороговизна въ квартирахъ. Съ бѣдныхъ пріѣзжихъ дерутъ кожу, не помышляя, что завтра ихъ можетъ постигнуть такая же участь. Таковы люди: они знаютъ жалость и состраданіе, когда сами несчастливы; и послѣ жалуются, что имъ никто не хочетъ помочь въ несчастіи! Видно, что теперь вездѣ равно житье, и потому то мнѣ пуще всего жаль, что вы не здѣсь. Туча, кажется, мимо насъ проходитъ; напротивъ того къ намъ безпрестанно пріѣзжаютъ для безопасности. Я думаю, вы знаете, что Москва опять наша, и что даже и полиція туда отправилась. Но я забылся, не Москва, а

пепелище! Черезъ здѣшній городъ на недѣлѣ раза два сотнями гонятъ плѣнныхъ; вы не повѣрите, какъ они оборваны, блѣдны, худы—одно основаніе человѣчества, что то похожее на человѣка. И всему этому причиною одинъ человѣкъ. Боже мой! Если только есть другая жизнь, то мнѣ кажется, вѣчности мало для наказанія за его злодѣйства. Но я уже слишкомъ зафилософствовался въ негодованіи и огорченіи сердца. Простите и пр. и пр.

Граматинъ. (13)

1812, октября 23. Кострома

9. В Л. Пушкина.

Нижній Новгородъ, 14-го декабря.

Наконецъ, любезнѣйшій князь, я дождался письма твоего. Оно меня сердечно обрадовало, въ чемъ я думаю ты и не сомнѣваешься. Поздравляю тебя съ сыномъ. Да будетъ онъ со временемъ твоимъ другомъ и утѣшителемъ!

Я вижу изъ письма твоего, что ты грустишь о Москвѣ, но какъ и не грустить о кормилицѣ нашей? Другой Москвы не будетъ, и часъ отъ часу разореніе столицы намъ будетъ чувствительнѣе. Я потерялъ въ ней все движимое мое имѣніе. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоцѣнная моя библіотека, все сгорѣло. Я ничего вынесть не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности. Что дѣлать? Я благодарю теперь Бога, что Онъ осѣнилъ щитомъ своимъ храбрыя наши войска, поражающія бѣгущаго злодѣя. Аттила нашего вѣка покрылъ себя вѣчнымъ стыдомъ, и бѣдствія наши ни малѣйшей не принесли ему пользы.

Ты спрашиваешь, что я дѣлаю въ Нижнемъ Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ избѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ нѣтъ ни гроша. Вотъ завидное состояніе, въ которомъ я теперь нахожусь. Алексѣй Михайловичъ, однофамилецъ мой, кричитъ громче, и куритъ табакъ болѣе прежняго. Онъ съ утра до вечера играетъ въ карты и выигралъ уже тысячъ до восьми. Я довольно часто бываю здѣсь у Бибиковыхъ и у Архаровыхъ. Кокошкинъ пишетъ изъ Ярославля, что онъ переводитъ Федру. Читалъ ли ты подражаніе его пророку Аввакуму? Знаешь ли ты, что Батюшковъ входитъ въ военную службу и будетъ адъютантомъ у Алекс. Ник. Бахметева? Блудова и Сѣверина я ни мало не виню: они служатъ въ дипломатическомъ корпусѣ, и если поѣхали въ чужіе краи, то поѣхали не по пустякамъ. *Баклуши бить*, право скучно. Я это и по себѣ знаю.

Посылаю тебѣ стихи мои къ жителямъ Нижняго Новгорода. Три первые куплета тебѣ извѣстны. Вотъ и послѣдніе. Не знаешь ли ты чего о Жуковскомъ? Пишетъ ли онъ къ тебѣ и здоровъ ли онъ? Прости, любезнѣйшій. Я тебѣ повторяю тоже: надѣйся и мужайся! Богъ милосердъ!

Къ жителямъ Нижняго Новгорода.

Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители бреговъ!
Примите насъ: мы всѣ родные,
Мы дѣти матушки-Москвы!
Веселья, счастья дни златые,
Какъ быстрый вихрь, промчались вы!
Примите насъ и пр.
Чадъ, братій нашихъ кровь дымится,
И стонетъ съ ужасомъ земля,
А врагъ коварный веселится
На башняхъ древняго Кремля!
Примите насъ и пр.

(13) Извѣстный въ свое время литераторъ, въ послѣдствіи бывшій многіе годы директоромъ Костромской гимназіи. Очеркъ жизни и дѣятельности Граматина будетъ помѣщенъ въ *Русскомъ Архивѣ*. П. Б.

Святые храмы оскверненны,
Сокровищи расхищены,
Жилища въ пепелъ обращенны;
Скитаться мы принуждены.
Примите насъ и пр.
Давно ли славою сіяла,
Своей гордилась красотой?
Какъ нѣжна мать, всѣхъ насъ питала,
Москва! что сдѣлалось съ тобой?
Примите насъ и пр.
Тебѣ-ль платить поносны дани,
Подъ игомъ пришлеца стенать?
Отмсти за насъ, Богъ сильный брани,
Не дай ему торжествовать!
Примите насъ и пр.
Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ!
Она и въ бѣдствіяхъ славна!
Погибнетъ онъ! Богъ Русскій грянетъ!
Россія будетъ спасена!

Василій Пушкинъ.

Ив. Ив. Дмитріевъ любилъ Пушкина, но не щадилъ его своими шутками: онъ говорилъ, что эти стихи напоминаютъ ему колодника, который подъ окномъ проситъ милостыню и оборачивается съ ругательствомъ къ уличнымъ мальчишкамъ, которые дразнятъ его. *К. В.*

10. Посланіе Н. Ѳ. Остолопова.

Пріятное твое посланье,
А больше и того желанье
Мой уголочекъ посѣтить,
Могли ль меня не восхитить?
Я внѣ себя — клянусь не ложно.
И если бы мнѣ было можно,
Я самъ къ тебѣ бы полетѣлъ
И познакомиться бъ умѣлъ;
Но вотъ что кажется завязкой:
Могу ль явиться я съ повязкой,
Съ ужасной, черной головой,
Какъ съ обгорѣлой булавой?
Злодѣи на меня напали,
Ограбили и пощелкали
Такъ сильно, крѣпко, что чуть чуть
Не привелося мнѣ махнуть
Туда.... поспѣшнымъ эстафетомъ.
Всего жъ страннѣе въ дѣлѣ этомъ,
Что мнѣ быть битымъ суждено
Въ тотъ день, когда *Бородино*
На тысячи смотрѣло битыхъ,
Живыхъ еще и ужъ зарытыхъ.
Но дѣло, право, не о томъ:
По чести, въ незнакомый домъ
Предстать уродомъ очень стыдно.
И такъ ужъ по неволѣ, видно,
Я долженъ неучтивымъ быть,
Сперва тебя къ себѣ просить.
Приди — прошу и ожидаю.
Теперь уже воображаю,
Какой отвѣшу я поклонъ;
Скажу: и самъ бы Аполлонъ
Не могъ меня утѣшить болѣ!
Прошу садиться! — въ вашей волѣ!
Но, милостивый государь,
Напрасно Адрессъ-Календарь
Меня считаетъ прокуроромъ;
Я обижаюсь этимъ вздоромъ;
Ужъ мнѣ наскучило шумѣть
И непріятности имѣть
Отъ грусти, что законы строги,
А исполнители — не боги:
Иной кривитъ у насъ душой
За тѣмъ, что все цѣной большой
Въ рядахъ и въ рынкѣ покупаетъ;
Другой кривитъ, какъ задолжаетъ
И денегъ не имѣетъ въ срокъ;
А третій, что карманъ широкъ.
И я, для избѣжанья споровъ,
Изъ званья вышелъ прокуроровъ;
Служу Юстиціи самой,
Смотрю лишь только за собой,
Ни пунктами и ни статьями
Ужъ не поссорюсь я съ судьями. —
Потомъ все это объяснивъ,
Скажу ... Но ахъ, какъ я болтливъ!
Твоею дружбой восхищаясь,
Отъ радости ума лишаясь,
Такъ много я наговорилъ;
Ты осторожнѣй въ этомъ былъ,
Но все меня краснѣть заставилъ,
Что много у себя убавилъ
И подалъ пагубный примѣръ:
Солдата хуже офицеръ!!

Николай Остолоповъ.

6 октября
1812 г.
Вологда.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Вологду написалъ я нѣсколько стиховъ къ Остолопову, уже извѣстному мнѣ по литературѣ, и зазывалъ его на знакомство со мною. Моя записка оканчивалась, сколько мнѣ помнится, слѣдующими стихами:

Ты офицеръ ужъ заслужёный,
А я, я рекрутъ новобранный,
И на Парнассѣ безчиновный,
И нѣтъ заслуги никакой,
Какъ развѣ то, что Музъ служитель,
Прямыхъ талантовъ я почтитель,
И, стало быть, поклонникъ твой.

На эти стихи и намекаетъ послѣдній стихъ посланія Остолопова. *К. В.*

11. Московскаго профессора Шлецера.

Mon prince! Encore une nouvelle et très sure: deux cent vingt pièces de canons prises, douze mille prisonniers,— les débris de l'armée ennemie cernés de tous les côtés à Smolensk. La communication entre Koutousoff et Witgenstein établie, la nouvelle la dessus est venue au prince d'Oldenbourg.

Comme vous irez apparement aujourd'hui à la cathédrale, je n'ose pas vous importuner avec notre bon Horace; mais je viendrai diner chez vous, si vous le permettez et que vous soyez à la maison. *Schlözer.*

Переводъ. Князь! Еще новость, и вѣрная: взято двѣсти двадцать орудій и двѣнадцать тысячъ плѣнныхъ. Это остатки непріятельской арміи, окруженной со всѣхъ сторонъ подъ Смоленскомъ. Сообщеніе между войсками Кутузова и Витгенштейна возстановлено; принцъ Ольденбургскій получилъ о томъ извѣстіе. Такъ какъ по всему вѣроятію сегодня вы пойдете въ соборъ, то я не смѣю васъ безпокоить нашимъ добрымъ Гораціемъ, а приду къ вамъ обѣдать, если позволите и будете дома.

Шлецеръ.

*

Mon prince, j'ai envoyé la toile et l'argent à Batondi, mais le pauvre vieillard etait dejà mort. Je ne suis arrivé ici que depuis une semaine ayant passé plusieurs jours à Jaroslaw et à Mihaëlowskoë, campagne appartenant au prince Dmitri Mihailowitch Scherbatoff, située près de Jaroslaw.

Ici le nombre des habitants augmente chaque jour. Il arrive même dejà plusieurs seigneurs et on voït paraître quelques voitures dans les rues; malgré cela le séjour d'ici est bien triste. Vous ne sauriez vous imaginer quel aspect horrible les maisons incendiées présentent. Quant à moi je n'ai retrouvé de tous mes meubles que quelques débris de mes droschki: tout, tout est brulé. Pas une chaise ne m'est restée. A ma campagne, la même chose. La recolte d'abord a été brulée par les cosaques, puis les ennemis ont incendié la maison et tous les autres batiments servant à l'économie. Il ne m'est resté que quatre *isbàs*, pas une seule vache, pas la moindre provision de paille ou de foin, et à l'exception de six tchétverts de blé sarrasin pas un *seul grain* de blé ou d'avoine &c. Quant aux chevaux, je ne les ai gardés que parcequ'ils étaient absents, pendant les plus grands troubles. Vous ne sauriez vous imaginer toutes les horreurs que ces canibales ont exercées à Moscou et dans les environs. S'ils ont ménagé votre maison *), ne croyez pas que c'etait par un reste d'humanité et de principes; mais uniquement parceque le nombre de vos paysans leur en imposait. Car il faut observer que, dans beaucoup de grands villages, ces voleurs de grands chemins ont été assassinés par les paysans de la manière la plus cruelle. On les a enterrés vifs et brulés à petit feu. Dans les petites campagnes, au con-

---

*) Домъ въ Остафьевѣ. *К. В.*

traire, ils n'ont usé d'aucuns ménagements. Un village près de moi à été complètement brulé et on a tué deux paysans. Chez moi *les aimables français, les soldats français*, appellés ainsi par préférence, ont battu un paysan jusqu'à lui faire perdre l'esprit, en sorte qu'il est mort après quelques jours. Ayant trouvé quelques pièces de faience et de porcelaine ordinaire, ils ont commencé par manger dedans, puis ils les ont employées à un usage tout à fait opposé. Une table de toilette et une autre toutes neuves encore ont été hachées par eux pour chauffer la chambre & &. Ils n'auraient pas laissé une seule isba s'ils ne les avaient gardées pour y demeurer eux mêmes.

Je regrette beaucoup les cinq roubles que j'ai donné à ces monstres à Vologda; dorénavent je les verrai périr sans miséricorde. Qu'ils périssent seulement, ces complices de Buonaparte, qui le sont par méchanceté ou par faiblesse; qu'ils périssent seulement, soit par la bayonette, ou le froid, ou la faim: toujours ce sera un bienfait pour l'humanité d'en avoir purgé notre terre. Au reste ils ont été bien mal, ici à Moscou. De la seule enceinte de la Maison des Enfants Trouvés, on a transporté 2500 cadavres, après que les français sont sortis. La maison du comte Tolstoy, où Richter a demeuré, n' a pas brulé; mon cher et digne ami Villers a décampé avec les français, après avoir un peu trahi et pillé; les autres membres de la municipalité, qui sont restés, ont ballayé les rues, et sont encore enfermés à présent. Il est resté chez vous, si je ne me trompe, mes *Начальныя основанія государственнаго хозяйства*; veuillez bien me les renvoyer. Je vous prie de présenter mes humbles respects à madame la princesse, ainsi qu'à la maison de Neledinsky. En vous remerciant de la bonté dont vous m' avez reçu à Vologda et en me recommandant à la continuation de votre bienveillance, je suis, &...&...

Schloëzer.

Moscou, 20 décembre. 1812.

Переводъ. Князь! Я посылалъ полотно и деньги къ Батонди, но бѣдный старикъ уже умеръ. Сюда я пріѣхалъ всего съ недѣлю, пробывши нѣсколько дней въ Ярославлѣ и въ Михайловскомъ, деревнѣ близь Ярославля, принадлежащей князю Дмитрію Михаиловичу Щербатову [14]).

Народонаселеніе прибываетъ здѣсь ежедневно. Пріѣзжаютъ даже и нѣкоторые изъ знатныхъ господъ; по улицамъ уже довольно экипажей. Но при всемъ томъ, здѣшняя жизнь очень печальна. Вы себѣ не можете представить, какъ ужасно глядѣть на погорѣлые дома. Что до меня, то изо всего движимаго имущества я нашелъ здѣсь только остатки моихъ дрожекъ. Все, все сгорѣло, даже до послѣдняго стула. Въ деревнѣ тоже самое. Сначала весь хлѣбъ спалили казаки; потомъ непріятели сожгли домъ и всѣ другія хозяйственныя постройки. У меня уцѣлѣло лишь четыре избы; нѣтъ ни коровы, ни соломы, ни сѣна, ни зерна ржи или овса, за исключеніемъ шести четвертей гречихи. Лошади цѣлы, но потому, что въ самое опасное время ихъ уводили изъ деревни. Вы не можете себѣ вообразить всѣхъ ужасовъ, совершенныхъ этими каннибалами въ Москвѣ и въ окрестностяхъ. Если они пощадили вашъ домъ, то не думайте, чтобы изъ какого-либо человѣческаго побужденія, а просто потому, что у васъ крестьянъ много, и они ихъ боялись. Надо замѣтить, что во многихъ большихъ селахъ крестьяне жесточайшимъ образомъ предавали смерти этихъ отъявленныхъ воровъ. Ихъ зарывали живьемъ въ

(14) Сыну историка, который и похороненъ въ этомъ Михайловскомъ. У профессора Христіана Шлецера учился племянникъ этого князя Щербатова, извѣстный П. Я. Чаадаевъ. *П. Б.*

землю и сожигали медленнымъ огнемъ. Напротивъ, въ небольшихъ деревняхъ ничто ихъ не удержало. Деревня подлѣ меня была сожжена до тла, и двое крестьянъ убиты. У меня французскіе солдаты, такъ называемые любезные Французы, били одного крестьянина до такой степени, что онъ сошелъ съ ума и черезъ нѣсколько дней умеръ. Нашедши фаянсовую и обыкновеннаго фарфора посуду, они начали ѣсть изъ нея, а потомъ она пошла у нихъ на совершенно противоположное употребленіе. Туалетнымъ и еще другимъ столомъ, совсѣмъ еще новыми, они истопили печку и пр. Ни одной избы не уцѣлѣло бы, если бы имъ самимъ не нужно было гдѣ нибудь жить. Мнѣ очень жаль тѣхъ пяти рублей, которые я далъ въ Вологдѣ этимъ чудовищамъ. Впередъ гибель ихъ не вызоветъ меня на милосердіе. Пусть они погибаютъ, эти вольные и невольные соумышленники Бонапарта; пусть они гибнутъ, отъ штыка ли, отъ холода, или голода: человѣчество во всякомъ случаѣ выиграетъ отъ того, что наша земля отъ нихъ очистится. Впрочемъ здѣсь въ Москвѣ имъ приходилось очень плохо. Изъ одного зданія Воспитательнаго дома вынесено 2.500 труповъ, по выходѣ непріятеля. Домъ графа Толстаго, гдѣ жилъ Рихтеръ, не горѣлъ. Мой милый и достойный другъ Вильеръ *) убрался вмѣстѣ съ Французами, измѣнивъ и пограбивъ; оставшіеся члены муниципалитета, которые мели улицы, теперь еще сидятъ въ заключеніи. У васъ, если не ошибаюсь, остались мои „Начальныя основанія государственнаго хозяйства“. Благоволите мнѣ прислать ихъ. Прошу передать мое нижайшее почтеніе княгинѣ и Нелединскимъ. Благодаря васъ за расположеніе, съ коимъ вы меня принимали въ Вологдѣ и поручая себя, и проч.

Москва 20 декабря 1812.

*) Этотъ Вильеръ прежде содержалъ пансіонъ въ Москвѣ. Наполеонъ сдѣлалъ его оберъ-полицеймейстеромъ. См. о немъ Р. Архивъ 1864 г, стр. 1194.

Профессоръ Московскаго университета Шлецеръ, сынъ знаменитаго нашего историка, былъ, также какъ и мы, заброшенъ въ Вологду Московскою бурею. Я зналъ его уже и прежде, но тутъ коротко сблизился съ нимъ. Онъ ежедневно у насъ обѣдалъ, на щахъ и гречневой кашѣ.

По утрамъ читали мы съ нимъ Горація, котораго онъ мнѣ толковалъ и объяснялъ. Онъ былъ весьма ученый и добродушный чудакъ; правила вѣжливости его — собственно ему одному принадлежали. Напримѣръ, онъ утромъ заходилъ къ знакомымъ во фракѣ, но на званые обѣды являлся въ долгополомъ сертукѣ, объясняя это тѣмъ, что на сертукъ идетъ болѣе сукна, нежели на фракъ и что сертукъ обходится дороже. Послѣ обѣда, онъ вмѣстѣ со мною при женѣ моей курилъ трубку, но не считалъ приличнымъ закуривать ее при дамѣ и въ такомъ случаѣ выбѣгалъ въ другую комнату. Пятирублевая ассигнація, которая такъ тяжело лежала у него на сердцѣ, вѣроятно была выдана имъ по просьбѣ моей въ пользу плѣнныхъ Французовъ.

12. А. И. Тургенева.

С. Петербургъ, 27 октября 1812 года.

Вчера получилъ я, милый другъ князь Петръ Андреевичъ, письмо твое отъ 16 октября изъ Вологды и несказанно обрадовался я, не смотря на то, что оно писано въ упыломъ расположеніи духа. Сѣверинъ не читалъ мнѣ твоего письма къ нему, но сказывалъ о содержаніи оного; и я тогда уже, а еще болѣе теперь, когда дѣла наши ежедневно и примѣтно поправляются, пѣнялъ тебѣ мысленно за отчаяніе, въ которое ты погрузился. Зная твое сердце, я увѣренъ, что ты не о томъ, что̀ потерялъ въ Москвѣ, но о самой Москвѣ тужишь и о славѣ имени Русскаго; но Москва снова возникнетъ изъ пепла, а въ чувствѣ мщенія найдемъ мы источникъ сла-

вы и будущаго нашего величія. Ея развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія, нравственнаго и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду. Война, сдѣлавшись національною, приняла теперь такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отмщеніемъ за безполезныя злодѣйства и преступленія южныхъ варваровъ. Ошибки генераловъ нашихъ и неопытность наша вести войну въ нѣдрахъ Россіи, безъ истощенія средствъ ея, могутъ болѣе или менѣе отдалить минуту избавленія и отраженія удара на главу виновнаго; но постоянство и рѣшительность правительства, готовность и благоразуміе народа и патріотизмъ его, въ которомъ онъ превзошелъ самихъ Испанцевъ (ибо тамъ многіе покорялись Наполеону, и составились партіи въ пользу его: а наши гибнутъ, гибнутъ часто въ безъизвѣстности, для чего нужно болѣе геройства, нежели на самомъ полѣ сраженія); наконецъ примѣръ народовъ, уже покоренныхъ, которые, покрывшись стыдомъ и безславіемъ, не только не отразили удара, но даже и не отсрочили бѣдствій своихъ (ибо конскрипціи съѣдаютъ ихъ, и они, участвуя во всѣхъ ужасахъ войны, не раздѣляютъ съ Французами славы завоевателей-разбойниковъ): все сіе успокоиваетъ насъ на счетъ будущаго, и если мы совершенно откажемся отъ эгоизма, и рѣшимся дѣйствовать для младшихъ братьевъ и дѣтей нашихъ и въ собственныхъ настоящихъ дѣлахъ видѣть только одно отдаленное счастье грядущаго поколѣнія, то частныя неудачи не остановятъ насъ на нашемъ поприщѣ. Безпрестанныя лишенія и несчастія милыхъ ближнихъ не погрузятъ насъ въ совершенное отчаяніе, и мы преднасладимся будущимъ и по моему увѣренію, весьма близкимъ воскресеніемъ нашего отечества. Близкимъ почитаю я его потому, что намъ досталось играть послѣдній актъ въ Европейской трагедіи, послѣ котораго авторъ ея долженъ быть непремѣнно освистанъ. Онъ лопнетъ или съ досады, или отъ бѣшенства зрителей, а за нимъ послѣдуетъ и вся труппа его. Сильное сіе потрясеніе Россіи освѣжитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ мы страшились послѣдствій отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ. Отношенія помѣщиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушенія съ сей стороны нашихъ враговъ совершенно не удались имъ, и мы должны неудачу ихъ почитать блистательнѣйшею побѣдою, не войсками нашими, но самимъ народомъ одержанною. Послѣдствія сей побѣды невозможно исчислить. Они обратятся въ пользу обѣихъ состояній. Связи ихъ утвердятся благодарностію и уваженіемъ съ одной стороны, и увѣренностію въ собственной пользѣ съ другой. Политическая система наша должна принять послѣ сей войны также постоянный характеръ, и мы будемъ осторожнѣе въ перемѣнѣ оной. Мы избѣжали еще другаго зла, которымъ намъ угрожали, но объ этомъ я и намекать не хочу ([15]). Будетъ время, мы свидимся, любезный другъ, и на развалинахъ Москвы будемъ бесѣдовать и вспоминать прошедшее; но конечно прежде должно пріучить себя къ мысли,

---

([15]) Вѣроятно Тургеневъ разумѣетъ здѣсь отношеніе Наполеона къ старообрядцамъ. *П. Б.*

что Москвы у насъ почти нѣтъ, что сія святыня наша обругана, что она богата теперь одними историческими воспоминаніями. Но есть еще остатки древняго ея величія: мы будемъ съ благоговѣніемъ хранить ихъ. Я также потерялъ много съ Москвою, потерялъ невозвратимое, напримѣръ всѣ акты, граматы, библіотеку, но еще право ни разу не жалѣлъ объ этомъ, еще менѣе о другомъ движимомъ имуществѣ и о большой подмосковной. Нажитое опять нажить можно. Лишь бы омыть стыдъ нашествія иноплеменниковъ въ крови ихъ.

Дѣла наши идутъ очень хорошо. Непріятель бѣжитъ, бросаетъ орудія и зарядные ящики; мы его преслѣдуемъ уже за Вязьмою. Послѣднія донесенія князя Кутузова очень утѣшительны. Наполеонъ желаетъ спасти, кажется, одну гвардію; арміею кажется онъ рѣшился жертвовать. Ты вѣрно читаешь всѣ извѣстія въ Сѣверной Почтѣ, и для того я тебѣ не посылаю ихъ; но пришлю копіи съ многихъ интересныхъ перехваченныхъ у непріятеля писемъ. Подпишусь для тебя на Сынъ Отечества, въ которомъ помѣщаются любопытныя статьи. Назначеніе сего журнала было помѣщать все, что̀ можетъ ободрить духъ народа и познакомить его съ самимъ собою. Какой народъ! Какой патріотизмъ и какое благоразуміе! Сколько примѣровъ высокаго чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви къ отечеству. Послѣ буду писать болѣе и чаще. Не забывай и ты меня.

Сѣверинъ уѣхалъ въ Испанію. Блудовъ въ Стокгольмъ. Я остался вѣренъ Петербургу и дружбѣ твоей

весь твой *Тургеневъ.*

29 октября.

*

27 декабря.

Съ сердечнымъ удовольствіемъ получилъ письмо твое, милый другъ Вяземскій. Ничто не можетъ извинить моего молчанія. Я заслужу свой проступокъ длинными и частыми письмами. Сегодня не успѣю. Скажу только, что сейчасъ получено извѣстіе о новыхъ успѣхахъ графа Витгенштейна. Весь корпусъ генерала Іорка, изъ 15,000 состоящій, сдался ему, и уже соединились бывшіе непріятели наши съ нами и идутъ противу общаго врага. Макдональдъ сдается графу Витгенштейну съ 5000 войска и пушками. Онъ уже вступилъ въ переговоры. Въ Пруссіи принимаютъ насъ, какъ избавителей. На слѣдующей почтѣ много, много. Жуковскаго стихи прекрасны, безподобны (*).

Тургеневъ.

*

4 Февраля (1813).

Курьеръ мой изъ Вильны возвратился съ извѣстіемъ, что тамъ уже нѣтъ Жуковскаго, и что онъ 20 декабря, сколько по всѣмъ справкамъ узнать было можно, по выдержаніи въ университетѣ экзамена, уѣхалъ въ армію и произведенъ въ капитаны. Я писалъ къ тамошнему епископу Стройновскому и къ почтъ-директору; они вездѣ о немъ справлялись и ничего болѣе узнать не могли. Теперь я буду писать къ нему въ армію. Сегодня выйдутъ изъ печати стихи его. Въ Сынѣ Отечества напечатаны другія. Я получилъ отъ Блудова изъ Стокгольма письмо. Онъ скучаетъ и жалуется на наше молчаніе. Пиши къ нему, а еще лучше ко мнѣ. Не пѣняй на мои лаконическія письма. Хлопоты разнаго роду, и съ утра до вечера, лишаютъ меня удовольствія бесѣдовать съ друзьями. На то нуженъ досугъ и свободная голова, а у меня нѣтъ ни того ни другаго. Впрочемъ

Пусть всякъ изъ насъ идетъ во слѣдъ судьбѣ своей,
Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ.

(*) Вѣроятно „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ“ *К. В.*

БАСНЯ КРЫЛОВА—ПРИХОЖАНИНЪ.

Въ 11 и 12 выпускахъ Русскаго Архива 1864 года г. Лонгиновъ, говоря о заимствованныхъ басняхъ Крылова, указалъ между прочимъ на источникъ б. Прихожанинъ, которая всѣми и даже самимъ Крыловымъ почиталась оригинальною, и потому ни въ одномъ изъ его изданій не была отмѣчена звѣздочкою. Этотъ источникъ есть эпиграмма Баратона, стариннаго и давно забытаго французскаго писателя, которая въ изданіи его сочиненій 1705 года (¹) озаглавлена не L'Excuse, какъ говоритъ г. Лонгиновъ, а Les Pleureurs. Такъ какъ сочиненія этого писателя не принадлежатъ къ числу общеизвѣстныхъ, то для удобнѣйшаго сравненія его эпиграммы съ б. Крылова приводимъ ее по вышеупомянутому изданію.

Les Pleureurs

Epigramme.

Près de Meudon, dans un village,
Prêchoit un Père Capucin,
Qui le Crucifix à la main,
Pour émouvoir les coeurs mettoit tout en usage.
Sur les peines d'Enfer au long il s'etendoit;
Chacun des assistans pleuroit,
Parmi ces bonnes gens chose assez ordinoire.
Un Paysan de Vaugirard,
Qui se trouvoit là par hazard,
Tranquille, et d'un oeil sec écoutoit le bon Père.
„Tu vois que je pleurons, luy dit le grand Colas,
D'où vient que tu ne pleures pas?
Morgué quand j'avons tous le coeur serré d'angoisse,
Le tien est aussi dur qu'une pierre à fusil.
—Pourquoy pleurerois-je, dit-il,
Je ne suis pas de la Paroisse.

¹) Баратонъ род. въ Парижѣ около середины XVII в. ум. около 1725 г. Собраніе его сочиненій было издано два раза — въ 1704 и въ 1705 г. Послѣднее изданіе, находящееся въ Имп. Публ. Библ., носитъ слѣдующее заглавіе: Poésies diverses, contenant des Contes choisis, Bons Mots, Traits d'Histoire et de Morale, Madrigaux, Epigrammes et Sonnets. Par M. Baraton. Paris.— Упомянутая эпиграмма на стр. 224—2.

Этотъ сюжетъ обработанъ и другимъ французскимъ писателемъ—Ecouchard Lebrun (род. 1729, ум. 1807 г.) подъ заглавіемъ:

Le Sermon.

Un bon curé dans son village
Prêchait la passion si bien
Qu'il n'était bon paroissien
Qui de larmoyer ne fit rage.
Un seul paysan à l'écart
Semblait ne prendre aucune part
A cette universelle angoisse.
— Eh pourqouy ne pleures-tu pas?
Dit quelqu'un. — Moi! répond Lucas,
Je ne suis point de la paroisse.

Теперь могъ бы представиться вопросъ: которое изъ этихъ двухъ стихотвореній дѣйствительно послужило Крылову оригиналомъ? Но объясненіе происхожденія б. *Прихожанинъ*, которое находимъ у М. Лобанова, совершенно устраняетъ такой вопросъ. Вотъ что онъ пишетъ (на стр. 75: *Жизнь и сочин.* И. А. Крылова): „Едва ли какой писатель при жизни своей имѣлъ столько пріятностей, какъ нашъ Крыловъ; едва ли чье либо самолюбіе было такъ лелѣяно даже до упоенія, какъ нашего баснописца; живой онъ уже наслаждался безсмертіемъ. Критика почти не прикасалась къ нему; первыя басни его даже и въ Москвѣ были приняты по достоинству. В. А. Жуковскій отозвался объ нихъ тогда въ журналѣ добросовѣстно и уважительно. Но если въ послѣдствіи Москва не вполнѣ дѣлила восторги Петербурга, вспомнимъ, что въ стѣнахъ ея жилъ заслуженный гражданинъ и знаменитый поэтъ, котораго вѣнокъ ей тяжело было уступить другому. За нѣкоторую ея холодность Крыловъ позволилъ себѣ мщеніе — такова была его натура — въ баснѣ „Прихожанинъ", которую онъ составилъ изъ анекдота о мужикѣ, мною ему случайно разсказаннаго".

И такъ, если вѣрить Лобанову (а не вѣрить ему нѣтъ никакого повода), б. *Прихожанинъ* нельзя почитать заимствованной, потому что Крыловъ самъ во-

все не былъ знакомъ съ французскимъ оригиналомъ. Вѣроятнѣе всего, что Лобановъ, прочитавъ которое нибудь изъ приведенныхъ выше стихотвореній, помнилъ только разсказанный въ нихъ фактъ и сообщивъ его Крылову, забылъ, откуда этотъ фактъ онъ заимствуетъ.

Что касается до повода сочиненія этой басни, то и тутъ мы не находимъ причины сомнѣваться въ словахъ Лобанова. Послѣ извѣстной статьи Жуковскаго, упомянутой Лобановымъ, и рѣзкаго, сухаго отзыва Каченовскаго о *Новыхъ басняхъ Крылова* (изд. 1811 г.) (²), *Вѣстникъ Европы*, бывшій средоточіемъ литературной дѣятельности въ Москвѣ, до самаго 1825 года, когда появилась басня Крылова, нигдѣ даже не упомянулъ его имени (³). Всѣ изданія его басенъ, не говоря уже о тѣхъ басняхъ, которыя являлись отдѣльно въ журналахъ, пройдены молчаніемъ, между тѣмъ какъ петербургскіе журналы не находили словъ для выраженія своего восторга и уваженія къ баснописцу. Конечно, такое невниманіе московской журналистики къ Крылову, избалованному журналистикою и публикою петербургскою, не могло не задѣть его авторскаго самолюбія, которое, какъ видно изъ многихъ фактовъ и особенно изъ б. *Оселъ и Соловей* (⁴), было въ немъ не меньше, чѣмъ въ другихъ; забыть же себя безнаказанно онъ никому не позволялъ. Какъ относились къ нему петербургскіе журналы, видимъ изъ слѣдующихъ словъ Лобанова: „Слава его такъ быстро возрастала, сатира его приняла такой грозный видъ, что наконецъ ни одинъ журналъ, ни одна дворняжка не дерзнула тявкнуть на не-

(²) Полагая, что многимъ изъ нашихъ читателей, не имѣющихъ подъ рукою *Вѣстника Европы*, интересно будетъ знать, какъ отнесся къ Крылову и его баснямъ Каченовскій, этотъ желчный критикъ, одинъ изъ послѣднихъ классиковъ на Руси, предлагаемъ въ извлеченіи его небольшую статью. Сказавъ въ началѣ, что изобрѣтателемъ басни могъ быть не рабъ, а свободный человѣкъ, щадившій чужое самолюбіе, которое «несравненно вспыльчивѣе и взыскательнѣе всякаго тирана», а потому предлагавшій истину подъ покрываломъ аллегоріи, онъ продолжаетъ: «Я этому очень вѣрю, и желаю, чтобы какой нибудь изобрѣтательной умъ выдумалъ безопаснѣйшій способъ писать баснями критическія замѣчанія на книги, и открылъ бы тайну, какъ можно, не расточая невѣжественныхъ похвалъ и не показывая ребяческаго удивленія, угождать сочинителямъ. На бѣломъ свѣтѣ искони такъ ведется, что въ комъ родилась охота напечатать и сдать книгопродавцамъ произведеніе своей Музы, тотъ иногда признаетъ неотъемлемымъ правомъ своимъ папскую непогрѣшительность. Всякой тогда же обязанъ, купивши книгу, непремѣнно восхищаться всѣмъ тѣмъ, что въ ней написано, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ подвергнуть себя жестокимъ ругательствамъ, уликамъ въ невѣжествѣ, въ зависти, въ развратности, въ вольнодумствѣ и даже въ безбожіи. Irritabile genus vatum! Будемъ ожидать съ терпѣніемъ сего спасительнаго изобрѣтенія»... Затѣмъ слѣдуетъ рядъ придирчивыхъ мелочныхъ замѣчаній о словахъ и замѣчаніе о б. *Вороненокъ:* здѣсь по мнѣнію критика, Орелъ неправильно представленъ воромъ, потому что „въ области баснословія орелъ имѣетъ не такой характеръ“, и сверхъ того такое представленіе противорѣчитъ мнѣнію Батте, который говоритъ: „основаніемъ басни должна быть натура или покрайней мѣрѣ *всѣми принятое мнѣніе*“. Статья заключается рѣзкимъ отзывомъ о б. *Свинья*, которую критикъ называетъ *кучею сору и навоза, чудовищемъ*, — и наставленіемъ, что „Піитъ есть художникъ“, а потому и долженъ творить идеалы прекрасные и благородные, а не заражать своего воображенія смрадомъ запачканныхъ нелѣпостей.“ *В. Евр* 1812 г. LXI, № 4, стр. 303—311.

(³) Если исключить замѣчаніе, сдѣланное еще въ 1811 г. Р. Ц., авторомъ *Письма къ пріятелю о третьемъ чтеніи въ Бесѣдѣ люб. рус. сл.* автору *Разсужденія о стихотворствѣ*, что тотъ, упомянувъ о Дмитріевѣ, „умолчалъ о господинѣ Крыловѣ, который въ своемъ родѣ такъ же имѣетъ пріятную и привлекательную кисть.“ (*Вѣст. Евр.* 1811 г. ч. LVIII, № 15, стр. 216).

(⁴) См. нашу замѣтку объ этой баснѣ въ 1 № *Учителя* за 1865 г.

го даже изъ подворотни; а еслибъ и нашлась такая, то услышала бы общій окрикъ:

Ай Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона.

И такъ рѣшительно критики онъ не зналъ; а славѣ, а привѣтствіямъ и похваламъ, хотя усерднымъ, но иногда смѣшнымъ и нелѣпымъ, не было конца". (Стр. 75 и 76).

Въ заключеніе приводимъ вступительные стихи басни, по первой ихъ редакціи въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1825 года:

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній и писатель.
За то уже другой,
Какъ хочешь сладко пой,
Не только, чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дождаться,
Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, можетъ быть, я имъ немного досажу,
Но, вмѣсто басни, быль на это вамъ скажу.

Кто дастъ себѣ трудъ вникнуть въ смыслъ этихъ строкъ, тотъ, конечно не станетъ сомнѣваться въ томъ, что онѣ продиктованы оскорбленнымъ самолюбіемъ, и что самолюбіе это было оскорблено именно тѣмъ, на что̀ указалъ Лобановъ и что̀ мы желали подтвердить настоящею замѣткою.

В. Кеневичъ.

Спб. 1865 года,
31 Октября.

ИМПРОВИЗАЦІЯ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

Дмитрій Веневитиновъ импровизировалъ однажды за ужиномъ у Соболевскаго слѣдующее восмистишіе:

Не даромъ шампанское пѣной играетъ,
Не даромъ кипитъ чрезъ края:
Оно наслажденье намъ въ душу вливаетъ
И сердце намъ грѣетъ, друзья!

*

Оно мнѣ внушило предчувствье святое!
Такъ, счастье намъ всѣмъ суждено:
Мнѣ — пѣною выкипѣть въ праведномъ боѣ,
А вамъ—для свободы созрѣть, какъ вино!

(Сообщено С. А. Соболевскимъ).

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ.

— Къ осени 1865 года у книгопродавца Блеквуда въ Лондонѣ появилась книга подъ названіемъ: „Движеніе науки, искусства и литературы въ Россіи, соч. *Грема* (The Progress of science, art and literature in Russia by *F. R. Grahame*). Книга эта, по отзывамъ критики, есть компиляція, показывающая много труда въ составителѣ; въ концѣ ея приложенъ списокъ именамъ, которыя упоминаются въ книгѣ—ихъ насчитывается 521. Однако, не смотря на трудолюбіе составителя, книгу эту критика считаетъ ненадежнымъ руководствомъ, потому что авторъ не указываетъ вѣрныхъ источниковъ, откуда почерпнулъ свои свѣдѣнія. Сужденія его о русскихъ писателяхъ заимствованы большею частью изъ англійскаго журнала: «Foreign Quarterly Review», и однимъ изъ главнѣйшихъ его авторитетовъ служитъ — довольно легкое литературное сочиненіе о Россіи г-на Эдвардса, подъ названіемъ: Русскіе у себя дома (The Russians at home).

— Въ лѣтнихъ номерахъ журнала «*Bibliothèque Universelle de Genêve*» напечатана во французскомъ переводѣ повѣсть Кохановской „Кириллъ Петровъ и Настасья Дмитрова", появившаяся по русски въ *Днѣ* и обратившая на себя общее вниманіе. Искусный переводъ принадлежитъ, какъ намъ извѣстно, одной изъ нашихъ соотечественницъ.

— Въ 8 и 9 №№ журнала: *Фрезеровъ магазинъ* (Fraser's Magazine) напечатаны въ 2 статьяхъ „Воспоминанія о дворѣ и о времени императора Всероссійскаго Павла I-го до дня его кончины—изъ записокъ умершаго Русскаго генерала."

—Книгопродавецъ Мюррей напечаталъ въ Лондонѣ новое изданіе своего путеводителя для путешественниковъ по Россіи, Польшѣ и Финляндіи. Вся книжка состоитъ изъ 275 стр., изъ коихъ 35 посвящено Царству Польскому, 26 Финляндіи, а остальное Русскимъ губерніямъ. Описанія, по отзыву критики, весьма кратки и недостаточны.

— Въ Revue Moderne (прежнее R. Germanique) помѣщенъ французскій переводъ „Мцыри" Лермонтова. Переводъ принадлежитъ Пр. Меримѐ и Ив. Серг. Тургеневу.

— Въ 1864 году у книгопродавца Дантю въ Парижѣ издана любопытная переписка Маріи Антуанетты съ матерью и родственниками, начиная съ пріѣзда ея во Францію до послѣднихъ дней жизни (Correspondence inédite de Marie Antoinette, publiée par le comte Paul Vogt d'Hunolstein). Въ числѣ этихъ писемъ, вообще весьма интересныхъ, есть нѣсколько писемъ относящихся до имп. Павла I, когда онъ путешествовалъ по Европѣ подъ именемъ графа сѣвернаго; въ одномъ изъ писемъ передается любопытный отзывъ его объ отношеніяхъ своихъ къ матери и къ ея приближеннымъ.

— Въ Парижѣ же у Ганри Плона въ 1864 г. появились три тома книги: Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Elisabeth, lettres et documents, publiés par *Feuillet de Conches*. Во второмъ томѣ нѣсколько замѣчательныхъ писемъ имп. Екатерины II и къ ней, заимствованныхъ изъ Русскихъ архивовъ.

— Въ 1865 году у Гетцеля въ Парижѣ вышла книга: Joseph, Carle et Horace Vernet. Correspondence et biographies, par Amedée Duronde. Здѣсь, въ числѣ корреспонденціи Ораса Вернѐ, помѣщены письма его и записки о Россіи, гдѣ былъ онъ по приглашенію императора Николая Павловича и даже сопровождалъ государя въ одномъ изъ его путешествій; свои впечатлѣнія по этому случаю Орасъ Вернѐ описываетъ очень живо въ письмахъ къ домашнимъ. Особенно интересны отрывки изъ дневника, гдѣ описанъ разговоръ Ораса Вернѐ съ государемъ по случаю внезапной кончины герцога Орлеанскаго. Вернѐ выпросился послѣ этого событія во Францію и уѣхалъ съ порученіемъ отъ Николая Павловича къ Луи Филиппу, съ которымъ въ ту пору дворъ нашъ находился въ холодныхъ и натянутыхъ отношеніяхъ. Въ другомъ мѣстѣ описывается свиданіе Вернѐ съ Луи Филиппомъ и разговоръ Луи Филиппа объ этихъ отношеніяхъ и объ императорѣ Николаѣ.

— Въ ноябрѣ 1865 года издано въ Лондонѣ новое сочиненіе Эдвардса, бывшаго корреспондентомъ газеты «Times» въ Польшѣ во время послѣдняго мятежа. Г. Эдвардсъ въ прошломъ году издалъ книгу о Польшѣ, подъ названіемъ: «The Polish Captivity»; послѣднее же его сочиненіе, съ большимъ любопытствомъ читаемое въ Англіи, носитъ слѣдующее заглавіе: „Внутренняя исторія Польскаго возстанія, по оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ источникамъ (The private history of a Polish insurrection, by H. Sutherland Edwards. 2 vols. Sannders et C°). Въ первомъ томѣ авторъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе причинъ и обстоятельствъ, которыя повели къ возстанію, описываетъ внутреннія интриги Польскихъ національныхъ партій и разсказываетъ исторію возстанія. Видно, что онъ желаетъ быть безпристрастнымъ и не хочетъ скрывать отъ себя и отъ общаго мнѣнія темную сторону Польскаго дѣла, лжи, интриги и насилія революціонной партіи и такъ называемаго національнаго правительства; но, какъ иностранецъ, Эдвардсъ разумѣется не въ состояніи понять сущность отношеній Россіи къ Польшѣ, и потому въ книгѣ его встрѣчается не мало несправедливыхъ обвиненій на Россію и на Русскихъ. Вторая часть книги содержитъ описаніе страны, ея состоянія въ самый разгаръ мятежа, когда Эдвардсъ жилъ въ Польшѣ.

— Въ Лондонѣ напечатана въ переводѣ съ русскаго „Исторія Грузинской церкви" Іоселліана недавно и по русски вновь изданная.

О С. И. ШЕШКОВСКОМЪ

Письмо къ вдовѣ его генералъ-прокурора гр. Самойлова.

Милостивая государыня моя Алена Петровна! Ея императорское величество, помня ревностную службу покойнаго супруга вашего, тайнаго совѣтника Степана Ивановича Шешковскаго, высочайшую свою милость продлить соизволила и на оставшее его семейство, всемилостивѣйше повелѣла мнѣ выдать вамъ съ дѣтьми вашими десять тысячь рублей; вслѣдствіе чего и приказалъ я здѣшнему остаточному казначейству тѣ деньги къ вамъ доставить, о чемъ поставляю за удовольствіе васъ увѣдомить; пребываю всегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивая государыня моя, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *Александръ Самойловъ.*

Іюля 26 дня
1794 года.

Выписано изъ вязки по произв. ген. прокурорскихъ дѣлъ №298, листы 207—208.

У покойнаго тайнаго совѣтника Шешковскаго имѣется деревня Нижегородскаго намѣстничества въ Княгининской округѣ село Бокалды, въ коемъ по послѣдней ревизіи считается 780 душъ

Мелкихъ деревень около ста душъ, которыми однакожъ владѣетъ вдовствующая невѣстка Степана Ивановича.

Долги на немъ слѣдующіе.

Въ Банкъ долженъ на 8 лѣтъ по первому займу 1787 года генваря отъ 26 — 7000 р.

Сему срокъ въ будущемъ 1795 году.

По второму займу 1792 года марта отъ 31 го . . . . 2000 р.

Сему срокъ въ 1800 году.

Въ Думу Владимірскую. . . 4000 р.

Сему срокъ текущаго года октября 29 числа.

Да партикулярнымъ людямъ. . 3000 р.

А всего 16000 р.

(*Сообщено Н. В. Калачовымъ*).

Это свѣдѣніе, такъ сказать, посмертное; о жизни же Шишковскаго очень немного имѣемъ мы живыхъ подробностей. Между тѣмъ нашимъ дѣдамъ имя его было слишкомъ извѣстно. „Что, Степанъ Ивановичь, каково кнутобойничаешь?“ обыкновенно говаривалъ Шишковскому кн. Потемкинъ встрѣчаясь съ нимъ. — „Помаленьку, ваша свѣтлость“, отвѣчалъ всегда тотъ съ низкимъ поклономъ (Приложенія къ соч. Пушкина, изд. Исакова, VII, 103) Шишковскій — это одно изъ послѣднихъ орудій той системы устрашеній по дѣламъ внутреннимъ, къ которой изрѣдка должна была прибѣгать и Екатерина II-я, и которая господствовала у насъ въ теченіи большей половины XVIII вѣка. Изъ С.-Петерб. Вѣдомостей 1762 г. (№ 52, отъ 28 іюня) видно, что Шишковскій еще при Петрѣ III-мъ былъ секретаремъ правительств. сената; а по адресъ-календарямъ значится, что въ 1781 г., въ чинѣ дѣйств. ст. сов., онъ служилъ обер-секретаремъ при тайной экспедиціи, а въ 1788 г. имѣлъ уже орденъ св. Владиміра 2-й степени. Утверждаютъ навѣрное, что сохранились Записки Шишковскаскаго.

Гельбигъ (стр. 455) пишетъ, что Шишковскій отличался необыкновенною точностію и строгостью въ исполненіи своей должности; что онъ самъ иногда наказывалъ знатныхъ преступниковъ, и что даже нѣкоторыя дамы бывали въ рукахъ его; что въ 1793 г., по случаю Турецкаго мира, онъ получилъ 2000 пенсіи, и что у него былъ сынъ, отличавшійся познаніями, добрымъ нравомъ и кроткимъ обращеніемъ. *П. Б.*

ДОПОЛНЕНІЯ, ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Г. И. Мѣшкову (изъ Пензы) обязаны мы за указаніе недосмотра на стр. 900 Русск. Архива 1865 г., гдѣ сказано, что Нижній Ломовъ есть упраздненный городъ Тамбовской губ. Упраздненъ не Нижній, а Верхній Ломовъ, и оба эти города не Тамбовской, а Пензенской губерніи.

*

Тоже лицо обязательно сообщаетъ намъ, ссылаясь на дѣловыя бумаги, что извѣстный *Н. Е. Струйскій* (вып. 4-й Русск. Архива 1865 г.) прослужилъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку съ 1763 по 1771 годъ, когда по прошенію уволенъ за болѣзнями отъ воинской и штатской службъ съ чиномъ гвардіи прапорщика, въ чемъ и выданъ былъ ему 23 февр. 1771 г. *абшитъ* за собственноручнымъ подписаніемъ Екатерины II-й (№ 1363 у печати). Этимъ же чиномъ означенъ Струйскій въ ноябрѣ 1795 г., когда онъ подавалъ бумагу въ Собраніе Дворянскихъ Депутатовъ Московской губерніи о внесеніи его и его рода въ Родословную Книгу. Ни откуда не видно, чтобы Струйскій былъ нѣкогда губернаторомъ во Владимірѣ, какъ сообщено въ Русск. Архивѣ по преданію отъ его потомка (нынѣ уже умершаго) В. П. Струйскаго. *П. Б.*

*

По случаю напечатаннаго на стр. 1510—1512 Русскаго Архива за 1865 годъ разсказа Н. В. Сушкова *о невольной преступницѣ*, помилованной Екатериною Великою, я слышалъ отъ одного изъ Тверскихъ помѣщиковъ, что онъ происшествіе это читалъ въ печатной французской брошюрѣ, озаглавленной *Poltava*; тамъ этотъ случай былъ разсказанъ съ нѣкоторыми измѣненіями, а именно слѣдующимъ образомъ.

Адъютантъ Полтавскаго коменданта (какъ именовались въ то время губернаторы) влюбился въ дочь одного изъ Полтавскихъ помѣщиковъ; взаимно ею любимый, онъ, несмотря на несогласіе отца на ихъ бракъ, имѣлъ съ нею свиданія, и въ одно изъ нихъ, едва не застигнутый отцомъ, спрятался въ сундукъ, гдѣ задохся. Горничная барышни убѣдила своего брата вынести трупъ и скрыть слѣды его смерти. Съ тѣхъ поръ этотъ братъ сталъ преслѣдовать барышню требованіями денегъ, которыя она изъ страха ему доставляла, прибѣгая даже къ воровству. Любви отъ нея онъ не требовалъ, но требовалъ полной покорности и однажды въ корчмѣ, въ пьяной бесѣдѣ съ товарищами, на вопросъ ихъ: откуда беретъ деньги? открылъ имъ, что достаетъ ихъ отъ своей барышни, которая ему ни въ чемъ не отказываетъ. Подстрекаемый ихъ недовѣріемъ, онъ отправился къ ней, привелъ ее въ корчму и она, выведенная изъ терпѣнія ихъ оскорбленіями, замыслила страшную месть: угостивъ ихъ виномъ до безчувствія, вышла изъ корчмы, заперла ее и зажгла. Пожаръ истребилъ корчму и всѣхъ въ ней бывшихъ безъ остатка. Произведенное слѣдствіе не обнаружило никого виновныхъ, не возбудило никакого подозрѣнія, и судъ рѣшилъ: по неоткрытію виновныхъ предать все дѣло суду и волѣ Божіей.

Прошло нѣсколько времени: преступная барышня отцомъ была просватана за выгоднаго по его понятіямъ жениха, и сама изъявила согласіе на вступленіе въ замужество; но, мучимая совѣстію, передъ бракомъ, рѣшилась исповѣдывать всю свою печальную и преступную повѣсть своему духовнику. Священникъ, знавшій и любившій ее издѣтства, былъ такъ пораженъ ужасомъ, что, съ самой минуты ея исповѣди, впалъ въ глубокое раздумье; замѣтивъ это, его жена долго и настоятельно требовала, чтобы онъ сказалъ: что его мучитъ? и наконецъ, не устоявъ противъ ея настояній, священникъ, ночью, когда весь домъ былъ погруженъ въ сонъ, повѣдалъ ей тайну страшной исповѣди; но, кромѣ попадьи, онъ имѣлъ слушателемъ своего малолѣтняго сына, который,

притворясь спящимъ, выслушалъ весь разсказъ.

Наступилъ день брака: народъ толпился въ церкви. Продираясь сквозь толпу, священническій сынъ толкнулъ стоявшую передъ налоемъ невѣсту и, въ отвѣтъ на ея сердитое слово, а можетъ быть не болѣе какъ гнѣвный взглядъ, назвалъ ее убійцею и поджигательницею. Невѣста упала въ обморокъ; обрядъ, только что начавшійся, былъ прерванъ, мальчикъ схваченъ полиціею и немедленно объявилъ весь подслушанный имъ разсказъ своего отца.

Когда все дѣло было доведено до свѣдѣнія государыни, то преступница была присуждена ею къ одному церковному покаянію—заточенію въ монастырь, а священникъ лишенъ іерейскаго сана и вмѣстѣ съ своею женою отправленъ въ ссылку.

Слѣдовательно въ этомъ дѣлѣ является не одно милосердіе Екатерины, но премудрое благоговѣніе ея передъ великимъ таинствомъ покаянія, благоговѣніе, составляющее столь существенное отличіе Православія отъ Римской церкви, гдѣ устройство слуховыхъ трубъ надъ исповѣдными налоями (confessionaux) въ нѣкоторыхъ церквахъ свидѣтельствуетъ объ употребленіи иногда гражданскими властями исповѣди для улики подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ. У нашей Екатерины прежде всего было правосудіе, соединенное съ уваженіемъ къ вѣрѣ и повѣрьямъ народа. Она понимала, что тамъ, гдѣ есть одно милосердіе, ни на чемъ не основанное, тамъ не можетъ быть справедливости. Jus aggratiandi — одинъ изъ камней преткновенія монархической власти. Карлъ II-й помиловалъ полковника Блуда, который укралъ регаліи изъ Лондонской башни, и не подумалъ о бѣдномъ комендантѣ, который остался на вѣки калѣкою, защищая ввѣренныя ему сокровища. Такого нелѣпаго милосердія при Екатеринѣ не бывало. *Ю. Толстой.*

*

Въ 22 номерѣ Книжнаго Вѣстника за 1865 г. на стр. 418, въ некрологической замѣткѣ о П. Г. Аркановѣ, сказано, что этотъ даровитый и рано умершій человѣкъ обратилъ на себя вниманіе между прочимъ своимъ фельетономъ *о Зефиротахъ*. Считаемъ не лишнимъ оговорить эту ошибку: остроумная и памятная по своему игривому изяществу шутка о новой, яко бы появившейся, породѣ существъ - Зефиротовъ (напечатанная въ Сѣверной Пчелѣ 1861 года, № 73-й субота, *1-го апрѣля*) принадлежитъ перу нашего извѣстнаго писателя кн. В. Ѳ. Одоевскаго. *П. Б.*

*

Егоръ Петровичъ Ковалевскій почтилъ насъ извѣщеніемъ, что напечатанныя выше „Замѣтки одного изъ Русскихъ воспитателей императора Александра Павловича" принадлежатъ по всему вѣроятію генералъ-поручику *Протасову*, (см. о немъ Р. Арх. 1864, стр. 948, 962 и 985), который, при добросовѣстномъ исполненіи своей должности, игралъ, кажется, такую же роль, какъ и извѣстный Порошинъ при воспитаніи Павла Петровича. Е. П. Ковалевскій имѣлъ въ рукахъ письмо Протасова, напоминающее своимъ слогомъ выше названныя Замѣтки. Наконецъ мы узнаёмъ, что сіи послѣднія уже были напечатаны въ полномъ видѣ кн. Августиномъ Голицынымъ въ Лейпцигѣ въ 1863 году. *П. Б.*

*

Царствованіе Анны Іоанновны.

Описаніе дня 25 февр. (8 марта) 1730 года (см. выше, стр. 11—14) у Германа не вѣрно. Извѣстія объ этомъ событіи разсказывались еще недавно превратнымъ образомъ. Обыкновенно говорили, что условные пункты, подписанные Анной въ Митавѣ, были уничтожены ею въ слѣдствіе просьбы дворянства и генералитета, которые съ своей стороны ничего не заявляли, кромѣ желанія, чтобы Анна Іоанновна правила Россіей неограниченно. Германъ уже ближе къ истинѣ, упоминая о томъ, что эти сословія предъ-

являли свои требованія, которыя были также условіями, но только несходными съ предложенными Верховнымъ Совѣтомъ, и что надежды дворянства были обмануты потомъ. Но Германъ, очевидно, не зналъ подробно хода происшествій этого дня, который именно многознаменателенъ и характеристиченъ. Какъ ни сбивчивы были въ этомъ отношеніи показанія о томъ источниковъ, но тщательное сличеніе и изученіе ихъ дало мнѣ возможность возстановить послѣдовательно три, такъ сказать, акта драмы этого дня, и я напечаталъ ихъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", (1861, августъ, отд. 2, стр. 113—114). Дѣло это такъ важно, что считаю необходимымъ выяснить его вполнѣ читателямъ „Русскаго Архива". Вотъ какъ оно было.

1) *Утромъ* 25 февраля шляхетство и генералитетъ подали государынѣ *первое* прошеніе, въ которомъ они а) жаловались на неуваженіе верховниковъ къ общему желанію, „чтобы для блага и спокойствія имперіи, была установлена, по большинству голосовъ, форма правленія надежная и твердая" и б), просили, чтобы всѣ различныя мнѣнія, которыхъ было составлено въ Москвѣ нѣсколько для противодѣйствія верховникамъ, разсмотрѣны были въ особомъ собраніи изъ членовъ, выбранныхъ по два отъ каждаго семейства, и чтобы послѣ „обсужденія всѣхъ статей, была установлена такая форма правленія, которая изберется по большинству голосовъ".

Прошеніе это было сочинено кн. Кантемиромъ, подано Трубецкимъ, а прочитано историкомъ Татищевымъ.

2) Тогда кн. В. Л. Долгорукій хотѣлъ увести государыню въ залу совѣта, но сестра ея удержала ее. Анна Іоанновна написала на прочитанномъ прошеніи: „быть по сему" и приказала военнымъ слушаться только родственника своего Салтыкова.

3) Но въ это же время между военными уже успѣли составить *третью* партію, которая кричала и изъявляла готовность истребить злодѣевъ, названіе, которое могли принять на свой счетъ не одни верховники, но и всѣ ихъ противники, хотѣвшіе хотя иныхъ, но все таки условій. Эта партія, одинакова враждебная и верховникамъ и просителямъ, была малочисленна, но распоряжалась гвардіею.

4) Затѣмъ начался во дворцѣ обѣдъ, за которымъ государыня удержала верховниковъ какъ бы подъ почетнымъ арестомъ. Партія Трубецкаго и Черкасскаго думала, что уже достигла своей цѣли. Но военные, вполнѣ привлеченные на сторону Анны Іоанновны, продолжали волновать умы. Конечно въ виду ихъ угрозъ, которыя могли принимать на свой счетъ сторонники Трубецкаго столько же, сколько и верховники, а также ловко распущеннаго увѣренія, что чрезвычайно трудно согласить въ скорости разнородныя мнѣнія, о которыхъ говорилось въ прошеніи и отсрочивать рѣшеніе дѣла, при чемъ можно ожидать раздоровъ и безпорядковъ,—рѣшено было наконецъ подать государынѣ *второе* прошеніе. Въ немъ выражено было желаніе, чтобы власть сохранила прежнія прерогативы, но и въ немъ еще были условія: а) Уничтоженіе тайнаго совѣта, б) Возстановленіе сената изъ 21 особы, в) Избраніе дворянствомъ сенаторовъ, губернаторовъ и президентовъ коллегій и г) Уменьшеніе налоговъ. *Третья* партія начинала торжествовать надъ сторонниками Трубецкаго и Черкасскаго, сдѣлавшимися ея орудіями.

5) Это *второе* прошеніе прочитано было государынѣ Кантемиромъ *послѣ обѣда*. Анна Іоанновна утвердила и это прошеніе. О *первомъ* же, *поданномъ утромъ*, не было больше и рѣчи. Тогда государыня приказала принести подписанныя ею въ Митавѣ условія, и верховники пали. Но въ сущности въ тоже время произошло благовидное пораженіе просителей, не получившихъ *послѣ обѣда* того, чего желали *утромъ*. Да и *послѣобѣденныя* ихъ желанія въ послѣдствіи не исполнились. Полное торжество осталось за Салтыковымъ и военными,

стоявшими противъ всякихъ ограниченій власти. Утромъ 25 февраля никто не могъ ожидать такой развязки.

Письма Екатерины II.

1) *Письмо 6* (Гр. И. Г. Орлову). Письмо это очѣвидно, относится къ концу 1772 года, когда гр. Григ. Григ. Орловъ, узнавши объ упадкѣ своего кредита при дворѣ и придворномъ случаѣ Александра Семенов. Васильчикова, бросивши мирные переговоры въ Фокшанахъ, неожиданно для всѣхъ полетѣлъ обратно въ Петербургъ. Его не пустили въ столицу и оставили жить въ своей Гатчинѣ, подъ предлогомъ карантина, а потомъ въ Царскомъ Селѣ. Отсюда начинается періодъ разныхъ колебаній въ кредитѣ Орлова, продолжавшійся съ разными перипетіями до апрѣля 1774 года, когда первое мѣсто при дворѣ занялъ окончательно Потемкинъ. Нѣкоторыя подробности этихъ коловратныхъ событій описаны въ статьѣ моей „Княжна Тараканова". (Русск. Вѣстн., 1859, № 24, стр. 726—729). Домъ у Троицкой пристани—нынѣшній Мраморный Дворецъ.

2) *Письмо 10.* Оно написано въ Тулѣ, въ день пріѣзда туда императрицы, на обратномъ пути изъ Крыма.

3) *Письмо 21.* (Князю А. А. Прозоровскому). Напечатано мною въ статьѣ моей „Новыя подробности по дѣлу Новикова". (Русск. Вѣстн., 1859, № 11, стр. 363—365). Тамъ же помѣщены другіе рескрипты Екатерины по этому же дѣлу.

Лагарпъ въ Россіи.

Стр. 80. „Братъ очень значительнаго Русскаго вельможи", съ которымъ Лагарпъ ѣздилъ по Италіи, былъ, если я не ошибаюсь, графъ Семенъ Романовичь Воронцовъ (род. 15 іюня 1744, ум. 1832), братъ княгини Дашковой. Онъ былъ около 1780 года посланъ за границу по неудовольствію на него Потемкина, а въ 1782 году назначенъ посланникомъ въ Венецію, откуда переведенъ въ 1784 году, въ Лондонъ. Старшій братъ его, графъ Александръ Романовичь, былъ въ то время сенаторомъ и президентомъ камберъ-коллегіи и имѣлъ большой вѣсъ во внутреннихъ государственныхъ дѣлахъ, не смотря на ненависть къ нему Потемкина. Онъ былъ канцлеромъ при Александрѣ I. (Род. 4 сентября 1741 года, ум. 2 декабря 1805 года).

Замѣтки воспитателя Александра I.

Стр. 100. П. А. Салтыковъ, умершій 30 октября 1792 года. Это былъ Петръ Алексѣевичь Салтыковъ, молодой человѣкъ, съ которымъ великій князь былъ очень друженъ. Онъ былъ сыномъ бригадира Алексѣя Ивановича Салтыкова, женатаго на княжнѣ Екатеринѣ Борисовнѣ Голицыной, дочери извѣстнаго въ Москвѣ расточителя маіора князя Бориса Сергѣевича (род. 1715, ум. 1761). Молодой Салтыковъ, родной племянникъ Н. И. Салтыкова, воспитателя Александра *I*, былъ въ большой дружбѣ съ Зубовыми. Онъ обозначенъ въ родословной Салтыковыхъ у князя Долгорукова подъ № 163. (Рос. Род. Кн. часть 2, стр. 80).

Графъ Е. Ф. Канкринъ.

Стр. 119. Нельзя никакъ сказать, чтобы графъ Канкринъ былъ „неудачливъ на дѣлѣ" въ архитектурѣ. Техноголической и Лѣсной Институты лучше всего свидѣтельствуютъ объ „удачахъ" этого необыкновеннаго человѣка, за что бы онъ ни принимался. Нельзя не радоваться, что появляются у насъ свѣдѣнія объ этомъ славномъ государственномъ мужѣ, истинномъ мудрецѣ въ жизни, возвысившемся по однимъ своимъ достоинствамъ и оставившемъ дѣтямъ своимъ значительное состояніе, *источникъ каждой копѣйки котораго могъ быть имъ указанъ въ щедротахъ государей, награждавшихъ по заслугамъ человѣка, обогащавшаго Россію бережливостью и мудрымъ управленіемъ ея финансовъ.*

Михаилъ Лонгиновъ.

Тула.
3 января 1866 года.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1866 года.

(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ)

Это историко-литературное изданіе, выходящее ежемѣсячно въ Москвѣ, при Чертковской библіотекѣ, посвящено *преимущественно* ближайшей къ намъ старинѣ (XVIII и XIX вѣкамъ).

Къ первому выпуску Русскаго Архива за нынѣшній годъ прилагается и выдается всѣмъ подписчикамъ большой фотографическій портретъ имп. Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи по имп. Елизаветѣ Петровнѣ, современной работы академика Чемесова.

Подписная цѣна за **12** выпусковъ (съ портретомъ) въ Москвѣ и Петербургѣ ПЯТЬ рублей; съ пересылкою и доставкою ШЕСТЬ р. с. Подписка принимается *въ Москвѣ* въ Чертковской библіотекѣ и въ книжномъ магазинѣ И. В. Соловьева; *въ Петербургѣ*—на Невскомъ проспектѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, куда исключительно обращаются за Русскимъ Архивомъ всѣхъ четырехъ годовъ гг. Петербургскіе книгопродавцы.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Дозволено цензурой. Москва, 24 Генваря 1865 года.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ домъ Милякова.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3. ПРИ 1866.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Грачева и Комп

1866.

ВТОРЫЯ ИЗДАНІЯ РУССКАГО АРХИВА

1863 года (**4** р., съ пер. **5** р.)

1865 года (**5** р., съ пер. **6** р.)

Иногородные за этими вторыми изданіями обращаются въ Москву, въ Чертковскую библіотеку (на Мясницкой, № 7); г. же книгопродавцы всѣ вообще къ А. Ѳ. Базурову (въ С.-Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Ольхиной.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ РУССКАГО АРХИВА 1864 ГОДА ВЫДЕТЪ ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ.

На дняхъ поступитъ въ продажу сочиненіе Ю, Ѳ. Самарина.

ІЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

(Письма къ отцу Мартынову).

ССЫЛКА ГРАФА САНТИ ВЪ СИБИРЬ.

(1727).

Санти (Santi), графъ Францъ Матвѣевичъ, родомъ піемонтецъ, провелъ молодость въ Парижѣ, гдѣ съ любовью занимался историческими науками; потомъ поступилъ на службу къ ландграфу Гессенъ-Гомбургскому и, по рекомендаціи послѣдняго, былъ приглашенъ Петромъ Великимъ, въ 1724 году, въ Россію „для отправленія геральдическаго художества". По пріѣздѣ въ Петербургъ, Санти былъ назначенъ товарищемъ герольдмейстера, съ жалованьемъ по 1,600 руб. въ годъ; сверхъ того, ему отведена квартира и позволено собирать за нарисованіе каждаго герба по два рубля на краски. Изъ уцѣлѣвшихъ дѣлъ герольдіи видно, что Санти былъ большой знатокъ геральдики; онъ, между прочимъ, составилъ гербы для многихъ русскихъ городовъ (въ томъ числѣ для Петербурга) и далъ внѣшніе аттрибуты старымъ гербамъ. Санти пользовался особеннымъ расположеніемъ извѣстнаго графа Петра Андреевича Толстаго и, благодаря его силѣ, получилъ, при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины I-й, званіе оберъ-церемоніймейстера.

Въ 1727 года, за участіе въ заговорѣ гр. Толстаго, имѣвшемъ цѣлью доставить, по смерти Екатерины, Русскій престолъ герцогинѣ Голштинской Аннѣ Петровнѣ, Санти, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ писемъ и распоряженій Меншикова, былъ сосланъ въ Сибирь. Первое время онъ содержался въ Якутскомъ острогѣ, скованный по рукамъ и ногамъ, подъ строгимъ карауломъ; а потомъ перевезенъ въ Верхоленскій острогъ. Въ 1734 году, Иркутскій вице-губернаторъ Сытинъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, позволилъ Санти жить въ Иркутскѣ. Здѣсь онъ пользовался полной свободой и женился на дочери умершаго подъячаго съ приписью, Петра Татаринова, Прасковьѣ Петровнѣ. Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Тобольской губернской канцеляріи было прислано въ Иркутскъ строжайшее предписаніе — немедленно отправить Санти въ Устьвилюйское зимовье (за 3,500 верстъ отъ Иркутска) гдѣ содержать его „подъ крѣпкимъ калауломъ и никуда и ни для какихъ его нуждъ не отпускать и смотрѣть за нимъ крѣпко, чтобы онъ надъ собою чего нибудь не учинилъ, или куда бы не ушелъ, а также не давать ему ни чернилъ, ни бумаги, и никого къ нему не подпускать". Жена Санти не рѣшилась сопровождать мужа въ дальнее заточеніе и осталась въ Иркутскѣ. Какого рода была жизнь несчастнаго Санти въ мѣстѣ его новой ссылки, можно видѣть изъ донесенія подпрапорщика Бѣльскаго, сторожившаго изгнанника вмѣстѣ съ восмью солдатами. Вотъ что, между прочимъ, писалъ въ 1738 году, Бѣльскій: „А живемъ мы, онъ Сантій, я и караульные солдаты въ самомъ пустынномъ краѣ, а жилья и строенія никакаго тамъ нѣтъ, кромѣ одной холодной юрты, да и та ветхая, а находимся съ нимъ Сантіемъ во всеконечной нуждѣ: печки у насъ нѣтъ, и въ зимнее холодное время елееле остаемся живы отъ жестокаго холода; хлѣбовъ негдѣ испечь, а безъ пе-

ченаго хлѣба претерпѣваемъ великій голодъ; и кормимъ мы Сантія и сами ѣдимъ болтушку, разводимъ муку на водѣ, отчего всѣ солдаты больны, и содержать караулъ некѣмъ. А колодникъ Сантій весьма дряхлъ и всегда въ болѣзни находится, такъ что съ мѣста не встаетъ и ходить не можетъ".

Въ этомъ ужасномъ заключеніи Санти пробылъ до восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Она возвратила ему свободу, званіе оберъцеремоніймейстера, подарила двадцать гаковъ земли въ Лифляндіи, вскорѣ пожаловала орденъ св. Александра Невскаго и произвела въ дѣйствительные тайные совѣтники. Санти умеръ около 1758 года, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей и трехъ дочерей.

Свѣдѣнія (впрочемъ весьма отрывочныя) о Санти можно найти въ слѣдующихъ книгахъ:

1) Россійская родословная книга кн. П Долгорукова. С. П Б. 1854—1857. III. 248—249.

2) Русская геральдика Лакіера С. П. Б. 1855. Стр. 289, 294, 296, 299, 302, 351, 352.

3) Дневникъ Бергхольца перев. Аммона. М. 1857—1860. Ч. 3. Стр. 103 и 238. Ч. 4. Стр. 51.

4) Дѣянія Петра Великаго Голикова. Изд. 2-е М. 1838. Ч. 10. Стр. 60, 155. Ч. 13, стр. 349.

5) Собраніе списковъ кавалерамъ четырехъ Россійскихъ орденовъ Бантышъ - Каменскаго. М. 1814. Стр, 206.

6) Полное Собраніе Законовъ; указы: 1722 г. № 3,896; 1726 г. № 4,831.

7) С. П. Б Вѣдомости 1844 года №15 іюля.

8) Русское Слово 1861 года, № 8. ст. Сельскаго: „Ссылка въ восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ".

9) Записки импер. Академіи Наукъ 1864 г. Т. 6. ст. Пекарскаго „Путешествіе академика Делиля въ Березовъ".

10) Морской сборникъ 1863. № 10; ст. „Наши флаги".

I.

Письмо князя Меньшикова къ графу Санти.

(28-го мая, 1727 года.

Господинъ графъ Сантій! Его императорское величество указалъ, за вящее ваше въ важномъ дѣлѣ подозрѣніе, послать васъ въ ссылку въ Сибирь; того ради надлежитъ тебѣ мнѣ, по чистой своей совѣсти, объявить, какіе у тебя съ Петромъ (*) таятся совѣты и съ подозрительныхъ писемъ переводы и сочиненія; о важныхъ дѣлахъ подозрительныя письма были (ли) на то къ нему изъ Россійскихъ и изъ иностранныхъ городовъ? пріѣзжали (ли кто), по какимъ важностямъ объявляли и какіе совѣты имѣли? Ежели ты сіе наше предложеніе за благо примешь, то мы тебя обнадеживаемъ его императорскаго величества милостью и для освобожденія тебя изъ ссылки, и о возведеніи въ свое достоинство буду наивящее стараніе прилагать у всѣхъ нашихъ господъ министровъ и надѣюсь, съ Божіею помощью, такую тебѣ милость исходатайствовать. И о томъ написать къ намъ, не объявя никому, запечатать и прислать съ симъ нашимъ посланнымъ фурьердомъ. Въ Петергофѣ мая 28-го дня, 1727 года.

II.

Письмо кн. Меньшикова къ князю Ив. Ѳед. Ромодановскому.

Сіятельнѣйшій князь, тайный дѣйствительный совѣтникъ, и Московскій генералъ - губернаторъ, мой особливый благодѣтель.

Отправленъ отсюду въ Москву оберъцеремоніймейстеръ графъ Сантій, а понеже оной явился въ важномъ дѣлѣ весьма подозрителенъ, того ради его императорское величество указалъ отправить его изъ Москвы подъ крѣпкимъ карауломъ въ Тобольскъ, а изъ Тобольска въ дальную Сибирскую крѣпость, и содержать его тамо подъ крѣпкимъ же

(*) П. А. Толстымъ. Писано немедленно по вступленіи на престолъ 13-лѣтняго Петра II-го.

карауломъ, дабы никуда не ушелъ. И ваше сіятельство да изволите онаго графа Сантія отправить въ Сибирь подъ крѣпкимъ карауломъ въ самой скорости; а объ отправленіи его и о содержаніи подъ крѣпкимъ карауломъ къ Сибирскому губернатору князю Долгорукому извольте отъ себя отписать, а отъ насъ о томъ же его сіятельству писано, которое письмо послано съ симъ нарочно посланнымъ курьеромъ. Ежели жъ оной графъ Сантій пожелаетъ о чемъ писать къ намъ, и въ томъ дайте ему позволеніе дни на два и, взявъ то письмо, извольте прислать къ намъ съ симъ курьеромъ; а его извольте отправить въ Тобольскъ подъ крѣпкимъ карауломъ, такожъ брегадира Семена Маврина, которому велѣно быть у дѣлъ въ Сибири, извольте отправить туды безъ караулу по полученіи сего въ три дни, и о исполненіи по сему нашему предложенію извольте насъ увѣдомить обстоятельно. Въ прочемъ пребываемъ вашего сіятельства доброжелательный и къ услуженію охотный.

Александръ Меньшиковъ (*).

Въ Питергофѣ.
Мая 28 дня 1727 года.

III.

По указу его императорскаго величества велѣно выслать брегадира Семена Маврина въ Сибирь къ дѣламъ въ три дни, чтобъ поѣхалъ изъ Москвы. Сей указъ его императорскаго величества слышалъ и подписуюся своею рукою въ три дни изъ Москвы выѣхать сего 1727 года, іюня 5 дня (подписалъ) Брегадиръ *Семенъ Мавринъ.*

IV.

1727 года, іюня въ 3-й день, въ Преображенскомъ приказѣ, передъ тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Ромодановскимъ, прапорщикъ Иванъ Дмитріевъ сынъ Максимовичъ сказалъ. Прошедшаго мая 28 дня сего 1727 года посланъ онъ изъ Питергофа отъ его свѣтлости генералисимуса и рейхсъ-маршала свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меншикова въ Москву съ шестью письмами, а съ какими и о чемъ, не знаетъ; а велѣно тѣ письма вручить по подписямъ на тѣхъ письмахъ: 1-е его сіятельству тайному дѣйствительному совѣтнику и кавалеру и Московской губерніи генералъ-губернатору князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому. 2-е тайному дѣйствительному совѣтнику графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину. 3-е брегадиру Семену Аѳанасьевичу Маврину. 4-е и 5-е письма велѣно вручить его сіятельству князю Ивану Ѳедоровичу для отсылки, одно въ Сибирскую губернію Сибирскому губернатору князю господину Долгорукову; второе въ Казань отъ бомбардиръ поручику Аврааму Петрову (*). 6-е графу Сантію, которое онъ и отдалъ, наѣхавъ изъ С.-Петербурга въ пути на Вышнемъ Волочкѣ мая 31 числа сего году днемъ часу въ десятомъ: понеже оной графъ ѣхалъ же изъ С.-Петербурга въ Москву. И оное письмо оной графъ принявъ у него, роспечаталъ и посмотря на то письмо, не читавъ, велѣлъ ему Максимовичу то письмо читать и толковать, а самъ де онъ, графъ, того письма вырузумѣть не можетъ; и онъ де Максимовичь то письмо прочелъ и толковалъ ему на единѣ, и отдалъ ему же графу; и оной де графъ противъ того письма написавъ письмо же на трехъ листахъ своею рукою при немъ Максимовичѣ иноземческимъ письмомъ и, запечатавъ въ пакетѣ, отдалъ ему Максимовичу и ве-

(*) Только подпись собственноручная.

(*) Ганнибалу?

лѣлъ то письмо ему Максимовичу съ того Волочка послать съ нарочнымъ на почтѣ къ его свѣтлости генералисимусу; и онъ де Максимовичь, взявъ у него то письмо и написавъ отъ себя къ его свѣтлости генералисимусу письмо своею рукою, запечатавъ въ свой пакетъ, то его и свое письмо послалъ съ Вышняго Волочка съ господиномъ маіоромъ Рѣдкинымъ, нарочно; и оной де маіоръ Рѣдкинъ, взявъ тѣ письма, того же дня вскорѣ и поѣхалъ. А онъ де Максимовичь съ достальными письмами поѣхалъ въ Москву того же дня, и вышеписанныя письма пріѣхавъ въ Москву сего іюня втораго числа въ полдни, вручилъ по подписямъ, кому которое побелѣно вручить; а вышепомянутой де графъ Санти отсталъ отъ него въ пути отъ Вышняго Волочка въ верстѣ. Къ сей сказкѣ прапорщикъ Максимовичь руку приложилъ.

V.

1727 года іюня въ 3 день передъ тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Ромодановскимъ графъ Санти сказалъ: сверхъ де того письма, которое ему Сантію объявилъ въ дорогѣ на Вышнемъ Волочкѣ прапорщикъ Иванъ Максимовичь, иныхъ никакихъ писемъ отъ того Максимовича и ни отъ кого не получалъ; по которому де письму къ его свѣтлости генералисимусу отвѣтствовалъ онъ Санти именно, которое письмо, запечатавъ, отдалъ тому Максимовичу, а тотъ Максимовичь того же часа послалъ на почтѣ, а съ кѣмъ не вѣдаетъ. А отдавъ то письмо, поѣхалъ онъ Санти въ Москву и хотѣлъ явиться графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину и посланное отъ его свѣтлости генералисимуса съ нимъ Сантіемъ письмо его графскому сіятельству подать. А будучи онъ Санти въ С.-Петербургѣ съ Петромъ Толстымъ никакихъ совѣтовъ не имѣлъ и писемъ съ совѣту его Толстова въ другія государства ни о чемъ не писывалъ; только де приходящія письма къ Петру Толстову изъ другихъ государствъ онъ Санти переводилъ, а какія письма и изъ которыхъ государствъ писаны, о томъ къ его свѣтлости генералисимусу въ помянутомъ письмѣ объявилъ именно безъ утайки. А окромѣ того, о чемъ онъ въ томъ своемъ письмѣ объявилъ, иного ничего не переводилъ и самъ по просьбѣ и по повелѣнію того Толстаго никуды ни о чемъ не писывалъ. А другіе, кто у того Толстаго какія письма переводилъ, про то онъ Санти не вѣдаетъ, только де онъ же Санти переводилъ тому Толстову слова королевскаго высочества министра графа Басовича (*), а какія слова переводилъ, о томъ онъ Санти въ помянутомъ письмѣ къ его свѣтлости генералисимусу объявилъ именно же безъ утайки. Токмо онъ Санти въ томъ письмѣ къ его свѣтлости не написалъ, что онъ Санти королевскаго высочества о интересахъ и о партикулярныхъ его королевскаго высочества дѣлахъ переводилъ съ Петромъ Толстымъ да съ вышепомянутымъ графомъ Басовичемъ, а о томъ къ его свѣтлости генералисимусу не объявилъ, что то къ важности не касается; и ежели онъ Санти въ семъ допросѣ что̀ утаилъ, и за то ему что его императорское величество укажетъ.

VI.

Письмо кн. Ромодановскаго къ кн. Долгорукову.

Государь мой князь Михайла Володиміровичь. По его императорскаго ве-

(*) Бассевича, жившаго въ Петербургѣ въ качествѣ Голштинскаго посла.

личества указу велѣно оберъ-церемоній-мейстера графа Сантія за вину его, въ которой онъ явился въ важномъ дѣлѣ весьма подозрителенъ, сослать изъ Москвы въ ссылку подъ крѣпкимъ карауломъ въ Тобольскъ, а изъ Тобольска въ дальную Сибирскую крѣпость немедленно и содержать его тамо подъ крѣпкимъ карауломъ, чтобы никуда не ушелъ, который изъ Москвы посланъ въ Тобольскъ сего іюня 4 дня подъ крѣпкимъ карауломъ съ ундеръ-офицеромъ Аристовымъ и съ солдаты шестью человѣки. И по полученіи его изволитъ ваше сіятельство приказать онаго Сантія принять въ Тобольску, а изъ Тобольска сослать его въ самой скорости въ дальную Сибирскую крѣпость подъ крѣпкимъ карауломъ и содержать его тамо по вышеобъявленному его императорскаго величества указу подъ крѣпкимъ карауломъ, чтобъ никуда не ушелъ; а посланныхъ за нимъ изъ Москвы провожатыхъ ундеръ-офицера Аристова и солдатъ отпустить изъ Тобольска въ Москву не удержавъ; и о пріемѣ его въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ въ Тобольскъ будетъ принятъ и въ дальную Сибирскую крѣпость посланъ будетъ, о томъ насъ увѣдомить, а о пріемѣ его жъ и о содержаніи его свѣтлости генералисимуса письмо до васъ послано при семъ.

іюня 4.
1727 года.

VII.

Свѣтлѣйшій князь милостивый государь мой. Письмо вашей свѣтлости изъ Петергофа мая 28 получилъ я сего іюня 2, а оберъ-церемоніймейстеръ графъ Сантій пріѣхалъ въ Москву сего жъ іюня 3 дня, и сказано ему, чтобъ онъ по письму вашей свѣтлости о разговорахъ съ Петромъ съ Толстымъ отвѣтствовалъ по чистой своей совѣсти о всемъ безъ утайки, и онъ передо мною сказалъ. Писалъ де онъ о томъ до вашей свѣтлости, будучи въ пути изъ Вышняго Волочка, какъ объявлено ему письмо вашей свѣтлости чрезъ курьера Максимовича о всемъ безъ утайки, токмо де не написалъ онъ къ вашей свѣтлости о томъ, что переводилъ съ Петромъ Толстымъ да королевскаго высочества съ министромъ графомъ Басовичемъ о интересныхъ и партикулярныхъ его высочества дѣлахъ, и оного де до вашей свѣтлости не написалъ для того, понеже къ важности не касается; а оное де его Сантіево письмо послано до вашей свѣтлости отъ курьера Максимовича съ маіоромъ Рѣдкинымъ при его курьерскомъ письмѣ прошедшаго мая 31 дня; а курьеръ Максимовичь о посылкѣ того письма съ маіоромъ Рѣдкинымъ сказалъ тоже, что̀ и вышеписанный графъ Сантій. И, по отвѣтствованіи, въ Сибирь оной Сантій посланъ сего іюня 4 дня подъ крѣпкимъ карауломъ съ ундеръ-офицеромъ и съ солдаты 6 человѣки. Также и бригадиръ Мавринъ у меня явился іюня 3 дня и его императорскаго величества указъ о поѣздкѣ его въ Сибирь ему сказанъ, подъ которымъ подписался онъ своеручно, что поѣдетъ онъ въ Сибирь изъ Москвы сего іюня 5 дня неотложно, и просилъ меня, чтобъ ему выдать до Сибири прогонныя деньги, и я писалъ о томъ къ его сіятельству графу Ивану Алексѣевичу Мусину—Пушкину, и по тому моему письму прогонныя деньги оному Маврину отъ его сіятельства выданы. А о пріемѣ онаго Сантія и о содержаніи его въ Сибири, письмо вашей свѣтлости къ Сибирскому губернатору князю Долгорукову послано, такожъ и отъ меня къ нему писано съ посланнымъ ундеръ-офицеромъ. И письмо вашей свѣтлости къ его сіятельству графу Ивану Алексѣевичу Мусину—

Пушкину, которое послано съ графомъ Сантіемъ, разпечаталъ я обще съ сыномъ его сіятельства и, по прочтеніи, оное также и собственныя онаго Сантія письма въ шкатулкѣ за его двумя печатьми посланы до вашей свѣтлости.

VIII.

1727 года іюня въ день. По указу его императорскаго величества и по приказу тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера князя Ивана Ѳедоровича Романовскаго, по инструкціи изъ Преображенскаго приказу, велѣно было мнѣ капитану Василью Ярышкину ѣхать изъ Москвы на скоро по Тверской дорогѣ до Вышняго Волочка и спрашивать по почтовымъ ямскимъ станамъ ѣдущаго изъ С.-Петербурга графа Сантія и, гдѣ онаго встрѣчу, велѣно мнѣ его взявъ привесть до Москвы и явить его сіятельству тайному дѣйствительному совѣтнику и кавалеру князь Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому; а ежели онъ Сантій съ большой дороги поворотитъ назадъ или куда въ сторону, велѣно было мнѣ ѣхать за нимъ днемъ и нощію, хотя до самой границы, гдѣ его сыскать можно; а сыскавъ привесть подъ крѣпкимъ карауломъ; буде же оной уѣхалъ за границу, а не въ долгѣ предо мною, велѣно догнать и учинить по тому жъ; а для той посылки дано мнѣ на почтовыя на три подводы изъ Сенату пятдесятъ девять рублевъ тридцать копѣекъ, а въ тѣхъ деньгахъ въ Сенатѣ росписался Преображенскаго приказу копіистъ Николай Хрущевъ. И по вышепомянутой инструкціи гналъ я для поимки онаго Сантія отъ Москвы пятнадцать верстъ и увѣдомился, что онъ пойманъ изъ Сенату посланнымъ капитаномъ Олденковъ; и по той вѣдомости по прежнему возвратился я въ Москву; и изъ оныхъ денегъ въ оба пути дано прогоновъ на три почтовыя подводы сорокъ пять копѣекъ да двумъ человѣкомъ солдатомъ Ѳедору Числову, да Кузьмѣ Лосеву двадцать копѣекъ, а остаточныя пятдесять восемь рублевъ шестьдесятъ пять копѣекъ отдалъ по прежнему въ Сенатъ секретарю Дмитрію Невѣжину, и въ той отдачѣ предъявляю при семъ своемъ доѣздѣ его Невѣжина руки и квитанцію. Капитанъ Василій Ярышкинъ руку приложилъ.

ВОПРОСЪ О КУРЛЯНДСКОМЪ ГЕРЦОГСТВѢ ПРИ ПЕТРѢ III.

Герцогства Курляндское и Семигальское состояли въ вассальномъ подчиненіи Рѣчи Посполитой со времени Готгарда Кетлера, т. е. съ половины XVI столѣтія; но вліяніе Россіи на Польшу при Петрѣ I, и завоеваніе Лифляндіи съ Эстляндіей не замедлили отразиться и на помянутыхъ герцогствахъ. Выдавая царевну Анну за молодаго герцога Курляндскаго Фридриха, который скоро умеръ, и потомъ оставляя вдовствующую герцогиню въ Митавѣ, царь имѣлъ свои виды (¹). Черезъ нее и чрезъ состоявшаго при ней гофмаршала Бестужева (отца будущаго канцлера) исподоволь должно было утверждаться въ герцогствахъ русское вліяніе. Для уплаты долговъ, лежавшихъ на герцогскихъ имѣніяхъ, вы-

---

(¹) Обвѣнчанная съ герцогомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ октябрѣ 1710 г. и овдовѣвшая въ январѣ слѣд. года, 18-лѣтняя Анна Іоанновна возвратилась въ матери и снова стала жить подъ Москвою въ Измайловскомъ. Лишь въ началѣ 1716 года Петръ приказалъ племянницѣ ѣхать въ Курляндію, которою между тѣмъ правилъ дядя покойнаго герцога, старикъ Фердинандъ, но только по имени, ибо онъ жилъ постоянно въ Данцигѣ, сколько знаемъ вслѣдствіе ссоръ своихъ съ Курляндскимъ дворянствомъ.
П. Б.

даны были деньги изъ русской казны; а для обезпеченія уплаты, эти имѣнія поступили въ залогъ и сдѣлались надежнымъ средствомъ къ тому, чтобы давать чувствовать герцогствамъ ихъ зависимость отъ Россіи. Затѣя личнаго честолюбія князя Меньшикова, домогавшагося Курляндской короны (²), послужила какъ бы указаніемъ на новый способъ усилить эту зависимость, а именно на возможность посадить русскаго сановника на Курляндскій престолъ; десять лѣтъ послѣ неудачной попытки Меньшикова, герцогомъ Курляндскимъ сдѣланъ оберъ-каммергеръ императрицы Анна, Биронъ.

Но Биронъ, управлявшій герцогствомъ подъ именемъ Эрнста-Іоанна, вскорѣ послѣ смерти императрицы, очутился въ заточеніи, въ ссылкѣ, и имѣнія его, какъ частныя, такъ и казенныя (герцогскія), освобожденныя изъ-подъ залога въ 1736 году, при его избраніи, снова подверглись секвестру по случаю взведенныхъ на него начетовъ со стороны русскаго правительства (³). Съ другой стороны Польское правительство, со времени пресѣченія Кетлерова дома домогавшееся уничтоженія Курляндской автономіи, желало воспользоваться неожиданнымъ устраненіемъ новой династіи и подчинить герцогства непосредственной своей власти. Король Августъ III лично отъ себя имѣлъ въ виду доставить герцогскую корону второму своему сыну Карлу; а какъ опытъ графа Морица Саксонскаго доказалъ, что безъ соглашенія съ Россіей мудрено получить успѣхъ, то принцъ былъ отправленъ въ 1758 году ко двору императрицы Елисаветы, съ цѣлію склонить ее въ свою пользу.

Если не личными достоинствами своими, въ которыхъ есть основательныя причины сомнѣваться (⁴), то благодаря средствамъ, о которыхъ позволительно лишь догадываться, принцу Карлу вполнѣ удалось задобрить Русское правительство. Императрица не только согласилась на его кандидатуру (⁵), но рѣшилась рекомендовать и поддерживать ее, потребовавъ лишь, чтобы для Русскихъ, проживающихъ въ Митавѣ, выстроена была церковь, и чтобъ русскіе корабли получили право убѣжища въ Курляндскихъ гаваняхъ, взамѣнъ чего изъявила готовность сложить съ герцогскихъ имѣній всѣ прежніе начеты (⁶). Курляндское рыцарство, оцѣнивая важность этого послѣдняго условія и наскучившее долговременнымъ неопредѣленнымъ положеніемъ своей страны, радостно воспользовалось случаемъ ускользнуть отъ поглощенія ея Польшею и избрало принца Карла. Оно не обратило при этомъ вниманія даже на то, что принцъ исповѣдывалъ католическую вѣру, между тѣмъ какъ основными положеніями герцогствъ опредѣлялось, чтобъ герцогъ былъ протестанскаго (аугсбургскаго) исповѣданія.

Такимъ образомъ политика наша въ отношеніи Курляндіи, дотолѣ вѣрная преданію, завѣщанному Петромъ I, получила совершенно новое направленіе. Она предоставляла герцогства совершенно новымъ вліяніямъ.

Между тѣмъ положеніе новаго герцога было чрезвычайно тягостно. Избраніе его было далеко не единодушно. Вѣра, которую онъ исповѣдывалъ, сильно вредила ему въ Курляндіи, а избраніе его и происшедшее отъ этого усиленіе Саксонской династіи, возбуждало противъ него Поляковъ. Курляндское рыцарство

(²) Кн. Меньшиковъ и гр. Морицъ Саксонскій, въ Русск. Вѣст. 1860 г., кн. I.

(³) Дѣло о Курл. герц. Биронѣ, въ Чтен. общ. ист. и древн. 1862, I,

(⁴) Записки имп. Екатерины.

(⁵) Тогда Семилѣтняя война была во всемъ разгарѣ. Русскимъ войскамъ надлежало не только проходить чрезъ Польскія владѣнія, но и оставаться тамъ по долгу. Польша волновалась, очевидно подстрекаемая Фридрихомъ II-мъ, и это обстоятельство, кажется, объяснитъ намъ поблажку, которую Елизавета Петровна оказывала намѣреніямъ Польскаго короля. Русская церковь появилась тогда и въ Кенигсбергѣ или старинномъ Кролевцѣ Прусскомъ. *П. Б.*

(⁶) Дѣла Курляндскія 1759 г., въ Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

съ своей стороны, пользуясь неблагопріятнымъ расположеніемъ польскаго сената къ настоящему разрѣшенію Курляндскаго вопроса, и понимая, что принцъ вынужденъ къ сговорчивости силою обстоятельствъ, поставляло его въ чрезвычайно тѣсныя рамы. Въ Курляндскихъ дѣлахъ Московскаго архива есть любопытное тому доказательство, а именно копія съ такъ называемыхъ (договорныхъ статей) *пактовъ-конвентовъ*, предложенныхъ новому герцогу при его избраніи, съ „ремарками", сдѣланными противъ нихъ кѣмъ-то изъ лицъ, преданныхъ Саксонской династіи (7). Принимая на себя обязательство освободить отъ секвестра государственныя имѣнія, принцъ принужденъ былъ отказаться отъ безусловной свободы распоряжаться ими; ему запрещалось, напримѣръ, отдавать ихъ въ аренду, не только иностранцамъ, но и Курляндцамъ, находившимся на службѣ иностранныхъ правительствъ, въ числѣ которыхъ разумѣлось и польское; ему не дозволялось пріобрѣтать покупкою имѣній у частныхъ лицъ (очевидно съ цѣлію лишить его возможности къ пріобрѣтенію вліянія въ краѣ), что̀, по замѣчанію „ремарки", ставило его въ положеніе худшее, нежели каждаго дворянина. Пользуясь настоящими обстоятельствами для ослабленія до возможной степени узъ, связывавшихъ герцогства съ Польшей, Курляндское рыцарство обязало своего герцога принять мѣры, чтобы при всеобщемъ замиреніи, по окончаніи Семилѣтней войны, международнымъ актомъ была ограждена политическая и религіозная свобода герцогствъ. „Невозможно изгладить (читаемъ мы въ „ремаркѣ" противъ этого пункта), явнаго недовѣрія, просвѣчивающаго въ этомъ къ верховенству Рѣчи Посполитой. Это тайное заискиваніе иностраннаго покровительства противъ республики! Это дѣйствіе, противъ котораго не льзя довольно сильно протестовать!" Но самыя сильныя предосторожности были приняты Курляндцами относителкно вопросовъ вѣры; этотъ предметъ занимаетъ большую часть пактовъ. Нечего дивиться этому: принцъ Карлъ былъ самъ католикъ, его жена (изъ дома Красинскихъ), его отецъ и особенно мать, были горячими католиками. Курляндцы возлагали на принца обязательство: не строить и не дозволять строить въ герцогствахъ ни костеловъ, ни часовень, ни моленеь; не допускать, чтобы въ странѣ возникали католическія общежитія и иныя учрежденія, а тѣмъ болѣе епископскія каѳедры; наблюдать, чтобъ лица изъ католическаго духовенства, отчасти проникшія въ послѣднее время, не смѣли совершать публичныхъ процессій, чтобы они не пріобрѣтали недвижимыхъ имѣній; чтобы всѣ общественныя должности были занимаемы исключительно людьми, принадлежащими къ аугсбургскому исповѣданію и чтобъ тѣ, которые къ нему не принадлежатъ, были удалены отъ должностей; всѣ послабленія, допущенныя въ отношеніи католическаго духовенства въ прежнее время, принцъ Карлъ долженъ былъ искоренять; для него лично дозволялось устроить въ Митавскомъ герцогскомъ дворцѣ каплицу, но при его наслѣдникѣ (который долженъ былъ, подчиняясь коренному закону страны, быть лютераниномъ), помянутая каплица подлежала уничтоженію.

Эти постановленія, обнаруживающія столь явную непріязнь и недовѣріе къ католичеству, возбудили сильное негодованіе въ составителѣ „ремарокъ". „Справедливо ли, восклицаетъ онъ, требовать, чтобъ то, что̀ католикамъ удалось пріобрѣсть при герцогахъ-лютеранахъ, было отобрано у нихъ герцогомъ-католикомъ, рожденнымъ отъ родителей, преданныхъ католичеству?" На все это однакожъ Курляндцы требовали безусловнаго согласія отъ принца Карла, и даже съ такою оговоркою, что онъ дозволяетъ чинамъ высказать и дальнѣйшія свои желанія до принесенія ими присяги, обязываясь тѣмъ самымъ признать и принять всѣ требованія, какія они пожелали бы сдѣлать... Это было слишкомъ тяжело. Принцъ ме-

(7) Дѣла Курлянд. 1759.

длилъ подписывать пакты-конвенты, а Курляндцы медлили ему присягать; по крайней мѣрѣ присягнуло далеко не все рыцарство, и ландтаги (сеймы), собиравшіеся по нѣскольку разъ въ годъ, расходились ничего не постановивъ и не только не подвигая соглашенія страны съ своимъ герцогомъ, но, напротивъ, все болѣе усиливая разъединеніе.

Таково было положеніе дѣлъ въ Курляндіи, по извѣстіямъ, которыя сообщалъ нашему двору русскій посланникъ въ Митавѣ, Симолинъ, положеніе, ни мало не похожее на то, какимъ его изображаетъ Рюльеръ и нѣкоторые другіе писатели, черпавшіе свои извѣстія изъ польскихъ расказовъ и изъ свѣдѣній французскаго министерства. Читая этихъ писателей, можно думать, что въ Польшѣ горячо сочувствовали водворенію принца Карла въ Курляндіи; а по нашимъ извѣстіямъ оппозиція противъ политики Августа III-го въ Курляндскихъ дѣлахъ была такъ сильна, что Литовскій канцлеръ кн. Чарторыйскій не согласился приложить печати къ диплому принца Карла на герцогское достоинство: безъ обѣихъ же печатей, коронной и литовской, дипломъ не имѣлъ законной силы.

Со смертію императрицы Елизаветы дѣла принца Карла могли принять еще худшій оборотъ. При ея жизни русское правительство сохраняло относительно него благосклонный нейтралитетъ; но какъ отнесется къ нему новое правительство? Симолинъ не могъ не знать, что императоръ, будучи великимъ княземъ, показывалъ весьма явно нерасположеніе[8], къ принцу, а потому поспѣшилъ испросить себѣ инструкцію [9], напоминая вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ еще не получилъ повелѣнія формальнымъ образомъ объявить герцогу и рыцарству о вступленіи на престолъ новаго императора. На это представленіе послѣдовалъ отвѣтъ [10], въ которомъ говорилось: „Мы предписываемъ и желаемъ, чтобы оныя (прежнія инструкціи) оставляя вовсе, поелику касаться могутъ до совершеннаго въ Курляндіи утвержденія нынѣшняго герцога, обратили вы, напротивъ того, въ защиту и подкрѣпленіе поборствующаго за вольность и преимущества свои рыцарства и дворянства, кои еще не сдѣлали сему принцу присяги, подкрѣпляя ихъ при всякомъ случаѣ (сколько справедливость о соблюденіи правъ ихъ въ цѣлости позволить можетъ) въ прежнихъ мнѣніяхъ и сопротивленіи, отнюдь не преклоняя въ пользу герцога къ принужденному единогласію“.

Невозможно было сдѣлать болѣе крутой поворотъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно было сдѣлать распоряженіе болѣе облегчавшее обязанности нашего посланника: ему было гораздо легче поддерживать оппозицію въ отношеніи герцога, нежели склонятъ рыцарство на его сторону. «Наставленіе сіе, писалъ Симолинъ [11], въ отвѣтъ на новую инструкцію, принялъ я въ такое правило, по которому поступать могу съ надежнымъ успѣхомъ къ пріобрѣтенію дѣйствительнаго исполненія воли и намѣренія вашего императорскаго величества“ [12]. 1 февраля (н. ст.) открытъ былъ сеймъ. При этомъ оказалось, что почти всѣ тѣ кирхшпили, (церковные приходы или уѣзды), которые уже обнаружили оппозицію на прежнихъ ландтагахъ, прислали и на нынѣшній депутатовъ съ прежними инструкціями. Имъ между прочимъ поручено было настаивать, чтобъ дѣти герцога были воспитаны въ протестанской вѣрѣ [13], а изъ этого Симолинъ заключалъ, что и нынѣшній сеймъ ни къ чему не приведетъ и породитъ лишь сильнѣйшіе споры. Нѣсколько дней спустя, онъ до-

---

(8) Зап. имп. Екатерины.

(9) Реляція 8 янв. 1762.

(10) Рескриптъ 22 янв. 1762.

(11) Рел. 29 янв. (9) февр. 1762

(12) Не слѣдуетъ забывать, что этотъ Симолинъ (Карлъ-Густавъ Матвѣевичь, коего младшій братъ Иванъ болѣе его извѣстенъ въ Русской дипломаціи), былъ самъ уроженецъ Остзейскаго края. *П. Б.*

(13) Реляц. 22 янв. (2) февр.

носилъ ([14]), что имѣлъ уже случай переговорить съ нѣкоторыми депутатами, противными герцогу: „Ласкаю себя, писалъ онъ, что непримѣтныя мои внушенія... принесли желанный свой плодъ и очень обрадовали тѣхъ, кои донынѣ дѣйствовали противъ герцога. По всякому чаянію здѣшній сеймикъ, который для герцога и теперь не весьма авантаженъ, въ скорости уничтоженъ быть можетъ подъ такимъ претекстомъ, дабы депутаты имѣли время до будущаго сеймика согласовать всѣ кирхшпили къ старанію о соблюденіи цѣлости своей религіи, правъ и преимуществъ, а я межъ тѣмъ не примину свои внушенія распространять".

Между тѣмъ герцогъ, извѣстясь о вступленіи на престолъ Петра III, поспѣшилъ отправить къ нему генерала Лашеналя съ собственноручнымъ поздравительнымъ письмомъ. Сеймъ съ своей стороны тоже пожелалъ послать депутацію въ Петербургъ и выбралъ для этого депутатовъ Гейкинга и Плетенберга, людей, которые въ предшествующемъ году были посыланы въ Варшаву отъ нѣкоторыхъ кирхшпилей для принесенія жалобъ на герцога ([15]). Такое назначеніе не могло, конечно, быть пріятно принцу Карлу, тѣмъ болѣе, что о рѣшеніи сейма онъ вовсе не былъ предувѣдомленъ. Получивъ извѣщеніе объ этомъ избраніи, принцъ замѣтилъ, что отправленіе генерала Лашеналя имѣетъ характеръ совершенно партикулярный, и что онъ желалъ бы имѣть участіе въ торжественной депутаціи, отправляемой сеймомъ, почему я предлагалъ принять въ составъ депутаціи, вмѣсто Гейкинга, герцогскаго канцлера Кейзерлинга. Чтобъ объявить Симолину объ этомъ новомъ предметѣ препираній сейма съ герцогомъ, нарочно забѣжалъ къ нему самъ ландботенъ-маршалъ Клопманъ. Онъ говорилъ, что назначеніе Гейкинга и Плетенберга сдѣлано по его стараніямъ, и что онъ будетъ настаивать, дабы никакъ не допустить смѣны котораго либо изъ нихъ, подъ какимъ бы то ни было благовиднымъ предлогомъ. По поводу депутаціи сейма въ Петербургъ натянутыя отношенія между принцемъ и сеймомъ сдѣлались еще болѣе недружелюбны ([16]). Сеймъ отказался измѣнить составъ депутаціи, назначенной по большинству голосовъ, предлагая принцу присоединить къ этой депутаціи уполномоченнаго и отъ себя, и присовокупилъ, что въ противномъ случаѣ пошлетъ своихъ депутатовъ безотлагательно. На это принцъ отвѣчалъ сейму, что онъ не хочетъ препятствовать отправленію депутаціи, но не можетъ ее и апробовать, и никакого участія въ ней не приметъ.

Одновременно съ этою перепискою довольно раздражительнаго свойства шла другая, именно о томъ, чтобъ принцъ далъ обязательство воспитывать своихъ дѣтей въ протестанской религіи. Заключая, повидимому, подобно Симолину, что нынѣшній сеймъ къ благопріятному концу придти не можетъ, имѣя на своей сторонѣ не болѣе шести приходовъ ([17]) и предполагая между прочимъ отлучиться изъ Курляндіи для лѣченія, принцъ предложилъ сейму, не найдетъ ли онъ удобнымъ отложить свои засѣданія до срока обыкновенныхъ сеймовъ. Сторона, непріязненная герцогу, и во главѣ ея ландъ-маршалъ, приняла это предложеніе съ радостію: они надѣялись обратить отсрочку въ свою пользу. По этому поводу Симолинъ писалъ: „И такъ нынѣшній сеймикъ, который пять недѣль продолжался, окончился безплодно, и чаять можно, что при начатіи новаго, герцогъ едва ли не лишится и вышеупомянутыхъ шести кирхшпилей отъ своей стороны". Когда сеймъ былъ распущенъ, депутаты, передъ отъѣздомъ изъ Митавы, по обыкновенію, явились во дворецъ, чтобъ откланяться. Обратясь къ герцогу, ландъ-маршалъ выразилъ сожалѣніе отъ имени депутатовъ, что минувшій сеймъ „противъ своей во-

---

([14]) Рел. 29 янв.

([15]) Рел. 2 февр.

([16]) Реляц. 9 февр. и прил. къ ней.

([17]) Реляц. 23 февр.

ли" не дошелъ до конца. При этихъ словахъ, пишетъ Симолинъ ([18]) "герцогъ не могъ скрыть своего неудовольствія и ландъ-ботенъ-маршалу, отвѣтствовалъ на сіе, что онъ желаетъ, что хотя бъ депутаты возвратились въ лучшихъ сентиментахъ и такимъ образомъ себя предуготовили, дабы впредь не были подвержены отвѣту предъ королемъ и республикою".

Депутаты разъѣхались. Вскорѣ послѣ нихъ отправился въ Варшаву и принцъ, оставивъ въ Митавѣ работать о пріобрѣтеніи голосовъ въ свою пользу совѣтника Цигенгорна, человѣка, по словамъ Симолина, для всѣхъ ненавистнаго. По тому же свидѣтельству, кирхшпили вообще одобрили дѣйствія своихъ уполномоченныхъ на ландтагѣ: назначеніе, сдѣланное ими для депутаціи и, главное, отсрочку относительно рѣшенія по недоразумѣніямъ съ герцогомъ.

Между тѣмъ Курляндскіе депутаты, Гейкингъ и Плетенбергъ, прибыли въ Петербургъ и были тамъ приняты весьма милостиво. Въ тоже время получилъ приглашеніе прибыть въ Петербургъ оберъ-бургграфъ баронъ Офенбергъ. Между всѣми этими лицами и довѣренными совѣтниками императора происходили частыя совѣщанія: очевидно, что-то важное для Курляндіи замышлялось и подготовлялось... Дѣйствительно, императоръ Петръ желалъ доставить корону Курляндіи своему дядѣ герцогу Георгу-Людвигу Голштинскому.

Биронъ, какъ извѣстно, возвращенъ былъ изъ Пелыми императрицею Елизаветой, и мѣстомъ его жительства опредѣленъ Ярославль. Это былъ, конечно, очень счастливый поворотъ въ судьбѣ опальнаго семейства; но положеніе Бироновъ было еще чрезвычайно далеко отъ того, какое они нѣкогда имѣли. Они просили дозволенія поселиться въ Москвѣ, но въ этомъ было имъ отказано. Петръ, вступивъ на престолъ, вызвалъ ихъ въ Петербургъ, откуда, казалось бы, недалеко уже и до Митавы. Но это было не въ видахъ императора. Бывшему герцогу предложено было уступить свои права на Курляндію принцу Георгу Голштинскому, въ замѣнъ чего съ него обѣщано было снять всѣ введенные на него начеты и возвратить всѣ его частныя имѣнія. Биронъ, безъ сомнѣнія, не того ожидалъ, поспѣшая въ Петербургъ; но положеніе его было не таково, чтобы, противиться подобнымъ предложеніямъ, обѣщавшимъ ему въ замѣнъ ненадежной власти, по крайней мѣрѣ, прочное богатство. Онъ согласился.

Между тѣмъ при Петербургскомъ дворѣ происходили весьма дѣятельныя сношенія съ Прусскимъ посланникомъ барономъ Гольцомъ. 24 апрѣля заключенъ былъ мирный трактатъ, прекращавшій военныя дѣйствія противъ Пруссіи, а вслѣдъ за тѣмъ приступлено къ постановленію основаній союзнаго договора, предметомъ котораго были, между прочимъ, и Курляндскія дѣла. Полный текстъ этого трактата, заключеннаго 8 іюня, напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ вмѣстѣ съ двумя сепаратными его артикулами; но три секретные пункта этого трактата въ Полномъ Собраніи выпущены. Содержаніе ихъ передано г. Фр. Шмидтомъ въ его превосходномъ изслѣдованіи: ***Frederic II, Catherine et le partage de la Pologne***, но лишь въ общихъ чертахъ; поэтому мы считаемъ не лишнимъ привести его вполнѣ, придерживаясь тексту русскаго перевода этого трактата (оригиналъ его по нѣмецки), на которомъ сдѣлана помѣта: „сей проэктъ апробованъ отъ е. и. в—ва тако: *быть по сему, Петръ*" ([18]).

([18]) Реляц. 2 марта.

([18]) Трактатъ, о которомъ говорится, не былъ ратификованъ императоромъ за воспослѣдовавшею его кончиной и, по словамъ Фр. Шмидта, на немъ находится подпись одного только короля Прусскаго: *Federic rex*. Къ сожалѣнію почтенный (не давно умершій) авторъ не указываетъ, гдѣ онъ видѣлъ утвержденный подписью короля Прускаго актъ. Можетъ быть, въ Берлинѣ; въ Москвѣ же его нѣтъ и быть не можетъ, потому что актъ за подписью короля Фридриха могъ быть полученъ русскимъ правительствомъ

Второй секретный артикулъ, именно тотъ, который касается Курляндскихъ дѣлъ, изложенъ слѣдующимъ образомъ: „Понеже какъ е. и. в—у Всероссійскому, такъ и е. к. в—ву Прусскому соблюденіе сосѣднихъ княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго нужно, и чтобъ оныя всегда и во всякія времена при ихъ древней формѣ, уставѣ, вольностяхъ и привиллегіяхъ по дѣламъ свѣтскимъ и религіи подъ ихъ собственнымъ герцогомъ, въ силу договоровъ подверженія (pactis subjectionis) коронѣ Польской и съ предоставленіемъ королевскаго и республики (jure regis et respublicae) польской права, ненарушимо оставлены и содержимы были; такожъ чтобъ въ противность сему никакой перемѣны въ состояніи сихъ княжествъ и что сосѣднимъ державамъ въ предосужденіе быть моглобъ, никогда предвоспріято не было: того ради обои и-р-ое и к-л-ое в-ва между собою чрезъ сіе обязались о такомъ соблюденіи помянутыхъ княжествъ обще стараться и оныя при ихъ издревле установленныхъ правахъ и вольностяхъ во всѣхъ случаяхъ защищать и содержать“.

„А какъ е. к. вы-ство, Саксонскій принцъ Карлъ, отрекся ратификовать заключенные съ чинами княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго договоры, почему сихъ княжествъ старая форма, уставъ, вольности и привилегіи по дѣламъ свѣтскимъ и религіи надежности не имѣютъ, и по которому помянутаго с. к. вы-ва отрицанію е. св-ть Курляндскій герцогъ Эрнстъ-Іоганъ прежнія свои права на означенныя княжества получилъ; но въ разсужденіи оказанныхъ е. с-ти и всей его фамиліи великихъ отъ е. и. в-ва Всероссійскаго милостей, и изъ признанія за оныя, е. св-ь за себя и своихъ потомковъ совершенно отрекся отъ всѣхъ на Курляндское и Семигальское герцогства правостей и совсѣмъ отъ оныхъ отказался въ пользу е. выс-ва Голштейнъ-Готорпскаго герцога Георгія-Людовика и его наслѣдниковъ, по избранію е. выс-ва Курляндскими чинами въ ихъ герцоги: то е. и. в. Всероссійское, равно какъ и е. к. в. Прусское, по желанію своему, е. и. в-у Голштин-му во всемъ по возможности снисхожденіе показывать согласились и обязались не только дѣйствительному избранію въ герцоги Курляндскіе и Семигальскіе помянутаго е. в-ы-ва не препятствовать, но еще всякимъ образомъ въ томъ способствовать; а особливо скорому и дѣйствительному доставленію отъ республики Польской инвеституры на оное избраніе е. в-вы-ва обще и всѣми силами поспѣшествовать. Сверхъ же того е. и. в. объявляетъ, что немедленно учинитъ распоряженіе, чтобъ помянутый герцогъ Эрнстъ-Іоганъ обратно получить могъ во владѣніе свое купленное имъ напредь сего гершафство Вартенбергъ. Въ увѣреніи того и пр. Михаилъ графъ Воронцовъ. Бернгардъ-Вильгельмъ баронъ Гольцъ“.

Лицо, которое должно было извлечь наиболѣе пользы изъ всего этого дѣла, герцогъ Георгъ, естественно не могъ оставаться чуждымъ какъ ходу переговоровъ о союзномъ трактатѣ, такъ и перепискѣ по Курляндскимъ дѣламъ. Его непосредственное въ нихъ участіе даже несомнѣнно, какъ это видно изъ собственноручной его записки, сохранившейся въ архивахъ ([19]). Самъ императоръ лично принималъ въ нихъ участіе. Но пока еще велись переговоры съ Бирономъ и Гольцомъ о разрѣшеніи Курляндскихъ дѣлъ, политика наша въ Митавѣ принуждена была ограничиваться лишь протестами противъ принца Карла и пользоваться религіозной стороной вопроса. Въ такомъ смыслѣ и писались предписанія къ Симолину. Чтобы дать дѣлу болѣе быстрый ходъ, предполагалось отправить въ Митаву ближайшаго любимца государева Гудо-

---

и за тѣмъ поступить въ русскій архивъ лишь въ обмѣнъ на таковой же актъ, за подписью императора Петра III, чему, какъ сказано, воспрепятствовала смерть этаго государя.

([19]) Дѣла Курл. 1762.

вича. Этому довѣренному лицу, еще за долго до окончанія переговоровъ о Курляндскихъ дѣлахъ съ Прусскимъ уполномоченнымъ, вполнѣ были раскрыты виды правительства. Въ изготовленной ему инструкціи ([20]) на него возлагалось объяснить Курляндцамъ, что принцъ Карлъ, какъ католикъ, не можетъ быть терпимъ на герцогскомъ престолѣ, и что прежній и единственно-законный ихъ герцогъ, Эрнстъ-Іоганнъ, теперь на свободѣ и слѣдовательно долженъ вступить въ свои права. Впрочемъ передъ наиболѣе благонамѣренными изъ Курляндцевъ дозволялось Гудовичу открыть, что Биронъ отказывается отъ своихъ правъ въ пользу герцога Георга. „Если, писано между прочимъ въ этой инструкціи, усмотрите вы какое либо между ними (Курляндцами) со стороны Польскаго двора и республики опасеніе, то можете всѣхъ и каждаго нашею и короля Прусскаго протекціею сильно обнадеживать, а въ случаѣ надобности, и формально сіе обнадеженіе дать; но за верхъ вашею искусства и всѣхъ услугъ постановили бъ мы, если бъ вы предуспѣли до того довести, чтобы княжества Курляндское и Семигальское, яко вольныя и отъ Польши только зависящія, а впрочемъ ни защищенія, ни правосудія, ниже малѣйшей помощи никогда не имѣющія, отдали себя и съ своимъ герцогомъ въ нашу протекцію, подъ гарантіею е. в-ва короля Прусскаго, а кондиціи могутъ себѣ выговорить, какія сами пожелаютъ“.

Послѣдняя статья, о превлеченіи Курляндцевъ къ русскому подданству, никогда не была открыта Симолину; но въ первыхъ числахъ іюня, то есть, когда союзный договоръ съ Пруссіею былъ уже окончательно соглашенъ между уполномоченными, правительство наше рѣшилось высказать и Симолину свои виды опредѣлительнѣе, хотя не съ тою откровенностію, какъ Гудовичу. „Объявите Митавскому правительству, земству и вообще всѣмъ и каждому сообщайте, писалъ гр. Воронцовъ Симолину отъ 3 іюня, что мы никогда допустить не можемъ, чтобъ принцъ католической вѣры владѣлъ герцогскимъ титломъ въ противность фундаментальныхъ земскихъ уставовъ; и что потому намѣрены герцога Эрнста Іогана *на нѣкоторое время* во владѣніи герцогствомъ Курляндскимъ оставить, тѣмъ наипаче, что онъ въ разсужденіи партикулярныхъ своихъ обстоятельствъ можетъ быть склонится уступить сіе герцогство другому принцу евангелической вѣры“ ([21]). Вслѣдъ за тѣмъ предписывалось Симолину объявить оберъ-ратамъ, что русское правительство, имѣя многія причины неудовольствія на принца Карла, рѣшается снова наложить секвестръ на герцогскія имѣнія, и что это распоряженіе поручалось ему привести въ дѣйствительное исполненіе ([22]).

Если поддержка Курляндской оппозиціи русскимъ резидентомъ произвела, какъ кажется, вообще благопріятное впечатлѣніе въ средѣ рыцарства, то послѣднія объясненія Симолина многихъ сильно смутили. Оберъ-раты замѣтили ему, что онъ ставитъ ихъ въ страшную отвѣтственность передъ королемъ и республикою, что никто не освобожденъ отъ присяги, принесенной принцу Карлу, что впрочемъ они, оберъ-раты, распоряженіямъ русскаго резидента не противятся, но считаютъ своимъ долгомъ довести о нихъ немедленно до свѣдѣнія герцога и Варшавскаго сената ([23]). Что касается до рыцарства, то настроеніе умовъ этого сословія изображено Симолинымъ слѣдующимъ образомъ: ([24]) „Нынѣ, пишетъ онъ, здѣсь три партіи: одна для принца Карла, другая для герцога Эрнста-Іоганна и третья для е. выс.-ва гер-

([20]) Инстр. (черновая) приложена къ рескрипту отъ 2 мая.

([21]) Курл. дѣла 1762. Переводъ съ этого рескрипта, какъ видно изъ помѣтъ на его отпускѣ, сообщенъ былъ герцогу Георгу.

([22]) Распоряженіе о нѣкоторыхъ подробностяхъ этого дѣла написано рукою герцога Георга.

([23]) Курл. дѣло 1762 рел. Симол. отъ 11 іюня.

([24]) Тамъ же 15 іюня.

цога Голштейнъ-Готорпскаго. Первою руководствуетъ извѣстный Гейкингъ (однофамилецъ того, который былъ от правленъ въ Петербургъ депутатомъ), который напередъ сего бывалъ въ Дрезденѣ и при всякомъ случаѣ показывалъ свою неблагонамѣренность къ Россійскому двору. Его поступки всегда были сомнительны и только къ тому простирались, дабы завести въ землѣ несогласія. Онъ напослѣдокъ соединился съ совѣтникомъ Цигенгорномъ (главнымъ наперсникомъ принца Карла), получилъ себѣ кредитъ у принца Карла, отъ котораго гауптманомъ Дубенскимъ пожалованъ. Сей Гейкингъ и Цигенгорнъ употребляютъ всякіе способы на составленіе и содержаніе партіи принца Карла, состоящей главнѣйше въ арендаторахъ (герцогскихъ имѣній), которые, хотя и не отказали мнѣ платить до должнаго указу арендныя деньги, однакожь пребываютъ въ сомнѣніи по учиненнымъ отъ оныхъ Гейкинга и Цигенгорна нескладнымъ внушеніямъ, а именно, что здѣшнее правленіе, дѣйствующееименемъ принца Карла, никоимъ образомъ отмѣнено быть не можетъ, потому что онъ защищеніе имѣетъ отъ другихъ дворовъ, своихъ свойственниковъ, и что будто е. в. король Прусскій самъ склоненъ за него заступить у в. и. в-ва... Тѣмъ, которые мнѣ о семъ сообщали, я доказывалъ неосновательство такихъ вредныхъ самому благу разсужденій и безнадежныхъ обѣщаній, присовѣтывая поступками своими заслуживать милость и награжденіе в. и. в-ва....“

„Что же касается до другой и третьей партіи, то изъ нихъ нѣкоторые являютъ свою склонность къ тому и другому, однако наипаче ожидаютъ, какая далѣе принята будетъ резолюція отъ в. и. в-ва въ разсужденіи положеннаго ареста на герцогскіе доходы. Подлинно, что секвестръ много можетъ дѣйствовать въ здѣшнихъ дѣлахъ и совсѣмъ уничтожить партію принца Карла; ибо искусство доказало, сколь она привыкла разсматривать сентименты и преданность по своимъ партикулярнымъ видамъ; почему со временемъ можно будетъ соединить всѣ сіи партіи въ пользу того, котораго в. и. в-во истинно намѣрены назначить къ симъ герцогствамъ“ ([25]).

Не взирая на увѣренность, выраженную въ послѣднихъ словахъ, изъ общаго тона депеши Симолина видно, что партія принца Карла усилилась въ послѣднее время, а между его противниками произошло разъединеніе. Это разъединеніе обнаружилось даже въ средѣ депутаціи, которая была послана въ Петербургъ и состояла, какъ сказано, всего изъ двухъ человѣкъ. Ее долго задерживали при русскомъ дворѣ; одинъ изъ депутатовъ, Плеттенбергъ, возвратился въ Митаву къ Иванову дню, 12 (24) іюня; другой же, Гейкингъ, еще оставался въ Петербургѣ, потому ли, что его болѣе тамъ обласкали, или же онъ былъ обласканъ потому, что обнаружилъ болѣе, чѣмъ его товарищъ, готовности войти въ виды русской политики. Между тѣмъ Плеттенбергъ, какъ доноситъ Симолинъ, по возвращеніи на родину „нарекалъ“ между своими довѣрителями поведеніе Гейкинга въ Петербургѣ и говорилъ, что онъ преступилъ свои полномочія. Это нареканіе не осталось безъ отголоска, и въ странѣ стали ходить неблагопріятные для Гейкинга слухи. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Въ инструкціи, данной Курляндскимъ депутатамъ, было между прочимъ написано: „в. и. в. съ крайнею униженностію просимъ, чтобъ сіи герцогства, яко сосѣдственная провинція, — которая при случающихся въ Европѣ многократныхъ перемѣнахъ, по причинѣ времени и обстоятельствъ, иногда по своей ситуаціи разныя притѣсненія претерпѣвать принуждена, — такое высочайшее благонамѣреніе и впредь себѣ въ пользу употреблять могла“. Плеттенбергъ полагалъ, что въ этой просьбѣ шло дѣло лишь о томъ, чтобы при передвиженіи

([25]) Рескриптъ объ уступкѣ Бирономъ своихъ правъ герцогу Георгу еще не былъ извѣстенъ Симолину. Реляція, изъ которой приведена эта выписка, отъ 25 іюня.

русскихъ войскъ черезъ герцогства, ихъ не обременяли чрезмѣрными повинностями; просить же защиты и покровительства у чужестраннаго государя, говорилъ онъ, и не прилично и не законно, съ чѣмъ однако не согласился Гейкингъ. Въ Митавѣ пущено было въ обращеніе безъимянное письмо, авторъ котораго старается, похваляя поведеніе и честные сентименты Плеттенберговы, обругать и обвинить всячески Гейкинга, будто онъ поступалъ противу земскихъ законовъ, вѣрности и обязательства рыцарства. Содержаніе сего письма столь отважно, какъ и возмутительно для здѣшняго шляхетства. Авторъ, вступая не въ принадлежащее до него разсужденіе, не только защищаетъ права и преимущества короля и республики Польской, показывая на трактаты при избраніи герцога Бирона и принца Карла..... но и не стыдится научать, что в. и. в. не можете мѣшаться въ сіе дѣло, яко по тому единственно отъ короля и республики зависящее, не упоминая однако о тѣхъ гарантіяхъ, которыя даны отъ всепресвѣтлѣйшихъ вашихъ предковъ на подлежащія республикѣ провинціи и, устрашая, уговариваетъ шляхетство самыми неосновательными мнѣніями не имѣть сношеній съ чужими дворами, но вѣрными оставаться е. к. вы-ству" ([26]). Это письмо приписывалось гауптману Гейкингу, главному приверженцу Саксонскаго принца и пріятелю Цигенгорна.

Агитація, которую производили нѣкоторые члены Курляндскаго дворянства, начинала принимать довольно непріятное для нашей политики направленіе. Плеттенбергъ, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ Вигандомъ, отправился въ Литву, для свиданія, съ княземъ Чарторыйскимъ, канцлеромъ Литовскимъ, послѣ чего онъ предполагалъ проѣхать въ Варшаву. Впрочемъ эта агитація не имѣла ничего особенно устрашающаго, по увѣренію Симолина; онъ полагалъ только, что необходимо агитировать и въ противуположномъ смыслѣ. „Полезно было бы, писалъ онъ, чтобы герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ написалъ къ здѣшнему дворянству, съ обнадеживаньемъ о благоволительныхъ своихъ сентиментахъ". Но въ Петербургѣ между тѣмъ дѣло подвинулось уже на столько, что казалось возможнымъ раскрыть Симолину все содержаніе договора съ Пруссіей по Курляндскимъ дѣламъ. Онъ былъ уполномоченъ объявлять, что герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ „только претекстомъ служитъ" и что онъ уступилъ свои права на Курляндію герцогу Георгу-Людвигу Голштинскому.

Но въ это самое время въ дѣлахъ самой Россіи произошелъ крутой переворотъ. Рескриптъ, изъ котораго извлечены вышеприведенныя слова, былъ последнимъ, посланнымъ Симолину отъ имени императора Петра III ([27]); три дня послѣ его отправленія вступила на престолъ Екатерина. Какъ извѣстно, она устранила сдѣлку между Бирономъ и принцемъ Георгомъ и настояла на прямомъ и безусловномъ возвращеніи перваго изъ нихъ. 4 августа подписанъ былъ императрицею актъ, которымъ она снимала секвестръ съ герцогскихъ имѣній и возвращала Бирону всѣ имѣнія, дарованныя ему лично Анною Іоанновной. Съ своей стороны Биронъ отрицался за себя и наслѣдниковъ своихъ отъ всякихъ претензій противъ Россіи, обязуясь править въ дѣйствительное исполненіе обязательствъ, данныхъ герцогомъ Карломъ, и между прочимъ отстроить православную церковь въ Митавѣ, къ чему, какъ можно судить по словамъ заключеннаго въ 1762 году акта, едва ли было и приступлено. Биронъ отправился сначала въ Ригу, откуда ему было удобнѣе, нежели изъ Петербурга, вести переговоры съ приверженцами своими и дѣйствовать на своихъ противниковъ. Изъ донесеній Симолина и генерала Броуна (Рижскаго генералъ-губернатора) оказывается, что рыцарство не обнаружило непріязни къ Бирону. Для однихъ онъ былъ ихъ единственно-законнымъ

([26]) Реляц. Симол. отъ 22 іюня.

([27]) Дѣла Курл., рескр. отъ 25 іюня.

герцогомъ, уклоненіе отъ вѣрноподданства которому было преступленіемъ; другіе,— и такихъ было весьма много,— склонялись на его сторону изъ опасенія католическаго вліянія, которое, безъ сомнѣнія, не замедлило бы обнаружиться при принцѣ Карлѣ; для всѣхъ, наконецъ, освобожденіе герцогскихъ имѣній отъ долговъ и секвестра стояло на первомъ планѣ. Что касается до короля Августа, то онъ долго протестовалъ противъ рѣшенія, принятаго новымъ русскимъ правительствомъ. Но такъ какъ, съ одной стороны, это рѣшеніе было неизмѣнно, а съ другой, настоянія его не встрѣтили поддержки въ Польскомъ сенатѣ, въ которомъ князья Чарторыйскіе постоянно противились водворенію принца Карла въ Курляндіи, то онъ былъ наконецъ принужденъ признать совершившійся фактъ и покориться ему.

Такимъ образомъ русская политика въ Курляндскомъ вопросѣ снова возвратилась къ Петровскимъ преданіямъ, отъ которыхъ было отклонили ее императрица Елисавета и Петръ III. Правда, герцогъ Георгъ Голштинскій находился въ близкомъ родствѣ съ императорскимъ домомъ, и добрыя отношенія государей между собою не остались бы вѣроятно безъ вліянія и на ихъ политику; но эта родственная связь въ слѣдующемъ поколѣніи уже сдѣлалась бы менѣе тѣсною. При томъ дядя императора былъ въ тоже время генералъ прусской службы и усердный почитатель короля Фридриха. Кто знаетъ, вліянію котораго изъ двухъ сосѣднихъ дворовъ онъ подчинился бы? А если принять во вниманіе неизбѣжное воздѣйствіе на герцога (лютеранина по вѣроисповѣданію, нѣмца по происхожденію и понятіямъ) Курляндскаго дворянства, то едва ли мы не въ правѣ будемъ заключать, что политика Петра III, извлекая Курляндію изъ подъ вліянія Польши, обдѣлывала дѣло Пруссіи и заготовляла въ будущемъ серіозныя затрудненія для Россіи относительно ея прибалтійскаго края. Правда, изъ инструкціи, данной Гудовичу, видно, что императоръ Петръ III имѣлъ въ виду присоединеніе Курляндіи къ Россіи, но на извѣстныхъ условіяхъ и за гарантіей Пруссіи. Такое положеніе герцогствъ обусловливало бы между ними и Россіей еще менѣе прочную связь, нежели та, которая существовала между ними и Польшей, и образовала бы изъ нихъ центръ, къ которому неизбѣжно стали бы тяготѣть Лифляндія и Эстляндія.

Такимъ образомъ, кажется намъ, политика наша по Курляндскому вопросу въ кратковременное царствованіе Петра III должна была привести или къ нравственному подчиненію прибалтійскаго края Пруссіи, или къ образованію изъ него отдѣльнаго нѣмецкаго владѣнія.

П. Щебальскій.

УЧЕНІЕ И УЧЕНИКИ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(*По поводу біографіи А. Я. Полѣнова.*)

Въ жизнеописаніи А. Я. Полѣнова, помѣщенномъ въ Русск. Арх. за 1865 г. на стр. 445 (перваго изданія) сказано: „Алексѣй Яковлевичъ 11-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ бывшую при Академіи наукъ гимназію. Пройдя въ ней первоначальное ученіе, онъ поступилъ въ 1754 году въ учрежденный при Академіи, но недолго существовавшій, университетъ съ званіемъ студента и здѣсь посвятилъ себя преимущественно изученію юриспруденціи“. Автору этого любопытнаго жизнеописанія была неизвѣстна небольшая, но во всякомъ случаѣ не лишенная интереса замѣтка, извлеченная г. Билярскимъ изъ архивовъ Академіи наукъ и относящаяся именно къ той эпохѣ жизни Полѣнова, когда онъ изъ академической гимназіи переходилъ въ университетъ. Замѣтка эта упоминаетъ о званіи отца, мѣстѣ рож-

денія и возрастѣ Полѣнова при вступленіи его въ университетъ; изъ нея же видно, что какъ онъ, такъ и другіе семеро гимназистовъ, вмѣстѣ съ нимъ допущенные къ слушанію университетскихъ лекцій по экзамену (въ которомъ принималъ участіе и Ломоносовъ) на первыхъ порахъ испытали маленькую неудачу. „Въ засѣданіи 18 марта (1754 года) — читаемъ на стр. 260-й изданныхъ г. Билярскимъ „Матеріаловъ для біографіи Ломоносова" — Ломоносовъ участвовалъ въ экзаменѣ 8 учениковъ гимназіи (въ томъ числѣ былъ *Alexius Polenow,* militis filius, Mosquae natus, aetate decem et quinque annorum *), которые были допущены къ слушанію университетскихъ лекцій, но оказались столь слабыми въ латинскомъ языкѣ, что не понимали профессорскихъ лекцій; вслѣдствіе чего имъ велѣно нѣкоторое время ходить въ верхній латинскій классъ академической гимназіи."

Для объясненія этого обстоятельства необходимо познакомиться съ состояніемъ академической гимназіи въ то время, когда воспитывался въ ней Полѣновъ. Здѣсь представится намъ нѣсколько интересныхъ данныхъ, не лишенныхъ значенія какъ вообще для характеристики той эпохи, такъ и для составленія себѣ болѣе яснаго представленія о томъ, много ли могли выносить изъ тогдашней гимназіи ея воспитанники.

Безъ сомнѣнія, главною виною обнаружившейся въ университетѣ малоуспѣшности Полѣнова и его товарищей въ латыни было плохое преподаваніе этого предмета въ академической гимназіи. Мы имѣемъ основаніе думать, что и преподаваніе другихъ предметовъ шло въ ней также не совсѣмъ удовлетворительно. До изданія новаго академическаго регламента ([1]), *расположеніе* въ гимназіи, по свидѣтельству Ломоносова, было таково, „что ни одинъ школьникъ въ студенты изъ ней не выпущенъ, кромѣ одного или двухъ, которые прежде въ другихъ школахъ доброе положили основаніе". Причины такого „бѣднаго состоянія", по словамъ Ломоносова, были слѣдующія: „Учители русскіе только были латинскаго языка въ нижнихъ классахъ, да и то недостаточны. Французскаго языка и нѣмецкаго учители по большой части лѣнивы и недостаточны и часто перемѣнялись по приватнымъ причинамъ. Школьниковъ хотя число и нарочито было, однако пользы отъ нихъ, какъ прежде, не было. Ибо, какъ показано, 1) учителей надлежащихъ не имѣлось, 2) ученики всѣ жили по своимъ домамъ и не имѣли добраго смотрѣнія и, будучи за-очью, извиняли свою лѣность и гулянье то отдаленіемъ дому, то болѣзнію притворно и другими случаями, 3) не бывали строгіе экзамены настоящимъ образомъ и въ установленное время, 4) словомъ, никакого о гимназіи распорядку не было". (Матер. Бил. стр. 439 и 441). Въ новомъ академическомъ регламентѣ объ устройствѣ гимназіи ничего не упомянуто: „будто бы голова и верхнія части тѣла могли стоять безъ ногъ или, лутче, все бы тѣло не требовало для своего питанія и содержанія пищи", какъ справедливо замѣчаетъ по этому случаю Ломоносовъ (Тамъ же, стр. 449). Этой пищи для питанія и содержанія всего тѣла — университета и академіи — въ весьма недостаточномъ количествѣ и не всегда здороваго качества доставляла гимназія и въ то время, когда учился въ ней Полѣновъ, и послѣ него. Нѣкоторыя данныя, представляемыя книгою г. Билярскаго, очень хо-

(*) Т. е. Алексѣй Полѣновъ, сынъ военнаго человѣка, родомъ изъ Москвы, 15 лѣтъ.

([1]) 24 іюля 1747 года.

рошо могутъ объяснить намъ причины неудовлетворительнаго состоянія учебной части въ академической гимназіи именно въ эту эпоху. Данныя эти показываютъ, что значительныхъ успѣховъ въ ученіи не могли дѣлать гимназисты по тѣмъ же причинамъ, которыя приводилъ выше Ломоносовъ и которыя, какъ видно, продолжали существовать и по введеніи новаго регламента. Важнѣйшими изъ нихъ были: недостоинство учителей и распущенность учениковъ. Въ октябрѣ 1760 года профессоръ и инспекторъ гимназіи, Модерахъ, ежемѣсячнымъ рапортомъ доносилъ въ канцелярію Академіи наукъ, что „французскаго языка учитель Делавалъ отъ давняго времени для обученія въ классы не ходитъ, отговариваясь, что жена его больна, которая отговорка къ извиненію его не можетъ служить" (Тамъ же, стр. 465). Въ декабрѣ 1762 года трое академическихъ студентовъ оказываются вмѣстѣ и преподавателями гимназіи вмѣсто троихъ неисправныхъ учителей (Т. же, стр. 572). Еще прежде одинъ изъ нихъ, Введенскій, за нехожденіе къ должности содержался подъ арестомъ въ караульнѣ, гдѣ въ пьяномъ видѣ доходилъ до полнѣйшаго безобразія (Т. же, стр. 483-486). Караульный прапорщикъ не выдержалъ—и распорядился съ академическимъ учителемъ по своему: 2-го генваря 1761 года, по полудни въ 1-мъ часу, явился въ присутствіе канцеляріи Введенскій и объявилъ словесно, что „его, Введенскаго, 1 числа сего генваря, въ вечеру, академическій прапорщикъ, Петръ Галлъ, велѣлъ держать караульнымъ солдатамъ, а самъ билъ плетью, какой лошадей погоняютъ, безвинно". По требованію канцеляріи, Галлъ представилъ письменное „извѣстіе" съ обстоятельнымъ описаніемъ всего безобразнаго поведенія въ караульнѣ Введенскаго, при чемъ сознавался, что дѣйствительно съ досады „стегнулъ" его раза три, а потомъ еще разъ съ десятокъ. Интересно рѣшеніе этого дѣла: Введенскій былъ оправданъ и вѣроятно оставленъ по прежнему преподавателемъ при гимназіи, а Галлъ „за показанныя недостойныя его поступки, да и по неимѣнію въ немъ при Академіи надобности, получивъ обратно шпагу, отосланъ былъ въ Герольдмейстерскую Контору при промеморіи для опредѣленія къ другимъ дѣламъ."

Разумѣется, учителя́, подобные Введенскому, зачастую должны были „прогуливать" время уроковъ въ академической гимназіи. Ломоносовъ посадилъ педеля (2) въ домѣ университета и гимназіи, давъ ему нарочно тамъ квартиру, съ тѣмъ, чтобы ему приходы и выходы учителей въ положенные дни и часы записывать и, въ случаѣ неисправности, не принимать отъ нихъ никакихъ отговорокъ (указъ отъ 7 марта 1757 года). Изъ наставленія, даннаго педелю, видно, какія отговорки приводили въ свое оправданіе неисправные учителя. Педелю внушается, чтобы онъ не принималъ въ отговорку „незнанія точнаго времени или часовъ, ибо всегда лучше, чтобы учитель за полчаса ранѣе пришелъ въ классъ, нежели чтобъ ученики, въ ожиданіи его, праздны находились, или время свое въ рѣзвостяхъ препровождали"; что касается до тѣхъ, которые живутъ за рѣкою, то Ломоносовъ приказалъ имъ объявить, „чтобъ они, во время опаснаго перехода, при вскрытіи рѣки и когда ледъ становится, переходили на Васильевскій островъ, ибо сіе отъ нихъ въ отговорку принято не будетъ, когда за такимъ ихъ отлученіемъ классы праздны останутся" (стр. 319—321).

---

(2) Т. е. надзирателя.

Безобразное поведеніе такихъ учителей, какъ Введенскій, должно было сильно поддерживать деморализацію въ средѣ академическихъ гимназистовъ, большая часть которыхъ, по свидѣтельству Ломоносова, состояла изъ дѣтей солдатскихъ, дурно воспитанныхъ въ младенчествѣ (Т. же, стр. 587). 6 марта 1763 года канцелярія Академіи наукъ слушала рапортъ профессора и гимназіи инспектора, Котельникова, которымъ онъ доносилъ, что «гимназистъ Ефимъ Морозовъ декабря съ 11 прошлаго 1762 года генваря по 15 число сего года *былъ въ бѣгахъ*; а допросомъ онъ показалъ, что былъ де онъ въ бѣгахъ со обучающимъ (т. е. обучающимся) въ гимназіи придворнаго пѣвчаго сыномъ, Иваномъ Головнинымъ, съ пашпортомъ, которой написалъ онъ, Головнинъ, съ подпискою подъ руку упомянутаго профессора Котельникова; и въ ту де ихъ отлучку были они въ Нарвѣ, въ Ревелѣ, въ Перновѣ и въ Ригѣ, а оттуда возвратились въ С.-Петербургъ; при отлучкѣ же де его изъ гимназіи, укралъ онъ, Морозовъ, у гимназиста Косова казенную суконную епанчу, кою, будучи въ дорогѣ, утратилъ». По справкѣ оказалось, что Морозовъ и прежде бывалъ въ бѣгахъ не однажды — и потому его, какъ неисправимаго, отослали въ государственную военную коллегію для написанія въ солдаты (Т. же, стр. 589 — 590).

Въ началѣ 1763 года Ломоносовъ представилъ президенту Академіи, графу К. Г. Разумовскому, донесеніе, въ немногихъ чертахъ хорошо обрисовывающее состояніе нравственности у гимназической молодежи прежняго времени. Ломоносовъ говоритъ, что теперь обученіе во всѣхъ классахъ, по силѣ апробованнаго президентомъ новаго учрежденія, производится съ довольнымъ успѣхомъ, хотя и сознается, что изъ верхняго класса въ студенты произведенія не было, потому что учителя верхнихъ классовъ, Козицкій и Мотонисъ, съ полгода были больны. «Что жъ до поведенія гимназистовъ надлежитъ, то легко подумать можно, что малые ребята, какъ были прежде въ вольности и только за недѣлю до выдачи жалованья въ гимназію прихаживали, нынѣ въ тѣсныхъ предѣлахъ содержанія происходить можетъ *(sic)*. Однако уже старые, бывшіе на волѣ, привыкаютъ къ лучшему, а вновь принимающіеся, при нынѣшнемъ учрежденіи, прежняго небреженія не зная, ведутъ себя подобострастнѣе. И посему твердо надѣюсь, когда *старая вольница* поведеніями поправлена, или какъ скоро для затвердѣлаго злонравія изъ гимназіи истреблена будетъ; то не иначе какъ нынѣшніе студенты или всѣ новые и гимназисты станутъ себя вести смирно и порядочно» (Т. же, стр. 586).

Ломоносовъ оканчиваетъ свое донесеніе убѣдительною просьбою о прибавкѣ (по 12 рублей) къ суммѣ (въ 36 рублей), опредѣленной по штату на годовое содержаніе гимназистовъ и оказавшейся, по случаю тогдашней дороговизны, рѣшительно недостаточною для ихъ содержанія. «Таковая прибавка — заключаетъ онъ — будетъ служить еще къ склоненію родителей, коихъ дѣти лутче въ младенчествѣ воспитаны, нежели солдатскіе, большую часть гимназистовъ составляющіе». Ломоносовъ, какъ видно, мало ожидалъ въ будущемъ проку отъ солдатскихъ дѣтей и отъ дѣтей придворныхъ пѣвчихъ: изъ среды ихъ выходили Морозовы и Головнины, которымъ ничего не стоило съ фальшивымъ паспортомъ, зимой, обойти главнѣйшіе города Остзейскаго края. Улучшеніемъ содержанія воспитанниковъ онъ хотѣлъ привлечь въ гимназію дѣтей, которымъ родители имѣли

возможность дать лучшее нравственное направленіе.

Любопытно, что академическая гимназія, въ дѣлѣ воспитанія,не хотѣла допускать у себя сословной исключительности, выразившей въ 1755 году учрежденіемъ при Московскомъ университетѣ двухъ гимназій, одной для дворянъ, другой для разночинцевъ, кромѣ крѣпостныхъ. Оберегая чистоту нравственности дворянскихъ дѣтей, инспекторъ гимназіи, Модерахъ, еще въ 1756 году сдѣлалъ въ академической канцеляріи предложеніе объ отдѣленіи ихъ отъ разночинцевъ (de separandis nobilibus a plebeis); но предложеніе было отвергнуто: нѣкоторымъ казалось — сказано въ протоколѣ — что если исключить изъ гимназіи тѣхъ изъ дѣтей разночинцевъ, которые нравственно испорчены, а остальнымъ дать надлежащее воспитаніе, то сообщество ихъ не будетъ опасно для дѣтей дворянъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Миллеръ, девять лѣтъ тому назадъ дѣлавшій уже подобное предложеніе, повторилъ его; но мы не знаемъ, какъ оно было принято на этотъ разъ (Т. же, стр. 311).

Таково было состояніе академической гимназіи около того времени, когда воспитывался въ ней Полѣновъ.

Говоря о пребываніи Полѣнова въ университетѣ, авторъ его жизнеописанія замѣчаетъ слѣдующее: «Что онъ былъ въ числѣ хорошихъ студентовъ, это мы можемъ видѣть изъ того, что, находясь въ этомъ званіи, онъ получилъ шпагу.» Не отрицая нисколько того, что Полѣновъ могъ быть и дѣйствительно былъ въ университетѣ хорошимъ студентомъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: шпаги раздавались обыкновенно не студентамъ, какъ бы въ награду за успѣшное прохожденіе ими университетскаго курса, а гимназистамъ, при вступленіи ихъ въ университетъ; и въ указахъ отъ канцеляріи Академіи наукъ мы постоянно читаемъ: такимъ-то гимназистамъ за ихъ успѣхи въ наукахъ «быть студентами и дать имъ шпаги», «быть студентами и привесть ихъ къ присягѣ... и причислить на студентскую сумму и дать имъ шпаги» (Т. же, стр. 457 и 617).

Въ университетѣ Полѣновъ, посвятившій себя преимущественно изученію права, до октября 1757 года слушалъ лекціи Струве де Пирмонта, а потомъ, съ 1760 года — Федоровича, который замѣнилъ "отбывшаго отъ Академіи„Струве. Дѣло о посылкѣ Полѣнова за границу сопровождалось нѣкоторыми подробностями, и мы нѣсколько остановимся на немъ. Ломоносовъ увѣряетъ, что оная затѣялась изъ „злобы" Тауберта и Миллера къ Федоровичу. „Научили его (Федоровича) недоброхоты изъ старыхъ студентовъ переводчика Полѣнова, который у Федоровича юридическія лекціи слушалъ, чтобы онъ просился за море для науки, объявляя, что у Федоровича ничего понять не можетъ. Сіе Полѣнова доношеніе было такъ уважено, что, не требуя отъ Федоровича (отъ профессора и учителя) никакова изъясненія и оправданія, сдѣлано канцелярское опредѣленіе мимо Ломоносова, въ поношеніе Федоровичу и въ удовольствіе Полѣнову". Такъ Ломоносовъ старается объяснить посылку Полѣнова за границу: она кажется ему не болѣе, какъ интригой Тауберта и Миллера противъ профессора Федоровича, котораго они ненавидѣли, и противъ него, Ломоносова, по представленію котораго Федоровичъ былъ принятъ въ университетъ. „Сія была причина посылки двухъ студентовъ за море (Полѣнова и Лепехина), а не ради ученія", прямо говоритъ Ломоносовъ, и потомъ прибавляетъ, что Лепехинъ посланъ съ Полѣновымъ „для виду". Нѣтъ сомнѣ-

нія, что Ломоносовъ несправедливо относится здѣсь и къ академической канцеляріи, и къ Полѣнову. Полѣнова не удовлетворяютъ лекціи Федоровича, бывшаго оберъ-аудитора, и онъ просится за границу; академическая канцелярія соглашается на просьбу даровитаго молодаго человѣка, дѣлаетъ свое опредѣленіе, но почему-то „мимо Ломоносова“ — и въ живомъ воображеніи послѣдняго составилось представленіе объ интригѣ „въ поношеніе Федоровичу“. Что Таубертъ посылалъ Полѣнова за границу *ради ученія*, это доказываетъ вся переписка ихъ, главнѣйшимъ предметомъ которой было именно *дѣло ученія* Полѣнова, дѣло, къ которому Таубертъ постоянно относился съ живѣйшимъ участіемъ. Надо отдать полную справедливость Тауберту за то, что онъ съумѣлъ оцѣнить по достоинству даровитость и серьезныя, научныя стремленія Полѣнова, поспѣшилъ удовлетворить имъ отправленіемъ его за границу и такимъ образомъ далъ возможность образоваться замѣчательному Русскому человѣку, котораго благородное, энергическое слово въ пользу освобожденія крестьянъ, раздавшееся почти за сто лѣтъ, займетъ конечно почетную страницу въ Русской исторіи.

Между тѣмъ посылка Полѣнова „за море“ повела къ непріятному столкновенію между академиками. Въ своей „Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи“, разсказавъ объ опредѣленіи, сдѣланномъ канцеляріей „въ поношеніе Федоровичу и въ удовольствіе Полѣнову“, Ломоносовъ продолжаетъ: „Послѣ того представлялъ Федоровичь оправданіе свое въ собраніи профессорскомъ, которое отвергая, Миллеръ не токмо *ругалъ* Федоровича безчестными словами, но и *въ зашей выбилъ* изъ конференціи. Федоровичь просилъ о сатисфакціи и оправданъ профессорскими свидѣтельствами; однако дѣло еще не окончено“. Въ протоколѣ ординарнаго академическаго собранія 2 декабря 1762 года (Полѣновъ выѣхалъ за границу 13 сентября по нов. ст.) дѣло это разсказывается нѣсколько иначе. Вошелъ въ собраніе профессоръ Федоровичь съ запиской читанныхъ имъ въ университетѣ лекцій, по которой должно экзаменовать студентовъ. „Онъ просилъ, чтобъ дано было ему посмотрѣть протоколъ о прежнемъ экзаменѣ, ибо имѣетъ онъ подозрѣніе, что написано тамъ нѣчто ко вреду чести его или студентовъ. Секретарь (Миллеръ) утверждалъ, что нѣту ничего такого въ протоколѣ, что засвидѣтельствовали и прочіе члены, которые подписали оной протоколъ, и что копія съ онаго подана была въ канцелярію. Но г. Федоровичь неотступно требовалъ, чтобы показанъ былъ ему самый протоколъ; ибо де секретарь яко бы сказалъ ему, что слушатели его мало успѣли въ юриспруденціи; напротивъ того, секретарь утверждалъ, что онъ никогда такихъ словъ не говаривалъ; что же вообще не великіе успѣхи оказали студенты, слушатели его, Федоровича, оное записано и въ протоколѣ, а говорено не о юриспруденціи, въ которой оные и не экзаменованы. Но г. Федоровичь, осердившись, называлъ секретаря *лгуномъ*, которой отрицается отъ прежнихъ словъ своихъ; и понеже сей споръ происходилъ отъ г. Федоровича въ весьма непристойныхъ словахъ и жестахъ, то секретарь, по должности своей, по § 23 академическаго регламента, приказалъ ему *молчать*; и понеже г. Федоровичь не членъ академическаго собранія, а секретарю противился, то сей, *взявъ его за рукавъ, вывелъ его вонъ* и приказалъ сторожу, чтобъ онъ не пускалъ его опять въ собраніе“. (Мат. Бил., стр. 571-572) Какъ бы ни происходила эта

скандальная исторія, Миллеръ ли ругалъ Федоровича безчестными словами, или Федоровичъ честилъ Миллера лгуномъ и непристойныя слова приправлялъ такими же жестами, приказывалъ ли Миллеръ Федоровичу только молчать и потомъ, взявъ его за рукавъ, вывелъ вонъ, или въ зашей выбилъ изъ конференціи, какъ бы ни происходила эта исторія (не имѣвшая впрочемъ никакихъ послѣдствій) во всякомъ случаѣ она представляетъ, въ ряду другихъ подобныхъ, любопытный фактъ для характеристики тогдашняго русскаго общества. Если на вершинахъ его, въ стѣнахъ Академіи наукъ, возможны были подобныя сцены, то какія явленія должны были происходить въ низшихъ слояхъ его, въ сферахъ болѣе скромной, не академической дѣятельности!

Но въ то время, какъ Федоровичъ, „въ поношеніе" которому отправленъ былъ за границу Полѣновъ, испытывалъ дѣйствительное поношеніе, будучи выводимъ вонъ или въ зашей выбиваемъ изъ конференціи Миллеромъ, его бывшій слушатель уже нѣсколько дней какъ началъ посѣщать лекціи профессоровъ Страсбургскаго университета. Замѣчательно, что русская молодежь того времени отправлялась для образованія преимущественно въ Страсбургъ; по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ Полѣновымъ посланъ былъ туда же и Лепехинъ для изученія естественныхъ наукъ; тамъ же слушаютъ естественныя науки и медицину Шеины; туда же пріѣхали въ 1765 году и воспитанники Шлецера, сыновья графа К. Г. Разумовскаго ([3]), вмѣстѣ съ Легкимъ. Очень можетъ быть, что Страсбургъ предпочитался другимъ университескимъ городамъ между прочимъ и потому, что представлялъ болѣе благопріятныхъ условій для изученія какъ нѣмецкаго, такъ и французскаго языка ([4]).

Отправляя своихъ студентовъ за границу, академическое начальство ставило далеко не на послѣднемъ планѣ живое, устное и письменное усвоеніе ими иностранныхъ языковъ, въ которыхъ они не могли много выносить познаній изъ академической гимназіи. Старались отправлять за границу въ молодыхъ лѣтахъ, чтобы тѣмъ легче можно было изучить языки. Въ представленіи своемъ отъ 2 іюня 1764 года Ломоносовъ рекомендуетъ канцеляріи семерыхъ студентовъ для отправки въ заграничные университеты (между ними и *Дмитрія Легкаго*, поѣхавшаго въ Страсбургъ вмѣстѣ съ графами Разумовскими). „И хотя изъ нихъ -- говоритъ Ломоносовъ— нѣкоторые въ студенты произведены и недавно, однако лекціи профессорскія съ достаточнымъ разумѣніемъ слушать могутъ, и показали хорошее понятіе въ поступкахъ; сверхъ же того ради молодыхъ своихъ лѣтъ могутъ удобнѣе научиться иностраннымъ языкамъ, между тамошними людьми обращаяся" (Мат. Бил., стр. 641). Легкій съ товарищами, какъ видно, не очень сильны были въ иностранныхъ языкахъ. Шеины вовсе не знали по французски, и уже въ Страсбургѣ стали учиться французскому языку. Самъ Полѣновъ, до поѣздки за границу знавшій хорошо только нѣмецкій языкъ, много времени долженъ былъ посвятить французскому языку, прежде чѣмъ могъ порадовать Протасова извѣс-

([3]) Это были: гр Алексѣй, Петръ и Андрей Кирилловичи, вмѣстѣ съ которыми воспитывались въ Петербургѣ въ особомъ большомъ домѣ, на Васильевскомъ острову, въ 10-ой линіи, еще три мальчика—Тепловъ, Олсуфьевъ и Козловъ. Шлецеръ называлъ этотъ маленькій институтъ Academie de la X ligne.

([4]) Позднѣе въ Страсбургѣ же учились А. Н. Оленинъ, кн. Д. В Голицынъ, кн Н Б. Юсуповъ, И Рибопьеръ и др. *П. Б.*

стіемъ, что «разумѣетъ нарочито французскую книгу и можетъ нѣсколько писать по французски.» Изучая французскій языкъ, на важность котораго такъ сильно налегали въ своихъ письмахъ и Тауберть и Протасовъ, Полѣновъ не забывалъ и древнихъ: ходилъ на лекціи для латинскаго языка и стиля и рѣшился заняться греческимъ языкомъ. Въ академической гимназіи греческій языкъ, кажется, вовсе не преподавался; по крайней мѣрѣ Полѣновъ сталъ учиться ему уже въ Страсбургѣ. Интересно, что Полѣновъ, какъ только познакомился съ европейскою наукой, какъ только захотѣлъ самостоятельно и серьезно заняться ею, сейчасъ же убѣдился, что безъ знанія греческаго языка ему не обойтись. «Мнѣ чрезвычайно нужно имѣть хотя малое понятіе о греческомъ языкѣ» — говорилъ, принимаясь за него, русскій юристъ прошлаго вѣка,—и уже это одно обстоятельство служитъ наилучшимъ дозазательствомъ серьезнаго научнаго направленія Полѣнова.

Прежде чѣмъ приступить къ своимъ спеціальнымъ занятіямъ, къ изученію права, онъ началъ слушать лекціи философіи, древностей и исторіи, справедливо считая эти „свободныя науки“ необходимымъ условіемъ для успѣха будущихъ своихъ занятій юриспруденціей: „основаніемъ къ своей должности“. „Не утвердясь прежде въ семъ знаніи — писалъ онъ — приниматься прямо за юриспруденцію столь же безразсудно, какъ, не насадивъ желѣза, рубить дрова однимъ топорищемъ“. Да и въ послѣдствіи, приступивъ уже къ изученію своей спеціальности, Полѣновъ продолжалъ „упражняться“ въ свободныхъ наукахъ, и особенно въ исторіи. Но петербургскіе академики думали, что можно рубить дрова однимъ топорищемъ: они нашли, что Полѣновъ слишкомъ много времени употребляетъ на слушаніе историческихъ лекцій, которыя будто бы къ будущей его профессіи очень мало могутъ служить. Съ ними согласенъ былъ и покровитель Полѣнова, Таубертъ(⁵). Но они нѣсколько опоздали съ своими заявленіями: у Полѣнова, оканчивавшаго свои занятія, сложилось уже твердое убѣжденіе въ разумности ихъ хода и особенной важности историческихъ знаній, и онъ горячо отстаивалъ свое убѣжденіе передъ академиками. Мы сомнѣваемся, чтобы Таубертъ могъ простить Полѣнову его *непослушаніе;* но Таубертъ тогда уже падалъ, и потому добрыя отношенія между ними не измѣнились. Полѣнову за свободу выраженія своихъ убѣжденій пришлось разсчитываться съ Штелиномъ...

Въ перепискѣ Полѣнова хорошо обрисовывается его свѣтлая, благородная личность и весь ходъ его занятій какъ въ Стразбургѣ, такъ и въ Геттингенѣ, куда онъ переѣхалъ въ концѣ 1766 года. Полѣнову приходилось выбирать между Тюбингеномъ и какимъ нибудь другимъ университетскимъ городомъ: онъ выбралъ Геттингенъ, въ которомъ особенно процвѣталъ юридическій факультетъ. „Тюбингъ, говоритъ онъ, способенъ больше для богослововъ, нежели для юристовъ; при томъ развратное тамошнихъ студентовъ, изъ коихъ я не одного видѣлъ въ Стразбургѣ, житье великое возбудило во мнѣ презрѣніе къ сему университету.“ Какими чувствами одушевленъ былъ Полѣновъ въ годы своего заграничнаго ученія, лучше всего видно изъ письма его въ концѣ 1763 года (черезъ годъ по пріѣздѣ въ Страз-

(⁵) Миллера въ это время уже не было въ Петербургѣ: еще въ мартѣ 1765 года онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ получилъ должность главнаго наздирателя московскаго Воспитательнаго дома, а потомъ начальника въ москов. главномъ Архивѣ коллегіи иностранн. дѣлъ.

бургъ). „Я знаю мою должность; честность и въ другихъ почитаю и самъ наблюдаю; сверхъ сего имѣю нѣкоторое понятіе о превосходствѣ наукъ, что во мнѣ къ нимъ охоту возбуждаетъ; однимъ словомъ, честное житіе и науки два для меня сокровища, и чтобы въ первомъ еще болѣе утвердиться, а послѣднее со временемъ получить, то труда не жалѣю.“ Полѣновъ не жалѣлъ труда, работая много и горячо надъ своимъ образованіемъ и нравственнымъ совершенствованіемъ; въ этомъ нелегкомъ трудѣ его поддерживала одна мысль, мысль объ отечествѣ: „я на такой конецъ учусь, писалъ онъ въ концѣ 1766 года, чтобы всевозможно служить моему отечеству.“ Одно только сильно безпокоило Полѣнова и его товарища, Лепехина: какъ опредѣлится будущее ихъ положеніе въ Академіи, дадутъ ли имъ „всевозможно служить отечеству.“ Въ письмѣ къ Протасову отъ 3 декабря 1765 года мы читаемъ слѣдующія строки: „Будущее наше состояніе насъ очень безпокоитъ, и мы крайне неизвѣстны, что напослѣдокъ предприметъ съ нами Академія. Хотя мы о покровительствѣ его высокоблагородія (Тауберта) ни мало не сумнѣваемся, однако случившіяся съ гг. Козицкимъ и Мотонисомъ обстоятельства служатъ намъ примѣромъ быть всегда въ осторожности.“ Въ примѣчаніи къ этому мѣсту письма авторъ статьи говоритъ, что къ сожалѣнію онъ не могъ узнать никакихъ подробностей объ упоминаемыхъ здѣсь обстоятельствахъ, случившихся съ Козицкимъ и Мотонисомъ. Но въ „Краткой исторіи о поведеніи Академической канцеляріи, составленной Ломоносовымъ во второй половинѣ 1764 года и недавно изданной гг. Ламанскимъ и Билярскимъ, есть одно извѣстіе, которое, кажется, можетъ нѣсколько разъяснить эти обстоятельства. „Въ представленіи своемъ г. президенту — говорится въ „Краткой исторіи“ — о исправленіи университета и гимназіи Ломоносовъ рекомендовалъ въ профессоры адъюнктовъ Козицкаго и Мотониса, одного философіи, а другово греческаго языка и приводилъ Тауберта, чтобы на то склонился, за тѣмъ, что представленіе одного не толь важно; однако онъ отговаривался отчасти недостаткомъ суммы, отчасти полагая причиною, яко бы они были не прилежны, не хотятъ по его приказаніямъ ничего дѣлать, и протчая. Не такъ онъ поступалъ съ угодникомъ своимъ Румовскимъ и недавно съ нaглымъ Шлецеромъ, котораго непозволительнымъ образомъ хочетъ довести въ профессоры исторіи„. Подъ конецъ своей записки Ломоносовъ еще разъ вспоминаетъ о неудачѣ своей рекомендаціи о Козицкомъ и Мотонисѣ (Мат., стр. 080 и 094). Такимъ образомъ Таубертъ подъ разными предлогами помѣшалъ Козицкому и Мотонису выйти въ профессора. Очень можетъ быть, что Козицкій, вслѣдствіе недоброжелательства Тауберта не получившій профессуры и потерявшій вѣроятно всякую надежду на полученіе ея когда нибудь при Таубертѣ, и принужденъ былъ въ 1763 году оставить Академію, и перешелъ на службу въ другое вѣдомство, въ канцелярію Опекунства Иностранныхъ, секретаремъ. „Примѣръ“ этихъ непріятныхъ съ Козицкимъ и Мотонисомъ обстоятельствъ, виною которыхъ былъ Таубертъ, долженъ былъ внушать Полѣнову крайнюю осторожность относительно послѣдняго. Этою осторожностью, этимъ опасеніемъ возбудить неудовольствіе Тауберта надо объяснить и то, что онъ не рѣшался писать къ Ломоносову изъ за границы: „Къ Михайлѣ Васильевичу писать, хотя и чрезмѣрно желаю — говоритъ онъ въ письмѣ къ Протасову, съ которымъ былъ

откровененъ — но опасаюсь, чтобъ не нажить чрезъ сіе хлопотъ." Но хлопоты можно было нажить и не пиша къ Ломоносову. Покровительство и расположеніе, которыя оказывалъ Таубертъ Полѣнову во все время пребыванія его за границею, кажется, самому ему представлялись мало надежными въ обезпеченіе его „будущаго положенія", особенно при тогдашнихъ постоянныхъ столкновеніяхъ членовъ Академіи между собою. „Примѣчанія достойно—говорить Ломоносовъ въ своей „Краткой Исторіи„—что прежде сего Шумахеръ, какъ и нынѣ наслѣдникъ его, Таубертъ, въ такихъ распряхъ стоятъ за молодшихъ, за тѣмъ, чтобъ ими старшихъ унизить, а молодшихъ поднять. Но тоже и съ сими дѣлалось, когда они нѣсколько усилились, и чрезъ то, кромѣ другихъ доводовъ, на себя доказываютъ, что они таковыхъ ссоръ причиною, чтобъ ловить въ мутной водѣ" (Т. же, стр. 053).

Полѣнова безпокоила мысль, во первыхъ, о возможности перемѣны въ тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, которыя дотолѣ поддерживались между нимъ и Таубертомъ, и во вторыхъ, о возможности перемѣны въ личномъ составѣ академической канцеляріи. „Сверхъ сего, говоритъ онъ, время, которое намъ остается препроводить въ чужихъ земляхъ, можетъ произвести немалыя перемѣны; и такъ, если мы возвратимся студентами, смотря по обстоятельствамъ, состояніе наше можетъ случиться сожалѣнія достойнымъ". Потому Полѣновъ и Лепехинъ думали просить Академію, чтобъ она, по окончаніи ученія, наградила каждаго изъ нихъ чиномъ адъюнкта еще до возвращенія въ Петербургъ. Опасаясь перемѣны въ расположеніи къ себѣ Тауберта, Полѣновъ опасался и отстраненія отъ дѣлъ Тауберта, опасался остаться въ Академіи безъ всякой подпоры. Опасенія Полѣнова, въ послѣднемъ отношеніи, сбылись въ концѣ 1766 года, еще до возвращенія его изъ за границы, когда директоромъ Академіи назначенъ былъ графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ. Канцелярія Академіи, въ которой Таубертъ былъ всемогущимъ совѣтникомъ, упразднена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Таубертъ потерялъ всякое вліяніе на дѣла. Но скоро вмѣсто Тауберта поднялся Штелинъ. Возвратившись въ 1767 году въ Петербургъ, Полѣновъ не только остался „безъ всякой подпоры" въ Академіи, но и встрѣтилъ открытое нерасположеніе къ себѣ Штелина. Положеніе его стало дѣйствительно достойнымъ сожалѣнія, когда разъ ему довелось услышать отъ самаго Штелина, что онъ „совсѣмъ не годенъ при Академіи". Въ 1771 году Полѣновъ оставилъ академическую службу и перешелъ въ сенатъ.

Здѣсь нельзя не вспомнить, что около того же времени отстраненъ былъ отъ нашей Академіи, вѣроятно также *по негодности*, и другой русскій ученый, вмѣстѣ съ Полѣновымъ состоявшій переводчикомъ при Академіи, имя котораго до сихъ поръ пользуется почетною извѣстностью въ русской исторической литературѣ. Это Башиловъ. Извѣстенъ отзывъ объ немъ знаменитаго Шлецера. При очень хорошемъ школьномъ образованіи, Башиловъ, подъ руководствомъ Шлецера, пріобрѣлъ познанія въ исторіи и исторической критикѣ. Это былъ ученый, который, по словамъ Шлецера, могъ бы обезсмертить свое имя въ исторіи русской исторической литературы, если бы по достоинству былъ оцѣненъ Академіей. Но Башиловъ принужденъ былъ оставить ее, и умеръ въ 1770 году секретаремъ сената.

Чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ поведеніе Академіи относительно Башилова и Полѣнова, надо вспомнить,

что на совѣсти ея лежало въ то время дѣло величайшей важности — это изданіе русскихъ лѣтописей, хранившихся въ ея библіотекѣ. Уже тогда начала сказываться у насъ въ обществѣ настоятельная потребность въ изученіи и знаніи отечественной исторіи. Удовлетворяя этой потребности, Шлецеръ, при помощи Башилова, началъ въ 1767 году изданіе русскихъ лѣтописей съ Никоновскаго списка, какъ такого, который, не будучи очень древенъ, не могъ отвратить читателей непонятными словами и въ тоже время былъ наиболѣе полонъ, заключая въ себѣ событія русской исторіи отъ начала до XVII вѣка. Изданіемъ первой части его положено было начало этому дѣлу. Отъѣздъ Шлецера осенью того же года въ Геттингенъ не могъ остановить успѣшнаго его продолженія. На тѣхъ же основаніяхъ, которыя были приняты при изданіи первой части Никоновской лѣтописи, издана была въ 1768 году и вторая ея часть: издателями были Башиловъ и за годъ передъ тѣмъ воротившійся изъ Геттингена Полѣновъ. Но этимъ и покончила Академія. Мало интересуясь русскими лѣтописями, она не умѣла оцѣнить ни Башилова, ни Полѣнова. Нѣтъ сомнѣнія, что Полѣновъ послѣ Башилова былъ единственный въ то время ученый, который могъ достойнымъ образомъ продолжать начатое Шлецеромъ дѣло. Къ историческимъ занятіямъ, какъ мы знаемъ, онъ имѣлъ особенное призваніе. Много времени онъ посвящалъ имъ за границей, мечтая со временемъ потрудиться надъ разработкой русской исторіи. Доказывая петербургскимъ академикамъ важность историческихъ знаній для юриста, онъ писалъ (7 августа 1766): „Сверхъ того я довольно вѣдаю, въ какомъ запущеніи и небреженіи повержена лежитъ Россійская исторія, о приведеніи коей въ порядокъ, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не думалъ. Возвратясь въ отечество, ежели время, случай и способность допустятъ, конечно не премину приложить все возможное стараніе, дабы показать моему отечеству его древность... прежнюю, превосходство и могущество". Въ работахъ надъ второю частью Никоновской лѣтописи исполнялась вѣроятно задушевная мечта Полѣнова о русской исторіи; но тогдашней Академіи мало было дѣла и до русской исторіи, и до мечты объ ней Полѣнова: третью часть Никоновской лѣтописи русскому обществу суждено было увидѣть уже черезъ восемнадцать лѣтъ.

М. Шугуровъ.

Одесса

НЕИЗДАННАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА ЛОМОНОСОВА.

Эта небольшая замѣтка, четко написанная рукою Ломоносова, найдена въ одномъ сборникѣ, составленномъ изъ черновыхъ его бумагъ и хранящемся въ библіотекѣ Академіи наукъ, куда онъ поступилъ изъ Академіи Россійской и означенъ въ Каталогѣ книгъ и рукописей сей послѣдней (Спб. 1840).

Кромѣ этой статьи въ сборникѣ находятся замѣтки Ломоносова, дѣланныя имъ вѣроятно въ то время, когда онъ готовилъ къ печати свою Грамматику, начало извѣстнаго „Суда писменъ Россійскихъ" (въ томъ объемѣ, въ какомъ этотъ отрывокъ напечатанъ въ „Зеркалѣ свѣта" Туманскаго и перепечатанъ въ „Москвитянинѣ," только безъ послѣднихъ строкъ, заимствованныхъ, по словамъ Туманскаго, изъ подготовительныхъ набросковъ для статьи), переводъ одного псалма, начальныя строки

Разсужденія объ успѣхахъ словесныхъ наукъ въ Россіи и пр.

Изъ содержанія печатаемой замѣтки видно, что она была вызвана мнѣніемъ Тредьяковскаго о правописаніи именъ прилагательныхъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа. По этому предмету Тредьаковскій въ 1746 г. представилъ въ Историческое собраніе Академіи особое разсужденіе и въ немъ — какъ видно изъ словъ Ломоносова—высказалъ тотъ же взглядъ на правописаніе прилагательныхъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа, который потомъ повторилъ въ своемъ „Разговорѣ объ орѳографіи"; именно онъ предлагалъ для имен. падежа множ. ч. именъ прилагательныхъ принять троякое окончаніе: въ мужскомъ родѣ *іи*, въ женскомъ *іе* и въ среднемъ *ія*. По напечатаннымъ г. Билярскимъ отрывкамъ изъ протоколовъ Историческаго собранія Академіи видно, что при чтеніи въ немъ разсужденія Тредьаковскаго Ломоносовъ высказался противъ его мнѣнія и намѣревался подробно изложить свое возраженіе, но потомъ, за недостаткомъ времени, отказался исполнить свое намѣреніе (см. „Матеріалы для біографіи Ломоносова," издан. П. Билярскимъ, стр. 81 и 83.) Изъ печатаемой замѣтки видно однако, что знаменитый академикъ написалъ свое возраженіе. Самое разсужденіе Тредьаковскаго, подавшее поводъ къ полемикѣ, не напечатано и до сихъ поръ оставалось неизвѣстнымъ въ рукописи, но въ послѣднее время оно найдено г. Билярскимъ въ академическомъ архивѣ и предназначено къ изданію въ Запискахъ Академіи Наукъ, о чемъ см. Матеріалы, собр. г. Билярскимъ, стр. 811—812.

Л. Майковъ.

Примѣчанія на предложеніе о множественномъ окончаніи прилагательныхъ именъ.

На § 1.

Хотя въ Славенскомъ языкѣ мужескія прилагательныя имена множественнаго числа, въ именительномъ падежѣ, кончатся на *и*, однако изъ того не слѣдуетъ, что бъ въ Великороссійскомъ языкѣ имѣли они такое же окончаніе: ибо Славенской языкъ отъ Великороссійскаго ничѣмъ столько не разнится, какъ окончаніями реченій. Напримѣръ, по славенски единственные прилагательные мужескіе именительные падежи кончатся на *ый* и *ій*: *богатый*, *старшій*, *синій*; а по великороссійски кончатся на *ой* и *ей*: *богатой*, *старшей*, *синей*. По славенски *сыновóмъ*, *дѣлóмъ*, *рýцѣ*, *мене*, *пихомъ*, *кланяхуся*; по великороссійски *сыновьямъ*, *дѣламъ*, *руки*, *меня*, (мы) *пили*, (они) *кланялися*. Такимъ же образомъ и множественныя прилагательныя мужескія въ именительномъ падежѣ Славенскія разны отъ Великороссійскихъ.

Отъ Малороссійскаго діалекта для установленія Великороссійскихъ окончаній ничего не слѣдуетъ: ибо хотя сей діалектъ съ нашимъ очень сходенъ, однако его удареніе, произношеніе и окончанія реченій отъ сосѣдства съ Поляками и отъ долговременной бытности подъ ихъ властію отмѣнилися или, прямо сказать, попортилися. И такъ, ежели намъ въ семъ случаѣ Малороссіянамъ послѣдовать, не взирая на общее употребленіе, то Великороссійской языкъ тѣмъ больше испортится, нежели исправится. Тоже надлежитъ разумѣть и о другихъ Великороссійскому сродныхъ языкахъ.

На § 5 и 6.

По мѣстоименіямъ, именамъ существительнымъ и усѣченнымъ прилагательнымъ, во множественномъ числѣ, именительномъ падежѣ, кончающимся на *ы* и *и*, прилагательныя мужескія множественныя въ именительномъ падежѣ кончиться на *и* принудить не льзя: ибо всякое надлежитъ къ своему собствен-

ному склоненію, въ которомъ каждое отъ употребленія положено.

Изъ сего всего явствуетъ, что къ постановленію окончаній прилагательныхъ множественныхъ именъ, никакіе теоретическіе доводы не довольны; но какъ во всей грамматикѣ, такъ и въ семъ случаѣ, одному употребленію повиноваться должно.

На § 8 и 9.

Подлинно, что употребленіе множественнаго окончанія Великороссійскихъ прилагательныхъ именъ въ именительномъ падежѣ не постоянно; однако не такъ, какъ въ сихъ параграфахъ предложено. Ибо на *е* множественное окончаніе во всѣхъ родахъ употребительнѣе нежели на *я*, что явствуетъ во всѣхъ, печатныхъ и рукописныхъ, гражданскихъ книгахъ, отъ Великороссіянъ сочиненныхъ, каковы Уложеніе, Указныя книги и другіе печатные и писменныя права и указы. А на *и* окончанія множественнаго прилагательныхъ въ книгахъ, отъ Великороссіянъ сочиненныхъ и переведенныхъ, нигдѣ видать мнѣ не случалось. Что надлежитъ до неявственнаго произношенія послѣдняго писмени въ разговорахъ, то, хотя слухомъ и трудно распознать, однако сіе бываетъ явно въ двухъ случаяхъ: 1) когда одинъ другому изъ дали кричитъ, 2) въ писмахъ. Напримѣръ, хотя въ обыкновенныхъ тихихъ разговорахъ реченія *человѣкъ*, *сударь* произносятся глухо и почти *члекъ*, *сдарь*; однако въ громкихъ разговорахъ произносятъ, равно пишутъ, *человѣкъ*, *сударь*. Подобнымъ образомъ и въ произношеніи прилагательныхъ множественнаго числа, въ именительномъ падежѣ, всякъ услышитъ у всѣхъ Великороссіянъ, когда они громко говорятъ, и у всѣхъ увидитъ, которые не думая о правилахъ, пишутъ, что оныя кончатся на *е* или на *я* во всѣхъ родахъ, безъ разбору, но больше на *е*, нежели на *я*, а на *и* никогда.

И такъ, выведенное слѣдствіе въ концѣ § 9 есть не правильно: ибо 1) изъ Славенскихъ, Малороссійскихъ и другихъ діалектовъ, окончаніе множественныхъ прилагательныхъ не слѣдуетъ, а потому и съ разумомъ не согласнѣе и отъ него не защищается, 2) въ Великороссійскомъ языкѣ, какъ на писмѣ, такъ и въ громкихъ разговорахъ, неупотребительно, а слѣдовательно и на употребленіе основанія не имѣетъ. Сверхъ сего помянутое окончаніе на *и* немало воспрещаетъ употреблять какофонія, то есть звукъ слуху противной, отъ смягченія гласныхъ, подобное произношеніе имѣющихъ; ибо легче выговорить и пріятнѣе слышать: *истинные свидѣтели*, нежели *истинныи свидѣтели*.

§ 10 и 11.

Окончаніе множественныхъ прилагательныхъ, женскихъ, въ именительномъ на *е* утверждается особливо на требуемомъ различіи родовъ. Однако я разсуждаю, что такого различія родовъ, котораго въ Россійскомъ языкѣ нѣтъ, вновь замышлять не надлежитъ.

Наконецъ мое мнѣніе въ томъ состоитъ, что введенное за 10 и больше лѣтъ въ академической типографіи употребленіе множественныхъ прилагательныхъ окончаній мужескаго на *е*, а женскаго и средняго на *я*, хотя довольнаго основанія не имѣетъ, но однако свойству нынѣшняго(*) не противно. А предложенное въ сихъ пунктахъ, мужеское окончаніе прилагательныхъ множественныхъ на *и* употребленію Великороссійскаго языка противно. И такъ лучше буду я

(*) Вѣроятно: Великороссійскаго языка.

въ прозѣ употреблять оное, какъ уже нѣсколько старое, нежели сіе новое и незрѣлое, а въ стихахъ *е* и *я* во всѣхъ родахъ класть буду безъ разбору, смотря какъ потребуетъ оныхъ сложеніе; ибо сіе свойству Великороссійскаго языка не противно.

МОСКВА ВЪ 1771 ГОДУ.

П. А. Мухановъ обязательно доставилъ намъ (чрезъ посредство Н. П. Барсукова) сохранившіяся въ его фамильномъ архивѣ послѣ дѣда его (по матери) дѣйств. тайн. сов. *Александра Александровича Саблукова* разныя бумаги касательно бывшей въ Москвѣ въ 1771 году чумы, какъ-то: письма, переписку коммиссіи исполнительной и коммиссіи „для предохраненія и врачеванія отъ моровой язвы“ и расходныя тетради. Тутъ находятся и предписанія не только за подписью знаменитаго П. Д. Еропкина, но писанныя отъ начала до конца его рукою. Какъ извѣстно, Еропкинъ, движимый единственно усердіемъ къ благу согражданъ, съ апрѣля мѣсяца 1771 года держалъ въ рукахъ своихъ все полицейское управленіе Москвы, въ которой свирѣпствовала моровая язва; одряхлѣвшій главнокомандующій, побѣдитель Фридриха Великаго, гр. П. С. Салтыковъ, совсѣмъ растерялся и уѣхалъ въ свое подмосковное село Марѳино. Въ 1771 году, 9 августа, слѣд. съ небольшимъ за мѣсяцъ до извѣстнаго Московскаго мятежа, А. А. Саблуковъ, будучи тогда офицеромъ Преображенскаго полка, изъ Петербурга отправился въ Москву состоять при Еропкинѣ. Посылка Саблукова была не единственная: изъ письма Екатерины къ Еропкину отъ 20 авг. 1771 г. (Сочин. Екатерины. ч. III, 313) видно, что къ нему отправлено было „нарочитое число лейбъ-гвардіи офицеровъ и унтер-офицеровъ“, потому что онъ жаловался на недостатокъ въ расторопныхъ исполнителяхъ. Саблукову данъ былъ слѣдующій ордеръ за подписью графа Брюса (Якова Александровича, которому Екатерина поручила охранять Петербургъ отъ заразительной болѣзни):

„Во исполненіе высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, отправиться вамъ изъ Петербурга съ полученія сего ордера конечно въ три часа и слѣдовать съ крайнимъ поспѣшеніемъ въ Москву, и по прибытіи явиться господину генералъ-порутчику сенатору и кавалеру Петру Дмитріевичу Еропкину, у котораго быть въ полной его командѣ и все то, чтò отъ него вамъ препоручено будетъ, исполнять тщательно, не упуская ни въ чемъ препорученной должности. Я надеженъ, что вы какъ есть знатнаго и отличнаго корпуса офицеръ, то и потщитесь доказать свою ревность и усердіе; а тѣмъ самымъ и заслужить отъ его превосходительства похвалу, который можетъ вашу исправность, а напротивъ и упущеніе прямо доносить ея величеству. С. Пб. отъ 9-го августа 1771“.

На станціяхъ велѣно было давать Саблукову по пяти подводъ и брать съ него поверстныхъ денегъ до Новгорода *по копѣйкѣ*, а отъ Новгорода *по деньгѣ* на версту.

15 Августа Саблуковъ вступилъ въ должность смотрителя сначала 11 части Москвы, потомъ 13-й и наконецъ 14-й, гдѣ и находился до закрытія коммиссій, т. е. до декабря 1772 г. За свою многотрудную дѣятельность „въ самое лютѣйшее и опасное время, когда заразительная болѣзнь свирѣпствовала“, онъ удостоился получить отъ Еропкина лестный атестатъ, и за тѣмъ произведенъ въ капитанскій чинъ. Печатаемъ здѣсь два письма его отъ 19 сентября и 31 октября 1771 года и два приказа изъ исполнительной коммиссіи 14 января и 5 декабря 1772 г.

Письма эти, заключающія въ себѣ описанія бунта Московской черни заслуживаютъ вниманія какъ свидѣтельства не только очевидца, но и дѣйствовавшаго лица. Читатели припомнятъ разсказъ о томъ же другаго очевидца, протоіерея Алексѣева (Руск. Арх. 1863, изд. 2, стр. 491—499).

I.

19 сентября 1771 г.

Письмо ваше, батюшка, отъ 12 числа, вчерась я получилъ и за оное нижайше благодарю, а притомъ и о Московскихъ обстоятельствахъ донесть имѣю обстоятельно. Онѣ состоятъ въ томъ: дней десять назадъ какъ стало здѣсь извѣстно, что явился на Варварскихъ воротахъ образъ Боголюбской Богородицы, гдѣ и сдѣлалось великое богомолье и великая тѣснота и сборъ деньгамъ; а какъ болѣзнь отъ прикосновенія весьма прилипчива, то покойной здѣшней преосвященный и разсудилъ въ этомъ случаѣ сдѣлать нѣкоторое распоряженіе, а притомъ, чтобъ не была раскрадена, и казну велѣлъ запечатать; и какъ скоро для сего только прислано было 15 числа около вечера, то бывшая тутъ чернь, не повинуясь сему, тотчасъ взбунтовала и ударила въ набатъ. И какъ собралось множество черни, и, побивъ сію присланную команду, пошла ночью на 16 число, разломавъ желѣзные вороты, въ Чудовъ монастырь, дабы тамъ найти и убить архіерея, который уже тогда потаеннымъ образомъ и въ сѣромъ кафтанѣ ушелъ въ Донской монастырь. То она въ удовольствіе нашла, чтобъ разграбить, переломать все въ покояхъ, гдѣ онъ жилъ, также и въ домашней его церкви, ободравъ Евангеліе, престолъ и ризы и сосуды и случившіяся тамъ деньги покравъ, пошла 16 числа, около обѣда, человѣкъ съ 200 сихъ бунтовщиковъ, въ Донской монастырь, гдѣ и нашли преосвященнаго и, вытащивъ его изъ алтаря на поле, убили его каменьемъ и дубьемъ до смерти. А въ тожъ время случившаяся въ Кремлѣ чернь разломала въ Чудовѣ монастырѣ купеческіе погреба съ винами, стала пьянствовать, и Кремль былъ такъ страшенъ отъ сихъ пьяныхъ бунтовщиковъ, что они всѣхъ входящихъ туда солдатъ побивали каменьемъ. Чего ради П. Д. Еропкинъ (который находился только одинъ изъ господъ въ Москвѣ) приказалъ собрать всѣ военныя команды и нѣсколько пушекъ, дабы сихъ бунтовщиковъ разогнать и усмирить, и послалъ прежде оберкоменданта Грузинскаго царевича уговаривать ихъ, чтобы онѣ перестали бунтовать, то они чуть также до смерти каменьями не убили. Того ради П. Д. Еропкинъ и рѣшился, чтобъ не дать время еще болѣе умножиться бунтовщикамъ и не дѣлать болѣе столь дерзостныхъ поступокъ (1), идти туда и усмирять ихъ вооруженною рукою. И такъ мы пошли въ тотъ день послѣ полдня, въ 5-мъ часу, и, пришедъ въ Кремль, съ Боровицкаго мосту, нашли тамъ еще остальныхъ отъ убѣжавшихъ на Красную площадь довольно бунтовщиковъ, коихъ усмиряли пулями и штыками. А потомъ я былъ командированъ съ пушкой и съ нѣсколькими солдатами въ Спасскіе вороты, дабы ихъ очистить, гдѣ я и нашелъ до нѣсколькихъ сотъ сихъ бунтовщиковъ съ кольями и каменьемъ; они, не увидя меня приближающаго, покусились было войти въ сіи вороты съ оружіемъ, то я, давъ время имъ туда набраться, выстрѣлилъ одинъ разъ изъ пушки картечью и нѣсколькихъ убивъ, остальныхъ тотчасъ разогналъ штыками, и потомъ нѣсколькими выстрѣлами очистилъ отъ сихъ бунтовщиковъ всю Красную площадь, чѣмъ и кончилась наша баталія. 17 числа сбиралось множество ихъ опять, но отъ стоящихъ бекетовъ (2) ихъ много и переловили. Слышимъ отъ нихъ, что вся ихъ претензія была въ томъ: на что ихъ лечатъ докторы и лекари и на что учреждены лазареты и карантины, и для чего архіерей приказалъ запечатать казну. Но теперь, благодаря Бога, всѣ сіи безпокойства кончились, и другой день какъ состоитъ прежняя тишина и повиновеніе. Однакожъ, въ осторожность, по разнымъ мѣстамъ разставлены бекеты и пушки; а какъ я живу возлѣ П. Д. Еропкина, то онъ свои бекеты и артилерію

(1) Нынѣшнее слово *поступокъ* въ XVIII вѣкѣ, сколько знаемъ, почти всегда употреблялось въ женскомъ родѣ — *поступка*, *дерзостная поступка*. *П. Б.*

(2) Т. е. пикетовъ, вооруженныхъ взводовъ

поручилъ мнѣ въ команду; онъ меня еще болѣе полюбилъ и отлично рекомендовалъ ея величеству.

II.

31 окт 1771 г

. . . .

Во время сраженія я имѣлъ въ своей дивизіи 88 престарѣлыхъ гвардейскихъ солдатъ и одну армейскую полковую пушку, и съ оною то арміею долженствовалъ сопротивляться не одной тысячѣ мятежниковъ; но потомъ былъ подкрѣпленъ и вмѣстѣ съ капитаномъ Волоцкимъ пробылъ цѣлые двои сутки съ онымъ корпусомъ на Спасскомъ мосту ([3]), не сходя съ оного посту ни на минуту, понеже сіи мятежники чрезъ сіе время все покушались. Наконецъ, видя неудачу и то, что въ тожъ время пришелъ сюда и армейской полкъ (который стоялъ по деревнямъ въ квартирахъ), раздумали болѣе не дурачиться; и въ то уже время мы были смѣнены армейскими; сначала же какъ мы пошли въ Кремль, наша вся армія состояла менѣе чѣмъ во стѣ человѣкъ. П. Д. Еропкинъ во всѣ двои сутокъ не сходилъ съ лошади и былъ безотлучно на сраженіи, а потомъ объѣзжалъ весь городъ и всѣ карантины не одинъ разъ.

III.

Приказъ изъ исполнительной коммиссіи 14-й части смотрителю г. капитану Саблукову.

Сего января 13 дня во исполнительной коммиссіи его превосходительство господинъ тайной совѣтникъ сенаторъ и кавалеръ Дмитрій Васильевичъ Волковъ ([4]) въ присутствіи объявилъ, что хотя съ нарочитого уже времени примѣтилъ онъ, что господинъ бригадиръ и оберполицеместеръ Бахметевъ то не основательными рапортами, то разными крайне недѣльными представленіями ищетъ только того, чтобъ произвести недоразумѣніе, ошибки и замѣшаніе; терпѣливо однакожъ имъ сенаторомъ ожидаемо было, что господинъ оберполицеместеръ поведеніе свое исправитъ; но какъ вчерашняго дня сдѣлалъ онъ ему паки неосновательной рапортъ по дѣлу 2-й части смотрителя Пушкина и явно къ тому стремился, чтобъ небреженіе смотрителя прикрыть, а разнесенныя на коммиссію клеветы оправдать, какъ все то изъ рапорта въ коммиссію отъ Пушкина, изъ коммисскаго журнала и изъ взятого изъ полиціи дѣла явно оказалось; да сверхъ того данную ему отъ него сенатора резолюцію пересказалъ его превосходительству сенатору и кавалеру П. Д. Еропкину совсѣмъ инаково, нежели получилъ, въ указѣ жъ о учрежденіи коммиссіи отъ 12 октября предписано коммиссіи поступать по воинскимъ и полицейскимъ обрядамъ. Того ради и дабы подобныхъ неустройствъ избѣжать, ему господину бригадиру и оберполицеместеру отъ команды отказать и правленіе полицейское поручить лейбъ-гвардіи капитану-поручику г. Архарову ([5]); о чемъ послать куда надлежитъ приказы. Подлинный за подписаніемъ таковымъ: Федоръ Борисовъ. Регистраторъ Акимъ Ивановъ.

Генв. 14 дня
1772 г.

IV.

Приказъ изъ исполнительной коммиссіи, отъ 5-го декабря 1772 г.

Въ присланномъ правительствующаго сената изъ 5-го департамента указѣ по

([3]) Извѣстно, что вдоль Кремлевской стѣны, на Красной площади, шелъ до конца XVIII в. ровъ, и черезъ него вели въ Кремлевскіе ворота мосты. Спасскій мостъ былъ замѣчателенъ между прочимъ и тѣмъ, что близъ него (у Спаса на рву) производилась мелочная торговля книгами и произведеніями лубочной печати. *П. Б.*

([4]) См. Русск. Арх 1863 г. изд. 2-е стр. 397, и 1865 стр. 1047.

([5]) Вотъ начало обширной въ послѣдствіи дѣятельности этого человѣка, очеркъ жизни котораго и письма къ нему Екатерины II-й помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1864 г.

протчемъ объявлено, что исполнительная коммиссія уничтожена и находящимся въ ней присутствующимъ велѣно вступить, а канцелярскихъ служителей по сдачѣ дѣлъ (въ Московскую полицемейстерскую канцелярію) отослать въ свои мѣста, и около Москвы по кампанейскому валу заставы принять въ вѣдомство оберполицеймейстеру полковнику г. Архарову; а о частныхъ въ Москвѣ смотрителяхъ писано въ предохранительную коммиссію и въ исполнительной коммиссіи опредѣлено ко всѣмъ частнымъ и заставнымъ смотрителямъ о семъ за извѣстіе послать приказы съ тѣмъ дополненіемъ, что отнынѣ заставы, въ силу правительствующаго сената указа, приметъ въ вѣдомство свое оберполицимейстеръ, слѣдовательно заставные командиры и наставленіи принять отъ него должны. А частнымъ смотрителямъ велѣть всѣ касающіяся до части дѣла, кому отъ предохранительной коммиссіи приказано будетъ принять, тому отдать и пожитки имѣющіяся у нихъ подъ сохраненіемъ изъ вымершихъ домовъ, къ которымъ по нынѣ наслѣдники не явились, съ надлежащими описьми, съ росписками. Что жъ касается по преждепосланнымъ изъ исполнительной коммиссіи о взысканіи за употребленныя казенные порошки денегъ, смотрителямъ, кои взысканія не окончали, оное окончаніемъ исполнить тѣмъ, кои отъ нихъ части примутъ и по взысканіи, въ силѣ правительствующаго сената указа, отдать въ предохранительную коммиссію кому отъ оной принять приказано будетъ. А кои деньги по тѣмъ преждепосланнымъ приказамъ взысканія учинили, оныя имъ представить при рапортахъ въ предохранительную коммиссію; а дабы за взысканіемъ полицейскими офицерами и другаго взысканія не было, о томъ частнымъ смотрителямъ отъ себя дать имъ при смѣнахъ знать.

Декабря 5. 1772 г.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что вышеприведенныя письма писаны Саблуковымъ на скоро, къ своему отцу, а потому нѣкоторая небрежность ихъ естественно объясняется этимъ обстоятельствомъ.

Сверхъ этого считаемъ не лишнимъ сдѣлать изъ прочихъ писемъ слѣдующія извлеченія:

Отъ *22 авг.* (1771). Занимать денегъ не у кого; ибо почти всѣ господа разъѣхались по деревнямъ.

25 Авг. Болѣзнь дѣйствительно чума, отчего всѣ господа разъѣхались, а осталась чернь, межъ которою болѣзнь эта бываетъ. Чума не уменьшается, но умножается; заболѣвшихъ и умирающихъ въ моей части долженъ я самъ осматривать по силѣ данной инструкціи; а болѣзнь сія весьма прилипчива.

29 Авг. У меня въ командѣ 1000 дворовъ, и ежедневно имѣю дѣло съ 300 человѣкъ.

Приходится сталкиваться съ полицейскими крючками.

30 Авг. Язва гораздо умножилась, и нѣтъ никакого способа ее совсѣмъ искоренить, да и медики утверждаютъ, что до наступленія стужи отъ нея избавиться не льзя.

1-го Сент. Народъ часъ отъ часу убываетъ: всѣ мастеровые, хлѣбники, пирожники, разнощики всякіе и тому подобные люди расходятся по деревнямъ. Изъ моей части въ 6-ть дней вышло около 700 человѣкъ; передъ уходомъ ихъ осматриваютъ доктора и выдаютъ билеты о здоровіи.

5 Сент. Суды всѣ заперты.

8 Сент. Людей у меня въ части гораздо убываетъ: всѣ расходятся и разъѣзжаются по деревнямъ, и во дворѣ не болѣе остается, какъ человѣка по три, а въ господскихъ домахъ оставлено только по одному дворнику.

12 Сент. Офицеры и прочіе находящіеся въ Москвѣ господа здоровы.

13 Сент. Еропкинъ живетъ въ 14 части за Пречистенскими воротами.

15 Сент. Еропкинъ командиръ такой, лучше котораго и желать не льзя.

Съ великимъ нетерпѣніемъ ждемъ зимы, которая можетъ быть лутчее лекарство отъ чумы.

22 сент. Господствуетъ прежняя тишина. Погода становится холоднѣе, то надѣемся, что Богъ и чуму скоро утишитъ. Идетъ слѣдствіе надъ тѣми, кои попались подъ караулъ во время тревоги.

26 сент. Какъ нашъ командиръ, такъ и мы всѣ, видимъ неописанную благодарность отъ всѣхъ гражданъ за избавленіе ихъ отъ случившагося безпокойства.

27 сент. Вчера пріѣхалъ къ намъ въ Москву графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, и публикованъ манифестъ, что онъ полномоченъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся до учрежденія надлежащаго порядка въ коммиссіи о чумѣ. Мы его пріѣзду всѣ рады, и онъ случившееся наше 16 сентября сраженіе очень апробуетъ; а въ манифестѣ написано, что ему возвратиться тогда, когда сія коммиссія приведена будетъ въ настоящій порядокъ.

29 сент. Въ Москвѣ все тихо и мирно.

3-го окт. Пріѣзжихъ изъ Петербурбурга много; всѣ онѣ, какъ говорятъ, будутъ имѣть разныя коммиссіи. Умершихъ и заболѣвшихъ, какъ видно по рапортамъ, благодаря Бога, гораздо уменьшается.

Отъ 6-го окт. Графъ Г. Г. Орловъ имѣетъ безпрестанное попеченіе сдѣлать еще полезнѣйшія установленія, дабы сохранить народъ отъ распространившейся заразительной болѣзни.

Вы ([6]) изволите писать, что моего письма отъ 19 сентября получить не изволили, гдѣ я описывалъ все случившееся во время мятежа; не думаю, чтобы его удержали на почтѣ; понеже это не секретъ, да и писалъ не въ чужіе края ([7]).

Еслибы не случилось во время мятежа гвардіи офицеровъ, то не кѣмъ бы было его усмирить.

Отъ 11-го окт. Господа начинаютъ съѣзжаться.

Отъ 24 окт. Московскія обстоятельства гораздо поправляются, такъ что число умершихъ содержитъ почти только третью часть противъ прежняго.

Отъ 27 окт. Благодаря Бога чума уменьшается.

Отъ 3-го ноября. Умершихъ чувствительно уменьшается.

Отъ 7-го ноября. Чума, благодаря Бога, чувствительно уменьшается. Москварѣка замерзла.

Отъ 14 ноября. Сегодня дожидаемся сюда князя Михаила Никитича Волконскаго. Онъ здѣсь будетъ начальникомъ, а графъ, какъ сказываютъ, на этой недѣли отправляется въ Пб. Къ не малому нашему сожалѣнію П. Д. Еропкинъ идетъ въ отставку.

Отъ 5 янв. 1772. Въ моей части уже 6 недѣль какъ все, слава Богу, благополучно.

Находящіяся въ упомянутыхъ бумагахъ расходныя тетради даютъ намъ возможность привести цѣны на нѣкоторые предметы, бывшія въ Москвѣ въ 1771—1772 г., а также и *содержаніе* нѣкоторыхъ лицъ:

Два колеса подъ телѣгу стоили		2 р. 70 к.
Пудъ свѣчей	„	2 р. 40 „
Караульн. будка	„	4 р.
Фунтъ сургучу	„	1 р. 45 „
Лошадь рабочая	„	14 и 15 р.
Лошадь для гусара	„	14 р.
Телѣга	„	1 р. 20 „

([6]) Т. е. отецъ А. А. Саблукова.

([7]) А. А. Саблуковъ, вѣроятно и въ тогдашнее время сознавая важность сообщаемаго въ письмѣ отцу своему, оставилъ у себя его копію, сдѣланную его рукой, которая и послужила намъ для напечатанія вышепомѣщеннаго письма.

Сани . . . . „ „	95 к.
Ковка одной лошади . . „	1 р. 4 к.
Хомутъ . . . . „ „	75 к.
Ведро уксуса	17, 20, 35 и 45 к.
Возъ можевельнику.	40 к.
Гробъ	78 к.
Могила	35, 40 к.
Стопа бумаги	1 р.
Шуба и кафтанъ	5 р. 26 к.
Регистраторъ получалъ въ мѣсяцъ	10 р.

Суточныя порціи.

Гвардіи сержантъ и капралъ получ.	10 к.
Фабричный	6 к.
Каторжный (8)	6 к.
Гвард. солдатъ	5 к.
Поселенный	5 к. (10 к.)
Подъячій	4 к. (10 к.)
Погребатель	4 к. (5 к.)
Солдатъ Великолуцкаго полка	4 к.
Батальонный солдатъ	3 к.

Нанять повара съ женою (прачкою) стоило 3 руб. въ мѣсяцъ.

ИЗЪ ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ПРИНЦЕССѢ ЛУИЗѢ ПРУССКОЙ.

(О холерномъ возмущеніи въ С.-Петербургѣ на Сѣнной площади).

Péterhoff 3/17 Juillet 1831.

... Je Vous écris, Madame, entouré de scènes de douleurs. Le choléra dévaste Pétersbourg. Nous sommes à Péterhoff, assez à l'abri de la contagion. Tout est calme autour de nous; le temps est superbe, la nature belle, brillante et tranquille, comme à l'ordinaire, comme si aucun malheur ne se faisait sentir aux hommes. Et dans cette tranquillité universelle, à chaque instant nous entendons annoncer la mort de quelque personne connue. Ici, au bord de la mer, se trouve un réduit charmant, on l'appelle *Monplaisir;* c'est un petit palais en style normandais, bati par Pierre le Grand. Tout auprès il y a une terrasse ombragée pas des tilleuls touffus, qui sont à présent en fleurs. La mer se deploie devant cette terrasse solitaire; on y jouit du beau tableau du soleil couchant. Mais on a vraiment conscience de jouir même des beautés de la nature. Lorsqu'on se trouve sur cette terrasse, d'un côté à l'horison on voit Pétersbourg et de l'autre Cronstadt;—tous les deux sont empestés pas le choléra, et l'imagination involontairement se transporte au milieu des scènes variées de souffrances et de malheurs, et la belle scène de tranquillité qui se présente aux yeux perd tout son charme: un ver rongeur se fait sentir dans l'interieur de l'ame. Mais ces ténèbres sont quelquefois eclairées pas des lumières d'un autre genre. Je dois raconter à Votre Altesse une scène, qui certainement est rare dans l'histoire et dont on ne parlera pas dans les feuilles publiques, comme on devrait en parler. La populace de Pétersbourg, effrayée par les mesures, qu'on a du prendre pous arrêter les progrès du choléra, peut-être excitée par quelques malveillants, surtout guidée par son ignorance barbare, s'est soulevée à Pétersbourg: on criait contre l'empoisonnement, on accusait les médecins de vouloir profiter de quoi, Dieu sait! Finalement une troupe de 5 à 6000 hommes s'est rassemblée sur une des places publiques de Pétersbourg; on se jette sur un hopital, on y trouve un malheureux docteur, occupé à soigner un homme mourant du choléra; on le massacre, on dévaste l'hopital et on fait sortir les malades, qui sont transportés

---

(8) Каторжные въ это время занимались погребеніемъ умершихъ отъ чумы.

avec leurs lits dans les différentes maisons, d'où on les a pris pour les mettre à l'hopital. La police est sans force contre l'émeute, mais les troupes de ligne arrivent, et le rassemblement se disperse. Tout Pétersbourg est en rumeur; l'inquiétude s'empare des habitans; on s'attend à un soulévement général. L'Empereur, informé de l'état des choses, se décide à venir en personne à Pétersbourg. Il part de Péterhoff en bateau à vapeur. Il arrive. Ce qu' il apprend à son arrivée est sinistre. Il se met en calèche et en passant par les rues les plus populeuses, va directement à l'endroit, qui a été la veille le théatre des désordres. Une foule innombrable court à sa suite; il s'arrête plusieurs fois pour parler à ceux, qui étaient le plus près de sa calèche. Enfin parvenu jusqu'à la place publique, il s'arrête près d'une église, au milieu d'une foule de 20 à 25 mille hommes. Alors il se leve. Représentez vous cette belle figure, cette voix éclatante et distincte, cet air imposant et sévère et cette foule, la veille si mutine, si forte par le désordre, maintenant si tranquille, si domptée par la présence de la Majesté Souveraine et la magie du courage héroïque. Voila les paroles qu'il a prononcées: «A mon «couronnement, j'ai juré de maintenir «l'ordre et les loix: je remplirai mon «serment. Je suis bon pour les bons, «ils trouveront en moi toujours un ami «et un père! Mais malheur aux méchants: «j'ai contre eux des armes! Je ne vous «crains pas, c'est à vous à me craindre! «Une grande épreuve nous est envoyée «par Dieu: c'est la peste! On a du prendre des mesures pour en arrêter les «progrès: toutes ces mesures ont été prises par mes ordres! C'est donc contre «moi que vous vous plaignez: eh bien! «me voila! Et j'ordonne l'obéïssance! «Vous, hommes tranquilles, pères de famille, j'ai confiance en vous, et je suis «persuadé que vous serez toujours les «premiers à éclairer les ignorans, à calmer les mutins! Mais gare à ceux qui se «permettront de s'opposer à mes ordres: «ils seront poursuivis sans pitié! Maintenant, dispersez vous! La peste règne! «Il n'est pas bon de se rassembler en «foule. Mais auparavant il faut se réconcilier avec Dieu! Si vous m'avez «offensé pas votre désobéïssance, vous «avez encore plus offensé Dieu par un «crime: un meurtre a été commis! Le «sang innocent a été répandu! Priez Dieu, «qu' Il vous pardonne!» — A ces mots il se découvre, se tourne vers l'église et fait un signe de croix. Alors toute la foule, par un mouvement spontané, se prosterne et pousse un cri de bénédiction. L'Empereur part, et le peuple se disperse tranquillement, bien sermonné, tout à fait docile à reconnaître sa faute. Quel moment unique! Et depuis ce moment tout est rentré dans l'ordre; pendant deux jours encore on a craint le retour des émeutes, ces craintes ont été fausses! Le peuple s'est calmé, la confiance est rétablie, on ne s'oppose plus au transport des malades dans les hopitaux, et voilà que la maladie elle même commence déja à perdre de sa force et de son intensité. Depuis, l'Empereur a été encore deux fois à Pétersbourg. Ceux qui l'ont accompagné m'ont raconté qu'ils ont vu que tous ceux, qui apercevaient l'Empereur, accouraient avec empressement pour le voir de près et que la plupart, après l'avoir vu passer, se signaient eux mêmes et faisaient un signe de croix sur lui. Cela n'a pas besoin de commentaires. Le discours que j'ai cité à Votre Altesse est mot à mot ce qui m'a été dit pas le prince Menschikoff, qui se trouvait dans la calèche de l'Empereur, au moment où il parlait au peuple, et qui par consequent n'a pu perdre

une seule parole. Une scène comme celle là ferait la plus belle page de Tite Live (mais de Tite Live chrétien).

Переводъ. . . . . Пишу къ вашему высочеству, окруженный скорбными сценами. Холера опустошаетъ Петербургъ. Мы въ Петергофѣ, въ достаточной безопасности отъ заразы. Все тихо вокругъ насъ. Погода великолѣпная; природа обычно-прекрасная, блистающая и спокойная, какъ будто съ людьми и не совершается никакой бѣды. И посреди этой всеобщей тишины безпрестанно узнаемъ мы о кончинѣ кого либо изъ знакомыхъ людей. Здѣсь, на морскомъ берегу, есть плѣнительный уголокъ, называемый *Монплезиромъ*; это небольшой дворецъ, въ Нормандскомъ стилѣ, построенный Петромъ Великимъ. Возлѣ него терасса, осѣненная вѣтвистыми липами, которыя теперь цвѣтутъ. Море разстилается передъ этою уединенною терассою; тутъ любуются прекрасною картиною заходящаго солнца. Но, право, совѣстно наслаждаться даже красотами природы. Съ этой терассы видны на небосклонѣ съ одной стороны Петербургъ, съ другой Кронштатъ: оба заражены холерою, и воображеніе невольно переносится къ многочисленнымъ сценамъ страданій и горя; и прекрасная картина тишины, находящаяся передъ взорами, тотчасъ утрачиваетъ свою прелесть: тоска точитъ сердце какъ червь. Но эти мрачныя чувства проясняются иногда передъ свѣтомъ особаго рода: я долженъ разсказать вашему высочеству одну сцену, которая по истинѣ рѣдко встрѣчается въ исторіи и которая не будетъ изложена въ газетахъ, такъ какъ бы слѣдовало. Петербургское народонаселеніе, испуганное распоряженіями, принятыми по необходимости для того, чтобы остановить развитіе холеры, а можетъ быть и настроенное нѣкоторыми злонамѣренными людьми, и во всякомъ случаѣ побуждаемое варварскимъ невѣжествомъ, произвело мятежъ въ Петербургѣ. Кричали объ отравѣ, обвиняли докторовъ, что они хотятъ воспользоваться Богъ знаетъ чѣмъ! Напослѣдокъ на одной изъ Петербурскихъ площадей собралась толпа человѣкъ тысячь въ 5 или 6. Кидаются въ одну больницу, находятъ тамъ несчастнаго доктора въ то время, какъ онъ подавалъ помощь умиравшему отъ холеры. Его убиваютъ. Больница опустошена; больныхъ разносятъ съ ихъ постелями по разнымъ домамъ, откуда они поступили въ больницу. Полиція ничего не можетъ сдѣлать противъ мятежа; но появляются строевыя войска, и сходбище разсѣянно. Весь Петербургъ въ тревогѣ; безпокойство овладѣваетъ жителями; ждутъ общаго возстанія. Извѣщенный о положеніи дѣлъ, императоръ рѣшается ѣхать въ Петербургъ. Онъ отплываетъ изъ Петергофа на пароходѣ. Онъ прибылъ. Зловѣщія донесенія встрѣчаютъ его. Онъ садится въ коляску и направляется по самымъ многолюднымъ улицамъ, прямо къ тому мѣсту, которое на канунѣ было театромъ безпорядковъ. Безчисленная толпа бѣжитъ за нимъ; нѣсколько разъ онъ останавливается для разговора съ тѣми, кто тѣснился вокругъ самой его коляски. Наконецъ, доѣхавъ до площади, онъ останавливается возлѣ церкви, окруженный толпою отъ 20-ти до 25-ти тысячь человѣкъ (*). Тогда онъ встаетъ: представьте себѣ эту прекрасную фигуру, этотъ громкій и звучный голосъ, этотъ внушающій и строгій видъ, и эту толпу, наканунѣ столь мятежную, столь сильную въ своей смутѣ и теперь, столь спокойную, столь покоренную присутствіемъ самодержавнаго величія и магическимъ обаяніемъ геройской отваги. Вотъ слова, имъ произнесенныя: „Вѣнчаясь на царство я поклялся поддерживать порядокъ и законы. Я исполню мою присягу. Я добръ для добрыхъ: они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца! Но горе злонамѣреннымъ: у меня есть противъ нихъ оружіе! Я не боюсь васъ, вамъ меня бояться! Намъ

(*) Это было 23 іюня 1831 г. См. Сѣв. Пчелу 1831 г. № 140, гдѣ находимъ только извѣщеніе о прибытіи государя. П. Б.

послано великое испытаніе: зараза! Надо было принять мѣры, дабы остановить ея распространеніе: всѣ эти мѣры приняты по моимъ повелѣніямъ. Стало быть, вы жалуетесь на меня; ну, вотъ я здѣсь! И я приказываю вамъ повиноваться. Вы, отцы семействъ, люди смирные, я вамъ вѣрю и убѣжденъ, что вы всегда прежде другихъ уговорите людей несвѣдущихъ и образумите мятежниковъ! Но горе тѣмъ, кто позволяетъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ! Къ вамъ не будетъ никакой жалости! Теперь расходитесь! Въ городѣ зараза! Вредно собираться толпами. Но напередъ слѣдуетъ примириться съ Богомъ! Если вы оскорбили меня вашимъ непослушаніемъ, то еще больше оскорбили Бога преступленіемъ: совершено было убійство! Невинная кровь пролита! Молитесь Богу, чтобъ Онъ васъ простилъ!" При этихъ словахъ онъ обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестился. Тогда вся толпа, по невольному движенію, падаетъ ницъ съ молитвенными возгласами. Императоръ уѣзжаетъ, и народъ тихо расходится, наставленный и проникнутый сознаніемъ своего проступка. Минута единственная! И съ этой минуты все пришло въ порядокъ. Два дни еще опасались возобновленія смутъ; но эти опасенія были ложны. Народъ успокоился, довѣріе возстановлено. Не препятствуютъ болѣе перевозить больныхъ въ лазареты, и самая болѣзнь начинаетъ утрачивать свою силу и напряженіе. Съ тѣхъ поръ императоръ еще два раза былъ въ Петербургѣ. Сопровождавшіе его передавали мнѣ, что, какъ только замѣтятъ императора, съ поспѣшностью бѣгутъ посмотрѣть на него поближе; что многіе, увидавъ его проѣзжающаго мимо, крестятся сами и крестятъ его. Это очень понятно. Рѣчь, которую я привелъ вашему высочеству, была мнѣ пересказана слово въ слово князьямъ Менщиковымъ, находившимся въ коляскѣ съ императоромъ въ тѣ минуты, когда Онъ говорилъ народу, и потому имѣвшимъ возможность не проронить ни одного звука. Подобная сцена могла бы занять прекрасную страницу у Тита Ливія (но у Тита Ливія христіанина)...

За сообщеніе этого историческаго свидѣтельства (дорогаго и потому, что оно принадлежитъ В. А. Жуковскому) читатели Русскаго Архива обязаны *Василію Степановичу Барыкову*, доставлявшему намъ и подлинную (черновую) рукопись. Принцесса Луиза Прусская, въ замужествѣ за кн. Антономъ Радзивиломъ, была родственница покойной государыни императрицы Александры Θеодоровны. *П. Б.*

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИСТОРІИ И СТАТИСТИКИ ГОРОДА ЕЛЬЦА,

собранныхъ подполковникомъ Ридингеромъ.

Печатаемые ниже разсказы составляютъ 21-ю главу обширнаго и почтеннаго труда, съ рисунками, таблицами и пр. Удивляемся, какъ Елецкое богатое купечество доселѣ не озаботится изданіемъ въ свѣтъ этого сочиненія въ полномъ его составѣ. *П. Б.*

Собирая матеріалы для исторіи и статистики города Ельца, я старался изъ изустныхъ преданій узнать, какіе слѣды и впечатлѣнія оставили по себѣ историческія происшествія.

Интересные факты давно прошедшихъ временъ почти совершенно изгладились и прошли безслѣдно для изустныхъ пересказовъ, или перемѣнены до того, что дѣйствія временъ Бирона относятъ къ Іоанну Грозному, или на оборотъ, и такимъ образомъ анахронизмы на двѣсти лѣтъ бываютъ не рѣдки.

О фактахъ весьма недавнихъ, но которымъ уже прошло полвѣка, старики не охотно разсказываютъ, какъ бы боясь чего-то.

Крутыя расправы временъ Бирона еще не забыты стариками, и уроки, испытанные отцами и дѣдами, парализируютъ обычную болтливость стариковъ,

Со временъ Петра 1-го исторія Россіи есть, въ тѣсномъ смыслѣ слова, исторія Петербурга и войнъ; и потому весьма интересно прослѣдить: какіе именно факты и распоряженія изъ дальнаго Петербурга оставили болѣе или менѣе замѣтныя впечатлѣнія внутри Россіи.

Весьма замѣчательно то, что одни и тѣже факты оставили одни и тѣ-же воспоминанія во всѣхъ слояхъ народа; такимъ образомъ: заговорите-ли о Екатеринѣ Великой, о Биронѣ-ли, о указѣ ли какомъ нибудь, вамъ разскажутъ почти одно и тоже мнѣніе и впечатлѣніе, и старикъ-священникъ и старикъ-баринъ, и старикъ-купецъ, и старикъ-крестьянинъ.

Чтобъ избѣжать повтореній, я передамъ разсказъ одного словоохотливаго и дѣльнаго старика, тѣмъ болѣе, что разсказъ этотъ мнѣ удалось записать почти слово въ слово и потомъ повѣрить и снабдить его многими примѣчаніями.

Разсказъ первый.

„Спасибо вамъ, что посѣтили меня старика; вотъ уже 86-й годъ бременю землю, и пора на покой", — такъ началъ полуслѣпой, но еще бодрый старикъ, когда я къ нему пришелъ.

Просьбу мою — расказать о прошломъ, онъ встрѣтилъ какъ-то недовѣрчиво. „Разсказать вамъ о прошломъ..... да о чемъ именно? При мнѣ воды много утекло, да что съ возу упало, то пропало! Вотъ старикъ - отецъ мой, царствіе ему небесное, такъ былъ разсказчикъ!..... Бывало, запретъ избу, да какъ начнетъ разсказывать, такъ волосы станутъ дыбомъ! А умеръ онъ, когда мнѣ было 20-ть лѣтъ, а ему было за девяносто; мой дѣдъ жилъ 102 года и умеръ, когда отцу моему было не болѣе 30 лѣтъ..... Теперь, когда смерть на носу, мнѣ некого бояться, кромѣ страшнаго суда, а потому извольте разскажу все, что помню.

Исторія должна насъ учить уму-разуму, а потому, помня, что Новогородцы говорили Варягамъ: земля наша богата и обильна, но порядка въ ней нѣтъ, я начну вамъ расказывать по порядку: сначала о томъ, что помню изъ разсказовъ дѣда моего, переданныхъ мнѣ отцомъ, а потомъ, что передалъ мнѣ отецъ изъ временъ имъ пережитыхъ, а потомъ уже разскажу и о томъ, что я грѣшный видѣлъ.

По словамъ отца моего, дѣдъ мой много перенесъ. Онъ былъ человѣкъ умный, что называлось тогда письменный т. е. зналъ грамоту. Дѣдъ мой сломалъ много походовъ съ Великимъ Петромъ, и былъ дьячкомъ царской походной церкви, а при какомъ именно полку, не помню. Уроженцы мы изъ города Сѣвска, а попали туда, по преданію, изъ Новгорода во время Іоанна Грознаго. Карамзинъ, а за нимъ и другіе историки называютъ этого царя грознымъ, а народъ называлъ его не грознымъ, а мучителемъ. Народъ нашъ православный, народъ добрый, не прихотливый, не взыскательный, слѣдовательно, ужъ если народъ назвалъ мучителемъ, то не слѣдъ перемѣнять названіе: гласъ народа есть гласъ Божій. Что народъ нашъ и малымъ доволенъ, вы и сами видите, а въ старину жили еще проще, да и пословицы — эта мудрость вѣковъ, — доказываютъ тоже; въ какомъ на примѣръ народѣ скажутъ: «невѣяный хлѣбъ — не бѣдность, а посконная рубаха не нагота, или напримѣръ щей горшокъ— да самъ большой?»

По преданіямъ извѣстно, что татарщина сильно нагадила народу православному: дошло до того, что и въ церквахъ стояли въ шапкахъ. До татарщины женщины не были затворницами (1), да и народъ былъ вольный: не

(1) Это также доказывается статьею въ Чт. Имп. Общ. Истор. и Древ. Рос. годъ 1 часть 1-я стр. 59-я, 1846 года.

зналъ земныхъ поклоновъ, былъ честенъ, уважали старшихъ, а старшіе жили одною жизнію со всѣми, не угнетали народъ, и все шло въ уровень, только по сосѣдству воевали князья, да удаль другъ передъ другомъ показывали. А пришла татарщина, пошли любимчики, поборы, поклоны и все дѣло перепортили; а потомъ, какъ пришлось строить государство, такъ не всякому пришлось въ моготу догонять то, что̀ упущено вѣками, и пошла вездѣ и во всемъ рознь; какъ здоровье уходитъ пудами, а приходитъ золотниками, такъ и устройство чего бы то ни было. Вспомнить надо, что одно межеваніе земель сколько разъ было ([2]); коммисій составленія законовъ было 10-ть; да до всего, до чего ни дотронитесь, все требовалось много разъ передѣлать, чтобъ дойти до настоящаго положенія.

Хуже татарщины было время самозванцевъ, вотъ это было истинное наказаніе Божіе: городъ на городъ шелъ и братъ на брата. Не долго тянулось это время, но старики помнили эту невзгоду. Вотъ почему любитъ народъ царя: въ немъ одномъ большой залогъ счастья; сердце мое радуется, что любовь эта, благодаря Всевышняго, не оскудѣваетъ.

Про Петра Великаго слышалъ я много разсказовъ, но всѣ они почти напечатаны. Крутенекъ былъ великій государь, жутко было при немъ служить, но его любилъ народъ. Любилъ его народъ за то, что онъ самъ былъ работникъ вездѣ и во всемъ, доступъ къ нему былъ легокъ, справедливъ былъ ко всѣмъ; да и вся трудная работа при немъ стала показывать плоды, а это отрадно было видѣть. Упрекаютъ его, что онъ нѣмцевъ любилъ, отъ нихъ все перенималъ; да какъ бы ни было худо нѣмецкое, все оно лучше чѣмъ татарское, которое онъ засталъ во всемъ ходу, потому что имъ подражали, но ужъ ихъ не боялись.

Отецъ мой родился при Петрѣ и видѣлъ его, когда былъ мальчишкой, лѣтъ пятнадцати, и былъ на его похоронахъ. Потомъ отецъ мой живалъ то въ Сѣвскѣ, то въ Брянскѣ, то въ Ельцѣ, а урывками бывалъ въ Петербугѣ и въ Москвѣ, и уже всѣ происшествія послѣ Петра 1-го помнилъ ясно и разсказывалъ много. Отецъ мой между прочимъ разсказывалъ, что ему удалось два раза быть на похоронахъ Петра, великаго государя: въ первый разъ 10 марта 1725 года похороны были весьма торжественны, но когда архіепископъ Ѳеофанъ началъ свою проповѣдь знаменитыми словами: «Что се есть? До че„го мы дожили? О Россіяне, что видимъ? „что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!...“ то въ слѣдъ за этими словами вся церковь зарыдала и что̀ было послѣ этого, отецъ мой не помнилъ, говоря, что вѣроятно и никто не помнитъ и не видѣлъ: до того была скорбь всеобщая и непритворная. Гробъ съ тѣломъ великаго государя оставался среди церкви лѣтъ шесть, и тогда окончательно предали землѣ ([3]); отцу моему пришлось быть свидѣтелемъ и этихъ похоронъ.

Трудное было житье, не то, что теперь! Ну хоть возмемъ объ одеждѣ; знаете-ли сколько разъ перемѣняли форму одежды, да не военную или чиновную, а такъ всей Руси православной? Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вышелъ указъ, запрещавшій подстригивать волосы и носить кафтаны по нѣ-

([2]) Межеваніе земель было: въ 1555, 1583, 1623, 1680, 1685, 1693, 1700, 1765 г. и пр.

([3]) 31 мая 1731 года тѣло государя было окончательно предано землѣ, см. Опис. Петербурга Богданова. С. Пб. 1779 год. стр. 280.

мецкому образцу ([4]); потомъ при Петрѣ 1-мъ приказано носить платье венгерское и нижній кафтанъ чтобъ былъ короче верхняго ([5]), а черезъ годъ приказано носить платье нѣмецкое, саксонское, французское и сѣдла имѣть нѣмецкія ([6]). Потомъ, лѣтъ черезъ двадцать, съ бородачей, кромѣ крестьянъ, за право носить кафтаны стараго покроя, но съ краснымъ козыремъ (стоячій воротникъ), взималось 50 руб. штрафу ([7]).

Петръ Великій часто бывалъ въ Ельцѣ и останавливался у Петра Степановича Россихина. Однажды онъ пріѣхалъ очень веселый и, объявивъ, что очень доволенъ работами на Воронежѣ и въ Тавровѣ, приказалъ подать себѣ кочережной браги. Россихинъ поднесъ, и царь сказалъ ему: „у кого въ рукахъ, у того и въ устахъ". Выпилъ Россихинъ, потомъ жена его, а потомъ царь, и стаканъ хрустальный раздавилъ въ рукахъ, а за обѣдомъ шесть оловянныхъ тарелокъ свернулъ въ трубку, а потомъ пилъ кавардакъ изъ браги. У Россихиныхъ долго хранились эти тарелки и стаканъ склеенный, и грамота свободнаго винокуренія, но все сгорѣло; остался только стулъ сдѣланный для Петра, потому что тогда всѣ сидѣли на лавкахъ.

Отецъ мой былъ богатъ, а умеръ чуть не нищимъ. Когда былъ богатъ, то живалъ часто въ Петербургѣ и зналъ всѣхъ еще жившихъ современниковъ Великаго Петра, и многихъ изъ нихъ, бывшихъ въ силѣ, видѣлъ потомъ отправляющихся въ ссылку, или на эшафотъ: такъ графъ П. А. Толстой умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ, князь А. Д. Меншиковъ умеръ въ Березовѣ, А. П. Волынскій умеръ на эшафотѣ, князь Долгорукій, Остерманъ, Минихъ и много другихъ. Имена этихъ людей теперь повторяются рѣдко, а тогда ихъ зналъ каждый Русскій и, глядя на ужасные перевороты ихъ судьбы, каждый по неволѣ боязливо думалъ о своей участи.

Признаніе свободныхъ человѣческихъ правъ шло потихоньку, но за то каждое признаніе такого права праздновалось какъ побѣда, если не всѣми, то хотя тѣмъ маленькимъ кружкомъ умныхъ людей, знавшихъ Россію и предугадывавшихъ ея будущность, а такіе кружки бывали во всѣхъ городахъ.

Я не помню разсказовъ о томъ, какъ встрѣчены были указы ([8]), чтобъ не бить челомъ и вмѣсто *холопъ* писать *рабъ* и не писать Васька, Трошка и т. д.; но очень хорошо помню, я былъ ребенкомъ, когда у насъ собрались гости и пили за здоровье матушки Екатерины, когда вмѣсто *рабъ* дозволено было подписываться *всеподданнѣйшій* ([9]).

Такимъ образомъ встрѣчали, сколько я знаю, слѣдующіе указы: уничтоженіе смертной казни ([10]), учрежденіе банковъ ([11]), уничтоженіе внутреннихъ таможенъ ([12]), учрежденіе университета и гимназіи ([13]), указы о правахъ дворянства ([14]), запрещеніе продажи людей съ аукціоннаго торга, а потомъ за-

([4]) Полн. собр. зак. № 607 и подтвер. 6 августа 1675 года.

([5]) Полн. собр. зак № 1741-й, 1700 года.

([6]) Полн. собр зак. № 1887 запрещено подъ страхомъ жестокаго наказанія продавать платье прежняго покроя, а съ ослушника брали штрафъ.

([7]) Полн. собр зак. 11 ген. 1772 года № 3873 апр. 6 го, № 3944, апрѣл. 27, № 3983. Истор. фин. граф. Толстаго, стр. 23.

([8]) Указъ изданъ въ 1701 и въ 1702 годахъ.

([9]) Указъ 1786 года 11 февраля.

([10]) Указъ 1753 года.

([11]) Собр. зак. указъ 13 мая № 10,235 и 10,963 пр. 3.

([12]) Указъ 1754 года

([13]) Указъ 1755 года.

([14]) Собр. зак. Маниф. 18 февр. 1762 г. № 11444 грамота 1785 г. апрѣля 2 д.

прещеніе продавать людей на ярмаркахъ и торгахъ ([15]), уничтоженіе пытки, отмѣна вырѣзыванія ноздрей, языковъ ([16]) и еще нѣсколько указовъ, празднованіе которыхъ теперь всякій знаетъ, напримѣръ освобожденіе крестьянъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и другіе.

Больше всего отецъ мой со страхомъ говорилъ, да и я еще помню, это о тайныхъ судилищахъ. Тайное судилище не русское произведеніе, а чисто нѣмецкое ([17]) и отъ нихъ къ намъ перешедшее. Первое страшное тайное судилище было устроено при опричникахъ ([18]); потомъ въ Москвѣ былъ устроенъ Приводный столъ, въ которомъ были розыскныя дѣла, и столъ этотъ присоединенъ къ Преображенскому приказу ([19]); а потомъ ужъ устроилась тайная канцелярія розыскныхъ дѣлъ ([20]), которая чрезъ нѣсколько лѣтъ опять была присоединена къ Преображенскому приказу ([21]). Въ 1729 году Петръ II-й уничтожилъ Преображенскій приказъ тайныхъ дѣлъ ([22]), но при Аннѣ Іоанновнѣ вновь учреждена тайная канцелярія розыскныхъ дѣлъ ([23]), и во все время Бирона эта канцелярія была страшилищемъ для цѣлой Россіи. Въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы Петровны тайная канцелярія была уничтожена, дѣла были переданы въ сенатъ и даже запрещено было произносить доселѣ страшное выраженіе: слово и дѣло ([24]). Хотя съ этихъ поръ тайное судилище потеряло свой грозный видъ, и ужъ подобныхъ несправедливостей не было, но вскорѣ опять учреждена была, если не тайная канцелярія, то тайная экспедиція ([25]). Въ 1801 Благословенный Александръ 1-й уничтожилъ окончательно тайную экспедицію, предоставивъ судить виновныхъ въ присутственныхъ мѣстахъ ([26]).

Вступленіе на престолъ Петра II-го обрадовало всю Россію, уничтоженіе тайной канцеляріи еще болѣе подало радостныхъ надеждъ, за то и смерть его была всеобщимъ глубокимъ горемъ. Рѣдкій не зналъ письма его къ своей сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ: „слѣдуя примѣру Веспасіана, я никого не отпущу отъ себя съ печалью“ Отецъ мой видалъ Бирона и такъ боялся, что не любилъ говорить о немъ даже тогда, когда его уже не было въ Россіи.

При Елизаветѣ Петровнѣ, и потомъ при Екатеринѣ II-ой, Россія вздохнула свободно, а при Аннѣ Іоанновнѣ трудно было жить: шпіоновъ, донощиковъ было на каждомъ шагу множество, даже указъ вышелъ при Елизаветѣ Петровнѣ ловить и показывать шпіоновъ ([27]).

Предъ вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, Шведы объявили намъ войну, и у меня долгое время хранился изданный на русскомъ языкѣ Шведскій манифестъ, въ которомъ было сказано, что они идутъ освобождать Русскій народъ отъ несноснаго ига и жестокостей, которыя испытываетъ Русскій народъ отъ иноземныхъ

([15]) Собр. зак. 5 авг. 1771 г. № 13,634 и 1808 года 14 іюля № 23,157.

([16]) 1817 г. 25 декабр. № 20.022.

([17]) Въ 1204 году тайное судилище было учреждено въ Вестфаліи.

([18]) Опричники учреждены въ 1565 году и уничтожены въ 1572 году.

([19]) Собр. зак. 16 январ. 1711 год. № 2467.

([20]) Собр. зак. 1718 года № 4892.

([21]) Собр. зак. указъ 1724 г. 21 апрѣля № 4494.

([22]) Собр. зак. 1729 г. № 5727.

([23]) Собр. зак. 27 мар. 1731 года № 5727.

([24]) Собр. зак. 21 февр. 1762 г. № 11,445.

([25]) Собр. зак. 21 ноябр. 1796 г. № 17,574 декаб. 4 № 17610.

([26]) Собр. зак. № 20,022

([27]) Полн. собр. зак. 22 января 1742 года т. XI № 8,506.

министровъ и ихъ безчеловѣчной тираніи. Вотъ какое было времечко!

Императоръ Петръ III-й грозное выраженіе: слово и дѣло—назвалъ ненавистнымъ, а Екатерина II-я угрожала наказаніемъ, кто употребитъ его; до того оно было употребляемо часто ([28]). Къ этимъ временамъ принадлежитъ пословица, сохранившаяся и до сихъ поръ: „такой фаворитъ, что нельзя и говорить!"

О подъячихъ, приказныхъ осталась дурная слава, про воеводъ тоже; а какъ уничтожили ихъ, родилась пословица: „прежде одну свинью кормили, а теперь съ поросятами". Хотя Димитрій Ростовскій и сказалъ, что „всякому свой вѣкъ не нравенъ" ([29]), но пожили бы тогда, благословляли бы настоящее время.

Теперь всѣ стали поговаривать о мірскихъ учрежденіяхъ, и вотъ наконецъ привелось видѣть мировыхъ посредниковъ по крестьянскимъ дѣламъ. Слава Богу! дѣло идетъ хорошо, и сердце не нарадуется; но Боже упаси понадѣяться на это и дать сильное вліяніе въ мировыхъ учрежденіяхъ необразованному классу. По теоріи выходитъ одно, а на дѣлѣ-то къ сожалѣнію выходитъ совершенно другое. Посмотрите, какъ часто міръ за ведро водки кривитъ душою; взгляните, какъ міръ свой судъ съ насмѣшкою зоветъ лапотный судъ; взгляните, какъ простой человѣкъ, облеченный властію, дѣлается бичемъ подчиненныхъ; Боже упаси такимъ людямъ давать власть! Никогда не надо забывать Аристотелева положенія: „власть должна быть расширяема только соразмѣрно со способностію правильно употреблять ее". Я вамъ разскажу хотя одинъ примѣръ, изъ котораго вы увидите, что если-бъ необразованному міру дать власть, то могло бы случиться Богъ знаетъ что.

Въ 1831 году, во время холеры, Ельчане не вѣрили эпидеміи, а заподозрѣли дворянъ въ отравленіи народа; крестьяне стали колебаться, и наконецъ, по высочайшему повелѣнію, была назначена слѣдственная коммисія. Одно появленіе слѣдственной коммисіи прекратило глупые толки, и она могла кончить дѣло словами Спасителя: прости имъ Господи, не вѣдятъ бо что творятъ ([30]). Но представьте себѣ, что было бы, если-бъ этотъ міръ имѣлъ власть.

Необразованіе только и можетъ быть причиною страшнаго самодурства, которое въ сопровожденіи власти бываетъ невыносимо, тѣмъ больше, что вездѣ большинство менѣе развито, и ему всегда выгоднѣе поддерживать силу, чѣмъ идти противъ нея; да и вообще легче идти съ большинствомъ, чѣмъ противъ него т. е. легче плыть по теченію, чѣмъ плыть противъ теченія.

Разскажу вамъ одну Елецкую исторію, которая подходитъ къ этому разсужденію. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1828-го года былъ головою въ Ельцѣ Семенъ Ивановичъ Ч. Фамилія Ч. одна изъ уважаемыхъ фамилій въ Ельцѣ, и изъ этой фамиліи вышло много людей, достойныхъ уваженія. Отецъ Семена Ивановича, Иванъ Афонасьевичъ Ч., былъ головою еще въ 1794 году и былъ всѣми уважаемъ и любимъ, да и сынъ его, о ко-

---

([28]) Указъ этотъ написанъ по нѣмецки 1762 г. февраля 2-го (Verhaßte Ausdruck) и указъ 1764 года октября 19.

([29]) Дневныя записки М. 1805 г. ч. 1-я. 4.

([30]) См. Архивъ Елецкой полиціи, предписаніе слѣдств. комиссіи городничему, отъ 3 ноября 1831 г., № 32 Жаловались на купцовъ дворяне: И. Ф. Вадковскій, Н. А Панинъ, И. Д. Хрипуновъ, М. П. Рѣдкинъ и др. Слѣдств. комиссія состояла изъ губернатора, предводителя дворянства и жандармскаго полковника.

торомъ я говорю, Семенъ Ивановичъ, тоже былъ человѣкъ уважаемый, относительно неглупый, торговлю велъ ловко, но крутой, грубый, своенравный. 12-го октября 1828 года губернаторъ пріѣхалъ въ Елецъ и назначилъ 13-ю ревизію присутственныхъ мѣстъ. 12-го числа Семенъ Ивановичъ Ч. являлся къ губернатору, былъ съ нимъ не учтивъ, даже грубъ, а 13-го не поѣхалъ на ревизію. Губернаторъ послалъ узнать причину; ему доложили, что онъ всю ночь прокутилъ и теперь пьянъ. Назначили формальное слѣдствіе, подтвердилось тоже, за что его и удалили отъ должности, не смотря на то, что общество сильно хлопотало, чтобъ его оставить головою. Какъ же правительству-то работать съ такими лицами, которыя ничего и никого не уважаютъ, кромѣ своего собственнаго *я* (31)?

Ч. завелъ дѣло, которое доходило до сената; на дѣло это потрачено много времени и денегъ, и кончилось тѣмъ, что Ч. больше не былъ головою, и только въ утѣшеніе своего самолюбія, когда губернаторъ, по собственному желанію, вышелъ въ отставку, распускалъ слухи, что губернатора смѣнили за него! Семенъ Ивановичъ Ч. былъ человѣкъ весьма умный, но безъ образованія; жаль, что послѣ него иные желали ему подражать, но, не имѣя его ума и другихъ достойныхъ уваженія качествъ, умѣли перенять однѣ только слабыя стороны.

Въ 1782 году въ Ельцѣ былъ сильный пожаръ, сгорѣла почти вся Черная слобода, и тогда дозволено тамъ строиться однимъ однодворцамъ, а купцамъ и мѣщанамъ велѣно строиться въ городѣ.

Въ 1792 году объявлено было Елецкому обществу, чтобъ строили гостинные красные ряды, а съ 1793 года стали мостить улицы; до этого же года мостовыхъ въ Ельцѣ не было, и въ это же время стали проводить улицы по плану, ломать ветхія зданія и соломенныя крыши.

Вообразите, что въ 1791 году въ Ельцѣ было 20 пожарныхъ лошадей, а въ этомъ году, по просьбѣ градскаго головы Михаила Григорьевича Шилова, велѣно оставить всего 5 лошадей (2 подъ трубу, и 3 подъ бочки), а остальныхъ лошадей, какъ тогда выражались, велѣно спустить.

Въ 1802 году я помню въ Ельцѣ было землетрясеніе, но благодаря Бога небольшое: дрожали стѣны, качались лампады, стучали вещи и т. п., но несчастій не было.

Теперь только въ преданіи осталось, а я хорошо помню, вражду Ельчанъ съ Чернослободскими; вражда эта доходила до дракъ, а причина этой вражды слѣдующая. Должно быть въ 1630 году, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ объѣзжалъ границу и, пріѣхавъ въ Елецъ, заболѣлъ; а когда вздумалъ ѣхать въ Москву, то дорога окончательно испортилась отъ дождей, въ особенности склонъ горы къ Ельчику. Жители Черной Слободы большою толпою провожали царскій экипажъ и на себѣ везли его до самого села Рогатаго; царь былъ такъ доволенъ усердіемъ жителей, что пожаловалъ имъ всю землю между Ельцомъ и Рогатымъ. Ельчанамъ стало завидно, и потому съ этихъ поръ стали называть Чернослободцевъ золотыми буками, потому что первая строка грамоты была написана золотыми буквами; а также дразнили ихъ, называя гридневыми крестьянами, за то, что будто бы они везли на себѣ по грязи и на гору, не только царя Михаила Ѳеодоровича, но и гридней его т. е. тѣлохранителей. Прозваніемъ этимъ Чернослободцы такъ раздражались, что нерѣдко заводили съ Ельчанами драку.

(31) См. Указ. Губ. Прав. отъ 27 окт. 1828 год. и дѣло въ Елецкомъ магистратѣ.

Это недоброе расположеніе Ельчанъ къ Чернослободцамъ выразилось даже въ просьбѣ къ императору Петру 1-му о томъ, чтобы въ землѣ, пожалованной Чернослободцамъ, имѣли участіе и жители города Ельца. Хотя эта просьба Ельчанъ не была уважена, и они получили рѣшительный отказъ, но тѣмъ самымъ ихъ нерасположеніе болѣе и болѣе возбуждалось; и только послѣ генеральнаго размежеванія, когда земля Чернослободцевъ была присоединена къ общей градской землѣ, и жители Черной Слободы изъ хлѣбопашцевъ сдѣлались посадскими людьми, жители Ельца и Черной Слободы начали позабывать родовую свою злобу, и рѣже стало употребляться обидное для Чернослободцевъ прозваніе гридневыхъ крестьянъ. Жители Черной Слободы, особенно въ прежнія времена, занимаясь большею частію ремесломъ, вели жизнь трудолюбивую, скромную и воздержную; посему Черная слобода дала городу Ельцу многихъ гражданъ значительныхъ по капиталу, и многіе изъ Черной Слободы переселились въ городъ Елецъ, напримѣръ фамиліи: Калабиныхъ, Кожуховыхъ, Холиныхъ, Москалевыхъ, Гавриловыхъ, Никитиныхъ и другихъ.

Кромѣ дракъ между Чернослободскими и горожанами, я помню и кулачные бои; всѣ знаютъ, что они были часты; дѣти начинали, а потомъ шли большіе, и среди ихъ появлялись знаменитые бойцы, при видѣ которыхъ противная сторона бѣжала. Я былъ ребенкомъ, но помню бой, когда горожанъ велъ городничій, а крестьянъ исправникъ. Бой былъ за Орловскою заставою; о днѣ побоища было объявлено заранѣе и, не смотря на то, что собрались бойцы со всего уѣзда, горожане ихъ прогнали за рѣку Пажень. Кулачный бой рѣдко оканчивался несчастными случаями и за неимѣніемъ, какъ за границею, стрѣлковъ и тому подобныхъ сборищъ, это было единственное развлеченіе.

Въ 1812 году было въ Ельцѣ до 4.000 плѣнныхъ; они отдѣлали Кожухова садъ, что за Черною Слободою, и теперь принадлежитъ Петру Ивановичу Калабину. Въ этомъ саду были фонтаны, каскады, гроты, бесѣдки, и все отдѣлано изящно. Въ этомъ же саду принимали Персидскаго посла Хозревъ-Мирзу, брата Персидскаго шаха, ѣхавшаго послѣ Персидской войны, въ 1828 году, въ Петербургъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, я помню, что изъ собора мальчикъ укралъ икону или серебряный окладъ съ иконы. Его содержали въ острогѣ, пока дожилъ совершеннолѣтія, и тогда его казнили.

Въ первую милицію, въ 1806 и въ 1807 году, изъ Ельца отправили въ Орелъ много пушекъ, бердышей, ружей, пуль, разныхъ бумагъ, и куда потомъ все это дѣлось, не знаю.

О наѣздахъ слышалъ я много отъ моего отца, да и самъ видѣлъ ихъ; были такіе помѣщики, что съ ними боялись встрѣчаться. Ѣдетъ бывало баринъ, а кругомъ его охота человѣкъ сто и болѣе, встрѣтитъ и велитъ выпороть, не говоря ни слова. Бѣглыхъ цыганъ, дезертировъ держали безбоязненно ([32]).

Въ 1816 въ домѣ Петра Кириловича Горшкова останавливался государь Николай Павловичъ, который былъ тогда еще великимъ княземъ и былъ шефомъ стоявшаго въ Ельцѣ Сѣверскаго конноегерскаго полка; достойный уваженія Петръ Кириловичъ Горшковъ принялъ

([32]) Изъ Архива Опеки, дѣла № 294 видно, и изъ указа Губернск. Прав. 1833 года № 4133, что у помѣщика Чечерина оказалось болѣе ста человѣкъ бѣглыхъ цыганъ, дезертировъ, не помнящихъ родства и проч., и жили они въ 30 верстахъ отъ Ельца.

его радушно, и великій князь былъ къ нему очень милостивъ. Въ числѣ служителей при государѣ находился блинникъ, ибо государь любилъ кушать блины (*).

На Аргамачей горѣ былъ еще въ недавнее время видѣнъ окопъ, онъ назывался становище, и туда я еще ребенкомъ хаживалъ гулять съ толпою ребятишекъ и дѣвицъ; а на рѣкѣ Соснѣ, въ Бѣломѣстной Слободѣ, въ Духовъ день и въ другіе дни, были смотры невѣстъ.

Гдѣ садъ Петра Алексѣевича Талдыкина, тамъ жили двѣ затворницы, Марфа и Устинья.

Былъ у насъ въ городѣ Трифонъ Осиповичъ Цѣлыковскій, онъ былъ долгое время квартальнымъ, а потомъ архиваріусомъ въ думѣ ..... но нѣтъ я вижу вы все съ карандашикомъ возитесь, остановимся лучше; я вамъ много разскажу, когда вы придете безъ карандаша, а то ужъ разсказъ подвигается къ современнымъ намъ людямъ и обстоятельствамъ, да и у меня-то такъ много припомнилось, что не знаешь о чемъ прежде говорить".

Разсказъ этотъ дѣйствительно записанъ почти слово въ слово, и выпущено только то, что̀ болѣе подробно уже разсказано въ другихъ главахъ, или то, что̀ для печати еще рановременно.

Разсказъ второй.

Изъ другихъ болѣе замѣчательныхъ разсказовъ, здѣсь помѣщается разсказъ одной старушки, которой уже болѣе 80 лѣтъ, а мать ея, умершая лѣтъ 40 тому назадъ, была обѣднѣвшая дворянка, служившая въ домѣ у Бирона. Изъ этихъ разсказовъ видно, что мать ея знала грамоту и вообще была изъ числа тѣхъ женщинъ, какихъ въ то время было весьма немного. Въ разсказахъ о Биронѣ, разумѣется, нѣтъ ничего новаго, но есть много мелкихъ подробностей, которыя къ сожалѣнію не доступны для печати. У этой старушки сохранилась копія дѣла о Биронѣ, и даже въ обвинительныхъ пунктахъ сказано:........ „и „о другихъ онымъ учиненныхъ мучи„тельствахъ и безстыдныхъ мужеска и „женска пола обнаженіяхъ и иныхъ ска„редныхъ между иными его Бирона вы„мысломъ произведенныхъ пакостяхъ, „уже и то чинить ихъ заставливалъ и „принуждалъ, что̀ натурѣ противно, и „объявлять стыдно и непристойно."(*)

Изъ разсказовъ почтенной старушки, касающихся до Ельца и Ельчанъ, къ сожалѣнію тоже большая половина еще не доступна печати, потому что дѣйствующія въ этихъ разсказахъ лица слишкомъ близки нашему времени, а нѣкоторыя изъ нихъ еще живы и теперь.

«Матушка моя жила у Бирона въ послѣдніе годы его силы и власти; при ней казнили Волынскаго, Хрущева, Еропкина, а Мусинъ-Пушкину отрѣзали языкъ. Разсказывала матушка, что была однажды свидѣтельницею большой охоты въ Петергофѣ, на которой императрица Анна Іоанновна собственноручно застрѣлила волка, кабана, оленя и нѣсколькихъ зайцевъ (33). Бироны жили очень роскошно; однихъ бриллiантовъ у его жены было болѣе чѣмъ на 2.000.000 р., да передъ самымъ сверженіемъ она заказала

(*) Мы слышали завѣрное, что въ это первое путешествіе свое по Россіи, покойный государь велъ сохранившіяся любопытныя дневныя записки. *И. Б.*

(*) Теперь подлинное дѣло о Биронѣ напечатано, хотя довольно въ спутанномъ видѣ. см. Чтенія въ Общ. Ист. и др. 1862, кн. 1-я. Приведенное мѣсто находится на стр. 46. *Ц. Б.*

(33) Дѣйствительно императрица Анна Іоанновна отлично стрѣляла, и въ академическихъ вѣдомостяхъ 1740 года сказано, что она застрѣлила въ одно лѣто 9 оленей, 16 дикихъ козъ, 4 кабана, 1 волка, 374 зайца, 68 утокъ и проч.

платье, унизанное жемчугомъ, цѣною въ 100,000 рублей.

Про самое сверженіе Бирона, матушка разсказывала, что ночью услыхала страшный шумъ въ спальнѣ, вбѣжала туда и увидала, какъ Бирона въ одной рубашкѣ тащили солдаты на улицу, а когда посадили въ карету и увезли, то жену его отыскали на снѣгу; потомъ и ее увезли, и съ тѣхъ поръ она оставила Петербургъ.

Про время Бирона страшно было слушать разсказы стариковъ и старушекъ. За неплатежъ недоимокъ ставили на правежъ и начальниковъ и неплательщиковъ, и ихъ родныхъ, и ихъ сосѣдей. Бывало, пріѣдетъ команда, и выводятъ на правежъ виноватыхъ и правыхъ, и поставятъ ихъ рядкомъ голыми ногами на снѣгъ, бьютъ палками, и морятъ по темницамъ. По городу только и слышны были палочные удары, звукъ цѣпей и стоны несчастныхъ бѣдняковъ, ихъ женъ и дѣтей.

Лазутчиковъ было множество вездѣ и повсюду; бывало, мужъ съ женою, братъ съ братомъ, отецъ съ сыномъ боялись громко говорить, а когда прощались, то прощались навсегда, потому что никто не зналъ, увидятся ли завтра. Я была маленькая, и помню, какъ по Ельцу ходила одна страшная старуха, ее звали *Настька-докащица*. Я ее помню бѣдною, а старушки разсказывали, что, бывало, ее всѣ боялись, угощали, и она была богатая, ходила въ жемчугахъ.

Близъ винныхъ подваловъ, гдѣ теперь стоитъ голубецъ съ иконою, стояла висѣлица; тутъ же вѣшали, тутъ и хоронили. Старушки помнили и разсказывали мнѣ, какъ, бывало, на этомъ мѣстѣ зарывали живыхъ въ землю почти по шею; несчастные живали дней по шести; бывало, пойдетъ дождикъ, а они и ловятъ языкомъ воду. Страшное было время! Настьку-докащицу всѣ уважали, всѣ боялись, а находились и такіе люди, которые и этой славѣ завидовали, и тоже старались страхомъ вселить къ себѣ уваженіе. Вотъ я помню, напримѣръ, одного Алексѣя Степановича....... вотъ фамилію-то и забыла..... ну, да Богъ съ нею; вотъ былъ человѣкъ характерный, тоже требовалъ, чтобъ его боялись и дѣйствительно боялись не хуже Настьки-докащицы. Былъ у насъ въ городѣ Иванъ Дементьевичъ, фамилію тоже забыла, человѣкъ хорошій, не глупый, но не уважилъ какъ-то Алексѣя Степановича; вотъ онъ и зазвалъ къ себѣ Ивана Дементіевича, угостилъ его какъ слѣдуетъ, да и высѣкъ его, штукъ 200 плетей задалъ, приговаривая: „какъ! меня не уважать! Научу я тебя меня уважать....“ Потомъ бѣдный Иванъ Дементьевичъ тысячъ сто просудилъ.... и дѣло ничѣмъ не кончилось....... И по дѣломъ, еще Сирахъ сказалъ: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягись.“ А то нынче, вотъ внучекъ мой, изъ гимназіи вышелъ, двадцати годковъ еще нѣтъ, а говоритъ всѣмъ въ глаза правду, богатства не уважаетъ, и кричитъ только о чести, о справедливости, о равенствѣ правъ..... Ужъ не знаю, стара я стала; если такъ дѣла пойдутъ, то разумѣется, будетъ хорошо, только значитъ свѣтъ-то очень измѣнится.

Бывало, вотъ былъ купецъ Василій Ивановичъ....... ужъ вы меня извините, фамилій-то я не помню, тотъ прямо говорилъ: „меня Богъ богатствомъ отличилъ; значитъ, долженъ всякъ уважить и почесть.....“; а какъ внуку разсказала я это, то онъ залился звонкимъ хохотомъ, и говоритъ: „вчера я былъ въ острогѣ и видѣлъ здоровеннаго разбойника, Тришку косолапаго, семь душъ убилъ; что жъ, и его Богъ отличилъ силою, значитъ и его всякъ долженъ уважать и почитать! Нѣтъ, бабушка, святое Евангеліе насъ учитъ быть крот-

кимъ, прощать и любить нашихъ враговъ; вотъ такихъ-то православныхъ христіанъ надо уважать, а не силу денегъ, не силу мышцъ, не упорное упрямство,—это вѣдь кулачное право, животное, звѣрское право, а не человѣческое, не христіанское!“

Господь ихъ разберетъ, кто правъ, кто виноватъ; а вотъ хоть Алексѣй Степановичъ, Петръ Игнатьевичъ, Семенъ Ивановичъ и много такихъ было, всѣ одного поля ягодки, упрямые, настойчивые и мстительные, а всѣ были православные: церкви строили, колокола лили, посты соблюдали, по праздникамъ нищихъ одаривали, а ужъ на своемъ поставятъ. Даже и теперь еще внучки такихъ дѣдовъ не забываютъ и приговариваютъ съ гордостію: я внучекъ того, дескать, Семена Ивановича, что̀ съ губернаторомъ ругался, знай нашихъ!...

Особое щегольство тогда было начальству не уважить; вотъ я вамъ скажу: однажды гнали гуртъ скотины къ Алексѣю Степановичу; на дорогѣ скота много пало; близъ этого гурта гналъ одинъ бѣднякъ 22 скотинки, да какъ то скотъ бѣдняка и перемѣшался съ гуртомъ Алексѣя Степановича, а прикащики и рады, не отдаютъ. Пожаловался бѣднякъ капитанъ-исправнику, который былъ человѣкъ честный, справедливый и возвратилъ скотъ бѣдняку; это было легко сдѣлать потому, что скотъ-то былъ весь клейменый. Приходитъ гуртъ въ Елецъ, прикащики и говорятъ: такъ и такъ, Алексѣй Степановичъ, несчастіе въ гуртѣ, падежъ былъ силенъ.

— Ну, ничего-съ! говоритъ Алексѣй Степановичъ.

Хотѣли было мы пополнить гуртъ, вотъ отъ Кузьмы Трифоновича: 22 скотинки взять, да не удалось.

— Ну-съ, и не надо, говоритъ Алексѣй Степановичъ, чужое-съ въ прокъ-съ не пойдетъ-съ.

Такъ, отвѣчаютъ прикащики, а все таки жаль, что не уважилъ капитанъ-исправникъ.

— Какъ-съ не уважилъ? Меня не уважилъ. Я ему покажу..... лошадей!

Долго ѣздилъ Алексѣй Степановичъ; капитанъ-исправникъ былъ человѣкъ хорошій, не легко было его скрутить; становыхъ ужъ разсажали по острогамъ, а капитанъ-исправникъ долго сидѣлъ на мѣстѣ крѣпко, но все же не усидѣлъ—смѣнили.

Пріѣхалъ Алексѣй Степановичъ и праздникъ задалъ, и потомъ большой колоколъ приказалъ отлить въ свою приходскую церковь, да умеръ скоро, такъ ужъ наслѣдники отлили.

Были у насъ всякіе городничіе, и добрые и злые, и хорошіе и нехорошіе, но ужъ если не уважутъ Алексѣя Степановича, то сейчасъ со всѣхъ концовъ и пишутъ прошеніе за прошеніемъ, ну и то и се, а главное, что былъ пожаръ, а пожары бывали часты. Ну вотъ пожарная команда опоздала, а городничій былъ пьянъ, или тамъ у любовницы сидѣлъ, да свидѣтелей штукъ двадцать; приношеніе кому слѣдуетъ, и —смѣнятъ.

Былъ, я вамъ скажу, у насъ въ городѣ Иванъ Алексѣевичъ, такъ онъ двѣсти тысячъ рублей заплатилъ за платинку, вотъ какимъ образомъ. Пришлось ему получать 200,000 р. ассигнаціями; ну, роспишись, говоритъ секретарь; онъ и росписался; на тебѣ платинку и ступай съ Богомъ. Такъ и пропали деньги! Съ горя Иванъ Алексѣевичъ въ солдаты пошелъ, а потомъ кирпичи носилъ, тѣмъ и кормился.

Много было дурнаго и хорошаго, всего не перескажешь.

Теперь много старыхъ словъ молодежь не понимаетъ, напримѣръ вмѣсто: давно ли было — говорилось голымя было, вмѣсто издревлѣ было — говорилось искони бѣ; вмѣсто вѣрно — говорилось

дапритаманно; вмѣсто парень праздный— буданъ, вмѣсто жарко— угрево вмѣсто разсердился — говорилось опритчился.

Разскажу я вамъ, теперь, гдѣ были крѣпость и башни, да прочитаю вамъ записанныя дѣдомъ и отцемъ примѣчанія объ Ельцѣ. Пониже Вознесенскаго собора, на оконечности горы, стоящей на юго-востокъ, надъ двумя рвами, стояла сторожевая башня, сдѣланная изъ трехъ-четвертовыхъ дубовыхъ брусьевъ; формой она была осмигранная съ узкими отверстіями вверху, въ отверстіяхъ лежали пушки. Башня была весьма высока и называлась сторожевою; въ этой башнѣ всегда стоялъ сторожъ и наблюдалъ появленіе непріятелей, и тогда звонилъ въ колоколъ, который висѣлъ на башнѣ: жители тотчасъ являлись къ защитѣ города, или сбирали имущество и поспѣшно уходили въ тайники или подземные проходы, гдѣ и скрывались. Эту башню отдали куда-то въ село на колокольню въ 1758 году. Отъ этой башни былъ насыпанъ земляной валъ на западъ до другаго укрѣпленія со рвомъ, которое было (отойдя 20 шаговъ къ сѣверу отъ каменнаго столба съ иконою, въ домѣ купца Дѣева) выстроено квадратное въ видѣ срубовъ; въ немъ были ворота на востокъ и югъ съ двойными затворами изъ толстыхъ досокъ; внутри этого укрѣпленія былъ другой срубъ, такъ что наружный простирался до 60 ар. съ каждой стороны, а внутренній до 42 ар. Пустое пространство между стѣнъ (по 9 ар.) было набито землею смѣшенною съ мелкимъ камнемъ; оно имѣло высоты 9 аршинъ. Въ послѣдствіи здѣсь стоялъ соляной магазинъ и былъ овсяной рядъ. Отъ этого укрѣпленія на сѣверъ шелъ земляной валъ со рвомъ и оканчивался на Щепной площади, надъ обрывомъ горы, гдѣ стоитъ столбъ съ иконою въ маленькомъ мясномъ ряду, ниже площади. На этомъ валу, на всемъ пространствѣ отъ соборной башни до Щепной площади, стояла сдѣланная изъ толстыхъ дубовыхъ брусьевъ, въ видѣ срубовъ, стѣна, внутри насыпанная землею; высота ея была до десяти аршинъ.

Гдѣ убогій домъ, надъ обрывомъ горы, надъ рѣкою Ельцомъ, стояла башня. Гдѣ домъ купца А. М. Криворотова (повыше публичнаго сада) стояла высокая четырехъ-угольная башня съ двумя узкими отверстіями по сторонамъ. Вблизи храма во имя Преображенія Господня стояла башня. На углу, гдѣ домъ Самохвалова, повыше храма во имя Срѣтенія Господня (гдѣ столбъ съ иконою) стояла башня. Эти башни стояли за стѣнами крѣпости.

Отъ башни, гдѣ домъ Криворотова, проходилъ земляной валъ на юго-востокъ, между двумя храмами—во имя Преображенія Господня и Михаила Архангела, и оканчивался на Турукиной горѣ, гдѣ стоитъ часовня Хрѣнникова; а на сѣверо-западъ отъ башни шелъ валъ до башни, гдѣ убогій домъ; высота вала простиралась до 2 саженъ; за валомъ къ полю былъ глубокій ровъ, а на верху вала росъ колючій терновникъ.

Съ запада къ крѣпости на всемъ пространствѣ росъ густой лѣсъ, который занималъ мѣстность отъ с. Красной Пальны и до с. Чернавы, и назывался засѣкою. Поэтому дорога изъ Ельца прежде проходила по берегу рѣки Сосны до села Лавы.

Подземный ходъ первый проходилъ, отъ храма Преображенія Господня, второй отъ соборнаго храма, въ ровъ, гдѣ построена часовня въ память св. Алексѣя. По преданію чрезъ эти ходы во время ночи и на зарѣ хаживали за водою къ колодезю, который былъ недалеко отъ часовни. Третій ходъ прохо-

дилъ, по преданію, отъ дома Өедорова, или Лагутина на востокъ; чрезъ этотъ ходъ жители уходили изъ крѣпости въ лѣсъ.

На Красной площади противъ воеводской канцеляріи стоялъ рядъ деревянныхъ лавокъ, гдѣ продавали красные, овощные, москательные и другіе товары.

По преданію, въ 1700 году былъ пожаръ въ г. Ельцѣ, и Черная слобода пострадала; вокругъ деревяннаго храма Владимірской Богоматери, всѣ дома сгорѣли, но храмъ сохранился.

Въ 1739 году сгорѣла большая часть г. Ельца и Черная Слобода.

Въ 1745 г. городъ сильно горѣлъ, и храмъ Вознесенія Господня сгорѣлъ.

Въ 1761 г. іюля 13-го сгорѣла въ г. Ельцѣ лучшая часть города и соборный храмъ во имя Вознесенія Господня.

Въ 1764 г. былъ пожаръ въ г. Ельцѣ, но менѣе, чѣмъ въ 1761 году.

Въ 1769 г. апрѣля 10 выгорѣлъ г. Елецъ почти весь. Сгорѣли церкви: Рождества Христова, Дѣвичій монастырь и Покрова Пресвятыя Богородицы.

Въ 1779 году сгорѣла большая часть Черной Слободы.

Храмъ во имя Казанскія Богоматери на градскомъ кладбищѣ выстроенъ стараніемъ Дорофея Ослина въ 1770 году, а перестроенъ въ 1790 году.

Журавскій шлягъ—это былъ главный путь, по которому врывались на Русь изъ Крыма татарскія толпы. Въ 20 верстахъ отъ Ливенъ, близъ устьевъ рѣки Чернавы, былъ бродъ. Сюда выходила изъ Воронежской губерніи по берегу рѣки Дона татарская Калміюская дорога, и изъ Курской губерніи шла дорога изъ Крыма къ Чернавскому броду, а отъ Чернавы проходила къ г. Тулѣ и далѣе; и нынѣ называется гора съѣзжею, гдѣ съѣзжались татары у рѣки Сосны.

На горѣ Аргамачей былъ сдѣланъ изъ земляныхъ валовъ со рвами какой-то станъ; его называли Вавилономъ-городомъ, потому что онъ имѣлъ извилистый планъ, что̀ по старинному нарѣчію называлось вавилонами.

На долинѣ, за рѣкой Сосною, около 1670 года былъ густый лѣсъ.

Предки фамиліи Ростовцевыхъ прибыли изъ г. Ростова; ихъ было два брата Иванъ и Василій, они поселились въ Ельцѣ около 1610 года.

Пантелеймонъ Кожуховскій пріѣхалъ изъ Польши, поселился въ Черной Слободѣ; у него былъ сынъ Афонасій, у Афонасія было два сына, и отъ нихъ произошла фамилія Кожуховыхъ.

За рѣчкою Лучкомъ были населены слободы: Стрѣлецкая, Пушкарская, Воротницкая.

Улица отъ Успенскаго храма до кузницъ — называлась казенною, а отъ кузницъ до рва (что ниже Преображенія) посадскою, а противъ Дѣвичьяго монастыря на сторонѣ города называлась тоже казенною.

Не мѣшало бы составить планъ города Ельца по этимъ даннымъ.

По преданію, татары появлялись съ восточной стороны отъ рѣки Дона и подходили по берегу рѣки Сосны; ибо г. Елецъ съ запада былъ окруженъ густымъ лѣсомъ и не имѣлъ сообщенія съ этой стороны съ Ливнами.

Въ 1761 году іюля 13 сгорѣлъ храмъ во имя Вознесенія Господня, послѣ выстроенъ стараніемъ старосты церковнаго Семена Епифанова Калашникова, который жертвовалъ на постройку храма большую часть своего капитала; онъ же привезъ изъ Москвы иконы и прочую утварь, которую пожертвовалъ въ храмъ.

Въ 1769 году апрѣля 10 сгорѣлъ

храмъ во имя Рождества Христова; возлѣ храма былъ огородъ, возлѣ огорода стояла деревянная часовня съ кружкою для сбора денегъ; въ часовнѣ находилась икона Нерукотвореннаго Спаса, и когда часовня сгорѣла, послѣ пожара, плотники, нанятые для постройки новой часовни, разчищая мѣсто, нашли икону въ пеплѣ между углями, не взяли ея, а сказали рядчику; рядчикъ взялъ икону, принесъ къ священнику и къ прочимъ случившимся при этомъ людямъ.

Въ знаменитой коммисіи, собранной въ 1767 году, сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, для составленія проэкта новаго уложенія, изъ числа 564 депутатовъ, избранныхъ изъ всей Россіи, избранъ былъ отъ Елецкаго уѣзда генералъ-поручикъ Александръ Бибиковъ, а потомъ гвардіи капитанъ Василій Бибиковъ. Первый явился въ коммисію 27 іюля 1767 года и былъ избранъ депутатскимъ маршаломъ, а послѣдній поступилъ 14 августа и былъ членомъ особой коммисіи о юстиціи.

Отъ города Ельца депутатомъ былъ купецъ Григорій Ростовцевъ, который прибылъ въ коммисію 14 августа 1767 года и членомъ коммисіи не состоялъ.

Отъ Елецкихъ однодворцевъ депутатомъ былъ однодворецъ Михайло Давыдовъ, прибывшій въ коммисію 18 іюля и членомъ особыхъ коммисій не былъ.

Въ 1774 году коммисія эта распущена, но труды ея послужили основаніемъ: учрежденія для управ. губерній (6 ноября 1775 года), устава Благочинія (8 апрѣл. 1782 г.) указа учрежд. народ. училищъ (7 сентября 1782 г.) дворянск. грам. (21 апр. 1785 г.) и другихъ (34).

(34) Подробныя біографическія свѣдѣнія о Григоріѣ Ростовцевѣ, равно какъ и о всѣхъ другихъ чѣмъ нибудь замѣчательныхъ Ельчанахъ, составляются и составятъ отдѣльный трудъ, который и будетъ со временемъ изданъ.

Вотъ еще лоскутокъ стараго письма, записанный дѣдомъ, кажись, объ Ельцѣ, но за вѣрность не ручаюсь.

„Отъ воеводы въ сенатъ. Рапортъ изъ „воеводской канцеляріи. Сего мая 20 „числа на память мученика Фалалея, „волею Божіею, отъ разоренія по со„держанію Ѳеклы Иларіоновой, половина „города выгорѣла до тла и съ пожит„ками, а изъ оставшейся половины го„рода ползутъ тараканы въ поле, и „видно, что быть и на эту половину „гнѣву Божію, и надолголь-коротколь „и той половинѣ города горѣть, что̀ и „отъ старыхъ людей примѣчено. Того „ради правительствующему сенату пред„ставляю, не благоугодно ли будетъ „градожителямъ пожитки свои выбрать, „и оставшуюся половину города зажечь, „дабы не загорѣлся городъ не во̀ время, „и пожитки всѣ бы не сгорѣли. Отвѣтъ „сената: половина города сгорѣла, ве„лѣть обывателямъ строиться, а впредъ „тебѣ воеводѣ не врать, и другой по„ловины не зажигать, а дожидаться воли „Божіей.“

Кругомъ Ельца, еще я помню, былъ густой лѣсъ со всѣхъ сторонъ, а гдѣ теперь воксалъ, тамъ были качели, и танки (35) важивали и пѣсни пѣвали.

Перезабыла я пѣсни, только и помню слѣдующія:

1.

Утка-утушка, утка сѣрая,
На что селезня перебаила?
Не я его перебаила,
Онъ и самъ ко мнѣ летывалъ.
Ужъ ты дѣвушка, дѣвка красная,
На что молодца перебаила!
Не я его перебаила?
Онъ и самъ ко мнѣ хаживалъ.

(35) Хороводы.

2.

Кричитъ пава, запропала,
Гдѣ ваша слава;
Молодцы вы фабричники,
Гдѣ ваши домы?
Наши домы
Круты горы!
Молодцы фабричники,
Гдѣ ваши жены?
Наши жены — сабли остры,
И тѣ притупились.

3.

Обычай мой злодѣй бѣшеный,
Слезы катятся — играть хочется.
А ревнивый мужъ во слѣдъ гонится,
Плетью грозится.

4.

Туру[36], туру посошокъ,
Соломенный колпачекъ,
Идѣ былъ, побывалъ?
„Отъ моря, до моря
До Кіева-города."
Што князь дѣлаить?
„Туру, буру (37) пишить
На краснинькомъ стульцѣ,
На жолтинькомъ блюдцѣ„
Бубенъ, бубенъ,
Отдай свою дочку
За нашева князя:
У нашева князя
Троя хоромъ
Шолкомъ шитыхъ,
Бумагою крытыхъ.
Взошолъ я въ избушку
Курочка въ сапожкахъ
Избушку метётъ;
Волкъ по заградью
Гаршки стерегётъ,
Кошка въ лакошкѣ
Анучку шьётъ!

(36) *Туру*, отъ слова турукаю т. е. говорю; „потурукаемъ" и теперь употребляется Ельчанами.

(37) *Буру* отъ слова буровить, означаетъ безсмыслицу, не извѣстно что.

5.

Сорока дуда (38)
Идѣ ты была?
Коней стерегла!..
Што выстерегла?
Коня въ сѣдлѣ
Въ золотой уздѣ!
Идѣ кони?
За варотами!
Идѣ варота?
Вода снесла!
Идѣ вода?
Быки выпили!
Идѣ быки?
Ушли за горы!
Идѣ горы?
Черви выточили!
Идѣ черви?
Гуси выклевали!
Идѣ гуси?
Въ трасникъ ушли!
Идѣ трасникъ?
Дѣвки выломали!
Идѣ дѣвки?
За мужьевъ ушли!
Идѣ мужья?
На вайну пашли!
Идѣ вайна?
Пасередъ гумна.

6.

А ду, ду, ду, ду, ду ду (39),
Сидитъ воранъ на дубу,
Онъ играить ва трубу
Ва калинаваю,
Ва серебрянаю,
Пазалоченаю!
Иванъ на березѣ (40)
Грамоту пишить,

(38) Эта пѣсня иногда начиналась
Каледа, каледа,
Идѣ ты была и проч.
— Сорока-дуда значитъ — сорокаговорунья.

(39) Ду, ду—употребляется Ельчанами въ разговорахъ простолюдиновъ, въ смыслѣ громкой рѣчи. Дудуканье—скорая рѣчь.

(40) На березѣ—это слово означаетъ, что онъ пишетъ на березовой корѣ—берестѣ; даже бывали книги, писанныя на берестѣ.

На дѣвицу дышить (41):
Дѣвица, дѣвица,
Пади на вадицу.
Я сударь баюся!...
Чево ты боисси?
— Волкъ на дорозѣ
Дубинаю грóзѣ.
Паповы ребята
Гарохъ малатили,
Цапы паламали,
За нами кидали.

Присказки.

1.

Жилъ, жилецъ,
На кустику дворецъ,
Было у нево пять овецъ,
Шестая каровушка,
Семая лашадушка,
Парень да дѣвушка,
Старикъ да бабушка.

2.

Гари гари жарка:
Ѣдитъ Захарка,
Самъ на кобылки,
Жена на каровки,
Дѣтки на теляткахъ
Слуги на сабачкахъ (42).

3.

Солнушка, вёдрушка
Выгляни въ аконушка!
Тваи дѣтки плачуть,
Мёдъ колупають,
Собакамъ бросають;
Собаки-та не ѣдятъ
А куры то не клюютъ (43).

4.

Стаить городъ пустъ,
Вакрухъ ево кустъ!
Идётъ старецъ,
Несётъ ставецъ,
Въ ставцу взварецъ (44),
Въ зварцу перецъ,
Въ перцу горечь,
Въ горечи сладость,
Въ сладости младость,
Въ младости старость,
Въ старости смерть!

Дѣтскія присказки.

1.

Первинчики
Другинчики,
Тринчики,
Валынчики,
Пять духъ,
Ландухъ,
Сохманъ,
Лохманъ,
Пьявица,
Явица,
Конь мой,
Вараной,
Цицарской
Жеребецъ,
Пилъ воду
Изъ моря,
Сорвалъ
Травку,
Палажилъ
На лавку,
Прѣла,
Гарѣла,
За море
Летѣла.
Чувички-чки,
Залатые
Рожки,
Тура-бура

(41) Дышитъ—означаетъ любезность; и теперь говорятъ: онъ на нее не надышится.

(42) Варіантъ послѣднихъ 4-хъ строкъ:
На писаныхъ санкахъ,
Жена на коровкѣ,
Дѣтки на кошкахъ,
Ѣдутъ драть лукошко.

(43) Эту присказку пѣли дѣти въ первые дни пасхи при восходѣ солнца.

(44) Взварецъ—вино приготовленное съ медомъ и пряностями.

Лѣсъ воздохнётъ.
Чмарь([45]).

2.

Заецъ-косецъ,
Идѣ былъ?
    У лѣсу!
Што дѣлалъ?
    Лыки дралъ!
Куды клалъ?
    Падъ калоду!
Кто узялъ?
    Ваевода!
Выди-вонъ
    Изъ карагода!...

ПИСЬМА А. И. БИБИКОВА КЪ А. М. ЛУНИНУ.

Нижеслѣдующія письма Александра Ильича Бибикова относятся къ двумъ хотя близкимъ по времени, но разнымъ по значенію періодамъ его славной дѣятельности. Первыя два писаны изъ Варшавы, во время перваго польскаго раздѣла, когда Бибиковъ начальствовалъ 20-ю тысячами Русскихъ войскъ, явившихся въ Польшу для поддержки угнетенныхъ нашихъ единовѣрцевъ и для огражденія Россіи отъ Австріи и Пруссіи. Къ этимъ письмамъ мы присоединили письмо къ Лунину-отцу, занимавшему въ то время въ Петербургѣ должность президента 1 го департамента Вотчинной Коллегіи (см. Мѣсяцословъ съ росписью на 1773 г), и письмо Суворова. Остальныя пять писемъ изображаютъ намъ Бибикова въ послѣдніе три мѣсяца его жизни, во время усмиренія Пугачевск. бунта. Они писаны въ Казань къ Александру Михайловичу Лунину, тогда капитану Измайловскаго полка и главному члену Казанской Секретной Коммисіи. Характеръ отношеній между военнымъ начальникомъ и достойнымъ молодымъ офицеромъ, служитъ намъ разгадкою Русскихъ успѣховъ Екатерининскаго вѣка. Намъ обязательно дозволилъ извлечь эти письма изъ своего богатаго семейнаго архива родной внукъ А. М. Лунина *М. П. Полуденскій*, присоединившій къ этимъ письмамъ слѣдующія біографическія свѣдѣнія о своемъ прадѣдѣ и дѣдѣ.

«М. К. Лунинъ родился въ 1712 г., крестникъ Петра II-го, въ службу вступилъ въ 1723 г. въ ученики артиллеріи, въ 1730 г. переведенъ въ Измайл. полкъ капраломъ, въ 1731 г. произведенъ фурьеромъ, въ 1733 г. каптенармусомъ, въ 1734 г. сержантомъ, въ 1736 г. взятъ къ генералъ-поручику Густаву Бирону въ адъютанты въ рангъ армейскаго капитана, въ 1738 г. пожалованъ въ премьеръ-маіоры; во время войны съ Турками былъ во всѣхъ походахъ, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и на одномъ получилъ рану пулею въ животъ на вылетъ. При генералиссимусѣ Антонѣ Ульрихѣ былъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ; въ 1742 г. пожалованъ въ полковники и опредѣленъ въ адмиралтейскую коллегію прокуроромъ; въ 1753 г. пожалованъ въ бригадиры и опредѣленъ въ комерцъ-коллегію вицепрезидентомъ; въ 1760 г. пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ президентомъ вотчинной коллегіи; въ 1761 г. пожалованъ орденомъ св. Анны; въ 1765 г. пожалованъ въ тайные совѣтники и, по имянному повелѣнію, присутствуя въ Межевой экспедиціи сената, сочинялъ межевую инструкцію; въ 1767 г. для сочиненія проэкта новаго уложенія былъ выбранъ депутатомъ отъ вотчинной коллегіи, а отъ большаго депутатскаго собранія былъ выбалотированъ членомъ комиссіи о имѣніяхъ.

Михаилъ Кипріяновичъ Лунинъ былъ женатъ на дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Не-

([45]) Дѣти въ этой игрѣ становятся въ рядъ, одинъ изъ нихъ указываетъ на каждаго и произноситъ одинъ слогъ и когда на кого придется слово: чмарь, тотъ обязанъ выдти изъ ряду; когда же останется одинъ, тотъ называется зайцемъ.

плюева, Аннѣ Ивановнѣ. Онъ скончался въ Москвѣ 22-го сентября 1776 года, а погребенъ въ церкви въ своемъ имѣніи Рязанской губерніи, Спасскаго уѣзда въ селѣ Богородскомъ, пожалованномъ его предку въ 1514 году, и нынѣ принадлежащемъ М. П. Полуденскому. Въ теченіи 352 лѣтъ имѣніе это сохранилось въ томъ же родѣ: отъ Мих. Кипр. Лунина оно перешло къ его сыну Алексан. Мих., послѣ котораго наслѣдовалъ имъ его сынъ Никол. Алексан. Лунинъ, тайный совѣтникъ и шталмейстеръ, родившійся въ 1789 г. 23 апрѣля, скончавшійся 1848 г. іюня 10. Послѣ смерти Н. А. Лунина имѣніе это перешло къ его сестрѣ Еленѣ Александровнѣ Полуденской, рожденной Луниной. Со смертію Н. А. Лунина пресѣкся этотъ родъ совершенно. Подлинная жалованная грамота на это имѣніе, хранящаяся у нынѣшняго владѣльца, писана на столбцѣ, къ которому на шелковомъ шнурѣ привѣшена красная восковая печать:

Се язъ Князь Великии Василей Ивановичь всея Руси пожаловали есми Ивашку Лунина сына Мечнянинова въ Старой Резани своею деревнею Туралевымъ со всѣмъ что к той деревнѣ потягло. И хто у него в той деревне учнетъ жити людей и наши намѣстницы Переславля Рязанскаго і ихъ тиуни тѣхъ его людей не судятъ ни вчемъ опричь душегубства и разбоя с поличнымъ, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей Ивашко самъ во всемъ или кому прикажетъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ его людемъ з городскими людми или с волостными и наши намѣстницы Переславля Резанского, и ихъ тиуни судятъ, а Ивашко или его приказщикъ с нимижъ судитъ, а присудомъ делятся на полы А кому будетъ чего искати на самомъ Ивашкѣ или на его приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ Князь Великій или мой бояринъ введеный. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7 тысячь двадцать втораго, апрѣля 26 дня.

Въ 1745 году Мих. Кипр. Лунинъ выстроилъ въ селѣ Туралевѣ каменную церковь въ память Рождества Богородицы и назвалъ то село Богородскимъ. Оно находится на правомъ берегу Оки, въ 18 верстахъ отъ Старой Рязани и въ 20 отъ уѣзднаго города Спасска.

Александръ Михайловичъ Лунинъ родился въ С.-Петербургѣ 1745 г. ноября 15, умеръ 14 іюля 1816 г. въ Москвѣ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, председателемъ Московскаго Опекунскаго Совѣта и сенаторомъ. Онъ былъ женатъ на Варварѣ Николаевнѣ Щепотевой. Онъ пользовался милостью и дружественнымъ расположеніемъ покойной императрицы Маріи Ѳедоровны".

I.

Милостивый государь мой Михаилъ Купреяновичь.

. . Приложенныя письма, къ любезному и достойному вашему сыну Александру Михайловичу, я вѣрно доставилъ. Онъ теперь не со мною, но находится въ Краковѣ, подъ командою Александра Васильевича Суворова, при облеженіи Краковскаго зáмка, которой конфедераты, по непростительной оплошности Краковскаго нашего коменданта Штакельберга и способомъ измѣны, съ 21 на 22 генваря въ ночи, заняли, и мы его опять добывать должны(¹). По послѣднимъ репортамъ имѣю я вѣрное извѣстіе, что сынъ вашъ въ добромъ здоровьи... Впротчемъ не удивляйтесь сему, когда письма ваши и многія до него не доходятъ, ибо ничего нѣтъ труднѣе, какъ пересылка всѣхъ вообще нашихъ писемъ, по причинѣ вездѣ перехватыванія возмутителями. Сіе великую заботу и затрудненіе и въ дѣлахъ мнѣ дѣлаетъ; ибо куріера ни подъ какимъ видомъ послать не льзя, а писать надлежитъ о всякомъ дѣлѣ не только два, но три и четыре раза, да и то иногда дойтить не можетъ; и естьли хотя мало что нужнѣе, то иначе не дѣлается, какъ посредствомъ цифирнаго ключа; ибо нѣтъ не только воеводства, ниже повѣту, гдѣ

(¹) Подробности этого дѣла можно найти въ Запискахъ о жизни Бибикова, М. 1865, стр. 82 и слѣд.

бы не было партій возмутительныхъ. Вотъ состояніе, въ которомъ мы находимся; но помощію Вышняго сія саранча, хотя многочисленна и довольно наглости имѣетъ, однакожъ гоняемъ. Боже, обрадуй насъ всѣхъ окончаніемъ! Покорный и вѣрный слуга Александръ Бибиковъ.

Марта 6 дня
1772
Варшава.

P. S. Письма къ женѣ моей пересылать изволите; я къ ней о томъ писалъ, и къ вамъ черезъ нее же отъ Александра Михайловича получаемыя пересылать буду.

Изъ этого письма видно, что характеръ нашихъ военныхъ дѣлъ въ Польшѣ при Екатеринѣ былъ почти тотъ же, что и во время недавняго Польскаго мятежа. Изъ другихъ бумагъ видно, что за усердіе при осадѣ Краковскаго замка, въ іюлѣ 1772 г. А. М. Лунинъ всемилостивѣйше пожалованъ въ гвардію капитаномъ.

II.

Варшава 27 дня сентября 1772 году.

Государь мой Александръ Михайловичь! Съ особливымъ истинно удовольствіемъ и пріятностью получилъ ваше письмо отъ 16 сентября, въ которомъ вы, пріемля участіе, съ пожалованнымъ орденомъ меня поздравляете. Знавши вашу дружбу и искренность ко мнѣ, отъ сердца васъ благодарю. Подлинно, что сей орденъ препровожденъ особливымъ монаршимъ ко мнѣ благоволеніемъ, что я изъ всемилостивѣйшаго письма и рескрипта вижу. А сіе главное мое удовольствіе составляетъ, что великая государыня наша моею посильною и усердною службою довольна. Впрочемъ желаю и вамъ, чтобъ вы по достоинствамъ и способностямъ вашимъ получили всѣ знаки ея благоволенія. Мое же желаніе и лучшее утѣшеніе въ томъ состоитъ, чтобъ достойно служащіе ей пользовались ея милостью и получали свои авантажи. Счастливымъ себя назову конечно, естьли возмогу къ сему и васъ руководствовать, подавая время отъ времени доказательствы, съ какимъ искреннимъ желаніемъ и дружбою я вамъ остаюсь вѣрной и истинной слуга Александръ Бибиковъ.

III.

Варшава генваря 7 дня 1773 года.

Государь мой Александръ Михайловичь! За поздравленіе съ новымъ годомъ и за пріятнѣйшія письма, тожъ уздечки и соленыя штучки, васъ, мой другъ, отъ сердца благодарю. Барону Ашу по повелѣнію вашему отдалъ(²). Жаль мнѣ тебя, мой другъ, а между насъ сказано, пришло съ Краковымъ разставаться. Кажется, уже не долго поживете. Достается все невѣрнымъ Австрійцамъ. Однако до времени промолчу. Кошелевъ Родивонъ Александр., какъ ни горько было, съ Варшавою разстался, а и Жеребцовъ уѣхалъ; только одинъ Василій Иван. играетъ въ карты нещасливо. Поживи еще тамъ, коли хочется, пока достальные изъ Кракова выступятъ. Уповаю, что сіе не надолго. За тѣмъ прощай, до свиданья. Дай Богъ васъ увидѣть въ добромъ здоровьи и поздравляю тебя въ новой годъ, желая всего лучшаго. Оставшейся на всегда вамъ государя моего, вѣрной и истинной слуга А. Бибиковъ.

IV.

Ч. 17 сентября 1772 году. Варшава.

Государь мой Александръ Михаиловичь!

Часъ сей откланялся Александру Ильичу и противъ ночи уѣду. Письмо ваше

(²) Т. е. письма. Баронъ Ашъ былъ тогда, кажется почтъ-директоромъ въ Варшавѣ.

отъ 12 ч. получилъ и благодарствую. Александру Ильичу о тебѣ, братецъ, напоминалъ все чего стоишь. Кланяйся, братецъ, отъ меня Платону Никитичу, Володимеру Володимеровичу, е. п. генеральшѣ Грабовской, старостинѣ Чховской, старостинѣ Барчицкой съ старицами Марусею, Анюсею и со всѣмъ домомъ, и всѣмъ моимъ пріятелямъ. Здѣсь до меня всѣ ласковы, слава Богу! Отъѣзжаю въ порядкѣ, не совсѣмъ холодно. А жалѣю Александра Ильича пуще и пуще. Лучше бъ не видался: только надежда, кажется, что не надолго, и кому надобно, можете открыться. Такъ прощай! Ѣду. Не забывайте меня, будьте пріятели, а я навсегда сколько пріятель, столько съ истиннымъ почтеніемъ, государь мой, вашъ покорный слуга Александръ Суворовъ.

Корпусъ генерала Эльмпта, въ которомъ тогда находился Суворовъ, былъ переведенъ тогда къ Шведскимъ границамъ. См. Записки о жизни Бибикова, стр. 97.

V.

Получено 1774 года марта 19 дня [3]).

Государь мой Александръ Михаиловичь. Благодарю васъ за пріятнѣйшее письмо отъ 13 марта, которое я вмѣстѣ съ репортомъ комиссіи въ свое время получилъ; но не удалося прежде ни отвѣчать, ни васъ благодарить за дружбу вашу до настоящаго письма. Теперь отправляю къ вамъ курьера отъ Сибирскаго губернатора съ приложеніемъ моей резолюціи по присланному отъ него экстракту о преступникахъ. Комиссія можетъ по сему дѣлать протоколъ и рѣшеніе свое при моемъ къ нему сообщеніи и съ симъ же курьеромъ отправить. Ежели вы согласны (на) все будете, то какъ я назначилъ; буде же нѣтъ, то хотя перемѣните: я съ вами соглашусь. Я присланной экстрактъ оттуда и краткой, сдѣланной здѣсь, съ отмѣткою резолюціи къ вамъ послалъ. Здѣсь, кочуя на Кичуѣ, ничего отраднѣе мнѣ нѣтъ ([4]). Пишу только свободнѣе, никто не мѣшаетъ, и пишу не покладывая рукъ. Хожу, когда перестану писать, какъ роженица, ожидая разрѣшенія. К. П. Михайловичь ([5]) съ корпусомъ 14-го изъ Сарочинской крѣпости вышелъ далѣе; къ Благовѣщенію, а не прежде, будетъ онъ къ городу. Представь, каково эти дни мнѣ. Дворянскаго шефа принужденъ перемѣнить со всѣми его куртками, а послать Михельзона,— онъ за болѣзнію попросился. Я уже и тому радъ. Упеталъ меня сей храброй герой: не могъ съ мѣста цѣлой мѣсяцъ двинуться! Савѣ Ивановичу ([6]) и Василью Николаевичу([7]) отъ меня скажи дружеской поклонъ. Прощайте, дай Богъ мнѣ васъ увидѣть здоровыхъ, благополучныхъ, а всѣмъ намъ быть веселымъ, чего я самъ отъ сердца себѣ желаю, пребывая съ непремѣнною дружбою вашъ, государя моего, вѣрной и истинной слуга Александръ Бибиковъ.

Другу Минѣ Лазарев. и чернушечкѣ его дорогой Аннѣ Васильевнѣ отъ меня поклонись. Что его генералы въ Перми дѣлаютъ, увѣдомлялъ бы меня.

Марта 10 дня 1774 году.
Кичуевскій фельдъ-шанецъ.

([3]) Это и послѣдующія письма писаны въ Казань, гдѣ находился тогда А. М. Лунинъ въ качествѣ члена Секретной Коммисіи. Резолюціи, о которой ниже говоритъ Бибиковъ, у насъ нѣтъ.

([4]) Т. е сравнительно съ пребываніемъ въ Казани.

([5]) Князь Петръ Михайловичь Голицынъ.

([6]) Маврину.

([7]) Вѣроятно Собакину, который вмѣстѣ съ Мавринымъ тоже состоялъ въ Секретной Коммиссіи.

VI.

Получено 1774 года марта 20 дня.

Государь мой Александръ Михаиловичь! Письмо ваше дружеское и присланныя изъ комиссии бумаги получилъ. Также по экстракту не имѣю времени дѣлать моихъ отмѣтокъ, однако скоро къ вамъ пришлю. О новой Пугачова свадьбѣ имѣя извѣстіе, я въ послѣднихъ моихъ донесеніяхъ ея императорскому величеству уже доносилъ и потому не щитаю нужнымъ вносить въ экстрактъ. Привезенную къ вамъ прямую жену Пугачова извольте приказать содержать на пристойной квартирѣ подъ присмотромъ, однако безъ всякаго огорченія, и давайте ей пропитаніе порядочное, ибо такъ ко мнѣ указъ. А между тѣмъ не худо, чтобъ пускать ее ходить и чтобъ она въ народѣ, а паче черни, могла разсказывать, кто Пугачовъ и что она его жена. Сіе однакожъ надлежитъ сдѣлать съ манерою, чтобъ не могло показаться съ нашей стороны ложнымъ увѣреніемъ; паче жъ, думаю, въ базарные дни, чтобъ она, ходя, будто сама собою, разсказывала объ немъ, кому можно или кстати будетъ. Савѣ Ивановичу, Василію Николаевичу и Зряхову(8) поклонъ. Куда какъ мнѣ скучно: точная родильница на сносяхъ! Прощай, пожалуй увѣдоми, коли свѣдаешь что о моемъ обозѣ (9). Покорной и вѣрной вамъ слуга Александръ Бибиковъ.

19 марта 1774 году

(8) Секретарь тайной экспедиціи Зряховъ пріѣхалъ съ Бибиковымъ въ Казань изъ Петербурга.

(9) Кажется, Бибиковъ такъ и не дождался своего обоза.

VII.

Государь мой Александръ Михаиловичъ!

Подполковникъ Поповъ (10) протестовалъ мнѣ на Пермскую канцелярію, что выпустила она за тѣснотою въ тюрьмахъ и неимѣніемъ довольнаго числа людей для присмотра за колодниками трехъ поповъ, пріѣзжавшихъ во время облеженія Кунгура отъ злодѣевъ съ увѣщаніями, о чемъ сія канцелярія репортовала ко мнѣ отъ 26 февраля. Мнѣ помнится, что сей репортъ отдалъ я вамъ въ комиссію, и для того подождите дѣлать по сему рѣшеніе, пока получимъ отъ нихъ новые допросы съ мнѣніемъ самаго Попова, которые велѣлъ я сдѣлать въ его присутствіи, о чемъ и канцеляріи и Попову послалъ ордера. Пребываю впрочемъ съ непремѣннымъ къ вамъ почтеніемъ. Вашъ, государя моего, „вѣрной и всегдашній слуга Александръ Бибиковъ.

P. S. За письмо отъ 20 марта благодарю и за всѣ увѣдомленіи. Я, возвращаяся вчера изъ Бугульмы, его съ приложеніями получилъ“ (11).

Марта 23 дня 1774 года.
Кичуевской фельдшанецъ.

VIII.

Государь мой Александръ Михаиловичъ!

Отсюда при самомъ отъѣздѣ получилъ я курьера и съ нимъ отъ ея величества письмо, въ которомъ безъ гнѣву и съ милостью писать изволитъ, что мнѣ де кажется, что солдатъ *Антуганъ-Сан-*

(10) Этотъ Поповъ, о которомъ ниже говорится въ письмахъ Екатерины,— кажется, впослѣдствіи, славный статсъ-секретарь Василій Степановичъ.

(11) Уже только означенное кавычками—собственноручно. Писано за 17 дней до смерти.

гутовъ при разспросѣ сѣченъ напрасно. Пожалуй, справься что это за солдатъ, я не помню, и меня увѣдомь. Да не пишите впередъ въ экстрактахъ пристрастныхъ разспросовъ: въ томъ нужды нѣтъ, а только бъ каждаго состоянія дѣло изъяснено было.

О Башкирцѣ опредѣленіе получилъ, разсмотрѣть было некогда. Изъ Бугульмы увѣдомлю.

Пожалуй, мой другъ, навѣдывайся о моемъ обозѣ, гдѣ онъ, не объѣдетъ ли его кто изъ пріѣзжихъ, и меня увѣдомь. За тѣмъ прощай. Вѣрной и истинной вашъ слуга Александръ Бибиковъ.

Марта 26 дня 1774 года.
Сенчуевской фельдшанецъ.

IX.

Государь мой Александръ Михаиловичъ!

Благодарю коротко за ваши дружескія письма, изъ которыхъ однимъ вы очень кстати меня поздравили. Я подлинно въ сіе самое время, какъ его получилъ, извѣстился отъ князя Петра Михаиловича, какъ о разбитіи злодѣевъ въ Татищевой крѣпости, такъ и о свободѣ Оренбурга. Съ симъ случаемъ посылаю я обстоятельное о семъ увѣдомленіе къ Якову Ларіоновичу, отъ котораго и вы также все узнаете; а мнѣ простите, что я не могу много съ тобою, любезной другъ, разговаривать: лихорадка, посѣтившая меня, мучитъ меня въ сіе время, и я неподвижно лежу въ постелѣ. Поклонитесь отъ меня всѣмъ и поздравьте. Щенкамъ хвосты прикажите отрубить. Прости, мой любезной Александръ Михаиловичъ, и будь увѣренъ о моемъ почтеніи и преданности. Вашъ, государя моего, „вѣрной и истинной слуга А. Бибиковъ.

Аннѣ Васильевнѣ и Аннѣ Николаевнѣ мой поклонъ. Чтобъ шли къ Казанской молебенъ пѣть, и имъ пшеница. Ивана Александров. цѣлую. Мина Лазаревичь у меня благополученъ". (*)

Марта 28 дня 1774 года.
Бугульма.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КЪ А. И. БИБИКОВУ ВО ВРЕМЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА (1774).

Письма эти списаны съ собственноручныхъ подлинниковъ и обязательно сообщены въ Русскій Архивъ *В. И. Ламанскимъ.* Ихъ важность и значеніе всего лучше объясняются бумагами Бибикова, извлеченными изъ архивовъ государственнаго и военно-топограф. депо Я. К. Гротомъ и напечатанными въ превосходномъ его изслѣдованіи „Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта" (Записки императорской академіи наукъ 1862 г., т I-й). Тамъ помѣщены и отвѣтныя донесенія Бибикова и другія шесть рескриптовъ и писемъ Екатерины къ Бибикову. Кромѣ того въ извѣстныхъ Запискахъ о жизни Бибикова (М. 1865, стр. 51 и 52) находимъ еще рескриптъ и письмо къ нему Екатерины. Но все это писано офиціально, тогда какъ нижеслѣдующія письма носятъ на себѣ характеръ негласной, частной переписки Тѣмъ важнѣе они для историка. Время было крутое: со стороны Швеціи опасность, со стороны Польши тоже; на югѣ упорная война; внутри только что наступилъ отдыхъ послѣ чумы; лишь съ 1812 годомъ можно сравнить тогдашнія обстоятельства. «Православной Руси не худо бы отдохнуть писалъ Бибиковъ къ Фонъ-Визину. черпаютъ ее во многіе поливники. Па долго ли станетъ?" Но сила воли взяла свое. Читатели замѣтятъ, что письма эти вовсе не обнаруживаютъ тревоги въ тяжкія минуты грозной опасности, отнюдь не скрываемой Бибиковымъ въ его донесеніяхъ (Записки имп. ак. н., стр. 50, 57 и др.); напротивъ,

(*) Означенное кавычками собственноручно.

хотя и видна заботливость, но расположеніе духа вездѣ ровное, что конечно и служило Бибикову одобреніемъ и поддержкою. Особенно замѣчательны два письма о возвышеніи Потемкина, составляющемъ одно изъ важнѣйшихъ событій во внутренней исторіи Екатеринина царствованія.— Нѣкоторыя примѣчанія къ письмамъ сдѣланы, по нашей просьбѣ, *П. К. Щебальскимъ*. П. Б.

I.

Александръ Ильичъ. Явился ко мнѣ конной гвардіи рейтаръ, который великую показываетъ охоту и усердіе служить, и онъ въ семъ случаѣ фанатикъ. Я его къ вамъ посылаю. Извольте съ нимъ говорить и потомъ употребите его, какъ вы сами за лучше разсудите. Впрочемъ остаюсь я къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Генваря 7-го, 1774.

Какъ сей человѣкъ молодъ и по умоположенью его, то думаю, что иногда онъ вамъ пригодиться можетъ. При отправленіи сего явился и другой орижиналъ ([1]) котораго къ вамъ же отправляю. Не смѣйтесь надо мною; вы знаете, что я странныхъ мыслей иногда люблю, а ваше дѣло будетъ ихъ употребить по вашему усмотрѣнію. Перваго имя Левъ Вороновъ, а другаго Яковъ Вороновъ.

8 Генв. 1774

Объ этихъ двухъ оригиналахъ Бибиковъ писалъ императрицѣ изъ Казани, 2 марта 1774 г. „Два конной гвардіи извѣстные в. и. в. *вороны* уже нѣсколько тому дней, какъ въ путь свой одинъ послѣ другаго полетѣли. О первомъ я имѣю уже извѣстіе, что онъ въ Берду (злодѣйское гнѣздо) прибылъ и тамъ содержится въ особой землянкѣ, а о другомъ еще не знаю; чѣмъ окончится ихъ теченіе, время покажетъ (Зап. имп. ак. н. 1862, ч. 1-я стр. 62).

([1]) Т. е. оригиналъ, чудакъ.

II.

Александръ Ильичъ. Двѣ ваши реляціи и пакетъ вашъ по тайной экспедиціи я получила и вашими распоряженіями довольна. Усердіе Казанскаго дворянства меня обрадовало; сей образъ мыслей прямо есть благороденъ. Диспозиція простаго народа вскорѣ перемѣнится тогда, когда всѣ командиры тамошніе переймутъ поступки маіора Муфеля([2]), которой Самару освободилъ изъ рукъ злодѣйскихъ. Сіи злодѣи, хотя весьма дерзки, но не видно, чтобъ умъ ихъ соотвѣтствовалъ дерзости: всѣ присланныя сочиненіи суть простыя казацкія([3]). Отселѣ приказала къ вамъ отправить писцовъ. Ваша комиссія проворно разбираетъ и изрядно, и не сумнѣваюсь, что вы будете держаться моимъ правиламъ, хотя иногда и строгость нужна. Я еще пять эскадроновъ гусаръ изъ второй арміи къ вамъ нарядить велѣла. Донской полковникъ Денисьевъ самъ назвался набрать пять сотъ Донскихъ надежныхъ и заслуженыхъ казаковъ, съ которыми къ вамъ пойдетъ. Сверхъ того еще наряжена тысяча казаковъ Украинскихъ. Въ сихъ изстари ненависть примѣчена къ Яицкимъ, а употребить ихъ будете, какъ знаете. О Чугуевскомъ и о Санктпетербургскомъ карабинерномъ полку я навѣдываться послала, гдѣ находятся, и какъ можно поспѣшить ихъ

([2]) Маіоръ Муфель, съ одною полевою командою, 29 декабря 1773 г. приблизился къ Самарѣ, которую наканунѣ заняла шайка бунтовщиковъ; встрѣченный ими, онъ разбилъ ихъ и гналъ до самаго города. Городъ былъ очищенъ. Ист. П Бунта Пушкина, изд. Анненк. стр. 160.
П Щ.

([3]) Бибиковъ посылалъ императрицѣ „оригинальный приказъ отъ вора и злодѣя Ивашки Чернышева, такъ называемаго графа“ и другія бумаги мятежниковъ (Зап. имп. ак. н. 1862, стр. 53).

походъ. Естьли вы еще повелѣнья не дали, то прикажите, чтобъ всѣ бунтовщичіи въ народѣ разсѣянные возмутительные листы палачомъ сожигаемы были. Впрочемъ, моля Всевышняго да поможетъ вамъ, остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Генваря 15-го 1774.

Сей часъ получила извѣстіе, что Чугуевской полкъ въ Смоленскъ пришелъ, а Карабинерной около Орши. Хотя я и не сумнѣваюсь, что вы приложите всякое старанье къ скорѣйшему прекращенію зла; но однако при семъ не могу удержаться вамъ подтвердить, что чѣмъ поспѣшнѣе вы конецъ сдѣлаете сему вреду, тѣмъ мнѣ болѣе дадите опытовъ вашего ко мнѣ усердія.

III.

Александръ Ильичъ. Реляціи ваши отъ 21 и 29 генваря я получила и съ удовольствіемъ изъ оныхъ усмотрѣла, что дѣлъ тамошнихъ состояніе обращается къ лутшему, чему доказательствомъ служитъ разбитье злодѣйскихъ шаекъ у города Зайнска ([4]) и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ полковникъ Бибиковъ добрый успѣхъ имѣлъ, чему я весьма съ вами радуюсь. Не менѣе похвалы достоинъ поступокъ секундъ-маіора Попова ([5]) въ Кунгурѣ: объявите сему достойному штабъ-офицеру, что я его жалую подполковникомъ, и отпишите ко мнѣ, въ какихъ онъ лѣтахъ и и не можно ли отъ него надѣяться и впредь службы По письменному его распоряженію усматриваю я въ немъ качествы, кои, естьли лѣтъ не престарѣлыхъ, то авось либо въ службѣ полезенъ будетъ и впередъ ([6]). Я никакъ не могу порочить употребленныя вами строгости, но напротивъ того нахожу ихъ весьма нужными. Я бъ желала, чтобъ вы и между тѣми офицерами, кои должности свои позабыли, примѣръ также сдѣлали; ибо до ужасныхъ распутствъ тамошніе гарнизоны дошли. И такъ не упустите, гдѣ за способно найдете, въ подлыхъ душахъ вселить душу къ службѣ нужную; а думаю, что нынѣ, окромѣ умѣстною строгостью, не съ чѣмъ. Колико возможно не потеряйте времени и старайтеся прежде весны окончить дурныя и поносныя сіи хлопоты. Для Бога васъ прошу и вамъ приказываю всячески приложить труда для искорененья злодѣйствій сихъ, весьма стыдныхъ предъ свѣтомъ. Всѣхъ

([4]) Изъ письма А. И. Бибикова къ гр. З. Г. Чернышеву (Зап. Биб., изд. 1865, прил. стр. 84) видно, что полковникъ Бибиковъ разбилъ шайку бунтовщиковъ подъ Заинскомъ (нынѣ пригородъ Оренбургск. губ. Мензелинскаго уѣзда, бывшая крѣпость) и освободилъ его. *П. Щ.*

([5]) Въ *экстрактѣ* изъ журнала кн. П. М. Голицина сказано: „Казанскихъ баталіоновъ секундъ-маіоръ Поповъ, присланный Казанской губерніи въ провинціальный городъ Кунгуръ съ рекрутами, такое сдѣлалъ тамъ благоразумное и порядочное распоряженіе и оборону сему городу, что онъ, имѣвъ неоднократныя сраженія съ злодѣями, отъ которыхъ помянутый городъ обложенъ былъ, удержалъ его отъ погибели“, за что и былъ пожалованъ въ подполковники. Горный чиновникъ Верхоланцовъ, со словъ котораго записанъ разсказъ, напечатанный въ *Чтеніяхъ* 1860 года, упоминалъ о Поповѣ, но называлъ его капитаномъ. Кажется, однакожъ, что это тотъ самый. *П. Щ.*

([6]) Объ этомъ Поповѣ говорится выше, въ письмахъ Бибикова къ Лунину, а также ниже въ письмѣ V-мъ. Императрицѣ Бибиковъ писалъ о немъ въ донесеніи отъ 22 февраля 1774 г. изъ Казани: „Въ Казани знатоковъ на него нѣтъ, ибо онъ прошедшею только осенью изъ первой арміи прибылъ, отставленъ будучи въ здѣшніе гарнизоны. По формулярному же списку считается отъ роду 39 лѣтъ, изъ оберофицерскихъ дѣтей, въ службѣ съ 753 года.“ (Также стр. 60).

тѣхъ, кои вѣрностію и храбростію отличатся, прикажите хотя годовымъ не въ зачетъ жалованьемъ наградить, чего отдаю на ваше разсмотрѣніе, гдѣ и какъ вы сіе за нужно и удобно найдете; а естьли кому какія награжденія отъ меня имѣете испрашивать, то отпишите ко мнѣ, кому именно и чего. Въ прочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна (7).

Екатерина.

Изъ Села Царскаго
февраля 9 ч. 1774 г.

(На оборотѣ: 19 февр.
1774 г. получено чрезъ
курьера).

IV.

Александръ Ильичъ. Изъ послѣдняго вашего письма отъ 5 февраля усмотрѣла я удовольствительныя извѣстіи, состоящіи въ томъ, что войска, подъ вашею командою находящіяся, повсюду разбойническія шайки прогоняютъ. Дай Боже услышать, что и все дѣло окончено для благополучія имперіи, которая никогда злѣйшихъ сихъ враговъ не имѣла. Весьма обрадована я при сихъ безпокойныхъ обстоятельствахъ прямо дворянскими поступками Казанскаго дворянства, въ число коихъ я включаю и прочихъ уѣздовъ сей губерніи. Соотвѣтствуя ихъ усердію, захотѣла я къ пользѣ сочленовъ сего дворянства обратить ваше представленіе, дабы прислать къ вамъ офицеровъ (8) изъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ для опредѣленія къ тѣмъ эскадронамъ, кои формируются изъ рекрутъ дворцовыхъ деревень; и для того приказала выбрать Казанскихъ помѣщиковъ изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи охочихъ людей и, пожаловавъ ихъ въ оберъ-офицеры, какъ явствуетъ изъ приложеннаго реестра, обмундировавъ и снабдя всѣмъ, фельдмаршалу князю Голицыну приказала ихъ къ вамъ отправить наискорѣе. Извольте видѣть, что я дѣлаю по простой пословицѣ, которая говоритъ, что рука руку моетъ. Что вы пишите о посланныхъ отселѣ двухъ Яицкихъ казакахъ (9), удивительно, ибо двое здѣсь аманатами остались. Не кутитъ ли на нихъ послушная сторона сихъ казаковъ? А естьли правда, то видно, что и послушные болѣе сообщеніе имѣютъ со злодѣями, нежели надобно. Казакъ тотъ, которой внизъ по Яику поѣхалъ, кажется, время не имѣлъ къ учиненію волненій въ остальныхъ, ибо въ первые сутки отъ злодѣевъ битъ и схваченъ былъ; а естьли другой въ наперсникахъ у злодѣя, то еще надо посмотрѣть, что по ихъ буйнымъ нравамъ и образу мыслей изъ того выдетъ. За добронравныхъ людей они и почитаемы ни на часъ не были, но за плуты, кои кредитъ имѣютъ между плутами же. Письмо Мансурова къ Калмыкамъ такого

(7) По поводу этого письма А. И. Бибиковъ писалъ къ женѣ своей *(Зап. Бибикова)* отъ 20 февр. „Съ послѣднимъ курьеромъ собственноручное письмо государыни я имѣлъ щастіе получить весьма милостивое, и дѣлами нашими она очень довольна" и пр. *П. Щ.*

(8) Прося у императрицы гвардейскихъ дворянъ унтеръ-офицеровъ, Бибиковъ писалъ: „извѣстно мнѣ, что въ одномъ Измайловскомъ полку таковыхъ около 400 считается." (Тамъ же, стр. 59).

(9) Изъ *Сентенціи*, произнесенной надъ Пугачевымъ и его сообщниками, видно, что казакъ Аѳанасій Перфильевъ „будучи въ Петербургѣ, когда извергъ и самозванецъ обнаружился подъ Оренбургомъ" вызвался ѣхать на Уралъ, чтобъ склонить своихъ земляковъ къ покорности. Онъ и былъ отпущенъ, но, какъ извѣстно, присталъ къ Пугачеву и сдѣлался однимъ изъ его главныхъ пособниковъ. Можетъ быть, Екатерина подразумѣвала его въ числѣ казаковъ, о которыхъ говорится въ этомъ письмѣ. *П. Щ.* Казаки эти дѣйствительно были —Перфильевъ и Герасимовъ. *П. Б.*

слога, что онаго конечно не напечатаю([10]); а рѣчь, говоренная въ собраніи дворянскомъ, прямо благородными мыслями наполнена. Я примѣтила, что мы и всегда таковы, что возлѣ высшей степени добродѣтелей имѣемъ въ сосѣдствѣ тому противное. Знатно, человѣкъ такъ сотворенъ. Ну, баринъ, не скажешь, что войскъ у тебя не довольно. Кажется, всѣсъ снабденъ; пора кончить, чего всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаемъ.

Другъ мой султанъ Мустафа III волею Божіею скончался. Статься можетъ, что и сіе къ добру будетъ. Я не очень о его кончинѣ тужу, ибо вѣдомо вамъ, что мы отчасти съ нимъ обращались какъ кошки съ собаками. Султанской братъ Абдулъ Гамидъ его мѣсто заступилъ на пятьдесятъ седьмомъ году отъ рожденья и послѣ сорока пяти годичнаго заключенья([11]). Прикажите Казанскаго магистрата усерднѣйшимъ членамъ именемъ моимъ дать шпагу; президенту Челябинскому я тоже послала; да помнится, что и въ Кунгурѣ былъ посадской усердной; пошлите и къ нему шпагу, а въ запасъ къ вамъ серебряныхъ полдюжинку посылаю. Впрочемъ, молю Бога да поможетъ вамъ, остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

(Получено 4 марта.)

Февраля 16 ч. 1774.

V.

Александръ Ильичъ. Во первыхъ скажу вамъ вѣсть новую: я прошедшаго марта 1 числа Григорья Александровича Потемкина по его просьбѣ и желанію къ себѣ взяла въ генералъ-адъютанты; а какъ онъ думаетъ, что вы, любя его, тѣмъ обрадуетеся, то сіе къ вамъ и пишу([12]). А кажется мнѣ, что по его ко мнѣ вѣрности и заслугамъ немного для него сдѣлала; но его о томъ удовольствіе трудно описать. А я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу. Теперь отвѣтствовать буду на ваше письмо отъ 22 февраля. Вѣсти, по сю пору отъ васъ полученныя, служатъ къ моему удовольствію; дай Боже впередъ милость свою. Потемкинъ хвалитъ подполковника Попова: онъ его знаетъ, онъ у него и при немъ былъ([13]). И такъ употребите его, гдѣ усмотрите въ томъ нужду и надобность. Я теперь жду отъ васъ рѣшительнаго.

([10]) Т. е. въ С.-Петербург. вѣдомостяхъ, гдѣ печатались извѣстія о ходѣ военныхъ дѣлъ. Любопытно, что письмо это, писанное отъ имени генерала Мансурова для увѣщанія Калмыковъ, сочинено было Державинымъ (Зап. имп. ак. н., стр. 58). Въ печати оно доселѣ не извѣстно. Можетъ быть, государынѣ не понравился прозаическій слогъ будущаго ея пѣвца. Упоминаемая вслѣдъ за тѣмъ рѣчь тоже писана Державинымъ.

([11]) Бибиковъ писалъ въ отвѣтъ на эти строки: „По тѣсному союзу и дружбѣ знаю, что по другѣ вашемъ Мустафѣ III ни вы, ни дворъ вашъ шестинедѣльнаго траура носить не изволите; а всеусердно желаю, чтобъ 45-лѣтній тюремщикъ Абдулгаметъ начало своего правленія ознаменилъ полезнымъ для васъ и имперіи вашей миромъ.“ (Зап. ак. наукъ, 1862, стр. 62).

([12]) Вызванный письмомъ императрицы отъ 4 дек. 1773 г., Потемкинъ изъ подъ осаждаемой Силистріи прибылъ въ Петербургъ въ январѣ слѣд. года (Лебедева, графы Панины, стр. 111. Въ вицепрезиденты военной Коллегіи онъ опредѣленъ въ іюлѣ этого (1774) года.

([13]) Т. е. во время турецкой войны. Вотъ что заставлетъ насъ думать, не тотъ ли это Поповъ, Василій Степановичъ, который былъ потомъ при Потемкинѣ главнымъ дѣльцемъ, при Екатеринѣ статсъ-секретаремъ и котораго бумаги напечатаны въ Р Архивѣ 1865 года. Если это такъ, то и выше приведенный отзывъ Екатерины о Поповѣ былъ вѣроятно внушенъ ей Потемкинымъ; Бибиковъ же въ своихъ отвѣтахъ какъ бы ничего этого не хочетъ знать.

Бога для не давайте бездѣльникамъ прокрасться въ Сибирь, а то зло увеличиться можетъ: сей край очень опасенъ. Весьма опасаюся, чтобъ Декалонгъ, естьли на него устремятся, не ударилъ бы лицомъ въ грязь. Мнѣ кажется, что онъ ни на себя, ни на людей своихъ надежды не имѣетъ, ни они на него. Впрочемъ по присланнымъ слѣдствіямъ изъ Казанской тайной коммисіи видно, что умы людей уже перемѣняются къ лучшему; строгости же, вами употребляемой, никакъ опорочить не могу, а сожалѣю только о томъ что нужда меня довела до того, что сіе миновать способовъ не оставалось. Отпишите ко мнѣ, кому да кому вы изъ купцовъ шпагъ роздали. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Марта 7 ч. 1774.

VI.

Александръ Ильичь. Письмы ваши отъ 2 марта до рукъ моихъ дошли, на которыя отвѣтствовать имѣю, что съ сожалѣніемъ вижу, что злодѣи обширно распространились, и весьма опасаюсь, чтобъ они не пробрались въ Сибирь, также и Екатеринбургское вѣдомство. Дѣла не суще меня веселятъ. Пожалуй, прикажите секретной комиссіи осторожно быть въ разборѣ и наказаніи людей: по моему разсужденію солдаты Айтуганъ и Сангутовъ ([14]) невинно сѣчены. Также при расспросахъ какая нужда сѣчь? Двѣнадцать лѣтъ тайная экспедиція подъ моими глазами ни одного человѣка при допросахъ не сѣкла ничѣмъ, а всякое дѣло начисто разобрано было; и всегда болѣе выходило, нежели мы желали знать. Друга вашего Потемкина весь городъ опредѣляетъ быть подполковникомъ въ полку Преображенскомъ. Весь городъ часто лжетъ, но сей разъ я весь городъ во лжи не оставлю, и вѣроятіе есть, что тому быть такъ. Но спросишь, какая нужда мнѣ сіе къ тебѣ писать? на что отвѣтствую: для забавы. Естьли бъ здѣсь былъ, не сказала бы. Но прежде, нежели получите сіе письмо, дѣло уже сдѣлано будетъ. Такъ не замай же, я первая вамъ скажу. Меня увѣряютъ, что оно вамъ не противно, а кто увѣряетъ, не скажу. Я бъ Гагрина ([15]) пожаловала бы нынѣ подполковникомъ, но опасаюсь, чтобъ частымъ пожалованьемъ не сдѣлалось бы у васъ тоже, что̀ въ арміи гр. Рум. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна и желаю скораго окончанія порученнаго вамъ дѣла. Екатерина.

Марта 15 ч. 1774.

(Рукою Бибикова: Получено 25 марта 1774).

---

[14]) Сличи выше, письмо VIII Бибикова къ Лунину.

([15]) О премьеръ-маіорѣ Гагринѣ упоминается въ экстрактѣ изъ журнала кн. Голицына, какъ объ офицерѣ, который съ небольшой командою разбилъ, по пути въ Кунгуръ, скопъ бунтовщиковъ въ 2000 человѣкъ. *П. Щ.* Бибиковъ, изложивъ его заслуги, просилъ, чтобъ его сравнять чиномъ съ Поповымъ. (Зап. им. ак. н. стр. 62).

ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

О МѢРАХЪ КЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЮ ВО ФРАНЦІИ КОРОЛЕВСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

La cause du roi de France est celle de tous les rois.

L'Europe est intéressée à voir reprendre à la France la place due à un grand royaume.

Un corps de dix mille hommes seroit suffisant pour traverser dans ce moment la France d'un bout à l'autre.

Pour l'avoir, un demi million suffiroit; une aussi modique somme pourroit être trouvée à Gênes. La France avec le temps acquitteroit cette dette.

Pour rassembler ce corps il paroit que les pays limitrophes du Rhin appartenant à l'evêché de Spire et à celui de Strasbourg ou quelques autres princes intéressés, seroient les plus propres. Le proverbe dit que pour de l'argent on ne sauroit manquer non plus de Suisses. A ce corps se joindroient immanquablement tous les chevaliers expatriés, peut être aussi les troupes des princes d'Allemagne. Avec ce corps on délivreroit la France des bandits, on rétabliroit la monarchie et le monarque, on chasseroit les imposteurs, on puniroit quelques scélérats, on délivreroit le royaume de l'oppression, on se hâteroit de publier oubli et abolition pour tous ceux qui se soumettroient et retourneroient au maître légitime. — Une place fortifiée pourroit être nécessaire pour le premier moment; la plus petite serviroit de point d'appui. On rendra au clergé de France ce qui n'est pas vendu de leurs biens, aux nobles leurs privileges constituant noblesse, aux pays d'etat ce qu'ils réclameroient.

Il faudroit être ferme sur l'ordre et l'obéissance et n'employer la force que

Переводъ. Дѣло французскаго короля есть дѣло всѣхъ государей.

Для Европы важно, чтобы Франція снова заняла положеніе, подобающее великому государству.

Въ настоящее время достаточно десяти тысячь человѣкъ войска, чтобы пройти Францію отъ однаго конца до другаго.

Имѣть такое войско, для этого нужно около полумилліона денегъ, — сумма небольшая, которую можно достать въ Генуѣ. Со временемъ Франція выплатила бы этотъ долгъ.

Кажется, что набрать это войско было бы всего удобнѣе въ земляхъ прирейнскихъ, принадлежащихъ къ епископствамъ Шпейерскому и Страсбургскому или во владѣніяхъ другихъ угрожаемыхъ князей. Пословица говоритъ, что будутъ деньги, будутъ и Швейцарцы. Къ набранному войску неминуемо присоединятся всѣ оставившіе родину французскіе дворяне, а можетъ быть также и полки нѣмецкихъ государей. Посредствомъ этаго войска можно освободить Францію отъ разбойниковъ, возстановить монархію и монарха, разогнать самозванцевъ, наказать злодѣевъ, избавить государство отъ угнетенія, тотчасъ же объявить прощеніе и забвеніе всѣмъ, изъявляющимъ покорность и признающимъ законнаго государя. — На первыхъ порахъ, быть можетъ, понадобится укрѣпленное мѣсто: самое незначительное послужило бы точкою опоры. Французское духовенство получитъ назадъ что̀ останется не распроданнаго изъ его имуществъ, дворянство — свои права сословныя; государственныя области — то̀, чего они потребуютъ.

contre la résistance. Si l'Assemblée Nationale déclaroit lèse-nation ce qu'on feroit, on lui riposteroit en déclarant lèse-majesté divine et humaine ses opérations nuisibles au royaume, destructives à la monarchie et contraires aux lois et principes d'icelle. Les Parlements confirmeroient aisément ces déclarations.

Le livre de m. de Calonne fournira d'excellentes données pour des manifestes foudroyants contre cette assemblée d'avocats et de jeunes gens sans expérience, qui ruinent le royaume et réduisent à rien une puissance formidable, n'etant autorisés par ame qui vive excepté la témérité inouie qu'ils ont employée à la face de leurs commettants qui les laissent faire, sans en demander raison à un seul, tandis qu'ils agissent contre les cahiers à eux donnés et tiennent leur roy en prison.

Beaucoup des deputés se rangeroient, il est probable, du côté de l'autorité et de la justice dès qu'ils se verroient un appuy.

Les sermens prêtés par force seroient déclarés nuls d'autant plus qu'ils sont contradictoires au serment de fidélité prêté antérieurement au roy. C'est aux evêques, au pape à relever tout le royaume de l'excommunication encourue par faux sermens.

Il faudroit soigneusement ménager l'autorité du pape: s'en est une de plus, surtout en pays catholique romain.

Il paroit que des trouppes étrangères vaudront mieux au premier moment que des natifs français. Cependant beaucoup de noblesse française, l'epée à la main, faisant escadron et s'intitulant Maison du Roy, agissant pour sa délivrance et celle du royaume, oppressé, pillé et ruiné par des tyrans et des brigands, seroient ceux dont on pourroit beaucoup espérer. Des officiers généraux les commanderoient à mesure qu'ils se rassembleroient. Cette Maison du Roy composée de noblesse ne devroit pas être abolie: si elle avoit existée il paroit que l'autorité royale n'auroit pas reçue d'echec.

Нужна твердость относительно порядка и повиновенія, а силу употреблять слѣдуетъ лишь въ случаѣ сопротивленія. Коль скоро такія мѣры объявлены будутъ въ Національномъ Собраніи за оскорбленіе народа, — объявить въ свою очередь, что его дѣйствія, пагубныя для государства, разрушающія монархію, противныя законамъ и основаніямъ монархіи, суть оскорбленіе божескаго и человѣческаго величества. Такое объявленіе безъ затрудненія будетъ подтверждено Парламентами.

Книгою г. Калонна(*) можно какъ нельзя лучше воспользоваться для грозныхъ манифестовъ противъ этого сборища адвокатовъ и неопытной молодежи, которые губятъ государство и уничижаютъ могущественную державу, не будучи рѣшительно никѣмъ уполномочены и руководясь лишь неслыханною дерзостью относительно своихъ довѣрителей, не требующихъ отчета, тогда какъ эти выборные дѣйствуютъ вопреки данныхъ имъ наказовъ и держатъ своего государя въ темницѣ.

Есть вѣроятность, что многіе выборные перейдутъ на сторону власти и справедливости, какъ скоро увидятъ себѣ поддержку.

Вынужденная присяга будетъ объявлена недѣйствительною, тѣмъ паче что она не можетъ согласоваться съ присягою, прежде данною, въ вѣрности королю. Епископы и папа отмѣнятъ церковное проклятіе, коему вся страна подверглась за ложную присягу. Необходимо оберегать тщательно власть папы, потому что это все таки властью больше, особливо въ землѣ римско-католическаго закона.

На первыхъ порахъ, кажется, что иностранныя войска могутъ лучше подѣйствовать, нежели природныя французскія. Однако многаго можно ожидать и отъ многочисленнаго француз

(*) Вѣроятно императрица разумѣетъ книгу Колонна: Esquisse de l'état de France, изданную въ Лондонѣ въ 1791 г.

Jamais cause ne fut plus juste, jamais motifs plus grands ni plus capables d'animer le zèle et le courage. On ne peut disconvenir qu'après reussite, on n'auroit fait autre chose que de rendre au legitime possesseur l'autorité qui lui est due sur un royaume à peu près ruiné. Mais il pourra sous une sage administration diminuer ses malheurs et réparer ses pertes. Le règne de Henry IV et celui de Louis XIV, après de fort grands malheurs n'ont-ils pas donner une nouvelle consistance au royaume, et la considération qui en est revenue à la France durant le dernier de ces règnes n'a-t-elle pas duré dans l'opinion jusqu' à nos jours?

On convient qu'il y a plus ou moins de choses qui manquent à l'énoncé susdit. Il y en a d'abord deux frappantes. *Primo,* qu'un grand parti paraît désirer l'abolition des Parlements et qu'ici on les met en jeu en proposant même que tel ou tel autre Parlement autorise un des princes du sang expatriés à veiller à la sûreté de la province, d'employer les moyens à lui connus les plus possibles. de délivrer de captivité la famille royale et le royaume de l'anarchie. *Secondo:* le cri général de liberté contraire au rétablissement de la monarchie. Dans l'un et l'autre de ces points il faudroit avoir quelques égards au cri général de la nation, mais on ne sauroit nier que les Parlements ont pour eux leurs institutions depuis la monarchie et pour ainsi dire en font partie: ce sont de grandes machines qui peuvent avoir de très grandes utilités quand on les sait régir et en leur donnant des réglements sages. Comme il y a une infinité de familles et de personnes attachées par état aux Parlements, il paroit que ce seroit ranger autant de personnes et d'avis du côté des soutiens de la monarchie. Les mêmes raisons ont dicté ce qui est dit du rétablissement des Pays d'Etats. Le cri de la liberté peut

скаго дворянства, которое сядетъ на коней и, со шпагою въ рукахъ, провозгласитъ себя Дружиною Короля, дѣйствующею для освобожденія его и королевства, угнетенныхъ, разоренныхъ и ограбленныхъ тиранами и разбойниками. Генералы примутъ надъ нею начальство по мѣрѣ того, какъ она соберется. Такую Королевскую Дружину не слѣдуетъ распускать и на будущее время; кажется, что если бы она существовала прежде, то королевская власть не потерпѣла бы урона. Дѣло правое какъ нельзя больше; обстоятельства такъ важны, что сами собою воодушевляютъ къ мужеству и усердію. Разумѣется, что счастливый успѣхъ возвратилъ бы только законному государю подобающую ему власть надъ королевствомъ, почти погибшимъ. Но мудрымъ правленіемъ онъ сможетъ облегчить бѣдствія и восполнить ущербъ. Царствованія Генриха IV и Людовика XIV тоже были ознаменованы великими несчастіями; но они съумѣли обновить государство, и то высокое общественное значеніе, которое придалъ Франціи послѣдній изъ названныхъ государей, развѣ не продолжалось до самыхъ нашихъ дней?

Разумѣется, что вышеизложенное еще не полно. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на два важныя обстоятельства. Во первыхъ: многіе по видимому желаютъ уничтоженія Парламентовъ, и можно уронить ихъ, предлагая, чтобы тотъ или другой Парламентъ уполномочилъ кого либо изъ выѣхавшихъ принцевъ крови блюсти за безопасностью своей области, и дѣйствовать всевозможными, какія только знаетъ, средствами къ освобожденію королевскаго семейства отъ заточенія, а королевства отъ анархіи. Во вторыхъ, повсюду раздаются крики о свободѣ, противные возстановленію монархіи. Въ обоихъ этихъ случаяхъ не слѣдуетъ оставаться глухимъ къ общему крику народа; но съ другой стороны невозможно отрицать, что установленіе Парламентовъ одновременно съ монархіею и составляетъ какъ бы ея существенную

être satisfait de même par de bonnes et sages lois. Au reste les Pays-Pas Autrichiens viennent de donner un exemple de ce que c'est que des rébellions pareilles.

Un prince vaillant rempli d'héroïsme à la tête d'une armée aisément se fait obéir. Le meilleur exemple à citer est celui certainement de Henri IV consultant toujours et prenant ses résolutions d'après son grand courage et la bonté de son coeur et de son esprit. Les Mémoires de la Ligue et surtour ceux du duc de Sully en font foi; ils méritent certainement d'être médités par les intéressés.

Pour ce qui regarde l'autorité royale à rétablir, il paroit que le plus sage seroit de n'en céder ni n'en acquérir pas plus que la prudence le dicteroit, mais non pas la faiblesse. En choisissant un juste milieu et la modération accompagnant les mesures de vigueur, peut-être satisferoit et soumettroit-on tous les partis d'ailleurs fatigués et ruinés par trois ans de dissensions et de malheurs.

M. de Calonne dans son livre propose de prendre les cahiers donnés par les provinces à leurs députés pour base et d'après eux de régler ce qu'il y auroit à faire. Mais sans un corps de trouppes dont on peut être assuré la chose ne paroit pas faisable. A la tête de ce corps de trouppes en entrant en France par une déclaration il pourroit être statué: le maintien des lois du royaume comme monarchie selon la base des cahiers. Ceci seroit même nécessaire afin que le gouvernement reprenne vigueur et activité, et d'abord à cet égard les Parlements ne seroient pas inutiles. Toute la France étant dans une anarchie complète, le succès d'une entreprise bien combinée devroit être immanquable. De deux choses il arriveroit une dans le parti contraire à la monarchie: ou bien on délibéreroit sans fin ni cesse au lieu d'agir, ou bien pour agir on donnerroit un pouvoir; ce pouvoir don-

часть. Парламенты — это великій рычагъ, могущій принести огромную пользу, когда умѣютъ направлять его и мудро распорядятся его дѣйствіями. Такъ какъ очень многія фамиліи и лица связаны по своему положенію съ Парламентами, то вотъ и средство образовать изъ нихъ многочисленную партію для поддержки монархіи. Ради той же причины и говорено было о возстановленіи самостоятельности государственныхъ областей. Желанію свободы можно также удовлетворить добрыми и мудрыми законами. Впрочемъ Австрійскіе Нидерланды показали образецъ того, что̀ такое подобныя возмущенія.

Бодрый, проникнутый геройствомъ государь, во главѣ войска, безъ труда внушаетъ къ себѣ покорность. Лучшимъ примѣромъ конечно можетъ служить Генрихъ IV. Онъ всегда руководился внушеніями мужества и доброты своего сердца и ума, и по этимъ внушеніямъ дѣйствовалъ. Въ этомъ можно удостовѣриться, прочитавъ Мемуары Лиги и въ особенности Мемуары герцога Сюлли. Они конечно заслуживаютъ того, чтобы въ нихъ вчитались лица, замѣшанныя въ теперешнія дѣла.

Что касается до возстановленія королевской власти, то мнѣ кажется, что всего лучше было бы ни уступать изъ нея, ни подымать ее больше, чѣмъ сколько потребуется благоразуміемъ, отнюдь не слабостью. Слѣдуя по пути среднему и умѣренностью сопровождая мѣры сильныя, можетъ статься и удалось бы удовлетворить и подчинить всѣ партіи, тѣмъ болѣе что онѣ утомлены и разстроены трехлѣтними раздорами и бѣдствіями.

Г. Калоннъ въ книгѣ своей предлагаетъ взять въ основаніе тѣ наказы, которые получены депутатами отъ ихъ провинцій, и сообразуясь съ ними начертать дальнѣйшій образъ дѣйствій; однако, кажется, этого нельзя будетъ сдѣлать, безъ надежнаго войска. Но вступивъ во Францію во главѣ такого войска, можно бы издать объявленіе, что на основаніи депутатскихъ наказовъ будутъ охранены законы государства, какъ

né on sauroit à qui avoir à faire et on se détermineroit en conséquence ou pour combattre ou pour négocier ou employer l'un et l'autre ensemble, sans se laisser leurrer et allant à son but sans égard aux étalages de systèmes métaphysiques où ceux mêmes qui les font ni personne au monde n'entend rien, qui au reste ne servent qu'à avilir et à abattre le courage de tout chevalier français né et élevé dans des principes convenables à une noblesse qui de tous temps a produit des héros en tous genres, lors même qu'elle ne savoit ni lire ni écrire et qu'une troupe d'avocats, de procureurs et de prétendus philosophes cherche à anéantir afin d'introduire un gouvernement républicain. Le caractère national est enthousiaste; comment seroit-il possible que dans si peu de temps ce caractère fût totalement perdu pour la bonne et seule cause qui en inspiroit de droit et de fait de tous temps à leurs ayeux. Quand on considére la grande quantité de gens de considération qui se sont expatriés de la France depuis trois ans et qui se sont répandus dans les pays d'alentour, l'on diroit qu'ils n'y attendent que le moment de se rallier pour la délivrance de leur patrie. Les princes du sang ainsi accompagnés, déférant le commandement à un prince valeureux qui seul pourroit réunir les esprits divisés d'avis, remplis eux mêmes de l'esprit du courage de leurs ancêtres, agissant pour la plus juste cause, instruits par l'adversité, trouveroient-ils des obstacles dont ils ne viendroient à bout; leurs antagonistes ne sont-ils pas coupables de tous les crimes et surchargés d'opprobre aux yeux de l'Europe?

Il paraît qu'une révolution est indispensablement nécessaire, les choses ne pouvant subsister sur le pied sur lequel elles ont été mises. Cette révolution ne sauroit consister sans doute que dans le rétablissement du gouvernement monarchique

монархіи. Это будетъ даже необходимо для сообщенія вновь правительству силы и дѣятельности, и тутъ то именно слѣдуетъ воспользоваться Парламентами. Вся Франція теперь въ совершенномъ разстройствѣ, и потому подобное предпріятіе, хорошо разсчитанное, увѣнчается непремѣннымъ успѣхомъ. Противники монархіи сдѣлаютъ одно изъ двухъ: либо вмѣсто дѣйствій пустятся въ безконечныя прѣнія, либо снабдятъ кого либо властью для дѣйствія. Въ семъ послѣднемъ случаѣ будетъ по крайней мѣрѣ извѣстно, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и сообразно тому можно: либо драться, либо вести переговоры, либо дѣйствовать обоими способами, но не поддаваясь на приманки, не теряя изъ виду прямой цѣли и не внимая метафизическимъ разглагольствіямъ, въ которыхъ ни сами авторы и никто на свѣтѣ ничего не понимаютъ, и которыя только разслабляютъ и унижаютъ душевную твердость французскаго дворянина, рожденнаго и воспитаннаго въ началахъ, подобающихъ благородному сословію. Это дворянство производило всякаго рода героевъ во всѣ вѣка, даже и въ то время, когда оно не умѣло ни читать ни писать; и толпа подъячихъ, крючкотворовъ и мнимыхъ философовъ ратуетъ противъ него только за тѣмъ, чтобы ввести республиканское правленіе. Французы по природѣ народъ восторженный; какъ же можетъ статься, чтобы въ столь короткое время совершенно пропала эта восторженность по отношенію къ дѣлу правому и единственному, которое во всѣ времена воодушевляло ихъ предковъ? Великое число значительныхъ лицъ, оставившихъ Францію въ теченіи трехъ лѣтъ и разъѣхавшихся по окрестнымъ странамъ, повидимому, ожидаетъ лишь благопріятной минуты, чтобы соединиться для освобожденія своего отечества. Съ такими людьми, и ввѣривъ начальство мужественному человѣку изъ среды своей, который одинъ могъ бы соединить разногласныя мнѣнія, принцы крови несомнѣнно преодолѣютъ какія бы то ни бы-

qui existe depuis la venue des Francs. L'équilibre des pouvoirs, la noblesse, le clergé, la magistrature ne se réuniroient-ils pas sous des chefs animés d'un désir aussi légitime, aussi équitable, aussi modéré? La noblesse, le clergé, la magistrature, les princes, les trouppes ne pourroient-ils se réunir encore pour un point très essentiel: celui d'opérer la délivrance du roi et de la famille royale des mains de la populace de Paris? Et cela seroit-il si difficile? Si la chose ne l'étoit pas il ne s'agiroit que de se concerter sur les moyens les plus sages et les plus sûrs. Depuis que le monde est monde l'ordre a pris le dessus sur le désordre.

Il n'est pas difficile de prévoir que celui qui portera de l'ordre et de la discipline en France prendra le dessus sur le désordre. L'ordre et la discipline d'un corps d'armée de 10 mille hommes, par conséquent, y donnera la loi. Le corps d'armée une fois entré en France l'argent des provinces soumises le soutiendroit. Pour du sang répandu on est persuadé qu'il y en auroit moins qu'il n'y en a eu depuis trois ans. L'exemple de la Belgique a démontré combien il faut compter sur la résistance d'une anarchie: c'est certainement de toutes les résistances celle qui en a le moins. L'Assemblée Nationale regarde-elle même comme un devoir de se révolter lorsque la chose publique est en danger; d'après ces principes aucun Francais ne sauroit refuser de s'unir au prince pour une cause la plus juste, la famille royale se trouvant en prison et le royaume de France s'approchant d'une dislocation générale. Il n'y eut jamais de danger plus avéré ni plus éminent! Qu'on ne craint pas de répéter que les manifestes devroient contenir: que la soi-disant Assemblée Nationale a outrepassé ses pouvoirs donnés par leurs commettants lesquels prescrivoient aux députés le maintien

ло препятствія, будучи сами одушевлены отвагою своихъ предковъ, ратуя за справедливѣйшее дѣло и умудрившись несчастіями. Развѣ противники ихъ не виновны во всевозможныхъ преступленіяхъ и не покрылись позоромъ въ глазахъ Европы?

Повидимому переворотъ неизбѣженъ, такъ какъ дѣла не могутъ оставаться въ такомъ положеніи, въ какое они приведены. Переворотъ этотъ безъ сомнѣнія долженъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ возстановленіи монархическаго правленія, которое существуетъ со времени прихода Франковъ. Уравновѣшенныя власти, каковы дворянства, духовенства и судебнаго сословія, не соединятся ли между собою вокругъ вождей, одушевленныхъ желаніемъ столь законнымъ, столь справедливымъ, столь умѣреннымъ? Дворянство, духовенство, судьи, принцы, войска, не ужели они не соединятся вновь для дѣла самаго существеннаго, т. е. для освобожденія короля и королевскаго семейства изъ рукъ Парижской черни? Неужели это такъ трудно? Если нѣтъ, то стоитъ только уговориться въ наиболѣе благоразумныхъ и надежныхъ способахъ. Съ тѣхъ поръ какъ стоитъ міръ, порядокъ всегда торжествовалъ надъ безпорядкомъ.

Не трудно предвидѣть, что тотъ, кто внесетъ во Францію порядокъ и послушаніе, тотъ возобладаетъ надъ безпорядкомъ; стало быть порядокъ и дисциплина десятитысячной арміи предпишутъ ей законы. Вступя во Францію, эта армія можетъ содержаться денежными средствами, собираемыми съ покорившихся областей; а что до кровопролитія, то конечно крови прольется меньше, нежели въ послѣдніе три года. Примѣръ Бельгіи засвидѣтельствовалъ, каково бываетъ сопротивленіе анархіи. Изъ всѣхъ сопротивленій анархическое конечно слабѣйшее. Національное Собраніе само почитаетъ обязанностью возмущаться, какъ скоро общественныя дѣла въ опасности; поэтому ни одинъ Французъ не откажется присоединиться къ вождю, стоящему за самое справед-

du gouvernement monarchique; qu'au lieu de suivre les prescriptions sages et utiles des provinces, ces mêmes députés se sont déclarés de leur propre volonté, usurpée sur leurs commettants, Assemblée Nationale perpétuelle; que toutes leurs opérations ont pour but d'abolir la forme du gouvernement monarchique établie en France depuis mille ans; qu'ils osent même rêver à l'abolition de la religion chrétienne et qu'en conséquence ils travaillent au changement des coutumes du rite catholique romain établi par les conciles oecuméniques; qu'au lieu de l'ancien gouvernement qui donnait à la France un lustre et une consistance laquelle en imposait à ses envieux même, ils travaillent à introduire dans ce royaume une anarchie destructive; que l'Assemblée Nationale elle-même se conduit par l'impulsion des bandits dont Paris fourmille; que tenant son roi en prison ils lui font sanctionner forcement tout ce qu'ils veulent avec autant de trouble que de confusion; que la dessension régne dans l'Assemblée, que leurs séances sont sans règles et décence, livrées au tumulte et dénuées de la prudence, de la sagesse, de l'expérience qu'il faut pour régir un grand état, du gouvernement duquel l'Assemblée du manège s'est emparée dans toutes ses parties et qu'elle ne régit qu'en introduisant la terreur et un despotisme inhumain et sanguinaire dont il y a peu d'exemples dans l'histoire; que les membres de cette Assemblée ont soulevé l'armée, armé toutes les communes et par là même dégarni toute la France des troupes nécessaires pour la défense du royaume contre les ennemis du dehors, tandisqu'ils ont mis aux citoyens les armes à la main pour s'entretuer et se faire une guerre perpetuelle entre eux, minant par là encore les artisans et le commerce en les detournant de leurs professions et gagne-pain quotidien; qu'outre cela il y en a lesquels sont fortement soupçonnés de s'être rendus coupables du crime de haute trahison et de lèse-ma-

ливое дѣло, такъ какъ семейство королевское заключено въ темницу, а королевство французское близко къ совершенному распаденію. Никогда не было опасности болѣе грозной и очевидной! Въ манифестахъ непремѣнно нужно провозгласить съ рѣшимостью: что такъ называемое Національное Собраніе превысило полномочія, данныя ему его довѣрителями, которые предписывали своимъ депутатамъ сохранять монархическое правленіе; что, вмѣсто того чтобы держаться мудрыхъ и полезныхъ предписаній, составленныхъ въ провинціяхъ, выборные, самовольно и въ противность выбиравшимъ ихъ, объявили себя безсмѣннымъ Національнымъ Собраніемъ; что всѣ ихъ дѣйствія имѣютъ цѣлью уничтожить монархическій образъ правленія, установленный во Франціи уже тысячу лѣтъ; что они дерзаютъ помышлять даже объ отмѣнѣ христіанской религіи, и для того приступили къ измѣненіямъ въ обрядахъ римско-католическаго закона, установленныхъ вселенскими соборами; что на мѣсто древняго правительства, даровавшаго Франціи блескъ и твердость, страшные для ея завистниковъ, они предаютъ государство разрушительной анархіи; что само Національное Собраніе поступаетъ по внушенію разбойниковъ, коими наполненъ Парижъ; что, заключивъ короля своего въ темницу, они насильно заставляютъ его соглашаться на все что имъ угодно, дѣйствуя смутою и мятежемъ; что между членами собранія господствуетъ раздоръ, засѣданія ихъ происходятъ безъ всякаго порядка и приличія, и со всякимъ буйствомъ; въ нихъ нѣтъ благоразумія, мудрости и опытности, необходимыхъ для того, чтобы вести дѣла большаго государства; что собраніе, засѣдающее въ манежѣ, овладѣло всѣми отраслями правленія и дѣйствуетъ лишь посредствомъ ужаса, безчеловѣчнаго и кроваваго деспотизма, каковому мало примѣровъ въ исторіи; что члены этого собранія набрали войско, вооружили общины и чрезъ то лишили всю Францію войскъ, необходимыхъ для защиты

jesté divine et humaine. Il y auroit sans doute à choisir entre toutes ces données celles qui paroitroient les plus convenables au moment et aux circonstances.

A mesure qu'on avancera avec les trouppes, il faudra désarmer les communes, leur faire renouveler l'ancien serment de fidélité au roi, leur faire quitter la cocarde et tous les autres hochets républicains, rétablir les couleurs du roi, la cocarde blanche, le pavillon du roi, abolir les dénominations haineuses de démocrates et aristocrates etc. Les armes seroient remises dans les arsenaux du roi et le reste brûlé et déchiré par les communes mêmes. On couvriroit du drapeau royal tous ceux qui se soumettroient et on ne rechercheroit plus rien du passé de ceux qui se seroient soumis.

De tout ce qui a été dit il résulte que le principe en est de ne pas nuire à la liberté raisonnable des individus, mais d'abolir le gouvernement incompatible avec l'existence d'un grand royaume en forme de république, d'autant plus qu'il est contraire aux désirs de la nation prescrits dans les cahiers de maintenir le gouvernement monarchique et la religion catholique romaine.

Le point le plus difficile est sans contredit celui d'opérer la délivrance du roi et de la famille royale. On ne sauroit y penser même sans frémir. Il paroît qu'à l'entrée des trouppes susdites en France, le danger seroit dans la capitale; ce n'est pas de cette ville coupable qu'on doit s'attendre à voir venir la raison. Elle sera la dernière à s'y rendre.

Cependant il est assez probable qu'on ménagerait la personne du roi, de la reine et du dauphin plus que jamais, de crainte de renforcer le parti des princes. Le comment de la délivrance ne sauroit être apprécie que d'après le local. Elle pourroit s'opérer de quatre ou cinq manières différentes: 1) par prudence ou sagesse, 2) par

государства отъ внѣшнихъ непріятелей, и въ тоже время дозволили гражданамъ взяться за оружіе для того, чтобы убивать другъ друга и вести безпрестанную междоусобную войну, во вредъ промысламъ и торговли, которыя не находятъ для себя рукъ, такъ что люди, занимавшіеся ими, лишены насущнаго хлѣба; сверхъ всего этого есть между членами собранія такіе, кои навлекаютъ на себя подозрѣніе въ государственной измѣнѣ и въ оскорбленіи божескаго и человѣческаго величества. Разумѣется (при составленіи манифеста) надо будетъ изо всего вышеизложеннаго привести то что̀ наиболѣе пригодится въ данную минуту, соотвѣтственно обстоятельствамъ.

По мѣрѣ того какъ войска будутъ подвигаться въ край, надлежитъ обезоруживать общины, вновь приводить ихъ къ присягѣ на вѣрность королю, отнять у нихъ кокарду и всѣ прочія республиканскія гремушки, ввести прежніе государственные цвѣта, бѣлую кокарду, королевское знамя, уничтожить ненавистныя прозвания демократовъ и аристократовъ и пр. Оружіе будетъ сдано въ королевскіе арсеналы, а за тѣмъ остальное сожжено и уничтожено самими общинами. Всѣ покаряющіеся будутъ прикрыты королевскимъ знаменемъ, и съ нихъ ничего не взыщется за прошлое.

Изо всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что отнюдь не имѣется въ виду нанести ущербъ разумной свободѣ отдѣльныхъ лицъ, а только уничтожить правительство, несовмѣстное съ существованіемъ большаго государства въ видѣ республики, тѣмъ паче, что оно противорѣчитъ желаніямъ народа, выраженнымъ въ наказахъ, гдѣ говорится объ охраненіи монархическаго правленія и римско-католической религіи.

Конечно самое трудное дѣло—это достигнуть освобожденія короля и королевскаго семейства. Ужасъ беретъ, когда объ этомъ станешь думать. При вступленіи упомянутыхъ войскъ во Францію, опаснѣйшимъ мѣстомъ по всему вѣроятію будетъ столица; напрасно

négociation, 3) à force ouverte, 4) par surprise, 5) par hasard. Il faudroit sans doute préférer le moyen le moins risqueux pour des personnes aussi chères que précieuses. Les princes, entrant en forces ouvertes en France, feront scission et produiront peut-être la querre civile ouverte. Objectera t-on? Mais elle existe dejà de fait dans toutes les parties du royaume. C'est des provinces que doit renaître le calme et la tranquillité; leur accord obligeroit la capitale de se ranger de leur avis.

Comme il s'agit de rétablir en France le gouvernement monarchique, il ne faudrait négliger ni mépriser les usages anciens qui inspirent du respect pour les rangs au public. Par exemple ne permettre à aucun militaire de se montrer autrement devant les princes et les grades supérieurs au camp qu'en habit militaire. Les personnes d'un rang supérieur ne se montreroient jamais à la comédie et en public qu'habillées avec leurs marques distinctives comme cordons etc. et très parées. Les princes n'admettroient personne en leur présence en frac ou autrement vêtu qu'avec la parure convenable au rang et qualité d'un chacun dans la monarchie afin d'écarter la pensée d'égalité parfaite. Ils introduiroint de nouveau la dignite convenable à leur rang dans toutes les occasions. Cette dignité ne les empêcheroit point d'être polis, engageants, affables avec tout le monde; car il ne s'agit pas d'être vain, mais d'occuper la place qui convient à un chacun dans la monarchie.

Il sera bon que le libérateur de la France prenne des précautions pour que l'argent et les trouppes soient employés selon leur destination, c'est à dire au rétablissement de la monarchie et au maintien de la religion catholique romaine et non à autre usage; à cet effet il ne sera pas inutile de convenir de certains points *et de conclure*

бы было ожидать благоразумія отъ этого преступнаго города. Онъ образумится послѣдній.

Тѣмъ не менѣе есть довольно вѣроятности, что изъ опасенія усилить сторону принцевъ, станутъ обходиться лучше прежняго съ королемъ, королевою и дофиномъ. Какъ именно произвести освобожденіе, это можно опредѣлить только на самомъ мѣстѣ. Способовъ представляется нѣсколько: 1) благоразуміемъ или мудростью, 2) переговорами, 3) открытою силою, 4) внезапностью, 5) случайно. Конечно по отношенію къ особамъ столь любезнымъ и дорогимъ надлежитъ предпочесть способъ, наиболѣе надежный. Какъ скоро принцы открытою силою пойдутъ во Францію, тотчасъ произойдетъ раздвоеніе и можетъ быть даже прямая междоусобная война. Станутъ упрекать, но вѣдь, въ сущности, она уже и безъ того идетъ во всѣхъ частяхъ государства. Миръ и тишина должны возродиться изъ провинцій; своимъ согласіемъ они вынудятъ столицу пристать къ ихъ мнѣнію.

Такъ какъ дѣло идетъ о возстановленіи во Франціи монархическаго правленія, то не слѣдуетъ пренебрегать старинными обыкновеніями: ими въ публикѣ вселяется уваженіе къ чинамъ. Такъ напримѣръ не позволять ни одному военному человѣку представляться къ принцамъ и военачальникамъ иначе какъ въ военной одеждѣ. Сановныя лица должны являться въ театръ и вообще въ публику непремѣнно въ богатыхъ одеждахъ, съ знаками своихъ отличій, т. е. въ лентахъ и т. п. Пусть принцы не допускаютъ къ себѣ никого во фракахъ или въ другихъ какихъ одѣяніяхъ, не соотвѣтствующихъ въ монархіи чину и достоинству: этимъ устранится мысль о полномъ равенствѣ. Во всѣхъ случаяхъ пусть являютъ они достоинство, приличествующее ихъ званію. Оно не помѣшаетъ имъ быть со всѣми вѣжливыми, предупредительными, доступными; ибо тутъ дѣло идетъ не о суетности, а о томъ, чтобы каждый занималъ подобающее ему мѣсто въ монархіи.

même à cet effet une convention avec les princes expatriés (*).

Tout dépendroit du début. Dès qu'on verra en France que les principes sont solides, que leurs actions sont aussi prudentes qu'actives et vigoureuses, que leur conseil est rempli de sagesse et de fermeté, leur cause étant juste et glorieuse, le moindre succès rangera tous les esprits de leur côté et ils n'auront plus à craindre que l'enthousiasme du zèle contre lequel il faudra être dans son temps autant en garde que contre la mauvaise volonté du parti opposé. Si les principes susdits méneront les affaires des confédérés, on n'aura pas de peine à leur garantir la réussite de leur entreprise: car la curasse tissue de ceux-ci est vraiment celle qui est invulnérable.

Il paroît encore que dans cette affaire, il y a un principe général qui ne devroit pas être négligé, c'est d'être singulièrement en garde contre l'esprit léger et volatil et l'indiscrétion naturelle de la nation française qui a pris un nouveau degré de force dans ces temps malheureux; mais par là même il est facile de les ramener quand on ne s'y laisse pas entraîner: car assurément les grandes affaires ne sauroient être conduites par la légéreté épigrammatique, l'indiscrétion et l'imprudence.

Comme toutes les informations s'accordent sur un point qui est que des Français les mieux intentionnés pour le rétablissement de la monarchie il n'y en a pas deux qui sont du même avis, on a crû que le point de réunion pourra se trouver dans un acte. Ceux qui signeront cet acte de réunion conviendroient comme primo, le maintien de la religion catholique romaine dans son intégrité; secondo, la

(*) Слова эти въ подлинникѣ зачеркнуты красными чернилами.

Не худо будетъ освободителю Франціи принять предосторожность на счетъ того, чтобы деньги и войска употреблялись по своему назначенію, т. е. для возстановленія монархіи и для поддержанія римско-католической религіи, а ни на какую нибудь другую потребу. Для этого не безполезно было бы условиться о нѣкоторыхъ предметахъ и *заключить даже особую конвенцію съ выселившимися принцами.* (*)

Все будетъ зависѣть отъ начала. Коль скоро во Франціи увидятъ, что принцы тверды, что поступки ихъ отличаются благоразуміемъ, дѣятельностію и силою, что въ ихъ совѣтахъ преобладаетъ мудрость и рѣшимость, то въ силу правоты и достославности ихъ дѣла, при малѣйшемъ успѣхѣ умы склонятся на ихъ сторону, и имъ придется опасаться лишь неумѣренныхъ порывовъ усердія, противъ коихъ также слѣдуетъ взять мѣры осторожности, какъ и противъ злорадства стороны противной. Если дѣйствія согласившихся не уклонятся отъ вышеназванныхъ началъ, то можно поручиться за успѣхъ предпріятія, ибо эти начала представляютъ собою такую броню, облекшись въ которую можно считать себя по истинѣ неуязвимымъ.

Въ дѣлѣ этомъ—скажу еще—есть, кажется, одно общее начало, коего необходимо держаться. Я разумѣю крайнюю осторожность относительно легкомыслія, вѣтренности и природной нескромности французскаго народа, усилившихся въ это несчастное время. Но съ ними легко сладить, лишь только имъ не поддаваться; ибо конечно управленіе большими дѣлами несовмѣстимо съ легкими эпиграммами, болтливостью и безразсудствомъ.

По всѣмъ извѣстіямъ нѣтъ двухъ Французовъ изъ наиболѣе желающихъ возстановленія монархіи, которые бы согласны были между собою во мнѣніяхъ. Посему придумали, что нужно бы

(*) Это намекъ на расточительность эмигрантовъ. *П. Б.*

fidélité au roi; tertio, sa délivrance; quarto, le rétablissement du gouvernement selon le souhait unanime de la nation enoncé dans les cahiers des provinces, par conséquent maintien des trois états dans leur existence, propriété et sûreté; quinto, tout autre serment déclaré nul; sexto, promesse d'obéir au chef de la fédération comme point de réunion des volontés divisées; septimo, promesse de contribuer au rétablissement de la paix et tranquillité publique; octavo, promesse sur le maintien de l'ordre et la discipline militaire. De cet acte de réunion formelle à signer on écarteroit tous les points sur lesquels il seroit difficile de convenir, mais personne ne seroit admis à servir dans les grades sous le roi et les princes sans l'asigner sur son honneur.

Les nouvelles les plus fraîches disent les princes du sang occupés d'une contre-révolution; on les dit tristes, abattus, délaissés, faisant pitié. Pareille contenance ne peut que nuire à leur dessein. Pour réussir il leur faut l'air noble et assuré, le visage serein, l'intime persuasion de la justice de leur cause et de leur entreprise, parlant peu de ce qui leur roule réellement par la tête, mais faisant sentir que des gens à grand coeur, d'esprit et de courage ont toujours à leur disposition quantité de ressources dont le vulgaire ne s'avise pas et que par là même ils en savent toujours infiniment plus que le vulgaire; qu'à cette contenance ils ajoutent cette politesse de bienveillance qui gagne les esprits et ils auront fait bien du chemin; que leur contenance encourage, attire et console les autres. Toute la France est malade de découragement.

Dans une aussi grande affaire que celle dont on vient de parler il s'agit de se pénétrer profondément de son objet, de e vouloir passionnément, de communiquer

составить актъ, который бы послужилъ имъ точкою соединенія. Подписавшіеся подъ этимъ актомъ соединенія согласятся: 1) поддерживать римско-католическую религію въ ея неприкосновенности, 2) хранить вѣрность королю, 3) освободить его, 4) возстановить правительство по единодушному желанію народа, выраженному въ областныхъ наказахъ, слѣдовательно въ поддержаніи трехъ сословій касательно ихъ сущности, собственности и безопасности 5) всякую другую присягу объявить недѣйствительною; 6) оказывать повиновеніе главѣ союза, какъ центру разрозненныхъ волей; 7) стараться о возстановленіи мира и общественнаго спокойствія; 8) хранить порядокъ и военную дисциплину. Въ этотъ формальный соединительный актъ, предлагаемый для подписанія, не слѣдуетъ вносить такихъ статей, по отношенію къ которымъ трудно достигнуть соглашенія; но никто не можетъ быть допущенъ въ службу короля и принцевъ, не обязавшись честью соблюдать постановленій акта.

По самымъ послѣднимъ извѣстіямъ, принцы крови заняты контрреволюціею. Сказываютъ, что они печальны, сокрушены, унылы, такъ что на нихъ жалко смотрѣть. Все это можетъ лишь повредить ихъ предпріятію. Для успѣха, имъ надлежитъ имѣть видъ благородной увѣренности въ самихъ себя, лицо ясное, внутреннее убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла и предпріятія; говорить не много о томъ чѣмъ дѣйствительно заняты ихъ мысли, но давать чувствовать, что люди, одаренные высокимъ сердцемъ, умомъ и отвагою, имѣютъ всегда въ своемъ распоряженіи множество способовъ, о какихъ и не помышляетъ простолюдинъ, и что поэтому они всегда знаютъ несравненно больше толпы. Все это слѣдуетъ сопровождать вѣжливостью и благорасположенностью, привлекающею сердца. Тогда все пойдетъ какъ нельзя лучше. Пусть обращеніе ихъ ободряетъ, привлекаетъ и утѣшаетъ другихъ. Вся Франція страдаетъ упадкомъ духа.

ensuite sa propre persuasion aux autres et agir en consequence sans hésiter dès que la résolution en est prise, ensuite montrer le plus grand calme dans l'agitation et ne paraître jamais agité ni inquiet sur les événements.

Voilà ce que les intentions les plus vraies, les plus sincères, les plus pures ont dicté. Les idées peuvent être imparfaites, mais elles sont motivées par le désir très parfait de voir triompher la bonne et juste cause.

(1792)

(Сообщено В. И. Ламанскимъ)

Въ дѣлѣ столь великомъ, о коемъ шла рѣчь, необходимо проникнуться глубоко своимъ предметомъ, полюбить его страстно, за тѣмъ вливать въ другихъ свое убѣжденіе, и какъ скоро рѣшено дѣйствовать, то дѣйствовать послѣдовательно, не останавливаясь; за тѣмъ показывать какъ можно больше спокойствія въ тревожныя минуты, и не обнаруживать ни тревоги, ни безпокойства по поводу совершающихся событій.

Все вышеписанное внушено намѣреніями самыми правдивыми, искренними и чистыми. Мысли могутъ быть не совершенны, но они вызваны полнымъ желаніемъ торжества благому и справедливому дѣлу.

СЕНАКЪ ДЕ МЕЛЬЯНЪ,

ФРАНЦУЗСКІЙ ЭМИГРАНТЪ XVIII ВѢКА И ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ РОССІИ.

Въ первой книжкѣ Русскаго Архива за нынѣшній годъ мы прочли любопытную замѣтку, дополняющую нѣкоторыя свѣдѣнія, помѣщенныя въ 12 кн. Русск. Арх. 1865 г. въ *Мелочахъ изъ прошлаго* (стр. 1537). Замѣтка эта относится собственно до г. де Будри, служившаго нѣсколько времени въ Россіи, который, какъ оказывается, былъ родной братъ извѣстнаго Марата. На той же страницѣ, въ той же 12 книжкѣ, упоминается еще о братѣ Робеспьера, жившемъ, какъ сказано въ *Мелочахъ изъ прошлаго*, также въ Россіи и носившемъ фамилію *де Мельянъ* (de Meilhan), по мѣсту своего рожденія. По поводу этой фамиліи, мы, съ своей стороны, считаемъ не лишнимъ, въ видахъ разъясненія извѣстій объ ней, сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о личности, бывшей у насъ въ Россіи во времена революціи, и носившей фамилію *de Meilhan*, а также, по связи съ нею, сдѣлать извѣстными нѣсколько документовъ изъ временъ императрицы Екатерины II-й. Документы эти нигдѣ еще не напечатаны, и, кажется, не лишены нѣкотораго интереса, по подробностямъ событій, имѣвшихъ жизненное значеніе для тогдашняго общества.

Лице, носившее фамилію де Мельянъ, извѣстное у насъ при Екатеринѣ II, это *Гавріилъ Сенакъ де Мельянъ* (Senac de Meilhan). Слѣдующій краткій біографическій очеркъ можетъ дать достаточное понятіе какъ объ немъ самомъ, такъ и объ общественномъ его положеніи. Родился онъ въ Парижѣ въ 1735 году, и, бывши сначала рекетмейстеромъ, потомъ, по связямъ своего отца, который былъ врачемъ, и по разнымъ покровительствамъ, достигъ, мало по малу, до званія интенданта въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Въ письмѣ къ императрицѣ, отъ 29 Іюня 1791 года, Мельянъ

говоритъ, что онъ „commissaire du roi, son représentant dans deux provinces, membre de son conseil.“ По другимъ же источникамъ[1]) видно, что гораздо ранѣе, именно еще въ 1775 году, графъ С. Жермень, при назначеніи своемъ въ военные министры, опредѣлилъ-было Мельяна генералъ-интендантомъ по королевской арміи; но вскорѣ принужденъ былъ его отставить отъ этой должности, по неумѣнью его ни держаться, ни говорить, ни дѣйствовать на этомъ мѣстѣ. Мельянъ не угодилъ ни войску, ни министру. При началѣ революціи, когда утратилось значеніе всѣхъ лицъ, покровительствовавшихъ Мельяну, онъ поспѣшилъ удалиться съ политическаго поприща, и, за тѣмъ, навсегда покончилъ съ этой своей карьерой. Отправясь эмигрантомъ по сѣверу Германіи, Польшѣ и Россіи, и побывавъ въ Венеціи, онъ напослѣдокъ поселился въ Вѣнѣ, гдѣ и умеръ въ 1803 году. Въ литературномъ мірѣ онъ извѣстенъ переводомъ Лѣтописей Тацита и разными сочиненіями. Въ числѣ послѣднихъ упоминаются: Considérations sur les richesses et le luxe (Paris, 1787, Amsterdam, 1789); Considérations sur l'esprit et les moeurs (изданныя два раза въ Парижѣ съ обозначеніемъ на заглавномъ листѣ: „Londres,“ 1788 и 1789); Du gouvernement, des moeurs et des conditions en France avant la révolution, avec le caractère des principaux personnages du règne de Louis XVI (Hambourg, 1795. Paris, 1795. Paris, 1814). Книга эта назначалась, какъ видно ниже, въ посвященіе кн. П. А. Зубову, но посвященія не было. Часть этого сочиненія: Portraits et caractères de personnages distingués de la fin du XVIII-e siècle, suivis de pièces sur l'histoire et la politique, précédés d'une notice sur sa personne et ses ouvrages, par M. de Levis, была издана отдѣльно, въ Парижѣ, 1813 г. Въ Россіи Мельянъ напечаталъ также одно сочиненіе, изданное первоначально въ Лондонѣ, именно: Des principes et de causes de la révolution en France (Londres et Paris, 1790, S. Pétersbourg, 1791). Ему же приписываютъ поднявшія много шуму, въ свое время, во французскомъ литературномъ мірѣ, по вопросу о своей подлинности: Mémoires d'Anne de Gonzagues, Princesse Palatine, Londres et Paris, 1786 и 1789. Кромѣ этихъ произведеній Мельяна, есть въ печати еще и другія, какъ то: Les deux cousins, histoire veritable, Paris, 1790; L'Emigré, roman historique, Hambourg, 1797; Mélanges de philosophie et de littérature, Brunswick, 1789, и нѣсколько мелкихъ, изъ числа доставленныхъ въ Парижъ изъ Вѣны, послѣ его смерти, которыя M. le duc de Levis помѣстилъ при новомъ изданіи его Portraits et caractères. На посѣщеніе Мельяномъ Россіи указываютъ: 1) его Lettre à mad. de*** Paris 1792, гдѣ разсказывается о первомъ свиданіи его съ императрицей Екатериной II, и 2) переписанное Храповицкимъ по приказанію императрицы въ 1791 г. странное произведеніе Мельяна: La comparaison de St. Pierre de Rome avec Catherine II ([2]) которое впослѣдствіи напечатано во 2 томѣ его Oeuvres philosophiques et littéraires, Hambourg, 1795, 2 vol. Первый томъ этого изданія занимаютъ весь: Les considérations sur l'esprit et les moeurs; а во второмъ, въ числѣ Mélanges philosophiques et littéraires, помѣщены, между прочимъ, два письма его: 1) sur la Russie, adressée à madame de ***, и 2) sur Potemkin.

Какъ литераторъ, бравшійся слегка за множество предметовъ, Мельянъ не отличается ни глубиною чувства и мысли, ни изяществомъ вкуса. У него нѣтъ недостатка въ остроуміи и, по временамъ, въ наблюдательности; но вообще, онъ не оставилъ послѣ себя ничего, особенно замѣчательнаго. Соціальные взгляды его имѣли въ основѣ извѣстное положеніе: „toute société est fondée sur deux bases: le besoin de subsistance et l'amour-

---

([1]) См. La France littéraire, par J. M. Quérard, t. IX. Paris 1839. p. 47.

([2]) См. Памятныя записки Храповицкаго, изд. Геннади. М. 1862 г. стр. 242.

propre.“ Какъ моралистъ, онъ легко относился ко многимъ нравственнымъ предметамъ. Ниже увидимъ изъ письма графа Безбородка къ Соколовскому и изъ переписки де Мельяна съ Зубовымъ, что онъ готовился писать исторію Россіи, и уже написалъ къ ней введеніе.

Изъ той же переписки оказывается, что Мельянъ имѣлъ сына, который, во время окончанія имъ сочиненія: Du gouvernement, des moeurs et des conditions en France avant la révolution, изданнаго въ 1795 г., былъ уже взрослымъ человѣкомъ и жилъ въ Россіи. Ни имя, ни дальнѣйшая участь этого послѣдняго намъ неизвѣстны.

Сенакъ де Мельянъ въ концѣ 1790 г. письмомъ изъ Экса-ла-Шапеля просилъ у императрицы разрѣшенія пріѣхать въ Россію и дозволенія писать Русскую исторію XVIII вѣка. Императрица поручила посланнику нашему въ Венеціи Мордвинову собрать свѣдѣнія объ Мельянѣ. По этому предмету сохранились письмо императрицы и два донесенія Мордвинова, которыя мы здѣсь и печатаемъ.

Письмо Екатерины II къ А. С. Мордвинову ([3]).

Monsieur de Mordwinoff. Je viens de recevoir une lettre d'Aix la Chapelle signée *Senac Meilhan*, qui a attiré mon attention. A cette lettre étoit joint le prospectus des Mémoires sur la vie du Maréchal Duc de Richelieu, pour servir à l'histoire du XVIII-eme siècle, et un conte ou roman moral intitulé: Les Deux Cousins. Ce dernier est un ouvrage charmant, rempli de traits, qui désignent l'esprit et profonde connoissance du coeur humain de l'auteur. Par le prospectus jai v'u que *mr. de Meilhan* se signe *Maitre des requêtes honoraire, intendant des provinces du Haynault et du Cambresis etc.* Par les informations que j'ai pu faire ici sur son compte, il jouit de la réputation intacte d'un hônnete homme, rempli d'esprit et de mérite, dont la carrière a été interrompue par les troubles qui agitent sa patrie. Dans sa lettre mr. de Meilhan me dit avoir pendant plus de vingt ans administré plusieurs grandes provinces, et qu'il est un de ceux, que la révolution a obligé de sortir de France. Il me propose entre autre d'écrire l'histoire de la Russie au XVIII-eme siècle. Mais pour que je puisse consentir à ce projet, il faudroit que je fus sûre, que celui qui se chargeroit de ce travail, renoncât aux prejugés que la plupart des étrangers ont contractés contre la Russie; comme par exemple de voir tout en noir sur son compte, sans avoir égard à ce qui se passoit dans le même tems dans les autres pays; d'avancer, que cet empire n'avoit ni loix, ni administration avant Pierre I, tandis que le contraire existoit. Il est vrai que les troubles qui ont suivi la mort du czar Ivan Wassiliewitz, avoient arrièré la Russie de 40 à 50 ans; mais avant ce tems elle alloit de pair avec toute l'Europe. Les efforts encore, qu'elle a faits pour se réunir et délivrer ses provinces de l'invasion des Tartares, est un point d'histoire tout à fait méconnu. Avant cette invasion les grands ducs de Russie avoient la part la plus marquée aux affaires de l'Europe et étoient alliés et parens à toutes les maisons souveraines de notre hémisphère, et ils contribuèrent plus d'une fois au maintien de tel ou tel autre roy ou empéreur, dont ils avoient embrassé les interêts. Pour ce quiregarde l'histoire particulière de mon règne, je pense qu'il en est de l'histoire des prin-

([3]) Русскій переводъ этого письма напечатанъ въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Екатерины II-й, ч. 3, стр. 413—418.

ces dès leur vivant, comme des statues qu'on leur dresse avant leur mort: on ne sait pas trop, si c'est l'ornement d'une ville ou bien un monument mérité. Je pourrois sans doute fournir de mémoires très véridiques appuyés sur des faits; mais il faudroit pour l'un et l'autre ouvrage, que l'auteur ou le redacteur se soumit aux pénibles régles qu'il seroit indispensable de suivre. Parceque une histoire ou des mémoires pour servir à l'histoire de Russie, qui seroient entrepris avec mon approbation et consentement, ne sauroient comporter aucune autre tournure ni tendance, que celle qui seroit dirigée pour la plus grande gloire de l'Empire et servit à la postérité d'émulation et de miroir. Toute autre moins glorieuse lui seroit nuisible; parceque nous vivons dans un tems, où bien loin de diminuer l'éclat des actions et des choses, il s'agît plutôt de soutenir les esprits et de les encourager et diriger vers cette élevation qui mene aux grandes choses. Ce n'est pas assurement la pente vers l'égalité absolue de tous les états, qui enfante l'anarchie, dont la France est travaillée dans ce moment-ci, qui les operera. Mes informations me disent, que mr. Meilhan n'est point du tout imbu du systême présent qui domine en France. Il ne faut pas se tromper sur ce que je dis: ce n'est pas des flattéries que j'entends; mais la juste appréciation des faits, dont l'approbation ou l'improbation éleve ou abaisse les esprits. Comme mr. de Meilhan d'Aix-la-Chapelle doit se rendre à Vénise, où il me prit de lui faire donner ma reponse, pour laquelle il s'adressera à vous et me prie de lui garder le secret sur ses propositions, vous lierez connoissance avec lui, et tacherez de connoitre de plus près sa façon de penser sur les choses et sur les événemens, et de vous mettre au fait, quelles pourroient être au vrai ses intentions. Veut il venir ici? et à quel titre? Il y sera reçu comme un étranger, qui se distingue par son esprit et les charges qu'il a occupés; mais son esprit est il assez pliant pour être susceptible à se laisser diriger dans un travail aussi important, que c'est celui qu'il veut entreprendre? Vous lui direz, que j'ai reçue sa lettre, son livre que j'ai trouvé charmant, et le prospectus des Mémoires pour servir à l'histoire du Duc de Richelieu; que je connois quelques uns de ses autres ouvrages, entr' autres l'histoire d'Anne de Gonzagues, Princesse Palatine; que je suis très sensible à l'estime qu'il me témoigne, que celle des hônnetes gens a toujours été le but au quel j'ai visée; que je crains bien que ce que j'ai établi chez moi avec connoissance de cause n'aye égaré chez eux ceux dont l'intention étoit de courir la même carrière. Mr. de Meilhau a bien saisi l'esprit de mes instituts, que vous avez ordre de lier connoissance avec lui, afin de vous mettre mieux au fait de ses intentions et de lui être utile, et afin de m'en faire rapport. Qu'il peut bien juger lui-même des difficultés d'écrire l'histoire d'un pays, dont on ignore jusqu'à la langue, dont les usages n'ont pas toujours été ceux de plusieurs autres pays; que pour cela cependant ses usages ne sont dans le fonds pas plus étranges que ceux de bien d'autres peuples; que ce pays cependant seul est capable de remplir les lancunes des histoires des autres pays; qu'a l'envisager autrement, cette histoire seroit manquée. Vous vous appliquerez encore à savoir de lui quelle pourroit être la route, par la quelle il se rendroit ici, afin que les recommandations qu'il demande puissent être envoyées. A la page 37 de son

roman moral, j'ai trouvé lumineux et frappant le trait suivant: „Le pouvoir, „dit il, est comme le vin, qui force à la „revelation du caractère.“ Celui qui a été confié à mr. de Meilhan lui a fait developper le caractère, qui lui a acquit la reputation intacte, laquelle est parvenue jusqu'en Russie. Il est facheux sans doute pour la France, que son état présent la prive des gens de mérite. Jusqu'ici elle brilloit par la splendeur, qu'avoit repandue sur ce royaume le règne de Louis XIV. ·D'autres principes améneront sans doute un autre état des choses, incalculable jusqu'ici, mais si l'anarchie présente de la France se comunnique aux autres états de l'Europe, il n'est pas difficile de prédire que les Turcs seuls en profiteront, et que toute conquête leur en deviendra facile. Vous pourrez faire usage de cette lettre vis à vis de lui, si vous le jugerez à propos. Adieu, portés vous bien. Cathérine.

St. Pétersbourg
Ce 4 Octobre.
1790.

P. S. Vous ne manquerez pas de garder le secret que mr. Meilhan paroit désirer.

Выписано изъ дѣлъ по сношеніямъ Россіи съ Венеціею III. Venise 1790. св. 10.

Донесенія Мордвинова.

I.

Madame!

Honnoré des ordres de votre majesté impériale en date du 16 Décembre dernier vieux style, reçûs le 20 (31) Janvier, pour m-r Senac de Meilhan, je n'aurois pas manqué d'en faire tout de suite mon très humble rapport à votre majesté impériale, si je n'eusse crû devoir attendre son retour de Rome, pour où il est parti il·y a près de deux moix. Suivant ses lettres il devoit être ici d'un momment à l'autre, mais aujourd'hui apprenant par sa dernière lettre, qu'il y est retenû par une petite indisposition, je n'hésite plus un instant pour lui faire part de la gracieuse reponse de votre majesté impériale, qui sans doute le mettra à même de revenir ici au plutòt. Dès qu'il sera ici, ce que je crois sera dans peu, je ne manquerai pas de l'engager à presser son voyage pour se rendre aux ordres de votre majesté impériale et lui remettrai les deux mille ducats qui lui sont destinés pour cet objet.

Je suis, madame, de votre majesté impériale le très-fidèle sujet Alexandre Mordwinoff.

Venise.

Ce 5. (16) Février 1791.

Выписано изъ дѣлъ по сношеніямъ Россіи съ Венеціею III Venise 1791. св. II.

Переводъ. Имѣвъ честь получить повелѣнія вашего императорскаго величества, отъ 16 Декабря (по старому стилю), которыя дошли до меня 20 (31) Января, относительно г. Сенака де Мельяна, я не преминулъ бы тотчасъ же препроводить къ вашему императорскому величеству мое нижайшее донесеніе, еслибъ не счелъ себя обязаннымъ дожидаться его возвращенія изъ Рима, куда онъ отправился почти за два мѣсяца предъ симъ. Судя по его письмамъ, онъ долженъ былъ здѣсь быть съ минуты на минуту; но сегодня, видя изъ его послѣдняго письма, что его тамъ удерживаетъ маленькое нездоровье, я, не медля болѣе ни минуты, сообщаю ему милостивый отвѣтъ вашего императорскаго величе-

ства, который безъ сомнѣнія заставитъ его поспѣшить возвращеніемъ сюда. Какъ только онъ будетъ здѣсь,—что̀, я надѣюсь, скоро наступитъ, я не премину предложить ему, чтобъ онъ ускорилъ своимъ путешествіемъ для принятія повелѣній вашего императорскаго величества, .и вручу ему двѣ тысячи дукатовъ, назначенныхъ ему на сей предметъ. Честь имѣю быть, государыня, вашего императорскаго величества вѣрнѣйшимъ подданнымъ. Александръ Мордвиновъ.

Венеція
Сего 5. (16) Февраля 1791.

II.

Madame.

Aussitôt que m-r Senac de Meilhan reçut à Rome ma lettre, par laquelle je lui participois les intentions de votre majesté impériale, il se mit en route sans délai et arriva ici avant hier, très décidé de se dépècher pour se rendre immédiatement à S-t Pétersbourg; mais comme il apprit hier de m-r le marquis de Bombel, ambassadeur de France, qui disoit publiquement être informé de très bonne part, que le ministère de sa cour est intentionné de faire choix de m-r de Meilhan pour relever lui marquis de Bombel ici en qualité d'ambassadeur, ou pour remplacer m-r le cardinal de Berevris à Rome (qui a egalement demandé son congé) cela l'a mis en grand embarras pour quelque tems. Cependant d' un côté les avantages attachés à un poste aussi flatteur que sa patrie se propose de lui offrir, et de l'autre la haute admiration et le devouement qu'il nourrit pour vous, madame, ces derniers sentiments ont emporté sur lui, et il se dispose de quitter Venise en six ou sept jours pour se rendre aux ordres de votre majesté impériale. En consequence je lui ai remis les deux mille séquins, que vous lui avez, madame, destiné pour cet objet, et lui m'a chargé de sa lettre ci-jointe, pour l'accompagner au pied du trône de votre majesté impériale. Je suis, madame, de votre majesté impériale le très-fidèle sujet Alexandre Mordwinoff.

Venise, ce 16/27 Février
1791

Выписано оттуда же.

Пер. Государыня! Лишь только г. Сенакъ де Мельянъ получилъ въ Римѣ мое письмо, въ которомъ я сообщилъ ему намѣренія вашего императорскаго величества, тотчасъ-же немедленно пустился въ путь и прибылъ сюда третьяго дня, твердо рѣшившись безъ всякаго отлагательства отправиться прямо въ С.-Петербургъ. Но такъ какъ вчера онъ узналъ отъ г. маркиза де Бомбеля, французскаго посланика,—который публично говорилъ, что это извѣстіе получилъ изъ вѣрныхъ рукъ,—узналъ, что министерство его двора, по случаю увольненія его, маркиза де Бомбеля, намѣрено избрать г. де Мелана на его мѣсто въ качествѣ здѣшняго посланника, или же назначить въ Римъ, на мѣсто г. кардинала де Береври, который также просилъ объ отставкѣ, то это извѣстіе привело его на нѣкоторое время въ большое замѣшательство. Однакожъ, онъ взвѣсилъ съ одной стороны выгоды, соединенныя съ постомъ, столь лестнымъ, который хочетъ предложить ему отечество, а съ другой—высокое удивленіе и преданность, которыя онъ питаетъ къ вамъ, государыня; эти послѣднія чувства одержали надъ нимъ верхъ, и онъ располагается черезъ шесть или семь дней оставить Венецію, и отправиться согласно повелѣніямъ вашего императорскаго величества. За тѣмъ я вручилъ ему двѣ тысячи цехиновъ, которые вы, государыня, ему назначили на этотъ предметъ, и онъ далъ мнѣ приложенное здѣсь письмо свое, чтобъ оно сопутствовало ему къ подножію трона вашего императорскаго величества. Честь имѣю быть, государыня, вашего императорскаго вели-

чества вѣрнѣйшій подданный Александръ Мордвиновъ.

Венеція.

Сего $^{16}/_{27}$ Февраля 1791 года.

6 Мая 1791 года Сенакъ де Мельянъ былъ представленъ императрицѣ въ С.-Петербургѣ въ Эрмитажѣ, и послѣ обѣда былъ болѣе часу у ея величества; а въ Августѣ получено объ немъ письмо изъ Карлсруэ отъ графа Н. П. Румянцева, — того самаго, попеченіями коего устроенъ *Музей на благое просвѣщеніе въ Россіи*, служащій нынѣ однимъ изъ лучшихъ украшеній Москвы. Письмо это мы также печатаемъ здѣсь въ подлинникѣ и переводѣ.

Madame.

J'ai reçu les ordres que vôtre majesté me donne touchant monsieur de Meilhan. Je m'appliquerai à y obeir et j'y mettrai tout mon zèle; mais pour commencer il a fallu que je le déterre. Je viens d'apprendre, madame, qu'étant aux eaux de Carlsbad il avoit trouvé remède à tout dans un ouvrage sur la manière de pacifier la France; il l'a montré au prince Henry, et à cette distance où nous sommes, madame, il jettoit, dit on, les yeux sur moi, pour que je deviens l'apôtre de son evangile politique; mais il a mieux rencontré. Le comte de Trautmansdorf en a rendu compte à monsieur le prince de Kaunitz, et celui- ci l'a fait chercher lui- même par courrier; par consequent monsieur de Meilhan est occupé aujourd'hui, madame, à en doctriner le cabinet de Vienne et à lui apprendre comment dans un pays où tout est culbuté jusqu'aux idées, il est aisé de contenter tout le monde.

J'ai vu monsieur de Meilhan avant les maleurs de la France, et ce ne fut pour ainsi dire qu'un instant; l'opinion qui m'en est restée était que c'étoit un bel esprit, et non pas un bon esprit. Ce que votre majesté impériale a daignée m'en dire me le confirme. Ma mauvaise étoile a voulu que pendant son séjour à Francfort je ne m'y suis pas trouvé.

Je suis avec la plus profonde veneration, madame, de votre majesté impériale le très humble, très obeissant et très fidèle serviteur et sujet, le comte de Roumanzoff. A Carlsruhe le 26 Juillet (6 Aout) 1791.

Государыня!

Я получилъ повелѣнія, данныя мнѣ вашимъ императорскимъ величествомъ, касательно господина де Мельяна, и постараюсь ревностно ихъ исполнить; но сначала нужно было мнѣ отыскать его. Я узналъ, государыня, что бывши въ Карлсбадѣ на водахъ, онъ нашелъ лѣкарство на все въ сочиненіи о способѣ умиротворить Францію; лѣкарство это онъ показалъ принцу Генриху, и на такой дистанціи, какая насъ раздѣляетъ, государыня, бросалъ, говорятъ, взоры и на меня, чтобы сдѣлать меня апостоломъ его политическаго евангелія; но онъ встрѣтилъ нѣчто лучшее: графъ де Траутмансдорфъ подалъ о немъ представленіе принцу де Кауницъ, и этотъ послѣдній черезъ курьера приказалъ отыскать лично самого г. де Мельяна. Въ слѣдствіе того г. де Мельянъ въ настоящую минуту занимается, государыня, обученіемъ Вѣнскаго кабинета и преподаетъ ему, какъ въ такой странѣ, гдѣ все, даже и самыя идеи, перевернуто вверхъ дномъ, легко всѣхъ удовлетворить.

Я видѣлъ г. де Мельяна еще до наступленія бѣдствій во Франціи, и то только, можно сказать, на минуту; мнѣніе же, какое осталось у меня объ немъ, было то, что это блестящій умъ, но не основательный умъ. То, что̀ ваше императорское величество удостоили сказать мнѣ о немъ, служитъ для меня подтвержденіемъ тому. Злая звѣзда моя хотѣ-

ла, чтобъ меня не было во Франкфуртѣ въ то время, какъ онъ былъ тамъ.

Честь имѣю пребыть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, государыня, вашего императорскаго величества нижайшимъ, покорнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ слугою и подданнымъ графъ Румянцовъ. Карлсруэ.

26 Іюля (6 Августа) 1791.

Мы уже видѣли, что Сенакъ де Мельянъ приготовлялся писать Исторію Россіи и что онъ уже написалъ къ ней „Введеніе".

Въ Запискахъ Храповицкаго сообщаются нѣкоторыя краткія замѣтки о Мельянѣ. Храповицкій называетъ его человѣкомъ ученымъ (homme lettré) и свѣдущимъ въ финансахъ (стр. 242). Далѣе (стр. 243) онъ сообщаетъ не совсѣмъ выгодный для Мельяна, характеристичный отзывъ о немъ императрицы при чтеніи одного письма его: „Охъ, скучно — il tient trop aux principes français," (онъ слишкомъ французскаго направленія). Не смотря на то, императрица вела съ нимъ переписку по французскимъ дѣламъ, и (стр. 288) ему назначена была пенсія, по 500 рублей въ мѣсяцъ.

1791 г. Іюня 29 у Храповицкаго отмѣчено: „Ея величество сказывать изволила, по увѣдомленію Алопеуса изъ Берлина, что король Французскій, въ препровожденіи 8 т. дворянъ, съ королевою и всею фамиліею, $^{9}/_{20}$ Іюня, выѣхалъ изъ Парижа, и достигъ Mont Denis; должно быть Monmedy. О семъ посланы письма къ принцу Нассау и къ Senac de Meilhan" [4]).

Приводимые ниже документы подтверждаютъ вполнѣ точность Записокъ Храповицкаго.

Печатаемъ въ подлинникѣ донесеніе Алопеуса изъ Берлина, отъ $^{18}/_{29}$ ч., на имя гр. Остермана, полученное 28 Іюня.

A s. e. le comte d'Ostermann.

Monseigneur. Hier au soir a été reçu ici la nouvelle que Louis XVI, étant parvenu à la fin à sortir de sa captivité, a quitté Paris avec la reine, le daufin, monsieur et madame. Les circonstances qu'on connoit jusqu'ici de son évasion et que je tiens de mr. le baron de Roll qui en a reçu l'information du comte d'Artois, se reduisent à ce qu'il suit.

Monsieur étant arrivé à Mons en a depêché dans l'instant un courrier au comte d'Artois qui est arrivé le $^{13}/_{24}$ de Juin à Coblence. Ce prince a alors envoyé un exprès à l'electeur de Mayence pour l'instruire de l'événement et pour le prier de faire passer une lettre au baron de Roll, que celui-ci a reçu hier au soir par un courrier extraordinaire, depêché au comte de Gatzfeldt ministre de Mayence à cette cour. Le comte d'Artois écrit à mr. de Roll qu'il n'a que le tems de l'informer que le roi son frère a quitté Paris le $^{9}/_{20}$ de Juin, qu'il est arrivé à Montmedy, pas loin de Luxembourg, accompagné de huit mille gentilhommes françois et qu'il attendoit à tout instant mr. de Bouillé qui devoit le joindre; que c'étoient les seules particularités qu'il avoit apprises jusqu'ici par le comte de Provence qui se trouvoit avec madame à Mons; que lui, le comte d'Artois, alloit partir dans l'instant pour Montmedy et que le baron de Roll devoit rester encore ici jusqu'à l'entrée de nouvelles directions.

Переводъ. Милостивѣйшій государь! Вчера вечеромъ получено извѣстіе, что Людовикъ XVI, найдя наконецъ возможность высвободиться изъ плѣна, выѣхалъ изъ Парижа вмѣстѣ съ королевою, дофиномъ, братомъ и невѣсткою. Обстоятельства, сопровождавшія это бѣгство, на сколько они пока извѣстны, и сколько я знаю о нихъ отъ г. барона де Ролля, получившаго это свѣдѣніе отъ графа д'Артуа, всѣ заключаются въ слѣдующемъ.

Прибывши въ Монсъ, братъ короля поспѣшилъ немедленно отправить курьера къ графу д'Артуа, и тотъ прибылъ

(4) Пам. Зап. Храповицкаго, стр. 244.

въ Кобленцъ $^{13}/_{24}$ Іюня. За тѣмъ, этотъ принцъ послалъ нарочнаго къ курфирсту Майнцкому съ извѣстіемъ о случившемся и съ просьбою о передачѣ письма барону Роллю, которое этотъ послѣдній и получилъ вчера вечеромъ съ чрезвычайнымъ курьеромъ, отправленнымъ къ графу Гатцфельдту, Майнцкому посланнику при здѣшнемъ дворѣ. Графъ д'Артуа пишетъ г-ну де Роллю, что онъ не можетъ успѣть сообщить ему ничего болѣе, какъ только то, что король, братъ его, выѣхалъ изъ Парижа $^{9}/_{20}$ Іюня; что онъ доѣхалъ до Монмеди, объѣхавъ Люксембургъ, въ сопровожденіи восьми тысячъ французскихъ дворянъ, и съ минуты на минуту поджидаетъ г. де Буйе, который долженъ къ нему присоединиться; что въ этомъ состоитъ все, что̀ до сихъ поръ онъ могъ узнать чрезъ графа Прованскаго, находившагося съ графинею въ Монсѣ; что самъ онъ, графъ д'Артуа, спѣшитъ немедленно къ Монмеди, а баронъ де Ролль долженъ пока оставаться здѣсь, въ ожиданіи новаго исхода дѣлъ".

Извѣщая объ этомъ событіи принца Нассаускаго, императрица препроводила къ нему слѣдующее собственноручное письмо:

Mon prince. Le $^{9}/_{20}$ de Juin, le roi Louis XVI, la reine, le dauphin, monsieur et madame sont sortis de Paris et sont heureusement arrivés, monsieur et madame à Mons, le roi à Montmedi, accompagné de huit mille gentilshommes français. Monsieur a mandé cette bonne nouvelle de Mons à m-r le c-te d'Artois, qui de Coblenz allait se rendre à Montmedi pour joindre le roi son frère. Le marquis de La Fayette doit avoir connivé au départ du roi. M-r le c-te d'Artois doit avoir mandé cette nouvelle à un mons. de Roll, qui est son agent à Berlin: c'est de la bouche de celui-ci que vient cet avis.

Adieu, portez-vous bien.

Ce 29 Juin 1791.

Перев. „Принцъ. $^{9}/_{20}$ Іюня, король Людовикъ XVI, королева, дофинъ, братъ и невѣстка короля, выѣхали изъ Парижа, и благополучно прибыли, братъ и невѣстка короля въ Монсъ, а король въ Монмеди, сопровождаемый 8 т. французскихъ дворянъ. Братъ короля сообщилъ эту радостную вѣсть изъ Монса г. графу д'Артуа, который изъ Кобленца ѣдетъ въ Монмеди, чтобы присоединиться къ королю, своему брату. Должно думать, что маркизъ де-Лафайетъ оказалъ содѣйствіе на счетъ отъѣзда короля. Графъ д'Артуа сообщилъ объ этомъ изъ Монса къ нѣкоему Роллю, который состоитъ агентомъ его въ Берлинѣ: отъ него-то и получено это свѣдѣніе.

Прощайте, будьте здоровы.

Сего 29 іюня 1791.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, императрица отправила тогожъ числа собственноручное же письмо, съ такимъ же извѣстіемъ, къ Мельяну. Приводимъ здѣсь благодарственный отвѣтъ Мельяна императрицѣ, писанный въ тотъ же день.

Ce dimanche 29 (Juin) 2 heures après midi.

Madame.

Je ne puis exprimer à votre majesté impériale l'effet qu'a produit sur moy la lettre dont elle m'a honoré. A l' extrême satisfaction dont elle me pénétre se joint celle de tenir d'une main auguste la plus heureuse, la plus grande nouvelle. Je fais mille et mille fois à genoux mes remercicements à votre majesté impériale de sa bonté. J'etois malade depuis deux jours, je reprends des forces, je suis ranimé, et je songe avec délices que c'est le jour de *la S-t. Pierre* qu'une aussi agréable nouvelle me parvient. J'ai toujours pensé que la contrerevolution etoit faite dans *les esprits*; mais que tant que le roy seroit captif, elle ne pourroit s'operer sans le plus *grand danger*

pour sa personne et celle de la reine. A présent les choses vont prendre une tournure semblable à celle dont il y a mille exemples dans l'histoire: voila une guerre civile et deux partis. Le premier *noyau* formé, l'etendart royal deployé, le roy aura vingt, trente mille hommes devoués à son service, prêts à perir pour luy. Voila ce que j'ai pensé et ce que j'ai dit à mr. le prince de Nassau et autres; mais j'avoue aussi que je regardois comme bien difficile l'evasion du roy au milieu d'une multitude armée et que je pensois avec fremissement aux effets d'une entreprise mal concertée. La noblesse est désespérée, les peuples sont las en general, les gens religieux consternés, les capitalistes effrayés, tous ceux qui tiennent au trône par sentiment politique, par un attachement profond à une race qui régne depuis mille ans, par intêret enfin, sont dans l'abbattement. Les legistes subalternes, les municipaux, les paysans de quelques cantons qui se trouvent flattés de participer aux affaires, de n'avoir plus de seigneurs, voila ceux qui feront des efforts pour empêcher le retablissement de l'ordre ancien. L'aspect que Paris aura montré au moment de la nouvelle du depart du roy, les divers sentiments qui se seront manifestés dans cette capitale et les grandes villes, peuvent servir infiniment pour prognostiquer l'avenir. Je ne scois (s'il est permis de mêler les petites choses aux grandes) ce que dit en ce moment Edmond Genest; les sentiments de ce fat subalterne enté ([5]) sur un sot, m'ont donné une telle aversion, que je luy dis presque des sottises, quand je le rencontre, ou du moins je le fais appercevoir des bêtises qu'il dit. On m'a mandé il y a dix ou douxe jours: „On pense généralement que l'impératrice de Russie, après avoir fait sa paix avec les Turcs, „s'occupera de rétablir les affaires de „France et que c'est d'elle que dépend „la destinée de cet empire.“

Je désirerois avoir l'honneur de voir votre majesté impériale un quart d'heure et je luy demande de daigner m'acocorder cette faveur. J'ai reçu joint à sa precieuse lettre l'état sur l'histoire de Russie, mais je n'ai pas la faculté de m'occuper d'autre chose que du grand événement dont elle daigne me faire part et de la bonté qu'elle a eu de songer à moi dans cette circonstance. Je suis avec un profond respect, de votre majesté impériale le très humble, très obeissant serviteur de Meilhan.

La délivrance heureuse d'un roy dont les ancêtres sont assis depuis mille ans sur l'un des plus grands trônes de l'univers et qui n'a jamais montré que de la bonté; d'une reine, qui conte tant d'empéreurs pour ayeux, qui est fille de l'auguste Marie Therèse, d'une reine belle, jeune, aimable, qui a montré au milieu des plus sanglantes catastrophes le plus grand courage; enfin la délivrance de l'héritier du trône, de sa soeur, du frère du monarque, présente un événement dont il y a peu d'exemples dans l'histoire. Je dois tout ce que je suis au roy, à son grand père, et j'étois honoré des bontés particulières du dauphin, son pere; enfin je suis commissaire du roy, son répresentant dans deux provinces, membre de son conseil: ne puis-je pas à tous ces titres manifester ma joye publiquement dans une si heureuse circonstance, et sa majesté impé-

---

([5]) Ente s. f. t. d'agricult; greffe; une scion d'arbre, lorsqu'il est greffé sur un autre arbre. Une belle ente. Faire une ente. Faire des entes. Voyez Dictionnaire de l'Academie Française. Sixième edition, publiée en 1835.

riale approuveroit elle que je donne une fête en réjouissance d'un si grand évènement? Dans ce cas j'oserois luy demander de me faire donner un local, et je sacrifierois volontiers une partie de ce qui me reste pour célébrer ce grand jour. Il me semble qu'un sujet zelé peut dans tous les pays démontrer publiquement sa joye des évènements qui intéressent son souverain. Je soumets cette idée, que mon coeur m'inspire, à sa majesté impériale, que sa magnanimité et sa sensibilité apprécieront.

Воскресенье 29, два часа по полудни.

Пер. Государыня. Я не могу выразить вашему императорскому величеству дѣйствія, произведеннаго на меня письмомъ, котораго вы меня удостоили. Къ величайшему удовольствію, которымъ проникнутъ я вслѣдствіе полученія этого письма, присоединяется еще другое,— то, что мнѣ сообщено августѣйшею рукою чрезвычайно счастливое, чрезвычайно важное извѣстіе. Тысячу и тысячу разъ на колѣняхъ приношу вашему императорскому величеству мою благодарность за вашу доброту. Два дня я былъ нездоровъ, но теперь мои силы возвращаются, я ожилъ, и сладостно думать мнѣ, что такое пріятное извѣстіе пришло ко мнѣ именно въ день *Св. Петра*(6). Я всегда былъ той мысли, что *въ умахъ* совершилась контрреволюція, но что, пока король былъ плѣнникомъ, приведеніе ея въ исполненіе соединено было съ *величайшею опасностію* для его особы и для особы королевы. Теперь дѣла должны принять оборотъ, подобный тѣмъ, какимъ есть тысячи примѣровъ въ исторіи: гражданская война и двѣ воюющія стороны; лишь только образуется первая *скорлупа*, разовьется королевское знамя, король будетъ имѣть 20, 30 тыс. человѣкъ преданныхъ его дѣлу, готовыхъ погибнуть для него. Вотъ что думалъ я, и что говорилъ принцу Нассау и другимъ; но признаюсь также, что бѣгство короля изъ среды многочисленной вооруженной толпы считалъ я дѣломъ очень труднымъ, и что я трепеталъ при мысли о слѣдствіяхъ, еслибъ предпріятіе не удалось. Дворянство въ отчаяніи, народъ вообще въ уныніи, люди религіозные упали духомъ, капиталисты въ ужасѣ; всѣ тѣ, кому дорогъ тронъ, по чувству ли политики, или въ слѣдствіе глубокой привязанности къ династіи, царствующей уже тысячу лѣтъ, или наконецъ въ слѣдствіе чувства корысти,—всѣ они лишились бодрости. Второстепенные чиновники, горожане, крестьяне нѣкоторыхъ кантоновъ, которые находятъ для себя лестнымъ принимать участіе въ дѣлахъ, и не имѣть болѣе надъ собою начальниковъ,—эти люди будутъ дѣлать усилія къ тому, чтобъ воспрепятствовать возстановленію прежняго порядка вещей. Зрѣлище, какое представитъ Парижъ въ минуту полученія извѣстія объ отъѣздѣ короля, разнообразныя чувства, кои обнаружатся въ этой столицѣ и въ большихъ городахъ, могутъ послужить къ безконечно-разнообразнымъ гаданіямъ относительно будущаго. Я не знаю (если мелочи можно мѣшать съ дѣлами важными), что̀ говоритъ въ эту минуту Едмондъ Жене (Genest); чувства этого ничтожнаго фата, къ которому *привита* (7) еще глупость, возбудили во мнѣ такое отвращеніе, что я при встрѣчѣ съ нимъ, говорю ему почти дерзости, или по крайней мѣрѣ обнаруживаю въ его глазахъ тѣ глупости, которыя онъ самъ говоритъ. Десять или двѣнадцать дней тому назадъ, я слышалъ что „вообще думаютъ, что Русская императрица, по заключеніи мира съ турками, займется возстановленіемъ по-

(6) Вѣроятно намекъ на выше названное сочиненіе Мельяна: „Сравненіе св. Петра съ Екатериной.“

(7) *Enté* привитый. Собственно это выраженіе относится къ прививкѣ деревьевъ. Кто этотъ *Жене*, намъ не извѣстно.

рядка во Франціи, и что отъ нея зависитъ судьба этого государства."

Желалъ бы я имѣть честь видѣть ваше императорское величество на одну четверть часа, и прошу васъ удостоить меня этой чести. Приложенный къ драгоцѣнному письму вашему указатель исторіи Россіи я получилъ; но теперь я не въ состояніи заниматься ничѣмъ другимъ, кромѣ того великаго событія, о которомъ вы удостоили меня извѣстить, и того милостиваго вниманія, которое побудило васъ вспомнить при этомъ обо мнѣ. Съ глубокимъ благоговѣніемъ честь имѣю быть в. и. в. нижайшимъ, покорнѣйшимъ слугою. де Мельянъ.

Благополучное освобожденіе короля, коего предки тысячу лѣтъ занимали одинъ изъ величайшихъ престоловъ вселенной, и который всегда обнаруживалъ только доброту свою, — освобожденіе королевы, которая столькихъ императоровъ считаетъ своими предками, которая — дочь августѣйшей Маріи-Терезіи, королевы прекрасной, юной, любезной, которая среди самыхъ кровавыхъ катастрофъ показала величайшее мужество, наконецъ освобожденіе наслѣдника престола, его сестры, брата монарха, это такого рода событіе, которому мало примѣровъ въ исторіи. Всѣмъ тѣмъ, что я теперь, обязанъ я королю и его дѣду; я пользовался особенными милостями дофина, его родителя; наконецъ я — королевскій коммиссаръ, представитель короля въ двухъ провинціяхъ, членъ его совѣта: по всѣмъ этимъ титуламъ нельзя ли мнѣ публично выразить свою радость, по случаю столь благополучнаго событія, и не позволите ли мнѣ, ваше императорское величество, устроить праздникъ для радостнаго ознаменованія столь великаго событія? Въ этомъ случаѣ я осмѣлился бы просить васъ приказать мнѣ дать помѣщеніе, и я охотно пожертвовалъ бы частью моего имущества для торжественнаго празднованія этого дня. Мнѣ кажется, что вѣрный подданный, во всякой странѣ, можетъ публично выразить свою радость по случаю событій, близко касающихся его государя. Мысль эту, внушенную мнѣ сердцемъ, съ покорностію повергаю на усмотрѣніе вашего императорскаго величества (въ надеждѣ), что она оцѣнена будетъ вашимъ великодушіемъ и чувствительностію.

*

У Храповицкаго мы читаемъ далѣе: „Но къ вечеру узнали, что король 8 т. съ собою не имѣлъ, ѣхалъ переодѣтый подъ чужимъ именемъ и на пути опознали ихъ le maitre de poste de S-t Menehoul et à la poste voisine à Varenne la municipalité et les gardes nationales ихъ поворотили въ Парижъ."

Извѣстіе это подтвердилось сообщеніемъ, полученнымъ 2 Іюня изъ Берлина отъ Алопеуса, гдѣ онъ писалъ слѣдующее:

A s. e. le comte d'Ostermann.

Monseigneur. L'évasion de Louis XVI malheureusement n'a pas eu le succes désiré. Une estafette expédiée de Mayence par mr. de Stein qui y est ministre de cette cour-ci, en a porté avant-hier l'affligeante nouvelle. Le courrier qui devoit en informer le comte d'Artois, mais qui ne l'a plus trouvé à Coblence, a remis ses paquets à l'electeur de Treves que le comte d'Artois à son départ avoit prié d'ouvrir tous ceux qui lui arriveroient. C'est de cette manière que l'electeur de Treves en a eu conoissance, qui s'est haté d'en instruire l'electeur de Mayence. Le ministre de ce dernier à cette cour-ci le comte Gatzfeldt m'ayant communiqué un extrait de lettres qui rend compte de cette malheureuse catastrophe, j'ai l'honneur de le joindre ici. Sa lecture prouvera à votre excellence que les premières nouvelles qu'a eues le comte d'Artois sur l'évasion du roi n'ont pas été exac-

tes en tout point. Non seulement que sa majesté n'etoit pas arrivée encore à Montmedy, elle se trouva sans escorte à S-te Menehoul. Nous savons d'ailleurs par d'autres avis, reçus de frontieres de France, que les gentilhommes qui avaient accompagné léurs majestés n'étoient pas au mombre de huit mille; il n'y en avoit que quelques centaines, et dès qu'on étoit sorti de la forêt de Bondy, ils se sont dispersés afin de ne pas exciter le soupçon, que ce pouvoit être le roi qui se trouva dans la carosse.

Пер. Бѣгство Людовика XVI, по несчастью, не имѣло желаннаго успѣха. Эстафета, отправленная изъ Маинца г. Штейномъ, состоящимъ тамъ въ качествѣ здѣшняго посланника, принесла третьяго дня горестную вѣсть. Курьеръ, который долженъ былъ сообщить объ этомъ графу д'Артуа, но который уже не засталъ его въ Кобленцѣ, вручилъ свои пакеты курфирсту Трирскому, котораго при отъѣздѣ своемъ графъ д'Артуа просилъ распечатывать всѣ пакеты. какіе будутъ приходить на его имя. Этимъ-то путемъ Трирскій курфирстъ и получилъ объ этомъ свѣдѣніе, которое и поспѣшилъ сообщить курфирсту Майнцкому. Выписку изъ писемъ, данную посланникомъ этого курфирста при здѣшнемъ дворѣ, графомъ Гатцфельдтомъ, въ которой сообщается объ этомъ бѣдственномъ случаѣ, я имѣю честь при этомъ присовокупить. Чтеніе этой выписки покажетъ вашему сіятельству, что первыя извѣстія, дошедшія до графа д'Артуа, о бѣгствѣ короля, были нѐ во всемъ вѣрны. Не только его величество не успѣлъ еще доѣхать до Монмеди, но даже и въ С. Менегу онъ былъ безъ прикрытія. Намъ извѣстно также по другимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ съ французской границы, что дворянство, сопровождавшее ихъ величества, состояло не изъ 8 т.; тутъ было всего лишь нѣсколько сотенъ, да и тѣ, при первомъ выѣздѣ изъ Бондійскаго лѣса, тотчасъ же разъѣхались въ разныя стороны, чтобы не возбудить подозрѣнія на счетъ того, что въ каретѣ могъ находиться король.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПИСЬМУ АЛОПЕУСА

Extrait d'une lettre de Coblence dont le contenu est l'extrait des dépêches arrivées au comte d'Artois.

Le roi avec la reine, ses enfans et madame Elisabeth furent ensemble dans une voiture ayant quitté Paris le lundi 20 de Juin. Ils parvinrent heureusement jusqu'à S-t Menehoul, une poste avant Varennes; il prit un besoin urgent au roi qui descendit de voiture. Le fils du maitre de poste l'aynt reconnu, prit tout de suite des prétextes pour retarder qu'il se remit en voiture; ensuite le postillon au lieu de le conduire le vrai chemin prit des detours. Entre tems le maitre de poste de S-te Menehoul envoya un courrier à Varènnes, qui fut le premier endroit où la famille royale devoit passer. On rassembla 4 m. hommes de la garde nationale qui les arretèrent en venant à Varènnes. Mr. de Bouillé ayant appris l'événement se hata d'aller à son secours avec 2 m. hommes; mais en voulant passer la rivière à Chalons le pont fut enlevé. Il n'y eut plus moyen de sauver la famille royale qui fut reconduite à Paris. Du reste l'on ne sait rien.

Vous ne vous faites pas d'idée dans quelle consternation tout le monde est jetté. Hier nos François ne se possedoient pas de joie, aujourd'hui ils sont dans le plus profond désespoir. Les princes de Condé et de Bourbon sont revenus ce matin et ne savent où donner de la tête. On a envoyé au comte d'Artois le chevalier de Saxe en courrier; on suppose qu'il a poursuivi sa route jussu'à mons pour parler à son frere.

Пер. Выписка изъ письма изъ Кобленц

ца, заключающая въ себѣ извлеченіе изъ депешъ, присланныхъ къ графу д'Артуа.

Оставивши Парижъ въ понедѣльникъ, 20 сего Іюня, король съ королевою, ихъ дѣти и герцогиня Елисавета, ѣхали вмѣстѣ въ одной каретѣ. До С-тъ Менегу, т. е. до станціи передъ Варенной, они доѣхали благополучно; тутъ королю потребовалось необходимо выдти изъ кареты. При этомъ сынъ почтмейстера, узнавши его, тотчасъ же сталъ пріискивать предлоги для замедленія ему опять входа въ карету; а за тѣмъ почталіонъ, вмѣсто прямой дороги, поѣхалъ объѣздомъ. Въ то же время почтмейстеръ изъ С-тъ Менегу послалъ курьера въ Варенну, въ это первое мѣстечко, которымъ должно было проѣзжать королевское семейство. Тутъ собрали 4 т. человѣкъ національной гвардіи, которая и остановила ихъ на дорогѣ къ Вареннѣ. Узнавши объ этомъ произшествіи, г. де Булье поспѣшилъ къ нему на помощь съ 2 т. человѣкъ, но когда онъ хотѣлъ перейти черезъ рѣку въ Шалонѣ, то мостъ былъ уже разведенъ. Такимъ образомъ не было уже болѣе средствъ спасти королевское семейство, и оно было обратно препровождено въ Парижъ. За тѣмъ, болѣе ничего неизвѣстно.

Вы не можете себѣ вообразить, какимъ поражены всѣ ужасомъ. Вчера наши Французы не могли владѣть собой отъ радости; нынче они въ совершенномъ отчаяніи. Принцы Конде и Бурбонскій воротились нынѣшній день утромъ, и не знаютъ, гдѣ преклонить голову. Къ графу д'Артуа послали курьеромъ кавалера Сакса; думаютъ, что онъ поѣхалъ по дорогѣ къ Монсу для переговоровъ съ своимъ братомъ."

Надѣемся, что не лишено будетъ историческаго интереса и печатаемое вслѣдъ за симъ донесеніе графа Румянцова изъ Франкфурта о томъ же предметѣ.

„Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица Всероссійская. Государыня всемилостивѣйшая.

Все, чтò слѣдуетъ, почерпнуто изъ изустнаго разговора съ особою, которая предстала ко мнѣ при письмѣ друга и начальника своего, уполномочивая меня получить отъ нея о побѣгѣ короля Французскаго вѣрнѣйшее извѣстіе.— Короля склонили бѣжать для того, что императоръ не хотѣлъ вступиться въ дѣло его, доколѣ сей монархъ и королева не будутъ совершенно охранены отъ буйства Парижской черни.—Короля просили тотъ же путь принять, который взялъ братъ его, и, въѣхавъ въ границу Австрійскихъ Нидерландовъ, возвратиться другимъ краемъ ея чрезъ свое государство въ городъ Монмеди; но онъ по упрямству избралъ другой, утверждая, что въ Вареннѣ народомъ любимъ, и имѣетъ въономъ городѣ много сообщниковъ. Не хотѣлъ и на то склониться, чтобы отдѣлить отъ себя дофина и разнымъ съ нимъ путемъ ѣхать. Будучи остановленъ, не позволилъ сообщникамъ никакого супротивленія; и когда обратились они къ королевѣ, то и она сказала: не могу я повелѣть лить кровь подданныхъ нашихъ. — Короля стали просить, чтобъ по малой мѣрѣ медлилъ въ Вареннѣ и далъ время прибыть генералу де Булье, текущему на освобожденіе его; но тутъ монаршаго духа не стало. Онъ отвѣтствовалъ, что онъ въ полону, и что ему уже ни повелѣвать, ни противиться неудобно. Переговоры о побѣгѣ и рѣшительное склоненіе на сіе чинились посредствомъ извѣстнаго графа Ферзена, чтò однако же точно сказать мнѣ вышереченная особа не хотѣла. Нынѣ, признавая неудачу своего предпріятія, ожидаютъ сообщники королевскаго дому помощи отъ всѣхъ Европейскихъ державъ. Братья королевскіе согласились дѣйствовать за одно съ извѣстнымъ ге-

нераломъ, который отправился въ Ахенъ. Г. де Калонъ посланъ въ Англію, а генерала Геймана отправили въ Берлинъ, куда вчерашняго числа онъ и поѣхалъ. Всѣ сіи посылки, дабы извѣдать точно, склонны ли сіи дворы дать пособіе, когда и въ какой силѣ.

Есмь съглубочайшимъ благоговѣніемъ вашего императорскаго величества всенижайшій и всеподданѣйшій Николай графъ Румянцовъ.

Франкфуртъ при Мейнѣ. $^{4}/_{15}$ іюля 1791.

*

Переходимъ теперь къ документамъ, (на которые мы намекнули выше), изъ которыхъ видно, что Мельяну дана была возможность пользоваться матеріалами для составленія Русской исторіи, и что онъ дѣйствительно занимался ею. Документы эти слѣдующіе: 1) письмо графа Безбородки, отъ 23 Іюля 1791 года, къ М. Н. Соколовскому, и 2) письмо самаго Мельяна изъ Гамбурга къ графу Зубову, на которомъ (письмѣ) сдѣланы собственноручныя отмѣтки императрицею Екатериною II.

Въ 1791 году, въ Августѣ мѣсяцѣ де Мельянъ былъ въ Москвѣ, посѣтилъ здѣсь Главный Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и при этомъ передалъ управлявшему тогда Архивомъ Соколовскому письмо слѣдующаго содержанія:

Письмо гр. Безбородки къ Соколовскому

Государь мой Мартынъ Никифоровичъ. Вручитель сего письма г-нъ Сенакъ де Мелганъ, по высочайшему ея императорскаго величества соизволенію, отправился въ Москву, съ тѣмъ, чтобы въ тамошнемъ нашемъ Архивѣ получить списки разныхъ свѣдѣній, къ сочиненію Россійской исторіи нужныхъ, о каковыхъ онъ получилъ отъ ея величества и реэстръ. Исполняя монаршую волю, даю о семъ знать вамъ, государь мой, обще съ прочими вашими сотоварищами, съ тѣмъ, чтобъ вы благоволили подать ему всякое для него потребное пособіе. Впрочемъ за нужное нахожу присовокупить, что г. де-Мелганъ пользуется особливою ея величества милостію, что онъ человѣкъ извѣстный по его сочиненіямъ, что былъ интендантомъ Прованса, а потомъ во Фландріи, готовленъ былъ въ министерство, но происшедшая революція, несходная съ образомъ благоразумныхъ мыслей его, тому воспрепятствовала. Прошу его особливо рекомендовать г-ну Стриттеру, и есмь всегда съ искреннимъ почтеніемъ. Государь мой! вашъ покорный слуга графъ А. Безбородко.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 23-го 1791-го.

(Получено 4 Августа 1791 года).

Письмо де Мельяна изъ Гамбурга къ гр. Зубову.

Monsienr le comte. Permettez que je profite pour me rappeller à votre souvenir du départ de mr. le comte de Capellis, capitaine de vaisseaux, d'une réputation distinguée, qui se rend en Russie pour offrir à sa majesté impériale ses très humbles services. Je suis fort attaché à son oncle mr. le comte d'Angiviliers, homme vertueux et eclairé, et qu'on peut dire avoir été l'amy de l'infortuné Louis Seize; et cette circonstance, jointe à son mérite, le feront sans doute paraître sous un aspect favorable. Mr. votre frère, monsieur le comte, m'a encouragé à écrire à votre excellence, et je profite de l'assurance qu'il m'a donné de ses dispositions en ma faveur pour luy demander, si l'Introduction à l'Histoire de Russie que j'ai eu l'honneur d'adresser à sa majesté impériale, luy

a paru mériter qu'elle favorise la continuation de l'ouvrage. Je me suis depuis plus de deux ans occupé uniquement de cet objet intéressant, et c'est à sa majesté impériale à décider si mes forces sont en quelque proportion avec l'entreprise ([8]). Daignez de grace, monsieur le comte, obtenir que sa majesté veuille bien me faire part de ses intentions, et me mander aussi votre sentiment avec la franchise qui vous caractèrise. Je viens d'achever un ouvrage sur la France qu'on m'assure pouvoir etre utile; c'est un tableau fidèle de ce malheureux pays avant la révolution: il contient les *éléments constitutifs* et les moeurs de la France, le sort *des diverses* conditions, l'origine et *l'influence des parlements*, les privilèges si exagérés de la noblesse et les avantages dont jouissoit le tiers; enfin il fait connoitre particulièrement la douceur du gouvernement, l'amour du roy pour ses peuples, son eloignement pour la dépense, le peu d'importunée de cettes reproches à la reine; enfin il prouve démonstrativement que dans aucun pays la noblesse n'a eu moins de privilèges, et le tiers état plus de moyens d'avancement. Je me suis attaché, monsieur le comte, à faire voir que lors qu'un gouvernement subsiste depuis longtemps dans un pays, on en doit conclure nécessairement, qu'il est assorti au genie des habitans; qu'il ne faut pas s'égarer dans de subtiles distinctions pour juger de la bonté d'un gouvernement d'après de trompeuses définitions, mais scavoir si un peuple est heureux, s'il jouit du calme dans l'intérieur et de quelque considération au dehors; que le bonheur ne consiste pas dans une perpetuelle agitation et à faire ou écouter des harangues, mais que le peuple est heureux partout où l'industrie est animée, la culture en vigueur, le commerce florissant, et qu'il importe peu quand ces infaillibles symptômes de prosperité existent, s'ils dérivent des moeurs qui tempérent le pouvoir des usages, du balancement de divers corps, et de sentiments profondement gravés dans les coeurs ou de ce qu'on appelle une constitution.—Beaucoup d'étrangers sont portés à penser que la cour prodiguoit les trésors de l'état; que le peuple étoit avili et opprimé, et il m'a paru important de fixer les idées à cet égard.

Vous vous étes, monsieur le comte, occupé de l'histoire, objet si digne de l'attention des hommes d'état, celle de France vous est particulierement connue, et vous parlez avec la plus grande facilité la langue françoise, enfin vous avez suivi attentivement la marche de l'étonnante et abominable revoultion que la France éprouve.

D'après cela j'ose vous prier de permettre que l'ouvrage dont je parle en ce moment parroisse *sous vos auspices*; la dédicace que je vous en ferai ne contiendra rien qui puisse embarasser votre modestie; et il doit paroitre naturel qu'on fasse hommage à un homme instruit de l' histoire d'un ouvrage qui traite de la partie qui l'intéresse. J'en retarderai la publication jusqu'à ce que *j'aye reçu votre reponse,* et je préférerais de vous le soumettre à vous même avant de le faire imprimer. Je désire, monsieur le comte, que sa majesté impériale daigne me permettre de me rendre en Russie pour y rassembler tous les materiaux nécessaires pour en écrire l'histoire, si elle veut bien favoriser mon projet; enfin ne songeant plus qu'à terminer paisiblement une vie trop agitée, je désire qu'elle ait l'extrême bonté non de rien ajouter à ses bienfaits, mais de changer la pension qu'elle me fait contre un *petit coin*

([8]) *Notice de sa m. i. Catherine II* „Je lis et j'ai commencée des observations sur cet ouvrage.» T. e. Замѣтка имп. Екатерины: „Я читаю и начала примѣчанія на это сочиненіе".

de terre, ou de m'honorer d'une mission dans les pays étrangers. Il y a plusieurs exemples de pareilles faveurs accordés à des étrangêrs, et quelquefois même sa majesté impériale a deux ministres dans la même cour. A quelque titre que ce soit, monsieur le comte, je voudrois être à l'abry des orages, sous les auspices augustes de Catherine II, et luy consacrer mes faibles talents.

Un autre motif me fait encore désirer d'aller passer quelque temps en Russie: c'est l'attention que je dois au sort de mon fils, et il m'est intéressant de connoitre et ses dispositions et ses vues, dont je ne puis être instruit, et m'assurer dans un aussi grand eloignement (⁹). Je suis venu habiter quelque temps Hambourg pour être plus à portée de rêcevoir des ordres de sa majesté impériale, et j'ose supplier votre excellence de m'y adresser sa reponse par la voye de m-r le baron de Grosse, ministre de Russie. Je suis avec respect de votre excellence le très humble, très obéissant serviteur de Meilhan.

P. S. Je crains bien qu'il ne se soit glissé des erreurs de copiste considérables dan l'ouvrage que j'ai eu l'honneur d'aresser à s. m. impériale. Je joins icy le titre de chapitres de celuy dont je supplie votre exellence d'agréer l'hommage (¹⁰).

Переводъ. Милостивый государь графъ! Чтобъ напомнить вамъ о себѣ, позвольте мнѣ воспользоваться отъѣздомъ капитана флота графа де Капелли, человѣка съ отличной репутаціей, который отправляется въ Россію, чтобы предложить свои покорнѣйшія услуги ея императорскому величеству. Я очень друженъ съ его дядей, графомъ д'Анживилье, человѣкомъ добродѣтельнымъ и просвѣщеннымъ, который, можно сказать, былъ другомъ несчастнаго Людовика XVI; и это обстоятельство, въ соединеніи съ личными его заслугами, безъ сомнѣнія обратитъ на него благосклонное вниманіе. Графъ, братъ вашъ, внушилъ мнѣ смѣлость писать къ вашему сіятельству, и я пользуюсь сообщенною имъ мнѣ увѣренностію въ вашемъ расположеніи въ мою пользу, чтобы спросить васъ, какъ принято „Введеніе въ Исторію Россіи,“ которое я представилъ ея императорскому величеству,—нашла ли его императрица заслуживающимъ на столько вниманія, чтобы она одобрила продолженіе этого труда. Уже болѣе двухъ лѣтъ я занимаюсь единственно этимъ интереснымъ предметомъ, и ея императорскому величеству предлежитъ теперь рѣшить, равномѣрны ли сколько нибудь мои силы съ этимъ предпріятіемъ. Удостойте, ваше сіятельство, принять на себя ходатайство передъ императрицей, чтобы она благоволила извѣстить меня о своихъ намѣреніяхъ, и сообщите при этомъ также и ваше мнѣніе съ откровенностію, которая васъ характеризуетъ. Я только что окончилъ сочиненіе о Франціи, которое, какъ увѣряютъ меня, можетъ принесть пользу. Оно—вѣрная картина этой несчастной страны до революціи. Оно представляетъ составъ правительственныхъ учрежденій и нравы Франціи, судьбу различныхъ сословій, происхожденіе и вліяніе парламентовъ, привиллегіи дворянства, столь преувеличенныя, и тѣ преимущества, коими пользовался простой народъ; оно, въ особенности, даетъ видѣть кротость правительства, любовь короля къ своему народу, его бережливость и незначительность тѣхъ издержекъ, въ которыхъ упрекали королеву; наконецъ оно, со всею очевидностію, доказываетъ, что ни въ какой

(⁹) *Notice de s. m. i. Catherine II:* Il a oublié que le climat ne lui convient pas; mais s'il veut voir son fils, celui-ci plus jeune pourra se rendre chez lui à Hamburg.“ *Переводъ.* Онъ забылъ, что климатъ не по немъ; но если хочетъ видѣться съ сыномъ, пусть молодой человѣкъ поѣдетъ къ нему въ Гамбургъ.

(¹⁰) *Notice de sa m. i. Catherine II.* „Il y en a beaucoup trop pour l'impression.“

странѣ дворянство не имѣло менѣе привиллегій, а среднее сословіе — болѣе средствъ къ своему возвышенію. Я старался, ваше сіятельство, показать, что когда извѣстный образъ правленія долго существуетъ въ извѣстной странѣ, то изъ этого должно заключать, что онъ сообразенъ съ духомъ жителей; что не должно блуждать въ лабиринтѣ утонченныхъ различій, чтобъ судить о достоинствѣ образа правленія по обманчивымъ опредѣленіямъ; но надо знать, счастливъ ли народъ, пользуется ли онъ спокойствіемъ внутри и нѣкоторымъ уваженіемъ извнѣ; что счастье не заключается въ безпрестанной суетѣ и въ публичномъ говореніи или слушаніи рѣчей, но что народъ счастливъ вездѣ, гдѣ оживлена промышленность, гдѣ сильно развито земледѣліе, гдѣ процвѣтаетъ торговля, и что, когда существуютъ эти несомнѣнные признаки народнаго благоденствія, то все равно, изъ нравовъ ли и обычаевъ, смягчающихъ власть, они истекаютъ, или изъ равновѣсія различныхъ элементовъ общества; изъ чувствъ, глубоко напечатленныхъ въ сердцахъ, или изъ того, что̀ называютъ конституціей. Многіе изъ иностранцевъ полагали, что дворъ расточалъ государственную казну, что народъ былъ въ униженіи и угнетеніи, и я счелъ важной необходимостью установить мысли относительно этого предмета. Вы, графъ, занимаетесь исторіей(*),—предметомъ столь достойнымъ вниманія государственныхъ людей, и исторія Франціи въ особенности вамъ знакома; при этомъ съ величайшей легкостью вы говорите по французски, наконецъ внимательно слѣдили за ходомъ ужасной и отвратительной революціи, которую испытываетъ Франція. По всему этому осмѣливаюсь просить у васъ позволенія, чтобъ сочиненіе, о которомъ говорю въ эту минуту, явилось подъ покровительствомъ вашего имени. Посвященіе, которое я при этомъ сдѣлаю вамъ, не будетъ заключать ничего, что̀ бы могло смутить вашу скромность, и должно показаться очень естественнымъ, что человѣку, знающему исторію, посвящается сочиненіе о такой исторической эпохѣ, которая особенно его интересуетъ. Я отложу изданіе его до того времени, *пока получу вашъ отвѣтъ*, и мнѣ хотѣлось бы представить его на ваше личное усмотрѣніе прежде чѣмъ печатать. Я желалъ бы, графъ, чтобъ ея императорское величество благоволила позволить мнѣ пріѣхать въ Россію, въ видахъ собранія матеріаловъ необходимыхъ, для написанія Исторіи. Если угодно ей будетъ благосклонно принять этотъ проектъ, то, не думая больше ни о чемъ, какъ только о спокойномъ концѣ жизни, слишкомъ неспокойной, я желаю, чтобы она оказала мнѣ величайшую милость — не то, чтобы прибавила что-нибудь къ своимъ благодѣяніямъ, но — чтобъ замѣнила пенсіонъ, который она мнѣ жалуетъ, *небольшимъ уголкомъ земли*, или же удостоила меня назначенія въ иностранныя державы. Есть много примѣровъ подобныхъ милостей, оказанныхъ иностранцамъ, и даже случается, что ея императорское величество при одномъ и томъ же дворѣ имѣетъ двухъ министровъ. Съ какими-бы то ни было титулами, я желалъ бы, ваше сіятельство быть въ безопасности отъ бурь, подъ августѣйшимъ покровительствомъ Екатерины II, и ей посвятить мои слабыя способности. Еще есть другое побужденіе, которое заставляетъ меня желать побыть въ Россіи нѣкоторое время,— это забота, которую я обязанъ имѣть о судьбѣ моего сына; мнѣ очень бы хотѣлось знать и его намѣренія и его виды, о которыхъ, при такой отдаленности отъ него, не могу имѣть никакихъ вѣрныхъ извѣстій. Я пріѣхалъ пожить нѣкоторое время въ Гамбургѣ, чтобы быть ближе для полученія приказаній ея императорскаго величества, и осмѣливаюсь просить ваше сіятельство адресовать ко мнѣ отвѣтъ ея чрезъ по-

(*) Сличи политическіе замыслы кн. Зубова въ книжкѣ П. Лебедева „Графы Панины“.

средство Русскаго министра барона де Гросса. Остаюсь вашего сіятельства нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою де Мельянъ.

P. S. Я очень боюсь, не вкралось ли значительныхъ ошибокъ со стороны переписчика въ сочиненіе, которое я имѣлъ честь препроводить къ ея им. величеству; здѣсь прилагаю названія главъ того сочиненія, которое покорнѣйше прошу ваше сіятельство принять, какъ мое вамъ приношеніе.

Собственноручная замѣтка императрицы: „слишкомъ много (ошибокъ) для печати."

Изъ этого письма видимъ, что Сенакъ де Мельянъ, прося графа Зубова сообщить ему мнѣніе императрицы о написанномъ имъ и препровожденномъ къ ней его „Введеніи въ исторію Россіи," хочетъ его увѣрить, что вотъ уже *болѣе двухъ лѣтъ, какъ онъ только и занимается, что этой исторіей*; а между тѣмъ, тутъ же, черезъ нѣсколько строчекъ, самъ того не замѣчая, обличаетъ себя, говоря, что онъ въ это время *кончалъ и только что окончилъ свое сочиненіе о Франціи, именно о состояніи ея до революціи.* Сопоставленіе этихъ двухъ извѣстій даетъ полное право заключать, что Мельянъ, если и занимался тогда Русской исторіей, то по всей вѣроятности слегка, и что, слѣдовательно, труды его по этому предмету не могли имѣть большаго значенія. По смерти его, въ Вѣнѣ осталось довольно значительное количество манускриптовъ, которые находились у аббата Кентцингера. Въ 1809 году они были перевезены въ Парижъ, и четыре года спустя нѣкоторые изъ нихъ были изданы герцогомъ де Леви, а другіе остались не напечатанными ([11]). Нѣтъ ли, въ числѣ ихъ, и трудовъ Сенака по Русской исторіи?

Собственно отъ писемъ С. де Мельяна сохранились у насъ, кромѣ письма его къ императрицѣ, и письма къ графу Зубову, которыя мы привели выше, еще два другія письма къ графу П. А. Зубу, одно изъ Вѣны, а другое изъ Гамбурга. Въ первомъ изъ нихъ, отъ 20 Декабря 1792 г., онъ пишетъ между прочимъ, что есть опасеніе думать, что въ эту минуту Людовикъ XVI уже не существуетъ; что во Франціи изумительное броженіе умовъ: смѣсь невѣрія съ суевѣріемъ; что онъ самъ очень желалъ бы хоть на короткое время еще явиться предъ императрицей и отказался бы отъ всего, чтобъ быть ея подданнымъ, еслибъ только могъ получить какой-нибудь уголокъ земли въ Россіи, или же имѣть отъ императрицы какое нибудь порученіе за границей. Далѣе онъ говоритъ, что посылаетъ ей мемуаръ о ходѣ настоящихъ событій во Франціи, и извѣщаетъ Зубова, что до 15 т. французскаго дворянства, преданнаго дѣлу короля, остаются безъ крова и безъ пищи, тогда какъ одного милліона было бы достаточно для ихъ содержанія, пока до начала войны. Съ своей стороны онъ думаетъ, что очень полезно было бы для Россіи поселить всѣхъ этихъ Французовъ въ Крыму, въ видахъ улучшенія этого края.

При письмѣ этомъ онъ посылаетъ Зубову, какъ знатоку военной исторіи, краткое извлеченіе изъ описанія кампаній Тюреня и, бывшее тогда уже въ печати, свое сочиненіе, въ которомъ онъ помѣстилъ отрывокъ изъ письма Англійскаго короля Генриха VIII.

При другомъ письмѣ, изъ Гамбурга отъ 7 Ноября 1794 г., Мельянъ посылаетъ къ Зубову свое сочиненіе: „Des moeurs, des conditions et du gouvernement Français avant la revolution", при чемъ замѣчаетъ, что далъ бы этому труду гораздо большее развитіе, еслибы онъ получилъ дозволеніе посвятить Зубову.

Во всѣхъ этихъ письмахъ Сенакъ де Мельянъ подписывается просто de Meilhan. Судя по этому, можно думать, что и въ разговорной рѣчи онъ назывался также, для краткости, только де Мельяномъ. При такомъ предположеніи невольно западаетъ мысль: ужъ не этого ли де

([11]) См. La France litteraire, par I. M. Querard. T. IX, p. 48.

Мельяна приняли, по какимъ-нибудь догадкамъ, за брата Робеспьерова, смѣшавши неясные слухи о немъ, какъ объ эмигрантѣ временъ революціи, съ такими же слухами о дѣйствительно жившемъ въ Россіи братѣ другаго главнаго дѣятеля революціи, Марата? Впослѣдствіи эти слухи могли быть перенесены на сына de Meilhan'a, о которомъ мы упомянули выше, и который могъ оставаться постоянно въ Россіи и переѣхать изъ Петербурга въ Кіевъ, гдѣ, какъ говорится въ *Мелочахъ изъ прошлаго*, жилъ и умеръ нѣкто de Meilhan, считавшійся братомъ Робеспьера. При томъ же, на сколько намъ извѣстна біографія этого послѣдняго, мы не можемъ утвердительно сказать, — имѣлъ ли онъ еще какого-нибудь брата, кромѣ того, младшаго Робеспьера (Augustin Bon Joseph), котораго онъ такъ любилъ, и который, какъ извѣстно, подвергся одной съ нимъ участи. Любопытно было бы заглянуть въ Записки сестры ихъ Шарлотты Робеспьеръ (умершей въ 1835 году), которыхъ пока мы не имѣемъ еще подъ рукою; не найдется ли развѣ тамъ какихъ-нибудь указаній для разъясненія этого вопроса. Вѣрно тутъ пока одно, что если и былъ у Робеспьера какой-нибудь малоизвѣстный братъ, бѣжавшій въ Россію, и принявшій фамилію de Meilhan, то фамиліи этой никакъ не могъ онъ производить отъ мѣста своего рожденія, какъ это дѣлалъ г. де Мельянъ въ Кіевѣ, судя объ этомъ по извѣстію, сообщенному въ *Мелочахъ изъ прошлаго*: семейство Робеспьеровъ было не изъ Meilhan'a, а изъ Arras'a [12]), и подлинному брату Робеспьера нельзя же было не знать этого.

Кн. М. Оболенскій.

---

[12]) Cyclopedia of Universal Biografy, by El. Rich, London et Glasgow 1861.

ВОСПОМИНАНІЕ О КНЯЗѢ СМОЛЕНСКОМЪ М. И. ГОЛЕНИЩЕВѢ-КУТУЗОВѢ.

Авторъ этой статьи, нашъ извѣстный агрономъ и заслуженый дѣятель по сельскому хозяйству, *Николай Петровичъ Шишковъ*, находился въ родствѣ и дружескихъ связяхъ съ семействомъ кн. Кутузова: отецъ Н. П. Шишкова Петръ Герасимовичъ и супруга свѣтлѣйшаго кн. Екатерина Ильинишна (урожд. Бибикова) были между собою двоюродные. Кромѣ того сближенію содѣйствовало сосѣдство помѣстій: въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губ., въ селѣ Хрущовѣ, по близости отъ Шишковскаго села Спѣшнева, проживала старшая изъ пяти дочерей свѣтлѣйшаго князя, Прасковья Михаиловна, супруга сенатора Матвѣя Ѳедоровича Толстаго и мать нынѣшняго министра почтъ и телеграфовъ д. т. с. Ивана Матвѣевича Толстаго. Будучи офицеромъ Малороссійскаго Кирасирскаго полка и состоя адъютантомъ при генералѣ Дукѣ, молодой Н. П. Шишковъ до самой сдачи Москвы участвовалъ въ бояхъ 1812 г., лично еще неизвѣстный кн. Кутузову. За тѣмъ, послѣдніе четыре мѣсяца 1812 года, онъ пролежалъ больной, приговариваемый къ смерти докторами, въ полковыхъ фурахъ и лазаретахъ арміи, и уже только въ первыхъ числахъ января 1813 года, снова могъ явиться на службу и прибылъ въ Калишъ, въ главную квартиру кн. Кутузова, съ письмомъ отъ его дочери. Свѣтлѣйшій занималъ самое скромное помѣщеніе. Утромъ Н. П. Шишковъ былъ впущенъ къ нему въ небольшую комнату и засталъ его сидящаго за столомъ съ бумагами въ пудрамантелѣ (это напоминаетъ одѣяніе фельдмаршала Апраксина во время Семилѣтней войны, по описанію Болотова и гр. П. И Панина во время Пугачевскаго бунта, ср. Записки Державина, стр. 99). Кутузовъ, не смотря на свою тучность, тяжеловѣсность и жестокія раны, былъ еще довольно бодръ. Прочитавъ письмо дочери, онъ сталъ распрашивать объ ея житьѣ и своихъ внучатахъ и спросилъ между прочимъ, о какомъ памятникѣ пишетъ ему Прасковья Михаиловна. Дѣло въ томъ, что дочь и зять извѣщали его о своемъ намѣреніи сохранить на всегда то помѣщеніе въ доставшейся имъ подмосковной, Подольскаго уѣзда, гдѣ онъ про-

велъ трое сутокъ по сдачѣ Москвы (чтò и исполнено: вещи и дрожки Кутузова до сихъ поръ цѣлы тамъ). За тѣмъ молодой человѣкъ сталъ откланиваться, какъ вошелъ любимецъ Кутузова гр. П. П. Коновницынъ, тотчасъ узнавшій Н. П. Шишкова. „Вотъ, братецъ, дочь проситъ, чтобы его оставить при главной квартирѣ; да какъ же сдѣлать? Ты знаешь, какое у насъ дѣло!" Кутузовъ держался правила не покровительствовать по службѣ своимъ приближеннымъ и родственникамъ: ни князь Кудашевъ, его зять, ни П. С. Кайсаровъ, довѣреннѣйшее его лице, при немъ не получали особенныхъ отличій. Однако добрый отзывъ Коновницына подѣйствовалъ, и Шишкову велѣно состоять при главной квартирѣ. Вскорѣ прибылъ выпущенный изъ корпуса въ артиллерію Бакунинъ, внукъ уважаемаго свѣтлѣйшимъ Ивана Логиновича Кутузова, женатаго на Авдотьи Ильиничнѣ Бибиковой. Когда молодой офицеръ явился къ свѣтлѣйшему, тотъ спросилъ его, что онъ хочетъ, и получивъ въ отвѣтъ, что хочетъ быть въ гвардіи—князь Кутузовъ, погладивъ его по головкѣ и потрепавъ по щекѣ, сказалъ: «Молодой человѣкъ желаетъ хорошаго», а обратясь къ нему: "послужи, отличись и будешь въ гвардіи!» Тутъ, въ утреннихъ дежурствахъ, молодаго офицера поражало то, что въ комнату свѣтлѣйшаго имѣли входъ безъ доклада и гр. Коновницынъ, и И. Н. Скобелевъ, и даже Михаиловскій-Даниловскій, между тѣмъ какъ кн. П. М. Волконскій, начальникъ штаба арміи, цѣлые часы прохаживался въ залѣ, прежде чѣмъ его позовутъ съ бумагами. Въ Калишѣ Н. П. Шишкову отвели квартиру на городской площади, гдѣ производился разводъ, такъ что онъ могъ быть свидѣтелемъ необыкновеннаго вниманія, которое имп. Александръ Павловичь открыто показывалъ спасителю отечества. Это были предсмертные дни Кутузова.

За дозволеніе сообщить всѣ эти подробности мы обязаны самому автору. *П. Б.*

Отечественная война 1812 года есть уже принадлежность исторіи, и многое, чего не видимъ мы въ описаніяхъ этой войны, откроется потомствомъ, хранящимъ драгоцѣнные матеріалы современниковъ и участниковъ этой славной для отечества войны. Многое пояснится, отстранятся бывшія интриги, и въ полнѣ оцѣнятся заслуги лицъ, дѣйствовавшихъ въ то время.

Бывъ участникомъ великой войны 1812 г. и послѣдующихъ годовъ, находясь нѣкоторое время при главной квартирѣ арміи, и имѣвъ случай видѣть въ оригиналѣ, а позднѣе списать нѣкоторыя письма покойнаго фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго къ его дочери Прасковьѣ Михайловнѣ Толстой (¹) и слышать отъ нея нѣкоторыя подробности, былъ я крайне удивленъ статьею англинскаго агента, находившагося при нашей арміи, сэръ Роберта Вильсона, напечатанной въ Revue de deux Mondes (²). Онъ говоритъ:

«.... 12 декабря (1812 г.) въ Вильнѣ послѣ обыкновеннаго привѣтствія и поздравленія государя императора Александра Павловича со днемъ его рожденія,» государь сказалъ ему: «Теперь вы получите мою полную исповѣдь; я знаю, что фельдмаршалъ (Кутузовъ) ничего не сдѣлалъ того, чтò бы былъ долженъ сдѣлать, ничего не предпринималъ противъ непріятеля, чтò былъ обязанъ; онъ никогда не побѣждалъ иначе, какъ силою; онъ намъ сыгралъ тысячи штучекъ по

(¹) За доставленіе другихъ писемъ свѣтлѣйшаго и князя Кудашева (извѣстнаго партизана) обязанъ я старшему внуку князя Кутузова, генер. маіору Павлу Матвѣевичу Толстому, принявшему фамилію Голенищева-Кутузова-Толстаго. Всѣ письма помѣщаются ниже въ приложеніи. Просимъ обратить вниманіе на числа, когда они были писаны и вспомнить, послѣ какихъ событій они были писаны. Письмо к. Кудашева было на французскомъ языкѣ, здѣсь оно въ переводѣ; на его письмахъ свѣтлѣйшій приписывалъ нѣсколько словъ своею рукою.

(²) 1861 г. книжка 2-я: Le général sir R. Wilson au camp russe en 1812, par *M. E. D. Forgues*, стр. 384. Это статья по поводу вышедшихъ въ тому году Записокъ Вильсона. Русскіе читатели могутъ ознакомиться съ Вильсономъ и его Записками изъ превосходной статьи *Ю. В. Толстаго*, въ Р. Вѣстникѣ 1862, кн. 1-я; къ сожалѣнію авторъ не могъ коснуться бесѣдъ импер. Александра съ генераломъ Вильсономъ въ Вильнѣ. *П. Б.*

турецки. Однако же дворянство московское его поддерживаетъ и настойчиво олицетворяетъ въ немъ отечественную славу этой кампаніи. Чрезъ полчаса я намѣренъ украсить этого человѣка орденомъ св. Георгія 1-го класса, и тѣмъ, признаюсь, отступить отъ всѣхъ правилъ учрежденія этого славнаго ордена, ибо таковое великое отличіе до сего времени не было мною унижено. Я васъ не буду просить быть свидѣтелемъ этого; я былъ бы при васъ нѣкоторымъ образомъ затрудненъ; со всѣмъ тѣмъ я уступаю только необходимости. Отнынѣ я не оставлю своей арміи».

Въ заключеніе императоръ будто бы сказалъ: „онъ старецъ; я буду васъ просить не отказывать ему въ вѣжливости, требующейся въ обществѣ и не отклонять открыто предупрежденія, которыя бы онъ вамъ сдѣлалъ. Я желаю, чтобы съ сего же дня всякое недоброжелательство было уничтожено между вами. Мы начинаемъ новую эру, надобно освятить ее живой признательностію Высшей власти и чувствомъ прощенія всѣмъ".

Вотъ, что̀ пишетъ Вильсонъ. Спрашиваю, должно ли принимать слова англичанина за подлинныя слова императора Александра и на нихъ утвердить мнѣніе о трудахъ и дѣйствіяхъ фельдмаршала князя Кутузова въ отечественную войну 1812 года?

Извѣстно, что покойный государь Александръ Павловичь не благоволилъ къ Кутузову съ самаго проиграннаго Аустерлицкаго сраженія, на которое Кутузовъ не соглашался, и былъ только исполнителемъ диспозиціи австрійскаго генералъ квартирмейстера Вейнротера (³): вина другихъ была приписана ему.

³) Въ послѣдствіи государь, вспоминая объ Аустерлицкомъ сраженіи, сказалъ: я былъ молодъ и неопытенъ; Кутузовъ мнѣ говорилъ, что надобно дѣйствовать иначе; но ему слѣдовало быть въ своихъ мнѣніяхъ настойчивѣе (біографъ кн. Гол. Кутузова Смоленскаго въ Галлереѣ зимняго дворца, томъ III).

Извѣстно, что, не смотря на неоднократныя побѣды Кутузова надъ Турками, государь 31 іюля 1812 года поручилъ ему только всѣ войска, находившіяся въ С. Петербургѣ, Кронштатѣ и Финляндіи, не исключая и морскихъ. Наконецъ 12 августа, послѣ выбора уже кн. Кутузова въ начальники С.-Петербургскаго ополченія, назначенъ онъ главнокомандующимъ всѣми арміями (⁴). При этомъ припоминаю я еще разсказъ драгунскаго офицера, доставившаго письмо свѣтлѣйшаго князя Кутузова изъ Вильны отъ 15 декабря, къ его дочери П. М. Толстой. Въ этомъ письмѣ кн. Кутузовъ пишетъ „отъ него (т. е. отъ посланнаго) услышите обо всемъ." (⁵) Офицеръ этотъ, въ поясненіе краткаго письма, разсказывалъ слѣдующее. „По прибытіи государя въ Вильну, многіе изъ свиты его прославляли дѣйствія Кутузова; другіе же, напротивъ того, не соглашаясь съ ними, утверждали, что онъ ничего не сдѣлалъ, а только счастливо (⁶) исполнилъ планъ Барклая де Толли что̀ могъ бы исполнить и всякой. Какъ имѣвшій многихъ недоброжелателей при государѣ, зная неблагорасположеніе его къ себѣ и принимая это за отголосокъ самаго царя, князь Кутузовъ проговаривалъ, что, можетъ быть его оставятъ опять военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ. Зная хорошо этотъ край, такъ много потерпѣвшій, онъ болѣе, нежели кто другой могъ бы быть тутъ полезнымъ."

Кажется, этимъ маститый нашъ воинъ намекалъ на то, что послѣ двухъ кам-

(⁴) П. М. Толстая, дочь его, расказывала мнѣ, что отецъ ея, возвратившись въ С.-Петербургъ изъ Турціи и не имѣя еще никакого назначенія, часто, запершись въ своемъ кабинетѣ, сиживалъ, задумавшись, по нѣскольку часовъ, имѣя предъ собою карту Россіи, какъ бы предвидя, что будетъ призванъ къ обширной дѣятельности.

(⁵) См. приложеніе IX.

(⁶) „Счастье ослиная голова, говаривалъ Суворовъ. Сего дня счастье, завтра счастье: помилуй Богъ, надобно немножко и ума".

паній, онъ дѣланъ былъ генераломъ-губернаторомъ въ Кіевѣ 1806 и Вильнѣ 1809 года. Государь поспѣшилъ успокоить фельдмаршала еще высокою наградою, возложивъ на него алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго.

И такъ этотъ разсказъ какъ бы нѣкоторымъ образомъ подтверждаетъ слова Вильсона; но безотчетный восторгъ, а еще болѣе того, безотчетное осужденіе того, кто составляетъ достояніе нашей народной славы, требуютъ достовѣрныхъ и непреложныхъ фактовъ, чтобы по справедливости изречь послѣднее слово; и потому необходимо вникнуть во всѣ обстоятельства того времени и лицъ, тогда дѣйствовавшихъ.

Весьма справедливо замѣчено въ біографіи князя Кутузова, что отличительною чертою характера его была скрытность, хитрость и самостоятельность, когда то было нужно, нетерпѣніе чужихъ совѣтовъ. Эта черта его нрава не могла быть пріятна окружавшимъ сподвижникамъ его; никто изъ нихъ не могъ похвалиться его откровенностію, никто не зналъ, что̀ думалъ и предпринималъ Кутузовъ. Правдоподобнѣе всего, что слова Вильсона и говоръ многихъ, желавшихъ унизить заслуги отечеству Кутузова, происходили отъ этой причины. По словамъ князя Репнина „*Кутузовъ доступенъ всякому, но сердце его недоступно никому.*“ Не это ли также причиною того, что со времени назначенія князя Кутозова главнокомандующимъ, въ краткое время его командованія, столько перемѣнилось начальниковъ его штаба? Это тѣмъ болѣе еще видно изъ словъ самаго Вильсона, будто бы сказанныхъ императоромъ „*я желаю, чтобы всякое недоброжелательство было уничтожено между вами.*“ Слѣдовательно оно было, и могло быть причиною выраженій, унижающихъ заслуги князя Кутузова, выраженій, изложенныхъ Вильсономъ уже послѣ кончины императора, при коихъ не было свидѣтелей.

Хотя здѣсь и должна бы опуститься завѣса, какъ такъ изслѣдованія не могутъ простираться за предѣлы гроба великаго монарха и перваго его полководца; однакоже память князя Кутузова для насъ такъ священна, что мы считаемъ долгомъ, основываясь на фактахъ, опровергнуть слова Вильсона, будто бы сказанныя государемъ императоромъ Александромъ I.

Посмотримъ, въ самомъ ли дѣлѣ Александръ, неблаговолившій Кутузову, былъ въ то время объ немъ такого мнѣнія, для чего прослѣдимъ факты.

Вильсонъ говоритъ, что вышеупомянутый разговоръ происходилъ 12 декабря 1812 года; но въ указѣ сенату отъ 6 числа декабря (7), коимъ Кутузову даровано званіе Смоленскаго, послѣ донесенія его, что уже ни одного непріятельскаго воина нѣтъ на землѣ Русской мы видимъ совершенно другое; видимъ: *незабвенныя заслуги, искусныя движенія и многократныя побѣды и проч.* Спрашивается послѣ того, какъ такъ скоро т. е. въ какихъ нибудь шесть дней могло измѣниться мнѣніе государя о Кутузовѣ? Приписать ли это политикѣ Александра Павловича? Но онъ могъ бы совершенно обойтись и безъ дарованія титула *Смоленскаго*, и въ угодность Московскаго дворянства наградить Кутузова только орденомъ св. Георгія 1 класса. Справедливѣе же думаю то, что побѣды Кутузова въ Турціи, славный заключенный имъ миръ (8) и заслуги его въ 1812 году, совершенно отклонили непріязненное чувство Александра I, поспѣшавшаго доказывать это не только высокими наградами фельдмаршала (9), но и

(7) Приложеніе III.

(8) Въ мартѣ 1812 года царь писалъ Кутузову о заключеніи мира и выражался такъ: «слава ваша будетъ вѣчная, всякая потеря времени есть въ настоящихъ обстоятельствахъ совершенное зло; отстраните всѣ побочныя занятія, и съ тѣмъ проницаніемъ, коимъ вы одарены, примитесь сами за сію важную работу“.

(9) Портретомъ 18 іюл. 1811, титуломъ графа 29 октября 1811, свѣтлѣйшаго князя 29 іюля 1812, фельдмаршаломъ и 100 т. августа 30-го, шпагою съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ октя-

особеннымъ къ нему вниманіемъ. Государь посѣщалъ ежедневно слабаго уже здоровьемъ Кутузова во время похода отъ Вильны до Калиша.

Находясь при главной квартирѣ въ города Калишѣ, былъ я свидѣтелемъ того уваженія, какое государь оказывалъ князю Кутузову. При выходѣ къ разводу, государь, поджидая фельдмаршала, дѣлалъ всегда ученье, и всегда, какъ только Кутузовъ выходилъ изъ своей квартиры, бывшей на той же площади, спѣшилъ къ нему на встрѣчу, его обнималъ, и, становясь при разводѣ на правый флангъ, отдавалъ ему честь.

Но все это еще, можетъ быть, не довольно, чтобы не повѣрить словамъ Англичанина Вильсона, заслужившаго въ послѣдствіи громкую репутацію, почему и, разсмотримъ дѣло болѣе подробно.

Вильсонъ влагаетъ въ уста царя: *Кутузовъ ничего не сдѣлалъ того, что̀ бы былъ долженъ сдѣлать.*

Что же долженъ былъ сдѣлать Кутузовъ? *Уничтожить непріятельскую армію?* Кажется, болѣе сего и требовать невозможно отъ главнокомандующаго. Это онъ исполнилъ вполнѣ со славою, что̀ и свидѣтельствуетъ указъ сенату, 6 декабря 1812 года ([10]): (Кутузова) *доведшаго многочисленныя непріятельскія войски до совершеннаго истощенія, истребленія и бѣгства.*

Далѣе: *ничего не предпринималъ противъ непріятеля.* Неужели же жестокая битва при Бородинѣ, веденная искусно фельдмаршаломъ, не послужила первымъ разстройствомъ арміи Наполеона? Неужели фланговой маршъ по сдачѣ Москвы съ Коломенской дороги на старую Калужскую, для прикрытія полуденныхъ губерній Россіи, при чемъ самъ Наполеонъ пять дней не зналъ настоящаго направленія нашей арміи; неужели распоряженіе заранѣе заготовить продовольствіе и другіе запасы арміи по направленію къ Калугѣ; неужели битвы при Чернишинѣ, Маломъ Ярославцѣ и фланговый маршъ на Красное, оттѣснившій непріятельскую армію на разоренный ею же край, битвы при Вязьмѣ и Красномъ, не свидѣтельствуютъ о мудрыхъ соображеніяхъ главнокомандующаго? Пожалуй и все это припишутъ противники исполненію плана Барклая-де-Толли, тогда какъ еще до прибытія арміи въ Тарутинской лагерь на Калужской дорогѣ, князь Кутузовъ писалъ своей дочери, въ 35 верстахъ отъ Москвы 15 сентября, *что Наполеонъ въ Москвѣ долго не останется, и что скоро всѣ наши арміи станутъ дѣйствовать къ одной цѣли* ([11]).

Еще, что: *онъ никогда не побѣждалъ иначе какъ силою.* Какъ это сообразить съ неоднократными побѣдами надъ турками ([12]), потомъ съ самою битвою при Бородинѣ и всей войною противъ огромныхъ силъ союзной арміи Наполеона.

Далѣе пишетъ Вильсонъ: *мы начинаемъ новую эру; надобно освятить ее живою признательностію Высшей власти и чувствомъ прощенія всѣмъ.*

Чтобы это могло значить? Если бы точно такъ и выразился императоръ Александръ I, что это значитъ, какъ не то, что незабвенныя заслуги кн. Кутузова побѣдили неблагорасположеніе его къ нему, подобно какъ къ графу Сакену, которому государь, по взятіи Парижа, сказалъ: *вы побѣдили непріятелей отечества и своихъ собственныхъ.*

Государь императоръ, какъ видно было, желалъ доказать болѣе и болѣе свою благодарность Кутузову, возложивъ на него вскорѣ послѣ 1 класса Георгія, еще алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго, и при переправѣ чрезъ Одеръ въ Штейнау, когда ему поднесли лавровой вѣнокъ, онъ послалъ его Кутузову, *какъ его достояніе.*

Мы ли Русскіе не оцѣнимъ заслугъ князя Кутузова, повѣривъ словамъ Виль-

---

бря 31, князя Смоленскаго 6 декабря 1812 годовъ: и все это въ какіе нибудь 18 мѣсяцевъ.

([10]) Приложеніе № III.

([11]) Приложеніе № IV.

([12]) Приложеніе № I. Рескриптъ генер. отъ инф. Кутузову, гдѣ сказано, что 15 тысячъ храбрыхъ разбили 60 тысячъ турокъ.

сона, когда даже по волѣ короля Прусскаго, въ Бунцлау, гдѣ скончался свѣтлѣйшій, воздвигнутъ памятникъ съ надписью: *До сихъ мѣстъ кн. Кутузовъ Смоленскій довелъ побѣдоносное войско; но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ дѣламъ его. Онъ спасъ отечество и отверзъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословенна память героя*([13]). И дѣйствительно кн. Кутузовъ не могъ лучше окончить свое многотрудное поприще. Онъ не совѣтовалъ идти дальше Эльбы до прибытія резервовъ, говоря: «Очень легкое дѣло идти за Эльбу, но какъ воротимся? рыло въ крови.“ Послѣдствія сраженія при Люценѣ и Бауценѣ его оправдали. Само Провидѣніе, сохранившее жизнь его для спасенія отечества послѣ трехъ тяжелыхъ ранъ въ голову, прекратило дни его во-время со славою. Наконецъ императоръ, писавъ опечаленной вдовѣ кн. Кутузова, въ рескриптѣ своемъ выразился такъ: „*Не одни вы проливаете объ немъ слезы, съ вами плачу я, и плачетъ вся Россія*“.

Чтобы хотя нѣсколько успокоить и утѣшить вдову покойнаго фельдмаршала, государь пожаловалъ 30 августа 1813 года вдовѣ для уплаты долговъ 150 т., а дочерямъ по 50 т. рублей.

Окончу словами его біографа:

„Благодарное отечество никогда не забудетъ заслугъ его; Европа и весь свѣтъ не престанутъ удивляться ему и внесутъ имя его въ число знаменитѣйшихъ полководцевъ“.

Николай Шишковъ.

([13]) Въ семейныхъ преданіяхъ сохранился слухъ, что Кутузовъ въ Вильнѣ сказалъ государю: «Вашъ обѣтъ исполненъ: ни одного непріятельскаго война не осталось на землѣ Русской; теперь остается исполнить и вторую половину обѣта, т. е. положить оружіе».

Кутузовъ могъ не имѣть случая и досуга оцѣнить добрыя стороны въ характерѣ и дѣятельности Вильсона, этого рѣдкаго между Англичанами своею пылкостью человѣка; между тѣмъ по давнишней дипломатической опытности своей, въ бытность при Екатеринѣ посломъ въ Турціи и потомъ во время войны съ Турціею, онъ имѣлъ всю возможность узнать на мѣстѣ коварство англійской политики. Говорятъ, что въ исходѣ 1812, когда Вильсонъ настаивалъ на истребленіи Французовъ, Кутузовъ прямо отозвался ему, что Наполеонъ теперь для Россіи не опасенъ, но слѣдуетъ поберечь его для Англичанъ! *П. Б.*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Высочайшій рескриптъ на имя М. И. Голенищева-Кутузова отъ 18 іюля 1811 года.

Побѣда, одержанная вами надъ верховнымъ визиремъ въ 22 день іюня, покрываетъ васъ новою славою. Большое превосходство силъ непріятельскихъ васъ не остановило; вы желали только ихъ встрѣтить, и опытъ оправдалъ вѣрность вашихъ воинскихъ предусмотрѣній: 15 тысячь храбрыхъ разбили 60 тысячь турокъ. Въ память сего знаменитаго подвига и въ знакъ благодарности отечества, я возлагаю на васъ портретъ мой.

II. Указъ сенату 29 іюля 1812 года.

Въ изъявленіе особеннаго нашего благоволенія къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ нашего генералъ-отъ инфантеріи графа Голенищева-Кутузова, способствовавшаго къ окончанію съ Отоманскою Портою войны и къ заключенія полезнаго мира, предѣлы нашей имперіи распространившаго, возводимъ мы его съ потомствомъ въ княжеское Всероссійской имперіи достоинство, присвояя къ оному титулъ свѣтлости, повелѣвая сенату заготовить на княжеское достоинство дипломъ и поднести къ нашему подписанію.

III. Указъ сенату 6 декабря 1812 г.

Въ память незабвенныхъ заслугъ нашего генералъ-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова, доведшаго многочисленныя непріятельскія войски, искусными движеніями своими и многократными побѣдами, до совершеннаго истощенія, истребленія и бѣгства, особливо же за нанесенное, въ окрестностяхъ Смоленска, сильное врагу пораженіе, за которымъ послѣдовало освобожденіе сего знаменитаго града и поспѣшное преслѣдуемыхъ непріятелей изъ Россіи удаленіе, жалуемъ ему титулъ Смоленскаго, повелѣвая правительствующему сенату заготовить на оный грамоту и внести къ нашему подписанію.

Записки кн. Кутузова къ его дочери Пр. М. Толстой.

IV. 15 сентября, въ 35 верстахъ отъ Москвы.

Мой другъ Парашенька, я васъ никогда не забывалъ и не давно къ вамъ отправилъ курьера. Теперь, и впредь надѣюсь, въ Данковѣ безопасно, а ежели бы приблизились (на что еще никакихъ видимостей нѣтъ) тогда можно вамъ далѣе уѣхать. Я баталію выигралъ прежде Москвы, но надобно сберегать армію, а скоро всѣ наши арміи, то есть Тормазовъ, Чичаговъ, Витгенштейнъ и еще другіе, станутъ дѣйствовать къ одной цѣли, и Наполеонъ долго въ Москвѣ не пробудетъ. Боже васъ всѣхъ благослови! Вѣрный другъ М. Кутузовъ.

Вмѣстѣ съ симъ, князь Кудашевъ съ большею подробностію пишетъ о послѣдствіяхъ перехода съ Рязанской дороги на Калужскую и намекаетъ на будущіе планы фельдмаршала:

„Могу вообразить, мои добрые друзья, въ какомъ безпокойствѣ вы теперь находитесь; ваше письмо, милый и добрый другъ, наполнено такими ужасающими вопросами, что я не хочу отвѣчать ни на одинъ. Посланный четыре дня тому фельдъ-егерь уже сообщилъ вамъ отъ меня всѣ хорошія новости. Теперь, мои друзья, мы прикрываемъ дороги въ Тулу и Калугу, и потому вы въ совершенной безопасности. Непріятель дѣйствительно взялъ направленіе на Коломну до той минуты, покуда не зналъ о нашемъ движеніи; сей часъ мы узнали, что онъ стоитъ противъ насъ, и потому можете судить, что ему нельзя охранять дороги въ Москву, Владиміръ и Ярославль: ибо вамъ не безъизвѣстно, добрые друзья мои, что война ведется для того, чтобы арміи видѣли и соприкасались одна другой“.

V. Октября 1, изъ подъ Тарутина.

Я, слава Богу здоровъ; стоимъ уже двѣ недѣли на одномъ мѣстѣ съ Наполеономъ, смотримъ другъ на друга; наступать выжидаемъ время, между тѣмъ маленькими частями деремся всякой день, и понынѣ все удачно: всякой день беремъ въ полонъ человѣкъ по триста и теряемъ такъ мало, что почти ничего. Кудашевъ разбойничаетъ также съ партіей и два хорошихъ дѣла имѣлъ.

Въ Рязани можете быть покойны: къ вамъ никакой Французъ не зайдетъ.

VI. Октября 8.

Шестаго числа была баталія при Чернишинѣ, я атаковалъ непріятеля—вотъ копія съ реляціи.

VII. Октября 17.

Парашенька, мой другъ, съ Матвѣемъ Ѳедоровичемъ и съ дѣтками, здравствуй.

Я, слава Богу здоровъ; почти дня покоя нѣтъ, непріятель бѣжитъ изъ Москвы и мечется во всѣ стороны, и вездѣ надобно поспѣвать; хотя ему очень тяжело, но и намъ за нимъ бѣгать скучно; теперь онъ уже удираетъ на Смоленскую дорогу. Теперь вы далеко отъ театра и будьте спокойны. Боже васъ благослови!

VIII. Октября 21, за 40 верстъ отъ Вязьмы.

Парашенька, мой другъ, съ Матвѣемъ Ѳедоровичемъ и съ дѣтками, здравствуй. Ѳадей вамъ скажетъ, что я слава Богу здоровъ и гонюсь за Французами. Боже васъ благослови!

IX. Декабря 15 изъ Вильны.

Посылаю къ вамъ того же офицера, который былъ у васъ въ деревнѣ: отъ него услышите обо всемъ. Я, слава Богу, здоровъ и въ удивленіи, что какая то невидимая сила перенесла меня сюда въ тотъ же домъ, въ ту же спальню, на ту же кровать, гдѣ я жилъ не вступно два года назадъ. 22 августа засталъ я армію, скрывающуюся отъ непріятеля, а 6 декабря непріятель съ бѣдными остатками бѣжитъ за границу нашу. Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ. Боже васъ благослови! Вѣрный другъ Мих. Г. Кутузовъ.

12 декабря Государь надѣлъ на меня первый классъ Георгія.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА (*).

II. ЛИТЕРАТУРНЫЯ АРЗАМАЗСКІЯ ШАЛОСТИ.

„Вспомнимъ, не безъ улыбки, и объ нашихъ— сказать-ли? *литературныхъ шалостяхъ*, потому между прочимъ, что въ нихъ не рѣдко бывало много живости и ума". (Слова гр. Д. Н. Блудова на Юбилеѣ кн. Вяземскаго 1861 г.).

1.

Надпись къ портрету.

Се-Росска Флакка зракъ! Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Выспрь быстро, какъ птицъ царь, несъ звукъ на Геликонъ;
Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ чтителя Хвостова,
Кой поле изпестрилъ Россійска красна слова.

(*Сочинена обществомъ молодыхъ любителей Россійской словесности*).

*

2.

Я вижу тѣнь Боброва!
Она передо мной,
Нагая безъ покрова,
Съ заразой и съ чумой!
Сугубымъ вздоромъ дышетъ
И на скрижаляхъ пишетъ
Безсмертные стихи,
Которые въ мѣхи
Богъ вѣтровъ собираетъ
И въ воздухъ выпускаетъ

(*) См. выше, стр. 217—254.

На гибель для пѣвцовъ.
Имъ дышетъ графъ Хвостовъ,
Шихматовъ онымъ дышетъ,
И другъ твой,—если пишетъ
Безъ мыслей кучи словъ.

Батюшковъ.

*

3.

Что пользы, говоритъ разсчетливый Свиньинъ,
Намъ кланяться развалинамъ безплоднымъ
Пальмиры древней, иль Аѳинъ?
Нѣтъ, лучше въ Гру́зино пойду путемъ доходнымъ:
Тамъ кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ.
Оставимъ славы дымъ поэтамъ сумазброднымъ:
Я не поэтъ, а дворянинъ.

Свиньинъ, издатель Отечественныхъ Записокъ, напечаталъ въ журналѣ своемъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, статью о Грузинѣ, помѣстьѣ гр. Аракчеева, и въ стихахъ, служащихъ эпиграфомъ къ сей статьѣ, довольно безцеремонно отзывался о Римѣ, Аѳинахъ и проч. Послѣдній стихъ—пародія стиха Рылѣева:

Я не поэтъ, а гражданинъ.

Пушкинъ очень смѣялся надъ этимъ стихомъ. Не смотря на свой либерализмъ, онъ говорилъ, что если кто пишетъ стихи, то прежде всего долженъ быть поэтомъ: если-же хочетъ просто *гражданствовать*, то пиши прозою. *К. В.*

*

4.

Дѣлами онъ живой покойникъ,
Стихами онъ тиранъ ушей;
По вашему, онъ соловей;
Прибавьте: соловей-разбойникъ.

*

5.

Письмо къ М. Т. Каченовскому, редактору Вѣстника Европы.

Милостивый государь
Михайло Трофимовичь!

Я давно былъ терзаемъ жаждою играть какую-нибудь роль въ области словесности и тысячу ночей просиживалъ, не закрывая глазъ, съ перомъ въ рукѣ, съ желаніемъ писать и въ ожиданіи мыслей. Утро заставало меня съ перомъ въ рукѣ, съ желаніемъ писать, и въ ожиданіи мыслей. Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мнѣ отъ безсонницы и, начиная засыпать, мерещились мнѣ мысли: я кидался съ постели, въ просонкахъ бросался на перо, и, говоря піитическимъ языкомъ, *отрясая сонъ съ своихъ рѣсницъ*, отрясалъ съ нимъ и мысли свои, и опять оставался съ прежнимъ недостаткомъ. Въ уныніи я уже прощался съ надеждою сказать здѣсь нѣкогда хотя пару словъ типографіямъ, прощался съ надеждою получить нѣкогда право гражданства въ сей желанной области, и говорилъ: «Журналы! Вѣстники!, мнѣ навсегда закрыты къ вамъ пути. Я умру, и мое имя останется напечатаннымъ на одихъ визитныхъ карточкахъ, которыя я развозилъ всегда прилежно, потому что съ молодости моей я былъ палимъ благородною страстію напоминать о себѣ вселенной!» Наконецъ послѣдняя книжка Вѣстника Европы подъ № 22-мъ оживила меня и озарила мракъ моего сердца. Напечатанный въ сей книжкѣ приказъ графа П*** въ свои вотчины былъ для меня зарею надежды и удовольствія. Мнѣ открылась возможность приносить иногда жертвы на алтарѣ журналовъ, ибо я имѣю маленькую деревеньку въ Оренбургской губерніи и на каждой недѣлѣ посылаю по два при-

каза къ моему старостѣ, надъ которымъ, признаюсь вамъ чистосердечно, я мстилъ упрямымъ мыслямъ и удовлетворялъ необоримому желанію чернить бѣлую бумагу. Я смѣю надѣяться, милостивый государь, что приказъ, писанный простымъ дворяниномъ къ скромному старостѣ, управляющему 150 душами, не потеряетъ цѣны въ вашихъ безпристрастныхъ глазахъ и будетъ вами принятъ наравнѣ съ повелѣніемъ вельможи къ тучному управителю, повелѣвающему нѣсколькими тысячами душъ. Кто-то сказалъ, что когда Аѳиняне строили флоты, Діогенъ ворочалъ своею бочкою. Не отриньте моего приношенія; дайте мнѣ мѣсто въ своемъ Вѣстникѣ, и я тогда съ восторгомъ благодарности, счастливѣе самагó Діогена, воскликну: я *нашелъ человѣка*.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть ***.

N. N.

Приказъ Семену Гаврилову.

Я получилъ твою отписку и вѣдомости о доходахъ и расходахъ на августъ и сентябрь. Радуюсь, что твой слогъ становится яснѣе и пріятнѣе, и что ты начинаешь знать гдѣ становится *ѣ* и *е*. Это не бездѣлица; я здѣсь знаю одного сенатора и стихотворца, котораго послѣднюю оду прислалъ я къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы ты прочелъ ее предъ міромъ, и который при удивительномъ своемъ дарованіи погрѣшаетъ всегда противъ сихъ буквъ. Но за то недоволенъ я твоими расходами: они всегда велики, а доходы по соразмѣрности всегда малы. Семенъ Гавриловъ! Это стоитъ *ѣ*; пекись о немъ, но пекись и о доходѣ; помни мое наставленіе: соединяй полезное съ пріятнымъ. При томъ же буква *ѣ* гораздо на глаза милѣе въ доходѣ, чѣмъ въ расходѣ. Еще одно слово: твой слогъ все еще шероховатъ, а сколько разъ сказывалъ я тебѣ не брать себѣ въ примѣръ Шихматова. Вели мѣломъ написать на дверяхъ приказной избы:

Смотри, чтобъ гласная, спѣша, не спотыкнулась,
И съ гласною другой въ дорогѣ не столкнулась!
Ты мягкія слова искусно выбирай,
А отъ сліянья злыхъ, какъ можно, убѣгай.

И всякій разъ, что возмешь перо въ пальцы, прочитывай три раза сіи прекрасные стихи, находящіеся въ *Наукѣ о стихотворствѣ*, сочиненной Французомъ Буало Депрео, и которую по дружбѣ своей къ нему графъ Дмитрій Хвостовъ сдѣлалъ одолженіе перевести на русскій языкъ. Впрочемъ я здоровъ, но только не много простудился на дняхъ въ Бесѣдѣ. Надѣюсь скоро что-нибудь сочинить, и вы своего барина увидите печатаннаго, и тогда обѣщаюсь вамъ снять съ васъ оброкъ на два мѣсяца, а если напечатается много, то и на три. Молитесь Богу о томъ: вы вѣрно неусердныя возсылаете молитвы, потому что вотъ уже шестой годъ, какъ я собираюсь сочинять и ничего еще не насочинилъ. Но я не теряю надежды и жду помощи отъ Бога: сенаторъ Захаровъ до старости не писывалъ стиховъ, а теперь вдругъ написалъ оду, изъ которой можно сдѣлать по крайней мѣрѣ шесть. Высылай скорѣе денегъ: я долженъ книгопродавцу 200 рублей, и онъ мнѣ отдыха не даетъ. Ты знаешь, какъ я люблю и уважаю книгопродавцевъ: страшись моей къ нимъ любви.

N. N.

С Петербургъ.

6.

ПРИТЧИ.

Эти притчи писаны въ подражаніе, и сказать можно безъ хвастовства, довольно удачно, притчамъ гр. Хвостова, особенно тѣмъ, которыя заключаются въ

первомъ изданіи, явившемся въ свѣтъ въ первыхъ двухъ-трехъ годахъ текущаго столѣтія (*). Эта книга была нашею настольною и потѣшною книгою въ Арзамасѣ. Жуковскій всегда держалъ ее при себѣ и черпалъ въ ней не рѣдко свои Арзамаскія вдохновенія. Она послужила ему и темою для вступительной рѣчи, при назначеніи его членомъ Арзамаскаго общества. Жуковскій имѣлъ особый даръ отыскивать книги подобнаго рода и наслаждаться ими. Онѣ служили ему врачебнымъ пособіемъ для возбужденія здороваго смѣха, для благорастворенія селезенки, pour épanouir la rate, какъ говорятъ Французы. Помню между прочимъ книгу *Утѣхи меланхоліи*, которая утѣшала и потѣшала насъ до слезъ (**). И теперь нельзя таки жаловаться на совершенный недостатокъ въ глупыхъ сочиненіяхъ; но мы-ли, въ нынѣшнее время, разучились смѣяться надъ глупостями, глупцы-ли разучились быть забавными, а сдѣлались просто скучными и досадными, — но не слыхать уже знакомаго намъ искренняго, радушнаго, звонкаго хохота, возбуждаемаго забавною и безвредною глупостью. Теперь глупецъ идетъ въ коммунисты, въ нигилисты, въ реформаторы, со всѣхъ ногъ перепрыгиваетъ въ передовые люди, и пишетъ тяжелыя статьи въ журналахъ. Глупость и вранье и тутъ на лицѣ, но ничего въ нихъ нѣтъ забавнаго. Глупцы не должны забывать и всегда держаться извѣстнаго стиха:

Les sots sont ici bas pour non menus plaisirs.

А, если они насъ не веселятъ и не потѣшаютъ, то на что же они годятся? *К. В.*

Эпиграфы изъ сочиненій гр. Хвостова.

Я въ царствѣ притченномъ такъ, какъ
пчела летаю.

Мѣшки судебъ Притчи гр. Хвостова.

(*) Избранныя притчи. Спб. 1802. 8°.

(**) Утѣхи Меланхоліи, Россійское сочиненіе А. Ѳ. М. 1802. 8°.

Ослу въ ротъ не вложи разумны
разговоры,
Ни филину, совѣ не дай прекрасны взоры.

Поэма. Притчи гр. Хвостова.

Увѣрь, что звѣри всѣ передъ моимъ
крыльцомъ.

Изъ той же поэмы и того же гр. Хвостова.

Не вздумай по небу кататься на ослахъ.

Все изъ той же поэмы и того же гр. Хвостова.

Словесность на верхи кремнистыхъ горъ
взлетаетъ.

Изъ посланія о пользѣ словесности гр. Хвостова.

Иные разумъ весь включая въ сладость
уха,
Не требуютъ въ стихахъ ни вымысла,
ни духа.

Гр. Хвостова.

Однако не оспоримо то, что притчи есть родъ самостоятельный.

(Изъ примѣчаній гр. Хвост. къ посланіямъ гр. Х.)

И такъ писатель оныя (притчи) необходимо долженъ погрузить свое перо въ совершенную естественность.

Гр. Хвостова.

Кому противно что,
Тому конечно то
Не надо не на что

Прит. Мышь и Орѣхи гр. Хвостова

Какъ хочешь, такъ кусай и злися,
Но только не воняй.

Гр. Хвостовъ.

Павлинымъ гласомъ пѣть, толико не
способно,
Какъ розами клопу запахнуть неудобно.

(Притча Дмитрія Хвостова, изъ Собесѣдника любителей Россійскаго слова 1783 года.)

*

Посвященіе при слѣдующихъ притчахъ.

Непринужденный баснословъ,
Люблю я твой языкъ скотовъ:

Онъ простъ, щеголеватъ и сладокъ,
Парнасса нашего ты приподнялъ упадокъ
И съ елисейскихъ нивъ,
Къ тебѣ, нашъ Лафонтень, твой мастеръ,
Другъ Сумароковъ Музъ кричитъ: не будь лѣнивъ,
Отъ ранъ словесности ты будь надежный пластырь!
Очисти вкусъ:
Скажи невѣждамъ ты и школьникамъ Парнасса,
Чтò тыква, чтò арбузъ,
И чтобъ за нектаръ намъ не выдавали кваса.
Услышь и ты мою мольбу:
Не дую я въ трубу,
Не посажёнъ я Музой въ славной шайкѣ;
А такъ бренчу
На балалайкѣ,
И самъ себѣ я только по плечу.
Но ты, мой меценатъ, взгляни на эти притчи,
Въ нихъ, можетъ быть, найдешь ты много дичи,
Но на себя пѣняй: я бъ ихъ не написалъ,
Когда тебя бы не читалъ.

1. Собака.

Лягавая въ болотѣ
Увязла на охотѣ
И думаетъ себѣ: ну, если бъ былъ здѣсь мостъ,
Я бъ прямо пробѣжала
И со стыдомъ бы здѣсь въ грязи не утопала,
Не грызли бъ мнѣ лягушки хвостъ.
Хоть у собаки умъ и простъ,
Но въ этомъ случаѣ не такъ-то глупо судитъ.
Вдругъ издали плыветъ бревно,
Одно.
Оно
Надежду на душѣ лягавой тотчасъ будитъ.
Великой аргументъ: авось.
И говоритъ себѣ лягавая: не бось!
Приблизилась къ бревну и вотъ ужъ поровнялась,
Собака кое-какъ вдругъ на него взобралась
И сѣла по просту верхомъ.
Потомъ
Собака сдѣлалась гребцомъ,
Гребетъ, гребетъ не веслами, ногами,
И не поетъ, какъ вечерами
Поютъ матросы на Невѣ
Иль матушкѣ-Москвѣ,
А просто лаетъ,
Но къ берегу однакъ счастливо приплываетъ.

—

Учитель лучшій намъ — нужда.
Приди бѣда,
И всякая собака
Не хуже Телемака.

*

2. Мышь.

Въ странѣ, гдѣ пѣнится Иртышъ,
Жила и проживала мышь,
А можетъ быть и крыса.
Она, какъ баба Василиса,
Все веселилася, не думая о томъ,
Что можетъ быть придетъ ей встрѣтиться съ котомъ.
А котъ звѣрокъ извѣстной,
И съ рыла, и съ хвоста премилой, препрелестной,
А попадись ему, такъ будетъ тѣсно.
Мяучетъ котъ, —
А мышь пищитъ и прыгая идетъ
Коту на встрѣчу.
Котъ мышку сжалъ четою лапъ
И въ мигъ ее онъ цапъ-царапъ.

—

Смыслъ басенки моей я вамъ, друзья, замѣчу:
Мы здѣсь живемъ,
Къ бѣдамъ плывемъ;
Рокъ — котъ, мущина — крыса;
А баба всякая такая жъ Василиса.

*

3. Оселъ.

Оселъ мясистой, вислоухой,
Тащася по полю, разъ повстрѣчался съ мухой.

—Здорово, братъ!—
Сеструшичька, здорово!
На нашъ живутъ и звѣри ладъ:
Поклонъ, привѣтъ на случай, все готово;
Но замѣшайся тутъ не то,
Ни братомъ, ни сестрой, никто.
Но далѣе пойти, и смыслъ намъ будетъ ясенъ.
Въ толкъ быль возмемъ и быль подъ рожей басенъ.
Идутъ,
Ползутъ;
Но мухѣ
Ей все—вѣдь въ трудъ;
Соскучилась и вдругъ взлетѣла—и на ухѣ
У осла
Какъ королева прилегла.
Оселъ ей говоритъ: послушай ты, воструха,
Ну, вонъ съ уха,
Я не носилки для тебя.
А муха говоритъ: не слушаюся я.
И въ прямь, что сдѣлаешь съ бѣдою неминучей?
Хоть тяжело, сердись—такъ будетъ круче;
Ты лучше потерпи. И мой оселъ
Поосердяся
Пораскричася,
Но муху на ночлегъ легохонько привелъ.

*

4. Танцовщикъ.

Одинъ Гишпанецъ
Велъ вѣчно танецъ;
И день и ночь
Кувыркается, пляшетъ,
Глазами, головой, рукою, брюхомъ
И съ полу не отходитъ прочь,—
Во всю трясется мочь.
Народъ глядитъ и говоритъ: бѣсовщикъ!
Не правда, онъ простой танцовщикъ.
Ты говоришь ему о братьяхъ, о кумѣ,
О Римскихъ чудесахъ, о Вавилонскомъ садѣ,
А у него фанданго на умѣ.
Народъ глядитъ и говоритъ: въ разладѣ
Гишпанской умъ!
Напрасенъ шумъ!
Гишпанецъ не дуракъ, Гишпанецъ не безбожникъ,
Онъ на свой вкусъ художникъ.

—

О люди, люди! вы
Гишпанцы всѣ, увы!
Мы всѣ, коль разсудить, живемъ безъ головы.
Гишпанцу танцы,
Солдату ранцы,
Скупцу рубли,
Завоевателю клочекъ земли,
Любовнику пріятны глазки —
Не тѣ же ли Гишпански пляски?

*

5. Обжорство.

Одинъ Французъ
Жевалъ арбузъ.
Французъ, хоть и маркизъ французскій
Но жалуетъ вкусъ русскій,
И сладкое глотать онъ не весьма лѣнивъ.
Мужикъ, вскочивши на осину
За обѣ щеки дралъ рябину,
Иль по просту сказать россійскій черносливъ:
Знать онъ въ любви былъ несчастливъ!
Оселъ, увидя то, ослины лупитъ взоры
И лаетъ: воры! воры!
Но нашъ Французъ
Съ рожденья не былъ трусъ;
Мужикъ же тожъ не пѣшка,
И на ослину часть не выпало орѣшка.

—

Здѣсь въ притчѣ кроется толикій узлъ на вкусъ:
Что госпожа ослица,
Хоть съ лаю надорвись, не будетъ въ вѣкъ лисица.

*

6. Дождь.

Однажды
Шелъ дождикъ дважды.

А если дождь идетъ, то знаютъ, что
мокро,
Промокнетъ и ребро.
Но здѣсь не въ этомъ дѣло,
И притченно мое перо
Изобразить не то усердіе имѣло.
Гласитъ мужикъ:
О Зевсъ великъ!
Подъ часъ, и я не прочь, чтобъ дождикъ
шелъ на время,
Но если два дождя, то ужъ несносно
бремя.
Зевесъ ему въ отвѣтъ на то
гремитъ:
Послушай, братъ! ты жидъ,
Но христіанинъ будь, спроси лягушекъ
племя.
Я зрю, что мочится твое плѣшиво темя;
Но зрю, что и съ засухъ у нихъ спина
болитъ.

—

Когда бъ Зевесу внять, что вопіютъ
Нѣмчурки,
Французы, Итальянцы, Турки,
Пришлось ему играть бы въ
жмурки

*

7. Охотникъ и плотникъ.

Въ одномъ лѣсу гулялъ охотникъ,
Тутъ былъ и плотникъ,
Иль если правильнѣй сказать, то
дровосѣкъ.
Но нѣтъ бѣды! Вѣдь онъ такой же
человѣкъ.
Читатели простятъ, я не грамматикъ,
А просто баснословъ-лунатикъ.
Къ тому жъ, съ кѣмъ Муза здѣсь
дружна,
Тотъ знаетъ, что подъ часъ намъ рифма
солона,
Горька, какъ рѣдька.
Поэтъ, коль разсудить, безчастный
право Ѳедька.
Но ба, ба! имянной указъ,
Такого-то числа и году,
Отъ Феба Пиндскому народу:
Намъ дѣлать не велитъ отводу,
А просто продолжать начатый разъ
Разсказъ.
Сей часъ,
Мой милостивый Фебъ! Прости, впередъ
не буду
И твой приказъ
Я не забуду.
Воротимся жъ въ свой лѣсъ,
Гдѣ встрѣтимъ мы своихъ повѣсъ.
Одинъ изъ нихъ въ овчинной буркѣ
Былъ съ топоромъ,
Другой, въ зеленой курткѣ
Съ ружьемъ.
Одинъ пилитъ себѣ покойно ёлку,
Другой на ней завидя перепёлку,
Кричитъ: постой
Негодникъ злой!
Ты видишь, я здѣсь забавляюсь
И самъ стрѣлять на ёлку попускаюсь,
Дороже топора ружье.
А тотъ, мужикъ хоть неучтивый,
Но смысломъ справедливый
Сказалъ ему: вранье.
Я здѣсь дрова рублю отцу на новоселье,
Я дѣло дѣлаю, а ты бездѣлье.

—

Читатели мои!
Какъ чванство гордое, ни чванься, ни
сопи,
Полезному всегда забава уступи.

*

8. Лисица, волкъ и медвѣдь.

Лисица съѣла пѣтуха,
Иль по просту дала дурашкѣ треуха.
Лисицу господинъ чиновникъ,
Лѣсной полковникъ,
Зубастой волкъ,
Ногою толкъ;
Тутъ свиснулъ въ ухо,
А тамъ безмолвствуя себѣ запряталъ
въ брюхо.
Лисицѣ сухо;
Нашъ волкъ насытившись гордится въ
попыхахъ;
Но изъ лѣсу медвѣдь, и—волкъ нашъ въ
дуракахъ!
Медвѣдю волкъ нашъ приглянулся,
И онъ еще и не очнулся,
А въ ротъ ужъ чебурахъ,

И мой бѣднякъ лежитъ въ медвѣжьиныхъ
кишкахъ.

—

У сильныхъ слабые въ тискахъ.

*

9. Просвирня и шорникъ.

Въ какомъ-то городѣ французскомъ,
А можетъ быть и въ прусскомъ,
До географіи вѣдь въ басняхъ дѣла нѣтъ,
Съ сосѣдкой жилъ сосѣдъ,
Какъ братъ съ сестрою мирно.
Онъ шорникъ былъ, она была просвирней;
Да, кажется, и какъ имъ доходить до при
Или до ссоры?
Одинъ работалъ шоры,
Другая просвиры.
Вдругъ, вышедъ изъ домовъ до утренней
зари,
На улицѣ они нашли копѣйку;
А въ свѣтѣ сплошь
Цари ведутъ войну за грошъ.
Вотъ бросились они на мѣдную злодѣйку!
Просвирня вдругъ кричитъ:
Копѣйка мнѣ принадлежитъ,
А шорникъ
Задорникъ
Кричитъ: нѣтъ мнѣ!
Дошло до драки;
Дерутся, какъ собаки,
Какъ Турки на войнѣ.
Тутъ будочникъ, услыша крики
И вопли дики,
Пришелъ,
Взялъ деньги
И въ съѣзжую моихъ сосѣдовъ онъ
повелъ,
Его безъ сапоговъ, ее безъ кеньги.

—

Отецъ Зевесъ,
Чтобъ люди не дремали,
А иногда себя щипали,
Пустилъ на землю интересъ.

*

10. Кончина коровы.

У мужика корова,
Когда была здорова,
И ѣстъ и пьетъ
И долгъ природѣ своей день каждый
отдаетъ,
Иль, говоря по русски:
Давать и творогу и сливокъ на закуски
Ничуть не устаетъ.
Корова не заморска птица,
Но дѣлать молоко ужасна мастерица.
Въ коровушкѣ своей души не зналъ
мужикъ,
То-есть до молока охотникъ онъ великъ;
Вѣдь у людей всѣ внутреннія части
Корыстолюбія во власти.
Но вдругъ
Коровушку мою сразилъ недугъ:
Ей не взлюбился лугъ,
Сталъ лобъ нахмуренъ;
Она худа, блѣдна,
И цвѣтъ въ лицѣ сталъ дуренъ,
И голова дурна.
Бывало, свѣтлый глазъ: днесь безъ
свѣтильни плошка;
Корова-здоровякъ — ни дать ни взять
Ободраная кошка!
Мужикъ реветъ не часъ, не два, не пять,
Реветъ онъ цѣлы сутки;
Для мужика
Безъ молока
Приходитъ не до шутки.
Но, какъ ни плачь, но какъ скотинушки
ни жаль, —
Ее отправь хоть въ гошпиталь.
На вопль хозяина сбѣжались изъ
деревни
Матроны древни;
Весь бабій факультетъ
Къ больной приходитъ на совѣтъ.
Та говоритъ: въ коровѣ сперлись
спазмы,
Ее-бы въ ванну посадить;
Другая: можетъ быть, въ коровушкѣ
міазмы;
Не худо прилѣпить
Ей шпанску муху
Къ уху;
А третія: повѣрьте мнѣ, легко
Въ коровѣ разлилось, быть можетъ,
молоко;
Четвертая: чтобы больной помочь
здоровью,
Привейте оспу ей коровью.

Тутъ мысль былъ класть всякъ лихъ
И лѣзетъ въ Эскулапы.
Корова между тѣмъ, крестомъ сложивши
лапы,
Вздохнула разъ, другой, и нѣтъ ея въ
живыхъ.

—

Такія жъ и у насъ бываютъ штуки,
И каждый щедрый на совѣтъ,
Доитъ корову въ обѣ руки,
А все коровѣ пользы нѣтъ.

III. ПИСЬМА ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДАШКОВА.

Въ этихъ письмахъ высказано мнѣ много лестныхъ, слишкомъ лестныхъ, любезностей. Можетъ показаться съ моей стороны нескромнымъ и неприличнымъ предавать ихъ гласности. Но уже прошло столько законныхъ десятилѣтнихъ давностей съ той поры когда эти письма были писаны, что личности тутъ мѣста нѣтъ: она смыта и затерта теченіемъ времени. Словно рѣчь идетъ не обо мнѣ, а о какомъ-то темномъ лицѣ *давно минувшихъ лѣтъ*. Я и самъ тутъ съ трудомъ себя припоминаю. Между тѣмъ въ этихъ письмахъ отзываются голоса и движеніе современной мнѣ литтературной эпохи. Въ нихъ отсвѣчиваются имена и, если не страсти, то по крайней мѣрѣ, маленькія заботы, раздражительности и междоусобія тогдашняго общества. Въ этомъ отношеніи эти письма принадлежатъ къ преданіямъ объ Арзамазскомъ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ исторіи русской литературы. Эпиграмма, здѣсь упоминаемая, и въ свое время довольно извѣстная, есть слѣдующая:

Картузовъ сенаторъ,
Картузовъ кураторъ,
Картузовъ поэтъ:
Вездѣ себѣ равенъ,
Во всемъ равно славенъ,
Оттѣнковъ въ немъ нѣтъ:
Худой онъ сенаторъ,
Худой онъ кураторъ,
Худой онъ поэтъ.

Ив. Матв. Муравьевъ-Апостолъ печаталъ въ то время въ Сынѣ Отечества письма изъ Нижняго-Новгорода.

Въ Бесѣдѣ любителей Россійскаго Слова, учрежденной Шишковымъ, были члены и второстепенные сотрудники, родъ служекъ и послушниковъ въ этомъ литературномъ монастырѣ.

Жихаревъ перевелъ трагедію Кребильона *Атрей*, и въ первой молодости своей, какъ видно изъ Записокъ его, много писалъ для театра.

Плещеевъ, родственникъ Карамзина, и позднѣе пріятель Жуковскаго, который живалъ у него въ Орловской деревнѣ, мастеръ былъ импровизировать всякую чепуху и представлять въ лицахъ смѣшныхъ провинціаловъ, старыхъ женщинъ и т. п. Къ тому же онъ былъ хорошій музыкантъ, переложилъ на музыку многіе романсы Жуковскаго, былъ отличный актеръ и превосходный чтецъ, особенно драматическихъ твореній. Благодаря этому искусству, былъ онъ представленъ Жуковскимъ государынѣ Маріи Ѳедоровнѣ, живалъ лѣтомъ въ Павловскѣ и по вечерамъ читалъ предъ императрицею и близкимъ ея обществомъ Мольера и новѣйшія произведенія русскаго и французскаго театровъ.

Батюшкова, между собою, прозывали мы и *попенькою*, потому что въ лицѣ его, а особенно въ носу, было что-то птичье. Поэтому и Воейковъ въ Домѣ Сумасшедшихъ посадилъ его *въ клѣтку*. Особенно Жуковскій былъ охотникъ и мастеръ на подобныя прозвища. Дашковъ имѣлъ лице довольно правильное, но строгое: вообще, за исключеніемъ сношеній своихъ съ малымъ числомъ ему близкихъ людей и участія его въ Арзамазскихъ шалостяхъ, онъ всегда былъ облеченъ въ какую-то малодоступную и сановитую холодность. Ничего женственнаго найти въ немъ было невозможно. А Жуковскій прозвалъ его *Да-*

шенькою. Гнѣдича назвалъ онъ *Гнѣдко́* и онъ, или Блудовъ, въ точности не помню, примѣнилъ къ нему, переводчику Иліады, стихъ изъ *Овсянаго Киселя*:

Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ.

I.

19 Декабря, 1813 г. Спб.

Много и премного благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь, за послѣднее письмо ваше и за лестныя, но не заслуженныя, похвалы, которыми вы меня осыпаете. Право, естьли бы я меньше полагался на ваше благорасположеніе, то непремѣнно долженъ былъ бы принять ихъ за иронію, или *противоположную насмѣшку*, по переводу Шаликова. Вамъ угодно говорить о какихъ-то знаменахъ вкуса, просвѣщенія и свободы: по чистой совѣсти я могу принять на свой счетъ одно последнее. Въ наше просвѣщенное время и сіе довольно рѣдко; но я съ ребячества былъ чрезвычайно своеволенъ и не отвыкъ еще говорить на прямки все что думаю, хотя много разъ и больно обжигался. Впрочемъ мои письма не то, что̀ ваши, и могутъ быть одобрены только за хорошее намѣреніе; а еще развѣ за то искусство, съ какимъ я свою мишуру мѣняю на ваше золото. Этотъ торгъ для меня очень выгоденъ, и я убѣдительнѣйше прошу васъ о продолженіи онаго.

Нарядный картузъ, вышитый трудолюбивыми руками вашими Картузову, и приказъ Семену Гаврилову, доставили мнѣ ощутительное облегченіе отъ мучившей меня лихорадки, и острыя ваши шутки произвели чудо, котораго не смѣлъ я ожидать отъ множества проглоченной хины. Эпиграмма отправилась тотчасъ путешествовать по Петербургу подъ фирмою: *изъ Катулла* — чему въ Беоціи нашей многіе добродушно повѣрятъ—и я постараюсь доставить ее самому Картузову черезъ какого-нибудь масона, въ полномъ собраніи ложи. Ручаюсь вамъ, что скоро всѣ здѣшніе попугаи будутъ кричать изъ окошекъ: Картузовъ кураторъ!!! Приказъ старостѣ показался мнѣ такъ уменъ, такъ хорошъ, что я совѣщусь скрывать его отъ публики: не согласитесь ли вы напечатать его въ Сынѣ Отечества, выкинувъ только имена Каченовскаго и Захарова? Графа*** можно выставить totidem litteris, или означить буквами Г. П., какъ вамъ угодно; простудиться въ Бесѣдѣ очень позволительно, ибо тамъ и спать не запрещается; а къ графу Хвостову дурацкая шапка такъ пристала, что цензура вѣроятно оставитъ его цѣликомъ въ навозной кучѣ, куда вы его такъ чинно посадили. Имя любезнаго сочинителя будетъ государственною тайною между мною и издателемъ; а вы между тѣмъ придумаете какую-нибудь забавную причину, почему письмо и приказъ, назначенные для Вѣстника Европы, очутились въ С. О. На все сіе нетерпѣливо ожидаю вашего разрѣшенія. Вотъ какимъ оружіемъ надобно бить нашихъ варваровъ! Тяжелая артиллерія ваша несравненно лучше моей, но они не стоятъ большихъ зарядовъ. Можно ли колесовать бабочку? говоритъ Попе. Только, правду сказать, вы поступаете противно правиламъ всѣхъ великихъ полководцевъ, высылая не неискусныхъ рекрутъ на первую сшибку: вы всегда гораздо болѣе моего принесете пользы нашей сторонѣ, а я доволенъ былъ бы пріятною должностію рукоплескать успѣхамъ вашимъ. По крайней мѣрѣ вступайте въ циркъ, не дожидаясь меня; между тѣмъ я докую себѣ мечь — къ несчастію, слишкомъ тупой — для рукопашнаго боя съ дикими звѣрями. Но мы не должны начинать

съ Муравьева *). Естьли бы я подлинно хотѣлъ укусить *носъ* этому *исторіографу носовыхъ хрящей*, то вы первые сказали бы мнѣ съ Реньяромъ:

Par dieu! Laissez le aller!

Que feriez-vous, Monsieur, du nez d'un marguillier?

Начнемъ съ начала, и пріѣздъ вашъ въ Петербургъ да будетъ печальнымъ предзнаменованіемъ для.... многихъ. В. Л. Пушкина заставимъ торжественно отрещись отъ ереси, потомъ трижды дунуть и плюнуть — и авось избавимъ Мартоса отъ работы по заказу Нижегородцевъ надъ памятникомъ Муравьеву. Все пойдетъ хорошо! Развѣ не подойдетъ ли на помощь Бесѣдѣ главная армія? О, тогда.... я вижу.....

Мятется сонмъ—но вдругъ, трикратно
Прокашлявши, встаетъ Шишковъ;
Шишковъ, отъ чьихъ *рѣчей* зѣваютъ,
Кого читатели не знаютъ,
Но знаетъ бѣдный Глазуновъ;
Плохой онъ критикъ, *Краснословъ* **).
Писалъ о здравомъ вкусѣ, слогѣ;
Но вкуса никогда не зналъ;
И правилъ языка въ Прологѣ,
Въ Минеи-Четіихъ искалъ.
Встаетъ — въ молчаніи глубокомъ
Благоговѣютъ всѣ предъ нимъ.
Вращая всюду мрачнымъ окомъ,
Въ церковномъ слогѣ и высокомъ,
Гласитъ къ сочленамъ онъ своимъ:
«Воспряньте, други, отъ покоя!
«Насталъ бо лютой распри часъ!
«На толь сію Бесѣду строя,
«Въ едину *купу* собралъ васъ;
«На толь я трудъ подъялъ кровавый,
«Искавъ отъ чтеній нашихъ славы,
«Да юноши ничтожатъ насъ!» и *проч.*

Шутки въ сторону: теперь не съ кѣмъ почти и сражаться. Раздоръ въ станѣ Аграмантовомъ; лазутчики доносятъ, что Шишковъ, сдѣлавшись президентомъ Академіи, хочетъ соединить съ нею Бесѣду; а Державину это очень не пріятно. Кстати о нашемъ Гораціи. Вамъ понравился анекдотъ мой, но я все не досказалъ вамъ. Онъ вздумалъ формально разсердиться на меня и даже жаловаться за то, что я кой-кому показывалъ его замѣчанія на возвращенной мнѣ книжкѣ. Quantum mutatio ab illo!

Напрасно вы, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь, возлагаете на меня двойной грѣхъ: будетъ и того, что я вамъ скучаю своими письмами, — за что же надоѣдать ими вашей княгинѣ? Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать ей усерднѣйшее мое почтеніе и поздравить съ наступающимъ новымъ годомъ, съ которымъ и васъ также поздравляю. Сдѣлайте милость, напомните обо мнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ и Николаю Михайловичу(*); я самъ еще не довольно наглъ, чтобы писать къ нему, но крайне желаю его видѣть. Онъ началъ было со мною въ деревнѣ важный для невѣжества моего разговоръ о Славянскомъ языкѣ; но скорой отъѣздъ мой изъ Москвы, а потомъ проклятые Французы помѣшали концу.

Прощайте, любезнѣйшій вождь и сподвижникъ; позвольте мнѣ отложить въ сторону всѣ церемоніи и братски обнять васъ.

P. S. Посылаю вамъ стихи Пушкина и еще, чтобы чѣмъ нибудь наградить васъ за *Приказъ старостѣ*, прекрасные стихи милаго нашего Батюшкова въ альбомъ гр. Салтыковой. Грамматинъ не удостоилъ меня присылкою своего одопѣнія, но я постараюсь доставить его и пришлю къ вамъ. Vale.

---

*) И. М. Муравьева—Апостола.

**) См. *Переводъ двухъ статей* изъ Лагарпа.

(*) Карамзинымъ.

2.

25 Іюня 1814 г. Спб.

Я столько у васъ въ долгу, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь, что право не знаю, какъ и выплатиться. Вы показываете прекраснѣйшій примѣръ какъ должно обходиться и съ неисправными своими друзьями. Вы осыпаете меня самыми пріятными письмами и подарками, а я между тѣмъ, подобно великому Тургеневу, отвѣчаю вамъ—*благороднымъ молчаніемъ*. Не думайте однакожъ, чтобъ это было слѣдствіемъ лѣни. Жестокая и продолжительная болѣзнь такъ меня изнурила, такъ высушила мозгъ мой, что я почти не въ состояніи сообразить двухъ мыслей и столько же сталъ бѣденъ ими, какъ бы Глинка или Шаликовъ. Вы будете имѣть маленькое понятіе о плачевномъ моемъ состояніи, когда скажу вамъ, что и глупости милыхъ *сословесниковъ* нашихъ едва могутъ разсмѣшить меня.

Примите искреннѣйшую благодарность мою на всѣ ваши извѣстія о Московскомъ праздникѣ, а особливо за сообщеніе прекрасныхъ стиховъ Николая Михайловича и вашихъ Надпись къ бюсту и польской доставили мнѣ величайшее удовольствіе; и я, читая ихъ, чувствовалъ, что вкусъ не совсѣмъ еще оставилъ меня въ дремучемъ лѣсу здѣшней литературы—и я былъ нѣкогда въ Аркадіи! (*) Болѣе всего вѣрно польститъ вашему самолюбію, что сіи двѣ, подлинно прекрасныя, піесы возжгли духъ ревности и зависти въ сердцахъ Бесѣдчиковъ, а особливо Шаховскаго. Критическія замѣчанія его достойны его таланта. Напримѣръ, онъ находитъ, что въ надписи 1-й стихъ есть вставочный и прибранъ единственно для рифмы къ 3-му: какова его проницательность! Стихи Ник. Мих. не имѣли также счастія понравиться сему грозному Аристарху; онъ даже нападаетъ на прекрасную и трогательную строфу: *Отецъ, пусть бури міръ волнуютъ*! и пр. Какъ послѣ этого дивиться, что я такъ часто страдаю желчною лихорадкою! За то Шаховскому съ братіей чрезвычайно нравятся псалмопѣнія здѣшихъ рифмачей и прозаиковъ—такъ и должно.

Qui Bavium non odit, amet tua carmina, Mevi.

Не знаю, прислалъ ли вамъ другъ нашъ Воейковъ новое свое посланіе къ вашему покорному слугѣ. Правда, онъ начинаетъ съ меня и меня перваго дурачитъ, но я прощаю ему отъ всего сердца за добрыя батожья, которыми наказалъ онъ многихъ—къ несчастію не всѣхъ—клевретовъ Шаховскаго. Явленіе Славенофила безподобно. Стихи очень хороши, а при томъ очень живо и вѣрно изображаютъ отличительныя черты каждаго лица. Есть ли у васъ нѣтъ сего посланія, то я пришлю его къ вамъ при первомъ удобномъ случаѣ. Смѣхъ все-

(*) См. Описаніе праздника, даннаго въ Москвѣ 19 мая 1814 г. обществомъ благородныхъ людей, по случаю взятія Россійскими войсками Парижа Соч. *А. В . . . мъ*. М. 1814. 4°. (Чертк. библ. А. II. 9/14). Торжество происходило у Калужскихъ воротъ, въ домѣ Д. М. Полторацкаго. Подъ изваяніемъ императора Александра огненными буквами, горѣли извѣстные стихи, сочиненные кн. П. А. Вяземскимъ:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему? Какой ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ, онъ твой спаситель;
Россія, имъ гордись. — Онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Стихи Карамзина называются: *Освобожденіе Европы и Слава Александра I. Посвящено Московскимъ жителямъ* (Соч. Карамз., изд. 1814 I, 309—328). Стихъ, упоминаемый Д. В. Дашковымъ, находится въ 2-й строфѣ. *П. Б.*

го полезнѣе на свѣтѣ и удивительно какъ помогаетъ сваренію желудка: счастливъ, кто не лишенъ способности смѣяться!

О странствующихъ рыцаряхъ нашихъ давно не имѣю никакого извѣстія. Послѣднее письмо отъ Сѣверина было изъ Парижа, куда они съ посломъ своимъ выѣхали на встрѣчу государю; теперь они вѣрно опять въ Лондонѣ. Отъ Батюшкова не было сюда ни одной грамотки со времени перехода за Рейнъ— вотъ уже ровно полгода. Одинъ изъ его пріятелей написалъ къ Гнѣдичу вскорѣ по занятіи Парижа, что Батюшковъ тамъ, здоровъ и веселъ, и что черезъ три дни отправляется оттуда въ Петербургъ. Но вотъ и ополченіе наше возвратилось, всѣ волонтеры и многіе изъ армейскихъ также, мы видѣли ихъ вшествіе.

Пылью панцыри покрыты,
Шлемы лаврами обвиты......
Гдѣ жь, Людмила, твой герой?

А Людмила ждетъ, пождетъ..... и милой нашъ попенька пропалъ безъ вѣсти, какъ женихъ ея. Можетъ быть, не залетѣлъ ли онъ опять, по дорогѣ, въ Ригу, къ своей нѣмкѣ, на старое пепелище? Какъ вы думаете?

Письмо о Московскомъ праздникѣ тотчасъ было мною послано къ издателю Сына Отечества и, по увѣдомленію его, уже напечатано. Каково напечатано, ради Бога у меня не спрашивайте: со времени проклятаго письма Муравьева о словесности, отъ котораго, точно у меня желчь разлилась въ первый разъ, я не беру въ руки его пасынка. Знаю только, что издатель унесъ у меня почти насильно присланные вами стихи ваши и Пушкина *) и хотѣлъ помѣстить ихъ въ своемъ журналѣ. Вы будете меня бранить за это и по дѣломъ! Но право, я въ то время былъ боленъ, слабъ, и никакъ не могъ отъ него отбожиться, тѣмъ болѣе, что стихи сіи уже напечатаны.

Прощайте, любезнѣйшій князь, будьте здоровѣе меня и не забудьте обѣщанія вашего заѣхать на часокъ въ Петербургъ.

Весь вашъ навсегда

Дашковъ.

Княгинѣ вашей, Екатеринѣ Андреевнѣ и Николаю Михайловичу покорно прошу засвидѣтельствовать усерднѣйшее мое почтеніе.

Сейчасъ Гнѣдичь сказывалъ мнѣ, что Батюшковъ въ Лондонѣ: онъ получилъ черезъ одного Англинскаго купца его руки росписку, по которой долженъ заплатить за него деньги. Но впрочемъ, ни къ кому ни полслова. Это только на Батюшкова и похоже! — Не зная, гдѣ теперь Пушкинъ, покорно прошу васъ о доставленіи ему моего письма.

(*) Василія Львовича.

3.

26-го Ноября 1815. Спб.

Ради величественнаго Арзамазскаго гуся не сердитесь на меня, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь, за неисправность мою въ перепискѣ съ вами. Во всякомъ другомъ случаѣ и во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ она была бы совершенно непростительна: но теперь вы должны только жалѣть обо мнѣ, бѣдномъ мученикѣ Ѳемиды и Комитета. По чести, ежели собачья жизнь моя еще продолжится, то небольшой участокъ здраваго смысла, доставшійся мнѣ отъ природы (отъ сей природы, которая такъ щедра къ вамъ, любезнѣйшій князь, и къ любезнымъ Арзамасцамъ, и такъ скупа къ Бесѣдчикамъ) скоро выдохнется, улетитъ на луну, и мнѣ тогда

уже не миновать сотрудничества. Шутки въ сторону, пріѣздъ государя и очистка дѣлъ такъ много доставили мнѣ работы, не всегда пріятной, что я едва успѣваю бывать въ Арзамасѣ, въ этой милой отчизнѣ, гдѣ мы всегда объ васъ вспоминаемъ. Какое бы для васъ обильное поле! Секретарь нашъ Свѣтлана *), который какъ будто бы нарочно сотворенъ для сего званія, вѣрно увѣдомилъ уже васъ, что въ самое первое собраніе вы избраны par acclamation сочленомъ нашимъ: слѣдовательно я не нарушу ужасной присяги нашей, говоря съ вами откровенно. Изъ великодушія и чистѣйшей любви къ ближнимъ (хотя ближніе сіи часто бываютъ черезъ-чуръ глупы) мы положили, чтобы каждой новопринимаемый членъ выбиралъ для первой рѣчи своей одного изъ живыхъ покойниковъ Бесѣды или Академіи *заимообразно и на прокатъ* и говорилъ бы ему похвальную надробную рѣчь. До сихъ поръ такихъ мертвецовъ отпѣто у насъ пять, и Свѣтлана превзошла сама себя, отпѣвая пѣтаго и перепѣтаго Хлыстова. То-то была рѣчь! То-то протоколы! За чѣмъ васъ нѣтъ съ нами! Очередной предсѣдатель у насъ всякую недѣлю новый, и по имянному указу, какъ въ Академіи — отвѣчаетъ оратору пристойнымъ привѣтствіемъ, въ *которомъ искусно мѣшаетъ похвалы ему съ похвалами усопшему* (выраженія церемоніала) Опять новое торжество для Свѣтланы! Ей пришлось принимать Громобоя-Жихарева, который, бывши прежде сотрудникомъ Бесѣды, долженъ былъ по общему нашему постановленію отпѣвать самъ себя. Поле было конечно богатое, но исполненіе превзошло ожиданія наши. Атрей представленъ былъ въ видѣ *нѣкоего царственнаго волдыря* на лицѣ бывшаго поганаго Бесѣдчика, а остальныя 27 трагедій, комедій, трагикомедій, драмъ, оперъ и водевилей, сочиненныя и переведенныя имъ, представлены волдырьками и сыпью, окружающими большой наростъ. Словомъ, было чего послушать. Неоцѣненный секретарь нашъ не даромъ жилъ такъ долго съ Плещеевымъ, и удивительно какъ навострился въ галиматьѣ. Любимое его выраженіе: Арзамазская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ. Судите о прочемъ. Пріѣзжайте скорѣе къ намъ, хоть недѣли на двѣ. Выберите себѣ по сердцу покойника и похороните его съ миромъ въ стеклянномъ гробѣ нашемъ.

Теперь только вспомнилъ я, что еще не благодарилъ васъ за два пріятнѣйшія письма ваши и за прекрасныя эпиграммы, которыя совершенно похожи на золотое копье Аргаилово: онѣ вышибаютъ изъ сѣдла всѣхъ противниковъ нашихъ съ перваго раза. Помилуйте, какіе это *ножички*. Тупая сабля моя передъ ними хуже деревянной сабли италіянскаго Арлекина; но такъ и быть! Я бью враговъ Арзамаса чѣмъ ни попало. Не сердитесь на насъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь, за то, что прекрасныя эпиграммы ваши до сихъ поръ не напечатаны: съ львиною силою надобно намъ имѣть и мудрость зміи, и мы выжидаемъ удобнаго времени. Nous avons eu affaire à une bien forte partie, — но теперь слава Арзамасу! Враги наши растоптаны и грызутъ только нашу пяту. Много, много и вы намъ способствовали: всѣ вытвердили наизусть поэтической вѣнокъ вашъ, и самъ Картузовъ долженъ былъ хвалить его. Но вы что-то забыли сѣдаго дѣда; представьте, что послѣ перваго представленія *Комедіи противъ комедіи*, Хлыстовъ ухватилъ за руку сочинителя — котораго неизвѣстное намъ имя Загоскина мы перемѣнили въ Гвоздушкина — и потащилъ

*) Жуковскій.

его въ директорскую ложу, гдѣ во всей славѣ сидѣлъ Мѣшковъ (*), и представилъ молодца, какъ ниспосланнаго съ небесъ мстителя. Мѣшковъ, puisque Мѣшковъ il y a, вскочилъ, принялъ мстителя съ распростертыми объятіями и обѣщалъ ему первую вакансію сотрудника въ Бесѣдѣ; но тотъ корячится и хочетъ пролѣзть прямо въ члены. Благородное честолюбіе! Нельзя ли вамъ, любезнѣйшій сочленъ, достойно воспѣть все это? Жуковскій то и дѣло твердитъ: ей, быть Бесѣдіадѣ!

Простите, любезнѣйшій князь, будьте здоровы и счастливы, веселитесь въ Москвѣ, но ради Арзамаса пріѣзжайте къ намъ поскорѣе, хоть на нѣсколько дней; привезите намъ еще нѣсколько *дней* вашего сотворенія. Намъ въ хорошихъ стихахъ, каковы ваши, большая нужда. Жуковскій излѣнился и безъ васъ ничего писать не хочетъ... Сѣверинъ на сихъ дняхъ къ намъ пріѣхалъ, но все еще кружится съ утра до вечера. Онъ будетъ къ вамъ писать непремѣнно, какъ скоро удосужится, а между тѣмъ поручилъ мнѣ крѣпко, крѣпко обнять васъ. Позвольте мнѣ и за себя это исполнить, и увѣрить васъ снова въ искреннѣйшей сердечной моей къ вамъ преданности.

Вашъ на всегда
Дашковъ.

Покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать княгинѣ вашей мое почтеніе, а Катеринѣ Андреевнѣ и Николаю Михайловичу сердечное участіе, съ которымъ узналъ я объ ихъ потерѣ. Вотъ истинныя несчастія! Какъ сладко быть отцемъ семейства, но какъ тяжело потерять то, чтò намъ всего милѣе! Я очень это чувствую. Письмо Ник. Мих. къ Тургеневу до слезъ меня тронуло: какъ видна въ немъ прекрасная душа его! Но онъ и въ горести своей имѣетъ вѣрную отраду.

Къ любезнѣйшему Василью Львовичу буду писать на слѣдующей недѣлѣ. Теперь право не возможно. Мысленно его обнимаю. Я потерялъ вашъ адресъ, и посылаю сіе письмо чрезъ Пушкина. Пожалуйста, пришлите мнѣ новый адресъ.

(*) Шишковъ.

IV. ПИСЬМА СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО И ВАРНГАГЕНА ФОНЪ-ЭНЗЕ.

I.

Excellence.

De grands afflictions m'ont éprouvé, depuis le jour où j'ai eu l'honneur de connaitre en vous le plus aimable des princes. Dieu m'a ôté ma mère et, quelque tems après, mon père! J'avais été si heureux avec mes parens, leurs ames étaient si élevées et si aimantes, que leur perte—et surtout si rapprochée—a été pour moi un double coup, on ne peut pas dire plus terrible. Ma santé en a souffert, et ce n'est que depuis les chaleurs que je me sens passablement. Que cela explique à votre excellence comment, voulant toujours lui écrire, je ne l'ai pas fait jusqu'à ce jour. Que de graces n'ai-je pas à vous rendre, monsieur, de ce que vous avez daigné vous souvenir de moi en Russie et m'envoyer les traductions russes de *Mie Prigioni* et des *Doveri degli uomini!* Ce don a non seulement flatté mon amour-propre, mais il m'a fait plaisir comme un témoignage touchant de votre extrême bonté. Cette bonté habituelle vous aura fait deviner que si je tardais à vous remercier, ce ne pouvait pas être par ingratitude, mais par des malheurs et des maladies. Veuillez en agréer maintenant l'assurance la plus sincère.

L'heureux voyageur qui vous présentera ma lettre est un illustre savant de mes amis, le professeur Baruffi, très profond dans les sciences physiques et d'une instruction générale fort vaste. Il entreprend tous les ans quelque voyage, et cette année sa course a été chez vous. Si j'avais pu l'accompagner, j'aurais admiré très volontiers une infinité de choses dans ce grand pays du nord, mais surtout j'aurais été enchanté de revoir votre excellence, dont je conserve le souvenir le plus respectueux et le plus reconnaissant. J'ai l'honneur d'être

votre très humble et très obligé serviteur Silvio Pellico.

Turin, 10 août 38.

Переводъ. Ваше сіятельство. Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь узнать въ васъ любезнѣйшаго изъ князей, меня постигли великія горести. Богъ взялъ у меня мою мать, и потомъ, черезъ нѣсколько времени, отца. Я былъ такъ счастливъ въ моихъ родителяхъ, души ихъ были столь любящія и возвышенныя, что эти утраты, и въ добавокъ столь быстро одна за другою слѣдовавшія, были для меня двойнымъ, несказанно страшнымъ ударомъ. Здоровье мое отъ того пострадало, и лишь съ наступленіемъ жаркой погоды я нѣсколько поправился. Вотъ причина, по чему, при всемъ желаніи, я до сихъ поръ не писалъ къ вашему сіятельству. Какъ много благодаренъ я вамъ за то, что вы, въ Россіи, почтили меня воспоминаніемъ, и что прислали мнѣ Русскіе переводы *Моихъ Темницъ* и *Объ обязанностяхъ людей*! Подарокъ этотъ не только польстилъ моему самолюбію, но и доставилъ мнѣ удовольствіе, какъ трогательный знакъ вашей чрезвычайной доброты. Привыкнувъ руководиться сею послѣднею, вы конечно догадались, что, если я медлилъ выраженіемъ моей благодарности, то не потому, чтобы ея не чувствовалъ, но по причинѣ несчастій и болѣзней. Примите теперь увѣреніе въ моей искреннѣйшей признательности.

Счастливый путешественникъ, который подастъ вамъ это письмо, есть другъ мой, ученый и славный профессоръ Баруффи, съ глубокими познаніями въ наукахъ естественныхъ и съ общимъ обширнымъ образованіемъ. Онъ каждый годъ предпринимаетъ какое нибудь путешествіе и теперь ѣдетъ къ вамъ. Если бы я могъ ему сопутствовать, то какъ охотно подивился бы безконечному разнообразію предметовъ въ этой великой странѣ сѣвера, и въ особенности былъ бы счастливъ свиданіемъ съ вашимъ сіятельствомъ, оставившимъ во мнѣ почтительнѣйшее и признательнѣйшее воспоминаніе.

Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и обязаннѣйшимъ слугою *Сильвіо Пеллико*

Туринъ 10 авг. 1838.

Сильвіо Пеллико (1789 — 1854) —итальянскій поэтъ, столько же извѣстный своими сочиненіями какъ и восьмилѣтнимъ заключеніемъ (1822—1830) въ разныхъ темницахъ, коему подвергало его Австрійское правительство за патріотическое направленіе его произведеній. Въ то время, когда писано это письмо, онъ уже давно жилъ на свободѣ, въ Туринѣ, частнымъ библіотекаремъ, прославленный во всемъ образованномъ мірѣ двумя книгами *Объ обязанностяхъ людей*, и затѣмъ *Мои Темницы*. Обѣ онѣ вышли на Русскомъ языкѣ въ Петербургѣ въ 1836 г. въ переводахъ, первая, если не ошибаемся, г-на Евгр Серчевскаго, а вторая С Н Дирина. Пушкинъ въ своемъ *Современникѣ* (1836, ч. 3-я) сказалъ нѣсколько задушевныхъ словъ по поводу этихъ переводовъ. „Сильвіо Пеллико, говоритъ онъ между прочимъ, получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью,—прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства“. Не знаемъ, дошли ли до Сильвіо Пеллико строки Пушкина. *П. Б.*

2.

Mon prince! Votre aimable et obligeante lettre du $^{11}/_{23}$ mai m'a été remise par

mr. Popoff il y a quinze jours, et je ne dois pas vous laisser ignorer combien votre bienveillant souvenir m'est cher et précieux; veuillez agréer l'expression de ma plus vive reconnaissance! J'ai revu mr. Popoff une seconde fois, et quoiqu 'il ait peu parlé, sa maniere de s'exprimer et sa physionomie spirituelle ont pleinement confirmé tout ce que vous en dites de favorable dans votre lettre. Je souhaite de tout mon coeur de pouvoir lui être utile pendant son séjour de Berlin, mais je crains d'en trouver rarement l'occasion, car ma vie se rétrécit de plus en plus: je ne sors que très peu, et je n'ose pas inviter du monde chez moi parceque je ne suis jamais assez sûr de moi-même! Les maux dont je souffre depuis quelques années ont été malheureusement augmentés l'été passé par des bains que le docteur Balling à Kissingen s'est obstiné à me faire continuer malgré leur mauvais effet; j'ai fini par ne plus pouvoir marcher, et encore à présent je me sens pris de vertiges, dès que je mets le pied dehors. Dans ma chambre je me promène beaucoup et sans inconvénient, et je suis trop heureux de me voir conservé la faculté de m' occuper comme auparavant, sans quoi mon existence serait bien à plaindre!

Vous aussi, mon cher prince, votre lettre en fait foi, vous passez des jours tristes et remplis d'amers souvenirs! Hélas, ces pertes que nous éprouvons par le départ des personnes les plus chéries, nous détachent d'une vie qui ne semble plus être qu'un faible reflet de ce qu' elle a été! Mon coeur aussi, soyez en bien persuadé, gardera toujours un souvenir affectueux et tendre de votre charmante et innocente Nadine. Que d' agréables et douces journées nous avons passées ensemble! Elle était si heureuse auprès de son excellente mère; elle jouissait si paisiblement des commencements de la vie!

Je m'accuse d'avoir beaucoup négligé, dans ce dernier temps, mes études russes; cependant j'espère y retourner promptement dès que respirerai un peu d'un travail qui m' a dû occuper pendant plusieurs mois presque exclusivement; mon ardeur et mon zèle ne sont nullement amoindris. J'aime votre langue et j'admire vos poëtes tous les jours davantage. Vous m'avez fait un bien vif plaisir par l'envoi de vos vers charmants et harmonieux. Je les sais déjà par coeur comme ceux que vous avez faits à Brighton en 1838 et qui m'ont toujours parû de la plus heureuse expression!

Vous aurez quelque intérêt à lire un passage d'une lettre que je viens de recevoir de Th. Carlysle où il s' explique sur le compte de la Russie d'une manière remarquable. Il est question de mes Mémoires et Mêlanges, et voici ce qu' il dit: « Your russian Rastoptchin is a terrible fellow; a man in the style of Michael Angelo! One begins to understand how what I often calle „dumb Russia„ may be a kind of dumb Rome, one of the greatest phenomena on the earth present, with such souls in it here and there. We have to thank you, at least I have, for shewing us a glimpse of actual Russia face to face for the *first* time. By your help I got a real direct look at the wild poet-soul, Puschkin, and said to myself: Yes, there is a russian man of genius; for the first time I *see* something of the Russians! We begin here, the better heads of us, to have a certain true respect for Russia with all its „Barbarism" real and imaginary; to understand that tho' the Russsians have all journalists in the world against them, they have nature, nature's laws and God Almighty partly in their favour! Man can drill wild savage peoples and tame waste continents, tho' they cannot write journalists articles. What

a contrats with our french friends! They can prove by the precisets logic before all men that they were, are and probably will always be in possession of the true light: *voilà*, this is the key to all arcana, *this* of ours. And then take a look at them in Algier and elsewhere!"

J'ai une prière à vous faire, mon cher prince! J'ai commencé á recueillir des autographes d'hommes célèbres; oserai-je espèrer d'obtenir, par votre bienveillante entremise, quelques lignes d'écriture de Puschkin, Lermontoff, Kriloff, Jasükoff, Bestujeff, Gogol, de la comtesse Rostoptchin etc. etc. peut-être aussi de quelques généraux et hommes d'état? La signature de Pierre le Grand n'est probablement pas si facile à trouver pour que je pourrais me permettre d'y prétendre! De vous-même je possède votre lettre et un ancien billet, que j 'ai conservé; cependant ce serait bien aimable de votre part si vous vouliez bien me donner votre écriture russe. deux lignes de vers seulement et votre nom! Pardonnez mon indiscrete avidité!

Veuillez, mon prince, me rappeler au souvenir de madame la princesse et l'assurez de mes hommages respectueux, de ma sympathie dévouée! Que le Ciel verse ses plus saintes consolations sur les douleurs dont elle et vous ont été affligés!

Agrée, mon prince, l'expression réitérée de ma vénération profonde et de l'attachement fidèle avec le quel je suis, mon prince, votre devoué

Varnhagen d' Ense.

Berlin, ce 4 janvier
1843

Переводъ. Князь! Недѣли двѣ тому назадъ г. Поповъ передалъ мнѣ ваше любезное и обязательное письмо отъ $^{11}/_{23}$ мая, и я долженъ довести до вашего свѣдѣнія, какъ мнѣ дорого и цѣнно ваше благосклонное воспоминаніе: примите выраженіе живѣйшей моей признательности. Г. Попова я видѣлъ еще разъ, и хотя онъ не многорѣчивъ, но судя по оборотамъ его рѣчи и по умному его лицу, я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ добрымъ о немъ мнѣніемъ, которое выражено въ вашемъ письмѣ. Отъ всего сердца желаю быть ему полезнымъ во время его житья въ Берлинѣ; но боюсь, что мнѣ рѣдко представится къ тому случай, такъ какъ жизнь моя все болѣе и болѣе съуживается: я очень мало выхожу и не смѣю приглашать гостей, не будучи никогда вполнѣ надеженъ относительно самого себя! Недуги, коими я страдаю нѣсколько лѣтъ, по несчастію усилились прошлымъ лѣтомъ вслѣдствіе купаній, которыя докторъ Баллингъ въ Киссингенѣ упрямо заставлялъ меня продолжать, не взирая на дурное ихъ дѣйствіе: въ заключеніе, я лишился было способности ходить, и теперь еще чувствую головокруженіе, коль скоро выхожу изъ дому. Въ комнатѣ я прохаживаюсь много и совершенно свободно. Крайне счастливъ, что могу еще заниматься по прежнему; иначе, существованіе мое было бы жалкое!

Вы также, любезный князь, судя по письму вашему, проводите дни грустные и исполненные горькихъ воспоминаній! Увы, эти утраты, причиняемыя кончиною дорогихъ людей, отвращаютъ насъ отъ жизни, и она становится въ глазахъ нашихъ не болѣе, какъ блѣднымъ отраженіемъ былаго! Повѣрьте, что и я сохраняю въ сердцѣ моемъ трогательное и нѣжное воспоминаніе о вашей прелестной и чистой Надинѣ. Сколько пріятныхъ, тихихъ дней провели мы вмѣстѣ! Она была такъ счастлива съ достойною своею матерью; она такъ мирно наслаждалась начатками жизни [1]!

Виню себя въ томъ, что послѣднее время мало занимался русскимъ языкомъ; однако надѣюсь возвратиться скоро къ

[1] Княжна Надежда Петровна Вяземская род. 1822, скончал. 1840 г. въ Баденѣ см. „Въ дорогѣ и дома," собраніе стихотвореній кн. П. А. Вяземскаго, М 1862, стр. 141—142.

этимъ занятіямъ, отдохнувъ не много отъ одного труда, которому въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я долженъ былъ отдаться почти исключительно. Охота и усердіе мое нисколько не ослабли; я люблю вашъ языкъ, и съ каждымъ днемъ болѣе любуюсь вашими поэтами. Вы доставили мнѣ живѣйшее удовольствіе присылкою вашихъ прелестныхъ и гармоническихъ стиховъ. Я уже знаю ихъ наизусть, какъ равно и тѣ, которые вы сочинили въ Брайтонѣ въ 1838 г., и которые всегда казались мнѣ наиболѣе удачными по выраженію (2).

Вамъ любопытно будетъ прочесть отрывокъ изъ письма, полученнаго мною отъ Т. Карлиля. Замѣчателенъ его отзывъ о Россіи. Вотъ что онъ говоритъ (по поводу моихъ Записокъ и Смѣси) 3): „Вашъ русскій Ростопчинъ ужасъ что за человѣкъ. Это фигура въ родѣ Микельанджеловскихъ. Начинаешь догадываться, что эта *нѣмая Россія* (какъ я часто называю ее), съ подобными людьми, которыхъ она по временамъ обнаруживаетъ, есть можетъ быть нѣчто въ родѣ *нѣмаго Рима*, — одно изъ величайшихъ явленій теперешняго міра. (4)Мы васъ должны благодарить, по крайней мѣрѣ я долженъ, за то, что вы дали намъ возможность впервыя бросить взлядъ въ лице настоящей Россіи. По вашей милости я могъ прямо и вѣрно посмотрѣть на эту дикую, поэтическую душу, на Пушкина. Я сказалъ самому себѣ: „Да, есть Русскій геніальный человѣкъ; въ первый разъ я вижу кое что отъ Русскихъ.“Мы здѣсь, лучшія головы между нами, начинаемъ чувствовать нѣкоторое истинное уваженіе къ Россіи, со всѣмъ ея „варварствомъ“ дѣйствительнымъ и воображаемымъ;начинаемъ понимать, что хотя бы Русскіе имѣли противъ себя всѣхъ журналистовъ въ мірѣ, но на ихъ сторонѣ природа, законы природы и отчасти всемогущество Божіе. Человѣкъ можетъ обучить дикія племена и подчинить себѣ пустынныя пространства, не умѣя писать журнальныхъ статей. Какая противоположность съ нашими французскими друзьями! Тѣ могутъ точнѣйшимъ, логическимъ образомъ доказать передъ всѣми людьми, что они всегда обладали, обладаютъ и вѣроятно будутъ обладать истиннымъ просвѣщеніетъ. *Voilà*, у нихъ ключь ко всякой тайнѣ; это тоже и по нашему (5) А тамъ посмотрите на нихъ въ Алжиріи и въ другихъ мѣстахъ!„

У меня до васъ просьба, любезный князь. Я началъ собирать автографы знаменитыхъ людей. Смѣю ли надѣяться, черезъ ваше благосклонное посредство, получить по нѣскольку строкъ руки Пушкина, Лермонтова, Крылова, Языкова, Бестужева, Гоголя, граф. Ростопчиной и пр. а также, можетъ быть кого нибудь изъ генераловъ и государственныхъ людей? Подпись Петра Великаго, по всему вѣроятію, трудно будетъ сыскать, и я не льщу себя надеждою получить ее. Вашей руки у меня сохраняется письмо и старинная записка; но было бы весьма любезно съ вашей стороны, если бы вы благоволили прислать мнѣ русскій вашъ автографъ, строки двѣ стиховъ, съ вашею подписью. Простите мнѣ нескромную жадность.

Прошу васъ, князь, напомнить обо мнѣ княгинѣ и удостовѣрить ее въ моемъ почтеніи, преданности и сочувствіи. Въ постигшихъ ее и васъ горестяхъ да пошлетъ вамъ Небо свои святѣйшія утѣшенія!

Примите, князь, еще разъ увѣреніе въ глубокомъ почитаніи и вѣрной привязан-

(2) См. тамже стр. 212.

(3) Denckwürdigkeiten und vermischten Schriften, гдѣ есть статьи о Пушкинѣ и гр. Ростопчинѣ.

(4) Читатели вспомнятъ подобное же сопоставленіе въ прекрасномъ отрывкѣ Гоголя: Римъ Эта таинственная будущность Россіи и въ тоже время ея живое отношеніе къ завѣтной старинѣ долго и много занимали Гоголя. Что касается до Карлиля, то его сочувственное отношеніе къ намъ выразилось еще недавно въ извѣстномъ отзывѣ, что Русскій народъ, во дни освобожденія отъ крѣпостной зависимости, своимъ спокойствіемъ уподобляется Тихому океану. *П. Б.*

(5) Въ подлинникѣ не совсѣмъ ясныя слова *this of ours*.

ности, съ коими и пр. вашъ преданный *Фарнгагенъ фонъ-Энзе.* Берлинъ 4 янв. 1843 года.

Славный нѣмецкій писатель, критикъ и біографъ Варнгагенъ фонъ-Энзе былъ истиннымъ кладомъ для Русскаго путешественника въ Берлинѣ. При враждебномъ къ Россіи настроеніи Нѣмецкой *журнальной* словесности, которая ежедневно преслѣдовала Русскаго человѣка, и за кофеемъ, и за обѣдомъ, и за вечернимъ пивомъ, во всѣхъ гостинницахъ и кондитерскихъ ,отрадно бывало поговорить съ человѣкомъ высшей, классической образованности, горячимъ патріотомъ и, не смотря на то, внимательно и доброжелательно относившимся къ нашему отечеству. Въ молодости своей онъ сражался за независимость Германіи отъ Наполенова ига подъ одними знаменами съ Русскими людьми, и содѣйствіе Русскихъ не только не озлобляло его, какъ многихъ его соотечественниковъ, напротивъ какъ бы обязывало къ сочувственному изученію Россіи. Я пришелъ къ Варнгагену, лѣтомъ 1858 г., безъ всякаго письма; вошедши просто объявилъ, что я Русскій путешественникъ и знаю, что онъ занимался Русскою словесностью. Этого было достаточно, чтобы въ теченіи мѣсяца мнѣ бывать у него почти ежедневно. По русски Варнгагенъ не говорилъ, но Россія была постояннымъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Ему уже было слишкомъ 70 лѣтъ, и онъ постоянно лежалъ на диванѣ; но мысли и разговоръ его отличались бодрою свѣжестью, и съ вечернихъ бесѣдъ его мнѣ посчастливилось выносить гораздо болѣе, нежели съ историческихъ лекцій Берлинскаго университета. Онъ еще выписывалъ Русскія книги, и прощаясь со мною, сказалъ: Auf Wiedersehen, trotz meinen Jahren! (т. е до свиданія не смотря на мои лѣта) Но на обратномъ пути моемъ черезъ Берлинъ, въ ноябрѣ 1858 г. его уже не было въ живыхъ.

Любилъ онъ нашу рѣчь и, поздній ученикъ,
Онъ въ трудности ея и таинства проникъ;
Онъ понялъ Русскаго стиха размѣръ и плавность,
Онъ Пушкина любилъ и пылъ, и своенравность,
И въ душу вкрадчивый, задумчивый напѣвъ
Пѣвца, воспѣвшаго «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ».
За Русской мыслью онъ слѣдилъ: ея развитью
Сочувствовать умѣлъ, какъ свѣтлому событью
И вкладу новому въ сокровище временъ:
Онъ въ области ума не зналъ Китайскихъ стѣнъ.
(Въ дорогѣ и дома, стр. 103)

Мемуары (Denkwürdigkeiten) и Дневники (Tagebücher) Варнгагена фонъ-Энзе содержатъ въ себѣ любопытныя страницы и довольно важныя указанія для новѣйшей Русской исторіи. *П. Б.*

ЗАМѢТКА.

Въ № 2 „Русскаго Архива" 1866 г., въ статьѣ: *Псевдо-переводы съ русскаго* (по матеріаламъ имп. публ. библіотеки) между прочимъ указанъ мнимый, будто бы, переводъ: „Jarmark siedm Muz, powiésć moralna snow Krygiera. Z. Rossyiskiego na Polski ję zyk przełozona. W. Warszawie, v Drukarni Nadvornej. S. K. Mei. 1782, 8°, 12 стр. (См. № VII, стр. 210, Рус. Арх.). При этомъ сказано, что „въ нашей литературѣ никакой книги съ такимъ или подобнымъ заглавіемъ никогда не существовало." Дѣйствительно такой книги не существовало, но въ изданіи *Іогана Готфрида Рейхеля*: „Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространію знанія и къ произведенію удовольствія" и пр., въ 1-й части, на январь, февраль и мартъ 1762 г., напечатанъ на стр. 74—83 переводъ *Дениса Иван. Фонъ-Визина*: „Торгъ семи музъ. Изъ Кригеровыхъ сновъ 13". Подъ переводомъ означена полная фамилія и имя переводчика. Черезъ 10 лѣтъ переводъ этотъ кѣмъ то (можетъ быть и самимъ Фонъ-Визинымъ) былъ передѣланъ на русскіе нравы, съ сохраненіемъ многихъ оборотовъ и цѣлыхъ фразъ первоначальной редакціи, и въ этомъ видѣ помѣщенъ въ „*Живописцѣ*" Н. И. Новикова (часть 2 я, листъ 2 й. Спб. 1772 г.), безъ особаго заглавія. Эта передѣлка была перепечатана безъ измѣненій въ 3 и 4 изд. „Живописца", но въ 5 изданіи явилась, съ пропусками, возстановленными въ сдѣланномъ мною въ 1864 г., седьмомъ изданіи „Живописца" (см. стр. 169—177).

2 февр. 1866.

П. Ефремовъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1866.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Это историко-литературное изданіе, выходящее ежемѣсячно въ Москвѣ, при Чертковской библіотекѣ, посвящено *преимущественно* ближайшей къ намъ старинѣ (XVIII и XIX вѣкамъ).

Къ первому выпуску Русскаго Архива за нынѣшній годъ прилагается и выдается всѣмъ подписчикамъ большой фотографическій портретъ имп. Екатерины ІІ й въ траурномъ одѣяніи по имп. Елизаветѣ Петровнѣ, современной работы академика Чемесова.

Подписная цѣна за **12** выпусковъ (съ портретомъ) въ Москвѣ и Петербургѣ ПЯТЬ рублей; съ пересылкою и доставкою ШЕСТЬ р. с. Подписка принимается *въ Москвѣ* въ Чертковской библіотекѣ и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ И. В. Базунова на Страстномъ бульварѣ въ домѣ Загряжскаго); *въ Петербургѣ* — на Невскомъ проспектѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, къ коему исключительно обращаются за Русскимъ Архивомъ всѣхъ четырехъ годовъ гг. Петербургскіе книгопродавцы.

Выписывающіе въ чужіе края платятъ за Русскій Архивъ.

Въ Германію 6 р. 75 к.

Во Францію 7 р.

Въ Англію 7 р. 50 к.

Въ Швейцарію и Италію 8 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Дозволено цензурой. Москва, 15 Марта 1866 года.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ домъ [illegible].

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

4. ПРИ 1866.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Грачева и Комп.

1866.

ВОСПОМИНАНІЯ И. М. СНИГИРЕВА.

Кто не находилъ отрады и особеннаго наслажденія обращаться мыслію къ лѣтамъ дѣтства и молодости, когда все представлялось намъ въ другомъ видѣ и цвѣтѣ, нежели въ лѣта старости? Казалось, и самая природа и окружавшіе насъ люди тогда были не тѣ, какіе нынѣ. Но все прошло, все изчезло какъ обаятельное сновидѣніе, какъ прелестный призракъ, или миражъ; осталось только воспоминаніе, которое мы теперь усиливаемся возобновить въ памяти и воображеніи своемъ, къ услажденію случайныхъ горестей жизни. Приближаясь къ могилѣ, мы любимъ возвращаться воображеніемъ къ своей колыбели. Какъ драгоцѣнны намъ и тѣ мѣста, гдѣ мы провели время своего ребячества! Для насъ интересны тѣ люди, которые насъ окружали, на насъ имѣли вліяніе, принимали въ насъ участіе!

Не могу опредѣлительно сказать, подобно другимъ автобіографамъ, съ какихъ лѣтъ началось у меня сознаніе и воспоминаніе. Апрѣля 23-го 1792 г. бабушка моя, вдова *Анна Ивановна Кондратьева*, слушала всенощную въ церкви св. Георгія въ Ендовахъ, какъ возвѣстилъ ей отецъ мой, магистръ, потомъ профессоръ Московскато университета *Михаилъ Матвѣевичъ*, что Богъ ему послалъ сына *Ивана*. Бабушка приняла эту вѣсть съ восторгомъ, можетъ быть, особенно потому, что у нея дѣдъ назывался *Иванъ Михайловичъ Комаровъ*. По обычаю, новорожденному пророчили разныя счастливыя предсказанія; находили даже, что онъ родился о шести пальцахъ, какіе имѣли, по Библіи, исполины, но бабушка и судьба «на двое сказали».

Колыбелью моей былъ, на Никитской улицѣ въ Москвѣ, домъ священника противъ Никитскаго монастыря. Я крещенъ въ квартирѣ директора университета Павла Ивановича Фонъ-Визина; воспріемникомъ моимъ былъ архимандритъ Новоспаскій, а потомъ архіепископъ Ярославскій Павелъ, а воспріемницей дочь Фонъ-Визина, Марья Павловна. Съ Никитской мы переѣхали на Рожественку.

Помню, хотя и темно, то время, когда родители мои жили въ домѣ священника Рождественскаго монастыря Адріана Николаевича, лица весьма благочестиваго, который велъ строгую, подвижническую жизнь, почти ночи проводилъ въ молитвѣ, спалъ на голыхъ доскахъ, и вмѣсто мягкаго изголовья былъ у него камень. Въ памяти моей мелькаютъ отрывочныя подробности о разныхъ мелочныхъ въ жизни обстоятельствахъ; но глубоко впечатлѣлись слова, слышанныя отъ моей няньки Аграфены: «Прежде были люди пыжики, а то будутъ все тужики.» — «Что жъ это такое?» спрашивалъ я няню. «А вотъ что: люди прежде все пыщились, да прохлаждались, а то станутъ тужить и ничѣмъ не будутъ довольны.» — «Да отъ чего же это?» — «Да Богъ знаетъ, отъ чего, чай отъ грѣ-

ховъ своихъ; такое уже настанетъ время.»—Бывши уже лѣтъ десяти, я ужасно сердился и спорилъ съ нянькою, когда она повторяла народное пророчество, что «Москва будетъ взята на 40 часовъ». Но это самое я слышалъ не отъ одной няньки, но и отъ моей бабушки, Анны Ивановны Кондратьевой. Подобно голосу, летающему въ пустыняхъ Африканскихъ, и въ народѣ носятся темныя преданія и предсказанія, въ которыхъ таятся истины, распечатываемыя въ будущемъ и нерѣдко сбывается то, что̀ кажется намъ несбыточнымъ.

Предоставляя себѣ сказать въ послѣдствіи о другихъ событіяхъ въ моей жизни, обращусь къ подмосковному царскому селу Измайлову, интересному для меня не по одному только историческому его значенію, но драгоцѣнному также по воспоминаніямъ: тамъ были жилища моихъ прадѣдовъ и дѣдовъ, тамъ ихъ священныя для меня могилы, тамъ я провелъ лучшія лѣта моей жизни, лѣта самозабвенія и мечтанія. Я еще засталъ тамъ, въ самомъ началѣ XIX вѣка, дворецъ съ каменными службами, аптекарскій и виноградный сады, старый и новый звѣринцы, наполненные оленями, кабанами, Американскими свиньями и другими животными; въ звѣринцѣ цапельники, гдѣ на вершинѣ вѣковыхъ сосенъ цапли вили себѣ гнѣзда. Тамъ на моихъ глазахъ рыскала царская псовая охота за зайцами, лисицами, волками и медвѣдями. Словно теперь вижу, какъ медвѣдь, преслѣдуемый охотниками и собаками, перескочилъ черезъ высокій тынъ, окружавшій звѣринецъ. Кажется, будто теперь отдаются въ ушахъ моихъ стройныя и веселыя пѣсни охотниковъ, сопровождаемыя звуками тарелокъ и ложекъ съ бубенчиками, съ хлопаньемъ арапниковъ и выстрѣлами изъ ружей. Такъ живы и сильны впечатлѣнія этихъ охотничьихъ пѣсенъ, которыхъ съ тѣхъ поръ уже нигдѣ не слышу! Ихъ любили слушать юный Петръ II, Елисавета Петровна и Анна Ивановна съ Бирономъ, нерѣдко забавлявшіеся охотой и стрѣльбою изъ ружей въ Измайловскомъ звѣринцѣ. Это царское приволье для меня драгоцѣнно еще потому, что тамъ жила почти вся родня моей матушки и что тамъ женился мой батюшка; мимоходомъ замѣчу, что матушка моя родилась въ Казани, въ Пугачевщину, а батюшка увидѣлъ свѣтъ въ Александровѣ, въ то время, когда тамъ, въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, пребывала цесаревна Елизавета Петровна, крестная мать отца моего.

Заговоривъ объ охотѣ, не могу пропустить, что начальникомъ псовой охоты и форшмейстеромъ звѣринца тамъ былъ мой дядя (по женѣ его) *Павелъ Матвѣевичъ Извольскій*, охотившійся съ императоромъ Павломъ I и съ графомъ А. Г. Орловымъ: лихой наѣздникъ, рьяный охотникъ, мѣткій стрѣлокъ, который одинъ ходилъ съ рогатиной и ружьемъ на медвѣдя, 85-ти лѣтъ стрѣлялъ на лету ласточекъ и 90-та лѣтъ убилъ волка. Занимая нѣсколько лѣтъ выгодную должность форшмейстера въ Измайловскомъ звѣринцѣ, онъ оставилъ въ неотъемлемое наслѣдство женѣ и дѣтямъ честь и доброе имя. Въ 1812 году, потерявъ свое имущество, онъ, какъ искренно вѣрующій, не потерялъ надежды на помощь Божію; такое упованіе его не посрамило. Къ нему можно примѣнить слова Псалмопѣвца: «юнѣйшій быхъ и се состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣбы.»

Дядя его, *Гаврила Матвѣевичъ*, былъ любимымъ стремяннымъ у императр. Елизаветы Петровны, которая иногда посѣщала уютное его жилище, кушала у него любимую свою яишницу-верещагу, блины, домашнюю наливочку, барха-

тное пивцо и янтарной медокъ; зимою она съ нимъ каталась въ саночкахъ, а по прудамъ на конькахъ. Гаврила Матвѣевичъ былъ силачь и смѣльчакъ стараго Русскаго закала, прямо говорилъ правду, потому что жилъ честно и благочестиво, безъ лицемѣрія, царицѣ своей, разумѣется, и матушкѣ святой Руси, преданъ былъ душой и сердцемъ. Это давало ему смѣлость, которая не могла нравиться придворнымъ. Наши слова оправдаемъ самымъ примѣромъ изъ жизни Гаврилы Матвѣевича. Однажды случилось ему ѣхать у кареты государыни, которая, увидѣвъ, что онъ нюхаетъ табакъ изъ берестовой тавлинки, сказала ему: «Какъ тебѣ не стыдно, Гаврила, нюхать изъ такой табакерки! Ты вѣдь царской стремянной; что подумаютъ ибо мнѣ иностранные послы, коли увидятъ у тебя берестовую тавлинку? Эка, дескать, у нихъ голь царскіе слуги!» А они тогда были въ Москвѣ. — «Гдѣ мнѣ взять серебряной табакерки? не воровать же стать». — «Ну хорошо, я тебѣ пожалую золотую табакерку.» — Послѣ того, прошло нѣсколько времени, а табакерки Гаврила не получалъ. Императрица сбиралась кудато ѣхать; карета стояла у подъѣзда, Гаврило былъ на готовѣ въ пріемной залѣ дворца, гдѣ собралось и нѣсколько царедворцевъ. Между ними зашелъ разговоръ о правосудіи, въ который вмѣлелся и Гаврило, какъ близкій къ государынѣ человѣкъ. «Что вы толкуете о правдѣ, когда и въ царяхъ нѣтъ ея.» Такія слова подхватили придворные и передали государынѣ. Вотъ какъ, дескать, поговариваетъ жалуемый вашимъ величествомъ Гаврила! Надобно замѣтить, что въ то время роковое *слово и дѣло* вело въ истязательный Преображенскій приказъ. Добрая Елисавета, не чуждая придворныхъ сплетенъ, позвавъ Гаврилу Матвѣевича къ себѣ въ кабинетъ, съ кротостію спросила своего стремяннаго: «Я слышала, ты говоришь, что въ царяхъ правды нѣтъ; скажи мнѣ, какую же неправду я сдѣлала предъ тобою?» — «А вотъ какую», смѣло отвѣчалъ Гаврила обѣщали мнѣ золотую табакерку, и вотъ сколько прошло мѣсяцевъ, а не исполнили своего обѣщанія!» — «Ахъ, виновата, забыла,» — и съ этимъ словомъ вынесла изъ кабинета Гаврилѣ серебряную вызолоченную табакерку, Устюжской работы съ чернью. Тотъ, взявъ ее, поклонился до земли, а, посмотрѣвъ на подарокъ, молвилъ: «Все таки моя правда, что въ царяхъ нѣтъ правды.» — «Какъ такъ?» шутя спросила императрица. — «Да вѣдь ты изволила обѣщать золотую табакерку, а жалуешь вызолоченную, серебряную!» — «Ну, ну, опять неправа, подай мнѣ серебряную, обмѣняю ее на золотую.» — «Нѣтъ, матушка, эта будетъ у меня будничною; изволька вынести мнѣ праздничную». Такъ и сдѣлалось, какъ сказалъ Гаврило. И государыня, и стремянный остались довольными: одна шуткою, а другой двумя подарками отъ царицы. Однажды, на имянины, императрица прислала къ Извольскому пирогъ, начиненный рублевиками. Когда онъ благодарилъ ее за такую милость, она спросила его: «По вкусу ли ему пирогъ съ груздями?» — «Какъ, матушка царица, не любить царскаго пирога съ груздями, хоть бы и съ рыжиками!» Но завистливые коznодѣи уловили какія-то слова Гаврилы, и онъ попалъ не только въ опалу, но и въ страшный Преображенскій приказъ, гдѣ сидѣлъ нѣсколько времени; потомъ, по ходатайству жены своей, прощенъ императрицею. Нынѣ покажется странною простота обращенія императрицы въ домашней жизни. Она любила слушать сказки и росказни простыхъ людей; даже брали для этого съ площади торговокъ къ ней въ опочивальню. Во время послѣобѣденнаго от-

дыха онѣ сиживали у ея постели и разсказывали всякую всячину, что̀ видѣли и слышали въ городѣ. Императрица, чтобы дать имъ свободу говорить между собою, иногда притворялась спящею; не укрылось это отъ смѣтливыхъ бабъ и отъ придворныхъ; послѣдніе подкупали первыхъ, чтобы онѣ, пользуясь мнимымъ сномъ императрицы, хвалили или хулили, кого имъ надобно въ своихъ шушуканьяхъ между собою. Такимъ образомъ обѣ стороны обольщались. Подъ смертною казнію имъ запрещалось разглашать, что онѣ бывали у государыни во дворцѣ и говорили съ нею. «Смотри же,» говаривалъ имъ царскій стремянный, «ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами, а не то жилы вытянутъ, въ уголь сожгутъ, по уши въ землю вколотятъ.» (1) Такіе угрозы, заимствованныя изъ Преображенскихъ и Константиновскихъ застѣнковъ, не рѣдко тогда употреблялись, когда хотѣли кого пристращать.

Возвратимся еще къ Гаврилѣ. Онъ былъ атлетическаго сложенія, силенъ тѣломъ и духомъ, крѣпокъ вѣрою въ Бога, непоколебимъ въ честности и въ преданности своей царицѣ. Благородство онъ ставилъ не въ знатномъ происхожденіи, а въ справедливости и добродѣтели, хотя происходилъ изъ столповыхъ дворянъ. Случилось какъ то, жена его пекла блины, а онъ, сидя у печки подлѣ нея, чинилъ свои сапоги; дѣти вокругъ ихъ вертѣлись въ ожиданіи горячихъ блиновъ. Толкуя о томъ и о семъ съ женою, они договорились до дворянскаго происхожденія своего. „Вѣдь мы не выходцы какіе и не разночинцы, а природные столповые дворяне!“ Съ этимъ словомъ Гаврило кинулъ сапоги и, схвативъ изъ ящика подъ образами древнія жалованныя грамоты и дипломы дворянамъ Извольскимъ, кинулъ въ печь. „Вотъ тебѣ и дворянство!“ промолвилъ онъ. Жена только ахнула, хотѣла что-то сказать; но, взглянувъ на висѣвшую на стѣнѣ ѣздовую нагайку, прикусила языкъ. Гаврило спокойно принялся за сапоги, а жена его за блины. Такъ въ огнѣ сжегъ онъ хвастовство своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, подобно царю Θеодору Алексѣевичу, предавшему пламени мѣстническія книги! Почему же жена не сдѣлала ему ни упрековъ, ни возраженій? Потому что она помнила возглашенныя слова Апостола при бракосочетаніи, а еслибъ ей случилось ихъ забыть, то мужъ напомнилъ бы ей тѣмъ осязательнымъ средствомъ, которое рекомендуетъ Домострой. Для новой Руси не понятно, даже дико, какъ это средство въ старой, до-Петровской, даже и по позднѣе, могло служить выраженіемъ супружеской любви. Впрочемъ не думайте, чтобы это было только въ необразованной Россіи; оно существовало и во Франціи, гдѣ закономъ дозволялось бить свою жену по произволу (battre sa femme à loisir). Не легче было женамъ и въ ученой Германіи. Въ домашнемъ быту плетка и розга поддерживали и водворяли порядокъ и ус-

(1) Въ запискахъ Порошина, стр. 462: „Говорили, что въ то время (при Елисаветѣ) многіе по любви съ тѣми женщинами получали себѣ чины и мѣста выгодныя. Рѣчь была о Васильѣ Ивановичѣ Чулковѣ, что онъ во время государыниной болѣзни, по самую ея величества кончину, почти безотлучно при ней былъ и спалъ въ ея опочивальнѣ, такъ какъ камердинеръ. Зашелъ разговоръ о Елисаветѣ Ивановнѣ (?), что тогда всѣ дѣла черезъ нея государынѣ подавали...“ — Въ Запискахъ Храповицкаго, стр. 52: „Изволила (Екатерина II-я) изъясняться о разности придворныхъ во время импер. Елисаветы Петровны и нынѣшнее... Я говорилъ о старухахъ, чесальницахъ ножекъ.“ Домашній бытъ импер. Елизаветы Петровны превосходно описанъ Державинымъ въ стихахъ его *Царь-Дѣвица*, изд. Я. К. Грота, III, 122—130. *П. Б.*

тройство. Гдѣ грозно, говоритъ пословица, тамъ честно, или: хорошо честь и гроза. Это средство испыталъ на себѣ и племянникъ Гаврилы, Павелъ Матвѣевичъ Извольскій. Жена его, моя тетка, была красавица тѣломъ и душей; но молодой мужъ, при пылкомъ характерѣ, увлекся какъ-то соблазномъ, конечно не безъ содѣйствія бѣса, на котораго въ тотъ вѣкъ люди сваливали всѣ вины свои. Гаврила, провѣдавъ объ этомъ, пріѣхалъ сдѣлать племяннику увѣщаніе не въ сухихъ и общихъ наставленіяхъ, но въ осязательныхъ поученіяхъ, такъ что тотъ отъ его нагайки пролежалъ съ недѣлю не на спинѣ, а на животѣ.

Я знаю по преданію отъ родной бабки и отъ матери о прадѣдѣ своемъ *Василіѣ Кондратьевичѣ Кондратьевѣ*, который служилъ при Измайловскомъ дворцѣ и умеръ въ селѣ Измайловѣ на 113 или 114 году (а прабабка моя на 107 году). До меня не дошли подробности о его службѣ и дѣлахъ; только одно мнѣ извѣстно, что наши Филемонъ и Бавкида жили въ счастливомъ супружествѣ 90 лѣтъ. Когда уже прадѣдъ положенъ былъ во гробъ, прабабушка усиливалась плакать, но источникъ у нея уже изсякъ. Причитая по старому обычаю, она голосила: „отецъ ты мой, я съ тобою пожила, словно у печки погрѣлась.“ Въ счастливой жизни, во взаимной, неостывавшей теплотѣ сердца, такъ ей показались короткими 90 лѣтъ супружества. Кондратьевыми переменовалъ Петръ I Вороновыхъ. Одинъ изъ нихъ служилъ у него въ канцеляріи; на немъ нерѣдко бывала царская рука, и чуть не дубинка. Такъ я слыхалъ отъ бывшаго управителя подмосковными дворцами, коллежскаго ассессора Ивана Саввича Брыкина.

На погостѣ церкви Измайловской, Рождества Богородицы, погребенъ дѣдъ мой съ материнской стороны, придворный коммиссаръ *Иванъ Васильевичъ Кондратьевъ*, въ 1776 году, не старыхъ лѣтъ Въ Казанской губерніи онъ былъ управителемъ казенныхъ крестьянъ. Въ то время, какъ грозный Пугачевъ приближался къ Казани, дѣдушка съ семействомъ своимъ сидѣлъ за столомъ. Вдругъ на дворъ въѣзжаетъ нѣсколько троекъ, входятъ въ столовую мужики. Дѣдушка не зналъ, что̀ и подумать, особливо въ то кипучее время, когда самозванецъ возмущалъ крестьянъ противъ господъ и когда многіе изъ помѣщиковъ дѣлались жертвами своеволія и самоуправства. „Что вамъ надобно, братцы?“ спросилъ дѣдушка.—„Тебя съ женушкой и дѣтками,“ отвѣчали мужики. При такомъ отрывистомъ отвѣтѣ, онъ могъ подумать объ угрожающей ему съ семействомъ опасности, даже о мучительной смерти, какой предавали необузданные крестьяне своихъ начальниковъ. — „Нѣтъ, отецъ нашъ, не думай ничего худаго, мы пріѣхали спасти васъ за ваше радѣніе объ насъ, сбирайтесь скорѣе! Пугачевъ близко“. Взявъ съ собою, что̀ успѣли, въ торопяхъ, бабушка съ дѣтьми, въ томъ числѣ, съ матушкою моей, поѣхала въ Москву — въ Измайлово. Дѣдушка скрылся въ крѣпости. Въ домѣ остался дворецкій Прокопій. Не замедлили явиться бунтовщики; принявъ Прокопія за господина, они подняли его на копья; имя его сохранилось въ указѣ; дѣвокъ Пугачевъ взялъ къ себѣ въ палатку; одна изъ нихъ, красивая собою, заняла у мнимаго Петра III мѣсто императрицы и носи[illegible] на головѣ родъ короны, которую мнѣ довелось видѣть. По освобожденіи Казани отъ осады и по взятіи въ плѣнъ самаго Пугачева, дѣдушка переѣхалъ въ Москву и поселился въ Измайловѣ, ближе къ женнинымъ и своимъ роднымъ. Въ числѣ ихъ тамъ находился

мой прадѣдушка *Иванъ Саввичъ Брыкинъ*, о которомъ скажемъ нѣсколько словъ (о немъ упомянуто и въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ) (²).

Онъ родился въ Измайловѣ. Отецъ его Савва Григорьевичъ, братъ Михайла Брыкина, тамъ былъ подъячимъ приказной избы съ 1712 года января 28 и продолжалъ свою слубу до 1733 года; умеръ 60 лѣтъ, а его мать, Елисавета Варѳоломеевна, на 100 году, отъ рожденія, въ 1758 г., оставляя сына своего Ивана сиротою. По сношенію и свойству съ придворными служителями, они видали императоровъ Петра I и Петра II, императрицъ Анну Ивановну и Елисавету Петровну, могли знать и слышать о многихъ событіяхъ при дворѣ. Иванъ Брыкинъ, начавшій свое служеніе при отцѣ своемъ, любилъ разсказывать переданное ему отъ родителей, между прочимъ и то, что „государь Петръ Великій родился въ Измайловѣ". Это самое и отмѣтилъ онъ собственноручно на лѣтописцѣ, доставшемся ему отъ отца, о рожденіи тамъ Петра Великаго, и съ такимъ убѣжденіемъ умеръ. Всего не припомнишь, что̀ я слыхалъ отъ Ивана Саввича въ своей молодости; но въ памяти моей запечатлѣлись разсказы его, какъ Петръ I пожаловалъ ему (или, кажется, отцу его) серебряный рублевикъ, примолвивъ: „смотри же, береги, на орѣхахъ не пролакомь." Этотъ царскій рублевикъ хранилъ старецъ, какъ святыню, носилъ его въ шелковомъ кошелечкѣ на груди, съ крестомъ, и заповѣдалъ похоронить себя съ нимъ, что̀ при мнѣ исполнено. Имѣя твердую, до глубокой старости, память, вспоминалъ огненныя потѣхи и пирушки Петра I на лугахъ и въ рощахъ Измайловскихъ съ любимцами; видѣлъ, какъ убилъ своею дубинкою у дворцоваго крыльца одного придворнаго служителя, который не успѣлъ снять предъ нимъ шапки; какъ Анна Іоанновна велѣла повѣсить предъ окнами повара, который подалъ ей къ блинамъ прогорклое масло. Когда эта государыня гуляла по лугамъ съ Бирономъ, мальчикъ Брыкинъ въ затрапезномъ халатѣ носилъ за нею кубчикъ съ медомъ, с запазухой у себя имѣлъ оловянный стаканъ. Обернувшись къ нему, она спросила его: „дьячекъ что ли ты?" — „Нѣтъ ваше царское величество, сынъ вашего слуги." Смышленный и расторопный Иванъ Брыкинъ, выучась грамотѣ у сельскаго дьячка, поступилъ писаремъ въ приказную избу и, какъ видно, иногда прислуживалъ при дворѣ; потомъ былъ подъячимъ и смотрителемъ дворцовъ подмосковныхъ. Во время моровой язвы, постигшей древнюю столицу, онъ сохранилъ Измайлово отъ губительной чумы, и за то въ сенатскомъ указѣ 1772 года названъ „попечительнымъ и усерднымъ всемилостивѣйшей государынѣ и прямымъ сыномъ отечества."

Строгое воздержаніе и юношеское цѣломудріе сохранили и укрѣпили его тѣлесныя и душевныя силы до ста лѣтъ. Лѣтъ сорока, онъ не зналъ вкуса ни въ винѣ, ни въ пивѣ и оставался отрокомъ до женитьбы своей; съ женой жилъ 30 лѣтъ и прижилъ съ нею двухъ дочерей. Вдовство его было столь же цѣломудренно, какъ и юность и мужество. Онъ былъ мущина средняго роста, плотный, коренастый, статный, въ полнотѣ силъ, неистраченныхъ развратомъ, съ выразительнымъ лицемъ; словомъ, молодецъ, кровь съ молокомъ; но не онъ заглядывался на красавицъ, а онѣ на него; сердце его не было растлѣннымъ и воображеніе испорченнымъ, да и заповѣди Господни онъ твердо помнилъ. Можетъ статься, нынѣ этому не повѣрятъ, какъ можно дожить до 40 лѣтъ здоровому

(²) Плюшара, VII, 187.

мущинѣ въ цѣломудріи? Но прадѣдушка не завѣщевалъ мнѣ лгать, да и самъ почиталъ ложь великимъ грѣхомъ, потому что отецъ лжи — дьяволъ. Послѣ женитьбы, уже вступивъ за сорокъ лѣтъ, Иванъ Саввичъ въ пріятельскомъ обществѣ позволялъ себѣ подгулять дни два, три; опорожнивъ стакановъ пять и даже десять пуншу, нѣсколько рюмокъ домашней наливки и не одну кружку пива, онъ никогда не бывалъ пьянъ и не пошатнется; но изъ строгаго, молчаливаго и серіознаго становился говорливымъ, веселымъ и шутливымъ. У него винцо не связывало, не притупляло языка, но развязывало его. Онъ любилъ воспоминать про старину; она оживала въ его рѣчахъ, которыя лились рѣкою; къ нимъ приплеталъ онъ пословицы, прибаутки и притчи, которыя и я у него заимствовалъ. „Нынѣ такъ уже не живать", повторялъ онъ, „какъ встарь живали; тогда безъ лекарствъ были здоровы, безъ баловъ веселы, безъ книгъ умны." Современникъ Тредьяковскаго, Иванъ Саввичъ, до самой глубокой старости, любилъ читать его стихотворенія, пѣвалъ его пѣсни, которыя ему казались очень замысловатыми и веселыми. Въ Анакреонтическихъ его пѣсняхъ, напечатанныхъ въ Спб., сколько помню, въ 1740 годахъ (3), одно примѣчаніе поэта означаетъ слѣдующее: „Пѣснь эту я имѣлъ незабвенное благополучіе воспѣть въ императорскомъ царскомъ дворцѣ, стоя на колѣняхъ предъ каминомъ, и отъ всещедрыя десницы ея императорскаго величества удостоился получить всемилостивѣйшую оплеушину".

У Ивана Саввича дворовой его, Калина Кузмичъ, варивалъ отличное пиво и завелъ пивоварню на дворѣ. Его пиво было пряное, тонкое, вкусное и здоровое, которое не густило крови, не дѣйствовало на голову — такое, какъ говаривалъ шутя Иванъ Саввичъ: «хлебнешь, упадешь, вскочишь, опять захочешь.» У него этого русскаго напитка, безъ химическихъ примѣсей, было три сорта: *дѣдушка, батюшка, сынокъ*, по различію степеней его крѣпости. Употребленіе его рекомендовали доктора больнымъ; его выписывали въ С. Петербургъ ко двору и въ другіе города, даже въ Пруссію. Хозяйство Ивана Саввича было прекрасно устроено безъ заморскихъ затѣй; домъ былъ, какъ полная чаша: всего въ изобиліи, и при томъ еще, на маломъ пространствѣ земли, грунтовые сараи и сады доставляли ему прекрасныя фрукты, огороды, — овощи, пчельникъ — медъ. Въ ледникахъ засѣчены были бочки мартовскаго пива, квасу, разныхъ медовъ, которыми прежде щеголяли хозяева. Видно, они въ древности были хороши, что самые иностранные путешественники предпочитали ихъ Венгерскимъ винамъ (4). У кого въ селѣ попросить квасу, или дрозжей? — У Ивана Саввича. Къ кому итти попить пивца? — Къ Ивану Саввичу. У кого взять медку на канунъ для помину родителей? — У Ивана Саввича. А онъ, надобно замѣтить, хоть былъ и скупенекъ, но не отказывалъ въ помощи бѣдному и доброму человѣку. Уютный, гостепріимный его домикъ навѣ-

(3) Эту весьма рѣдкую книжку въ 12-ю д., я видѣлъ и читалъ у профессора Мерзлякова.

(4) О домовитости нашихъ дѣдовъ и сильномъ развитіи отдѣльныхъ хозяйствъ свидѣтельствуетъ и С. Н. Глинка въ Запискахъ своихъ (Р. Вѣстн. 1866, кн. 1), разсказывая о жизни въ Смоленской губерніи. Несомнѣнно, что не одни дворяне, но и крѣпостные люди жили зажиточнѣе теперешняго. Это объясняется во первыхъ большимъ привольемъ (вслѣдствіи сравнительной малости народонаселенія), и во вторыхъ особливою заботливостью объ этомъ предметѣ Екатерины II. (См. ея записку о мануфактурахъ въ Р. Архивѣ 1865, стр. 495—510 втораго изданія) *П. Б.*

щали и архіереи, и архимандриты, даже самъ митрополитъ Платонъ, и почтенные граждане Москвы, Баташевъ, Жигаревы и пр. Я съ батюшкой и матушкой не рѣдко встрѣчали у Брыкина почтенныхъ профессоровъ университета Страхова, Антонскаго, Политковскаго, Гейма, Шлёцера, Брянцова, Гаврилова, Аршеневскаго, которые находили удовольствіе въ бесѣдѣ не ученаго, но умнаго, опытнаго и своеобразнаго старца: имъ нравился простой образъ патріархальной его жизни, радушный безъ лести пріемъ и угощеніе, чѣмъ Богъ послалъ. Къ незваному обѣду подавался и кусокъ домашней ветчины, лапша, яишница-верещага или глазунья, индѣйка съ солеными лимонами, утка съ такими же сливами, свѣжій варенецъ, бѣлоснѣжный творогъ съ густыми сливками. Вмѣсто Фряжскихъ винъ и ликеровъ, подносилъ гостепріимный хозяинъ домашнія многолѣтнія наливки: малиновку, смородиновку, вишневку, рябиновку, розановку, въ промежуткахъ холодное со льда мартовское пиво и янтарный медъ. Въ ихъ пріятельско-оживленной бесѣдѣ безъ картъ и фальши, можно было услышать много любопытнаго, занимательнаго и поучительнаго; казалось, въ ней соединялись опытъ жизни съ наукою о жизни. Обыкновенно, подъ конецъ бесѣды, при прощаньи, старецъ нашъ вставалъ и посреди своей горенки затягивалъ басомъ псаломъ: «Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ твоемъ»; нѣкоторые изъ гостей подтягивали ему. Но у Ивана Саввича не обходилось *безъ посошка* на дорожку, что̀ Нѣмцы называютъ Johannistrunk.

Не имѣя въ рукахъ послужнаго списка Брыкина, я не могу сказать, за что именно онъ пожалованъ императоромъ Павломъ I въ коллежскіе ассессоры, или, какъ говорилось тогда, въ маіоры. Комендантомъ въ Москвѣ былъ добрый нѣмецъ Иванъ Крестьяновичъ Гессе, точный блюститель военной дисциплины и наблюдатель за городскими заставами, гдѣ спрашивали тогда объ имени и званіи въѣзжавшихъ и выѣзжавшихъ и, кажется, записывали. Этотъ комендантъ, ѣздившій всегда стоя въ саняхъ и дрожкахъ, такъ обрусѣлъ, что не чуждался зелена вина. Получивъ повѣстку о своемъ производствѣ въ маіоры, Иванъ Саввичъ поѣхалъ въ Москву для принятія присяги. Послѣ присяги заѣхалъ онъ къ одному старому пріятелю и порядочно подкутилъ съ нимъ на радости. Возвращаясь вечеромъ въ свое Измайлово, на вопросъ караульнаго: «Кто ѣдетъ?» отвѣчалъ: „Янька, золотыя пуговки“. Такъ назвался онъ, вѣроятно, потому, что при Екатеринѣ II маіоры носили золотыя, т. е. золоченыя пуговицы на мундирѣ, а на камзолѣ и на самомъ мундирѣ золотые галуны. Караульный остановилъ его, и новый маіоръ долженъ былъ провести ночь въ караулѣ. На другой день его представили при рапортѣ къ коменданту. Гессе, расспросивъ Брыкина, отпустилъ его во свояси. Но нашъ маіоръ остановилъ коменданта: „Что-же ваше превосходительство“, сказалъ онъ, „ничѣмъ не соблаговолили поздразить меня съ высокимъ чиномъ? Со вчерашняго поздравленія голова трещитъ“. Подана была водка, и рюмка за рюмкой, судья съ подсудимымъ понатянулись на порядкахъ; потомъ одинъ, на веселѣ, поскакалъ осматривать заставы, а тотъ поѣхалъ въ свою Преображенскую заставу, гдѣ его пропустили уже безъ всякой остановки, хотя Иванъ Саввичъ и откликнулся на вопросъ часоваго Янькою съ золотыми пуговками, потому что Гессе далъ ему записку: „пропустить безпрепятственно Яньку съ золотыми пуговками“. Домашнимъ отданъ былъ маіоромъ приказъ величать его: ваше высоко-

благородіе, что̀ сообщено и сельскимъ жителямъ.

Между тѣмъ неожиданно нагрянулъ на Москву роковой 1812 годъ..... Но прежде чѣмъ передамъ воспоминанія о незабвенномъ годѣ, коснусь знаменитаго сосѣда нашего въ Троицкой улицѣ, митрополита Платона.

Подъ покровительствомъ митрополита Платона сирота-родитель мой, крестникъ императрицы Елисаветы Петровны, былъ воспитанъ и до самой смерти его пользовался его расположеніемъ, нерѣдко посѣщалъ его на Троицкомъ подворьѣ, въ Троицкой лаврѣ, Виѳаніи и Черкизовѣ, куда любилъ уединяться маститый архипастырь. По близкому сосѣдству нашему (потому что мы жили, какъ называется, заборъ объ заборъ) изъ Красноглазова сада, смежнаго съ нашимъ, Платонъ заходилъ иногда и въ нашъ садикъ, гдѣ была калитка. Съ отцемъ моимъ и я иногда бывалъ у него и всякій разъ получалъ то книгу, то просфору, то фрукты; однажды пожаловалъ онъ мнѣ шелковый кошелекъ, сказавъ: «онъ пустой, наполни его своимъ трудомъ.» При началѣ моего ученія, владыка написалъ для меня своею рукою молитву, которая утратилась съ другими драгоцѣнностями нашими въ 1812 году; остался только пустой кошелекъ. Твердо и живо помню, когда я вступалъ изъ бывшей академической гимназіи въ 1807 или 8 году студентомъ въ Московскій университетъ, отецъ мой, профессоръ университета, привелъ меня на благословеніе къ митрополиту Платону; преосвященный велѣлъ мнѣ перевести съ Латинскаго на Русскій первыя строки своей краткой біографіи въ книжкѣ Fasciculus litterarum; я перевелъ. «Когда меня не будетъ на свѣтѣ» примолвилъ архипастырь, дополни это жизнеописаніе. Предъ 1812 годомъ, онъ принялъ отъ меня очень благосклонно дѣтскій переводъ мой романа: „Евдоксія, дщерь Велизарія,“ читалъ его до половины и, вмѣсто закладки, оставилъ предъ отъѣздомъ въ Виѳанію, носовой платокъ свой въ книгѣ. Все это было для меня сильнымъ побужденіемъ составить жизнеописаніе митрополита Платона ([5]).

Въ юношеской моей памяти врѣзались слова святителя о нашемъ домѣ у Троицы въ Троицкой. «Тамъ, еще мальчикомъ, я хаживалъ мимо этого мѣста, гдѣ былъ деревянный домикъ одного купца, который странствовалъ съ дочерью своей въ Іерусалимъ и, снявъ планъ съ святаго града, посвятилъ свой трудъ, время и иждивеніе на сооруженіе огромнаго креста съ изображеніемъ Іерусалима и страстей Господнихъ. На дворѣ у васъ этотъ крестъ стоялъ въ высокомъ сараѣ, у коего на столикѣ, въ деревянную чашечку, сбирали подаяніе на сооруженіе креста, и я клалъ по полушечкѣ.“ Крестъ поставленъ былъ въ соборѣ Срѣтенскаго монастыря у сѣверной стѣны, гдѣ и теперь находится. Московское купечество предлагало начальству, въ концѣ цар-

([5]) Жизнь Москов. митрополита Платона. М. 1856. 8°. 2 ч. Сочиненіе *И. М Снигирева*. Біографія этого высоко-замѣчательнаго лица до сихъ поръ не разработана. Намъ случилось видѣть важные матеріалы для оной въ бумагахъ его антагониста, катихизатора Московскаго университета Петра Алексѣева. Любопытно участіе его въ дѣлѣ профессора Мельмана, исключеннаго изъ Московскаго университета за его мнѣнія (Чтенія въ общ ист. и древн. 1863 кн. 2-я) Вотъ два отзыва о Платонѣ импер. Екатерины II й, по запискамъ Храповицкаго (стр. 33): „Новоспасскій архимандритъ Павелъ вчера худо говорилъ рѣчь. Онъ ученикъ Платона. Нарочно стараются, чтобъ ихъ не превзошли, а теперь (1787) въ бѣльцахъ люди лучше, нежели въ чернецахъ".—„27 Апрѣля (1788) указъ объ отмѣнѣ сбора съ священно и церковно-служителей Московской епархіи, для бѣдныхъ учениковъ Заиконоспаскихъ, наложеннаго митрополитомъ Платономъ. Онъ блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ“ (стр 59) *П. Б.*

ствованія Екатерины II, поставить на Лобномъ мѣстѣ подъ шатромъ этотъ достопамятный крестъ; но неизвѣстно, почему дѣло это не состоялось.

Не повторяю здѣсь того, что̀ сказано мною въ біографіи м. Платона о рожденіи его въ самый звонъ къ заутрени на праздникъ первоверховныхъ Апостолъ, въ селѣ Чашниковѣ, гдѣ отецъ его тогда находился причетникомъ: день рожденія былъ днемъ тезоименитства для новорожденнаго, котораго наименовали Петромъ, по фамиліи Левшинымъ. Сообщу то, что́ слышано мною отъ моего родителя, также отъ преосвященнаго Евгенія, сохранившаго при глубокой старости своей крѣпкую память, отъ покойнаго архіепископа Августина, отъ духовника Платонова о. Аарона, отъ келейника его Моусея Платонова, недавно умершаго и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, достойныхъ вѣроятія. О Платонѣ не только они любили вспоминать, но во многихъ семействахъ Московскихъ старожиловъ свято хранятся о немъ преданія; донынѣ разсказываютъ они, какъ о важномъ событіи въ жизни своей: „мы видѣли, мы слышали Платона, приняли отъ него благословеніе; отца моего благословилъ онъ просфорою, или иконою, сказавъ то и то.“

Не пропущу здѣсь слышанное мною отъ почтеннаго старожила И. П. Лобкова, лично знавшаго Платона. Однажды онъ пришелъ къ Успенскому собору, полному народомъ, въ то самое время, какъ Платонъ сказывалъ проповѣдь и, не могши пройти за тѣснотою въ соборъ, остановился въ растворенныхъ сѣверныхъ дверяхъ и тамъ, увидѣвъ плачущаго мужика, полюбопытствовалъ спросить его: „объ чемъ онъ плачетъ?“ —«Какъ мнѣ не плакать, вѣрно владыко говоритъ что-нибудь душеспасительное,“ отвѣчалъ тотъ. Таково было предубѣжденіе и предощущеніе народа, вполнѣ сочувствовавшаго своему архипастырю! Такъ увѣковѣчилось въ народѣ имя Платона, сроднившагося съ нимъ душею и сердцемъ, потому что онъ былъ Русскій сердечный человѣкъ. Всякое слово, исходившее изъ устъ его, проникало въ душу народа, который ему вѣрилъ и вѣровалъ.

Но возвратимся къ лѣтамъ дѣтства и юности Платона. Когда отецъ его Георгій былъ уже въ Москвѣ викарнымъ священникомъ при церкви Спаса во Спасской, Петръ ходилъ оттуда пѣшкомъ учиться въ бурсу Славяногреколатинской Академіи съ краюшкою чернаго хлѣба за пазухой, составлявшею его обѣдъ. Объ немъ не столько заботился отецъ, не всегда воздержный отъ вина, сколько мать; ея любовь замѣняла недостатокъ образованія, такъ что она отъ скуднаго достатка покупала на площади книжки для сына, который не имѣлъ даже порядочной обуви и лѣтнею порой хаживалъ босикомъ въ школу, и чуть не носилъ лаптей съ портянками. Такъ какъ красивый изъ себя, смышленый, голосистый Петръ по праздникамъ бойко читывалъ и стройно пѣвалъ въ Спасской церкви, то одинъ изъ прихожанъ подарилъ ему коты съ красною сафьянною оторочкой, а другой далъ поношеный бархатный камзолъ. „Я,“ говаривалъ Платонъ, «радовался этому едва ли не болѣе, чѣмъ Андреевской лентѣ и, любуясь ими, дорогой спотыкался; въ школу ходилъ босикомъ, а коты несъ подъ мышкою, приближаясь же къ Академіи, надѣвалъ ихъ на себя».

Прилежаніе и дарованія скоро довели Петра до богословскаго класса. По заведенному въ Академіи порядку, онъ тогда, объясняя катихизисъ, успѣлъ привлечь къ себѣ особенное вниманіе Московскихъ гражданъ, любившихъ посѣщать такія чтенія и даже заслужилъ названіе Московскаго Златоуста. Въ это

время былъ архіепископомъ Московскимъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, человѣкъ ученый, но строгій до жестокости по своему холерическому ([6]) темпераменту: у него плети и розги служили обыкновенными средствами для исправленія подчиненныхъ; отъ нихъ не избавлялись даже священно - церковнослужители: приносившіе безкровную жертву сѣчены бывали до крови; это поселило въ духовенствѣ ненависть къ нему, которая соединилась съ народнымъ подозрѣніемъ его въ еретичествѣ. Неравнодушный къ славѣ мальчика, ничтожнаго въ его глазахъ, онъ потребовалъ къ себѣ его тетради и, нашедши въ нихъ что-то, по своему мнѣнію, предосудительное, хотѣлъ было высѣчь своего преемника при всѣхъ въ Академической аудиторіи. Но за Левшина сильно вступился ректоръ и доказалъ преосвященному неосновательность его осужденія.

Время проповѣдыванія своего въ Академіи Платонъ считалъ счастливѣйшимъ въ своей жизни. Москвичи, любившіе проповѣданіе слова Божія, сочувствовали юному проповѣднику, восхищались имъ. Родители Левшина еще были живы, какъ славный въ свое время проповѣдникъ Гедеонъ Криновъ узналъ его и сталъ убѣждать его принять иноческій чинъ; но мать противилась тому, склоняя его вступить въ супружество; долго не благословляла его на этотъ подвигъ, наконецъ, по любви своей къ нему, уступила твердому его желанію и рѣшимости.

Петръ, уже подъ именемъ Платона, монахъ Троицкой Лавры—помѣщицы болѣе ста тысячъ крестьянъ чудотворцевыхъ. Въ новой для Платона сферѣ руководителемъ былъ Гедеонъ. Этотъ архимандритъ-коренной великороссіянинъ, потерпѣвшій отъ малороссіянъ, изъ которыхъ, до царствованія Елисаветы Петровны, преимущественно избирались архимандриты въ Сергіеву обитель. Отличаясь ученостію и дарованіями, онъ любилъ роскошь. Тогда, по принятому обычаю, соборные старцы и настоятели носили бархатныя и шелковыя рясы, исподнее платье съ шлифными пряжками изъ серебра и золота, обувались въ шелковые чулки. У Гедеона были пряжки на башмакахъ бриліантовыя, какъ гласило преданіе, въ 10,000 р. Объ архіепископѣ этомъ тогда носилась въ народѣ поговорка: „Гедеонъ нажилъ милліонъ."

Въ Лаврѣ одна половина монашествующихъ были великороссіяне-москали, другая малороссіяне. Отъ этого составились двѣ партіи, между собою враждебныя, чтò обнаруживалось въ разныхъ столкновеніяхъ. Однажды монахъ-москаль сказывалъ въ Троицкомъ соборѣ поученіе, а гробовымъ тогда былъ инокъ изъ малороссіянъ, неблагорасположенный къ первому. Проповѣдникъ, подражая голосу гробоваго, въ словѣ своемъ замѣтилъ, что нѣкоторые, имуще образъ благочестія и силы его отвергшіеся, гробовымъ голосомъ повторяютъ: „Боже милостивъ, буди мнѣ грѣшному," а подъ языкомъ у нихъ трудъ и болѣзнь, сердце ихъ полно злобы и лукавства, а карманы серебра и золота. Гробовой принялъ это на свой счетъ, тотчасъ пошелъ въ алтарь жаловаться архимандриту, своему земляку. Проповѣдникъ за обличеніе поставленъ на поклонъ въ трапезѣ, которой былъ лишенъ въ тотъ день. Но вотъ какой случай обнаружилъ предъ набожною императрицею Елисаветою

([6]) Полу-молдаванинъ, полу-малороссіянинъ. Конечно отъ бѣлаго духовенства разнеслися объ немъ въ Московской черни тѣ слухи, которые въ 1771 г. повели къ открытому мятяжу и къ убіенію архіерея. *П. Б.*

Петровною враждебное племенное раздѣленіе въ святой обители Сергіевой. Архимандриту изъ малороссіянъ дано было знать, что императрица прибудетъ туда на богомолье. Призвавъ къ себѣ своихъ земляковъ, онъ сказалъ имъ: „ея императорское величество изволитъ прибыть въ святую нашу Лавру; а какъ ей извѣстно, что св. обитель благословлена богатствомъ по молитвамъ преподобнаго отца нашего Сергія, и какъ она любитъ велелѣпіе: то постарайтесь, братія, явиться предъ лицемъ ея величества въ лучшихъ одеждахъ." Москалямъ онъ присовѣтывалъ представиться въ худшихъ одеждахъ, чтобъ не обнаружить роскоши и показать смиреніе. Такъ и было сдѣлано, какъ приказано. Императрица, замѣтивъ такое рѣзкое различіе, спросила у архимандрита: „вѣдь Лавра всѣмъ изобилуетъ, отъ чего же одни монахи одѣты весьма прилично и хорошо, а другіе худо, какъ нищіе?" — «Отъ гого, ваше величество, что первые малороссіяне, люди трезвые, благоприличные, а другіе москали, люди невоздержные и нерадивые о себѣ." Въ такомъ мнѣніи государыня оставалась до тѣхъ поръ, пока не разсказала она объ этомъ любимому своему истопнику, съ которымъ она привыкла говорить въ свободные часы, а у этого истопника былъ монахомъ въ монастырѣ братъ его родной. Тотъ откровенно объяснилъ ей продѣлку настоятеля-малороссіянина. Вотъ что было причиною, что не только въ Троицкую Лавру, но и въ Сvнодъ прегражденъ былъ доступъ малороссіянамъ!

Владѣя многими вотчинами, Троицкая Лавра, къ которой приписаны были четырнадцать монастырей, изобиловала всѣми благами. Она славилась своими медами, пивами и квасами; виноградныя вина выписывались бочками, рыба свозилась отъ ея рыбныхъ ловлей на рѣкахъ. Предъ всенощною, въ южный и сѣверный алтарь приносились ведра съ пивомъ, медомъ и квасомъ для подкрѣпленія крилосныхъ, такъ, „что правой крилосъ поетъ, а лѣвой въ алтарѣ пиво пьетъ." За всенощною въ алтарѣ, послѣ благословенія хлѣбовъ, подавали служащимъ въ чарахъ красное вино, такъ что они выходили на величанье, что̀ называлось, *на хвалитѣхъ*. Такъ велось въ Лаврѣ до управленія ею Платономъ.

Торжественно-забавнымъ бывалъ поѣздъ архимандрита на Корбуху, въ баню. Онъ ѣхалъ шестернею въ каретѣ, впереди его верхомъ дьяконъ въ стихарѣ съ посохомъ, позади телѣга съ разными припасами; полъ въ банѣ устилали благовонными травами и цвѣтами. На каменку поддавали Венгерскимъ виномъ, которымъ окачивался высокопреподобный.

Въ Лаврѣ каждому монаху ежедневно отпускались: бутылка хорошаго кагору, штофъ пѣннаго вина, по кунгану меду, пива и квасу. Платонъ, не пивши ничего хмѣльнаго, мѣнялъ эти питья на деньги и скопилъ ихъ столько, что смогъ купить себѣ шелковую ряску, которою очень любовался, потому что до тѣхъ поръ ничего шелковаго на себѣ не нашивалъ. Это замѣтилъ Гедеонъ. Однажды онъ взялъ съ собою Платона на Корбуху; тамъ пошелъ съ нимъ по берегу пруда и все его тѣснилъ къ самому краю, наконецъ столкнулъ въ воду. Не столько испугался, сколько огорчился Платонъ, замочившій свою шелковую ряску — предметъ его радости и тщеславія; но не смѣлъ обнаружить неудовольствія предъ начальникомъ, который привезъ его всего измокшаго въ Лавру Когда вошли въ настоятельскіе покои, Гедеонъ сказалъ Платону: „никогда не сердись, когда начальникъ шутитъ съ тобою для испытанія твоего характера." Съ этимъ словомъ онъ ве-

детъ его въ свою гардеробную, гдѣ развѣшаны были рясы и полукафтанья его. „Выбирай себѣ двѣ, какія тебѣ нравятся.“ Платонъ выбралъ себѣ похуже.—„Нѣтъ“, сказалъ архимандритъ „выбери лучшія“. Такъ и сдѣлалъ юный инокъ.

Уже Платонъ занималъ значительную степень въ Лаврѣ, какъ пріѣхала къ нему любимая имъ его мать. Радостно и трогательно было свиданіе почтительнаго сына съ доброю матерью; онъ угощалъ ее всѣмъ, чѣмъ могъ, подарилъ ей сто рублей, шелковую матерію на платье. Старушка была въ восхищеніи. „Довольна ли, матушка, моими подарками? спросилъ Платонъ. „Что ты! какъ не довольна! да у меня этого никогда и въ жизни не бывало.—„Какъ же, матушка, не благословляла меня идти въ монахи?“—„Вѣдь я не знала“, простодушно отвѣчала старушка, „что ты меня будешь дарить такими дорогими подарками.“—Такъ мнѣ передавалъ преосвященный Евгеній, слышавшій это отъ самаго митрополита Платона

Бывши Московскимъ митрополитомъ, Платонъ ѣзжалъ мимо оконъ нашего скромнаго домика въ Троицкой и всякій разъ благословлялъ его. Въ торжественные дни онъ отправлялся на служеніе въ золотой каретѣ, пожалованной ему императоромъ Павломъ I и запряженной въ шесть бѣлыхъ лошадей въ шорахъ; предъ нимъ, шли скороходы, ѣхали вершники. Около кареты бѣжалъ народъ, чтобы поглядѣть на святителя и принять его благословеніе. Въ этомъ экипажѣ однажды онъ пріѣхалъ къ президенту академіи наукъ, ученой княгинѣ Дашковой, этой мужеподобной женѣ. Увидѣвъ его экипажъ, она спросила: „преосвященный, васъ возятъ шесть коней, а Христосъ никогда не ѣздилъ въ такомъ экипажѣ, а всегда ходилъ пѣшій?“ — „Такъ, отвѣчалъ пастырь, Христосъ ходилъ пѣшкомъ, и за нимъ овцы слѣдовали, а я ихъ не догоню и на шестернѣ“.

Гдѣ служилъ Платонъ, тамъ сбиралось множество народа изъ всѣхъ сословій и, когда полиція не пускала простолюдиновъ въ церковь и къ благословенію Платона, онъ съ негодованіемъ ревностнаго пастыря кричалъ на полицейскихъ: „что вы, волки, разгоняете моихъ овецъ?“

Любилъ Московскій народъ служеніе и проповѣданіе Платона и услаждался имъ. Изъ Сибири купцы и заводчики нарочно пріѣзжали видѣть и слышать Платона. Да и не удивительно! Скажу, что̀ впечатлѣлось въ юной, свѣжей памяти, неомраченной и неподавленной заботами жизни. Въ служеніи Платона проявлялось все величіе, торжественность и святолѣпность архипастырскаго сана, глубокое благоговѣніе, важность безъ изысканности, вся постава (поза), всѣ движенія и мановенія приличныя и соотвѣтственныя. Представьте себѣ старца, еще бодраго подъ сѣдинами, у котораго старость не изгладила слѣдовъ рѣдкаго благообразія въ лицѣ оживленномъ и, такъ сказать, одухотворенномъ, сіяющемъ; со слезами умиленія сердечнаго, въ моленіи онъ воздѣваетъ руки къ небу или съ амвона осѣняетъ предстоящихъ дикиріями и трикиріями, или проповѣдуетъ истины Евангельскія. Къ тому, въ чтеніи и пѣніи голосъ сладостно-звучный, стройный, послушный теченію его мыслей и движенію его сердца. Вѣра и убѣжденіе говорили его устами; слова его такъ были осмыслены умомъ, такъ оживлены вѣрою, что проникали сердца слушателей. Къ нему можно по справедливости примѣнить изреченіе Св. Апостола: „Вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ.“ Не такова казалась печатная его проповѣдь при холодномъ произношеніи малограматнаго. Это слу-

чилось ему самому испытать. Обозрѣвая однажды свою эпархію, онъ заѣхалъ къ обѣднѣ въ сельскую церковь, гдѣ священникъ, желая угодить своему архипастырю, придумалъ прочесть его проповѣдь; но, какъ не ученый, читалъ такъ, что трудно было добраться до смысла, и узнать себя самому сочинителю. Митрополитъ, по окончаніи проповѣди, спросилъ священника: „какой это дуракъ писалъ"?—„Ваше святѣйшество", отвѣчалъ тотъ простодушно, съ низкимъ поклономъ.

При коронаціи Александра I-го вдохновенное слово Платона возбудило всеобщее удивленіе и восторгъ въ Русскихъ — смысломъ, а въ иностранцахъ—ораторкимъ движеніемъ витіи, который казался не простымъ архіереемъ, но пророкомъ. Когда онъ, читая покаянный псаломъ, кадилъ предстоящихъ, при словахъ: *избави меня отъ кровей*, обратился съ кажденіемъ къ Зубову.... Какъ ревностный блюститель церковнаго благочинія, Платонъ не оставался равнодушнымъ, когда замѣчалъ во время богослуженія какое либо безчиніе и безпорядокъ. Въ Москвѣ былъ главнокомандующимъ Беклешовъ, человѣкъ умный, справедливый, но вспыльчивый, имѣвшій по дѣламъ службы столкновеніе съ митрополитомъ. Въ одинъ торжественный день онъ былъ у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ. Платонъ говорилъ проповѣдь, во время которой Беклешовъ заговорился съ какимъ-то пріѣзжимъ изъ Петербурга генераломъ. Проповѣдникъ замолчалъ. Когда главнокомандующему адъютантъ замѣтилъ объ этомъ и тотъ прекратилъ разговоръ, Платонъ спросилъ его: «кончили ли вы, ваше высокопревосходительство? а я стану продолжать мое слово».— Случилось, при другомъ служеніи въ соборѣ Платона, присутствовать Беклешеву. Преосвященнаго въ алтарѣ прогнѣвалъ протодіаконъ какимъ-то проступкомъ. Платонъ довольно громко выговаривалъ виноватому. Главнокомандующій воспользовался этимъ случаемъ, послалъ къ преосвященному въ алтарь своего адъютанта спросить: «Какъ его высокопревосходительство изволилъ услышать шумъ здѣсь, то приказалъ мнѣ спросить выше высокопреосвященство, не нужна ли вамъ полиція?»—«Полиція я здѣсь,» возразилъ Платонъ, «а онъ съ полиціей на площади.»

Раскажу то, что́ слышалъ отъ моего отца, свидѣтеля событій. Платонъ шелъ служить въ Чудовъ монастырь, гдѣ, при входѣ на стѣнѣ большой образъ страшнаго суда. На этотъ образъ смотрѣла одна графиня. Увидѣвъ митрополита, она обратилась къ нему съ испрошеніемъ благословенія. На вопросъ митрополита: «что она смотритъ на образъ страшнаго суда?» — «Смотрю,» отвѣчала, «какъ архіереи идутъ въ адъ.» «А вотъ погляди-ка на это,» сказалъ владыко, указывая на адскія мученія вольной женщины....

Возвращаюсь къ прежнему. Послѣ Бородинской битвы, Наполеоновскія полчищи ближе приближались къ древней столицѣ, а наши войска отступали. Подъ стѣнами ея, въ Филяхъ, на военномъ совѣтѣ, рѣшено главнокомандующимъ Кутузовымъ сдать Москву самонадѣянному и тщеславному врагу. Между тѣмъ въ Москвѣ одни готовились къ отпору, другіе выѣзжали и выходили изъ нея, такъ что она только начинала пустѣть; по улицамъ ея тянулись обозы съ ранеными и умиравшими отъ тяжкихъ ранъ; проходили и наши полки. Разные слухи и толки, одни другимъ противорѣчащіе, и Ростопчинскія афиши приводили Москвичей въ недоумѣніе: колебались между страхомъ и надеждою, не знали, гдѣ спасаться отъ угрожавшей опасности. Уже днемъ съ Поклонной горы была слышна подъ самою Москвой въ непріятельскомъ лагерѣ музыка, а ночью вид-

нѣлись огни. Попечитель московскаго университета П. И. Кутузовъ далъ было предписаніе чиновникамъ не отлучаться отъ своихъ мѣстъ; но потомъ присланы отъ Ростопчина телѣги, для вывоза казенныхъ вещей въ Нижній и Казань, подъ надзоромъ нѣкоторыхъ профессоровъ. Занимая должность архиваріуса совѣта, я успѣлъ сохранить протоколы первыхъ годовъ университета. Трудно описать суматоху и тревогу въ Москвѣ, которая представляла изъ себя позорище какого-то переселенія: всѣ суетились, хлопотали, одни зарывали въ землю, или опускали въ колодцы свои драгоцѣнности, или прятали ихъ въ потаенныя мѣста въ домахъ; другіе сбирались выѣхать изъ Москвы, не зная еще куда безопаснѣе укрыться отъ враговъ, искали лошадей и ямщиковъ; иные оставались на своихъ мѣстахъ, запасались въ арсеналѣ оружіемъ, или, въ уповаціи на Божію помощь, молились. Многіе даже готовились къ грозившей напасти исповѣдью и причащеніемъ Св. Таинъ. Разнеслась молва, что непріятели не будутъ касаться казенныхъ мѣстъ. Батюшка все свое, для него дорогое, имущество, въ сундукахъ, свезъ въ кладовую бывшаго на Тверской Университетскаго Благороднаго Пансіона, а ключи взялъ съ собою. У насъ была кибитка и парочка пѣгихъ лошадокъ. Вотъ весь дорожный экипажъ, въ которомъ должно было выѣхать ему съ матушкою, со мною и съ племянницей, недавно вышедшей въ замужество. Кучеръ былъ крѣпостной, свой. Надобно кое-что и съ собою взять для дороги. Двухъ лошаденокъ было недостаточно; батюшка не зналъ, что̀ дѣлать и крайне безпокоился, какъ вдругъ подъѣхалъ казакъ къ окошку и, показывая на свою лошадь, сказалъ: „купи, баринъ, будешь доволенъ! Право, конь добрый!“ Въ этомъ неожиданномъ случаѣ батюшка увидѣлъ помощь Божію! Онъ скоро сторговался съ казакомъ и, помолясь Богу и простясь съ теплымъ гнѣздомъ своимъ, отправился въ дорогу со слезами, какъ будто заранѣе оплакивая свой домикъ, обреченный на сожженіе! Но куда и къ кому ѣхать? „Поѣдемъ въ Измайлово къ дѣдушкѣ Ивану Саввичу“, сказала плакавшая матушка. Въ такомъ смущеніи уже настало и воскресенье, канунъ того роковаго понедѣльника, когда вошли непріятели въ Москву. Я оставался еще дома для исправленія нѣкоторыхъ распоряженій батюшки: вмѣстѣ съ нашими домашними, зарылъ въ саду шкафъ съ книгами, въ футлярѣ свою скрипку и еще кое-что; но не догадался, что съ каланчи смежнаго съ нами съѣзжаго двора видѣнъ былъ нашъ садъ и всѣ мои дѣйствія. Конечно, съѣзженскіе подумали, что я зарываю какое нибудь сокровище и, послѣ насъ, тотчасъ разрыли. Раздавъ мѣдныя деньги оставшейся прислугѣ, въ понедѣльникъ, послѣ обѣда, я побрелъ въ Измайлово. По дорогѣ встрѣчались мнѣ разнохарактерныя толпы Московскихъ переселенцовъ: одни шли съ семействами грустные и плакавшіе, другіе пьяные куролѣсили и пѣли пѣсни. Прошедши Красный прудъ, я видѣлъ, какъ съ Полеваго двора бросали въ него артиллерійскіе снаряды. На Красной горкѣ (гдѣ при Петрѣ I была построена крѣпостца подъ названіемъ Азова, которую онъ бралъ приступомъ) толпа народа осаждала кабакъ: хватали, вырывали другъ у друга штофы и полштофы сладкой и французской водки; вино изъ разбитыхъ бочекъ ручьями текло вокругъ кабака; мужики, припавъ къ землѣ, глотали изъ лужи вино съ грязью; иные, напившись, лежали безъ чувствъ, въ безобразномъ видѣ. Въ Преображенскомъ, близь заставы, у кабака представилось мнѣ столь же

отвратительное позорище. На заставѣ уже не кому было окликать, и шлагбаумъ оставался поднятымъ. Въ Измайловѣ я засталъ у прадѣдушки Ивана Саввича напутственный молебенъ и своихъ родителей; всѣмъ соборомъ молились и прощались со слезами. Каково же было нашему старцу оставить теплое отцовское гнѣздо, свою колыбель! Около его домика собрались провожать Измайловскіе жители. Трогательно было ихъ разставаніе; они цѣловали его, говоря: „прощай нашъ отецъ и милостивецъ! возвращайся къ намъ скорѣе, живъ и здоровъ!" Выпивъ и закусивъ, тронулся весь семейный поѣздъ въ то самое время, какъ непріятель входилъ въ Кремль и когда эхо донесло до Измайлова выстрѣлъ вѣстовой пушки. Иванъ Саввичъ, простясь на сельскомъ кладбищѣ съ родными и знакомыми, облобызалъ уголъ родительскаго дома, потомъ перекрестившись сѣлъ съ правнучатами и внукомъ въ старомодную коляску, запряженную парой здоровыхъ коней; за нимъ кибитка съ родственниками, тѣлега съ боченкомъ пива, съ бутылями наливокъ и съѣстными припасами: тамъ были домашняго приготовленія окороки копченой ветчины, палатки провѣсной рыбы, кадка меду. Прадѣдушка нашъ держался пословицы: „ѣдешь на день, бери хлѣба на три дни." Кто же зналъ, что надобно было брать хлѣба на сорокъ дней? Тогда-то мнѣ пришли на память пророческія слова старой моей няни, что „Москва будетъ взята на сорокъ часовъ." Въ этомъ поѣздѣ тянулась и кибитка моего батюшки; къ нему и я присѣлъ на облучекъ. Ѣхали мы по Остромынкѣ къ Берлюковской пустынѣ, въ которую Иванъ Саввичъ былъ усерднымъ вкладчикомъ. Остановясь на часокъ въ селѣ Ивановскомъ, гдѣ онъ возобновилъ и украсилъ церковь, успѣли въ напутствіе напиться чаю, потомъ слѣдовали далѣе. Дорога полна была пѣшими и конными; всѣ спѣшили, но не знали еще навѣрное, гдѣ найдутъ себѣ безопасное пристанище. Между Московскими бѣглецами попадались и матери съ грудными младенцами на рукахъ и съ другими вокругъ нихъ малютками. Какъ я долженъ былъ дорогою болѣе идти пѣшкомъ, чѣмъ ѣхать, по тѣснотѣ нашего экипажа, то и мнѣ случалось нести на рукахъ усталыхъ малютокъ. Не могу забыть простодушнаго сосѣда въ Троицкой улицѣ: онъ везъ на себѣ, въ тѣлежкѣ, своего стараго и хвораго отца, ухаживая за нимъ, какъ за младенцемъ со всѣмъ радушіемъ и нѣжностію сына, никакъ не воображая, что его подвигъ равнялся подвигу дѣтей верховной жрицы Юноны въ Аргосѣ, Витона и Клеовиса, которые, за недостаткомъ воловъ, привезли свою мать въ храмъ къ назначенному времени: если бъ она не поспѣла въ храмъ, то была бы казнена. Древніе прославили такой подвигъ дѣтской любви мраморными изваніями; этотъ примѣръ выставляли на показъ и Геродотъ, и Цицеронъ, и Павзаній; почему же намъ умолчать о подобномъ подвигѣ Василья, развѣ только по тому, что онъ портной и Русской? Не думайте, чтобъ отецъ Васильевъ требовалъ, или желалъ отъ сына такой жертвы, нѣтъ! онъ даже упрашивалъ его, какъ говорилъ мнѣ, со слезами „оставить его въ Москвѣ на волю Божію, а самому спасаться отъ непріятелей." Сколько тогда можно было встрѣтить Москвичей, которые за плечами несли все свое имущество, какое только успѣли и смогли захватить! Дорогой мы слышали патріотическіе намъ упреки крестьянъ. „Что, продали Москву!" кричали намъ въ встрѣчу и въ слѣдъ, иные даже замахивались на насъ дубинами и грозили кулаками. Если случалось купить въ деревнѣ мо-

лока и яицъ для себя, или взять овса и сѣна для лошадей, за все брали втрое и вчетверо. На возраженіе наше отвѣчали: „да вѣдь мы долго ждали такого времени, скоро ли дождемся?“ Въ деревняхъ, по дорогѣ, набитыхъ постояльцами и ранеными, трудно было найти ночлегъ; многіе ночевали въ лѣсу и у стоговъ сѣна въ полѣ. Бѣгство наше изъ Москвы удостовѣрило насъ, что общее бѣдствіе сближаетъ людей, пробуждая въ нихъ сочувствіе. Дорогой бѣглецы оказывали другъ другу родственное участіе, радушно помогали одинъ другому, дѣлились чѣмъ кто богатъ былъ, такъ что, казалось, будто всѣ были дѣти одной семьи, всѣ родные. Наконецъ мы добрались до Берлюковской пустыни, стоящей посреди дремучихъ лѣсовъ, и пріютились въ ея гостинницѣ. Иванъ Саввичъ, какъ вкладчикъ, былъ привѣтливо принятъ строителемъ. Эта пустынь, на рѣкѣ Ворѣ, впадающей въ Клязьму, въ 40 верстахъ отъ Москвы, славится чудотворнымъ образомъ святителя Николая. Бывшая долго въ запустѣніи, она возобновлена въ 1778 году митрополитомъ Платономъ. Но не долго мы гостили въ этой уединенной обители; непріятельскіе мародеры, или какъ называлъ ихъ народъ, *міродеры*, стали появляться въ ея окрестностяхъ, и послышались ружейные выстрѣлы. Подъ предводительствомъ Ивана Саввича, мы поспѣшили къ Махрищскому монастырю, стоящему на устьѣ рѣки Махрища, отъ которой онъ заимствовалъ свое названіе. Разстояніемъ отъ Троицкой Лавры онъ въ 30, а отъ Александрова въ 10 верстахъ; основатель его современникъ преподобному Сергію, кіевлянинъ Стефанъ, котораго св. мощи опочиваютъ подъ спудомъ въ церкви, посвященной его имени. Ревнитель иноческаго житія, царь Иванъ Васильевичъ любилъ, жаловалъ эту св. обитель и не рѣдко посѣщалъ ее; разграбленная и раззоренная Литвою и Русскими измѣнниками, она возобновлена, по указу царя Михайла Ѳедоровича св. архимандритомъ Діонисіемъ и келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ и съ того времени приписана къ Троицкому монастырю.

Тамъ мы застали митрополита Платона, привезеннаго на Махру изъ Виѳаніи, когда непріятели появились уже на Троицкой дорогѣ и угрожали самой лаврѣ, гдѣ было только нѣсколько десятковъ казаковъ для летучей почты. Съ Платономъ находились архимандритъ Евгеній, нынѣ архіепископъ, и племянникъ его Иванъ Платоновъ Шумилинъ. Мы пріютились въ монастырской слободкѣ. Когда мы сидѣли грустные въ избѣ, вдругъ отворилась дверь, и двое послушниковъ вошли къ намъ съ блюдами кушанья. „Его святѣйшество“, сказали они, обращаясь къ батюшкѣ „узнавъ о вашемъ сюда пріѣздѣ, изволилъ прислать вамъ три блюда своего кушанья: пирогъ, похлебку и жареную рыбу“. Такое участіе и милость митрополита тронули до слезъ моего батюшку и матушку; не помню только, плакалъ ли я. Послѣ узнали, что митрополиту дали знать о пріѣздѣ моего отца передъ самымъ обѣдомъ; столъ былъ накрытъ, и кушанье поставлено. „Несите все къ Михайлѣ Матвѣевичу“. Батюшка, послѣ обѣда, ходилъ со мною благодарить его за такое родственное участіе. Первое его слово было: „куда дѣлся злодѣй?“ Батюшка, думая, что это относится къ Наполеону, отвѣчалъ: «въ Москвѣ».—„Нѣтъ, нѣтъ, я спрашиваю о твоемъ злодѣ-кучерѣ“. Надобно сказать, что нашъ крѣпостной кучеръ, обокравши насъ, убѣжалъ; въ то время уже разнеслась въ простомъ народѣ пущенная Наполеономъ молва, ко вреду Россіи, что онъ дастъ крѣ-

постнымъ волю. «А Бонапарту съ ватагою своей», продолжалъ Платонъ съ разстановкою, не сдобровать и въ Сергіевой обители не бывать. Слышь, я вѣдь не велѣлъ убирать тамъ мощей и драгоцѣнностей. Бонапартъ возстанетъ на святыню, а святыня противъ него. Куда ему устоять!» Потомъ, какъ бы обращаясь на самаго себя, сказалъ: «Каковъ же сталъ теперь Платонъ, хуже богадѣленнаго старика».

Мы слушали въ монастырѣ вечерню. Платонъ стоялъ въ простомъ тепломъ полукафтаньѣ и въ бѣлой шапочкѣ, похожей на клобукъ, у лѣваго крилоса, опершись на палку. Не повторяю здѣсь другихъ подробностей, какія, если кому угодно прочесть, найдутъ въ изданномъ мною Жизнеописаніи митрополита Платона. Иванъ Саввичъ также ходилъ къ митрополиту за благословеніемъ. Узнавъ его, преосвященный сказалъ: „Здравствуй, Иванъ Саввичъ, вотъ гдѣ и въ какое время, Богъ привелъ мнѣ видѣться съ тобою! Я было тебя обѣщалъ отпѣть, когда умрешь; а видно, тебѣ придется меня помянуть, а не мнѣ тебя отпѣвать.“ Оба старика 76 и 96-лѣтній зарыдали. Иванъ Саввичъ палъ въ ноги владыкѣ, но встать самъ не могъ; его подняли.

Одинъ Римскій поэтъ сказалъ: Totam quia vitam miscet dolor et gaudium т. е. вся жизнь смѣшена изъ печали и радости. И въ разсказѣ мы отъ трогательнаго и печальнаго перейдемъ на минуту къ забавному и смѣшному, а „отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“ говаривалъ Донъ-Кихотъ-покойникъ Наполеонъ I. Мы прежде замѣтили, что Иванъ Саввичъ везъ съ собою порядочный боченокъ съ пивомъ, который поставилъ на сохраненіе въ монастырскій ледникъ. Ему захотѣлось поподчивать имъ владыку, спутниковъ и самому отвѣдать. По его приказанію, притащенъ былъ боченокъ изъ монастыря на квартиру прадѣдушки; предъ раскупоркою позванъ священникъ прочитать установленную на этотъ случай молитву и благословить питіе. Приглашены были родные и знакомые для этого торжественнаго дѣйствія и для вкушенія завѣтнаго напитка. Послѣ молитвы откупоренъ боченокъ; но въ гвоздь ничего не текло: пива уже не было, остались на днѣ только дрожди; оно ушло въ ледъ монастырскаго погреба, какъ объяснилъ казначей.

Иванъ Саввичъ оставался еще на Махрѣ, а батюшка съ нами отправился въ свой родимый городъ Александровъ, достопамятный въ жизни царя Ивана Васильевича и цесаревны Елисаветы Петровны: тамъ въ монастырѣ онъ иночествовалъ съ опричниками, за монастыремъ въ прудѣ топилъ заподозрѣнныхъ имъ въ измѣнѣ, казнилъ виновныхъ; тамъ и дочь Петра I готовилась было къ постриженію, но вскорѣ промѣняла черную одежду монахини на царскую порфиру. Живыя преданія, хотя и занимали мое вниманіе, но мысль стремилась къ Москвѣ; разные слухи, противорѣчившіе одни другимъ, то радовали, то стращали насъ. Мы недоумѣвали, что̀ будетъ съ Москвою, съ Россіею и съ нами самими; наняли чистенькую и уютную квартиру у Рождественскаго священника Василія Часловскаго, добраго и всѣми гражданами любимаго за его чинное священнослуженіе и ласковое обращеніе; только не таково было у него дома съ женою и дѣтьми, какъ съ посторонними. Возвращаясь домой изъ гостей, онъ иногда цѣлую ночь, сидя въ кухнѣ за столомъ, толковалъ женѣ своей, предъ нимъ раболѣпно стоявшей у печки: что есть любовь? Онъ то и дѣло повторялъ ей такое именно опредѣленіе: „ты не понимаешь, что такое любовь. Любовь есть то, что“ и

болѣе ничего, и оканчивалъ фразу ударомъ кулака по столу. Я съ батюшкой перечиталъ у отца Василія всѣ книги, а ихъ было очень не много. Въ духѣ патріотическомъ я писалъ молитвы, которыя отецъ Василій читалъ въ церкви, послѣ обѣдни, за молебномъ.

Какъ теперь помню, мимо Александрова проходилъ разрозненный полкъ, искавшій своей дивизіи; у солдатъ ружья были безъ кремней. Въ то время не одинъ былъ такой примѣръ.

Ночью мы съ жителями Александрова выходили на улицу смотрѣть на ужасное зарево съ Московской стороны; небо все пламенѣло; казалось, пламень волновался. Такое поразительное зрѣлище наполняло нашу душу страхомъ и уныніемъ. „Видно, горитъ наша матушка Москва! „повторяли многіе. А тамъ были наши родительскіе домы и въ нихъ наше достояніе, завѣтныя святыни, что̀ называется у Русскаго народа, Божіе милосердіе; библіотечка довольно порядочная. Но насъ не покидала надежда, что, если и сгорѣлъ нашъ домъ въ Троицкой, то, вѣроятно, уцѣлѣли сундуки съ имуществомъ въ кладовой казеннаго дома. Предъ разсвѣтомъ, 11 октября, съ просонья, намъ показалось, будто что-то грянуло не одинъ разъ, и будто весь покой, гдѣ мы спали, поколебался. Сперва мы приняли это за тревожный сонъ; но сонъ былъ въ руку. Черезъ нѣсколько времени, въ Александровѣ получено извѣстіе что нашъ священный Кремль взорванъ, зажженная Москва догораетъ, а Французы изъ нея вышли и Богъ знаетъ, куда идутъ.

Черезъ нѣсколько дней, съ ключами отъ сундуковъ, батюшка отправился со мною въ Москву, а матушка осталась въ Александровѣ. Пріѣхавъ въ Троицкую лавру, около полудни, мы услышали въ ней 12 ударовъ въ большой колоколъ. На вопросъ нашъ, что̀ значитъ этотъ необыкновенный звонъ и въ необыкновенное время, на постояломъ дворѣ намъ отвѣчали: „Митрополита Платона не стало: онъ скончался въ Виѳаніи“. Весь монастырь и посадъ были въ какомъ-то смятеніи; казалось, дѣти лишились своего отца и благодѣтеля. Утѣшенный вѣстью объ изгнаніи враговъ изъ Москвы, Платонъ мирно почилъ въ основанной имъ обители вѣры, благочестія и наукъ, гдѣ ожидалъ его заранѣе приготовленный имъ себѣ гробъ и могила въ придѣлѣ Воскресенія Лазаря. Батюшка мой ѣздилъ въ Виѳанію поклониться мощамъ преосвященнаго. Покойный уже положенъ былъ въ гробъ, осѣненный херувимами на рипидахъ и покрытый святительскою мантіею. На величавомъ его челѣ выступилъ потъ, румянецъ игралъ у него на лѣвой щекѣ; потомъ лице закрыто было пеленою. Это самое подтвердилъ мнѣ, бывшій при отпѣваніи тѣла маіоръ Павелъ Васильевичъ Головинъ, извѣстный ревнитель вѣры и благочестія, усердный почитатель іерарха. Изъ лавры монахи, посадскіе и Москвичи стеклись въ Виѳанію; гробъ усопшаго окружали плакавшія духовныя особы, родственники и столько постороннихъ, сколько могли вмѣститься въ уютныхъ покояхъ Платона. Батюшка, не дождавшись отпѣванія и похоронъ святителя, поспѣшилъ со мною въ Москву, въ надеждѣ найти свои сундуки цѣлыми. По дорогѣ, отъ Пушкина до древней столицы, мы видѣли разрушительные слѣды враговъ; они порывались было въ Сергіеву обитель; но, какъ гласитъ народное преданіе, не допущены были невидимою силой. При самомъ въѣздѣ въ Москву, черезъ Крестовскую заставу, мы встрѣтили цѣлый обозъ мертвыхъ тѣлъ; всѣ почти были нагіе, окостенѣвшіе въ разныхъ положеніяхъ: кто лежалъ скорчен-

нымъ, кто съ распростертыми руками, кто облитый запекшеюся кровью, кто съ разможженною головой; въ числѣ ихъ тамъ находилились Русскіе, Поляки, Французы, Нѣмцы и Итальянцы; ихъ везли въ Марьину рощу, гдѣ сожигали на кострахъ. По самому пожарищу, гдѣ еще курился навозъ на дворахъ, отъ Креста, мы доѣхали до своей Троицкой улицы, и едва узнали свое родное пепелище. Отъ двухъ красивенькихъ нашихъ домиковъ остались только обгорѣлые каменные фундаменты и печи, а въ кучахъ пепла попался намъ прародительскій образъ Рождества Спасителя и Богоматери въ серебрянномъ окладѣ, картина несенія креста Іисусомъ Христомъ на Голгоѳу и обожженная чайная чашка, которые и до сихъ поръ храню на память 1812 года. Въ саду нашемъ попался намъ раскрытый шкафъ съ книгами и байковая шинель, которая мнѣ пригодилась. Въ каменной палаткѣ у сосѣда пріютилась старая служанка наша Василиса, которая встрѣтила насъ со слезами. Въ подвалѣ обгорѣлаго Троицкаго подворья мы отыскали нашего приходскаго священника Георгія Семеновича Легонина, который при Французахъ не боялся служить въ церкви, сохраненной имъ отъ пожара, даже исправлять всѣ требы въ окрестностяхъ, за отсутствіемъ священниковъ. При неожиданномъ свиданіи, старецъ и отецъ бросились одинъ другому въ объятія и заплакали, какъ будто возставшіе изъ мертвыхъ. Въ трапезѣ церкви нашли себѣ пріютъ нѣсколько семействъ, лишенныхъ своего крова. По вступленіи непріятелей въ Москву, долго не горѣла наша мирная и скромная улица. И кто бы подумалъ, что капуста могла быть причиной немаловажныхъ послѣдствій въ 1612 и 1812 годахъ! Назадъ тому два вѣка, по сказанію Маскѣвича, голодные Поляки отняли у Русскихъ кадки кочанной капусты и принялися ее пожирать. Москвичи, узнавъ объ этомъ, нагрянули на оплошныхъ враговъ и побили ихъ (7). Тоже почти самое случилось и съ польскими и съ французскими мародерами въ нашемъ приходѣ. На огородѣ они отняли возъ капусты; наши прихожане, собравшись, поколотили ихъ и отбили у нихъ капусту. Непріятели на другой день пришли въ большомъ количествѣ и въ отомщеніе сожгли Троицкую улицу. Загоралась было отъ просвирнина дома даже и самая церковь; но священникъ съ сыномъ ее загасили.

Съ ключами отъ нашихъ сундуковъ мы поѣхали въ сгорѣвшій на Тверской Университетскій Пансіонъ; но тамъ въ подвалахъ нашли только свои пустые, разломанные сундуки; пришлось оставить у себя на память одни ключи.

Москва наполнена была смрадомъ, на улицахъ еще валялась конская падаль; вездѣ былъ проѣздъ между обгорѣвшихъ печей, которыя торчали на пожарищахъ; въ подвалахъ домовъ гнѣздились Московскіе жители, лишенные своего крова. Не повторяю того, что было уже описано въ разныхъ и книгахъ и книжкахъ, въ газетахъ и журналахъ о положеніи Мoквы, по выходѣ изъ нея непріятелей; но замѣчу, что изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній могло бы быть составлено довольно полное описаніе незабвенной годины.

Отъ общаго обращусь къ собственному положенію. Мы остановились въ уцѣлѣвшемъ домѣ нашего сосѣда, по университету, товарища и благопріятеля Захара Алексѣевича Горюшкина, добросовѣстнаго юриста, который слылъ оракуломъ, потому что многіе прибѣгали

(7) Записки Маскѣвича, стр 115 въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ ч. V. Спб. 1834 г. въ 8.

къ нему за совѣтами въ тяжебныхъ дѣлахъ. Мимоходомъ замѣчу, что Горюшкинъ, сначала подъячій сыскнаго приказа у Калужскихъ воротъ, принялся учиться безъ учителя, изъ книгъ и, даже женатый, твердилъ на постели Русскую граматику и долго не могъ понять въ первомъ склоненіи примѣра: воевода, воеводы, воеводѣ; вчитывался въ исторію, географію, философію, юриспруденцію и математику, наконецъ собственными усиліями достигъ до званія профессора Русскаго законовѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ, издалъ систему своей науки и судебныя дѣйствія, драгоцѣнныя для Русскихъ юридическихъ древностей.

Въ зданіяхъ Воспитательнаго дома я отыскалъ любимыхъ тетокъ своихъ: Наталью Петровну Семенову и Марью Алексѣевну Струнину; ограбленныя и хворыя, онѣ терпѣли большую нужду. Мнѣ самому какъ-то отрадно было утѣшить ихъ своимъ участіемъ, по мѣрѣ возможности своей. Тяжело было переносить бѣдность Марьѣ Алексѣевнѣ, дочери Переславскаго воеводы, который далъ за нею, между прочимъ, въ приданое четвертку жемчугу; единственнаго сына своего Ивана Семеновича она пеленала въ шелковыхъ платкахъ; не скажу, соотвѣтствовалъ ли онъ ей своею нѣжностію за ея любовь. Покойцина была воплощенною добродѣтелью.

Пробывъ нѣсколько дней въ раззоренной и обгорѣлой Москвѣ, мы съ своими ключами и съ пустыми руками отправились въ Александровъ за матушкою, которая нетерпѣливо насъ ждала, боясь, чтобы дорогой съ нами чего не сдѣлалось въ тогдашней суматохѣ. Цѣлыми обозами мужики пріѣзжали въ Москву обирать то, чего не успѣли, или не могли ограбить непріятели: они увозили зеркала, люстры, картины, книги, богатыя мебели, фортепьяны, словомъ, все тащили, чтò только попадалось имъ на глаза и въ руки, и все почти дорогой везли расколотое, разбитое, испорченное отъ неумѣнья сберегать. Отъ многихъ мнѣ привелось слышать, что награбившіе, большею частію, оканчивали жизнь свою въ нищетѣ и пьянствѣ.

Вскорѣ изъ Александрова батюшка съ матушкою и со мною переѣхалъ въ Москву; начальство отвело ему квартиру въ старомъ домѣ университетскаго ботаническаго сада.

Между тѣмъ вождь въ бѣгствѣ нашемъ, Иванъ Саввичъ Брыкинъ возвратился въ свое Измайловское гнѣздо; онъ навѣстилъ батюшку на его новосельѣ. У насъ не было въ квартирѣ ни мебели, ни посуды. Добрый Петръ Михайловичь Дружининъ, директоръ 1-й Московской гимназіи, радушно снабдилъ насъ тѣмъ и другимъ. Онъ первый возобновилъ изданіе Московскихъ Вѣдомостей, въ которомъ и я былъ участникомъ. Появленіе ихъ въ Московскомъ мірѣ имѣло отрадное вліяніе на его жителей; печаталось все, чтò тогда особенно интересовало: реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ, описанія торжествъ, патріотическія слова Августина. Все это читалось съ жаднымъ любопытствомъ и живымъ участіемъ. Московскія Вѣдомости служили органомъ правительства и публики.

Но возвратимся къ Ивану Саввичу, съ котораго я началъ свои воспоминанія объ Измайловѣ. Заставъ свой домикъ и весь обиходъ разстроеннымъ и ограбленнымъ, то Французами, то крестьянами, онъ скоро привелъ его въ прежнее устройство. Его Калина Кузмичъ сталъ варить пивцо, на которое тогда еще не налагалось большой пошлины. По своему обѣщанію, Иванъ Саввичъ ѣздилъ въ Виѳанію отслужить панихиду на гробѣ митрополита Платона. Жизнь

нашего маститаго старца текла заведеннымъ порядкомъ, мирно и тихо, или какъ онъ говаривалъ: „ни шатко, ни валко, ни на сторону". Обыкновенно утро онъ начиналъ, а день оканчивалъ молитвою; кромѣ утреннихъ и вечернихъ молитвъ, читалъ акаѳисты Іисусу Христу и Божіей Матери, большею частію наизусть, поминалъ за здравіе живущихъ и заупокой усопшихъ родныхъ, друзей, благодѣтелей, начальниковъ, даже враговъ; однихъ духовныхъ отцовъ было у него въ теченіи жизни до 70. Остальное время дня проводилъ онъ въ занятіяхъ хозяйствомъ своимъ—каждый почти день заглянетъ въ свою пивоварню, въ садъ, въ огородъ, пчельникъ, въ конюшню и коровникъ; посидитъ въ своемъ райкѣ – такъ называлась у него бѣсѣдка въ саду, украшенная картинами. Если что найдется въ непорядкѣ, пожурить своихъ слугъ. Картъ у него и въ заводѣ не было; онъ умѣлъ и безъ нихъ занимать своихъ гостей. Доступъ къ нему былъ всѣмъ открытъ; онъ не зналъ долговъ; языкъ его не осквернялся ложью и лестью, ни клятвой, ни срамословіемъ. Слово его было твердо и дѣйственно. Поссорится ли кто съ кѣмъ въ селѣ, встрѣтится ли въ чемъ у кого недоумѣніе, идутъ на судъ и на совѣтъ къ Ивану Саввичу, который имѣлъ сильное нравственное вліяніе на жителей Измайлова: его слушались какъ начальника, любили какъ отца; по опытности и смѣтливости своей онъ умѣлъ говорить и обходиться съ крестьянами, иногда ласкою, иногда и грозою, по своей пословицѣ: „хорошо и честь и гроза." При немъ въ Измайловѣ не было ни одного кабака; а теперь недавно я видѣлъ, и самый скромный его домикъ обращенъ въ кабакъ: въ сѣняхъ и на крыльцѣ валялись мертвецки пьяные.

Крѣпость сложенія, правильный образъ жизни, воздержаніе въ пищѣ надѣлили его здоровьемъ. Если иногда въ пріятельскомъ кругу и позволялъ онъ себѣ излишество; то, не читавъ Гуфланда, по своему разсужденію, слѣдовалъ его мнѣнію, что для произведенія полезнаго переворота въ тѣлѣ, надобно хоть разъ въ мѣсяцъ напиться. Такого правила держались и другіе нѣмецкіе врачи, а русскіе съ успѣхомъ перенимали у нихъ. Но прадѣдъ не охотникъ былъ лечиться у докторовъ; „аптека", говаривалъ онъ „убавитъ вѣка". Какъ его безпокоилъ песокъ въ почкахъ, то употреблялъ рѣдьку; мята помогала ему въ боли желудка; отъ гемороя рябина и почечуйная трава, а болѣе всего лечился постомъ.

Переступивъ за девяносто, онъ сильнѣе началъ чувствовать недуги старости; у него сталъ образоваться на глазахъ катарактъ, такъ что онъ не могъ и въ очкахъ читать и писать; тягостно и скучно стало ему, и онъ рѣшился ввѣрить себя доктору хирургіи Ѳедору Андреевичу Гильдебранту. Этотъ славный въ свое время операторъ, къ удивленію врачей, счастливо снялъ у него катарактъ, такъ что Иванъ Саввичъ до самой смерти пользовался зрѣніемъ, читалъ и писалъ.

Какъ то сильно онъ захворалъ, слегъ въ постелю и, чувствуя разслабленіе во всемъ тѣлѣ, прибѣгъ къ духовному врачеству: исповѣди, причащенію Св. Таинъ и елеосвященію. По видимому, къ нему уже приходилъ послѣдній часъ, къ которому и самъ давно готовился съ живою вѣрою въ Искупителя и съ твердою надеждою на Его милосердіе. Въ то время, какъ его домашніе заботились о поминкахъ, старецъ нашъ спокойно лежитъ въ своей горенкѣ, творя про себя молитвы. Наконецъ, послѣ нѣкотораго времени, онъ всталъ, отворилъ клюкою дверь въ сѣни, гдѣ былъ чуланъ, наполненный икрой, рыбою и ку-

лебами (это было въ постъ) для поминокъ, и не нашутку разсердился. По разсчетливости своей, доходившей до скупости, онъ, казалось, не столько боялся смерти, къ которой давно готовился, сколько расточительности и мотовства своихъ наслѣдниковъ. Чтобы скрыть отъ него траты, которыя легко могли показаться ему излишними, они уменьшали цѣну покупокъ: купятъ за 5 р., а скажутъ за 1 рубль, а тамъ уже наверстываютъ расходы. Увидѣвъ такое множество покупокъ и предполагая, что на нихъ много потрачено денегъ, онъ закричалъ: „Ахъ, вы расточители, маркотратцы! при мнѣ еще вы мытарите мои денежки, которыя я столько лѣтъ честными трудами наживалъ; что же будетъ у васъ безъ меня?“ При этомъ восклицаніи, попался ему на глаза въ сѣняхъ правнучекъ, который отвѣдалъ дѣдушкина костыля.

Не за долго предъ смертію его, случился съ нимъ рѣдкій въ лѣтописяхъ медицины припадокъ, который онъ называлъ дьявольскимъ навожденіемъ. Не одно старческое его воображеніе разыгралось отъ избытка тѣлесныхъ силъ, сбереженныхъ въ запасъ цѣломудренною юностью и честнымъ вдовствомъ; не однимъ воображеніемъ, но и самымъ дѣломъ онъ дошелъ до того, что, какъ самъ говорилъ, „стерпѣть не могъ демонскаго стрѣлянія“. Прадѣдушка влюбился въ какую-то 40-лѣтнюю вдову и хотѣлъ жениться на ней. Внучата его испугались и уговорили его оставить это намѣреніе.

Отъ прадѣдушки обращусь къ батюшкѣ. По возвращеніи въ Москву, онъ на пожарищѣ своего дома выстроилъ погребъ и конюшню, потомъ, вмѣсто двухъ флигелей, порядочный домикъ съ мезониномъ. Это стоило ему многихъ трудовъ и заботъ; стараясь купить лѣсъ на строеніе подешевле, онъ въ грязь и слякоть самъ ходилъ въ лѣсной рядъ и на рынокъ, хлопоталъ на стройкѣ; тутъ онъ простудился, чахотка закралась ему въ грудь, онъ часто кашлялъ и видимо таялъ. Я при немъ былъ уже магистромъ, въ университетѣ преподавалъ лекціи о Латинскомъ языкѣ, въ Воспитательномъ домѣ уроки о Русской словесности, занимался переводами съ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ; Обществомъ Любителей Россійской Словесносто, подъ предсѣдательствомъ А. А. Прокоповича - Антонскаго, принятъ былъ соревнователемъ. Въ Антонскомъ я нашелъ себѣ покровителя, который поощрялъ меня упражняться въ литературѣ. Опыты моихъ трудовъ читаны были въ публичныхъ собраніяхъ общества. Но батюшкѣ было годъ отъ году хуже, болѣзнь развивалась; уже онъ не могъ вставать съ постели, въ которой однакожъ читалъ и подписывалъ казенныя бумаги, присылаемыя изъ университета. Лечилъ его докторъ Ромодановскій, который, все на веселѣ, шутилъ его болѣзнію; но я, видя, что дѣло идетъ не на шутку, пригласилъ доктора Ѳ. А. Гильдебранта, который совѣтовалъ мнѣ приготовлять себя къ потерѣ отца, а его къ смерти. Не могу представить себѣ, какъ мнѣ и матушкѣ было тяжко; я даже приходилъ въ отчаяніе; но батюшка былъ спокоенъ, позвалъ къ себѣ гробовщиковъ и самъ съ ними торговался, записывая на листѣ бумаги все, что̀ нужно для своихъ похоронъ. „Мнѣ нѣтъ нужды, хотя бы меня въ рогожкѣ бросили въ навозъ; но что скажутъ о женѣ и сынѣ, если они меня похоронятъ кое какъ“, молвилъ онъ гробовщикамъ. У него сдѣлалось предсмертное иканіе, его душила клейкая мокрота. Отдавъ матушкѣ бумажникъ съ небольшою суммою денегъ, приготовленною на похороны, рано утромъ велѣлъ мнѣ подать себѣ часы, посмотрѣвъ на

нихъ, пальцемъ указалъ на 6 часъ: то былъ часъ его кончины. На предложеніе матушки исповѣдаться и причаститься, отвѣчалъ: „Погодите, дайте мнѣ приготовиться; самъ скажу, когда надобно будетъ.“ Между тѣмъ позвалъ къ себѣ церковнаго старосту нашей приходской церкви И. І. Демидова и просилъ заняться его похоронами. „Знаю, что женѣ и сыну будетъ не до того; мнѣ съ ними, а имъ со мною тяжело будетъ разставаться. Поусердствуйте имъ, ради Бога, схоронить меня“. Наконецъ онъ громко сказалъ: „Готовъ, готовъ, пошлите за священникомъ.“ Послѣ исповѣди и причащенія, его соборовалъ почтенный Адріановскій протоіерей Матвѣй Николаевичъ. При чтеніи послѣдняго Евангелія, батюшка ухватился за него рукою и такъ скончался. Это случилось 16 іюня 1821 года. Гробъ съ его тѣломъ несли профессоры до приходской церкви, а послѣ отпѣванія студенты до Лазарева кладбища. Съ такою твердостію духа, какъ христіанинъ, встрѣтилъ смерть свою добрый родитель мой; его оплакивали не одни родные, но и посторонніе, которымъ онъ былъ не чужимъ, по природной своей благотворительности. Сколько пристроено имъ было вдовъ и сиротъ! Предъ смертію своей, онъ сжегъ кипы просьбъ и просительныхъ писемъ, сочиненныхъ имъ безкорыстно для вдовъ и сиротъ: Богъ благословлялъ успѣхомъ его ходатайства. На батюшкѣ осталось до двухъ тысячъ ассигнаціями долга. Богъ помогъ мнѣ развязать его душу, какъ онъ всегда желалъ. Нѣкто изъ знакомыхъ мнѣ сказалъ: „Право, вашего батюшку нельзя похвалить за то, что имѣлъ столько случаевъ нажиться, и не нажился“; но, не упуская сдѣлать по возможности добро ближнему, онъ, какъ написалъ объ немъ Мерзляковъ въ эпитафіи:

«И въ скудномъ жребіи богатъ для бѣдныхъ былъ.»

Наружность отца моего не соотвѣтствовала его внутренности; просившимъ его не льстилъ, не водилъ обѣщаніями и обнадеживаніями, но дѣлалъ по крайней своей возможности, съ усердіемъ; чуждался благодарности, даже отрекался отъ собственныхъ дѣлъ своихъ. Профессоръ Сандуновъ записывалъ въ особую книгу замѣчательныя кончины разныхъ ему извѣстныхъ людей. Не знаю, куда дѣвалась, послѣ его смерти, эта любопытная во многихъ отношеніяхъ книга? Она могла бы быть матеріаломъ для предсмертной психологіи: въ послѣднихъ часахъ жизни человѣческой разительнѣе высказывается душа, освобождаемая отъ узъ тѣла, при таинственномъ переходѣ изъ одного міра въ другой. Вотъ почему даютъ особенную важность и значеніе предсмертнымъ словамъ и самымъ мановеніямъ. Еслибъ Сандуновъ слышалъ и видѣлъ кончину моего прадѣда Ивана Саввича Брыкина и отца, навѣрное вписалъ бы ее въ свою книгу.

Не за долго до блаженной кончины прадѣдушки, я его посѣтилъ съ сенаторомъ Малиновскимъ и присутствовалъ съ матушкой при кончинѣ и погребеніи Измайловскаго старожила. Чувствуя близость смерти, онъ не рѣдко очищалъ душу свою покаяніемъ, освящая ее таинствомъ причащенія; духа не погашалъ въ себѣ и не терялъ ни памяти, ни соображенія. По его желанію, положены были ему на грудь жалованный Петромъ I рублевикъ и письма митрополита Платона, съ которыми онъ не хотѣлъ разставаться въ гробѣ и могилѣ. Къ предсмертной его постели приходили прощаться съ нимъ Измайловскіе жители; жившü съ ними такъ долго, онъ всякаго помнилъ и узнавалъ, называя по имени и отчеству, почти каждому давалъ соотвѣтственныя наставленія, однихъ журилъ, другихъ утѣшалъ, или

привѣтствовалъ; словомъ, едва ли кого оставилъ безъ вниманія. Его предсмертное прощаніе представляло умилительное и назидательное зрѣлище, съ тѣмъ вмѣстѣ замѣчательный примѣръ силы и присутствія духа, готоваго уже оставить дряхлое тѣло. Наступилъ день Ангела Ивана Саввича, Св. Іоанна, Списателя Лѣствицы: то было 30 марта. Выслушавъ молебенъ тезоименитому себѣ Святому и отходную, больной осязательно ощутилъ приближеніе смерти. „Вотъ она въ ногахъ, вотъ въ колѣнахъ,“ говорилъ онъ, „вотъ и въ животѣ, идетъ къ груди; дайте мнѣ Богоявленской воды“, прихлебнувъ, молвилъ: „охъ, я думалъ, что легче умирать; простите; Господи, помилуй.“ Послѣднее слово замкнуло его уста; скрестивъ руки на груди, потянулся, тихо вздохнулъ, и этотъ вздохъ былъ послѣдній въ его жизни. Всѣ предстоящіе зарыдали.

(Окончаніе впредь)

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ УМЕРШИХЪ ВЪ 1864 ГОДУ.

(Изъ Справочнаго Словаря Русскихъ писателей и ученыхъ, составляемаго Григоріемъ Геннади).

Справочный Словарь Русскихъ писателей и ученыхъ есть обширный трудъ, задуманный и уже значительно двинутый впередъ извѣстнымъ нашимъ библіографомъ *Г. Н. Геннади.* Такъ какъ подобнаго рода работы сопряжены съ разнаго рода трудностями, то пропуски и обмолвки весьма легко могутъ встрѣтиться. Составитель проситъ сообщать ему черезъ *Русскій Архивъ* дополненія и поправки какъ нижеслѣдующаго, такъ и другихъ уже напечатанныхъ отрывковъ его труда, а именно о писателяхъ, умершихъ въ 1857 (Библіогр. Записки 1858, 12), въ 1858 (тамъ же 1859, 20), въ 1859 (тамъ же 1861, 4), въ 1860, 1861 и 1862 (Русскій Архивъ 1864, № 5 и 6) и въ 1863 (Русскій Архивъ 1865, № 1).—При указаніи статей *Б.* значитъ біографія, *N.* — некрологъ.

Благовѣщенскій, Василій Тимофеевичь, р. 1801, изъ Московск. студентовъ, въ 1823 г. былъ учителемъ Русскаго языка въ Везенбергѣ, Фелинѣ и въ Дерптѣ, потомъ инспекторомъ Рижской гимназіи, а съ 1850 г. по смерть свою 19 авг. 1864 г. цензоромъ въ Ревелѣ.

1) Азбука 1837. — 2) Христоматія для перевода съ Нѣм. языка на Русскій. Дерптъ 1841. 8°. и 1844. 8°. — 3) Der Esthe und sein Herr. Von einem der weder ein Esthe noch dessen Herr ist. Berlin. 1861. 8°.

N. Книжный Вѣстникъ 1864, стр. 361.

Блудовъ, графъ Дмитрій Николаевичь, предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ, президентъ академіи наукъ. Р. 5 апр. 1785 и, получивъ домашнее воспитаніе, поступилъ въ 1800 г. въ Моск. архивъ коллегіи ин. дѣлъ, а потомъ въ иностр. коллегію въ Петербургъ; съ 1813—1817 служилъ въ нашихъ посольствахъ при Шведскомъ дворѣ, потомъ въ Лондонѣ до 1820, сперва совѣтникомъ, потомъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Съ 1822 онъ состоялъ при министерствѣ вн. дѣлъ и въ 1826 составилъ Докладъ Слѣдственной Комиссіи о тайныхъ политическихъ обществахъ, послѣ чего назначенъ статсъ-секретаремъ, товарищемъ министра нар. про·

свѣщенія и главноуправляющимъ департамента иностранныхъ исповѣданій. Въ 1828 г. онъ пожалованъ въ т. с. за устройство греко-уніатскихъ церквей. Въ 1830 г. онъ нѣсколько мѣсяцевъ управлялъ министерствомъ юстиціи, въ отсутствіи Дашкова, съ 1832 министерствомъ вн. дѣлъ, съ 1837 вторично министерствомъ юстиціи до дек. 1839, когда онъ былъ назначенъ управляющимъ II отдѣленіемъ собств. е. и. в. канцеляріи, членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ; съ 1840 присутствовалъ въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго. Сверхъ того графъ участвовалъ въ разное время во многихъ комитетахъ. Въ 1842 г. 18 апрѣля Блудовъ возведенъ былъ въ графское достоинство.— Въ нынѣшнее царствованіе онъ былъ назначенъ президентомъ академіи (1855) и комитетовъ: еврейскаго (1856) и дѣтскихъ пріютовъ (1857), предсѣдателемъ госуд. совѣта (1862) и комитета министровъ. Съ 1857 участвовалъ въ комитетѣ для разсматриванія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи въ Россіи. Сконч. 19 ф. 1864 г.

Блудовъ провелъ свою молодость въ обществѣ литераторовъ-послѣдователей Карамзина, былъ однимъ изъ основателей литературнаго кружка, извѣстнаго и дѣйствовавшаго подъ именемъ Арзамаса (1815 — 1818) противъ державинской бесѣды и сторонниковъ Шишкова. Въ 1826—1828 годахъ вмѣстѣ съ Дашковымъ разбиралъ сокровища государственнаго архива. Кромѣ множества важныхъ проектовъ и законоположеній, имъ составленныхъ и двухъ изданій Свода Законовъ, вышедшихъ подъ его завѣдываніемъ, онъ издалъ XII-й томъ Исторіи Карамзина и послѣдніе томы сочиненій Жуковскаго, съ своими предисловіями, а также брошюру: Послѣдніе часы жизни императора Николая I. Спб. 1855, переведенную тогда же на языки: польскій, нѣмецкій, англійскій и французскій. Будучи отличнымъ знатокомъ новѣйшей исторіи, онъ составлялъ для импер. Николая доклады и извлеченія изъ разныхъ историческихъ рѣдкихъ бумагъ. Всю жизнь свою онъ былъ другомъ просвѣщенія и въ 1848 г. спасъ наши университеты отъ закрытія.

N: Рус. Вѣдомости 1864, № 125 *(И. Телепнева)* и Изъ бесѣдъ его, *М. Погодина*, № 117. — День, № 9, *Кояловича*.—Соврем. листокъ № 9.— Спб. Вѣдом. № 43 *(Я. Г.)* и 44 *(Е. К.)*. — Голосъ, № 5. — Соврем. Лѣтопись № 8. *(М Лонгинова)*. — Рус. Инвалидъ, № 54 *(А. И.)* Отчетъ II отд. академіи за 1864, *Я. Грота* въ Спб. Вѣд., въ Запискахъ и въ книгѣ: Торж. собраніе Академіи наукъ 29 дек. 1864, съ портретомъ гр. Блудова.— Послѣдніе дни жизни его *А. Б.* въ Страннникѣ 1864, № 5. — С. Почта 1864, № 68 *(А Никитенко)* и письмо Блудова о Вигелѣ тамъ же № 51.— Воспом. *А. Никитенко* въ Запискахъ академіи т. V, (1864, I) и Спб. Вѣдом. № 66. — Нѣск. словъ произнесенныхъ 3 марта 1864 въ Археологич. Обществѣ. *А. Попова*. Спб. 1864. 12°. 9 стр. — Русс. Архивъ 1864, вып. 3. — *Б: П. Иванова*, въ Приложеніи къ № 3 Журнала Мин. Юстиціи 1865. — Графъ Блудовъ. Изъ 1-тетради Галлереи рус. дѣятелей, *А. Мюнстера*, Спб. 1864, въ листъ, 4 стр. съ портретомъ. — Записки Вигеля. — Черты изъ жизни его, Домашняя Бесѣда 1865, № 4.

Востоковъ Александръ Христофоровичъ, академикъ, филологъ, р. 16 марта 1781 въ Аренсбургѣ на островѣ Эзелѣ; первоначальная фамилія его, которую потомъ перевели по русски, была *Остенекъ*. Онъ воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и въ академіи художествъ, въ которой служилъ помощникомъ библіотекаря (1803), потомъ въ комиссіи составленія законовъ и въ деп—тѣ духовныхъ дѣлъ до 1824 г. Литературою онъ занялся съ ранней молодости, былъ членомъ Спб. Вольнаго Общества Любителей словесности и свои первыя стихотворенія помѣстилъ въ изданіяхъ его: Свитокъ Музъ 1802 и Періодич. изданіе общества 1804. Въ Спб. Вѣстникѣ 1812 г. встрѣчаются его рецензіи. Въ 1815 онъ былъ опредѣленъ въ и. публичную библіотеку помощникомъ хранителя рукописей и въ 1828 г. утвержденъ хранителемъ рукописей библіотеки и служилъ въ ней до 1845 г. Здѣсь начались его занятія филологіею и палеографіею. Первое его разсужденіе о славянскомъ языкѣ помѣщено въ Трудахъ любит. росс. слов. ч. 17 (1820) и обратило на него всеобщее вниманіе уче-

ныхъ. Съ 1824 г. онъ занялся описаніемъ рукописей собранія графа Румянцова, въ послѣдствіи изданнымъ и потомъ (съ 1831 по 1844) служилъ старшимъ библіотекаремъ въ основанномъ графомъ музеѣ въ Петербургѣ. — Будучи членомъ Россійской академіи съ 1820, онъ по образованіи изъ нея 2-го отдѣленія академіи наукъ, участвовалъ въ составленіи Словаря, изданнаго отдѣленіемъ и помѣщалъ статьи въ его Извѣстіяхъ. Подъ его редакціею вышли два тома Актовъ историч. относящихся до Россіи, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ и Опытъ Областнаго Словаря. — Ум. въ Петербургѣ 8 февр. 1864 г.

1) Опыты лирическіе 2 ч. Спб. 1805 — 1806. 2) Опытъ о русскомъ стихосложеніи. Спб. 1817 г. (Изъ Спб. Вѣстника 1811 ч. II). — 3) Стихотворенія, 3 ч. Спб. 1821. — 4) Русская грамматика. Спб. 1831, 1835, 1838, 1839, 1842, 1844, 1848 и 1852, 10-е 1859. (Всѣхъ изданій, кажется, 11).— 5) Сокращенная русская грамматика. Спб. 1831, 1833, 1835, 1837, 1839. 7-е изд. 1844, 8-е 1852; 12-е 1863 и 13-е 1864. Есть вновь пересмотрѣнное 2-е изданіе Спб. 1848. — Московскія изданія: 2-е 1843, 3-е 1845; 4-е 1847; 5-е 1861 и 6-е 1864. Казанскія: 1848, 1852 и 1853. — Кіевскія 1849 и 1854. Вильно, 1859. — 6) Описаніе рукописей и печ. книгъ славянскихъ, принадлежащихъ А. С. Норову. Спб. 1836. 8°. (Изъ Журнала М. Н. Пр. № 9 и тамъ же, № 12, описаніе греческихъ рукописей Норова). — 7) Описаніе рус. и слав. рукописей Румянцовскаго музеума Спб. 1842 4°. — 8) Остромирово Евангеліе. Спб. 1843. 4°. — 9) Граматическія правила славянскаго языка, извлеченныя изъ Остромирова Евангелія Спб. 1855. 8°. — 10) Грамматика церковно-славянскаго языка. Спб. 1863. 4°. (Ученыя Записки т. VII). — 11) Словарь церковно-славянскаго языка. 2 ч. Спб. 1858—1862. 4°. 12) Филологическія наблюденія *А. Х. Востокова*. Издалъ, по порученію 2-го отдѣленія академіи наукъ *И. Срезневскій*. Спб. 1865. 8°. Тоже и въ 4-ку.

О филологич. трудахъ В—ва, *П. Плетнева* въ Отчетахъ II отд. Академіи. Спб. 1852. — Труды и юбилей В—ва, *И. Срезневскаго* въ Отчетѣ 1854 г. II-го, отд. академіи; Уч. Записки кн. II. — Ученая и литерат. дѣятельность В-ва, *Н. Карелкина* въ Отеч. Запискахъ т. 98, (1855, № 1). Некрологъ въ Рус. Инвалидѣ 1864. № 40. — Очеркъ жизни въ Сѣв. Почтѣ 1864, № 101 — Похороны В—ва, *Я. Грота* въ Рус. Инвалидѣ № 38. — Памяти А. Х. Востокова *Н. Греча*. Изд. 2-е Спб. 1864. 8°, 15 стр. (Прежде въ газетѣ Вѣсть, № 15). — Обозрѣніе научныхъ трудовъ Востокова, между прочимъ и неизданныхъ, *И. Срезневскаго*, въ книгѣ Торж. Собраніе Академіи Наукъ 29 дек. 1864 г. (1865. 4°) стр. 86—138, съ портретомъ, указателемъ ученыхъ статей его и перечнемъ его служебной и литерат. дѣятельности.

Григорьевъ, Аполлонъ Александровичъ (р. 1818), студентъ Московскаго университета, при которомъ служилъ; въ 1844 переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ печаталъ въ журналахъ свои стихотворенія, вышедшія небольшою книжкою въ 1846 году. Съ 1846 г. онъ участвовалъ и нѣсколько времени редактировалъ, въ 1847 году въ Моск. Гор. Листкѣ, въ 1848 и 1849 въ Моск. Вѣдомостяхъ и потомъ въ Москвитянинѣ, съ 1859 въ Рус. Словѣ, съ 1861 г. въ журналѣ Время (въ которомъ кромѣ обширныхъ критическихъ статей помѣстилъ начало своей автобіографіи), потомъ въ Якорѣ, который выходилъ съ марта 1863 подъ его редакціею.

Онъ перевелъ нѣсколько пьесъ *Шекспира*. (Сонъ въ лѣтнюю ночь, въ Библ. для чтенія т. 144, 1857 г. и Ромео и Джульета, въ Рус. сценѣ 1864, августъ), *Мольера:* Школа мужей (Реп. и Пантеонъ 1848, XII) и *Делавиня:* Школа стариковъ (ib. 1850, I). Много его статей критическихъ о русскомъ театрѣ въ Отеч. Зап. (т. 65—67 и 69) и Реп. и Пантеонъ) 1846, IX, XII) и по новѣйшей русской литературѣ. Его опытъ о русс. пѣсняхъ отпечатанъ особо изъ Москвитянина 1854, № 15. Въ 1862 г., и 1864 онъ для г. Стелловскаго перевелъ либретто нѣсколькихъ оперъ: Балъ-маскарадъ, Эрнани, графъ Ори, Осада Гента, Лучія, Фаворитка, Бѣлая Дама, Донъ Пасквале. Скончался въ сентябрѣ 1864 г.

Некрологія *Д. Аверкіева* въ Эпохѣ 1864, № 8 и письма его съ примѣчаніями и характеристикою гг. *Страхова* и *Ѳ. Достоевскаго* тамъ же № 9 (см. рецензію въ Современникѣ т. 105, 1864, № 11 и 12). Другія письма, тамъ же 1865, № 2. —

N. День, № 40. О его письмахъ Кн. Вѣсти 1865, стр. 10 (Н. Алп.)

Де Сангленъ, Яковъ Ивановичь, р. въ Москвѣ въ 1776, служилъ при вице-адмиралѣ Спиридовѣ переводчикомъ, съ 1804 былъ лекторомъ нѣмецкой литературы въ Московскомъ университетѣ и преподавалъ тактику до 1807, когда назначенъ былъ въ военную коллегію, потомъ служилъ въ другихъ вѣдомствахъ и особенно при Балашовѣ, во время сверженія Сперанскаго. Ум. 2 апр. 1864 г. въ Москвѣ.

Онъ издавалъ съ Рейнгардомъ журналъ: Аврора 2 ч. (6 №№). М. 1805—1806. 12⁰.

Нѣсколько статей имъ сообщено въ Трудахъ Моск. Общ. ист. и др. и въ Москвитянинѣ:

1) Отрывки изъ иностранной литературы. Съ нѣм. М. 1804. — 2) О военномъ искусствѣ древнихъ и новыхъ временъ 1808.—3) Краткое обозрѣніе воинской исторіи XVIII вѣка. Спб. 1809. — 4) Историческіе и тактическіе отрывки 7 книжекъ. Съ планами. Спб. 1809—1810. 4⁰.—5) Въ память графу П. И. Кутайсову. Спб. 1812.—6) О истинномъ величіи человѣка. 1814. — 7) О началѣ и паденіи миѳологическаго міра и богослуженіи древнихъ Грековъ. 1815.—8) Жизнь и мнѣнія новаго Тристрама, 2 ч. М. 1829. 18⁰. —9) Воспоминанія у гроба князя В. С. Львова. М. 1829. 4⁰.—10) Рыцарская клятва при гробѣ или два портрета Рус. романъ изъ временъ меченосцевъ. 2 ч. М. 1832 12⁰. — 11) Шиллеръ, Вольтеръ и Руссо. М. 1843. Утверждаютъ навѣрное, что онъ оставилъ послѣ себя памятныя записки.

Б. Біогр. словарь Моск. профес. I, 296.

Достоевскій, Михаилъ Михаиловичь. Ум. 10 іюня 1864 г. (N. въ Эпохѣ № 6, брата его, Ѳедора Михаиловича).

Онъ напечаталъ нѣсколько повѣстей въ Отеч. Запискахъ: Дочька, 1848, № 8; Господинъ Свѣтелкинъ, 1848, № 9. Воробей 1848, № 12. Два старичка, 1849, № 11. Пятьдесятъ лѣтъ 1850, № 7. Старшая и меньшая, комедія 1851, № 6; въ Пантеонѣ 1852 Братъ и Сестра (повѣсть) и критич. статью о русскихъ новѣйшихъ писателяхъ (1848, № 3) и о Жуковскомъ (1852, № 6). Перевелъ Рейнеке-Лисъ, *Гете*, въ Отеч. Запискахъ т. 56 и 57 (1848) изд. отдѣльно въ 1861 г. и Донъ-Карлосъ *Шиллера*, въ Библіотекѣ для чт. 1848, № 2—5, перепеч. въ Сборникѣ Шиллера, Гербелемъ т. III, и тамъ же его переводъ Разбойниковъ.

Дружининъ, Александръ Васильевичъ, р. въ 1825 г. въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 19 ф. 1864 г. Получивъ образованіе въ пажескомъ корпусѣ, онъ служилъ въ канцеляріи военнаго министерства (1847—1851), потомъ, вышедъ въ отставку, занимался литературою.

Онъ началъ свое поприще удачными повѣстями въ Современникѣ 1847 г. «Полинька Саксъ», „Разсказъ Алексѣя Дмитрича» (1848) и «Жюли» (1849), и въ немъ же въ послѣдствіи съ 1853 печаталъ обозрѣніе новостей русской литературы подъ названіемъ «Писемъ иногородняго подписчика» и статьи объ англійской литературѣ, о Шериданѣ т. 43. о Шекспирѣ, т. 43 и 47, о Краббѣ, т. 54—57; послѣдняя отпечатана особо въ 1857 г. Укажемъ на замѣчательныя статьи его о Джонсонѣ и Босвелѣ въ *Библ. для* Чтенія т. 110—116 (1851 и 1852), о Вальтерѣ Скоттѣ, въ Отеч. Запискахъ т. 93—96 и нѣсколько разборовъ замѣчательныхъ англійскихъ романовъ въ Современникѣ (1850) и въ Рус. Вѣстникѣ (съ 1862 г.). — Его сатирическіе и забавные фельетоны подъ псевдонимомъ *Чернокнижникова* помѣщались въ Современникѣ (1850), Спб. Вѣдомостяхъ, Сѣв. Пчелѣ, Вѣкѣ и Библіотекѣ для Чтенія, которую онъ редактировалъ съ 1857 и въ которой находится много его критическихъ статей о прежнихъ и современныхъ русскихъ писателяхъ. Д. перевелъ изъ *Шекспира*: Король Лиръ (1857), Ричардъ III (1862, въ Современникѣ) и Коріоланъ— въ Библіотекѣ для Чтенія 1858. Его воспоминанія о художникѣ Ѳедотовѣ отпечатаны особою брошюрою изъ Современника 1853 г. — Ему принадлежитъ честь почина въ основаніи петерб. общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (1859).—Сочиненія и переводы его собраны и издаются Гербелемъ.

N. Голосъ 1864, № 26.—Спб. Вѣдом. № 17. — Библіотека для чтенія 1864, № 1.—Отеч. Записки 1864, № 1, Лѣтопись, стр. 99.—Статья въ память его, читанная *И. С. Тургеневымъ* въ обществѣ для пособія нуждающимся лит. въ Р. Инвалидѣ 1864, № 40. *М. Н Лонгиновъ* читалъ въ Москвѣ, въ публичномъ засѣданіи Общества *Любителей* Росс. Слов., свое Воспоминаніе о Дружининѣ, но оно не напечатано.

Зонтагъ, Анна Петровна, урожденная Юшкова, племянница и другъ Жуковскаго, ум. 18 марта 1864, 78 лѣтъ.

1. Дѣвица Березница, сказка для дѣтей, съ нѣм. Одесса, 1830. 8°.—2. Повѣсти и сказки для дѣтей 3 ч. Спб. 1832—1834.—3. Священная исторія для дѣтей 2 ч. 1837. 8-е изд. 2 ч. М. 1864. — 4. Три комедіи для дѣтей Спб. 1842. — 5. Сказка въ видѣ альманаха на свѣтлое Воскресенье, 1844.—6. Новыя повѣсти для дѣтей. Спб. 1844. — 7. Подарокъ дѣтямъ въ день Свѣтлаго Воскресенья, 2 ч. М. 1861. — 8. Волшебныя сказки для дѣтей средняго возраста. М. 1862 8°. Съ карт. — 9. Сочельникъ предъ Рождествомъ Христовымъ или собраніе повѣстей и разсказовъ для дѣтей 2 ч. М. 1864. — 10. Дѣтскій театръ. М. 1865.

N. *П. Бартенева*, День 1864, № 13.

Ивановъ Петръ Ивановичъ, управлявшій Сенатскимъ Архивомъ въ Москвѣ. Изъ духовнаго званія.

1. Руководство для удѣльныхъ стряпчихъ и прочихъ чиновниковъ. М. 1825. 8°.

2. Обозрѣніе правъ и обязанностей россійскаго купечества и вообще всего средняго сословія 2 ч М. 1826. 8°.

3. Слѣдопроизводитель. 2 ч. Спб. 1834. 16°.

4. Историческія свѣдѣнія о большомъ колоколѣ, лежащемъ въ Кремлѣ. М. 1835. 12°.

5. Обозрѣніе писцовыхъ книгъ по московской губерніи съ присовокупленіемъ краткой исторіи древняго межеванія М. 1840. 4°.

6. Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей въ Россіи существовавшихъ. М. 1836. 8°.

7. Описаніе Госуд. Архива старыхъ дѣлъ. М. 1850. 8°.

8. Описаніе Госуд разряднаго Архива. М. 1842. 8°.

9 Сборникъ палеографич. снимковъ съ почерковъ древняго и новаго письма. М, 1844 4°.

10. Путеводитель по Госуд. Архивамъ состоящимъ въ Правит. сенатѣ въ Москвѣ. М. 1845. 8°.

11. Опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи. М. 1846.

12. Обозрѣніе геодезическихъ работъ въ Россіи со времени и. Петра Великаго до сочиненія генеральной ландкарты Росс. Имперіи въ 1746 г. Спб. 1853. 8°.

13. Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ, хранящихся въ 1 отд. Московскаго Архива Мин. Юстиціи. М. 1853.

14. Сборникъ снимковъ и древнихъ печатей, приложенныхъ къ граматамъ и другимъ юридическимъ актамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи. М. 1858. 4°. (Съ 20 таблицами).

15. О знакахъ, замѣнявшихъ подписи въ древней Россіи. Спб. 1859 (Извѣстія Арх. Общ.).

16. Красныя ворота. М. 1860. 8°.

17. Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи. Спб 1864. 8°. (Приложеніе къ журналу Мин. Юстиціи.—Есть экземпляры съ портретами).

Кеппенъ Петръ Ивановичъ, археологъ, библіографъ, этнографъ и статистикъ, сынъ нѣмецкаго врача, служившаго въ Россіи, род. въ Харьковѣ 19 ф. 1793 г.— Онъ началъ службу еще въ 1806 г., слушалъ лекціи въ Харьковскомъ университетѣ и въ 1814 утвержденъ магистромъ правовѣденія за диссертацію De reparatione damni per bellum illati, ненапечатанную. За тѣмъ онъ поступилъ на службу въ Спб. почтовой департаментъ, былъ членомъ и секретаремъ по ученой части въ и. человѣколюбивомъ обществѣ (1817—1821), состоялъ въ деп—тѣ мин. нар. пр.; съ 1827 въ министерствѣ вн. дѣлъ, а съ 1838 въ министерствѣ госуд. имуществъ, гдѣ былъ членомъ ученаго комитета (1841).—Въ 1821—1824 г. онъ сдѣлалъ поѣздку по югозападному краю Россіи и Славянскимъ землямъ и напечаталъ въ Вѣнѣ нѣсколько археологическихъ статей. Въ 1829 г. К. поселился въ Крыму и былъ помощникомъ главнаго инспектора шелководства, Стевена, изслѣдовалъ положеніе винодѣлія на югѣ и вообще виноторговли въ Россіи и занимался обозрѣніемъ тамошнихъ древностей. Избранный въ корреспонденты академіи наукъ въ 1826, и адъюнктомъ по статистикѣ и политической экономіи въ 1837, академикомъ въ 1843, онъ постоянно участвовалъ въ трудахъ академіи, особенно въ Bulletin, напечаталъ множество статистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій и рецензій, былъ редакто-

ромъ St. Petersb. Zeitung во 2-й половинѣ 1834 и въ 1835 году. Какъ одинъ изъ учредителей географич. общества, онъ кромѣ нѣсколькихъ статей, сообщилъ матеріалы и указанія для издаваемаго обществомъ Географич. словаря и съ 1845 по 1847 управлялъ статистическомъ отдѣломъ. Скончал. 22 мая 1864 г.

1. Уставъ и. человѣколюбиваго общества. 1817.— 2. Историческое изслѣдованіе о Югорской землѣ. Спб. 1818. (Изъ IV тома Соревнователя или Трудовъ Вольнаго общ. любит. р. слов. для котораго Кеппенъ составилъ въ 1818 уставъ.) — 3. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи: I. Обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи росс. словесности. Спб. 1819. 8°. (Труды т. V и польскій переводъ Линде при изданномъ имъ Опытѣ Греча Warczawa, 1823); II. Библіографическіе Листы 1825 г. 1826. 4°; III томъ, 1827. 4°. Отдѣльно изъ этого тома изданы: а) Опытъ хронологич. списка учебнымъ заведеніямъ Мин. Нар. Пр. б) О Кормчей книгѣ; в) О происхожденіи языка и литературы Литовскихъ народовъ; послѣднее перевелъ Schrotter въ Magazin der Lettisch-Lit. Gesellschaft, Mitau, 1829 и Рогальскій въ Dziennik Wilenski.—4. Описаніе Туакской пещеры Крыму. Спб. 1821. 8°. (Труды, т. V). — 5. Планъ города Ольвіи, листъ, 1821.—6. Списокъ русскимъ памятникамъ служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отеч. палеографіи. М. 1822. 8°.—7. Ueber Altherthum u. Kunst. in Russland, Wien, 1822 8°. (Wiener Jahrbücher, XX). — 8. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien. 1823. 8°. — (Древности сѣв. берега Понта, перев. Средне-Камашева. Спб. 1828). — 9 Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Wien. 1823. 8°.—10. Olbisches Psephisma zu Ehren des Protogenes. Wien, 1823. — 11. Die dreygestaltete Hekate und ihre Rolle in d. Misterien. Wien, 1823. 8°.—12, S. B. Linde. Wien. 1823. 8°.—13. Nachricht von einigen in Ungarn, Siebenbürgen u. Polen befindlichen... Alterthümern. Wien. 1823 9°.—14. Literarnotizen betreffend die Magyarischen und Sächsischen Dialecte in Ungarn und Siebenbürgen. St. Pet. 1826. 8°. — 15. О выгодахъ и правахъ росс. писателей. Изд. 2-е. М. 1826. 8°. (Зъ 30 экз. а прежде въ Моск. Телеграфѣ 1826, № 7).—16. Собраніе словенскихъ памятниковъ находящихся внѣ Россіи. I. Памятники собранные въ Германіи. Спб. 1827, въ листъ. — 17. О виподѣліи и винной торговлѣ въ Россіи. Спб. 1832. 8°. — 18. Объ успѣхахъ виподѣлія на южномъ берегу Крыма. Спб. 1831. 8°. — 19. О шелководствѣ въ Россіи Спб. 1834. (Изъ журнала. М. Вн. дѣлъ). — 20. Staats-Handbuch Russlands. 1835. 8°. (Адресъ Календарь). — 21. Списокъ извѣстнѣйшимъ курганамъ въ Россіи. Спб. 1837. 8°. (Сѣв. Пчела № 1—3). — 22. Крымскій Сборникъ. О древностяхъ южнаго берега Крыма. Спб. 1837. 8°. Съ картою Крыма, перепечатанною въ 1854 году.—23. О числѣ Евреевъ въ Россіи. 1838. 4°. (Спб. Вѣд. № 76). — 24. О потребленіи хлѣба въ Россіи. Спб. 1839. 8°.—25. О сущности статистики. Спб. 1840. 8°.— 26. О письменныхъ сношеніяхъ въ Россіи Спб. 1841. 8°. (Memoires de l'Académie, T. V et Suppelément du Journal de St. Pet.). — 27. О городахъ Росс. имперіи. Съ нѣм. 1841. (Спб. Вѣдом. № 127). — 28. О мочальномъ промыслѣ 1841. 8°. (Журналъ М. Вн. д.). — 29. Ueber einige Landes-Verhältnisse zwischen dem untern Dnjepr u. dem Azowschen Meere. St. Pet. 1845. 8° (Beiträge von Helmersen u. Bähr. B. XI).—30. Ueber die Deutschen im St. Petersb. Gouvernement. 1850. (Изъ Bulletin, а на русскомъ, въ журналѣ М. Вн. д. ч. 32).—31. Водь въ Спб. губерніи. 1851. (Ж. М. Н. Пр). — 32. Этнографич. карта Европейской Россіи, 1851. 4 листа, съ брошюрою. — 3-е изд. Спб. 1855. — 33. Statistische Reise ins Land der Donischen Kasaken... St. Pet. 1852. Съ картою.— 34. Девятая ревизія... Спб. 1857. 4°.—35. Города и селенія Тульской губерніи въ 1851. Спб. 1857. 4°, (Изъ Статистич. Матеріаловъ).—36. Хронологич. указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи. Спб. 1861. 8°.

Recke и *Napiersky* Lexicon, II, 482.—Юбилей его описанъ въ С. Пчелѣ 1860, № 9 и Моск. Вѣдом. № 11. — Юбилей Кеппена. Спб. 1860, въ листъ, съ портретомъ, автобіографіею и подробнымъ спискомъ его сочиненій. — Отчетъ И. Геогр. Общ. за 1864, стр. 4.

Линкъ, Иванъ Васильевичь, товарищъ предсѣдателя Спб. комерческаго суда, съ 1862 г. управлявшій питейно-акцизнымъ сборомъ въ Спб. губерніи, р. въ 1813, ум. въ 1864 г.

Во время службы своей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издалъ 1-й томъ Матеріаловъ для статистики Россіи, 1837. 4°.

N. Иллюстр. Газета, 1864, № 17.

Лихонинъ, Михаилъ Николаевичь, ум. въ маѣ 1864 г. Оставилъ автобіографію.

1. Донъ Карлосъ, *Шиллера.* М. 1833.—2. Перев. съ франц. сочиненій *Сары Толстой*, 2 ч. М. 1839. — 3. Макбетъ, трагедія *Шекспира*, съ англ. М. 1850 8⁰. Стихотворенія въ Москвитянинѣ и другихъ изданіяхъ.

N. Моск. Вѣдомости 1864, № 110.

Невѣровскій, Александръ Андреевичь, генералъ-лейтенантъ, бывшій директоръ лѣснаго департамента, ум. 13 сент. 1864, въ Лозаннѣ на 46 году.

1. Краткій историческій взглядъ на сѣверный и средній Дагестанъ до уничтоженія вліянія Лезгиновъ на Закавказье. Спб. 1848. 8⁰.—2. О началѣ безпокойствъ въ сѣверномъ и среднемъ Дагестанѣ. Спб. 1848. 8⁰.—3. Истребленіе аварскихъ хановъ въ 1834 г. Спб. 1848. 8⁰.

N. Книжный Вѣстникъ 1864, стр. 384. (Изъ Рус. Инвалида).

Ободовскій, Платонъ Григорьевичь, драматургъ, студентъ Спб. университета (1822), инспекторъ классовъ училища ордена св. Екатерины, переводчикъ министерства ин. дѣлъ. Ум. 10 февраля 1864 г. (См. Народное Богатство № 40).

Кромѣ стихотвореній въ журналахъ и нѣсколькихъ отдѣльно напечатанныхъ, напр. Царскій Цвѣтникъ 1840 и поэмы въ стихахъ: Хіосскій Сирота, Спб. 1828. 12⁰, онъ написалъ и перевелъ нѣсколько драмъ: Отецъ и дочь, 1842; Пергая и послѣд. любовь Карла XII, 1842; Боярыня 17 столѣтія, 1843; Братья купцы, 1843; Боярское Слово; Бояринъ Матвѣевъ, Донъ Карлосъ *Шиллера* (игранъ). Князья Шуйскіе, драматич. поэма (въ 3-мъ томѣ сборника Сто рус. Литераторовъ, 1845) и проч. Нѣкоторыя изъ его пьесъ напечатаны въ Репертуарѣ и Пантеонѣ.

N. Сѣв. Почта, 1864, № 64.

Оболенскій (кн.) Евгеній Петровичь Скончался въ 1864 въ Калугѣ. Воспоминанія (о событіяхъ 1825 и 1826 г.) въ переводѣ на франц. языкъ изданы въ Парижѣ, въ 1862 г., кн. *Августиномъ Голицынымъ*, въ 18-ю д.

Оверъ, Александръ Ивановичь, почетный лейбъ-медикъ, профессоръ Московскаго университета р. въ Россіи въ 1804, учился въ моск. медико-хирургич. академіи и университетѣ и заграницею. Службу онъ началъ въ 1830 г. врачемъ моск. басманной холерной больницы, потомъ въ екатерининской и градской, а въ 1839 г. занялъ каѳедру терапевтич. клиники въ моск. медико-хирургич. академіи, а по упраздненіи ея въ моск. университетѣ. Въ 1851 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ моск. больницъ гражданскаго вѣдомства и въ 1859 г. издалъ „Матеріалы для исторіи" этихъ больницъ. Съ 1864 онъ былъ медицинскимъ инспекторомъ московскихъ учрежденій и. Маріи Ѳедоровны и принималъ участіе въ комитетѣ, составлявшемъ проэктъ устава моск. больницъ приказа общественнаго призрѣнія. Скончался 23 декабря 1864 г.

Результаты своихъ наблюденій онъ передалъ въ обширномъ и прекрасно-изданномъ атласѣ подъ заглавіемъ Selecta praxis medico-chirurgicae.

N. *Ал. Полунина* и *гр. И. Сокольскаго* въ Моск. Вѣдом. и въ Отчетѣ Моск. Университета за 1864. —Брошюра кн. *А. И. Долгорукова*: А. И. Оверъ. М. 1865. 8⁰. 43 стр. съ двумя рѣчами Овера.

Озерецковскій, Яковъ Николаевичь, вѣроятно сынъ извѣстнаго ученаго путешественника по Россіи, служилъ въ молодости въ военной и дипломатической службѣ, съ 1842 г, былъ начальникомъ Крымскаго солянаго правленія въ Перекопѣ. Ум. въ отставкѣ въ Ялтѣ 5 ноября 1864 г.

Онъ печаталъ повѣсти и путевые очерки въ Сынѣ Отечества и другихъ журналахъ.

1. Плаваніе по Бѣлому морю и въ Соловецкій монастырь. Спб. 1836. 8⁰.—2. Повѣсть и быль. Спб. 1840. 12⁰.

Б. И. Шмакова въ Одесс. Вѣстникѣ, 1864, № 274.

Павловъ, Николай Филипповичь, р. въ Москвѣ въ 1805 г.,

Появленіе въ 1835 г. первой книжки его повѣстей, запрещенной скоро по выходѣ ея, сразу поставило его въ ряду лучшихъ тогдашнихъ повѣствователей, особенно достоинствами слога. Вто-

рая книжка повѣстей не имѣла уже того успѣха. Въ 1839 былъ напечатанъ въ Отеч. Запискахъ (т, V), его переводъ изъ *Шекспира* Венеціанскій купецъ. Послѣ долгаго молчанія, прерваннаго только нѣсколькими стихотвореніями и статьею въ Современникѣ (1847) о перепискѣ Гоголя, Павловъ снова напомнилъ о себѣ остроумными очерками въ новомъ Русскомъ Вѣстникѣ и наконецъ выступилъ журналистомъ, основавъ въ Москвѣ въ 1860 г. газету Наше Время, выходившую еженедѣльно, а съ 1862 ежедневно и по прекращеніи которой (на №126, 1863 г.) онъ сталъ издавать общедоступныя „Русскія Вѣдомости“.—Павловъ былъ студентъ Моск. университета. Онъ былъ женатъ на писательницѣ Каролинѣ Карловнѣ Янишъ. Ум. 29 марта 1864 г.

1. Три повѣсти. М. 1835. 8⁰.—2. Новыя повѣсти. Спб. 1838 — 3. Біографъ-оріенталистъ. М. 1857. 8⁰. (Изъ Рус. Вѣстника, ч. 8). — 4. Разборъ комедіи графа Соллогуба: Чиновникъ. М. 1857 г. 8⁰ (Р. В. 1856, т. 3 и 4).—Письма къ Н. Гоголю въ Соврем. т. 3 и 4, 1847 г. и въ Р. Вѣстникѣ: Ботики и г. Дюма т. 16 (1858) и Изъ Моск. Записокъ и Италіанскій вопросъ, т. 22, (1859 г.).

Во 2 томѣ сборника: Russlands Novellendichter von W. *Wolfsohn* (Leipzig. 1848) переведены четыре изъ его повѣстей и сообщенъ краткій біографическій очеркъ его и характеристика. Таже статья въ Jahrbücber für Slavische Lit. 1847, № 1. съ портретомъ.

N. Павловъ. *И. Арсеньева.* М. 1864, 16⁰ 15 стр. Неизданное стихотвореніе С. А. С-каго по случаю его кончины.

Петровъ, Василій Петровичъ, учитель Русскаго языка въ Павловскомъ корпусѣ, потомъ съ 1853 преподаватель драматическаго искусства и его исторіи въ Спб. театральномъ училищѣ, ум. 20 апрѣля 1864 г. 40 лѣтъ.

Поселившись въ Петербургѣ съ 1846 года онъ началъ свои литературныя занятія переводами и издалъ съ М. М. Михайловымъ въ 1847 г. Сборникъ для дѣтей. Потомъ довольно долго писалъ фельетоны театральныя и петербургскую лѣтопись для Спб. Вѣдомостей, Пантеона (подъ редакціею Кони), Рус. Худож. Листка и Рус. Инвалида. Незадолго передъ смертью своею онъ участвовалъ въ Сѣв. Почтѣ. Онъ перевелъ нѣсколько пьесъ для театра изъ которыхъ напечатаны: Свадьба Викторины *Ж. Занда*, Супруги Скороспѣлки (Драм. Сборникъ, 1859, III) и Колыбельная Пѣсня (въ Пантеонѣ).—Онъ началъ заниматься исторіею русскаго театра и собиралъ для этого матеріалы.

N. Голосъ, 1864, № 112.

Поль, Андрей Ивановичъ, заслуженный профессоръ моск. университета. Сынъ пруссака, р. въ Петербургѣ 8 февраля 1794. — Изъ студентовъ. Спб.-медико-хирургич. академіи онъ въ 1815 вступилъ въ Спб. Обуховскую больницу. Въ 1820 онъ былъ опредѣленъ старшимъ врачемъ Московской Екатерининской больницы, а въ 1833 орд. профессоромъ хирургической клиники въ Московскомъ отдѣленіи медико-хирургич. академіи а въ 1843 утвержденъ въ званіи академика. По закрытіи академіи въ 1845 онъ уволенъ былъ отъ службы, а при образованіи медицинскаго факультета въ Моск. университетѣ назначенъ профессоромъ хирургическаго отдѣленія клиники. Ум. 30 іюня 1864 г. (См. Моск. Вѣд. № 144).

Кромѣ диссертацій: De rube facientium et vesicantium. М. 1820 и Commentatio de amore lymphatico 1824 и Краткаго описанія холеры 1830 и 1847, — онъ напечаталъ нѣсколько статей въ медицинскихъ журналахъ. Они исчислены въ біографіи его въ Біогр. Словарѣ моск. профес. II, 305.—См также Торж. актъ Моск. унив. 1865 г.

Поповъ, Дмитрій Прокофьевичъ д. с. с. воспитанникъ педагогич. института, съ 1815 г. служилъ библіотекаремъ въ и. Публичной Библіотекѣ. Онъ былъ весьма свѣдущій эллинистъ, и послѣ него остались ненапечатанные его труды: русскій переводъ Одиссеи и русско-греческій словарь. Ум. весною 1864 г. (См. Отчетъ И. П. Бибд. за 1864, стр. 4).

1. Исторія Льва-Дьякона Колойскаго, съ греч. Спб. 1820. 4⁰.—2. Греческая грамматика, по Бутману. Спб. 1836. — 3. Латинская грамматика по Цумпту. Спб. 1838. 8⁰

Раухъ, Егоръ Ивановичъ (Georg Adolph Ditrich) докторъ медицины, т. с., сынъ эстляндскаго пастора, р. 14 іюля 1789, ум. 30 апр. 1864 г.—Онъ учился въ Ревелѣ и въ Дерптскомъ университетѣ, началъ службу въ 1812 г. ординато-

ромъ Спб. Обуховской больницы, съ 1815 исключительно занимался практикою, съ 1829 былъ 16 лѣтъ лейбъ-медикомъ императрицы Александры Өеодоровны, съ 1831 членомъ медицинскаго совѣта.

Кромѣ его диссертаціи. De initiis morborum cum appendice sistente duas morborum chirurgicorum historias, Dorpati, 1811. 8⁰,—статьи его находятся въ Vermische Abhandlungen aus dem Gebiete der Heilkunde, St. Pet. 1821—1825 и статья о холерѣ въ Lichtenstädt's u. Seidlitz Mittheilungen, B. I.

N. Dr. *J. Weisse* въ St. Pet. Medic. Zeitschrift. 1864. № 9, 256.—Мѣсяцесловъ, 1865. Прил. 34.

Реми, Александръ Францовичъ, надв. сов., докторъ медицины, происходилъ изъ французскаго семейства, поселившагося въ Россіи и служилъ въ Москвѣ. Ум. 14 мая 1864 г. на 48 г.

1. Руководство для медицинскихъ распознаваній припадковъ болѣзней, соч. *Баркле*, съ англ. М. 1860.—2. Оперативная хирургія *Герено*. Изд. 2-е. М 1864

Въ его некрологіи *В. Вельса*, въ Соврем. Лѣтописи 1865, № 7, указаны еще его переводы: Руководство къ анатоміи *Байля* и *Гаяляръда* и фармакологія *Кольба*, и его замѣчанія о болѣзни селезенки.

Сапѣлкинъ, Владиміръ Андреевичъ, купецъ-старообрядецъ, перешедшій къ единовѣрію. Умеръ въ Москвѣ въ февралѣ 1864 г.

Издалъ книгу: Зеркало старообрядцевъ и оставилъ Записки, изъ которыхъ напечатанъ отрывокъ: Изъ разсказовъ и записокъ Сапелкина. Съ предисловіемъ *Суботина*. М. 1865. 8⁰. (Изъ Рус. Вѣстника, № 11). Его же: Свѣдѣнія о единовѣрческихъ церквахъ, въ особенности же объ устроеніи ихъ въ Москвѣ. М. 1858 года. 4⁰. 84 стр. (церк. печати) Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей греко-римскихъ въ IV, V и VI, в. въ пользу церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ. М. 1860. 8⁰. изд. 2-е.

Ундольскій, Вуколъ Михайловичъ, библіографъ и палеографъ, знатокъ старинной русской письменности, особенно богословской литературы, составившій замѣчательное собраніе русскихъ старопечатныхъ книгъ (до 400) и рукописей (до 1000), которыя хранятся въ Московскомъ музеѣ. По окончаніи курса въ моск. духовной академіи въ 1840 г. онъ служилъ въ моск. архивѣ министерства ин. дѣлъ, потомъ въ сенатскомъ.

Онъ былъ долго библіотекаремъ общества исторіи и древностей, въ изданіяхъ коего напечаталъ большую часть своихъ археологич. изслѣдованій. Главнѣйшія труды его остались неоконченными или неизданными. Онъ составлялъ описаніе своихъ „рукописей“ и началъ уже печатать составленный имъ сборникъ палеографическихъ снимковъ, приготовилъ къ изданію сочиненія св. Климента, епископа словенскаго, въ 1855 представилъ на Демидовскую премію свое изслѣдованіе о хроникѣ Георгія Амартола въ отношеніи въ лѣтописи Нестора, занимался изслѣдованіемъ о древнемъ переводѣ св. Писанія на словенскій языкъ и о трудахъ Никона и оставилъ подробное описаніе греческаго списка Псалтыря IX—X в., принадлежащаго г. Лобкову.

Его статьи въ Архивѣ Калачова т. I, во Временникѣ 1850 и въ Чтеніяхъ 1846—1848 года, гдѣ онъ помѣстилъ нѣсколько историч. матеріаловъ, описей старинныхъ библіотекъ и изслѣдованія о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ (1846, № 3), о русскихъ монастыряхъ на Аөонѣ (1846, № 4), замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи, о мѣстѣ погребенія Ляпунова и пр.

N. *П. Безсонова*, День, 1864, № 45. — Воспоминаніе о трудахъ его, *И. Срезневскаго*, въ Запискахъ Академіи, т. VI, (1865), 279—284.

Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, докторъ философіи, академикъ и профессоръ московскаго университета. Сынъ предводителя дворянства саратовской губ. р. въ Саратовѣ 18 окт. 1806, учился въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ и въ 1823 г. опредѣлился на службу въ моск. архивъ министерства ин. дѣлъ.

Еще на школьной скамьѣ онъ занимался литературою и сталъ писать. Первые его опыты, появившіеся въ печати, были переводы, изъ *Тика*: Объ ис-

кусствѣ и художникахъ (съ Мельгуновымъ и Титовымъ) и Грамматика церковно-славянскаго языка *Добровскаго* (съ Погодинымъ). Онъ участвовалъ въ изданіи альманаха Уранія (1826) и Московскаго Вѣстника (1827 и 1828) и печаталъ свои стихотворенія въ тогдашнихъ альманахахъ. Въ 1829—1832 онъ былъ за границею, преимущественно въ Италіи и Германіи, и по возвращеніи въ 1833 назначенъ адъюнктомъ въ моск. университетѣ на каѳедру исторіи, всеобщей словесности и русской словесности. Первыя его лекціи, обратившія на него вниманіе литераторовъ и публики, печатались въ журналѣ М. Н. Пр. и въ Уч. Запискахъ университета. Съ 1835 онъ, не переставая заниматься древнимъ періодомъ русской литературы, печаталъ критическія статьи о современныхъ ея явленіяхъ въ Моск. Наблюдателѣ, потомъ съ 1841 г. въ Москвитянинѣ, коего онъ былъ въ теченіи многихъ лѣтъ главнѣйшимъ сотрудникомъ. Въ 1838 и 1839 Ш. былъ снова за границею, а въ 1840 г. утвержденъ орд. профессоромъ. Онъ составилъ исторію Университета и былъ редакторомъ Біографич. Словаря профессоровъ моск. унив. (1855, 2 ч.), въ которомъ помѣстилъ нѣсколько статей и свою автобіографію, съ обзоромъ своихъ литературныхъ трудовъ. Скончался 9 мая 1864 въ Парижѣ.

1. Исторія поэзіи, т. I. М. 1835. 8⁰.—2. Теорія поэзіи въ историческомъ ея развитіи. М. 1836. 8⁰.—3. Общее обозрѣніе развитія русской словесности. М. 1837. 12⁰.—4. Объ отношеніи семейнаго воспитанія къ государственному, рѣчь. М. 1842. 4⁰.—5. Семнадцатое, 18 и 19 мая 1844 въ Москвѣ М. 1844. 8⁰. О кончинѣ кн. Д. В. Голицына. — 6. Князь Д. В. Голицынъ М. 1844. 8⁰.—7. Исторія русской словесности, ч. I и II, М, 1846; 2-е изд. 1859—1860. Томъ III—1858 8⁰.—8. Очеркъ исторіи итальянской живописи, сосредоточенной въ Рафаелѣ и его произведеніяхъ, Публичныя лекціи профессоровъ. М. 1852. — 9. О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи. 1853. 4⁰. — 10. Антіохійская церковь. Спб. 1850. 8⁰.—11. Валленштейновъ лагерь, *Шиллера*, пер. въ стихахъ. М. 1859. 8⁰. 12. Рѣчь, въ память о Шиллерѣ. изъ Русск Газеты № 1. 1859 г. 13. Storia della literatura russa per St. Scevircf et G. Rubini. Firenze 1862. 12⁰.

Его стихотворенія, переводы и критическія статьи въ Моск. Наблюдателѣ, въ Моск. Вѣстникѣ, въ журналѣ Мин. Нар. Просв., Моск. Вѣдомостяхъ и особенно въ Москвитянинѣ, см. Указатель II Бартенева.

N. *Н. Тихонравова*, въ Моск. Вѣд. 1864, № 107 и рѣчь его же, въ Актѣ Моск. Унив. 1865 4⁰. — Въ Отчетѣ II отд. академіи наукъ *Я. Грота* за 1864 г., стр. 14—20. — Воспоминанія и извѣстія о смерти его, *М. Погодина* въ Рус. Архивѣ, 1865, № 3.

ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА (ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III) КЪ ЛЮБИМЦУ ИМП. ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ И. И. ШУВАЛОВУ (1).

I.

Monsieur!

Je vous ai fait prier par Löw Alexandritz (2) pour que je puisse aller à Ora-

(1) За сообщеніе этихъ писемъ мы обязаны благодарностью *М. П. Погодину*. Къ сожалѣнію на этихъ письмахъ, или вѣрнѣе запискахъ, посылавшихся изъ однихъ комнатъ дворца въ другія, не означено числовыхъ помѣтъ; между тѣмъ въ 18 лѣтъ пребыванія Петра Ѳеодоровича въ Россіи, положеніе его и отношенія къ государынѣ-теткѣ значительно мѣнялись. Письма писаны къ концу царствованія Елизаветы Петровны: Шуваловскій случай начался въ 1749 г., а возвышеніе и большое значеніе его надо считать со времени ссылки гр. Бестужева, т. е. съ 1758 г. (Сл. въ Р. Архивѣ 1863 г., изд. 2-е, стр. 383 и 384) *П. Б.*

(2) Левъ Александровичъ Нарышкинъ, камеръ-юнкеръ.

nienbaum, mais je vois, que ça n'a point d'effet: je suis malade et melancolique jusqu'au suprême degré. Je vous prie pour l'amour de Dieu de faire en sorte auprès de Sa Majesté pour que je puisse partir bientôt à Oranienbaum. Si je ne viens point dehors de cette belle vie de cour pour être un peu dans ma volonté et jouir à mon aise l'air de la campagne je creverai surement ici d'ennui et de deplaisir. Vous me ferez revivre si vous ferez cela; vous obligerez celui, qui sera tout sa vie

Votre affectionné

Pierre.

II.

Monsieur!

Comme je suis assuré, que vous ne cherchez autre chose qu'à me faire plaisir, je suis donc assuré que vous le ferez dans l'affaire d'Alexandre Lwowitz Narischkin pour prier Sa Majesté de me faire la grace de le faire gentilhomme de chambre, auprès de moi, pour la fête de Pacques. C'est un parfait hônnete homme, que je ne recommanderais pas, si je ne le connoissois pour tel. Pressez cette affaire, je vous en serai bien redevable, et au reste je suis

Votre affectionné

Pierre.

III.

Monsieur!

Je vous prie, comme je scais, que vous estes de mes amis, de me faire le plaisir d'aider le père du porteur de cette lettre, qui est le lieutenant Gudowitz (3) de mon régiment: sa fortune en depend. Il vous instruira de bouche lui même, comment l'affaire est; tout ce que je scais ce sont des intrigues de monsieur Teplow, qui n'en a fait pas la premiere. Le hetman se laisse mener par cet homme par le nez, et je ne peux plus vous dire, que ça n'est pas la premiere ni la derniere affaire dont j'aurai prié le hetman, qui m'a refusé. J'espère que vous ferez cette affaire; vous me ferez plaisir par ça, par ce que j'aime cet officier. Encore je vous prie, n'oubliez pas mes interêts, et moi je chercherai toujours de vous convaincre que je suis de vos amis.

Votre affectionné

Pierre.

IV.

Monsieur!

J'ai eté extremement etonné, que Sa Majesté s'est faché de ce que j'ai fait la mascarade et l'opera. J'ai cru le faire de plus qu'à Pétersbourg monsieur Locatelli la fait toutes les semaines deux foix; encore je me resouviens très bien, que quand il y avoit le deuil pour ma grande mère (4) nous avons fait le bal chez nous, et trois jours que le deuil avoit commencé, nous avons eté à la comedie au petit théatre. Je vous prie donc, monsieur, d'avoir la bonté de prier Sa Majesté de me permettre de me divertir à mon aise, et sans que je sois empeché, l'eté. Vous savez assez, combien on s'ennuye deja l'hiver; de plus ayant dejà fait la depense du nouveau opera, je ne crois pas que Sa Majesté voudra me faire faire une depense inutile; au reste je suis

Votre affectionné

Pierre.

(3) Извѣстный любимецъ Петра III-го Андрей Васильевичъ Гудовичъ былъ ему дорогъ между прочимъ потому, что воспитывался на его родинѣ Голштиніи, въ Килѣ и отлично говорилъ по нѣмецки. Нижеупоминаемый гетманъ — гр. К. Г. Разумовскій. У Гудовича-отца (генеральнаго подскарбія) вѣроятно были дѣла по Малороссіи. *П. Б.*

(4) Герцогиня Голштинская, старшая сестра Карла XII. *П. Б.*

V.

Mon cher ami!

Vous m'avez encore demontré votre amitié en faisant auprès de Sa Majesté Impériale quelle me donne dix mille ducats pour payer ma dette que j'ai faite aux jeux. Je vous prie de remercier de ma part Sa Majesté de cette nouvelle grace, qu'elle m'a faite, et assurez la, que je tacherai toute ma vie de m'en rendre de plus en plus digne de tant de graces, dont elle m'a comblé. Pour vous, monsieur, recevez les remercicemens sincères d'un ami qui voudrait être en état de vous en pouvoir convaincre, combien il souhaiterais de vous en pouvoir rendre la pareille. Au reste en vous priant d'être toujours de mes amis comme auparavant je reste

Votre affectionné ami

PIERRE.

VI.

Monsieur!

Je vous ai tant de fois prié de supplier de ma part Sa Majesté Impériale de me laisser voyager pour deux ans hors du pays; je vous le repete encore une fois, vous priant très instamment de faire en sorte pour qu'on me l'accorde. Ma santé s'affoiblissant de jour en jour plus, faites moi pour l'amour de Dieu cette seule amitié de le faire, et de ne me laisser pas mourir de chagrin, mon état n'etant plus en état de soutenir mes chagrins et ma melancolie empirant de jour en jour plus. Si vous croyez qu'il est besoin de la montrer à Sa Majesté, vous me ferez le plus grand plaisir du monde, et de plus je vous en prie; au reste je suis

Votre affectionné

PIERRE.

ЛОРДЪ МАЛЬМСБЮРИ О РОССІИ.

въ 1778—1783 годахъ.

Diaries and correspondence of *James Harris*, first earl of *Malmersbury*, edited by his grandson. 2—d edition. London. Richard Bentley 1845. 8⁰. 4 части съ портретомъ и снимками.

Знаменитый дипломатъ Джемсъ Гаррисъ, позднѣе извѣстный подъ именемъ лорда Мальмсбюри (1746—1820) получилъ отличное образованіе въ Оксфордѣ и потомъ въ Лейденѣ и уже 24-хъ лѣтъ отъ роду былъ Англійскимъ посланникомъ при дворѣ Фридриха Великаго (съ 1771 по 1775 г.). Раздѣлъ Польши происходилъ на его глазахъ, и Англійское правительство ни разу не поручало ему замолвить хотя единое слово за Польшу. Внукъ Гарриса, напечатавшій его записки, обращаетъ вниманіе читателей на это замѣчательное обстоятельство (въ предисловіи стр. XIII). По возвращеніи въ Англію, Гаррисъ женился, и вскорѣ отправленъ былъ посломъ въ Россію. Его письма и депеши изъ Петербурга, занимающія большую часть перваго тома Записокъ (отъ 139 стр. до конца) начинаются съ генваря мѣсяца 1778 года и кончаются въ августѣ 1783. Въ теченіи почти пяти лѣтъ Гаррисъ всячески домогался склонить наше правительство къ тѣсному союзу съ Англіею, и хотя пользовался добрымъ расположеніемъ Екатерины и дружбою Потемкина, однако не достигъ своей цѣли. «Эта великая жена—съ досадою отзывается онъ объ Екатеринѣ—часто бываетъ самою обыкновенною женщиною, и только играетъ своимъ опахаломъ, воображая, что держитъ скипетръ [1]. Франція постигла

---

[1] Раздосадованный англичанинъ видно не умѣлъ понять тайну господства Екатерины II-й надъ сердцами ея подданныхъ, а эта тайна именно и заключалась въ томъ, что она соединяла правительственную твердость съ легкостью и свободою государственныхъ отправленій Простота, непринужденность и, такъ сказать, обыкновенность составляютъ отличительное свойство

искусство ублажать ее, и она стала опасаться, какъ бы не навлечь на себя неудовольствій и критики со стороны народа, пишущаго мемуары и эпиграммы».

Извлекаемъ изъ замѣчательной книги нѣкоторыя депеши.

I.

Депеша Гарриса къ герцогу Суффольку.

С. Петербургъ 11/22 мая 1778.

Съ той минуты, какъ мнѣ повелѣно стараться о сближеніи съ здѣшнимъ дворомъ, я обратилъ вниманіе на изученіе способностей и образа мыслей въ людяхъ, окружающихъ императрицу; также старался узнать нравы и характеры второстепенныхъ должностныхъ лицъ и открыть, какими средствами можно бы подѣйствовать на сихъ послѣднихъ, или на ихъ начальниковъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе къ достиженію цѣли, составляющей главный предметъ данныхъ мнѣ предписаній.

Нечего разсчитывать на лицъ, изъ коихъ состоитъ общество императрицы, и которыя, повидимому, пользуются наибольшей долей ея довѣрія. Это или сами по себѣ люди совершенно ничтожные или всѣ придерживаются политической доктрины, весьма противоположной всему тому, что̀ я бы хотѣлъ внушить имъ (2). Правда, что между подчиненными, я нашелъ многихъ, готовыхъ измѣнить правиламъ своимъ, но ни отъ одного изъ нихъ не могъ я ожидать существенной пользы, достаточной, чтобы дать мнѣ право усилить расходы здѣшней миссіи. Боюсь и такъ, какъ бы эти расходы значительно не превысили тѣ выгоды, которыя его величество можетъ извлечь изъ миссіи, по крайней мѣрѣ покуда она въ моихъ рукахъ.

Князь Орловъ — единственный человѣкъ, съ которымъ я могъ откровенно объясниться. Въ той увѣренности, что союзъ съ здѣшнимъ дворомъ сдѣлался еще желательнѣе послѣ декларацiи Французскаго посланника (3), я какъ только могъ достать эту бумагу, поспѣшилъ сообщить ее князю и старался убѣдить его къ дѣятельному участію въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ очень дружелюбенъ и, кажется, совершенно искрененъ въ своихъ увѣреніяхъ пріязни и предпочтенія къ намъ и къ союзу съ нами. Но онъ говорилъ, что уже не имѣетъ никакого вліянія при дворѣ, что противная партія взяла верхъ, и что онъ слишкомъ много обязанъ ея императорскому величеству, чтобы стараться свергнуть эту партію такими средствами, какія несомнѣнно причинили бы ей много огорченій и безпокойства.

Я выразилъ мою увѣренность, что вліяніе его не уничтожено, а на время толь-

геніальныхъ людей. Союзъ съ Франціею, коему Екатерина такъ вѣрна была въ послѣднюю треть своего царствованія, безъ сомнѣнія основанъ былъ на дальновидныхъ разсчетахъ и состоялъ, кажется, въ связи съ Греческимъ проэктомъ. *П. Б.*

(2) Т. е. люди, преданные своей родинѣ. Опять хула Англичанина выходитъ похвалою въ Русскихъ глазахъ. П. Б.

(3) Не слѣдуетъ забывать, что Англія въ то время враждовала съ Франціею изъ за освобожденія Сѣверо-Американскихъ штатовъ, которые все еще въ глазахъ правительствъ считались мятежными Англійскими колоніями. — Что касается до князя Г. Г. Орлова, то онъ въ это время, хотя и пользовался великимъ почетомъ, но утратилъ бывшее преобладающее вліяніе свое. Гаррисъ обратился къ нему по старой дипломатической памяти. Орловъ былъ друженъ съ извѣстнымъ Ганноверскимъ (т. е. тогда Англійскимъ) докторомъ Циммерманомъ, даровитымъ и вліятельнымъ писателемъ, который по отношенію къ Англіи и Германіи былъ для насъ, кажется, тѣмъ же, что̀, нѣсколько раньше, Вольтеръ съ своимъ причетомъ по отношенію къ Франціи. Это — закупленныя газеты нашего времени. *П. Б.*

ко устранено, и что если онъ видитъ императрицу окруженною людьми, злоупотребляющими ея довѣріемъ, то изъ приверженности къ ней, изъ чувства долга къ отечеству, его дѣло — выступить впередъ и спасти имперію изъ такихъ опасныхъ рукъ. Отвѣтъ его былъ нѣсколько страненъ. „Придетъ время, сказалъ онъ, когда такой шагъ можетъ быть нуженъ, обстоятельства должны къ тому привести; внѣшнее и внутреннее положеніе нашихъ дѣлъ дѣлаетъ такія обстоятельства неизбѣжными. Но теперь покуда я ничего не могу сдѣлать. Мое доброе слово будетъ за васъ, если къ тому представится случай; и конечно мое мнѣніе будетъ въ пользу вашу, если дѣло будетъ обсуживаться въ Совѣтѣ". Вотъ все, чего я могъ добиться отъ князя Орлова.

Такъ какъ я постоянно сообщалъ обо всемъ, что̀ происходило между Русскими министрами и мною, въ продолженіи послѣднихъ трехъ мѣсяцовъ, то мнѣ не нужно повторять вамъ, что ничего благопріятнаго нельзя было извлечь изъ ихъ разговора. Въ промежуткѣ времени между отъѣздомъ Росселя и пріѣздомъ Бута, результатомъ моихъ наблюденій было неудовольствіе — видѣть подтвержденіе моихъ подозрѣній въ нерасположеніи здѣшняго двора къ союзу съ нами, и предчувствовать, что мнѣ снова придется отправить курьера, не имѣя возможности сообщить объ успѣхѣ важнаго, порученнаго мнѣ дѣла.

5-го мая графъ Панинъ увѣдомилъ меня, что императрица прислала къ нему за всѣми бумагами, находящимися въ его канцеляріи касательно союза, и что я долженъ скоро надѣяться быть извѣщеннымъ о намѣреніяхъ ея величества. Онъ ничего отъ себя не прибавилъ, и съ того дня до возвращенія изъ Царскаго Села, (куда онъ явно отправился по моей просьбѣ, послѣ того какъ двѣ недѣли не видалъ императрицы), постоянно уклонялся отъ разговора о главномъ дѣлѣ, хотя я ежедневно его видѣлъ, и рѣдкій день мы не толковали съ нимъ о политикѣ. Онъ всегда объявлялъ, что дѣло теперь въ рукахъ императрицы и что ея величество сама его рѣшаетъ.

Я провелъ 20-е (мая) на дачѣ у графа; между обѣдомъ и ужиномъ онъ отвелъ меня въ сторону и выразилъ, съ видомъ участія, сожалѣніе о томъ, что не можетъ сообщить мнѣ ничего пріятнаго. Онъ сказалъ, что императрица внимательно и зрѣло пересмотрѣла врученныя мною предложенія; но какъ ни сильно влеченіе ея къ намъ, однако теперешнее критическое положеніе дѣлъ не дозволяетъ ей согласиться на союзъ двухъ дворовъ болѣе тѣсный того, который доселѣ существовалъ между ними. Графъ Панинъ прибавилъ, что онъ объяснится обстоятельнѣе, если я зайду къ нему на другой день въ домъ (Петербургскій). Я явился въ означенный часъ, и онъ прочелъ мнѣ прилагаемую бумагу (¹). Предъ чтеніемъ однако онъ припомнилъ мнѣ все, что̀ происходило касательно союза между двумя дворами, съ самаго вступленія императрицы на престолъ до сего дня. Я

(¹) Въ этой бумагѣ императрица объяснялась въ невозможности заключить съ нами трактатъ, который принудилъ бы ее немедленно принять участіе въ войнѣ нашей съ Франціею, если мы при томъ не примемъ обязательства немедленно дѣйствовать въ союзѣ съ нею противъ Турціи, когда она того потребуетъ Турція ея природный врагъ, какъ Франція нашъ; предложеніе же изъять Американскія колоніи наши изъ casus foederis не было бы вознагражденіемъ за исключеніе Турціи изъ такого условія. Война между Россіею и Турціею почти неизбѣжна, и императрица имѣла бы такимъ образомъ противъ себя двухъ враговъ — безъ всякихъ соотвѣтствующихъ выгодъ отъ союза съ Англичанами; ибо союзъ этотъ былъ бы мертвой буквой по отношенію къ сѣвернымъ державамъ, которыя по всей вѣроятности не будутъ въ войнѣ съ Россіею

старался доказать, что, если союзъ не былъ заключенъ, причиною они сами, а никакъ не мы. Онъ говорилъ еще, что бумага, врученная мнѣ, была пересмотрена самой императрицею; что я долженъ быть увѣренъ въ томъ, что ея предпочтеніе и уваженіе къ намъ неизмѣнны, и что какъ только она увидитъ возможность, то съ готовностью приступитъ къ союзу съ нами. Я отвѣчалъ, что не сомнѣваюсь въ томъ, что ея императорское величество зрѣло обдумала свое рѣшеніе, и потому всякая попытка съ моей стороны измѣнить его была бы безплодна и можетъ показаться несовмѣстною съ тѣмъ чувствомъ глубокаго уваженія, которое я обязанъ питать къ ея величеству; но что такъ какъ она съ такою горячностію выражаетъ дружбу къ его величеству и доброжелательство къ народу, то я могу лишь желать, чтобъ этотъ полный отказъ имѣть союзъ съ нами не произвелъ въ Англіи того впечатлѣнія, какое я теперь испытываю. Гр. Панинъ выразилъ тутъ нѣкоторое удивленіе. Я сказалъ, что онъ долженъ извинить мою откровенность и считать мои слова выраженіемъ моего личнаго мнѣнія, высказаннаго безъ всякаго на то приказанія, и истекающаго изъ собственныхъ моихъ чувствъ и изъ желанія видѣть дворы Великобританіи и Россіи въ тѣхъ отношеніяхъ совершеннаго согласія, которое для обоихъ такъ естественно и полезно. Тутъ гр. Панинъ просилъ меня объясниться. Я продолжалъ, что послѣ того, какъ наши предложенія о союзѣ были приняты со вниманіемъ (вслѣдствіе чего были у насъ потребованы и получены отъ его величества не только полное объясненіе его мыслей, но и подлинный проэктъ трактата) прошло четыре мѣсяца въ размышленіяхъ, и мы получаемъ отказъ, который могъ бы быть данъ съ самаго начала нашихъ переговоровъ. Сіи обстоятельства заставляютъ меня искренно желать, чтобы отвѣтъ не показался несогласнымъ съ тѣми чувствами горячаго расположенія къ союзу съ нами, которыя выражены въ нотѣ, переданной мнѣ его превосходительствомъ. Не знаю также, одинаково ли посмотрятъ въ Лондонѣ и Петербургѣ на тѣ причины, которыя Россія заявляетъ теперь для уклоненія отъ союза, хотя въ 1769 году тѣ же самыя условія имѣли силу. Также сомнѣваюсь, сойдутся ли оба двора въ своемъ мнѣніи о томъ, что теперешнія опасныя обстоятельства представляютъ ли самый приличный или самый неудобный случай для заключенія трактата. Наше убѣжденіе таково: минута угрожающей опасности есть именно та, когда слѣдуетъ помогать друзьямъ нашимъ, или требовать отъ нихъ помощи; но повидимому здѣсь не раздѣляютъ такого мнѣнія. Я продолжалъ, что всѣми силами старался изучить все, что происходило между двумя дворами со времени Парижскаго мира([5]), и, несмотря на мое глубокое уваженіе къ памяти и разсудку его превосходительства — позволю себѣ расходиться съ его мнѣніемъ о томъ, будто виноваты мы, если союзъ еще не заключенъ. Изъ переписки моихъ предшественниковъ я усматривалъ, что предложенія всегда шли отъ нихъ и всегда имѣли одну и туже участь, какъ мы ни старались о томъ, чтобы сдѣлать ихъ пріятными здѣшнему двору. Всегда они сперва были принимаемы съ видомъ полнаго одобренія, а на самомъ дѣлѣ всегда оставались отвергнуты. Изученіе той же переписки, въ бытность мою въ Испаніи, подтвердило мою опытность: я узналъ, что во время Турецкой войны его величество оказывалъ всевозможное содѣйствіе императрицѣ, — такое содѣйствіе, на которое она могла бы лишь расчитывать, если бы союзъ уже былъ заключенъ между ними. Его величество конечно

([5]) Т. е. послѣ Семилѣтней войны. *П. Б.*

никогда не будетъ въ томъ раскаяваться; но думаю, что его величеству или довѣреннымъ его служителямъ можетъ показаться (какъ, признаюсь, и мнѣ теперь кажется), что въ одномъ или двухъ недавнихъ случаяхъ, обращаясь къ здѣшнему двору за помощію и услугами, мы не встрѣтили той готовности исполнить нашей просьбы, съ какою сами всегда спѣшили удовлетворять его желаніямъ. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей я не могъ воздержаться отъ сообщенія опасеній моихъ въ томъ, что эти мысли могутъ раздѣляться и у насъ дома; и, если я рѣшился высказаться съ такою откровенностію, то сдѣлалъ это потому, что увѣренъ въ томъ чувствѣ сожалѣнія, которое испыталъ бы графъ при видѣ малѣйшаго ослабленія добраго согласія между двумя дворами или самаго незначительнаго уменьшенія того высокаго мнѣнія въ обоюдной добросовѣстности и политической честности, которыя такъ справедливо питаюся другъ къ другу этими дворами.

Графъ Панинъ казался неприготовленнымъ къ отвѣту на эти замѣчанія. Онъ удовольствовался самыми сильными увѣреніями, отъ имени императрицы, въ томъ, что она никогда не согласится вступить въ какія нибудь обязательства, противныя интересамъ нашимъ; онъ говорилъ, что, единственно по шаткому положенію дѣлъ, она не можетъ немедленно соединиться съ нами, и что заботы ея по случаю этого положенія весьма бы умножились, если бы она могла предвидѣть, что послѣдствіемъ его было бы малѣйшее измѣненіе или охлажденіе въ сношеніяхъ между дворами Лондона и Петербурга. Я отвѣчалъ, что въ донесеніи своемъ, къ вамъ, милордъ, я буду всячески стараться о томъ, чтобы подобныя чувства не имѣли бы причины возникнуть въ сердцѣ его величества короля; и потому самому рѣшился на такое откровенное объясненіе, ибо считаю первою обязанностію человѣка, занимающаго мою должность, тщательно исключать изъ моихъ депешъ всякія пустыя сплетни или преувеличенные отзывы.

Такъ, милордъ, окончились наши переговоры, изъ коихъ можно заключить, что здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго расположенія согласиться на союзъ съ нами, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Императрица, не вступая со мною ни въ какія прѣнія, не распрашивая о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя я былъ уполномоченъ допустить, не внимая неоднократнымъ моимъ предложеніямъ пересмотрѣть и за ново составить трактатъ, дала отвѣтъ уже самъ по себѣ довольно опредѣлительный, но который еще уясняется коментаріями и общимъ поведеніемъ ея министровъ.

Всегдашнее мое желаніе въ точности повиноваться даннымъ мнѣ инструкціямъ заставляетъ меня конечно сожалѣть о такомъ исходѣ дѣла. Не могу однако не утѣшать себя мыслію, что прежде чѣмъ Россія существовала, мы уже были великимъ народомъ; что мы отражали и побѣждали враговъ безъ ея помощи, и что безъ сомнѣнія наступитъ такое время, когда мы гораздо болѣе будемъ необходимы для нихъ, чѣмъ сами теперь въ нихъ нуждаемся.

II.

Письмо Гарриса къ Фразеру, помощнику секретаря графа Суффолька въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ [6]).

С-Петербургъ $^{16}/_{27}$ мая 1778

Искренно желаю вамъ болѣе успѣха во всемъ, что вы предпринимаете, чѣмъ имѣю я въ послѣднихъ своихъ переговорахъ. Дружба этой страны похожа на

[6]) Министръ иностр. дѣлъ въ Англіи носитъ названіе: секретарь или статсъ-секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ. *П. Б.*

ея климатъ: ясное, яркое небо, холодная, морозная атмосфера, одни слова безъ дѣла, пустыя увѣренія, уклончивые отвѣты. Есть утѣшеніе (политическое, но не нравственное), въ той мысли, что ихъ нелѣпый образъ дѣйствія проистекаетъ изъ ложнаго мнѣнія о возвышеніи ихъ могущества и объ упадкѣ нашей силы. Но не далеко то время (и въ этомъ наша отрада) когда глаза ихъ откроются и когда они убѣдятся, что пока давали они забавлять себя бархатными рѣчами, и услаждались чувствомъ собственной непогрѣшимости, враги ихъ выигрывали время и заостряли мечи, тогда какъ ихъ собственные ржавѣли въ ножнахъ (7).

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что мы въ то время будемъ имѣть столько же основательныхъ причинъ, чтобы отвергнуть союзъ съ ними, сколько они теперь заявили пустыхъ предлоговъ, чтобы не принять нашихъ предложеній. Признаюсь, я желаю, чтобы это случилось. Я далеко не лишенъ терпѣнія въ исправленіи своей политической должности; но смертному министру нужна небывалая доля этой добродѣтели, чтобы имѣть дѣло съ людьми нечувствительными, безпечными въ дѣлахъ и бѣдствіяхъ, съ людьми, которые никогда не выслушаютъ благоразумнаго вопроса и не дадутъ здраваго отвѣта. Вы мнѣ вѣроятно не повѣрите, когда я скажу вамъ, что гр. Панинъ изъ 24 часовъ не посвящаетъ дѣламъ болѣе получаса, а г. Оксъ, отправившись, по случаю покраденныхъ у него большихъ денегъ, къ министру полиціи, засталъ сего перваго сановника имперіи, человѣка, обладающаго огромною властію, въ 7 часовъ утра, съ колодою грязныхъ картъ въ рукахъ, играющаго одиноко въ карты, въ гранпасьянсъ.

Внутренность двора представляетъ подобную же картину легкомыслія и небрежности. Старость не усмиряетъ страстей: онѣ скорѣе усиливаются съ лѣтами, и близкое знакомство съ одной изъ самыхъ значительныхъ Европейскихъ барынь убѣждаетъ меня въ томъ, что молва преувеличила ея замѣчательныя качества и умалила ея слабости.

Нѣсколько дней тому назадъ кн. Потемкинъ задумалъ отстранить Зорича. ... Какъ только ея величество удалилась, онъ съ неистовствомъ бросился на Потемкина, сталъ бранить его самыми грубыми словами и непремѣнно хотѣлъ съ нимъ драться. Потемкинъ отклонилъ такое предложеніе и велъ себя въ этомъ случаѣ, какъ человѣкъ, который заслуживаетъ обращенные къ нему упреки. По окончаніи представленія, Зоричь послѣдовалъ за императрицею въ ея комнаты, бросился къ ея ногамъ, признался въ своемъ поступкѣ, сказалъ, что, какъ ни велики почести и богатства, которыми она его осыпала, онъ равнодушенъ ко всему кромѣ ея милостей и расположенія. Такой поступокъ произвелъ свое дѣйствіе. Когда Потемкинъ явился, его приняли очень дурно, а Зоричь въ продолженіи одного или двухъ дней казался въ большой милости. Потемкинъ покинулъ Царское и переѣхалъ въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ, однако, Зоричь былъ сюда присланъ, и императрица приказала ему позвать Потемкина на ужинъ «de racommoder l'affaire, puisqu'elle n'aimait pas les tracasseries [8]).

Ужинъ этотъ происходилъ на дняхъ; они повидимому теперь друзья, но Потемкинъ человѣкъ хитрый и непремѣнно пересилитъ оригинальнаго и угловатаго Зорича. Потемкинъ непремѣнно добивается его отставки, а Зоричь рѣшился пере-

(7) *Бархатныя рѣчи* — злобный намекъ на Францію, представителемъ коей въ то время былъ у насъ Корберонъ. *П. Б.*

8) Поправить дѣло, такъ какъ она не любитъ ссоръ.

рѣзать горло своему сопернику. Судите о тонѣ всего двора по этому анекдоту (*)

III.

Письмо Гарриса къ герцогу Суффольку.

С. Петерб. $\frac{21 \text{ сент.}}{2 \text{ окт.}}$ 1778 г.

Милордъ! Противъ всякихъ ожиданій, гр. Алексѣй Орловъ прибылъ сюда въ прошлый четвергъ. Появленіе его ввергло настоящихъ временщиковъ въ сильнѣйшее недоумѣніе; онъ бесѣдовалъ уже не однократно наединѣ съ императрицей. Потемкинъ притворяется чрезвычайно веселымъ и равнодушнымъ. Я имѣлъ на дняхъ честь играть за карточнымъ столомъ съ императрицею, въ присутствіи этихъ двухъ господъ. Перо мое не въ силахъ описать сцену, въ которой принимали участіе всѣ страсти, могущія только волновать человѣческое сердце, гдѣ дѣйствующія лица съ мастерствомъ скрывали эти страсти. Гр. Алексѣй былъ необыкновенно любезенъ со мной, и увѣрялъ, что онъ такой же искренній другъ Англіи, какъ его братъ, но не столь лѣнивый. Я нерѣдко прихожу въ недоумѣніе отъ чрезвычайной предупредительности ко мнѣ государыни, великаго князя и великой княгини, и представителей разныхъ партій. Сколько возможно, остерегаюсь, и надѣюсь, что у меня достаточно силы воли, чтобы не дать себя увлечь лестію до забвенія своихъ обязанностей, и что я довольно сознаю достоинство званія, въ которое я облеченъ, чтобы не унизить его вмѣшательствомъ въ интриги, меня окружающія и въ которыхъ чувствую себя совершенно неспособнымъ принимать участіе.

(*) Молодой лордъ Мальмсбюри очевидно писалъ съ горяча. Читатели, знакомые съ исторіею XVIII в., знаютъ, что̀ происходило тогда при остальныхъ Европейскихъ дворахъ! *П. Б.*

IV.

Выписка изъ депеши Гарриса къ герцогу Суффольку.

С. Петерб. $^{5}/_{16}$ октября 1778 г.

Милордъ! Послѣ всевозможныхъ стараній развѣдать о томъ, по особенному ли приказанію императрицы прибылъ сюда гр. А. Орловъ, и что̀ происходило здѣсь со времени его пріѣзда, я наконецъ могу и, кажется, съ полною достовѣрностію, сообщить вамъ, что единственнымъ побужденіемъ къ пріѣзду Орлова былъ неосторожный бракъ его брата (10) и желаніе поддержать упадающее значеніе его фамиліи. Правда, что положеніе домашнихъ и заграничныхъ дѣлъ не позволяло ему сомнѣваться въ томъ, какъ онъ будетъ принятъ. Онъ чувствовалъ, что человѣкъ такой испытанной вѣрности и привязанности къ императрицѣ будетъ встрѣченъ съ радостію въ такое критическое время. Событіе оправдало его ожиданіе. Сама императрица, да и всѣ здѣсь, смотрятъ на него, какъ на единственнаго человѣка, способнаго сохранить или, скорѣе, возстановить достоинство и честь имперіи Я искренно желаю, чтобы эти чувства расположенія къ нему были довольно сильны, чтобы противодѣйствовать привычкамъ изнѣженности и малодушія, которыя въ его отсутствіе успѣли такъ быстро возрасти.... Могу, кажется, ручаться, за достовѣрность слѣдующаго разговора. Вы поймете, какъ важно для меня, чтобы это не передавалось иначе, какъ съ крайней осторожностію. Вскорѣ послѣ пріѣзда Орлова, императрица послала за нимъ и послѣ самой лестной похвалы его характеру и самыхъ сильныхъ выраженій благодарности за прошедшія услуги, она сказала, что еще одной отъ него требуетъ, и что эта услуга для ея спокойствія важнѣе всѣхъ прежнихъ. „Будьте

(10) На Е. Н. Зиновьевой.

дружны съ Потемкинымъ", продолжала она, убѣдите этого необыкновеннаго человѣка быть осторожнѣе въ своихъ поступкахъ, быть внимательнѣе къ обязанностямъ, налагаемымъ на него высокими должностями, которыми онъ правитъ, просите его стараться о пріобрѣтеніи друзей и о томъ, чтобы не дѣлалъ изъ жизни моей одно постоянное мученіе, въ замѣнъ всей дружбы и всего уваженія, которыя я къ нему чувствую. Ради Бога, прибавила она, старайтесь съ нимъ сблизиться; дайте мнѣ новую причину быть вамъ благодарной и столько же содѣйствуйте моему домашнему счастію, сколько уже вы содѣйствовали къ славѣ и блеску моего царствованія". Странны были эти слова отъ монархини къ подданному, но еще гораздо необыкновеннѣе отвѣтъ сего послѣдняго. „Вы знаете, сказалъ графъ, что я рабъ вашъ, жизнь моя къ услугамъ вашимъ; если Потемкинъ возмущаетъ спокойствіе души вашей — приказывайте, и онъ немедленно исчезнетъ; вы никогда о немъ болѣе не услышите! Но вмѣшиваться въ придворныя интриги, съ моимъ нравомъ, при моей репутаціи; искать доброжелательства такого лица, котораго я долженъ презирать какъ человѣка, на котораго я долженъ смотрѣть какъ на врага отечества, — простите, ваше величество, если откажусь отъ подобнаго порученія!" Императрица тутъ залилась слезами; Орловъ удалился, но черезъ нѣсколько минутъ вернулся и продолжалъ говорить: „Я достовѣрно знаю, что у Потемкина нѣтъ истинной привязанности къ вашему величеству; его единственная цѣль-собственная выгода; его единственное замѣчательное качество — хитрость; онъ старается отвлечь вниманіе вашего величества отъ государственныхъ дѣлъ, погрузить васъ въ состояніе самоувѣренной и изнѣженной разсѣянности, для того, чтобы самому имѣть верховную власть. Онъ существенно повредилъ вашему флоту, онъ разорилъ вашу армію, и, что всего хуже, онъ унизилъ вашу репутацію въ глазахъ свѣта, лишилъ васъ привязанности вашихъ вѣрныхъ подданныхъ. Если вы хотите избавиться отъ такого опаснаго человѣка, располагайте моею жизнію; но если вы желаете повременить, то я ничѣмъ не могу послужить вамъ въ исполненіи порученій, для которыхъ необходимо дѣйствовать лестью, лицемѣріемъ и обманомъ„. Императрица была очень взволнована такою необыкновенною рѣчью, призналась въ вѣрности всего того, что сказано было о Потемкинѣ, благодарила графа въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ за предложенное имъ усердіе; но сказала, что она не можетъ вынести мысли о такихъ жестокихъ мѣрахъ; сознаалась, что ея характеръ весьма измѣнился и жаловалась на значительное разстройство своего здоровья. Она просила графа не думать о томъ, чтобы выѣзжать изъ Петербурга, ибо ей конечно будутъ необходимы его помощь и совѣты (11).

V.

Отрывокъ изъ депеши Гарриса къ герцогу Суффольку.

С.-Петер. 20/31 декабря 1778.

Милордъ! Послѣ страннаго разговора, о которомъ я сообщилъ вамъ 5/16 октября 1778 г., довѣріе и расположеніе, оказываемыя императрицей гр. Алексѣю Орлову, все постепенно уменьшались. Она не

(11) Что борьба между Орловыми и Потемкинымъ происходила, это несомнѣнно; но всѣ эти росказни обнаруживаютъ лишь неудачу пылкаго лорда. Откуда же бы могъ узнать онъ, что именно говорила Екатерина съ довѣреннѣйшимъ лицомъ своимъ? Мы же знаемъ, что, и въ болѣе позднія лѣта, ни твердость характера, ни силы физическія для неутомимыхъ государственныхъ занятій не ослабѣвали въ государынѣ; знаемъ также, что могучія личности, въ родѣ Орловыхъ и Потемкина, были всегда покорными ея орудіями. *П. Б.*

исполнила весьма незначительной его просьбы о побочномъ сынѣ и наконецъ своимъ обращеніемъ съ нимъ принудила его прибѣгнуть къ обыкновенному образу дѣйствій Русскихъ, находящихся въ немилости при дворѣ — никуда не выѣзжать изъ дома, подъ предлогомъ болѣзни. Князь Орловъ уже три мѣсяца не показывается ко двору, и оба брата (которые вообще выражаютъ свои мнѣнія очень свободно) теперь говорятъ, какъ люди недовольные, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ и предчувствующіе, что нѣтъ никакой надежды снова овладѣть прежнимъ вліяніемъ.

VI.

Изъ письма Гарриса къ лорду Стромонту.

Спб. 14/25 іюля 1781 г.

Мнѣ кажется, что мало вѣроятія въ томъ, чтобы гр. Панинъ возвратился къ должности; но мы не будемъ испытывать хорошихъ послѣдствій его отставки до тѣхъ поръ, пока о ней не узнаетъ вся Европа. Онъ говоритъ о томъ, чтобы пріѣхать сюда и присутствовать при прививаніи оспы молодымъ великимъ князьямъ. Эта мысль не понравилась императрицѣ, которая съ сердцемъ сказала, что она не понимаетъ, какое до того дѣло гр. Панину; что онъ вѣчно дѣйствуетъ, какъ будто былъ членъ ея семейства, какъ будто дѣти и внуки ея принадлежатъ ему столько же, сколько и ей. „Но, прибавила она, если онъ думаетъ снова занять мѣсто перваго министра, то очень ошибается: Il ne sera jamais à ma cour autre chose que garde-malade“ (12). Странно было бы, чтобы послѣ такой злой насмѣшки, онъ былъ возвращенъ къ должности; но все возможно; я здѣсь вѣрю лишь тому, что̀ уже на самомъ дѣлѣ случилось.

Изъ подобныхъ фактовъ должны ваше сіятельство составить себѣ понятіе о характерѣ здѣшняго двора. Мнѣ не возможно было представить вамъ такую картину онаго, которая не потеряла бы уже всякое сходство къ тому времени, когда дойдетъ до рукъ вашихъ. Нечего дивиться, что дѣйствія и поведеніе здѣшняго двора кажутся непостижимыми вашему сіятельству, когда я, находясь на самомъ мѣстѣ дѣйствій, съ вниманіемъ, безпрестанно обращеннымъ на одинъ и тотъ же предметъ, повергаюсь въ безпрестанное недоумѣніе: ложась спать, никогда не знаю и не рѣшусь угадать, каково будетъ расположеніе духа и какія будутъ намѣренія императрицы на слѣдующее утро. Но однако я, кажется, могу смѣло сказать, что нѣтъ настоящихъ причинъ для опасенія, и если мы будемъ угождать императрицѣ и пріобрѣтемъ дружбу императора, то даже и отсюда можно будетъ извлечь нѣкоторую пользу.

*

Думая порицать, озлобленный своею неудачею Англійскій посланникъ высказалъ великую похвалу императрицѣ и двору ея; дѣйствительно въ вѣкъ Екатерины иностранцу трудно было проникнуть въ духъ и направленіе нашей внѣшней и внутренней политики: та и другая были *Русскія*. Никакимъ соблазномъ не удавалось уловить иностраннымъ агентамъ Русскихъ людей въ свою пользу; ибо общее настроеніе дѣлъ проникалось сознаніемъ собственнаго достоинства и справедливою опасливостью по отношенію къ западной Европѣ. *П. Б.*

---

(12) Т. е. при моемъ дворѣ ему не бывать въ другой должности, какъ сидѣлкой за больнымъ.

СПИСОКЪ ОБЕРЪ-ПРОКУРОРАМЪ СВ. СИНОДА, СЪ УЧРЕЖДЕНІЯ ДО НЫНѢ (*).

1. Иванъ Васильевичъ *Болтинъ*, полковникъ, съ 1721 по 1725 г.
2. Алексѣй *Баскаковъ*, гвардіи капитанъ, съ 1725 по 1726 г.
3. *Р. Раевскій*, отъ арміи капитанъ, съ 1726 по 1741 г.
4. Князь Яковъ Петровичъ *Шаховской*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1741 по 1753 г.
5. Аѳанасій Ивановичъ *Львовъ*, статскій совѣтникъ, съ 1753 по 1758 г.
6. Алексѣй Семеновичъ *Козловскій*, генералъ-маіоръ, съ 1758 по 1763 г.
7. Иванъ Ивановичъ *Мелиссино*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1763 по 1768 годъ.
8. Петръ Петровичъ *Чебышевъ*, бригадиръ, съ 1768 по 1774 г.
9. Сергѣй Васильевичъ *Акчуринъ*, статскій совѣтникъ, съ 1774 по 1786 г.
10. Аполлосъ Ивановичъ *Наумовъ*, статскій совѣтникъ, въ должности оберъ-прокурора по 1791 г.
11. Алексѣй Ивановичъ *Мусинъ-Пушкинъ* (гр.) дѣйствительный статскій совѣтникъ и церемоніймейстеръ, съ 1791 по 1797 г.
12. Князь Василій Алексѣевичъ *Хованскій*, съ 1797 по 1799 г.
13. Дмитрій Ивановичъ *Хвостовъ*, съ 1799 по 1803 г.
14. Александръ Алексѣевичъ *Яковлевъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ 1803 г.
15. Князь Александръ Николаевичъ *Голицынъ*, тайный совѣтникъ, съ 1803 по 1817 г.
16. Князь Петръ Сергѣевичъ *Мещерскій*, дѣйствит. статскій совѣтникъ, съ 1817 по 1833 г.
17. Степанъ Дмитріевичъ *Нечаевъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1833 по 1836 г.
18. Графъ Николай Александровичъ *Протасовъ*, генералъ адъютантъ, генералъ лейтенантъ, съ 1836 по 1855 г.
19. Александръ Ивановичъ *Карасевскій*, тайный совѣтникъ, исправл. должность об.-прокурора съ 1855 по 1856 г.
20. Графъ Александръ Петровичъ *Толстой*, съ 10 сентября 1856 по 2 марта 1862 г.
21. Генералъ-адъютантъ *Ахматовъ*, съ 2 марта 1862 по 3 іюня 1865 г.
22. Графъ Дмитрій Андреевичъ *Толстой*, съ 3 іюня 1865 г.

(*) Считаю не лишнимъ сообщить для „Рус Арх." этотъ списокъ, такъ какъ онъ можетъ послужить облегченіемъ при справкахъ; тѣмъ болѣе, что такого нѣтъ въ Коробановскихъ спискахъ замѣчательныхъ Русскихъ людей.

П. Ефремовъ

СТРАННИКИ.

(*Изъ исторіи раскола*)

Что же васъ гонитъ? судьбы ли велѣніе,
Злоба ли тайная, сила ль открытая,
Или на васъ тяготитъ преступленіе?..
Лермонтовъ.

Еще недалеко то время, когда у насъ хранилось молчаніе о расколѣ, и когда, вслѣдствіе вынужденной безгласности, исторія нѣкоторыхъ ученій была извѣстна лишь немногимъ лицамъ, изучавшимъ долговременную, упорную борьбу православія съ различными проявленіями раскола. Теперь обстоятельства измѣнились къ лучшему. Печать дерзаетъ говорить о заблуждающихся. Само духовенство, понимая добрыя стремленія гражданскихъ властей, смотритъ на рас-

(*) Нѣкоторыя замѣчанія къ этой статьѣ, означенныя буквами И. А., а равно и послѣсловіе, получены нами отъ И. С. Аксакова, владѣющаго обширными свѣдѣніями по исторіи раскола, преимущественно за ближайшее къ намъ время. П. Б.

кольниковъ уже не такъ сурово, какъ смотрѣло прежде въ весьма близкое прошедшее, полное трагическихъ событій... Давно ли еще заточеніе въ Соловецкихъ казематахъ считалось наказаніемъ самымъ обыкновеннымъ? «А во оныхъ казематахъ, наивно замѣчаетъ приказная юстиція, употребляли колодниковъ на тяжкія работы, стараясь въ тоже время благоразумными духовными увѣщаніями дать имъ понятіе о важности обязанностей истинныхъ христіанъ и вѣрноподданныхъ.» Сороковые годы настоящаго столѣтія особенно изобиловали правительственными распоряженіями, цѣль которыхъ клонилась къ совершенному и быстрому истребленію раскола. Нельзя сказать, что эта цѣль была достигнута, хоть бы въ половину: великая задача осталась по прежнему неразрѣшенною. Ее рѣшитъ — просвѣщеніе. Всѣ же другія, прежде испытанныя средства будутъ не дѣйствительны, что̀ между прочимъ доказалъ одинъ недавній опытъ съ Сопѣлковскими странниками. Таинственное дѣло о нихъ — очень интересный эпизодъ изъ исторіи безпоповщины.

Секта *бѣгуновъ или странниковъ* обратила на себя вниманіе правительства совершенно случайнымъ образомъ. Въ 1849 году Ярославскіе жандармы захватили шайку разбойниковъ, вмѣстѣ съ атаманомъ Пашкой, уроженцемъ приволжскаго села Сопѣлокъ (въ 15 верстахъ отъ Ярославля.) Преступленія этихъ головорѣзовъ, убійства и грабежи, усиливаясь постоянно отъ бездѣйствія земской полиціи, распространили между деревенскими жителями ужасъ и отвращеніе....

Полиція знала всѣ разбойничьи притоны, но сидѣла, сложа руки, потому-что грѣла ихъ около своихъ задушевныхъ пріятелей, работавшихъ ножемъ да кистенемъ. Поладивъ съ полиціей, шайка любила запивать свои успѣхи въ штофной лавочкѣ на концѣ деревни Васильевской. Лавочку эту прозвали *Обшарой*. «Зайди туда, такъ сейчасъ тебя, голубчика, и *обшарятъ* чисто-на-чисто, а потомъ карачунъ дадутъ!» говорилъ напуганный народъ, далеко обходя проклятый кабакъ, откуда раздавались то удалыя пѣсни, то раскольничесвіе стихи:

«Господь—просвѣщеніе мое и спаситель мой: кого убоюся?
Господь защититель живота моего: кого устрашуся?
Паспортъ у насъ изъ града вышняго Ерусалима,
Убѣжали мы на волю отъ злаго господина,
Отпустилъ насъ, другой господинъ —
Богъ вышній единъ!
Гдѣ бы намъ ни жить,
Только бъ Господу служить!
Онъ насъ къ себѣ призываетъ
И Свои руцѣ къ намъ простираетъ,
И грѣхи наши не вспоминаетъ,
Но токмо цѣловати насъ желаетъ,
Во одежду свѣтлую насъ облекаетъ,
Въ сапоги нозѣ наши обуваетъ
И тельца упитаннаго закалаетъ,
И съ собою за трапезу посаждаетъ...
Мы здѣсь ни града, ни села не знаемъ,
Но къ нерукотворному граду путешествовать желаемъ!
А кто будетъ насъ боятися,
Тотъ не хощетъ съ Господиномъ нашимъ знатися;
А кто насъ погонитъ,
Тотъ себя въ геенну готовитъ;
А кто будетъ принимать,
Тотъ получитъ благодать.
Просящаго у тебя не пытай,
Но аще проситъ, Бога для, ему подай.
Аще и разбойникъ проситъ — онъ такое жъ, существо,
Господь и его сотворилъ въ Свое естество.»

Пѣвцы кончили очень худо. Какъ уже сказано, ихъ словили и судили военнымъ судомъ; хотѣли-было по тому же суду наказать ихъ любовницъ, бѣглыхъ крестьянокъ, но военное министерство рѣшило, наконецъ: «передать сихъ женщинъ суду уголовному въ гражданскомъ вѣдомствѣ.» Для производства слѣдствія о пойманной шайкѣ открыли въ Ярославлѣ особую слѣдственную коммисію подъ предсѣдательствомъ г. П—ина; ко-

гда же объ этомъ распоряженіи узналъ министръ внутреннихъ дѣлъ (гр.) Л. А. Перовскій, онъ замѣнилъ г. П — ина графомъ С — къ, своимъ петербургскимъ чиновникомъ. Вскорѣ С. узналъ, что въ Ярославскомъ уѣздѣ существуетъ какая-то еще неизвѣстная правительству секта. Онъ спросилъ министерство, слѣдуетъ ли и на нее обратить вниманіе, и получилъ утвердительный отвѣтъ. Затѣмъ въ составъ коммисіи поступилъ новый членъ, И. С. Аксаковъ, обязанный заняться исключительно изученіемъ секты, которая оказалась странническимъ согласіемъ. Эта комиссія окончила свои занятія въ началѣ 1851 г. Впослѣдствіи времени, были дополнительныя изслѣдованія, произведенныя тѣмъ же С-мъ, также посредствомъ комиссіи, но уже безъ И. С. Аксакова. Участвовали также въ комиссіи гг. С—евъ, С—кинъ, А—евъ, П—ко и др.

Ученіе этой секты и даже самое ея существованіе были такъ мало извѣстны правительству, что потребовались искусныя мѣры для открытія внутренней организаціи «согласія» и важнѣйшихъ его послѣдователей. Часто получались данныя или ошибочныя, или недостаточныя, или напротивъ изобиловавшія мелкими подробностями, оцѣнка которыхъ ставила слѣдователей въ большое затрудненіе. Они работали и день и ночь, изъѣздили вдоль и поперекъ весь юговостокъ Ярославской губерніи, а также арестовывали бродягъ и за предѣлами этой мѣстности, въ уѣздахъ Костромскомъ, Шуйскомъ и Нерехотскомъ. Собранные коммисiею факты громадны между прочимъ въ бюрократическомъ отношеніи: исписаны цѣлыя горы бумаги, 86 томовъ!.. Особенно важныя свѣдѣнія доставилъ *Евсевій Ивановъ*, отличный знатокъ раскольнической словесности. Освобожденный за эти услуги, изъ острога, онъ получилъ отъ своего барина вольную и снова занялся изученіемъ раскола. Но не всѣ дѣйствовали такъ откровенно, какъ этотъ мужичекъ. Большинство допрошенныхъ отвѣчало съ крайней осторожностью, не выдавая своихъ тайнъ, не всегда преступныхъ, но по большей части любопытныхъ, какъ религіозныя и политическія мнѣнія Русскаго люда. Странники видѣли въ допрощикахъ безпощадныхъ враговъ, заранѣе ихъ осудившихъ; мало того, они считали чиновниковъ бѣсами, а потому объясняться съ нечистою силою считали за грѣхъ. Случалось, однако фанатизмъ бралъ верхъ надъ осторожностью, и тогда избы оглашались проклятіями......

Бывало, засѣдаютъ члены коммисіи въ бѣдной избенкѣ и допрашиваютъ бабу.

— Кто совратилъ тебя, тетка, пуститься странствовать?

— Научилъ меня странствовать самъ Христосъ.

— Какой же ты вѣры?

— Извѣстно какой, Христовой.

— А въ чемъ она состоитъ?

— Въ чемъ состоитъ... сказать не могу. Надо бѣгать, душеньку спасать.

Допрашиваютъ другую старуху.

— Ну, тебя какъ зовутъ?

— Ориной.

— А по отечеству?

— Не знаю.

— Какъ-такъ?

— Да я отъ дѣвицы родилась, отъ странницы. Она уже давно умерла, матушка-то моя.

— Какой ты вѣры?

— Христовой, по-странству.

— Дѣвица ты?

— Дѣвица... только любилась со странниками въ лѣсахъ. Все разсказала, больше говорить нечего. А подписаваться за на меня бумагѣ не даю согласья. Нѣтъ! Не позволю слугамъ антихристовымъ приложить бѣсовскую печать. Ужъ вы тамъ дѣлайте со мною, что хотите!..

Присудили Арину къ тѣлесному наказанію, но она избавилась отъ него: умерла въ острогѣ. Тамъ же умерли еще 32 странника, не дождавшись конца слѣдствія. Оставшіеся въ живыхъ были раздѣлены на четыре разряда; изъ нихъ виновные *перваго* разряда (25 человѣкъ) лишены всѣхъ правъ состоянія и, наказанные плетьми чрезъ палачей, сосланы на каторгу; *втораго* раз-

ряда (12) подвергнулись ссылкѣ въ Закавказскія области; *третьяго* (97) присуждены къ наказаніямъ исправительнымъ; *четвертаго* (13) оставлены въ сильномъ подозрѣніи (¹).

Такъ разразилась гроза, надъ странниками! Опустѣли цѣлые дома; имѣніе растащено Богъ-знаетъ кѣмъ (²), библіотеки достались духовенству и, какъ наполненныя еретическими книгами, истреблены со рвеніемъ. Слѣдственная комисія отправляла библіографическія драгоцѣнности въ духовную консисторію, и та рѣшала: противны онѣ православію, или нѣтъ. Критики выражались лаконически, напримѣръ: «Сіе писаніе бѣдное, пустое, во многихъ мѣстахъ глупое.“ Или: „Рукопись *о хитростяхъ дьявольскихъ*, содержитъ въ себѣ 38 главъ „о разныхъ матеріяхъ. Сочиненіе польское, а можетъ быть и малороссійское. „Противно православію.“ Или: „*альфа и омега* (польское изданіе), *часовникъ* „(печатанъ при патріархѣ Филаретѣ), „*сочиненіе Ефрема Сирина и Аввы Дорофея* (Польское изд.), *о православной* „*восточной церкви* (напечат. въ Гродно), *Минея общая* (напеч. при патріархѣ Іосифѣ), *Маргаритъ* (напечат. при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ), *челобитная* „*Соловецкаго монастыря* — всѣ сіи книги, какъ противныя ученію православной церкви, вредны для нея“. Но иногда дѣлались довольно подробныя замѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: „*Поученіе православной христіанской вѣры*. Въ самомъ началѣ сей книги сочинитель объясняетъ новопросвѣщенному силу и важность таинства св. крещенія, внушая „ему, чтобы онъ всегда памятовалъ, кому онъ сочетался и отъ кого отрицался, чтобы онъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ „старался убѣгать и не слѣдовать превратному ученію еретиковъ. „Еретики же Формозъ проклятый и Петръ „гугнивый, и Мартинъ *и* (sic!) Лютеръ „и проч., которые послѣдовали ихъ ученію и дѣламъ ихъ. Всѣхъ тѣхъ долженъ отрицаться новопросвѣщенный“. „Замѣчательно, что здѣсь не упоминается ни Арій, ни Македоній, ни Несторій, ни подобные имъ. Формоза расколоучители считаютъ вводителемъ (по „ихъ мнѣнію) ереси трехперстнаго сложенія для крестнаго знаменія, за что, „будто бы, ему и были отсѣчены три „перста. Это чистая ложь. Не Формозъ „ввелъ трехперстное сложеніе; ему отсѣчены были персты за то, что онъ, „самовольно восхитивши папскую власть, „недостойно касался св. тайнъ. Что же „касается Петра Гугниваго, то его вовсе и небывало на свѣтѣ, потому-что въ „каталогѣ Римскихъ папъ онъ вовсе не „упоминается. Что Мартинъ вводитель „ереси, то это правда... Въ главѣ 28-ой „замѣчательно сужденіе сочинителя о „церквахъ иновѣрческихъ: „въ Латинѣхъ, „говоритъ онъ, у Нѣмцевъ и въ Польшѣ церкви не освящены, креста въ „нихъ не поставляютъ, ниже святыя иконы вносятъ, ниже словесъ божественныхъ книгъ прочитаютъ; священнословіе никогда же въ нихъ не бываетъ!“ „Видно, что писатель сей книги занималъ почетное мѣсто въ ряду своихъ „сообщниковъ, потому-что видны его „самонадѣянность и сомохвальство“ и. т. д. — *Символическій статейникъ православной церкви*. Эта рукопись подъ „хитрымъ оглавленіемъ содержитъ злое „ученіе, защищающее на началахъ ума „и какого-то озаренія божественною премудростію, сообщаемою членамъ толка,

---

(¹) Это несправедливо. Уголовному наказанію подвергнуты были только тѣ бродяги-*странники*, которые участвовали въ шайкѣ разбойниковъ Пашки и Абрамки, составленной изъ бѣглыхъ, или вообще были обличены въ какомъ либо уголовномъ преступленіи. Собственно же бродяжничество наказывалось по закону нѣсколькими ударами розогъ и возвращеніемъ на мѣсто жительства, что̀ и сдѣлано было со многими. За тѣмъ комитетъ министровъ, въ который по тогдашнему порядку поступали дѣла о раскольникахъ, подвергъ сектаторовъ административному распоряженію — ссылкѣ въ Закавказскій край. Все это было по выходѣ моемъ изъ коммиссіи и службы. *И. А.*

(²) Сельскимъ начальствомъ, коему отдано было на сохраненіе. *И А.*

„какъ сынамъ свѣта 1)законность брачнаго сожитія безъ благословенія церкви и 2) право, безъ рукоположенія законнаго, управлять церковью. Это ученіе допускаетъ только три таинства: „крещеніе, покаяніе и бракъ, а также трехсоставный или осьмиконечный „крестъ. Твореніе, по мыслямъ, совершенно еретическое, по языку надутое, „высокоумное, нарочно затемненное „учеными непонятными словами." — „*Уставъ о христіанскомъ житіи.* Въ „этой книгѣ неизвѣстно кѣмъ выписанъ „изъ разныхъ книгъ уставъ о поклонахъ „въ Великій постъ и во весь годъ, также уставъ о трапезѣ, частію согласно „съ уставомъ православной церкви, частію несогласно; напримѣръ: въ субботу на первой недѣлѣ Великаго поста „сказано между прочимъ: „*шти бѣлыя*, „*лапша гороховая*." Изъ сего видно, „что книга сія раскольническая и противна православію, тѣмъ болѣе, что ни „времени, ни мѣста печати не означено. (*Часовникъ.* — *Житіе св. Василія Новаго.*—*Псалтырь*). Сіи книги дѣйствительно раскольническія. Это доказываетъ „уже одно то, что двѣ изъ нихъ, именно *часовникъ* и *псалтырь*, напечатаны „въ собственной типографіи (Сѣверскаго „намѣстничества, Клинцовскаго посада) „купцовъ Дмитрія Рукавишникова и Якова Желѣзнова. Но какое они имѣли право завести свою типографію, и какое „могло быть другое побужденіе къ заведенію оной, если не желаніе сохранить для потомства свои вѣрованія и „заблужденія, конечно, противныя не „столько духу, сколько буквѣ Писанія, „но все-таки противныя?.. Обѣ сіи книги, какъ значится въ концѣ каждой изъ „нихъ, были разсмотрѣны и одобрены къ „напечатанію присутствующими Суражскаго нижняго земскаго суда. Но извѣстно исторически, что наше правительство разсмотрѣніе книгъ, особенно такихъ важныхъ въ дѣлѣ спасенія, никогда не ввѣряло присутствующимъ какого-либо земскаго суда. Заключеніе „то: или присутствующіе поименованнаго суда были цензора-самозванцы, вѣроятно, раскольники, подобные Дмитрію „Рукавишникову и Якову Желѣзнову, „или, быть можетъ, сіи послѣдніе были „вмѣстѣ и присутствующими Суражскаго „суда. А *житіе св. Василія Новаго* напечатано въ Почаевской типографіи, откол ѣ, какъ извѣстно, также произошло „множество заблужденій. По изданію „своему, всѣ три книги почти современныя: *часовникъ* изданъ въ 1787 году, „*житіе* въ 1794, а *псалтырь* въ 1786 году... Множество типографскихъ ошибокъ довершаютъ смыслъ текста, и „безъ того уже нерѣдко искаженный перемѣною словъ и граматическими измѣненіями — это общее всѣхъ тремъ „книгамъ, но есть и особенности. Такъ, „въ началѣ Псалтири, изложено ложное „ученіе о перстосложеніи для совершенія крестнаго знаменія и замѣчательно толкованіе неудобопонятныхъ словъ, „напримѣръ: *сѣверъ*, толкованіе *востокъ*; „*тимпанъ*, толкованіе *горло*" и проч.

Что же за люди были владѣльцы этихъ книгъ, кушавшіе въ великій постъ „шти бѣлыя да лапшу гороховую?" Дѣйствительно ли сіи гастрономы стóили страшной кары? На эти вопросы отвѣчаетъ одинъ документъ, *Записка о странникахъ* (³), которую мы сообщаемъ безъ измѣненій, оставляя на отвѣственности автора „Записки" нѣкоторые факты, исключивъ только начало, гдѣ кратко описывается исторія основателя страннической секты Евфимія (1743—1792), автора *Цвѣтника* и другихъ сочиненій (⁴). Замѣтимъ еше, что этотъ документъ имѣлъ важное вліяніе на судьбу многихъ десятковъ людей.

„Странническая секта, принявъ всѣ заблужденія безпоповщинскихъ толковъ (нѣтовщины или спáсовщины, поморщи-

(³) Эта Записка не имѣетъ ничего общаго съ тою, которая была составлена И. С. Аксаковымъ и о которой говорится ниже. *П. Б.*

(⁴) Эта исторія разсказана по достовѣрнымъ источникамъ г. Щаповымъ въ статьѣ: *Земство и расколъ. Бѣгуны.* (Время, 1862, № 11) и потому, избѣгая повтореній, отсылаемъ къ ней читателей Русскаго Архива. *А. Т.*

ны, федосѣевщины и филиповщины) доводитъ эти заблужденія до крайнихъ предѣловъ изувѣрства. Подобно имъ отвергая духовенство послѣ Никона, странники называютъ его (Никона) предреченнымъ въ апокалипсисѣ Антихристомъ и толкуютъ, что со времени его господствующая вѣра есть зловѣріе, что ея епископы и священники — антихристовы жрецы, лживые пророки и лжеучители .....

„Для вступленія въ странническую секту непремѣннымъ условіемъ полагается перекрещиваніе, даже для тѣхъ, которые поступаютъ изъ другихъ безпоповщинскихъ толковъ (5).

„Церковный бракъ странники считаютъ состояніемъ безпрерывнаго, но безсознательнаго прелюбодѣянія, безъ покаянія (6). «Жена дана дьяволомъ, а дѣвка Богомъ; жить съ женою—грѣхъ а съ дѣвкой—нѣсть грѣха... дѣтей не надо!" Такъ говорилъ одинъ странникъ, въ видѣ молитвы, предъ иконой, при женѣ, пришедшей къ нему съ дѣвкою. Вообще, по мнѣнію безпоповщины, со временъ Никона въ церкви нашей водворилась предреченная Даніиломъ мерзость запустѣнія. Странники дополняютъ, что еслибы сами жрецы Антихриста прозрѣли умственными очами и увидѣли эту мерзость, то, закрывъ лицо, стремглавъ бѣжали бы вонъ изъ церкви съ ужасомъ и омерзѣніемъ. Равнымъ образомъ, лжеученіе всѣхъ безпоповщинскихъ толковъ объ Антихристѣ (который, будто бы, не только въ церкви, но и во всемъ составѣ общества, въ его властяхъ и подчиненнныхъ, въ ихъ мысляхъ и дѣлахъ, царствуетъ *невидимо*,) странники дополняютъ тѣмъ, что Антихристъ уже явился и царствуетъ видимо, со временъ Петра. Такимъ образомъ, когда прочіе толки, хотя и отвергаютъ власть, но считаютъ нужнымъ скрывать это и по наружности повиноваться, странники, на противъ, тоже неповиновеніе власти поставляютъ въ непреложное условіе спасенія. По ихъ ученію, «день Христовъ—день брани. Сего ради подобаетъ служити единому Господу, сему же льстецу и гонителю повиноватися и покорятися волѣ его не повелѣно: слушаяй бо повелѣнія чувственнаго Антихриста, слушаетъ самого сатану; спасется только непокоривыйся мучителю» (*Евфимій*). Никита Семеновъ, подобно Евфимію, укоряя раскольниковъ прочихъ сектъ въ еретичествѣ, пишетъ, что они «власть антихристову надъ собою за власть признали, давая обѣтъ въ покорности духовной и тѣлесной противъ св. Писанія; описью себя заключили неизбѣжными быти отъ области міродержца; въ начальство поступаютъ съ присягою; въ нечестіи воинскаго ига вси причастницы, аще и не собою, а нанимаютъ: все едино, еще и горше, еже вмѣсто себя въ нечестіе послать другаго; дань даяти власти возмудрствовали противу св. Писанія, а къ сему властелину брань имѣти оно показуетъ.» Укоряя же раскольниковъ въ лицемѣріи, Никита говоритъ: „Ложно мудрствуютъ, будто, покоряясь сему врагу, можно имѣть вѣру въ сердцѣ. Нѣтъ, та вѣра мертва, которая не исповѣдуется устами!" Слѣдуя сему, странники, даже при слѣдствіи и на судѣ, самымъ рѣшительнымъ и дерзкимъ образомъ говорятъ что они не признаютъ властей и законовъ. Кто же не дерзаетъ вести открытую брань, а хочетъ спастись, тому должно, оставивъ домъ и семейство, *бѣгать*, *таиться*. Вслѣдствіе сего, изъ послѣдователей секты

---

(5) Странникъ, переходящій (что вообще случается рѣдко) въ филиповщину или федосѣевщину, вновь не перекрещивается, но при вступленіи въ первую изъ этихъ сектъ на него полагается шестинедѣльный постъ. Федосѣевецъ, желающій быть филиповцемъ, выдерживаетъ такой-же постъ; филиповецъ и странникъ дѣлаются федосѣевцами безъ поста.

Какъ это, такъ и слѣдующія примѣчанія заимствованы изъ показаній бѣгуновъ. *Л. Т.*

(6) Странники полагаютъ, что бракъ — больщій грѣхъ, нежели блудъ, и объясняютъ это тѣмъ,что въ супружествѣ легче можно „грѣшить," ибо сообщеніе съ женою не осудятъ, а блудъ осуждаютъ и, осуждая, „снимаютъ грѣхъ". *Л. Т.*

одни, на основаніи текста: „се удалихся, бѣгая, и водворихся въ пустыни,“ скрываются по лѣсамъ; другіе, перетолковывая заповѣдь Спасителя: „аще гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другой,“ бродятъ по городамъ и селеніямъ, укрываясь въ тайникахъ и подпольяхъ, отчего и называются въ народѣ бѣгунами и подпольниками. Вообще, принимая за правило: „не имѣть здѣсь пребывающаго града, но искать грядущаго,“ они странствуютъ будто бы для спасенія души, отчего и называются странниками. Но спасеніе души, по большей части, есть только предлогъ; на самомъ же дѣлѣ такая жизнь нравится свободою, за которою слѣдуютъ разрывъ семейныхъ связей, тунеядство и развратъ. Первою обязанностію и съ тѣмъ вмѣстѣ первымъ дѣйствіемъ по вступленіи въ секту считается уничтоженіе паспорта, билета, отпускной и т. п., ибо до Петра паспортовъ не знали, и „люди безъ обдержанія хождаху.“ Странники могутъ имѣть при себѣ только паспортъ Царя небеснаго, слѣдующаго содержанія: „Господь защититель животу моему, кого устрашуся? Господь спаситель мой, „кого убоюся?—Отпустилъ мя, раба своего. Великій Господинъ града Вышняго „и уѣзда, Пустыннаго стана, села Будова, „деревни Нѣчкина, чтобы не задержали „бѣсы раба Божія нигдѣ. А кто страннаго принять будетъ бояться, тотъ не „хощетъ съ Господиномъ моимъ знаться, „и кто мя, вѣры ради, погонитъ, тотъ „въявѣ себя съ антихристомъ въ геенну готовитъ. Аминь“ (7). По ученію Евфимія (въ *цвѣтникѣ*) раздѣленіемъ правъ и обязанностей каждаго и размежеваніемъ земель, „всѣ удержаны при имѣніяхъ своихъ, сице устави императоръ комуждо глаголати: *свое*. Сей же глаголъ св. Златоустъ проклятымъ и скверныиъ нарицаетъ: глаголъ *мое*, рече, отъ дьявола введеся. Все бо вамъ общая сотворилъ есть Богъ“.

„Пороками странники далеко превзошли сектантовъ другихъ толковъ, хотя слѣдуютъ по наружности самому строгому уставу (8). Самъ основатель секты Евфимій имѣлъ при себѣ неразлучную спутницу (9); „изящный ревнитель по немъ“ (такъ называется онъ въ предисловіи къ сочиненію: *малый образъ ересей*) Никита Семеновъ имѣлъ ихъ нѣсколько. Ихъ послѣдователи-наставники учатъ дѣвокъ, даже дочерей своихъ: „носи ребятъ хоть каждую недѣлю, только не вѣнчайся въ церкви!“ (настоятель Логинъ Прокофьевъ) Собственноручная исповѣдь наставника-изувѣра Александра Васильева доказываетъ, что коно-

(7) Впрочемъ старушки изъ вольноотпущенныхъ хранили свои отпускныя, увѣряя наставниковъ, что онѣ „печать антихристову давно истребили“. *Л. Т.*

(8) Наставники странниковъ требуютъ соблюденія устава Соловецкаго монастыря и налагаютъ на всякаго обѣтъ класть столько земныхъ поклоновъ, что число ихъ превышаетъ мѣру человѣческаго терпѣнія. Служеніе у нихъ такое: 1) Полунощница. Наставникъ читаетъ молитвы и кланяется, а за нимъ кланяются и прочіе—три лѣстовки; на каждой лѣстовкѣ 100 зеренъ, и того 300 поклоновъ. 2) Послѣ полунощницы отпускъ, и затѣмъ начинается заутреня: по Іисусовой молитвѣ кланяются 10 лѣстовокъ, т. е. 1000 разъ, да по канонѣ Богородицы 3 лѣстовки — 300 поклоновъ 3) Часы — 9 лѣстовокъ. 4) Вечерня—9 и послѣ нея правило—10 лѣстовокъ, всего 4.400 поклоновъ въ сутки!.. Во время моленія впереди стоятъ мущины, женщины назади ихъ, а наставникъ въ синемъ кафтанѣ впереди всѣхъ предъ аналоемъ. Каждый является со своею иконой; онѣ ставятся рядомъ, озаряемыя свѣчами, которыя должны быть сдѣланы самими странниками: лавочныя свѣчи употреблять при богослуженіи нельзя, ибо еретики катаютъ ихъ противъ солнышка. *Л. Т.*

(9) *Ирину Ѳедоровну*, бѣглую крестьянку изъ Кашинскаго уѣзда. Она играла важную роль въ исторіи страннической секты послѣ смерти своего любовника, перейдя на житье въ Сопѣлки, къ крестьянину Петру Крайневу, который былъ ею перекрещенъ съ именемъ Севастьяна. *Ѳедоровна* умерла въ глубокой старости около 1820 года. *Л. Т.*

воды секты въ этомъ отношеніи доходятъ до самаго грязнаго цинизма и практическаго богохульства: подкидываніе, вытравливаніе, бросаніе дѣтей въ воду, въ мѣстахъ, зараженныхъ ученіемъ этой секты, вещи самыя обыкновенныя. Въ одной подобной мѣстности, при чисткѣ пруда, найдено болѣе 30 младенческихъ тѣлъ! Есть мѣста, гдѣ изъ 50 беременныхъ дѣвокъ едва пять раждаютъ!.. Семейственныя отношенія и естественныя чувства уничтожаются до того, что ни убѣжденія, ни слезы родителей не тронутъ дѣтей, отрекшихся отъ нихъ ([10]). Ложь и обманъ, особенно во время слѣдствія и суда, у всѣхъ сектаторовъ безпоповщины какъ бы непремѣнная обязанность, освященная нагло взятымъ примѣромъ изъ житія великом. Варвары, гдѣ говорится, что „нѣкто сказалъ правду и погибъ, другой солгалъ—и святъ сдѣлался.“ У странниковъ ложь тѣмъ обязательнѣе, что она есть выраженіе брани, которую каждый долженъ вести съ Антихристомъ и слугами его. Подкупы у перекрещенцевъ допущены правилами: „деньгами откупающихся невинословити“ (*сто московскихъ поморскихъ статей*), но насиліе у нихъ не одобряется; у странниковъ же то и другое позволительно. Наставникъ Василій Горбунчикъ дважды освобожденъ изъ-подъ стражи: одинъ разъ чрезъ подкупъ сторожей, въ другой отбитъ отъ конвойныхъ во время препровожденія въ ссылку.

„Получая большія подаянія, „проповѣдники близкаго конца міру, нищіе духомъ,“ не рѣдко проводятъ время въ кабачныхъ увеселеніяхъ, среди которыхъ нѣкоторые и пойманы. Иные обличены были въ воровствѣ, дѣланіи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, даже въ грабительствѣ и убійствѣ. Разбойническій атаманъ Пашка во всѣхъ показаніяхъ называлъ себя „Христовымъ человѣкомъ“.

„Пропаганда этой, столь изувѣрной секты тѣмъ болѣе успѣшна, что у странниковъ всякій бродяга можетъ быть „вселенскимъ учителемъ,“ всякая дѣвка учительницей, и что способъ ученія ихъ рѣзко ругательный и вмѣстѣ съ тѣмъ льстивый, всегда сопровождается изумляющею простой народъ набожностію, ужасаетъ его и увлекаетъ. „Аще хощеши спасти душу свою, пріими мя, странника, Христа ради; аще же ни—прахъ отрясу отъ ногъ моихъ!“ такъ говоритъ бродяга-учитель, подходя къ страннопріимцу. По входѣ въ домъ, онъ кладетъ до тысячи и болѣе земныхъ поклоновъ; затѣмъ, зная охоту крестьянъ слушать „отъ божественнаго,“ учитъ, какъ выражаются крестьяне, не по церковному, а строго и страшно. Два-три часа такого ученія, неслыханнаго для крестьянъ, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ, производятъ то, что въ тотъ же день изувѣръ пріобрѣтаетъ для своей секты такихъ послѣдователей, которыхъ никакія усилія не въ состояніи вывести изъ заблужденія, или же собираетъ богатую дань съ слушателей, въ видѣ милостыни, на молитву и раздачу его братіи. Отъ этого въ мѣстахъ, болѣе или менѣе зараженныхъ ученіемъ страннической секты, обнаруживается совершенное охлажденіе къ церкви и христіанскимъ обязанностямъ, что̀ свидѣтельствуется духовными документами. Но кромѣ холодности къ церкви, вліяніе секты выражается и въ духѣ жителей: нигдѣ своеволіе, даже буйство, не обнаруживается въ такой степени, какъ въ подобныхъ мѣстностяхъ. Вѣрованіе о наступленіи конца міру распространено тамъ и между православными до того, что одинъ староста, въ Пошехонскомъ уѣздѣ, не позволялъ землемѣрамъ измѣрять землю, сказавъ, что это ужъ не нужно, ибо скоро конецъ всему!

„Къ сектѣ странниковъ принадлежатъ, „въ видѣ кандидатовъ, такъ называемые „мірскіе или жиловые-христіане,“ стран-

([10]) За первый блудъ налагается эпитимья, по уставу поморскихъ старцевъ, кромѣ строгаго поста, 500 земныхъ поклоновъ въ продолженіи 20 трапезъ; за блудъ во время поста 25 трапезъ, а за блудъ въ теченіе цѣлаго года — 100 трапезъ. Слово „трапеза“ употребляется потому, что у поморцевъ кающійся долженъ молиться, когда братія обѣдаетъ. *Л. Т.*

нопріимцы, которымъ, до побѣга, не воспрещается *міршиться*, т. е. ходить въ церковь и бывать у одной исповѣди для прилики и „страха ради іудейска,“ жениться, „ради немощи и хозяйства,“ на дѣвкахъ не принадлежащихъ къ сектѣ, повиноваться властямъ, но только „тѣлесно, а не душевно,“ трудиться и пріобрѣтать собственность, вообще грѣшить сколько угодно, потому-что крещеніе омоетъ всѣ грѣхи протекшей жизни. Страннопріимцы обязаны принимать, питать и укрывать у себя странниковъ, а, въ случаѣ смерти, зарывать ихъ гдѣ случится: въ сараѣ, погребѣ или въ лѣсу, но отнюдь не на кладбищѣ и не въ гробу, а просто въ саванѣ и рогожѣ. Для укрывательства странниковъ, они строятъ въ домахъ своихъ разнаго рода помѣщенія, большею частію разбросанныя по одиночкѣ, въ разныхъ мѣстахъ жилья, особенно въ подпольяхъ ([11]). Были примѣры, что въ домахъ этихъ жиловыхъ христіанъ-пристанодержателей учреждались училища для дѣтей, даже съ дозволенія владѣльцевъ и приходскаго священника. Такое училище открыто существовало въ деревнѣ Великое Село, Романо-Борисоглѣбскаго уѣзда, у крестьянина Ивана Кляузина, у котораго въ тоже время цѣлый годъ жилъ зловредный наставникъ Марко Маленькій. Укрывая странниковъ, страннопріимцы пользуются иногда воровскими вещами, кои уносятъ адепты изъ домовъ своихъ, и съ этою же цѣлію подъ видомъ странниковъ даютъ убѣжище ворамъ и грабителямъ. Эти жиловые христіане идутъ въ странство уже въ старости, нерѣдко всѣмъ семействомъ, такъ что домъ ихъ заколачивается, какъ опустѣвшій“.

([11]) Вотъ какъ, напримѣръ, устроенъ былъ одинъ тайникъ: въ сѣняхъ избы стоитъ шкафъ; внизу его, подлѣ пола, къ лѣвому боку, прибита однимъ гвоздемъ маленькая планочка, повидимому для большей прочности шкафа, на самомъ же дѣлѣ, чтобы маскировать подъемную доску, составляющую, на первый взглядъ, полъ сѣней и низъ шкафа. Если оторвать планочку, то можно усмотрѣть, что полъ поднимается и что внизу шкафа устроенъ входъ въ яму; изъ нея можно пробраться въ другую яму, которая выходитъ уже на дворъ. — Другой тайникъ сдѣланъ былъ слѣдующимъ образомъ: въ чуланѣ лавка; поднявъ ее, можно поднять и половицу: подъ нею входъ въ яму, выходящую въ огородъ. *Л. Т.*

Таково содержаніе „Записки о Странникахъ“. Къ сожалѣнію, въ ней ничего не сказано о причинахъ, вызвавшихъ появленіе ихъ. Причины эти—крутыя петровскія реформы. Народная перепись, размежеваніе земель, замѣна патріаршей власти синодомъ, все это, по мнѣнію основателя секты Евфимія, дѣянія богопротивныя, такія дѣянія, которыя могъ дозволить себѣ только одинъ Антихристъ, самъ нарядившійся и другихъ нарядившій въ нѣмецкое платье. Онъ „Божьимъ попущеніемъ пришелъ на Великороссійскую державу и взялъ въ плѣнъ всѣ храмы Божіи.“ Появленіе Антихриста было предсказано св. Кириломъ Іерусалимскимъ. „Онъ ясно рекъ: во имя Симона Петра имать всѣсти гордый князь міра сего... И якоже и въ сатанѣ число имени его знаменуетъ *титинъ*, тако подобно и въ Петрѣ ономъ, во властелинскомъ имени его, еже есть императоръ, тоже показуетъ быти; и въ обоихъ купно состоится 666, понеже оный Петръ не пріялъ на ся царскаго имени, но восхотѣлъ по римски именоватися: императоръ. А въ Римлянѣхъ оное императорское наименованіе безъ *мыслете* состоится, яко о томъ показуется въ троязычныхъ букваряхъ, сирѣчь: инператоръ. Исчисли обое, титинъ и инператоръ, и узриши 666!..“ Плодовитый авторъ „Цвѣтника“ говоритъ, что „человѣцы, до описи того императора, свободни быша.“ Первая народная перепись „зѣло удивила всѣхъ, яко чудо нѣкое небывалое.“ Хотѣлъ Петръ, описывая народъ, „собрати его во единую купу и въ рукѣ своей держати...“ Далѣе Евфимій разказываетъ юмористически, какъ суровая воля преобразователя Россіи, восторжествовавъ надъ обычаями старины, заставила дородныхъ бояръ облечь свои тѣлеса въ заморскую одеж-

ду, какъ русскіе вельможи были принуждены „брады брити, платье нѣмец„кое носити, власы ростити и плести „косы, банты привязывати, петли на „шеяхъ имѣти, пукли связывати, саломъ „намазывати и мукою главу припудри„вати, и табакъ носомъ пити (!) и ус„тами его курити, и со псы изъ еди„ныхъ сосудовъ ясти, и всякую давле„нину и звѣрогадину употребляти и про„чая тако поганская дѣяти.“ Чтобы авторитетъ патріарха не сдерживалъ самовластія государя, Петръ „упразднилъ „онуую преимущую власть, сирѣчь пат„ріаршее лицо отставилъ, яко хотящее „въ намѣреніяхъ языческихъ ему пре„пятствовати, и составилъ синодъ, сирѣчь „собраніе къ разсужденію совокупилъ, „четырехъ бо экзарховъ въ таковое при„сутствіе избралъ, отъ рода папежскаго „сущихъ, обливанцевъ и табашниковъ „и усоподсѣкателей: Стефана Рязанска„го, Митрея Ростовскаго, Ѳедосея Нов„городскаго и Смоленскаго шляхтича, по„борниковъ себѣ; самъ же въ нихъ пя„тый сѣлъ, въ лицѣ онаго патріарха раз„суждати духовная.“ За тѣмъ Евфимій восклицаетъ: „Увы! что мы нынѣ ви„димъ? вся воля отнята у духовныхъ „гражданскою властію: аще что и гла„голютъ по Писанію, но не могутъ про„тивъ оной стояти дѣломъ и отлучити „отъ своея церкви ядущихъ въ пост„ные дни мясо и женъ безъ браченія „имущихъ наложницами.“ Изъ этого видно, что идеаломъ Евфимія было могущество церкви, и что причислять Евфимія, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, къ числу людей, опередившихъ свой вѣкъ, очень странно: по своимъ убѣжденіямъ основатель секты бѣгуновъ всецѣло принадлежалъ допетровской Руси, и потому-то онъ относится съ такимъ нелѣпымъ фанатизмомъ къ личности Петра и ея дѣйствіямъ. Само-собою разумѣется, что черезъ-чуръ строгія мѣры великаго государя противъ людей старой вѣры встрѣтили въ Евфиміѣ яростнаго противника. Между прочимъ онъ разсказываетъ въ своемъ „Цвѣтникѣ“ слѣдующую исторію: „Изыде (въ 1722 году) по„велѣніе отъ скиптродержательствующа„го Всероссійскаго императора Петра „Перваго во вся имперіи и страны, гра„ды, провинціи и села: да кого же оное „величество въ наслѣдники Всероссій„скаго царствія благоволитъ, того и сы„нове Россійстіи вси за истиннаго на„слѣдника со обычною присягою призна„вать да обѣщаются.—Такое повелѣніе „дойде и въ Сибирску губернію, въ Тобольскъ слывущій градъ, изъ него же „и во всѣ Сибирскіе грады и села. И „всѣ Сибирстіи народы повелѣніе импе„раторскаго величества усердно совер„шаху. Во градѣ же, именуемомъ Тара, „нѣкоторые отъ живущихъ къ присягѣ „пріидти не восхотя уклонихуся. Чего „ради на оные присяги избѣгатели воз„вѣстиша писаніемъ въ царствующій „Петрополь, къ сенаторамъ. Сенаторе „же присудиша оные избѣгатели прися„ги императорскому величеству за про„тивники. И послаша съ Москвы вице„губернатора Александра Соловаго тыя „непокоряющихся, испытуя по должно„сти, казнямъ предавати. Вицъ губер„наторъ Соловой, прибывъ въ Тобольскъ, „предложилъ Сибирскому губернатору „изъ сената указъ, губернаторъ же оно„му Соловому даде два полка военныхъ „людей вооруженныхъ, повелѣвая имъ „надъ Тарскими людьми, яко надъ вра„гами царскому величеству, дѣйствовати. „И абіе Соловой съ воинами устремися „къ Тарѣ, и егда прибыша, вскорѣ Тар„скаго полковника и прочихъ того гра„да жителей взялъ и во оковахъ вса„дилъ въ темницу, испытуя—тираны!— „лютѣйшими томленіями! Обрѣте отъ „нихъ крестное знаменіе на себѣ по древ„лецерковному и прочее обхожденіе цер„ковное по содержанію старопечатныхъ „книгъ, принудити тщашеся тремя пер„сты знаменатися и прочія новины пріяти... Соловой вложи ихъ въ горчай„шія муки: овые бичи бія, овые за ру„ки повѣсивъ, отъ своихъ составовъ „отверзая, овые же огнемъ опаляя, инымъ „же ребра ломая,—въ коихъ муцѣхъ ис„пытуемы, нѣціи къ новинамъ прилага„хуся, иные же мужественно терпяще,

„отъ древняго благочестія не отпадаху: „въ домахъ своихъ затворяющеся и, „зеліе зажигая, вседомовне сожигахуся „и паки ножи себѣ рѣжуще и ужи удав- „ляюще—умираху. Мнозіи же, по без- „численныхъ мукахъ, главами усѣкаемы „скончевахуся.“ Наставникомъ старообрядцевъ былъ нѣкто инокъ Сергій. Выданный своимъ ученикомъ измѣнникомъ, онъ также попался въ руки солдатъ и испыталъ жестокія муки: его долго бичевали и жгли, пока не замучили до смерти. Торжествующій Московскій вице-губернаторъ „послалъ воиновъ во всѣ грады и слободы и села, „даде повелѣніе всѣхъ держащихся древ- „лецерковнаго преданія ловити и въ „Тару на испытаніе приводити. Отюда „возмятеся вся Сибирія!“ ([12]). Подобными разсказами наполнены сочиненія Евфимія, который, кромѣ „Цвѣтника“, написалъ еще: 1) *Разглагольствіе о настоящихъ нынѣ между собою въ древлецерковномъ послѣдованіи нѣсколькихъ несогласіяхъ* (1784); 2) *О раскольнической запискѣ и о крыющихся за жрецами антихристовыми* (Посланіе въ Москву); 3) *Толкованіе на слово Ипполита, папы Римскаго, объ апокалипсисѣ*, 4) *О злополучнѣхъ послѣднѣхъ временѣхъ и о знаменіяхъ антихристовыхъ,* и другія.

Самымъ замѣчательнымъ изъ послѣдователей Евфимія былъ Никита Семеновъ, крестьянинъ графа Дмитріева-Мамонова, изъ деревни Стрѣлковъ, Рыбинскаго уѣзда. Мы не будемъ разсказывать жизнь этого „погибшаго самородка“, какъ назвалъ его, кажется, г. Щаповъ, и ограничимся замѣчаніемъ, что дѣятельность Никиты продолжалась лѣтъ 30, до поимки его въ Вологдѣ 7 декабря 1854 года. Вѣроятно, и теперь еще странники не забыли Никиту, помнятъ его бойкую рѣчь и оригинальную наружность: черную, окладистую бороду, раздѣленную на двѣ пряди, большой носъ съ горбомъ, раздутыя ноздри, мутно-каріе глаза, волосы, черные какъ смоль, стоящіе щетиной, и сильныя мохнатыя руки, „привычныя къ писанію.“ Друзья называли Никиту „главнымъ столбомъ вѣры“, а враги „ядоносной змѣей“...

([12]) См. Москвитянинъ 1851. XV, 230.

Любимыми учениками Никиты были Ѳедоръ Ивановъ и Иванъ Ивановъ. Послѣдній убилъ своего ученика, молодаго крестьянина Василья. Этотъ трагическій случай описанъ Ѳедоромъ въ „*Посланіи къ превозлюбленному братцу, препріятнѣйшему и честнѣйшему другу Никитѣ Семеновичу*.“ Посланіе заключаетъ въ себѣ нѣсколько данныхъ, выставляющихъ странниковъ въ ихъ истинномъ значеніи, и потому не лишнихъ для настоящей статьи.

„Ахъ!—начинаетъ Ѳедоръ:—если описать всѣ дѣла, что творилъ Иванъ, такъ „ты не повѣришь мнѣ, Никита Семено- „вичъ! Его, сирѣчь Иваново, качество „страшно: мало видѣти и въ древнія „времена такое заблужденіе и такія пре- „лести... Какъ онъ изступилъ изъ ума, „послушай, явлю тебѣ. Сначала онъ вы- „сокое житіе взялъ и весьма крѣпкое „покаяніе. И стала братія, коя была „при немъ, просить вступить во все „распоряженіе надъ нею; онъ же скло- „нился на сіе и положилъ на нихъ (уче- „никовъ) свой канонъ, и они съ лю- „бовью взяли. Но отселѣ Иванъ сталъ „приходить въ изступленіе разума и „говорить, что онъ не грѣхъ сотворилъ, „убивъ Василья: „я, глаголетъ, ученика „моего въ царствіе небесное ввелъ!“ „И показалъ ему сатана ясно въ видѣ- „ніи, а не во снѣ, Василья на воздухѣ „и мѣсто, уготованное ему во царствіи не- „бесномъ. И видѣлъ тамъ Иванъ сѣда- „лища свое и его. И говорили съ нимъ „двое, яко ангелы. И велѣли они покло- „ниться Василью, и онъ поклонился. И „тако ему видѣнія многія были. И еще „чудеса творила икона у него... Тогда „онъ столь возмечталъ о себѣ, что и „сказать трудно: всю весну не далъ ни- „кому отъ братіи млека ясти, и такъ „превознесся, что сказалъ: „Теперь „только въ моемъ монастырѣ спасутся, „а вездѣ погибнутъ.“ И всѣхъ насъ хри- „стіанъ не за христіанъ почелъ, но за „іудеевъ. „И книги, сказалъ, всѣ сожгу:

„у менѣ всѣ книги въ сердцѣ! Одно „евангеліе оставлю... да и то сожгу, а „свое напишу!“ А что давно и много„кратно самъ себя Богомъ и Христомъ „называлъ,—сіе такъ безстыдно! И сво„ихъ всѣхъ называлъ ангелами, и мо„литься имъ не велѣлъ, только по сво„ему канону. И надъ собою какое бе„зобразіе показалъ: сталъ скакать и пля„сать, и правила всѣ потопталъ: „сіе „іудейское все!“ говоритъ. И дерзостно „сказывалъ: „мои заповѣди соблюдете— „воистину спасетеся, а бойтеся прежде „меня, потомъ Бога.“ А кто скажетъ: „нѣтъ, прежде Бога боюсь, а потомъ „ужъ и тебя“, тотъ у него былъ *невѣр„ный*. И принудилъ всѣхъ объявлять ему „свои помыслы каждый день. И кто что „скажетъ тайно, все обличитъ при дру„гихъ, а кто о помыслахъ блудныхъ „скажетъ, тому велѣлъ молиться убіен„ному Василію, глаголя: „отъ сего из„бавитъ.“ И случилось чудо не малое. „Василья нашли въ самый Петровъ день: „вымыло; около рѣки былъ зарытъ, ре„бята малые увидали да всѣмъ въ де„ревнѣ и объявили. Что было хлопотъ „и страху! Потомъ мужики тайно зары„ли сего мертвеца, а Иванъ опять пе„ренесъ его съ того мѣста, и гдѣ новую „келью ставилъ, тутъ и зарылъ, глаго„ля: „Престолъ на сихъ костяхъ по„ставлю!“

Дѣянія безумнаго фанатика, наконецъ, стали противны его ученикамъ: „они возгнушались Ивана, аки страшнаго еретика“, и избрали на мѣсто его, если не ошибаемся, другую знаменитость, странника Александра Васильева, того самого, который оставилъ послѣ себя „*Исповѣдь*“ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Если вѣрить Сопѣлковскому Донъ-Жуану, его насильно сдѣлали наставникомъ, „за скудостью духовныхъ отцовъ.“ „Хотя Александръ и отрицался отъ сего „всякими мѣрами, но не могъ отбиться.“ А въ это самое время пребывалъ онъ въ блудномъ грѣхѣ. . Вдругъ привозятъ къ нему хворую старушку, „и просятъ, „дабы при смерти крестилъ. Азъ же, „вѣдая мое согрѣшеніе, сильно отри„цался, но меня безотступно просятъ: „аще не крестишь, то взыщемъ ея ду„шу на тебѣ!“ И, не вѣдая, что сотво„рити, пошелъ я въ келію свою и, идя „улицею, плакалъ горько. Обаче про„сятъ, понеже весьма худа старушка. „Взялъ, измылъ мое окаянное тѣло и, по„ложивъ начало, пошелъ по чину.. О, горе „мнѣ окаянному! И не вымылся, поне„же пришли нечаянно.“ Бабы до безумія любили странника Александра: бѣглый кантонистъ, весельчакъ, онъ лихо плясалъ предъ своими красавицами; танцовалъ же онъ, разумѣется, „по дьявольскому навожденію отъ винопитія необычнаго до б....нія, пребывая въ дерзновеніи ручномъ и въ лобзаніи устномъ и въ лестномъ миганіи очами.“ Одна странница почувствовала себя беременною отъ святаго старца Александра и сообщила своему любовнику, что „есть въ такой то деревнѣ волхвъ, который можетъ зачатіе истребить.“

Александръ отправился къ знахарю.

— „Какъ бы сіе дѣло сотворить?“

— „Весьма грѣшно и дорого стоитъ.“

— „Что хочешь возьми. Вотъ цѣлковый!“

— „Мало. Надо пять рублей.

— „Послѣ заплачу.

„И далъ онъ мнѣ нѣкія травы, и оная „христіанка пила сіи травы, только ни„какой пользы не было.... И другая хри„стіанка родила отроча. По наущенію „дьявольскому, принужденъ я былъ под„кинуть его... И еще „старушка“ раз„рѣшилась младенцемъ: отдалъ я его въ „невѣрныя руки, обаче не безъ жалости „сіе дѣло совершилося, точію за немощью „естества нашего.“

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что „Исповѣдь“—документъ любопытный и важный для оцѣнки семейной жизни странниковъ, но едвали онъ будетъ когда-нибудь напечатанъ ([13]). Не даромъ же самъ авторъ заранѣе предупреждаетъ читателя: „грѣси мои паче естества, паче

([13]) Исповѣдь Александра наставника имѣется въ бумагахъ Русск. Архива: дѣйствительно напечатать ее неудобно. *П. Б.*

Содома и Гомора содѣяхъ окаянный!" И въ прочихъ сочиненіяхъ Александръ остается вѣренъ своему страстному характеру: любитъ соблазнительныя исторіи и разсказываетъ ихъ съ очевиднымъ удовольствіемъ, дѣлая множество ссылокъ на старопечатныя книги. Между прочимъ онъ шутливо объясняетъ, „почему Римскіе папы браду брѣютъ", но... пусть это будетъ тайной для читателей *Русскаго Архива*, которые, вѣроятно, согласятся раздѣлить съ нами желаніе, чтобы темныя стороны Русской земли скорѣе освѣщались солнцемъ просвѣщенія, чтобы это кроткое орудіе побѣдило все мрачное, грязное или жалкое по своему невѣжеству.

Л. Трефолевъ.

Ярославль.
3 іюля 1865 г.

*

Независимо отъ идей первоначальнаго своего происхожденія, секта Странниковъ обратилась въ религіозное оправданіе бродяжества и бѣгства *вообще*. Бѣжалъ ли солдатъ изъ полку, крѣпостной мужикъ отъ барщины, молодая баба отъ мужа—всѣ православные — они находили оправданіе своему проступку въ ученіи странническомъ, которое возводило бродяжество въ догматъ, званіе бѣглаго — въ санъ. Никакой протестъ въ Русской жизни, какъ и никакое ея отправленіе вообще, не можетъ обойтись безъ опоры, хотя бы лживой, въ религіозномъ міросозерцаніи Русскаго народа. Но преизобиліе лжи и лицемѣрія въ странническомъ согласіи задавило въ немъ религіозное содержаніе. Оно въ наше время явилось просто порожденіемъ блуднаго союза гнусной, трактирной, кантонистской, солдатской цивилизаціи съ раскольничьимъ невѣжествомъ, суемудріемъ и фанатизмомъ; — протестъ разврата, безчинства, растлѣнія нравственнаго примкнулъ къ протесту раскольническому. Кантонистъ-писарь, поступивъ въ странники и укрываясь, не въ лѣсахъ, а въ теплыхъ комнатахъ, устроенныхъ потаенно и нерѣдко щеголевато убранныхъ, писалъ тамъ любовные стихи, взятые изъ лакейскаго пѣсенника, церковнымъ полууставомъ, славянскими буквами, да еще, помнится, съ киноварью. Вообразите себѣ въ такомъ костюмѣ стихи, что я самъ видѣлъ:

Мила какъ гурія младая,
Какъ роза майская пышна!

Изъ арестованныхъ странниковъ, у 30 слишкомъ человѣкъ, и почти у всѣхъ молодыхъ странницъ-инокинь, обнаружилась въ острогѣ *дурная* болѣзнь, — именно у всѣхъ самыхъ видныхъ членовъ и дѣятелей секты.

Правительство могло не подвергать ихъ преслѣдованію за религіозныя убѣжденія, но что же ему дѣлать было съ массою людей, объявляющихъ себя „не помнящими родства" и бродяжничающихъ въ лѣсу, въ краю, гдѣ всѣ православные мирные жители вопіяли о томъ, что дороги стали опасны, что усилились грабежи, воровства и всякіе безпорядки, — гдѣ разбойники Пашка и Абрашка, одѣвавшіеся также „странниками" и прятавшіеся у тѣхъ же пристанодержителей, которые укрывали и странниковъ, совершили не одно убійство? Пространная записка изъ дѣла читается какъ романъ: до такой степени интересны раскрытыя подробности существованія этой секты. Тутъ есть и Иванъ Васильевичь Грозный, отрубившій уши у инокини Марѳы, прозванной за то Карноухой и другія не менѣе замѣчательныя фигуры. Предсѣдатель коммиссіи узналъ наконецъ мѣсто первоначальнаго жительства большей части странниковъ и странницъ, называвшихъ себя не помнящими родства: по закону они въ такомъ случаѣ подлежали наказанію розгами за одно бродяжничество и водворенію на родину. Но почти всѣ водворенные вновь бѣжали; а мужья, которымъ возвратили ихъ бѣглыхъ женъ, осадили правительство просьбами избавить ихъ отъ законныхъ супругъ, Богъ знаетъ гдѣ скитавшихся и позволить имъ жениться на другихъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ комическаго отчаянія мужа, когда жена его, именно Марѳа Карно-

ухая, была возвращена къ нему, даже, помнится, безъ наказанія: онъ только что подалъ, основываясь на законномъ срокѣ долговременнаго отсутствія, просьбу о дозволеніи повѣнчаться на другой крестьянкѣ. *И. А.*

КРАТКАЯ ЗАПИСКА О СТРАННИКАХЪ ИЛИ БѢГУНАХЪ

(1851).

Эта краткая записка есть собственно только заключительная статья особаго сочиненія о странникахъ или бѣгунахъ, которое въ свою очередь составляетъ часть обширной дѣловой записки (до 600 стр.), составленной *И. С. Аксаковымъ* въ 1851 г. изъ подлиннаго дѣла, которое производилось тогда въ Ярославской губерніи и котораго самому автору пришлось быть участникомъ.

Просимъ нашихъ читателей мысленно перенестись за 15 лѣтъ назадъ отъ настоящаго времени и не забывать, что печатаемая записка отнюдь не даетъ возможности заключать о современномъ положеніи раскольниковъ. Дѣло о нихъ 1851 года, благодаря просвѣщеннымъ и народолюбивымъ мѣрамъ нынѣшняго царствованія, давно отошло уже въ область исторіи; самая же записка, съ молодою и заносчивою рѣзкостью ея выраженій, утративъ нынѣ интересъ современности, остается лишь любопытнымъ историко-литературнымъ произведеніемъ. *П. Б.*

*

И такъ, всѣ изслѣдованія доказываютъ, что расколъ постоянно распространяется и усиливается; что странническая секта, не смотря на строгость своихъ принциповъ, является какимъ-то безобразнымъ порожденіемъ раскола и трактирной цивилизаціи; что — *при ослабленіи искренняго интереса религіознаго*, — приверженность раскольниковъ къ расколу нисколько не ослабѣваетъ; что, наконецъ, всѣ мѣры, принимаемыя правительствомъ, оказываются доселѣ безуспѣшными.

Дѣйствительно, покуда существовало мнѣніе, что причины раскола лежатъ только въ грубомъ невѣжествѣ народа, можно было предполагать что, при большей образованности сектаторовъ, расколъ самъ собою исчезнетъ. На народъ, приверженный къ расколу, смотрѣли какъ на упрямаго ребенка, которому нужно только подрости, чтобъ отбросить свои ребяческія заблужденія, но которому, между тѣмъ, въ порѣ ребячества, необходима и благодѣтельна розга.

Ребенку минуло около 200 лѣтъ, но расколъ не ослабѣлъ, не уменьшился, напротивъ того, все глубже, все сильнѣе вкоренялся въ жизнь народную. Что же касается до розги, т. е. до строгости правительства, то она породила въ расколѣ съ одной стороны мученичество, съ другой лицемѣріе.

Ожидали успѣха отъ бóльшей образованности народа. Совершилась знаменитая реформа Петра. Настежъ раскрылись двери западному просвѣщенію; вмѣстѣ съ академіями, школами и фабриками, правительство, преслѣдуя грубое невѣжество народа, заводило асамблеи, герберги, трактиры, магистраты и ратуши — вмѣсто земскихъ избъ; бурмистровъ — вмѣсто земскихъ старостъ; пол-Руси переодѣло и обрило, пол-Руси обложило пошлиною за бороду, древніе обычаи покрыло презрѣніемъ и насмѣшками. И правительство во многомъ успѣло. Промышленныя губерніи могутъ быть по праву названы самыми просвѣщенными губерніями, въ смыслѣ Петра I-го; однакожъ, не смотря на это просвѣщеніе, расколъ не уничтожился, а еще болѣе усилился, — принявъ только иной видъ и характеръ.

Дѣло въ томъ, что народъ не просвѣтился, а развратился, что просвѣщеніе вошло въ него не тѣмъ честнымъ и свободнымъ путемъ, которымъ шествуетъ истина, а соблазномъ, развратомъ, модой, дурнымъ примѣромъ, подражаніемъ. Есть раскольники, обрившіе бороду, надѣвшіе фракъ, но тѣмъ не менѣе остающіеся въ средѣ раскола. Раскольниковъ теперь больше, чѣмъ когда-либо, съ тою разницею, что двоедушіе, лицемѣріе, нравственная порча и гніеніе—смѣнили прежнюю суровую самобытность, бывалый фанатизмъ вѣры и готовность мученичествомъ засвидѣтельствовать искренность своихъ убѣжденій.

Какія же настоящія причины раскола, и есть ли возможность остановить это нравственное разложеніе народнаго быта, которое опаснѣе всякаго упорнаго, но искренняго заблужденія, всякаго честнаго фанатизма?

Можно было бы многое сказать объ отношеніяхъ обряда къ догмату въ исторіи Русской церкви, о томъ, какъ высокое значеніе, приданное обряду въ древней Руси, породило расколъ; какъ преслѣдованіе за обрядъ и проклятіе обряда соборомъ 1666 года только усилило сопротивленіе; какъ проклинавшіе и проклинаемые одинаково были далеки отъ истины, потому что слишкомъ много дорожили обрядностію, одни предавая обрядъ анаѳемѣ, другіе изъ-за обряда разрывая единство церкви... Все это къ нашему дѣлу не относится, и мы только изложимъ здѣсь вкратцѣ наше мнѣніе не о причинахъ, породившихъ расколъ, но о причинахъ, его усилившихъ и поддерживавшихъ его существованіе, при ослабленіи религіознаго интереса.

Главнѣйшія изъ этихъ причинъ слѣдующія: 1) протестъ противъ современнаго порядка вещей; 2) отношеніе церкви къ государству, и, по мнѣнію раскольниковъ, казенный характеръ Русской церкви; 3) отвращеніе отъ церкви, внушаемое народу духовенствомъ; 4) потребность умственной дѣятельности и броженіе умовъ, не имѣющихъ другаго правильнаго способа къ удовлетворенію этой духовной потребности.

Укажемъ же въ немногихъ словахъ, въ чемъ состоитъ протестъ раскольниковъ противъ современнаго гражданскаго порядка вещей.

Раскольники говорятъ въ одномъ изъ своихъ духовныхъ стиховъ:

Не могу пребыть безъ рыданія!..
До конца тлѣетъ благочестіе;
Процвѣтаетъ нынѣ все нечестіе:
Духовный законъ съ коренія ссѣченъ,
Чинъ священническъ сребромъ весь плѣненъ,
Законъ градской въ конецъ истребленъ.
Въ мѣсто законовъ водворилось беззаконіе,
Лихоимцы вси грады содержатъ,
Немилосердые въ градахъ первые,
На мѣстахъ злые приставники!
Духъ антихристовъ возвѣя на насъ...
Не могу пребыть безъ рыданія!...

Предоставляю самому правительству судить,—въ какой степени справедливы сѣтованія раскольниковъ....

Далѣе, раскольники утверждаютъ, что правительство со временъ Петра тѣснитъ будто бы Русскую жизнь, преслѣдуетъ будто бы Русскіе обычаи и заводитъ иноземные (смотри Цвѣтникъ Ефимія, основателя страннической секты); что правительство, съ своей военною и гражданскою арміею, не знаетъ будто бы Руси, ея духа, ея путей; мѣряетъ будто бы Русскій народъ на иностранный аршинъ и примѣняетъ будто бы къ народному быту учрежденія и постановленія Нѣмецкія, черпая мудрость не изъ роднаго, самобытнаго источника, а изъ мутнаго и нечистаго источника Западной Европы. Они говорятъ, что не узнаютъ своихъ братій

въ сословіи дворянскомъ и вообще въ сословіи, такъ называемомъ образованномъ, не потому только, что дворяне крестятся «щепотью,» но по различію быта и стремленій. Печать антихристова, какъ объясняетъ Ефимій, а за нимъ и ученикъ его Никита Семеновъ, печать антихристова, «сіяющая на слугахъ антихристовыхъ,“ не значитъ *щепоть*, или *крыжъ*, или *трегубая аллилуіа*, но житіе, согласное съ мыслью Антихриста, но подчиненіе ему, какъ Христу, но изданіе и исполненіе, во имя Христа, законовъ въ духѣ Антихриста. Печать антихристова,говорятъ они, значитъ презрѣніе къ вѣрѣ, при всемъ наружномъ къ ней уваженіи, порабощеніе церкви, пренебреженіе къ мнѣнію народному, измѣна древнимъ началамъ Русской жизни (смотри Цвѣтникъ Ефимія и сочиненія Никиты Семенова). По этому Ефимій даже и старообрядцевъ прочихъ сектъ называетъ слугами Антихриста за то, что они, хотя и хранятъ старые обряды, признаютъ однако же покровительство земной власти, т. е. власти Антихриста. Впрочемъ и раскольники другихъ безпоповщинскихъ толковъ думаютъ почти также, не доводя только своего ученія до того крайняго выраженія, до котораго оно дошло у „*странниковъ*“.

И такъ, вотъ что говорятъ раскольники. Если же мы сами обратимся къ временамъ Петра I-го и добросовѣстно разсмотримъ и обсудимъ его законы, его нововведенія и вообще совершенное имъ дѣло, то протестъ раскольниковъ покажется намъ, если и не во всемъ справедливымъ, за то естественнымъ и понятнымъ. Почему же только въ раскольникахъ, а не во всемъ народѣ возникъ подобный протестъ? На это отвѣчать не трудно. Измѣненіе старыхъ обрядовъ, произведенное Никономъ, держало, такъ сказать, вниманіе раскольниковъ на сторожѣ; самая привязанность ихъ къ обряду и обычаю должна была возбудить ихъ опасенія, во времена Петровскихъ преобразованій, въ сильнѣйшей степени противъ остальнаго народа, который не вдругъ замѣтилъ и сознаіъ, что его ведутъ другимъ путемъ и къ другой цѣли. Но именно этимъ-то постепеннымъ сознаніемъ и объясняется теперь постоянное возрастаніе числа раскольниковъ, тогда какъ самыя причины, породившія расколъ, излишнее уваженіе къ обряду и вообще интересъ отвлеченно-религіозный съ каждымъ годомъ слабѣютъ.

Недовольный порядкомъ вещей, раскольникъ не захотѣлъ опереться на собственное личное чувство, которому такъ слѣпо поддается народъ на Западѣ. Только тогда рѣшился онъ протестовать, когда нашелъ оправданіе своему протесту въ религіи. Вглядѣвшись въ тогдашній порядокъ вещей, онъ ужаснулся; онъ подумалъ, что видитъ предъ собою царство Антихристово и, съ помощію нѣкотораго невѣжества, искренне утвердился въ этомъ предположеніи (см. Цвѣтникъ Ефимія и сочиненія Никиты Семенова). Напрасно стали бы мы, дворяне, чиновники и духовные, разубѣждать его въ противномъ. Всякій крестьянинъ, всякій, не разорвавшій съ народомъ связи, единства жизни и духа,—имѣетъ въ глазахъ народа въ тысячу разъ болѣе авторитета, чѣмъ самый благонамѣренный проповѣдникъ изъ образованнаго сословія. Народъ видитъ въ насъ, особенно въ чиновникахъ, слугъ антихристовыхъ....

Теперь взглянемъ на отношенія раскола къ церкви и духовенству.

Не имѣя довѣренности къ чиновнику, раскольникъ не внемлетъ и православному священнику, видя въ немъ того же антихристова слугу, точно такого

же казеннаго чиновника и льстеца земной власти, только въ рясѣ. „Такъ называемая православная вѣра" говорилъ намъ одинъ раскольникъ (очень начитанный и даровитый крестьянинъ деревни Исакова, Ярославскаго уѣзда, Яковъ Батыевъ, нынѣ умершій), есть вѣра *казенная*, гражданская, не на живомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная, а служащая однимъ изъ орудій правительству для поддержанія порядка..

Къ числу упрековъ, дѣлаемыхъ раскольниками православной церкви, относятся, между прочимъ, слѣдующіе:

Они называютъ синодъ не помѣстнымъ соборомъ, а присутственнымъ мѣстомъ съ канцеляріей, устроенной на нѣмецкій образецъ, —мѣстомъ, которымъ управляетъ *власть свѣтская*; они оскорбляются тѣмъ, что наши архіереи подписываются «кавалерами,» и утверждаютъ, что къ нимъ правильнѣе было бы обращаться съ титуломъ „превосходительства", нежели преосвященства; они указываютъ на то, что епископы поставляются по царскому указу, а не по избранію духовнаго собора; что епископы у насъ чиновники, а не пастыри, и стараются объ угожденіи больше земной власти, нежели Богу.

Не входя въ подробный разборъ всѣхъ, взводимыхъ раскольниками на церковь обвиненій, я по совѣсти долженъ сказать, что, если кто знакомъ съ нашимъ сельскимъ духовенствомъ, тотъ не удивится, почему многіе изъ членовъ этого духовенства внушаютъ народу такое сильное къ себѣ отвращеніе. Пословицы народныя также это объясняютъ: «Попъ деретъ и съ живаго и съ мертваго»; «поповскіе глаза завидущи, поповскія руки загребущи», говорятъ пословицы. Корыстолюбіе, пьянство, совершенное неуваженіе къ собственному сану, полнѣйшее равнодушіе къ вѣрѣ, изумительное невѣжество во всемъ что̀ касается раскола, грубое пренебреженіе къ мужику, — вотъ что, къ сожалѣнію, довольно часто встрѣчается въ сословіи сельскаго духовенства. Разумѣется, есть исключенія, и очень видныя, но все же они рѣдки и, главное, рѣдко попадаются именно тамъ, гдѣ бы они были нужны, т. е. въ мѣстахъ, зараженныхъ расколомъ.

Я посылалъ иногда раскольниковъ болѣе умѣренныхъ, чѣмъ другіе, слушать проповѣди въ сельскихъ и городскихъ церквахъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Ярославской и Костромской губерній. «Какъ будто не свое говоритъ», отзывались они о проповѣдникѣ, выслушавъ проповѣдь. Они находили въ православныхъ проповѣдяхъ не живое слово убѣжденія и любви, но мертвое витійство, приправленное риторическими украшеніями, — «будто гробъ повапленный», прибавляли они.

Въ Ярославской губерніи, по моему разсчету, православныхъ только 4-я часть народонаселенія, не смотря на то, что по оффиціальнымъ документамъ раскольниковъ считается только 12 т. *Явныхъ* раскольниковъ не такъ много, хотя и гораздо больше 12 тысячъ. Знаменитый разсадникъ и притонъ страннической секты, село Сопѣлки, по оффиціальнымъ спискамъ значится православнымъ. Чрезвычайно многочисленны *тайные* раскольники-лицемѣры: изъ нихъ нѣкоторые, изъ уваженія къ ихъ богатству, приглашены епархіальнымъ начальствомъ къ исправленію должностей церковныхъ старостъ въ православныхъ соборахъ, хотя никогда не исповѣдываются и не причащаются въ православной церкви, строго придерживаются раскола и скрытно, богатствомъ и вліяніемъ своимъ, поддерживаютъ расколъ въ народѣ. За тѣмъ есть еще значительное число жителей, еще не

вступившихъ ни въ какую особенную секту, но отвращающихся отъ православія. Эти послѣдніе,—хотя, какъ сказано, и не принадлежатъ совершенно къ расколу, однако не ходятъ въ церковь и не принимаютъ причастія въ православной церкви; нѣкоторые изъ нихъ только исповѣдуются, нѣкоторые и этого не дѣлаютъ; другіе же прибѣгаютъ иногда къ исповѣди и къ причастію, но только въ случаяхъ опасной болѣзни и въ страхѣ смерти.

По справкамъ, наведеннымъ слѣдственною коммиссіею еще въ 1850 году, въ 14-ти приходахъ 1-го стана Ярославскаго уѣзда, изъ 17,930-ти прихожанъ, бывающихъ у исповѣди и у св. причастія считалось только 4.300; бывающихъ у одной исповѣди 1.180; остальные же не бываютъ ни у причастія, ни у исповѣди. Когда, при производствѣ слѣдствія въ Ярославскомъ уѣздѣ, я въ первый разъ узналъ, что крестьяне, называя себя православными, уклоняются отъ причастія, и недоумѣвалъ, какія тому причины,—тогда одинъ изъ нихъ (крестьянинъ деревни Исакова недавно перешедшій въ филипповское согласіе) объяснилъ мнѣ, что это все „колеблющіеся", изъ которыхъ съ каждымъ годомъ не мало лицъ отпадаетъ въ какую-нибудь раскольническую секту; что онъ самъ долго былъ изъ числа этихъ колеблющихся, или—лучше сказать—равнодушныхъ къ православной церкви. На вопросъ мой, отчего же происходитъ это равнодушіе? онъ чистосердечно отвѣчалъ: «отъ того, батюшка, что попы ваши стали народу уже черезъ-чуръ не любы.» Этотъ отвѣтъ даже подписанъ имъ и находится въ подлинномъ дѣлѣ.

Священники охотнѣе выбираютъ тѣ приходы, гдѣ много раскольниковъ, ибо раскольники платятъ щедро за то, чтобъ они не преслѣдовали ихъ и записывали православными. Мнѣ чистосердечно сознавались въ этомъ сами священники; да и въ подлинномъ дѣлѣ можно найти много несомнѣнныхъ тому доказательствъ. Священники сельскіе знакомы съ расколомъ гораздо менѣе всякаго чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣвшаго дѣло съ раскольниками. Не говоря уже о томъ, что всякій начитанный раскольникъ загоняетъ въ спорѣ любаго сельскаго священника, часто невѣжество послѣдняго (относительно исторіи и оттѣнковъ различныхъ сектъ) лишаетъ его возможности слѣдить и изучать расколъ на мѣстѣ. Это происходитъ отчасти отъ того, что все богатство матеріаловъ для изученія раскола въ Россіи сосредоточено въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ дѣла о расколѣ производятся „*секретно*," „*весьма секретно*" и „*совершенно секретно*", и недоступны ни для ученаго, ни для дѣйствующаго духовнаго сословія.

Я сказалъ также, что въ возникновеніи новыхъ сектъ, въ расширеніи предѣловъ раскола, участвуетъ потребность умственной дѣятельности. Дѣйствительно, дичась просвѣщенія, проповѣдуемаго правительствомъ, или вовсе лишенные возможности просвѣщаться свободно и безбоязненно, крестьяне, одаренные духовными талантами и жаждущіе приложить свои силы къ трудамъ умственнымъ, — при недовѣріи къ обществу, правительству и духовенству, — большею частію обращаются въ расколъ, представляющій имъ обширное поле для дѣятельности. Они покидаютъ мѣста своего жительства и бѣгутъ къ раскольникамъ, въ лѣса и пустыни, гдѣ находятъ особаго рода общества людей ученыхъ, т. е. начитанныхъ, обширныя библіотеки, читателей, издателей, переписчи-

ковъ и всѣ пособія для свободнаго общенія мысли и слова.

Одинъ молодой, даровитый раскольникъ, дворовый человѣкъ, бѣжавшій отъ помѣщика своего въ Пошехонскіе лѣса, но впослѣдствіи пойманный полиціею, отвѣчалъ на вопросы о причинахъ побѣга почти тѣми же словами, какими говоритъ раскольническая пѣсня:

Душа своей пищи дожидается,
Душѣ надо жажду утолити,
Потщися душу свою гладну не оставити.

Такъ почти говорилъ и онъ, и никакъ не хотѣлъ вѣрить словамъ чиновниковъ земской полиціи, что у него не просто душа, а душа крѣпостная и ревижская, которой по закону никакой духовной пищи и свободнаго просвѣщенія не полагается.

Какія же послѣдствія такого положенія дѣлъ?

Многіе возражаютъ, что развратъ, сильно распространенный между раскольниками безпоповщинскихъ сектъ, постепенная уступка соблазнамъ и выгоды житейскія ослабляютъ силу раскола, какъ протеста. Это мнѣніе справедливо, но мы уже представили доказательства, что, не смотря ни на развратъ, ни на равнодушіе къ вопросамъ религіознымъ, число раскольниковъ усиливается съ каждымъ годомъ. Соблазнъ и развратъ, съ нѣкоторымъ просвѣщеніемъ, дѣйствительно дѣлаютъ ихъ равнодушными къ вопросамъ о двуперстномъ или трехперстномъ сложеніи, о бородѣ и платьѣ, — но это равнодушіе не приводитъ ихъ къ соединенію съ православною церковью. Напротивъ того, разставшись съ прежними вѣрованіями и постоянно чуждаясь церкви сколько по прывычкѣ, столько же и потому, что духовенство не внушаетъ имъ никакого къ ней уваженія, они становятся просто невѣрующими, сохраняя однако тотъ же союзъ между собою, тѣже отношенія къ правительству. Впрочемъ, примѣры разврата, встрѣчающіеся между раскольниками, не всегда доказываютъ неискренность ихъ религіозныхъ убѣжденій. Были случаи, что извѣстные своимъ распутнымъ поведеніемъ раскольники, при преслѣдованіяхъ правительства, дѣлались ожесточенными и строгими фанатиками. Раскольникъ страннической секты Дементій Петровъ, проводившій жизнь, хотя и въ бѣгахъ, однако довольно изнѣженно и распутно, виновный даже въ убійствѣ одного изъ сектаторовъ, будучи взятъ подъ стражу, рѣшился оправдать себя во мнѣніи своихъ собратій твердыми отвѣтами передъ судилищемъ антихристовымъ, и, отвергая всякую пищу, довелъ себя до чахотки и умеръ. Другой раскольникъ, наставникъ секты, Мокей Ѳедоровъ, уже старикъ, взятый въ кабакѣ съ любовницею своею, странницею же, бѣглой крестьянкой, на допросѣ передъ слѣдователемъ также явилъ примѣръ необыкновенной твердости въ отвѣтахъ.

Впрочемъ, если расколъ исчезнетъ, породивъ въ наслѣдство себѣ — невѣріе, двоедушіе, лицемѣріе, развратъ и корысть, съ отвращеніемъ къ церкви и съ недовѣріемъ къ обществу и правительству, — выгоднѣе ли будетъ это для Россіи? Можно ли будетъ тогда торжествовать одержанную надъ расколомъ побѣду?

Легко управлять стадомъ барановъ, можно управлять обществомъ существъ разумныхъ, трудно и опасно управлять существами разумными, низведенными невѣріемъ и развратомъ на степень животныхъ: ибо человѣкъ, непросвѣщенный никакимъ вѣрованіемъ, необузданный никакимъ нравственнымъ чувствомъ,

хуже и опаснѣе скота, руководимаго, по крайней мѣрѣ, инстинктомъ.

Какія же мѣры могутъ быть приняты противъ такого страшнаго зла?

Разсмотримъ сначала мѣры, предпринимаемыя доселѣ правительствомъ, т. е. мѣры строгости, основанныя на судебныхъ рѣшеніяхъ, мѣры полицейскія, мѣры духовныя, т. е. приводимыя въ исполненіе духовенствомъ.

Я уже говорилъ, что строгость правительства породила въ расколѣ съ одной стороны фанатизмъ, съ другой лицемѣріе, подкупы и усиленіе доходовъ земской полиціи и сельскаго духовенства.

«Церковь гонимая!» Какъ привлекательно это слово для раскольника; сколько историческихъ, отрадныхъ воспоминаній пробуждаетъ оно въ душѣ каждаго вѣрующаго христіанина! «Быть въ гоненіи, въ страхѣ, въ скрытіи,» вотъ чѣмъ можно спастись «въ настатіе Антихриста», проповѣдуетъ странническое ученіе, — и, буквально слѣдуя этимъ внушеніямъ, многіе сектаторы живутъ «подъ скрытіемъ» въ своемъ собственномъ домѣ. Ихъ никто не гонитъ — они сами сочиняютъ себѣ гоненіе. Я знаю многихъ странницъ, дочерей довольно зажиточныхъ, оброчныхъ крестьянъ, о которыхъ нарочно подавились объявленія, что онѣ въ бѣгахъ, слѣдовательно подлежатъ преслѣдованію правительства; между тѣмъ онѣ оставались дома, скрываясь *въ тайникахъ* родительскихъ избъ и находя для себя отраду, сколько въ исключеніи себя изъ общества антихристовыхъ гражданъ, столько же въ «стѣсненіи, скрытіи и гоненіи», когда никто еще тогда ихъ не гналъ и не преслѣдовалъ! Впрочемъ распространяться о томъ, что строгость въ дѣлѣ религіозныхъ убѣжденій родитъ мучениковъ и фанатиковъ, — я считаю излишнимъ: это истина давно доказанная и признанная всѣми.

Торгаши и промышленники Ярославской и смежныхъ съ нею губерній не очень расположены къ мученичеству и фанатизму. За то нигдѣ нѣтъ столько разврата и двоедушія.

Въ предущихъ отдѣлахъ объяснено уже, что большая часть жителей придерживается раскола тайно: крестя младенца въ православной церкви, они потомъ перекрещиваютъ его вновь по раскольничьему обряду, или читаютъ надъ нимъ «чинъ отъ ереси приходящихъ», тщательно смывая св. муро; они вѣнчаются въ православной церкви съ тѣмъ, чтобы потомъ выдержать строгую эпитимію. Мнѣ расказывалъ Ярославскій преосвященный, что однажды, пріѣхавши въ городъ Романово-Борисоглѣбскъ, остановился онъ въ домѣ соборнаго церковнаго старосты, богатаго купца, и былъ очень удивленъ, когда ночью, услыхавъ надъ своей головой чтеніе и доискиваясь причины, попалъ въ горницу, гдѣ находилась раскольничья моленная и гдѣ какой-то раскольничій большакъ или наставникъ, по приглашенію хозяина, совершалъ богослуженіе и «вычитывалъ изъ дому архіерейскую благодать!» — Многіе православные купцы съ прискорбіемъ указывали мнѣ на то, что соборы большею частію завѣдываются старостами изъ тайныхъ раскольниковъ, которые удобно могутъ подмѣнить образа и даже денежную казну употребить въ пользу раскола. Нѣтъ сомнѣнія, что подобное двоедушіе даетъ новую силу расколу, доставляя ему такимъ способомъ связи и покровительство и что примѣры богатыхъ лицемѣровъ только развращаютъ нравы простыхъ и бѣдныхъ раскольниковъ, отчего и самый расколъ становится вреднѣе и опаснѣе.

Что же касается до земской поли-

ціи, то расколъ для нея — источникъ незаконныхъ доходовъ. Я по долгу службы обнаружилъ имена пристанодержателей бѣглыхъ (или странопріимцевъ) въ разныхъ губерніяхъ, но увѣренъ въ тоже время, что свѣдѣнія эти ни къ чему не послужатъ. Правительство не можетъ учредить надзора за ними иначе, какъ чрезъ земскую полицію, а это значитъ отдать ихъ во власть становымъ приставамъ и открыть для нихъ и для земскихъ судовъ постоянную, благонадежную золотую руду.

Объ отношеніяхъ духовенства къ раскольникамъ было уже изложено выше. Мѣра, предписанная закономъ, отсылать раскольниковъ на увѣщаніе въ духовную конситорію — никогда не приносила никакой пользы. Меня убѣждали въ этомъ же нѣкоторые архіереи, предлагавшіе даже вовсе отмѣнить эту мѣру и преслѣдовать расколъ полицейскимъ, судебнымъ порядкомъ. При взаимномъ презрѣніи раскольника и увѣщателя, духовнаго лица, они только оскорбляютъ другъ друга въ спорахъ, или же раскольникъ покупаетъ за деньги у увѣщателя свободу, давъ подписку, что обращается будто бы къ православію.

Сосланные на Кавказъ и Сибирь или вновь бѣжали, или были выпущены на свободу подкупленными чиновниками, или же внесли ученіе свое и распространили его въ сильной степени въ мѣстахъ ихъ ссылки; освобожденные же, по случаю обращенія ихъ къ православію, продолжали быть самыми ревностными проповѣдниками раскола, только болѣе скрытными.

Въ числѣ бѣглыхъ сектаторовъ попадались и такіе, которые были сосланы въ Сибирь или же отданы въ солдаты за упорство въ расколѣ, но, не смотря на то, успѣли возвратиться вновь къ мѣсту прежней своей дѣятельности. Странническое ученіе принесено было въ Сибирь сосланными туда раскольниками и нашло тамъ много приверженцевъ, которые состояли и состоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ярославскими. Мало того, вездѣ по пути слѣдованія ссыльныхъ въ Сибирь, образовались пристани сектаторовъ или «мѣста», какъ они называютъ. Въ Нерехотскомъ уѣздѣ, въ селѣ Середѣ, въ 1852 году, у одной мѣщанки-раскольницы Ѳедосѣевскаго толка, найдена переписка съ раскольниками Москвы, Сибири и Грузіи. Родственникъ ея, сосланный въ Сибирь за дѣланіе фальшивой монеты, прислалъ ей оттуда деньги для ссуды поступающимъ изъ православія въ расколъ.

Кому неизвѣстно, что самые значительные капиталисты въ купеческомъ сословіи принадлежатъ къ раскольническимъ толкамъ. Суммы, жертвуемыя ими въ пользу раскола, неисчислимо огромны. Но кромѣ этого, даже у бѣглыхъ, «нищенствующихъ» сектаторовъ страннического согласія были находимы довольно значительныя для нихъ суммы денегъ. Такъ у одного 75 лѣтняго старика, простаго, лѣтъ уже 30 бродившаго крестьянина, оказалось до 300 руб. сер. зашитыми въ шубѣ, да и всѣ они были болѣе или менѣе съ деньгами.

Все это доказываетъ, какъ безсильны мѣры, принимаемыя правительствомъ противъ раскола, ибо, кромѣ нравственнаго значенія, расколъ имѣетъ въ рукахъ своихъ силу денежную, которая одна, если бъ не было даже другихъ причинъ, могла бы сдѣлать безполезными всѣ старанія правительства.

И такъ, обязанный высказать по совѣсти свое убѣжденіе,—я долженъ сознаться, что не вижу никакихъ мѣръ, которыя, при настоящемъ порядкѣ вещей, могли бы ослабить значеніе ра-

скола, какъ протеста, ибо протестъ подобнаго рода можетъ быть уничтоженъ только отнятіемъ повода къ протесту.

Впрочемъ, вотъ нѣкоторыя мѣры, которыя, по мнѣнію моему, были бы не безполезны.

1) Спеціальное образованіе священниковъ для мѣстъ, зараженныхъ расколомъ. Необходимо предоставить имъ возможность познакомиться со всею богословскою раскольничьею литературою и узнать, такъ сказать, всѣ ходы и выходы, употребляемые раскольничьею діалектикой. Но, конечно, и эти миссіонеры, если не внушатъ къ себѣ любви и уваженія со стороны самихъ сектаторовъ, и не будутъ дѣйствовать въ духѣ кротости, не принесутъ пользы.

2) Для того, чтобъ доставить всѣмъ способы къ изученію раскола, необходимо привести въ порядокъ всѣ имѣющіеся въ министерствѣ раскольническіе документы, книги и рукописи, составить изъ нихъ особую библіотеку и сдѣлать ее доступною всякому, желающему заняться этимъ изученіемъ.

3) Позволить печатно всѣмъ и каждому, какъ православному, такъ и раскольнику, писать и разсуждать о расколѣ. Раскольники говорили мнѣ не разъ, что они лишены возможности оправдываться печатно, а потому и сами не хотятъ читать книги, напечатанныя противъ раскола по распоряженію синода. Къ тому же эти книги писаны офиціальною властью и въ тонѣ офиціальномъ, тонѣ учительномъ и нѣсколько презрительномъ, не допускающемъ возраженій. «Бой не равенъ,» говорилъ при мнѣ православнымъ крестьянинъ-раскольникъ, нынѣ умершій, Яковъ Батыевъ: «бой не равенъ: съ одной сто«роны вы свою истину подкрѣпляете «плетьми и Сибирью, съ другой — у васъ «подъ рукою всѣ средства, всѣ пособія, «всѣ книги и библіотеки и печатное «слово. Мы же лишены этихъ средствъ, «а если и захотимъ искать ихъ, или «не согласимся съ вами въ спорахъ, «то вы прибѣгнете къ убѣжденіямъ по«лицейскимъ... А потому ни спора, ни «разговора между нами быть не мо«жетъ, и мы сомнѣваемся, чтобъ вы «были въ истинѣ, ибо истина не боит«ся свободы, не нуждается въ защитѣ «грубой силы, не лишаетъ противни«ковъ возможности возражать ей и убѣж«даться въ ней свободно и самостоя«тельно».

Кромѣ этого, я убѣжденъ, что если-бъ позволено было напечатать исторію иной раскольнической секты, сектаторы сами бы устыдились общественнаго о себѣ мнѣнія, — и въ этомъ одномъ было бы гораздо больше пользы, чѣмъ въ ссылкѣ цѣлой сотни сектаторовъ въ Сибирь или Закавказскій край, гдѣ ссыльные проповѣдью своею заражаютъ новыя мѣста и приготовляютъ новые разсадники раскола для Россіи.

И. Аксаковъ.

Мартъ 1852 года
Москва.

О БОЛЬШОМЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ АЛМАЗѢ.

Извѣстно, что третій въ мірѣ по необыкновенной величинѣ своей ($194\,^3/_4$ карата) алмазъ, составляющій одно изъ чудесъ минеральнаго царства и служащій украшеніемъ Российско-императорскаго скипетра, былъ поднесенъ императрицѣ Екатеринѣ любимцемъ ея, княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, и что князь Орловъ пріобрѣлъ этотъ алмазъ покупкою отъ тогдашня-

го придворнаго банкира (впослѣдствіи дѣйств. статск. сов. и комодора) *Ивана Лазаревича Лазарева*. Необычайность такой драгоцѣнности, находившейся сначала въ собственности частнаго лица и, можетъ, самыя обстоятельства, при которыхъ она была поднесена императрицѣ Екатеринѣ, подали поводъ къ фантастическимъ выдумкамъ и породили много слуховъ и преданій о томъ, какъ достался знаменитый алмазъ г. Лазареву. Одни утверждаютъ, будто алмазъ выкраденъ изъ казнохранилища Надиръ-шаха; другіе, будто онъ пріобрѣтенъ Лазаревымъ за безцѣнокъ отъ какого то незнавшаго ему цѣны человѣка; третіе, будто какой то Кавказскій житель, по порученію Лазарева, врѣзалъ драгоцѣнную вещь себѣ въ ногу и въ такомъ видѣ перенесъ ее изъ Индіи чрезъ Кавказскія горы и доставилъ въ Петербургъ и пр. По всюду въ Россіи разнеслась молва, что Лазаревы, столь извѣстные своею просвѣщенною благотворительностью, составили себѣ состояніе чрезъ продажу необыкновеннаго алмаза. Подлинныя, современныя бумаги, обязательно доставленныя намъ профессоромъ *Н. О. Эминымъ*, разъясняютъ дѣло. Извлекаемъ изъ этихъ бумагъ нижеслѣдующія показанія о драгоцѣнномъ алмазѣ.

Подлинное доношеніе астраханскаго мѣщанина Гилянчева тамошнему губернатору И. В. Якобію, 1778 года, свидѣтельствуетъ, что тесть его Гилянчева армянинъ *Григорій Сафразъ*, родомъ Жулфинецъ (въ Индіи), переѣхавшій въ Россію изъ Голландіи, купилъ „рѣдкую въ свѣтѣ вещь, алмазный камень дорогой цѣны", который вывезенъ имъ въ Россію и проданъ за 400 т. рублей. Сафразъ считался астраханскимъ купцомъ и состоялъ на дворянскомъ правѣ. Иванъ и Акимъ Лазаревы суть родные племянники его первой жены Сафаровой.

Изъ завѣщанія этого Сафраза 1771 г., написаннаго въ Петербургѣ, передъ поѣздкою въ Голландію, видно, что «Іоганъ Агазаръ, а по здѣшнему нарѣчію Иванъ Лазаревъ» былъ ювелиръ высочайшаго двора. Его и брата его Якима Сафразъ назначаетъ своими душеприкащиками, и проситъ, дабы «одинъ изъ нихъ или вообще оба, октября 1 дня 1767 года въ амстердамской банкъ мною для сохраненія за тремя печатми на красному воску положенной пакетъ, въ которомъ Остъ-Индіанскаго мину камень алмазъ, вѣсомъ въ семьсотъ семьдесятъ девять грановъ галанскихъ, находится. .... обратно требовали.»

«Въ 1772 года окт. 20 дня Григорій Сафразъ своего одного сто девяносто пяти кратнаго алмаза половинную часть продалъ мнѣ за сто двадцать пять тысячь рублевъ, и оной камень со стороны своей особою письменною довѣренностію оставленъ былъ отъ него у меня, чтобъ мнѣ стараться на общей счетъ продать и за расходомъ что̀ въ выручкѣ будетъ, ровною половиною намъ раздѣлить, какъ то въ 1774 году означенной одинъ алмазъ и проданъ отъ меня свѣтлѣйшему князю Орлову, въ семилѣтніе сроки, за четыреста тысячь рублевъ. И до продажи камня и въ теченіи пятилѣтняго времени на счетъ старанія о продажѣ онаго камня расходу издержано было одинадцать тысячь восемьсотъ рублевъ». Это писалъ И. Л. Лазаревъ въ С. Петербургѣ 1779 г. Сент. 1-го, въ одномъ изъ своихъ прошеній нашему правительству, по поводу раздѣла между наслѣдниками Сафраза.

ПИСЬМА КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ (*)

1. А. Ѳ. Мерзлякова.

Естьли бы мнѣ подражать твоей чрезмѣрной скупости на письма, то довольно бы было написать здѣсь: *si vales, bene est; ego valeo* (**): но я, братъ, не таковъ. Какъ скоро рука моя начала двигаться, какъ скоро могъ я взяться за перо, тотчасъ и писалъ къ тебѣ; а ты, по гордости ли, по лѣности ли, даришь меня одними приписками въ чужихъ письмахъ! Право, это грѣшно! неужели у тебя нѣтъ столько времени, чтобы написать мнѣ порядочную эпистолу? Но нынѣ дни прощенія; и я хочу наказать тебя по христіянски, то есть написать на цѣломъ поллистѣ!

Я уже похожу на здороваго, и забываю то время, когда готовился брызнуть въ Елисейскія. Сегодня или завтра переѣзжаю къ Воейкову; онъ нанимаетъ прекрасной домикъ, въ которомъ есть для меня двѣ комнаты; одну (свѣтлыя антресоли) назвалъ я *Емпиреемъ*, а другую *Храмомъ успокоенія*. Думаю, что жить будетъ хорошо. Воейковъ живетъ весело; есть излишки въ весельѣ; но онъ далъ мнѣ полную власть надъ собою. Я принялъ это на себя безъ робости. Я размыслилъ: кто надѣется со временемъ управлять ретивымъ, пылкимъ и упрямымъ конемъ Парнаса, тотъ можетъ управлять и Воейковымъ! Это сравненіе не должно быть грубо въ глазахъ человѣка, искуснаго въ древнемъ языкѣ (латинскомъ)! У Воейкова завелось много пріятелей; мнѣ хочется одному замѣнить ихъ всѣхъ;— и кажется это сдѣлаю! Тогда-то прославится еще разъ прошедшее наше собраніе, и произрастутъ новые, хотя и поздніе, плоды трудовъ его!

Вчера былъ въ концертѣ *Сандуновой*. Она пѣла, вмѣстѣ съ *Маджіорлетти*, прекрасно! Но это все Итальянское, слишкомъ мудреное. Послушаемъ Русскую пѣсню сочинен. бакалавра Мерзлякова (музыка Кашина). *Vivat* Sandunowa!

(Голосъ обыкновенный, я думаю, ты знаешь).

Я не думала ни очемъ въ свѣтѣ тужить,
Пришло время, начало сердце крушить;
Съ воздыханья бѣлой груди тяжело!
То ли въ свѣтѣ здѣсь любовью прослыло,—
Полюбивъ дружка, отъ горести изныть!
Кто по сердцу мнѣ, не смѣть того любить!
Злые люди все украдкою глядятъ,—
Меня дѣвушку заочно всѣ бранятъ!
Стану ль слушать пересудовъ я людскихъ?
Сердце любитъ, не спросясь людей чужихъ;
Сердце любитъ, не спросясь меня самой!
Вы уймитесь, злые люди, говорить!
Не уйметесь,— научите не любить!
Потужите лучше въ горѣ вы со мной!
Было время, и на васъ была бѣда;
Чье сердечко не болѣло никогда?
Всякъ извѣдалъ грусть-злодѣйку по себѣ;
Но не всякой, ахъ, жалѣетъ обо мнѣ!—
Что же дѣлать съ горемычной головой?
Куда спрятать сердце съ тяжкою тоской?
Другъ не знаетъ, что я плачусь на него.
Людямъ нужды нѣтъ до сердца моего!
Вы, забавушка при радости моей,
Цвѣты алые, поблекните скорѣй!
Васъ сердечными слезами оболью,
Вамъ однимъ скажу про горесть я свою:

(*) Читатели Русскаго Архива уже отчасти знаютъ, какого рода человѣкъ былъ А. И. Тургеневъ изъ писемъ его къ кн. П. А. Вяземскому (см. выше, стр. 250—254). Помѣщаемыя теперь письма къ нему также обнаруживаютъ значеніе этого достопамятнаго въ исторіи нашего образованія и гражданственности лица. Письма эти обязательно сообщилъ намъ *Иванъ Ѳедоровичь Золотаревъ*, находившійся издавна въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ А. И. Тургеневымъ и получившій ихъ отъ него въ подарокъ, въ подлинникахъ. *П. Б.*

(**) Т. е. : если ты здравствуешь, хорошо; я здравствую.

Какъ безъ солнушка не можно вамъ пробыть,
Мнѣ безъ милаго не можно больше жить!

Пѣсня принята хорошо; но эта честь или—на что слишкомъ унижать и себя?—самая большая часть этой чести принадлежитъ Кашину. Между тѣмъ въ академіи здѣшнихъ дураковъ идетъ вопросъ: *Какъ? Баккалавръ—и можетъ писать о любви?*

Ты любишь Русское, братъ! Посылаю къ тебѣ эту пѣсню, и ожидаю твоего мнѣнія. Я знаю, что иногда *бездѣлки* писать мудренѣе, нежели самое важное дѣло. Пѣсня писана слегка и не обработана; но она вышла въ люди, слѣд. я на нее потерялъ уже всѣ права отца и хозяина. Воззри на нее отеческимъ окомъ и скажи мнѣ, что̀ худо и слабо. Твой *Мерзляковъ*.

2. Н. И. Новикова.

Милостивый государь!
Александръ Ивановичь!

Иванъ Александровичъ Лихонинъ увѣдомилъ меня о исполненіи препорученія моего — поздравить васъ съ полученною высочайшею милостію, и притомъ увѣдомилъ меня и о благосклонномъ, искреннемъ и прямо дружескомъ вашемъ расположеніи ко мнѣ. Читая оное, я находилъ великое сходство характера и любезности вашей съ покойнымъ вашимъ родителемъ. Отъ искренняго сердца благодарю васъ за участіе, пріемлемое вами во всемъ до меня касающемся. Платить за все оное, кромѣ искренняго почтенія, уваженія и сердечной любви, ничѣмъ не могу.

Съ твердымъ упованіемъ на ваше ко мнѣ благорасположеніе, а наипаче на извѣстную мнѣ доброту сердца вашего, надежно препоручаю вамъ вручителя письма сего, внука моего Николая Михайловича Рябова, въ ваше покровительство. Покойной его отецъ былъ хорошимъ пріятелемъ покойному вашему родителю. Сей молодой человѣкъ имѣетъ хорошія свойства и способности, и можетъ быть годенъ къ дѣлу: онъ учился въ университетѣ и былъ въ тоже время въ пансіонѣ у добраго и честнаго профессора; а сверхъ того находился и подъ моимъ надзираніемъ, учился весьма прилежно и довольно изрядно, что̀ изволите усмотрѣть изъ его аттестата. Сего-то молодаго человѣка поручая вамъ, препокорнѣйше прошу оказать мнѣ чувствительное благодѣяніе, пристроивъ его стараніемъ вашимъ къ мѣстечку, или по вашему, или по министерству просвѣщенія. Зная близость вашу и короткость съ почтеннымъ начальникомъ вашимъ, я думаю, что вамъ легко это будетъ сдѣлать. Сверхъ того я покорнѣйше прошу не забывать его и наставленіями вашими, какъ человѣка молодаго, и еще въ мірской наукѣ не опытнаго, чѣмъ наичувствительнѣйше изволите меня обязать.

Почтенному и любезнѣйшему моему другу Николаю Михайловичу (*) потрудитесь засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе и сердечную любовь; а при томъ и попенять ему, что онъ меня совсѣмъ забылъ.

Впрочемъ поручая себѣ благосклонному вашему расположенію ко мнѣ, пребуду всегда съ искреннимъ и сердечнымъ почтеніемъ и любовію, милостивый государь, вашего превосходительства, покорнѣйшимъ слугою.

Н. Новиковъ (**).

1-го декабря,
1816 года.

(*) Карамзину.

(**) Только подпись собственноручная — старческимъ, дрожащимъ почеркомъ. Писано за полтора года до кончины.

3. В. А. Жуковскаго.

Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me!

Въ день счастья вспомнить о тебѣ?
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ поручать судьбѣ
Священное воспоминанье?
Когда бъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрялась
И имъ лишь въ сердцѣ оживлялась,
Сколь бѣденъ ею былъ бы я!
Нѣтъ! нѣтъ! мой братъ, мой другъ-хранитель!
Воспоминаніемъ инымъ
Плачу тебѣ! Я *вѣчно* съ нимъ!
Оно мой лучшій утѣшитель!
Во дни печали ты со мной!
И ободряемый тобой,
Еще я жизнь не презиралъ!
Ты судія избранный мной!....
О! что бы ни было...... я знаю,
Гдѣ мнѣ прибѣжище обрѣсть,
Куда любовь свою принесть,
И *гдѣ* любовь не измѣнится,
И *гдѣ* нѣжнѣйшее хранится
Участіе къ судьбѣ моей!
Дождусь иль нѣтъ *счастливыхъ дней*
О томъ, мой милый братъ, ни слова!
Какимъ бы я ни шелъ путемъ —
Все ты мнѣ геніемъ-вождемъ!
Со мной до камня гробовова
Не измѣнясь, другъ, иди!
Одна мольба: не упреди!

Вотъ тебѣ отвѣтъ на твои два итальянскіе стиха, которыхъ всю цѣну и все значеніе понимаю и чувствую. Не думаю однако, чтобы когда нибудь удалось по нимъ исполнить. Но ты отъ этого ничего не потеряешь. Воейковъ польстилъ мнѣ надеждою, что ты соберешься ко мнѣ. Не вѣрю. То что̀ я писалъ къ тебѣ въ одномъ изъ моихъ писемъ о неисполненіи по его желанію относительно до профессорства, есть шутка. Но онъ безпокоился, чтобы ты шутки не принялъ за дѣло. И такъ эта просьба должна быть оставлена безъ вниманія. Не забудь о Гаспари, Астраковѣ и François. Люблю тебя и обнимаю.

Твой навсегда *Жуковскій.*

Мое усердное почтеніе С. С. Уварову. Онъ какъ будто обѣщался мнѣ англійскихъ книгъ W. Scott etc. etc. Нельзя ли ему напомнить? Скоро будетъ отъ меня къ нему цидула. Дашкова обнимаю и буду къ нему писать.

Приписка Воейкова.

Я въ Муратовѣ; я съ Жуковскимъ— достальное можешь добавить воображеніемъ! Ты, считая Жук. новымъ Мессіею, и шутку его можешь почесть за правду; и для того я заставилъ его написать, что его ополченіе противъ профессорства моего была галиматья, бредъ въ горячкѣ, что́ и Орловской медицынскій факультетъ свидѣтельствуетъ. Прощай, отъ сердца благодарю тебя за золотыя минуты, которыя провелъ съ тобою въ Петербургѣ. Ты мой родной, нашъ родной, нашъ поддѣвическій. И въ шумѣ свѣта, и при дворѣ ты уберегъ свое сердце — чистое, доброе, благодѣтельное, полное жара дружества. О, я прекрасно сдѣлалъ съѣздивши въ Петербургъ. Я тебя видѣлъ, и видѣлъ не такимъ, какимъ представляли тебя люди посторонніе и близорукіе. Я разскажу Жуковскому всѣ твои шалости, всѣ глупости, и не буду за тебя краснѣть. Жаль, что ты поздно началъ бѣситься, а то теперь ты перебѣсился бы какъ я, и сдѣлался бы смиреннымъ, скупымъ и постояннымъ какъ твой

Воейковъ.

Адресъ: Его Высокородію, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу, въ Санктпетербургѣ, господину директору департамента иностранныхъ исповѣданій, близь Семіоновскаго моста, противъ Михаиловскаго замка.

4. К. Н. Батюшкова.

Къ Творцу Исторіи Государства Россійскаго.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ исторіи читалъ
Какъ Грекъ разилъ вождей Азійскихъ,
И силы гордыхъ сокрушилъ:
Народъ, любитель шумной славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ, и весь вниманье былъ.
Но въ сей толпѣ многонародной,
Какъ старца слушалъ Ѳукидидъ,—
Любимый отрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждою внималъ
Отцовъ дѣянья знамениты,
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!
И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи.....
Пускай талантъ не мой удѣлъ!
Но я для Музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное, и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

Хорошо ли? скажите. Чувствомъ удивленія лечу мою жолчь. Не давайте никому этой бездѣлки; если понравится, то можно напечатать въ *Сынѣ* Гречевомъ. Въ три часа буду дома. Заѣзжайте за мною къ Плещею. (*)

Никто не заикнется, что читалъ исторію! Я читалъ ее, и говорю, хотя въ дурныхъ стихахъ. Это право изъ души вылилось. Но если худо — въ огонь!

5. Канцлера графа Н. П. Румянцева.

Гомель 20 Сентября 1815 года.

Милостивый Государь мой Александръ Ивановичь.

Благодарю васъ за письмо, какововымъ меня удостоить изволили, и за успѣхъ вашего по моей просьбѣ ходатайства въ пользу здѣшняго католическаго священника. Пріимите окончательно, милостивый государь мой, на себя трудъ доставить здѣсь приложенное, о томъ же дѣлѣ, письменное мое благодареніе митрополиту Сестринцевичу.

Мнѣ въ Гомелѣ жить хорошо, но сожалѣю, что онъ меня съ вами разлучилъ; я привыкъ къ бесѣдѣ вашей и находилъ въ пей обхожденіе пріятное при многомъ просвѣщеніи. Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ, милостивый государь мой, покорнѣйшій слуга Графъ *Николай Румянцевъ.*

При этомъ письмѣ въ бумагахъ А. И. Тургенева сохранилось слѣдующее четверостишіе

Къ портрету канцлера.

Какъ онъ счастливъ! для славы только дышетъ,
Рукою щедрою льетъ музамъ серебро;
Лишь мыслитъ о добрѣ, лишь дѣлаетъ добро,
И наши глупости хоть видитъ, да не слышитъ (*).

6. А. С. Пушкина.

1 Декабря (1823).

Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ Сынѣ От. поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе и дружеское попеченіе, которому обязанъ я перемѣною своей судьбы. Надобно, подобно мнѣ, провести 3 года въ душномъ Азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать цѣну и невольнаго Европейскаго воздуха. Те-

(*) Т. е. къ А. А. Плещееву.

(*) Извѣстно, что канцлеръ Румянцовъ въ послѣдніе лѣтъ десять своей жизни почти совершенно лишенъ былъ слуха.

перь мнѣ было бы совершенно хорошо, еслибъ не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня: я сталъ скученъ, какъ Грибко и благоразуменъ, какъ Чеботаревъ.

Изчезла прежняя живость.
Простите-ль иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе?.. Терпите, о друзья,
Терпите казнь за то, что къ вамъ привязанъ я.

Къ стати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть N. Она не хороша; вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ(*).

Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Ты Рускому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года. Впрочемъ это мой послѣдній либеральный бредъ; я закаялся, и написалъ на дняхъ подражаніе басни умѣреннаго Демокрита.

(Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя)
Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя.
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды....
Паситесь, мирные народы!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичь.

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то, что вы успокоили меня на счетъ Н. М. и К. А. К.—Но что дѣлаетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, Анти-Польская, небесная княгиня Голицына? Возможно ли, чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ.

Жуковскому грѣхъ; чѣмъ я хуже принц. Шарлотты, что онъ мнѣ и строчки въ 3 года не напишетъ. Правда ли что онъ переводитъ *Гяура*? А я на досугѣ пишу новую поэму, *Евгеній Онѣгинъ*, гдѣ захлебываюсь желчью. Двѣ пѣсни уже готовы.

(*) И такъ далѣе, какъ въ печатномъ, до словъ *ихъ цѣпи*.

7. Н. М. Карамзина.

Царское Село 20 сент. 1824.

Любезнѣйшій другъ!

Сердечно благодарю за дружеское, *Московское* письмо. Мы какъ будто еще смотримъ другъ на друга, хотя и разстались. Мнѣ извѣстно все вокругъ васъ, вамъ извѣстно все вокругъ насъ. Понимаю ваше удовольствіе быть въ моей старой, доброй Москвѣ. Люблю ее какъ душу, хотя и не смѣю сказать, чтобы я желалъ теперь возвратиться въ ея бѣлокаменныя стѣны: лѣнь пятидесяти-осьми годовъ, а еще болѣе сыновья подрастающіе привязываютъ меня къ игрушкѣ Петра Великаго: Впрочемъ знаете философію моего сердца: «да будетъ воля Божія!» Къ тому же кладбища Московскія нравятся мнѣ болѣе Петербургскихъ. Sat. Мнѣ странно, когда вы говорите о какой-то благодарности: можете благодарить развѣ только за доброе намѣреніе, а за любовь не благодарятъ: это чувство независимое, и между нами, какъ надѣюсь, взаимное; если за него кла-

няться, то мы, подобно двумъ мандаринамъ, не кончимъ своихъ взаимныхъ поклоновъ. Поцѣлуйте за меня ручку у своей матушки, которая всегда была ко мнѣ милостива: прошу Бога объ ея здоровьѣ. А теперь начну бранить васъ нещадно: какъ можно было взвести на меня небылицу? Сказать Ивану Ивановичу (*), будто бы вы, уже мѣсяца за три передъ симъ, отдали мнѣ Маржерета для пересылки къ нему? Не я ваше, а вы мое обыкновенно пересылали въ Москву. Вашъ Маржеретъ изъ моихъ рукъ былъ въ рукахъ у Лаваль и къ вамъ возвратился: болѣе ничего не знаю, и прошу примирить двухъ старыхъ друзей искреннею повинною въ шалости вашего воображенія. Мы, слава Богу! почти совсѣмъ здоровы. Катенька страдала зубами, а я отъ времени до времени ими же страдаю, напримѣръ, теперь; но это не мѣшаетъ мнѣ къ вамъ писать.

Сей часъ получены какія-то сласти: вѣрно, отъ васъ, сладкаго любовію къ намъ. И за то спасибо.

Не забудьте же возвратиться въ Петербургъ, и при томъ во время.

Обнимаю васъ нѣжно. Навѣки вашъ

Н. Карамзинъ.

(*) Дмитріеву.

ДВА АНЕКДОТА о ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

I.

Бывшій оберъ-секретарь Сената Карлъ Ивановичь Северинъ имѣлъ счастіе являться къ императрицѣ съ портфелемъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, а потому сдѣлался извѣстнымъ великой монархинѣ. Однажды, въ ненастное время, Северинъ проходилъ по дворцовой набережной подъ зонтикомъ. Замѣтивъ это, императрица спросила у находившейся при ней, въ это время, особы: „Кажется это сенатскій чиновникъ идетъ пѣшкомъ, и въ такую ненастную погогу?“ Ее увѣдомили, что это честнѣйшій оберъ-секретарь Сената, который и экипажа не имѣетъ. Въ тотъ же вечеръ, Северинъ былъ въ Англійскомъ клубѣ; вдругъ служитель докладываетъ ему, что его спрашиваетъ присланный изъ дворца; онъ отвѣчалъ, что во дворцѣ ни съ кѣмъ не имѣетъ знакомства. Получивъ о томъ повтореніе, выходитъ въ комнату, и встрѣчаетъ камеръ-гофъ-фурьера, который подаетъ, на его имя, пакетъ съ надписью: „Нашему оберъ-секретарю Сената Северину, 5000 рублей, на экипажъ“.

II.

Въ 1789 году, въ маѣ, послѣ знаменитаго двухъ-суточнаго морскаго боя адмирала Круза у Красной горки, Екатеринѣ великой угодно было немедленно прибыть въ Кронштатъ для обозрѣнія укрѣпленій. Возвратившись въ домъ главнаго командира адмирала Пущина, она спросила, нѣтъ ли здѣсь кого изъ офицеровъ, служившихъ при адмиралѣ Грейгѣ? Ей представленъ былъ контръ-адмиралъ Одинцовъ. Государыня много говорила съ нимъ о состояніи непріятельскаго, Шведскаго флота. Одинцовъ, вынувъ изъ кармана грошъ, сказалъ государынѣ, что Шведскій флотъ не стоитъ этого, и, къ удивленію великой, умѣлъ доказать, что онъ мыслитъ такъ безошибочно. Во все время пребыванія императрицы въ Кронштатѣ, Одинцовъ былъ ея собесѣдникомъ, и при отъѣздѣ своемъ, государыня сказала ему: „По увѣреніямъ твоимъ, Астафій Степановичъ, я буду спокойно спать“. Чрезъ два дня изъ Петергофа, Одинцовъ получилъ табакерку съ червонцами и надписью: „Нашему контръ-адмиралу Одинцову съ грошами“. Табакерку эту я самъ видѣлъ.

(Изъ Записной Книжки М. М. Евреинова).

ПОПРАВКИ.

Выше на стр. 378-й вкралась съ нашей стороны грубая ошибка: М. К. Лунинъ не могъ быть крестникомъ Петра II-го; но сынъ его Александръ Михаиловичь, дѣйствовавшій такъ успѣшно противъ мнимаго Петра III-го, былъ крестникомъ дѣйствительнаго императора этого имени.

Посылая противъ Пугачева начальникомъ Секретной Слѣдственной комиссіи *А. М. Лунина*, императрица Екатерина могла имѣть въ виду, кромѣ его распорядительности и точности въ дѣлахъ, засвидѣтельствованной еще въ Польшѣ, и то обстоятельство, что онъ былъ *крестникъ покойнаго императора Петра Третьяго*.

Напечатанная выше (стр. 273—284) статья: „Ссылка графа Санти" принадлежитъ *С. Н. Шубинскому*, о чемъ по недосмотру не было упомянуто при самой статьѣ.

Опечатки: стр. 340, строка 17 сверху *разъ* вмѣсто *рат*. Стр. 444, строка 18 сверху *іюня* вмѣсто *іюля*.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1863 ГОДА.

Путешествіе старообрядца Московскаго священника Іоанна Лукьянова въ Святую землю, при Петрѣ Великомъ.

А. Д. Чертковъ и его библіотека.

Сказка о Шибаршѣ съ замѣткою *Ил. В. Бѣляева.*

Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго.

Замѣчательный портретъ патріарха Филарета. *Я. Н. Яковлева.*

Разсказъ Петра Великаго о Никонѣ, съ примѣч. *П. Алексѣева.*

О зачатіи и зданіи Петербурга.

Старинная пѣсня, съ нотами и замѣткой кн. *В. Ѳ. Одоевскаго.*

Пункты о Петергофѣ, *Петра Великаго.*

Прошеніе о титулѣ гр. *П. М. Апраксина* и рѣшеніе Петра Великаго.

Письмо *Ѳеофана Прокоповича* къ имп. Аннѣ, въ защиту православныхъ Славянъ.

Письмо *принца Августа* съ замѣчаніями гр. *Бестужева* и имп. *Елизаветы.*

Письмо гр. *М П. Бестужева-Рюмина* къ И. И. Шувалову.

Нравственные идеалы Екатерины II.

Двѣ замѣтки Екатерины II (о предсмертныхъ мысляхъ имп. Елизаветы и о женитьбѣ в. к. Константина Павловича).

Филологическія занятія Екатерины II.

Письма Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву, числомъ 167.

Планъ романа изъ жизни Мировича, *Г. Ѳ. Квитки (Основьяненка).*

О книгѣ Сабатье де-Кабра Catherine II.

Описаніе Московскаго бунта 1771 г. *П. Алексѣева.*

Изъ розыскнаго дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ".

Записки *В. В. Пассека*, сочиненныя въ Санктпетербургской градской тюрьмѣ.

Семь писемъ имп. *Александра Павловича* къ Державину.

Письма гр. *Ѳ. В. Ростопчина* къ Д. П. Киселеву.

Письмо *Адама Чарторижскаго* объ его отношеніяхъ къ имп. Александру I, съ объяснительною замѣткою *Н. В. Сушкова.*

Письмо *В. С. Ланскаго* къ имп. Александру I о Польшѣ.

Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ.

Разсказъ *А. С. Пушкина* о посѣщеніи Ермолова.

Городъ Кишеневъ, стих—іе *А. С. Пушкина.*

Письмо *И. Н. Инзова* о Пушкинѣ къ К. Я. Булгакову.

Письмо *В. А. Жуковскаго* объ его крѣпостныхъ людяхъ.

Три стихотворенія *А. С. Хомякова.*

9 писемъ *М. Ю. Лермонтова*, съ треня новыми стихотвореніями.

Разсказъ *Н. В. Шеншина* о поѣздкахъ его на Аландскіе острова

Указатель замѣчательнѣйшихъ статей въ Русскомъ Вѣстникѣ. 1856—1864.

Указатель (полный) къ Русской Бесѣдѣ 1856—1860.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1866.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Это историко-литературное изданіе, выходящее ежемѣсячно въ Москвѣ, при Чертковской библіотекѣ, посвящено *преимущественно* ближайшей къ намъ старинѣ (XVIII и XIX вѣкамъ).

Къ первому выпуску Русскаго Архива за нынѣшній годъ прилагается и выдается всѣмъ подписчикамъ большой фотографическій портретъ имп. Екатерины II й въ траурномъ одѣяніи по имп. Елизаветѣ Петровнѣ, современной работы академика Чемесова.

Подписная цѣна за **12** выпусковъ (съ портретомъ) въ Москвѣ и Петербургѣ ПЯТЬ рублей; съ пересылкою и доставкою ШЕСТЬ р. с. Подписка принимается *въ Москвѣ* въ Чертковской библіотекѣ и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ И. В Базунова на Страстномъ бульварѣ въ домѣ Загряжскаго; *въ Петербургѣ* — на Невскомъ проспектѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ Базунова, къ коему исключительно обращаются за Русскимъ Архивомъ всѣхъ четырехъ годовъ гг Петербургскіе книгопродавцы.

Выписывающіе въ чужіе края платятъ за Русскій Архивъ:

Въ Германію 6 р. 75 к.
Во Францію 7 р.
Въ Англію 7 р. 50 к.
Въ Швейцарію и Италію 8 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ**

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ домъ Мипаковой.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

5. ПРИ 1866.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Грачева и Комп.

1866.

ЦАРСТВОВАНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ (*).

О мнѣніяхъ и взглядахъ, которые (къ исходу царствованія Анны) господствовали при Петербургскомъ дворѣ и между Русскими людьми, относительно того, какой политики должна держаться Россія, свидѣтельствуетъ (иностранный агентъ) Сумъ въ любопытномъ донесеніи своемъ отъ 20 іюля 1739 года. „Двору этому — говоритъ онъ — самыя прямыя выгоды его предписываютъ, сколько возможно, принимать участіе въ общихъ Европейскихъ дѣлахъ, и не только для того, чтобы усиливать свой вѣсъ и свое значеніе въ иностранныхъ государствахъ и сдѣлаться для нихъ необходимымъ, но и главнѣйше для того, чтобы поддерживать и питать воинственный духъ народа: война служитъ лучшею школою для Русскаго офицера. Самъ народъ не признаётъ, впрочемъ, этой необходимости и вмѣсто того, чтобы сосредоточивать свои силы для славы государства, предпочелъ бы возвратиться къ прежнему варварству и бездѣятельному спокойствію, изъ котораго Петръ I насильно вызвалъ его. Но такъ какъ здѣсь все зависитъ отъ воли одного человѣка, то я думаю, что интересы народа, опредѣляемые этою единою волею, и впредь будутъ заявлять себя на томъ же пути, который проложилъ Петръ I. Равнымъ образомъ и лица, стоящія во главѣ управленія, прежде всего имѣютъ въ виду славу государства и императрицы; только они, повидимому, различнаго мнѣнія относительно способовъ, какими слѣдуетъ достигать этой цѣли. Я убѣжденъ, что, по окончаніи войны съ Турками, герцогъ Курляндскій будетъ говорить, что государству слѣдуетъ дать отдыхъ; что вмѣшиваться въ Европейскія дѣла не нужно болѣе, чѣмъ того требуютъ заключенныя обязательства относительно поданія помощи союзнымъ державамъ; что не слѣдуетъ принимать участіе ни въ какой общей войнѣ, развѣ если бы Россія была напередъ увѣрена въ величайшихъ отъ того для себя выгодахъ. Иначе думаетъ графъ Остерманъ: ему, напротивъ, кажется нужнымъ, чтобы государство это постоянно было занято войною: ибо, хотя онъ, лично, необходимъ для страны во всякое время, но эта необходимость его менѣе очевидна въ пору глубокаго мира, когда нѣтъ опасности на лицо, и она не бросается въ глаза. Шведы подали ему поводъ къ новымъ предположеніямъ войны, и онъ не упуститъ случая воспользоваться этимъ какъ удобнымъ предлогомъ; по крайней мѣрѣ онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей: „надѣюсь, что еще до моей смерти Шведамъ придется поплатиться за оскорбленія, причиненныя Россіи.“ Фельдмаршалъ Минихъ будетъ всѣми силами поддерживать его въ этомъ намѣреніи, хотя они, впрочемъ, вовсе не въ хорошихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ. Вліяніе герцога могло бы пересилить, но вѣроятно онъ не будетъ сопротивляться слишкомъ упорно. Изъ этого я заключаю, что, если въ нынѣшнемъ году будетъ заключенъ миръ съ Турками, то на слѣдующій годъ станутъ приготовляться къ походу противъ Швеціи, дабы отмстить ей за ея враждебныя намѣренія. Я думаю, что это такъ; тѣмъ болѣе, что для Россіи повидимому вовсе не трудно ограничить Шведскіе предѣлы противоположными берегами Ботническаго залива, чрезъ что, кромѣ важнаго пріобрѣтенія Шведской Финляндіи, она достигла бы въ будущемъ, въ случаѣ стѣснительныхъ обстоятельствъ, еще гораздо важнѣйшей выгоды, именно—бóльшей безопасности относительно внезап-

(*) См. выше, стр. 1—38 и 137—171.

наго нападенія со стороны Швеціи. Работы по укрѣпленію Выборга, Кексгольма, Нарвы, Ревеля, Пернавы и Риги продолжаются съ большими издержками; наполняютъ магазины и собираютъ въ большемъ количествѣ военные припасы всякаго рода. Даже галеры снова приводятся въ исправность, хотя всѣ убѣждены, что Швеція рѣшительно покинула намѣреніе нападать на Россію.—И такъ очевидно, что все случившееся тамъ на сеймѣ можетъ послужить предлогомъ и оправданіемъ этихъ воинскихъ приготовленій".

И въ самомъ дѣлѣ, эти приготовленія задумывались такъ широко и сопровождались такими непріязненными мѣрами, нарушавшими даже международное право, что мы должны коснуться здѣсь исторіи Русскаго вліянія въ Швеціи, хотя дальнѣйшія, проистекшія отъ того, событія и начало войны послѣдовали лишь по смерти императрицы Анны.

Послѣ кончины Карла XII, въ Швеціи правила не сестра его, Ульрика Элеонора, и не мужъ ея, которымъ чины въ сущности предоставили не много болѣе королевскаго титула, но власть находилась въ рукахъ дворянства, и, чтобы удержать за собою эту власть, знатнѣйшіе роды продавали благостояніе отечества то за французскія, то за русскія деньги.

Уже въ 1735 Петербургскій кабинетъ, дабы помѣшать усиліямъ Франціи и въ теченіи предстоявшей турецкой войны оградить себя съ сѣвера, предложилъ, подъ выгодными условіями, шведскому двору возобновленіе союза, заключеннаго въ февр. 1724 на двѣнадцать лѣтъ. Отдѣльною статьею Россія, сверхъ того, обязывалась взять на себя достальную уплату займа, который былъ сдѣланъ Карломъ XII въ 1702 году въ Голландіи. Но еще болѣе выгодныя условія предлагала Шведамъ въ это время и Турція съ тѣмъ, чтобы заключить союзъ противъ Россіи; но эти предложенія были сообщены государственному совѣту (рикскрату) членами (иностранной) канцеляріи уже послѣ того, какъ совѣтъ далъ (15 августа 1735) свое согласіе на возобновленіе союза съ Россіею. — Россія была обязана этимъ успѣхомъ побѣдѣ сторонниковъ Горна надъ сторонниками Гилленборга; но сіи послѣдніе, въ союзѣ съ Франціей, не щадили усилій, чтобы снова одержать верхъ. Отказъ Франціи платить денежную помощь, обѣщанную въ прошедшемъ году (1734), болѣзненно отозвался въ Швеціи. Многочисленное бѣдное дворянство, изъ среды котораго многіе служили во французской арміи, это дворянство разсчитывало единственно на то, чтобы сдѣлать свое счастіе во время войны; люди эти, равно какъ и гвардейскіе офицеры въ Стокгольмѣ, громко порицавшіе миролюбіе короля и его министровъ, усиливали сторону Гилленборга, главнѣйшими предводителями которой были генералъ Левенгауптъ и графъ Тессинъ. Сей послѣдній, занимая должность интенданта королевскаго дома, находился въ личной враждѣ съ Горномъ. Его-то выбрало дворянство своимъ предводителемъ, не смотря на все противодѣйствіе двора. Продолжительный сеймъ, съ 1738 на 1739, произвелъ совершенный переворотъ во внутреннихъ отношеніяхъ. Секретная комиссія, состоявшая почти исключительно изъ приверженцевъ Гилленборга, довела дѣло до того, что заслуженный графъ Горнъ самъ сложилъ съ себя всѣ свои должности, а всѣ совѣтники риксрата, вступившіе въ 1727 въ сенатъ, получили увольненіе отъ государственныхъ чиновъ, и на мѣсто ихъ назначались исключительно приверженцы Гилленборга. Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ новое министерство заключило съ Фран-

цiей на десять лѣтъ трактатъ относительно денежныхъ вспомоществованiй (субсидiй). Совѣты болѣе умѣренныхъ людей, которые указывали на необдуманное усложненiе дѣлъ и на опасность оскорбить могущественную Россiю, отвергались съ насмѣшками. Въ это время, при крайне раздраженномъ настроенiи Шведскаго народа, произошло событiе, которое сдѣлало разрывъ неизбѣжнымъ...

Русскiй посланникъ въ Стокгольмѣ, Бестужевъ ([59]) уже въ теченiи довольно долгаго времени подозрительно наблюдалъ за дѣйствiями Шведовъ, враждебными его правительству. Отъ него не скрылось, что изъ Стокгольма снова старались завязать тайныя сношенiя съ Константинопольскимъ диваномъ. Когда, въ августѣ 1737 г., майоръ Малькольмъ Синклеръ уѣзжалъ изъ Стокгольма съ секретными порученiями, Бестужевъ употребилъ всѣ возможныя старанiя, чтобы узнать ближайшую цѣль его поѣздки. Онъ зналъ, что Синклеръ получилъ неискоренимую ненависть къ Россiи въ теченiи своего трехлѣтняго плѣна въ Сибири, куда закинула его, вмѣстѣ со многими товарищами, роковая битва при Полтавѣ. Этого было достаточно Бестужеву. Посредствомъ подкупа и ласкательствъ онъ досталъ копiю съ портрета Синклерова, оставшагося въ квартирѣ послѣдняго, и послалъ ее въ Петербургъ, для того чтобы посредствомъ ея распространенiя дать русскимъ соглядатаямъ возможность къ дальнѣйшему преслѣдованiю Синклера, гдѣбы его ни встрѣтили ([60]). Порученiе Синклера на этотъ разъ, повидимому, ограничивалось тѣмъ, чтобы возбудить Поляковъ противъ Россiи; но въ слѣдующемъ году Бестужевъ узналъ ([61]), что тотъ же самый шведскiй тайный агентъ собирается въ новое путешествiе, чтобы отвезти въ Хотинъ для дальнѣйшаго отправленiя ратификацiю заключенной въ Константинополѣ (съ Швецiею) конвенцiи. Тогда онъ обратился къ саксонскому резиденту въ Стокгольмѣ, Вальтеру, съ просьбою, чтобы правительство короля Августа III задержало майора Синклера во время проѣзда его черезъ Польшу; потомъ стоило-бы только распустить слухъ, что онъ попалъ въ руки гайдамаковъ и что его участь неизвѣстна. Такимъ образомъ, можетъ, удалось-бы обнаружить всѣ сношенiя между Швецiею и Портою ([62]). Подобнаго рода требованiя нерѣдко предъявлялъ и въ Дрезденѣ русскiй посланникъ Кейзерлингъ. Когда узнали, что Синклеръ, счастливо миновавъ всѣ преслѣдованiя, прибылъ между тѣмъ въ Константинополь, и собирается отправиться оттуда въ обратный путь чрезъ Польшу, то не только Дрезденскiй, но и Вѣнскiй кабинетъ изъявили готовность оказать содѣйствiе замыслу Бестужева. Русскимъ офицерамъ, полковнику Кутлеру и лейтенанту Левицкому, на которыхъ было возложено порученiе преслѣдовать Синклера, дали въ Варшавѣ необходимые для этой цѣли польскiе паспорты ([63]), а австрiйское начальство въ Бреславлѣ уполномочило ихъ преслѣдовать Синклера и его спутника Кутюрье, посредствомъ секретныхъ предписанiй о поимкѣ ([64]). Въ тотъ же день (16 iюня) майора Синклера, за которымъ уже слѣдили въ его переѣздъ черезъ всю Польшу, безпрепятственно допусти-

([59]) Михаилъ Петровичъ. Очеркъ его жизни и его письма помѣщены въ Р. Архивѣ 1863 г.

([60]) Донесенiе отъ 22 ноября 1737.

([61]) Донесенiе отъ 8 iюля 1738.

([62]) Донесенiе отъ 18 августа 1738.

([63]) Донесенiе отъ 13 iюня 1739.

([64]) Приказъ оберъ-амта въ Бреславлѣ отъ 16 iюня 1739 года.

ли продолжать путешествіе изъ Бреславля вмѣстѣ съ его спутникомъ, французскимъ купцомъ Кутюрье. За тѣмъ Русскіе офицеры догнали его верхами, подъ прикрытіемъ семи человѣкъ, по близости Грюнеберга. Но, не рѣшась напасть на него въ этомъ мѣстѣ, они слѣдовали за нимъ по дорогѣ изъ Христіанштадта, лежащаго на саксонской землѣ. Внезапно они окружили путниковъ. Одинъ изъ офицеровъ, довольно хорошо говорившій по французски, обратился къ майору съ вопросомъ, не называется-ли онъ Синклеромъ. На утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ, что имѣетъ приказаніе арестовать ихъ. Вслѣдъ затѣмъ ихъ принудили идти въ глубину лѣса, лежавшаго не подалеку отъ дороги. Начался осмотръ вещей и бумагъ Синклера. Кутюрье долженъ былъ отойти въ сторону. Вдругъ онъ услышалъ пистолетный выстрѣлъ, потомъ глухой шумъ и послѣднія слова умирающаго Синклера: „Іисусе Боже мой!“ Остобенѣвшій отъ страха Кутюрье былъ снова посаженъ неизвѣстными ему людьми въ почтовую повозку. Въ Дрезденѣ остановились на день. Оттуда онъ былъ отправленъ въ Зонненштейнъ по требованію русскаго посланника, барона Кейзерлинга ([65]). Съ него взяли клятву въ неизмѣнномъ молчаніи на счетъ случившагося; но нашли нужнымъ, быть можетъ, не столько изъ вниманія къ его невинности, сколько потому, что онъ былъ французскій подданный, возвратить ему свободу и дать ему денежное вознагражденіе за вынесенныя имъ безпокойства.

Тѣ, которые послѣ убійцъ Синклера имѣли наибольшее участіе въ этомъ неслыханномъ злодѣяніи, постарались послѣ того какъ преступленіе было совершено, выгородить себя отъ всякаго соучастія, посредствомъ вымышленныхъ извѣстій. Баронъ Кейзерлингъ и графъ Брюль хотѣли увѣрить Петербургъ, что приказъ относительно преслѣдованія Синклера шелъ отъ фельдмаршала Миниха ([66]), хотя и тотъ и другой слѣдовали лишь указаніямъ Бирона.—Остерманъ былъ чрезвычайно пораженъ извѣстіемъ объ этомъ „негодномъ поступкѣ,“ и выразился, что онъ отъ всего сердца желалъ бы Синклеру вмѣстѣ со всѣми его бумагами безпрепятственно доѣхать до Стокгольма, лишь бы не прибѣгать для полученія этихъ бумагъ къ такимъ средствамъ, и что остается теперь только одно,—совершенно отречься съ русской стороны отъ всякаго участія въ этомъ событіи ([67]).

Кутюрье выѣхалъ 16 августа изъ Дрездена въ свитѣ и подъ защитою графа Морица Саксонскаго и прямо отправился въ Стокгольмъ, гдѣ подробно передалъ все что̀ зналъ. Бумаги, отнятыя у Синклера, безъ сомнѣнія уже послѣ того какъ русскіе уполномоченные познакомились съ ихъ содержаніемъ, были, по истеченіи нѣкотораго времени, отосланы къ Шведскому государственному канцлеру, графу фонъ Гилленборгу, съ гамбургскою почтою, въ запечатанномъ и повидимому не тронутомъ пакетѣ.

Въ отвѣтъ на жалобы, раздавшіяся по поводу этого убійства, графъ Остерманъ отъ $^{14}/_{25}$ іюля, отъ имени императрицы Анны, разослалъ ко всѣмъ иностраннымъ министрамъ циркуляръ, въ которомъ императрица своимъ царскимъ словомъ утверждала, что это событіе произошло безъ ея вѣдома и воли ([68]);

([65]) Протоколъ допроса, снятаго съ Кутюрье, 22 іюня 1739 года.

([66]) Письмо Брюля отъ 23 іюня 1739.

([67]) Донесеніе Сума отъ 7 іюля 1739.

([68]) См. ниже стр. 678. И дѣйствительно, какъ оказывается изъ вышеизложеннаго, убійство Синклера было прежде всего дѣломъ М. П. Бестужева и министерствъ Вѣнскаго и Дрезденскаго.

убійцы-же, для того, чтобы они не могли выдать тайну, были отправлены въ Сибирь, гдѣ они должны были страдать въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока императрица Елизавета не разрѣшила имъ снова вступить въ военную службу внутри государства.

Лица, стоявшія въ главѣ русскаго правительства, прежде всего озаботились, чтобы Швеція не объявила себѣ противъ Россіи до окончанія турецкой войны. Теперь же во всемъ Шведскомъ государствѣ раздался крикъ о мщеніи. Приверженцы Франціи, или партія шляпъ, употребляли всѣ усилія, чтобы раздуть старую народную вражду противъ Россіи и довести ее до бѣшеной страсти. Въ концѣ 1739 въ Финляндію уже были отправлены войска и сдѣланы всѣ приготовленія къ нападенію; оборонительный союзъ съ Портою былъ заключенъ 22 декабря 1739. Но только что возобновленный миръ между сею послѣднею и Россіею и настоятельныя предостереженія Франціи, которая въ эту минуту не могла извлечь никакихъ выгодъ изъ столкновеній своей новой союзницы, отсрочили войну еще до 1741 года. — Съ другой стороны и Россія имѣла въ это время достаточно домашнихъ заботъ, отъ которыхъ слѣдовало избавиться прежде, чѣмъ предпринять что нибудь новое извнѣ. Въ широкихъ предѣлахъ этого государства не мало находилось людей, желавшихъ ниспровергнуть порядокъ вещей, установленный правительствомъ императрицы Анны; и, хотя часто къ осужденію вела не подлинная вина, а лишь ложное подозрѣніе, тѣмъ не менѣе, грубые элементы старой Руси были дѣйствительно еще такъ мало подавлены, что постоянно и неожиданно пытались снова разорвать наложенныя на нихъ стѣснительныя оковы государственнаго быта. Такъ, между прочимъ, въ 1733 году, губернаторъ Смоленскій, князь Черкасскій, двоюродный братъ кабинетсъ-министра кн. Черкасскаго, былъ обвиненъ въ проискахъ, опасныхъ для государства и какъ-бы имѣвшихъ цѣлью ниспроверженіе существовавшаго правительства и возведеніе на престолъ юнаго герцога Голштинскаго. Его въ цѣпяхъ привезли въ Петербургъ. Наряжено слѣдствіе, и оказалось что, по русскому праву, не только онъ самъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но и семейство его присудили къ ссылкѣ. Однако императрица, по словамъ донесенія, которымъ мы пользуемся, „съ *обычнымъ великодушіемъ* милостиво изволила повелѣть,“ чтобы князь Черкасскій былъ отправленъ въ Камчатку, въ вѣчную ссылку, а его женѣ было отдано на волю оставаться съ дѣтьми въ предѣлахъ государства, гдѣ она захочетъ ([69])

Подобнаго-же рода милость была оказана три года спустя тайному совѣтнику и сенатору князю Дмитрію Голицыну, тому самому, который, при вступленіи императрицы на престолъ, выказалъ себя самымъ рѣшительнымъ противникомъ неограниченной власти, но потомъ все-таки удержался на мѣстѣ, благодаря тому, что во́ время перемѣнилъ образъ дѣйствій. Въ послѣдніе годы онъ, казалось, умеръ для свѣта и подъ предлогомъ подагры почти не покидалъ своей комнаты. Въ народѣ онъ слылъ одною изъ самыхъ умныхъ и ловкихъ головъ. Ему уже было 70 лѣтъ, но опасная молва объ его республиканскомъ образѣ мыслей все-таки не обошлась ему даромъ, и была существеннымъ, хотя и не обнародованнымъ, поводомъ къ тяжкому осужденію, которое его постигло. Пространный указъ $^{9}/_{20}$ января

([69]) Донесеніе неизвѣстнаго лица отъ 2 февр 1734 и Линарово отъ 4 дек. 1734.

1737 г. обвиняетъ его въ томъ, что посредствомъ самыхъ вопіющихъ извращеній права, поддѣлки актовъ и тому подобныхъ очевидныхъ обмановъ, поддерживалъ онъ и самъ побуждалъ къ такойже неправдѣ своего зятя, Константина Кантемира и его брата, въ тяжбѣ съ ихъ мачихою, вдовою-княгинею. Кн. Голицынъ приговоренъ къ смерти, но императрица удовольствовалась тѣмъ, что его имѣнія велѣно было отписать въ казну, а его самаго отправить въ строгое заключеніе въ Шлиссельбургъ ([70]).

Среди такого рода событій, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивалось неудовольствіе народа, и въ особенности знати, противъ правительства, на которое смотрѣли какъ на иностранное. Поводомъ къ такому возрѣнію были: слѣпая покорность императрицы желаніямъ герцога Курляндскаго; прихотливость и невыносимое высокомѣріе, съ которыми сей послѣдній дерзко оскорблялъ русскихъ вельможъ; своекорыстіе его любимца, придворнаго банкира, еврея Липмана, обогащавшагося на счетъ страны; вымогательство огромныхъ суммъ, которыя шли то на постыдныя удовольствія, то на выкупъ имѣній герцога, то на постройку великолѣпныхъ дворцовъ. Совершенное пренебреженіе морской силы, созданной Петромъ I, также вызывало порицанія; но болѣе всего роптало дворянство на безпощадное обращеніе съ молодыми людьми, состоявшими на военной службѣ, которыхъ не щадили, какъ бы животныхъ: вслѣдствіе чрезмѣрныхъ наборовъ, имѣнія дворянъ до такой степени опустѣли и падали въ цѣнѣ, что многіе совершенно обѣдняли, подъ тяжестью чрезмѣрныхъ податей.

Въ такихъ и тому подобныхъ, основательныхъ жалобахъ, древніе роды думали найти достаточный поводъ къ коренному перевороту. Во главѣ недовольныхъ стояли все еще не совершенно истребленные Долгорукіе, жившіе въ ссылкѣ по разнымъ мѣстамъ, а нѣкоторые и на свободѣ. Разсчитывая наиболѣе на всеобщее негодованіе народа, ободренные плохимъ исходомъ кампаніи 1738 года, крайне ослабившей армію, и лаская себя надеждою, что графу Миниху въ Молдавіи не удастся избѣгнуть опасностей столь же счастливо, какъ нѣкогда избѣгъ ихъ Петръ I-й, заговорщики вступили въ тайныя сношенія съ Швеціей и Франціей. Говорятъ, что при этомъ посредникомъ служилъ имъ Алексѣй Нарышкинъ ([71]), который за десять лѣтъ передъ тѣмъ самъ уѣхалъ во Францію, когда Алексѣй Долгорукій хотѣлъ удалить его изъ Петербурга за то, что онъ, какъ говорили, вступалъ въ заговоръ въ пользу великой княжны Елизаветы Петровны. Условились, что какъ скоро русская армія потерпитъ пораженіе, Шведы вступятъ съ 30,000-ымъ войскомъ въ русскія владѣнія, то недовольные въ тоже время поднимутъ знамя возстанія. Намѣренія сихъ послѣднихъ состояли въ томъ, чтобы прежде всего уничтожить императорскій дворъ, заключить императрицу въ монастырь, произвесть еще болѣе короткую расправу съ герцогомъ, а принцессу Анну Мекленбургскую и герцога Брауншвейгскаго посадить на корабль и отправить обратно въ Германію. Затѣмъ хотѣли прогнать вообще

([70]) Донесеніе Пецольда отъ 21 янв. 1737.

([71]) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ Германъ ошибочно называетъ этого Нарышкина (вѣроятно не Алексѣя, а Александра Львовича) княземъ, точно такъ какъ ниже Волынскаго графомъ. Къ сожалѣнію, родословная Нарышкиныхъ до сихъ поръ не составлена, или по крайней мѣрѣ не напечатана. *П. Б.*

всѣхъ нѣмцевъ, нѣкоторыхъ повѣсить, и въ заключеніе всего провозгласить великую княжну Елизавету и Нарышкина императрицею и императоромъ. Разсчитывали также на поддержку въ Польшѣ. Въ пяти или шести воеводствахъ дворянство обѣщало помощь. Уже готовились сдѣлать рѣшительный шагъ, но счастье Миниха разстроило всѣ планы; дворъ провѣдалъ о томъ, что замышлялось въ тайнѣ, и поспѣшилъ какъ можно скорѣе заключить миръ съ Портою. Тогда и Швеція должна была пріостановиться. Во всѣхъ частяхъ государства были схвачены заговорщики, приведены къ сознанію, казнены, или сосланы въ Сибирь. Впрочемъ, трудно рѣшить, на сколько тутъ было дѣйствительной вины. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что Волынскій, по ходатайству Бирона, въ апрѣлѣ 1738 назначенный министромъ, погубилъ многихъ единственно по той причинѣ, чтобы получить свободу дѣйствія въ другомъ, гораздо значительнѣйшемъ переворотѣ, который онъ замышлялъ самъ, и въ которомъ намѣревался опереться исключительно на простолюдиновъ. Наиболѣе жестоко поступили съ Долгорукими. Они были отправлены въ Новгородъ и тамъ казнены. Василью Лукичу, Сергѣю и Ивану Григорьевичамъ отрубили головы; Ивана Алексѣевича, бывшаго любимца Петра II, сначала колесовали, потомъ отрубили ему голову. Василій и Михаилъ Владиміровичи Долгорукіе были присуждены къ пожизненному заточенію ($^{3}/_{14}$ ноября 1739) ([72]). Великой княжнѣ Елизаветѣ дѣло сошло съ рукъ легче, нежели опасались лица, получавшія свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ.

Едва былъ подавленъ этотъ заговоръ, какъ напали на слѣдъ другаго, гораздо обширнѣйшаго, задуманнаго тайнымъ кабинетсъ-министромъ и бывшимъ Астраханскимъ губернаторомъ, Волынскимъ. Жизнь этого человѣка даетъ такую характеристическую картину крайней развращенности вельможи, воспитаннаго въ лонѣ русскаго деспотизма, что мы считаемъ нужнымъ представить очеркъ его прежнихъ приключеній и дѣйствій, или, вѣрнѣе сказать, злодѣяній.

(Продолженіе впредь).

ПОДЛИННЫЯ БУМАГИ ПО ДѢЛУ О УБІЕНІИ СИНКЛЕРА ([73]).

Переписка о убіеніи Шведскаго маіора Синклера выписана мною изъ семейнаго архива князя Дмитрія Ѳедоровича Шаховскаго, который по матери своей (княгинѣ Наталіи Дмитріевнѣ, рожд. княжнѣ Щербатовой) есть родной праправнукъ славнаго дипломата первой половины XVIII в. князя Ивана Андреевича Щербатова, на чье имя адресованы нижеслѣдующія письма графа А. Г. Головкина. Князь И. А. род. 1696, ум. 1761 въ званія сенатора и въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника; былъ посланникомъ въ Испаніи, въ Турціи и Англіи. Онъ былъ тестемъ почтеннаго исторіографа, кн. Михаила Михаиловича Щербатова.

Юрій Толстой.

1.

Копія съ экстракта изъ Вѣнскихъ публичныхъ вѣдомостей.

(Копія писана по нѣмецки).

Нѣсколько дней тому назадъ пришло сюда неожиданное и непріятное извѣстіе,

---

([72]) Донесенія Пецольда отъ 14 и 17 ноября 1739.

([73]) Слич. *въ Зритель* 1862, № 44, стр. 527 и д; а объ участіи импер. Анны отзывъ ссыльнаго канцлера Бестужева въ Чтеніяхъ общ. ист. и др. 1862, кн. I, стр. 125 и 126, въ дѣлѣ о Биронѣ. *П. Б.*

что одинъ *Шведскій маіоръ*, по имени *Синклеръ* (Sinclair), недалеко отъ *Христіанштата*, въ Лузаціи, былъ убитъ догнавшими его верхомъ двумя Рускими офицерами. Съ Имперскимъ дворомъ отъ имени двора Русскаго никогда ни малѣйшаго по сему предмету сношенія дѣлаемо не было; поэтому весьма сильно подозрѣвается, что упомянутые Русскіе офицеры осмѣлились, вопреки волѣ ея Всероссійскаго величества, значительно превысить имѣвшіяся у нихъ начальническія повелѣнія. Тѣмъ менѣе было дѣлаемо какое либо распоряженіе отсюда о воспрепятствованіи его, *Синклерову*, путешествію. Поэтому то, что̀ знаютъ объ его особѣ, основано единственно на всюду распространенномъ слухѣ, будто бы онъ, Синклеръ, былъ отправленъ для заключенія съ Портою противнаго Христіанству *оборонительнаго и наступательнаго* союза. Впрочемъ этому слуху не придавали достаточной важности, чтобы, по поводу его, сдѣлать наималѣйшее распоряженіе. Видно только изъ донесеній, присланныхъ *Бреславльскимъ* Верховнымъ Управленіемъ (оберъ-амтомъ), уже по воспослѣдованіи событія, что г. *Русскій резидентъ* въ Варшавѣ обращался къ тамошнему г-ну *Имперскому резиденту* съ ходатайствомъ о предписаніи тому верховному управленію *арестовать* и задержать *Синклера*: что̀ и было исполнено. Причиною таковому ходатайству было выставлено, что упомянутый *Синклеръ* имѣетъ при себѣ бумаги, крайне опасныя для обоихъ союзныхъ дворовъ, клонящіяся ко вреду Христіанства и къ оказанію помощи невѣрнымъ, съ коими ведется открытая война. Такъ какъ въ Вѣнѣ не знали, да и знать не могли, о времени выѣзда *Синклера* изъ Турціи и о пути, по которому онъ поѣдетъ, то легко понять, что не было возможности дать наставленіе ни г. Имперскому *резиденту* въ Варшавѣ, ни верховному управленію въ Силезіи, о томъ, какъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ. А весьма было бы желательно, чтобы подобный случай могъ быть предвиденъ, ибо тогда навѣрное убійство не совершилось бы. Но г. *фонъ-Кюнеру* было только вообще и уже давно указано въ разсужденіи *Синклера* (о которомъ, кромѣ вышеизложеннаго, ничего болѣе здѣсь не было извѣстно), чтобы онъ во всѣхъ дѣйствіяхъ шелъ объ руку съ г. Рускимъ *министромъ* и оказывалъ ему взаимную помощь [74]), по причинѣ установленнаго между обоими дворами союза. Онъ могъ, нимало не сомнѣваясь, задержать *Синклера* въ его проѣздъ, ибо такое невинное распоряженіе отвратило бы собственный вредъ и воспрепятствовало бы пособничеству явному врагу. Но когда упомянутое письмо пришло въ Бреславль, то *Синклеръ* уже восемь часовъ какъ выѣхалъ изъ этого города. Какъ ѣдущій черезъ Польшу, онъ, по причинѣ опасенія заразы, былъ *подвергнутъ осмотру* ([75]) и, когда его свидѣтельства о здоровьѣ были просмотрены, то ему было оказано на почтѣ всякое пособіе къ дальнѣйшему слѣдованію, такъ что ему легко было бы спастись отъ опасности, еслибы онъ ожидалъ чего нибудь для себя враждебнаго. Со стороны верховнаго управленія, по письму г. *фонъ-Кюнера*, также не послѣдовало никакого распоряженія, кромѣ того, что послано приказаніе задержать *Синклера* и представить его къ ближайшему начальству. О чемъ много разъ упомянутое верховное управленіе тогда донесло, прося прислать повелѣніе о заарестованіи. Но еще прежде чѣмъ донесеніе это было или могло

([74]) In allthuhnlichen Dingen zum gemeinsamen Behuff an Hand zu gehen.

([75]) Examinirt.

быть получено, убійство уже почти совершилось. Русскіе офицеры, черезъ всю Польшу преслѣдовавшіе *Синклера*, захватили его неподалеку отъ *Грюнберга*, но не рѣшились убить его на мѣстѣ, а проводили съ собою въ окрестности *Христіанштата*, гдѣ, по показанію почтаря, въ лѣсу, послѣ долгаго разговора ихъ на языкѣ неизвѣстномъ почтарю, воспослѣдовалъ выстрѣлъ, и такимъ, должно быть, образомъ онъ, *Синклеръ*, и былъ лишенъ жизни.

Всѣ эти обстоятельства, въ совокупности, служатъ достовѣрнымъ доказательствомъ, что Имперскій дворъ не принималъ ни *прямаго*, ни *косвеннаго* участія въ этомъ событіи и не одобряетъ онаго по всѣмъ обстоятельствамъ, при коихъ оно совершилось. Объ этомъ и было, немедленно по полученіи извѣстія, объявлено съ нарочными и эстафетами г. *маркизу де Ботта* и г. фонъ-*Гофенгольцу* съ порученіемъ сдѣлать Русскому двору надлежащія по сему предмету представленія, коихъ дѣйствія слѣдуетъ ожидать; и, если принять въ соображеніе всему свѣту извѣстное и удивленія достойное *праводушіе* ея Всероссійскаго величества, то можно заранѣе быть увѣреннымъ, что въ этомъ отношеніи нельзя ни малѣйше сомнѣваться въ рѣшеніи соразмѣрномъ столь ужасному событію.

2.

Копія съ декларація Русскаго двора.

(Копія писана по нѣмецки)

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всея Россіи, и проч., и проч., и проч.

Высоко-и благо-урожденный, намъ любезно-вѣрный,

На вчерашней почтѣ получили мы изъ *Берлина* прилагаемый при семъ *экстрактъ* писанія изъ *Грюнбѣрга*, изъ коего мы (въ чемъ праводушно сознаемся) съ неописаннымъ изумленіемъ усматриваемъ что̀ учинилось съ нѣкіимъ Шведскимъ офицеромъ *Синклеромъ* (Sincler).

Хотя, благодареніе Богу, наши *репутація*, *честь*, христіанское настроеніе и великодушіе столь хорошо всему свѣту извѣстны, что не найдется никакого благомыслящаго человѣка, который бы захотѣлъ *заподозрить* насъ или нашихъ подданныхъ въ малѣйшемъ даже участіи въ подобномъ смертномъ убійствѣ, а потому, хотя и не нужно было бы явно передъ свѣтомъ о семъ заявлять и намъ причинять себѣ какую либо заботу;

но какъ, къ сожалѣнію, лишь слишкомъ общеизвѣстно, какія съ начала послѣдняго собранія государственныхъ чиновъ въ Швеціи, исходятъ доселѣ повсюду по Европѣ отъ сей короны *замыслы*; какъ явно разглашается (хотя—какъ мы оною короною удостовѣрены — безъ основанія) о переговорахъ относительно *оѳъ-и де-ѳенсівъ аліанціи* между сею короною и наслѣдственнымъ врагомъ имени Христіанскаго; и какъ, по сей причинѣ, можетъ иногда прійти мысль, что, яко бы для открытія предмета, касающагося благоденствія и безопасности многихъ милліоновъ людей и въ особенности представляющагося столь опаснымъ для нашихъ государствъ и подданныхъ, могли мы принять какое либо участіе въ семъ событіи; тѣмъ болѣе что въ *экстрактѣ* упоминается о двухъ Русскихъ офицерахъ, яко бы сіе самое убійство ими учинено: но намъ слишкомъ дороги наша честь и совѣсть, чтобы, какую бы *важность* ни имѣла для насъ тайна, мы для обнаруженія ея одобрили столь постыдныя средства или какимъ бы то ни было образомъ имъ способствовали. И такъ какъ всѣ выше упомянутыя во всемъ

свѣтѣ явно разглашаемыя вѣдомости доселѣ не пробрѣли у насъ никакой вѣры, а также не могли подвигнуть на что либо иное, какъ на то, чего здравой разсудокъ и предусмотрительность естественно отъ всякаго требуютъ; то, немедленно по полученіи вышеупомянутаго *экстракта*, сочли мы за нужное (что симъ и исполняется) всемилостивѣйше поручить всѣмъ нашимъ при чужестранныхъ дворахъ находящимся министрамъ, отъ имени нашего письменно и словесно, какъ того потребуютъ на мѣстѣ обстоятельства, явно объявлять: что мы не только не имѣли и не принимали ни малѣйшаго участія въ такомъ *мерзкомъ дѣлѣ* (если только оно дѣйствительно учинено, о чемъ впрочемъ мы никакихъ другихъ вѣдомостей не имѣемъ кромѣ содержащейся въ много разъ упомянутомъ *экстрактѣ*); но что мы напротивъ смотримъ на оное какъ на мерзкое дѣло и въ высшей степени недостойное нашей чести и нашего *сана* и оное до чрезвычайности *ненавидимъ*. Симъ мы не довольствуемся, но безотлагательно съ настояніемъ просили и *требовали*, чтобы его Римско-императорское величество и его Королевско-польское величество, въ *территоріяхъ* коихъ сіе должно было совершиться, повсемѣстно въ своихъ земляхъ учредили наистрожайшее изслѣдованіе для разысканія убійцъ и гдѣ бы они сысканы ни были, подъ стражею представить ихъ на праведный и заслуженный позоръ, дабы явно всему свѣту могло быть, кому должно приписать сіе дѣло.

И хотя мы никакъ не можемъ и не хотимъ вѣрить, чтобы кто либо изъ нашихъ подданныхъ могъ быть способенъ поступить до такой степени гнусно, забывъ всякую честь и совѣсть; однакоже объявляемъ мы далѣе, что мы употребимъ всѣ средства и дотолѣ не успокоимся, пока убійцы не будутъ сысканы и всему свѣту не будетъ явно, какъ премного *гнушаемся* мы подобными мерзкими дѣлами; и что мы навѣрное никогда не позволимъ что либо, что̀ можетъ наималѣйше быть противно счастливо *существующимъ* между нами и короною Шведскою дружбѣ и *союзу*, такъ какъ мы оные во всякое время высоко цѣнимъ и съ нашей стороны намѣрены со всякимъ прилежаніемъ неподвижно *соблюдать* и поддерживать.

Впрочемъ имѣете вы пристойнымъ образомъ въ мѣстномъ *министерствѣ* развѣдывать и прилагать стараніе, чтобы сіе богомерзкое дѣло было запрещено въ мѣстныя или иныя тамошнихъ странъ *газеты* въ печать отдавать. Ежели же, до полученія сего въ вашемъ мѣстѣ, дѣло сіе было бы *разглашено*, то имѣете вы въ такомъ случаѣ и вышепрописанную нашу *декларацію* равномѣрно во всѣ *газеты* въ печать отдать. А впрочемъ пребываемъ мы къ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ 3 Іюля 1739 года.

По ея императорскаго величества всемилостивѣйшему повелѣнію: *(подписали)*

А. Остерманъ.
Кн. Черкасскій.
А. Волынскій.

Примѣчаніе къ № 1 и 2.

Копіи съ экстракта изъ вѣдомостей и съ декларація въ подлинныхъ спискахъ писаны Нѣмецкими (готическими) буквами за исключеніемъ словъ подчеркнутыхъ въ переводѣ, которыя писаны буквами Латинскими; это именно, кромѣ именъ собственныхъ, и разныя слова взятыя съ Французскаго, какъ напр. *off*-и *defensiv alliance* оборонительный и наступательный союзъ; ***Resident***—резидентъ ; wegen dessen *arrestir*lichen

Anhalten-о арестованіи и задержаніи; *Ministris*—министра и т. д.

Оба Нѣмецкіе экстракта писаны дипломатическимъ языкомъ, которымъ писали Нѣмецкіе чиновники того времени, и который стоитъ къ нынѣшнему Нѣмецкому языку точно въ такомъ же отношеніи, какъ языкъ высокихъ указовъ императриксы Анны Іоанновны къ нынѣшнему дѣловому Русскому языку.

Въ переводѣ деклараціи сохранены, по возможности, выраженія, попадающіяся въ послѣдующихъ Русскихъ указахъ по тому же дѣлу.

3.

Копія съ высокаго указа отъ 7 іюля 1739.

На прошлой почтѣ сообщили вамъ полученную изъ Берлина весьма дикую вѣдомость объ учиненномъ будто чрезъ двухъ Россійскихъ офицеровъ смертномъ убивствѣ надъ Шведскимъ офицеромъ. На пришедшей потомъ чужестранной почтѣ изъ Берлина подтвердилося, что оная вѣдомость публично тамъ разглашается, и потому чаять надлежитъ, что изъ Берлина оная уже и во всюды писана и разглашена.

Мы ни откуда никакихъ другихъ вѣдомостей о томъ не имѣемъ и для того такожде не знаемъ, какъ о томъ дѣлѣ разсуждать. Довольно того, чтобъ мы чести нашей за противно почитаемъ на такое мерзское дѣло позволить или хотя наималѣйшее участіе въ ономъ принять. И для того такожде подтверждаемъ содержаніе послѣдняго нашего рескрипта. А имянно, что, ежелибъ подобныя разглашенія и у васъ происходили, то бъ не токмо оную декларацію формально учинить, но и въ куранты на всѣхъ языкахъ въ печать отдать. И мы подлинно ни иждивеній ни способовъ жалѣть не будемъ, чтобъ тѣ убійцы сысканы и явно всему свѣту наше прадушіе и сколь мало мы въ такомъ мерзкомъ дѣлѣ участіе имѣемъ, явно показано было.

Ежели, до полученія сего, повелѣнная декларація еще не учинена, то можете при учиненіи оной слова *оѳв-и де-ѳенсивъ* выпустить и просто *аліанцію* писать.

А впрочемъ имѣете вы намъ на всякой почтѣ доносить что иногда въ семъ дѣлѣ происходить станетъ и тамо отзовется.

Экстракты изъ послѣдующихъ указовъ о Синклеровѣ дѣлѣ.

4.

отъ 4 августа 1739 секретно.

— — — На вчерашней почтѣ получены Утрехскіе куранты, въ которыхъ вышеупомянутое письмо уже напечатано.

Вамъ надлежитъ крайнѣйше стараться провѣдать, чрезъ кого оное въ печать отдано *и не отъ самаго ли иногда Цесарскаго двора* ([76]) и намъ о томъ донести. Въ ономъ письмѣ такія обстоятельства находятся, которыя, ежели оныя прямо изъяснены (и ?) изслѣдованы будутъ, всемѣрно *къ оправданію Цесарскаго двора поступковъ въ семъ дѣлѣ служить не могутъ.*

5.

отъ 14 августа 1739.

— — — Что до дѣла убійства Шведскаго маеора Синклера принадлежитъ, то въ томъ ссылаемся на прежніе наши о томъ рескрипты.

Пребывающей здѣсь Цесарской министръ марки де Ботта неотмѣнно ста-

([76]) Подчеркнутое здѣсь и далѣе въ подлинникѣ тайнописью.

рается насъ увѣрить, что извѣстное изъ Вѣны къ цесареву въ Гагѣ секретарю присланное и уже вездѣ въ газеты внесенное до сего Синклерова дѣла касающееся письмо отъ Цес. двора никому чужестранному не сообщено, якоже отъ него Ботты по послѣдней мѣрѣ намъ оное здѣсь не сообщено; но какъ то все ни есть, то мы ничего для подлиннаго открытія сего дѣла не оставимъ и по полученіи на посланные къ генералу фелдъмаршалу графу фонъ Минниху о семъ дѣлѣ наши указы отвѣта вослибо ([77]) съ какимъ вящимъ основаніемъ до подлинной правды дойти мочно будетъ.

Выписки изъ писемъ посланника въ Гагѣ графа Александра Гавриловича Головкина къ посланнику въ Лондонѣ князю Ивану Андрѣевичу Щербатову.

6.

отъ 11 сентября 1739.

— — — Высокимъ указомъ отъ того же 21 августа повелѣно мнѣ сообщить вашему сіятельству о Синклеровомъ дѣлѣ, такожде и о вѣдомостяхъ, присланныхъ ко мнѣ о дѣйствахъ армѣи нашей. Какову декларацію по указу всѣ Россійскіе министры о Синклеровомъ дѣлѣ учинили, и оная в. с—у извѣстна и уже и напечатана. Однакожъ, ежели вашему сіятельству угодно, то я пришлю съ оной копію. А нынѣ оной непосылаю для того, чтобъ не отяготить пакета. Но потомъ въ другомъ указѣ повелѣно изъ той деклараціи выпустить слѣдующія слова: о-ѳ-ъ и д-е-ѳ-а-н-с-и-в-ъ а-л л-і-а-н-ц-і я съ Турками, и упоминать только просто а-л-і-а-н-ц-і-я.

([77]) Т. е. *авось либо*—должно надѣяться, что....

7.

отъ 14 сентября 1739.

— — — При прежнемъ моемъ отъ 11 сего не было времени выписать экстракты изъ послѣдующихъ указовъ о Синклеровомъ дѣлѣ. И тако нынѣ оные при семъ прилагаю. (*Приложены значащіеся выше подъ № 4 и 5 экстракты; въ концѣ послѣдняго приписано*): На указъ отъ 4 августа доносилъ, я что Утрехской газетиръ отвѣтствовалъ мнѣ, что онъ-то письмо выписалъ изъ Вѣнскихъ публичныхъ вѣдомостей.

8.

отъ 25 сентября 1739.

Почтенное вашего сіятельства письмо отъ 18 сего исправно я получилъ, за которое и за высокосклонное сообщеніе по премногу благодарствую и при семъ прилагаю копіи и съ прежнихъ указовъ о Синклеровомъ дѣлѣ. И тако со всѣхъ указовъ, которые ко мнѣ о томъ дѣлѣ присланы, копіи у вашего сіятельства нынѣ есть.

(*Приложены значащіеся выше копіи съ указовъ подъ № 2 и 3.*)

9.

отъ 28 сентября 1739.

.... На прошлой почтѣ отправилъ я копіи съ прежнихъ указовъ о Синклеровомъ дѣлѣ. А изъ послѣдующихъ экстрактовъ при прежнемъ моемъ ваше сіятельство уже получили. И понеже въ оныхъ экстрактахъ упоминается о піесѣ или письмѣ отъ Цесарск. двора, которое разсѣяно такъ, что оное и въ Утрехскіе газеты внесено, того ради копію присемъ съ того письма для совершеннаго о всемъ извѣстія прилагаю, тѣмъ наипаче что Шведы на томъ письмѣ будутъ либо ([78]) то дѣло слѣдовать. А нынѣ въ

([78]) Т. е. вѣроятно.

Бреславлѣ о томъ дѣлѣ эксаменъ постиліоновъ отправляется въ присутствіи Шведскихъ комисаровъ.

(Приложена копія значащаяся подъ № 1.)

ДОНЕСЕНІЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРА Гр. САМОЙЛОВА

объ удобнѣйшемъ и выгоднѣйшемъ для казны способѣ печатанія Алкорана.

Ваше императорское величество, въ слѣдствіи всеподданѣйшаго донесенія моего относительно печатанія Алкорана, высочайше указать мнѣ соизволили, чтобъ четвертое тисненіе сдѣлать, но притомъ поговорить съ Татарами, не лучше ли вмѣсто вкладныхъ сдѣлать неподвижныя литеры.

По поводу сего осмѣливаюсь донести, что въ 1789 году предмѣстникъ мой покойный князь Вяземской, по отобранному отъ содержателя типографіи Шнора объясненію, доносилъ вашему величеству, что, если бы Алкоранъ печатать гравированными досками, коихъ по числу страницъ потребно 242, то трое граверовъ проработаютъ сіи доски болѣе трехъ лѣтъ, обойдутся они въ 12,200 рублей, напечатать ими можно 5000 экземпляровъ, которые коштовать будутъ 30,250 руб., не считая бумаги. Другой способъ производить сіе печатаніе всегда хорошо, дешево и исправно представляемъ былъ слѣдующій: чтобъ вылить столько литеръ, чтобъ весь Алкоранъ набрать и неразбираемымъ наборомъ напечатать, для чего потребно было бъ прибавить литеръ 250 пудъ, кои бы обошлись въ 10,000 рублей, и 5000 экземпляровъ коштовали бы въ 6050 руб., и симъ способомъ, не опасаясь погрѣшностей и не набирая вновь книги, можно мало по малу печатать до 100,000, экземпляровъ, а на противъ того доски сотрутся. Но ваше императорское величество, какъ записано въ журналѣ у предмѣстника моего, высочайше отозваться ему изволили, что какъ оба таковые способа требуютъ не малаго количества денегъ, а при томъ, по сличенію гравированной печати съ печатнымъ листомъ, литерами сей послѣдній чище противъ перваго, то и угодно вашему величеству, дабы тотъ Алкоранъ въ случаѣ надобности въ экземплярахъ былъ не гравированъ, а печатанъ литерами прежнимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что и симъ способомъ можно всегда печатать до потребнаго числа.

Впрочемъ, по объясненію нынѣ съ типографщикомъ Шноромъ, на отливку литеръ для всего Алкорана, чтобъ оный печатать неразбираемымъ наборомъ, потребно времени болѣе года.

При чемъ доноситъ онъ мнѣ, что многіе Татары и корректоръ объявляютъ, что къ покупкѣ Алкорана оказывается столь великое число охотниковъ, что изданіе 1200 экземпляровъ для того будетъ недостаточно, и просятъ, чтобы напечатать его однимъ разомъ въ тройнѣ, то есть 3,600 экземпляровъ; а Шноръ изъясняется, что казна выигрываетъ отъ того очень много, сберегая за одинъ наборъ 726 рублей, притомъ же и печать можетъ быть гораздо исправнѣе, когда набираемо будетъ одинъ, а не три раза. Обойдется сіе изданіе 3,600 экземпляровъ въ 9,000 руб., казна же по прежней продаваемой цѣнѣ, состоящей изъ 5 рублей за экземпляръ, получитъ за нихъ 18,000 рублей.

Выписано изъ вязки по произв. Ген. Прок. д. № 341 лис. 676—677, изъ Сенатскаго Архива.

(Сообщено Н. В. Калачовымъ).

МНѢНІЕ ГЕНЕРАЛЪ ПРОКУРОРА Гр. САМОЙЛОВА, ОТНОСИТЕЛЬНО УПЛАТЫ ПРОЦЕНТОВЪ И ДОЛГОВЪ, СДѢЛАННЫХЪ ВНѢ ГОСУДАРСТВА (1794).

По поднесенному отъ меня въ прошломъ 1793 году плану о долгахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, полагались на платежъ въ 1794 и 1795 годахъ за внѣшніе долги процентовъ и капитала въ Генуѣ срочнаго 1-го іюня 1795 года трехъ сотъ тысячь піастровъ, новые въ Голландіи 18 и 19 займы, составляющіе 6-ть милліоновъ гульденовъ, а, въ случаѣ оныхъ несостоянія, изъ получаемыхъ по двадцатилѣтнему займу процентныхъ денегъ.

Но какъ въ число показанныхъ 18 и 19 займовъ понынѣ банкирами собрано только 2 милліона гульденовъ, изъ коихъ по государственнымъ надобностямъ употреблено:

На покупку для доставленія къ генералу Игельстрому ста тысячь червонныхъ 553,135, 15.

Россійскимъ министрамъ на жалованье за майскую и сентябрьскую трети 341,944, 4,5.

Барону Гибшу за издержки для здѣшняго двора 52,651, 9.

И процентовъ заплачено въ сроки 1-го Генваря и 1-го Февраля нов. ст. 960,000; а за тѣмъ и остается тамъ всѣхъ фондовъ по нынѣ въ остаткѣ 92,268, гул. 11,11, а процентовъ въ теченіе сего года слѣдуетъ еще тамъ заплатить около 2,083,189 гул.

И какъ банкиры Гопе не только не обнадеживаютъ вступленіемъ остальныхъ 4-хъ милліоновъ гульденовъ, но пишутъ, чтобъ не оставить ихъ въ недостаткѣ платежа процентовъ переводами отсюда къ нимъ надобныхъ суммъ; почему и писано къ нимъ съ нарочнымъ отъ 7-го Генваря, чтобъ они рѣшительной дали отвѣтъ: ежели могутъ собрать показанные 4 милліона гульденовъ, то бы обратили оные на проценты сего года, а на достальные искупили бъ червонныхъ. Слѣдовательно, по сему предположенію, и не останется у нихъ на платежъ 300,000 піастровъ, въ Геную слѣдующихъ. А въ случаѣ ихъ отказа не только не будетъ надежды на полученіе отъ нихъ червонныхъ, а сверхъ того по указу вашего императорскаго величества кромѣ уже отпущенныхъ князю Юрью Владиміровичу Долгорукову 20,000 червонныхъ въ случаѣ, ежели изъ доходовъ новоприсоединенныхъ отъ Польши губерній повелѣнные 80,000 червонныхъ не выполнятся, отсюда должно будетъ доставлять; а потому неминуемо нужно начать дѣлать отсюда переводы какъ на показанные 1794 года проценты, такъ и на 1795 годъ со включеніемъ въ ономъ и платежа въ Генуѣ вышеписаннаго капитала трехъ сотъ тысячь піастровъ, на что не благоугодно ли будетъ опредѣлить на первой случай назначенные въ планѣ по двадцатилѣтнему займу проценты, вступающіе въ нынѣшнемъ 1794 году, кои по вступленіи нижеозначенныхъ по винному откупу прибылей заплачены возвратно будутъ?

А какъ по тому же плану на проценты съ 1796 года и на платежъ капитала предполагаемо было съ 1795 года откладывать изъ прибыли на вино, и съ прибылей по Екатеринославской губерніи отъ виннаго откупа по 4 мил-

ліона рублей въ каждой годъ и чтобъ оные единственно на то и предопредѣлить и никуда иначе не употреблять; и какъ на показанные сего года проценты нужно начать дѣлать благовременно переводы, дабы посредствомъ благовременности перевода можно удержать курсъ, то не благоугодно ли будетъ нынѣшнюю на вино накладку, сколько ее вступить можетъ (а также и прибыль отъ виннаго же откупа и по Екатеринославской губерніи) обратить, на основаніи поднесеннаго плана, на заплату въ будущемъ 1796 году процентовъ и капитала, дабы такимъ образомъ въ теченіи 1795 года благовременно слѣдуемыя на показанной 1796 годъ деньги переведены быть могли; а за тѣмъ съ начала 1795 года предполагаемыя на уплату внѣшнихъ процентовъ и долговъ изъ вышеписанной же отъ вина прибыли откладывать по 4 милліона рублей, и на благовременной переводъ оныхъ денегъ заимствовать по вышеписанному жъ изъ Банка съ возвратомъ изъ показанныхъ 4-хъ милліоновъ рублей?

Въ разсужденіи жъ Генуежскаго долга, коего состоитъ 3 милліона піастровъ, и первой платежъ долженъ начать быть съ будущаго 1795 года и хотя тамошній повѣренной въ дѣлахъ предлагаетъ о новыхъ тамъ займахъ, но какъ оные по опытамъ извѣстно не только не благонадежны, но и весьма медлительно продолжаются, то неблагоугодно ли будетъ повелѣть отписать къ повѣренному въ дѣлахъ, чтобы онъ вмѣсто предлагаемыхъ имъ займовъ объяснился съ капиталистами и банкирами о пересрочкѣ, которая по мнѣнію моему успѣшнѣе можетъ быть, потому что всякій по нынѣшнимъ обстоятельствамъ согласится имѣть свой капиталъ въ вѣрныхъ рукахъ; и буде согласятся, то бъ и дать нынѣ же повѣренному въ дѣлахъ приказаніе заключить о томъ контрактъ и прислать сюда для ратификаціи?

Выписано изъ производства по дѣламъ Генералъ-Прокурорскимъ № вязки 301. лист. 416—421. Изъ Сенатскаго Архива.

(Сообщено Н. В. Калачовымъ).

КЪ ИСТОРІИ 1812 ГОДА (*).

I.

Ордеръ штата Московской полиціи квартальному надзирателю, господину титулярному совѣтнику Вороненко.

Ѣхать вамъ въ Смоленскъ, а оттуда въ главную квартиру военнаго министра и, отдавъ мое письмо, есть ли позволено будетъ, то остаться при немъ. А есть ли не будетъ, то ѣхать въ Смоленскъ и тамъ стараться, коль скоро возможно будетъ, сообщать о военныхъ дѣйствіяхъ, по извѣстіямъ вамъ даннымъ отъ главнокомандующаго и на имя мое отправлять донесенія по нароч-

(*) Первыя *семь* изъ нижеслѣдующихъ бумагъ доставлены намъ въ подлинникахъ *графомъ Андреемъ Ѳедоровичемъ Растопчинымъ*, а остальныя (бумаги А. Я. Булгакова) *Н. С. Киселевымъ*, которому принадлежатъ и объяснительныя примѣчанія; наконецъ *Рапортъ* протоіерея Гратинскаго полученъ отъ *А. А. Мартынова. П. Б.*

нымъ эстафетамъ, платя за оныя, такъ какъ и за содержаніе ваше, деньги отъ меня вамъ данныя, суммою двѣ тысячи рублей.

Графъ Растопчинъ.

№° 873. Іюля 25 дня,
1812 года. Москва.

II.

Письмо Я. В. Вилліе ([1]) къ гр. Ѳ. В. Растопчину.

Милостивый государь, графъ Ѳеодоръ Васильевичъ.

На случай могущаго произойти въ настоящей нашей позиціи сраженія, покорнѣйше прошу ваше сіятельство, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, выслать изъ Москвы всѣхъ военнаго вѣдомства врачей, въ коихъ не настоитъ крайней надобности, также вольнопрактикующихъ и прочихъ врачей, кои пожелаютъ участвовать со мною въ перевязкѣ раненыхъ на полѣ сраженія. Они найдутъ меня въ двухъ верстахъ отъ города въ деревнѣ Фили или въ главной квартирѣ арміи. Вмѣстѣ съ симъ прошу васъ, милостивый государь, назначить мѣсто для отправленія съ поля сраженія перевязанныхъ раненныхъ и о послѣдующемъ почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ.

Съ отличнымъ уваженіемъ и совершенною преданностію, честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Яковъ Вилліе.

№ 410. Деревня Фили.
Сентября 1 дня 1812 года ([2]).

([1]) Письмо это очевидно писано до рѣшенія, принятаго въ тотъ же день, на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, т. е. когда еще никто не допускалъ и мысли, что Москва можетъ быть оставлена безъ боя.

([2]) Яковъ Васильевичъ Вилліе, впослѣдствіи дѣйств. тайн. сов., баронетъ и управляющій придворной медицинскою частію,— въ 1812 г. былъ дѣйств. стат. сов., лейбъ-хирургомъ, управляющимъ медицинскою экспедиціею военнаго департамента и президентомъ медико-хирургической академіи.

III.

Предписаніе гр. Растопчина Броницкому капитанъ-исправнику Давыдову.

Съ полученія сего употребите всевозможное стараніе немедленно развѣдать отъ сосѣднихъ и окольныхъ селеній и узнать навѣрное,—какія имѣли сношенія съ непріятелями живущіе Броницкаго уѣзда, въ селѣ Авдотьинѣ, поручикъ Новиковъ и, въ сельцѣ Валовомъ, надворный совѣтникъ Ключаревъ; ибо дошло до свѣдѣнія моего, что они принимали къ себѣ больныхъ изъ непріятельской арміи, и многіе французскіе чиновники ихъ посѣщали; и увѣдомьте меня подробно и со всею точностію.

№ 9. 1812 г.
Октября 15-го. ([3])

IV.

Копія съ письма г. м. Миллера къ г. м. Богданову ([4]).

Милостивый государь, Николай Ивановичъ! Третьяго дня задержанъ на по-

([3]) Писано немедленно по выходѣ Французовъ изъ Москвы. Гр Растопчинъ находился тогда еще во Владимірѣ. Ѳ. П. Ключаревъ, другъ Новикова, занимавшій до того времени должность Московскаго почтдиректора, передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву, былъ, вслѣдствіе извѣта одного изъ почтамскихъ чиновниковъ, арестованъ по повелѣнію гр. Растопчина и сосланъ въ Воронежъ. Впослѣдствіи онъ вполнѣ оправдался. *П. Б.*

([4]) Г. М. Николай Ивановичъ Богдановъ, тульскій гражданскій губернаторъ и начальникъ тульскаго ополченія. — Г. м. Иванъ Миллеръ командовалъ егерьскимъ полкомъ тульскаго ополченія.

стахъ, у переправы, крестьянинъ князя Касаткина, Николая Александровича, Коломенскаго уѣзда, села Алексѣевскаго, съ письмами въ одномъ конвертѣ къ Николаю Ивановичу Новикову, сего извѣстнаго человѣка, въ селѣ Авдотьинѣ; въ томъ же конвертѣ нашлись письма: 1-е къ нему же, *другое*-къ Андрею Өедоровичу Ключареву ([5]), въ сельцѣ Валовомъ, 3-е къ Андрею Аѳонасьевичу Харпочевскому и еще безъ фамиліи, адресованное къ какому то Аристарху Андреевичу, и упоминаютъ о Романѣ Григорьевичѣ, который въ сношеніяхъ и въ связяхъ съ Ладыженскимъ ([6]), въ Тулѣ, писанныя всѣ Иваномъ Камкинымъ, экономомъ Московскаго почтамта:— въ сихъ письмахъ выраженія просты чрезвычайно, такъ что подозрѣвать можно было, что оныя только тѣми должны быть особенно толкованы, которые ключь загадки сей имѣютъ.

Подозрѣнію сему поводы: нѣкоторые расчеты съ извощикомъ, которые разными цифрами выражены и согласны съ числомъ тысячей войскъ обѣихъ армій; новости о произшествіи въ арміи 6-го октября, но сухо, безъ выраженіевъ участія, а потомъ цифрами выраженіе, хотя счесть можно, но особенное означаетъ. Крестьянинъ сей нанятъ въ верстѣ отъ Авдотьина (пребываніе Новикова), но не того села, а изъ села Алексѣевскаго, до Бѣлева города; туда же въ Авдотьино возвращающійся возилъ Ивана Ивановича Камкина, эконома Московскаго почтамта, съ двумя мальчиками, лакеями; выѣхалъ 2-го октября изъ Авдотина ([7]). Я надѣюсь, что Богъ Всемогущій благословитъ оружіе наше и что мѣры осторожности строгой не нужны будутъ, особливо потому что выходцы изъ Москвы объявляютъ, что непріятеля и въ Москвѣ нѣтъ, и она занята Рязанскими полками и 4-мя козацкими полками уже 11-го числа сего мѣсяца. Непріятель вывезъ своихъ больныхъ 3-мя днями прежде и, смотръ сдѣлавши, по малому числу людей, заставили проходящія изъ одной заставы войска въ другую заставу входить и повторять (4-е раза) проходы свои черезъ городъ, дабы увѣрить въ множествѣ войскъ его.

Я прошу ваше превосходительство приписывать мои поступки не чему другому, кромѣ что опытность моя, согласно съ законами отечественными, стремится къ благу общему и каждаго; я знаю, что моя служба временна, — но безчестье безконечно, когда упущу руководствоваться здравымъ разсудкомъ, совѣстью честнаго человѣка, къ единой общей нашей цѣли отечественнаго блага. Пребываю, со всею возможною преданностію и почтеніемъ, вашего превосходительства, милостиваго государя,

покорнѣйшій слуга, Иванъ Миллеръ.

Подлинное подписано:

вѣрно, губернаторъ Богдановъ.

Каширa, октября
15-го дня 1812 года.

([5]) Сыну Өедора Петровича Ключарева, друга Новикова.

([6]) Въ числѣ друзей Новикова было двое Ладыженскихъ: г. м. Николай Алексѣевичь и полковникъ Алексѣй Өедоровичь.

([7]) Подозрѣнія, выраженныя какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ предписаніи Ростопчина Броницкому исправнику, достаточно объясняются современными обстоятельствами, чтобы не оскорблять памяти Новикова и друзей его излишними оправданіями *Н. К.* Изъ другихъ имѣющихся у насъ бумагъ оказывается, что самъ Миллеръ призналъ свои подозрѣнія неосновательными и приказалъ отдать захваченныя письма по назначенію *П. Б.*

V.

Его сіятельству господину генералу отъ инфантеріи, главнокомандующему въ Москвѣ и кавалеру, графу Растопчину.

Генералъ маіора Иловайскаго 4-го Рапортъ.

Благодаря Бога, въ краткое пребываніе войскъ въ Москвѣ, послѣ смятеній, продолжавшихся даже и по выходѣ непріятеля, теперь водворилась тишина, и жители обезпечены отъ всякихъ насилій. Бѣжавшіе изъ плѣна и скрывающіеся въ разныхъ частяхъ города, русскіе раненые, около 700 нижнихъ чиновъ и 18 офицеровъ, найденные въ самомъ жалостномъ положеніи, призрѣны и помѣщены большею частію въ странноприимномъ домѣ графа Шереметева. Оставшіеся въ главномъ гошпиталѣ русскихъ оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 646, терпящіе голодъ, получили вспоможеніе; и къ нимъ опредѣлены явившіеся здѣсь два городскіе лѣкаря, подъ надзираніемъ отставнаго подполковника Куриша. Плѣнные, приводимые во множествѣ со всѣхъ частей города и отрядовъ, внѣ онаго, помѣщаются (подъ присмотромъ отставнаго маіора Оленина) въ сохранившейся отъ пожара части Петровскаго дворца, изъ коихъ уже 550 человѣкъ препровождены въ Тверь. Къ раненымъ Французамъ, находящимся въ вѣдѣніи Воспитательнаго Дома, прикомандированъ взятый въ плѣнъ французскій лѣкарь; и отпущены жизненные припасы, которыхъ, хотя найдено нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ города Москвы и получено изъ Клина, но такъ немного, что едва достанетъ на три дня, для продовольствія войскъ и больныхъ. Обыватели же крайне въ нихъ нуждаются; почему я и нашелъ нужнымъ разослать объявленіе къ жителямъ окружныхъ мѣстъ, коего экземпляръ при семъ представляю вашему сіятельству, и послалъ за находящимся провіантомъ въ Клину. Генералъ маіоръ Бенкендорфъ рапортовалъ мнѣ, что, въ теченіи двухъ дней, переловлено болѣе 200 зажигателей и грабителей, по большей части выпущенныхъ изъ острога преступниковъ, изъ которыхъ 7 человѣкъ схвачены лейбъ-казачьимъ разъѣздомъ, противъ коего они стрѣляли изъ ружей, и нѣсколько пойманы въ святотатствѣ и смертоубійствѣ; а за бѣжавшими и грабящими вокругъ города посланы разъѣзды. Жителямъ домовъ дано отъ него приказаніе охранять оные съ тѣмъ, что ежели обитаемые ими дома загорятся или будутъ граблены, то они подвергнутся наказанію, какъ преступники. Сіи строгія мѣры имѣли хорошій успѣхъ: пожары и грабительства прекратились. Улицы отъ мертвыхъ тѣлъ и множества падшихъ лошадей, лежащихъ очень долгое время и производившихъ заразительный смрадъ, почти очищены. По приказанію его, маіоръ московской воинской команды Гельманъ, исправляющій должность полицмейстера, отыскалъ назначеннаго непріятелемъ въ Москвѣ головою, купца Находкина, у котораго взялъ всѣ его бумаги и книги, кои препроводилъ къ его императорскому величеству, съ имяннымъ спискомъ всѣмъ, опредѣленнымъ Французами въ разныя должности, чиновникамъ, съ коихъ, кромѣ скрывшагося Бестужева-Рюмина, взяты объясненія и подписки о невыѣздѣ изъ Москвы; и за ними приставленъ надзоръ. Наконецъ съ помощію генералъ маіора Бенкендорфа и дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Шаховскаго, равно какъ и опредѣленныхъ къ разнымъ порученіямъ штабъ и оберъ-офицеровъ, я успѣлъ довести всѣ части до возможнаго въ настоящихъ обстоятельствахъ порядка; о чемъ донося вашему сіятельству, честь имѣю предста-

вить при семъ, къ свѣдѣнію, списокъ всѣмъ тѣмъ чиновникамъ, кои въ нахожденіе Французовъ въ столицѣ были употреблены въ разныя должности.

Генерала-маіоръ Иловайскій 4-й

№ 1097, Октября 16 дня
1812 г. Городъ Москва.

VI.

Реестръ чиновникамъ и иностранцамъ, подписавшимся, во время бытности въ Москвѣ французскихъ войскъ, на исправленіе возложенной на нихъ должности въ муниципалитетѣ ([8]).

1) Московскій 3-й гильдіи купецъ *Александръ Крутицкій*—въ должности переводчика.

2) 3-й же гильдіи купецъ *Иванъ Гавриловъ Позняковъ*—покупкою провіанта.

3) Коммерческой академіи учитель *Богданъ Анке* — смотрѣніемъ надъ бѣдными, въ домѣ князя Дадьяна.

4) Московскій 1-й гильдіи купецъ *Петръ Ивановъ Находкинъ*—исправлялъ должность головы.

5) Сынъ его, *Павелъ Петровъ Находкинъ*,—былъ ему помощникомъ.

6) Московскій 1-й гильдіи купецъ *Василій Юдинъ Бородинъ*—размѣщеніемъ французскихъ войскъ.

7) Бухгалтеръ *Карлъ Карловъ сынъ Кустя*—при градскомъ правленіи должность секретарскую.

8) Швейцарской службы капитанъ поручикъ *Иванъ Леонтьевъ Борэкуа*.
9) Московскій купецъ *Василій Романовъ Шеметовъ*.
} смотрѣніемъ надъ гошпиталями и богослуженіемъ.

10) Купецкій сынъ *Павелъ Петровъ Коробовъ*—исправлялъ должность переводчика.

11) 2-й гильдіи купецъ *Василій Өедоровъ Коняевъ*—содержаніемъ въ чистотѣ дорогъ и мостовъ.

12) 2-й же гильдіи купецъ *Иванъ Петровъ Исаевъ* — тоже.

13) Надворный совѣтникъ, старшій штабъ-лѣкарь *Иванъ Кульманъ* — смотрителемъ надъ гошпиталями и богослуженіемъ.

14) Купецкій сынъ *Николай Николаевъ Крокъ*—наблюденіемъ спокойствія и правосудія.

15) Московскій 2-й гильдіи купецъ *Иванъ Петровъ Droновъ*—тоже.

16) Титулярный совѣтникъ *Христофоръ Дондовидъ* — собраніемъ ремесленниковъ.

17) Московскій 3-й гильдіи купецъ *Иванъ Кузьминъ Козловъ*.
18) 2-й гильдіи *Григорій Никитинъ Колугинъ* ([9]).
} смотрѣніемъ надъ гошпиталями и богослуженіемъ.

19) Капитанъ *Фердинандъ Бріонъ*—по квартирмейстерской части.

20) 3-й гильдіи купецъ *Александръ Михайловъ Прево*—освѣщеніемъ города и очищеніемъ дорогъ отъ валяющихся труповъ.

21) *Бестужевъ-Рюминъ* — для попеченія о бѣдныхъ и вспомоществованія имъ.

Иностранцы:

22) *Фракманъ*
23) *Келмеръ*
} по квартирной части.

24) *Крокъ* — о спокойствіи народномъ.

([8]) Сравни съ спискомъ, напечатаннымъ въ Рус. Арх. 1864 г. изданіе 2-е стр. 839 и слѣд.

([9]) По прежнему списку—Кольчугинъ, отецъ извѣстнаго въ Москвѣ, нынѣ умершаго, книгопродавца, Ивана Григорьевича.

25) *Фе* } на дорогахъ, ули-
26) *Дюлонгъ.* } цахъ и мостахъ.

27) *Менингъ* — по квартирной части.

28) *Стельцеръ* — о спокойствіи народномъ, правосудіи и полиціи.

Со всѣхъ нихъ, кромѣ скрывшагося Бестужева-Рюмина, взяты объясненія и подписки о невыѣздѣ изъ Москвы, и приставленъ надзоръ.

Генералъ маіоръ Илавайскій 4 й.

VII.

Донесеніе изъ Москвы.

Отставной шталмейстеръ Загряжскій сказывалъ мнѣ, что онъ съ позволенія ([10]) вашего сіятельства въ Москвѣ остался и что онъ множество Русскихъ избавилъ отъ грабежей. Жилъ съ Коленкуромъ вмѣстѣ, который совершенный ему другъ; и будто Коленкуръ ему сказывалъ, что время показать—сколько я помню милости къ себѣ императора Россійскаго ([11]).

Бестужевъ-Рюминъ, по выступленіи непріятеля изъ Москвы, уѣхалъ и коль скоро узнаю его мѣстопребываніе, пошлю привезти его въ Москву, подъ конвоемъ. Въ банковой конторѣ, гдѣ хранится мѣдная монета, она оставалась до моего пріѣзда за печатью непріятеля; я тотчасъ приложилъ свою. Считаютъ не болѣе 15 тысячь ими увезено, а въ казенной палатѣ ничего нѣтъ; ежели она оставалась, то вѣрно растаскана.

Соли очень много осталось; также въ двухъ лабазахъ пшеницы довольно, и въ двухъ лабазахъ до двухъ сотъ и болѣе кулей овса; а муки ржаной нигдѣ нѣтъ. Все оное хранится подъ присмотромъ. Сѣна также до сихъ поръ нигдѣ не отыскано; а гдѣ и было, то козаки и прочіе полки кавалерійскіе развезли къ себѣ, и лошади ихъ очень поправились.

Коллежскій совѣтникъ Вишневскій, служащій въ Кремлевской экспедиціи, дѣйствительно оставался здѣсь и занимался продовольствіемъ оставшихъ чиновниковъ, и часто бывалъ у начальниковъ, которые ему дѣлали протекцію.

Сейчасъ курьеръ, проѣзжая изъ Петербурга въ главную армію, сказывалъ, что графъ Витгенштейнъ за Двиною, въ 60 верстахъ отъ Полоцка, разбилъ непріятеля; взято нами 22 знамя и 10 пушекъ.

Говорятъ, что непріятельская главная армія тянется отъ Боровска вправо и третьяго дня, подъ Ярославцомъ, было большое сраженіе, а чѣмъ оно кончилось, неизвѣстно. Непріятельскихъ войскъ тысячь до трехъ съ 6-ю пушками третьяго дня еще были въ Можайскѣ.

Фелдъегерь, который сейчасъ провезъ къ вашему сіятельству бумагу отъ графа Аракчеева, сказывалъ что Алексѣй Андреевичъ ([12]) всѣми дѣлами управляетъ, какъ военными такъ и штатскими, и будто прочіе министры ничего не дѣлаютъ.

21 Октября 1812.
Москва.

VIII.

Замѣтки на память.

(А. Я. Булгакова).

Пятница 30-го (Августа). — Имянины императора. Графъ ([13]) не ѣдетъ въ соборъ. Отвѣтъ его на мою просьбу ѣхать туда. Является Лобановъ. Панинъ, Анстетъ, Энгел... Обѣдъ у графа. Ва-

([10]) О немъ см. ниже въ *Замѣткахъ.*

([11]) До войны Коленкуръ былъ французскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ.

([12]) Т. е. Аракчеевъ.

([13]) Растопчинъ

сил... Предложеніе графа. — Тончи ([14]). Принца Ге. Фил. повезли. Всѣ не веселы. Браницкій пріѣхалъ. Намѣреніе графа ѣхать въ армію. Все убираемъ въ кабинетѣ. Слезы графа о плѣнныхъ. Я прошусь къ Наташѣ ([15]). Больная нога. Графъ переѣзжаетъ на Лубянку ([16]). Ужинъ у Фаста. Павелъ Дмитріевичъ является. Приклонск... ([17]). Улан..... Вино и сыръ Зосимы.

Субота 31.—Рано ѣду въ подмосковную. Олинька пугаетъ всѣхъ восклицаніемъ, увидя меня. Князя ([18]) нѣтъ, къ удивленію моему. Укладываютъ и увязываютъ все.

Воскресенье, 1-го (*Сентября*) По утру ѣдетъ Наташа въ Чуприно, къ seconde maman ([19]). Приверженность мужиковъ къ намъ. Прощанія. Наташа отправляется съ обозомъ. Я остался дѣлать разныя распоряженія; да и лошадей не было.

Понедѣльникъ 2-го. — Поѣхалъ въ Москву въ телегѣ. Въ пять часовъ по полудни подъѣзжаю къ ней. Картина бѣглецовъ, пѣшкомъ, верхомъ и въ повозкахъ. Что обо мнѣ говорятъ? Я не вѣрю; ѣду далѣе. У заставы нѣтъ никого. Кабакъ разбитъ. У острога колодники бѣгутъ: ихъ выпустили, или они поломали замки сами. Пріѣзжаю къ Фасту. Насилу достучался. Что тамъ происходило. Противъ Пушкина убиваютъ солдаты наши лавочника. Ѣду по Басманной. Ужасная картина. Не у кого спросить, гдѣ графъ. Грабежъ вездѣ ранеными и мародерами. Человѣкъ въ сюртукѣ мнѣ говоритъ, что Французы уже въ Кремлѣ. Я не вѣрю, ѣду далѣе, тѣмъ паче, что другой говоритъ, что графъ на Лубянкѣ. Хочу ѣхать отъ Красныхъ воротъ на Кузнецкій мостъ; но Кирила говоритъ, что лучше валомъ, къ Сухаревой башнѣ, потому что лошади не подкованы. Въѣзжаемъ на Срѣтенку. „Брось саблю“, кричатъ мнѣ всѣ. Попадаюсь къ Французамъ. Какимъ чудомъ избавляюсь отъ нихъ. Козаки. Разговоръ съ французскимъ офицеромъ, раненымъ. Покупаю саблю. Лечу вонъ изъ заставы. Вижу Ел. Яковлев. Разговоръ съ нею. Останавливаюсь за двѣ версты. Пальба изъ пушекъ и ружей. Размышленія о сдачѣ Москвы. Пожары въ городѣ. Ужасное чувство. Уныніе и отчаяніе бѣгущихъ жителей изъ города и подмосковныхъ. Ночую за шесть верстъ. Спать не могу. Дѣлаю планъ. Въ городѣ не знаютъ ничего о графѣ.

Вторникъ 3-го. — Возвращаюсь въ подмосковную. Яковлевъ ([20]) ѣздитъ съ афишами: trop tard! Иванъ Васильев.. Подводы подъ Лобанову армію ([21]) Приказъ всѣхъ бѣглыхъ принимать и кормить. Инструкція мужикамъ.

Середа 4-го. Ѣду догонять Наташу, не найдя графа. Багратіонъ и пр. въ Троицѣ. Ворочаю Лобанову армію назадъ. Обѣдаю въ Александровѣ. Отправляю эстафету черезъ исправника къ графу, адресуя губернатору Владимірскому ([22]).

([14]) Извѣстный живописецъ и портретистъ. Интересныя біографическія извѣстія о Тончи помѣщены Я. К. Гротомъ во II томѣ сочиненій Державина. Спб. 1865 стр. 397—404 въ примѣчаніи къ стихотворенію «*Тончію*.»

([15]) Жена Булгакова, Наталья Васильевна, рожденная кн. Хованская.

([16]) Т. е. съ дачи изъ Сокольниковъ?

([17]) Приклонскіе — родственники Булгакова

([18]) Кн. Василій Алексѣевичь Хованскій—тесть Булгакова.

([19]) Такъ въ своихъ письмахъ зоветъ Булгаковъ княгиню Куракину (Нат. Ивановну?)

([20]) Сыщикъ.

([21]) Кн. Дмитрію Ивановичу Лобанову-Ростовскому, бывшему до того военнымъ губернаторомъ въ Ригѣ, поручено было формированіе резервной арміи.

([22]) Авдій Николаевичь Супоневъ.

Четвергъ 5-го. Ночую, не доѣхавъ Юрьева, въ деревнѣ Остермана. Ось сгорѣла. Слышу, что Ив. и Волков. въ Юрьевѣ. Разговоры по дорогѣ.

Пятница 6-го. Ночую въ шести верстахъ отъ Лежнева. Актеры московскіе. Лисицын. Балет....

Субота 7-го, Пріѣхалъ въ Чуприно. Заѣзжалъ къ Ямановскимъ. Перваго вижу П. П. Нар..

IX.

Письма А. Я. Булгакова.

I. Къ Натальѣ Васильевнѣ Булгаковой. ([23])

Владиміръ 19-го Октября 1812.

Ямановскій заставилъ меня остаться съ нимъ обѣдать; такимъ образомъ я сюда пріѣхалъ только вчера, какъ разъ къ тому времени, когда графъ садился за столъ. Это было весьма кстати, ибо я ужасно проголодался. Графъ чувствуетъ себя несравненно лучше; погода великолѣпная; онъ каждый день гуляетъ пѣшкомъ. Вчера мы были у Барклая де-Толли ([24]). Графъ поручилъ мнѣ передать тебѣ тысячу любезностей. Онъ со смѣхомъ прочелъ намъ твою статью о предосторожностяхъ противъ московской чумы; но когда онъ дошелъ до словъ: „не забывайте, что вы обязаны сдѣлать что нибудь и для друзей", — насмѣшливое выраженіе лица его измѣнилось, и я увидѣлъ какъ глубоко онъ былъ тронутъ твоими дружескими словами. Прочитавъ письмо seconde maman, онъ сказалъ: „мало найдется людей, которые такъ пишутъ; письмо это не заслуживаетъ своей участи; но княгиня требуетъ, чтобъ я его сжегъ." И за тѣмъ онъ изорвалъ его въ клочки. Я не буду передавать тебѣ всего того, что онъ говорилъ о васъ двухъ: это было бы слишкомъ длинно; но могу завѣрить, что графъ любитъ васъ очень, очень. Скажи доброй seconde maman, что я не замедлилъ поговорить съ графомъ о Меркуловѣ; онъ сказалъ, что Голицынъ ведетъ себя какъ школьникъ и прибавилъ: „Меркуловъ! ба, да это нашъ гатчинскій." Однимъ словомъ, при случаѣ, онъ не оставитъ его своимъ покровительствомъ, а, въ случаѣ нужды, сумѣетъ и защитить его. — Я здѣсь нашелъ два письма отъ Воронцова: почти все, что онъ пишетъ, намъ уже извѣстно. Графъ, о которомъ онъ много говоритъ, прочелъ ихъ и самъ ему написалъ, чтобы предупредить его о нашемъ пріѣздѣ въ Андреевское([25]). День нашего отъѣзда еще не назначенъ, но кажется, что мы не замедлимъ отправиться въ Москву. — Благодаря неусыпнымъ заботамъ Бенкендорфа, порядокъ тамъ совершенно возстановленъ, и городъ снабжается припасами, которые крестьяне свозятъ во множествѣ, со всѣхъ сторонъ. Обрѣзковъ ([26]), пріѣхавшій нѣсколькими минутами послѣ меня, привезъ намъ множество любопытныхъ подробностей. Мы не можемъ объяснить себѣ поспѣшность, съ которою Французы оставили Москву. — Обрѣзковъ жилъ въ домѣ Шальме ([27]): вся эта сволочь сидѣла за ужиномъ, который остался нетронутымъ; на столѣ нашли вилки воткнутыми въ котлеты, а возлѣ лежали ножи, которые должны бы-

([23]) Какъ это письмо, такъ и послѣдующія писаны частью по французски, частью по русски.

([24]) Извѣстно, что Б. де Толли, въ половинѣ сентября, оставивъ театръ войны, прожилъ нѣсколько времени во Владимірѣ, потомъ въ Калугѣ, откуда отправился въ свое лифляндское имѣніе.

([25]) Извѣстное Воронцовское помѣстье подъ Владиміромъ.

([26]) Николай Васильевичъ, московскій гражданскій губернаторъ.

([27]) Содержательница гостинницы, близъ большой Дмитровки, въ домѣ нынѣ Обидина.

ли разрѣзать ихъ. Бездѣльница Шальме все оставила, даже всѣ свои бумаги, которыя теперь у насъ и между которыми находится черновое письмо ея къ Наполеону, гдѣ она между прочимъ говоритъ: „я васъ прошу объ одномъ, — помѣстить въ лицей моихъ двухъ сыновей и возвратить изъ ссылки моего мужа, котораго выслалъ гр. Ростопчинъ, когда побѣды ваши встревожили этотъ городъ. Я разорена; я оставляю въ Москвѣ на 500 тысячъ франковъ бронзовыхъ и фарфоровыхъ вещей“ и проч. и проч. Кстати, графъ намѣренъ вымѣстить наши потери. Такъ какъ мы лишились всего, то онъ объявилъ намъ, что мы въ правѣ взять изъ магазина Шальме, все что только намъ заблагоразсудится. Онъ предлагаетъ тебѣ и seconde maman лучшіе два чайные сервиза, для seconde maman—запасъ французскаго табаку, для тебя духовъ, помады и все что̀ мнѣ вздумается. Для самаго себя, графъ возметъ столовый сервизъ, такъ какъ его собственный сервизъ похищенъ. Приложены печати, приставленъ караулъ, опись составлена, такъ что Ивашкина (²⁸) ошибется въ своихъ расчетахъ: развѣ ея мужъ захватитъ другую какую нибудь лавку.— 53 лица, которыя въ разныхъ должностяхъ служили Наполеону, попались въ сѣти и арестованы Бенкендорфомъ. Они увѣряютъ, что ихъ силой принудили къ службѣ; но это ихъ не спасетъ. Раскольники играютъ во всемъ этомъ важную роль. На досугѣ, я пришлю тебѣ списокъ этихъ измѣнниковъ. Всѣ ихъ бумаги посланы Государю.—Я передаю много извѣстій въ запискѣ на русскомъ языкѣ, которую доставитъ тебѣ Ямановскій. Трупы почти всѣ зарыты; осталось еще немного на Таганкѣ. Китай-городъ съ лавками весь сожженъ, только уцѣлѣлъ греческій монастырь, домъ Кусовникова и еще домовъ съ 5. Ты не можешь себѣ представить, какое впечатлѣніе произвелъ на народъ видъ Ивана Великаго и кремлевскихъ соборовъ, оставшихся совершенно *не поврежденными*; все вокругъ или сожжено или разрушено, а церкви стоятъ по прежнему. Толстый Шаховской (²⁹), который служитъ въ тверскомъ ополченіи, прежде всего заперъ ихъ на ключъ; и теперь съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія Августина, который первый войдетъ въ нихъ и за тѣмъ распорядится и остальнымъ. Посылаю тебѣ нѣсколько печатныхъ объявленій Иловайскаго, по моему мнѣнію очень хорошо написанныхъ. — Если будешь писать Полинѣ, передай ей отъ меня поцѣлуй и скажи Прокофію Өедоровичу (³⁰) что его бронзовыя вещи сохранились въ подвалѣ, хотя домъ и сгорѣлъ. Обрѣзковъ говоритъ, что вообще все, что̀ было сложено въ кладовыхъ, цѣло и невредимо, а слѣдовательно и наши вещи въ домѣ твоего отца. Представь себѣ, что домъ князя Петра какъ ни въ чемъ не бывало: этотъ человѣкъ счастливъ во всемъ, и кромѣ того пользуется благополучіемъ въ семейной жизни; а семейное счастіе — дѣло не послѣднее. — Загородный домъ графа (³¹) сожженъ; городской—нѣтъ: одно только окно обвалилось отъ сотрясенія, во время большаго кремлевскаго взрыва. Грабили безъ разбора и зря. Картины увезены, книги частью разбросаны по-полу, частью оставлены въ шкапахъ. Портретъ графа работы Тончи, съ котора-

(²⁸) Ген. м. Петръ Ивашкинъ былъ московскимъ оберъ-полицмейстеромъ.

(²⁹) Если не ошибаемся, это нашъ извѣстный драматургъ, кн. Александръ Александровичь.

(³⁰) Соковнину, женатому на младшей изъ кн. Хованской, кн. Софьѣ Васильевнѣ.

(³¹) Въ с. Вороновѣ.

го у тебя есть гравированная копія, увезенъ, также и знаменитая статуя Сенеки; статуя Цесаря изъ краснаго порфира уцѣлѣла, большой коверъ тоже оставленъ; недорогая мебель разбита, а большіе бронзовые канделябры и огромное зеркало — на своихъ мѣстахъ. У графини повытаскали пропасть вещей, а оставили въ углу великолѣпное распятіе, которымъ благословилъ ее графъ, и лампаду, которая передъ нимъ горѣла. Экипажи изрублены саблями. Говорили, что подъ домомъ заложена мина; почему вошли въ домъ со всевозможными предосторожностями, и раскапываютъ землю. Надо полагать, что не успѣли сжечь дома, или что въ попыхахъ забыли его; загородный же домъ былъ сожженъ, въ самую минуту выѣзда изъ Москвы ([32]). Французы, т. е. Наполеонъ взбѣшенъ на графа. Ты увидишь это изъ разговора его съ Тутолминымъ, который я передаю въ своей запискѣ. Кромѣ того, въ одномъ перехваченномъ письмѣ къ Жозефинѣ, онъ называетъ графа русскимъ Маратомъ, — что̀ глупо и невѣрно. Маратъ проповѣдывалъ возмущеніе противъ правительства, а графъ возбуждаетъ всѣхъ противъ врага, который оскверняетъ нашу родную землю. Впрочемъ злоба не разсуждаетъ и довольствуется бранными словами. Актеры послѣдовали за Французами; посылаю тебѣ одну изъ ихъ афишъ; числа обозначены по новому стилю. Бѣдный Винценгероде попался въ плѣнъ; ему вздумалось выкинуть молодецкую штуку и проѣхать подъ видомъ парламентера; его схватили на Тверской, противъ дома главокомандующаго. Онъ положился на козаковъ, которые увѣрили его, что Москва совершенно оставлена Французами. Левъ Н., узнавъ, что его начальникъ въ плѣну, ударилъ свою лошадь въ шпоры, изрубилъ нѣсколькихъ Французовъ, въ надеждѣ спасти его, но сдѣлался жертвою своего самоотверженія: онъ тоже взятъ въ плѣнъ; по крайней мѣрѣ ему нечего бояться, тогда какъ тотъ, по законамъ Бонапарта, будетъ разстрѣленъ, какъ виртембергскій подданный и вестфальскій землевладѣлецъ. Если Государь горячо заступится за него, можетъ быть, онъ и будетъ спасенъ; дай Богъ! Къ чему было молодечествовать!—Герой Витгенштейнъ, перехвативъ наполеоновскаго курьера со всѣми планами и увидавъ изъ нихъ, что Макдональдъ находится въ безнадежномъ положеніи, напалъ на него, разбилъ и овладѣлъ Полоцкомъ, чѣмъ сыгралъ плохую шутку всѣмъ войскамъ Наполеона, которыя бѣгутъ по направленію къ Витебску. За это дѣло Витгенштейнъ пожалованъ въ генералы отъ кавалеріи. Бонапартъ въ плохихъ обстоятельствахъ. Досадно, что Кутузовъ не дѣйствуетъ наступательно; впрочемъ своими распоряженіями онъ заставилъ Наполеона идти по той же дорогѣ, по которой пришелъ, и гдѣ онъ околѣетъ съ голода. Его главная цѣль— отступать по калужской дорогѣ, но путь этотъ ему прегражденъ: онъ хотѣлъ пробраться черезъ Пруссію, но побѣда Витгенштейна отняла всякую возможность привести это намѣреніе въ исполненіе. Съ другой стороны положеніе, принятое Бертье и другими генералами и маршалами, наводитъ его на размышленіе. Онъ по неволѣ долженъ остаться при арміи и погибнуть вмѣстѣ съ ней. Теперь выходитъ, что сами Французы его стерегутъ и не выпускаютъ. Не говоря уже о Платовѣ, который денно и ночно караулитъ его, не сходя съ лошади, представь себѣ, что съ 27 августа сообщенія его съ Франціей пре-

([32]) Вѣроятно, Булгаковъ еще не зналъ въ эту минуту, что великолѣпный домъ въ Вороновѣ сожженъ былъ самимъ гр. Растопчинымъ.

рваны. Въ какой тревогѣ должны быть всѣ въ Парижѣ, гдѣ всякій имѣетъ родственника въ арміи! — Говорятъ, что австрійскій императоръ умеръ; эрцгерцогъ Карлъ регентомъ; онъ тотчасъ же отозвалъ Шварценберга и армію выставленную противъ насъ, говоря, что онъ желаетъ жить въ мирѣ со всею Европой. Слѣдовательно армія Тормасова не замедлитъ соединиться съ арміею Чичагова. Эртель превосходно дѣйствуетъ въ окрестностяхъ Чернигова и наноситъ много вреда непріятелю. Что всего болѣе радуетъ, это собственныя слова Государя, которыя великая княгиня передаетъ графу; въ письмѣ своемъ къ ней отъ 24-го сентября, Государь говоритъ: „я никогда не заключу мира съ Бонапартомъ; впрочемъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, еслибъ и желалъ, я бы не могъ этого сдѣлать." Я тебѣ скажу по секрету, что, какъ только мы возвратимся въ Москву, графъ пошлетъ меня къ Государю, съ секретнымъ порученіемъ. „Только вамъ могу я поручить это, сказалъ графъ; я снабжу васъ небольшимъ письмомъ, остальное вы передадите Государю на словахъ." — Ужъ ежели доберусь до него и буду одинъ, заговорю съ полной откровенностью и свободой, ибо сердце мое горитъ любовью къ Россіи и преданностью къ нашему Государю. И такъ, если у тебя есть порученія въ Петербургъ, шепни мнѣ ихъ впередъ на ухо. . . . . Графъ еще разъ повторилъ мнѣ, что такъ какъ въ его домѣ на Лубянкѣ можно жить, то онъ въ немъ остановится, и приглашаетъ и насъ помѣститься въ немъ. Я отвѣчалъ, что для меня лично нѣтъ другаго пріюта, какъ тотъ, который онъ мнѣ укажетъ; что же касается до тебя, то что ты отправишься въ свою подмосковную . . . . . . Нѣжно поцѣлуй добрую seconde maman. Увы, здѣсь нѣтъ французскаго табаку; но г-жа *Шельма* снабдилъ насъ и табакомъ и помадой. Губернаторъ Обрѣзковъ ѣдетъ сегодня въ Москву. Прощай, милая и дорогая Наташа. Нѣжно тебя цѣлую и посылаю мое благословеніе дѣтямъ. Я разсказалъ графу всѣ Катинькины проказы. Прошу тебя продолжать внушать ей ненависть къ Французамъ, повторять съ ней азбуку и другія шалости, le pas de ballet du gros oncle etc. etc. . . . . Не забудь сохранять мои письма и бумаги, которыя я тебѣ посылаю.—Видно, и вино наше цѣло у Волкова. Бенкендорфъ захватилъ собственный обозъ Наполеона. Онъ намъ прислалъ двѣ бутылки изъ наполеоновскаго погреба; на бутылкахъ красуется N съ императорской короной; вино намъ присланное— Шато-Марго.

P. S. Радость безмѣрная! Сію минуту получилъ письмо отъ дорогаго Кости ([33]). Онъ съ Чичаговымъ. Пишетъ изъ Бреста Литовскаго. Онъ здоровъ, сильно о насъ безпокоится и указываетъ на одного изъ офицеровъ кн. Кутузова, у котораго мы можемъ взять 2000 руб. Онъ думаетъ, что мы въ самомъ плачевномъ положеніи, послѣ московскаго бѣдствія. Невѣста его ([34]) съ родными была уже на пути къ Москвѣ; но, узнавъ, что Москва въ рукахъ Французовъ, они остановились въ Кишеневѣ. Онъ возметъ отпускъ и пріѣдетъ съ нами повидаться. Онъ очень доволенъ Чичаговымъ. Я одурѣлъ отъ радости, ибо, признаться сказать, на меня находили ужасныя минуты; и считаю себя счастливымъ, что могъ скрыть отъ тебя мои безпокойства. Курьеръ, черезъ котораго получилъ я письмо брата, привезъ графу вѣсть о побѣдѣ, одержанной Дохтуровымъ надъ Неемъ. — Передай Ямановскому слѣдующее: Бонапар-

([33]) Братъ Булгакова, Константинъ Яковлевичъ.
([34]) Марія Константиновна Варламъ.

те тѣснимъ со всѣхъ сторонъ; онъ бросился было на Медынь, но нашелъ, что занята Кутузовымъ; потомъ бросился на Юхновъ, но тутъ былъ уже Платовъ, и такъ онъ вынужденъ идти на несчастную смоленскую дорогу. Онъ теряетъ ежедневно отъ 1000 до 1500 чел. дезертирами. Взято уже 40 пушекъ по дорогамъ, и онъ мечется какъ угорѣлая кошка. Подробностей дѣла не имѣемъ; но побито тысячь 10 у непріятеля, а Дохтуровъ легко раненъ; взяты 2 польскіе генерала въ полонъ. — Прощай, милый другъ. Пора печатать.

2. Къ Константину Яковлевичу Булгакову.

Владиміръ, 20-го октября 1812 г.

Сегодня былъ я несказанно обрадованъ, милый и любезный братъ, твоимъ письмомъ, твоимъ № 22-мъ, отъ 28 сентября, изъ Бреста Литовскаго. Графъ мнѣ его вручилъ, а ему принесъ пріятель твой Закревскій ([35]), съ которымъ и я успѣлъ подружиться: онъ достойный малый. Ожилъ я теперь, а то былъ преданъ различнаго рода огорченіямъ, главнѣйшее же не знать, что́ съ тобой дѣлается и гдѣ ты. Послѣ моего № 104-го, не могъ я къ тебѣ и писать, ибо все въ величайшемъ было растройствѣ около нашей матушки Москвы. Мы дожили до предѣловъ Божьяго гнѣва: все намъ начинаетъ улыбаться, и кровожаждущій злодѣй видитъ самъ себя у самой гибели своей. Тѣснимый, поражаемый со всѣхъ сторонъ, терпя голодъ и холодъ, онъ долженъ былъ оставить Москву и искать бѣжать во Францію; но Бертье отказалъ принять команду арміи, равно и прочіе маршалы: они дали ему почувствовать, что положеніе ихъ таково, что онъ одинъ можетъ спасти погибающую армію, ободряя ее своимъ присутствіемъ; и такъ не пустили его зимовать въ Варшаву съ гвардіею. Побитый 6-го Бенигсеномъ, онъ оставилъ Москву; 8 разъ былъ выгнанъ изъ М. Ярославца; побитъ 11-го Дохтуровымъ; бросился было на Медынь, которую нашелъ занятою Раевскимъ; кинулся къ Юхнову, но тутъ Платовъ; и такъ припужденъ онъ броситься на смоленскую дорогу, умирать съ голода. Кавалерія его сдѣлалась пѣхотой, а артиллерію возятъ на волахъ. Съ 27-го августа онъ безъ сообщенія съ Франціей; все у него перехватывается: недавно взяты его погребъ, кухня, берейторъ, планы, канцелярія и даже печати. Ежели бы другой, а не эта старая, кривая баба, командовалъ нами, дѣло было бы съ концомъ. Теряетъ дорогое время, много дѣлаетъ упущеній; но Богъ не покидаетъ Россіи. Мальчишка этотъ Кайсаровъ всѣмъ управляетъ у Кутузова и за него даже подписываетъ бумаги. Всѣ глаза обращены на вашего адмирала; всѣ ждутъ много отъ его пылкаго нрава и русскаго духа. Ему вѣрно предоставлена вѣчная въ исторіи слава — встрѣтить, побить и полонить Наполеоново тѣло или трупъ. Дай то Богъ! Русскіе горятъ мщеніемъ. У злодѣя токмо 50000 чел., войска поганаго наиболѣе. — Императоръ пишетъ къ вел. княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ: „я вамъ даю слово, что я никогда не заключу мира съ Бонапартомъ. Впрочемъ, если бъ и желалъ, не могъ бы этого сдѣлать.“ — Но полно о дѣлахъ: они вѣрно тебѣ извѣстны также хорошо; давай говорить объ насъ самихъ. Мы всѣ начинаемъ отдыхать. Завтра ѣду я съ графомъ въ Москву. Онъ мнѣ довѣрилъ, что тотчасъ пошлетъ меня къ императору съ письмомъ и съ важными препорученіями, кои буду имѣть счастіе изустно императору пересказать. Я не могу пересказать, сколько я гра-

([35]) Арсеній Андреевичъ, впослѣдствіи графъ.

фомъ любимъ и дружеское его со мной обхожденіе. Вотъ, братъ, человѣкъ души, правилъ, честности и ума, какихъ мало имѣетъ Россія. Отдача Москвы, нашей матери, причинила ему болѣзнь, отъ которой ждалъ я худаго конца; но Богъ его сберегъ для блага отечества; только осталась еще малая слабость. Мы завтра обѣдаемъ за 50 верстъ отсюда у почтеннаго Воронцова, въ Андреевскомъ. Вообрази, что у него тамъ госпиталь: 43 офицера раненыхъ и множество солдатъ. Онъ ихъ покоитъ, кормитъ, лѣчитъ, смотритъ за ними какъ за братьями; какія нѣжныя старанія прилагаетъ онъ о ихъ скоромъ выздоровленіи! Я ужъ два раза у него былъ, и почти все о тебѣ и разговоръ былъ: онъ очень тебя любитъ. Онъ уже ходитъ на костыляхъ и черезъ двѣ недѣли будетъ на ногахъ. При первомъ извѣстіи объ освобожденіи Москвы, послалъ я туда подводы съ Евсѣемъ, чтобы вытаскать изъ дома батюшкина все, чтò найдется цѣлаго. Увѣряютъ, что дома наши не сожжены. Наташа съ дѣтьми все у княгини Куракиной, въ деревнѣ, за 110 верстъ отсюда и за 45 отъ Шуи, въ селѣ Чупринѣ, гдѣ, кажется, и зимовать будутъ. Имъ тамъ какъ у Христа за пазухой. Олинька и Zisou также тамъ. Всѣ, благодаря Бога, здоровы и Бога благодарятъ, что наша подмосковная осталась вовсе невредима; а туда много мы вытаскали изъ Москвы добра, мебелей, книгъ, вина и проч. . . . . . Мы дешево еще отдѣлались, особливо я, ибо, какъ я тебѣ писалъ, я былъ въ когтяхъ французскихъ: одно мое хладнокровіе меня спасло. Это письмо берется тебѣ доставить Закревскій. Онъ съ нами ѣдетъ къ Воронцову. Я буду тебѣ писать изъ Петербурга и налягу тамъ на Тургенева; это уже его дѣло будетъ доставить тебѣ мое письмо. Бѣдный Фастъ поразорился французскимъ посѣщеніемъ: часть Петелина сожжена, а равно и домъ его въ Плетешкахъ. Я къ нему послалъ нарочнаго съ извѣстіемъ объ освобожденіи Москвы: онъ будетъ скоро къ намъ, надѣюсь; я буду объ немъ стараться у графа болѣе нежели о себѣ. Какъ ни много всѣ пострадали, но никто и не подумаетъ сожалѣть о потерянномъ, лишь бы истребили мы злодѣя нашего и всего рода человѣческаго. Слава, которая на насъ падетъ, заставитъ все забыть. Волковъ ([36]) въ Вологдѣ со всѣми своими; я также за ними послалъ. Jeannot адъютантомъ у графа П. А. Толстаго ([37]), въ Нижнемъ, и Henriette тамъ же. Всѣ разбѣжавшіеся начинаютъ скопляться здѣсь; въ Москву ѣдетъ уже множество людей.—Я радъ, что ты къ арміи не прикованъ: тѣмъ скорѣе къ намъ будешь. Отпросись право въ отпускъ, мѣсяца черезъ два, чтобы дать мнѣ воротиться изъ Петербурга. Пиши мнѣ все черезъ графа, адресуя черезъ Владиміръ въ Москву. Мы тотчасъ учредимъ почты, освятимъ храмы Божіи, гдѣ подѣланы конюшни; похоронимъ всѣ мертвыя тѣла и проч. Спасибо Бенкендорфу: онъ вошелъ первый и возстановилъ порядокъ и тишину въ Москвѣ. Витгенштейнъ разбилъ Макдональда, взялъ Полоцкъ и сдѣланъ генераломъ отъ кавалеріи. . . . . . Какъ я радъ, что до-сыта съ тобой наговорился. Прощай, мой любезнѣйшій и дорогой братъ. Несчастія насъ постигшія дѣлаютъ истинныхъ дру-

---

([36]) Андрей Александровичъ Волковъ, одинъ изъ тогдашнихъ Московскихъ полицмейстеровъ, при Николаѣ служившій въ III отдѣленіи собств. и. в. е. канцеляріи, умеръ въ 1833 г. — А. Я. Булгаковъ написалъ его біографію (М. 1833)

([37]) Гр. Петръ Александровичъ Толстой, бывшій Петербургскій военный губернаторъ и занимавшій съ Эрфуртскаго съѣзда постъ русскаго посла въ Парижѣ, откуда былъ отозванъ, въ угоду Наполеона; имѣлъ главное начальство надъ Нижегородскимъ ополченіемъ.

зей еще драгоцѣннѣе; все можно потерявши нажить опять, но старый, истинный другъ — потеря невозвратная. Покуда Богъ мнѣ ихъ сохранитъ, я роптать не буду. Прощай, мой милый; обнимаю тебя отъ всей души; будь здоровъ, благополученъ. Пиши намъ.

3. Къ Н. В. Булгаковой.

Владиміръ, 21-го октября.

Это, мой другъ, послѣднее письмо, которое я пишу тебѣ отсюда. Обрѣзковъ уже поѣхалъ впередъ; Ильинъ и Шнаубертъ ѣдутъ сегодня вечеромъ; Поповъ ([38]) послѣ завтра; а я — выѣзжаю завтра рано утромъ, съ милымъ графомъ. Мы отправляемся къ Воронцову, у котораго пробудемъ, какъ я полагаю, одинъ день, а потомъ догонимъ нашихъ, которые будутъ ждать насъ въ Покровѣ. Къ великому моему удовольствію, я узналъ, что Ямановскій устроилъ постоянную почту съ Москвой. Я уже принялъ свои мѣры на этотъ счетъ и выправилъ для четверыхъ изъ его людей свидѣтельства, за подписью графа; такъ что они будутъ заходить ко мнѣ въ Москвѣ, отдавать мнѣ твои письма и брать мои. И такъ я буду писать къ тебѣ тотчасъ по пріѣздѣ и исполню порученія seconde maman. Графъ сію миниту получилъ съ курьеромъ извѣстія изъ Москвы. Иловайскій доноситъ ему, что Французы, отступая, взрываютъ свои зарядные ящики и убиваютъ упряжныхъ лошадей, дабы ни то ни другое не сдѣлалось добычей Русскихъ. Милорадовичь слѣдуетъ по пятамъ Бонапарта, который взбѣшенъ тѣмъ, что ему не удалось привести въ исполненіе свое главнаго плана: — занять калужскую дорогу и бѣжать черезъ Орелъ и Малороссію, гдѣ почти нѣтъ войска, которое могло бы воспрепятствовать его движенію.—Я убѣжденъ, что Чичагову предстоитъ слава схватить его живымъ или мертвымъ; онъ, по моему разсчету и судя по письму Кости, долженъ по крайней мѣрѣ уже быть въ Минскѣ. . . . . Кстати, я узналъ черезъ курьера, что батюшкины дома уцѣлѣли, также какъ и домъ Демидова и наша приходская церковь; противоположная же сторона вся сгорѣла. . . . . Ты нѣсколько разъ просила меня писать объ Августинѣ; посылаю копію съ письма, которое получилъ отъ него графъ.—Тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, насъ займутъ три вещи: 1) освященіе церквей, 2) устройство почтъ и 3) возстановленіе изданія Московскихъ Вѣдомостей, ибо въ городѣ еще есть негодяи, которые распускаютъ слухъ, что Французы въ 10-ти верстахъ и скоро возвратятся.-Курьеръ сказывалъ намъ, что черный хлѣбъ продавался по 8-ми копѣекъ, а теперь по 4, сѣно по 75 коп. пудъ, овесъ по 7 р. 50 коп., лучшая говядина по 20-ти коп. — По приказанію Государя, всѣ тѣ, которые были на службѣ у Французовъ, посажены въ кибитки и уже отправлены въ Петербургъ. Мертвыхъ тѣлъ стало очень мало; чтобъ отвратить зловоніе даже будущей весной, графъ приказалъ жечь всѣ лошадиные трупы: это потребуетъ меньше времени. Посылаю тебѣ, мой другъ, нѣсколько №№ журнала Пельтье (Peltier), въ которыхъ ты найдешь весьма занимательныя статьи. Повторяю просьбу хранить мои письма со всѣми приложеніями. . . . . Кн. Дмитрій Петр. Волхонскій умеръ въ Рязани отъ водяной. Говорятъ о свадьбѣ Николая Гагарина съ Натальей Корсаковой; но я этому не вѣрю: онъ теперь въ Нижнемъ, безъ движенія отъ ревматизмовъ. . . . . . Я долженъ тебя оставить; мнѣ еще надо не много заняться съ графомъ; мы ра-

([38]) Ильинъ и Поповъ чиновники, служившіе при гр. Растопчинѣ. Шнаубертъ—его докторъ.

но ложимся, такъ какъ выѣзжаемъ завтра въ 5 часовъ утра. . . . . Графъ посылаетъ вамъ тысячу любезностей; бѣдняжка измучился писавши. Прощай, мой другъ; буду писать отъ Воронцова. Завтра пріѣзжаетъ сюда Августинъ, съ иконами Смоленской и Иверской Божьей Матери. Балашовъ ([39]) не крѣпко держится: значеніе его быстро падаетъ.

*

Богородскъ 23-го октября.

Мы выѣхали изъ Владиміра вчера утромъ, пріѣхали къ Воронцову къ самому обѣду и остались ночевать. Я оттуда не писалъ, мой другъ, не имѣя ничего особеннаго тебѣ сообщить. Посѣщеніе графа крайне обрадовало почтеннаго Воронцова; день этотъ провели мы очень пріятно; позавтракавши, оставили Андреевское. Переѣздъ до Богородска показался мнѣ пріятной прогулкой, благодаря несравненной бесѣдѣ графа: мы разговаривали безъ умолка. Кромѣ того онъ останавливается въ каждой деревнѣ и разспрашиваетъ крестьянъ о ихъ нуждахъ и о неистовствахъ, произведенныхъ Французами. Вездѣ принимаютъ его съ неподдѣльной радостью, и всѣ выходятъ встрѣчать съ хлѣбомъ и солью. До Богородска все цѣло и невредимо, кромѣ Бунькова, гдѣ изъ 74-хъ крестьянскихъ дворовъ осталось только 10: остальное сожгли Французы. Здѣсь ничего не сожжено, но въ домѣ исправника, который мы занимаемъ, вся мебель исполосована сабельными ударами, а сафьянъ содранъ. Жители разбѣжались; оставалось только 7 человѣкъ: они убили нѣсколькихъ Французовъ, которые вошли въ городъ прежде другихъ; бѣдняги эти были схвачены вступившими войсками, и съ ними учинили такія варварства, что страшно разсказывать. Одного изъ нихъ окунули, въ бѣльѣ, въ масло и сожги живаго на кострѣ, около котораго грѣлись эти изверги. Содрогаешься при одной мысли объ этихъ ужасахъ. Какъ послѣ того не ожесточиться противъ тѣхъ, которые помогали Французамъ или служили имъ проводниками?! До сихъ поръ намъ удалось арестовать только двухъ подъячихъ, которыхъ графъ тотчасъ отдалъ въ солдаты. Дорого бы мы дали, чтобы имѣть въ рукахъ Горенскаго медика гр. Разумовскаго: онъ провелъ сюда Французовъ. Наша деревня отсюда въ какихъ нибудь 30-ти верстахъ. Французы уже навели мостъ черезъ Клязьму, чтобы идти на Троицу; но имъ пришлось бѣжать отсюда, не осуществивши своего плана. Вотъ какимъ чудомъ спасено было наше милое имѣньице. Исправникъ былъ тамъ, четыре дня тому назадъ: все тамъ слава Богу, благополучно и спокойно. Дурасовъ проѣхалъ здѣсь и уже теперь въ Петровскомъ. На дорогѣ объѣхали мы много ополченія, идущаго въ Москву; становились во фронтъ и отдавали намъ честь рогатинами своими. Кстати, поздравляю съ побѣдой. Графъ, на дорогѣ, получилъ курьера изъ Москвы. Витгенштейнъ разбилъ опять (ужъ 60 верстъ за Двиной) непріятеля; взялъ 22 знамени и 10 пушекъ, однаго генерала польскаго, съ тремя тысячами плѣнныхъ. Другія подробности дѣла сего не объяснены. Въ здѣшнемъ уѣздѣ, по рапорту исправника, сожжено Французами до 450 дворовъ, въ разныхъ деревняхъ. Много идетъ очень людей изъ Москвы и разныхъ деревень во Владиміръ, на встрѣчу къ Августину, ѣдущему съ двумя иконами Иверской и Смоленской Божіей матери. Надо полагать, что иконы эти вступятъ въ Мос-

([39]) Александръ Димитріевичъ—министръ полиціи.

кву, въ сопровожденіи многочисленной толпы богомольцевъ. 12-го числа, одинъ здѣшній крестьянинъ поднялъ въ Кремлѣ мощи Димитрія царевича, лежавшія на площади; онъ положилъ мощи сіи въ раку, гдѣ прежде были: обѣ руки отрублены были злодѣями у святаго сего ([40]). Многихъ мощей не находятъ по сіе время. Завтра въ 11 часовъ мы будемъ въ несчастной Москвѣ; заранѣе ноетъ сердце. Не знаю еще, откуда отправлю это письмо; быть можетъ, отсюда, завтра утромъ; если же не удастся, придется оставить до Москвы......... Графъ очень милъ въ дорогѣ, но онъ можетъ посоперничать съ seconde maman въ трусости: онъ безпрестанно кричитъ на ямщиковъ, которые порываются скакать во весь опоръ, и говоритъ: «я не намѣренъ сломать себѣ шею, среди бѣлаго дня и безъ всякой нужды; я люблю скакать въ саняхъ, а на колесахъ — слуга покорный!» Мы очень много смѣялись у Воронцова. Есть нѣкто Jean Bart, маіоръ; онъ подпилъ, и мы смѣялись до упада; графъ не отставалъ отъ насъ. Надо разсказать тебѣ одну изъ его остротъ: мнѣ она понравилась. Говорили о храбрыхъ Испанцахъ; графъ сказалъ: «что касается до меня, то я кланяюсь два раза тому, кто чихаетъ, понюхавши Испанскаго табаку.... Я самъ сжегъ Вороново,» прибавилъ онъ.—Что такое Вороново? — спросилъ Jean Bart.—«Вороново, милостивый государь, мой загородный домъ, подъ Москвой; а теперь буду строить свои замки только въ Испаніи ([41]), сколько изъ любви къ Испанцамъ, столько и по необходимости.»—Ну, Наташа, какая славная баня у Воронцова: я парился съ Закревскимъ и спалъ, послѣ того, какъ мертвый......... Графъ кончилъ свое бритье; иду пить съ нимъ чай, поболтаю, если нужно, да и на боковую...

*

Москва, 24 октября.

Угодно Творцу Небесному, чтобы опять увидѣлъ я Москву. Первая моя мысль была ты, любезная Наташа. Сердце мое не такъ сжато, какъ я бы ожидалъ; но при въѣздѣ, отъ слезъ нельзя было удержаться. Москва—ничто иное, какъ обширная развалина; вотъ единственно что могу пока сказать; въ слѣдующемъ письмѣ опишу все подробно, а теперь долженъ работать какъ собака, чтобы отпустить двухъ курьеровъ, которыхъ отправляетъ сію минуту графъ. Въ двухъ словахъ скажу тебѣ, что мы пріѣхали сюда сегодня, въ 12 часовъ дня: все что было въ Москвѣ народа вышло къ намъ на встрѣчу; многіе плакали отъ радости. Графскій домъ цѣлъ (а загородный весь сожженъ), и почти всѣ пожитки въ немъ. Едва я сюда пріѣхалъ, взялъ казацкую лошадь и поскакалъ верхомъ въ слободу. Дома наши уцѣлѣли...... У бѣднаго Волкова и у Jeannot, все разрушено до основанія, и бутылки разбиты въ подвалѣ, въ которомъ сильный запахъ Венгерскаго вина, нашего лучшаго. Какъ быть!?—Я изъѣздилъ верхомъ, по городу, верстъ 20. Данилищинъ домъ цѣлъ и проч. Обо всемъ этомъ буду говорить подробно послѣ.... Надо побывать здѣсь, чтобы научиться постигать Бога: нѣтъ того непокорнаго, который бы не преклонился передъ совершившимся въ очію; безбожникъ, невѣрующій падетъ ницъ и станетъ молиться. Я собственными гла-

---

([40]) По другому извѣстію, мощи св. царевича Димитрія найдены были на хорахъ Кремлевскаго Вознесенскаго монастыря.

([41]) Французское выраженіе: batir des chateaux en Espagne — равносильно Русскому: строить воздушные замки.

зами видѣлъ соборы, стоящіе посреди развалинъ; я видѣлъ разрушенныя стѣны Кремля и образъ Спасителя, надъ Спасскими воротами, совершенно неповрежденнымъ. Вообрази, что стекло тутъ цѣло передъ образомъ, тогда какъ полопались стекла въ домахъ, за версту отъ игры минъ и подкоповъ. Образъ, что на Никольскихъ воротахъ, у арсенала, цѣлъ со стекломъ и фонаремъ, тогда какъ вороты всѣ развалились; и я видѣлъ самъ престрашную трещину, которая у самаго образа остановилась и оставила его невредимымъ: однимъ словомъ, одинъ образъ цѣлъ,—около него все подняло на воздухъ. Сіи три чуда видѣлъ я самъ своими глазами; мой умъ ихъ не постигаетъ и видитъ тутъ одно величіе Божіе. Народъ въ радости, въ изумленіи молится образамъ симъ. То что я ощутилъ не могу я тебѣ выразить. Даже здѣсь полопались стекла въ нѣкоторыхъ комнатахъ, отъ ужаснаго взрыва 11-го числа, а стекла и лампады передъ двумя иконами, на самыхъ стѣнахъ Кремля, остались цѣлы!!!..... Иванъ Великій—безъ креста, но какъ ни въ чемъ не бывало; соборы заперты, до прибытія Августина. Жителей было здѣсь только 3000, но теперь очень съѣзжаются.—Ну, сударыня, есть пріятныя извѣстія изъ арміи. Бонапарта гонитъ сильно Милорадовичъ, который 20000-ный корпусъ французскій отрѣзалъ. Платовъ разбилъ Французовъ, подъ Колоковымъ монастыремъ, взялъ 20 пушекъ; Бонапартъ бѣжитъ съ гвардіей къ Смоленску, дѣлая по 50 верстъ въ сутки; но, кажется, что Кутузовъ его предупредитъ и будетъ тамъ прежде его; а ежели его и упуститъ, то не уйдетъ отъ Чичагова, идущаго ему на встрѣчу. Да при томъ же до Смоленска еще долженъ онъ драться съ Витгенштейномъ, коего армія доведена до 52000 чел. славнаго войска. Однимъ словомъ, очень худо Наполеону. Вотъ тебѣ, довольно на первый случай. Иду работать съ графомъ..... Въ 5-ти верстахъ отъ Москвы, Меркуловъ подалъ графу свой рапортъ; онъ идетъ сюда съ ополченіемъ. Приклонскій прокоптился какъ селедка; несчастный, едва одѣтый, отправился въ свою Кашинскую деревню: поручи его попеченіямъ Полины, отъ которой онъ долженъ быть не далеко..... Прощайте всѣ, добрые люди. Второй маменькѣ только еще могу сказать, что церковь гр. Шереметевой, подъ гору, цѣла, завтра тамъ побываю; я видѣлъ это издали.

*

Москва 25 октября.

Я писалъ къ тебѣ вчера, милая Наташа, и далъ тебѣ отчетъ, какъ о нашемъ путешествіи, такъ и о печальномъ въѣздѣ въ Москву. Исключая меня, всѣ въ домѣ спятъ, и я пользуюсь минутой общаго покоя, чтобы побесѣдовать съ тобой подольше.—Отъ Богородска до Москвы мы замѣтили мало слѣдовъ непріятельскаго шествія: сожжено нѣсколько деревень; отъ времени, до времени, видны были на дорогѣ мертвыя тѣла; начиная съ Звѣринца ([42]), число мертвыхъ тѣлъ увеличилось. Мы въѣхали черезъ Рогожскую заставу, въ сопровожденіи драгунъ, казаковъ и гусаръ, начальники которыхъ представляли свои рапорты, по мѣрѣ приближенія къ городу. Первый взглядъ на Москву не произвелъ на меня того впечатлѣнія, котораго я ожидалъ: ибо уцѣлѣвшія церкви съ своими золотыми и серебреными главами, придавали городу видъ довольно игривый; но Боже! что я ощущалъ, при каждомъ шагѣ впередъ! Мы проѣхали Рогожскую, Таганку, Со-

([42]) Измайловскаго, подъ Москвой.

лянку, Китай-городъ, и не было ни одного дома, который бы не былъ сожженъ или разрушенъ. Я почувствовалъ на сердцѣ холодъ, и не могъ говорить: всякое попадавшееся лице, казалось, просило слезъ объ участи несчастной нашей столицы. На заставѣ нашли мы Василія Обрѣзкова. Все это мѣсто усѣяно лошадиными трупами; но я не почувствовалъ никакого запаха; только пожалѣлъ нашихъ бѣдныхъ солдатъ, закапывавшихъ эти трупы, которые, должно быть, вблизи издавали сильный запахъ. Это мнѣ внушило мысль, которую графъ тотчасъ же одобрилъ и которая заключалась въ томъ, чтобы употреблять на эти работы, вмѣсто своихъ, французскихъ солдатъ, здѣсь оставшихся и выздоравливающихъ отъ ранъ. Пусть околѣваютъ эти негодяи, или искупаютъ свою жизнь тяжкой и нездоровой работой.—Около Баташова ([43]) дома явились Ивашкинъ и Дурасовъ; на Солянкѣ встрѣтили мы выѣхавшаго къ намъ губернатора. Экипажъ былъ отосланъ прямо домой, на Лубянку; а графъ и я пересѣли въ дрожки Ивашкина. Черезъ Варварку, гдѣ тоже все сгорѣло, въѣхали мы въ Яблочной рядъ; у Спасскихъ воротъ поклонились образу Спасителя; многочисленная толпа, насъ сопровождавшая, крестилась вмѣстѣ съ нами. Всѣ глаза были обращены на икону, съ такимъ почтеніемъ, такой вѣрой, такой благодарностью, что, хотя я и самъ испыталъ эти чувства, но описывать отказываюсь. Никто не смѣлъ накрыться; графъ надѣлъ шапку, когда уже не видѣнъ былъ образъ Бога Спасителя нашихъ храмовъ и нашего существованія. Мы направились къ Иверскимъ воротамъ; лавки съ обѣихъ сторонъ всѣ сожжены и уничтожены; а тѣ, которыя на лѣвой сторонѣ, разрушены выстрѣлами трехъ орудій, поставленныхъ у Сената и теперь еще тутъ стоящихъ. У Никольскихъ воротъ, я увидалъ другое чудо, о которомъ уже я писалъ. Арсеналъ взлетѣлъ на воздухъ, стѣна, около Никольскихъ воротъ,—тоже, самая башня разрушена,—и, среди этихъ развалинъ, не только уцѣлѣлъ образъ, но и стекло и фонарь, въ которомъ находится лампада. Я былъ пораженъ и не могъ оторваться отъ этаго зрѣлища; понятно, что въ городѣ только и толка, что про эти чудеса.—Спасскія ворота заперты; а такъ какъ Никольскія завалены обломками башни, шпиля (я разглядѣлъ во рву, подъ мостомъ, двуглаваго орла, который вѣнчалъ башню) и арсенала, то намъ нельзя было въѣхать въ Кремль ни тѣми ни другими воротами, и мы принуждены были ѣхать по Моховой, мимо Пашкова дома, черезъ Боровицкія ворота, гдѣ стоитъ пикетъ и не пропускаетъ никого безъ особаго позволенія. Я увидѣлъ опять ту маленькую лѣсенку, на которой, помнишь, мы ждали съ графомъ и Полиной пріѣзда Государя. Но какъ все измѣнилось! Царское мѣстопребываніе стало мѣстомъ ужаса: дворецъ сгорѣлъ; на большой лѣстницѣ валялась солома, капуста, картофель. Грановитая палата сожжена: я вошелъ во внутрь; во многихъ мѣстахъ еще дымилось. Мы спустились по Красному крыльцу: оба собора представились нашимъ глазамъ совершенно цѣлыми, также и Иванъ Великій, у котораго впрочемъ есть продольная трещина, на сторонѣ, обращенной къ Красному крыльцу. Колокольни и все что примыкало къ Ивану Великому, взорвано и представляетъ страшную развалину; тутъ и кирпичи, и камни, и колокола, и балки, и кресты, перемѣшанные въ грудахъ обломковъ, которыми завалена площадь на

([43]) Нынѣ наслѣдниковъ Шепелевыхъ на Вшивой горкѣ.

большое пространство. Часть стѣны, обращенная на Москву-рѣку, разрушена; это сдѣлано было вѣроятно для того, чтобы проложить самый короткій путь къ рѣкѣ, куда Французы, кажется, побросали пропасть пушекъ, ибо видны слѣды отъ самаго верха до гранитной набережной; а желѣзная рѣшетка была въ этомъ мѣстѣ снята. Часть Кремля, гдѣ прежде стояла царь-пушка, усѣяна бумагами, рукописными книгами и пергаментами; нѣкоторые изъ нихъ я прочелъ: это сенатскія и межевыя дѣла; видно, они изъ этой бумаги дѣлали патроны. Оттуда пошли мы на площадь, противъ Сената: арсеналъ взорвало, т. е. ту половину, которая къ Никольскимъ воротамъ; прочее только сожжено, но не взорвано. Новая Оружейная совершенно цѣла, Сенатъ—также; только въ немъ все переломано; оконницы и стекла всѣ перебиты. Комендантскій домъ цѣлъ. Выѣхали мы изъ Кремля тѣми же воротами. Отъ Пашкова дома до Апраксина все сожжено, и театръ. Съ удивленіемъ увидѣли мы домъ князя Петра Алексѣевича: вообрази, что между двухъ Везувій онъ остался цѣлъ; даже деревянный заборъ, даже дрова, бывшія на дворѣ, и тѣ не сгорѣли. На Пречистенкѣ едва есть пять домовъ. Арбатъ, Поварская почти всѣ сожжены. Отъ Арбатскихъ до Никитскихъ воротъ, все сожжено, кромѣ домовъ Лунина, Лобанова и трактировъ. Отъ Никитскихъ до Тверскихъ воротъ, по лѣвую сторону, все сожжено; а по правую, цѣлы дома князя Щербатова, графини Строгановой и еще дома съ два. Балабина домъ, гдѣ вы жили, цѣлъ. Тверская, отъ Тверскихъ воротъ до дома главнокомандующаго, по обѣимъ сторонамъ, вся цѣла; а потомъ, отъ Черткова внизъ до Моховой, вся выгорѣла, по обѣимъ сторонамъ. Благородное собраніе сгорѣло; статуя императрицы тутъ, но упала съ пьедестала, и отшиблись одна рука и орлиная голова (44). Домъ князя Сергія Ивановича сгорѣлъ, равно и Анненкова; а противъ него угольный домъ, деревянный Хомякова, что прямо стоитъ къ Кузнецкому мосту, цѣлехонекъ, тогда какъ каменныя службы сгорѣли. Весь рядъ, гдѣ была Гуа лавка, сгорѣлъ; отъ моста вверхъ, по обѣимъ сторонамъ, цѣло. Лубянка вся цѣла; Косаткина, графскій, Соловова, Дмитрія Александровича, однимъ словомъ, всѣ дома цѣлы. Не понятно, какъ не сожгли графскій домъ; мы однакожъ во всѣхъ печахъ нашли порохъ и тотчасъ вынули его. На Мясницкой всѣ дома отъ Николушки Солтыкова (45) до Юшкова и отъ Тюфякина до почты—цѣлы; угольный трактиръ у Мясницкихъ воротъ цѣлъ, а отъ него до дома бестіи Ожье, по обѣимъ сторонамъ, все выгорѣло. Запасный магазинъ (46), дома князя Степана Борисовича Куракина и Хлѣбникова—цѣлы; всѣ же прочіе, по обѣимъ сторонамъ Басманной, до Пушкина, коего домъ также сожженъ, на Разгуляѣ, всѣ сожжены, безъ изъятія однаго. Въ старой Басманной цѣлы только дома Аникѣева, князя А. Б. Куракина и Александрова купца. Отъ дома Ив. Ив. Демидова, у коего только одинъ флигель сгорѣлъ, всѣ дома до самаго Бѣлавина цѣлы; равно и по той сторонѣ всѣ цѣлы; далѣе туда къ Денисовымъ банямъ все сожжено. Отъ церкви Вознесенія, правая сторона, гдѣ и наши дома, до Дворцоваго моста и до Солты-

---

(44) Открытіе памятника въ честь Великой Екатерины, поставленнаго Россійскимъ дворянствомъ въ залахъ собранія, было торжественно отпраздновано 5 мѣсяцевъ до вступленія въ Москву непріятеля, 21-го апрѣля 1812 г.

(45) Нынѣ Г. А. Черткова, гдѣ помѣщается Чертковская библіотека.

(46) Т. е. дворецъ у Красныхъ воротъ.

кова моста, все цѣло; на противулежащей сторонѣ сгорѣлъ только домъ, гдѣ жила красавица Анна Петровна, противъ насъ; всѣ же прочіе дома цѣлы. Кромѣ сего ни одинъ домъ не остался цѣлъ, во всей слободѣ Нѣмецкой: ни Jeannot, ни Фастъ, ни Волковъ,—никто. Образовалось обширное поле, покрытое обгорѣвшими трубами, и, когда выпадетъ снѣгъ, онѣ будутъ казаться надгробными памятниками, и весь кварталъ обратится въ кладбище. Отъ Ильинскихъ воротъ, по обѣ стороны, все цѣло до Покровскихъ воротъ. Дома Ив. Дм. Нарышкина, князя Ѳед. Николаевича Голицына и гр. Мих. Петр. Румянцева цѣлы; всѣ же прочіе до Никиты Мученика сожжены; на противулежащей сторонѣ—также, кромѣ Заборовскаго и двухъ-трехъ другихъ. Нелединскаго домъ цѣлъ. Вотъ что видѣлъ я собственными глазами, а потому какъ истинное тебѣ даю; буде станутъ у тебя справляться, то можешь на меня ссылаться смѣло.—Ужасъ и уныніе наводитъ смотрѣть на опустошеніе. Вообрази себѣ, что я сегодня, шедши отъ своего дома сюда пѣшкомъ, къ графу, пришелъ въ четверть часа, потому что отъ дома Бѣлавина, у насъ, до дома Юшкова, противъ почты, я шелъ прямою линіей, потому что все выгорѣло на этомъ пространствѣ. Иногда не знаешь гдѣ находишься; однѣ церкви даютъ возможность опредѣлить мѣстность. Завтра отправляюсь осматривать остальныя части города.—Графу нездоровится: его слишкомъ поразила эта раздирающая картина; онъ не рѣшается выдти изъ дома; не спалъ всю ночь на пролетъ и сегодня ходитъ въ халатѣ. Онъ думаетъ, что Москва никогда не оправится, я утверждаю противное, но что потребуется много времени. Онъ спорилъ, что не осталось и 1000-чи домовъ, я спорилъ за 2000 и выигралъ пари. Посылаю тебѣ копію съ послѣдняго рапорта Ивашкина: сгорѣло болѣе 7000 домовъ. Никогда свѣтъ не былъ свидѣтелемъ подобнаго пожара, да и не было такого громаднаго города, какъ Москва. Жителей по сіе время только 6000; но наѣзжаютъ постоянно: уцѣлѣвшіе соборы привлекутъ сюда всю Россію. Графъ не можетъ равнодушно произнести слова „Москва"; сегодня утромъ онъ говорилъ губернатору: „теперь вижу я, что Москва, не городъ, а мать наша, которая насъ кормила, тѣшила, покоила; всякій Русскій желалъ на землѣ кончить Москвой, а умеревши царствомъ небеснымъ". — Я бы хотѣлъ, чтобы онъ съѣздилъ въ Петербургъ: это необходимо для блага Москвы, и кромѣ того это его разсѣетъ; а между тѣмъ здѣсь попривыкнутъ; теперь же его безпрестанно тревожатъ нелѣпыми просьбами и жалобами: одинъ требуетъ своего зеркала, другой разыскиваетъ свой горшокъ и проч. Ивашкинъ спитъ болѣе чѣмъ когда либо; жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда Волкова. Вчера входитъ Ивашкинъ съ разстроеннымъ лицомъ:—Что такое? „Французы идутъ въ Москву". Кто вамъ это сказалъ?—„Человѣкъ одинъ проскакалъ въ телегѣ и говорилъ это во все горло." Вѣроятно какой нибудь пьяница, а ему даже и въ голову не пришло его тотчасъ остановить. Онъ вѣритъ всѣмъ подобнымъ вздорамъ, тогда какъ вездѣ разъѣзжаютъ казацкіе патрули. — Я здѣсь очень хорошо помѣстился и сплю рядомъ съ графомъ; Обрѣзковъ—на верху; Ильинъ—у Аллара, напротивъ; Шнаубертъ рядомъ, въ домѣ Соловова. Губернаторъ живетъ въ домѣ Шаховскаго, въ Леонтьевскомъ переулкѣ; князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ—у Познякова; Спиридовъ, который временно занимаетъ должность коменданта — у Олсуфьева, на Тверской; Ивашкинъ у Шальме и т. д. Хозяевъ конечно нѣтъ.

Графъ взялъ у бездѣльницы Шальме все что нужно для стола; когда онъ выдетъ, я тоже отправлюсь забрать свою долю.— Тутолминъ, оставшійся въ Воспитательномъ Домѣ, былъ призыванъ къ Наполеону Делормомъ (другомъ милаго господина Зотова), секретаремъ разбойника-императора и переводчикомъ его для русскаго языка. Бонапартъ сказалъ ему, чтобы онъ написалъ императору Александру, что Русскіе сожгли Москву (не они-ли тоже взорвали Кремль и поставили въ церквахъ лошадей?); маленькій мясникъ былъ взбѣшенъ до крайности. „Напишите также, прибавилъ онъ, что отъ Смоленска до Москвы я видѣлъ лишь одни пепелища.“ Какое отсутствіе всякой любезности? да вѣдь мы варвары! намъ слѣдовало осыпать путь Французовъ цвѣтами и вездѣ заготовлять припасы для нихъ и для ихъ лошадей.—Свинья З......й увѣряетъ, что Коленкуръ и Мортье—наши покорные слуги и что они не замедлятъ оставить Бонапарта и вступить въ нашу службу. Пустятъ-ли въ стадо паршивыхъ овецъ!?... Они увѣрили его, что Французы возвратятся въ Москву, черезъ 7 дней, и просили хранить это въ тайнѣ:— а болванъ повѣрилъ на слово! — Разговоръ этотъ тоже разстроилъ графа. Я такъ устрою, чтобы къ нему больше не водили всѣхъ этихъ измѣнниковъ и скотовъ.—Воспитательный Домъ цѣлъ; тамъ околѣваетъ ежедневно человѣкъ по пятидесяти Французовъ. Кабы это негодное отродье могло покончиться находящимся здѣсь!!... Нельзя себѣ представить всю утонченность жестокостей ихъ, для нихъ нѣтъ ничего святого на землѣ! Бѣдный Приклонскій много перестрадалъ. Онъ разъ убѣжалъ, его поймали и побили. Они клеймили всѣхъ тѣхъ, которыхъ брали на работы, и когда попадался имъ кто либо съ клеймомъ, то они били его безъ пощады. Второй разъ попытка убѣжать была удачнѣе, но не безъ труда и опасности онъ добрался до нашей деревни, гдѣ прожилъ шесть дней. Онъ упрекаетъ меня, что я его не захватилъ съ собой: онъ вѣрно не знаетъ, какимъ опасностямъ я подвергался самъ. Дома наши загажены; вообрази, что свиньи Французы пакостили на полу, въ мраморной залѣ: войти нельзя было. Въ домѣ Мавры Ивановны жили они съ лошадьми вмѣстѣ, просто ужасъ! Удивляюсь какъ все не перебито. Картины оборваны и взяты, а рамы на стѣнахъ; не понимаю какими судьбами уцѣлѣлъ только одинъ портретъ Людовика XVI; и кто поручится, что между ними не было бездѣльниковъ, которые подавали свой голосъ за смерть добродѣтельнаго короля, а можетъ быть рукоплескали, при казни своего добраго государя? А теперь, хотя и съ бранью, они умираютъ изъ за каприза тирана, иноземца, искателя приключеній, чудовища, изверженнаго адомъ.—Изъ дома батюшкина все отправлено въ Смердино; какъ будутъ подводы, то пошлю всѣ мебели, которыя въ кладовой, въ большемъ домѣ и что соберу книгъ, ибо разобрать нѣтъ способа почти: всѣ лежатъ кучами, перемѣшаны, на полу. Карты изорваны; съ большихъ книгъ вырѣзаны переплеты и взяты. Къ удивленію, нашелъ я тутъ книги Бутурлина, коего библіотека сожжена, и много чужихъ. Былъ тутъ одинъ нѣмчура, пріятель Казиміра; шарилъ и взялъ много книгъ; пришелъ во второй разъ, но Максимъ его вытолкалъ по шеѣ..... Удалось собрать около тысячи книгъ; завтра уложу ихъ въ ящики и отошлю въ Смердино. Я нашелъ прелестныя дрожки, которыя Французы оставили въ сараѣ. Вотъ славная пожива! Онѣ тоже отправятся въ деревню; мои дрожки сгорѣли у Фаста, также какъ и всѣ книги, къ моему великому прискор-

бію. Но ничего я такъ ни жалѣю, какъ венгерскія вина. Что дѣлать!? Еще надо благодарить Всемогущаго: Онъ къ намъ былъ милостивѣе чѣмъ къ другимъ. Деревня наша спасена; вообрази, что Іевлево было набито ранеными, а у насъ ни однаго; у всѣхъ брали подводы: староста сказалъ, что у него ихъ нѣтъ.—„Дайте хоть баранами, курицами.“ — Да барыня, отвѣчалъ староста, забрала всѣхъ барановъ, всю скотину, всю птицу.—„Экая жадная!“ сказали они, тѣмъ и кончилось. Не правда-ли, что мы счастливо отдѣлались? Всѣ работы отбывались, какъ въ прошломъ году; у насъ будетъ и сѣно, и овесъ и мука, и прочая провизія....

P. S. 26-го октября...... Я говорилъ тебѣ о тѣхъ частяхъ города, которыя посѣтилъ самъ; на Поварской, на Арбатѣ я еще не былъ, но побываю вездѣ.—Графу сегодня гораздо лучше, онъ кланяется тебѣ и seconde maman.—Хотя я тебѣ и надоѣдаю своими повтореніями, но прошу опять сохранить мои письма, со всѣми приложеніями;—это замѣнитъ журналъ всѣхъ нынѣшнихъ происшествій. .....Воронцовъ скоро къ намъ пріѣдетъ. Я приготовилъ квартиру для Барклая. Всякій занимаетъ любой домъ.— Я радъ, что нашелъ бутылку рома; мѣшаю его съ водой, которая можетъ быть нездорова. Вообще ромъ всегда полезенъ: благодаря ему, братъ предохранялъ себя, въ Молдавіи, отъ лихорадки, въ продолженіе трехъ лѣтъ.

X.

Рапортъ кавалергардскаго полка протоіерея Гратинскаго, оберъ-священнику арміи и флота отъ 5 декабря 1812 года.

Святѣйшаго правительствующаго синода и коммисіи духовныхъ училищъ члену, арміи и флота оберъ-священнику, протоіерею и св. Анны 1-го класса кавалеру, Іоанну Семеновичу Державину кавалергардскаго полка протоіерея *Михаила Гратинскаго* Рапортъ.

Не докладывая о бывшемъ 26 августа при Бородинѣ сраженіи, при которомъ находился я съ полками кавалергардскимъ и конногренадерскимъ, честь имѣю донести вашему высокопреподобію только о томъ, по какому случаю остался я въ Москвѣ у непріятеля въ плѣну, чтò претерпѣлъ и какъ освободился.

Августа 29, съ билетомъ на 7 дней, даннымъ мнѣ отъ полка на бивуакахъ, для исправленія починкою церковныхъ вещей, за объѣздомъ арміи, прибылъ я въ Москву 31 дня. 2 сентября, услышавъ отъ адъютантовъ главнокомандующаго арміею, что въ ночь займетъ Москву непріятель, спѣшилъ оттуда выѣхать; но въ 3 часа по полудни, на Никитской улицѣ, уже былъ окруженъ непріятелемъ; но спасенъ коллежскимъ регистраторомъ Соколовымъ, жившимъ въ домѣ генеральши Глѣбовой-Стрѣшневой. Онъ, при непріятеляхъ, скачущихъ впередъ и обратно, убѣдилъ меня скрыться въ томъ домѣ, предполагая, что когда назначена въ немъ квартира генералу, то грабежа и убійства тутъ не будетъ; и я, оставя лошадей и повозки дьячкамъ, которыхъ, по военнымъ мундирамъ, означенный Соколовъ взять къ себѣ не рѣшился, съ однимъ чемоданомъ, въ которомъ находились церковныя вещи, въ безпамятствѣ отнесенъ былъ къ нему въ покой. На другой день, т. е. 3 сентября поутру, въ надеждѣ на единаго токмо Бога, въ утѣшеніе оставшимся, въ домовой церкви, при непріятельскихъ офицерахъ, совершилъ я, съ колѣнопреклоненіемъ, молебствіе Господу Богу о благопоспѣшеніи христолюбивому воинству, къ изгнанію изъ древней столицы лютаго супостата. Въ 10 часовъ

вечера весь домъ объятъ былъ пламенемъ, и мы принуждены были искать убѣжища въ другомъ домѣ той же генеральши на Дмитровкѣ; но и тамъ не могли остаться безопасны: 4 числа поутру и тотъ домъ загорѣлся. Невозможно было искать спасенія въ городѣ; огненныя рѣки разливались повсюду. Мы, и въ третій домъ той же госпожи, состоящій въ Каретномъ ряду. Тамъ встрѣтили насъ грабежи и убійства; тамъ, страдая о своихъ и приставшаго къ намъ народа бѣдствіяхъ, рѣшился я просить французскихъ военоначальниковъ о защитѣ. Они отвели намъ квартиру и дали для безопасности караулъ; но въ 2 часа утра запылалъ и сей домъ. Едва успѣли выбраться, а потомъ пошли искать убѣжища на Прѣсненскихъ огородахъ; но на разсвѣтѣ дня не укоснили постигнуть насъ и тамъ неописанные грабежи и убійства. Наконецъ въ послѣдній разъ, почти въ отчаяніи, рѣшился я искать спасенія въ погребахъ и подвалахъ погорѣлаго на Никитской улицѣ дома, той же госпожи. Прочіе же дома окружены были злодѣями. Тутъ отняты у меня часы, бумажникъ съ 600 руб., аттестатъ на полученіе фуража. Святотатственною рукою сорванъ былъ крестъ, всемилостивѣйше государемъ императоромъ пожалованный; сорвали и св. дарохранительницу, всегда носимую мною на лентѣ. Невозможно изобразить состоянія моего, въ коемъ находился я, взирая на поруганіе святыни; полуобнаженный, палъ я предъ злодѣями на колѣни, со слезами умолялъ ихъ о возвращеніи сего священнаго залога, православною церковію мнѣ врученнаго: но, ни мало не внимая болѣзненному воплю моему, они начали уже раскрывать святые дары. Тутъ при всемъ народѣ воззвалъ я: „Всемогущій, правосудный Боже! хотя за Себя вступися!“ и въ эту минуту непріятель же, идущій мимо, отнялъ ихъ у варвара и отдалъ мнѣ обратно. Въ сіе время смотрѣвшіе изъ дома Лобанова на состояніе наше выслали солдатовъ, которые меня и всѣхъ притомъ бывшихъ отвели къ себѣ на дворъ Здѣсь непріятельскій генералъ Гроссъ приказалъ мнѣ дать особый покой. Чемоданъ съ церковными вещами еще былъ сохраненъ регистраторомъ Соколовымъ; но чрезъ нѣсколько дней и тотъ былъ найденъ и отнесенъ къ офицерамъ. Всѣ вещи были взяты; но къ удивленію образъ святителя Николая въ серебрянной вызолоченной ризѣ возвращенъ былъ мнѣ обратно. Въ семъ домѣ жили мы до 13 числа сентября. Недостатокъ пропитанія заставилъ насъ искать другаго мѣста, и господинъ Соколовъ нашелъ свободный отъ Французовъ домъ на Мясницкой улицѣ, куда съ позволенія генерала отвелъ и другихъ до 200 человѣкъ; и тутъ объявилъ о мнѣ полиціи французской. Здѣсь, въ облегченіе участи стѣнящихъ подъ игомъ убійцъ и грабителей, рѣшился я просить позволенія открыть богослуженіе и отъ французской полиціи получилъ оное. Комендантъ генералъ Милліо далъ мнѣ билетъ, а для безопаснѣйшаго священнослуженія данъ былъ и караулъ, состоящій изъ двухъ солдатъ. Для богослуженія избралъ я верхнюю церковь архидіакона Евпла. Сентября 15, въ самый день коронаціи благочестивѣйшаго государя нашего императора Александра Павловича, при многочисленномъ по первому удару колоколовъ стеченіи оставшагося въ Москвѣ народа, началъ отправлять я богослуженіе, послѣ коего о здравіи монарха нашего и всей его императорской фамиліи отправлено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, на коемъ болѣе часа, во все то время, когда народъ прикладывался ко кресту, пѣто многолѣтіе и продолжался колокольный звонъ.

Вся церковь омыта была слезами. Сами непріятели, смотря на вѣру и ревность народа Русскаго, едва не плакали. Въ самое короткое время, въ два дня служенія моего, усерднѣйшими христіянами принесены были въ церковь серебрянные и вызолоченные сосуды, до 10 пудовъ свѣчь и ладана, вина, муки на просфоры и разныя церковныя утвари, довольное количество. Въ семъ храмѣ, до возвращенія въ Москву той церкви священника, каждый день отправляемо было мною богослуженіе. По освобожденіи отъ непріятелей Москвы, просилъ я генерала Бенкендорфа отправить меня въ полкъ; но онъ, за неимѣніемъ на то денегъ, отказалъ мнѣ, а совѣтовалъ просить военнаго генералъ-губернатора графа Растопчина. По пріѣздѣ графа, подалъ я о себя объясненіе, описавъ всѣ вышеупомянутыя обстоятельства и то, какъ я находился въ призрѣніи и на содержаніи благодѣтеля моего регистратора Соколова и что я по отъѣздѣ его изъ Москвы ничего не имѣю и просилъ объ отправленіи меня къ своей должности въ полкъ. Чрезъ два дня его сіятельство обѣщалъ мнѣ отправить меня въ С.-Петербургъ, а чрезъ 25 дней, по второй письменной моей просьбѣ, получилъ я подорожную и прогоны. Подорожную и билетъ отъ коменданта на безопасное отправленіе службы Божіей при семъ вашему высокопреподобію честь имѣю представить.

ВОСПОМИНАНІЯ И. М. СНИГИРЕВА (*)

Всякій разъ, какъ прохожу мимо стараго нашего университета (а я смотрю на него безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ, отъ дѣтства до старости всякій) разъ пробуждаются близкія сердцу моему воспоминанія и чувствованія: здѣсь были первые мои учители и товарищи моихъ дѣтскихъ лѣтъ, но гдѣ они? Здѣсь развивались мои понятія, здѣсь душа моя принимала первыя впечатлѣнія отъ окружавшихъ меня, и онѣ остались на всю жизнь; здѣсь я учился, училъ и служилъ. Къ университету обращаюсь съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ обращался къ своей колыбели. Кто безъ сердечнаго участія смотритъ на тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями нашего дѣтства и юности? Онѣ оживляютъ въ памяти нашей близкихъ намъ людей, которые дѣлили съ нами мысли и чувства, тѣ событія, въ которыхъ мы принимали участіе и сочувствовали имъ. Отнимите это воспоминаніе отъ жизни, вы разорвете живую связь прошедшаго съ настоящимъ, опустошите сердце. Довольна ли будетъ оторванная отъ прошедшаго жизнь однимъ настоящимъ, насущнымъ?

Переходъ ребенка изъ родительскаго дома, изъ семейнаго круга въ университетъ, важная эпоха въ жизни. Таковъ казался мнѣ и мой переходъ въ университетскую гимназію не задолго до преобразованія университета 1804 года. Тогда она помѣщалась въ верхнихъ этажахъ стараго зданія, построеннаго архитекторомъ Казаковымъ. Ученики раздѣлялись на казенныхъ и своекоштныхъ; къ послѣднимъ и я принадлежалъ. Первые носили сюртуки изъ верблюжьяго сукна, на подкладкѣ изъ зеленаго стамеда; послѣдніе не подчинялись особенной формѣ: кто ходилъ въ сюртукѣ, кто въ курткѣ, кто въ шинели. Классы были утренніе и послѣобѣденные; за порядкомъ въ нихъ смотрѣли педели и дежурные офицеры. Тогда я засталъ директоромъ *И. П. Тургенева*, инспекторомъ *П. И. Страхова*.

Изъ Троицкой улицы на Самотекѣ

(*) См. выше, стр. 513—562.

каждый день, кромѣ субботы, я хаживалъ пѣшкомъ съ узелкомъ книгъ и тетрадокъ на утренніе и вечерніе классы, т. е. верстъ восемь въ день. У отца моего было три хорошія лошади и двое дрожекъ; но онъ мнѣ не давалъ ѣздить, пріучая меня ходить пѣшкомъ; за что я и теперь благодаренъ ему. Только въ дурную погоду, иногда я получалъ пятакъ, за которой можно было на волочкѣ съ фартукомъ пріѣхать въ университетъ. Обыкновенный мой путь лежалъ канавой, обложенной дикимъ камнемъ. Какъ въ дождливое время по обѣ стороны канавы были непроходимыя грязи, то я пробирался по камнямъ. Канава вела на каменный Кузнецкій мостъ, на который надобно было всходить ступеней пятнадцать, подъ арками. Теперь все это сравнено, такъ что и слѣду нѣтъ арокъ и ступенчатой лѣстницы, на которой сиживали нищіе и торговки съ моченымъ горохомъ, разварными яблоками и сосульками изъ сухарнаго тѣста съ медомъ, сбитнемъ и медовымъ квасомъ, предметами лакомства прохожихъ. Лакомство это стоило денежекъ и полушекъ.

Въ гимназіи первымъ моимъ учителемъ былъ старикъ Французъ *Лере*, который училъ французскому языку, заставлялъ насъ твердить наизустъ вокабулы и разговоры, коверкая русскія слова. Кто не твердо выучивалъ урокъ, или шалилъ въ классѣ, тому давалась въ лобъ кокура; чтобы избавиться отъ наказанія, оставлявшаго шишки на лбу, ученики выдумывали разныя извѣстія, на пр. „Слышали ль вы, г. Лере, что Французы Русскихъ побили?“—А гдѣ вы это читали?“—Кто скажетъ въ Рязанскихъ, кто въ Тульскихъ газетахъ!—А для чего нѣтъ этого въ Московскихъ? — „Нарочно, мусье, скрываютъ, стыдно вѣдь нашимъ.“ И простосердечный Французъ былъ очень доволенъ этимъ и не спрашивалъ урока у нувеллистовъ. Зимой онъ сиживалъ на стулѣ, въ шубѣ, спустя ея рукава, да и жилъ и училъ онъ, какъ говорится „спустя рукава.“ Ученики, стоя позади его, ножечкомъ распарывали ему по швамъ шубу. Лери вскакивалъ со стула, бѣсился, кидался на учениковъ съ кокурами; но мальчики разбѣгались.

Первый классъ русской грамматики и ариѳметики занималъ *Сивковъ*, сухопарый, суровый старикъ, высокаго роста, съ длинной косою и въ черномъ фракѣ; онъ безпрестанно моргалъ глазами. Хотя боялись его палей и розогъ, на которые онъ не скупился; но изъ корридора въ двери то и дѣло ему кричали чужаки (такъ назывались тогда приходившіе изъ другихъ классовъ): сивка бурка, вѣщая каурка. Этихъ шалуновъ, запыхаясь, онъ ловилъ; кого поймаетъ, тому жутко доставалось; велитъ сторожамъ растянуть виноватаго на скамейкѣ и такъ отпоретъ, что небу жарко, или вздуетъ палями ладони, или поставитъ на колѣни на горохъ. Но все это не унимало шалуновъ, которые и на провожаньи его по лѣстницѣ, кричали ненавистный для бѣднаго Сивкова возгласъ: сивка, бурка, и умолкали только при появленіи дежурнаго офицера, или инспектора.

Во время вакаціи, начальство посылало профессоровъ на ревизію подвѣдомственныхъ университету училищъ; въ 1805 году отецъ мой ѣздилъ во Владиміръ для открытія тамъ гимназіи; я сопровождалъ его въ родѣ секретаря. Тогда тамъ губернаторомъ былъ питомецъ университета *князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій*, а архіереемъ *Ксенофонтъ Троепольскій*; одинъ какъ поэтъ, славился любовію своей къ изящнымъ искусствамъ, прекрасному полу и увеселеніямъ, другой гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, великолѣпі-

емъ служенія и хоромъ пѣвчихъ. Губернаторъ, по случаю открытія гимназіи, устроилъ блистательное торжество; отецъ мой, какъ визитаторъ, въ собраніи сказалъ рѣчь, губернаторъ стихотвореніе свое. Хоръ пѣвчихъ и оркестръ музыки украсилъ это торжество, довершенное роскошнымъ обѣдомъ и затѣйливою иллюминаціей. Это былъ праздникъ для всего города; не доставало только пушечной пальбы и фейерверка (*). Кажется, никогда не можетъ изгладиться впечатлѣніе, какое произвело на меня торжественное служеніе Ксенофонта въ древнемъ Владимірскомъ соборѣ. Стройное и величественное пѣніе настраивало душу ребенка къ благоговѣйному восторгу. До сихъ поръ я не слыхивалъ такого огромнаго баса, каковъ былъ Ѳедоръ Петровъ, который голосомъ своимъ покрывалъ хорошо подобранные голоса многочисленнаго хора. Чтеніе соотвѣтствовало пѣнію, все по камертону; самое священнодѣйствіе — словамъ литургіи, особенно въ возгласахъ. У преосвященнаго, за сытнымъ обѣдомъ, въ пространныхъ архіерейскихъ покояхъ, посреди плодоваго сада, пѣли концерты и канты съ инструментальною музыкой.

Возвратясь изъ поѣздки нашей къ классическимъ занятіямъ, я поступилъ къ другимъ учителямъ; скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Латинскій языкъ преподавалъ намъ *Тростинъ* по своему учебнику, который мы зубрили наизустъ: склоненія, спряженія и неправильные глаголы твердо знали, переводили мало. Въ классѣ у него были аудиторы, которые, облегчая труды учителя, давали ему время сходиться на бесѣду въ корридорѣ съ другими учителями. Тогда на стражѣ ставили одного ученика смотрѣть, не пойдетъ ли по классамъ инспекторъ.

(*) Подробности см. въ сочиненіи *М. А. Дмитріева:* Князь И. М. Долгорукій. М. 1863, стр. 62 и д. *П. Б.*

Русской грамматикѣ училъ *Кичеевъ*, рослый, толстый и осанистый мужчина, лѣтъ около 50; онъ былъ грозою учениковъ, которые въ классѣ у него сидѣли тихо и смирно, боялись не палей и розокъ, но его взгляда и слова; даже другіе учителя призывали его для усмиренія шалуновъ. Онъ считался знатокомъ грамматики.

Французскому языку я учился у *Побѣдоносцева* и *Перелогова*; оба они извѣстны учеными трудами своими, одинъ переводами съ французскаго на русскій, также изданіемъ журнала, другой сочиненіемъ французской грамматики, которую одинъ Французъ, перепечатавъ, выдалъ за свою. Оба они знали основательно французскій языкъ, но не усвоили себѣ французскаго произношенія, со всѣмъ тѣмъ были полезными преподователями. Синтаксисъ послѣдняго показываетъ глубокое изученіе французскаго языка. Товарищами моими были: *И. И. Давыдовъ*, *А. И. Боровковъ* и *А. И. Красовскій*, въ послѣдствіи сенаторы. Давыдовъ, по ученію и дарованіямъ, былъ между нами первый.

Чаще всѣхъ учителей гимназіи призывалъ къ себѣ въ классъ Кичеева, для усмиренія буйныхъ, преподаватель латинскаго языка и знатокъ греческаго, богословъ и археологъ, сочинитель извѣстнаго и доселѣ незамѣнимаго толкованія на литургію *Иванъ Ивановичъ Дмитревскій*; онъ преподавалъ латинскій синтаксисъ, переводилъ съ учениками басни Федра и Корнелія Непота. Какъ станетъ спрашивать урокъ, то одинъ вставалъ послѣ другаго, поднявъ къ верху руку, скажетъ: „Иванъ Ивановичъ, я знаю лучше.“ Такъ обойдетъ весь классъ, а урока не спроситъ. Памятна мнѣ эта личность своею наружностію. Онъ сохранилъ типъ семина-

риста; средняго роста, съ старомодною прическою и длинною косой, носилъ тафтяный кафтанъ, весь масляный отъ блиновъ, которые любилъ ѣсть, штаны съ мѣдными шлифными пряжками, неуклюжіе башмаки съ заплатами. Случалось, что, снявъ со столовъ доски и на обратной ихъ сторонѣ намалевавъ чернилами и мѣломъ чертей, которыхъ Иванъ Ивановичъ очень боялся, разставляли ихъ по стѣнкамъ, а сдѣлавъ изъ булокъ родъ свѣчей къ нимъ прилѣпливали. Такое позорище пугало его, а онъ приказывалъ нести на показъ инспектору Страхову. Весь классъ несъ черезъ дворъ изъ одного флигеля въ другой такія доски съ пѣніемъ, въ предшествіи учителя, котораго шляпу несли на подушкѣ. Благоразумный и благородный Петръ Ивановичъ, сдѣлавъ скромно замѣчаніе учителю, а ученикамъ выговоръ, отсылалъ всю процессію назадъ; потому что въ этомъ находилъ не бунтъ и мятежъ, но ребяческую шалость и учительную слабость. По простотѣ и добротѣ Иванъ Ивановичъ былъ ребенокъ, а по своимъ познаніямъ и трудамъ мужъ, достойный уваженія. Надобно замѣтить, что тогда между учеными велось какое-то юродство въ странности обхожденія, въ небрежности платья и въ образѣ жизни. Казалось, они этимъ щеголяли другъ передъ другомъ и хотѣли отличаться отъ неученыхъ.

Мѣсто Дмитревскаго заступилъ *Романъ Өедоровичъ Тимковскій*, составлявшій рѣзкую противоположность съ Дмитревскимъ. Знатокъ еллинскаго и латинскаго языковъ, молодой человѣкъ, строгій исполнитель своей обязанности, искусный преподаватель, онъ умѣлъ внушить своимъ ученикамъ уваженіе и привязанность къ себѣ; его слушали съ какимъ-то подобострастіемъ, ловили всякое его слово. Тотъ же предметъ преподавалъ намъ многоученый и трудолюбивый, но не даровитый *Ивашковскій*, издатель большаго греко-русскаго и латинскаго словарей, переводчикъ многихъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, коротко ему знакомыхъ.

Я было еще пропустилъ строгаго учителя исторіи и географіи *Михаила Григорьевича Падерина*. Въ классѣ его не рѣдко производилась экзекуція, а въ корридорахъ атаки на него: стучали въ двери, подкладывали полѣнья и т. п. Толстенькой и низенькой старичекъ, съ палею въ рукахъ, гонялся за дерзкими шалунами по корридору; когда кого поймаетъ, то жутко доставалось ушамъ и ладонямъ. Такая ловля не рѣдко останавливала преподаваніе.

Лѣтнею порой, когда открывались окна въ классахъ и ученическихъ комнатахъ, часто и по долгу слышались жалобные стоны и болѣзненные крики: по субботамъ бывала расправа съ лѣнивцами, шалунами и нарушителями порядка, которые не скоро забывали это отеческое исправленіе. Въ духѣ того времени такія мѣры употреблялъ эфоръ казенныхъ учениковъ *Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ*, человѣкъ впрочемъ по своимъ познаніямъ и трудамъ, почтенный, знатокъ нѣмецкаго языка, сочинитель его грамматики, которая въ свое время почиталась лучшею, лексикона русско-нѣмецко-французско-италіянскаго, по которому учился Шлёцеръ русскому языку, издатель политическаго журнала. Метода сѣченія въ училищахъ не только свѣтскихъ, но еще болѣе въ духовныхъ, тогда была общеупотребительная. Она входила въ кругъ преподаванія и въ занятія учителей. На сколько она была полезна, можно судить по опытамъ. Намъ привелось слыхать благодарность отъ испытавшихъ ее въ школѣ. Такъ расходятся понятія одного вѣка съ понятіями другаго!

Отъ предметовъ ученія и учителей перейдемъ къ потѣхамъ народнымъ, которыя привлекали вниманіе, только не участіе наше въ часы, свободные отъ классовъ: это были кулачные бои на Неглинной, которые я любилъ смотрѣть съ ровестниками только издали. Тамъ сходились бурсаки духовной академіи и студенты университета, стѣна на стѣну: начинали маленькіе, кончали большіе. Университантамъ помогали Неглинскіе лоскутники. Когда первые одолѣвали, то гнали бурсаковъ до самой академіи. Народу стекалось множество; восклицанія сопровождали побѣдителей, которые не рѣдко оставляли поприще свое, по старой пословицѣ, *наша взяла и рыло въ крови*: у одного подъ глазами ставилось сто фонарей, другой не досчитывался зубовъ и т. д.

Пристрастясь къ музыкѣ, я учился на скрипкѣ; но надо мною сбылась пословица: „охота смертная, да участь горькая". Объ успѣхахъ моихъ въ танцованьѣ можно судить по отзыву учителя-италіанца: „русской медвѣдь." Но въ каллиграфіи я былъ чуть не первымъ ученикомъ, и отецъ мой, любя ее, поощрялъ меня въ этомъ, давалъ мнѣ переписывать письма и дѣловыя бумаги; это мнѣ въ послѣдствіи пригодилось и чуть ли не повадило меня къ многописанію, отъ котораго и до сихъ поръ не могу совершенно вылечиться. Въ университетѣ тогда щеголяли краснописаніемъ. Въ кругъ школьныхъ занятій входило списываніе учительскихъ тетрадокъ и даже печатныхъ книгъ, которыя бывали рѣдки, такъ что иные списывали цѣлые лексиконы. Тогда держались правила: «Кто пишетъ, тотъ дважды читаетъ."

Кажется, въ 1807 году я вступилъ въ университетъ студентомъ, съ дѣтскимъ восхищеніемъ надѣлъ студенческій мундиръ, трехуголку и привѣсилъ шпагу, которую клалъ съ собою на постель. Мое торжество раздѣляли со мною матушка и бабушка. Мнѣ казалось, что не только родные и сосѣди, но и встрѣчные и поперечные заглядывались на мою шпагу, а что̀ болѣе льстило моему ребяческому тщеславію, будочники и солдаты отдавали мнѣ честь. Конечно, это мечта, но кто не захотѣлъ бы ее воротить, а съ нею и лѣта юности, когда сама природа насъ привѣтствуетъ своею материнскою улыбкою, когда сердце свободнѣе и шире бьется, когда радуетъ насъ бездѣлка? Но все промчалось какъ утренній сонъ: не умираетъ только воспоминаніе.

Скажу нѣсколько словъ о первомъ ректорѣ университета *Харитонѣ Андреевичѣ Чеботаревѣ*, почтенномъ и сановитомъ старцѣ, ученѣйшемъ профессорѣ, другѣ Новикова, товарищѣ Потемкина, бывшемъ въ тискахъ у Шишковскаго, но странномъ и причудливомъ въ обращеніи. Знаменитый Шлецёръ называлъ Чеботарева „своимъ руководителемъ въ русской исторіи." Каково же было мое удивленіе, когда я его встрѣтилъ въ классахъ: въ одномъ нижнемъ платьѣ и въ короткомъ плащѣ безъ воротника, съ Аннинскимъ орденомъ на шеѣ, съ плюмажною шляпою на головѣ и съ тростью въ рукѣ. Онъ не носилъ ни пуклей, ни косы, не пудрился, голова у него была гладко острижена; въ поставѣ и въ походкѣ его выражалась самоувѣренность. Всѣмъ онъ говорилъ *ты*; зная его, никто на это не сердился. Обхожденіе его могло показаться грубымъ, если бъ оно не было выраженіемъ добродушія; почти всѣхъ онъ называлъ по имени, а не по отечеству, говорилъ отрывисто, но когда былъ въ ударѣ, или по нынѣшнему въ духѣ, рѣчь его лилась рѣкою. Новое поколѣніе едвали повѣритъ, что никто, при видѣ Харитона Андреевича, не смѣлъ улыбнуться, а тѣмъ паче засмѣяться и

зашикать. Такъ уважали его! Правда тогда не издавались ни *Искра*, ни *Развлеченіе*, ни *Заноза* и т. п.

Другая близкая мнѣ личность былъ профессоръ философіи, товарищъ и другъ моего отца, *Андрей Михайловичъ Брянцовъ*. Маленькій ростомъ и неуклюжій, старый холостякъ носилъ длинную косу и старомодный кафтанъ съ большими пуговицами; онъ ни съ кѣмъ не переписывался, не дѣлалъ форменныхъ визитовъ. Послѣ ученыхъ трудовъ, проходилъ ежедневно извѣстное пространство отъ университетской квартиры до города, а по праздникамъ его всегда можно было увидать съ другомъ его Страховымъ въ Успенскомъ соборѣ у лѣваго столба, слушающимъ литургію или всенощную, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ. Безукоризненная одинокая жизнь его украшалась благочестіемъ и добродѣтелію: онъ былъ не по имени, а по дѣламъ, философъ христіанскій. Напитанный чтеніемъ классическихъ писателей Греціи и Рима, проникнутый Священнымъ Писаніемъ, онъ не оставлялъ изучать философовъ Англіи, Германіи и Франціи, но изучалъ съ убѣжденіемъ Бакона, что „поверхностное знаніе философіи ведетъ къ безбожію, а основательное утверждаетъ въ спасительной вѣрѣ.“ Не могу вполнѣ высказать моей благодарности Андрею Михайловичу; я обязанъ ему многими свѣдѣніями и указаніями; заходя къ нему послѣ классовъ, между прочимъ, возымѣлъ я отъ него мысль заняться русскими пословицами, которыя любилъ онъ и часто приводилъ въ разговорахъ кстати. Какъ жалѣю до сихъ поръ, что не могъ вполнѣ воспользоваться ученостью незабвеннаго Брянцова!

Мѣсто ректора Чеботарева заступилъ *Страховъ*, профессоръ физики. Признаюсь, я рѣдко видалъ такого статнаго, безъ принужденія, величаваго безъ напыщенности, красиваго безъ притязанія и вѣжливаго безъ манерности, какъ этотъ истинно почтенный и благородный мужъ. Самый видъ его внушалъ невольное къ нему уваженіе. Скажу безъ преувеличенія, въ управленіи своемъ не нужно было ему прибѣгать къ наказанію, угрозамъ и брани; все дѣлалось по его распоряженію въ точности, не изъ страха, но изъ опасенія огорчить его. Изъ этого можно заключить, какъ его уважали и любили. Его обширныя познанія и дарованія возвышали краснорѣчивое слово и пріятно-звучный теноръ-бассъ. На публичныя его лекціи сбирались изъ всѣхъ почти сословій въ Москвѣ; тамъ я видалъ княгиню Екатерину Романовну Дашкову, Ивана Ивановича Дмитріева, Каразина. Послѣ лекцій изъ аудиторіи до квартиры провожали его толпы слушателей, которые и дорогой получали его объясненія на свои вопросы и недоумѣнія. Такіе переходы представляли нѣчто торжественное.

Какъ просвѣщенный любитель изящныхъ искусствъ, Страховъ завелъ въ университетѣ превосходный хоръ пѣвчихъ изъ его питомцевъ. Въ воскресные дни дворъ его былъ полонъ каретъ и колясокъ, а церковь тѣсна для многочисленныхъ посѣтителей. Стройное, изящное и одушевленное пѣніе приводило въ благоговѣйный восторгъ. Современники не могутъ забыть Карецкаго, Кошанскаго, Редласа.

Въ вакаціонное время, въ классахъ устроенъ былъ, при содѣйствіи Страхова, театръ, на коемъ играны были питомцами комедіи и оперы. Здѣсь проявились блистательные таланты, которыми любовались спеціалисты въ этомъ — оба братья Сандуновы. Восхищалась своя и посторонняя публика, такъ что не доставало мѣста для желавшихъ.

Какъ забыть въ своемъ воспоминаніи безрукаго профессора математики; хо-

тя я и не слушалъ его лекцій, но потому что отецъ мой пользовался его благорасположеніемъ и привѣтливымъ вниманіемъ. Не говорю уже объ извѣстной его учености по своей части; но замѣчу нѣкоторыя крупныя черты его своеобразности въ жизни домашней и общественной, въ особенности его взглядовъ на вещи. Вѣчный холостякъ, онъ жилъ скромно и уединенно въ своей тѣсной квартирѣ у ограды церкви Св. Георгія на Красной горкѣ, въ деревянномъ домикѣ о трехъ окнахъ на улицу. Ему прислуживалъ старый солдатъ, который, когда запьетъ, профессоръ самъ мелъ свои комнатки и дворикъ, самъ чистилъ себѣ платье и сапоги, готовилъ всегдашнее умѣренное кушанье—щи и кашу. При своей расчетливости, онъ позволялъ себѣ роскошь въ чаѣ, который покупалъ самый лучшій и дорогой и подчивалъ имъ тѣхъ, которые были ему по нраву и по сердцу. Онъ никогда почти не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ во всякое время года; только, любя Донскій монастырь, гдѣ землякъ его, товарищъ и другъ Викторъ Антонскій былъ архимандритомъ, иногда нанималъ извощика, да и то, когда тотъ задорожится, покупалъ себѣ фунтъ каленыхъ орѣховъ и насыпавъ ихъ въ карманъ, грызъ ихъ для сокращенія пути. Это у него называлось „ѣхать на орѣхахъ.“ На дворѣ монастыря и теперь видны устроенные однорукимъ профессоромъ солнечные часы на каменномъ піедесталѣ. Въ прогулкахъ его особенно занимали строенія; своими замѣчаніями, какъ механикъ, онъ полезенъ былъ архитекторамъ, мастерамъ и подрядчикамъ. Не имѣя ни съ кѣмъ переписки, онъ ни съ кѣмъ не кланялся, никому не дѣлалъ визитовъ. Замѣчательно было расположеніе его библіотеки: по словесности она начиналась съ азбуки, по математическимъ наукамъ съ ариѳметики и т. д. Отдѣляя отъ внѣшнихъ странностей нравственный его характеръ, безъ преувеличенія можно сказать, что *Панкевичъ* представлялъ образецъ честности и прямодушія. Впрочемъ онъ самъ откровенно говаривалъ ученикамъ своимъ: „я не таковъ прежде былъ какъ теперь; но есть привычка, есть и отвычка“, только не досказалъ, какой силы воли требуется, какого труда и самопожертвованія стоитъ отвыкать, къ чему съ молодости привыкли.

Въ вакаціонное время 1808 года отецъ мой взялъ меня и товарища моего Голтякова, для обозрѣнія училищъ Рязанской губерніи; въ самой Рязани, Зарайскѣ, Данковѣ, Спасскѣ, Касимовѣ, Раненбургѣ, Скопинѣ. Тогда епархіею управлялъ архіепископъ Амвросій Яковлевъ Орлинъ; директоромъ гимназіи былъ Клечановскій. Меня привлекалъ своею древностію соборъ, гдѣ погребенъ митрополитъ Рязанскій Стефанъ Яворскій и преемникъ его архіепископъ Алексѣй Титовъ, которому, хотя первый препятствовалъ занять эту епархію, но послѣдній успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Сидя на облачальномъ амвонѣ, въ соборѣ, Алексѣй, указывая на гробницу своего предшественника, говорилъ: „Стефане, Стефане, ты лежишь, а я сижу на твоемъ мѣстѣ.“ По краткости времени и отъ развлеченія, я не могъ тамъ осмотрѣть и замѣтить всѣхъ достопамятностей въ самой Рязани; только въ Богословскомъ монастырѣ привлекла мое вниманіе древняя чудотворная икона Св. Іоанна Богослова, на которую, вслѣдствіе какого-то видѣнія, самъ лютый Батый повѣсилъ свою золотую печать; но, къ сожалѣнію и къ удивленію, не такъ давно архимандритъ, снявъ эту печать, употребилъ ее на позолоту водосвятной чаши. Въ Рязани, въ Архангельскомъ соборѣ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на мантію ревностнаго миссіонера въ Мордвѣ

преосвященнаго Мисаила, пробитую стрѣлами и обагренную его мученическою кровію. Въ Зарайскомъ соборѣ привлекъ на себя мое вниманіе древній Корсунскій образъ святителя Николая, особенно чествуемый тамошними окрестными жителями; въ Касимовѣ на Окѣ татарскій минаретъ и усыпальница Касимовскихъ царей, въ Раненбургѣ крѣпость, гдѣ содержался несчастный Иванъ Антоновичъ, носившій титулъ императора нѣсколько мѣсяцевъ. При обозрѣніи училищъ, отецъ дѣлалъ въ нихъ публичные экзамены, входилъ съ почетными жителями въ сношенія для поддержки училищъ. Бумаги переписывалъ я.

По возвращеніи своемъ въ родимую Москву, я продолжалъ слушать лекціи въ словесномъ отдѣленіи. Припомню нѣкоторыхъ изъ профессоровъ.

Павелъ Аѳанасьевичъ Сахацкій, товарищъ и землякъ Антонскаго и Панкевича, съ обильною ученостью соединялъ тонкій вкусъ и развитое чувство изящнаго, рѣдкій даръ слова, которымъ увлекалъ вниманіе своихъ слушателей. Онъ первый преподавалъ въ университетѣ эстетику, съ тѣмъ вмѣстѣ читалъ съ нами римскихъ классиковъ. Прекрасные его разборы одъ Гораціевыхъ коротко насъ знакомили съ духомъ поэта. Студенты обязаны его краснорѣчивымъ лекціямъ развитіемъ вкуса и любовію къ изящному.

Нѣкогда строгій эфоръ, гроза казенныхъ учениковъ, въ мое время является онъ снисходительнымъ профессоромъ русской словесности; у него занимались мы анализомъ сочиненій, къ отдѣленію мысли отъ выраженія, пріучались къ сочиненіямъ и совершенствовались въ переводахъ. Преложеніе псалмовъ съ славянскаго на русскій открывало намъ духъ и красоты священной поэзіи; въ этомъ руководствомъ профессору были Лавтъ и Гердеръ. Разборомъ въ классѣ опытовъ студенческихъ онъ умѣлъ возбудить соревнованіе въ слушателяхъ. Къ основаніямъ славянской грамматики онъ присоединилъ и теорію словесности.

Въ свое время знаменитый филологъ, знатокъ еллинскаго и латинскаго языковъ, *Маттеи*, описавшій греческія рукописи Московской патріаршей библіотеки, разбиралъ и объяснялъ Гораціевы оды, заставляя насъ дѣлать парафразы и сообщая намъ свои письменныя на нихъ замѣчанія, плодъ многолѣтнихъ его изслѣдованій. Слушатели любили Маттеи и охотно слушали его лекціи. Маттеи на латинскомъ языкѣ говорилъ и писалъ, какъ на своемъ природномъ. Съ какимъ сочувствіемъ читалъ онъ Гораціевы оды и не рѣдко со слезами, вѣроятно, вспоминая лѣта юности своей, даже при чтеніи: Nunc est bibendum, nunc pede libero pulsanda est tellus, и старецъ притопывалъ ногою. Не безъ слезъ обошлось и чтеніе Цицероновыхъ парадоксовъ и въ какомъ думаете мѣстѣ? гдѣ говорится о роскоши у Римлянъ въ подпостельной посудѣ (malleliones) изъ коринфской мѣди, серебра и золота. Воображеніе профессора перенесло его на родину, гдѣ его облили изъ одного пріятнаго для него окошка, на которое онъ любилъ глядѣть. Не могу забыть, какъ, представляя Юпитера Олимпійскаго, маніемъ бровей потрясающаго и небо и землю, самъ онъ повалился со стула, такъ что и парикъ его не остался на своемъ мѣстѣ. Подобное сценическое представленіе Зевса мы видѣли въ классѣ археологіи, только безъ паденія представляющаго его. При посѣщеніи Московскаго университета императоромъ Александромъ I, Маттеи поднесъ государю свой каталогъ патріаршей библіотеки, но какъ Александръ I не говорилъ по нѣмецки, а Маттеи по французски, то отзывъ перваго остался въ неизвѣстности; только Маттеи жалѣлъ,

что императоръ не говорилъ съ нимъ по нѣмецки; тогда, разумѣется, досталось французскому языку.

Инспекторъ ввелъ къ намъ въ классъ молодаго человѣка, лѣтъ 30, въ очкахъ, худощаваго, блѣднаго и смуглаго, съ костылемъ, на который онъ опирался по болѣзни въ ногахъ, которую онъ нечаянно получилъ въ прогулкѣ на Прѣсненскихъ прудахъ съ бывшимъ своимъ пріятелемъ княземъ Шаликовымъ. Типическая его физіогномія походила болѣе на греческую, чѣмъ на русскую; она носила на себѣ отпечатокъ холерическаго темперамента. Черные волосы у него на головѣ коротко были острижены; пріемы его были угловаты, но смѣлы и обличали въ немъ что-то военное. Холодно раскланявшись съ нами въ классѣ, онъ съ какою-то увѣренностію сказалъ: „господа, по возложенной на меня отъ университетскаго начальства обязанности, мы займемся съ вами риторикой; руководствомъ себѣ я избираю Жиберта; между тѣмъ будемъ разбирать лучшихъ русскихъ писателей; начнемъ съ духовныхъ витій.“ Кто жъ это такой? Наконецъ узнаёмъ, что это былъ нѣкогда ученикъ Харьковскаго коллегіума, потомъ аудиторъ полковой, который сидѣлъ подъ судомъ за пропажу пороха на гауптвахтѣ у Воскресенскихъ воротъ, гдѣ познакомился съ маіоромъ Глинкою, который доставлялъ ему для чтенія книги и между прочимъ Болтина примѣчанія на Леклеркову исторію Россіи. Эта книга возбудила въ арестантѣ желаніе заняться критическимъ изслѣдованіемъ отечественной исторіи, въ которомъ образцемъ ему былъ Шлецеръ. Генералъ-лейтенантъ, въ послѣдствіи схимникъ въ Симоновской обители, Михайло Зиновьевичъ Дурасовъ, взявъ на себя отвѣтственность за пропажу пороха, способствовалъ къ освобожденію подсудимаго отъ суда и слѣдствія. Арестантъ этотъ былъ *Михайло Трофимовичъ Каченовскій*, который съ гауптвахты поступилъ къ попечителю Московскаго университета графу Разумовскому правителемъ его канцеляріи; по его предложенію, безъ экзамена, произведенъ сперва магистромъ, потомъ докторомъ словесныхъ наукъ. По своей должности при попечителѣ, Каченовскій въ университетѣ былъ вліятельнымъ человѣкомъ; писанныя имъ предложенія отъ имени графа Разумовскаго производили въ старыхъ профессорахъ, привыкшихъ къ старому порядку, не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Послѣ Карамзина, принявъ на себя изданіе Вѣстника Европы, онъ обнаружилъ свой критическій талантъ. Рѣзкія и смѣлыя его сужденія о литературныхъ знаменитостяхъ, до толѣ неприкосновенныхъ, не могли не раздражить самолюбіе поэтовъ, которыхъ еще Горацій называетъ irritabile genus. Хотя Каченовскій въ пропажѣ пороха былъ невиноватъ и оправданъ, но въ антикритикахъ не рѣдко ему намекали на это, и они были для него, *что порохъ въ глазу*. На него посыпались эпиграмы, но онъ избралъ себѣ девизъ: „стоять и правду говорить.“ Это произвело небезполезное движеніе въ нашей литературѣ. Одаренный воспріимчивымъ умомъ и счастливою памятью, дѣятельный и необыкновенно трудолюбивый, Каченовскій во многихъ предметахъ учености былъ самоучкою; пристрастный къ греческому и польскому языкамъ, хорошо изучилъ латинскій, италіянскій, англійскій и французскій, такъ что отъ одного предмета переходилъ къ другому: отъ риторики онъ перешелъ къ русской исторіи, потомъ къ археологіи и теоріи изящныхъ искусствъ. Въ его критицизмѣ выразился его подозрительный характеръ. Изученіе Шлецера усилило эту подозрительность до того, что въ

древнихъ письменныхъ памятникахъ мечтались ему поддѣлки: онъ опровергалъ существованіе Нестора лѣтописца, подлинность Іоанна Болгарскаго и другихъ; съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ нападалъ онъ на исторію Карамзина. Впрочемъ его замѣчанія, дѣльныя и находчивыя обнаруживая его ученость, или, лучше сказать, начитанность и остроуміе, принесли пользу наукѣ. У него были свои послѣдователи и свои противники. Полемика его съ учеными, ему современными, представляетъ иногда довольно забавнаго. Въ 1796 году ученѣйшій профессоръ Баузе написалъ на латинскомъ языкѣ краснорѣчивую рѣчь, многими забытую: de Russia ante hoc seculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita. Спустя десять лѣтъ, въ Вѣстникѣ Европы появился переводъ ея безъ означенія имени сочинителя и переводчика подъ заглавіемъ: „что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества отъ временъ Рюрика до Петра Великаго.“ Статья эта, приписанная Каченовскому, заслужила ему похвалу. За нѣсколько времени до этого Шрёдеръ въ журналѣ своемъ помѣстилъ нѣмецкій переводъ, также безъ означенія имени сочинителя и, увидѣвъ ее въ Вѣстникѣ Европы, публично упрекалъ будто въ похищеніи его собственности, полагая, что Каченовскій перевелъ съ нѣмецкаго, не сославшись на источникъ. Тогда Каченовскій отвѣчалъ ему на прямикъ: „если такъ, то мы должны сознаться, что оба заимствовали изъ одного источника — изъ рѣчи профессора Баузе.“(*) Такихъ столкновеній въ литературной дѣятельности у Каченовскаго было довольно. Какъ бывшій его ученикъ и подчиненный, по журналу сотрудникъ, по должности профессора и цензора сослуживецъ, долженъ сказать, что Михайло Трофимовичъ, не смотря на его холерическій характеръ, былъ самый честный, благородный и дѣятельный человѣкъ. Строгій исполнитель своихъ обязанностей, онъ, владѣя небольшимъ домикомъ въ отдаленной части города, не пользовался, по должности ректора, казенною квартирою, потому что законъ не позволялъ ею пользоваться чиновнику, имѣющему собственный домъ, и каждый день, кромѣ воскресенья, являлся въ университетъ по дѣламъ службы.

(*) См. подробности въ прекрасной статьѣ о Баузе, написанной *Н. С. Тихонравовымъ* въ Біограф. Словарѣ професоровъ Москов. унив. М. 1855.

Съ удовольствіемъ и признательностію я пользовался частными лекціями, библіотекою и драгоцѣннымъ собраніемъ славяно-русскихъ древностей незабвеннаго профессора правъ, юриста, дипломата, историка, археолога и филолога *Ѳедора Григорьевича Баузе*. Въ 1807 году онъ былъ ректоромъ университета. Съ ненасытимою любознательностію, обогатившею его разнообразными свѣдѣніями, онъ соединялъ рѣдкій даръ слова, свободно и красно говорилъ и писалъ по латыни. Кромѣ изданныхъ имъ рѣчей, осталось много матеріаловъ для обширныхъ и важныхъ сочиненій, которые остались въ спискахъ. Въ продолженіи 30 лѣтъ, съ особеннымъ стараніемъ и съ великими издержками, составилъ онъ собраніе древнихъ славяно-русскихъ рукописей, между которыми находились Псалтырь и Прологъ XII вѣка, Лечебникъ 1588 вода, первыя на русскомъ логариѳмы, коллекція русскихъ монетъ и медалей, по мнѣнію знатоковъ, единственная въ своемъ родѣ. Мнѣ случалось видѣть почтеннаго профессора съ своимъ Анненскимъ орденомъ на шеѣ на толкучкѣ между букинистами, покупающимъ и торгующимъ старыя книги

и вещи. Съ какою дѣтскою радостію и восторгомъ показывалъ онъ мнѣ, предъ нимъ мальчику, купленную имъ рѣдкость! Жалѣю, что я мало пользовался симъ рѣдкимъ случаемъ: Баузева библіотека и музей пропали въ 1812 году вмѣстѣ со многими драгоцѣнными памятниками нашей исторіи, которые извѣстны были Карамзину и К. Калайдовичу.

По сосѣдству съ ними въ 4-й Мѣщанской, жилъ въ своемъ домѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара въ 1812 году законоискусникъ *Захаръ Аникѣевичъ Горюшкинъ*, по университету сослуживецъ и благопріятель моему отцу(*). У него я часто бывалъ и пользовался его наставленіями, много слыхалъ отъ него о старинѣ и о вельможахъ съ нимъ знакомыхъ по дѣламъ. Это былъ мужъ опытный, любознательный, честный, твердаго характера. Любопытенъ его переходъ отъ подъячаго Сыскнаго приказа до профессора Московскаго университета. Живы еще у меня въ памяти разсказы Захара Аникѣевича о прежнемъ бытѣ и судебныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что онъ, по привычкѣ стариковской, любилъ ихъ часто повторять. Службу свою онъ началъ почти ребенкомъ въ воеводской канцеляріи, въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, когда секретари и повытчики за маловажные проступки таскали за волосы подъячихъ, а судьи самихъ секретарей. При нынѣшнемъ либеральномъ воззрѣніи на жизнь и на службу, конечно это покажется страннымъ и даже неимовѣрнымъ, между тѣмъ и въ наше время, лѣтъ около 40 тому, одинъ полномочный начальникъ, безъ лести преданный, за описку въ одной дѣловой бумыгѣ, при всей канцеляріи, оттаскалъ за волосы дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Его превосходительство не снесъ этого безчестія, умеръ отъ апоплексическаго удара. Говорятъ, будто этотъ же ревнитель службы, безъ лести преданный, за стишки, помѣщенные въ журналѣ издателемъ коллежскимъ совѣтникомъ велѣлъ его высокоблагородію отсчитать по спинѣ сорокъ палокъ. Но этотъ господинъ былъ видно терпѣливѣе и до сихъ поръ здравствуетъ, увѣряя всѣхъ, что это гнусная клевета на него завистниковъ и враговъ, которыхъ у него столько, сколько волосъ на головѣ.

Возвратимся къ Горюшкину. Проходя всѣ степени канцелярской службы, онъ былъ подъячимъ въ страшномъ Сыскномъ приказѣ, гдѣ при допросахъ пытали обличенныхъ и оговоренныхъ: первыхъ потому, нѣтъ ли еще за ними какихъ преступленій, другихъ для дознанія правды, которую выкраивали изъ спины. Стоило только на кого закричать роковое *слово и дѣло*, тотчасъ схватятъ доносчика и обвиняемаго, представятъ въ Сыскной приказъ, бывшій тогда на Житномъ дворѣ у Калужскихъ воротъ. Въ застѣнкѣ палачи раздѣнутъ до нага, свяжутъ назади руки веревками, обшитыми войлокомъ, чтобы не перетерли кожи; палачь, ступивъ на бревешки, встряхиваетъ, такъ что руки выдутъ изъ лопатокъ. Это называлось встряскою, которая повторялась во время допроса; потомъ, нагнувъ спину, палачь билъ кнутомъ, сдирая кожу лоскутками отъ плечь до хребта. Вывертывая изъ лопатокъ руки, палачь, какъ ловкій костоправъ, вправлялъ, ихъ схвативъ, дернетъ что есть силы, и онѣ очутятся на своемъ мѣстѣ. Казалось, еще мало того. На ободранную спину трясли зажженный сухой вѣникъ, или посыпали солью; иногда въ тоже самое время судья колотилъ пытаемаго палкою по головѣ. Судьи прежде хвастались, сказывалъ Захаръ Аникѣевичъ, другъ передъ дру-

(*) Горюшкинъ род. въ 1748, ум. въ 1821 году.

гомъ въ изобрѣтеніи новыхъ средствъ къ истязанію, новыхъ орудій при допросахъ, приводившихъ въ ужасъ и содроганіе людей не закоснѣвшихъ въ мучительствѣ подобныхъ себѣ. „Случилось мнѣ", продолжалъ онъ, „зайти въ пытальную палату, или застѣнокъ, по окончаніи присутствія; на полу я увидѣлъ кучку лоскутковъ окровавленной кожи; спрашиваю у палача: что это такое? Какъ что! выкройка изъ спины."

Для устрашенія оговоренныхъ и для принужденія ихъ къ признанію въ винахъ, при нихъ пытали другихъ на заказъ, т. е. жесточаѣ обыкновеннаго. Такъ было съ душегубкою и мучительницею Салтычихою. При видѣ заказныхъ пытокъ, она падала въ обморокъ, но не признавалась. Видно, не приказано было ее пытать. Среди лютыхъ пытокъ русской человѣкъ обнаруживалъ свое молодечество: при людяхъ для него и смерть красна. Въ Сыскномъ приказѣ отъ пытаемыхъ Горюшкинъ слыхалъ пословицу: „терпи голова, въ кости скована." Послѣ мучительныхъ встрясокъ, съ истерзанною спиной, съ изломанными руками, облитый кровью выходитъ изъ застѣнка; встрѣтившійся ему колодникъ, шедши на пытку, спрашиваетъ его: „какова баня?"—Остались еще вѣники, тотъ отвѣчаетъ ему. Кто вытерпитъ три застѣнка и не сознается въ винѣ, „тотъ очищался кровію." Сколько разъ случалось, бывало, что, когда подымутъ на дыбу, винится въ преступленіи; снимутъ съ дыбы, запирается, говоря, что, не стерпя мученій, ложно показалъ на себя. Не рѣдко отъ страха сходили съ ума отъ жестокихъ истязаній, и даже при видѣ самыхъ пытокъ, умирали. Подъячіе Сыскнаго приказа призывали къ себѣ колодниковъ изъ тюрьмы въ канцелярію подъ предлогомъ повѣрки пыточныхъ рѣчей, а сами нашептывали имъ, кого еще оговорить, разумѣется, извѣстныхъ имъ зажиточныхъ людей. По такому наущенію, колодники имъ гласно объявляли, что съ ними участникомъ былъ такой-то. Тотчасъ къ нему въ полночь нагрянетъ съ подъячими команда, ворвутся въ домъ; испуганный хозяинъ даетъ имъ деньги, и они сами хватаютъ что попало; приводятъ его въ приказъ и ставятъ къ отвѣту; сперва пытаютъ докащиковъ, потомъ принимаются за оговореннаго, наконецъ докащики повинятся,что напрасно оговорили; имъ за это дадутъ ударовъ по 15 или 20 кнутомъ. Чтожъ они за это получатъ въ награду? Цѣлковыхъ по два, или по три! Такъ бывало не въ одномъ Сыскномъ приказѣ.

Ничѣмъ не обязанный школѣ, Горюшкинъ чувствовалъ стремленіе къ просвѣщенію; кровавыя сцены въ Сыскномъ приказѣ и сообщество съ палачами и подобными имъ судьями и подъячими ему омерзѣли. Добывъ себѣ русскую грамматику, ариѳметику и логику, онъ принялся самъ учиться безъ учителя, уже женатый. Какого усилія и труда требовалось, чтобы безъ руководителя добиться до смысла грамматическихъ терминовъ! Вмѣсто чтенія пыточныхъ рѣчей, онъ сталъ твердить части рѣчи въ грамматикѣ. Такъ долго не могъ онъ понять въ грамматикѣ склоненіе: воевода, воеводы, воеводѣ и пр., и то и дѣло твердя склоненія на постелѣ, не давалъ спать женѣ своей, такъ что она, вышедши изъ терпѣнія, сказала ему: „да что ты наладилъ одно воевода? По мнѣ это не мудрено; къ какому слову только его приладить, такъ и будетъ: воевода, воеводы, воеводѣ. На прикладъ: воевода судитъ, мѣсто воеводы, подарить воеводѣ." Это объясненіе малограмотной женщины, замѣтилъ Захаръ Аникѣевичъ, развязало ему понятіе, и онъ съ легкой ея руки пошелъ впередъ. Съ неимовѣрнымъ трудомъ онъ выучилъ

ариѳметику и логику, съ усиленнымъ вниманіемъ изучалъ историческія, богословскія, философскія и юридическія книги; искалъ знакомства съ учеными людьми, которые могли бы его руководствовать въ занятіяхъ науками. Съ этою цѣлію онъ сблизился съ профессорами Аничковымъ и Десницкимъ. Приложеніе пріобрѣтенныхъ знаній ему доставило мѣсто члена въ уголовной и казенной палатахъ. Споръ его съ главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ по дѣлу Новикова въ уголовной палатѣ обнаружилъ въ Горюшкинѣ гражданское мужество; одинъ опирался на личное мнѣніе императрицы, а другой на силу закона и не убоялся гнѣва и угрозъ сильнаго вельможи, желавшаго угодить государынѣ обвиненіемъ Новикова. Познанія и опытность въ отечественномъ законовѣдѣніи сдѣлали Горюшкина извѣстнымъ директору Московскаго университета П. И. Фонъ-Визину; онъ пригласилъ его преподавать въ университетѣ и потомъ въ бывшемъ при университетѣ благородномъ пансіонѣ практическое законовѣдѣніе. Своимъ лекціямъ онъ давалъ драматическую форму; классъ его представлялъ присутствіе, гдѣ производился судъ по законному порядку. Изъ студентовъ и учениковъ избирались наставникомъ предсѣдатели, судьи, секретари и т. д. Въ послѣдствіи изъ нихъ выходили сенаторы и министры. Изданное имъ сочиненіе въ трехъ частяхъ 1807 и 1815 годовъ: „Описаніе судебныхъ дѣйствій“, замѣчательно не только въ юридическомъ, но и въ археологическомъ отношеніи, какъ значительный матеріялъ юридическихъ древностей. Горюшкина „Руководство къ познанію Россійскаго законоискусства“ есть созданная имъ самимъ система, въ которой сильная, но безформенная народность борется съ классическими понятіями древнихъ и новѣйшихъ юриспрудентовъ. Онъ едва ли не первый у насъ показалъ источникъ юриспруденціи въ нравахъ, обычаяхъ и пословицахъ Русскаго народа. Какъ опытный законоискусникъ, онъ былъ оракуломъ для многихъ; къ нему прибѣгали за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ и запутанныхъ дѣлахъ вельможи, сенаторы и профессоры. У него была домашняя школа законовѣдѣнія; образовавшіеся у него молодые люди выходили хорошими стряпчими. Какъ любитель изящныхъ искусствъ, онъ въ гостепріимномъ своемъ домѣ завелъ маленькій театръ и музыку. По пріемамъ и костюму, Захаръ Аникѣевичъ не походилъ на прежняго подъячаго, но скорѣе на щеголеватаго барина; черты лица были у него правильныя, глаза маленькіе, ротъ узкій, выражавшій проницательность и скромность. Онъ пудрился, украшалъ волосы пуклями, носилъ модный кафтанъ и шлифныя на башмакахъ пряжки съ розами, или стразами, двое часовъ въ карманахъ съ золотыми цѣпочками, на пальцахъ жалованные бриллiантовые перстни. Карамзинъ въ своей Исторіи рѣдкіе списки Русской Правды и лѣтописи, заимствованные изъ библіотеки Горюшкина, обозначаетъ Горюшкинскими......

ПАРНАССКІЙ АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ,

или Роспись чиновныхъ особъ, служащихъ при дворѣ Ѳеба и въ нижнихъ земскихъ судахъ Геликона, съ краткими замѣчаніями объ ихъ жизни и заслугахъ. Собрано изъ достовѣрныхъ источниковъ, для употребленія въ благошляхетномъ Арзамазскомъ обществѣ.

Парнасскій адресъ-календарь — шуточное произведеніе *А. Ѳ. Воейкова* (писано около 1816) печатается здѣсь по двумъ современнымъ

спискамъ, изъ коихъ одинъ доставленъ *И. Ѳ. Золотаревымъ*, получившимъ его отъ *А. И. Тургенева*, а другой *кн. П. А. Вяземскимъ*.

П. Б.

1. *И. И. Дмитріевъ*, дѣйствительный поэтъ 1-го класса. По прошенію уволенъ отъ поэзіи въ царство дружбы и славы, съ ношеніемъ лавроваго вѣнка.

2. *Ю. А. Нелединскій-Мелецкій*, дѣйствительный поэтъ, чрезвычайный и полномочный посолъ царя Парнасскаго при дворѣ царицы Паѳосской. Имѣетъ на головѣ миртовой вѣнокъ и лавровый листъ въ петличкѣ съ надписью: «за переводъ Заиры».

3. *Кн. Д. П. Горчаковъ*, дѣйствительный поэтъ; экзекуторъ при наказаніи сатирическимъ бичемъ разврата, ябеды и грабительства, имѣетъ въ петличкѣ лавровый листъ съ надписью: «за сатиры».

4. *К. Н. Батюшковъ*, дѣйствительный поэтъ, стольникъ Музъ, оберъ-камергеръ Грацій.

5. *Д. В. Дашковъ*, министръ юстиціи ([1]), комитета для пересмотра вновь выходящихъ книгъ, уголовной литературной палаты и комитета о наблюденіи православія въ слогѣ, первоприсутствующій.

6. *Кн. П. А. Вяземскій*, министръ полиціи, главноуправляющій смирительными заведеніями для завистниковъ, вралей и бездѣльниковъ.

7. *Д. Н. Блудовъ*, государственный секретарь бога Вкуса; при отдѣленіи хорошихъ сочиненій отъ безсмысленныхъ, и клейменіи сихъ послѣднихъ печатью отверженія; находится на теплыхъ водахъ, для излѣченія отъ простудной лихорадки, которую получилъ онъ на Липецкихъ водахъ.

8. *Д. В. Давыдовъ*, дѣйствительный поэтъ, генералъ-адъютантъ Аполлона, при перепискѣ Вакха съ Венерою.

9. *Д. И. Барановъ*, аккредитованный переводчикъ 1-го класса. Находится при выдачѣ за золото иностранныхъ писателей, равной суммы русскою ходячею монетою.

10. *М. Т. Каченовскій*, великій государственный архиваріусъ, хранитель древней пыли, оберъ-баньщикъ торговыхъ Гиппокренскихъ бань, безсмѣнный членъ баннаго строенія, церемоніймейстеръ передбанниковъ, ордена бани кавалеръ; имѣетъ черезъ плечо вѣникъ на лыкѣ ([2]).

11. *Вильгельмъ Кюхельбекеръ*, хирургъ изъ Нѣмчинъ, заготовляетъ изъ стихотвореній своихъ для Ѳеба промывательное.

12. *Николай Иванчинъ-Писаревъ*, по горной части, при переплавкѣ свинцовыхъ Мерзлякова стиховъ въ свои.

13. *А. Ѳ. Мерзляковъ*, придворный карапузикъ, великій раздаватель галиматьи.

14. *Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ*, служитъ знакомъ удивленія при великомъ раздавателѣ галиматьи.

15. *В. В. Измайловъ*, дѣйствительный явный галломанъ, чувствительный писатель 1-го класса, помѣщенъ на ваканцію Ж. Ж. Руссо, при рескриптѣ, въ которомъ сказано: «на безрыбьи и ракъ рыба»! Пользуется привиллегіею выпускать въ Благовѣщенье изъ клѣтокъ чи-

([1]) Странная случайность: Д. В. Дашковъ впослѣдствіи дѣйствительно былъ министромъ юстиціи, чего конечно не могъ предугадывать Воейковъ въ 1816 г.; но въ способности Дашкова быть настоящимъ министромъ юстиціи уже въ то время не сомнѣвались люди близко его знавшіе *П. Б.*

([2]) Каченовскій печаталъ въ Вѣстникѣ Европѣ археологическія статьи о *банномъ строеніи*. Дмитріевъ говорилъ, что онъ этими статьями прилипаетъ къ читателю какъ банный листъ. Примѣч *кн П. А. Вяземскаго*.

жиковъ, и завѣдываетъ департаментомъ истерикъ.

16. *С. Н. Глинка*, снабжаетъ отхожій кабинетъ патріотической Русской Музы мягкою бумагою.

17. *Максимъ Невзоровъ*, за сумасшествіемъ употребленъ при Московскомъ университетѣ.

18. *Эвстафій Станевичь*, академикъ и бесѣдистъ. За ревностные труды по части злословія совѣтъ Музъ добавилъ къ его фамиліи недостававшую литеру *а*, и повелѣлъ ему впредь и слыть и быть *Сатаневичемъ*.

19. *А. Н. Грузинцовъ* 12 класса. За малолѣтствомъ отпущенъ въ домъ родителей доучиться читать и писать.

20. *Кн. Шаховскій*, придворный дистилаторъ; составляетъ самый лучшій опіумъ для придворнаго и общественнаго театра. Имѣетъ привилегію писать безъ вкуса и толку.

21. *Кн. П. И. Шаликовъ*, присяжный оберъ-волокита, князь вралей; находится при составленіи изъ канареишныхъ яицъ для Ѳеба яишницы и при собраніи для него же жемчужной росы и любовныхъ вздоховъ.

22. *Н. Грамматинъ*, вѣтошникъ Русскихъ писателей; перекраиваетъ новыя пьесы изъ старыхъ лоскутьевъ и перекрашиваетъ въ свои чужія поношенныя стихотворенія.

23. *Городчанинновъ*, сорокъ лѣтъ находится при составленіи экспромта на взятіе графомъ Минихомъ города Гданска.

24. *Таушевъ*, винный приставъ.

25. *Кн. Козловскій*, при дополненіи календаря объяденія.

26. *Муравьевъ-Апостолъ*, великій усыпитель двора его Парнасскаго величества; обязанъ просиживать ночи безъ сна для усыпленія читателей

27. *Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій*, употребленъ по части народнаго просвѣщенія; сочиняетъ историческое похвальное слово покойному Іерофеичу, и исчисляетъ, сколько азовъ употребилъ въ сочиненіяхъ своихъ Аристотель.

28. *П. Ю. Львовъ*, для увеселенія важныхъ Музъ, пускаетъ огромные мыльные пузыри и прогуливается на ходуляхъ по болоту; въ грѣхѣ зачинаетъ и родитъ въ беззаконіи.

29. *А. М. Пушкинъ*, служитъ при нагрузкѣ Расиновыхъ и Мольеровыхъ сочиненій балластомъ.

30. *В. Л. Пушкинъ*, при водяной коммуникаціи, имѣетъ въ петлицѣ листочекъ лавра съ надписью: „за Буянова“.

31. *П. И. Голенищевъ-Кутузовъ*, бѣседистъ, почетный членъ общества завистливыхъ, обучаетъ змѣй пресмыкаться по книгѣ, которая есть плодъ его долговременныхъ опытовъ.

32. *Карабановъ*, именинный стихотворецъ, долженствующій всегда имѣть въ запасѣ нѣсколько пьесъ на рожденіе, крещенье, бракосочетаніе и кончину знатныхъ особъ обоего пола.

33. *Кн. С. Шахматовъ*, бѣседистъ; членъ противной стороны здравому разсудку, пишетъ невѣдомо что, невѣдомо для кого, сочинитель пѣсенъ, которыхъ никто не поетъ и книгъ, которыхъ никто не читаетъ.

34. *Жихаревъ*, эксъ-бѣседистъ, нынѣ членъ Арзамасскаго общества; снова вступилъ въ управленіе умомъ и вкусомъ.

35. Статскій совѣтникъ *Яценко*, тайный издатель, по секрету славный писатель, выпускаетъ изъ себя Духъ Журналовъ.

36. *Д. И. Языковъ. Ъ* [3]) его величества.

37. *Гр. Д. И. Хвостовъ*, оберъ-

---

[3]) Онъ писалъ и печаталъ не употребляя буквы ъ.

дубина Ѳеба въ рангѣ провинціальнаго секретаря; обучаетъ Ипокренскихъ лягушекъ квакать и барахтаться въ грязи.

38. *А. С. Шишковъ*, патріархъ старообрядцевъ, главный директоръ раскольничьяго книгохранилища; на шеѣ носитъ шишъ на пестрой тесьмѣ, а въ петлицѣ раскольничью бороду на голубой лентѣ; перелагаетъ въ стихи Стоглавъ и Кормчую книгу.

39. *Макаровъ*, 14 класа, издатель Журнала для милыхъ; управляетъ департаментомъ шлифованія на Московскихъ улицахъ камней.

40. *Катенинъ*, царскій постельничій; обязанъ каждый вечеръ подходить къ постели Ѳеба и говорить ему изъ своего Расинова перевода: „ты дремлешь, владыко! владыко, ты дремлешь!“ по утру же привѣтствовать царя Музъ сими словами: „сице, сице, вѣсы въ твоей десницѣ!“

41. *А. Ѳ. Воейковъ*, избранъ совѣтомъ нѣмецкаго университета въ профессоры Россійской элоквенціи, перевощикъ дидактическихъ поэмъ; по именному указу Аполлона, послѣдовавшему по прочтеніи Русскихъ Садовъ его, выворачиваетъ на изнанку Виргиліевы Георгики. Избранъ въ члены Бесѣды и Академіи.

42. *Висковатовъ*, при театральной дирекціи; членъ коммиссіи для сочиненія проэкта смѣшить Музъ трагедіями.

43. *И. А. Крыловъ*, дѣйствительный поэтъ 1-го класса. Придворный проповѣдникъ, имѣетъ лавровый вѣнокъ, и входитъ къ его Парнасскому величеству безъ доклада.

44. *Михайло Милоновъ*, дѣйствительный поэтъ.

45. *И. Иванчинъ-Писаревъ*.
46. *Сокольскій*.
47. *Глѣбовъ*.
} Юнкеры при разныхъ министерствахъ.

48. *Араповъ*.
49. *Аполонскій*.
50. *Росляковъ*.
} Юнкеры при разныхъ министерствахъ.

ПИСЬМО ГОГОЛЯ КЪ П. А. ПЛЕТНЕВУ О МЕРТВЫХЪ ДУШАХЪ *).

7 января (1842 г. Москва)

Растроенный и тѣломъ и духомъ, пишу къ вамъ. Сильно хотѣлъ-бы ѣхать теперь въ Петербургъ; мнѣ это нужно, это я знаю, и при всемъ томъ не могу. Никогда такъ не впору не подвернулась ко мнѣ болѣзнь, какъ теперь. Припадки ея приняли теперь такіе странные образы.... но Богъ съ ними! Не объ болѣзни, а объ цензурѣ я теперь долженъ говорить.

Ударъ для меня никакъ не ожиданный: запрещаютъ всю рукопись. Я отдаю сначала ее цензору С, который нѣсколько толковѣе другихъ съ тѣмъ, что, если онъ находитъ въ ней какое-нибудь мѣсто, наводящее на него сомнѣніе, чтобъ объявилъ мнѣ прямо, что я тогда посылаю ее въ Петербургъ. Чрезъ два дни С. объявляетъ мнѣ торжественно, что рукопись онъ находитъ совершенно благонамѣренной, и въ отношеньи къ цѣли, и въ отношеніи къ впечатлѣнію, производимому на читателя, и что кромѣ одного незначительнаго мѣста: перемѣны двухъ-трехъ именъ (на которыя я тотъ же часъ согласился и измѣнилъ) нѣтъ ничего, что бъ могло навлечь притязанія цензуры самой строгой. Это же самое онъ объявилъ и другимъ. Вдругъ С—ва сбилъ кто-то съ

*) За сообщеніе этого письма (въ спискѣ) мы обязаны благодарностью академику Я. К. Гроту. П. Б.

толку, и я узнаю, что онъ представляетъ мою рукопись въ Комитетъ. Комитетъ принимаетъ ее такимъ образомъ, какъ будто уже былъ приготовленъ заранѣе и былъ настроенъ разъиграть комедію: ибо обвиненія, всѣ безъ исключенія, были комедія въ высшей степени. Какъ только Г. занимавшій мѣсто президента услышалъ названіе *Мертвыя души*, закричалъ голосомъ древняго Римлянина: «Нѣтъ, этого я никогда не позволю: душа бываетъ безсмертна, мертвой души не можетъ быть, авторъ вооружается противъ безсмертья». Въ силу наконецъ могъ взять въ толкъ умный президентъ, что дѣло идетъ объ ревижскихъ душахъ. Какъ только взялъ онъ въ толкъ и взяли въ толкъ вмѣстѣ съ нимъ другіе цензора, что мертвыя значитъ ревижскія души, произошла еще бо̀льшая кутерьма. Нѣтъ, закричалъ председатель и за нимъ половина цензоровъ, этого и подавно нельзя позволить, хотя бы въ рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: *ревижская душа*; ужъ этого не льзя позволить, это значитъ противъ крѣпостнаго права". Наконецъ самъ С. увидѣлъ, что дѣло зашло уже очень далеко; сталъ увѣрять цензоровъ, что онъ рукопись читалъ и что о крѣпостномъ правѣ и намековъ нѣтъ, что даже нѣтъ обыкновенныхъ оплеухъ, которыя раздаются во многихъ повѣстяхъ крѣпостнымъ людямъ; что здѣсь совершенно о другомъ рѣчь; что главное дѣло основано на смѣшномъ недоумѣніи продающихъ и на тонкихъ хитростяхъ покупщика и на всеобщей ералаши, которую произвела такая странная покупка; что это — рядъ характеровъ, внутренній бытъ Россіи и нѣкоторыхъ обитателей, собраніе картинъ самыхъ невозмутительныхъ. Но ничего не помогло. «Предпріятіе Чичикова» стали кричать всѣ: «есть уже уголовное преступленіе». «Да впрочемъ и авторъ не оправдываетъ его», замѣтилъ мой цензоръ.— «Да, не оправдываетъ, а вотъ онъ выставилъ его теперь, и пойдутъ другіе брать примѣръ и покупать мертвыя души». — Вотъ какіе толки! Это толки цензоровъ-азіатцевъ, то есть людей старыхъ, выслужившихся и сидящихъ дома. Теперь слѣдуютъ толки цензоровъ-европейцевъ, возвратившихся изъ за границы, людей молодыхъ. «Что вы ни говорите, а цѣна, которую даетъ Чичиковъ (сказалъ одинъ изъ такихъ цензоровъ К.), цѣна два съ полтиною, которую онъ даетъ за душу, возмущаетъ душу. Человѣческое чувство вопіетъ противъ этого; хотя конечно эта цѣна дается за одно имя, написанное на бумагѣ, но все же это имя душа, душа человѣческая; она жила, существовала. Этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя позволить. Да послѣ этого ни одинъ иностранецъ къ намъ не пріѣдетъ».

Это главные пункты, основываясь на которыхъ произошло запрещеніе рукописи. Я не разсказываю вамъ о другихъ мелкихъ замѣчаніяхъ, какъ-то въ одномъ мѣстѣ сказано, что одинъ помѣщикъ разорился, убирая себѣ домъ въ Москвѣ въ модномъ вкусѣ. «Да вѣдь и государь строитъ въ Москвѣ дворецъ!» сказалъ цензоръ. Тутъ, по поводу, завязался у цензоровъ разговоръ единственный въ мірѣ. Потомъ произошли другія замѣчанья, которые даже совѣстно пересказывать, и наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что рукопись объявлена запрещенною, хотя Комитетъ только прочелъ три или четыре мѣста.

Вотъ вамъ вся исторія. Она почти невѣроятна, а для меня въ добавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить въ человѣкѣ. Цензора не всѣ же глупы до такой степени. Я думаю, что противъ меня что нибудь есть. Но дѣло между прочимъ для меня слиш-

комъ серьезно. Изъ за ихъ комедій или интригъ мнѣ похмѣлье. — У меня, вы сами знаете, всѣ мои средства и все мое существованье заключены въ моей поэмѣ. Дѣло клонится къ тому, чтобы вырвать у меня послѣдній кусокъ хлѣба, выработанный семью годами самоотверженья, отчужденья отъ міра и всѣхъ его выгодъ. Другаго я ничего не могу предпринять для моего существованія. Усиливающееся болѣзненное мое расположеніе и недуги лишаютъ меня даже возможности продолжать далѣе начатый трудъ. Свѣтлыхъ минутъ у меня не много, а теперь просто отнимаются руки. Но что я пишу вамъ, уже не помню; я думаю, вы не разберете вовсе моей руки. Дѣло вотъ въ чемъ. Вы должны теперь дѣйствовать соединенными силами и доставить рукопись къ Государю. Я объ этомъ пишу къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой. Я просилъ ее чрезъ Великихъ Княженъ или другими путями. Это ваше дѣло, объ этомъ вы сдѣлаете совѣщаніе вмѣстѣ. Попросите Александру Осиповну, чтобы она прочла сама мое письмо. Это вамъ нужно. Рукопись моя у князя Одоевскаго. Вы прочитайте ее вмѣстѣ, человѣка три четыре, не больше. Не нужно объ этомъ дѣлѣ производить огласки Только тѣ, которые меня очень любятъ, должны знать. Я твердо полагаюсь на вашу дружбу и на вашу душу, и нечего между нами тратить больше словъ! Обнимаю сильно васъ, и да благословитъ васъ Богъ! Если рукопись будетъ разрѣшена и нужно будетъ только для проформы дать цензору, то я думаю лучше дать Очкину для подписанья, а впрочемъ какъ найдете вы. Не въ силахъ больше писать.—Весь вашъ *Гоголь.*

Изъ другаго (напечатаннаго въ изданіи Кулиша, V, стр. 457) письма Гоголя къ П. А. Плетневу отъ 6 февр. того же 1842 г. видно, что Гоголь даже отказывался отъ мысли выдать въ свѣтъ Мертвыя Души. „Прекратите дѣло. Я вижу, не судьба моему творенью явиться теперь. Да къ тому прошло и время. Я умѣю покориться. Я попробую еще выносить нужду, бѣдность, терпѣть....“ Но уже 17 февраля онъ пишетъ (стр. 461), что ждетъ одобренной къ печати рукописи. Она была разрѣшена въ Петербургѣ цензоромъ А. В. Никитенкою, 9 марта 1842 г., какъ означено на книгѣ, отпечатанной въ Москвѣ того же года, въ универ. тип.—(Слѣдуетъ сличить также письма Гоголя къ кн. В. Ѳ. Одоевскому въ Русскомъ Архивѣ 1864, изд. 2. стр. 1030.)

Читая вышепомѣщенное письмо Гоголя, не вѣришь глазамъ своимъ (до такой степени не похоже тогдашнее, еще недавнее время на теперешнее) и въ тоже время живѣе и признательнѣе оцѣниваешь настоящее положеніе книгопечатанія. «Мертвыя души,» драгоцѣннѣйшее произведеніе Русской словесности, съ такимъ трудомъ выпущены на свѣтъ Божій! Будущій историкъ долженъ будетъ остановиться на этомъ замѣчательномъ случаѣ.—Но, радуясь настоящему, мы не должны забывать, что, хотя внѣшнія условія стали неизмѣримо-благопріятнѣе, за то какъ измельчало внутреннее содержаніе словесности! Гдѣ дѣйственное слово, живыя силы и могучіе дѣятели? *П. Б.*

НЕИЗДАННОЕ ПЯТИСТИШІЕ А. С. ХОМЯКОВА.

Въ одномъ изъ блистательныхъ и памятныхъ засѣданій общества любителей Россійской Словесности (2 февраля 1860 г.), покойный предсѣдатель его А. С. Хомяковъ, во вступительной рѣчи своей, при обозрѣніи предъидущаго года, сказалъ между прочимъ: «но не всѣмъ новымъ повременнымъ изданіямъ посчастливилось. Одно изъ нихъ, можетъ быть болѣе всѣхъ подававшее надеждъ, вышло не съ попутнымъ вѣтромъ въ море, корабль потерпѣлъ крушеніе у самой пристани». Вслѣдъ за

тѣмъ произнесены были Хомяковымъ слѣдующіе, до сихъ поръ неизданные стихи:

Хранители стихіи голубой,
Русалки водъ и синій водяной,
Къ мольбамъ безжалостно глухіе,
Собрали подъ его кормой
Пески и камни роковые.

Все это относилось къ газетѣ *Парусъ*, предпринятой въ 1859 г. И. С. Аксаковымъ и прекратившейся на 2-хъ номерахъ. «Русалки» и «синій водяной»—это выраженія передовой статьи Паруса № 1; а всѣ эти стихи Хомякова напоминаютъ собою его поэтическое привѣтствіе этому изданію (см. Стихотворенія Хомякова М. 1861. LXXI):

Парусъ поднятъ: вѣтра полный,
Онъ канаты натянулъ,
И на ропщущія волны
Мачту длинную нагнулъ и пр.

КНИЖНЫЯ ЗАМѢТКИ.

А. Ходзько, читающій курсъ Славянскихъ литературъ въ Collége de France, недавно напечаталъ въ журналѣ „Revue des cours littéraires de la France et de l'etranger„ (№ 6, 6 janvier 1866) свою лекцію о новомъ періодѣ Русской литературы, подъ заглавіемъ: „Coup d'oeil général sur la littérature russe depuis Pierre le Grand jusqu'à nos jours.“ Эта лекція можетъ служить блистательнымъ доказательствомъ крайней бѣдности научныхъ средствъ профессора, въ сужденіяхъ своихъ о нашей словесности пробавляющагося общими мѣстами и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживающагося рѣшительное невѣжество въ ея исторіи. Источниками при составленіи лекціи, какъ видно изъ приводимыхъ имъ цитатъ, служили: un éminent critique russe Бестужевъ, le publiciste Плетневъ, изданныя въ 1862 году Парижѣ Oeuvres choisies de Pierre Tchadaieff и Grammaire comparée des idiomes russes покойнаго Давыдова (feu président de l' Académie de Pétersbourg). Лекція не стоитъ серьезнаго разбора; но ради курьеза нельзя не привести здѣсь нѣкоторыхъ данныхъ, сообщаемыхъ профессоромъ Collége de France своимъ слушателямъ и могущихъ дать довольно ясное понятіе о характерѣ его чтеній.

А. Ходзько увѣряетъ, что первымъ изданіемъ, къ которому былъ примѣненъ у насъ новый гражданскій шрифтъ, были „Русскія Вѣдомости“ 1705 года, а вторымъ—„Воинскій Уставъ“, который онъ относитъ къ 1711 году. *) Петръ Великій у А. Ходзько, какъ и слѣдовало ожидать, презираетъ и свое духовенство, и своей народъ,—и потому, вмѣсто *ихъ* языка, изъясняется на языкѣ датскомъ: это его любимый языкъ, оффиціальный языкъ его двора, какимъ при дворѣ Елисаветы былъ языкъ итальянскій, а при Екатеринѣ и Александрѣ — французскій и нѣмецкій. Академія наукъ открывается у него черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Петра Великаго. Ломоносовъ учится въ Кіевскомъ университетѣ, у польскихъ профессоровъ. Петербургскіе академики-нѣмцы, изъ ненависти къ Ломоносову, стараются удержать его какъ можно подольше за границей; но это служитъ только на пользу ему: болѣе или менѣе продолжительное пребываніе его въ Польшѣ, Богеміи, Германіи и Франціи даетъ ему возможность войти въ дружественныя отношенія къ современнымъ знаменитостямъ, каковы: Конарскій, Фонтенель и математикъ Вольфъ. Князь Кантемиръ пишетъ свои сатиры и исторію Турціи въ царствованіе Екатерины II. Упоминая о Радищевѣ и о томъ, что Екатерина пришла въ ужасъ отъ его извѣстнаго сочиненія, профессоръ продолжа.

*) Первою гражданскою книгою нашею была „Геометрія славенскі землемѣріе“, напечатанная въ мартѣ 1708 г., а Воинскій Уставъ напечатанъ 15 декабря 1717 г.

етъ:“ Это было въ то время, когда, по смерти своего царственнаго супруга, она располагала неограниченною властію въ государствѣ“. О Жуковскомъ въ лекціи находимъ слѣдующее извѣстіе: „Въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ Жуковскій удачно воспроизводитъ красоты народной поэзіи Славянъ“. О „Русланѣ и Людмилѣ“ Пушкина читаемъ такой отзывъ: „Его поэма “Русланъ и Людмила“, явившаяся въ 1820 году, заимствовала свое содержаніе изъ нравовъ старой *Рутеніи*: въ ней онъ хотѣлъ, кажется, начертать картину счастія, которую могли бы представить міру славянскіе народы, если бы имъ дано было жить и развиваться при своихъ старинныхъ учрежденіяхъ“. Подъ конецъ лекціи профессоръ-полякъ увѣряетъ своихъ слушателей, что, со времени освобожденія крестьянъ и польскаго мятежа, лучшіе русскіе журналы и многія сочиненія запрещены; благороднѣйшіе писатели замолкли или въ ссылкѣ; и въ настоящее время—прибавляетъ онъ—исключая кое какихъ переводовъ, не издается болѣе книгъ въ Россіи.

И все это читается въ Collége de France, профессоромъ славянскихъ литературъ, и почему то печатается въ серьезномъ французскомъ изданіи, а не въ журналѣ pour rire!

*

Вышедшая въ прошломъ году, кажется, одновременно, на трехъ языкахъ (русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ) первая часть „Обороны Севастополя“ *), сочиненія, составленнаго подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Тодлебена, была встрѣчена въ заграничной печати большими похвалами. Въ третьей прошлогодней книжкѣ извѣстнаго „Историческаго Журнала“, издаваемаго Генрихомъ Зибелемъ, профессоромъ Боннскаго университета, помѣщена рецензія этого сочиненія, въ немногихъ, но вѣрныхъ чертахъ опредѣляющая его достоинства. Въ богатой европейской литературѣ о Крымской войнѣ произведеніе русскаго историка должно безспорно занять первое мѣсто,—и мы съ удовольствіемъ передаемъ здѣсь подтверждающій это сужденіе отзывъ нѣмецкаго рецензента.

Знаменитый строитель укрѣпленій и защитникъ Севастополя (говоритъ рецензентъ F. v. M.), которому вмѣстѣ съ Корниловымъ главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать честь упорной, мужественной и вообще искусной обороны, съ большою ясностью, простотою и скромностью изложилъ важнѣйшія событія, въ которыхъ онъ принималъ наиболѣе дѣятельное участіе. Его сочиненіе гораздо объективнѣе пристрастнаго сочиненія Кинглека—Invasion of the Crimea и заключаетъ въ себѣ болѣе достоинствъ, чѣмъ высокопарное реторическое произведеніе Базанкура. Француз. сочиненіе: „Le siége de Sébastopol, publié par ordre du ministre de la guerre 1859, въ сущности есть только изложеніе дѣйствій артиллеріи, а „Journal des opérations du génie, publié par le général Niel, описываетъ однѣ инженерныя работы. Теперь, съ появленіемъ сочиненія Тодлебена (вторая половина ожидается на дняхъ), мы можемъ также хорошо познакомиться съ нѣкоторыми эпизодами изъ исторіи Крымской войны, какъ и съ самою осадою Севастополя. Нельзя не пожалѣть, что авторъ отказался—хотя и понятно почему—отъ всякой характеристики лицъ: она была невозможна для него по его отношеніямъ къ большей части живущихъ еще его сподвижниковъ; тѣмъ не менѣе безъ знакомства съ личностями главнѣйшихъ дѣятелей невозможно настоящее пониманіе событій и всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ силъ. Исторія не можетъ обойтись безъ характеристики

*) *Défence de Sébastopol.* Ouvrage rédigé sous la direction du lieutenant-général de *Todleben.* Pétersbourg. Thiblim.

Todleben, Gen.-Lieut., Ed. von, *Die Vertheidigung von Sebastopol.* Uebersetzung aus dem Russischen. 1. Theil. 2 Bde. 4 (LIX u. 917 S. mit Stein- und Kupfertafeln und 10 lith. Karten). Berlin, Mittler.

императора Николая, Меншикова, Сакена, Горчакова, хотя ея и нельзя еще ожидать отъ Тодлебена. Только блестящая героическая личность Корнилова обрисована у него живыми красками.

Изъ богатаго содержанія книги мы можемъ привести здѣсь только нѣсколько отдѣльныхъ чертъ. Съ сухаго пути Севастополь былъ такъ слабо укрѣпленъ, такъ мало приготовленъ къ осадѣ, что, по мнѣнію Тодлебена, приступъ съ сѣверной стороны, послѣ побѣды на Альмѣ, долженъ былъ бы окончиться почти несомнѣннымъ успѣхомъ. Сухопутныя укрѣпленія были крайне недостаточны, верки вооружены весьма слабо, не было сдѣлано никакихъ приготовленій для вооруженія и приведенія въ удовлетворительное состояніе крѣпости, хотя уже нѣсколько мѣсяцовъ было извѣстно, что союзники намѣрены сдѣлать нападеніе на Севастополь. Что Англичане и Французы не приступили тогда къ Севастополю съ сѣверной стороны, Тодлебенъ объясняетъ только тѣмъ, что Сентъ-Арно былъ въ то время очень боленъ. По мнѣнію французскихъ писателей этому приступу воспрепятствовало будто бы то обстоятельство, что къ сѣверу отъ Севастополя не было гавани и удобной пристани для флота, провіянта и проч. Но если Севастополь могъ быть взятъ немедленно штурмомъ, то его гавань придставляла къ тому наилучшія мѣстныя условія. Съ большою радостью усмотрѣлъ Тодлебенъ съ своими офицерами открытіе первой параллели, служившей доказательствомъ, что Французы отказываются отъ штурма и начинаютъ приготовляться къ правильному приступу. Съ превосходнымъ умѣньемъ пользоваться выгодами мѣстности, были теперь возведены новые шанцы, а существовавшіе приведены въ связь между собою, верки вооружены по большей части морскими орудіями, гавань заперта потопленнымъ флотомъ. Потопленіе флота должно было сильно подѣйствовать на союзниковъ и удержать ихъ отъ произведенія штурма, ибо оно свидѣтельствовало о твердомъ намѣреніи гарнизона мужественно защищаться. Потеря сраженія при Инкерманѣ, по изложенію Тодлебена, главныхъ образомъ произошла отъ того, что Данненбергъ не исполнилъ въ точности полученной отъ Меншикова инструкціи. Это обстоятельство, смерть генерала Соймонова и невыгодное положеніе Русскихъ въ тѣснинѣ, не дозволявшей имъ развернуть своихъ силъ, были причиной неудачи.

Въ заключеніе рецензентъ съ особенной похвалой отзывается о превосходныхъ картахъ, приложенныхъ къ нѣмецкому изданію: это образцы яснаго, простаго изображенія мѣстности. Съ удовольствіемъ говоритъ онъ о томъ, что здѣсь оставлена манера Лемана и Мюффлинга обозначать горы тщательно проводимыми и все покрывающими штрихами: очерченныя ими гористыя окрестности Севастополя почти повсюду представляли бы черное поле; здѣсь, напротивъ, принята метода изображать возвышенія мѣстности параллельными горизонтальными чертами, метода, которая вѣроятно скоро будетъ усвоена всѣми, потому что она гораздо проще, яснѣе и толковѣе и значительно облегчаетъ пониманіе плановъ.

М. Шугуровъ.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1863 ГОДА.

Путешествіе старообрядца Московскаго священника Іоанна Лукьянова въ Святую землю, при Петрѣ Великомъ.

А. Д. Чертковъ и его библіотека.

Сказка о Шибаршѣ съ замѣткою *Ил. В. Бѣляева.*

Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго.

Замѣчательный портретъ патріарха Филарета. *Я. Я. Яковлева.*

Разсказъ Петра Великаго о Никонѣ, съ примѣч. *П. Алексѣева.*

О зачатіи и зданіи Петербурга.

Старинная пѣсня, съ нотами и замѣткой кн. *В. Ѳ. Одоевскаго.*

Пункты о Петергофѣ, *Петра Великаго.*

Прошеніе о титулѣ гр. *П. М. Апраксина* и рѣшеніе Петра Великаго.

Письмо *Ѳеофана Прокоповича* къ имп. Аннѣ, въ защиту православныхъ Славянъ.

Письмо *принца Августа* съ замѣчаніями гр. *Бестужева* и имп. *Елизаветы.*

Письмо гр. *М П. Бестужева-Рюмина* къ И. И. Шувалову.

Нравственные идеалы Екатерины II.

Двѣ замѣтки Екатерины II (о предсмертныхъ мысляхъ имп. Елизаветы и о женитьбѣ в. к. Константина Павловича).

Филологическія занятія Екатерины II.

Письма Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву, числомъ 167.

Планъ романа изъ жизни Мировича, *Г. Ѳ. Квитки (Основьяненка).*

О книгѣ Сабатье де-Кабра Catherine II.

Описаніе Московскаго бунта 1771 г. *П. Алексѣева.*

Изъ розыскнаго дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ".

Записки *В. В. Пассека*, сочиненныя въ Санктпетербургской градской тюрьмѣ.

Семь писемъ имп. *Александра Павловича* къ Державину.

Письма гр. *Ѳ. В. Ростопчина* къ Д. П. Киселеву.

Письмо *Адама Чарторижскаго* объ его отношеніяхъ къ имп. Александру I, съ объяснительною замѣткою *Н. В. Сушкова.*

Письмо *В. С. Ланскаго* къ имп. Александру I о Польшѣ.

Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ.

Разсказъ *А. С. Пушкина* о посѣщеніи Ермолова.

Городъ Кишеневъ, стих—іе *А. С. Пушкина.*

Письмо *И. Н. Инзова* о Пушкинѣ къ К. Я. Булгакову.

Письмо *В. А. Жуковскаго* объ его крѣпостныхъ людяхъ.

Три стихотворенія *А. С. Хомякова.*

9 писемъ *М. Ю. Лермонтова*, съ тремя новыми стихотвореніями.

Разсказъ *Н. В. Шеншина* о поѣздкахъ его на Аландскіе острова

Указатель замѣчательнѣйшихъ статей въ Русскомъ Вѣстникѣ. 1856—1864.

Указатель (полный) къ Русской Бесѣдѣ 1856—1860.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1866.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Это историко-литературное изданіе, выходящее ежемѣсячно въ Москвѣ, при Чертковской библіотекѣ, посвящено *преимущественно* ближайшей къ намъ старинѣ (XVIII и XIX вѣкамъ).

Къ первому выпуску Русскаго Архива за нынѣшній годъ прилагается и выдается всѣмъ подписчикамъ большой фотографическій портретъ имп. Екатерины II й въ траурномъ одѣяніи по имп. Елизаветѣ Петровнѣ, современной работы академика Чемесова.

Подписная цѣна за 12 выпусковъ (съ портретомъ) въ Москвѣ и Петербургѣ ПЯТЬ рублей; съ пересылкою и доставкою ШЕСТЬ р. с. Подписка принимается *въ Москвѣ* въ Чертковской библіотекѣ и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ И. В. Базунова на Страстномъ бульварѣ въ домѣ Загряжскаго); *въ Петербургѣ* — на Невскомъ проспектѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, къ коему исключительно обращаются за Русскимъ Архивомъ прежнихъ годовъ гг. Петербургскіе книгопродавцы.

Выписывающіе въ чужіе края платятъ за Русскій Архивъ:

Въ Германію 6 р. 75 к.

Во Францію 7 р.

Въ Англію 7 р. 50 к.

Въ Швейцарію и Италію 8 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ домъ Миляковой.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

6. ПРИ 1866.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

(*См. на оборотѣ*).

5. Изъ бумагъ Д. В. Давыдова. (Письма его, стихотвореніе и пр.)
6. Удаленіе А. С. Пушкина изъ С.-Петербурга въ 1820 году. Разсказъ *Ѳ. Н. Глинки*.
7. Автобіографическія замѣтки *графа Аракчеева* на бѣлыхъ листкахъ принадлежавшей ему книги св. Евангелія.
8. Письмо принца Мекленбургскаго къ княгинѣ Туркестановой.

СООРУЖЕНІЕ СѢВЕРО-ЕКАТЕРИНИНСКАГО КАНАЛА.

(Переписка императрицы Екатерины II-й съ А. П. Мельгуновымъ)

Громадное дѣло *«О рѣкахъ Кельтмахъ»*, изъ котораго заимствованы предлагаемые документы, хранится въ архивѣ Ярославскаго губернскаго правленія. Оставляя находящіяся въ этомъ дѣлѣ письма гр. Безбородко, кн. Вяземскаго, П. К. Сухтелена (на французскомъ языкѣ) и другихъ знаменитостей, мы ограничиваемся теперь одною перепискою великой императрицы и ея дѣятельнаго подданнаго А. П. Мельгунова ([1]), желавшаго оживить посредствомъ канала громадный Печорскій край. Это ему и удалось въ нѣкоторой степени. На Гуменцѣ, гдѣ происходили инженерныя работы, образовалась довольно-значительная колонія съ 2 т. жителей. Соорудили церковь и кабакъ. Послѣдній весьма усердно посѣщался народомъ, приходившимъ изъ-за сотенъ верстъ, отъ Уральскаго хребта. Впрочемъ едва ли можно было обойтись безъ этого увеселительнаго заведенія при 38° зимою. Другихъ же удовольствій, не кабацкихъ, тамъ не существовало, и люди, по выраженію одного офицера, «умирали со скуки и губительной стужи.» Они ободрялись единственно тѣмъ, что «жертва ихъ служенія послужитъ для пользы осчастливленнаго народа и блага будущихъ родовъ!» Самъ Мельгуновъ придавалъ Екатерининскому каналу большую важность въ промышленномъ отношеніи; однако ему не удалось видѣть осуществленія своихъ, во всякомъ случаѣ, добрыхъ замысловъ. *Л. Трефолевъ.*

([1]) Біографію его см. въ Русскомъ Архивѣ 1865 г. изд: 2-е, стр. 873—952.

I.

Записка, поданная Мельгуновымъ имп. Екатеринѣ II-й въ 1785 году.

Въ Устьсысольской и Яренской округахъ крестьяне, по неурожаю хлѣба, отъ холоднаго климата, почти каждогодно терпятъ крайній недостатокъ въ хлѣбѣ, а особливо въ прошломъ 784 году. Да и звѣриные промыслы, отъ коихъ пропитаніе получали, весьма умалились, почему и государственныя подати оплачивать многіе не въ состояніи, работъ же тамъ ни частныхъ, ни казенныхъ нѣтъ: то къ доставленію пропитанія и чтобы ихъ (крестьянъ) въ лучшее состояніе привести, не благоугодно ли будетъ повелѣть учредить казенную земляную работу, къ чему и находится весьма полезный случай—соединить Архангельскій портъ съ Сибирью и Астраханью посредствомъ прокопанія небольшаго канала; ибо обыскался въ Устьсысольской округѣ небольшой болотистый холмъ, изъ котораго вытекаютъ двѣ небольшія рѣчки, одна другой въ противной сторонѣ. Разстояніемъ ихъ вершины между собою полторы версты. Одна течетъ къ сѣверу и впадаетъ въ рѣку Устьсысолъ, а оная въ рѣку Вычегду, Вычегда же въ Двину; другая

течетъ на полдень и впадаетъ въ другія рѣки (sic), которыя соединились съ Камою и Волгою. Сей холмъ слыветъ волокомъ, чрезъ которой проѣзжающіе иногда изъ Сибири, на небольшихъ лодкахъ, работные люди перетаскиваютъ свои лодки до вершины супротивной рѣки и оною въѣзжаютъ въ Двину. Морской капитанъ Поливановъ былъ отъ меня посыланъ, и о томъ мѣстѣ объявилъ, что около того холма, изъ котораго вытекаютъ обѣ рѣчки, версты на полторы разстояніемъ, можно прокопать каналъ для соединенія оныхъ рѣчекъ, а въ ихъ вершинахъ, на каждой версты на три, подѣлать слюзы для удержанія воды: ибо далѣе безъ нужды суда съ грузомъ могутъ плыть. Но какъ онъ, не зная гидравлики, не могъ въ точности описать свойства земли, ни исчисленія сдѣлать, и сколько гдѣ и для чего потребно слюзъ; то чтобы узнать обстоятельно, возможно ли сей водяной путь сдѣлать, сколько на то потребно денегъ, рабочихъ людей и время, надо послать, для осмотру того мѣста, знающаго гидравлику (2).

II.

Письмо имп. Екатерины II-й.

Алексѣй Петровичъ! Вслѣдствіе неоднократныхъ вашихъ представленій о пользѣ и удобности водянаго сообщенія Сибирскихъ губерній съ Устюжскою провинціею, а потому съ городомъ Архангельскимъ и многими другими мѣстами, отправляются къ вамъ инженеръ-подполковникъ фанъ-Сухтеленъ (3) и инженеръ-маіоръ Князевъ, кои, сверхъ знанія ихъ, видѣли во всемъ пространствѣ водяныя коммуникаціи въ Тверскомъ и Новгородскомъ намѣстничествахъ. Они должны будутъ осмотрѣть на мѣстѣ удобность сихъ работъ, представить вамъ ихъ примѣчанія и потомъ возвратиться сюда (4) съ вашимъ и ихъ мнѣніями, планами и со смѣтами, коимъ образомъ произвести оныя въ дѣйство. Сіе тѣмъ нужнѣе, что и самая работа доставитъ уже жителямъ тамошнимъ средства къ надежному ихъ прокормленію и послужитъ къ оживленію того края. Вы не оставьте означеннымъ офицерамъ подать всякое надобное пособіе. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонна.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 4-го 1785 года.

III.

Мнѣніе о соединеніи рѣчекъ Кельтмъ (5).

1) Сіе водоходство послужитъ къ совершенному оживленію всѣхъ жителей

(2) Подобная записка была представлена еще въ 1783 году.

(3) Петръ Корнильевичъ фанъ Сухтеленъ (1751—1836) впослѣдствіи графъ и нашъ посолъ въ Швеціи, извѣстный своею ученостью, приглашенъ былъ въ нашу службу изъ Голландіи, въ 1782 г. *П. Б.*

(4) Т. е. въ Царское Село.

(5) Представляя это мнѣніе „на премудрое разсмотрѣніе» императрицы, Мельгуновъ озаботился подкрѣпить его нѣкоторыми данными, взятыми изъ статистическаго описанія восточной части Устюжской области. Описаніе дѣлали исправники въ слѣдующемъ, напримѣръ, видѣ: „Печорская волость „состоитъ по обѣ стороны рѣки Печоры, въ которую впадаютъ, по теченію оной рѣки, рѣка Щугоръ и рѣка Подчерья, рѣка Малая Печора, а „по мірскому названію Илычъ — съ правой стороны, а съ лѣвой рѣка Красная, рѣка большая „и малая Соплясъ, на которыхъ въ берегахъ „стоитъ брусеная и точильная гора. Грунтъ земли оной волости красноглиняной, песчаной и „изрѣдка мелкой дикой камень, которой обработываютъ такими же инструментами, какіе выше сего объявлены. А помянутая рѣка Печора „начало теченія имѣетъ изъ Поясоваго камня, „которая имѣетъ берега каменные и на оныхъ

Велико-Устюжской области, а паче для обитаемаго по рѣкамъ Вычегдѣ и Сысолѣ народа, который, въ разсужденіи малыхъ посѣвовъ и почти каждогодно бываемыхъ, по сѣверному климату, морозовъ, терпитъ недостатокъ въ хлѣбѣ, такъ-что въ 1784 году многіе крестьяне толкли колосъ и, мѣшая оный съ мукою, а другіе съ мякиною, нѣкоторые же и съ корою пихтовою, употребляли въ пищу. Да и звѣриные промыслы, отъ коихъ пропитаніе получаютъ, весьма умалились пятый уже годъ, почему и государственныя подати оплачивать многіе оказались не въ состояніи, и по таковой крайней необходимости отсрочена взысканіемъ доимка, счисляющаяся на поселянахъ Устьсысольской, Яренской и Лальской округъ. А въ тѣхъ округахъ счисляется поселянъ мужеска пола 41,210, женска 44,031, а обоихъ половъ 85,241. Когда же повелѣно будетъ начать строеніе канала, тогда работа сія доставитъ крестьянамъ способъ выплатить ту доимку. Въ предбудущія жъ времена, если чрезъ непроходимыя и необитаемыя нынѣ мѣста открыто будетъ водоходство, тогда безпрепятственно будутъ получать хлѣбъ съ Волги, Вятки и Камы, и всегда дешевле, нежели нынѣ покупаютъ въ Устюжской области. На вѣчныя жъ времена останется для нихъ надежнымъ прокормленіемъ и бездоимочнымъ платежемъ податей — строеніе въ ихъ мѣстахъ рѣчныхъ судовъ и препровожденіе оныхъ въ разные города. А на идущихъ съ грузомъ судахъ наниматься они будутъ какъ лоцманами, такъ и работниками, по тѣмъ рѣкамъ вверхъ и внизъ, отчего и государственныя подати вѣрнѣе могутъ быть собираемы, нежели прежде и нынѣ: при достаточной ловлѣ токмо звѣрей бездоимочно случайно платили.

2) Для строенія при Архангельской казенной верфи кораблей, дубовые лѣса и желѣзо, первые изъ Казани до рѣки Юга, болѣе пятисотъ верстъ, а желѣзо изъ Ярославля до Вологды — 184 версты, привозятся сухимъ путемъ; ядра и пушки, привозимыя съ низовыхъ желѣзныхъ заводовъ въ Петербургъ, оттуда жъ на корабляхъ въ Архангельскъ доставляются. А тогда тѣ лѣса, желѣзо, ядра и пушки пойдутъ съ Камы и Волги на Архангельскъ водою.

3) Изъ низовыхъ поволгскихъ городовъ, также съ Вятки и Камы, откроется хлѣбный торгъ. Хотя нынѣ къ Архангельскому порту большое количество хлѣба идетъ изъ Вятской губерніи, но оный на рѣки Югъ и Лузу (изъ коихъ Луза впадаетъ въ Югъ, а Югъ въ Двину) къ Никольской пристани не малое разстояніе привозится сухимъ путемъ. Самый же тотъ хлѣбъ рѣками Вяткой, Камой и рѣкою Бѣлою, протекающею въ Уфимскомъ намѣстничествѣ и впадающею въ Каму, къ помянутому порту доставляться можетъ водою, чрезъ что не только на всякое время хлѣбъ сдешевѣетъ въ Устюжской области, но и въ губернскомъ городѣ Вологдѣ и во

„каменная гора, называемая Толпасъ, а высота „оной до 5 верстъ, и на поверхности оной горы, „въ широту и длину на одну версту, озеро, въ „которомъ бываетъ какъ зимою, равно и во все „лѣто ледъ, и оной въ самый лѣтній жаркой день „въ полдень растаиваетъ на одинъ вершокъ, а къ „вечеру замерзаетъ. Промыслъ имѣютъ оной волости крестьяне, какъ выше объявлено, но только, переходя чрезъ выше упомянутой Поясовой „камень, промышляютъ звѣрей обще съ Манцами и Самоядами; а напротивъ онаго Манцы и „Самояды отъ вершины рѣки чрезъ Поясовой „камень переѣзжаютъ на оленяхъ, которыхъ и „кормятъ мхомъ. Кузница (въ волости) одна. „Лѣсу, какъ на строеніе, такъ и на дрова, весьма довольно, такъ же и на корабельное строеніе какъ лиственничнаго, такъ и сосноваго весьма довольно.»

всей Вологодской области: ибо тогда, въ замѣну Вологодскаго хлѣба, къ Архангельскому порту въ продажу болѣе пойдетъ съ помянутыхъ рѣкъ изъ дешевыхъ мѣстъ.

4) Сибирскіе и Китайскіе товары, кои отъ рѣки Чусовой, впадающей въ Каму, привозятся въ Устюгъ и въ другіе города сухимъ путемъ, могутъ тогда доставляться также водою. Подобно сему и Астраханскіе купцы симъ сообщеніемъ открыть могутъ торги къ Архангельскому порту.

5) Посредствомъ сего канала, на всѣ товары, идущіе къ порту города святаго Петра въ заморскій отпускъ и для продовольствія онаго, понизиться могутъ цѣны: ибо нынѣ тѣ товары съ Волги и впадающихъ въ нее рѣкъ идутъ не далѣе города Рыбнаго, а въ оной пристани перегружаются въ барки, которыя не возвращаются, отчего, по примѣчанію моему, 30 лѣтъ тому назадъ, барка та, которая покупалась въ 20 р., нынѣ покупается въ 120 руб., потому что для строенія ихъ лѣса уменьшились и отъ рѣкъ отдалѣли, слѣдовательно и провозъ товарамъ дороже, притомъ и опасность Боровицкихъ пороговъ. А симъ новымъ каналомъ, торгующіе въ заморскій отпускъ будутъ отправлять свои товары къ тому порту, къ которому провозъ дешевле, и нѣтъ опасности отъ пороговъ.

6) Полагаемыя строить суда, называемыя *каюки* (которыя длиною 60 футовъ, шириною 11 футовъ, и поднимаютъ грузъ до 1200 пудовъ) и *обласа* (по той же мѣрѣ, но поднимаютъ превосходнѣе оныхъ 300-ми пудами) по причинѣ, что они дѣлаются плоскодоннѣе, полезны потому, что могутъ возвращаться обратно; а не такъ, какъ нынѣ, большія суда, по приплытіи въ Архангельскъ, тамъ остаются. А оные каюки и обласа употребляются до семи лѣтъ, слѣдовательно чрезъ то и лѣса лучше сберегутся. Сверхъ же того, хотя рѣка Вычегда и нарочито велика, но почти отъ каждаго наводненія весьма много перемѣняется, а отъ сего глубина ея, становясь безпорядочно, не можетъ позволить проходить большимъ баркамъ, окромѣ вешней воды, а въ прочее время съ трудомъ.

7) Потребные матеріалы — камень, гранитъ и известь, хотя издалека, но водою можно на мѣсто строеній доставить. Всю оную работу произвести наемными людьми. Касательно до прочности каменныхъ слюзовъ, то найденъ родъ сементу, который не свыше полуторной цѣны противу обыкновенной извести будетъ стоить; а чтобъ о прочности онаго увѣриться, то инженерные штабъ-офицеры, для опыту, съ собою взяли.

8) Въ примѣчаніяхъ своихъ инженерные штабъ-офицеры полагаютъ на окончаніе всей работы малаго канала, съ одинаковыми слюзовыми ящиками, 277,658 рублей, а на постройку большаго канала съ двойными слюзовыми ящиками, назначаютъ еще 122,834 руб., а на годъ 100,000, и того 400,000 руб. Къ работѣ въ первый годъ приготовить матеріалы и потомъ всю работу кончить въ 4 года, и такъ раздѣлить сумму на 5 лѣтъ по 80,000 рублей. Я, со своей стороны, полагаю, чтобъ слюзы были двойные: одни для проходу большихъ судовъ, во время вешней большой воды, а другіе для малыхъ судовъ. И когда слюзы будутъ двойные, то можно будетъ дѣлать рѣчныя суда, называемыя каюки, шире и длиннѣе, слѣдовательно и грузу вдвое болѣе малыхъ вмѣщать будутъ.

9) Если всемилостивѣйшее будетъ благоволеніе о начатіи сей работы, то необходимо нужно въ мартѣ мѣсяцѣ сего года послать, для наблюденія веш-

нихъ водъ, тѣхъ же инженеровъ; а потому надобно нынѣ же въ каждомъ изъ трехъ назначенныхъ мѣстъ, то есть на тѣхъ двухъ точкахъ, изъ коихъ назначается каналъ вести, и на срединѣ самаго канала, гдѣ положеніе мѣста будетъ гораздо выше, построить малые домики, гдѣ бъ посланные офицеры могли имѣть пристанище. И какъ сіе мѣсто отъ жилья на 200 верстъ, и дороги нѣтъ, то туда съѣстные припасы надобно доставить на лыжахъ, что̀ и нужно, не упуская зимняго времени, исполнить.

10) Сверхъ всей назначенной на окончаніе работъ суммы, полагается на ежегодное содержаніе канала и на назначенныхъ чиновъ въ приложенномъ при семъ штатѣ подъ лит. *А.* 7600 рублей ([6]).

11) Какъ сіи инженерные штабъ-офицеры осмотрѣли удобность постройки того канала, то и полагаю производить работу, чтобъ оная подъ ихъ смотрѣніемъ была кончена, что̀ и обязываются они исполнить. Что же касается до найму мастеровыхъ, покупки и подряда разныхъ потребныхъ матеріаловъ, которые надобно изъ далекихъ мѣстъ доставать съ трудностію, то, чтобъ удобнѣе было все сіе исполнить, я мню учредить коммисію, подобно каковая при строеніи Фонтанки, въ коей имъ быть, придавъ третьяго члена, который назначится всегдашнимъ пребывающимъ на мѣстѣ начальникомъ того канала. На время же производства и до окончанія всей работы какіе люди потребны, прилагается вѣдомость подъ литерою Б.

А. Мельгуновъ.

IV.

Алексѣй Петровичъ! Разсмотрѣвъ представленіе ваше и приложенное при ономъ мнѣніе инженеръ-подполковника фанъ-Сухтелена и инженеръ-маіора Князева, съ чертежами и прорѣзами, о соединеніи двухъ рѣкъ, Сѣверная и Южная Кельтмы называемыхъ, встрѣчаемъ мы тутъ не только добро частное того края, гдѣ сія работа произведена будетъ и гдѣ обитатели новые способы къ безнуждному ихъ прокормленію получатъ, но и самую пользу государственную, заведеніемъ удобнаго сообщенія и связи восточной и части полуденной странъ имперіи нашей съ городомъ Архангельскимъ и другими сѣверными мѣстами, и облегченіемъ въ доставленіи нужнаго для пропитанія и торговли. А потому, пріемля съ особливымъ благоволеніемъ нашимъ усердныя ваши старанія по службѣ нашей и труды, употребленные къ осмотру мѣстному и сочиненію означенныхъ плановъ, соизволяемъ, чтобъ къ исполненію того тотчасъ приступлено было, и вслѣдствіе сего повелѣваемъ: 1) Работу сію производить подъ главнымъ начальствомъ вашимъ, опредѣля къ оной помянутыхъ инженерныхъ подполковника фанъ Сухтелена и маіора Князева, придавъ къ нимъ, для составленія коммисіи строенія сего канала, еще третьяго члена ([7]),

---

([6]) Директору при каналѣ назначалось въ годъ жалованья 1200 р., инженерному офицеру, «который могъ бы, что потребно будетъ, мѣрить и чертить»—300 р.; слюзному мастеру 600, его помощнику 150 р.; оберегающему каналъ офицеру 250 р., 30-ти солдатамъ—всѣмъ 1000 р.; лекарю 500 руб., съ оговоркою, что «оныхъ (т. е. лекарей) въ разсужденіи отдаленности отъ окольныхъ мѣстъ, изъ-за множества сотъ верстъ доставать не можно.»

([7]) На эту должность назначенъ былъ Ярославскій губернскій землемѣръ, капитанъ Харламовъ, съ чиномъ коллежскаго ассесора. (*Письмо гр. Безбородко къ Мельгунову отъ 16 марта 1786 года).*

и снабдя ихъ потребными канцелярскими и другими чинами и людьми, по вашему усмотрѣнію; а дабы, въ случаѣ требованія отъ васъ людей, артиллеріи-генералъ Меллеръ подалъ вамъ пособіе, данъ ему особый указъ нашъ. 2-е) Каналъ и слюзы строить по большому плану, дабы чрезъ то водоходство наилучше обезпечено и облегчено было. 3-е) Относительно полагаемаго въ проэктѣ прокопанія рѣкъ Кельтмъ, для отвращенія кривизнъ, коими онѣ теченіе имѣютъ, не оставимъ мы безъ примѣчанія, что подобная работа подвержена быть можетъ трудности и опасности, поелику отъ перемѣны теченія настоящаго у тѣхъ мѣстъ могутъ родиться пороги, кои болѣе несравненно сдѣлаютъ плаваніе затруднительнымъ, нежели нынѣшнія кривизны. 4-е) На производство сея работы повелѣли мы нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генералъ-прокурору князю Вяземскому указомъ, съ коего прилагается при семъ копія (8), отпустить въ распоряженіе ваше, въ нынѣшнемъ 1786 году, пятьдесятъ тысячъ рублей, а въ послѣдующихъ пяти годахъ по семидесяти тысячъ рублей на каждый, изъ коихъ вы будете заимствовать и потребныя на содержаніе сея коммисіи и на разные по оной расходы деньги, показанныя отъ васъ въ вѣдомостяхъ подъ литерами А. и Б., кои мы симъ утверждаемъ. Чего же за тѣмъ не достанетъ, оное, по прошествіи сихъ сроковъ, отпущено будетъ. 5-е) Инженернымъ подполковнику фанъ Сухтелену и маіору Князеву, покуда они сію работу окончатъ, производить, сверхъ получаемаго ими жалованья, еще таковое жъ изъ суммы, на ту работу назначенной; прочимъ же давать жалованье по ихъ чинамъ, съ прибавкою, смотря по трудамъ ихъ, половину окладовъ ихъ, а за отличное искусство и прилежаніе — и двойное, по аттестатамъ коммисіи и по усмотрѣнію вашему. 6-е) Что принадлежитъ до судовъ, употребляемыхъ для плаванія, въ томъ при производствѣ сего дѣла соображаться съ обыкновеніемъ того края. 7-е) Само собою разумѣется, что вся работа долженствуетъ производима быть безъ малѣйшаго наряда, добровольнымъ наймомъ, производя плату исправно и не допуская ни до каковыхъ злоупотребленій или притѣсненій; но какъ край тамошній подверженъ скудости въ хлѣбѣ, то и будетъ зависѣть отъ хозяйственнаго вашего усмотрѣнія и распоряженія: не лучше ли часть платежа таковаго производить посредствомъ хлѣба, раздаваемаго обитателямъ по истиннымъ цѣнамъ, сходнымъ для казны и для нихъ, наблюдая, чтобы и тутъ, ни жителямъ угнетенія, ни казнѣ напраснаго убытка не было причинено. Объ успѣхахъ въ семъ дѣлѣ мы будемъ ожидать по временамъ вашихъ донесеній. Пребывая всегда вамъ благосклонны.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.

Февраля 26-го 1786 года.

---

(8) Изъ нея видно, что разрѣшено было «въ «число полагаемыхъ на исполненіе сея работы «400,000 рублей, отпустить изъ государствен-«ныхъ доходовъ въ 1786 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, «5,000 рублей, въ апрѣлѣ 10,000, въ маѣ, іюнѣ, «іюлѣ, августѣ и сентябрѣ въ каждомъ по 5,000 «рублей, въ октябрѣ 10,000 р.; съ будущаго же «1787 года отпускать каждогодно, по третямъ «года, по семидесяти тысячъ рублей въ теченіи «пяти лѣтъ, а остальную сумму, сверхъ того, «сколько потребно будетъ за употребленіемъ на «содержаніе людей при семъ строеніи и на другіе необходимые расходы, ассигновать, по истеченіи означенныхъ пяти лѣтъ, въ послѣдующемъ «за оными.» (*Высоч. рескриптъ на имя кн. Александра Алексѣевича Вяземскаго отъ 26 февраля 1786*).

V.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ Всероссійской отъ Ярославскаго и Вологодскаго генерала-губернатора Мельгунова всеподданнѣйшее донесеніе. Въ данномъ мнѣ имянномъ вашего императорскаго величества высочайшемъ повелѣніи о произведеніи въ дѣйство проэкта соединенія рѣкъ Камы и Двины прокопаніемъ между рѣками Южною и Сѣверною Кельтмами канала, предписано между прочимъ объ успѣхахъ въ семъ дѣлѣ по временамъ доносить.

Во исполненіе сего, получа отъ отправленной для производства работъ коммисіи канала увѣдомленіе, имѣю счастіе вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести, что коммисія на урочище, называемое *Гуменцо*(*), прибыла, и нынѣ учиненныя посланными отъ нея офицерами замѣчанія касательно до возвышенія воды во время бывшаго весною наводненія довольно согласуютъ съ предположеніями, сдѣланными въ прошломъ году инженерами подполковникомъ фанъ-Сухтеленомъ и маіоромъ Князевымъ, какъ по ихъ репорту о возможности соединенія рѣкъ Камы и Вычегды, такъ и по примѣрнымъ прорѣзамъ назначеннаго канала, представленнымъ къ вашему императорскому величеству, и что имъ никакого не остается въ исполненіи сего имѣть сумнѣнія. Впрочемъ потребное число къ добровольному найму работниковъ довольно, и на первый случай хлѣба для нихъ запасено.

Всемилостивѣйшая государыня! Вашего императорскаго величества вѣрный подданный.

Алексѣй Мельгуновъ.

Іюля 8 дня 1786 года.
Ярославль.

(*) У Штукенберга, вѣроятно по ошибкѣ, *Гумендза. П. Б.*

VI.

Отъ 8 числа прошедшаго іюля мѣсяца имѣлъ я счастіе вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести, что отправленная коммисія для соединенія рѣкъ Двины и Камы, прибывъ на урочище, называемое Гуменцо, вступила въ производство работы, и что никакого не осталось въ исполненіи сего сумнѣнія.

А нынѣ, возвратясь изъ той коммисіи, первый членъ инженеръ-подполковникъ фанъ-Сухтеленъ представилъ ко мнѣ, что около назначаемаго канала лѣсу большая часть вырублена, и валежнику въ рѣчкахъ Кельтмахъ вычищено и нѣсколько нужныхъ матеріаловъ приготовлено; но какъ во все лѣто по 15 число августа мѣсяца не было дождя ни капли, а продолжалась сухая погода, (чего судя по тамошнему сѣверному климату, должно почитать необыкновеннымъ); а посему назначенные по бывшему имъ, фанъ Сухтеленомъ, вмѣстѣ съ инженеръ-маіоромъ Князевымъ въ прошедшее лѣто осмотру и замѣчанію пункты, съ коихъ положено было начинать копать каналъ, совсѣмъ перемѣнили, ибо вершины рѣчекъ Кельтмъ очень мелки стали: то и назначили перекопать ниже съ такихъ мѣстъ, въ которыхъ и нынѣ въ сухое время оныя судоходны. Однако совсѣмъ тѣмъ длина канала будетъ не болѣе разстояніемъ девятнадцати верстъ съ половиною, ибо онъ идетъ прямою линіею безъ поворотовъ. Но какъ его надобно будетъ копать болѣе высокими мѣстами, нежели по прежнему назначенію, то на прибавку излишней выемки земли потребно къ прежней суммѣ 146,000 рублей. Изъ сего нечаяннаго случая выдти можетъ польза слѣдующая: 1) что въ подобные сухіе годы водяная коммуникація не остановится; 2) что кривизны,

которыя бы надобно было прорѣзывать, останутся выше устьевъ канала, и путь судамъ будетъ короче. Для яснѣйшаго жъ усмотрѣнія, всеподданнѣйше подношу у сего вашему императорскому величеству поданное ко мнѣ отъ фанъ Сухтелена замѣчаніе.

Всемилостивѣйшая государыня! и проч.

Алексѣй Мельгуновъ.

Сентября 12 дня 1786 года.
Ярославль.

VII.

Алексѣй Петровичъ! Пріемля за благо ваше представленіе и учиненныя инженеръ-подполковникомъ фанъ Сухтеленомъ примѣчанія о производствѣ работъ по предположенному соединенію рѣкъ Камы съ Двиною, повелѣваемъ произвесть оныя въ дѣйство. Что же касается до потребной на сіе, сверхъ показанной въ прежнихъ смѣтахъ, суммы, оная отпущена будетъ по окончаніи сроковъ, прежде назначенныхъ, прибавя еще одинъ годъ для исполненія всей оной работы. Печать для коммисіи строенія помянутаго канала, по приложенному отъ васъ чертежу, употреблять дозволяемъ, пребывая къ вамъ благосклонны.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ.
Сентября 26-го 1786 года.

VIII.

Высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе о произведеніи въ дѣйство, по представленію моему, работъ по предположенному соединенію рѣкъ Камы съ Двиною, и что потребная на сіе, сверхъ показанной въ прежнихъ смѣтахъ, сумма отпущена будетъ по окончаніи сроковъ, прежде назначенныхъ, и о прочемъ, со всеподданнѣйшимъ моимъ повиновеніемъ имѣлъ я счастіе получить. Высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе со всею моею ревностію я исполнить потщусь.

Всемилостивѣйшая государыня! и проч.

А. Мельгуновъ.

Октября 8, 1786 года.
Ярославль.

IX.

Всемилостивѣйше даннымъ мнѣ отъ вашего императорскаго величества въ 26 день февраля 786 года повелѣніемъ о произведеніи въ дѣйство проэкта соединенія рѣкъ Камы и Двины прокопаніемъ между рѣчками Южною и Сѣверною Кельтмами канала, высочайше между прочимъ предписано мнѣ о успѣхахъ по временамъ вашему величеству доносить.

Во исполненіе чего имѣю счастіе всеподданнѣйше донести, что наряженная коммисія, отправясь того жъ 786 года на мѣсто, и узнавая совершенно выгодность мѣстоположенія, нашла противу прежде представленныхъ проэктовъ о соединеніи устья Сѣверной съ вершиною Южной Кельтмъ слѣдующее обстоятельство: что судоходная перекопь отъ назначеннаго для нея на Сѣверной Кельтмѣ устья, вмѣсто провода къ вершинѣ Южной Кельтмы, съ лучшею удобностію обращена быть можетъ на рѣчку Джуричъ, которая подходитъ къ оной весьма близко, а ниже сего мѣста съ тою Южной Кельтмою соединяется. Исполненіе по сему предположенію не должно оставлено быть для послѣдующихъ отъ того выгодъ: 1-я) рѣчка Джуричъ также судоходна, какъ и Южная Кельтма, и 2-я) она же, Джуричъ, протекая по возвышенной постели, можетъ доставлять воду для продовольствія канала, подобно водохранилищу, гораздо надежнѣе, нежели всѣ тутошнія озера,

взятыя вмѣстѣ. А главная выгода и 3-ья, та, что разстояніе отъ назначеннаго на Сѣверной Кельтмѣ устья перекопи до Джурича, вмѣсто 19 верстъ, простирается только 16 верстъ 140 саженъ, а потому, будучи ближе, сократится каналъ болѣе 3 верстъ. Но какъ во время сего новаго изобрѣтенія, прошедшаго года осенью, первый членъ коммисіи подполковникъ фанъ Сухтеленъ былъ въ отлучкѣ въ Санктпетербургъ, а потомъ наступила зима, то и не можно было ему удостовѣрить онаго. А нынѣ онъ, фанъ Сухтеленъ, также меня увѣряетъ о выгодностяхъ въ перенесеніи перекопи отъ Южной Кельтмы на Джуричъ, почему и писалъ я коммисіи строенія Сѣвернаго Екатерининскаго канала, сходно съ представленіемъ ея, судоходную перекопь, вмѣсто провода къ вершинѣ Южной Кельтмы, обратить на рѣчку Джуричъ. И такъ работа производится съ желаемымъ успѣхомъ, и надѣюсь, что въ нынѣшнемъ же мѣсяцѣ начнется копаніе главнаго канала, о чемъ, получа свѣдѣніе, вслѣдъ сего не замедлю вашему императорскому величеству донести. Потребныхъ инструментовъ и матеріаловъ заготовлено довольное количество, и работниковъ изъ поселянъ Великоустюжской области по добровольному найму безнедостаточно. Денегъ на жалованье находящимся при коммисіи чинамъ и служителямъ со опредѣленія ихъ въ коммисію, 786 года февраля съ 26 дня, выдано по текущую майскую треть около 6000 руб., да рабочимъ людямъ и на заготовленные матеріалы и инструменты, съ прибытія коммисіи на мѣсто 786 года іюня съ 1-го по 1-е число іюня сего года употреблено около 34,000 рублей.
Всемилостивѣйшая государыня! и проч.

Алексѣй Мельгуновъ.

22 іюля 1787 года.
Ярославль.

X.

Вслѣдъ отправленнаго мною къ вашему императорскому величеству отъ 22 дня прошедшаго мѣсяца іюля всеподданнѣйшаго донесенія объ успѣхахъ строенія Сѣвернаго Екатерининскаго канала, имѣю счастіе по полученному мною отъ коммисіи рапорту 6 августа, а отъ оной отправленному отъ 2-го дня іюля, донести, что, заготовя все нужное къ производству работъ, дабы не могло послѣдовать остановки, приступили къ копанію главнаго канала по вновь назначенной короче линіи перекопи въ 28-й день іюня мѣсяца, въ день для всей Россіи на вѣки знаменитый и для всѣхъ вѣрноподданныхъ вашего императорскаго величества блаженный! и пр.

Алексѣй Мельгуновъ.

Августа 12 дня 1787 г. Ярославль

XI (10).

Вашему императорскому величеству имѣю счастіе всеподданнѣйше донести, что съ начала копанія С. Е. канала для соединенія рѣкъ Камы и Двины, съ 28 числа іюня мѣсяца 787 и по 1-е число

(10) Это донесеніе, очевидно, писанное, съ нерадостнымъ чувствомъ, отправлено было, для передачи императрицѣ, графу Безбородко, котораго Мельгуновъ просилъ убѣдить ея величество отпускать ему хотя по 35,000 р. каждогодно на строеніе канала «Мнѣ совѣстно, оканчиваетъ Мельгуновъ, обременять васъ сею просьбою, знавъ, что важными военными дѣлами теперь заняты, но къ тому побуждаетъ меня служба и предохраненіе интереса ея величества, ибо, естьли не будетъ отпущено денегъ, то все приготовленное на каналѣ погибнетъ!» Но финансы были разстроены — и Мельгуновъ получилъ отказъ. Тогда только что началась война съ Турціею.

Л. Т.

генваря сего года, по полученному отъ коммисіи строенія онаго канала репорту, для закладки слюзовъ вынято земли длиною слишкомъ на двѣ версты; для проведенія перекопи отъ рѣки Сѣверныя Кельтмы къ рѣкѣ Джуричу, вырубленъ просѣкъ сквозь лѣсъ на все разстояніе длины канала — на 16 верстъ 320 саженъ, а шириною на 30 саженъ. По обѣимъ сторонамъ того просѣка, для отведенія воды въ ручьи и лощины, выкопано ровиковъ всего длиною 33 версты, глубиною 3, шириною вверху 5, внизу $1^1/_3$ фута. Рѣки, кои теченіемъ своимъ впадать будутъ въ каналъ, и коими, по выходѣ изъ канала, плыть надобно будетъ, разстояніемъ на 99 верстъ слишкомъ, вычищены вытаскаіемъ изъ нихъ упадшихъ и наносныхъ деревъ съ кореньями, кустарника и прочаго дрязгу, съ вырубкою по одному ихъ берегу бечевника и очисткою на другомъ повислыхъ на воду и наклонившихся деревъ. Нужныя хоромныя строенія, со всѣми принадлежностями для жилья, находящимся инженерамъ и прочимъ чинамъ и рабочимъ людямъ казармы всѣ отстроены, и матеріалы для слюзовъ, какъ-то: дикой камень, известь и кирпичь большею частію приготовлены, и изъ сего необитаемаго мѣста сдѣлалось хорошее селеніе!

На производство работы ассигновано суммы на 1786 годъ 50,000 р., на 787 годъ 70,000 р., и того 120,000 р.; изъ числа оныхъ въ расходъ употреблено въ оба года 70,930 р. 94 коп.; въ томъ числѣ состоящимъ при коммисіи чинамъ на жалованье 10,583 р. $39^1/_2$ коп., находившимся помѣсячно и поденно разнымъ мастеровымъ и рабочимъ людямъ для выемки земли, чищенья рѣкъ, для вырубки просѣка и для постройки хоромныхъ строеній—22,801 р. 11 коп.; на приготовленіе матеріаловъ, припасовъ и на прочія издержки 20,614 р. 67 коп.; на задатки подрядчикамъ въ счетъ ихъ подрядовъ деньгами забрано до поставки матеріаловъ, также въ задатки рабочимъ людямъ—16,931 р. $75^3/_4$ к. За всѣми расходами въ остаткѣ 49,069 р. $5^3/_4$ коп.

Господинъ генералъ-прокуроръ объявилъ мнѣ данный ему, въ 20 день ноября 787 года, имянной в. и. в. высочайшій указъ, повелѣвающій, по причинѣ наставшей внезапно войны, до окончанія оной и до будущаго соизволенія, съ 788 года остановить выдачи изъ казначействъ слѣдующихъ суммъ, погодно отпускаемыхъ, въ томъ числѣ на соединеніе рѣкъ Камы и Двины по 70,000 рублей.

Но какъ къ произведенію работы на каналѣ все нужное приготовлено и на задатки раздана немалая сумма —безъ каковой выдачи напередъ, по бѣдности тамошнихъ поселянъ и по отдаленности канала отъ жилищъ, и работниковъ для выемки земли отыскать бы нельзя было: то, дабы работа не останавливалась и розданныя деньги крестьяне заработали на каналѣ, приказалъ я нынѣшній 788 годъ работу производить, употребляя изъ означенныхъ оставшихся денегъ что потребно будетъ. А потомъ на предбудущее время, за употребленіемъ сихъ денегъ въ расходъ, и должно строеніе канала остановиться.

Лестно для каждаго вѣрноподданнаго исполнять волю в. и. в. съ совершеннымъ окончаніемъ, и тѣмъ бы заслужить монаршее благоволеніе... Осмѣливаюсь, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше представить, по долгу моему, тѣ причины, которыя, въ разсужденіи неассигнованія денегъ, видимый и почти невозвратный интересу вашего величества навлекутъ убытокъ: 1) всѣ строенія должны понапрасну гнить, 2) матеріалы испортиться и погибнуть, 3) вычищенныя рѣки засориться; 4) опре-

дѣленные инженерные чины, будучи извѣстны о удобности и неудобности тамошнихъ мѣстоположеній, должны будутъ отлучиться, и если впредь на мѣста ихъ будутъ присланы другіе, коимъ на осмотръ одинъ мѣстоположенія потребно немалое время, то нельзя надѣяться, чтобы желаемое намѣреніе восріяло скоро свой конецъ исполненіемъ. 5) Тамошніе поселяне, по случаю бываемой отъ морозовъ посѣянному хлѣбу гибели оплачиваютъ государственныя подати и имѣютъ пропитаніе отъ звѣриныхъ промысловъ, а особливо отъ бѣлки, коей въ нынѣшнія времена хотя и не въ маломъ числѣ, но на бѣлку цѣны весьма понизились, и почти никто не покупаетъ, то главнымъ промысломъ и пропитаніемъ ихъ была на каналѣ работа; нынѣ жъ, за неимѣніемъ работы, не только подати счисляться будутъ на ихъ въ доимкѣ, но и пропитать себя не въ состояніи, — то, къ пресѣченію онаго, испрашиваю всемилостивѣйшаго благоволенія объ отпускѣ на строеніе канала хотя половиннаго числа, по 35,000 рублей каждогодно, и какъ теперь главною работою осталась только выемка земли, то и сими деньгами можно будетъ успѣшно совсѣмъ каналъ привести къ окончанію. Естьли же не благоугодно будетъ ассигновать просимой суммы, то я мнѣніемъ своимъ полагаю: инженерныхъ полковника фанъ Сухтелена и подполковника Князева и прочихъ офицеровъ отпустить къ ихъ командамъ, оставя только для наблюденія прежнихъ работъ двухъ инженерныхъ офицеровъ и двухъ кондукторовъ, 3-го члена коммисіи, казначея и слюзнаго мастера съ воинскою командою, а симъ чинамъ на жалованье потребно въ годъ 4,786 рублей.

Все сіе предавъ на высочайшее в. и. в. благопрозорливое разсмотрѣніе, дерзаю всеподданнѣйше просить всемилостивѣйшаго повелѣнія, и пр.

Алексѣй Мельгуновъ.

Февр. 3 д., 1788 года. Ярославль.

XII.

Алексѣй Петровичъ! Въ отвѣтъ на докладъ вашъ объ отпускѣ суммы на продолженіе строенія С. Е. канала для соединенія рѣкъ Двины и Камы, даемъ вамъ знать, что по нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ, ради другихъ нужнѣйшихъ расходовъ, не можетъ быть ассигнована требуемая вами сумма, и что помянутую работу, до удобнѣйшаго времени, отложить должно. Относительно же заготовленныхъ матеріаловъ, мы предоставляемъ на собственное ваше усмотрѣніе: сберегать ли ихъ далѣе на мѣстѣ, укрывая отъ ненастья, или же, буде сбереженіе имъ вовсе неудобно, обратить на иное казенное нужное строеніе. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

Февраля 23 дня 1788 года.

XIII.

Высочайшее в. и. в. повелѣніе отъ 23 дня истекшаго мѣсяца февраля, что на продолженіе строенія С. Е. канала для соединенія рѣкъ Двины и Камы не можетъ быть ассигнована просимая мною сумма, и что помянутую работу до удобнѣйшаго времени отложить должно, имѣлъ я счастіе получить текущаго мѣсяца 6 дня. А по сему, дабы не употреблялись находящимся при коммисіи членамъ деньги напрасно на жалованье, и какъ первый членъ инженеръ-подполковникъ фанъ Сухтеленъ объявилъ мнѣ свое желаніе службу продолжать въ арміи в. и. в—ва, то и приказалъ я ему, фанъ Сухтелену,

и прочимъ инженернымъ офицерамъ и кондукторамъ отправиться къ своимъ командамъ, а оставилъ двухъ членовъ: инженеръ-подполковника Князева и ассесора Харламова, двухъ инженерныхъ офицеровъ и 2-хъ кондукторовъ съ другими необходимо нужными чинами. А какъ в. и. в. всемилостивѣйше изволили поручить усмотрѣнію моему, сберегать ли заготовленные матеріалы, укрывъ отъ ненастія, или же, буде сбереженіе имъ вовсе неудобно, обратить на иное казенное строеніе: то со всеподданнѣйшимъ моимъ повиновеніемъ доношу, что и ближній городъ Устьсысольскъ отстоитъ разстояніемъ отъ канала болѣе 250 верстъ!... да и въ немъ никакихъ казенныхъ строеній, за неотпускомъ строительной суммы, не будетъ производиться. Почему и предписано отъ меня приготовленные матеріалы хранить на мѣстѣ подъ крышками.

Всемилостивѣйшая государыня! и проч.

Алексѣй Мельгуновъ.

Марта 8 дня 1788 года.
Ярославль.

(Сообщено Л. Н. Трефолевымъ).

Вышеприведенныя подробности о сооруженіи Сѣверо-Екатерининскаго канала не были извѣстны Штукенбергу, сочинителю Описанія Русскихъ Каналовъ (Beschreibung aller im Russischen Reiche gegrabenen oder projectirten Canaele, St Petersb. 1841, стр. 315—328) но изъ его книги узнаемъ о дальнѣйшемъ ходѣ работъ. Онѣ возобновлены были лишь въ 1803 году, благодаря предстательству гр. Н. П. Румянцева, тѣмъ же П. К. Сухтеленомъ и инженеръ-полковникомъ Харламовымъ; потомъ главное завѣдываніе принялъ на себя извѣстный устроитель того края Модерахъ. Но въ 1809 г. тамъ произошла остановка. Въ 1817 г. снова принялись за работу, уже по проэкту г. м. Леонтьева. Въ 1822 г. началось плаваніе по каналу, который однако безпрестанно зазаривался и въ настоящее время, кажется, уже не судоходенъ. *П. Б.*

БАРОНЕССА КОРФЪ

и ея содѣйствіе побѣгу Людовика XVI изъ Парижа въ 1791 году.

Баронесса Анна-Христина Корфъ, рожденная Штегельманъ (*), была за мужемъ за бар. Франгольдомъ-Христіаномъ Корфомъ (роднымъ племянникомъ того барона Корфа, который правилъ Пруссіею во время занятія ея Русскими войсками въ семилѣтнюю войну, и потомъ при Петрѣ III былъ Петербургскимъ генералъ-полицмейстеромъ.) Онъ служилъ полковникомъ Козловскаго полка и адъютантомъ фельдмаршала гр. Миниха; убитъ на штурмѣ Бендеръ 16 сентября 1770 года. Бар. Анна Корфъ, овдовѣвъ, проживала постоянно въ Парижѣ вмѣстѣ съ своею матерью г-жею Штегельманъ въ продолженіи 20 лѣтъ. Онѣ находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ графомъ Ферзеномъ, Шведомъ, находившимся во французской службѣ. Вѣроятно по поводу этихъ-то отношеній, въ Парижѣ считали ихъ шведскими подданными, тогда какъ и мать и дочь родились въ С.-Петербургѣ, и обѣ были русскими подданными.

Въ 1791 году, 9/20 іюня, въ понедѣльникъ, около полуночи, Людовикъ XVI, королева, ихъ дѣти, принцесса Елисавета и г-жа Турцель, отправились пѣшкомъ къ Карусели, гдѣ сѣли въ карету, лошадьми которой управлялъ графъ Ферзенъ, переодѣтый кучеромъ. Отсюда они поѣхали къ воротамъ Сенъ-Мартенъ. Здѣсь ожидалъ ихъ заложенный въ шесть лошадей берлинъ, который былъ изготовленъ по распоряженію графа Ферзена. Пересѣвъ въ этотъ дорожный экипажъ, они отправились въ путь, будучи снабжены паспортомъ на имя баронесы Корфъ.

По поводу этого паспорта мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь нѣсколько подлинныхъ бумагъ, относящихся до баронесы Корфъ, пожертвовавшей,

(*) Штегельманъ—извѣстный банкиръ въ Петербургѣ во второй половинѣ XVIII в.

какъ извѣстно, всѣмъ состояніемъ своимъ несчастному французскому королю.

Кн. М. Оболенскій.

I.

Письмо Русскаго посланника въ Парижѣ Симолина въ Петербургъ къ гр. Остерману (?).

Paris ce 16/27 Iuin 1791.

Monsieur!

.... On a lû ensuite le Procès-verbal de l'arrestation du Roi. Les administrateurs du district de Clermont sont allés au devant de sa majesté. Le president, ayant exposé au Roi les allarmes de citoyens sur son depart, il a repondu, que son intention n'était pas de sortir du royaume.

Sur ce qu'il a été dit à l'Assemblée, que le Roi avait exhibé dans sa route un passeport signé Montmorin pour m-me Korff, allant à Francfort avec deux enfants, un valet de chambre, trois domestiques et une femme de chambre, on a mandé ce ministre à la barre. Il y est arrivé avec une escorte, et n'a pas eû de peine à prouver, qu'il n'avait ni connivé ni pu conniver par là à la fuite de la famille royale; il a été acquité promptement de ce reproche. Cependant le peuple s'est porté avec tant de violence à son hôtel, qu'on a battu la générale, et que des detachements de la garde nationale s'y sont rendus pour le mettre à l'abri du pillage. Comme je me trouve pour quelque chôse dans ce grand événement du moment, de la manière la plus innocente, je crois devoir donner un éclaircissement sur ce qui me regarde dans cette affaire.

Dans les premiers jours du present mois, m-me de Korff, veuve du colonel de Korff, au service de sa maj. impériale, tué, il y a 20 ans, à l'assaut de Bender, me fit requerir, par un tiers, de lui procurer deux passeports separés, dont un pour elle, et l'autre pour m-me Stegelman, sa mère, pour aller à Francfort. J'en fis la demande à m-r de Montmorin par une nôte, et il me les fit expedier d'abord. Peu de jours après m-me de Korff me fit écrire, qu'ayant brulé differents papiers inutiles, elle avait eu la maladresse de jetter au feu son passeport, et me fit prier de lui procurer un duplicata. Je le demandai le même jour et je joins son billet à celui que j'écrivis au secrétaire, chargé de l'expedition des passeports, qui remplaça le pretendu passeport brulé par un autre. Ce n'est pas la faute de m-r de Montmorin ni la mienne, si m-me de Korff a delivré son passeport, pour en faire un usage, auquel il n'était pas destiné, et que nous étions très éloignés de pressentir. M-me de Korff, étant qualifiée être Suedoise dans les imprimés, qui ont paru sur cette affaire, j'ai cru pouvoir rectifier cette erreur dans une lettre, que j'ai écrite à m-r de Montmorin et que j'ai fait inserer dans les feuilles publiques, dont je prends la liberté de joindre ici copie, ainsi que du billet de m-me de Korff où elle se désole de sa maladresse. Je n'ai nul doute que le public ne revienne sur le prejugé qu'il pourrait avoir conçu à mon égard.

Samedi, sur les quatre heures après midi, le Roi est rentré à Paris et est descendu au chateau des Tuilleries. J'ai l'honneur d'être avec le plus respectueux attachement, monsieur, de votre excellence le très humble et très obeissant serviteur *J. Simolin.*

Подлинникъ находится въ дѣлахъ по сношеніямъ Россіи съ Франціей. III, Paris, Св. 51.

Переводъ. Парижъ 16/27 іюня 1791. Милостивый государь! — .... Потомъ читанъ былъ протоколъ арестованія Короля. Чины Клермонскаго ок-

руга вышли на встрѣчу его величества. На представленіе президента Королю о тревогѣ жителей, произведенной его отъѣздомъ, Король отвѣчалъ, что онъ не имѣлъ намѣренія выѣхать изъ королевства.

Когда Національному Собранію было доложено, что Король путешествовалъ съ паспортомъ, выданнымъ на имя г-жи Корфъ, для проѣзда въ Франкфуртъ съ двоими дѣтьми, камердинеромъ, тремя слугами и горничной, за подписью Монморена, тогда потребовали этого министра къ допросу. Онъ приведенъ былъ подъ стражею, и безъ труда доказалъ, что онъ не способствовалъ и не могъ способствовать бѣгству королевской фамиліи, и совершенно отклонилъ отъ себя обвиненіе. Между тѣмъ народъ съ такою яростію устремился къ его дому, что ударили тревогу, и надлежало отправить на мѣсто нѣсколько отрядовъ національной гвардіи, чтобы спасти домъ отъ разграбленія. Такъ какъ я былъ въ нѣкоторомъ родѣ соучастникомъ въ этомъ великомъ событіи настоящей минуты, хотя самымъ невиннымъ образомъ, то считаю себя обязаннымъ дать объясненіе тому, что̀ касается моего участія въ этомъ дѣлѣ.

Въ первыхъ числахъ этого мѣсяца, г-жа Корфъ, вдова полковника Корфа, бывшаго въ службѣ ея императорскаго величества и убитаго, 20 лѣтъ тому, при штурмѣ Бендеръ, просила меня черезъ посредство одной особы доставить ей два отдѣльные паспорта, одинъ для нея, а другой для г-жи Штегельманъ, ея матери, на проѣздъ во Франкфуртъ. Я передалъ эту просьбу, на письмѣ, къ г. Монморенъ, и онъ тотчасъ же приказалъ изготовить паспорты и переслалъ ихъ ко мнѣ. Нѣсколько дней спустя, г-жа Корфъ написала ко мнѣ, что она, уничтожая разныя ненужныя бумаги, имѣла неосторожность бросить въ огонь и свой паспортъ, и просила меня достать ей другой такой же. Я въ тотъ же день отнесся къ секретарю, завѣдывающему паспортною экспедиціей, приложивъ ея письмо къ своему письму, и онъ замѣнилъ мнимо-сгорѣвшій паспортъ другимъ. Не моя вина, и не вина г. Монморена, если г-жа Корфъ вздумала изъ своего паспорта сдѣлать такое употребленіе, къ какому онъ не назначался, и котораго мы далеко не могли предвидѣть. Такъ какъ въ печатныхъ извѣстіяхъ, явившихся по поводу этого событія, г-жа Корфъ названа была Шведкою, то я счелъ себя въ правѣ возстановить истину посредствомъ письма, которое написалъ къ г. де Монморену, и напечаталъ въ газетахъ, и копію съ коего позволяю себѣ приложить здѣсь, такъ же какъ и копію съ письма г-жи Корфъ, въ которомъ она горько жалуется на свою неосторожность. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что предубѣжденіе, которое могло составиться въ публикѣ на мой счетъ, разсѣется само собою.

Въ субботу около четырехъ часовъ по полудни Король возвратился въ Парижъ, и вышелъ изъ экипажа передъ Тюльерійскимъ дворцемъ. Съ почтительнѣйшею преданностью и пр.

II.

Copie de la lettre de m-r de Simolin à m-r le c-te de Montmorin en date du 25 Juin 1791.

Je n'ai appris que ce matin par la lecture des papiers publics le malheureux effet d'un passeport que j'ai eu l'honneur de demander à votre excellence il y a trois semaines. J'y ai lû que m-me la baronne de Korff *étoit Suedoise*, se qui peut me donner dans le public, dont je respecte infiniment le suffrage, l'air d'avoir anticipé sur les droits et les devoirs de m-r l'ambassadeur de Suède. Je m'empresse de rectifier cette erreur, en declarant, que m-me la baronne de Korff est russe, née à Pétersbourg, veuve de m-r le baron de Korff, colonel au service de l'impératrice, tué à l'assaut de Bender en 1770; qu'elle est fille de m-me Ste-

gelman, née egalément à Pétersbourg, et qu'elles étoient toutes deux établies depuis 20 ans à Paris. Ces deux dames n'ont donc pu ni du s'adresser à d'autres qu'à moi pour se procurer leurs passeports, et sans être aucunement lié avec elles, puisque je n'ai jamais eu l'honneur de les voir, je n'ai pu ni du leur refuser la legère faveur de mon intervention pour cet objet. Il est vrai qu'un passeport a été pretendu brulé, comme m-me de Korff l'a ecrit elle-même dans le billet, que j'ai joint à ma demande pour en obtenir un duplicata; mais ma conduite a été dans cette occasion aussi simple que regulière, et j'ose esperer que chacun jugera qu'il m'étoit impossible de soupconner qu'elle pût donner lieu à la moindre imputation ulterieure ni contre votre excellence, ni contre moi, malgré l'usage inconsideré qu'on paroit avoir fait de ce second passeport.

J'espère en consequence, que votre excellence trouvera bon, que je fasse inserer cette lettre dans les feuilles publiques. J'ai l'honneur d'être etc. Signé *Simolin.*

Переводъ. Копія письма г. Симолина къ графу де Монтморенъ отъ 25 іюня 1791.

Лишь сегодня утромъ, читая газеты, узналъ я о несчастномъ дѣйствіи паспорта, о которомъ я три недѣли тому имѣлъ честь просить ваше сіятельство. Въ нихъ я прочелъ, что баронесса Корфъ *Шведка*, что̀ въ глазахъ публики, которой мнѣніемъ я безмѣрно дорожу, можетъ дать мнѣ видъ посягателя на права и обязанности г. Шведскаго посланника. Спѣшу исправить эту ошибку объясненіемъ, что баронесса Корфъ — Русская, родилась въ Петербургѣ, вдова барона Корфъ, полковника, бывшаго на службѣ императрицы, убитаго при штурмѣ Бендеръ въ 1770 году, что она — дочь г-жи Штегельманъ, родившейся также въ Петербургѣ, и что обѣ онѣ жили уже 20 лѣтъ въ Парижѣ. И такъ эти дамы и не могли, и не обязаны были ни къ кому иному, кромѣ меня, обращаться за полученіемъ паспортовъ, и, не будучи съ ними ни въ какихъ связяхъ, — потому что я не имѣлъ даже чести никогда ихъ видѣть, я не имѣлъ ни возможности, ни права отказать имъ въ маленькомъ одолженіи, принятіемъ участія въ этомъ дѣлѣ. Правда, о паспортѣ представлено было, будто бы онъ сгорѣлъ, какъ г-жа Корфъ сама писала въ томъ письмѣ, которое я приложилъ къ моей просьбѣ о повторительной выдачѣ паспорта; но мое поведеніе въ этомъ случаѣ было такъ же просто, какъ и прямо, и я смѣю надѣяться, каждый согласится, что я не могъ подозрѣвать, чтобъ оно могло подать поводъ даже къ малѣйшему косвенному обвиненію, ни вашего сіятельства, ни меня, не смотря на неблагоразумное употребленіе, которое было повидимому сдѣлано съ этимъ другимъ паспортомъ.

Надѣюсь впрочемъ, что ваше сіятельство найдете умѣстнымъ, чтобъ я далъ этому письму гласность въ газетахъ. Честь имѣю быть и проч.

III.

Copie du billet de m-me la baronne de Korff.

Je suis desolée. Hier, en brulant differens papiers inutiles, j'ai eu la maladresse de jetter dans le feu le passeport que vous avez eû la bonté de m'obtenir; je suis en vérité confuse de vous prier de réparér mon étourderie et de l'embarras que je vous cause.

Переводъ. Копія съ письма баронесы Корфъ. Я чрезвычайно огорчена: вчера, сжигая разныя ненужныя бумаги, я имѣла неловкость бросить въ огонь паспортъ, который вы были такъ добры, доставили мнѣ. Мнѣ чрезвычайно совѣстно просить васъ исправить мою

глупость, и вводить васъ въ хлопоты, которыхъ я сама виною.

Выписано изъ дѣлъ по сношеніямъ Россіи съ Франціею III Paris связка 51.

IV.

Записка графа Ферзена.

Le comte de Fersen a l'honneur de faire savoir à m. le comte de Mercy, que le roi, la reine, madame Elisabeth, m. le dauphin, madame et madame de Tourzel sont partis de Paris, lundi à minuit. Le comte de Fersen a eu l'honneur de les accompagner jusqu'a Bondy, où ils sont arrives à une heure et demi sans aucun accident.

Mercredi, 22 juin 1791, à Mons

Пер. Графъ Ферзенъ честь имѣлъ увѣдомить графа де Мерси, что король, королева, ихъ дѣти: дофинъ, принцесса дочь, принцесса Елисавета, и г-жа Турцель выѣхали изъ Парижа въ понедѣльникъ въ полночь. Графъ Ферзенъ имѣлъ честь сопровождать ихъ до Бонди, куда они благополучно прибыли въ половинѣ втораго часа безъ всякихъ приключеній.

Середа, 22 іюня 1791. Монсъ.

V

Письмо графа Ферзена къ императрицѣ Екатеринѣ II-й.

Stockholm ce 30 Mars 1795.

Madame. Si les circonstances m'ont constamment privées du precieux avantage d'etre personellement connu de votre majesté impériale et de porter moi même à ses pieds le tribut de mon respect et de mon admiration, j'ai cru pouvoir lui en presenter l'hommage par ecrit; et les grandes qualités dont votre majesté est douée, comme souveraine et comme particuliere, m'ont rassurées et m'ont persuadées qu'elle voudrait bien me permettre d'implorer cette bienfaisance, dont tout l'univers atteste les effets, en faveur de deux femmes, les sujettes de votre majesté et qui meritent de l'être: leur conduite noble et genereuse semble un titre aux yeux d'une sonveraine qui sait, comme vous, madame, apprecier et recompenser le merite, pour obtenir un regard de bonté et d'interet.

L'exposé, que je prends la liberté de transmettre à votre majesté impériale, l'instruira assez de l'existence et des merites de madame Stegelmann et de sa fille la baronne de Korff; il me reste à mettre sous les yeux de votre majesté les demarches faites en leur faveur et le peu de succès dont elles ont etés suivies jusqu'à present. Differentes affaires, toutes du même genre, tant pour moi meme que pour d'autres personnes, ont été mises sous les yeux de l'empéreur lors de son sejour à Bruxelles. J'ai meme presenté les moyens d'y satisfaire qui m'étoient connus; j'avois cru, d'après les connoissances que j'avois acquises des dispositions de ce prince, et d'après les conseils qui me furent donnés, devoir commencer par terminer les affaires qui me regardoient personellement, à fin de me mettre dans le cas de pouvoir suppleer en faveur des autres, aux delais d'une decision, et fournir aux besoins de madame de Stegelmann et de Korff; mais la détermination de l'empereur fut renvoyée à l'epoque du retour de ce prince à Vienne. Ce fut alors que madame de Korff lui adressa un memoire; mais ni elle, ni moi n'avons pu obtenir encore une decision positive. Cette incertitude me determinera à me rendre à Vienne dès que les affaires de famille qui m'ont apellées en Suède seront terminées, pour y solliciter la justice de l'empereur en faveur de mesdames de Stegelmann et de Korff.

Votre majesté pensera sans doute que leur conduite merite des egards; et qu'il ne faut pas surtout, que dans le moment actuel le devouement et l'attachement aux souverains soit payé par la misere ou le besoin. Personne n'a mieux prouvé que votre majesté impériale, combien elle sentoit cette verité, et tous les malheureux ont trouvé près de votre majesté un asile ou des secours. J'ose donc reclamer pour mesdames de Stegelmann et de Korff ces derniers, pour subvenir à leurs besoins pressants, et votre interet, madame, pour faciliter la réussite de leur juste reclamation. L'influence de votre majesté impériale sur le cabinet de Vienne m'est connue: un mot de vous, madame, ou un ordre à votre ambassadeur d'appuyer de votre interet la demande de deux femmes sujettes de votre majesté, leur feroit aisement obtenir le remboursement de leur capital ou bien l'assurance du payement des interets, et les secours premiers que votre majesté voudra bien leur accorder, serviront à acquitter des engagements qu'elles ont contractées, et à leurs besoins journaliers. Les sommes modiques que mon amitié a pu leur offrir n'ont suffies qu'à leur existence de tous les jours.

Monsieur de Simolin que votre majesté impériale honore à juste titre de ses bontés, est instruit de tout ce qui regarde mesdames de Stegelmann et de Korff, et monsieur de Steding (*) pourra, si votre majesté l'ordonne, donner des details sur leur personnel.

Je connois trop, madame, la bienfaisante bonté de votre majesté pour devoir craindre que ma demarche paroisse indiscrette à une souveraine jalouse de touts les genres de gloire, et qui en a toujours mise à rechercher et à secourir les malheureux. Les lui indiquer, c'est donc lui plaire, et la posterité benira les bienfaits autant qu'elle admirera son règne. Je suis avec le plus profond respect, madame, de votre majesté impériale le très humble et très obeissant serviteur. *Le c-te de Fersen.*

Подлинное находится въ письмахъ разныхъ лицъ на высочайшее имя, на иностранныхъ языкахъ. Св. 4.

Переводъ. Стокгольмъ 30 марта 1795 года. Государыня! Обстоятельства постоянно лишали меня дорогаго преимущества быть извѣстнымъ лично вашему императорскому величеству, и лично принести къ стопамъ вашимъ дань моего благоговѣнія и удивленія; посему я счелъ возможнымъ представить вамъ выраженіе этихъ чувствъ письменно; и тѣ высокія качества, коими ваше величество обладаете, какъ государыня и какъ лицо частное, дали мнѣ смѣлость и убѣжденіе, что вы благосклонно позволите мнѣ умолять васъ о благодѣтельномъ участіи,—о дѣйствіяхъ онаго свидѣтельствуетъ вселенная,—въ пользу двухъ женщинъ, подданныхъ вашего величества, и заслуживающихъ быть ими. Благородное и великодушное поведеніе ихъ, въ очахъ монархини, умѣющей, какъ вы, государыня, цѣнить и награждать заслуги, кажется титуломъ, достаточнымъ для того, чтобъ привлечь на себя взоръ благосклонности и участія.

Предметъ просьбы, которую я беру смѣлость препроводить къ вашему императорскому величеству, достаточно объяснитъ вамъ состояніе и заслуги госпожи Штегельманъ и ея дочери баронессы Корфъ; мнѣ остается только представить вашему величеству тѣ старанія, которыя были сдѣланы въ ихъ пользу, и ту безуспѣшность, которою сопровождались онѣ до сихъ поръ. Разныя дѣла, все въ такомъ же родѣ, частію черезъ другихъ лицъ, представлены были императору въ бытность его

(*) Шведскій посланникъ при нашемъ дворѣ, сочинитель извѣстныхъ Записокъ.

въ Брюсселѣ. Я предлагалъ даже и средства, извѣстныя мнѣ, для ихъ удовлетворенія. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною относительно душевныхъ качествъ этого государя, и по совѣтамъ, мнѣ даннымъ, я счелъ за нужное начать съ окончанія дѣлъ, касавшихся до меня лично, дабы поставить себя въ возможность сдѣлать что-нибудь въ пользу другихъ, при отсрочкѣ рѣшенія (по ихъ дѣламъ), и помочь нуждамъ госпожъ Штегельманъ и Корфъ; но опредѣленіе императора было отложено до времени возвращенія этого государя въ Вѣну. Тогда то госпожа Корфъ представила ему свою записку; но ни она, ни я не могли еще получить надлежащаго рѣшенія. Эта неизвѣстность заставитъ меня рѣшиться ѣхать въ Вѣну, лишь только окончу семейныя дѣла, призывавшія меня въ Швецію, и я буду просить у императора справедливости въ пользу госпожъ Штегельманъ и Корфъ. Ваше величество, безъ сомнѣнія, согласитесь, что ихъ поведеніе заслуживаетъ уваженія, и что не слѣдуетъ, чтобы привязанность и преданность къ государямъ, особенно въ настоящее время оплачивалась бѣдностью или нуждою. Никто лучше вашего величества не доказалъ, сколько вы чувствовали эту истину, и всѣ несчастные находили у вашего величества или убѣжище или помощь. И такъ осмѣливаюсь просить у васъ этой послѣдней (помощи) для госпожъ Штегельманъ и Корфъ,—оказать вспомоществованіе въ ихъ крайней нуждѣ, и вашего участія, государыня, чтобы способствовать успѣху ихъ справедливаго иска. Вліяніе вашего императорскаго величества на Вѣнскій кабинетъ мнѣ извѣстно: одно слово ваше, государыня, или ордеръ вашему посланнику — подкрѣпить вашимъ участіемъ просьбу двухъ женщинъ, подданныхъ вашего величества, доставитъ имъ легкую возможность получить уплату ихъ капитала, или же обезпеченіе въ уплатѣ процентовъ, а пособіе, которое ваше величество благоволите имъ оказать, послужитъ имъ на уплату долговъ, въ которые они вошли, и на ихъ насущныя потребности. Умѣренныхъ суммъ, которыя моя дружба могла предложить имъ, доставало только на ихъ дневное пропитаніе.

Господинъ Симолинъ, котораго ваше императорское величество по всей справедливости удостоиваете своей благосклонности, извѣщенъ обо всемъ, касающемся госпожъ Штегельманъ и Корфъ, и господинъ Штедингъ будетъ имѣть возможность, если ваше величество изволите приказать, сообщить подробности объ ихъ личностяхъ.

Я слишкомъ хорошо знаю, государыня, безграничную доброту вашего императорскаго величества, и потому не опасаюсь, чтобъ мой поступокъ показался нескромнымъ монархинѣ, ревностной ко всякаго рода славѣ, и которой постоянное славолюбіе — отъискивать несчастныхъ и помогать имъ. И такъ, указывать вамъ этихъ несчастныхъ значитъ нравиться вамъ, и потомство столько же будетъ благословлять ваши благодѣянія, сколько удивляться вашему царствованію. Съ глубочайшимъ и пр.

VI.

Его же

Vienne le 15 fevrier 1796.

Madame, la bonté avec laquelle votre majesté impériale a bien voulue reçevoir la première lettre, que j'ai eu la confiance de lui écrire et celle, plus grande encore, qu'elle a bien voulue y ajouter, de me faire esperer son interet en faveur des justes reclamations de mesdames de Stegelman et de Korff relativement à l'argent qu'elles ont bonné à feux leurs majestés très cretiennes, m'enhardit à rapeller à la mémoire de votre majesté cette gracieuse et bienfaisante promesse, que des interets majeurs ont sans doute fait oublier. Je suis maintenant, plus que jamais, assuré qu'un mot de l'ambassadeur de

votre majesté applanira toutes les difficultés ou plutôt les retards qu'on fait eprouver à ce remboursement, et le comte de Rasoumowsky, instruit par moi des détails rélatifs à cette réclamation et des moyens d'y satisfaire, semble penser que votre majesté ne saurait être compromise dans l'interet qu'elle voudrait bien accorder et temoigner à deux femmes, ses sujettes et qui sont en ce moment victimes de leur principes d'attachement et de devouement à des souverains malheureux.

J'ose donc supplier votre majesté impériale de daigner envoyer ses ordres à son ambassadeur, et la bonté, qui caracterise toutes les actions de votre majesté, m'assure, que je ne les aurais pas implorés en vain et que votre majesté daignera y ajouter encore celle, d'ordonner la promte expédition des ordres que sa bonté daignera lui faire passer. Je suis avec le plus profond respect, madame, de votre majesté impériale le très humble et très obeissant serviteur *c-te de Fersen.*

Подлинникъ находится въ письмахъ разныхъ лицъ на высочайшее имя, на иностранныхъ языкахъ. Св. 4.

Переводъ. Вѣна, 15 февраля 1796. Государыня! Благосклонность, съ которою ваше императорское величество изволили принять первое письмо, которое я имѣлъ увѣренность писать къ вамъ, и та, еще большая, милость, которую благоволили присоединить къ ней, подавъ мнѣ надежду на ваше участіе въ пользу справедливыхъ исканій госпожъ Штегельманъ и Корфъ относительно денегъ, которыя онѣ дали покойнымъ ихъ католическимъ величествамъ, внушаютъ мнѣ смѣлость напомнить вашему величеству это благодѣтельное обѣщаніе, о которомъ дѣла большей важности безъ сомнѣнія заставили васъ позабыть. Теперь больше, чѣмъ когда нибудь, я увѣренъ, что одно слово посланника вашего величества уничтожитъ всѣ затрудненія или скорѣе замедленія, которыя дѣлаются относительно уплаты, и графъ Разумовскій, извѣщенный мною подробно относительно этого иска и средствъ къ его удовлетворенію, кажется, думаетъ, что для вашего величества ни сколько не было бы компрометаціей то участіе, которое вамъ угодно было бы оказать этимъ двумъ женщинамъ, вашимъ подданнымъ, являющимся въ настоящую минуту жертвами своихъ принциповъ, усердія и привязанности къ несчастнымъ государямъ.

И такъ осмѣливаюсь умолять ваше императорское величество, дабы вы благоволили дать повелѣнія своему посланнику, и доброта, характеризующая всѣ дѣйствія вашего величества, внушаетъ мнѣ увѣренность, что я не тщетно умолялъ васъ дать эти повелѣнія, и что ваше величество благоволите прибавить еще одно,—приказать, чтобъ немедленно были отправлены тѣ повелѣнія, которыя вамъ благоугодно будетъ послать. Честь имѣю и пр.

VII.

Copie de la lettre de sa majesté impériale à m-r le comte de Fersen à Vienne en date de S-t.-Pétérsbourg du 24 mars 1796.

Monsieur le comte de Fersen. J'ai recû la lettre, que vous m'avez adressée le 15 février, concernant les dames Stegelmann et Korff. Je fais enjoindre aujourd'hui à mon ambassadeur à Vienne d'intervenir dans leurs affaires et d'appuyer les démarches qu'elles feront pour recouvrer l'objet de leurs reclamations. En déferant ainsi à votre demande en faveur de ces dames, je suis bien aise de vous assurer de mon éstime et de ma bienveillance et sur ce je prie Dieu qu'Il vous ait, monsieur le comte de Fersen, en Sa sainte et digne garde.

Signé *Cathérine.*

31*

Подлинникъ въ письмахъ на иностранныхъ языкахъ разныхъ лицъ на высочайшее имя. Св. 4.

Переводъ. Господинъ гр. Ферзенъ Я получила ваше письмо, отъ 15-го февр. касательно госпожъ Штегельманъ и Корфъ и сегодня же сдѣлала распоряженіе, чтобы было приказано посланнику моему въ Вѣнѣ, принять въ ихъ дѣлахъ участіе и стараться помочь успѣху ихъ домогательствъ. Удовлетворяя такимъ образомъ вашей просьбѣ въ интересахъ этихъ дамъ, я очень рада случаю увѣрить васъ въ моемъ уваженіи и благосклонности, а за тѣмъ прошу Бога, чтобъ Онъ не оставлялъ васъ, господинъ графъ Ферзенъ, Своею святою, праведною помощію. *Екатерина.*

VIII.

Письмо гр. Остермана къ гр. А. К. Разумовскому

S-t.-Pétersbourg ce 26 mars 1796.

Monsieur le comte de Fersen, qui se trouve actuellement à Vienne, s'étant adressé directement à l'impératrice pour obtenir sa haute intercession en faveur de la veuve Stegelman, qui sollicite à la cour de Vienne le payement d'un emprunt qu'elle a fait à feu Louis XVI à l'époque de sa malheureuse fuite de Paris et dans lequel le comte de Fersen parait être compris pour quelque chose; S. M. I. m'a ordonné d'enjoindre à ce sujet avec ce dernier pour connaitre les veritables circonstances et details de cette affaire. Ce n'est qu'autant que vous pourrez vous convaincre, monsieur, de la légitimité de cette pretention et du dégré d'attention aussi que la cour de Vienne voudra prêter aux sollicitations de la veuve Stegelmann que l'impératrice vous autorise d'employer de votre côté vos bons offices en sa faveur auprès du ministère de s. m. l'empereur des Romains; mais sans donner toute fois à vos démarches une forme ministérielle et en vous tenant à cet effet dans les bornes d'une intervention pûrement amicale de notre part. J'ai l'honneur d'être avec une considération distinguée, monsieur, de votre excellence le très humble et très obeissant serviteur C. J. Ostermann.

Подлинникъ находится въ дѣлахъ по сношеніямъ Россіи съ Австріей, III рубр. св. 59.

Переводъ. С.-Петербургъ 26 марта 1796. Милостивый государь! Гр. Ферзенъ, находящійся теперь въ Вѣнѣ, отнесся непосредственно къ императрицѣ, прося заступничества ея величества за вдову Штегельманъ, которая хлопочетъ объ уплатѣ ей Вѣнскимъ дворомъ денежныхъ суммъ, данныхъ ею взаймы покойному Людовику XVI во время его несчастнаго бѣгства изъ Парижа. Графъ Ферзенъ, кажется, также прямо заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Ея императорское величество приказала мнѣ поручить вамъ разузнать настоящія подробности и обстоятельства сего дѣла, и совокупно съ симъ послѣднимъ, употребить съ вашей стороны всѣ старанія въ пользу г-жи Штегельманъ при министерствѣ его величества императора Римскаго, но только въ такомъ случаѣ, когда вы убѣдитесь въ законности ея претензіи, и узнаете о степени вниманія, съ какимъ Вѣнскій дворъ принимаетъ просьбу вдовы Штегельманъ, не придавая однакожъ вашему ходатайству ни въ какомъ случаѣ оффиціальной формы, и держась въ предѣлахъ чисто дружескаго посредства съ нашей стороны. Честь имѣю быть и пр.

Дальнѣйшая участь г-жъ Корфъ и Штегельманъ намъ неизвѣстна; что же касается до графа Акселя Ферзена, то ему суждено было и кончить жизнь также тревожно, какъ и провести. Въ санѣ обергофмаршала, онъ былъ умерщвленъ 20 іюня 1810 Стокгольмскою чернью, которая несправедливо заподозрѣла его въ отравленіи наслѣдника Шведскаго престола, принца Христіана Голштейнъ-Аугустенбургскаго. Выше помѣщенныя бумаги хранятся въ Московск. Главн. Архивѣ министерства иностр. дѣлъ.

А. Ѳ. ЛАБЗИНЪ.

1. Литературно-біографическій очеркъ

По благородству чувствъ человѣкъ рѣдкаго сердца и по возвышенности помысловъ человѣкъ рѣдкаго ума, *Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ* принадлежалъ по происхожденію дворянской фамиліи, жившей въ Москвѣ. Здѣсь родился онъ 28 апрѣля 1766 года, и въ самыхъ раннихъ, ребяческихъ лѣтахъ горячо уже предался образованію. Такъ, по седьмому году, началъ онъ учиться Ариѳметикѣ, о чемъ разсказывалъ слѣдующее: „Я началъ учиться Ариѳметикѣ, будучи еще лѣтъ шести, для того только, что учитель, который приходилъ учить меня только писать, въ разговорѣ сказалъ мнѣ: что можно узнать, сколько разъ колесо отъ Москвы до Петербурга обернется и сколько иголокъ по дорогѣ уляжется. Сіе показалось мнѣ невѣроятнымъ. Какъ можно, думалъ я, перечесть такую бездну иголокъ, и успѣть пересчитать, пока колесо вертится, котораго и не догонишь?... Учитель мнѣ отвѣчалъ: что есть такая наука, помощію которой сіе удобно исчислить можно. Наука сія представилась мнѣ чудомъ! Какая это наука? спросилъ я. —Ариѳметика отвѣчалъ онъ.—Можно ли мнѣ ей научиться?—Можно.—Можете ли вы научить меня этой наукѣ?—Могу.—Батюшка, вскричалъ я: учи меня Ариѳметикѣ! Сталъ я учиться, и прежняя невозможность сдѣлалась для меня возможностью" (Сіон. Вѣстн. 1806 г. III, іюль стр. 86, 1818 г., VII, мартъ стр. 383, 384). Въ послѣдствіи онъ сдѣлалъ въ Математикѣ значительные успѣхи и до конца жизни любилъ ее. Такъ, когда въ 1796 году пріѣхавшій въ Петербургъ профессоръ Хладный (изъ Славянъ) доказывалъ въ самыхъ опытахъ, что каждый тонъ музыки видимымъ образомъ составляетъ правильную геометрическую фигуру, Лабзинъ былъ одинъ изъ немногихъ, понявшихъ дѣло и сочувствіемъ утѣшившихъ кроткаго и смиреннаго ученаго, между тѣмъ какъ другіе, видѣвшіе въ опытахъ фокусы, глубоко огорчали его своимъ невниманіемъ и невѣжествомъ (ср. С. В., 1806, ч. I, февраль, стр. 160, 161). Далѣе, подобно многимъ замѣчательнымъ философскимъ умамъ, подобно Декарту и Канту, Александръ Ѳедоровичъ весьма часто въ своихъ изслѣдованіяхъ обращался къ пособію высшихъ математическихъ вычисленій, и кстати замѣтимъ, что одинъ изъ лучшихъ портретовъ его (въ молодыхъ лѣтахъ) именно тотъ, на которомъ изображенъ онъ съ циркулемъ въ рукѣ, за тѣми занятіями, которыя оказались столь полезны и для адмиральтейской его службы и для Академіи художествъ.

Десяти лѣтъ, въ 1776 году, поступилъ онъ въ гимназію при университетѣ и по спискамъ является въ 1777 году переведеннымъ „изъ этимологическаго латинскаго въ нижній французскій классъ, при чемъ участвовалъ въ дѣйствіи ораторическомъ обѣихъ гимназій, а по латинскому этимологическому классу получилъ въ награжденіе книгу". Потомъ, по прошествіи двухъ лѣтъ, переведенъ былъ онъ изъ гимназіи въ университетъ и въ 1780 году признанъ студентомъ. Здѣсь преимущественно занятъ онъ былъ изученіемъ языка древнихъ классиковъ и навсегда сохранилъ къ нимъ любовь и глубокое уваженіе, за одно со многими образованными современниками, раздѣлявшими образъ его мыслей и особенности направленія. По выходѣ изъ университета, представилось къ тому еще обширнѣйшее поприще. „Учась въ университетѣ, говорилъ онъ (С. В. 1806, ч. I, январь, стр. 22 — 23), я читывалъ древнихъ, какъ обыкновенно ихъ тамъ читаютъ, только для языка, и по выходѣ изъ училища бросилъ ихъ; (ибо кто нынѣ любитъ читать латинскія или греческія книги?) и сталъ знакомиться и плѣняться новѣйшею литературою. Но однажды, случайно, прочтя только Цицеронову книжку *о должностяхъ*, я пораженъ былъ его чистыми понятіями о нравственности, и,

обратясь къ чтенію другихъ древнихъ авторовъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, сколь древніе вообще были ближе къ понятіямъ и истинамъ христіанскимъ, нежели мы, имѣющіе писанное Евангеліе и называющіеся христіанами!... Признаюсь, что, возвратясь послѣ Цицерона къ чтенію древнихъ философовъ, я пересталъ уже удивляться новымъ." Съ этимъ вмѣстѣ соединялось въ немъ, подобно какъ въ Невзоровѣ и другихъ современникахъ, достаточное уваженіе къ языческой миѳологіи. „Взглянувъ на всю миѳологію, говоритъ онъ, мы должны будемъ подивиться, какъ милосердый Промыслъ всякими способами старался довесть до свѣдѣнія и сохранить въ родѣ человѣческомъ высочайшія свои истины! Покойный Денисъ Ивановичъ Фон-Визинъ сказывалъ мнѣ однажды, что покойный нашъ г. Тредьяковскій восхищался Телемакомъ не по слогу, коимъ онъ писанъ, а по смыслу, который онъ придавалъ лицамъ, въ сей книгѣ представленнымъ. Покойный Денисъ Ивановичъ шутилъ тогда надъ симъ понятіемъ: но я думаю, Фенелонъ не сталъ бы шутить за это надъ г. Тредьяковскимъ, который, чаятельно, заимствовалъ оное отъ г. Фонтенеля, которому онъ во всемъ подражать любилъ, и который былъ такого же мнѣнія и о Телемакѣ, и о Гомерѣ, и о всей миѳологіи" (С. В. 1806, февраль, стр. 131). Въ особенности же постоянно любилъ Лабзинъ знакомить своихъ читателей съ мнѣніями и сочиненіями Платона и Плутарха.

Изъ приведеннаго выше мѣста мы могли замѣтить, что, нѣкоторое время ранней молодости, Лабзина увлекала новѣйшая литература: онъ самъ явился дѣятелемъ на ея поприщѣ. Еще будучи студентомъ, принималъ уже онъ участіе въ изданіи „Вечерней зари", служившей продолженіемъ „Утренняго свѣта" и изданной въ 1782 году, въ Москвѣ тремя частями („В. З., ежемѣсячное изданіе, заключающее въ себѣ лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей", и проч. Издали: Антоновскій, Максимовичъ, Давыдовскій, и проч. въ унив. тип." 8). Въ 1787 году, лѣтомъ, е. в. императрица Екатерина II прибыла въ Москву изъ предпринятато путешествія въ Тавриду и другія южныя области. Ей поднесены были на разныхъ языкахъ сочиненія, главнымъ образомъ рѣчи и стихи, отъ Московскаго университета (М. Хераскова, С. Зыбелина, Роста), отъ благороднаго университетскаго пансіона (Н. Сипягина), отъ Сл. Грек. Лат. академіи, отъ Перервинской семинаріи и т. д. Между прочимъ Лабзинъ поднесъ 28 іюня „Торжественную пѣснь Екатеринѣ II, императрицѣ и самодержицѣ Всероссійской, на вожделѣннѣйшее ея величества прибытіе въ столичный градъ Москву изъ предпріятаго путешествія въ пріобрѣтенную, въ благословенное ея царствованіе, Тавриду и другія области, во всерадостный день возшествія на Всероссійской императорской престолъ, совершающей двадцатипятилѣтіе преславнаго ея царствованія" (въ тип. компан. типографич., 4°, 38 строфъ, по 10 стиховъ каждая). Это обратило на Лабзина вниманіе императрицы, и въ теченіе послѣдующей службы онъ не однократно былъ награждаемъ отъ ея величества денежными выдачами. Способность къ стихотворству, оставленная потомъ безъ большаго вниманія, тѣмъ не менѣе обнаруживалась весьма часто въ авторѣ: упоминая какое либо стихотворное изрѣченіе древняго или новаго поэта, Лабзинъ переводилъ его обыкновенно весьма удачнымъ и бойкимъ стихомъ. Да и въ обыкновенномъ разговорѣ, экспромптомъ, вводилъ онъ иногда цѣлый рядъ стиховъ. Въ томъ же 1787 году и слѣдующемъ, издалъ онъ два перевода съ французскаго: „Фигарова женидьба, въ 5 дѣйствіяхъ, соч. де Бомарше (М. въ унив, тип. 1787 г., въ 8)" и „Судья въ 5 дѣйств., соч. Мерсье (М., въ тип. Пономарева, 1788 г., въ 8)". Мы видѣли, что внимательное чтеніе древнихъ отвлекло вкусъ Лабзина отъ занятія новою и легкою литературой; но еще ранѣе и еще болѣе подѣйствовало здѣсь особое на-

правленіе, представителемъ котораго былъ человѣкъ, знаменитый по своему вліянію на нашу образованность, Н. И. Новиковъ. Говоря о необходимомъ выборѣ при чтеніи книгъ, уже издателемъ журнала, Александръ Ѳедоровичъ впослѣдствіи разсказывалъ о себѣ слѣдующее: „Издатель имѣлъ счастіе, бывъ еще 15-ти лѣтъ (слѣдовательно въ университетѣ), предостереженъ быть отъ такихъ преткновеній благодѣяніемъ одного просвѣщеннаго мужа, который въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки, и, безъ всякаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ (¹). Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла Метри (²), и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами, и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель съ благодарными чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и по нынѣ первое благо въ его жизни. Главное, и для позднѣйшаго времени поразительное, явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ — казалось тогда — весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ Святую Библію, которую до того — если кто и не презиралъ вовсе — по крайней мѣрѣ почиталъ книгою, для церквей только потребною, для поповъ однихъ годною; а естьли кто и читалъ, то развѣ историческую только ея часть для любопытства, или много что для примѣра въ поведеніи; впрочемъ никто къ чтенію Библіи не увѣщевался и никто не предполагалъ, что Библія служитъ даже и къ просвѣщенію разума; напротивъ того самые набожные люди имѣли тогда несчастную мысль, что отъ чтенія сей священной книги люди съ ума сходятъ. Въ малолѣтствѣ моемъ я разъ наказанъ былъ отъ матери моей изъ набожности за то, что читалъ Библію и прелагалъ въ стихи плачь Іереміинъ“ (эта черта замѣчательна для біографа). Отдавшись душою такому направленію, Лабзинъ перенесъ его и въ Петербургъ, на болѣе обширное поприще: но до того времени мы должны еще сказать нѣсколько словъ о его службѣ.

По выходѣ изъ университета, въ 1784 году поступилъ онъ переводчикомъ при Московскомъ губернскомъ правленіи и въ слѣдующемъ году произведенъ въ губернскіе секретари; въ 1787 году, въ чинѣ коллежскаго секретаря, перешелъ въ Московскій университетъ переводчикомъ при конференціи, а въ 1789 году переведенъ въ секретную экспедицію Санктъ-Петербургскаго почтамта (³) и съ этой эпохи блистательно шелъ впередъ. Въ 1792 году произведенъ былъ Лабзинъ въ чинъ коллежскаго ассесора; въ 1795 году за отличіе, по особому порученію, пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ, въ 1797 коллежскимъ (окт. 14), въ 1799 (апр. 17) статскимъ совѣтникомъ съ перемѣщеніемъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ томъ же году (сент. 6), по имянному высочайшему указу, вступилъ онъ конференцъ-секретаремъ въ императорскую Академію художествъ, и литературнымъ памятникомъ этой многосложной дѣятельности, о которой скажемъ еще ниже, оставилъ нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ при актовыхъ собраніяхъ Академіи (таковы рѣчи 1803, 1805 и 1806 года; см. Моск. Вѣд. этихъ годовъ, №№ 73, 73 и 76).

(¹) Знаменитый Иванъ Егоровичъ Шварцъ, другъ Новикова. *П. Б.*

(²) Одинъ изъ крайнихъ энциклопедистовъ. *П. Б.*

(³) Стоитъ замѣтить, что масонство и мартинизмъ долгое время находили у насъ приверженцевъ въ почтовомъ вѣдомствѣ: Лабзинъ, за нимъ Ѳ. П. Ключаревъ и наконецъ кн. А. Н. Голицынъ и многіе его приближенные. *П. Б.*

Въ 1801 году (янв. 1) назначенъ исторіографомъ державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго; съ этою должностью соединилось сочиненіе, изданное имъ въ 1799—1801 годахъ, вмѣстѣ съ Александромъ Вахрушевымъ: „Исторія ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго" (С. П. въ имп. тип., 5 частей) (⁴). За исполненіе порученій получилъ отъ государя императора Павла I двѣ тысячи рублей и двѣ табакерки съ бриллiантами. Возшедшій на престолъ императоръ Александръ I выразилъ еще болѣе высочайшее вниманіе свое къ службѣ и трудамъ Лабзина: въ 1802 году (декаб. 12) пожалованъ былъ онъ орденомъ Св. Анны 2-й степени; въ 1804 (янв. 11) произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; въ томъ же году (окт. 26) переведенъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ къ министру военныхъ морскихъ силъ (⁵) директоромъ департамента; въ 1805 (апр. 2) получилъ бриллiантовые знаки ордена Св. Анны и тогда же (апр. 4) опредѣленъ въ государственный адмиральтейскій департаментъ членомъ, полулучивъ кромѣ того отъ государя императора въ разное время два бриллiантовыхъ перстня. Въ теченіи этой эпохи, кромѣ другихъ произведеній, о которыхъ мы или сказали, или скажемъ, въ 1804 году перевелъ онъ съ французскаго Делилевъ „Диѳирамбъ на безсмертіе души (С. П., въ тип. медиц. колл., въ 8)": то былъ послѣдній трудъ, замыкавшій литературную дѣятельность молодости, когда духъ развлекался еще порою разнородными матеріялами. Въ зрѣломъ и вполнѣ возмужаломъ возрастѣ дѣятельности начался рядъ произведеній, сосредоточившихъ на себѣ все вниманіе мыслящаго духа и все чувство автора, сдѣлавшихся главною цѣлію, задачею и цѣлію его жизни, тѣсно связанныхъ между собою единствомъ содержанія и примыкавшихъ къ одному энергическому и строго господствовавшему направленію. Подпись Александра Лабзина теряется и на мѣсто ея является постоянно шифръ *У. М.* (⁶). Но не столько важна внѣшняя, сколько внутренняя особенность, къ которой мы и переходимъ.

Явилась нужда—въ читающемъ классѣ, увлеченномъ или эфемерными произведеніями своей, преимущественно иностранной литературы, или строгими изслѣдованіями спеціальной науки,—поддержать или пробудить возвышенный интересъ къ познанію сущности христіанства и уразумѣнію основныхъ законовъ христіанской нравственности. Сочиненія и переводы въ этомъ духѣ имѣли въ виду цѣль: удовлетворить потребности жаждавшихъ подобнаго чтенія; возбудить охоту къ подобному занятію; чрезъ занятіе это приковать умъ и сердце къ высокимъ предметамъ, или, по крайности, хотя нѣсколько способствовать тому; чрезъ чтеніе, занятія и влеченіе возбужденнаго духа, приводить къ доброму дѣйствованію, сообразному съ требованіями христіанской религіи. Для такой цѣли, изъ ряду другихъ подобныхъ, выступалъ мужъ, который хорошо и основательно былъ знакомъ со всѣмъ тѣмъ, что̀ дѣлалось въ подобной сферѣ жизни и литературы за границей; который могъ быть дѣятельнымъ руководителемъ при выборѣ и переводѣ такихъ сочиненій; который по глубинѣ внутренняго развитія своего духа, могъ предлагать собственное указаніе, собственное сочиненіе, могъ внушать довѣріе собственнымъ опытомъ или примѣромъ, и наконецъ владѣлъ для такого подвига неистощимой энергіей. Само собою разумѣется, что кругъ такой дѣятельности былъ значительно ограниченъ: онъ принадлежалъ частнымъ лицамъ, хотя пользовался высочайшимъ

(⁴) Изъ примѣчаній Я. К. Грота ко 2-му тому сочиненій Державина (стр 205) видно, что этотъ трудъ или по крайней мѣрѣ первыя двѣ его части есть ничто иное, какъ переводъ нѣмецкаго сочиненія Верто *П. Б.*

(⁵) Т. е. къ вице-адмиралу П. В. Чичагову. *П. Б.*

(⁶) Ученикъ Мудрости.

покровительствомъ монарха; относился только къ классу болѣе или менѣе образованному и читающему; примыкалъ часто къ дѣятелямъ нѣмецкимъ и не могъ быть близокъ всегда къ Русскому народу; не во всѣхъ и даже въ немногихъ могъ вызывать сочувствіе; наконецъ стѣснялся даже иногда денежными средствами. Но, если это правда, то тѣмъ болѣе удивительно, что съ такими ограниченными средствами произведено такъ много. Не наше дѣло опредѣлять сумму нравственнаго вліянія, истекшаго въ народъ Русскій вслѣдствіе такой дѣятельности: хотя, какъ кажется, возможно, но во всякомъ случаѣ трудно въ исторіи приводить подобные результаты. Мы должны указать сочиненія, служившія представителями и выразителями помянутаго нами дѣла, другими словами, — перечислить переводы и сочиненія А. Θ. Лабзина. И здѣсь однако не мало трудностей: нѣкоторыя произведенія его не носятъ условной подписи; другія составлены или переведены подъ его руководствомъ, или имъ только изданы; иныхъ наконецъ нельзя указать по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ. Общій характеръ ихъ содержанія намъ извѣстенъ; прибавимъ, что если не собственныя сочиненія, а переводы, по большой части изъ Эккартсгаузена или изъ Юнга-Штиллинга (писателей, которымъ особенно сочувствовалъ Лабзинъ и съ которыми первый въ такомъ объемѣ познакомилъ своихъ читателей) по внѣшности изданія отличались обыкновенно замѣтной по тому времени аккуратностію и чистотой; очень часто присовокуплялись картины. Слогъ, вслѣдствіе глубоко прочувствованныхъ и прожитыхъ въ собственномъ внутреннемъ мірѣ истинъ отличается съ одной стороны возвышенной силою и убѣдительностію, съ другой неподражаемой простотою, доступностію и близостью къ сердцу. Языкъ, за исключеніемъ мѣстъ, небрежно набросанныхъ, когда и авторъ и читатель явно спѣшатъ и не поспѣваютъ за быстротою мысли, носитъ вездѣ печать глубоко изящной натуры и потому ставитъ всегда сочиненіе и переводъ несравненно выше многихъ тогдашнихъ произведеній. Когда оцѣнишь всю глубину передаваемой мысли, тогда понимаешь, что только сила, вполнѣ овладѣвшая предметомъ, и искренность неподдѣльной энергіи могли такъ счастливо побѣдить всю трудность выраженія.

Эккартсгаузена переведено было „Путешествіе молодаго Костиса отъ востока къ полудню (1803 г.)"; въ три года вышелъ цѣлый заводъ и потребовалось другое изданіе; въ 1816 году въ Москвѣ появилось уже третіе изданіе (въ тип. Селиван., въ 12) Изъ того же автора: „Наставленіе мудраго испытанному другу (соч. Экк., перев. съ нѣмец. Спб. въ императ. тип., 1803, in 12; тоже изданіе второе, Спб., въ тип. восп. дома, 1817 г., in 12);" уже съ русскаго переведено потомъ это сочиненіе на французскій и польскій языки. „Ночи или бесѣды мудраго съ другомъ (соч. Экк. перев. съ нѣмец. У. М., М., въ тип. Селив., 1804, in 8; тоже изд. второе, Спб., въ тип. воспит. дома, 1816, in 8)." „Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ (соч. Экк. перев. съ нѣм. У. М., Спб., въ импер. тип. 1804, in 12)." „Ключь къ таинствамъ натуры (соч. Экк., перев. съ нѣм. У. М., 4 части, Спб., въ тип. Шпора, 1804, in 8;" въ 1818 году у самаго издателя не было уже ни одного экземпляра, потому въ 1820, Спб., въ Морской тип., in 8, вышло второе изданіе). „Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца (соч. К. Экк., перев. съ нѣм. У. М., 2 части; Спб. въ тип. мед. деп. 12°; въ 1816 году вышло второе изданіе, Спб., въ Морской тип., in 12);" съ русскаго переведено на польскій.—„Отрывки", того же сочинителя и переводчика Спб. 1803, 8°, съ русскаго переведенные потомъ на польскій языкъ. — Позднѣе переведены: „О фосфорной кислотѣ, яко вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ гнилости (соч. Экк., перев. съ нѣм. У. М., Спб., въ тип. Дрехслера, 1811, in 12)." „Наука числъ

(соч. Экк., служащее продолженіемъ его Ключа къ таинствамъ натуры, перев. съ нѣм. У. М., 2 части; Спб. въ Морск. тип. 1815, 8°, въ 1816 году потребовалось другое изданіе, Спб., въ Морской тип. 1816, in 12)."

Изъ сочиненій Штиллинга, первыя въ переводѣ Лабзина слѣдующія два: „Краткія нравоучительныя правила на каждый день года для друзей христіанства (1805 г.)", „Приключенія по смерти (перев. съ нѣм. У. М., 3 части, Спб., въ морской тип. (Дрехслера), 1805, in 12)."

Въ слѣдъ за тѣмъ начались изданія „Угроза-Свѣтовостокова." Въ то время печаталась (въ перев. Лубяновскаго) Штиллингова „Тоска по отчизнѣ", сочиненіе, въ коемъ далъ онъ большую роль загадочному лицу *Der graue Mann*, посвятивъ ему и книгу. Подъ тѣмъ же названіемъ сталъ потомъ Штиллингъ выдавать книжечки для народнаго наставленія, коихъ по 1806 годъ вышло 16 и въ коихъ заключались письма, бесѣды и поученія того же страннаго лица (Der graue Mann). Лабзинъ перевелъ названіе „Угрозъ-Свѣтовостоковъ". Въ маѣ 1806 года вышла первая книжка, и съ того времени должно было выходить по двѣ книжки въ мѣсяцъ; потомъ переводились онѣ по мѣрѣ выхода на нѣмецкомъ. („Угр. Свѣтов. соч. І. Г. Юнга, называющагося иначе Г. Штиллингомъ, перев. съ нѣмец. У. М., 30 книжекъ или 8 частей, Спб., въ тип. импер., морской, академіи наукъ и Дрехслера, 1806—1815, in 12; первыя 3 части напечатаны вторымъ изданіемъ въ Спб., въ морской тип., 1815 г.). Изданіе имѣло такой расходъ и такое вліяніе, что въ маѣ же 1806 года въ Петербургскій медико-филантропическій комитетъ пришелъ неизвѣстный, представилъ 200 рублей, и на вопросъ, какъ записать въ книгу его имя, отвѣчалъ: „Отъ Угроза-Свѣтовостокова." Здѣсь кстати замѣтимъ, что подобные случаи были не рѣдки. Одушевившись чтеніемъ, нѣкоторыя лица, изъ разныхъ краевъ Россіи, присылали издателю деньги на изданіе столь полезныхъ книгъ, на ихъ распространеніе между неимущими и вообще на помощь бѣднымъ.

Далѣе, самъ Штиллингъ печаталъ автобіографію, которая тогда же была переводима, но лежала долго въ русскихъ лавкахъ почти безъ продажи; когда же Лабзинъ началъ переводить и распространять сочиненія Эккартсгаузена и Штиллинга, книгопродавцы не успѣвали ихъ выписывать. Въ 1816 году онъ началъ издавать, выпусками въ переводѣ (сначала только І часть, потомъ составилось двѣ): „Жизнь Генриха Штиллинга (истинная повѣсть, перев. съ нѣм., Спб., въ тип. воспит. дома и Плавильщикова, in 12);" между тѣмъ по смерти этого замѣчательнаго лица (1817 года апр. 2, нов. ст.), въ Германіи предприняли изданіе шестой книжки „Жизни," начатой самимъ покойникомъ: Лабзинъ перевелъ и издалъ ее въ 1818 году подъ заглавіемъ „Послѣдніе дни Ю. Штиллинга (или шестая книжка его жизни, начатая имъ самимъ, а оконченная внукомъ и зятемъ его перев. съ нѣм. У. М., Спб., въ Морской тип., in 12);" сюда присоединенъ былъ портретъ покойнаго, гравированный извѣстнымъ художникомъ Уткинымъ, и читатели так. об. могли получить „всю жизнь Штиллинга," съ двумя его портретами, въ 6 книжкахъ или двухъ частяхъ. Къ этому присовокуплено было наконецъ, въ томъ же 1818 году, сочиненіе: „Слова воспоминанія о усопшемъ, незабвенномъ другѣ Г. Юнгѣ, прозванномъ Штиллингомъ, отъ нѣкоторыхъ друзей его; перев. съ нѣм. У. М.. Спб., въ медиц. тип., in 12)."—

Кромѣ того издаваемы были переводы и другихъ подобныхъ авторовъ: „Брань духовная (сочиненіе, приписываемое Франциску де Салисъ)" выходила уже нѣсколько разъ, въ разныхъ переводахъ, и подъ разными названіями; въ 1816 г. предпринятъ былъ Лабзинымъ новый переводъ съ французскаго, и сочиненіе явилось третьимъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Брань духовная или наука побѣждать свои страсти и торжествовать надъ пороками, перев. съ франц. У. М., Спб. въ морской тип., in 8)."

Менѣе извѣстно было сочиненіе (Амвросія Ломбеза) „О внутреннемъ мірѣ.“ Практически испытавъ пользу этой драгоцѣнной книги на себѣ и нѣкоторыхъ своихъ пріятеляхъ, Александръ Өедоровичъ выдалъ ее въ свѣтъ въ томъ же году („О внут. мірѣ, въ 4 книгахъ, содержащихъ и проч., перев. съ франц. У. М., Спб., въ Морской тип., 1816, in 8).“ Обѣ книги вошли тогда же, одна первою, другая второю частью, въ одно общее сочиненіе: „Путеводитель къ совершенству жизни христіанской.“ — Въ 1806 году перевелъ онъ и издалъ сочиненіе „Просвѣщенный пастухъ, Спб. въ импер. тип. 12°, встрѣченное вниманіемъ и сочувствіемъ замѣчательныхъ лицъ того времени. Таковы же были переводы: „Адама Сигизмунда Флейшера о самопознаніи;“ „Мысли о небѣ;“ „О присутствіи Божіемъ (въ 1817 году вышло третье изданіе);“ „Мысли на досугѣ поучающагося истинамъ вѣры“. „Таинство креста Іисусъ-Христова, пер. У. М. Спб., въ тип. Іоаннесова 1814. 8°“. „Christosophia или путь ко Христу. Въ IX книгахъ, твореніе І. Бема, прозваннаго тевтоническимъ философомъ. Перев. съ съ нѣм. У. М. Спб. тамъ же, 1815, 8°“.— „Торжество Евангелія или записки свѣтскаго человѣка, обратившагося отъ заблужденій новой философіи, пер. съ фр. ч. 1—3. Спб. въ тип. Шнора 1821, ч. 4 я, пер. А. Л. Спб., въ имп. мед. деп. 1822“ съ обширнымъ послѣсловіемъ о ходѣ перевода и о значеніи самой книги.

Сюда же принадлежатъ изданія, въ которыхъ принималъ Лабзинъ главное и дѣятельнѣйшее участіе: „Начальныя основанія дѣятельнаго христіанства (съ надписью: „Приношеніе друзьямъ моимъ на новый 1806 годъ,“ въ Спб., третьимъ изданіемъ; въ прежнемъ была надпись: „для дѣтскаго чтенія“);„ Мысли, изліявшіяся при молитвѣ: Отче нашъ (К—ва)“; „Мои понятія о Символѣ Вѣры“; „Наставленіе ищущимъ премудрости, Спб. въ тип. Шнора 1806, 12°;“ „О пользѣ чтенія священнаго писанія;“ „Зеркало внутренняго человѣка (въ которомъ и проч., перев. съ нѣмец. Спб., въ медиц. тип., 1821, in 12).“ „Совѣты души моей (твореніе христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ; Спб., 1816, въ морской тип., in 12);“ „Письма къ другу и завѣщаніе отца сыну (оба сочиненія Х-вой);“ „Извѣстіе о бѣгствѣ изъ Москвы при нашествіи французовъ генералъ-маіорши Н. М. (Надежды Өеодоровны Ми́кулиной, сестры его).“ Наконецъ, не знаемъ, правильно или нѣтъ, приписывается Лабзину участіе въ изданіи „Терпимость и человѣколюбіе (изображенныя въ трогательныхъ повѣстяхъ, соч. Эккартсгаузена, перев. съ нѣм., 2 части, М., въ тип. Гарія и комп. 1805, in 8; тоже изданіе второе, 4 части, М., въ унив. тип., 1817 года, in 18).“ Остальныя сочиненія, здѣсь не упомянутыя, благоволятъ дополнить читатели. Что касается до журналовъ, то въ нихъ рѣдко принималъ онъ участіе: между прочимъ встрѣчаемъ „Послѣдняя ночь 1813 года (Сынъ отеч., 1814, № 3, съ подписью: У. М.).“

Всѣ приведенныя сочиненія, переводы и изданія, связанныя между собою единствомъ содержанія и цѣли, предпринятыя со многими трудами, пожертвованіями и иногда посторонней помощью, находили за то въ первое время многихъ читателей и обширный сбытъ; тогда же, поощренный такими обстоятельствами, Лабзинъ ревностно и значительно увеличилъ объемъ изданій, а между тѣмъ нѣкоторые случаи остановили расходъ ихъ. Выѣхавъ впослѣдствіи изъ Петербурга, онъ не могъ, по недостатку средствъ, взять всего этого запаса съ собою и оставилъ при смерти, какъ единственное наслѣдство, вдовѣ своей; однако нѣкоторыя обстоятельства, не смотря на условіе съ книгопродавцемъ, послужили ей препятствіемъ къ пользованію.

Какъ ни велико было вліяніе перечисленныхъ выше сочиненій, переводовъ и изданій, оставались все таки нѣкоторыя требованія и цѣли дѣла, такія, которымъ могло удовлетворить толь-

ко изданіе журнала: явился „Сіонскій Вѣстникъ.“ Здѣсь, во первыхъ, сообщались извѣстія о томъ, что совершилось въ подобномъ духѣ за границей; высказывались отношенія къ тамошнимъ дѣятелямъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ на примѣръ Эккартсгаузенъ и Штиллингъ, нашли здѣсь свои біографіи. Еще болѣе подобныя требованія находили мѣсто и приложеніе въ предѣлахъ отечественныхъ. Здѣсь мало было помѣщать произведенія сочувствовавшихъ современниковъ; мало было извѣщать о предпринимаемыхъ или готовыхъ изданіяхъ, вызванныхъ одинаковою задачею, какъ ни тщательно передавались подобныя извѣстія. Предстояло и было потребно указать и разъяснить духовное, нравственное состояніе христіанъ Русскихъ, отыскать и назвать плоды или успѣхи доброй нравственности, разсказать собственные или чужіе опыты и подвиги въ трудномъ теченіи христіанской жизни. Все это прекрасно и обильно удовлетворено было изданіемъ журнала. Изучая уже Невзорова, узнаёмъ мы, какъ люди подобнаго духа и направленія высоко смотрѣли на Россію и чего ждали отъ нея въ великой будущности: еще сильнѣе должно было это выразиться у Лабзина. Говоря въ одномъ мѣстѣ (ч. IV, апрѣль стр. 115, 116) о случаяхъ благотворенія, прибавляетъ онъ: „Сердце ликуетъ тѣмъ болѣе въ упоеніи своемъ радостію о благѣ, что всѣ сіи благодѣтели суть Русскіе. Россія, земное отечество наше, великими судьбами о тебѣ Божіими освященная, къ свидѣтельству и явленію великихъ дѣлъ Господнихъ обреченная! Россія, покровительствомъ и благоволеніемъ къ тебѣ Вышняго возвеличенная, въ назнаменаніе всѣмъ языкамъ! Приложи къ себѣ сіи слова Господни: „и буду имъ въ Бога, и тіи будутъ мнѣ въ людіе,“ и пребуди вѣрною Ему! Совершися въ ту землю сѣверную, отъ коей изведетъ Господь сыновъ Израилевыхъ, и въ кою пріидутъ языцы отъ послѣднихъ земли! Буди благословенна и препрославленна въ царствахъ земныхъ, Россія дивная, храня отеческіе нравы и воспитывая таковыхъ сыновъ!“ Впрочемъ какъ ни важна и любопытна эта высшая статистика, обнимающая состояніе отечественной нравственности, для біографа ближе тѣ случаи и опыты, которые издатель приводилъ изъ собственной жизни. Здѣсь находимъ мы интереснѣйшіе разсказы о тѣхъ встрѣчахъ и обстоятельствахъ, которые имѣли существенное вліяніе на его нравственную сторону, на образованіе его убѣжденій, на знакомство и общественное положеніе (см. ч. I, стр. 24—26; 153; 160, 161; 217; 398; ч. III стр. 67; 98, 99; ч. IV, 130, 131, 246; ч. V, 141; 283 и дал.; ч. VII стр. 207 и дал.; и друг.). Еще болѣе: у издателя завязались благородныя сношенія съ отдаленными даже краями отечества, откуда обращались къ нему—не многіе съ поощреніями въ трудномъ дѣлѣ, большая часть—съ разсказами о собственномъ внутреннемъ мірѣ, за совѣтами, за примѣрами, за наставленіями. Роль, которую принималъ издатель въ подобныхъ случаяхъ, ставила его съ одной стороны на высокой степени христіанскаго подвига, съ другой стороны выразила предъ нами, какъ въ дѣйствительности высоко стояло это лицо среди окружавшаго.

Очертивъ такимъ образомъ вкратцѣ особенности журнала, мы видимъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость обратиться къ перечисленію нѣкоторыхъ судебъ его, столь тѣсно связанныхъ съ судьбою самаго лица. „Сіонскій Вѣстникъ,“ ежемѣсячное изданіе, началъ выходить съ января 1806 года, съ эпиграфомъ: „кійждо, якоже пріятъ дарованіе, между себе симъ служаще, яко добріи строителіе различныя благодати Божія „(Спб. въ тип. Дрехслера). Всѣ почти статьи, исключая переписки иногородныхъ, принадлежали Лабзину и притомъ большею частію имъ были сочинены, хотя оставались безъ подписи или подъ вымышленнымъ именемъ Ѳеопемпта Мисаилова. Изъ статей другихъ лицъ замѣчательны особенно Гр. С. Сковороды, кн. Н. В. Репнина (изъ оставшихся

бумагъ его) и И. В. Лопухина. Кругъ читателей сначала былъ не великъ, и журналъ былъ поддержанъ преимущественно духовными лицами: такъ въ первые мѣсяцы, изъ 93 экземпляровъ, 33 взяты были духовенствомъ; Ѳеофилактъ, епископъ Калужскій, по одному объявленію, не зная издателя, подписался на 30 экземпляровъ; тоже сочувствіе къ изданію раздѣляли постоянно Амвросій митрополитъ С.-Петербургскій, Михаилъ, архіепископъ и потомъ митрополитъ, Даніилъ, архіепископъ Могилевскій и Витебскій, и другія духовныя особы, занимавшія и занимающія доселѣ высшія пастырскія должности; только митрополитъ Евгеній, признавая достоинство журнала, выразилъ въ одномъ частномъ письмѣ мнѣніе о его недостаткахъ (Москвитянинъ, 1848, № 8, стр. 173, 174). Подобныя сужденія выражены были еще сильнѣе по прекращеніи изданія и по смерти митрополита Михаила въ 1821 году. Книжки, по обстоятельствамъ, не рѣдко опаздывали, и самый журналъ прерывался. Такъ въ первомъ же году, въ маѣ, Лабзинъ хотѣлъ уже совсѣмъ прекратить начатое дѣло и только пособія высшаго начальства поддержали его. Сентябремъ 1806 года заключилась III часть (каждая состояла изъ трехъ помѣсячныхъ книжекъ). Лабзинъ, „по обстоятельствамъ не маловажнымъ и не отъ его воли зависящимъ,“ рѣшился окончить изданіе и просилъ подписчиковъ за недостающую IV часть получить деньги обратно. На нѣсколько лѣтъ дѣло было прервано. Между тѣмъ государю императору Александру угодно было обратить всемилостивѣйшее вниманіе на полезные труды Лабзина: 1816 года, декабря 12, высочайшимъ рескриптомъ пожалованъ онъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2 степени, „за изданіе на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ.“ За тѣмъ въ 1817 году повелѣно ему было возобновить изданіе журнала, который и началъ выходить съ апрѣля (ч. IV-я, въ медиц. тип., съ посвященіемъ „Господу Іисусу Христу“). Теперь число подписчиковъ значительно увеличилось и возрасло даже до замѣчательнаго количества. Журналъ выписывался по всей Россіи, отъ Архангельска до Астрахани, Херсона и Одессы, отъ западныхъ губерній до Екатеринбурга и отсюда до Иркутска, Нерчинска и Троицко-Савска; въ числѣ пренумерантовъ находились члены императорской фамиліи. На 1818 годъ журналъ продолжалъ выходить безостановочно (только безъ всякаго посвященія въ томъ же видѣ), получая болѣе и болѣе интереса въ содержаніи. Однако, при всемъ томъ, дѣло было трудное. Говоря въ одномъ мѣстѣ (ч. VII, февраль, стр. 280) о холодности нѣкоторыхъ къ журналу, издатель прибавляетъ: „причина сей холодности не новая.... Есть причины гораздо важнѣйшія, которыя долженствовали бы побудить меня оставить сіи труды и дать успокоиться угнетенному и часто изнемогающему подъ тяжестію неблагопріятствующихъ случаевъ моему духу: но я ожидаю другихъ охотниковъ, которые захотѣли бы вступить на сіе поприще, и тогда я тотчасъ и съ удовольствіемъ оставлю имъ сіе поле ратное.“ Частью VIII-ю, іюнемъ 1818 года, окончилось дѣло.

Если мы теперь обратимся назадъ, и, не изслѣдуя со всѣхъ сторонъ вліянія подобныхъ предпріятій и дѣлъ, спросимъ исторію о ближайшихъ и очевидныхъ плодахъ, отъ нихъ происшедшихъ, то откроемъ одно, не подлежащее никакому сомнѣнію: если не уничтожено, то потрясено было до основанія значеніе и вліяніе вольтеріанства и энциклопедизма, прививавшагося къ нашему образованію со второй половины прошлаго столѣтія. Дѣло, очищенное и законченное Лабзинымъ, по пробужденіи энергіи и сочувствія, перешло съ тѣхъ поръ въ спеціальное вѣдомство.

За измѣненіемъ мнѣній, послѣдовавшимъ около двадцатыхъ годовъ, за прекращеніемъ литературной дѣятельности, оставалась Лабзину жизнь частная и служебная. Женатъ онъ былъ (съ 20 годовъ) на вдовѣ Аннѣ Евдокимовнѣ Ка-

рамышевой, которая была старше его нѣсколькими годами и отъ которой не имѣлъ онъ дѣтей. Отличный семьянинъ, воспитывалъ и принималъ онъ у себя въ домѣ родныхъ и знакомыхъ какъ родныхъ. Всякой, кто только входилъ съ нимъ въ какія либо отношенія, не могъ никогда забыть высокаго ума его, крайней доброты и теплоты сердца. Много осталось у него дѣтей, воспитанныхъ усерднымъ ученіемъ, нравственнымъ вліяніемъ и примѣромъ. Всего ближе должна была ощутить вліяніе такого лица Академія художествъ, въ которой служилъ онъ съ 1799 года секретаремъ, а съ 1818 (января 24) по имянному высочайшему указу, вице-президентомъ. Важнѣйшіе чины и ордена получилъ онъ на этой же службѣ (такъ въ 1811 году, октября 20, до полученія 2 степени, пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 3 степени за усердную службу по Академіи). Поставленный на такомъ постѣ, съ своею глубоко-изящною натурою и мягкостью души, принималъ онъ живѣйшее участіе въ судьбахъ искусства и его дѣятелей. Ему поручали родители дѣтей своихъ какъ родному, и всѣ мѣры предпринимаемы были для успѣшнаго образованія учениковъ. Далекій отъ аскетизма, начальникъ всѣми способами развивалъ въ нихъ вкусъ къ изящному, и съ тою цѣлію устроивалъ даже домашніе театры, на которыхъ игралъ и самъ, сочиняя самъ легкія піэсы въ стихахъ. Но, при такой богатой и плодотворной дѣятельности, Лабзинъ имѣлъ одну особенность въ характерѣ: былъ чрезвычайно пылокъ и настойчивъ и, когда дѣло шло о правдѣ или его задушевной мысли, прямъ и рѣзокъ въ выраженіяхъ. Враги подстерегали подобные случаи увлеченія, зная притомъ, что по любви къ истинѣ сказавшій не откажется потомъ отъ словъ своихъ (7).

(7) Обстоятельства удаленія Лабзина изъ Петербурга разъяснены ниже въ „Воспоминаніяхъ о Лабзинѣ,“ за которыя мы обязаны благосклонному вниманію *М. А. Дмитріева. П. Б.*

Отъ октября 20, 1822 года, Лабзинъ получилъ отставку и выѣхалъ изъ Петербурга, ноября 13 го того же года. Къ довершенію горя, на дорогѣ къ Москвѣ, съ нимъ сдѣлался припадокъ, а жена, при несчастномъ случаѣ, попортила ногу. М. Я. Мудровъ, нѣкогда обязанный ему помощію въ студенчествѣ и занятіяхъ за границей, кромѣ того воспитаніемъ племянницы (нынѣ С. А. Лайкевичъ) принялъ своего благодѣтеля въ Москвѣ, а отсюда переѣхалъ онъ въ назначенное мѣсто жительства, Сенгилей (Симб. губ.).

Здѣсь оставался Лабзинъ до половины мая 1823 года, когда, вслѣдствіе болѣзни своей и просьбы сестры Анны Ѳеодоровны (жившей тогда въ С.-Петербургѣ) получилъ отъ Государя пенсію 2,000 рублей (сестра его получила тоже въ Петербургѣ) и позволеніе переѣхать въ Симбирскъ, гдѣ онъ и скончался 1825 года, генваря 26, 59 лѣтъ отъ рожденія. Больной, разстроенный и въ первое время недовѣрчивый къ окружавшимъ, впослѣдствіи онъ былъ утѣшенъ знаками непритворнаго участія, отъ такихъ людей, какъ на примѣръ П. П. Тургеневъ. По смерти погребенъ былъ въ Покровскомъ монастырѣ. Одинъ извѣстный литераторъ почтилъ гробницу его надписью:

„Всю жизнь онъ вѣренъ былъ ученію Христову,
Какъ вѣровалъ, такъ жилъ,
И, братьямъ путь открывъ къ Спасителеву слову,
Онъ западъ дней своихъ страданьемъ освятилъ.“

Бумаги всѣ по завѣщанію достались М. Я. Мудрову; къ нему же въ Москву переѣхала вдова, скончавшаяся здѣсь на 72 году жизни, октября 3, 1828 года.

Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ скончался въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, кавалеромъ орденовъ Св. Владиміра и Св. Анны 2-й степени и почетнымъ членомъ императорскаго Московскаго университета.

П. Безсоновъ.

II. Воспоминанія о Лабзинѣ.

(*Изъ записокъ М. А. Дмитріева.*)

.....Вскорѣ судьба послала мнѣ человѣка, который впослѣдствіи имѣлъ большое вліяніе на настроеніе души моей и вообще на мой образъ мыслей. Это былъ А. Ѳ. Лабзинъ.

Онъ служилъ вице-президентомъ Академіи Художествъ и былъ сосланъ въ Симбирскъ вотъ по какому случаю. Академія готовилась къ годичному собранію, для котораго предварительно, частнымъ образомъ, собрались на совѣщаніе объ избраніи почетныхъ членовъ: президентъ Академіи Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, Лабзинъ и третій членъ, котораго имени, по причинамъ, изложеннымъ ниже, Лабзинъ не хотѣлъ назвать мнѣ. Президентъ предложилъ въ почетные члены троихъ: Румянцова, Аракчеева и Гурьева. Лабзинъ говорилъ, что первый достоинъ, какъ извѣстный покровитель наукъ и художествъ; второй—по крайней мѣрѣ хоть заказывалъ воспитанникамъ Академіи нѣкоторыя работы; но что послѣдній не имѣетъ никакого права. Послѣ многихъ возраженій и уговариваній (какъ у насъ всегда бываетъ), Оленинъ сказалъ наконецъ, что Гурьевъ близокъ къ Государю. Лабзинъ, разгоряченный уже прежнимъ противорѣчіемъ, сказалъ на это: «А! Если такъ, то я, вмѣсто Гурьева, укажу вамъ человѣка, который къ нему еще ближе!»—Кто это? спросилъ Оленинъ. — «Илья кучеръ!» отвѣчалъ Лабзинъ: у него Государь недавно былъ въ гостяхъ. — Оленинъ сказалъ на это серьёзно: «Не угодно ли вамъ, чтобы я довелъ это мнѣніе ваше до свѣдѣнія Государя?»—«Какъ вамъ угодно!» отвѣчалъ Лабзинъ: «я отъ моихъ словъ не откажусь!» — Это было доведено до Государя, но не Оленинымъ, а третьимъ членомъ: потому-то онъ и не хотѣлъ мнѣ назвать его: Оленина онъ не винилъ нисколько.

На другой же день Лабзинъ былъ позванъ къ генер.-губернатору Милорадовичу, который, спросивъ его объ этомъ и получивъ подтвердительный отвѣтъ, сказалъ ему, что Государю угодно, чтобъ онъ ѣхалъ къ Гурьеву и извинился. Лабзинъ отказался. Дѣло это оставалось безъ послѣдствій три дня, пока Государь былъ въ Петербургѣ; но по отъѣздѣ его въ чужіе краи(8), вслѣдъ за нимъ, послано было донесеніе о Лабзинѣ. Какъ это было представлено, неизвѣстно; но его велѣно было сослать Симбирской губерніи въ городъ Сенгилей.

Заслуженный, больной старикъ, съ больною женою, которая была и его старѣе, отправился осенью 1822 года, по дурной дорогѣ, въ простой кибиткѣ, къ дальнему и неизвѣстному мѣсту своего назначенія. Въ добавокъ къ этому, подъ Москвою вывалили ихъ изъ повозки, и старухѣ Лабзиной повредило это больную ногу. Но въ Москвѣ жилъ въ это время славный медикъ, извѣстный своимъ благочестіемъ, Матвей Яковлевичъ Мудровъ, который, принявъ, при посредствѣ Лабзина, ученіе истиннаго благочестія, почиталъ его своимъ благодѣтелемъ. Онъ приготовилъ, для принятія его, комнаты въ своемъ домѣ, получилъ отъ Московскаго начальства дозволеніе прожить имъ три дня въ домѣ его на Прѣснѣ, и—мало этого—испросилъ дозволеніе иллюминовать домъ для пріѣзда своего благодѣтеля. Онъ встрѣтилъ пріѣзжихъ на крыльцѣ, низкимъ поклономъ, покоилъ ихъ и отпустилъ, оказавъ имъ и медицинскую, и дружескую помощь (9).

---

(8) На Веронскій конгрессъ *П. Б.*

(9) Когда М. Я. Мудровъ ѣхалъ за границу (1802), посланный туда отъ Московскаго университета, учиться медицинѣ, то въ Ригѣ посвя-

Плохо было изгнанникамъ въ Сенгилеѣ: въ этомъ городѣ не находили они самонужнѣйшихъ потребностей жизни; но одинъ Симбирскій помѣщикъ, Петръ Петровичъ Тургеневъ, братъ Ивана Петровича, по старинной масонской связи, прислалъ имъ возъ домашнихъ припасовъ и другой съ лекарственными травами, безъ которыхъ они были бы въ большомъ затрудненіи, и по недостатку денегъ, и по неимѣнію никакихъ средствъ въ небольшомъ и бѣдномъ городѣ.

Вскорѣ Лабзинъ переведенъ былъ въ Симбирскъ. Здѣсь передъ этимъ была масонская ложа: «Ключъ къ добродѣтели», великимъ мастеромъ которой былъ князь Баратаевъ. Ложи въ 1822 году были закрыты; но имя Лабзина было въ такомъ уваженіи, что братья ложи поставили себѣ за долгъ съ нимъ познакомиться. Александръ Ѳедоровичъ, вслѣдствіе строгости, съ которою было съ нимъ поступлено, былъ сначала въ нѣсколько раздраженномъ состояніи. Князь Баратаевъ былъ ему какъ-то родня; но посѣщенія всѣхъ другихъ казались ему просто любопытствомъ и даже были ему подозрительны: и потому онъ принималъ посѣтителей не совсѣмъ ласково. Между прочимъ тамошній губернскій почтмейстеръ Лазаревичъ, желая истинно быть ему полезнымъ, предложилъ ему, не угодно ли ему будетъ получать на его имя письма и писать черезъ него. Лабзинъ принялъ это въ дурную сторону и отвѣчалъ: «Если вамъ, батюшка, угодно быть надо мной шпіономъ, вамъ никто не мѣшаетъ!»—Тотъ смолчалъ, не оскорбился и продолжалъ свои посѣщенія. Вообще надобно отдать справедливость тогдашнимъ жителямъ Симбирска: они терпѣливо переносили первоначальную раздражительность изгнанника, и добились его искренней признательности и искренняго чувства дружества. Они берегли его, какъ больнаго ребенка, какъ бѣдную душу, оскорбленную судьбою, и много помогали ему, но такъ искусно, что онъ и самъ иногда не догадывался. Такъ однажды былъ онъ въ большомъ затрудненіи о пріисканіи порядочнаго, хотя и бѣднаго помѣщенія. Только и былъ одинъ домъ, отдающійся въ наймы, г-жи Назарьевой; онъ казался Лабзину дорогъ и былъ не по деньгамъ, а цѣна эта была настоящая, и уступить было нельзя. Начальникъ удѣльной конторы А. А. Крыловъ, узнавши это, спросилъ Лабзина, сколько онъ даетъ за наемъ этого дома, и сказалъ ему, что это цѣна хорошая, но вѣрно онъ не умѣетъ торговаться, а поручилъ бы ему. Лабзинъ былъ радъ дать такое порученіе, а Крыловъ сказалъ хозяйкѣ, чтобъ она согласилась будто бы уступить за эту цѣну, а остальное онъ самъ будетъ ей приплачивать. Такъ и сдѣлалось: Александръ Ѳедоровичъ былъ чрезвычайно доволенъ успѣхомъ найма, и до конца жизни не зналъ этого секрета.

Мнѣ имя его тоже давно было извѣстно; я уважалъ труды его, по ихъ направленію, но не былъ знакомъ съ ними. Даже и то удивительно, что я, по какому-то инстинкту, чувствовалъ къ нимъ уваженіе: потому что, когда онъ въ послѣдній разъ приступилъ къ изданію Сіонскаго Вѣстника (въ 1817 году), то въ домѣ, гдѣ я жилъ, я слышалъ только насмѣшки надъ ханжествомъ издателя, особенно надъ посвященіемъ его «Господу Іисусу Христу, бывшему, сущему и грядущему», что казалось совершенно неприличнымъ. Мнѣ было это, правда, непріятно, но единственно по какому то темному, безсознательному

тилъ его въ ученіе вольныхъ каменщиковъ нѣкто *Гюне*, бывшій адъютантъ кн. Н. В. Репнина, нѣкогда содѣйствовавшій и обращенію сего послѣдняго къ духовной жизни. *П. Б.*

чувству; то есть: мнѣ эти насмѣшки казались гораздо неприличнѣе самаго посвященія, и только...

Долго продолжалось, что Александръ Ѳедоровичъ принималъ меня вѣжливо, но холодно, и съ какою-то особенною осторожностію въ выборѣ разговора....

...Но мало по малу онъ становился обходительнѣе, простѣе, откровеннѣе, и наконецъ полюбилъ меня такъ, какъ немногіе любили меня въ моей жизни. Я слышалъ, по пересказамъ Крылова и другихъ, что наконецъ онъ отдавалъ мнѣ такія преимущества въ своемъ мнѣніи обо мнѣ, какихъ я рѣшительно не заслуживалъ. Но онъ былъ человѣкъ страстный: онъ не могъ любить въ половину, онъ предавался человѣку весь, но за то требовалъ и себѣ всего человѣка!

Изъ его разговоровъ я началъ усматривать такой широкій объемъ христіанской религіи, котораго я и не подозрѣвалъ, такое согласіе частей и такую связь духовнаго міра съ вещественнымъ, о какихъ я не только не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, но до чего даже я не подозрѣвалъ возможности проникнуть и воображеніемъ, не только разумомъ. А его разумъ представлялъ все это просто и ясно, и основывалъ все на законахъ необходимости, и на законѣ, соединяющемъ видимое съ невидимымъ, земное съ небеснымъ. И такъ, думалъ я, есть наука религіи: это было для меня большое и важное открытіе.

Можетъ быть, многіе, прочитавши это, подумаютъ, что Лабзинъ, по смыслу обще-принятаго объ этомъ понятія, не былъ православнымъ: нѣтъ! онъ былъ вполнѣ православнымъ Греко-россійскаго исповѣданія; только находилъ разныя доказательства разума тамъ, гдѣ обыкновенно требуется одной вѣры......

«Сіонскій Вѣстникъ» началъ издавать Александръ Ѳедоровичъ въ 1806 году въ генварѣ, но прекратилъ его сентябремъ мѣсяцемъ, не знаю, почему; однако въ концѣ послѣдней книжки сказано, что «издатель рѣшается на прекращеніе своего журнала по обстоятельствамъ важнымъ и не отъ воли его зависящимъ».

Изъ этого должно заключить, что были препятствія со стороны цензуры или правительства. Но въ 1817 году, когда императоръ Александръ Павловичъ показывалъ большую наклонность не только къ благочестію, но и къ такъ называемому мистицизму; когда были въ такомъ ходу библейскія общества, а масонскія ложи пользовались особеннымъ покровительствомъ, государю было угодно, чтобы опять возобновилось изданіе Сіонскаго Вѣстника. Онъ самъ побудилъ къ возобновленію этого журнала, и Лабзинъ, съ апрѣля 1817 года, началъ его издавать вторично, въ полной надеждѣ на успѣхъ, за который ручалось не только покровительство, но и самое желаніе государя. Однако въ половинѣ слѣдующаго же 1818 года, начали дѣлать ему со стороны цензуры разныя притѣсненія; такъ что думали наконецъ подвергнуть его цензурѣ духовной: при такихъ обстоятельствахъ нельзя было и думать о продолженіи такого журнала, и съ іюнемъ мѣсяцемъ онъ опять прекратился. Всего въ оба періода было издано 24 книги, составляющія 8 томовъ. Впослѣдствіи, въ концѣ царствованія Александра, особенно въ грубое, закоренѣлое министерство Шишкова, этотъ журналъ, вмѣстѣ съ другими книгами въ томъ же духѣ, былъ строжайше запрещенъ въ продажѣ, и составляетъ донынѣ библіографическую рѣдкость.

Послѣ запрещенія этихъ книгъ всѣ книги, изданныя Лабзинымъ, были запечатаны въ Петербургскомъ подвалѣ

Глазунова, и Лабзинъ лишился не только всего своего дохода, но всего своего имущества, состоявшаго въ этихъ книгахъ. Онъ сдѣлался почти нищимъ, и когда его высылали изъ Петербурга, ему не съ чѣмъ было ѣхать; но князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, имѣвшій всегда отъ государя нѣкоторыя суммы денегъ на раздачу бѣднымъ, выдалъ ему изъ этихъ денегъ двѣ тысячи рублей ассигнаціями. Это дѣлаетъ ему тѣмъ болѣе чести, что выдалъ государевы деньги изгнаннику, ссылаемому по волѣ того же государя..... Это доказываетъ однако, что Голицынъ не сомнѣвался и въ благотворной душѣ государя!....

.... Разговоры Александра Ѳедоровича были и вразумительнѣе, и питательнѣе самыхъ книгъ. Онъ такъ обдумалъ всѣ предметы важнѣйшихъ истинъ, что разрѣшалъ ихъ просто, ясно и безъ многихъ разсужденій. Конечно и вопросы мои не могли быть столь глубокомысленны, чтобы представлять много затрудненій такому человѣку; однако для меня разрѣшеніе ихъ было ново и важно: главное же, мало по малу, изъ его отвѣтовъ составлялась въ моемъ умѣ полная система убѣжденій, недостатокъ которой много вредитъ самой вѣрѣ.....

Говоря о милосердіи Божіемъ, онъ такъ непритворно умилялся, что я не видывалъ никогда такого умиленія при мысли о любви Божіей! Его почитали ханжею, но что ему было ханжить, въ четырехъ стѣнахъ, въ изгнаніи, при молодомъ человѣкѣ, который не только не могъ дать ему никакой славы, но и принести никакой пользы? Карьера же честолюбія, которой приписывали его религіозныя дѣйствія, была для него кончена. Что онъ могъ выиграть притворствомъ?

Его любящая душа обнаруживалась въ томъ, что онъ былъ особенно привѣтливъ къ людямъ бѣднымъ, неизвѣстнымъ, или пренебрегаемымъ другими. Нерѣдко у него обѣдала бѣдная старуха-калмычка, которая была вхожа въ домы къ нѣкоторымъ благотворительнымъ людямъ, но нигдѣ не была принимаема, какъ равная. Еще были двѣ молодыя дѣвушки, тоже небогатыя, за которыми ничего не было дурнаго, но которыя были въ какомъ-то пренебреженіи; съ ними какъ-то избѣгали знакомства: онѣ тоже были у Лабзиныхъ почти ежедневныя гостьи. И мужъ, и жена лелѣяли ихъ своею ласкою, въ замѣнъ чужой къ нимъ несправедливости.

Александръ Ѳедоровичъ такъ былъ наполненъ духомъ религіознаго настроенія, что онъ во всякой житейской вещи, въ всякомъ, даже пустомъ чтеніи находилъ поучительное. Такъ однажды засталъ я его за чтеніемъ романа Жанлисъ: „Рыцари Лебедя“.—Онъ мнѣ сказалъ: „вы вѣрно думаете, какіе де онъ читаетъ пустяки? Но я вамъ скажу, мой милый, что главное въ томъ, съ какимъ духомъ читаешь!—Вотъ я читалъ сейчасъ, какъ рыцарь ходилъ тайно по ночамъ на свиданіе съ дочерью Карла Великаго, а ночью сыпалъ небольшой снѣгъ, и по слѣдамъ дошли, и узнали обольстителя! При этомъ мнѣ пришла одна мысль: что ничто дурное не скроется отъ Бога, и если Онъ захочетъ, пошлетъ обличеніе. Слѣдовательно надо помнить всегда Его присутствіе, и всегда бояться Его всевѣденія и правды!“ — Нынче назовутъ это дѣтскими нравоученіями, и скажутъ: „кто же не знаетъ такихъ истинъ?“—Ну, это неизвѣстно, всѣ ли признаютъ ихъ нынче за истины; да не въ томъ дѣло: дѣло въ томъ настроеніи души, которое по всякому житейскому случаю припоминаетъ себѣ пути Божіи! А этого

нельзя иначе достигнуть, какъ долговременнымъ и постояннымъ воспитаніемъ души своей!

Воспитывать свою душу — вотъ въ чемъ состояла главнѣйшая работа жизни Александра Ѳедоровича. Это то, что греческіе и наши русскіе аскетическіе писатели, въ томъ числѣ и Димитрій Ростовскій, называютъ „умнымъ дѣланіемъ". Это наука древнихъ отшельниковъ и наука настоящаго монашества, которое превратилось въ одно наружное соблюденіе строгой жизни. И потому Александръ Ѳедоровичъ, кромѣ такъ-называемыхъ книгъ новѣйшихъ мистиковъ, изъ которыхъ онъ перевелъ такое множество, любилъ преимущественно и читалъ со вниманіемъ сочиненія аскетовъ о внутренней жизни, и между ними чрезвычайно дорожилъ извѣстнымъ сборникомъ, изданнымъ на славянскомъ языкѣ, подъ названіемъ „Добротолюбіе".

Но все это не мѣшало ему быть самымъ веселымъ старикомъ, который любилъ и забавное, и невинныя шутки, и потому его общество всегда было и поучительно, и привлекательно, и въ обоихъ случаяхъ всегда свободно, легко и пріятно. Его многіе посѣщали, и всѣ любили и уважали, а я сдѣлался у него ежедневнымъ....

Съ Лабзинымъ жили въ Симбирскѣ: жена его Анна Евдокимовна, которая была старѣе его лѣтами (10), и воспитанница ихъ Софья Алексѣевна Мудрова, племянница знаменитаго доктора М. Я. Мудрова. Братъ сего послѣдняго, Алексѣй, тоже врачъ и вдовецъ, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ и оставилъ послѣ себя маленькую дочь, у которой только и было родныхъ, что дядя Матвей Яковлевичъ, который въ это время только что получилъ званіе врача и отправлялся путешествовать въ чужіе краи, для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ; да и безъ того, какъ молодой человѣкъ и неженатый, онъ не могъ взять на себя воспитаніе этой дѣвочки (11). Въ этихъ обстоятельствахъ Лабзины взяли ее къ себѣ, воспитали, выучили ее языкамъ и другимъ необходимымъ предметамъ, и воспитали въ благочестіи. Они любили ее, какъ дочь, и она любила и почитала ихъ, какъ родителей, и послѣдовала за ними въ изгнаніе. Она была умна, жива, кротка и благочестива. Послѣ ихъ кончины, она вышла замужъ за г. Лайкевича и была доброю женою и хорошею матерью. Добрыя сѣмена принесли плоды, достойные такихъ воспитателей.

Мы съ Александромъ Ѳедоровичемъ ѣздили иногда вмѣстѣ въ гости, именно къ архимандриту Серафиму, а лѣтомъ за десять верстъ отъ Симбирска, въ деревню къ князю Баратаеву. Этимъ общимъ выѣздамъ было двѣ причины: во первыхъ, у Лабзина не было своихъ лошадей; а во вторыхъ, онъ любилъ мое общество, у Серафима же оно было отчасти и нужно.

Онъ любилъ Серафима, и Серафимъ любилъ его; но они были люди во многомъ разные. Серафимъ былъ человѣкъ ученый; онъ былъ нѣкогда ректоромъ Заиконоспасской Академіи и любимцемъ митрополита Платона. Но онъ былъ человѣкъ необширнаго ума и довольно раздражительный. Вѣроятно, имѣя силу при Платонѣ и будучи человѣкомъ прав-

(10) По преданію, супруга Лабзина воспитывалась у Хераскова, Херасковъ же былъ своднымъ братомъ извѣстныхъ князей Юрія и Николая Никитичей Трубецкихъ, друзей и сообщниковъ Новикова, коего Лабзинъ считалъ себя ученикомъ. *П. Б.*

(11) Это было въ началѣ 1801 г. См. подробную и любопытную біографію Мудрова въ Біогр. Словарѣ проф. Моск. Унив. М. 1855. ч. 2, стр. 120.

дивымъ, но нетерпѣливымъ, неуклончивымъ и неуступчивымъ, онъ надѣлалъ себѣ много непріятелей между духовными лицами; потому то, по кончинѣ Платона, начали всѣ его гнать и преслѣдовать и наконецъ запрятали его въ архимандриты, кажется, третьекласснаго Покровскаго монастыря въ Симбирскѣ: это было почти ссылкой для ученаго монаха, который, какъ ректоръ Академіи, былъ на пути къ архіерейству.

Александръ Ѳедоровичъ любилъ Серафима за его ласковую привѣтливость, за его хорошую жизнь и правдивость, наконецъ уважалъ и за ученость; но послѣднее качество не замѣняетъ ума, въ которомъ онъ требовалъ силы и объема, недостававшихъ Серафиму. Отъ этого происходили всякій разъ между ними жаркіе споры о предметахъ православія и вообще религіи, для обоихъ равно дорогихъ и важныхъ. Серафимъ часто не понималъ, или понималъ криво, глубокіе пути, въ которые пускался съ нимъ его посѣтитель; а Лабзинъ раздражался его противорѣчіями и непонятливостію. И потому почти всякое посѣщеніе кончалось съ обѣихъ сторонъ споромъ, раздражительностію и досадой. Вотъ въ этихъ-то случаяхъ я былъ иногда нужнымъ.

Лабзинъ уѣдетъ иногда отъ него въ досадѣ. Посмотришь, черезъ нѣсколько времени опять заговариваетъ мнѣ: „А что, не съѣздить ли намъ къ о. Серафиму?“—Я, бывало, говорю ему: „Я очень радъ быть у него съ вами, Александръ Ѳедоровичъ! Да вѣдь вы опять оба разсердитесь!“ — „Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Лабзинъ: не всегда же сердиться! Онъ, право, человѣкъ добрый!“—Поѣдемъ. Серафимъ радъ намъ отъ души и встрѣчаетъ въ восторгѣ! — А подъ конецъ вечера опять споръ, и оба разгорячатся!

Когда мы съ Лабзинымъ въ первый разъ пріѣхали въ деревню къ Баратаеву, это было въ воскресенье, а каждое воскресенье у него былъ обѣдъ, на которой собиралось большое общество изъ Симбирска. Кромѣ тѣхъ, которые, по особымъ отношеніямъ, по масонству, давно уже познакомились съ Лабзинымъ, многіе любопытствовали его видѣть, и видѣли его въ первый разъ. День былъ прекрасный; все общество сидѣло на терассѣ, обращенной въ садъ. Александра Ѳедоровича окружили эти любопытные, вѣроятно, ожидая услышать отъ него тутъ же диковинныя вещи. Онъ замѣтилъ это неприличное любопытство, подозвалъ къ себѣ мальчика-сына хозяина (который теперь и самъ уже почти старикъ), поставилъ его между колѣнъ и началъ: „Ну-ка, разскажи мнѣ, Мишенька! Что это за чудеса, что надъ нами вертятся небеса?—Что это за штуки, что раки не щуки? —И что это за проказы, что стекла не алмазы?“—и пошелъ, и пошелъ въ этомъ родѣ! Всѣ слушатели расхохотались и разошлись! Это тѣмъ болѣе всѣхъ удивило, что онъ былъ старикъ подъ шестдесятъ лѣтъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и имѣлъ Владимірскую звѣзду второй степени. Но Александръ Ѳедоровичъ не любилъ вульгарнаго удивленія, а искалъ въ людяхъ единомыслія и уваженія не къ нему, а къ ученію, которому онъ посвятилъ всю жизнь свою.

Онъ былъ и довѣрчивъ, и подозрителенъ. Однажды я уѣзжалъ на короткое время въ свою деревню, а лошадей и экипажъ оставлялъ въ Симбирскѣ. Онъ просилъ у меня позволенія пользоваться, въ мое отсутствіе, моимъ экипажемъ, на что я и согласился, и далъ объ этомъ приказаніе моему кучеру. По возвращеніи въ Симбирскъ, я замѣтилъ, что Александръ Ѳедоровичъ на

меня немножко дуется. Надобно было спросить о причинѣ.—„А, вы, батюшка, замѣтили!“ сказалъ старикъ: „я полагалъ васъ человѣкомъ вѣрнымъ; а вы только обѣщаете и не исполняете. Дрожекъ-то мнѣ безъ васъ не дали, потому что отъ васъ никакого приказу объ этомъ не было!“ Я изслѣдовалъ это дѣло. Оказалось, что посланный его спросилъ объ этомъ мальчика-форрейтора, который отвѣчалъ, что ему не приказано. Тотъ съ этимъ отвѣтомъ и возвратился, а приказаніе дано было, натурально, не мальчику, а кучеру, котораго объ этомъ и не спросили. Узнавши все дѣло, Александръ Ѳедоровичъ успокоился: какъ рукой сняло!

Въ другой разъ мы были съ нимъ на большомъ обѣдѣ у Крылова. Возвращаясь съ нимъ оттуда, я опять замѣтилъ, что онъ не въ духѣ. — „Что съ вами?“ спросилъ я.—„А вотъ что, отвѣчалъ старикъ: что вы совсѣмъ не таковы, какъ я объ васъ думалъ! Что это значитъ, что вы, какъ вошли, заговорили пофранцузски? Что это за франтовство? А потомъ безпрестанно вертѣли въ рукахъ эмалевую табакерку; чѣмъ тутъ хвастаться? Да у меня есть и съ брилліантами, да еще подарокъ государя!“ — „Только-то? спросилъ я. — „Чего же больше?“ — „Ну такъ, прошу васъ, выслушайте! Съ кѣмъ я заговорилъ пофранцузски?—Съ Николаемъ Ильичемъ Т***?“. — „Такъ! съ нимъ!“ — „Да развѣ вы не знаете, что его ничѣмъ нельзя больше одолжить, какъ заговоривъ съ нимъ пофранцузски, и что всѣ адресуются къ нему съ словомъ mon cher?“—„Ну, хорошо! а табакерка?“ — „Это у меня просто дурная привычка держать табакерку въ рукахъ; а табакерка у меня некупленная, нечего ею и хвастаться: она принадлежала моей матери, и потому я особенно люблю ее!“—Надобно было видѣть, какъ посвѣтлѣло лицо Александра Ѳедоровича, и раскаяніемъ, и радостію, что я оказался совсѣмъ не франтъ и не человѣкъ, преданный хвастовству и роскоши.....

Во все продолженіе своей жизни, которая пресѣклась однако скоро послѣ моего отъѣзда изъ Симбирска, онъ велъ со мною переписку, которая и донынѣ у меня сохраняется. Но нетерпѣливость его характера обнаруживалась и заочно. Однажды, ходя по Кремлевскому саду, я встрѣтился съ его стариннымъ пріятелемъ и братомъ по масонству, сенаторомъ Павломъ Степановичемъ Руничемъ, съ которымъ я былъ знакомъ по его же рекомендаціи. Руничъ, послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ объ Александрѣ Ѳедоровичѣ и послѣ многихъ подробныхъ освѣдомленій о его симбирскомъ житьѣ, узнавъ, что я съ нимъ въ перепискѣ, поручилъ мнѣ написать къ нему, что онъ ему кланяется, и дружески попенять, что онъ забылъ его. Я исполнилъ это порученіе. Какой же я получилъ отъ Александра Ѳедоровича отвѣтъ?—Онъ поручалъ мнѣ сказать Руничу, что если хотѣть поддержать прежнюю ихъ дружбу, то теперь не ему, а самому Руничу слѣдуетъ поддерживать. Вмѣстѣ съ этимъ онъ поручалъ сдѣлать ему и многіе упреки, напримѣръ: что при высылкѣ его изъ Петербурга сынъ Рунича не смѣлъ пріѣхать къ нему проститься, и что онъ самъ не отвѣчалъ на его письма, и не увѣдомилъ даже о какомъ-то старикѣ, живъ ли онъ, и проч. Само собою разумѣется, что я ничего этого не исполнилъ; да и самъ Александръ Ѳедоровичъ, я думаю, не ожидалъ исполненія и вскорѣ раскаялся въ своей вспышкѣ. Я пишу объ этомъ только, чтобъ вполнѣ обозначить его характеръ, и показать, какъ натура беретъ верхъ и надъ такими людьми,

которые много надъ укрощеніемъ ея работали.

Симбирской жизнію своей онъ былъ наконецъ очень доволенъ, такъ что однажды онъ говорилъ мнѣ съ чувствомъ: „Я думалъ, что, уѣзжая изъ Петербурга, я оставляю тамъ друзей, какихъ ужъ не нажить; но вмѣсто того я нашелъ здѣсь такихъ искреннихъ и добрыхъ друзей, какихъ у меня и тамъ не было!"—Вообще онъ былъ въ спокойномъ расположеніи духа, но нельзя сказать, чтобъ его совсѣмъ не тревожило его фальшивое положеніе. Отъ 8 ноября 1823 года онъ писалъ ко мнѣ: „Позвольте самолюбію человѣческому полюбопытствовать у васъ: какимъ я кажусь „въ глазахъ вашего дядюшки, почитаетъ „ли онъ меня за преступника, наказан„наго, или застрадальца, невинно впад„шаго въ сіе несчастіе?" Кажется, его занимало мнѣніе и другихъ значительныхъ лицъ. Въ началѣ 1824 года онъ писалъ ко мнѣ: „Вѣроятно вы видаетесь „иногда съ графомъ Ѳ. В. Растопчи„нымъ. Нѣкогда онъ былъ моимъ на„чальникомъ по службѣ, и одинъ изъ „всѣхъ начальниковъ, который, кажется, „зналъ мнѣ цѣну. И такъ прошу васъ „при случаѣ возобновить меня въ его „памяти, и донести ему, что я самъ „писать къ нему не смѣю, не потому, „чтобы я въ немъ сомнѣвался: надѣюсь „также, что и онъ во мнѣ не усом„нится; а по почтовымъ обстоятель„ствамъ, ему не безъизвѣстнымъ, опа„саясь, чтобъ не нанесть тѣмъ какого „вреда ему, или себѣ, когда донесено „будетъ, что у меня переписка съ гра„фомъ."—А графъ Растопчинъ былъ въ это время самъ въ немилости и жилъ почти отшельникомъ. Конечно, ихъ положеніе было совсѣмъ различно! Я хочу сказать только одно: что человѣческое беретъ верхъ и въ такомъ человѣкѣ, который весь, кажется, преданъ неземному, и прозрѣваетъ лучшее этой треволненной жизни.

Но всего болѣе свидѣтельствуютъ о мирномъ и христіанскомъ состояніи души его стихи, написанные имъ въ ноябрѣ 1823 г. подъ заглавіемъ: *Къ женѣ моей.* Вотъ какъ, обращаясь съ молитвою къ Богу, говоритъ онъ о своихъ врагахъ:

«Прими во власть Твою святую
Равно и всѣхъ враговъ моихъ;
Подай имъ участь преблагую,
Ущедри милостію ихъ,
И, превращая зло во благо,
Не подавай Ты имъ инаго,
Какъ милость щедрую Твою,
Да за меня никто не страждетъ,
Но паче всякъ къ Тебѣ возжаждетъ:
Я судъ и милость воспою!»

Чтобы не прерывать моего повѣствованія, я кончу заодно расказъ всего, что̀ знаю о Лабзинѣ. Онъ подверженъ былъ падучей болѣзни, и вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Симбирска, въ концѣ осени, имѣлъ сильный припадокъ: три дня почитали его почти уже умершимъ; однако на этотъ разъ Господь сохранилъ его. Онъ скончался, кажется, въ концѣ 1824 года, и похороненъ былъ въ Покровскомъ монастырѣ, у Серафима.

Послѣ его кончины, жена его, Анна Евдокимовна, женщина тоже примѣрнаго благочестія, осталась конечно свободною отъ изгнанія; но чѣмъ жить и куда ѣхать? — Въ этомъ неисходномъ положеніи, Мудровъ пригласилъ ее съ племянницей къ себѣ, въ Москву. У него въ домѣ, гдѣ онъ жилъ самъ, на Прѣсненскихъ прудахъ, не было для нихъ помѣщенія, но онъ немедленно началъ дѣлать пристройку, увѣдомилъ объ этомъ Анну Евдокимовну, и она съ Софьей Алексѣевной пріѣхала къ нему. Здѣсь я нерѣдко посѣщалъ ее. Однажды она поручила мнѣ, зная мою любовь къ Алек-

сандру Өедоровичу, написать въ стихахъ эпитафію для его памятника. Я написалъ ее и привезъ къ ней въ свѣтлое воскресенье ([12]).

На могилѣ его поставленъ изъ дикаго камня крестъ, какъ бы изъ неотесанныхъ деревъ, и на немъ помѣщена, вырѣзанная на бронзовой дощечкѣ, эта надпись.

Многимъ дѣйствительно открылъ Александръ Өеодоровичъ путь къ Спасителеву слову; многихъ ввелъ и въ глубину тайнъ христіанской религіи. Я не могу никакъ считать себя въ числѣ послѣднихъ: но и я, что̀ узналъ къ убѣжденію себя въ неопровержимой ея истинѣ, этимъ я обязанъ ему же, и потому въ сердцѣ моемъ сохраняется къ нему вѣчная благодарность и вѣчная память.

Раскажу еще кстати о Лабзиныхъ одно странное происшествіе, которому, кто хочетъ, можетъ и не повѣрить; но которое я, по совѣсти, утверждаю за истинное; ибо въ устахъ такихъ людей не могло быть лживой выдумки.

Анна Евдокимовна была за первымъ мужемъ, за какимъ - то начальникомъ ссыльныхъ, и жила съ нимъ въ Сибири. Тамъ познакомился съ ними одинъ персіянинъ, который ходилъ къ нимъ часто и былъ принимаемъ очень дружелюбно. Когда въ послѣдствіи времени она вышла за Александра Өедоровича, и жила съ нимъ въ Петербургѣ, туда пріѣзжало (кажется, въ 1816 году) персидское посольство, и знакомый ей персіянинъ былъ въ свитѣ посланника. Онъ отыскалъ ихъ, познакомился съ Лабзинымъ и по прежнему сталъ навѣщать ихъ. При отъѣздѣ посольства, бывши у нихъ, онъ сказалъ, что еще одинъ разъ можетъ посѣтить ихъ и потомъ уѣдетъ. Анна Евдокимовна сказала ему шутя, что надобно бы ему оставить ей что нибудь на память. Онъ отвѣчалъ серьозно, что принесетъ и отдастъ на прощаньи. Пришедши къ нимъ въ послѣдній разъ, онъ принесъ ей три рѣзныхъ сердолика и сказалъ: «Вы эти камни берегите; они вамъ понадобятся. Можетъ быть, когда нибудь васъ пошлютъ въ изгнаніе, а у васъ не будетъ денегъ; тогда, кто первый доставитъ вамъ сумму на проѣздъ, тому подарите вы одинъ изъ этихъ камней. Можетъ быть, на мѣстѣ изгнанія, вы будете лишены самыхъ первыхъ потребностей жизни; тогда кто первый доставитъ вамъ необходимое, тому вы подарите другой камень. А можетъ быть, вы будете въ такомъ положеніи, что у васъ не будетъ и крыши; тогда, кто васъ приметъ въ свой домъ, тому подарите вы третій камень». — Анна Евдокимовна совсѣмъ забыла объ этихъ камняхъ; но однажды въ Петербургѣ, разбирая сундукъ, нашла на самомъ днѣ что-то завернутое въ бумажку. Она увидѣла въ ней камни, и тогда только вспомнила предсказаніе. Я описалъ уже ссылку Лабзина; мнѣ остается только сказать, что все совершилось по предсказанію. Тогда, по полученіи 2 тысячь на дорогу отъ князя А. Н. Голицына, они подарили ему первый камень. По полученіи въ Сенгилеѣ припасовъ отъ П. П. Тургенева, ему подарили они второй камень. Третій камень, обдѣланный въ перстень, носилъ самъ Александръ Өедоровичъ; но когда, послѣ его кончины, Мудровъ пріютилъ въ своемъ домѣ вдову его, она подарила этотъ перстень съ третьимъ камнемъ — Мудрову. На всѣхъ трехъ камняхъ рѣзьба была одинакая: небесный шаръ съ звѣздами, въ немъ крестъ; средина креста покрыта вся треугольникомъ, на которомъ написано по еврейски имя Божіе; сверху шара и креста надпись: in cruce salus ([13]); внизу креста двѣ извѣстныя въ масонствѣ ко-

([12]) См. выше стр. 836.

([13]) Въ крестѣ спасеніе.

лоны J и В, и между ними наугольникъ и циркуль, въ обратномъ одинъ къ другому положеніи, а подъ шаромъ цифры 135. Тѣмъ страннѣе такое изображеніе на этихъ камняхъ, что персіянинъ былъ, само собою разумѣется, магометанинъ. Нынѣ этотъ перстень находится у доктора медицины Михаила Константиновича Гульковскаго....

III. Къ женѣ моей.

(Неизданное стихотвореніе А. Ѳ. Лабзина).

О ты, что въ горести напрасно
Крушишься, добрая жена!
Того нещастье не ужасно,
Въ комъ твердость съ вѣрой спряжена.
Смотри: твой мужъ не унываетъ,
Какъ будто въ щастьи пребываетъ
И бодрою стопой идетъ;
Лишенъ всего, какъ все имѣетъ,
Въ болѣзни, въ скорби не слабѣетъ,
Надежно вѣритъ, терпитъ, ждетъ.

Воспомни, какъ мы денно-ночно
Съ тобою толковали жить,
Чтобы и въ явѣ и заочно
Безмездно Господу служить;
Любить всѣхъ ближнихъ въ мірѣ цѣломъ,
Не словомъ только, самымъ дѣломъ,
Гнушаясь суеты и тьмы;
Воспомни образъ твой любимый (1),
Предъ коимъ, благостью водимы,
Толь часто повергались мы.

Вездѣ кресты на сей картинѣ,
Но не страшитъ насъ крестный путь:
Изволь же на крестѣ ты нынѣ
Спокойно также отдохнуть.
Чему ты мысленно училась,
Та самая судьба случилась,
И намъ ужъ къ ней не привыкать:
Воспомни, какъ тогда мы оба
Рѣшались какъ нибудь до гроба
Прожить, и щастья тамъ искать!

Чего жъ въ сей бѣдственной юдоли
Съ тобой намъ было ожидать?
Не безъ Его то сталось воли,
И крестъ Его есть благодать.
Онъ ихъ дастъ своимъ любимцамъ (2),
Небеснымъ, не земнымъ, щастливцамъ:
Ужли жъ намъ плакать отъ того,
Что мы собой тожъ испытали
И включены чрезъ это стали
Въ число учениковъ Его (3)?

Его кто слову точно внемлетъ,
Съ покорностію крестъ несетъ,
Охотно онъ Его подъемлетъ!
Мня, что себя онъ тѣмъ спасетъ,
И о сложеніи не проситъ,
Но мысли всѣ къ Тому возноситъ,
Кто къ мудрому ведетъ концу,
Судьбой людскою не играетъ,
Но милуетъ кого караетъ:
Довѣримся сему Отцу!

Пути Его въ началѣ темны,
Но проясняются въ концѣ;
Всѣ наши взгляды слишкомъ зёмны,
Чтобъ зрѣть небесное въ лице.
Судьбы Его непостижимы,
Въ Его десницѣ содержимы,
Текутъ всегда прямой чертой;
Онѣ вскрываются и долу,
Когда кто къ горнему престолу,
Взоръ умственный возводитъ свой.

Прими сіе во уваженье,
Какъ новой милости къ намъ плодъ,
Что въ нашемъ здѣсь уничиженьи
Безбѣдно провели мы годъ
Кто насъ хранилъ, снабжалъ, покоилъ?—
Господь все благодатно строилъ
Чрезъ истинныхъ рабовъ своихъ:
Кого въ лице мы не знавали,
Тѣ насъ любовно принимали,
Какъ будто бы своихъ родныхъ.

(1) Любимые ея образа, стоявшіе у ней въ спальнѣ, были:

1. Христосъ весь въ крестахъ, коего образчикъ напечатанъ при книгѣ: Таинство креста.

2. Христосъ-Младенецъ, почивающій на крестѣ.

(2) Іоан. XIII. 1. XV. 19. Матѳ. X. 16.

(3) Лук. XIV. 27.

И всѣхъ сомнѣній въ разрѣшенье,
Средь нашихъ горестей и бѣдъ,
Прими еще во утѣшенье,
Что неизмѣнно намъ во слѣдъ
Сопутствуетъ Господня милость,
Не допуская нашу хилость
Въ изгнаньи нашемъ умереть.
Кто жъ такъ о насъ всегда печется,
Конечно Тотъ не отречется
Насъ также миловать и впредь.

Не предъ твоими ли очами
Три дни я былъ почти ужъ мертвъ?
Но въ часъ тотъ, какъ шестью врачами
Включенъ въ число былъ смерти жертвъ,
Я ожилъ! — Кто меня возставилъ?
Когда жъ Онъ здѣсь меня оставилъ,
То стало здѣсь я долженъ жить.
На что-то мужъ твой, видно, нуженъ;
А чтобъ онъ былъ къ тому досуженъ,
Онъ дастъ и силы то свершить.

Воспомни, какъ и здѣсь трикраты
Послѣдній испускалъ я вздохъ:
Но спасъ тебя отъ сей утраты
Опять премилосердный Богъ.
О чемъ же ты, мой другъ, крушишься?
Меня ты вѣрно не лишишься,
Когда подъ кровомъ я небесъ.
Жить велѣно и — жить я буду,
А милость Божія къ намъ всюду:
О чемъ же лить потоки слезъ?

На что я надобенъ? Не знаю,
И мудрено то угадать:
Но то я вѣрно постигаю,
Что не на то, чтобы ѣсть, пить, спать.
Какая бъ ни была намъ доля,
Его да будетъ съ нами воля!
Онъ милосердъ, отецъ щедротъ!
Мы вѣрно въ томъ не постыдимся,
Когда Ему всѣ предадимся
И предадимъ весь нашъ животъ.

Вонми, благій и всемогущій,
Раба моленью Твоего:
Да духъ Твой всюду присно-сущій
Не отвратится отъ него!
Ты къ намъ одной любовью дышешь,
Ты воздыханья наши слышишь
И проникаешь внутрь сердецъ;
Ты вѣдаешь то самъ, о Боже!
Что въ свѣтѣ намъ всего дороже
Твоими вѣчно быть, отецъ!

Ты всѣхъ зовешь къ усыновленью,
Ты призываешь и меня,
Ко Твоему благоволенью
Дерзаю прибѣгать и я.
Не стоя быть Твоимъ я сыномъ,
Молю Тебя о томъ единомъ:
Да буду я Твоимъ рабомъ,
И въ вящшую душѣ отраду,
Къ тому приставленъ винограду,
Который есть Твой градъ и домъ.

Репейникъ смоквъ не производитъ,
Ниже смоковница репья (4);
Благое всякое приходитъ,
Отецъ свѣтовъ, намъ отъ Тебя (5).
Не есть ли то Твое избранье (6),
Что въ многихъ родилось желанье
Искать Тебя черезъ меня?
И Ты благословлялъ то явно,
Благословилъ еще не давно
Плодомъ! — Но что такое я?

Убогій, слабый, маломощный,
Слѣпой и бренной человѣкъ,
Безъ способовъ и безпомощный,
Тѣснимый въ мірѣ весь свой вѣкъ.
Но я предъ правдою Твоею
На то сослаться смѣло смѣю,
Что̀ Ты въ сердцахъ ихъ возращалъ (7).
Ты никого не презираешь
И самъ Себѣ слугъ избираешь (8);
Я это щастье испыталъ.

Какъ вѣтвь, плода не приносящу,
Когда меня ты не отсѣкъ:
То благодать животворящу
Пролей на остальной мой вѣкъ:
Черезъ страданья, искушенья
Очисть во мнѣ всѣ побужденья,
Какъ вѣтвь меня отереби (9);

---

(4) Матѳ. VII. 16—18.
(5) Іак. I. 17.
(6) 2. Петр. I. 10. Рим. VIII. 30.
(7) I. Коринѳ. III. 6.
(8) Іоан. XV. 16. 1. Коринѳ. I. 27—28.
(9) Іоан. XV. 2.

Чтобъ духъ поставить мой въ покоѣ,
На дѣло Ты меня святое
Твое еще употреби.

Включи и всѣхъ моихъ любезныхъ,
Родныхъ, пріятелей, друзей,
Да въ подвигахъ всегда полезныхъ
Прямою шествуютъ стезей;
Причисли къ нимъ и тѣхъ немногихъ,
Кто милуетъ Твоихъ убогихъ,
Ты имъ сторицею воздай
За насъ и за другихъ подобныхъ;
Содѣлавъ ихъ къ тому удобныхъ,
Ты всѣми ими обладай!

Прими во власть Твою святую
Равно и всѣхъ враговъ моихъ:
Подай имъ участь преблагую,
Ущедри милостію ихъ
И, превращая зло во благо,
Не подавай Ты имъ инаго,
Какъ милость щедрую Твою;
Да за меня никто не страждетъ,
Но паче всякъ къ Тебѣ возжаждетъ:
Я судъ и милость воспою!

Ѳеопемптъ Мисаиловъ (10).

Ноября дня
1823 года.
Симбирскъ.

(Сообщено М. А. Дмитріевымъ).

(10) Обыкновенный псевдонимъ Лабзина.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА (*).

V. ПИСЬМО К. Н. БАТЮШКОВА.

Парижъ 17 мая 1814 г.

Милый, добрый, любезный другъ, ты имѣешь право сердиться на меня за мое молчаніе; я имѣю маленькое право: но простимъ великодушно другъ другу лѣнь и беззаботливость нашу. Дай себя обнять... и все забыто. По крайней мѣрѣ я съ моей стороны съ удовольствіемъ живѣйшимъ беру перо, чтобъ напомнить о себѣ. И виноватъ ли я въ самомъ дѣлѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Петербургъ, и, еще болѣе, съ тѣхъ поръ, какъ мы переступили за Рейнъ, ни одного дня истинно покойнаго не имѣлъ. Безпрестанные марши, биваки, сраженія, ретирады, усталость душевная и тѣлесная, однимъ словомъ, вѣчное безпокойство: вотъ моя исторія. Замѣть однакоже, что при всякомъ отдыхѣ, я думалъ о тебѣ и о Россіи. Нѣтъ, милый мой Вяземскій, тѣсно связана жизнь наша, слишкомъ тѣсно, чтобъ когда либо мы могли забыть другъ друга. Вотъ мое извиненіе: твое я выслушаю въ Москвѣ или на берегахъ Невы, гдѣ Богу угодно будетъ назначить намъ свиданіе — столь желанное мною! Ни слова теперь не скажу о Парижѣ. Два мѣсяца я живу здѣсь, въ безпрерывномъ шумѣ и движеніи. На силу и теперь отдохнулъ во время моей болѣзни, которая меня передъ отъѣздомъ недѣлю продержала въ постели. Сѣверинъ меня часто посѣщалъ. Онъ сегодня отправился въ Лондонъ, куда и я намѣренъ ѣхать, если что важное не воспрепятствуетъ. Сѣверинъ добрый, любезный молодой человѣкъ; я его еще

(*) См. выше, стр. 217—254 и 473—512.

болѣе здѣсь полюбилъ. Съ нимъ-то мы часто бесѣдовали о тебѣ и часто вспоминали старину, Москву, Жуковскаго и все что̀ было и любитъ сердце.

Теперь, разбирая бумаги, я нахожу записки мои; когда нибудь мы ихъ переберемъ вмѣстѣ, они тебѣ приписаны [1]). Вотъ доказательство, что я тебя помнилъ и посреди шуму военнаго. Сожалѣю отъ всей души, что ничего не успѣлъ написать о Парижѣ. Здѣсь что день, то эпоха. Но возможно ли было сообразить политическія происшествія, которыя тѣснились одно за другимъ? Можно ли было замѣчать мимоходомъ то, что̀ принадлежитъ исторіи; переходить отъ Брюне ([2]) къ Наполеону; ибо и тотъ и другой меня интересовали одинаково, къ стыду моему. Прибавь къ этому безпокойнѣйшую жизнь офицера въ хаосѣ Парижскомъ, и ты конечно извинишь мою лѣность. Но еще разъ, и въ послѣдній, я съ удовольствіемъ воображаю себѣ минуту нашего соединенія: мы выпишемъ Жуковскаго, Сѣверина; возобновимъ старинный кругъ знакомыхъ, и на пеплѣ Москвы, въ объятіяхъ дружбы, найдемъ еще сладостную минуту; будемъ разсказывать наши подвиги, наши горести, и, притаясь гдѣ нибудь въ углу, *мы будемъ чашу ликовую* передавать изъ рукъ въ руки... Вотъ мои желанія, мои надежды. Я забылъ, что океанъ раздѣляетъ насъ – и что, можетъ быть, не ранѣе августа я могу возвратиться въ Петербургъ. Эта мысль меня печалитъ, отдыхъ мнѣ нуженъ, а болѣе всего твое утѣшительное дружество.

([1]) Записокъ этихъ не имѣю и никогда не видалъ. Не помню даже, чтобы послѣ, при свиданіи нашемъ, Батюшковъ мнѣ о нихъ говорилъ. *Кн. В.*

([2]) Славный комическій актеръ того времени.

Прости мнѣ, милый другъ, что я не буду говорить съ тобой ни о Пантеонѣ, ни о Музеѣ; ты знаешь всѣ рѣдкости Парижа на перечетъ; ты знаешь подвиги наши по газетамъ и по одамъ графа Хлыстова. Съ тебя этого довольно. Я въ Парижъ въѣхалъ съ восхищеніемъ, и оставляю его съ радостію. Еще разъ обнимаю тебя отъ всей души; напомни обо мнѣ княгинѣ; напомни обо мнѣ почтенному семейству Карамзиныхъ; поздравь Николая Михайловича съ нашими побѣдами, и съ новыми матеріалами для исторіи. Я желаю, чтобъ Богъ продлилъ ему жизни для описанія нынѣшнихъ происшествій—двойная выгода: у насъ будетъ прекрасная полная исторія, и Николай Михайловичь будетъ жить болѣе вѣка. Сколько матеріаловъ!..

Прости, будь щастливъ и помни.

Батюшковъ.

Это письмо отдай Пушкиной ([3]); обними за меня Василія Львовича; скажи

([3]) Женѣ Алексѣя Михайловича Пушкина, собесѣдника и пріятеля нашего, блестѣвшаго остроуміемъ, парадоксами и оригинальностію понятій и сужденій своихъ, которыя онъ выражалъ равно оригинально, энергически и экцентрически. Для оцѣнки и возсозданія той эпохи, надобно когда нибудь обрисовать эту замѣчательную личность, которая выпукло выдавалась изъ среды общества, богатаго личностями. Слова Батюшкова о пророчествѣ относятся къ тому, что Пушкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ отечественной войны. Солнцевъ былъ женатъ на одной изъ сестеръ В. Л. Пушкина. Не лишне здѣсь замѣтить, что стихи, на него написанные: „Жилъ да былъ пѣтухъ Индѣйской" напрасно приписываютъ А. С. Пушкину. Они принадлежатъ Баратынскому. Вообще, въ посмертныхъ изданіяхъ Пушкина, а особенно въ заграничныхъ, мно-

мой душевный поклонъ его сестрицѣ и Солнцеву, и скажи Алексѣю Михайловичу, что онъ худой пророкъ; онъ это теперь и самъ чувствуетъ. Nul n'a été prophète dans son pays.

VI. ПИСЬМА ВЪ СТИХАХЪ В. А. ЖУКОВСКАГО.

1.

Preambule.

На этой почтѣ все въ стихахъ,
А низкой прозою ни слова!
Вотъ два посланья вамъ!— Обнова,
Которую для Музъ скроилъ я въ торопяхъ.
Одно изъ нихъ для васъ, а не для свѣта:
Въ немъ просто критика и запросто одѣта
Въ простой, нестихотворный слогъ!
Другимъ я отвѣчать хотѣлъ вамъ на посланья,
Въ надеждѣ заслужить рукоплесканья
Отъ всѣхъ, кому знакомъ Парнасскій богъ.
Но вижу, что меня попутала поспѣшность.
Въ моемъ посланіи великая погрѣшность!
Слогъ правиленъ и чистъ, но въ этомъ славы нѣтъ!
При васъ, друзья, писать нечистымъ слогомъ стыдно,
Но связи въ немъ не видно,
А видно, что спѣшилъ поэтъ!
Нѣтъ въ мысляхъ полноты и нѣтъ соединенья,
А кое-гдѣ есть повторенья!
Но такъ и быть!
„Бѣдой своей ума намъ можно прикупить!"
Такъ Дмитріевъ, пророкъ и вкуса и Парнасса,
Сказалъ давно!
И аксіомой быть для насъ теперь должно:
1 „Чтò въ часъ сотворено,
„То не живетъ и часа!
2 „Лишь то, чтò писано съ трудомъ, читать легко!
3 „Кто хочетъ вдругъ замчаться далеко,
„Тотъ въ хлопотахъ умчитъ и глупость за собою!
4 „Спѣши не торопись, но твердою стопою
"И не на шагъ *впередъ*,
„Покуда *тѣмъ что есть* не сдѣлался довольнымъ,
„Пока назадъ смотрѣть не можешь съ духомъ вольнымъ:
„Иначе *отъ задовъ переднее* умретъ,
„Или напишутся однѣ *иносказанья*!" (*)
Простите. Ваши же посланья
Оставлю у себя, чтобы друзьямъ прочесть!
У васъ ихъ списокъ есть.
Къ тому же Вяземскій велитъ жить осторожно:
Онъ у меня свои стихи безбожно
На время выпросивъ, на вѣчность удержалъ;
Прислать ихъ обѣщалъ,
Но все не присылаетъ;
Когда жъ пришлетъ,

го встрѣчается подобныхъ поклеповъ на память поэта. Въ отношеніи къ мертвымъ, должно поступать осторожно и добросовѣстно, а не на угадъ. Всякое нарушеніе этого правила, въ угоду и дань соблазну, есть своего рода святотатство. Между прочими примѣрами (хотя тутъ ничего нѣтъ предосудительнаго, а есть одна ошибка) многіе приписывали Александру Сергѣевичу стихи Алексѣя Михайловича Пушкина, напечатанные въ Вѣст: Європ: за подписью А. П. Въ Москвѣ разнесся слухъ, что взятъ былъ въ плѣнъ маршалъ Ней, пожалованный Наполеономъ I въ prince de la *Moskwa*. А. М. Пушкинъ по этому случаю написалъ:

Какое торжество мы приготовимъ Нею?—
Въ Москву-рѣку его опустимъ мы по шею,
И скажемъ: торжествуй, великій князь Москвы,
Въ владѣніяхъ своихъ ты съ ногъ до головы.

(*) См ниже въ объясненіяхъ.

Объ этомъ знаетъ тотъ,
Кто будущее знаетъ.

Милостивые государи, имѣю честь пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Василій Жуковскій.

2.

Милостивый государь Василій Львовичь и ваше сіятельство князь Петръ Андреевичъ.

Вотъ прямо одолжили,
Друзья! Вы и меня стихи писать взманили!
Посланья ваши—въ добрый часъ сказать,
Въ худой же помолчать —
Прекрасныя, и вамъ ихъ Граціи внушили.
Но вы желаете *херовъ*,
И я хоть тысячу начеркать ихъ готовъ,
Но только съ тѣмъ, чтобы въ Зоилы
И самозванцы-судіи
Меня не завели мои
Перо, бумага и чернилы.
Послушай, Пушкинъ другъ, твой слогъ отмѣнно чистъ!
Грамматика тебя угодникомъ считаетъ,
И никогда твой вкусъ не ковыляетъ —
Но кажется, что ты подъ часъ многорѣчистъ,
Что стихотворный жаръ твой могъ бы быть живѣе,
А выраженія короче и сильнѣе.
Еще же есть и то, что ты мой другъ, подъ часъ,
Предметъ свой забываешь.
Твое посланье въ томъ, живой примѣръ для насъ.
Въ началѣ ты *завистникамъ* пѣняешь:
„Зоилы жить намъ не даютъ!"
Такъ пишешь ты. — "При нихъ нѣмѣетъ дарованье;
„Отъ ихъ гоненія одинъ пѣвцу пріютъ—
„Молчанье!"
Потомъ ты говоришь: „И я любилъ писать,
„Противъ нелѣпости *глупцовъ* вооружался;
„Но Геній мой и гнѣвъ напрасно истощался:
„Не могъ безумцевъ я унять!
„Скорѣе бороды́ ихъ оды выростаютъ,
„И бритву критики лишь только притупляютъ;
„И такъ пришлось молчать!"—
Теперь скажижь мнѣ: что̀ причиною молчанья
Должно быть для пѣвца?
Гоненья ль *зависти*, или *иносказанья*
И оды пачкуновъ безъ смысла, безъ конца?
Но тутъ и всѣ погрѣшности посланья!
На немъ лишь пятнушко одно,
А не пятно!
Разсказъ твой очень милъ, онъ кстати, легокъ, ясенъ!
Конецъ прекрасенъ!
Воображеніе мое онъ такъ кольнулъ,
Что я, передъ собой ужъ всѣхъ васъ видя *въ сборѣ*,
Разинулъ ротъ, чтобы въ гремящемъ вашемъ хорѣ
Веселію кричать: *ура*! и протянулъ
Ужъ руку, не найдуль волшебнаго бокала!
Но ахъ моя рука поймала
Лишь *друга юности и всякихъ лѣтъ* (*),
А васъ моихъ друзей, вина и счастья нѣтъ!...
Теперь ты, Вяземской, безцѣнной мой поэтъ,
Передъ судилище явись съ твоимъ посланьемъ.
Мой другъ, твои стихи блистаютъ дарованьемъ,
Какъ дневный свѣтъ.
Характеръ въ слогѣ твой есть точность выраженья,
Искусство — простоту съ убранствомъ соглашать,
Что должно *въ двухъ словахъ*, то въ двухъ словахъ сказать,
И красками воображенья
Простую мысль для чувства рисовать!
Къ чему жъ тебя твой даръ влечетъ, еще не знаю;
Но увѣряю,
Что Ѳебова печать на всѣхъ твоихъ стихахъ.
Ты въ *пѣснѣ* съ легкостью порхаешь на цвѣтахъ,

(*) См. ниже въ объясненіяхъ.

Ты Риѳмина убить способенъ *эпиграммой.*
Но и высокое тебѣ не высоко!
Воображеніе съ тобою не упрямо,
И для тебя летать за нимъ легко
По высотамъ и по лугамъ Парнасса.
Пиши—тогда скажу точнѣй, какой твой родъ;
Но сомнѣваюся, чтобъ лѣнь-хромой уродъ,
Которое живетъ не для вѣковъ, для часа,
Тебѣ за пѣсеньку перелетать дала,
А много, много за посланье!
Но кстати о посланьѣ,
О немъ вѣдь, кажется, въ началѣ рѣчь была.
Посланіе твое *малютка*, но прекрасно!
И всё въ немъ коротко да ясно!
У каждаго свой вкусъ, свой судъ и голосъ свой!
Прелестный стихъ и точно твой!
Языкъ ихъ — брань; искусство —
Пристрастьемъ заглушать священной правды чувство;
А Демонъ зависти — ихъ мрачной Аполлонъ!
Вотъ сила съ точностью и скромной простотою!
Послѣдній стихъ — огонь! Надъ трепетной толпою
Глупцовъ, какъ метеоръ ужасный свѣтитъ онъ!
Но, другъ, не правда ли, что здѣсь твое *потомство*
Не къ смыслу привело, а къ риѳмѣ *вѣроломство.*
Скажи: кто этому словцу отецъ и мать?
Извѣстно: дѣвственная *вѣра*,
И буйственный глаголъ: *ломать*!
Смотри же! ни въ одныхъ стихахъ твоихъ примѣра
Такой ошибки нѣтъ! Вопросъ:
О комъ ты говоришь въ посланьѣ?
О глупыхъ судіяхъ, которыхъ толкованье
Лишь *косо* потому, что ихъ разсудокъ *косъ!*
Гдѣ жъ *вѣроломство* тутъ? Оно лишь тамъ бываетъ,
Гдѣ на довѣренность прекрасныя души
Предательствомъ злодѣй коварный отвѣчаетъ!
Хоть тысячу Зоилъ пасквилей напиши,
Не вѣроломнымъ свѣтъ хулителя признаетъ,
А злымъ завистникомъ иль попросту глупцомъ!
Позволь же заклеймить херомъ
Твое мнѣ *вѣроломство.*
„Не трогай—ты кричишь—я вижу, ты хитрецъ!
„Ты въ этой тяжбѣ самъ судья и самъ истецъ!
„Ты изъ моихъ стиховъ *потомство*
„Въ свои стихи отмежевалъ
„Да въ подтвержденіе Ѳебова закона
„Еще и добрую статейку пріискалъ!
„Не тронь! Иль къ самому престолу Аполлона
„Я съ апелляціей пойду!
„И въ мигъ съ тобой процессъ за риѳму заведу!“
—Мой другъ, не горячись! отдай мнѣ *вѣроломство!*
Грабитель ты, не я!
И умъ, правдивый судія,
Не на твое, а на мое *потомство!*
Ему быть риѳмой данъ приказъ,
А Ѳебъ ужъ подписалъ и именной указъ.
Повѣрь: я стою не укора,
А похвалы;
Вотъ *доказательство! Какъ волны отъ скалы,*
Оно несется вспять! такой стишокъ умора!
А слѣдующій стихъ, блистательный на взглядъ,
Что вѣкъ Зоила? — день! вѣкъ Генія — потомство!
Есть лишь безсмыслицы обманчивый нарядъ,
Есть настоящее разсудка *вѣроломство!*
Сначала обольстилъ и мой разсудокъ онъ;
Но .... съ нами буди Аполлонъ,
И словомъ, какъ глупецъ надменный
На высоту честей фортуной вознесенный,
Забывъ свой низкій родъ,
Дивитъ другихъ глупцовъ богатствомъ и чинами,
Такъ точно этотъ стихъ уродъ
Дивитъ невѣжество нарядными словами!
Но мигомъ можетъ вкусъ обманщика сразить,

Сказавъ, разсудку въ подтвержденье:
Нельзя потомству вѣкомъ быть!
Но станется и то, что и мое рѣшенье
Своимъ *быть по сему!*
Скрѣпить богъ Пинда не рѣшится!
Да признаюсь, и самъ я радъ бы ошибиться:
Люблю я этотъ стихъ на перекоръ уму!
Еще одно пустое замѣчанье:
Укрывшихся вѣковъ! Намъ укрываться страхъ
Велитъ, а *страха* нѣтъ въ *вѣкахъ?*
И такъ, *укрывшихся*—въ изгнанье.
Не вѣдаетъ враговъ! Не знаетъ о врагахъ!
Такъ точность строгая писать повелѣваетъ,
И Муза точности законъ принять должна!
Но лучше самаго спроси Карамзина!
Кого не вѣдаетъ или *о комъ* не знаетъ,
По самой точности точнѣй онъ долженъ знать!
Вотъ все что̀ о твоемъ посланьѣ,
Прелестный мой поэтъ, я могъ тебѣ сказать.
Чуръ не пенять на доброе желанье!
Когда жъ ошибся я, бѣды въ ошибкѣ нѣтъ!
При этой *критикѣ* есть и *отвѣтъ*,
Прочти и сдѣлай замѣчанье.
А въ заключеніе, обоимъ вамъ совѣтъ:
„Когда завистниковъ свести съ ума хотите,
„И вытащить глупцовъ изъ тьмы на бѣлый свѣтъ —
„Пишите!“

3.

Благодарю, мой другъ тебя за доставленье
Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ!
На Волгѣ (*) встрѣтилось съ тобою вдохновенье!
Ты съ крутизны ея лѣсистыхъ береговъ,
Смотря на пышныя окрестностей картины,
Съ природы списокъ намъ похожій написалъ.

(*) См стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго: *Вечеръ на Волгѣ,* въ Дорогѣ и Дома, стр. 57 и д.

И я тебѣ во слѣдъ мечтою пробѣгалъ
Прибрежныхъ скалъ вершины,
Смотрѣлъ, какъ быстрые крылатые струга,
Сокровищъ земледѣлья полны,
Рулями острыми разрѣзывали волны,
Какъ селы между рощъ пестрили берега;
Какъ дымъ ихъ, тонкими подъемлясь столбами,
Взвивался и бѣлѣлъ на синевѣ лѣсовъ,
И медленно всходя сливался съ облаками —
Вотъ, что, по милости, мой другъ, твоихъ стиховъ,
Какъ на яву, я видѣлъ предъ собою.
Прочелъ я ихъ одинъ, потомъ прочли со мною
Тургеневъ съ Гнѣдичемъ, и Блудовъ, и Дашковъ.
Потомъ и критику-богиню пригласили
Ихъ съ хладнокровіемъ, ей сроднымъ, прочитать.
Мы, слушая ее, стихи твои херили,
Тебѣ же по херамъ осталось поправлять!
Вотъ *общій* приговоръ богини безпристрастной:
„Вашъ Вяземскій прямой поэтъ!
„Онъ ищетъ простоты, но простоты прекрасной;
„И вялости въ его стихахъ признака нѣтъ.
„Даръ живописи онъ имѣетъ превосходный!
„Природу наблюдать его умѣетъ взоръ!
„Презрѣвши вымысловъ блистательный уборъ,
„Онъ въ скромной простотѣ, красамъ природы сродный,
„Живописуетъ намъ природы красоты!
„Онъ въ ней самой беретъ тѣ сильныя черты,
„Изъ коихъ создаетъ ея изображенья.„
Таковъ былъ *общій* приговоръ!
Потомъ перебирать свободно
Богиня принялась стихи поочередно,
И вышелъ строгой переборъ!
Послушай и поправь, когда тебѣ угодно!
Благоухаетъ древъ
Трепещущая сѣнь. Богиня утверждаетъ
(Я повторяю то, поэту не во гнѣвъ)
Что худо дѣлаетъ, когда *благоухаетъ*

Твоя трепещущая *снь!*
Переступившее жъ послѣднюю ступень
На небѣ пламенномъ вечернее свѣтило
Въ прекраснѣйшихъ стихахъ ее пере-
ступило,
Да жаль что въ точности посбилось на
пути;
Нельзя ль ему опять на небеса взойдти,
Чтобъ съ нихъ по правиламъ грамма-
тики спуститься,
Чтобъ было ясно все на небѣ и въ сти-
хахъ?
*И скатерть синихъ водъ сравнялась въ
берегахъ*:
Равняться въ берегахъ *твоихъ* ей не
годится,
Когда въ *моихъ* она сравнялася давно
Не синей скатертью, а по просту рѣкою:
Мой стихъ передъ тобою,
Но красть у бѣдняка богатому грѣшно!
О семъ стихѣ, гдѣ живописи много:
*Кто въ облачной дали конецъ тебѣ
прозритъ?*
Богиня говоритъ,
И справедливо, хоть и строго:
Прозрѣть, *предвидѣть*—все равно!
Прозрѣть намъ можно то одно,
Что̀ не сбылось еще, чему лишь можно
сбыться;
И такъ сіе словцо не можетъ приго-
диться
Къ концу рѣки! Онъ *есть* давно, хотя и
скрытъ.
Ты вмѣсто вялаго словечка *различитъ*,
Великолѣпное: *прозритъ* вклеилъ не къ
мѣсту,
И безобразную съ нимъ сочеталъ не-
вѣсту:
И неподвижный взоръ окованный стоитъ!
Какъ хочешь стой, но онъ въ жестокомъ
положеньѣ!
Изъ одинакихъ весь сей стихъ лоскуть-
евъ сшитъ:
Стоитъ, оковы, недвиженье —
Одно! Такой халатъ читателя смѣшитъ!
Огромныя суда въ медлительномъ пареньѣ:
Запрещено, мой другъ—и нечѣмъ посо-
бить! —
Указомъ критики судамъ твоимъ парить,
Имъ предоставлено смиренное *теченье*,
А странное: *столбы на нихъ*
Простымъ словцомъ: *и мачты ихъ*
Сама своей рукой богиня замѣнила!
Но тѣ твои стихи она лишь похери́ла,
Въ которыхъ ты, *внимая гласу волнъ*,
Намъ говоришь: *люблю гнать рѣзво
челнъ*
По ропотнымъ твоимъ *зыбямъ* и *сердцемъ
веселъ*,
Подъ шумомъ дружныхъ веселъ
И прочее: *зво челнъ* ей непріятный звукъ.
А *веселъ* риѳмами на *веселъ*, милый другъ,
Жаль! Вѣдь послѣдній стихъ разительно
прекрасенъ!
Воображенію онъ сильно говоритъ;
Но риѳма вздорная косится и брюжжитъ!
Какъ быть? Она деспотъ и гнѣвъ ея
ужасенъ!
Нельзя ли риѳму намъ другую пріискать,
Не опасаяся, чтобъ вздорщицу смутили,
И также, чтобы насъ *воздушныя мечты*,
А не тяжелыя *златыя веселили*.
Но наше дѣло *херъ*! Поправки дѣлай ты.
Покаты горы крутыхъ! — не лучше ли
пещеры!
Воспрянувшихъ дубравъ!—*развѣсистыхъ
дубравъ*
Или *проснувшихся!* Слова такой же мѣры,
А лучше! Въ этомъ вкусѣ богини на-
шей правъ!
Воспрянувшихъ, мой другъ, понятно, да
не ясно.
Все прочее прекрасно!
Но я-бъ весьма желалъ, чтобъ *своды*,
гласъ забавъ
Не галлицизмами окрестности *вѣряли*,
А русскимъ языкомъ *волнамъ передавали*.
Младое пѣнье ихъ — прекрасная черта!
Ихъ слава ясная, *какъ водъ твоихъ зер-
цало*!
Стихъ сильной, а не льзя не похери́ть
начало!
Поставь, прошу тебя: *и слава ихъ чиста*,
Чтобъ слѣдующимъ тремъ былъ способъ
пріютиться.
Объ двухъ другихъ стихахъ — прекра-
сныхъ слова нѣтъ—
Ни я ни критика не знаемъ какъ рѣ-
шиться!
Въ нихъ тьма, но въ этой тьмѣ скры-
вается поэтъ!

Гремящихъ бурь боецъ, *онъ ярости упорной*
Смѣется, *опершись на брегъ ему покорной!*
Боецъ не то совсѣмъ, что̀ ты хотѣлъ сказать.
Твой *Генiй*, *бурь боецъ* есть просто *бурь служитель*,
Наемный ихъ боецъ; а мнѣ бъ хотѣлось знать,
Что онъ ихъ *побѣдитель*!
Нельзя ли этотъ стихъ хоть такъ перемарать:
Презритель шумныхъ бурь, *онъ злобѣ ихъ упорной*
Смѣется, *опершись на брегъ ему покорной?*
Презритель новое словцо; но признаюсь:
Не примешь ты его, я самъ принять рѣшусь!
Твоей, мой другъ, *Ѳетидѣ*....
Я радъ бы изъ стиховъ дорогу указать.
Въ пучину *Каспiя* приличнѣй бы сказать.
Сравненiе полнѣй, и Каспiй не въ обидѣ!
А бѣгъ вiющiйся ручья
Не ловко—власть твоя;
Я бъ смѣло написалъ: *журчащаго въ дубравѣ*.
Спроси о томъ хоть Музу ты свою,
Вiющiйся идетъ не къ бѣгу, *а къ ручью*.
Вотъ все! Согласенъ будь иль нѣтъ, ты въ полномъ правѣ!

Объясненiя къ письмамъ Жуковскаго.

На этой почтѣ все въ стихахъ,
А низкой прозою ни слова,

говоритъ Жуковскiй. Впрочемъ поэтъ здѣсь отыскивается и въ *почтовыхъ* стихахъ. Вмѣстѣ съ поэтомъ отыскивается хладнокровный и дѣльный прозаикъ, тонкiй и вѣрный критикъ, грамматикъ, педагогъ, не только цѣнитель и судiя содержанiя, но и строгiй браковщикъ каждаго выраженiя, придирчиво внимательный до мелочи къ каждому отдѣльному слову. И все это съ изумительной легкостiю и свободою облекается въ живые стихи, пересыпается острыми и веселыми шутками, а иногда и блестящими искрами поэзiи. Предлагаемыя здѣсь три стихотворенiя, конечно, не вплетутъ новыхъ листковъ мирта и лавра въ вѣнокъ *Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ*, пѣвца Свѣтланы, переводчика Одиссеи и пѣснопѣвца Странствующаго Жида, поэмы, по моему мнѣнiю, занимающей мѣсто первенствующее не только между творенiями Жуковскаго, но едва ли и не во всемъ циклѣ Русской поэзiи. Со мною немногiе согласятся. Надо признаться, что эта поэма, эта прерванная смертью лебединая пѣснь великаго поэта, мало обратила на себя вниманiя литературныхъ нашихъ судей и читателей, вскормленныхъ на другой пищѣ и лакомыхъ до другой поэзiи. Возвращаясь къ упомянутымъ письмамъ, нельзя не замѣтить, что для полной оцѣнки дарованiя Жуковскаго и подобные стихи имѣютъ свое значенiе и неминуемо должны входить въ общiй итогъ поэта. А такихъ стиховъ должно быть много подъ спудомъ, если они временемъ не растрачены и не истреблены. Въ нихъ Жуковскiй, поэтъ-мечтатель, поэтъ-идеалистъ, явился поэтомъ *реальнымъ*, гораздо ранѣе эпохи процвѣтанiя такъ называемой *реальной* или *натуральной* школы. Одно только должно принять здѣсь въ соображенiе. Онъ въ своей домашней поэзiи, на распашку, все таки остается лебедемъ, играющимъ на свѣжемъ и чистомъ лонѣ свѣтлаго озера; а не уткою, которая полощется въ лужѣ на грязномъ дворикѣ корчмы или харчевни. На дняхъ отыскалъ я письмо его, безъ означенiя мѣсяца и числа, но вѣроятно относится оно къ тому же времени, или около того, когда писаны были предлагаемыя здѣсь стихотворенiя. Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ:—„Посылаю тебѣ вмѣсто краснаго яичка, начало нашей переписки съ Плещеевымъ

„(*къ сожалѣнію не нахожу ее въ бу„магахъ своихъ.*) Мы побожились другъ „съ другомъ не переписываться иначе „какъ въ стихахъ. Это посланіе не „первое; я уже много намаралъ къ не„му вздору,— но это, кажется, вышло не „вздорное. Критиковать его тебѣ по„зволяется, и я за слогъ его не стою, „ибо оно написано въ два утра съ по„ловиною и писано какъ письмо на поч„ту. По этой скорости оно изрядное. Пле„щеевъ пишетъ ко мнѣ на него отвѣтъ, „на который, натурально, и съ моей „стороны долженъ послѣдовать отвѣтъ „же. Изъ этого выдетъ со временемъ „переписка двухъ сосѣдей на двухъ „языкахъ“. Плещеевъ писалъ французскіе стихи, хотя твердо зналъ и русскій языкъ и хорошо знакомъ былъ съ нашею словесностію. Карамзинъ еще въ молодости писалъ ему извѣстное посланіе. Было время, что Жуковскій живалъ у Плещеева въ Орловской деревнѣ. Тутъ вѣроятно стихамъ и разнымъ литературнымъ проказамъ и шуткамъ былъ весенній и полный разливъ. Въ деревнѣ былъ домашній театръ: на немъ разыгрывались произведенія двухъ пріятелей. Помню, что Жуковскій говорилъ мнѣ о какой то драмѣ своей: содержаніемъ ея были несчастныя любовныя похожденія влюбленнаго и обманутаго Импрезаріо. Ему измѣнила любовница его. Режиссеръ трупы приходитъ къ нему и предлагаетъ репертуаръ для назначенія піэсы къ слѣдующему представленію. Сердитый и грустный содержатель все отвергаетъ. Наконецъ именуется извѣстная въ то время драма Ильина: *Лиза* или *торжество благодарности*. На это Импрезаріо восклицаетъ въ порывѣ отчаянія:

Нѣтъ благодарности! нѣтъ торжества!
нѣтъ Лизы!
Всѣ женщины одни надутые капризы и
пр. и пр.

Тогда же разыграно было тутъ же драматическое представленіе его подъ заглавіемъ: *скачетъ груздочикъ по ельничку* (изъ старинной русской пѣсни.) Знаю объ этомъ произведеніи только по одному заглавію. Но можно представить себѣ, какое открывалось тутъ раздолье своевольному и юмористическому воображенію Жуковскаго. Надобно было видѣть и слышать, съ какою самоувѣренностію, съ какимъ самодовольствіемъ, вообще скромный и смиренный Жуковскій говорилъ о произведеніяхъ своихъ въ этомъ родѣ, и съ какимъ добродушнымъ и ребяческимъ смѣхомъ пѣвецъ *Сельскаго кладбища*, меланхоліи, всякихъ вѣдьмъ и привидѣній цитовалъ мѣста, которыя были особенно ему по сердцу. Жуковскій не только любилъ въ часы досуга и отдыха упражняться иногда въ забавномъ и геніальномъ враньѣ, но уважалъ эту доблесть и въ другихъ. Въ нашемъ обществѣ былъ молодой человѣкъ, который также превосходно отличался по этой части. При встрѣчахъ съ нимъ онъ вызывалъ его на импровизацію и на представленіе въ лицахъ какой нибудь комической сцены. Онъ заслушивался его, любовался имъ и въ восторгѣ вскрикивалъ, помирая со смѣху: да ты просто Шекспиръ! Жаль, если вся эта поэзія безвозвратно утрачена. Кажется, въ нынѣшнемъ году распечатаны будутъ всѣ ящики, оставшіеся до нынѣ не тронутыми послѣ кончины его. Можетъ быть, и найдется въ нихъ, если не все написанное имъ (потому что, сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ не очень бережливъ въ отношеніи къ своимъ письменнымъ и литературнымъ пожиткамъ) но по крайней мѣрѣ откроется хоть что нибудь еще не извѣстное и уцѣлѣвшее.

Первыя два письма здѣсь приводимыя относятся до посланія ко мнѣ В. Л. Пушкина и моего отвѣта ему, и до стихо-

творенія самаго Жуковскаго, которое напечатано въ полномъ собраніи сочиненій его и начинается такъ:

Друзья, тотъ стихотворецъ-горе,
Въ комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ.

Забавно и для характеристики Жуковскаго не лишнимъ замѣтить, что въ посланіи его вмѣсто этихъ двухъ стиховъ было прежде сказано:

Ты Пушкинъ стихотворецъ-горе,
Ты Вяземскій прямой поэтъ.

И не подумайте, чтобы заключался тутъ эпиграматическій намекъ и умыселъ. Ему только хотѣлось попенять Пушкину за то, что онъ жалуется на зависть и завистниковъ, что онъ скорбитъ и хнычетъ; а меня похвалить за то, что я не унываю, самъ вступаю съ завистниками въ рукопашный бой и смѣло отгрызываюсь. Въ дѣтскомъ простосердечіи ему и не приходило въ догадку, что Пушкинъ могъ обидѣться. На силу уговорилъ я его перемѣнить стихъ, которымъ насмѣшники могли бы заклеймить нашего добраго пріятеля.

1., *Иносказаніе*.

Слово употребляемое тогда Шишковымъ и которымъ бесѣдчики замѣняли слово аллегорія.

2., *Другъ юности и всякихъ лѣтъ*, Журналъ, издаваемый Невзоровымъ. Онъ тоже былъ въ то время мишенью, въ которую направляли мы свои незлобныя шутки.

Однажды зашелъ я къ Жуковскому, не засталъ его дома и, чтобы извѣстить его о посѣщеніи моемъ, написалъ на книжкѣ этого журнала, лежавшей на столѣ:

Невзоровъ,
Перестань писать такъ много вздоровъ!
Повѣрь, никто не остановитъ взоровъ
На книгѣ, гдѣ прочтетъ: писалъ Максимъ
Невзоровъ.

Во всѣхъ этихъ стихахъ Жуковскаго есть много любезностей, отъ которыхъ я недостойный долженъ краснѣть. Но съ другой стороны благосклонный учитель, для пробужденія совѣсти, указкою своею бьетъ иногда и очень мѣтко по пальцамъ недоучившагося школьника.

Кн. В.

VII. ПИСЬМА А. И. ТУРГЕНЕВА.

С.-Петербургъ 1 іюня 1814 года.

Я тяжело виноватъ предъ тобою, любезный и любимый Вяземскій! Не отвѣчалъ тебѣ и за болѣзнію и за разными хлопотами; но восхищался и восхищалъ другихъ прекраснымъ твоимъ Польскимъ ([1]). Я столько же радуюсь твоему таланту, какъ и новому роду поэзіи, въ которомъ ты такъ отличился. Я надѣюсь, что, восхищенный подвигами рыцаря-побѣдителя и одобренный успѣхами въ семъ новомъ родѣ, оставишь старые грѣхи свои. Ни въ Парижѣ, откуда я получаю черезъ брата Николая всѣ оды и брошюры, тамъ выходящія, ни здѣсь, ни даже у васъ въ Москвѣ, не было еще написано на сей случай ничего приличнѣе твоихъ строфъ и твоей надписи къ бюсту. Напиши другіе стихи на въѣздъ Государя въ Петербургъ, для котораго мы строимъ *трухмальные* вороты и пришли ко мнѣ. Жуковскому не до того: иначе я бы и его къ сему понудилъ. Другаго подобнаго торжества въ этомъ тысячелѣтіи вѣроятно не будетъ. Участвовалъ ли я въ обѣдѣ на праздникахъ вашихъ, и что должно прислать тебѣ ([2])? У насъ ничего не состоялось. Мы слишкомъ заняты важнѣйшимъ дѣломъ: трунить на счетъ дру-

([1]) Польскій на взятіе Парижа, въ С. Отеч. 1814, ч. 14-я.

([2]) Тургеневъ вѣроятно думалъ, что я вписалъ его въ число вкладчиковъ, участвовавшихъ въ Московскомъ празднествѣ (у Калужскихъ воротъ, въ д. Полторацкаго). *Кн. В.*

гихъ, которые любятъ и хотятъ веселиться и радуются избавленію Европы и счастію Россіи быть освобожденной ея избавителемъ.

Пришли мнѣ нѣсколько экз. описанія вашего торжества. Я только одинъ экз. видѣлъ въ чужихъ рукахъ: это должно пристыдить тебя.

Если мои брошюры, которыя вояжируютъ въ Петербургѣ и въ Павловскѣ, невредимо возвратятся во свояси, то я тебѣ пришлю ихъ, дабы ты могъ судить о расположеніи Франціи и о Парижѣ. Пишутъ біографіи Наполеона en vaudevilles и распѣваютъ новую конституцію, а Государю Русскому, окруженному еще всѣмъ блескомъ славы его, говорятъ въ печатныхъ листкахъ, что *слово конституція*, которое употребилъ онъ въ своей деклараціи, уменьшило въ нихъ энтузіазмъ, произведенный въ нихъ его подвигами!

Братъ мой Николай возвращается изъ Парижа черезъ Франкфуртъ, гдѣ онъ будетъ въ комитетѣ, учреждаемомъ для окончанія дѣлъ Германіи, съ повѣренною особою барона Штейна. Онъ будетъ и въ Москву и желалъ бы поспѣшить къ вашему празднеству, о которомъ онъ уже слышалъ съ душевнымъ восторгомъ Москвитянина въ Парижѣ.

Облобызай за меня милаго Пушкина ([3]) съ братіею. Увѣрь въ сердечномъ почтеніи Карамзина съ фамиліею.

Прости, пиши и присылай мнѣ каждую строку своего произведенія.

Сію минуту получилъ письмо твое, любезный другъ, и сейчасъ же отправлю къ аббату Мангеню ([4]) письмо В. Л. для помѣщенія въ Conservateur. Ожидаю съ нетерпѣніемъ стиховъ Н. Мих.; сдѣлай одолженіе пришли немедленно, хоть въ рукописи. Не знаю, помѣститъ ли Мангень письмо in extenso.

Присылай мнѣ все и скорѣе. Завтра или сегодня ѣдетъ къ вамъ искусный переводчикъ Мизантропа (*Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ*).

*

Неужели, милый другъ Вяземскій, не получалъ ты моего послѣдняго отношенія на твою грамоту. Послѣдняя порадовала меня и побѣдила непобѣдимую или рѣдко побѣждаемую лѣнь мою. Пріѣзжай сюда, любезный другъ, перестань киснуть въ Остафьевѣ, deviens utile au monde. Это слово эгоично; я искренно и тебѣ и Жуковскому желаю уединенія и охоты къ трудамъ мирнымъ. Сію минуту получилъ я его посланіе ко мнѣ, въ отвѣтъ на мое письмо къ нему. Превосходно! Боюсь напечатать его, ибо изъ его стиховъ узнаютъ тайну души моей, которая отъ Жуковскаго не была скрыта. Тебѣ доставлю копію. Жуковскій est aussi dans le vague. Онъ сбирается говорить со мною и совѣтоваться, сбирается и ничего не дѣлаетъ, кромѣ прекрасныхъ стиховъ. Надобно рѣшить его нерѣшимость. Услышитъ ли онъ наконецъ голосъ дружбы, призывающій его къ берегамъ Невы? Рѣшите меня; иначе я, проводивъ братьевъ къ блистательному ихъ назначенію, скажу вамъ всѣмъ: поминайте, какъ звали вашего друга; наскучилъ я жизнію безъ жизни, друзьями безъ дружбы, поэтами безъ поэзіи, грамотѣями безграмотными и дѣлами бездѣльными.

Братъ мой Николай, по высочайшему повелѣнію, отправляется завтра въ главную квартиру, къ министру барону Штейну, уполномоченному отъ двухъ императоровъ и прусскаго короля для организаціи Германіи, уже завоеванной

([3]) В. Л. Пушкина.

([4]) Аббатъ Мангень, воспитатель гр. С. С. Уварова: по мысли и съ содѣйствіемъ его (тогда попечителя Спб. учебнаго округа) Мангень издавалъ въ Петербургѣ съ 1813 г. Французскій журналъ: Conservateur impartial. *П. Б.*

и той, которая имѣетъ быть завоевана. Братъ остается и при всѣхъ его здѣшнихъ мѣстахъ. Бар. Штейнъ est l'homme de l'Europe entière. C'est lui qui a beaucoup contribué à décider de son sort, et c'est lui qui est appelé à donner à l'Allemagne une constitution solide et durable. Наполеонъ въ *свое время*, которое кажется становится *нашимъ*, объявилъ его внѣ покровительства закона; но онъ не тужилъ объ этомъ. Я часто удивлялся ему и видѣлъ въ немъ орудіе Провидѣнія.

Братъ Сергѣй идетъ въ военную службу ([5]) и вѣроятно будетъ адъютантомъ гр. Воронцова. Я желалъ устроить судьбу ихъ, согласно съ ихъ склонностями. Теперь начинаю дышать свободнѣе. Они меня выручатъ.

Если увидишь почтеннаго Ник. Мих., то увѣрь его въ моей дружбѣ къ нему и привязанности. Пиши ко мнѣ больше и будь Витгенштейномъ моей лѣности.

Тургеневъ.

*

1 апрѣля 1815 г.

Я получилъ только сегодня письмо твое, любезный князь Петръ Андреевичъ и спѣшу благодарить тебя за довѣренность твою ко мнѣ, которой письмо сіе служитъ доказательствомъ. Въ теченіе сей зимы я самъ собирался писать къ тебѣ о самомъ тебѣ и показать тебѣ въ истинномъ свѣтѣ всѣ выгоды, которыя для тебя служба представить можетъ. Подъ словомъ выгоды, я не разумѣлъ ни удовлетворенія честолюбія, ни избѣжанія Московской праздности. Насчетъ перваго я болѣе другихъ разочарованъ; послѣдняя недолго можетъ быть пагубна для того, кто способенъ чувствовать цѣну умственныхъ, моральныхъ наслажденій. Нѣтъ, я желалъ сотворить для тебя будущее, или по крайней мѣрѣ показать тебѣ необходимость въ цѣли жизни; познакомить тебя съ нѣкоторыми пріятностями, которыя встрѣтить можешь на пути къ сей цѣли. Я полагалъ, что кромѣ Петербурга нѣтъ для тебя другой дороги къ сей цѣли; но, думая, что и служба въ чужихъ краяхъ, въ твоемъ положеніи не озаботитъ тебя, хотѣлъ звать тебя сюда и быть на первый случай твоимъ Cicerone у здѣшнихъ матадоровъ. Отсутствіе Государя и неизвѣстность, въ которой находятся многіе изъ управляющихъ министерствами на счетъ ввѣренныхъ имъ частей и на счетъ самихъ себя, заставили меня отложить до времени намѣренія мои, дружбою къ тебѣ мнѣ внушенныя. Да и самъ въ себѣ я не былъ увѣренъ. Желать добра не довольно; надобно имѣть средства произвести въ дѣйство свои желанія. Теперь я скажу тебѣ искренно мое мнѣніе на счетъ твоего пріѣзда сюда и рода службы, который ты избрать долженъ. Если бы не постигли насъ ужасныя для рода человѣческаго происшествія, которыя легко могутъ лишить насъ—*и славы прежнихъ лѣтъ, и славы лѣтъ грядущихъ*; то, въ надеждѣ скораго возвращенія Государя, коего присутствіе здѣсь должно было до сего почитать первою и священнѣйшею его обязанностію, я бы присовѣтывалъ тебѣ немедленно пріѣзжать сюда и воспользовался бы первымъ случаемъ для исходатайствованія тебѣ должности, склонностямъ и желаніямъ твоимъ сообразной. Но мы по несчастію должны лишиться надежды вскорѣ видѣть Государя, — и оставить покуда старое по старому; а естьли, что еще

([5]) С. И. Тургеневъ не поступалъ въ военную службу, но опредѣленъ былъ къ гр. Воронцову (послѣ князю) командовавшему русскими войсками воФранціи и занимался дипломатическою перепискою. Впослѣдствіи былъ онъ въ Константинополѣ при послѣ нашемъ гр. Строгановѣ. *Кн. В.*

хуже, онъ только заглянетъ сюда, то и тогда врядъ ли бы можно было успѣть устроить тебя въ Петербургѣ. Изъ этого ты видишь, что не одно желаніе видѣть экономическія дѣла твои устроенными прежде пріѣзда твоего сюда, но и безполезность скораго пріѣзда заставляютъ меня дать тебѣ совѣтъ, несогласный съ нетерпѣніемъ моимъ обнять тебя въ Петербургѣ, въ кругу немногихъ твоихъ и моихъ пріятелей. Поѣзжай туда, куда зоветъ тебя долгъ отца семейства, для будущаго твоего спокойствія, и пріѣзжай къ намъ безъ долговъ и безъ желанія надѣлать здѣсь новые. До тѣхъ поръ поручи мнѣ думать о мѣстѣ, которое бы могло быть тебѣ по всему пріятно. Что̀ придумаю, о томъ напишу къ тебѣ. Естьли же рѣшишься избрать часть дипломатическую, то увѣдомь меня заблаговременно, дабы я могъ, чрезъ кого надобно, написать къ гр. Нессельроде. Братъ мой тамъ и можетъ дѣйствовать за меня по моимъ наставленіямъ. Ходатайство его по сей части по сю пору не совсѣмъ было безуспѣшно. Между дипломатами у меня есть истинные пріятели; но какъ я часто о томъ же родѣ службы думалъ и для братьевъ моихъ, то и знаю всѣ неудобства сей службы, изъ коихъ первое есть дороговизна, и не въ одной Англіи; нѣтъ, въ Германіи, при самомъ незначущемъ дворѣ — тоже; особливо, когда чиновникъ съ семействомъ. Для занятій мѣста при одномъ изъ Нѣмец. дворовъ довольно выгодны, но по службѣ нѣтъ. Но замѣшательства, произведенныя новѣйшими происшествіями ([6]) и по сей части весьма велики, и чиновники, жившіе въ Вѣнѣ въ надеждѣ будущихъ Итальянскихъ и Нѣмецкихъ миссій, остались большею частію съ одними надеждами; и только нѣкоторымъ удалось получить штатныя мѣста и жалованья; но поѣдутъ ли къ своимъ дворамъ — не знаю. Чинъ твой, хотя и представляетъ нѣкоторыя затрудненія въ выборѣ виднаго мѣста, но не столько по дипломатической, сколько по гражданской части. По сей послѣдней надобно стараться попасть подъ непосредственное начальство министра и на добраго директора департамента, или къ статсъ-секретарю, или въ государственную канцелярію. Первое возможно безъ Государя, послѣднее только при немъ. Но я не почитаю нужнымъ теперь распространяться объ этомъ въ ожиданіи отзыва твоего о времени пріѣзда сюда. Какъ скоро увижу здѣсь Жуковскаго, то съ нимъ о тебѣ посовѣтуюсь. Я совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ насчетъ его рода и средствъ жизни. Не только какъ другъ его, но и какъ любящій славу Россіи и поэзію, желаю ему одной независимости отъ людей и отъ обстоятельствъ.

Засвидѣтельствуй мое душевное почтеніе Николаю Михайловичу, Екатеринѣ Андреевнѣ и Ивану Ивановичу.

Новостей не пишу. Elle sont révoltantes.

Пришли мнѣ полный списокъ своихъ сочиненій, всѣхъ безъ исключенія; я имѣю одинъ не полный списокъ старыхъ грѣховъ твоихъ. Послѣднихъ произведеній твоихъ хвалить не буду; они и сами себя хвалятъ и *друзьямъ* твоимъ оставалось только съ тобой согласиться.

Кланяйся Давыдовымъ, — счастливцу и поэту; Пушкинымъ—поэтамъ. Но не обидѣлся бы одинъ изъ двухъ близкимъ сосѣдствомъ? *А. Тургеневъ.*

Вас. Львовичъ и Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, который также писалъ стихи, но при всемъ умѣ и остроуміи своемъ,

---

([6]) Здѣсь подразумѣваются событія, возникшія въ политическомъ мірѣ въ слѣдствіе новаго появленія и воцаренія во Франціи ссыльнаго съ острова Эльбы. *Кн. В.*

не очень удачные. Вас. Льв. щеголялъ классицизмомъ своимъ и никакъ не могъ признавать поэтомъ своего однофамильца. А этотъ вѣчно трунилъ надъ стихами Вас. Львовича, и на энергическомъ и часто циническомъ языкѣ своемъ говорилъ, что все это *жидень*. „Твои „басни, говорилъ онъ ему, такъ пусты „содержаніемъ своимъ, что скоро будешь ты ограничиваться одними заглавіями и писать и печатать: *Оселъ и „корова. Басня.—Попугай и левъ. Басня* „и такъ далѣе.“ Всѣ эти колкости были однѣ веселыя вспышки и не посягали на дружескія сношенія двухъ родственниковъ и пріятелей. Это были комическія сцены, разыгрываемыя на домашнемъ театрѣ, къ удовольствію и гомерическому смѣху благосклонныхъ зрителей и слушателей. Тогда веселость была въ цѣнѣ: одни расточали ее, другіе ей сочувствовали и понимали ее.

Письмо Тургенева было, повидимому, написано въ отвѣтъ на то, въ которомъ изъявлялъ я желаніе поступить въ дѣятельную службу. *Кн. В.*

VIII. ПИСЬМА Ю. А. НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО (*).

1.

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ.

Покорнѣйше благодарю ваше сіятельство за доставленіе мнѣ описанія вашего праздника [1]). Онъ былъ весьма великолѣпенъ и соотвѣтствовалъ вполнѣ своему предназначенію; а тѣ, которые здѣсь приготовлялись, едва ли поспѣютъ, ибо Государя ждутъ сюда на дняхъ, а предполагали, что онъ прибудетъ не прежде 20 числа. Государыня такъ же готовитъ его величеству встрѣчу и праздникъ въ Павловскѣ. Меня было нарядили дѣлать куплеты и нѣсколько рѣчей. Это мнѣ была большая забота и по старости моей и по душевному расположенію; но къ счастію подъѣхалъ сюда Конст. Николаевичь Батюшковъ; я ему въ ноги! И онъ имѣлъ снисхожденіе меня отъ этого труда избавить. Еще ничего сдѣланнаго не видалъ; но увѣренъ, что будетъ хорошо. Между тѣмъ, я уже кой-какъ слѣпилъ одинъ хоръ для польскаго, и куплеты, которые будутъ пѣть у преднамѣреваемыхъ воротъ на самой Павловской границѣ, у которой Императрица встрѣтитъ дорогаго гостя своего.

Въ эти куплеты, коихъ всего 4, по 4 стиха каждый, мнѣ очень пригодился стихъ Николая Михайловича, котораго поручаю вамъ отъ меня за него поблагодарить.

Гряди, гряди благословенный!
Оливой вѣнчанный герой;
Побѣдой, славой утружденный,
Вкуси пріятный здѣсь покой.

Вашу надпись, обращенную въ громкой хоръ, будутъ пѣть при приближеніи Государя къ воротамъ, которые будутъ поставлены противъ Павловскаго дворца. На воротахъ надпись изъ оды г-жи Буниной.

Тебя, грядущаго къ намъ съ бою,
Врата побѣдны не вмѣстятъ.

Къ великому удовольствію Государыни я проговорилъ ей: „съ собачкой, съ посошкомъ, съ лорнеткой....“ и проч. ([2])

(*) Подробныя біографическія извѣстія о Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ будутъ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ. *П. Б.*

[1]) Праздникъ, данный обществомъ нашимъ и другими Московскими участниками, въ домѣ и въ саду Дмитрія Марковича Полторацкаго (за Калужскими воротами) въ честь вступленія войскъ нашихъ въ Парижъ. *Кн. В.*

([2]) Извѣстная эпиграмма кн. П. А. Вяземскаго, напечатанная въ Р. Архивѣ 1863 г., изд. 2-е, стр. 877. *П. Б.*

Выслушавъ эти стихи, ея величество изъявила желаніе видѣть ваши сочиненія и приказала мнѣ ихъ у васъ потребовать, примолвивъ, что она имѣетъ на полученіе ихъ большое право, по любви покойнаго ея супруга къ вашему родителю; и такъ пожалуйста пришлите, не выкидывая эпиграммъ, потому что я уже предупредилъ que vous avez l'ésprit très délié, tourné à la gaité et que vous faisiez très bien une épigramme.

Скажите мнѣ, понравилась ли Николаю Михайловичу присылка розъ(³)? За тѣмъ прощайте; свидѣтельствуя мое почтеніе княгинѣ вашей, съ таковымъ же къ вамъ пребуду навсегда, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Юрій Нелединскій-Мелецкій.

Не могу утерпѣть! Но это останется между нами. Г. Р. Державинъ сдѣлалъ хоръ, въ которомъ, дабы поставить рифму слову *благополучны*, сказалъ престолы *тучны*; а въ ремаркѣ поставилъ: то есть покрыты тучами! Сказываютъ, онъ хочетъ это перемѣнить.

Здѣсь можно отмѣтить одно довольно забавное и замѣчательное обстоятельство: стихи къ нашему московскому празднеству были легко и благополучно сочинены. Но когда пришлось написать пригласительные билеты, я сталъ въ тупикъ. Не хотѣлось употребить обыкновенное выраженіе, какъ несвойственное русскому языку, *по случаю* взятія Парижа; но я ничего придумать не могъ, чтобы это противное мнѣ *по случаю* замѣнить другимъ выраженіемъ. Долго бился и въ бѣдѣ своей рѣшился для выручки ѣхать къ Карамзину. Засталъ я его за работою, за краснорѣчивою страницею исторіи его. Изложилъ ему горе свое. Онъ сжалился надо мною; но не съ перваго раза и онъ остался доволенъ редакціею своею. Не помню ея теперь, но помню, какъ онъ при этомъ признавалъ трудность иногда выразить по русски самую обыкновенную вещь, самое простое понятіе.

Кн. В.

(³) Императрица Марія Өедоровна посылала Карамзину розы; см. письмо объ этомъ Карамзина къ Нелединскому изъ Остафьева, отъ 11 іюля 1814 г. въ Москвитян. 1847, II, 131. *П. Б.*

2.

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ.

Будучи причиною превращенія вашей надписи въ музыкальный хоръ,—одолжаюсь извѣстить васъ, что г. Бортнянскій, примѣняясь къ словамъ, выразилъ оныя очень хорошо. Государыня императрица Марія Өедоровна руководствовала ему въ томъ своими наставленіями, и, будучи очень довольна, присвоила этотъ хоръ себѣ, запретивъ его выпускать въ свѣтъ, прежде нежели онъ будетъ услышанъ Государемъ; и не индѣ, какъ въ Павловскѣ, въ день праздника, который данъ будетъ по прибытіи его величества.

Г-нъ Бортнянскій сначала жаловался на краткость піэсы, и приставалъ, чтобъ я наддѣлалъ еще четыре стиха; но я изъ самолюбія отказался. Наконецъ, онъ приступилъ къ работѣ, передѣлалъ вступленіе, гдѣ по его словамъ для музыки надобна эксклamація.—У него поютъ:

О твердый мужъ во бранѣхъ,
И кроткій побѣдитель!
Какой тебѣ вѣнецъ!
Какой тебѣ олтарь!
Вселенная и проч.

Слово кроткій выражено прекрасно!

Россія имъ *гордись* —

слово *гордись* сопровождается трубнымъ звукомъ весьма выразительнымъ.

Вы пишите, что любите первый свой стихъ. Для замѣчанія вашего скажу, что мы здѣсь не любимъ напоминать о *бѣдствіяхъ* (⁴); и когда эти стихи до насъ

(⁴) Первый стихъ въ надписи къ бюсту императора Александра: „Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель."

дошли, то при свиданіи нашемъ съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, мы вмѣсто бѣдствій читали: мужъ твердый въ *опытахъ*.

Посылаю вамъ хоръ, написанный мною для праздника, даннаго въ Павловскѣ великому князю ([5]), въ прошедшую среду іюня 17, на музыку: Славься симъ Екатерина.

Ежели удостоите меня отвѣтомъ, то не оставьте—усерднѣйше прошу васъ, мой милостивый и любезный князь Петръ Андреевичъ, не оставьте увѣдомить меня о Елисаветѣ Семеновнѣ. Здорова ли она возвратилась изъ Ярославля, и успокоивается ли духомъ?

Прося васъ засвидѣтельствовать мое и дочери моей почтеніе мил. госуд. княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ, съ таковымъ же къ вамъ и съ душевною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Юрій Нелединскій-Мелецкій.

Павловскъ.
Іюня 22 дня 1814 г.

Елисавета Семеновна Обрѣскова([6]), супруга сенатора Петра Алексѣевича Обрѣскова (сына русскаго посла въ Константинополѣ), при которомъ началъ я службу свою по межевому управленію. Она была необыкновенная красавица и долго, долго сохранила красоту свою. Нелединскій писалъ къ ней стихи, дышащіе свѣжестію и силою глубокаго чувства, напримѣръ:

Нѣтъ ни тебя, ни чувствъ, тобой внушенныхъ,
Талантъ, ни самъ восторгъ не въ силахъ описать.
Нельзя всѣхъ прелестей, въ тебѣ совокупленныхъ,
Обыкновенными словами изъяснять.
Потребенъ бы на то языкъ отъ всѣхъ отличный,
Тебѣ присвоенный, одной тебѣ приличный:
Такой, какъ ты сама, небесный, не земной.....
Но знаетъ тотъ языкъ лишь кто любимъ тобой.

Кутузовъ также написалъ ей стихи, припоминая въ нихъ Елисавету, королеву Англійскую и императрицу Елисавету Петровну. Нелединскій возражаетъ ему:

Ты правъ, Кутузовъ, въ томъ: тѣ двѣ Елисаветы,
Которыхъ описалъ столь ясно ты примѣты,
Повсюду славятся въ достоинствахъ своихъ.
Но какъ ты могъ, скажи, при той Елисаветѣ,
Которой посвятилъ внушенный ею стихъ,
Которой нѣтъ милѣй, прелестнѣе на свѣтѣ:
Какъ могъ, скажи, при ней ты думать о другихъ?
Возможно ли хотѣть и мыслью съ ней разстаться?
А ты, чтобы составить ей
Не нужный для нея трофей,
Былъ долженъ въ прошлый вѣкъ и въ дальній край пускаться!
Не всѣ ль вѣка затмитъ минута съ ней одна,
И цѣлый міръ не тамъ ли, гдѣ она?

Сколько страсти въ этихъ стихахъ! И для того, кто зналъ поэта сколько истины и задушевности въ выраженіи этой страсти. Это не піитическія упражненія на заданную себѣ сентиментальную и мадригальную тему. Нѣтъ, эти стихи выливались свободно изъ сердца, которое и въ молодости и къ другому кумиру внушало поэту слѣдующіе стихи:

О! если бы могъ смертный льститься
Особый даръ съ небесъ имѣть:
Хотѣлъ бы въ мысль твою вселиться,
Твои желанья всѣ узрѣть;
Для нихъ пожертвовать собою,
И тайну ту хранить въ себѣ,
Чтобъ счастлива была ты мною,
А благодарна лишь судьбѣ.

Такихъ стиховъ не мало отыскивается у Нелединскаго, хоть бы этотъ:

Темира—страждущей души успокоенье.!

([5]) В. К. Константину Павловичу.

([6]) Урожденная Волчкова, въ первомъ бракѣ за барономъ Остеномъ, во второмъ за Обрѣсковымъ, въ третьемъ за кн. Степ. Александр. Хилковымъ. *П. Б.*

Какой сердечный стихъ и какая въ немъ свѣжесть, не смотря на то, что онъ написанъ лѣтъ 80 тому.

Или:

Нѣтъ, смертнаго въ тебѣ не вижу ничего,
Я въ образѣ твоемъ зрю Бога моего:
Чего бы въ Немъ хотѣлъ, въ тебѣ то обрѣтаю,
И съ Нимъ въ душѣ моей тебя не различаю!

А кто теперь знаетъ Нелединскаго, кто заглядываетъ въ него? Одни мы, литературные старовѣры. Разумѣется, встрѣчаются у него обороты и слова обветшалые. Но золото все золото, хотя и подъ стариннымъ чеканомъ. Перлъ все тотъ же перлъ, будь онъ и въ старосвѣтской оправѣ. Неужели ювелиры новыхъ стихотворныхъ ожерелій увѣрены, что внѣшняя сторона мастерства ихъ тоже не устарѣетъ? Тоже изъ модныхъ магазиновъ не поступятъ ли и они въ лавки антикваріевъ, въ какое нибудь гетто (Ghetto) или на какое нибудь ponte vecchio? *Кн. В.*

3

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ.

Вмѣсто того, чтобъ меня почесть сумасшедшимъ, вы себя обвинили, за то что непонятно вамъ было мной написанное, и моя ошибка послужила вамъ поводомъ наговорить мнѣ тысячу лестныхъ словъ. Это очень учтиво съ вашей стороны; однакожъ я тѣмъ не менѣе виноватъ, что привелъ васъ въ затрудненіе, и озаботилъ адресованіемъ на ваше имя, не къ вамъ писаннаго письма. То, которое шло къ вамъ, знать я послалъ къ Ник. Александровичу Лунину, и вы, надѣюсь, тогда его получили на обмѣнъ ему принадлежавшаго. Это въ нынѣшнемъ году, другой уже разъ со мной случается! Въ старину приписалось бы къ вѣтренности,—а теперь развѣ къ тому, что выживаю изъ ума!

Прекрасная ваша пѣсня Русскаго плѣнника мнѣ давно извѣстна. Давно ее читаю, съ новымъ каждый разъ таланта вашего уваженіемъ(7). Не доставало мнѣ только получить прямо изъ рукъ вашихъ: теперь и это удовольствіе, благодаря васъ, имѣю. Настраивайте лиру вашу. Поприще славы открыто вновь героямъ нашимъ, и пѣвцамъ ихъ подвиговъ.

Послѣ тщетнаго чрезъ цѣлую зиму ожиданія и по той посылкѣ, что чего желается—о томъ худо вѣрится, вы сами посудите: очень ли мы можемъ полагаться на обнадеженіе ваше о скоромъ къ намъ пріѣздѣ? На этотъ счетъ мы, какъ о васъ, такъ и о Николаѣ Михайловичѣ совсѣмъ извѣрились, и надежду съ вами свидѣться отложили до всеобщей перемѣны дѣлъ въ Европѣ.

Прошу покорно взять трудъ обо мнѣ напомнить и засвидѣтельствовать мое почтеніе Катеринѣ Андреевнѣ и Николаю Михайловичу, и быть увѣреннымъ въ томъ, которое вмѣстѣ съ истинною преданностію соблюдаетъ къ вамъ, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Юрій Нелединскій-Мелецкій.

С.-Петербургъ
Апрѣля 19 дня 1815 года.

On ne peut guère, princesse, être prodigue de tems à mon âge. Cependant, je voudrais de tout mon coeur pouvoir sauter á pieds joints le mois de mai, puisque le mois suivant doit vous amener auprès de nous. Il seroit cruel de nous flatter d'une espérance que vous ne seriez pas sûre de réaliser; aussi ne veux je point douter de votre promesse: je m'y abandonne entièrement et espère profiter souvent auprès de vous de cette aimable société, qui a su embellir jusqu'à notre triste et malheureux séjour de Vologda.

---

(7) Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа, напеч. въ Россійскомъ Музеумѣ 1815, ч. I, стр. 6.

Daignez, princesse, agréer l'assurance du respect de

Votre très humble et très obeissant serviteur Neledinsky M.

По нѣкоторымъ оффиціальнымъ пріемамъ писемъ Ю. А. Нелединскаго, можно бы не знавшимъ его подумать, что онъ вообще и въ обхожденіи своемъ имѣлъ также какую-то оффиціальность и чопорность. Подобное заключеніе было бы совершенно несогласно въ истиною. Напротивъ, онъ былъ замѣчательно простъ и добродушенъ съ своихъ житейскихъ, домашнихъ и свѣтскихъ отношеніяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ подчинялся онъ строгимъ правиламъ и установленнымъ обычаямъ вѣжливости, которая была отличительною и прирожденною принадлежностію благорожденныхъ и благовоспитанныхъ людей современной ему эпохи. Онъ былъ связанъ тѣсною дружбою съ отцомъ моимъ. Дружба, эта соединившая ихъ въ лѣта первой молодости, чисто и неизмѣнно сохранилась до конца. Нелединской неотступно провелъ при постелѣ друга своего послѣдніе дни и часы жизни его: вмѣстѣ съ нашимъ семействомъ принялъ онъ его послѣдній вздохъ и закрылъ ему глаза. Онъ послѣ былъ опекуномъ моимъ, зналъ меня ребенкомъ и слѣдовательно могъ бы быть со мною на *ты*, а не на милостивый государь мой, и не на ваше сіятельство. Такъ оно и было бы въ старину, т. е. въ старину еще старѣйшую нежели та, о которой идетъ здѣсь рѣчь. Тогда въ нравахъ и обычаяхъ было что-то патріархальное, котораго уже не было въ первыхъ десятилѣтіяхъ нашего вѣка и особенно со времени воцаренія императора Александра I-го. Прежде, на языкѣ старшаго лѣтами или чиномъ, *ты* не было ни неумѣстною фамиліарностью, ни оскорбительнымъ выраженіемъ спѣси. Въ то время старикъ и начальникъ обращались съ младшими и подчиненными, какъ отецъ съ домочадцами. Теперь всѣ эти оттѣнки сглаживаются, а многіе изъ нихъ и совершенно изгладились. Теперь въ одномъ семействѣ родитель говоритъ сыну *вы*, а въ другомъ сынъ родителю *ты*. Все одно съ другимъ въ связи: въ нравахъ, во взаимныхъ отношеніяхъ общества, во всемъ складѣ жизни отзывается нынѣ другая круговая порука. По старому нельзя судить о новомъ: по новому о старомъ. Прежнюю вѣжливость, прежнюю общежительную подчиненность, подъ часъ можетъ быть, строгую и тяжкую, замѣнила какая то распущенность. Еще во времена Пушкина, гуляя съ нимъ по Невскому проспекту, отмѣчали мы людей, которые при встрѣчѣ съ вами и на вашъ поклонъ, отвѣчали снятіемъ шляпы съ головы. Ихъ было очень не много. Въ числѣ ихъ упомянемъ Австрійскаго посла графа Фикельмона и графа Сперанскаго. Помню, какъ сей послѣдній при всякой погодѣ, при дождѣ и при морозѣ, обнажалъ свое лысое и сіяющее темя. Въ мою молодость еще не жалѣли ни шляпы, ни руки. Былъ въ Москвѣ литераторъ Ильинъ, избалованный театральными успѣхами своими и успѣхами въ нѣкоторыхъ домахъ высшаго Московскаго общества. Шаликовъ, встрѣтясь съ нимъ на улицѣ, остался не доволенъ его отвѣтнымъ поклономъ, и тутъ же сказалъ экспромтомъ:

Впередъ тебѣ, Илья,
Не поклонюся я:
Досадно, какъ пустою
Кивнешь ты головою.

Кстати о письмахъ Нелединскаго, можно еще замѣтить, что письма у насъ долго писались совершенно безграмотнымъ, или книжнымъ языкомъ: тому доказательствомъ служитъ переписка многихъ государственныхъ людей временъ Екатерины. Къ перу не иначе приступали какъ съ какою то торжественностью и осмотрительностью. Письменный, то есть эпистолярный, языкъ вошелъ въ употребленіе и установился позднѣе. Письмо сдѣлалось тогда стенографіею мыслей и чувствъ, которыя запросто и сгоряча ложились на бумагу. Ив. Ив. Дмитріевъ, какъ и Нелединскій, соблюдалъ въ письмахъ своихъ еще ста-

рый складъ и старый порядокъ. Письма Карамзина уже гораздо простѣе и, такъ сказать, развязнѣе. Въ нихъ слышишь его самого, какъ въ устной бесѣдѣ. *Кн. В.*

IX. ПИСЬМА Д. В. ДАВЫДОВА.

1.

Любезной Вяземской! Съ тѣхъ поръ какъ я васъ оставилъ, я все живу въ Варшавѣ. Еще судьба не устаетъ меня преслѣдовать. Тогда какъ войска наши летѣли къ славѣ, великій князь остановилъ меня здѣсь съ намѣреніемъ отнять у меня случай быть въ дѣлѣ, или отличиться. Къ счастію моему ни одинъ Русской не выстрѣлилъ, и честь моя спасена! Однако же на дняхъ я ѣду въ Парижъ. Независимо устрицъ, pâtés de foie gras и Сиренъ Парижа—надо кончить и рѣшить судьбу свою! A propos de Sirène, что дѣлаетъ божество мое? Все ли она такъ хороша? Богомъ тебѣ клянусь, что по сію пору влюбленъ въ нее какъ дуракъ. Сколько здѣсь прекрасныхъ женщинъ; ей ей, ни одна сравниться не можетъ! Прости, скажи мое всенижайшее почтеніе княгинѣ, поцѣлуй княжнушку и, когда будешь писать къ Четвертинскому, вспомни ему обо мнѣ. Пиши ко мнѣ въ Варшаву въ канцелярію главнокомандующаго резервною арміею, на имя Петра Ивановича Миллера для доставленія такому-то. Прости, да напиши обо всемъ.

Твой другъ Денисъ Давыдовъ.

Князь Θедоръ (¹) былъ у меня въ Варшавѣ, когда полкъ его проходилъ впередъ,—а теперь всѣ они возвращаются.

2 сентября (1815).

(¹) Кн. Θед: Θед: Гагаринъ, шуринъ мой. *Кн. В.*

2

16 октября, Варшава.

Письмо твое, любезной мой Вяземской, меня ужасно обрадовало, и какъ будто перенесло въ бѣлокаменную, съ которой сопрягаются всѣ мои сердечныя воспоминанія! Не лѣнись, милой другъ, увѣдомляй почаще о своемъ житьѣ-бытьѣ; я съ своей стороны отъ того рѣдко пишу, что писать нечего; ходъ моей жизни одинаковъ — неудовольствія да притѣсненія за вѣрную мою службу, вотъ все что я получилъ и получаю. Но такъ какъ моя мачиха-фортуна пріучила меня къ терпѣнію, то и сношу все безъ ропота, тѣмъ паче что, повѣришь ли? когда я нахожусь въ положеніи требующемъ твердости духа, я какъ будто на своемъ мѣстѣ. Но полно объ этомъ говорить.

Ты пишешь, что первое письмо ко мнѣ послалъ съ Вельяшевымъ, которой находится въ главной квартирѣ. Я объ этомъ узналъ отъ пріѣзжихъ изъ Парижа, но его не видалъ, слѣдственно письма твоего не получалъ, и не надѣюсь по смежности съ зимою получить даже и послѣ дождечка въ четвергъ. Онъ же, какъ я предвижу, опять займется дисертаціею объ ухабахъ: то до письма ли будетъ ему (²)? Читавши о пирахъ вашихъ въ Кунцовѣ, зависть моя доходила до бѣшенства! Естлибъ я зналъ, что великой князь по милости своей удержитъ меня здѣсь, съ какимъ бы удовольствіемъ я провелъ съ вами время, которое по пустому убилъ въ пустой Варшавѣ съ пустыми людьми! Авось ли судьба будетъ мнѣ благосклоннѣе и зимою опять забросить меня въ матушку Москву. Тогда надѣюсь, что усы мои опутаютъ ноги Глушков-

(²) Вельяшевъ служилъ по вѣдомству путей сообщенія. *Кн. В.*

скаго и уничтожать всѣ его покушенія,—но этой вѣсти между тѣмъ я не вѣрю и не хочу вѣрить! Да и охота тебѣ выводить меня изъ заблужденія; я по сію пору влюбленъ какъ дуракъ! Ты знаешь, что Полячки, особенно въ Варшавѣ, и хороши и привлекательны, но божусь тебѣ честью, что ни одной нѣтъ достойной стать на ряду съ нею! И ты можешь ей сказать, что я отъ нея умираю, всякой день толстѣю;—но у всякаго свой манеръ умирать. Что тебѣ еще сказать? Царя ждемъ къ 24-му сего мѣсяца, а такъ какъ съ нимъ Уваровъ, то по геометрической пропорціи выходитъ, что и Окуневъ сюда явится. Съ какимъ нетерпѣніемъ я его ожидаю, какъ онъ будетъ мнѣ читать свою Героиду и какъ я при послѣднемъ стихѣ объявлю ему, что героиня его Героиды за мужемъ. Все это меня восхищаетъ.

Прости, милой Вяземской, скажи мое почтеніе княгинѣ, кланяйся Василью Львовичу Пушкину, князю А. Голицыну и всѣмъ нашимъ пріятелямъ, особенно Майкову, который, подобно Юпитеру, владѣетъ судьбой моей; радуюсь сердечно, что ему лучше. Письмо къ сыну его Николаю я не отдалъ, потому что не видалъ его, а поручить другому не хотѣлъ; скоро его доставлю или самъ или чрезъ вѣрныя руки, которыя мнѣ еще по сію пору не попадались. Пожалуйста пиши по чаще и адресуй письма по прежнему. Жуковскому я писалъ въ Петербургъ; онъ по слухамъ принятъ императрицею очень милостиво, и боюсь, чтобы изъ независимаго философа не поступилъ въ рабы фортуны. Прости еще, любезной другъ. Не забудь сказать мое почтеніе Николаю Михайловичу и Катеринѣ Андреевнѣ.

Твой вѣрный другъ
Денисъ Давыдовъ.

Увѣдомь, гдѣ ты нанялъ домъ и чей именно. Естлибъ не родные, я бы съ радостію принялъ твое дружеское предложеніе; все однакожъ сдѣлаю. У тебя pied-à terre, чтобы имѣть удовольствіе перваго въ Москвѣ тебя увидѣть.

3.

8 го декабря. М. Яновъ, возлѣ Бреста.

Наконецъ, я любезной Вяземской, вырвался изъ Варшавы и иду вмѣстѣ съ дивизіею: изъ Бреста поѣду въ Кіевъ на контракты, а отъ туда, естьли будетъ возможность, полечу къ вамъ. Новаго тебѣ писать нечего; мы идемъ довольно весело, ибо осушиваемъ остатки шампанскаго, привезеннаго изъ Франціи; жаль, что тебя нѣтъ здѣсь и Ивановой, тогда, можетъ быть, я не пожелалъ бы и въ Москву. Но во чтобы то ни стало, я постараюсь, естьли не въ январѣ, то вѣрно въ февралѣ, увидѣть всѣхъ васъ. Естьли будешь писать, пиши въ Кіевъ и увѣдомь, гдѣ нанялъ домъ, дабы мой pied-à terre былъ у тебя. Друзьямъ нашимъ всѣмъ кланяйся и скажи мое почтеніе княгинѣ. Прости, твой другъ Д. Давыдовъ.

*

Къ письмамъ Давыдова.

Отъ этихъ писемъ Дениса Давыдова такъ и вѣетъ, такъ и пышетъ молодостью: молодостью того, кто ихъ писалъ и молодостью времени, въ которое они были писаны. Послѣ счастливаго окончанія отечественной войны и побѣдоноснаго похода нашего отъ развалинъ Москвы до Парижа, Россія свободно вздохнула, ожила духомъ обновленія и возрожденія. Всѣ мы почувствовали сладостную отраду, которую ощущаетъ выздоравливающій послѣ тяжкой и опасной болѣзни. Тутъ и старикъ молодѣетъ и предается впечатлѣніямъ давно забытымъ. Снова пробуждается какая-то жажда жизни и наслажденія. Въ

этомъ чувствѣ, въ этомъ увлеченіи есть что-то юношеское, довѣрчивое, беззаботное. Испытанія, опасность и страданія миновались и забыты: можетъ быть, слишкомъ забыты. Но такова человѣческая натура вообще, а славянская въ особенности. Никогда Россія, даже и въ воинственное и громкое царствованіе Екатерины Великой, никогда, какъ въ то время, Россія не стояла на подобной политической, государственной и народной высотѣ. И тогда каждый имѣлъ внутреннее сознаніе, что по силамъ своимъ содѣйствовалъ этому возвышенію. Отъ царя до подданнаго, отъ полководца до послѣдняго ратника, отъ помѣщика до смиреннаго поселянина, всѣ безъ изъятія вынесли на плечахъ своихъ и на духовномъ могуществѣ своемъ Россію изъ бѣды и подняли её на высшую ступень славы и народной доблести. Москва въ особенности по принесеннымъ жертвамъ своимъ, опаленная, но и озаренная славою необычайной, стояла высоко на этомъ празднествѣ Русскаго освобожденія. Въ ней преимущественно предались веселію и ликованію. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, по совершеніи такихъ подвиговъ, добрымъ молодцамъ и не погулять? Впрочемъ Денисъ, и въ зрѣлости лѣтъ и когда уже вступилъ въ семейную жизнь, сохранилъ до кончины изумительную молодость сердца и нрава. Веселость его была прилипчива и увлекательна. Онъ былъ душею и пламенемъ дружескихъ бесѣдъ: мастеръ былъ говорить и расказывать. Нѣсколько хриплый, а по временамъ и тоненькій фистульный голосъ придавалъ какую-то оригинальность его рѣчи.

Нашъ боецъ чернокудрявый
Съ бѣлымъ локономъ на лбу,

по живописному выраженію Языкова, (самъ Давыдовъ шутя называлъ этотъ серебристый хохолокъ: la flamme du génie) обладалъ къ тому же замѣчательнымъ мимическимъ дарованіемъ. Когда онъ расказывалъ анекдоты про Ѳеодора Петровича Уварова, про атамана Платова и т. д., онъ представлялъ ихъ въ лицахъ, онъ воплощалъ ихъ въ себѣ. Особенно дивился я этой неизсякаемой струѣ живости и веселости, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и мы видались съ нимъ уже по минованіи года, а иногда и болѣе. Мы всѣ въ Петербургѣ болѣе или менѣе старообразны и однообразны. Онъ всё, духомъ и складомъ ума, былъ моложавъ. Бесѣды мои съ нимъ послѣ долгой разлуки такъ и вспрыскивали, такъ и обдавали меня живою водою нашей бывалой Московской жизни. Признаться, впрыскивали не одною водою, а подъ часъ и шампанскимъ. Впрочемъ не лишнимъ замѣтить, что пѣвецъ вина и веселыхъ попоекъ, въ этомъ отношеніи нѣсколько поэтизировалъ. Радушный и пріятный *собутыльникъ*, онъ на дѣлѣ былъ довольно скроменъ и трезвъ. Онъ не оправдывалъ собою нашей пословицы: пьянъ да уменъ два угодья въ немъ. Уменъ онъ былъ, а пьянымъ не бывалъ (³).

Письма его относятся ко времени втораго похода въ Парижъ, послѣ бѣгства Наполеона съ острова Эльбы. Разумѣется, вся военная молодежь, веселившаяся въ Москвѣ, разлетѣлась тогда на всѣ стороны по мѣсту служенія своего. Когда дошла до насъ вѣсть, что Наполеонъ ворвался во Францію, кто-то сказалъ при мнѣ: да что можетъ этотъ безумецъ сдѣлать съ своею шайкою бродягъ?—Многимъ вымыть порядкомъ голову, отвѣчалъ я.

Сирена или *божество*, о которой упоминаетъ Давыдовъ, была танцовщица Иванова. И подлинно, была она красавица и необыкновенно, стыдливо-граціозна. Денисъ воспламенился ею и воспѣвалъ ее съ чистою страстью цѣломудреннаго и пламеннаго Петрарки.

Въ Кунцовѣ близь Москвы жилъ лѣтомъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ, тогда директоръ театра. Онъ на дачѣ давалъ иногда театральныя вечеринки, на которыхъ разумѣется находилась и царствовала Иванова. Въ то время говорили, что она выходитъ за мужъ за танцора Глушковскаго, что̀ послѣ и въ самомъ дѣлѣ сбылось. Къ

этому слуху и относится усастая шутка Дениса.

Окуневъ былъ офицеромъ кавалергардскаго полка. Онъ писалъ французскіе стихи въ родѣ Колардо и Дората, которые читалъ съ большимъ восторгомъ и съ произношеніемъ нѣсколько гасконскимъ.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ ([4]), соименникъ князю, извѣстному въ лѣтописяхъ русской государственной дѣятельности, былъ совершенная противоположность своему именитому тёскѣ. Впрочемъ имѣлъ и онъ своего рода знаменитость. Еще въ домѣ отца моего получилъ онъ прозвище: Cosa rara, такъ называется старинная опера. Въ нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ до послѣдней копѣйки наслѣдство свое, заключавшееся въ 24 т. душахъ и въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Расказывали, что онъ ежедневно отпускалъ кучерамъ своимъ по полудюжинѣ бутылокъ шампанскаго вина, подписывалъ заемныя письма не читая ихъ и такія, въ которыхъ денежная сумма прописана была не буквами, а цыфрами: такъ что заимодавцы, по большой части иностранные, на досугѣ легко приписывали къ означенной суммѣ по нулю, а иногда по два и по три. Всѣ прочія дѣйствія и расходы его были въ этомъ поэтическомъ и эпическомъ размѣрѣ. Былъ онъ женатъ на княжнѣ Вяземской, дальней намъ родственницѣ. Послѣ развелись они съ обоюднаго и дружелюбнаго согласія, и вышла она за мужъ за графа Льва Кириловича Разумовскаго. Послѣдніе годы жизни своей провелъ онъ въ Москвѣ, получая приличное денежное содержаніе отъ племянниковъ своихъ, свѣтлѣйшихъ князей Меньщиковыхъ и князей Гагариныхъ. Ребенкомъ зналъ я его въ домѣ отца моего, а послѣ, когда онъ состарѣлся, принималъ я его часто въ своемъ домѣ, и все мое общество пріятельски сблизилось съ нимъ. Онъ по своему былъ практическій мудрецъ. Никогда не сожалѣлъ онъ о прежней своей пышности, о прежнемъ своемъ высокомъ положеніи въ обществѣ; а наслаждался по возможности жизнію, былъ всегда веселъ духомъ, а часто и навеселѣ. Уже принадлежавшій Екатерининскому времени, онъ еще братался съ нами,-молодежью, и раздѣлялъ наши невинныя и винныя проказы. Въ отрочествѣ получилъ онъ отличное образованіе, правильно и красно говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ. Въ молодости былъ онъ при дворѣ и высшемъ обществѣ, образцовымъ юношей по своей осанкѣ, по своимъ пріемамъ, по своей изящной и утонченной вѣжливости. И въ пожилыхъ лѣтахъ, когда уже не было кругомъ его блестящей обстановки, онъ все еще сохранялъ, на зло судьбѣ и своимъ заблужденіямъ, величавую и совершенно вельможескую наружность. Ума былъ онъ далеко не блистательнаго, но такъ хорошо, такъ плавно изъяснялся, особенно по французски (а французскій языкъ обманчивъ въ этомъ отношеніи) что за изящнымъ складомъ рѣчи не скоро можно было убѣдиться въ довольно-ограниченной состоятельности умственныхъ дарованій его. Жуковскій, который былъ всегда очень довѣрчивъ, нашедши его по пріѣздѣ своемъ изъ деревни, близкимъ домашнимъ человѣкомъ у меня, и пеняя мнѣ за нѣкоторыя другія мои знакомства и связи, похвалилъ меня за то, что я умѣлъ привлечь къ себѣ такого степеннаго и почтеннаго старичка. Разумѣется, и онъ въ послѣдствіи разглядѣлъ его, и мы часто потомъ смѣялись съ нимъ надъ его опрометчивымъ заключеніемъ. Но впрочемъ и онъ полюбилъ его, потому что нельзя было не любить. Одни безчестныя свойства и дѣла ненавистны. Слабостямъ можно прощать. Со стороны можно даже любоваться и веселиться ими, когда но-

([3]) Поэтическій памятникъ Д. В. Давыдову есть стихотвореніе кн. Вяземскаго: *Эперне* (въ Дорогѣ и дома, стр. 203). *П. Б.*

([4]) Каммергеръ кн. А. Н. Голицынъ родной внукъ фельдмаршала временъ Петра Велик. кн. Михаила Михаиловича старшаго и племянникъ Екатерининскаго фельдмаршала кн. Александр. Михаиловича. Р. 1769, ум. 1817. *П. Б.*

сятъ онѣ на себѣ печать оригинальности. Ужъ теперь не найдешь подобныхъ чудаковъ. Строгіе судьи и нравоучители прибавятъ: по счастію не найдемъ. Полно такъ ли? Какъ нравы, такъ и болѣзни измѣняются, а иные и вовсе искореняются. Но имъ на смѣну поступаютъ другіе вовсе не извѣстные и не бывалые. По временамъ, въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, въ той и другой атмосферѣ являются то что̀ называется *инфлуэнціи*, повѣтрія, которыя дѣйствуютъ на тѣлесное сложеніе человѣка и на общественное и внутреннее здоровье его. Нравы измѣнились, не спорю. Въ иномъ и къ лучшему: и съ этимъ я согласенъ. Но вообще нравственная гигіена усовершенствовалась ли? Нѣтъ ли новыхъ недуговъ, прежде не знакомыхъ и чуть ли не горше прежнихъ? Однимъ словомъ, въ наше время улучшились ли нравы? Вотъ вопросъ, который разрѣшить не берусь. Во всякомъ случаѣ позволю себѣ замѣтить, что въ старомъ обществѣ, которое я еще засталъ, въ которомъ прожилъ я нѣсколько лѣтъ, было болѣе драматическихъ стихій и движенія, болѣе разнообразной самобытности и самоличности, болѣе общежительной связи. Міровыя и народныя событія шли своимъ чередомъ, а иногда, можно сказать, и не худо. Государственные дѣятели и дѣятели мысли тоже кое гдѣ встрѣчались. Общество имѣло свою степенную, назидательную сторону, но въ тоже время и свою ярко-живописную и картинную. Въ то время было веселѣе быть дѣйствующимъ лицемъ и зрителемъ на этомъ домашнемъ театрѣ любителей искусства для искусства. Нынѣ жизнь наука, и чуть ли не изъ числа камеральныхъ—тогда была она изящное искусство. *Кн. В.*

ИЗЪ БУМАГЪ Д. В. ДАВЫДОВА.

За сообщеніе этихъ бумагъ мы обязаны сыну знаменитаго нашего партизана, Василью Денисовичу Давыдову. Бумаги эти сохранились въ черновыхъ собственноручныхъ подлинникахъ.

П. Б.

1. Къ графу А. А. Аракчееву.

Съ перваго выстрѣла при переходѣ Нѣмана до сраженія подъ Бородинымъ, а потомъ до береговъ Рейна, я не спускалъ съ глазу непріятеля. Вашему сіятельству конечно не безъизвѣстно, что я имѣлъ наиопаснѣйшія, а потому наилестнѣйшія препорученія, подавши первый прожектъ покойному кн. Багратіону о дѣйствіи партизановъ и доказавъ самъ на дѣлѣ выгоды моего предложенія. Долго пользовался я признательностію вышняго начальства; но гнусныя интриги заставили меня предстать къ покойному фельдмаршалу для оправданія себя за овладѣніе (послѣ 10-ти часовой битвы), столицею Саксоніи, въ одно время, какъ ген. Чернышовъ получалъ 1-я Анны за занятіе безъ выстрѣла Берлина, а полковникъ Тетенборгъ чинъ за торжественный въѣздъ въ Гамбургъ. Справедливость Царя-покровителя была щитомъ безпокровнаго! Я, по Его Императорскаго Величества повелѣнію, воротился къ своему отряду, но онъ уже былъ отданъ другому, что̀ принудило меня, послѣ различныхъ предлоговъ, одного кривѣе другаго, мнѣ представленныхъ, удалиться въ Ахтырской гусарской полкъ, къ коему я принадлежу. Графъ Милорадовичъ, въ коего корпусѣ находился полкъ сей, выбираетъ меня снова въ партизаны, употребляетъ меня отъ Лютцена до заключенія перемирія по роду службы моей; я имѣю счастье выполнить нѣсколько разъ его повелѣнія, онъ меня представляетъ къ чину, и я остаюсь

опять безъ награжденія. Въ послѣднюю кампанію назначаются легкіе отряды, которые даются въ командованіе или людямъ, подъ моимъ начальствомъ находившимся, или тѣмъ, которымъ сей родъ службы вовсе былъ чуждымъ; я же, Русской полковникъ съ полкомъ казачьимъ, поступаю въ составъ отряда графа Менсдорфа, Австрійскаго полковника. Сколько ни прискорбно, командовавши самъ отдѣльною частію, находиться подъ начальствомъ другова; но во всю сію службу, вашему сіятельству объявитъ самъ полковникъ г. Менсдорфъ, какими подвигами заслужилъ я представительства его у Государя Императора и у фельдмаршала кн. Шварценберга, которыя также остались въ тунѣ.

Между тѣмъ всѣ мои сверстники и даже младшіе по службѣ, провождая жизнь въ резервахъ и главныхъ квартирахъ, обошли и обходятъ меня. Я представлялъ о томъ нѣкоторымъ моимъ начальникамъ, коихъ, кажется, долгъ— прежде наградить подчиненныхъ, а потомъ получать себѣ награды; но они, обезобразя себя разноцвѣтными украшеніями, увѣряютъ, что уже поздно симъ утруждать Государя Императора. Я просилъ нѣкоторыхъ близкихъ вельможъ къ Его Императорскому Величеству возобновить въ памяти Его мою службу, но у нихъ одинъ отвѣтъ: *не по моей части.* Какъ будто доводить истину до Царя раздѣлено на части?

Не имѣя никакихъ протекторовъ кромѣ извѣстной справедливости вашего сіятельства, осмѣливаюсь представить вамъ, милостивый государь, службу мою на разсмотрѣніе; если требованіе мое справедливо, то покорнѣйше прошу уважить ее и исходатайствовать мнѣ поравненіе въ чинѣ съ моими сверстниками; если же нѣтъ, то предать ее забвенію и...

2. Къ гр. В. Ѳ. А.

Пріязнь ваша, ваши добрые совѣты, стараніе обо мнѣ и одолженія ваши, которыя я никогда не забуду, даютъ мнѣ нѣкоторую смѣлость и даже право *на терзаніе васъ еще не много,* любезнѣйшій В. Ѳ. Иванъ Ивановичъ ([1]), въ официіальной бумагѣ своей, обѣщалъ мнѣ войдти съ докладомъ къ Государю Императору о позволеніи мнѣ отбыть съ водъ въ Россію: тѣмъ болѣе мнѣ сіе необходимо, что мнѣ не льзя уже времениТь на счетъ моего состоянія, съ часу на часъ приходящаго въ упадокъ. Судя строго, мнѣ не надлежало бы вступать въ службу въ прошедшемъ году; но я не могъ побѣдить желанія моего служить Государю Николаю Павловичу. Еще менѣе слѣдовало мнѣ ѣхать сюда, но, какъ я вамъ уже нѣсколько разъ говорилъ, выборъ Его Величества вскружилъ мнѣ голову.

И такъ, любезнѣйшій В. Ѳ., сдѣлайте одолженіе, не откажите мнѣ взять на себя трудъ не только напомнить одинъ разъ, но, если дѣло замедлится, *то напоминать* И. И-чу объ обѣщаніи его до тѣхъ поръ, пока онъ не пошлетъ сіе мнѣ необходимое разрѣшеніе. Я боюсь, что, погрузясь въ воды, меня тамъ забудутъ (ибо не одно дѣло И. Ивановичу обо мнѣ помнить) и чрезъ то сдѣлаютъ мнѣ чрезвычайную разстройку, разстройку, которая можетъ принудить меня рѣшительно оставить службу. Тутъ конецъ просьбы. Теперь другое дѣло. Я увѣренъ, что имѣю въ васъ точнаго истолкователя причинъ, побудившихъ меня оставить сей корпусъ. Вы были свидѣтелемъ моего затруднительнаго соотношенія съ начальствомъ по родству моему съ Алексѣемъ Петровичемъ ([2]); я вамъ сказывалъ о томъ неудовольствіи

([1]) Дибичь.

([2]) Ермоловымъ.

которое уже я понесъ по сему прежде еще смѣны Алек. Петр. и во время отсутствія его въ горы. Вы также видѣли, что я готовъ былъ все забыть и все переносить, если бы только дали мнѣ хотя какую либо команду. Право, я служилъ бы лихо, не смотря, что начальникъ другой, ибо Царь и честь моя все тѣже; да и къ чему бы я въ другой разъ прискакалъ сюда, какъ не для того, чтобы драться, драться и драться? Мнѣ никакой команды не давали, и я молчалъ, полагая, что, занимаясь приготовленіемъ къ походу, начальству было не до моей особы. Вдругъ даютъ самую блистательнѣйшую команду младшему мнѣ по службѣ! Я изъявляю на то мое удивленіе, и мнѣ отвѣчаютъ, что эта команда потому дана ему, что уже онъ тамъ на мѣстѣ, какъ будто бы я не могъ быть на томъ же мѣстѣ въ три дня? Наконецъ отвѣтъ заключается тѣмъ, что нѣтъ команды, которая мнѣ могла бы быть теперь ввѣрена.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Влачить 26-лѣтнюю боевую мою службу за главной квартирою вмѣстѣ съ маркитантами и, удостоенный выборомъ на *дѣятельную* службу самимъ Государемъ, столь мало чувствовать цѣну этой милости, что, облеченный ею, унижать себя прошеніемъ мѣста у какого нибудь раздавателя мѣстъ, возникающаго всегда и вездѣ во всѣхъ главныхъ квартирахъ всего свѣта? Могъ ли я на это рѣшиться! Скажутъ, что это лишняя гордость, но безъ гордости какой бы я былъ солдатъ? Не отъ нея ли я, смѣю сказать, болѣе въ мой вѣкъ сдѣлалъ, нежели награжденъ? И ни мало не былъ я оскорбленъ тѣмъ, и всегда готовъ служить безъ надежды на награды, только чтобы давали мнѣ команды и непріятеля. Свѣжій примѣръ сему порукою: за Миргское мое дѣло, которое, да простятъ мнѣ сію дерзость, важнѣе и какъ бой и послѣдствіями своими послѣдней стычки авангарда нашего (ибо прежде Миргскаго дѣла Персіане дѣлали набѣги къ Акзиблуку и къ Башкечешу въ 50 верстахъ отъ Тифлиса, а послѣ изгнанія ихъ мною за границу ни одинъ Персидской всадникъ не переступилъ за черту оной до сего времени) я только просилъ награды подчиненнымъ моимъ, а себѣ ничего кромѣ одной милости — начать первымъ сію кампанію, что мнѣ и обѣщали, что могли бы и выполнить, препоруча мнѣ передовыя войска авангарда, командуемаго генераломъ старѣе меня въ чинѣ; но сего не сдѣлали по той причинѣ, что я, будучи болѣе извѣстенъ его въ арміи, въ Россіи и далѣе, всѣ успѣхи отнеслись бы ко мнѣ, а всѣ неудачи къ нему. Я это чувствую, ясно знаю, но я молчалъ, молчу и молчать буду, а говорю вамъ одному о томъ, ибо съ вами я могу и хочу быть откровененъ. Теперь скажутъ, ежели бы я рѣшился слѣдовать за главной квартирой и очищать тамъ мѣсто себѣ, успѣлъ ли бы я въ томъ? Нѣтъ! Неясно ли было, что, препоруча отрядъ Карабагской генералу младшему мнѣ по службѣ и въ тоже время объявя мнѣ, что нѣтъ мнѣ теперь команды, неясно ли было, что начальство рѣшительно хотѣло сей жестокою намекою отъ меня отдѣлаться и отворить дверь къ выходу, ибо, вѣроятно ли, чтобы я лишенъ былъ сего блистательнѣйшаго мѣста, потому что оно находило меня глупѣе, менѣе храбрымъ и менѣе опытнымъ избраннаго имъ на сіе мѣсто, и что всѣ здѣшнія превосходительства меня превосходнѣе? И такъ эта намека приготовляла меня къ другимъ сильнѣйшимъ: если бы я заупрямился не понять первую и остался здѣсь, что бы изъ того вышло? Я могу ошибаться, ибо всякой человѣкъ видитъ все съ собственной точки зрѣнія, но мнѣ кажется, что я бы чрезъ то осрамилъ себя въ собственной совѣсти, въ глазахъ другихъ, и въ

Высочайшемъ мнѣніи, столь для меня драгоцѣнномъ, и все это безъ малѣйшей пользы для общаго дѣла.

Видя себя въ такомъ необыкновенномъ для меня положеніи, долго боролась страсть моя къ боевой службѣ и желаніе заслужить Высочайшій выборъ, столь высоко поднявшій мое самолюбіе, съ обстоятельствами, меня тѣснившими; наконецъ я рѣшился воспользоваться случаемъ, представляющимся мнѣ для пользованія ноги моей, отъ боли которой я безъ сомнѣнія, если не чрезъ годъ, то вѣрно черезъ два принужденъ былъ бы оставить службу: ибо уже одинъ разъ я отъ того выходилъ въ отставку, а прошлую осень едва могъ держаться на конѣ. Я счелъ, что, безполезный теперь, я могу быть полезнѣе послѣ и, излѣчась отъ болѣзни и исправя дѣла мои, могу быть снова годенъ Государю Императору на другую войну, въ другое время, при другихъ для меня обстоятельствахъ. Только, чтобы Его Величество промолвилъ слово, и я готовъ буду куда и на что Ему угодно, алча одного Его вниманія и боясь одного Его неблаговоленія.

Простите мнѣ, любезнѣйшій В. Ѳ., мою докучливость, но вы вашимъ кратковременнымъ здѣсь пребываніемъ, снискали общее уваженіе, а я, къ оному прибавляя пріязнь и благодарность, не могу васъ отпустить отъ сюда, не объясня всего того что̀ у меня на сердцѣ.

Въ воскресенье вечеромъ, въ Георгіевскѣ (1826).

3. Къ графу А. А. Закревскому.

31-го августа (1827) С. Мышецкое— а пиши въ Москву, въ Знаменской переулокъ, въ собствен. домъ.

Я тебѣ писалъ, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, немедленно по пріѣздѣ моемъ изъ Грузіи, но писалъ по почтѣ и потому не знаю, дошло ли письмо мое до тебя. Молчаніе твое необыкновенное заставляетъ думать меня, что письмо мое не дошло до тебя и потому, пользуясь пролетомъ Мадатова, я посылаю тебѣ другую эпистолу.

Я теперь живу въ деревнѣ, чуждый и дѣлъ и слуховъ этого міра. Здоровье мое, потрясенное не на шутку мерзостію г-на П., начинаетъ поправляться. Покой, уединеніе и семейственное счастіе совершенно оживляютъ и духъ и тѣло мое.

Я былъ у брата Алексѣя; онъ не грустенъ, но сердитъ и какъ будто выбитый съ винта, на коемъ онъ вертѣлся 38 лѣтъ славной службы! Кажется однако, что начинаетъ кой какъ привыкать къ безмятежной жизни, началъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ записокъ своихъ, ибо не изъ числа тѣхъ безграмотныхъ, которымъ и партикулярныя письма сочиняетъ Грибоѣдовъ. Тамъ же строитъ онъ маленькую хижину для себя и своей библіотеки. Какъ мы часто о тебѣ говорили, и конечно нигдѣ о тебѣ дружественнѣе не вспоминали, какъ въ Тифлисѣ и въ Лукьянчиковѣ ([3])!

Я не говорю о Ермоловѣ — сильные враги его все сдѣлали; но скажи, какова моя участь со всею страстію моею къ боевой службѣ (съ тобою могу говорить такъ): съ умомъ, съ храбростію, съ опытностію, не съ тою что̀ только была, но съ тою что̀ *была*, *дѣлала* и *замѣчала*, съ ревностію, которая, ты свидѣтель, заставила меня бросить и беременную жену, родившую послѣ во время моего отсутствія, и дѣтей, и радости домашнія, и разстроенное имѣніе, чтобы летѣть въ Грузію, тогда представленную намъ какъ котелъ кипящій. Пріѣхавъ туда, я сдѣлалъ то, что̀ препоручено мнѣ было сдѣлать, подобно

([3]) Родовая деревня А. П. Ермолова въ Орловской губ.

г-ну П. побилъ и выгналъ непріятеля изъ Грузіи, но болѣе его вошелъ въ границы Персіи. Онъ правда взялъ 1100 челов. плѣнныхъ, но какъ и по чьей милости, спроси о томъ Мадатова, а въ дѣлѣ его и не видали. У васъ, можетъ быть, онъ еще героемъ слыветъ, и Елисаветпольское дѣло неизвѣстно, а въ Грузіи оно чисто и ясно: Вельяминовъ и Мадатовъ все сдѣлали. П. только имя свое приложилъ къ дѣлу.

Но я занесся о Елизаветпольскомъ дѣлѣ, и забылъ о себѣ. И такъ я сдѣлалъ то, что̀ мнѣ велѣно было сдѣлать, а можетъ и болѣе, ибо входъ въ границы Персіи мнѣ именно воспрещенъ былъ, я ослушался; но, кажется, не для безславья нашему оружію. За все за это, мнѣ, послѣ графа Дибича обѣщаній, что я первый открою огонь противъ Персіянъ, мнѣ не даютъ команды, и самую блистательнѣйшую даютъ Панкратьеву, человѣку не знающему войны, давно уже просившемуся въ оберъ-полицеймейстеры, и 3-мя годами моложе меня въ чинѣ генералъ-маіорскомъ. Наконецъ, не смотря, что не я просился въ Грузію, а что я присланъ туда по выбору Государя, и гораздо прежде г-на П., тѣснятъ меня и заставляютъ выбыть изъ корпуса. Ты знаешь всю мою службу, отъ самой Финляндской кампаніи; ты помнишь, какъ я служилъ, и какъ я люблю служить; признайся, что я несчастливъ! Я, который оставляю въ покоѣ и кресты, и ленты, и чины, словомъ ничего не желаю кромѣ *команды* и *непріятеля*, меня не только первыхъ, но и послѣднихъ лишаютъ.......

4. Голодный песъ.

(Неизданное стихотвореніе)

Ахъ! какъ храбрится
Нѣмецкой фонъ,
Какъ горячится
Нашъ херъ-баронъ!

Ну вотъ и драка,
Вотъ лавровъ возъ...
Хватай, собака,
Голодный пёсъ!

Кипятъ и рдѣютъ
На бой полки,
Знамена вѣютъ,
Горятъ штыки,
И забіяка
Палашъ вознесъ...
Хватай, собака,
Голодный пёсъ!

Адріанополь
Безъ битвъ у ногъ,
Константинополь
Въ чаду тревогъ...
Что жъ ты, зѣвака,
Повѣсилъ носъ?..
Хватай, собака,
Голодный пёсъ!

Ляхъ изъ Варшавы
Намъ кажетъ шишъ...
Чтожъ ты, шершавый,
Подъ лавкой спишь?
Задай, лаяка,
Варшавѣ чосъ...
Хватай, собака,
Голодный пёсъ!

—Все это жжется.
Я брать привыкъ
Что̀ *такъ* дается...
Царьградъ великъ!
Боюсь я ляха!
А ты, небось!
Хватай, собака,
Россійской пёсъ.

Такъ, вотъ кресченды
Звѣздъ, лентъ, крестовъ,
Двѣ-три аренды,
Пять-шесть чиновъ;
На шнапсъ, гуляка,
Вотъ денегъ возъ!..
Схватилъ собака,
Голодный пёсъ!

5. Разговоръ

Государя Императора Николая Павловича съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, на музыкальномъ вечерѣ кн. Дмитрія Владиміровича Голицына, 17 мая 1835 года въ Москвѣ.

(*Записано Д. В. Давыдовымъ*).

Государь. Какъ хороша Скрыпицына! Какъ стройна!

Ермоловъ. Да, государь, — она какъ стебель лиліи.

Государь. О! да ты поэтъ, какъ братъ твой Денисъ. — Какъ жаль, что этотъ человѣкъ служитъ урывками! Съ его средствами и дарованіями чѣмъ бы онъ не былъ! — Писалъ ли ты когда нибудь стихи?

Ермоловъ. Никогда, государь, не могъ прибрать ни одной рифмы и ни съ однимъ стихомъ не умѣлъ сладить.

Государь. А Денисъ пишетъ ли стихи?

Ермоловъ. Рѣдко теперь, онъ занимается серіозными сочиненіями.

Государь. Я этого не зналъ; можетъ быть, урывками, также какъ служитъ.

Ермоловъ. Нѣтъ, государь, весьма постоянно; можно сказать, какъ трудолюбивѣйшій коментаторъ.

Государь. Къ чему онъ не способенъ, когда захочетъ, съ его способностями и дарованіемъ! — Онъ однако прежде писывалъ вольные стихи?

Ермоловъ. Правда, государь: бывъ гусаромъ, онъ славилъ и пѣлъ вино, и отъ того прослылъ пьяницею, а онъ такой же пьяница, какъ я.

Государь. Это я знаю; — жаль, что онъ урывками служитъ! Онъ былъ бы полезенъ и для всѣхъ, и для себя, и пошелъ бы далеко.

6. Къ А. П. Ермолову.

Я вѣрно четыре раза писалъ Евдокиму (¹), почтеннѣйшій братъ Алексѣй Петровичъ, чтобы онъ увѣдомилъ меня о вашемъ подагрическомъ припадкѣ, то ему слѣдовало бы на сей счетъ меня и успокоить. Но онъ молчалъ, и обязанность его взяла на себя Петербургская газета, въ которой я, къ удовольствію моему, увидѣлъ, что 20 февраля вы пріѣхали въ Петербургъ. И такъ, слава Богу, подагра съ плечъ долой, или лучше съ ногъ долой! Дай Богъ никогда уже ей не посѣщать васъ и возвратиться въ Сенатъ, гдѣ ея вѣчная главная квартира. Спустя нѣсколько дней по прочтеніи въ газетѣ о вашемъ пріѣздѣ, я получилъ и отъ моего Васи (²) извѣстіе о томъ же, но онъ къ извѣстію этому прибавляетъ, что, какъ кажется ему, вы въ Петербургѣ не надолго; я же съ своей стороны полагаю, что вы конечно проведете тамъ Святую недѣлю. Пишу къ вамъ туда, желая, чтобы письмо мое васъ еще тамъ застало, ибо оно заключаетъ въ себѣ просьбу и вотъ какую.

Вы помните, что два года тому назадъ, т. е. 1837 года октября 3-го я подалъ графу Орлову записку, въ которой просилъ его объ исходатайствованіи у Государя Императора перемѣщенія праха незабвеннаго нашего героя кн. П. И. Багратіона изъ пустыннаго села Сима Владимірской губерніи. Орловъ въ ту же минуту отнесъ записку мою къ Государю, а Его Величество изволилъ передать ее военному министру

(¹) Младшій братъ Дениса Васильевича, генералъ-маіоръ Евдокимъ Васильевичъ Давыдовъ † 1842. Будучи поручикомъ кавалергардскаго полка, онъ былъ раненъ подъ Аустерлицомъ и взятъ въ плѣнъ. Наполеонъ, обходя лазаретъ, спросилъ Е. В. Давыдова: Combien de blessures, monsieur? — Sept, sire, отвѣчалъ Давыдовъ. — Autant de marques d'honneur! (Т. е. сколько ранъ? — Семь, ваше величество. — Столько же знаковъ чести!). Въ 1822 г. онъ былъ флигель-адъютантомъ и командовалъ кавалергардами.

(²) Старшій сынъ Дениса Васильевича. Служилъ въ это время юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.

съ тѣмъ, чтобы по ней было исполнено въ свое время; Орлову же изволилъ сказать, что прахъ этотъ перенесенъ будетъ на Бородинское поле и погребенъ у памятника.

Открытіе памятника, кажется, будетъ лѣтомъ. Перемѣщеніе праха князя Багратіона требуетъ заблаговременнаго распоряженія и предписаній въ тѣ мѣста, которыя въ этомъ дѣлѣ должны нѣсколько соучаствовать и коимъ нужно будетъ употребить нѣсколько времени для приведенія въ исполненіе предписаннаго. Мѣста эти Синодъ и Владимірское Губернское Правленіе. Сверхъ того, если честь сего перемѣщенія возложена будетъ на меня — честь, которую я приму за истинное благодѣяніе, (и на которую впрочемъ я имѣю все право и потому, что я былъ болѣе времени чѣмъ другіе адъютантомъ князя и потому, что я подалъ мысль о перемѣщеніи его праха и хлопочу о томъ), то мнѣ нужно будетъ получить на сіе предписаніе военнаго министра заблаговременно, дабы имѣть время распоряжаться по сему случаю.

Я писалъ дежурному генералу Клейнмихелю и просилъ его доложить о томъ графу Чернышеву.—Но такъ какъ вы теперь въ Петербургѣ, почтеннѣйшій братъ, то не можете ли вы сдѣлать мнѣ милость поговорить о томъ съ графомъ и уладить такъ, чтобы до выѣзда еще вашего изъ Петербурга все это распоряженіе было сдѣлано, и предписанія разосланы во всѣ тѣ мѣста, въ которыя ихъ слѣдуетъ разослать? Вы крайне обязали бы меня; сдѣлайте милость, не откажите мнѣ въ этомъ.

Болѣе писать изъ снѣжныхъ степей моихъ нечего, скажу только, что я съ нѣкотораго времени все боленъ; ревматизмы одолѣваютъ! Это слѣдствіе бивачной жизни. Поневолѣ вспомнишь слова генерала въ какой то французской пьесѣ: La gloire! ça ne donne que des rhumatismes; c'est le seul bien qu'on ne nous conteste pas (5).

Простите, почтеннѣйшій братъ, — въ маѣ, если Богъ дастъ жизни и здоровья, надѣюсь васъ увидѣть въ Осоргинѣ (6) или въ Москвѣ проѣздомъ въ Петербургъ. Преданнѣйшій всей душою братъ

Денисъ.

20 Марта 1839
Мыза
Сим. губ. Сызранскаго уѣзда.

Извѣстно, что Д. В. Давыдовъ не дожилъ до перенесенія Багратіонова тѣла на Бородинское поле. Онъ скончался скоропостижно въ своей деревнѣ, откуда писано это письмо, апрѣля 22 1839 г. Жуковскій, въ „Бородинской годовщинѣ“ своей, перечисляя сподвижниковъ 1812 г., говоритъ:

И боецъ, сынъ Аполлоновъ!
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино;
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ,
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

---

(5) Т. е. Слава! Отъ нея добудешь только ревматизмы — единственное, неоспоримое достояніе наше.

(6) Подмосковная деревня А. П. Ермолова.

УДАЛЕНІЕ А. С. ПУШКИНА

изъ С.-Петербурга въ 1820 году.

Разсказъ Ѳ. Н. Глинки.

Когда, средь оргій жизни шумной,
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ:

Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ;
Но голосъ твой мнѣ былъ наградой,
Великодушный гражданинъ!

Пускай Судьба опредѣлила
Гоненье грозное мнѣ вновь,
Пускай мнѣ Дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ Любовь, —

Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

Такъ писалъ А. С. Пушкинъ изъ степей Новороссійскихъ въ С.-Петербургъ, къ Ѳ. Н. Глинкѣ, отзываясь на поэтическое привѣтствіе сего послѣдняго, напечатанное вскорѣ послѣ непроизвольнаго отъѣзда Пушкина изъ сѣверной столицы (С. Отечества 1820 г. сент. № 38). Стихи эти недавно читаны были Н. В. Путятою въ торжественномъ собраніи Общества люб. Росс. словесности, на 50-лѣтнемъ юбилеѣ литературной дѣятельности кн. П. А. Вяземскаго и Ѳ. Н. Глинки. Тогда же, и по этому поводу, мы позволили себѣ обратиться къ Ѳ. Н. Глинкѣ за ближайшими разъясненіями его дружескихъ сношеній съ Пушкинымъ. Ѳ. Н. Глинка почтилъ насъ письмомъ, изъ котораго приводятся нижеслѣдующія строки. Приносимъ глубокую благодарность заслуженному и маститому ветерану нашей словесности. Другія подробности объ удаленіи Пушкина изъ Петербурга можно найти въ нашей книжкѣ: „Пушкинъ въ Южной Россіи“. М. 1862, стр. 1 — 13.
П. Б.

Познакомившись и сойдясь съ Пушкинымъ съ самаго выпуска его изъ Лицея, я очень его любилъ какъ Пушкина и уважалъ какъ въ высшей степени талантливаго поэта. Кажется, и онъ это чувствовалъ, и потому дозволялъ мнѣ говорить ему прямо на прямо на счетъ тогдашней его разгульной жизни. Мнѣ удалось даже отвести его отъ одной дуэли. Но это постороннее: приступаю къ дѣлу. Разъ утромъ выхожу я изъ своей квартиры (на Театральной площади) и вижу Пушкина, идущаго мнѣ на встрѣчу. Онъ былъ, какъ и всегда, бодръ и свѣжъ; но обычная (по крайней мѣрѣ при встрѣчахъ со мною) улыбка не играла на его лицѣ, и легкій оттѣнокъ блѣдности замѣчался на щекахъ. „Я къ вамъ“.—„А я отъ себя!“ И мы пошли вдоль площади. Пушкинъ заговорилъ первый: „Я шелъ къ вамъ посовѣтываться. Вотъ видите: слухъ о моихъ и не моихъ (подъ моимъ именемъ) піэсахъ, разбѣжавшихся по рукамъ, дошелъ до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявилъ, что приходилъ въ квартиру какой то неизвѣстный человѣкъ и давалъ ему *пятьдесятъ* рублей, прося дать ему почитать моихъ сочиненій и увѣряя, что скоро принесетъ ихъ назадъ. Но мой вѣрный старикъ не согласился, а я взялъ да и сжегъ всѣ мои бумаги“. При этомъ разсказѣ я тотчасъ узналъ *Ф**** съ его продѣлками ([1]). „Теперь“—продолжалъ Пушкинъ, немного озабоченный:—„меня требуютъ къ Милорадовичу! Я знаю его по публикѣ, но не знаю какъ и что будетъ и съ чего съ нимъ взяться?... Вотъ я и шелъ посовѣтываться съ вами“... Мы остановились и обсуждали дѣло со всѣхъ сторонъ. Въ заключеніе я сказалъ ему: „Идите прямо къ Милорадовичу, не смущаясь и безъ всякаго опасенія. Онъ не поэтъ; но въ душѣ и рыцарскихъ его выходкахъ — у него много романтизма и поэзіи: его не понимаютъ! Идите и положитесь безусловно на благородство его души: онъ не употребитъ во зло вашей довѣренности“. Тутъ, еще поговоривъ немного, мы разстались: Пуш-

([1]) О Ф—ѣ см. ниже. П. Б.

кинъ пошелъ къ Милорадовичу, а мнѣ путь лежалъ въ другое мѣсто.

Часа черезъ три явился и я къ Милорадовичу, при которомъ, какъ при генералъ-губернаторѣ, состоялъ я, по высочайшему повелѣнію, по особымъ порученіямъ, въ чинѣ полковника гвардіи. Лишь только ступилъ я на порогъ кабинета, Милорадовичъ, лежавшій на своемъ зеленомъ диванѣ, окутанный дорогими шалями, закричалъ мнѣ на встрѣчу: „Знаешь, душа моя! (это его поговорка) у меня сейчасъ былъ *Пушкинъ!* (²) Мнѣ вѣдь велѣно взять его и забрать всѣ его бумаги; но я счелъ болѣе *деликатнымъ* (это тоже, любимое его выраженіе) пригласить его къ себѣ и ужъ отъ него самаго вытребовать бумаги. Вотъ онъ и явился, очень спокоенъ, съ свѣтлымъ лицемъ и, когда я спросилъ о бумагахъ, онъ отвѣчалъ: „Графъ! всѣ мои стихи сожжены! — у меня ничего не найдется на квартирѣ; но, если вамъ угодно, все найдется *здѣсь* (указалъ пальцемъ на свой лобъ). Прикажите подать бумаги, я напишу все, чтὸ когда либо написано *мною* (разумѣется кромѣ печатнаго) *съ отмѣткою*, чтὸ мое и чтὸ разошлось *подъ моимъ именемъ*". Подали бумаги. Пушкинъ сѣлъ и писалъ, писалъ... и написалъ *цѣлую тетрадь*... Вонъ *она* (указывая на столъ у окна) полюбуйся!.. Завтра я отвезу ее Государю. А знаешь-ли? — Пушкинъ плѣнилъ меня своимъ благороднымъ тономъ и *манерою* (это тоже его словцо) обхожденія".

Послѣ этого мы перешли къ очереднымъ дѣламъ, а тамъ занялись разговорами о дѣлахъ графа, о *Вороньках* (имѣніе въ Полтавской губерніи), гдѣ онъ выстроилъ великолѣпный домъ, развелъ чудесный садъ (онъ очень любилъ садоводство) и всѣмъ этимъ хотѣлъ пожертвовать въ пользу института для бѣдныхъ дѣвицъ Полтавской губерніи.

На другой день я постарался придти къ Милорадовичу поранѣе и поджидалъ возвращенія его отъ Государя. Онъ возвратился и первымъ словомъ его было: „Ну, вотъ дѣло Пушкина и рѣшено!" Разоблачившись потомъ отъ мундирной формы, онъ продолжалъ: „Я вошелъ къ Государю съ своимъ сокровищемъ, подалъ ему *тетрадь* и сказалъ: „Здѣсь все, чтὸ разбрелось въ публикѣ, но вамъ, Государь, лучше этого не читать!" Государь улыбнулся на мою заботливость. Потомъ я разсказалъ подробно, какъ у насъ дѣло было. Государь слушалъ внимательно, а наконецъ спросилъ: „А что-жъ ты сдѣлалъ *съ авторомъ*?"—Я?... (сказалъ Милорадовичъ) я объявилъ ему отъ имени Вашего Величества *прощеніе*!... Тутъ мнѣ показалось (продолжалъ Милорадовичъ), что Государь слегка нахмурился. Помолчавъ немного, Государь съ живостью сказалъ: „*Не рано ли*?!.." Потомъ, еще подумавъ, прибавилъ: „Ну, коли ужъ „такъ, то мы распорядимся иначе: снаря„дить Пушкина въ дорогу, выдать ему „прогоны и, съ соотвѣтствующимъ чи„номъ и съ соблюденіемъ возможной „благовидности, отправить его на службу „на югъ!" (³) Вотъ какъ было дѣло. Между тѣмъ, въ промежуткѣ двухъ сутокъ, разнеслось по городу, что Пушкина бе-

(²) Уже тогда было что-то магическое въ словѣ *Пушкинъ*. Черезъ шесть лѣтъ съ подобнымъ же восклицаніемъ обратился императоръ Николай Павловичъ къ гр. Д. Н. Блудову: „Знаешь ли, кто былъ у меня сей часъ?—Пушкинъ!" Ср. Р. Арх. 1865, изд. 2-е стр. 1249.

(³) Покойный Государь Александръ Павловичъ, замѣтившій Пушкина еще въ Лицеѣ, выразилъ свою заботливость о судьбѣ поэта, пославъ его на службу къ мартинисту Инзову. Мы слышали отъ П. А. Плетнева, что выборъ Инзова сдѣланъ былъ самимъ Государемъ. Извѣстно, что Инзовъ для Пушкина былъ скорѣе старшимъ другомъ-наставникомъ, чѣмъ строгимъ начальникомъ. *П. Б.*

рутъ и ссылаютъ. Гнѣдичъ, съ заплаканными глазами (я самъ засталъ его въ слезахъ), бросился къ Оленину; Карамзинъ, какъ говорили, обратился къ Государынѣ ([1]); а (незабвенный для меня) Чаадаевъ хлопоталъ у Васильчикова, и всякой старался замолвить слово за Пушкина. Но слова шли своею дорогою, а дѣло исполнялось *буквально по рѣшенію*....

Кто таковъ помянутый здѣсь Ф—ь? *Ф—ь* былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ, современныхъ ему, агентовъ тайной полиціи. Въ чинѣ надворнаго совѣтника онъ числился (для вида) по полиціи; но дѣйствовалъ отдѣльно и самостоятельно. Онъ хорошо говорилъ по французски, зналъ нѣмецкій языкъ какъ нѣмецъ, говорилъ и писалъ по русски, какъ русскій. Во время *Семеновской исторіи* онъ много работалъ и удивлялъ своими донесеніями. Служилъ онъ прежде у Вязмитинова, потомъ у Балашева, и вотъ одинъ изъ фактовъ его искусства въ ремеслѣ. Въ концѣ 1811-го г, съ весьма секретными бумагами на имя французскаго посла въ С.-П-гѣ, выѣхалъ изъ Парижа тайный агентъ. Его перехватили и перевезли прямо въ Шлюсельбургскіе казематы, а коляску его представили къ Балашеву, по приказанію котораго ее обыскали, ничего не нашли и поставили съ министерскими экипажами. Ф—я послали на развѣдку. Онъ развѣдалъ и объявилъ, что есть надежда открыть, если его посадятъ какъ преступника, рядомъ съ заключеннымъ. Такъ и сдѣлали. Тамъ, отдѣленный только тонкою перегородкою отъ нумера арестанта, Ф—ь своими вздохами, жалобами и восклицаніями, привлекъ вниманіе француза, вошелъ съ нимъ въ сношеніе, выигралъ его довѣренность и, чрезъ два мѣсяца неволи, вызналъ всю тайну. Возвратясь въ С.-П-гъ, Ф—ь отправился прямо въ каретный сарай, снялъ правое заднее колесо у коляски, велѣлъ отодрать шину и, изъ выдолбленнаго подъ нею углубленія, досталъ всѣ бумаги, которыя, какъ оказавшіяся чрезвычайно важными, поднесъ министру. Вотъ какого полета была эта птица, носившаяся и надъ головою Пушкина! Ѳ. Г.

([1]) Маріи Ѳедоровнѣ.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ГРАФА АРАКЧЕЕВА

на прокладныхъ бѣлыхъ листахъ принадлежавшей ему книги св. Евангелія.

Февраля 2-го, 1782 г. Аракчеевъ опредѣленъ въ службу, въ артиллерійскій кадетскій корпусъ—кадетомъ.

Сентября 27-го дня, 1787 г. пожалованъ Алексѣю Аракчееву первый оберъ-офицерскій чинъ, отъ арміи поручика.

Іюля 24-го дня, 1790 г. Алексѣй Аракчеевъ взятъ въ старшіе адъютанты къ генералъ-поручику Мелиссино.

Октября 8-го дня, 1792 года, пожалованъ Алексѣй Аракчеевъ артиллеріи капитаномъ и отъ арміи преміеръ-маіоромъ.

Августа 5-го дня, 1793 г. пожалованъ Алексѣй Аракчеевъ артиллеріи маіоромъ, а отъ арміи подполковникомъ.

Іюня 28-го дня 1796 г. пожалованъ Алексѣй Аракчеевъ полковникомъ.

Ноября 8-го дня, 1796 г., пожалованъ Алексѣй Аракчеевъ генералъ-маіоромъ и кавалеромъ 1-й степени Св. Анны.

Декабря 12-го 1796 года, пожалована Алексѣю Аракчееву Грузинская вотчина, 2000 душъ.

Апрѣля 5-го 1797 г. пожалованъ А. Аракчеевъ барономъ Россійской Импе-

ріи и орденомъ Св. Александра Невскаго.

Января 5-го дня, 1799 года, пожалованъ Алексѣй Аракчеевъ орденомъ Іоанна Іерусалимскаго, съ командорствомъ по 1000 рублей въ годъ.

Мая 5-го дня, 1799 г. пожалованъ Алексѣй Аракчеевъ графомъ Россійской Имперіи; онаго-же числа 1805 г. заложена графомъ Аракчеевымъ въ Грузинѣ церковь каменная Апостола Андрея.

Марта 11-го числа, 1801 г., по полудни въ 12-мъ часу кончина Императора Павла I.

Апрѣля 27-го, 1803 г. получилъ именной указъ отъ Императора Александра Павловича, чтобы быть графу Аракчееву въ Петербургъ изъ Грузина.

Мая 14-го, 1803 г. принятъ графъ Аракчеевъ въ третій разъ въ службу, инспекторомъ артиллеріи.

Ноября 20-го, 1805 г. онаго числа былъ графъ Аракчеевъ на сраженіи, бывшемъ въ Моравіи подъ Аустерлицомъ съ Французами, съ Императоромъ Александромъ I-мъ.

Февраля 4-го 1806 г. женился графъ А. Аракчеевъ на Натальѣ Ѳедоровнѣ Хомутовой. Вѣнчаніе было въ Сергіевскомъ артиллерійскомъ Соборѣ, въ присутствіи Государя Императора Александра I-го

20-го Сентября, рожденіе Императора Павла I-го, 1754 года; въ оный-же день 1806 г. освящена новая каменная церковь въ селѣ Грузинѣ, во имя Апостола Андрея, построенная графомъ Аракчеевымъ.

Января 13-го, 1808 г. Въ сей день графъ Аракчеевъ слѣланъ военнымъ министромъ и генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты и артиллеріи

Января 14-го, 1809 г. прислалъ Прусскій король съ флигель-адъютантомъ брилліантовую звѣзду ордена, но мною не принята, а возвращена обратно.

Января 18-го 1809 г. Въ сей день пожалованъ кавалеромъ орденовъ: Краснаго и Чернаго Орла Прусскаго.

Сентября 6-го. Въ сей день, 1809 года, Государь Императоръ Александръ I изволилъ прислать къ графу Аракчееву, по случаю мира съ Швеціею, съ флигель-адъютантомъ, орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, тотъ самый, который самъ изволилъ носить, при рескриптѣ Своемъ; оный орденъ упросилъ графъ Аракчеевъ, того-же числа въ вечеру, взять обратно, что̀ Государемъ Императоромъ милостиво исполнено; а дабы сей рескриптъ не утерялся, то съ онаго копія списана въ сей книгѣ на листахъ въ Пасхаліи, а другая копія написана на листахъ въ Евангеліи, въ селѣ Грузинѣ. На оное останется въ доказательство, въ фамиліи Аракчеевыхъ, рескриптъ Государя Императора, на сей случай собственною рукою писанный.

Января 1-го 1810 года. Въ сей день сдалъ званіе военнаго министра. Совѣтую всѣмъ, кто будетъ имѣть сію книгу послѣ меня, помнить, что честному человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста государства.

Іюня съ 7-го на 8-е число, 1810 г. что̀ было съ понедѣльника на вторникъ, Государь Императоръ Александръ I-й, возвращаясь изъ Твери, нарочно изволилъ заѣзжать въ Грузино, посѣтить графа Аракчеева; прибывъ ночью во 2-мъ часу, изволилъ лечь почивать, а поутру 8-го числа, въ 9 часовъ, одѣвшись, из-

волилъ посѣщать церковь, и гулялъ по всему саду и селенію до 11-ти часовъ; потомъ, возвратясь въ домъ, изволилъ фрыштыкать, и потомъ съ графомъ Аракчеевымъ ѣздить на дрожкахъ по деревнямъ, и возвратясь во 2-мъ часу изволилъ имѣть обѣденный столъ, и послѣ обѣда пробылъ до 7-ми часовъ вечера, и потомъ изволилъ отправиться въ С.-Петербургъ, и былъ чрезвычайно веселъ и доволенъ.

Апрѣля 17-го 1811 г. Сего числа, Государь Императоръ Александръ I-й конфирмовалъ собственною рукою докладъ графа Аракчеева, чтобы Грузинской церкви Андрея Апостола быть Грузинскимъ Соборомъ, и утвердилъ сумму 12 тысячъ рублей, внесенную графомъ на содержаніе Собора.

Іюня 6-го, 1811 г. сего числа, въ селѣ Грузинѣ, въ Соборѣ, служилъ архіепископъ Рязанскій Ѳеофилактъ обѣдню, при стеченіи множества народа, и говорилъ поученіе, на случай открытія Грузинскаго Собора, въ присутствіи многихъ господъ, между коими находился и войска Донскаго атаманъ генералъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

Апрѣля 14-го дня, 1812 г. выѣхалъ графъ Аракчеевъ въ армію въ Вильну, что̀ было Пятница страстной недѣли.

Апрѣля 28-го, 1812 года, пріѣхалъ графъ Аракчеевъ въ Вильну.

Іюня 12-го дня, 1812 г. Французы перешли нашу границу чрезъ Нѣманъ; въ то время я былъ съ Государемъ въ Вильнѣ, откуда выѣхалъ съ Государемъ 14-го числа въ Свѣнцяны.

Іюня 17-го дня, 1812 г. въ городѣ Свѣнцянахъ призвалъ меня Государь къ себѣ, и просилъ, чтобы я опять вступилъ въ управленіе военныхъ дѣлъ, и съ онаго числа, вся Французская война шла черезъ мои руки, всѣ тайныя донесенія и собственноручныя повелѣнія Государя Императора.

Декабря 6-го 1812 года. Въ сей день ввечеру выѣхалъ графъ Аракчеевъ изъ Петербурга въ Вильну съ Государемъ для заграничнаго похода въ 1813 и 1814 годахъ.

Декабря 6-го 1812 года, Государь Императоръ Александръ I-й утвердилъ духовную графа Аракчеева собственноручнымъ подписаніемъ.

Марта 31-го дня, 1814 г. въ Парижѣ, Государь Императоръ Александръ I-й изволилъ произвесть графа Аракчеева въ фельдмаршалы, вмѣстѣ съ графомъ Барклаемъ, о чемъ и приказъ собственноручно былъ написанъ, но гр. Аракчеевъ онаго не принялъ и упросилъ Государя отмѣнить.

Августа 30-го, 1814 г. Въ сей день, графъ Алексѣй Аракчеевъ получилъ отъ Государя Императора Александра I-го его портретъ, для ношенія на шеѣ.

30-го Ноября 1815 года, поставлены въ Грузинскомъ Соборѣ памятники покойному Государю Павлу Петровичу и офицерамъ графскаго полка, и въ оный день освящены.

Декабря 12-го 1815 г. Государь императоръ Александръ I-й изволилъ давать графу Аракчееву званіе статсъ-дамы для его матери, но графъ онаго не принялъ и упросилъ оное отмѣнить.

Апрѣля 24-го 1816 г. прибыла въ село Грузино, пожалованная графу Аракчееву яхта государева Роченсалмъ, которая и переименована . . . .
При приходѣ въ Грузино она салюто-

вала изъ пушекъ, на чтò и ей отвѣчали съ батареи Грузинской.

Іюля 8-го числа, 1816 г. чтò было суббота, Государь Императоръ Александръ I-й изволилъ нарочно пріѣхать изъ Царскаго Села въ Грузино, посѣтить графа Аракчеева, прибылъ 8 числа въ 10½ часовъ по полудни съ генералъ-адъютантомъ Волконскимъ, изволилъ лечь почивать, а поутру 9-го числа въ 7½ часовъ, одѣвшись, изволилъ гулять въ саду, и, пройдя чрезъ большой мостъ въ деревню до магазина, гдѣ изволилъ сѣсть въ елботъ, заѣхалъ въ бесѣдку, посвященную генералу Мелиссино, которая очень понравилась; оттуда переѣхалъ на большую пристань садовую и прошелъ въ палатку, гдѣ готовъ былъ фрыштыкъ, и изволилъ кушать, а потомъ возвратился въ домъ, уже въ 10 часовъ утра, въ которое время начали благовѣстить къ обѣднѣ.

Августа 18-го дня, 1816 г. Государь Императоръ Александръ I-й въ Москвѣ, посѣтилъ мать графа Аракчеева въ ея квартирѣ, въ домѣ, нанимаемомъ генералъ-маіоромъ Ильинскимъ.

Все это записано собственноручно графомъ Аракчеевымъ. Событія слѣдуютъ у него по мѣсяцамъ, къ которымъ они относились, начиная съ сентября, по церковному счисленію; для удобства чтенія здѣсь эти замѣтки расположены по годамъ. *П. Б.*

ПИСЬМО ПРИНЦА КАРЛА МЕКЛЕНБУРГСКАГО.

(Собственноручное).

Pour Vous montrer, que je n'oublie pas dans l'éloignement ceux, qui m'ont fait du bien, je prends la liberté de vous incommoder avec lettre; et vous marquer toutes les obligations, que je vous dois pour les bontés que vous m'avez témoignées. Je pense toujours avec plaisir aux moments, que j'ai passé en dernier lieu chez vous à Antippen. Je vous prie de me ressouvenir au Prince et aux Princesses et de ne pas oublier celui, qui se nommera toujours, Madame, Votre très humble serviteur et ami Charles Prince de Meklenbourg.

Ludvigstadt
ce 27 de décembre
1801.

Принцъ Карлъ (род. 21 іюня, 1782), находясь въ Русской службѣ, стоялъ съ гусарскимъ полкомъ своимъ въ Смоленскѣ, въ 1800 году. Познакомившись съ городскимъ обществомъ, онъ пріятно проводилъ время. Между Смоленскими дамами отличалась очень своею образованностью и любезностью моя бабка, княгиня Аѳимья Алексѣевна, къ которой это письмо написано.

Кн. Н. Туркестановъ.

*

Въ 4 и 5-мъ выпускахъ Русскаго Архива помѣщены Воспоминанія И. М. Снегирева. По желанію сочинителя, сообщается поправка: должно читать не *Снигирева*, какъ у насъ напечатано, а *Снегирева*.

Чертковская библіотека на лѣтнее время открыта для чтенія по Вторникамъ и Пятницамъ, отъ 10 часовъ утра до 3 часовъ пополудни.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1864 ГОДА.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1866.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Это историко-литературное изданіе, выходящее ежемѣсячно въ Москвѣ, при Чертковской библіотекѣ, посвящено *преимущественно* ближайшей къ намъ старинѣ (XVIII и XIX вѣкамъ).

Къ первому выпуску Русскаго Архива за нынѣшній годъ прилагается и выдается всѣмъ подписчикамъ большой фотографическій портретъ имп. Екатерины II й въ траурномъ одѣяніи по имп. Елизаветѣ Петровнѣ, современной работы академика Чемесова.

Подписная цѣна за **12** выпусковъ (съ портретомъ) въ Москвѣ и Петербургѣ ПЯТЬ рублей; съ пересылкою и доставкою ШЕСТЬ р. с. Подписка принимается *въ Москвѣ* въ Чертковской библіотекѣ и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ И. В. Базунова на Страстномъ бульварѣ въ домѣ Загряжскаго;; *въ Петербургѣ* — на Невскомъ проспектѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, къ коему исключительно обращаются за Русскимъ Архивомъ прежнихъ годовъ гг. Петербургскіе книгопродавцы.

Выписывающіе въ чужіе края платятъ за Русскій Архивъ:

Въ Германію 6 р. 75 к.

Во Францію 7 р.

Въ Англію 7 р. 50 к.

Въ Швейцарію и Италію 8 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ домъ Миликовой.